А. Ѳ. КОНІ

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ

1868 1888

Обвинительныя рѣчи.
Руководящія напутствія присяжнымъ.
Кассаціонныя заключенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1888

БИБЛИОТЕКА

98700

ПАМЯТИ

НИКИТЫ ИВАНОВИЧА

КРЫЛОВА

Въ настоящій сборникъ судебныхъ рѣчей, въ свое время напечатанныхъ въ отчетахъ газетъ о судебныхъ засѣданіяхъ, вошли—пятнадцать *обвинительныхъ рѣчей* по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и двѣ по дѣламъ безъ участія присяжныхъ,—три *руководящихъ напутствія* присяжнымъ по наиболѣе сложнымъ дѣламъ и семь *заключеній* Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. Обвинительнымъ рѣчамъ и напутствіямъ предпослано сжатое изложеніе существенныхъ данныхъ, послужившихъ основаніемъ для преданія суду и тѣхъ видоизмѣненій и осложненій, которыми сопровождались эти данныя при разсмотрѣніи ихъ на судѣ.—Въ концѣ приложены—*алфавитный указатель* толкованій и объясненій, нашедшихъ себѣ мѣсто въ судебныхъ рѣчахъ, а также и указатель *статей закона*, на которыя сдѣланы въ нихъ ссылки.

Книга эта посвящена памяти профессора Московскаго университета *Никиты Ивановича Крылова*.

Для бывшихъ его учениковъ едва ли нужно объяснять—чѣмъ вызвано это посвященіе.

Тѣмъ же, кто не слушалъ Крылова, пусть дастъ о немъ хоть слабое и отдаленное понятіе—сказанное мною на его могилѣ, 29 декабря 1880 г.

...«Прошло семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ наставникъ, которому мы собрались отдать послѣдній долгъ, оставилъ каѳедру. На смѣну пришли новые люди; наука, которую онъ преподавалъ, ушла впе-

редъ: послѣдніе изъ его слушателей уже успѣли многое пережить съ тѣхъ поръ, какъ предъ ними, въ послѣдній разъ, мелькнула своеобразная личность Крылова. А между тѣмъ несомнѣнно, что вѣсть о его кончинѣ, о томъ, что не стало «Никиты Крылова», искренною скорбью отзовется въ сердцахъ его многочисленныхъ учениковъ и пробудитъ въ нихъ воспоминаніе о дорогихъ годахъ студенчества и о живомъ и глубоко симпатичномъ образѣ ихъ профессора римскаго права. Можно съ увѣренностью сказать, что въ какую бы глушь ни забросила судьба однихъ, какое бы узкое самодовольство ни овладѣло другими, какой бы разладъ съ собою и съ жизнью ни угнеталъ душу третьихъ — для всѣхъ нихъ, при этомъ имени, съ яркостью дѣйствительности должна предстать одна изъ аудиторій новаго зданія университета и въ ней толпа слушателей, ждущихъ съ удовольствіемъ любимаго профессора; предстанетъ и онъ, этотъ профессоръ, со своею оригинальною головою, добрыми, смѣющимися глазами, съ лукаво-добродушною усмѣшкою и оживленною, полною образовъ и блестящихъ сравненій, полуученою, полународною рѣчью, съ легкимъ удареніемъ на о,— рѣчью, передававшею живыми красками живое и богатое содержаніе...

Крыловъ принадлежалъ къ той группѣ молодыхъ ученыхъ, которые, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, были посланы графомъ Сперанскимъ заграницу и приглашены потомъ занять въ русскихъ университетахъ каѳедры, въ значительной степени, до тѣхъ поръ, замѣщенныя иностранцами, стоявшими обособленно отъ русской общественной жизни и отъ задачъ русской науки. Нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ ученыхъ — Крюковъ, Чивилевъ, Крыловъ и другіе — заняли каѳедры въ Москвѣ, внеся въ университетъ небывалое до тѣхъ поръ оживленіе и поднявъ общій уровень преподаванія на подобающую ему высоту.

Крыловъ началъ читать въ 1835 году. Исторія римскаго права въ томъ видѣ, какъ онъ ее читалъ, не была сухимъ перечнемъ послѣдовательно развивавшихся правовыхъ формъ и институтовъ: это была полная и яркая картина всего политико-юридическаго роста римскаго государственнаго организма; каждое новое правовое понятіе или учрежденіе являлось результатомъ взаимодѣйствія цѣлаго ряда факторовъ — религіозныхъ, экономическихъ, политическихъ,— и факторы эти очерчивались яркими и рельефными чертами. Римскій гражданинъ, во всей полнотѣ своихъ правъ,— этотъ «автократъ и автономъ», по выраженію Крылова,—особенно ему нравился. Онъ любовался имъ, какъ художникъ. Изложеніе

догматики римскаго права онъ велъ сравнительно съ германскимъ и русскимъ правомъ, стараясь прослѣдить, съ глубокою наблюдательностью и вдумчивостью, вліяніе каждаго римскаго института на дальнѣйшее развитіе права въ Европѣ, стараясь изучить и указать отдаленные слѣды его въ новѣйшихъ юридическихъ формахъ. Слушатели послѣднихъ годовъ его преподаванія, безъ сомнѣнія, не забыли его блестящихъ очерковъ наслѣдственнаго права и, особенно, теоріи сервитутовъ.

«Все, что говорилъ Крыловъ съ каѳедры, было всегда связано съ явленіями русской жизни и примѣняемо къ ней въ рядѣ примѣровъ и сравненій, нерѣдко очень глубокихъ, всегда очень остроумныхъ. Предъ слушателями былъ не кабинетный ученый, преподающій отвлеченное отъ современной жизни знаніе, — предъ ними былъ живой человѣкъ, любившій свое, родное, вѣрившій въ его способность къ совершенствованію на пути правового развитія и никогда не забывавшій ни этой любви, ни этой вѣры, уходя въ даль прошедшихъ вѣковъ и чужихъ учрежденій. И слушатели это понимали. Они охотно забывали замѣчанія знатоковъ, что Крыловъ *отсталъ* въ мелочной разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ своей науки, въ чемъ бывшій ученикъ Савиньи самъ нерѣдко прямодушно сознавался, указывая на невѣрность своихъ прежнихъ взглядовъ; они не хотѣли помнить, что ему были однажды, — и притомъ въ формѣ, весьма его оскорбившей, — указаны нѣкоторыя его техническія и филологическія ошибки, — они помнили, они видѣли, что предъ ними человѣкъ любящій то, о чемъ онъ говоритъ, чувствующій то, что онъ высказываетъ, и связывающій ихъ съ собою невидимою, но живою нравственною связью. Они наполняли его аудиторію, съ любовью записывали его лекціи, съ особеннымъ вниманіемъ издавали его записки (одно изданіе было даже съ его портретомъ) и, выслушавъ на послѣдней лекціи горячее, сердечное напутствіе его въ предстоящую жизнь трудовой разработки и примѣненія права, провожали своего «Никиту» съ глубокимъ и нѣжнымъ уваженіемъ.

«Послѣ труднаго и подчасъ весьма строгаго экзамена у Крылова, слушатели его расходились по разнымъ житейскимъ дорогамъ. Но когда проходили годы, стиравшіе подробности знаній, вынесенныхъ изъ университета, и приходилось вдругъ встрѣтиться на практикѣ съ коренными вопросами права, эти вопросы не представлялись чуждыми или неясными. Основныя понятія права, отличительные признаки отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ оказывались не забытыми, и не забытыми потому, что жили въ па-

мяти, намѣченные въ твердыхъ, художественныхъ, незабываемыхъ, образахъ—Крыловымъ. И возставалъ въ памяти его собственный образъ, какъ возстаетъ онъ теперь предъ нами, въ настоящую скорбную минуту, и къ уваженію присоединялось чувство искренней благодарности наставнику, чувство, диктовавшее въ день св. Татьяны (основаніе университета) сочувственныя телеграммы старому профессору изъ разныхъ уголковъ Россіи.

«Миръ праху твоему, нашъ дорогой, талантливый учитель! Хотя давно замолкла твоя рѣчь на каѳедрѣ, но горько думать, что тебя нѣтъ совсѣмъ, что въ день университетскаго праздника ты не задумаешься болѣе, въ твоемъ тихомъ московскомъ уголкѣ, надъ привѣтомъ твоихъ бывшихъ учениковъ...»

Обнародованіе, въ 1864 году, судебныхъ уставовъ было встрѣчено Крыловымъ съ сердечною радостью. Онъ видѣлъ въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ стройную организацію для «отысканія и присужденія», какъ онъ выражался, «правды *жизненной* взамѣнъ правды *приказной*»; онъ особенно пытливо вглядывался въ будущій складъ новаго уголовнаго процесса, а когда уставы были введены въ дѣйствіе— живо интересовался дѣятельностью своихъ слушателей на судебномъ поприщѣ.

Вотъ почему одинъ изъ такихъ слушателей, собравъ воедино отголоски своей дѣятельности на этомъ поприщѣ, съ благодарнымъ чувствомъ обращается къ памяти Крылова и ставитъ его имя на первой страницѣ настоящей книги.

А. Кони.

1888 г., 28 января.
С.-Петербургъ.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЯ РѢЧИ.

I.

По дѣлу объ утопленіи крестьянки Емельяновой ея мужемъ.

6-го ноября 1872 года въ С.-Петербургскомъ Столичномъ Съѣздѣ Мировыхъ Судей состоялся приговоръ, которымъ служащій номернымъ при баняхъ купца Соловьева, на Маломъ проспектѣ Петербургской стороны, крестьянинъ Егоръ *Емельяновъ* былъ присужденъ, за нанесеніе побоевъ студенту Смиренскому, къ аресту на семь дней.— Приговоръ этотъ былъ обращенъ къ исполненію 13-го ноября.—14-го ноября, въ 10 часовъ вечера, Емельяновъ явился, вслѣдствіе сдѣланныхъ наканунѣ настояній полиціи, въ управленіе 2 уч. Петербургской части и въ одиннадцать часовъ заключенъ подъ стражу при полицейскомъ домѣ этой части. Придя въ участокъ, онъ объяснилъ на вопросы околодочнаго надзирателя Григорьева, что его проводила жена, которая осталась въ корридорѣ участковаго помѣщенія. При этомъ другой околодочный, Фурыгинъ, замѣтилъ, что Емельяновъ былъ противъ обыкновенія красенъ.

На разсвѣтѣ 15-го ноября, на днѣ рѣчки Ждановки, протекающей невдалекѣ отъ бань, гдѣ жилъ и служилъ Емельяновъ, въ предѣлахъ мѣстности, занимаемой такъ называемымъ Кадетскимъ паркомъ, усмотрѣнъ трупъ неизвѣстной женщины, одежда которой всплывала на поверхность воды. Мѣстные жители признали въ ней жену Емельянова, Лукерью Фролову, а по осмотру и вскрытію тѣла ея оказалось, что смерть ей,— женщинѣ лѣтъ двадцати отъ роду и крѣпкаго, здороваго тѣлосложенія,— послѣдовала отъ задушенія вслѣдствіе утопленія. Въ смерти Фроловой усмотрѣно было самоубійство, могшее послѣдовать, согласно объясненіямъ Емельянова, отъ грусти при предстоявшей ей семидневной разлукѣ съ недавно женившимся мужемъ, и тѣло Лукерьи было предано землѣ, причемъ для присутствованія при ея похоронахъ Емельяновъ былъ отпущенъ изъ-подъ стражи.

18-го ноября мѣстной полиціи было сообщено, что между прислугою проживающей около бань Соловьева, въ домѣ Орловскаго, вдовы Юрьевой, идетъ «говоръ» объ утопленницѣ. Изъ произведенныхъ полиціею вслѣдствіе этого разспросовъ оказалось, что крестьянка Аграфена Сурина, живущая у Юрьевой, знаетъ, что Лукерья Фролова не утопилась, а была утоплена своимъ мужемъ вечеромъ 14-го ноября.

При начатомъ затѣмъ слѣдствіи обнаружилось, что Емельяновъ, служа у купца Соловьева въ баняхъ, вступилъ въ связь съ проживавшею въ услуженіи у Юрьевой Аграфеною Суриною. Связь эта, несмотря на то, что, по словамъ Суриной, Емельяновъ обходился съ нею «дерзко» и «какъ палачъ»— продолжалась два года и была извѣстна всѣмъ окружающимъ. Какъ сосѣди— Емельяновъ и Сурина имѣли возможность часто встрѣчаться. Емельяновъ,— по словамъ прикащика бань Сазонова, — человѣкъ своенравный и, будучи «больно озорнымъ», съ другими молодцами при баняхъ жилъ не въ ладу, но ничего никогда не пилъ и служилъ хорошо. Въ концѣ августа Егоръ Емельяновъ, неожиданно для Суриной, предложилъ вступить съ собою въ бракъ крестьянкѣ Лукерьѣ Фроловой, женщинѣ тихой, скромной и неразговорчивой, сосѣдкѣ Суриной, проживавшей въ томъ же домѣ, у артельщика Одинцова. Фролова согласилась послѣ увѣреній Емельянова, что онъ броситъ связь съ Суриною, причемъ онъ, въ разговорѣ съ сестрою Лукерьи, призывалъ на себя проклятіе, если вновь сойдется съ Аграфеною. 5-го сентября было ихъ обрученіе, о которомъ узнала и Аграфена. Предъ вѣнчаніемъ, 6-го сентября, она явилась къ священнику церкви Николы Мокраго и заявила ему, что, бывъ два года въ связи съ Егоромъ Емельяновымъ, она имѣетъ препятствія ко вступленію его въ бракъ съ другою. Священникъ пріостановился совершеніемъ бракосочетанія впредь до примиренія Аграфены съ Емельяновымъ, каковое и состоялось на условіи, что онъ уплатитъ ей 50 р. с., которые были имъ взяты заимообразно у прикащика Сазонова. На другой день послѣ брака Сазоновъ спросилъ Емельянова про новобрачную: «какова?» стоила ли пятидесяти рублей?» на что тотъ отвѣчалъ: «да, стоила!»— По мнѣнію сестры Лукерьи, Марьи Фроловой, и по наблюденіямъ ея надъ бѣльемъ новобрачной и надъ ея предшествовавшимъ поведеніемъ, покойная Лукерья вступила въ супружество съ Емельяновымъ, сохранивъ свою дѣвическую чистоту. Первое время новобрачные жили согласно и не ссорясь; служа у Одинцова, Лукерья по вечерамъ уходила къ мужу въ бани, а чрезъ мѣсяцъ послѣ брака совершенно туда переселилась. Но уже чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, встрѣтясь съ Аграфеною, Емельяновъ сталъ со слезами говорить ей, что жена ему не нравится, такъ какъ онъ «бралъ дѣвку, а вышла баба». Затѣмъ онъ сталъ уговаривать ее возобновить съ нимъ прежнюю жизнь. «Чего пристаешь ко мнѣ, Егоръ», отвѣчала ему Аграфена,—«я вашего закона нарушать не хочу». Но Емельяновъ, встрѣчаясь съ нею, постоянно продолжалъ просить ее возобновить прежнія отношенія, то угрожая ей, то обѣщаясь впослѣдствіи на ней жениться. Наконецъ, она уступила его желанію и, 8-го ноября, вечеромъ, сойдясь съ Емельяновымъ у Мытнаго перевоза, отправилась съ нимъ въ номеръ Зоологической гостинницы, гдѣ прежнія отношенія ихъ были возобновлены. Находясь вмѣстѣ съ Аграфеною въ номерѣ, Емельяновъ очень раскаявался, что измѣнилъ ей, женившись на Лукерьѣ. На другой день, объявляя Аграфенѣ, что ему предстоитъ сѣсть подъ арестъ на семь дней, онъ сказалъ ей, что безъ того не сядетъ, *что Лукерьи у него болѣе не будетъ*. Съ этого же времени и отношенія Емельянова къ женѣ измѣнились. Лукерья стала жаловаться сестрѣ своей, что Егоръ грубо съ нею обращается, говоритъ и отвѣчаетъ на вопросы, по ея словамъ, «дерзко». Она подозрѣвала, что связь мужа съ Аграфеною Суриною возобновилась и поэтому довольно часто ссорилась съ нею и бранилась. Емельяновъ продолжалъ видаться съ Суриною, вызывалъ ее на свиданія по вечерамъ, когда жена уже спала, разговаривалъ съ нею на улицѣ и даже цѣловался при двухъ публичныхъ женщинахъ, которыхъ онъ приводилъ гостямъ въ номера. 14-го ноября Лукерья снова жаловалась сестрѣ на дурное обращеніе мужа, разсказывая, что онъ сталъ драться и въ ночь наканунѣ даже сказалъ ей: «тебѣ бы въ Ждановку», на что она отвѣчала: «какъ хочешь, Егоръ, но сама на себя я рукъ не наложу». По поводу предстоявшаго ареста мужа Лукерья не гру-

стила и относилась къ этому обстоятельству равнодушно. Вечеромъ 14-го числа, увидя Аграфену шедшею за молокомъ, Емельяновъ сказалъ ей, что идучи подъ арестъ, онъ зайдетъ къ ней, подъ предлогомъ прощанья съ сестрою жены, съ тѣмъ, чтобы она шла его провожать. При этомъ онъ прибавилъ, что жена также идетъ его провожать и что пойдетъ по набережной Ждановки. Зачѣмъ по набережной? спросила Аграфена. Емельяновъ не отвѣчалъ. Среди вечера въ бани пришла мать Емельянова и застала его играющимъ въ карты. Лукерья была тутъ же. На головѣ ея былъ надѣтъ бѣлый шерстяной платокъ, подаренный свекровью. Узнавъ, что сынъ долженъ идти подъ арестъ, мать Емельянова встревожилась и стала просить его дозволить проводить себя до участка. Сынъ не согласился и она ушла домой. Но дома ей не «сидѣлось» и она опять пошла въ бани Соловьева и вновь просилась у сына проводить его. Онъ отказалъ и, проводивъ мать до Большого проспекта, вернулся назадъ въ бани. Въ десятомъ часу Емельяновъ собрался въ участокъ и приказалъ женѣ идти себя провожать. Она исполнила это требованіе видимо неохотно и только послѣ того, какъ онъ раза три окликнулъ ее: «идешь что-ли?» она молча пошла за нимъ. Въ десятомъ же часу Емельяновъ постучалъ въ окно кухни г-жи Юрьевой, гдѣ Аграфена сидѣла съ кухаркою Анною Николаевою и шила платье и сказалъ: «выходи!» Потомъ онъ повторилъ свой зовъ и Аграфена одѣлась и ушла. На другой день новая кухарка, Дарья Гаврилова, служившая у Юрьевой и знавшая Сурину, приходя нѣсколько разъ въ прачешную, гдѣ послѣдняя стирала бѣлье, замѣтила, что она была какъ-то взволнована, точно помѣшанная. Аграфена не разъ спрашивала:—не видала ли она, Дарья, Лукерью и затѣмъ, наконецъ, спросила: не видала ли она, чтобы провезли утопленницу? Вечеромъ въ кухню пришла прежняя кухарка Анна Николаева и объявила, что Лукерью нашли въ Ждановкѣ и провезли въ часть. Всѣ были изумлены. Аграфена встрѣтила это извѣстіе хладнокровно и молча. На другой день, за обѣдомъ, Дарья потихоньку внезапно спросила Аграфену: «неужели она съ Егоромъ утопили Лукерью?» Аграфена долго запиралася, но потомъ, сказавъ: «да! Егоръ тискалъ ее, а я поодаль стояла и вдругъ услышала, что Лукерья кричитъ...» и созналась Дарьѣ въ томъ, что Лукерью утопилъ Егоръ Емельяновъ, о чемъ она хотѣла объявить чрезъ недѣлю.

Аграфена Сурина, на разспросы судебнаго слѣдователя и въ судебномъ засѣданіи подтверждая признаніе, сдѣланное ею Дарьѣ, показала, что, вызвавъ ее изъ дому, Егоръ Емельяновъ вышелъ изъ воротъ первый и тотчасъ перебѣжалъ на набережную Ждановки. Она, Аграфена, пошла по другой сторонѣ, вдоль домовъ и замѣтила, что Егоръ идетъ съ Лукерьею, у которой на головѣ былъ повязанъ бѣлый платокъ. Пройдя нѣсколько домовъ, Аграфена почувствовала страхъ и остановилась у дома Этингера, не рѣшаясь слѣдовать за Егоромъ, и вдругъ услышала крикъ Лукерьи, которая просила мужа пустить ее. Подбѣжавъ на крикъ, она увидѣла, что Егоръ барахтается на откосѣ набережной съ Лукерьею, схвативъ ее за горло. Испугавшись, Аграфена схватилась за обоихъ, но Егоръ крикнулъ ей, чтобы она не мѣшала, пригрозивъ, что и ей то же самое будетъ. Держа жену за горло, Егоръ спрашивалъ ее: — кому продала она свою честь? на что Лукерья отвѣчала, что никому не продавала. Стиснувъ женѣ горло, онъ повалилъ ее и потащилъ къ водѣ, приказавъ свидѣтельницѣ поднять свою шапку. Дотащивъ Лукерью до низу, онъ сунулъ ее головою въ воду и сталъ руками придерживать голову подъ водою. Аграфена бросилась бѣжать, но онъ нагналъ ее, взялъ шапку и, нанявъ за сорокъ копѣекъ извощика до участка, подвезъ свою спутницу до Большого проспекта.

Егоръ Емельяновъ не сознался во взводимомъ на него обвиненіи и объяснилъ, что Аграфена говоритъ ложь, вымышленную ею вслѣдствіе ненависти къ нему за то, что онъ не женился на ней. Онъ отрицалъ также,

что былъ въ связи съ нею послѣ брака съ Лукерьею и видѣлся въ Зоологической гостинницѣ 8-го ноября. Въ этотъ день, по его словамъ, онъ просидѣлъ до 4-хъ часовъ «слушая судъ» въ Мировомъ Съѣздѣ, куда приходилъ, чтобы подать апелляцію, а въ шесть часовъ уже былъ дома. Жена провожала его до участка, и къ Аграфенѣ Суриной, онъ, идучи подъ арестъ, не заходилъ.

Служитель Зоологической гостинницы Ивановъ показалъ, что 8-го ноября Аграфена, между 5 и 6 часами вечера, приходила къ нимъ въ гостинницу съ мужчиною, одѣтымъ по-русски, въ лицо котораго онъ, Ивановъ, не вглядѣлся. Дарья Гаврилова подтвердила это обстоятельство еще тѣмъ, что 8-го ноября, въ 2 часа дня, Аграфена, уходя со двора, сказала, что «идетъ съ Егоромъ». Вернулась она часовъ въ шесть.

По осмотру мѣстности происшествія найдено, что отъ угла Малаго проспекта до дома Этингера, у котораго Аграфена Сурина, по ея словамъ, услыхала крикъ Лукерьи, 80 шаговъ,—отъ дома Этингера до мѣста борьбы Егора съ женою, указаннаго Суриною, 220 шаговъ. Между этимъ мѣстомъ и набережною Ждановки находится, такъ называемый, Кадетскій паркъ. Глубина воды 1½ арш.,—дно видно ясно. Фонарей въ этомъ мѣстѣ нѣтъ. Ближайшіе находятся противъ Малаго проспекта.

Вскрытіемъ трупа Лукерьи, произведеннымъ вторично, обнаружено, что у нея на внутренней поверхности лѣваго плеча и лѣвато бедра находится — на плечѣ 4 кровоподтека, а на бедрѣ 3, величиною ½ дюйма въ діаметрѣ. Кромѣ того, она оказалась беременною, причемъ изъ состоянія матки и описанія плода, сдѣланнаго первоначально вскрывавшимъ трупъ медикомъ, врачи заключили, что беременность Лукерьи продолжалась около двухъ лунныхъ мѣсяцевъ (56 дней).

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, крестьянинъ Егоръ Емельяновъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, задумавъ лишить жизни жену свою, привелъ это намѣреніе въ исполненіе на берегу рѣчки Ждановки, для чего, схвативъ жену свою за горло и поваливъ на землю, стащилъ ее къ водѣ и утопилъ, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 1451 ст. **Улож. о Наказ.**

Дѣло это разбиралось въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ 12-го декабря 1872 года съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Защищалъ подсудимаго присяжный повѣренный *Спасовичъ*.

Приговоромъ присяжныхъ, подсудимый признанъ виновнымъ въ убійствѣ жены, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Вашему разсмотрѣнію подлежатъ самыя разнообразныя по своей внутренней обстановкѣ дѣла; между ними часто встрѣчаются дѣла, гдѣ свидѣтельскія показанія дышатъ такимъ здравымъ смысломъ, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нерѣдко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка. Остается сгруппировать всѣ эти свидѣтельскія показанія и тогда они сами собою составятъ картину, которая въ вашемъ умѣ создастъ извѣстное опредѣленное представленіе о дѣлѣ. Но бываютъ

дѣла другого рода, гдѣ свидѣтельскія показанія имѣютъ совершенно иной характеръ, гдѣ они сбивчивы, неясны, туманны, гдѣ свидѣтели о многомъ умалчиваютъ, многое боятся сказать, являя передъ вами примѣръ уклончиваго недоговариванья и далеко не полной искренности. Я не ошибусь, сказавъ, что настоящее дѣло принадлежитъ къ послѣднему разряду, но не ошибусь также, прибавивъ, что это не должно останавливать васъ, судей, въ строго-безпристрастномъ и особенно внимательномъ отношеніи къ каждой подробности въ немъ. Если въ немъ много наносныхъ элементовъ, если оно нѣсколько затемнено неискренностью и отсутствіемъ полной ясности въ показаніяхъ свидѣтелей, если въ немъ представляются нѣкоторыя противорѣчія, то тѣмъ выше задача обнаружить истину, тѣмъ болѣе усилій ума, совѣсти и вниманія слѣдуетъ употребить для узнанія правды. Задача становится труднѣе, но не дѣлается неразрѣшимою.

Я не стану напоминать вамъ обстоятельства настоящаго дѣла: они слишкомъ несложны для того, чтобы повторять ихъ въ подробности. Мы знаемъ, что молодой баньщикъ женился, поколотилъ студента и былъ посаженъ подъ арестъ. На другой день послѣ этого нашли его жену въ рѣчкѣ Ждановкѣ. Проницательный помощникъ пристава усмотрѣлъ въ смерти ея самоубійство съ горя по мужѣ,—и тѣло было предано землѣ, а дѣло волѣ Божьей. Этимъ, казалось бы, все и должно было кончиться, но въ околодкѣ пошелъ говоръ объ утопленницѣ. Говоръ этотъ группировался около Аграфены Суриной, она была его узломъ, такъ какъ она, будто бы, проговорилась, что Лукерья не утопилась, а утоплена мужемъ. Поэтому показаніе ея имѣетъ главное и существенное въ дѣлѣ значеніе. Я готовъ сказать, что оно имѣетъ къ сожалѣнію такое значеніе, потому что было бы странно скрывать отъ себя и недостойно умалчивать передъ вами, что личность ея не производитъ симпатичнаго впечатлѣнія, и что даже, взятая внѣ обстоятельствъ этого дѣла, сама по себѣ, она едва ли привлекла бы къ себѣ наше сочувствіе. Но я думаю, что это свойство ея личности нисколько не измѣняетъ существа ея показанія. Если мы на время забудемъ о томъ, *какъ* она показываетъ, не договаривая, умалчивая, труся, или скороговоркою, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ высказывая то, что она считаетъ необходимымъ разсказать, то мы найдемъ, что изъ показанія ея можно извлечь нѣчто существенное, въ которомъ должна заключаться своя доля истины. Притомъ, показаніе ея имѣетъ особое значеніе въ дѣлѣ: имъ завершаются всѣ предшествовавшія гибели Лукерьи событія, имъ объясняются и всѣ послѣдующія,— оно есть, наконецъ, единственное показаніе очевидца. Прежде всего возникаетъ вопросъ: достовѣрно ли оно? Если мы будемъ опредѣлять достовѣрность показанія тѣмъ, *какъ* человѣкъ говоритъ,

как онъ держитъ себя на судѣ, то очень часто примемъ показанія вполнѣ достовѣрныя за ложныя и, наоборотъ, примемъ оболочку показанія за его сущность, за его сердцевину. Поэтому, надо оцѣнивать показаніе по его внутреннему достоинству. Если оно дано непринужденно, безъ посторонняго давленія, если оно дано безъ всякаго стремленія къ нанесенію вреда другому, и если затѣмъ оно подкрѣпляется обстоятельствами дѣла и бытовою житейскою обстановкою тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, то оно должно быть признано показаніемъ справедливымъ. Могутъ быть невѣрны детали, архитектурныя украшенія,—мы ихъ отбросимъ,—но, тѣмъ не менѣе, останется основная масса, тотъ камень, фундаментъ, на которомъ зиждутся эти ненужныя, неправильныя подробности.

Существуетъ ли первое условіе въ показаніи Аграфены Суриной? Вы знаете, что она сама первая проговорилась, по первому толчку, данному Дарьею Гавриловою, когда та спросила: «не ты ли это съ Егоромъ утопила Лукерью?» Самое поведеніе ея при отвѣтѣ Дарьѣ Гавриловой и подтвержденіе этого отвѣта при слѣдствіи исключаетъ возможность чего либо насильственнаго или вынужденнаго. Она сдѣлалась,—волею или неволею, объ этомъ судить трудно,—свидѣтельницею важнаго и мрачнаго событія, она раздѣлила вмѣстѣ съ Егоромъ ужасную тайну, но какъ женщина нервная, впечатлительная, живая, оставшись одна, она стала мучиться, какъ всѣ люди, у которыхъ на душѣ тяготѣетъ какая-нибудь тайна, что нибудь тяжелое, чего нельзя высказать. Она должна была терзаться неизвѣстностью, колебаться между мыслью, что Лукерья, можетъ быть, осталась жива—и гнетущимъ сознаніемъ, что она умерщвлена,—и поэтому-то она стремилась къ тому, чтобы узнать, что сдѣлалось съ Лукерьей. Когда все вокругъ было спокойно, никто еще не зналъ объ утопленіи, она волнуется какъ душевно больная,—работая въ прачешной, спрашиваетъ поминутно, не прошла ли Лукерья, не видали ли утопленницы. Безсознательно почти, подъ тяжкимъ гнетомъ давящей мысли, она сама себя выдаетъ. Затѣмъ, когда пришло извѣстіе объ утопленницѣ, когда участь, постигшая Лукерью, опредѣлилась, когда стало ясно, что она не придетъ никого изобличать,—бремя на время свалилось съ сердца и Аграфена успокоилась. Затѣмъ опять тяжкое воспоминаніе и голосъ совѣсти начинаютъ ей рисовать картину, которой она была свидѣтельницею, и на первый вопросъ Дарьи Гавриловой она почти съ готовностью высказываетъ все, что знаетъ. Итакъ, относительно того, что показаніе Суриной дано безъ принужденія, не можетъ быть сомнѣнія.

Обращаюсь ко второму условію: можетъ ли показаніе это имѣть своею исключительною цѣлью коварное желаніе набросить преступную тѣнь на Егора, погубить его? Такая цѣль можетъ быть

только объяснена страшною ненавистью, желаніемъ погубить, во что бы то ни стало, подсудимаго,—но въ какихъ же обстоятельствахъ дѣла найдемъ мы эту ненависть? Говорятъ, что она была на него зла за то, что онъ женился на другой; это совершенно понятно, но она взяла за это съ него деньги; положимъ, что даже и взявъ деньги, она была недовольна имъ, но между неудовольствіемъ и смертельною ненавистью цѣлая пропасть. Всѣ послѣдующія браку обстоятельства были таковы, что онъ, напротивъ, долженъ былъ сдѣлаться ей особенно дорогъ и милъ. Правда, онъ промѣнялъ ее, съ которою жилъ два года, на дѣвушку, съ которой передъ тѣмъ встрѣчался лишь нѣсколько разъ, и это должно было задѣть ея самолюбіе, — но чрезъ недѣлю или, во всякомъ случаѣ, очень скоро послѣ свадьбы, онъ опять у ней, жалуется ей на жену, говоритъ, что снова любитъ ее, тоскуетъ по ней. Да вѣдь это для женщины, которая продолжаетъ любить,—а свидѣтели показали, что она очень любила его и переносила его крутое обращеніе два года—величайшая побѣда! — Человѣкъ, который ее кинулъ, приходитъ съ повинною головою, какъ блудный сынъ, просить ея любви, говоритъ, что та, другая, не стоитъ его привязанности, что она, Лукерья, дороже, краше, милѣе и лучше для него... Это могло только усилить прежнюю любовь, но не обращать ее въ ненависть. Зачѣмъ ей желать погубить Егора въ такую минуту, когда жены нѣтъ, когда препятствіе къ долгой связи и даже къ браку устранено? Напротивъ, теперь-то ей и любить его, когда онъ всецѣло ей принадлежитъ, когда ей не надо нарушать «ихъ законъ», а между тѣмъ, она обвиняетъ его, повторяетъ это обвиненіе здѣсь на судѣ. Итакъ, съ этой точки зрѣнія показаніе это не можетъ быть заподозрѣно.

Затѣмъ, соотвѣтствуетъ ли оно сколько нибудь обстоятельствамъ дѣла, подтверждается ли бытовою обстановкою дѣйствующихъ лицъ? Если да, то какъ бы Аграфена Сурина ни была несимпатична, мы можемъ ей повѣрить, потому что другія, совершенно постороннія лица, оскорбленныя ея прежнимъ поведеніемъ, не свидѣтельствуя въ пользу ея личности, свидѣтельствуютъ однако въ пользу правдивости ея настоящаго показанія. Прежде всего свидѣтельница, драгоцѣнная по простотѣ и грубой искренности своего показанія, — сестра покойной Лукерьи. Она рисуетъ подробно отношенія Емельянова къ женѣ и говоритъ, что когда Емельяновъ посватался, она совѣтовала сестрѣ не выходить за него замужъ, но онъ поклялся, что броситъ любовницу, и она, убѣдившись этою клятвою, посовѣтовала сестрѣ идти за Емельянова. Первое время они живутъ счастливо, мирно и тихо, но затѣмъ начинается связь Емельянова съ Суриною. Подсудимый отрицаетъ существованіе этой связи, но объ ней говоритъ цѣлый рядъ свидѣтелей. Мы слышали показа-

ніе двухъ дѣвицъ, ходившихъ къ «гостямъ» по приглашенію Егора, которыя видѣли какъ онъ, въ половинѣ ноября, цѣловался на улицѣ, и не таясь, съ Аграфеною. Мы знаемъ изъ тѣхъ же показаній, что Аграфена бѣгала къ Егору, что онъ часто, ежедневно по нѣсколько разъ, встрѣчался съ нею. Правда, главное фактическое подтвержденіе, съ указаніемъ на мѣсто, гдѣ связь эта была закрѣплена, принадлежитъ Суриной, но и оно подкрѣпляется посторонними обстоятельствами, а именно—показаніями служащаго въ Зоологической гостинницѣ мальчика и Дарьи Гавриловой. Обвиняемый говоритъ, что онъ въ этотъ день до 6 часовъ сидѣлъ въ мировомъ съѣздѣ, слушая судъ и собираясь подать апелляцію. Не говоря уже о томъ, что, пройдя по двумъ инстанціямъ, онъ долженъ былъ слышать отъ предсѣдателя мирового съѣзда обязательное по закону заявленіе, что апелляціи на приговоръ съѣзда не бываетъ, — этотъ человѣкъ, относительно котораго приговоръ съѣзда былъ несправедливъ, нетолько по его мнѣнію, но даже по словамъ его хозяина, который говоритъ, что Егоръ не виноватъ, «да судъ такъ разсудилъ»,—этотъ человѣкъ идетъ любопытствовать въ этотъ самый судъ и просиживаетъ тамъ полдня. Дѣйствительно, онъ не былъ полдня дома, но онъ былъ не въ съѣздѣ, а въ Зоологической гостинницѣ. На это указывалъ мальчикъ Ивановъ. Онъ видѣлъ въ Михайловъ день Сурину въ номерахъ около 5 часовъ. Это подтверждаетъ и Гаврилова, которой 8-го ноября Сурина сказала, что идетъ съ Егоромъ, а затѣмъ вернулась въ 6 часовъ. Итакъ, частица показанія Суриной подтверждается. Такимъ образомъ очевидно, что прежнія дружескія, добрыя отношенія между Лукерьею и ея мужемъ поколебались. Ихъ мѣсто заняли другія, тревожныя. Такія отношенія не могутъ однако долго длиться;—они должны измѣниться въ ту или другую сторону. На нихъ должна была постоянно вліять страсть и прежняя привязанность, которыя пробудились въ Егорѣ съ такою силою и такъ скоро. Въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть два исхода: или разсудокъ, совѣсть и долгъ побѣдятъ страсть и подавятъ ее въ грѣшномъ тѣлѣ, и тогда счастіе упрочено, прежнія отношенія возобновлены и укрѣплены, или, напротивъ, разсудокъ подчинится страсти, заглохнетъ голосъ совѣсти, и страсть, увлекая человѣка, овладѣетъ имъ совсѣмъ; тогда явится стремленіе не только нарушить, но навсегда уничтожить прежнія тягостныя, стѣсняющія отношенія. Таковъ общій исходъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ страсти; на срединѣ страсть никогда не останавливается; она или замираетъ, погасаетъ, подавляется или, развиваясь чѣмъ далѣе, тѣмъ быстрѣе, доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Для того, чтобы опредѣлить, по какому направленію должна была идти страсть, овладѣвшая Емельяновымъ, достаточно вглядѣться въ характеръ

дѣйствующихъ лицъ. Я не стану говорить о томъ, какимъ подсудимый представляется намъ на судѣ; оцѣнка поведенія его на судѣ не должна быть, по моему мнѣнію, предметомъ нашихъ обсужденій. Но мы можемъ прослѣдить его прошедшую жизнь по тѣмъ показаніямъ и свѣдѣніямъ, которыя здѣсь даны и получены.

Лѣтъ 16-ти онъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ и становится баньщикомъ при номерныхъ, такъ называемыхъ, «семейныхъ» баняхъ. Извѣстно, какого рода эта обязанность; здѣсь, на судѣ, онъ самъ и двѣ дѣвушки изъ дома терпимости объяснили, въ чемъ состоитъ одна изъ главныхъ функцій этой обязанности. Ютто, между прочимъ, Егоръ занимается съ 16-ти лѣтъ. У него происходитъ передъ глазами постоянный, систематическій развратъ. Онъ видитъ постоянно беззастѣнчивое проявленіе грубой чувственности. Рядомъ съ этимъ является добываніе денегъ не дѣйствительною, настоящею работою, а «на водкою». Средства къ жизни добываются не тяжелымъ и честнымъ трудомъ, а тѣмъ, что онъ угождаетъ посѣтителямъ, которые, довольные проведеннымъ временемъ съ приведенною женщиною, быть можетъ иногда и не считая хорошенько, даютъ ему деньги на водку. Вотъ какова его должность съ точки зрѣнія труда! Посмотримъ на нее съ точки зрѣнія долга и совѣсти. Можетъ ли она развить въ человѣкѣ самообладаніе, создать преграды, внутреннія и нравственныя, порывамъ страсти? Нѣтъ,—его постоянно окружаютъ картины самаго беззастѣнчиваго проявленія половой страсти, а вліяніе жизни безъ серьезнаго труда, среди далеко не нравственной обстановки для человѣка, не укрѣпившагося въ другой, лучшей сферѣ, конечно, не явится особо задерживающимъ въ ту минуту, когда имъ овладѣетъ чувственное желаніе обладанія... Взглянемъ на личный характеръ подсудимаго, какъ онъ намъ былъ описанъ. Это характеръ твердый, рѣшительный, смѣлый. Съ товарищами живетъ Егоръ не въ ладу, нѣтъ дня, чтобы не ссорился, человѣкъ «озорной», неспокойный, никому спускать не любитъ. Студента, который, подойдя къ банѣ, сталъ нарушать чистоту, онъ поколотилъ больно—и поколотилъ притомъ не своего брата мужика, а студента, «барина»,—стало быть, человѣкъ не очень останавливающійся въ своихъ порывахъ. Въ домашнемъ быту это человѣкъ не особенно нѣжный, не позволяющій матери плакать, когда его ведутъ подъ арестъ, обращающійся съ своею любовницею «какъ палачъ». Рядъ показаній рисуетъ, какъ онъ обращается вообще съ тѣми, кто ему подчиненъ по праву или обычаю: «идешь ли»? прикрикиваетъ онъ на жену, зовя ее съ собою; «гей, выходи», стучитъ онъ въ окно, «выходи», властно кричитъ онъ Аграфенѣ. Это человѣкъ, привыкшій властвовать и повелѣвать тѣми, кто ему покоряется, чуждающійся товарищей, самолюбивый, непьющій, точный и аккуратный. Итакъ, это характеръ сосредоточенный, сильный и твердый, но развившійся въ

дурной обстановкѣ, которая ему никакихъ сдерживающихъ нравственныхъ началъ дать не могла.

Посмотримъ теперь на его жену. О ней также характеристичныя показанія: это женщина невысокаго роста, толстая, бѣлокурая, флегматическая,—молчаливая и терпѣливая: «всякія тиранства отъ моей жены, капризной женщины, переносила, никогда слова не сказала», говоритъ о ней свидѣтель Одинцовъ. «Слова отъ нея трудно добиться», прибавилъ онъ. Итакъ, это вотъ какая личность: тихая, покорная, вялая и—скучная — главное, скучная. Затѣмъ выступаетъ Аграфена Сурина. Вы ее видѣли и слышали; вы можете относиться къ ней не съ симпатіей, но вы не откажете ей въ одномъ: она бойка и даже здѣсь за словомъ въ карманъ не лѣзетъ, не можетъ удержать улыбки, споря съ подсудимымъ,—она очевидно, очень живого, веселаго характера, энергическая, своего не уступитъ даромъ; у нея черные глаза, румяныя щеки, черные волосы. Это совсѣмъ другой типъ, другой темпераментъ.

Вотъ такія-то три лица сводятся судьбою вмѣстѣ. Конечно, и природа, и обстановка указываютъ, что Егоръ долженъ скорѣе сойтись съ Аграфеною; сильный всегда влечется къ сильному, энергическая натура сторонится отъ всего вялаго и слишкомъ тихаго. Егоръ женится однако на Лукерьѣ. Чѣмъ она понравилась ему? Вѣроятно, свѣжестью, чистотою, невинностью. Въ этихъ ея свойствахъ нельзя сомнѣваться. Егоръ самъ не отрицаетъ, что она вышла за него, сохранивъ дѣвическую чистоту. Для него эти ея свойства, эта ея неприкосновенность, должны были представлять большой соблазнъ, сильную приманку, потому что онъ жилъ послѣдніе годы въ такой сферѣ, гдѣ дѣвической чистоты вовсе не полагается; для него обладаніе молодою, невинною женою должно было быть привлекательнымъ. Оно имѣло прелесть новизны, оно такъ рѣзко и такъ хорошо противорѣчило общему складу окружающей его жизни. Не забудемъ, что это не простой крестьянинъ, грубоватый, но прямодушный,—это крестьянинъ, который съ 16 лѣтъ въ Петербургѣ, въ номерныхъ баняхъ, который, однимъ словомъ, «хлебнулъ» Петербурга. И вотъ онъ вступаетъ въ бракъ съ Лукерьею, которая, вѣроятно, иначе ему не могла принадлежать; но первые порывы страсти прошли, онъ охлаждается, а затѣмъ начинается обычная жизнь, жена его приходитъ къ ночи, тихая, покорная и молчаливая... Развѣ это ему нужно, съ его живымъ характеромъ, съ его страстною натурою, испытавшею житье съ Аграфеною? И ему, особенно при его обстановкѣ, приходилось видывать виды, и ему, можетъ быть, желательна нѣкоторая завлекательность въ женѣ, молодой задоръ, юркость, бойкость. Ему, по характеру его, нужна жена живая, веселая, а Лукерья совершенная противоположность этому. Охлажденіе понятно, естественно. А тутъ Аграфена снуетъ, бѣгаетъ по корридору, поминутно суется на глаза, подсмѣивается

и не прочь его снова завлечь. Она зоветъ, манитъ, туманитъ, раздражаетъ, и когда онъ снова ею увлеченъ, когда она снова позволяетъ обнять себя, поцѣловать;—въ рѣшительную минуту, когда онъ хочетъ обладать ею,—она говоритъ: «Нѣтъ, Егоръ, я вашего закона нарушать не хочу», т. е. каждую минуту напоминаетъ о сдѣланной имъ ошибкѣ, коритъ его тѣмъ, что онъ женился, не думая, что дѣлаетъ, не разсчитавъ послѣдствій, сглупивъ... Онъ знаетъ при этомъ, что она отъ него ни въ чемъ болѣе не зависитъ, что она можетъ выйдти замужъ и пропасть для него навсегда. Понятно, что ему остается или махнуть на нее рукою и вернуться къ скучной и молчаливой женѣ, или отдаться Аграфенѣ. Но какъ отдаться? Вмѣстѣ, одновременно съ женою? Это невозможно. Во-первыхъ, это въ матеріальномъ отношеніи дорого будетъ стоить, потому что вѣдь придется и матеріальнымъ образомъ иногда выразить любовь къ Суриной; во-вторыхъ, жена его стѣсняетъ; онъ человѣкъ самолюбивый, гордый, привыкшій дѣйствовать самостоятельно, свободно, а тутъ надо ходить тайкомъ по номерамъ, лгать, скрываться отъ жены или слушать брань ея съ Аграфеною и съ собою—и такъ навѣки! Конечно, изъ этого надо найти исходъ. И если страсть сильна, а голосъ совѣсти слабъ, то исходъ можетъ быть самый рѣшительный. И вотъ является первая мысль о томъ, что отъ жены надо избавиться.

Мысль эта является въ ту минуту, когда Аграфена вновь стала принадлежать ему, когда онъ снова вкусилъ отъ сладости старой любви и когда Аграфена отдалась ему, сказавъ, что это, какъ говорится въ такихъ случаяхъ, «въ первый и послѣдній разъ». О появленіи этой мысли говоритъ Аграфена Сурина: «не сяду подъ арестъ безъ того, чтобы Лукерьи не было», сказалъ ей Емельяновъ. Мы бы могли не совсѣмъ повѣрить ей, но слова ея подтверждаются другимъ безпристрастнымъ и добросовѣстнымъ свидѣтелемъ, сестрою Лукерьи, которая говоритъ, что, наканунѣ смерти, черезъ недѣлю послѣ свиданія Егора съ Суриною, Лукерья передавала ей слова мужа: «тебѣ бы въ Ждановку». Въ какомъ смыслѣ было это сказано—понятно, такъ какъ она отвѣчала ему: «какъ хочешь, Егоръ, но я сама на себя рукъ накладывать не стану». Видно мысль, на которую указываетъ Аграфена, въ теченіе недѣли пробѣжала цѣлый путь и уже облеклась въ опредѣленную и ясную форму: «тебѣ бы въ Ждановку». Почему же именно въ Ждановку? Вглядитесь въ обстановку Егора и отношенія его къ женѣ. Надо отъ нея избавиться. Какъ, что для этого сдѣлать? Убить... Но какъ убить? Зарѣзать ее — будетъ кровь, ножъ, явные слѣды,—вѣдь они видятся только въ банѣ, куда она приходитъ ночевать. Отравить? но какъ достать яду, какъ скрыть слѣды преступленія и т. д.? Самое лучшее и, пожалуй, единственное средство—утопить. Но когда? А когда она пойдетъ

провожать его въ участокъ, — это время самое удобное, потому что при обнаруженіи убійства онъ окажется подъ арестомъ, и даже, какъ нѣжный супругъ и несчастный вдовецъ, пойдетъ потомъ хоронить утопившуюся или утонувшую жену. Такое предположеніе вполнѣ подкрѣпляется разсказомъ Суриной. Скажутъ, что Сурина показываетъ о самомъ убійствѣ темно, туманно, путается, сбивается. Все это такъ, но у того, кто даже какъ посторонній зритель бываетъ свидѣтелемъ убійства, часто трясутся руки и колотится сердце отъ зрѣлища ужасной картины; когда же зритель не совсѣмъ посторонній, когда онъ даже очень близокъ къ убійцѣ, когда убійство происходитъ въ пустынномъ мѣстѣ, осеннею и сырою ночью, тогда немудрено, что Аграфена не совсѣмъ можетъ собрать свои мысли и не вполнѣ разглядѣла, что именно и какъ именно дѣлалъ Егоръ, но сущность ея показаній все-таки сводится къ одному, т. е. къ тому, что она видѣла Егора топившимъ жену; въ этомъ она тверда и впечатлѣніе это передаетъ съ силою и настойчивостью. Она говоритъ, что, испугавшись, бросилась бѣжать, затѣмъ онъ догналъ ее, а жены не было;—значитъ, думала она, онъ таки утопилъ ее; спросила о женѣ,—Егоръ не отвѣчалъ. Показаніе ея затѣмъ вполнѣ подтверждается во всемъ, что касается ея ухода изъ дома вечеромъ 14 ноября. Подсудимый говоритъ, что онъ не приходилъ за ней, но Анна Николаева удостовѣряетъ противоположное и говоритъ, что Аграфена, ушедшая съ Егоромъ, вернулась черезъ 20 минутъ. По показанію Аграфены, она какъ разъ прошла и пробѣжала такое пространство, для котораго нужно было по разсчету употребить около 20 минутъ времени.

Намъ могутъ возразить противъ показанія Суриной, что смерть Лукерьи могла произойти отъ самоубійства, или же сама Сурина могла убить ее. Обратимся къ разбору этихъ, могущихъ быть, возраженій. Прежде всего намъ скажутъ, что борьбы не было, потому что платье утопленницы не разорвано, не запачкано, что сапоги у подсудимаго, который долженъ былъ войдти въ воду, не были мокры и т. д. Вглядитесь въ эти два пункта возраженій и вы увидите, что они вовсе не такъ существенны, какъ кажутся съ перваго взгляда. Начнемъ съ грязи и борьбы.—Вы слышали показаніе одного свидѣтеля, что грязь была жидкая, что была слякоть; вы знаете, что мѣсто, гдѣ совершено убійство, весьма крутое, скатъ въ 9 шаговъ, подъ угломъ 45 . Понятно, что, начавъ бороться съ кѣмъ нибудь на откосѣ, можно было съѣхать по грязи въ нѣсколько секундъ до низу и если затѣмъ человѣкъ, котораго сталкиваютъ, запачканнаго грязью, въ текущую воду, остается въ ней цѣлую ночь, то нѣтъ ничего удивительнаго, что на платьѣ, пропитанномъ насквозь водою, слякоть расплывется и слѣдовъ ея не останется: природа сама выстираетъ платье утопленницы. Скажутъ, что нѣтъ слѣ-

довъ борьбы. Я не стану утверждать, чтобы она была, хотя разорванная пола кацевейки наводитъ однако на мысль, что нельзя отрицать ея существованія. Затѣмъ скажутъ: *сапоги!* Да, сапоги эти, повидимому, очень опасны для обвиненія, но только повидимому; припомните часы: когда Егоръ вышелъ изъ дома, это было $^3/_4$ десятаго, а пришелъ онъ въ участокъ 10 минутъ 11-го, т. е. чрезъ 25 минутъ по выходѣ изъ дома и минутъ чрезъ 10 послѣ того, что было имъ совершено, по словамъ Суриной. Но въ часть, гдѣ собственно содержатся арестанты и гдѣ его осматривали, онъ пришелъ въ 11 часовъ, черезъ часъ послѣ того дѣла, въ совершеніи котораго онъ обвиняется. Въ теченіе этого времени онъ много ходилъ, былъ въ теплой комнатѣ и затѣмъ уже его обыскиваютъ. Какъ его обыскивали, вы могли заключить изъ показанія свидѣтелей; одинъ изъ полицейскихъ объяснилъ, что на него не обратили вниманія, потому что онъ приведенъ на 7 дней,—другой сказалъ сначала, что всего его обыскивалъ и потомъ объяснилъ, что сапоги подсудимый снялъ самъ, а онъ осмотрѣлъ только карманы. Очевидно, что въ этотъ промежутокъ времени онъ могъ успѣть обсохнуть, а если и оставалась сырость на платьѣ и сапогахъ, то она не отличалась отъ той, которая могла образоваться отъ слякоти и дождя. Да, наконецъ, если вы представите себѣ обстановку убійства такъ, какъ описываетъ Сурина, вы убѣдитесь, что ему не было надобности входить въ воду по колѣни. Завязывается борьба на откосѣ, подсудимый пихаетъ жену, они скатываются въ минуту по жидкой грязи, затѣмъ онъ схватываетъ ее за плечи и, нагнувъ ея голову, суетъ въ воду. Человѣкъ можетъ задохнуться въ теченіе двухъ-трехъ минутъ, особенно если не давать ему ни на секунду вынырнуть, если придерживать голову подъ водой. При такой обстановкѣ, которую описываетъ Сурина, всякая женщина въ положеніи Лукерьи будетъ поражена внезапнымъ нападеніемъ,—въ сильныхъ рукахъ разъяреннаго мужа не соберется съ силами, чтобы сопротивляться, особенно если принять въ соображеніе положеніе убійцы, который держалъ ее одною рукою за руку, на которой и остались синяки отъ пальцевъ, а другою нагибалъ ей голову къ водѣ. Чѣмъ ей сопротивляться, чѣмъ ей удержаться отъ утопленія? У нея свободна одна лишь рука,—но передъ нею вода, за которую ухватиться, о которую опереться нельзя. Платье Егора могло быть при этомъ сыро, забрызгано водою, запачкано и грязью немного, но при поверхностномъ осмотрѣ, который ему дѣлали, это могло остаться незамѣченнымъ. На сколько это вѣроятно, вы можете судить по показаніямъ свидѣтелей: одинъ говоритъ, что онъ засаженъ въ часть въ сапогахъ, другой говоритъ—босикомъ; одинъ показываетъ, что онъ былъ въ сюртукѣ, другой говоритъ—въ чуйкѣ и т. д. Наконецъ, извѣстно, что ему позволили самому явиться подъ арестъ, что онъ былъ

свой человѣкъ въ участкѣ,—станутъ ли такого человѣка обыскивать и осматривать подробно?

Посмотримъ, насколько возможно предположеніе о самоубійствѣ. Думаю, что намъ не станутъ говорить о самоубійствѣ съ горя, что мужа посадили на 7 дней подъ арестъ. Надо быть дѣтски-легковѣрнымъ, чтобы повѣрить подобному мотиву. Мы знаемъ, что Лукерья приняла извѣстіе объ арестѣ мужа спокойно, хладнокровно, да и приходить въ такое отчаяніе, чтобы топиться въ виду 7 дневной разлуки, было бы рѣдкимъ, чтобы не сказать — невозможнымъ примѣромъ супружеской привязанности. — Итакъ, была другая причина, но какая же? Быть можетъ, жестокое обращеніе мужа,— но мы однако не видимъ такого обращенія: всѣ говорятъ, что они жили мирно, явныхъ ссоръ не происходило. Правда, она разъ, наканунѣ смерти, жаловалась, что мужъ сталъ грубо отвѣчать, лѣзъ съ кулаками и даже совѣтовалъ ей въ Ждановку. Но, живя въ Россіи, мы знаемъ, каково въ простомъ классѣ жестокое обращеніе съ женою. Оно выражается гораздо грубѣе и рѣзче, — въ немъ мужъ, считая себя въ своемъ неотъемлемомъ правѣ, старается не только причинить боль, но и нашумѣть, сорвать сердце. Здѣсь такого жестокаго обращенія не было и быть не могло. Оно по большей части есть слѣдствіе грубаго возмущенія какою нибудь стороною въ личности жены, которую нужно, по мнѣнію мужа, исправить, наказуя и истязуя. Здѣсь было другое чувство, болѣе сильное и всегда болѣе страшное по своимъ результатамъ. Это была глубокая, затаенная ненависть. Наконецъ, мы знаемъ, что никто такъ не склоненъ жаловаться и плакаться на жестокое обращеніе, какъ женщина, и Лукерья точно также не удержалась бы, чтобы не разсказывать хоть близкимъ, хоть сестрѣ, что нѣтъ житья съ мужемъ, какъ разсказала о немъ наканунѣ смерти. Итакъ, нѣтъ повода къ самоубійству. Посмотримъ на выполненіе этого самоубійства. Она никому не намекаетъ даже о своемъ намѣреніи, напротивъ, говоритъ наканунѣ противоположное, а именно: что рукъ на себя не наложитъ; затѣмъ она беретъ у сестры — у бѣдной женщины — кофту: для чего же?—чтобы въ ней утопиться; наконецъ, мѣстомъ утопленія она выбираетъ Ждановку, гдѣ воды всего на аршинъ. Какъ же тутъ утопиться? вѣдь надо согнуться, нужно чѣмъ нибудь придержаться за дно, чтобы не всплыть на поверхность... Но чувство самосохраненія непремѣнно скажется, — молодая жизнь возстала бы противъ своего преждевременнаго прекращенія, и Лукерья сама выскочила бы изъ воды. Извѣстно, что во многихъ случаяхъ самоубійцы потому только гибнутъ подъ водою, что или не умѣютъ плавать, или же несвоевременно придетъ помощь, которую они обыкновенно сами призываютъ. Всякій, кто знакомъ съ обстановкою самоубійства, знаетъ, что утопленіе, а также бросаніе съ высоты, — два преимущественно *жен-*

скихъ способа самоубійства, — совершаются такъ, что самоубійца старается ринуться, броситься какъ-бы съ тѣмъ, чтобы поскорѣй, сразу, безъ возможности колебаній и возврата, прервать связь съ окружающимъ міромъ. Въ воду «бросаются», а не ищутъ такого мѣста, гдѣ бы надо было «входить» въ воду, почти какъ по ступенькамъ. Топясь въ Ждановкѣ, Лукерья должна была войти въ воду, нагнуться, даже сѣсть и не допускать себя встать, пока не отлетитъ отъ нея жизнь. Но это положеніе немыслимое! И зачѣмъ оно, когда въ десяти шагахъ течетъ Нева, которая не часто отдаетъ жизни тѣхъ, кто пойдетъ искать утѣшенія въ ея глубокихъ и холодныхъ струяхъ. Наконецъ, самое время для самоубійства выбирается такое, когда сама судьба послала ей 7-ми дневную отсрочку, когда она можетъ вздохнуть и пожить на свободѣ безъ мужа, около сестры. Итакъ, это не самоубійство.

Но, быть можетъ, это убійство, совершенное Аграфеной Суриной, какъ намекаетъ на это подсудимый? Я старался доказать, что не Аграфенѣ Суриной, а мужу Лукерьи можно было желать убить ее, и притомъ если мы остановимся на показаніи обвиняемаго, то мы должны брать его цѣликомъ, особенно въ отношеніи Суриной. Онъ здѣсь настойчиво требовалъ отъ свидѣтелей подтвержденія того, что Лукерья плакалась отъ угрозъ Суриной удавить ее или утюгомъ хватить. Свидѣтели этого не подтвердили, но если все-таки вѣрить обвиняемому, то надо признать, что Лукерья окончательно лишилась разсудка, чтобы идти ночью на глухой берегъ Ждановки съ такою женщиною, которая ей врагъ, которая грозила убить ее! Скажутъ, что Сурина могла напасть на нее, когда она возвращалась, проводивъ мужа. Но факты, неумолимые факты докажутъ намъ противное. Егоръ ушелъ изъ бань въ $^3/_4$ десятаго, пришелъ въ участокъ въ 10 минутъ одиннадцатаго, слѣдовательно пробылъ въ дорогѣ 25 минутъ. Одновременно съ уходомъ изъ дому, онъ вызвалъ Аграфену, какъ говоритъ Николаева. Слѣдовательно, Сурина могла напасть на Лукерью только по истеченіи этихъ 25 минутъ. Но та же Николаева говорила, что Аграфена Сурина вернулась домой чрезъ *двадцать* минутъ послѣ ухода. Наконецъ, могла ли Сурина одинъ на одинъ сладить съ Лукерьею, какъ могъ сладить съ нею ея мужъ и повелитель? Вотъ тутъ-то были бы слѣды той борьбы, которой такъ тщетно искала защита на платьѣ покойной. Итакъ, предположеніе о Суриной, какъ убійцѣ Лукерьи, рушится и мы приходимъ къ тому, что показаніе Суриной въ существѣ своемъ вѣрно. Затѣмъ остаются неразъясненными два обстоятельства: во-1-хъ, зачѣмъ обвиняемый вызывалъ Аграфену, когда шелъ убивать жену, и во-2-хъ, зачѣмъ онъ говорилъ, по показанію Суриной, что «бралъ дѣвку, а вышла баба» — и упрекалъ въ томъ жену, въ послѣдніе моменты ея жизни? Не лжетъ ли Сурина? Но гг. присяжные, не одними внѣшними обстоятельствами, которыя рѣ-

жутъ глаза, опредѣляется характеръ дѣйствій человѣка; при извѣстныхъ случаяхъ, надо посмотрѣть и на тѣ душевныя проявленія, которыя свойственны большинству людей при извѣстной обстановкѣ. Зачѣмъ онъ бросилъ тѣнь на честь своей жены въ глазахъ Аграфены? Да потому, что, несмотря на нѣкоторую свою испорченность, онъ живетъ въ своеобразномъ мірѣ, гдѣ при разныхъ, подчасъ грубыхъ и не вполнѣ нравственныхъ явленіяхъ, существуетъ извѣстный, опредѣленный, простой и строгій нравственный кодексъ. Вліяніе кодекса этого выразилось въ словахъ Аграфены: «я вашего закона нарушать не хочу!» Подсудимый человѣкъ самолюбивый, гордый и властный; придти просто просить у Аграфены прощенія и молить о старой любви значило бы прямо сказать, что онъ жену не любитъ потому, что женился «сдуру», не спросясь броду; — Аграфена стала бы смѣяться. Надо было имѣть возможность сказать Аграфенѣ, что она можетъ нарушить законъ, потому что этого закона *нѣтъ*, потому что жена внесла безчестье въ домъ и опозорила *законъ* сама. Не тоскующимъ и сдѣлавшимъ ошибку, непоправимую на всю жизнь, долженъ онъ былъ придти къ Аграфенѣ, а человѣкомъ оскорбленнымъ, презирающимъ жену, не смогшую до свадьбы «себя соблюсти». Въ такихъ условіяхъ Аграфена стала бы его, быть можетъ, жалѣть, но онъ не былъ бы смѣшонъ въ ея глазахъ. И притомъ—это общечеловѣческое свойство, печальное, но вѣрное,— когда человѣкъ безпричинно ненавидитъ другого, несправедливъ къ нему, то онъ силится найдти въ немъ хоть какую нибудь, хоть вымышленную вину, чтобы оправдаться въ постороннихъ глазахъ, чтобъ даже въ глазахъ самого ненавидимаго быть какъ бы въ своемъ правѣ. Вотъ почему лгалъ Егоръ объ женѣ Аграфенѣ и въ рѣшительную минуту при нихъ обѣихъ повторялъ эту ложь, въ видѣ вопроса женѣ о томъ, кому продала она свою честь? хотя теперь и утверждаетъ, что жена была цѣломудренна.

Зачѣмъ онъ вызвалъ Аграфену, идя на убійство?—Вы ознакомились съ Аграфеною Суриною и, вѣроятно, согласитесь, что эта женщина способна вносить смуту и раздоръ въ душевный міръ человѣка, ею увлеченнаго. Отъ нея нечего ждать, что она успокоитъ его, станетъ говорить какъ добрая, любящая женщина. Напротивъ, она скорѣй всего, въ отвѣтъ на увѣренія въ прочности вновь возникшей привязанности, станетъ дразнить, скажетъ: «какже, повѣрь тебѣ,—хотѣлъ вѣдь на мнѣ жениться—два года водилъ да и женился на другой». Понятно, что въ человѣкѣ самолюбивомъ, молодомъ, страстномъ, желающемъ пріобрѣсти Аграфену, должно было явиться желаніе доказать, что у него твердо намѣреніе обладать ею, что онъ готовъ даже уничтожить жену-разлучницу, да не на словахъ, которымъ Аграфена не вѣритъ и надъ которыми смѣется, но на дѣлѣ. Притомъ, она уже разъ испытала его не-

вѣрность, она можетъ выйти замужъ, не вѣкъ же находиться подъ его гнетомъ; надо ее закрѣпить надолго, навсегда, подѣлившись съ нею страшною тайною. Тогда всегда будетъ возможность сказать: «смотри, Аграфена! я скажу все, — мнѣ будетъ скверно, да и тебѣ, чай, не сладко придется. Вмѣстѣ погибать пойдемъ, вѣдь изъ-за тебя же Лукерьи душу загубилъ...»

Вотъ для чего надо было вызвать Аграфену, удаливъ, во что бы то ни стало, плаксивую мать, которая дважды вызывалась идти его провожать. Затѣмъ могли быть и практическія соображенія: зайдя за ней, онъ могъ потомъ, въ случаѣ обнаруженія какихъ нибудь слѣдовъ убійства, сказать: я сидѣлъ въ участкѣ, а въ участокъ шелъ съ Грушей, что же—развѣ при ней я совершилъ убійство? Спросите ее! Она будетъ молчать конечно—и тѣмъ дѣло кончится. Но въ этомъ разсчетѣ онъ ошибся. Онъ не сообразилъ, какое впечатлѣніе можетъ произвести на Сурину то, что ей придется видѣть,— онъ позабылъ, что на молчаніе такой воспріимчивой женщины, какъ Сурина, положиться нельзя... Вотъ тѣ соображенія, которыя я считалъ нужнымъ вамъ представить. Мнѣ кажется, что всѣ они сводятся къ тому, что обвиненіе противъ подсудимаго имѣетъ достаточныя основанія. Поэтому я обвиняю его въ томъ, что, возненавидѣвъ свою жену и вступивъ въ связь съ другою женщиною, онъ завелъ жену ночью на рѣчку Ждановку и тамъ утопилъ.

Кончая обвиненіе, я не могу не повторить, что такое дѣло, какъ настоящее, для разрѣшенія своего потребуетъ большихъ усилій ума и совѣсти. Но я увѣренъ, что вы не отступите передъ трудностью задачи, такъ какъ не отступила передъ ней обвинительная власть, хотя, быть можетъ, разрѣшите ее иначе. Я нахожу, что подсудимый Емельяновъ совершилъ дѣло ужасное, — нахожу, что, постановивъ жестокій и несправедливый приговоръ надъ своею бѣдною и ни въ чемъ неповинною женою, онъ со всею строгостью привелъ его въ исполненіе. Если вы, гг. присяжные, вынесете изъ дѣла такое же убѣжденіе, какъ и я, если мои доводы подтвердятъ въ васъ это убѣжденіе, то я думаю, что не далѣе какъ черезъ нѣсколько часовъ подсудимый услышитъ изъ вашихъ устъ приговоръ, конечно, менѣе строгій, но, безъ сомнѣнія, болѣе справедливый, чѣмъ тотъ, который онъ самъ произнесъ надъ своею женою.

II.

По дѣлу о расхищеніи имущества умершаго Николая Солодовникова.

25-го августа 1870 года, приставомъ Лѣсного участка пригородной полиціи составленъ протоколъ о томъ, что, въ часъ дня, садовникъ при находящейся въ Лѣсномъ Институтѣ дачѣ вильманстрандскаго первостатейнаго купца Николая Солодовникова, крестьянинъ Алимпіевъ, заявилъ, что въ ночь съ 24-го на 25-е августа умеръ проживающій на той дачѣ хозяинъ ея. 29-го августа и 1-го сентября, судебными приставами составлены были описи оставшагося послѣ смерти Солодовникова имущества, изъ которыхъ видно, что, кромѣ дачи, дома въ Петербургѣ и разнаго домашняго имущества, найдено 28 руб., три векселя съ бланковыми надписями купца Савина, въ 50,000 рублей, двѣ записки, выданныя купцомъ Авчинниковымъ, на 20,000 рублей и росписка Василія Любавина на 7,000 рублей. Произведеннымъ дознаніемъ было обнаружено, что Солодовниковъ, послѣ смерти своего родного брата — скопца—Михаила Солодовникова, получилъ нѣсколько милліоновъ рублей, и такъ какъ этихъ денегъ у него послѣ его смерти не оказалось, то подозрѣніе въ похищеніи ихъ значительной части пало, между прочимъ, на служившаго у Солодовникова сначала лакеемъ, а потомъ управляющимъ, ржевскаго купца Якова Сусленникова, ночевавшаго въ ночь смерти Солодовникова на его дачѣ. При слѣдствіи, находившійся при смерти Солодовникова, лакей Колосовъ, показалъ, что придя, 25-го августа, въ 6-мъ часу утра, по обыкновенію, въ спальню Солодовникова, онъ нашелъ его мертвымъ, о чемъ и заявилъ спавшему въ верхнемъ этажѣ Сусленникову, который приказалъ никому объ этомъ не говорить и затѣмъ, быстро одѣвшись, отправился въ спальню Солодовникова и, какъ видѣлъ Колосовъ изъ буфета, подошелъ къ комоду, стоявшему направо отъ дверей, отперъ находившимися тамъ ключами верхній ящикъ, вынулъ оттуда книгу, сунулъ ее подъ пиджакъ и, застегнувъ его, отправился къ себѣ наверхъ, сказавъ при этомъ, проходя черезъ залу, что пойдетъ выпить порошокъ, такъ какъ его трясетъ лихорадка; вскорѣ онъ возвратился опять въ спальню, подошелъ къ комоду, вынулъ изъ ящика шкатутку краснаго дерева, отперъ ее какимъ-то ключомъ и сталъ разсматривать находившуюся тамъ сложенную бумагу; изъ верхняго ящика

комода Сусленниковъ взялъ ключи отъ городской кладовой, картонку съ мелкою серебряною монетой, золотую табакерку и, затѣмъ, снова приказавъ нэ сообщать полиціи и никому не говорить о смерти Солодовникова, уѣхалъ въ городъ, откуда вернулся вмѣстѣ съ Любавинымъ, въ первомъ часу дня. По словамъ домашняго доктора Солодовникова, Франца Гессе, 25-го августа, въ 9½ часовъ утра, пріѣхалъ къ нему на квартиру Сусленниковъ и, объявивъ о смерти Солодовникова, сказалъ, что ему дали знать объ этомъ въ городѣ; когда Гессе пріѣхалъ на дачу, то, проходя мимо буфета, встрѣтился съ пробѣжавшимъ въ верхній этажъ Сусленниковымъ, который рукою что-то поддерживалъ подъ пиджакомъ. Будучи около шести лѣтъ близко знакомъ съ Солодовниковымъ, Гессе знаетъ, что онъ говорилъ о Сусленниковѣ неодобрительно; когда, въ 1866 году, Сусленниковъ поступилъ къ Солодовникову, то онъ, Гессе, слышалъ, что послѣдній отзывался о подсудимомъ такъ: «человѣкъ исполнительный и знающій дѣло, но его нужно держать въ рукахъ, а то онъ готовъ на все». Во время посѣщенія Гессе Солодовникова, 21-го августа, онъ засталъ его въ возбужденномъ состояніи и жалующимся на неблагодарность Сусленникова, котораго онъ называлъ при этомъ анаѳемой и разбойникомъ, и говорилъ, что Сусленниковъ какъ пришелъ къ нему безъ штановъ, такъ и уйдетъ бѣднымъ какъ крыса. Показаніями другихъ лицъ подтвердилось, что Солодовниковъ долженъ былъ имѣть при себѣ во время смерти значительный капиталъ. 15-го марта 1871 года былъ опечатанъ въ квартирѣ Сусленникова желѣзный ящикъ, а 17-го марта произведенъ былъ у него обыскъ, при чемъ въ ящикѣ найдено, между прочимъ, векселей отъ разныхъ лицъ на сумму около 40,000 рублей, выданныхъ позже 25-го августа, дня смерти Солодовникова, счетовъ на проданные 5% билеты на сумму около 35,000 руб., 5% билетовъ на сумму около 7,000 р. и наличныхъ денегъ 950 р. Будучи привлеченъ къ дѣлу, Сусленниковъ о своихъ денежныхъ средствахъ давалъ разнорѣчивыя показанія и совершенно отрицалъ свои дѣйствія утромъ 25-го августа. Путемъ дознанія обнаружено, что подсудимый продалъ и частью промѣнялъ, въ декабрѣ и январѣ, въ магазинѣ ювелира Иванова перстень цѣною въ 1,600 р. и 42⅜ карата мелкихъ бриллiантовъ, на сумму 2,203 р. 50 к. По предъявленіи этого перстня женѣ маіора Липранди, доктору Гессе и мѣщанину Василію Солодовникову, они признали, что онъ принадлежалъ умершему Солодовникову; а относительно проданныхъ подсудимымъ мелкихъ бриллiантовъ, обнаружено, что вошедшая въ опись и сданная на храненіе подсудимому икона св. Николая Чудотворца съ находившимися въ вѣнцѣ камнями, по удостовѣренію племянника умершаго, стоила 15,000 руб.; между тѣмъ, ювелиръ Ивановъ, по разсмотрѣніи этой иконы, нашелъ, что настоящіе бриллiанты или розы вставлены только въ имени Николая Чудотворца и что стоимость ихъ вмѣстѣ съ изумрудами не превышаетъ 500 руб. Спрошенный, въ качествѣ свѣдущаго лица, придворный ювелиръ Гау, далъ заключеніе, что въ большомъ вѣнцѣ и въ мѣстахъ, гдѣ помѣщены стразы въ крестахъ и ободкѣ вѣнца, находились другіе камни, вѣроятно, бриллiанты, затѣмъ вынутые и перемѣненные на простые стразы, и что по величинѣ бриллiантовъ ихъ должно быть отъ 40 до 45 каратовъ. Въ отношеніи этихъ обстоятельствъ, подсудимый давалъ разнообразныя показанія: на допросѣ 15-го марта онъ показалъ, что бриллiантоваго перстня у Солодовникова никогда не видалъ; на допросѣ 15-го апрѣля, послѣ показанія ювелира Иванова, показалъ, что кольцо это, дѣйствительно, продано Иванову, но что оно принесено ему Колосовымъ, съ просьбою продать, и онъ, подсудимый, оставилъ кольцо у себя, заплативъ за него 50 р., въ намѣреніи отдать его племяннику Солодовникова, но, затѣмъ, въ декабрѣ продалъ его. Въ отношеніи продажи мелкихъ бриллiантовъ, подсудимый 15-го апрѣля объяснилъ, что ихъ далъ ему капельмейстеръ императорскихъ театровъ Лядовъ, который оказался умершимъ 1-го апрѣля 1871 года. Затѣмъ, 21-го апрѣля, относительно

тѣхъ же брилліантовъ Сусленниковъ заявилъ, что Солодовниковъ, чувствуя приближеніе смерти, поручилъ ему вынуть изъ большого вѣнца образа св. Николая Чудотворца брилліанты, вслѣдствіе чего онъ, подсудимый, отправился къ проживающему въ Итальянской улицѣ ювелиру и, вынувъ брилліанты, удержалъ ихъ у себя, имѣя въ виду отдать ихъ Солодовникову по переѣздѣ въ городъ. Спрошенный по этой ссылкѣ, ювелиръ Линдгольмъ призналъ, что дѣйствительно вынималъ изъ образа св. Николая Чудотворца болѣе 400 штукъ брилліантовъ и замѣнялъ ихъ простыми стразами, но что образъ тотъ былъ принесенъ къ нему для этой цѣли Сусленниковымъ, примѣрно, въ ноябрѣ; — образъ былъ очень высокой отдѣлки, стоимостью тысячъ въ 12-ть.

Опредѣленіемъ С.-Петербургской Судебной Палаты Сусленниковъ былъ преданъ суду по обвиненію въ кражѣ имущества Солодовникова на сумму свыше 300 р. с.

Судебное засѣданіе по этому дѣлу происходило 20-го декабря 1871 г. подъ предсѣдательствомъ тов. предсѣдателя князя *Кейкуатова*. Подсудимаго защищалъ присяжный повѣренный *Унковскій*.

Въ засѣданіи докторъ Гессе, между прочимъ, показалъ, что онъ лечилъ покойнаго Солодовникова и постоянно бывалъ у него два раза въ недѣлю; у покойнаго была водянка и онъ умеръ отъ этой болѣзни; онъ говорилъ свидѣтелю, что у него такъ много денегъ, что ему даже совѣстно брать выигрыши, падавшіе на принадлежащіе ему билеты внутренняго займа. Въ половинѣ 9-го утра 25-го августа прошлаго года, къ свидѣтелю явился подсудимый Сусленниковъ и заявилъ, что Николай Назаровичъ (Солодовниковъ) скончался. Поѣхавъ, вслѣдствіе заявленія Сусленникова, на дачу, онъ, проходя въ спальню покойнаго, встрѣтилъ Сусленникова и купца Любавина; Сусленниковъ что-то пронесъ подъ полой пиджака. Когда обмывали трупъ, то переносившіе его дворники уронили его и покойный стукнулся головой объ полъ,—тогда одинъ изъ нихъ поглядѣлъ на лицо покойнаго и съ насмѣшкой сказалъ: «Что? теперь не видишь! а лѣтомъ, небось, все замѣчалъ и ругался». Въ послѣднее время покойный былъ чрезвычайно тяжелаго характера и скупъ до скаредности, — напримѣръ, графина квасу должно было доставать непремѣнно на два дня.

Подсудимый объяснилъ, что утромъ, 25-го августа, когда лакей Колосовъ сказалъ ему, что Солодовниковъ умеръ, онъ, войдя въ спальню, удостовѣрился, что Солодовниковъ скончался. Покойный лежалъ на боку въ постели; подсудимый повернулъ его вверхъ лицомъ и сложилъ ему руки на груди и затѣмъ, уѣзжая въ городъ, приказалъ прислугѣ дать знать полиціи. Съ Солодовниковымъ онъ былъ знакомъ съ 1845 года и находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ 1848 году у подсудимаго умерла жена, а въ 1851 году покойный Солодовниковъ предложилъ ему жениться на близкой своей знакомой, очень красивой молодой дѣвушкѣ, и давалъ въ приданое 25,000 руб.; но подсудимый, по понятнымъ причинамъ, не согласился. На это Солодовниковъ разсердился, и они съ нимъ разошлись; не видались, затѣмъ, 16-ть лѣтъ, но въ 1867 году встрѣтились на Невскомъ и Солодовниковъ первый заговорилъ, приглашая его жить къ себѣ. Подсудимый не соглашался и сказалъ, что если Солодовниковъ дастъ ему какое нибудь дѣло, то онъ готовъ къ его услугамъ, но жить такъ, въ качествѣ компаніона, онъ не желаетъ. Черезъ нѣсколько времени, онъ получилъ отъ Солодовникова письмо, въ которомъ онъ звалъ его къ себѣ и предлагалъ управлять имѣніемъ. Подсудимый явился и они условились. Покойный сказалъ подсудимому, что онъ слѣдилъ за нимъ во все время ихъ разлуки, что онъ былъ очень обиженъ отказомъ его отъ женитьбы на предложенной ему невѣстѣ и былъ очень радъ, когда во время этой разлуки увидѣлъ, что дѣла подсудимаго разстроились. Покойный, въ первые мѣсяцы службы у него подсудимаго, давалъ

ему только по семи рублей въ мѣсяцъ, при готовой квартирѣ въ городѣ; подсудимый сталъ часто ѣздить на дачу къ покойному и, по его просьбѣ, натиралъ его разными мазями, потому что у подсудимаго были мягкія руки. Покойный въ это время поступалъ съ нимъ весьма тираннически, желая его испытать, какъ онъ самъ ему впослѣдствіи объяснилъ. Въ 1868 году, кухарка покойнаго подала на него жалобу мировому судьѣ за оскорбленіе ея словами. Когда была получена повѣстка, Солодовниковъ очень испугался, тѣмъ болѣе, что ему сказали, что онъ можетъ подвергнуться тюремному заключенію; онъ далъ подсудимому 10,000 р. и сказалъ, чтобъ онъ покончилъ это дѣло. Сусленниковъ являлся къ мировому судьѣ, который, признавъ жалобу кухарки недоказанною, въ искѣ ей отказалъ (она просила за безчестье 100 р.); вернувшись къ Солодовникову, онъ объяснилъ, что дѣло кончено; покойный очень обрадовался и, въ благодарность, о деньгахъ ни въ это время, ни послѣ никогда не упоминалъ, такъ что подсудимый оставилъ ихъ у себя. Покойный Солодовниковъ, какъ подсудимый далѣе объяснилъ, былъ чрезвычайно тяжелаго характера и угодить на него было чрезвычайно трудно, такъ что въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ у него перемѣнилось до 40 человѣкъ прислуги; знакомыхъ у него было очень мало, а именно только докторъ, Куликовъ и купецъ Любавинъ, которые у него часто бывали, но онъ не былъ искренно расположенъ къ нимъ и говорилъ подсудимому, что къ доктору онъ привыкъ и другого ни за что не возьметъ; съ Куликовымъ же и Любавинымъ поддерживаетъ знакомство только потому, чтобъ было съ кѣмъ поговорить, но ничуть не вѣритъ въ ихъ расположеніе къ нему, а напротивъ, убѣжденъ, что они выказываютъ къ нему свое расположеніе и любовь единственно изъ корыстныхъ видовъ. Вообще, покойный никого не любилъ, кромѣ подсудимаго, всегда встрѣчалъ его съ радостью, бесѣдовалъ съ нимъ самымъ интимнымъ образомъ, не пилъ и не ѣлъ безъ него и оказывалъ ему самое полное, неограниченное довѣріе. Далѣе, подсудимый объяснилъ, что покойный былъ скопецъ, и когда производилось дѣло о Плотицынѣ, разъ призвалъ его къ себѣ, поручилъ ему съѣздить въ Москву, отдать тамъ пакетъ, вѣроятно, съ деньгами, человѣку, который явится къ нему и назоветъ свою фамилію, и при этомъ самъ положилъ Сусленникову въ карманъ брюкъ запечатанный двумя печатями довольно толстый пакетъ и зашилъ карманъ. Въ Москвѣ, дѣйствительно, къ нему явился невысокаго роста старичокъ, совершенно такой наружности, какъ его описывалъ покойный, назвалъ свою фамилію, и подсудимый, распоровъ карманъ, передалъ старичку пакетъ; при этомъ онъ никакого разговора со старичкомъ не имѣлъ.—Въ подтвержденіе справедливости мнѣнія покойнаго объ отношеніяхъ къ нему доктора Гессе, подсудимый указалъ на то, что докторъ лютеранинъ, а между тѣмъ, просилъ покойнаго крестить у него дѣтей, несмотря на то, что покойный былъ православнымъ, потому что былъ оскопленъ, когда ему было еще 14 лѣтъ, старшимъ братомъ. Наканунѣ своей смерти, Солодовниковъ, изъявляя свою горячую благодарность подсудимому за его услуги, расположеніе и дружбу, далъ ему въ награду 15,000 р. и сказалъ, что онъ остается долженъ еще 10,000 р.; тогда подсудимый сказалъ ему, что онъ эти деньги уже получилъ и объяснилъ ему, что данные ему 10,000 р. на окончаніе дѣла у мироваго судьи онъ оставилъ у себя. Покойный упалъ на колѣни и сказалъ: «Благодарю тебя, Господи! спасибо тебѣ, Яша, я теперь совершенно спокоенъ». Въ показаніяхъ своихъ относительно поведенія утромъ 25-го августа, и, затѣмъ, образа и кольца, подсудимый давалъ на судѣ сбивчивыя и противорѣчивыя объясненія. Между прочимъ, относительно образа св. Николая Чудотворца, онъ объяснилъ, что на содержаніе дома и дачи, оставшихся послѣ Солодовникова, онъ расходовалъ свои деньги и употребилъ болѣе 3,000 р. Когда пріѣхалъ къ нему наслѣдникъ Солодовникова, племянникъ покойнаго, Василій Солодовниковъ (также умершій), и просилъ у него денегъ, пока онъ будетъ

введенъ во владѣніе наслѣдствомъ, подсудимый не могъ дать; тогда Василій Саввичъ вспомнилъ, что есть образъ, украшенный брилліантами, предложилъ подсудимому вынуть брилліанты и замѣнить ихъ стразами, такъ какъ онъ полагалъ пожертвовать этотъ образъ на Валаамъ, и для монаховъ будетъ все равно, будутъ ли брилліанты или стразы. Подсудимый, исполняя это желаніе наслѣдника, дѣйствительно вынулъ брилліанты и замѣнилъ ихъ стразами, брилліанты продалъ и деньги употребилъ на содержаніе дома и дачи.

Изъ показанія бывшаго режиссера русской труппы Куликова, между прочимъ, оказалось, что покойный получилъ отъ своего брата 5 или 6 милліоновъ руб. ассигнаціями, что, затѣмъ, онъ жилъ очень открыто, принималъ у себя артистовъ, производилъ торговлю саломъ, но потомъ все бросилъ и жилъ очень уединенно; покойный показывалъ свидѣтелю мозоли на пальцахъ, говоря, что натеръ ихъ, отрѣзывая купоны.

На судебномъ слѣдствіи, между прочимъ, выяснилось, что покойный имѣлъ деньги на текущемъ счету въ банкирской конторѣ В. Любавина, на которую послѣ смерти Солодовникова найдена росписка въ 7 тысячъ рублей, что подсудимый, 25-го августа, извѣстилъ Любавина о смерти Солодовникова; Любавинъ пріѣхалъ на дачу, въ Лѣсной, и вмѣстѣ съ подсудимымъ, когда еще не являлась полиція и не пріѣзжалъ докторъ Гессе, они что-то дѣлали въ спальнѣ покойнаго.

В. Любавинъ, спрошенный въ качествѣ свидѣтеля, давалъ на судѣ уклончивые отвѣты и, между прочимъ, объяснилъ, что у Солодовникова не могло быть много денегъ, такъ какъ изъ полученнаго отъ брата наслѣдства до 5 милліоновъ рублей на ассигнаціи онъ подарилъ двумъ приказчикамъ умершаго брата 1 милліонъ рублей; на салѣ потерялъ до милліона, — за торговымъ домомъ Петра Подсосова сыновей пропало у него до 500 тысячъ руб.; наконецъ, онъ выстроилъ церковь на Валаамѣ и, сверхъ того, въ первое время жилъ очень открыто и тратилъ много денегъ; у него, свидѣтеля, было на текущемъ счету отъ покойнаго всего тысячъ 30 руб., и онъ выдалъ ему въ маѣ всѣ деньги. Хотя покойный былъ самъ скопленъ, но со скопцами не видался и всегда бранилъ брата за свое скопленіе. Докторъ Гессе пріѣзжалъ къ свидѣтелю и спрашивалъ, не оставилъ ли покойный духовнаго завѣщанія и не отказалъ ли сколько нибудь въ пользу своего крестника. На вопросъ, зачѣмъ свидѣтель ходилъ въ комнату подсудимаго, находящуюся на верху на дачѣ Солодовникова, когда они пріѣхали туда и оставались одни около покойнаго, свидѣтель сказалъ, что ходилъ курить папироску, такъ какъ считалъ неприличнымъ курить вблизи покойника, тѣмъ болѣе, что ожидали священниковъ. По этому поводу свидѣтель Гессе, на очной ставкѣ съ Любавинымъ показалъ, что въ спальнѣ Солодовникова стоялъ ящикъ сигаръ, которыя покойный обыкновенно покупалъ для него, доктора; — Сусленниковъ предложилъ ему взять изъ ящика сигару, но Любавинъ, самъ куря въ это время сигару, замѣтилъ, что это мужицкія сигары, вынулъ свой портсигаръ и предложилъ ему свою.

Лакей Солодовникова Колосовъ подтвердилъ, что видѣлъ, какъ подсудимый вошелъ въ спальню покойнаго и выбиралъ изъ ящика комода какія-то бумаги и потомъ ушелъ наверхъ, гдѣ былъ въ то время Любавинъ. Послѣдній предлагалъ свидѣтелю у себя во всякое время мѣсто, но когда, вернувшись изъ деревни, онъ явился къ нему, то получилъ отказъ. На вопросы подсудимаго, не говорилъ ли свидѣтель прачкѣ, что у него пропала жилетка, въ карманѣ которой было столько, что съ него было бы совершенно достаточно — Колосовъ объяснилъ, что у него, дѣйствительно, пропала жилетка, въ которой было 70 руб. денегъ, накопленныхъ имъ на службѣ у покойнаго.— Дворники и садовникъ удостовѣрили, что подсудимый, уѣзжая въ городъ, не велѣлъ имъ ходить за полиціей и приказалъ никому не говорить о смерти Солодовникова.

Въ дополненіе судебнаго слѣдствія, были прочитаны разнообразные документы, счета, свидѣтельства и нѣсколько выдержекъ изъ обширнаго дневника, веденнаго покойнымъ.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей, Сусленниковъ былъ признанъ виновнымъ по предъявленному противъ него обвиненію.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! — въ Лѣсномъ, подъ самымъ Петербургомъ, умеръ одинокій скопецъ, котораго считали— и не безъ основанія—человѣкомъ очень богатымъ. Послѣ его смерти найдено нѣсколько векселей и росписокъ на 77 т. р. и 28 рублей наличности. Такъ какъ ни векселямъ, ни роспискамъ не наступилъ еще срокъ, то оказалось, что этотъ богачъ проживалъ, въ буквальномъ смыслѣ, послѣднюю копѣйку и рисковалъ остаться совершенно безъ необходимыхъ для ежедневныхъ расходовъ средствъ, еслибы... не поспѣшилъ умереть во-время. Обвинительная власть не можетъ, однако, примириться со столь неожиданнымъ обнищаніемъ. Она полагаетъ, что это обнищаніе дѣйствительно совершилось, но не при жизни покойнаго, а послѣ его смерти, въ ущербъ его наслѣдникамъ — и совершилось очень быстро и очень ловко. Она простираетъ свое любопытствующее недовѣріе такъ далеко, что рѣшается считать виновникомъ этого превращенія солидныхъ средствъ въ 28 рублей—человѣка, который, по его собственнымъ словамъ, будучи другомъ умершаго—«никогда не сходилъ съ пути чести и добра».

Для того, чтобы представить вамъ тѣ соображенія, которыя приводятъ къ такому заключенію, необходимо, независимо отъ разбора дѣйствій подсудимаго, взглянуть на личность покойнаго, на его отношеніе къ окружающей средѣ. Быть можетъ, мы найдемъ въ той и другомъ точку опоры, чтобы судить о томъ, какую роль и въ какихъ размѣрахъ игралъ при немъ подсудмый,—чтобы узнать, насколько эта роль дѣлаетъ подсудимаго неуязвимымъ для несправедливыхъ, по его мнѣнію, подозрѣній. Обыкновенно отсутствіе потерпѣвшаго — оставляетъ большой пробѣлъ въ дѣлѣ, который нечѣмъ наполнить. Но настоящее дѣло представляетъ счастливое исключеніе. Благодаря ряду показаній близко стоявшихъ къ покойному лицъ, благодаря его громадному дневнику, веденному съ чрезвычайною подробностью изо дня въ день въ теченіе 20 лѣтъ, благодаря, наконецъ, слѣдственному дѣлу Особой Комиссіи 1842 года — его образъ возстаетъ предъ нами какъ живой — и со страницъ тщательно переплетенныхъ томовъ своего дневника говоритъ о себѣ и о своихъ сношеніяхъ съ людьми такъ, какъ, вѣроятно, покойный не сталъ бы говорить предъ нами,

еслибы явился сюда лично. — Я позволю себѣ, поэтому, остановиться на личности покойнаго и постараюсь почерпнуть изъ дѣла лишь такія ея черты, о которыхъ, въ виду ихъ очевидной и чувствуемой несомнѣнности, — у насъ споровъ съ защитою быть не можетъ. Мой уважаемый противникъ съ полнымъ безпристрастіемъ добывалъ, вмѣстѣ со мною, на судебномъ слѣдствіи, свѣдѣнія объ умершемъ — и, вѣроятно, сойдется со мною въ представленіи о томъ, что̀ такое былъ этотъ умершій. А затѣмъ мы пойдемъ каждый своею дорогою, а вы уже рѣшите, — кто пошелъ вѣрнымъ путемъ, а кто забрелъ куда не слѣдовало.

Судьба одиноко скончавшагося первостатейнаго вильманстрандскаго купца Николая Назаровича Солодовникова — была, г-да присяжные, судьба трагическая. Ея трагизмъ начался отроческими стонами и воплями физической боли — и продолжался какъ послѣдствіе того, что̀ вызвало эти стоны и вопли, всю жизнь Солодовникова. Этотъ трагизмъ неслышно вплетался въ его отношеніе ко всему окружающему, присоединяя къ тѣлесному увѣчью чувство постоянной скорби, недовѣрія къ людямъ и стыда... Сиротство застало молодого Солодовникова въ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра, куда онъ поступилъ, какъ видно изъ его учебнаго аттестата, съ хорошею домашнею подготовкою и знаніемъ языковъ. Изъ среднихъ классовъ училища онъ былъ взятъ братомъ, — взятъ и — оскопленъ. Старый и вліятельный скопецъ-милліонеръ хотѣлъ спасти его душу, убивъ разъ навсегда его плоть. Мы знаемъ изъ слѣдственнаго дѣла, что оскопленіе Солодовникова совершилось послѣ одного изъ «радѣній», — и когда облитый кровью и обезображенный мальчикъ былъ отнесенъ въ отдаленную комнату, гдѣ его стали потомъ «залечивать» домашними средствами, собравшіеся у Михаила Солодовникова запѣли свои «распѣвы», конечно, радуясь, что стая «бѣлыхъ голубей» увеличилась еще однимъ голубкомъ, молодую жизнь котораго они только что заклевали... Когда мальчикъ оправился, онъ очутился въ полной власти брата, борьба съ которымъ была невозможна: ему было всего 14-ть лѣтъ. Потянулась подначальная, унылая жизнь, воспоминанія о которой попадаются нерѣдко въ дневникахъ. Но когда онъ пришелъ въ возрастъ, познакомился съ жизнью и понялъ, что насильственно и безчеловѣчно лишенъ многихъ ея радостей — отвращеніе и ненависть къ брату и окружавшимъ его скопцамъ проснулись въ немъ — и онъ, безъ средствъ, тайкомъ убѣжалъ изъ дому и не хотѣлъ вернуться несмотря ни на угрозы, ни на ласковыя зазыванія. Братъ негодовалъ, пробовалъ вернуть бѣглеца чрезъ полицію и заставить жить у себя, — хотѣлъ лишить его наслѣдства, но внезапно скончался... Николай Солодовниковъ сдѣлался обладателемъ большого состоянія. Размѣры его въ точности неизвѣстны. Свидѣтели опредѣляютъ его въ суммѣ отъ 3 до 6 милліо-

новъ ассигнаціями;—Любавинъ, который близко зналъ денежныя дѣла покойнаго и въ интересахъ котораго, какъ друга подсудимаго,—не преувеличивать состоянія Солодовникова, а также биржевой маклеръ Безцѣнный, знавшій покойнаго съ малолѣтства, говорятъ о 5 милліонахъ. На этой суммѣ, полагаю, можно и остановиться. Она не вся состояла изъ денегъ. Въ нее, по разсказамъ Солодовникова своему племяннику, входили—домъ на Конногвардейскомъ бульварѣ, проданный впослѣдствіи кн. Кочубею за 260 т. руб., два корабля, товары.

Николай Солодовниковъ былъ оскопленъ, но не былъ скопцомъ по понятіямъ и привычкамъ. Онъ былъ чуждъ угрюмому скопидомству своихъ собратій по увѣчью и ихъ ограниченному взгляду на «мірскую прелесть». Въ немъ, первоначально, были признаки такъ называемой широкой русской натуры, въ немъ развивались художественные вкусы. Вступивъ властителемъ въ жилище стараго скопца, онъ удалилъ изъ него всѣхъ приспѣшниковъ своего брата, щедро наградивъ двухъ его прикащиковъ—Тименькова и Фролова, которымъ подарилъ милліонъ. Затѣмъ пошла жизнь въ довольствѣ и нѣсколько шумная. Явились дорогія лошади, изящная обстановка. Солодовниковъ пристрастился къ театру, къ музыкѣ—и сталъ стремиться къ дружескимъ отношеніямъ съ артистами, собирая ихъ у себя, помогая имъ въ нуждѣ. Его высокая, тучная фигура, съ моложавымъ, безбородымъ, обрюзгшимъ лицомъ — мы имѣемъ въ дѣлѣ его фотографическій портретъ—стала обычною принадлежностью первыхъ рядовъ креселъ въ бенефисы—и веселый хохотъ, пѣсни и шутки стали, далеко за полночь, оглашать непривычныя стѣны стараго скопческаго «корабля»... Онъ скоро прекратилъ активную торговую дѣятельность и, потерявъ на салѣ около милліона ассигнаціями, ликвидировалъ свои дѣла. У него все-таки оставалось довольно — и не даромъ онъ, въ пятидесятыхъ годахъ показывалъ Куликову мозоли на пальцахъ отъ стрижки купоновъ, а въ половинѣ шестидесятыхъ, уже послѣ потери за торговымъ домомъ Подсосова сыновей до 500 т. р., заявлялъ доктору Гессе, что *стыдится* получать выигрыши по билетамъ внутреннихъ 5% займовъ. Быть можетъ, въ этомъ была извѣстная доля преувеличенія, но, во всякомъ случаѣ, документально удостовѣрено, что послѣ постройки церкви на Валаамѣ, стоившей, какъ сообщаетъ настоятель обители, до 50 т. р., у Солодовникова было однихъ 5% банковыхъ билетовъ на 169 т. р., не считая ни наличныхъ денегъ, хранившихся на текущемъ счету у Любавина въ размѣрѣ до 30 т., ни билетовъ внутренняго займа, которыхъ должно было быть не мало, чтобы его могли смущать падавшіе на нихъ выигрыши.—Поэтому, рискуя значительно уменьшить размѣръ его состоянія, мы можемъ, безъ всякой боязни преувеличить, признать, что въ половинѣ 60-хъ годовъ у Солодовникова не могло быть

менѣе 200—250 т. р. капитала, не считая дачи, городского дома и вещей, между которыми была, напримѣръ, икона стоимостью до 15 т. р. — Едва ли онъ могъ проживать и половину доходовъ, получаемыхъ съ этого капитала. Дѣло въ томъ, что, съ начала 60-хъ годовъ, Солодовниковъ былъ уже не тотъ, какимъ зналъ его театральный міръ Петербурга. Хлѣбосольный меценатъ, тароватый театралъ и помощникъ въ нуждѣ, засѣдатель Надворнаго Суда, отдававшій свое жалованье бѣднымъ чиновникамъ и на улучшеніе пищи арестантамъ — къ этому времени, мало-по-малу, обратился въ замкнутаго въ себѣ, нелюдимаго и подозрительнаго скупца. Дневникъ, идущій съ начала пятидесятыхъ годовъ, веденный съ точностью торговой книги, даетъ возможность прослѣдить, какъ постепенно совершилась эта перемѣна. Съ первыхъ же его страницъ мы видимъ, что роль покровителя искусствъ и друга артистовъ перестаетъ удовлетворять Солодовникова. Ему надоѣлъ этотъ вѣчный шумъ и эта дружба, изъ-за которой проглядываетъ эксплуатація. Отъ базара житейской суеты его мечты обращаются къ тихой семейной жизни. Въ нихъ сказывается жажда любящаго сердца. «Молитва одинокаго—читаемъ мы въ дневникѣ — просьба и требованіе,—молитва семьянина—благодарность!» — «Добрый взглядъ отъ доброй женской души, говорится въ другомъ мѣстѣ,—это получше, чѣмъ хорошо сыграть свою роль,—да только оно рѣдко». Но печальное сознаніе своего непоправимаго физическаго убожества стоитъ рядомъ съ этими мечтами и умерщвляетъ ихъ въ зародышѣ. Хотя Суеленниковъ и повѣствуетъ здѣсь весьма неправдоподобно о предложеніи Солодовникова жениться на близкой ему женщинѣ,—хотя въ дневникѣ и встрѣчаются два имени съ прибавленіемъ загадочныхъ эпитетовъ и ласкательныхъ названій, но, повидимому, Солодовниковъ становился лишь жертвою корыстолюбиваго кокетства и расплачивался за свои «безкрылыя желанья» — дорогими подарками и безвозвратными ссудами. Съ 1854 года въ дневникѣ все чаще и чаще встрѣчаются злобныя выходки противъ людей, которые «только и норовятъ поживиться, такъ и глядятъ тебѣ въ карманъ—лгунишки безстыдные». «Приходилъ сегодня поздравить и узнать о здоровьи, пишетъ онъ объ одномъ изъ недавнихъ пріятелей,— знаю я, какое тебѣ здоровье нужно, хитрая рожа: нельзя ли опять взять? Помучилъ его, — предложилъ чаю, а въ разговорѣ будто ничего не понимаю...» — Онъ очевидно ищетъ, чѣмъ бы наполнить пустоту и унылость своей жизни: пристращается къ лошадямъ, ѣздитъ на бѣга — и чрезъ годъ распродаетъ всю свою конюшню; заводитъ дорогихъ и рѣдкихъ голубей, строитъ имъ голубятню, восторгается ихъ шумящимъ полетомъ — и сразу прекращаетъ эту забаву, этотъ наслѣдственный отголосокъ привычекъ молодыхъ купеческихъ парней... Нужно найдти берегъ, къ которому можно бы пристать,—

нужно въ чемъ нибудь найдти себѣ прочную, независящую отъ людей, отраду... И вотъ, по страницамъ дневника можно прослѣдить, какъ загорается и постепенно разгорается у Солодовникова религіозное чувство. Руководимый, повидимому, Куликовымъ, онъ начинаетъ тщательно исполнять обряды церкви, — читаетъ житія святыхъ, восхищается святою простотою жизни старца Саровской пустыни Серафима, дѣлаетъ выписки изъ «подражаній Христу» — и начинаетъ странствовать по монастырямъ. Особенно его привлекаетъ далекій Валаамъ. Тамъ—величавая природа, въ связи со строгимъ монастырскимъ уставомъ обители, руководимой дѣятельнымъ игуменомъ Дамаскиномъ,—такъ успокоиваютъ и смиряютъ его душу, что онъ рѣшается прожить при монастырѣ цѣлый годъ и строитъ на выдающемся въ озеро утесѣ церковь. И въ дневникѣ за это время отчетъ о пестрыхъ и болѣзненныхъ впечатлѣніяхъ городской жизни смѣняется примирительными и умиленными страницами. — Но случилось однако одно обстоятельство, которое измѣнило все душевное настроеніе Солодовникова. Онъ собирался на короткій срокъ въ Петербургъ и зашелъ помолиться въ *свою* церковь, гдѣ, по словамъ дневника, «залюбовался отдѣлкою, отъ души и съ умиленіемъ молился — и въ церкви, и на паперти, благодаря Бога за всѣ оказанныя ему милости, такъ что пошелъ домой совершенно довольный и счастливый...» Дома его встрѣтилъ отецъ Дамаскинъ и, послѣ пожеланія счастливаго пути и скорѣйшаго возвращенія, далъ ему прочесть бумагу, гдѣ излагались предположенія, что можно сдѣлать и устроить въ монастырѣ, если онъ, Солодовниковъ, пожертвуетъ еще милліонъ. Игуменъ Дамаскинъ, человѣкъ замѣчательный по своей энергіи и строгой жизни, возродившій обитель и упрочившій ея славу, вѣроятно, принялъ рѣшимость Солодовникова жить при обители за безповоротный разрывъ съ міромъ—и потому желалъ средства его положить въ основу новыхъ церковныхъ и хозяйственныхъ улучшеній. Но предложеніе это, въ связи съ какимъ-то неловкимъ и обиднымъ намекомъ на скопчество Солодовникова, попало на больное мѣсто и вдругъ, сразу пробудило въ немъ всю его утихшую на время недовѣрчивость и подозрительность. Онъ «чуть не выронилъ бумагу изъ рукъ, но пересилилъ себя и былъ, на этотъ разъ, іезуитомъ». Уѣхавъ, затѣмъ, изъ монастыря *навсегда*, онъ записываетъ въ дневникъ на пароходѣ: «Хорошо было мое положеніе!.. Ну, денекъ! долго буду его помнить, да едва ли можно и забыть... Такъ вы мною гнушаетесь,—я проклятый скопецъ—и допускали меня не ради грѣшной души моей,—а вотъ онъ—милліонъ вамъ мой нуженъ!» Все спокойствіе духа покинуло его и, вмѣсто молитвенныхъ воззваній, дневникъ въ теченіе нѣсколькихъ дней наполняется выраженіями негодованія и даже бранью. Разрывъ былъ полный. Онъ подтверждается сообщеніемъ игумена Дама-

скина судебному слѣдователю уже послѣ смерти Солодовникова. «Вскорѣ по освященіи церкви, пишетъ настоятель, Солодовниковъ пересталъ посѣщать монастырь и хотя монастырь, исполненный къ нему чувствомъ признательности, нѣсколько разъ впослѣдствіи и обращался къ нему съ письменными привѣтствіями, но Солодовниковъ никогда ничего ему не отвѣчалъ и не принималъ никого изъ монастырскихъ братій». Этотъ несчастный эпизодъ глубоко повліялъ на Солодовникова: по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ ведетъ очень замкнутую жизнь, значительную часть года проводитъ на дачѣ, огороженной высокимъ глухимъ заборомъ и, прервавъ почти всѣ знакомства, доживаетъ свой вѣкъ въ полномъ одиночествѣ, ворча на прислугу, сокращая расходы до невозможности и пугая дѣтей, забиравшихся въ садъ съ дозволенія садовника, своимъ мрачнымъ видомъ и крикомъ... Дневникъ обращается въ скучную запись однообразныхъ проявленій ежедневной безцвѣтной жизни; скупость и даже скаредность сквозятъ на каждой страницѣ и совсѣмъ вытѣсняютъ прежніе проблески проницательнаго ума и искренняго чувства.

Охладѣвъ къ прежнимъ стремленіямъ, Солодовниковъ заперся ото всѣхъ, кромѣ Куликова и Гессе, и нужны бывали ихъ настоянія, чтобы этотъ человѣкъ, начавшій дрожать надъ каждою копѣйкою и державшій единственное родное лицо—племянника, вдали отъ себя и въ черномъ тѣлѣ—хоть немного улучшилъ бы свою ежедневную пищу, къ которой полагалась бутылка квасу—на два дня. Сторонясь ото всѣхъ, тщательно оберегая маленькій желѣзный сундучокъ, запертый въ комодѣ—Солодовниковъ умеръ такъ же неожиданно, какъ и его братъ. Горькая судьба его, постепенно разбившая все, чѣмъ онъ думалъ скрасить свою изуродованную жизнь и поселившая, на старость, мракъ и холодъ въ его когда-то доброй и довѣрчивой душѣ—и послѣ смерти его не смягчилась надъ нимъ! Онъ долго пролежалъ въ томъ же положеніи, въ которомъ умеръ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ—и лишь когда окончено было опустошеніе, предпринятое вокругъ него, подсудимый перевернулъ его на спину и сложилъ ему застывшія руки крестомъ. Не было надъ нимъ ни слезъ, ни горькаго молчанія родной души. Не воцарилась вокругъ него торжественная тишина, таинственно внушаемая смертью... Вокругъ него курили, дымя не его «мужицкими», а «барскими» сигарами г-на Любавина и—когда, благодаря невниманію дворниковъ, обмывавшихъ трупъ, онъ ударился головой объ полъ, ему было съ насмѣшкою сказано: «что? теперь не видишь, а лѣтомъ все замѣчалъ и ругался»...

Я упомянулъ объ опустошеніи, которое совершалось вокругъ мертваго Солодовникова. Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что оно произошло. Тѣ средства, которыя имѣлъ Солодовниковъ въ

срединѣ 60-хъ годовъ и которыя причиняли его рукамъ мозоли, а его душѣ стыдъ по отношенію къ выигрышамъ—могли только возрости, но никакъ не изсякнуть. Стоитъ припомнить образъ его жизни въ послѣдніе годы, его скупость, его скаредность, по выраженію одного изъ свидѣтелей. Всякій скупецъ страдаетъ своего рода ослѣпленіемъ. Онъ мѣряетъ однимъ масштабомъ и свое золото, и свои дни. Ему обыкновенно кажется, что по мѣрѣ того, какъ ростетъ это золото, ростетъ и количество дней, отсчитанныхъ судьбою. То же было, какъ видно, и съ Солодовниковымъ. Онъ сберегалъ, оберегалъ и копилъ деньги, отказывая себѣ даже въ хорошей пищѣ и въ свѣжемъ квасѣ. Въ его замкнутой жизни и не могло быть никакихъ особыхъ затратъ. Поэтому его капиталъ, во всякомъ случаѣ, не могъ уменьшиться. Это очевидно и не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Между тѣмъ, этого капитала не оказалось ни на лицо, ни на храненіи при производствѣ описей судебныхъ приставовъ, начатыхъ чрезъ четыре дня послѣ смерти обладателя, имущество котораго было опечатано полиціею лишь чрезъ девять часовъ послѣ обнаруженія его кончины. Отчего такъ поздно,—вопреки закону и обычаю? Оттого, что полиціи дано было знать не тотчасъ, а лишь чрезъ 8 часовъ по смерти, такъ какъ находившійся при умершемъ Сусленниковъ запретилъ садовнику, дворникамъ и слугѣ это дѣлать раньше, внушивъ имъ вообще молчать о случившемся.

Кто же этотъ Сусленниковъ, который, лишь съѣздивъ въ городъ и привезя пріятеля, разрѣшаетъ увѣдомить полицію? Я другъ покойнаго,—заявляетъ онъ самъ о себѣ—и другъ стародавній, съ 1843 г. Безъ меня, говоритъ онъ, Солодовниковъ не могъ ни ѣсть, ни пить, — меня, меня одного любилъ онъ, никого не любившій, — меня встрѣчалъ съ радостью, мнѣ довѣрялъ вполнѣ и безусловно. — Хотѣлось бы вѣрить этому: хорошая и прочная дружба въ наше время — вещь рѣдкая! — Но званіе друга какъ-то противорѣчитъ поведенію Сусленникова тотчасъ послѣ того, какъ многолѣтнія добрыя отношенія порваны смертью. Брошенное на произволъ прислуги тѣло, суетливая бѣготня по дому и вся обстановка обмыванія какъ-то не вяжутся съ естественнымъ огорченіемъ вѣрнаго и любимаго друга, который, имѣя, по собственнымъ словамъ, мягкія руки, ежедневно натиралъ разными мазями то самое тѣло, надъ которымъ, въ присутствіи этого друга и курившихъ посѣтителей, глумились, стукнувшіе его головою объ полъ, дворники... А гдѣ есть противорѣчіе, тамъ законное мѣсто сомнѣнію. Подъ вліяніемъ этого сомнѣнія вспоминается намъ многое, выслушанное здѣсь, на судѣ.

Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, указанія на необходимыя свойства дружбы въ отношеніяхъ Солодовникова къ Сусленникову, гдѣ уваженіе, довѣріе, забота о другѣ? — Солодовниковъ, по словамъ

подсудимаго, будто бы предлагалъ ему за деньги жениться на своей «содержанкѣ», считалъ его—въ разговорѣ съ Куликовымъ и Гессе—человѣкомъ готовымъ на все и способнымъ его задушить и, выражая нежеланіе оставлять его у себя ночевать, примѣнялъ къ нему названія, изъ которыхъ «разбойникъ» еще было не худшимъ. Таково уваженіе къ нему Солодовникова. Посмотримъ на заботу о немъ, на любовь къ нему. Самъ Сусленниковъ заявляетъ здѣсь, что покойный другъ его обращался съ нимъ тираннически, радовался разстройству его дѣлъ и держалъ его на семи рубляхъ въ мѣсяцъ жалованья, возлагая на него самыя разнообразныя порученія. Доктору Гессе онъ, ругая подсудимаго, говорилъ, что собирается прогнать его и что отпуститъ его «безъ штановъ, какъ крысу»... Покойный былъ боленъ долго, могъ и долженъ былъ, хотя бы по временамъ, ожидать смерти, а между тѣмъ, мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда завѣщательныхъ распоряженій въ пользу осиротѣлаго друга... Такова забота о Сусленниковѣ.

Взглянемъ на довѣріе. Хотя то, что мы знаемъ о степени уваженія Солодовникова къ подсудимому, могло бы служить и для оцѣнки степени довѣрія къ нему, но нельзя однако обойдти фактовъ, указываемыхъ имъ здѣсь. Итакъ, прежде всего—поѣздка въ Москву для врученія таинственному старцу таинственнаго пакета съ деньгами, зашитаго собственноручно Солодовниковымъ въ карманъ Сусленникова. По разсказу подсудимаго, это произошло во время производства, въ Моршанскомъ уѣздѣ, дѣла объ извѣстномъ скопцѣ Плотицынѣ, такъ что приходится заключить, что или Солодовниковъ боялся своего привлеченія къ скопческому дѣлу, или же оказывалъ тамбовскимъ скопцамъ, находившимся, вслѣдствіе ареста ихъ главы и покровителя, въ удрученномъ положеніи, матеріальную помощь. Но ни того, ни другого быть не могло. Изъ слѣдственнаго дѣла видно, что показанія Солодовникова о насильственномъ оскопленіи его въ отрочествѣ братомъ—вполнѣ подтвердились, и что не только всякое производство о немъ было прекращено, но что Императоръ Николай, въ справедливомъ участіи къ судьбѣ несчастнаго, повелѣлъ не чинить ему никакихъ препятствій въ пользованіи тѣми правами, которыхъ завѣдомые скопцы, по закону, лишены. И вы знаете, что въ началѣ 50-хъ годовъ Солодовниковъ служилъ въ выборной должности засѣдателя Надворнаго Суда. Слѣдовательно, ему лично нечего было бояться, когда надъ виновниками его увѣчья, надъ скопцами разразилась судейская буря. По этой же самой причинѣ, не имѣя съ ними ничего общаго, онъ не могъ и принимать какого либо матеріальнаго участія въ ихъ судьбѣ—и когда же? въ послѣдніе годы своей болѣе чѣмъ разсчетливой жизни... Весь этотъ разсказъ несомнѣнно вымышленъ.

Затѣмъ намъ могутъ указать, что довѣріе выразилось въ порученіяхъ окончить дѣло у мирового судьи и продать брилліанты изъ иконы св. Николая Чудотворца. Но довѣріе по дѣлу съ обиженною кухаркою было вынужденное: не дворника же или садовника посылать въ засѣданіе?—да и это довѣріе было, если вѣрить словамъ самого Сусленникова, имъ обмануто. Онъ утаилъ, что кухарка просила всего 100 рублей безчестья и что ей въ искѣ отказано, а ограничился глухимъ указаніемъ, что «покончилъ» дѣло, оставивъ Солодовникова въ увѣренности, что на это окончаніе дѣла пошли данныя ему 10 т. руб. сер. Онъ здѣсь говоритъ, что Солодовниковъ ихъ молчаливо далъ ему въ награду, не спросивъ объ условіяхъ примиренія. Но этому противорѣчитъ его же собственный разсказъ о томъ, что, узнавъ, наканунѣ смерти, объ удержанныхъ Сусленниковымъ деньгахъ, Солодовниковъ радостно и на колѣняхъ благодарилъ Бога, не допустившаго его умереть должникомъ своего друга. И если мы повѣримъ трогательной картинѣ, изображающей умиравшаго отъ водяной въ груди и въ *ногахъ*, стоящимъ на *колѣняхъ*, то тѣмъ самымъ мы признаемъ, что онъ считалъ 10 т. р. ушедшими на окончаніе дѣла, а не въ карманъ Сусленникова, т. е. что онъ былъ обманутъ. А если не повѣримъ этой картинѣ, то, въ интересахъ самого подсудимаго лучше всего *это* доказательство довѣрія оставить безъ разсмотрѣнія.

Что же касается до драгоцѣнной иконы, изъ которой были вынуты брилліанты, то разсказъ о порученіи Солодовникова вынуть ихъ и продать, причемъ скупой, «тираническій» старикъ даже и не спросилъ о результатѣ своего порученія—разлетается какъ дымъ въ виду позднѣйшаго разсказа того же Сусленникова о томъ же порученіи, сдѣланномъ уже наслѣдникомъ умершаго, Василіемъ Солодовниковымъ, три мѣсяца спустя. Оба разсказа противорѣчатъ одинъ другому и служатъ очень зыбкимъ основаніемъ къ заключенію о довѣріи. Одно изъ нихъ вытекаетъ однако несомнѣнно, если только не отвергнуть оба, какъ лживые,—это то, что въ каждомъ изъ этихъ случаевъ подсудимый не отдалъ вырученныхъ денегъ довѣрителю и послѣ смерти обоихъ окончательно присвоилъ ихъ себѣ.

Итакъ, вотъ въ какомъ видѣ представляется дружба Солодовникова съ подсудимымъ. Ея размѣръ и свойства даютъ возможность оцѣнить истинное достоинство повѣствованій Сусленникова объ источникѣ его обогащенія. Мы знаемъ, что до смерти Солодовникова онъ былъ въ весьма незавидномъ матеріальномъ положеніи. Комната въ Петербургѣ и 7 руб. жалованья въ мѣсяцъ, съ обязанностью ѣздить на дачу—вотъ все, что имѣлъ онъ. Не даромъ Солодовниковъ грозился, что онъ уйдетъ отъ него, какъ и пришелъ, «безъ штановъ»... Когда началось дѣло о расхи-

ценіи имущества, слѣдственная власть долго медлила привлеченіемъ Сусленникова. Эта медленность, могшая имѣть, повидимому, неблагопріятныя для правосудія послѣдствія, оказалась однако весьма полезною. Сусленниковъ, успокоившись за свою судьбу, никѣмъ не тревожимый, увѣренный, что дѣло будетъ предано «волѣ Божіей», ободрился, встрепенулся и началъ свои обороты, такъ что когда произвели у него, чрезъ семь мѣсяцевъ по смерти Солодовникова, обыскъ, то онъ оказался богатымъ человѣкомъ.

Вы слышали, что у него нашли на 40 т. р. векселей, счеты, указывающіе на обладаніе 5% банковыми билетами на 35 т. р., а въ наличности 950 р. и на 7 т. тѣхъ же 5% билетовъ. Векселя выданы ему и обороты съ 5% билетами произведены уже послѣ смерти Солодовникова. Онъ заявляетъ намъ, что состояніе это составилось изъ 10 т. р., утаенныхъ въ 1868 г. при окончаніи дѣла съ обиженною кухаркою и изъ 15 т. р., данныхъ Солодовниковымъ наканунѣ смерти въ благодарность за службу и дружбу. Къ этимъ деньгамъ, согласно его послѣднимъ объясненіямъ, надо прибавить еще около 3,800 р., вырученныхъ за кольцо покойнаго и за брилліанты съ образа. Итого 28,800 р. Посмотримъ на это объясненіе сначала съ *цифровой* стороны. Сусленниковъ до смерти Солодовникова ничего не имѣлъ, кромѣ десяти тысячъ. Чрезъ семь мѣсяцевъ послѣ этой смерти, у него около 83 тысячъ. Откуда же взялось свыше 54 т. р.? Этого онъ объяснить не можетъ. Предположимъ, что часть этой суммы, даже половина ея отдана подъ векселя — все-таки откуда же взялись лишнихъ 27 тыс.? Притомъ, значительная часть векселей писана ранѣе, чѣмъ счеты на продажу 5% билетовъ, а съ начала слѣдствія и перваго допроса обвиняемаго еще въ качествѣ свидѣтеля прошло семь мѣсяцевъ, и въ это время, на всякій случай, наличность можно было помѣстить въ вѣрныя руки безопасно и для посторонняго взора — безслѣдно. Наконецъ, были ли же въ этотъ промежутокъ и расходы. По словамъ подсудимаго, онъ истратилъ на содержаніе дачи и дома 3,000 р. и съ осени прошлаго года повелъ, по показанію свидѣтеля Мосолова, жизнь на широкую ногу, сталъ ѣздить въ Москву въ спальномъ вагонѣ перваго класса и т. д. Такимъ образомъ, цифры плохо вяжутся съ разсказомъ о щедрости Солодовникова: онѣ ее далеко превышаютъ...

Посмотримъ на *способъ* происхожденія этихъ средствъ, согласно тому же разсказу. Вы уже знаете, господа присяжные, покойнаго Солодовникова и, конечно, такъ же какъ и я, сомнѣваетесь въ такой несогласной съ его характеромъ щедрости. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мало похожа на покойнаго подобная щедрость! Считать и усчитывать каждую копѣйку, во всемъ себѣ отказывать — и *забыть* про десять тысячъ, мучаясь въ то же время при мысли, что можно наградить друга лишь 15, а не 25 тыся-

чами, какъ бы слѣдовало; жить для себя, думать исключительно о себѣ — и оставлять на расходы по смерти всего 28 р.; всю жизнь быть аккуратнымъ и дѣловитымъ, а вмѣсто завѣщанія съ торжественнымъ признаніемъ услугъ ближайшаго человѣка — сунуть ему деньги тайкомъ, безъ свидѣтелей этой щедрости... это все совершенно неправдоподобно! И притомъ, развѣ Солодовниковъ могъ знать, что въ ту же ночь умретъ внезапно, одинъ, безпомощно, чтобы лишать себя всей денежной наличности, которую имѣетъ? И почему же Сусленниковъ не поспѣшилъ разсказать о своемъ счастіи окружающимъ, какъ предупредительно разсказывалъ о томъ впослѣдствіи Мосолову и другимъ, мало знакомымъ лицамъ? Наконецъ, выходитъ, что покойный отдалъ Сусленникову всю свою наличность, а отдалъ онъ, будто бы, 15 т. р. Но другъ и совѣтникъ подсудимаго Любавинъ настойчиво заявлялъ здѣсь, что Солодовниковъ получилъ свои 30 тысячъ, бывшія на текущемъ счету, еще въ маѣ. Съ мая Солодовниковъ никуда не выѣзжалъ, видѣлся лишь съ докторомъ, котораго, по словамъ подсудимаго, не любилъ и которому ничего не оставилъ. Въ августѣ онъ умеръ. Ужели онъ прожилъ въ три съ половиною мѣсяца 15 т. р.? Ужели онъ, жизнь котораго мы знаемъ, проживалъ до 50 т. въ годъ?

Затѣмъ послѣднее замѣчаніе по этому вопросу. Сусленниковъ облагодѣтельствованъ, его служба оцѣнена, но благодѣтель, поблагодаривъ «Яшу» за то, что тотъ утаилъ 10 т. и тѣмъ «успокоилъ» его послѣднія минуты — замолкъ навѣки... Чего же суетится такъ этотъ облагодѣтельствованный, бросаетъ покойника безъ призора, рыщетъ по городу и ведетъ себя самъ и позволяетъ другимъ вести себя около усопшаго безъ всякаго уваженія къ мѣсту и событію? Что такое таскаетъ онъ подъ полою, сторонясь отъ доктора Гессе? что такое засовываетъ онъ себѣ подъ пиджакъ, не замѣчая слѣдящаго за нимъ изъ другой комнаты Колосова? почему онъ бѣгаетъ изъ спальни умершаго къ себѣ наверхъ? чего онъ ищетъ въ комодѣ и ящикахъ, отпирая ихъ разными ключами? Гдѣ,—если не скорбь друга, то благодарность только что одареннаго; гдѣ,—если не благодарность, то простое приличіе поведенія самаго развитого изъ домочадцевъ покойнаго!? Онъ отрицаетъ свои похожденія въ утро обнаруженія смерти Солодовникова, но предъ нами точныя, ясныя и совершенно опредѣленныя показанія Колосова, дворниковъ и садовника, которому, посланному впослѣдствіи извѣстить полицію, онъ подарилъ искусственную челюсть умершаго, проданную за 25 р. Показанія эти подкрѣпляются словами Гессе и пустотою въ денежныхъ хранилищахъ Солодовникова. Гдѣ записныя и расходныя книги хозяина, который «все замѣчалъ и за все бранился», веденныя, подобно дневнику, изъ года въ годъ, въ величайшемъ порядкѣ? Онѣ

исчезли безслѣдно, а вмѣсто нихъ явилась какая-то росписка Любавина на 7 тысячъ, противъ которой онъ «не хотѣлъ спорить», несмотря на то, что текущій счетъ Солодовникова былъ исчерпанъ еще въ маѣ. Поэтому я вѣрю показаніямъ этихъ свидѣтелей, вѣрю и тому, что подсудимый жаловался Колосову, что его трясетъ лихорадка... Это была, вѣроятно, лихорадка стяжанія.

Но—скажутъ намъ—вы забываете, что Сусленниковъ явился къ доктору Гессе и заявилъ, что ему дали знать въ городъ о смерти Солодовникова. Это я имѣю въ виду, но имѣю въ виду и то, что онъ зналъ, что Гессе дежурный по больницѣ и отлучиться не можетъ, о чемъ самъ, наканунѣ, бывши на дачѣ, заявилъ Сусленникову и больному. Поэтому пріѣздъ Гессе на дачу, гдѣ уже снова былъ подсудимый, привезшій и Любавина, былъ неожиданностью; этому пріѣзду надо, конечно, приписать снятіе запрещенія увѣдомлять полицію и посылку туда садовника Алимпіева.

Подсудимый, думается мнѣ, самъ сознаетъ, что отсутствія правдоподобнаго объясненія происхожденія его капитала и отрицанія раскрытыхъ слѣдствіемъ фактовъ — мало. Поэтому онъ расширяетъ свои оборонительныя работы и дѣлаетъ вылазки противъ свидѣтелей. Надо доказать, что похищать было нечего, ибо средства Солодовникова ушли на какое-то таинственное назначеніе—и вотъ является повѣствованіе о загадочномъ московскомъ старцѣ. Но мы уже видѣли, что этотъ разсказъ есть плохо обдуманный вымыселъ. Надо доказать, что свидѣтелямъ вѣрить нельзя— и является разсказъ о кражѣ кольца покойнаго Колосовымъ, о пропавшей у него жилеткѣ, въ карманѣ которой было «достаточно», — дѣлаются намеки на небезкорыстное отношеніе Куликова и Гессе къ своему куму. Но если перстень былъ дѣйствительно украденъ Колосовымъ, то зачѣмъ же Сусленниковъ далъ за него 50 р. и самъ его перепродалъ за 1600 р., а не отобралъ просто, да еще и пригрозивъ, и не отдалъ наслѣднику? Простое объясненіе Колосова разбиваетъ и исторію о зашитыхъ въ жилеткѣ капиталахъ. Въ ней было 70 р., накопленныхъ отъ жалованья. О потерѣ ихъ онъ и плакался прачкѣ. Если онъ такой нечистый на руку человѣкъ, то зачѣмъ же Любавинъ, по просьбѣ Сусленникова, предлагалъ ему у себя во всякое время мѣсто? Правда, Любавинъ потомъ не далъ мѣста, но это произошло послѣ показанія Колосова у слѣдователя, причемъ онъ обнаружилъ не всегда удобную привычку любопытствовать и болтать о результахъ своего любопытства. Признавая вполнѣ понятнымъ ожиданіе, что богатый и одинокій старикъ оставилъ что нибудь своимъ крестникамъ и не видя въ этомъ ожиданіи никакого подрыва правдивости показаній Куликова и Гессе, обращаюсь, наконецъ, къ иконѣ св. Николая Чудотворца. Проданные Иванову брилліанты подарилъ

капельмейстеръ Лядовъ, говоритъ сначала Сусленниковъ 15 апрѣля. За что? — надо спросить Лядова... Но Лядовъ умеръ 1 апрѣля. Ссылка на мертваго рѣдко бываетъ успѣшна и никогда не возбуждаетъ полнаго довѣрія. А тутъ еще оказывается, что ювелиру Иванову продано около 42½, каратовъ, а по экспертизѣ Гау—изъ иконы вынуто именно отъ 40 до 45 каратовъ. Тогда дается другое объясненіе. Брилліанты вынуты по приказанію Солодовникова, предъ его смертью, но не отданы, въ ожиданіи переѣзда въ городъ. Но оказывается, что брилліанты замѣнены стразами почему-то не всѣ, и что это сдѣлано въ ноябрѣ. А Солодовниковъ умеръ—въ августѣ. И вотъ является третье объясненіе: брилліанты просилъ вынуть наслѣдникъ, Василій Солодовниковъ, нуждавшійся въ деньгахъ до ввода во владѣніе наслѣдствомъ и полагавшій, что монахамъ на Валаамѣ, куда предназначался образъ, все равно—будутъ ли въ немъ брилліанты или стразы. Подсудимый не могъ дать денегъ—и продалъ брилліанты, но денегъ не отдалъ. Почему не могъ дать наслѣднику денегъ?—вѣдь онъ только что получилъ отъ покойника 15 т. и долгъ былъ бы обезпеченъ охраненнымъ имуществомъ, домомъ, дачею... Почему, наконецъ, не отдалъ вырученныхъ денегъ? И это объясненіе, сшитое бѣлыми нитками, является здѣсь лишь впервые—и, главное, опять опирается на мертваго, ибо Василій Солодовниковъ тоже умеръ... Вообще, что за странное отношеніе у подсудимаго ко ввѣряемымъ ему деньгамъ! Онъ все ждетъ удобнаго случая, чтобы отдать ихъ—и все никакъ не соберется, покуда смерть, наступающая или наступившая, не избавитъ его отъ этой горестной обязанности. И 10 тысячъ, предназначавшіяся, будто бы, кухаркѣ,—и вырученное изъ хищническихъ рукъ кольцо—и деньги за брилліанты—все это не отдано своевременно тому, кому слѣдовало по праву...

Однако, довольно. Дѣло это, по моему мнѣнію, должно быть ясно вамъ, г-да присяжные, и его незачѣмъ далѣе разъяснять. Я обвиняю Сусленникова въ томъ что, воспользовавшись смертью Солодовникова, онъ похитилъ, но сколько могъ, его имущество,—на большую сумму, во всякомъ случаѣ, во много разъ превышающую 300 р., о которыхъ говоритъ карательный законъ.

Подсудимый говоритъ, что однимъ изъ основаній любви къ нему Солодовникова было то, что у него мягкія руки, удобныя и пріятныя для растираній. Быть можетъ, вашъ приговоръ докажетъ, что у него руки не только мягкія, но и длинныя...

III.

По дѣлу о подлогѣ росписки въ 35,000 руб. сер. отъ имени княгини Щербатовой.

2-го марта 1870 г. титулярный совѣтникъ Петръ Торчаловскій подалъ въ С.-Петербургскій Окружный Судъ прошеніе о взысканіи съ княгини Анны Григорьевой Щербатовой 35,000 руб. по домашнему обязательству. Представленное Торчаловскимъ при прошеніи домашнее обязательство заключалось въ томъ, что княгиня Щербатова, поставляя себѣ долгомъ вознаградить титулярнаго совѣтника Петра Петровича Торчаловскаго за усердную службу по управленію ея дѣлами и за уваженіе, которое онъ ей, какъ посаженый сынъ ея, постоянно оказывалъ, обязуется заплатить ему, Торчаловскому, во всякое время, когда онъ того пожелаетъ, 35,000 руб. Обязательство составлено 8-го января 1870 г., и за подписью княгини Анны Щербатовой слѣдовала въ немъ подпись дворника дома ея Павла Аверьянова, какъ свидѣтеля.

Въ заявленіи, поданномъ 26-го марта въ С.-Петербургскій Окружный Судъ по поводу прошенія Торчаловскаго, княгиня Анна Григорьева Щербатова объяснила, что она никогда и никому никакихъ росписокъ не выдавала и тѣмъ болѣе не могла выдать росписки Торчаловскому, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ удаленъ былъ ею отъ управленія ея имѣніемъ въ Черниговской губерніи за неблаговидные поступки, а впослѣдствіи хотя и былъ принятъ въ управляющіе ея домомъ въ С.-Петербургѣ, но вторично удаленъ за злоупотребленія. Признавая какъ самую росписку, такъ и подпись на оной, если таковая имѣется, подложною, княгиня Щербатова просила судъ передать дѣло для разслѣдованія въ порядкѣ уголовномъ.

Обвиняемый Торчаловскій, не признавая себя виновнымъ въ подлогѣ подписи княгини Щербатовой или въ склоненіи ея къ подписанію обязательства посредствомъ обмана, объяснилъ, что зналъ покойную княгиню Щербатову еще съ 1849 года, когда она была посаженою его матерью. Съ 1859 года онъ управлялъ ея имѣніемъ въ Черниговской губерніи, но, не получая отъ княгини вознагражденія за труды свои, долженъ былъ оставить управленіе ея дѣлами. Въ 1869 году онъ познакомился съ покойнымъ мужемъ ея, княземъ Щербатовымъ, содержавшимся тогда въ домѣ неисправныхъ должниковъ, и по дѣламъ его снова вошелъ въ сношенія съ княгинею Щербатовою,

которая пригласила его къ управленію ея домомъ. Не получая отъ княгини, такъ же какъ и въ прежнее время, никакого вознагражденія за труды и ожидая этого вознагражденія только въ будущемъ, онъ рѣшился наконецъ просить княгиню Щербатову чѣмъ либо вознаградить его. Княгиня Щербатова велѣла ему приготовить обязательство. Когда же онъ принесъ ей черновое обязательство, въ которомъ выговорилъ себѣ 50,000 руб., то княгиня велѣла убавить цифру до 35,000 руб. Написавъ черновую росписку въ назначенной ею суммѣ, онъ снова пришелъ къ княгинѣ; она велѣла ему переписать росписку у себя же въ спальнѣ, но однакожъ и въ этотъ разъ не подписала. Когда онъ въ третій разъ пошелъ къ княгинѣ съ заготовленною роспискою, то встрѣтилъ во дворѣ дворника Павла Аверьянова, который шелъ тоже къ ней за полученіемъ жалованья. Войдя вмѣстѣ съ нимъ въ помѣщеніе княгини, дворникъ остался у дверей спальни, а онъ, Торчаловскій, подалъ росписку къ подписанію. Княгиня прочла росписку, велѣла дворнику подать себѣ чернильницу и подписала. Затѣмъ онъ, Торчаловскій, просилъ ее дозволить дворнику подписаться на роспискѣ въ качествѣ свидѣтеля и, получивъ на это разрѣшеніе, прочелъ росписку дворнику въ присутствіи княгини, а потомъ вышелъ въ столовую. Дворникъ, получивъ отъ княгини свое жалованье, вышелъ вслѣдъ за нимъ въ столовую и подписался на роспискѣ, въ столовой же въ это время была и ключница княгини Марія Карловна Константинова. Въ такомъ положеніи были отношенія его, Торчаловскаго, къ княгинѣ Щербатовой до вступленія въ ея домъ госпожи Минихъ и баронессы Энгельгардтъ. Со вступленіемъ этихъ двухъ женщинъ въ домъ княгини Щербатовой, вниманіе ея къ нему начало ослабѣвать и онъ поставленъ былъ въ необходимость выносить отъ нихъ различныя оскорбленія. Вслѣдствіе этого онъ оставилъ управленіе дѣлами княгини Щербатовой и обратился къ ней черезъ нотаріуса съ просьбою кончить съ нимъ разсчеты, но, не получивъ отъ нея ожидаемаго отвѣта, вынужденъ былъ черезъ повѣреннаго своего, Полетаева, представить обязательство княгини Щербатовой въ судъ ко взысканію. Тогда повѣренный Щербатовой, Бартошевичъ, по личной къ нему враждѣ, настроилъ ее заявить о подлогѣ въ документѣ.

Обвиняемый крестьянинъ Павелъ Аверьяновъ, не признавая себя виновнымъ въ лжесвидѣтельствѣ, показалъ, что въ продолженіе двухъ лѣтъ проживалъ въ домѣ княгини Щербатовой дворникомъ и подтвердилъ вполнѣ, во всемъ относящемся до него, показаніе Торчаловскаго, съ тою лишь разницею, что чернильницу подавалъ княгинѣ Щербатовой не онъ, а самъ Торчаловскій.

Присяжный стряпчій Мечиславъ Бартошевичъ показалъ, что въ февралѣ мѣсяцѣ 1870 г. Торчаловскій обращался къ нему съ просьбою пособить ему во взысканіи съ княгини Щербатовой 35,000 рублей. Будучи повѣреннымъ по дѣламъ княгини Щербатовой, онъ, Бартошевичъ, отказалъ Торчаловскому и передалъ объ этомъ при свиданіи княгинѣ Щербатовой. Она сказала ему, что никогда и никакихъ никому росписокъ не выдавала и при этомъ удивлялась тому, какимъ образомъ дворникъ могъ быть свидѣтелемъ на какомъ либо ея документѣ, такъ какъ онъ никогда не входилъ въ ея комнаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ она объяснила, что странно было бы думать, чтобы она могла подарить Торчаловскому 35,000 руб. въ благодарность за то, что онъ много разъ ее обманывалъ. На вопросъ его, Бартошевича, не подписала ли она такой росписки вмѣсто другой бумаги, княгиня Щербатова сказала ему, что Торчаловскій нѣсколько разъ подавалъ ей къ подписи бумаги по управленію домомъ. Петръ Михайловичъ Майковъ, столичный мировой судья, показалъ, что о роспискѣ Щербатовой въ 35,000 руб. узналъ первоначально отъ письмоводителя своего Залѣскаго; затѣмъ, по приглашенію Бартошевича, самъ былъ у княгини Щербатовой. Она была очень изумлена поступкомъ Торчаловскаго и удостовѣряла, что никакихъ денежныхъ обязательствъ никогда ему

не выдавала. Письмоводитель Майкова, Матвѣй Залѣскій, объяснилъ, что Торчаловскій при свиданіи съ нимъ въ канцеляріи мирового судьи хвалился тѣмъ, что обманулъ княгиню Щербатову, давъ ей подписать росписку подъ видомъ другой бумаги. Показаніе это подтвердилъ Илья Попыревъ, служившій вмѣстѣ съ Залѣскимъ въ канцеляріи мирового судьи. С.-Петербургскій купецъ Иванъ Бондыревъ, завѣдывавшій до Торчаловскаго домомъ княгини Щербатовой, показалъ, что обвиняемый Павелъ Аверьяновъ при немъ еще служилъ дворникомъ въ домѣ Щербатовой. Въ 1870 году Павелъ Аверьяновъ приходилъ къ нему, Бондыреву, просить мѣста и между прочимъ разсказывалъ, что Торчаловскій обѣщалъ ему 500 рублей за свидѣтельское показаніе по поводу настоящаго дѣла, что у него уже есть росписка въ эту сумму отъ Торчаловскаго. Присяжный повѣренный Полетаевъ заявилъ, что, получивъ отъ Торчаловскаго приглашеніе принять ходатайство по взысканію съ княгини 35,000 руб., онъ объявилъ ему, по обозрѣніи росписки, что такъ какъ документъ домашній и на большую сумму, то, по всей вѣроятности, на судѣ заявленъ будетъ споръ о подлогѣ. Тогда Торчаловскій доставилъ разные документы съ подписями Щербатовой, и по сличеніи подписей онъ, Полетаевъ, пришелъ къ убѣжденію, что подпись княгини Щербатовой на роспискѣ подлинная. Какъ на свидѣтелей, бывшихъ при выдачѣ обязательства, Торчаловскій указывалъ ему, Полетаеву, на Аверьянова и Константинову, причемъ передалъ даже ему письмо, полученное отъ Аверьянова. Въ письмѣ этомъ, представленномъ къ слѣдствію, Павелъ Аверьяновъ пишетъ, между прочимъ, Торчаловскому слѣдующее: «а что касается до исполненія моей обязанности, то каждый часъ готовъ къ вашимъ услугамъ, только извольте отписать». Отобранная къ слѣдствію отъ обвиняемаго Павла Аверьянова росписка, выданная ему 20-го мая 1870 года Торчаловскимъ, заключается въ томъ, что Торчаловскій обязался заплатить Аверьянову 700 рублей изъ 35,000 рублей, слѣдующихъ ему по денежному обязательству покойной княгини Щербатовой.

Въ связи съ этою роспискою и письмомъ Аверьянова, характеръ отношеній Торчаловскаго къ Аверьянову выясняется еще запискою, которая отобрана была полицейскимъ служителемъ Шкеневымъ отъ Торчаловскаго при сопровожденіи его подъ арестъ и представлена смотрителю полицейскаго дома. Записка эта заключалась въ слѣдующемъ: «Милая Соня, я арестованъ и отправленъ въ Рождественскую часть. Съѣзди къ Павлу и скажи, чтобъ онъ показалъ о роспискѣ въ 700 рублей за поѣздку изъ деревни, прочее же такъ, какъ было. Онъ живетъ у Николы, угольный домъ. Скажи Павлу, чтобы онъ твердо стоялъ, что показалъ. Сегодня побывай у Павла».

Вдова чиновника Марія Константинова, спрошенная на слѣдствіи, показала, что проживала у покойной княгини Щербатовой въ продолженіе 8 лѣтъ. Со словъ княгини Щербатовой ей извѣстно, что Торчаловскій управлялъ въ прежнее время имѣніемъ княгини, но удаленъ былъ за обманъ и съ тѣхъ поръ въ домъ къ ней не появлялся. Въ 1869 году онъ обратился съ письмомъ къ княгинѣ, а вслѣдъ за письмомъ явился лично, просилъ у княгини прощенія за прошлое и вскорѣ послѣ того допущенъ былъ къ управленію домомъ. Никакой росписки княгиня Щербатова Торчаловскому не выдавала и намѣренія выдавать таковую не имѣла, такъ какъ вознаграждать его ей было не за что. Нѣсколько разъ покойная княгиня Щербатова говорила ей, что писаннаго разбирать не можетъ, и если при подписи вглядывается въ бумагу, то для того только, чтобы думали, что она умѣетъ читать и что обмануть ее нельзя. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1870 года она, Константинова, вынуждена была по болѣзни оставить домъ княгини Щербатовой и поступить въ Маріинскую больницу. Торчаловскіе очень часто навѣщали ее и уговаривали переѣхать къ нимъ. Въ маѣ мѣсяцѣ она къ нимъ переѣхала, и на

другой же день Торчаловскій просилъ ее переписать составленное имъ отъ имени ея письмо, въ которомъ заключалось удостовѣреніе о томъ, что княгиня Щербатова выдала ему росписку въ 35,000 рублей. При этомъ Торчаловскій увѣрялъ ее, что письмо это нужно только для обстановки дѣла, что ее никуда по письму этому не потребуютъ. Находясь въ болѣзненномъ состояніи, не имѣя ни средствъ, ни пріюта, она переписала и подписала письмо. Оправившись отъ болѣзни, она требовала письмо обратно, но Торчаловскій отказалъ ей въ этомъ.

Спрошенная по заявленію Торчаловскаго, дочь чиновника Анна Коханѣева показала, что въ 1870 году, по совѣту жены Торчаловскаго, она обращалась къ княгинѣ Щербатовой съ просьбою о пособіи, но Щербатова, отказавъ ей въ просьбѣ, отозвалась о Торчаловскомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Негодяй, мерзавецъ! Я не съ тѣмъ подписала, чтобы онъ подалъ при моей жизни, но послѣ смерти моей». Спрошенные по поводу этого показанія бывшій повѣренный княгини Щербатовой Бартошевичъ и проживавшія у Щербатовой, въ 1870 году, баронесса Марія Энгельгардтъ и Елисавета Минихъ показали, что никогда не встрѣчали Коханѣевой въ домѣ Щербатовой.

Эксперты, производившіе сличеніе подписи княгини Щербатовой на роспискѣ, представленной Торчаловскимъ ко взысканію, нашли, что подпись на роспискѣ имѣетъ сходство съ ея несомнѣнными подписями.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ, титулярный совѣтникъ Торчаловскій и крестьянинъ Павелъ Аверьяновъ были преданы суду по обвиненію: Торчаловскій въ томъ, что, воспользовавшись неумѣніемъ княгини Щербатовой читать писанное, далъ ей подписать, вмѣсто относящейся къ управленію домомъ бумаги, составленное имъ въ свою пользу отъ имени ея денежное обязательство, и это подложное обязательство представилъ затѣмъ въ судъ ко взысканію, и Аверьяновъ въ томъ, что, зная о такомъ происхожденіи этого обязательства, удостовѣрилъ дѣйствительность его своею подписью въ качествѣ свидѣтеля-очевидца.

Засѣданіе Петербургскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по этому дѣлу происходило 19 октября 1871 г. подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя *Якоби*. Защищали—Торчаловскаго прис. пов. *Потехинъ*, Аверьянова — прис. пов. *Ординъ*.

На судебномъ слѣдствіи, между прочимъ, свидѣтель *Бартошевичъ* показалъ, что жилъ въ домѣ княгини, часто бывалъ у нея, занимался веденіемъ ея дѣлъ, и домашній бытъ и характеръ ея были ему хорошо извѣстны. Между ними происходили частыя ссоры, вслѣдствіе того, что княгиня Щербатова, какъ женщина малообразованная, позволяла себѣ въ отношеніи его разныя неумѣстныя выходки; случалось, что онъ не бывалъ у нея по 2—3 мѣсяца. Онъ слышалъ, что княгиня была самаго простого происхожденія, 13-ти лѣтъ она бѣжала изъ Москвы и, какъ хорошенькая дѣвочка, понравилась встрѣтившемуся ей въ дорогѣ малороссійскому помѣщику Иваненко, который взялъ ее къ себѣ и впослѣдствіи женился на ней. Образованія она не получила никакого и до самой смерти не умѣла читать написаннаго, такъ что при подписаніи какихъ нибудь бумагъ, постоянно давала ихъ прочитывать кому нибудь изъ окружающихъ; писать она умѣла только: «А. Г. Барышникова», такъ что, по выходѣ за Щербатова, ей очень трудно было привыкнуть подписываться своею новою фамиліею. Княгиню постоянно окружали приживалки, съ которыми она часто ссорилась, прогоняла ихъ и замѣняла новыми; только одна Константинова жила 8 лѣтъ. Скупость ея доходила до смѣшного и даже до гадости; изъ боязни быть обсчитанной, она сама покупала молока на 2 — 3 копѣйки. Приживалокъ своихъ она ничѣмъ

не награждала и даже не платила ему, Бартошевичу, за веденіе дѣлъ; только за взысканіе 160,000 она дала ему квартиру въ своемъ домѣ, стоющую 3,000 руб. лей въ годъ. Щербатову довольно часто посѣщали и родные, и знакомые ея, вслѣдствіе того, что она распускала слухъ о своемъ громадномъ состояніи, дѣлала же она это съ цѣлью выйти замужъ за князя. При выходѣ ея замужъ за Щербатова, ей было 77 лѣтъ, а ему 28. Ее не хотѣли сначала вѣнчать, по непредставленію ею метрическаго свидѣтельства, но она пошла на исповѣдь, показала, что ей 45 лѣтъ, и послѣ этого была обвѣнчана съ Щербатовымъ. Бартошевичъ былъ шаферомъ у княгини и везъ ее изъ церкви, такъ какъ мужъ не хотѣлъ съ нею ѣхать. Князь женился на Барышниковой потому, что имѣлъ очень много долговъ и предполагалъ у нея огромное состояніе, но долги его, простиравшіеся до 300,000, оказались превышающими состояніе его жены. Вскорѣ послѣ свадьбы Щербатову начали осаждать кредиторы. Она сначала ассигновала на уплату долговъ мужа 5,000, потомъ 10, 30, наконецъ, 80,000, но затѣмъ, видя, что князь продолжаетъ дѣлать долги, а средствъ ея на уплату ихъ не хватаетъ, она прекратила удовлетвореніе его кредиторовъ. У нея оставалось еще тысячъ на 30—40 брилліантовъ, но ей было трудно съ ними разстаться. Въ январѣ 1869 года она пригласила къ себѣ докторовъ на консиліумъ и тѣ объявили, что у нея «семь» болѣзней и что она можетъ прожить только до вскрытія рѣки. Дѣйствительно, въ мартѣ мѣсяцѣ она почувствовала себя чрезвычайно дурно, а въ апрѣлѣ умерла. Передъ смертью и во время самой смерти ее окружали баронесса Энгельгардъ, дѣвицы Минихъ и Власова и кухарка. Коханѣевой Бартошевичъ никогда не видалъ у Щербатовой. Отношенія княгини къ Торчаловскому были слѣдующія: въ 1849 г. она, женивъ его на своей крестницѣ, была его посаженою матерью и помѣстила его у себя, отдавъ ему комнату за кухнею. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ удаленъ за то, что не хотѣлъ, по приказанію княгини, сходить въ конюшню поторопить запряжку лошадей. Послѣ этого, въ виду его крайняго, безвыходнаго положенія, она послала его управляющимъ въ Черниговскую губернію, гдѣ онъ пробылъ полгода и удаленъ былъ отъ должности вслѣдствіе того, что родные стали писать ей, будто бы Торчаловскій продавалъ лѣсъ и вообще разстроивалъ ея дѣла. Въ 1869 г. Торчаловскій явился къ ней снова въ качествѣ повѣреннаго ея мужа, сталъ ходить къ ней чаще и убѣдилъ ее поручить ему управленіе ея домомъ, на что она рѣшилась на томъ основаніи, что, будучи на глазахъ у нея, онъ не въ состояніи будетъ ее обманывать. Въ бытность Торчаловскаго управляющимъ домомъ, она часто жаловалась, что онъ мошенничаетъ, но это же самое она говорила и про всѣхъ, такъ какъ относилась вообще ко всѣмъ очень недовѣрчиво.

Письмоводитель мирового судьи 29-го участка *Зальскій* показалъ, что Торчаловскій, придя къ нему однажды въ камеру, на вопросъ его: «не обманула ли его княгиня?» вынулъ изъ кармана довѣренность на имя Полетаева, которому онъ поручалъ взыскать съ Щербатовой 35,000 по роспискѣ. При этомъ Торчаловскій разсказалъ ему, что, поставивъ за дверьми свидѣтелей, которые бы видѣли, какъ княгиня будетъ подписывать, онъ подалъ ей подписать эту росписку въ 35,000 вмѣсто довѣренности, сказавъ, что по старой довѣренности ему не выдаютъ болѣе исполнительныхъ листовъ. Сообщивъ ему это, подсудимый просилъ никому не говорить и обѣщался подѣлиться съ нимъ по полученіи денегъ. Торчаловскій говорилъ съ нимъ на ты, но дружбы между ними никакой не было, а знакомъ онъ съ нимъ такъ же, какъ и со всѣми повѣренными, часто бывающими въ камерѣ мирового судьи. Передавая о своей продѣлкѣ съ Щербатовой, подсудимый былъ совершенно трезвъ. Это произошло, кажется, 3-го марта, причемъ Торчаловскій показывалъ довѣренность, которую онъ несъ Полетаеву и которая, по словамъ его, была въ этотъ же день засвидѣтельствована у нотаріуса.

Обо всемъ этомъ Залѣскій на слѣдующій день разсказалъ мировому судьѣ, который спросилъ еще Попырева, также присутствовавшаго при разсказѣ Торчаловскаго, и на другой день написалъ объ этомъ товарищу прокурора.

Марія Константинова, служившая ключницею у Щербатовой, при перекрестномъ допросѣ объяснила, что въ продолженіе 8-ми лѣтъ была первымъ лицомъ у княгини, которая, если случалось давать кому рубль, то непремѣнно ей разсказывала, да и не ей одной, а всѣмъ, кому приходилось. Покойная была до того разсчетлива, что когда давала 15 к. на 2 фунта муки и ей не тотчасъ же отдавали грошъ сдачи, то она непремѣнно спрашивала свидѣтельницу: «Маруська, а ты мнѣ грошъ-то не отдала сдачи; поди принеси». Въ февралѣ мѣсяцѣ 1870 года, сильно заболѣвъ, свидѣтельница была увезена въ больницу, гдѣ пробыла до мая. Жалованья отъ княгини она никакого не получала; кое-когда та дарила ей на платьице, но всегда обѣщала не оставить ее послѣ смерти и записать на нее 5,000 р.; не исполнила же потому, что передъ смертью княгини ей сказали, что свидѣтельница умерла въ больницѣ. Торчаловскій долго не ходилъ къ княгинѣ изъ-за того, что, управляя ея имѣніемъ, построилъ безъ разрѣшенія ея домъ изъ ея лѣса и продалъ какія-то трубы. Потомъ, вдругъ однажды княгиня получила отъ него письмо, гдѣ онъ называлъ себѣ повѣреннымъ по дѣламъ князя и спрашивалъ, когда можетъ явиться. Княгиня ничего ему не отвѣчала и велѣла даже бросить письмо, но Торчаловскій, спустя нѣсколько времени, явился самъ и объяснилъ княгинѣ, что нужно 35,000 руб., чтобы потушить всѣ долги князя. Послѣ этого княгиня, недовольная своимъ управляющимъ Бондыревымъ, отдавшимъ безъ ея позволенія квартиру, согласилась взять Торчаловскаго управлять своимъ домомъ и дала ему квартиру. Во время его управленія, покойная княгиня часто говорила ей: «Маруська, у меня жильцовъ полный домъ, а денегъ нѣтъ». Кромѣ того, она жаловалась, что Торчаловскій вглядывается, когда она пишетъ, какъ будто хочетъ копировать, и боялась, что онъ замышляетъ что нибудь недоброе. Грамотѣ покойная знала худо; если держала въ рукахъ бумаги, такъ только для «проформы», а читала еще хуже. Во время нахожденія свидѣтельницы въ больницѣ, къ ней пріѣзжала жена Торчаловскаго, привезла ей шубу и перевезла ее къ себѣ на Петербургскую сторону; она была еще такъ слаба, что ее вели подъ руки, такъ какъ сама она не въ состояніи была идти. На другой день послѣ переѣзда ея къ Торчаловскимъ, она увидѣла у нихъ дворника Аверьянова, усѣвшагося противъ нея у стола, что ее сильно оскорбило и встревожило, такъ какъ Аверьяновъ постоянно прежде стоялъ передъ нею на вытяжку. Послѣ ухода дворника, Торчаловскій отзывался о немъ, какъ объ очень умномъ человѣкѣ, говоря, что не мужикомъ бы ему слѣдовало быть, и тутъ же далъ ей переписать письмо, составленное Торчаловскимъ и писанное будто бы ею изъ больницы. Не будучи въ состояніи по болѣзни уйти отъ Торчаловскихъ и живя у нихъ изъ милости, она должна была исполнить требованіе Торчаловскаго. По выздоровленіи, она просила отдать ей письмо, но подсудимый не хотѣлъ объ этомъ и слышать, говоря, что денежки его, что 35 тыс. онъ навѣрно получитъ, и что если она посмѣетъ заявить о томъ, что онъ заставилъ ее писать письмо, то все обрушится на ея голову. Письмо помѣчено 17-мъ марта, а въ это время она была въ больницѣ и никакъ не въ состояніи была писать; писала она письмо съ черновой, составленной Торчаловскимъ, а если не понимала которыхъ словъ, то онъ ей самъ диктовалъ; что именно говорилось въ письмѣ, она не помнитъ, такъ какъ была въ то время сильно встревожена, но знаетъ, что тамъ упоминалось о 35 тыс. Если княгинѣ случалось что нибудь подписывать, то она давала прежде прочитать находившейся при ней постоянно дѣвицѣ Власовой, которая прислуживала княгинѣ, мела полъ, подавала зубы чистить. По выходѣ за князя Щербатова, покойная продолжала подписываться старою фамиліею, и когда ей замѣчали это,

то она говорила, что надо еще приготовиться писать новую и мѣсяца три училась у Власовой подписываться княгинею Щербатовой. Съ Торчаловскимъ она часто ссорилась, называла его въ глаза и за глаза мошенникомъ, раскаявалась, что взяла его опять въ домъ да еще и благословляла его. Князь пріѣзжалъ къ княгинѣ изъ Долговаго Отдѣленія нѣсколько разъ, но потомъ княгиня разгнѣвалась на него за то, что она купила ему шубу, а онъ ее куда-то дѣвалъ. Какимъ образомъ они потомъ помирились — ей неизвѣстно, такъ какъ она была въ то время въ больницѣ. Аверьяновъ служилъ очень честно, княгиня любила его и довѣряла ему; когда разсердится на Торчаловскаго, то поручала Аверьянову собирать деньги и говорила: «Павелъ, ты честный человѣкъ, я тебѣ больше вѣрю, чѣмъ этому мошеннику, ты меня не обманешь». Въ день свадьбы у княгини пропала подвѣска изъ серьги, въ каретѣ, или въ другомъ мѣстѣ—неизвѣстно; дворникъ нашелъ и отдалъ ей одинъ брилліантъ, чѣмъ она осталась очень довольна. Дворникъ постоянно приходилъ въ комнаты, и когда княгиня бывала нездорова, то даже и въ спальню; вообще она была нецеремонна. Свидѣтельница видѣла часто, что княгиня давала дворнику подписывать разныя бумаги. Жалованья онъ получалъ 9—10 руб. и самъ отъ себя нанималъ себѣ помощника. Княгиня была очень труслива, и изъ боязни, что ее ограбятъ, ложилась обыкновенно спать не раньше 5-го часа утра.

Подсудимый Аверьяновъ, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что, придя къ княгинѣ за жалованьемъ, онъ вошелъ въ квартиру вмѣстѣ съ Торчаловскимъ, котораго просилъ похлопотать, чтобы княгиня не задержала выдачи жалованья, такъ какъ ему деньги были очень нужны. Торчаловскій прошелъ въ спальню княгини, а онъ остался въ зеркальной комнатѣ: Торчаловскій разговаривалъ о чемъ-то съ княгиней, потомъ подалъ ей подписать бумагу, которую она подписала и отдала ему. Торчаловскій спросилъ ее: можетъ ли Павелъ быть свидѣтелемъ на этой росписке, на что она сказала: «Павелъ, подпишись». Тогда Торчаловскій вышелъ въ зеркальную комнату и, стоя у портьеры, прочиталъ ему роспиеку, въ которой говорилось о вознагражденіи Торчаловскаго княгинею 35,000. Ихъ отдѣляла отъ княгини одна занавѣска, дверей не было. Торчаловскій читалъ довольно громко, но слышала ли его чтеніе княгиня, онъ не знаетъ. Потомъ Торчаловскій ушелъ въ столовую, а подсудимый пошелъ въ спальню княгини, гдѣ получилъ жалованье и росписался въ книгѣ. На это пошло ¼ часа времени, послѣ чего онъ пошелъ въ столовую и тамъ росписался въ роспискѣ, поданной ему Торчаловскимъ.

На судебномъ слѣдствіи были, между прочимъ, прочитаны два письма Торчаловскаго къ княгинѣ Щербатовой слѣдующаго содержанія:

Ваше сіятельство,

милостивая государыня

Анна Григорьевна.

Какъ ни странно покажется Вамъ читать эти строки, но иногда эти самыя странности доказываютъ, что во всемъ дѣйствуетъ высшая воля судьбы, которая, испытавъ человѣка превратностями, приводитъ его къ извѣстной цѣли. Скажу о себѣ, могъ ли я, тотъ неопытный мальчикъ, котораго Вы знали назадъ тому 20 лѣтъ, перенести всѣ возможныя испытанія и перемѣны жизни и установиться на прочныхъ началахъ до того, что, не хвастая, могу гордиться въ своей сферѣ и быть полезнымъ даже въ сферѣ высшей. Благодаря Бога, это такъ; но къ дѣлу. Причина, побудившая меня писать къ вашему сіятельству та, что князю Александру Сергѣевичу угодно было избрать меня своимъ повѣреннымъ. Надѣясь въ будущемъ оправдать его выборъ, я считаю долгомъ: во 1-хъ, просить ваше сіятельство перемѣнить обо мнѣ ваше мнѣніе, если оно сложилось не въ мою пользу; при этомъ, впрочемъ, я дол-

женъ сказать вамъ, что моего прошедшаго нѣтъ, а есть только настоящее, добраго же мнѣнія вашего о себѣ я прошу какъ для пользы собственно вашей, такъ и для пользы князя.

Ваше сіятельство,

Милая, добрая мамаша.

Позвольте мнѣ назвать васъ симъ священнымъ именемъ, котораго я никому не произносилъ уже болѣе 20 лѣтъ. Не думайте, чтобы я подыскивался выразить въ настоящее время это имя въ надеждѣ на будущее, которое, какъ ваше, такъ и мое, въ рукахъ Божіихъ; нѣтъ! Двукратное ласковое ваше со мною обращеніе отняло у меня и волю, и способность огорчать васъ чѣмъ бы то ни было. Забвеніе моего прошлаго, въ которомъ я много виноватъ предъ вами, поставило меня въ то положеніе, что я самъ, не имѣя никого въ свѣтѣ и искренно сочувствуя вамъ, удивляюсь вашей твердости духа и той вѣрной оцѣнкѣ людей, которая достается въ удѣлъ очень и очень немногимъ.

Рѣшеніемъ присяжныхъ Торчаловскій признанъ виновнымъ, согласно съ предъявленнымъ къ нему обвиненіемъ, а Аверьяновъ оправданъ.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Дѣло, подлежащее вашему обсужденію, и по свойству преступленія, и по его сложности выходитъ изъ ряда дѣлъ обыкновенныхъ. Преступленія, принадлежащія къ разряду многообразныхъ подлоговъ, отличаются отъ большинства другихъ преступленій, между прочимъ, одною рѣзкою характеристическою чертою: въ большой части преступленій обвиняемые становятся болѣе или менѣе въ явно враждебныя отношенія къ лицу потерпѣвшему и дѣйствуютъ поэтому, не всегда имѣя возможность тщательно обдумать всѣ свои поступки, все предусмотрѣть, что нужно устранить и обставить свои дѣйствія такъ, чтобы потомъ, въ случаѣ преслѣдованія, предстать повидимому чистыми и по возможности неуязвимыми;—напротивъ, преступленіе подлога совершается всегда путемъ длиннаго ряда приготовительныхъ дѣйствій и почти всегда такимъ образомъ, что виновный имѣетъ возможность обдумать каждый свой шагъ, предусмотрѣть его послѣдствія и разсчитать всѣ шансы успѣха. Кромѣ того, это послѣднее преступленіе не совершается никогда подъ вліяніемъ кратковременнаго увлеченія, подъ давленіемъ случайно и нежданно сложившихся обстоятельствъ, но осуществляется спокойно и, такъ сказать, разумно. Существенный признакъ этого преступленія составляетъ обманъ, въ который вводятся лица, противъ которыхъ направленъ подлогъ. Поэтому очень часто безсознательнымъ помощникомъ, пособникомъ, средствомъ для совершенія подлога является тотъ, противъ кого онъ совершается, является лицо слишкомъ довѣрчивое, мало осторожнсе. Иногда

такое лицо своею неосмотрительностью помогаетъ обвиняемому, само прикладывая руку къ своему разоренію, какъ это было и въ настоящемъ случаѣ. Вотъ почему подобнаго рода преступленіе представляетъ для изслѣдованія подчасъ большія трудности и онѣ увеличиваются еще и тѣмъ, что подлогъ совершается большею частію въ обстановкѣ, исключающей всякую возможность добыть свидѣтелей самаго содѣянія тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ выразилась преступная мысль обвиняемаго. Поэтому въ такихъ дѣлахъ, быть можетъ, болѣе чѣмъ въ какихъ либо другихъ, необходимо вглядѣться въ житейскую обстановку участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, посмотрѣть на ихъ взаимныя отношенія, разобрать и оцѣнить ихъ. Прежде чѣмъ приступить къ разбору уликъ, слѣдуетъ постараться вывести изъ оцѣнки этихъ отношеній возможность или невозможность совершенія тѣхъ дѣяній и происхожденія тѣхъ обстоятельствъ, которыя подали поводъ къ возникновенію вопроса о преступленіи. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ я прежде всего обращаюсь къ бытовой сторонѣ даннаго дѣла. Краткій очеркъ личности и обстановки какъ княгини Щербатовой, такъ и подсудимыхъ, долженъ отвѣтить на вопросъ о томъ, дѣйствительно ли могъ быть совершенъ въ настоящемъ случаѣ подлогъ.

Первый вопросъ, возникающій при разсмотрѣніи дѣла съ этой точки зрѣнія, есть вопросъ о томъ, *существовали ли между княгинею Щербатовою и подсудимымъ Торчаловскимъ такія отношенія, которыя давали бы основаніе къ сдѣлкѣ, по поводу которой возбужденъ вопросъ о подлогѣ, вынуждающій насъ разбирать настоящее дѣло?* Возможно ли, по существовавшимъ между княгиней Щербатовой и Торчаловскимъ отношеніямъ, чтобъ она дала Торчаловскому документъ, по которому обѣщалась заплатить ему 35,000 р. по первому требованію, за его почтительность въ качествѣ посаженаго сына и за его особенное усердіе въ управленіи ея дѣлами? При разрѣшеніи этого вопроса неизбѣжно приходится обратиться къ личности покойной княгини Щербатовой. Мы имѣли предъ собой группу разнообразнѣйшихъ свидѣтелей. Они въ рѣзкихъ и выпуклыхъ чертахъ изобразили всю домашнюю обстановку и самую личность княгини Щербатовой. Каждое изъ этихъ показаній, начиная съ правдоподобныхъ до грубости показаній мирового судьи и кончая наивно-достовѣрнымъ показаніемъ Константиновой, каждое прибавляетъ новую черту, новое освѣщеніе къ личности княгини Щербатовой и, благодаря этимъ показаніямъ, эта личность, такъ сказать, встаетъ изъ гроба и оживаетъ предъ нами во всей своей непривлекательной оригинальности. Княгиня Щербатова — женщина простого званія, бывшая за тремя мужьями, повышавшаяся чрезъ замужество по общественной лѣстницѣ и дошедшая до титула княгини, чуждая

какого либо воспитанія,—послѣдній годъ жизни проживала въ своемъ обширномъ домѣ по Захарьевской улицѣ въ Петербургѣ. Ей шелъ восьмой десятокъ, такъ какъ она вышла замужъ еще въ 1812 году. Она не знала грамотѣ, ничего не могла читать и умѣла только подписывать свое имя, такъ что съ принятіемъ титула княгини, по показанію свидѣтельницы Константиновой, приживалкѣ Настасьѣ Николаевнѣ стоило не малыхъ трудовъ выучить ее подписываться своимъ новымъ званіемъ и фамиліею. Имѣя молодаго и цвѣтущаго мужа, носящаго громкій титулъ и почти безвыходно пребывающаго въ Долговомъ Отдѣленіи, княгиня обладаетъ довольно большимъ состояніемъ, но не пользуется ни однимъ изъ удобствъ, даваемыхъ большими средствами; она проживаетъ въ средѣ приживалокъ, компаньонокъ и разныхъ приближенныхъ старушекъ, которыя льстятъ ей, пользуются крохами, падающими съ ея скуднаго стола, и терпѣливо облѣпили ее со всѣхъ сторонъ въ надеждѣ на будущія блага. Княгиня подвержена, по словамъ Бартошевича, «семи болѣзнямъ», но любитъ наряжаться,—хвастается и величается своими брилліантами, какъ ребенокъ игрушками, постоянно преувеличивая ихъ стоимость. Но въ то же время, облеченная въ свои наряды и брилліанты, она требуетъ грошей отъ своей довѣренной «Маруськи» и сама продаетъ молоко, которое хранитъ у себя въ спальнѣ, боясь, чтобы ее не обсчитала ключница. Соединеніе мелкой скаредности и скупости, доходящей, какъ выразился одинъ свидѣтель, *«до гадости»*, съ желаніемъ молодиться, съ суетнымъ тщеславіемъ и съ отсутствіемъ всякихъ семейныхъ отношеній къ купленному мужу, возвращенному обратно въ Долговое Отдѣленіе по минованіи надобности—вотъ выдающіяся черты характера княгини Щербатовой. Мы знаемъ много примѣровъ ея скупости; свидѣтели постарались обрисовать эту сторону ея натуры. Благодаря имъ, мы узнали, между прочимъ, что если она рѣшалась казаться почему-либо доброю и кому нибудь помогала пустяками, то эта помощь разросталась въ ея разсказахъ до огромныхъ размѣровъ и немедленно оглашалась по всему дому. Невольно возникаетъ вопросъ: возможно ли, чтобы такая женщина рѣшилась подарить 35,000 рублей подсудимому Торчаловскому? Полагаю, что на этотъ вопросъ приходится отвѣчать только отрицательно. Это невозможно ни по главнымъ чертамъ ея характера, ни по тѣмъ общимъ свойствамъ, которыя присущи большинству людей. Умѣнье оказывать милосердіе, творить добро украдкою и дѣлать благодѣянія такъ, чтобы правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая, однимъ словомъ—способность оказывать помощь ближнему безъ особыхъ разговоровъ о своемъ дѣлѣ и не взимая, такъ сказать, процентовъ въ видѣ чужой признательности—удѣлъ далеко не многихъ натуръ и требуетъ тонкаго духовнаго развитія. Такіе люди, конечно, попа-

даются въ жизни, но въ большинствѣ случаевъ бываетъ не такъ, и, къ сожалѣнію, очень часто благодѣянія носятъ въ себѣ неизбѣжную горечь оглашенія и самовосхваленій благодѣтеля, а подчасъ—и его попрековъ. И княгиня Щербатова, насколько мы съ ней познакомились, не должна была быть свободна отъ этого свойства. Возможно ли, чтобы она, повѣствовавшая на весь домъ о каждомъ рублѣ, кому либо данномъ, хваставшая каждой мелкой жертвой, собиравшая жадною рукою мѣдные гроши, возможно ли, чтобы она пожертвовала 35,000 рублей или выдала росписку въ эту сумму, зная, что у ней могутъ затѣмъ потребовать эти деньги каждую минуту? Стала ли бы она объ этомъ молчать и скрывать свою щедрую подачку — она, которая окончательно прогнала мужа отъ себя за то, что онъ продалъ подаренную ею шубу и, держа его въ Долговомъ Отдѣленіи, дозволяла описывать свое имущество по иску въ 5,000 руб., между тѣмъ какъ у ней были обширныя средства для уплаты? Ужели такая женщина подаритъ 35,000 руб., не говоря объ этомъ никому ни одного слова, не требуя затѣмъ отъ получившаго подарокъ никакихъ знаковъ особаго, исключительнаго уваженія, не указывая на все сдѣланное окружающимъ, которые, глядя на княжую щедрость, стали бы еще болѣе почтительны, еще болѣе покорны и сладкорѣчивы, въ надеждѣ и сами получить соотвѣтствующую награду за свою службу? Даже Константиновой, этой вѣрной слугѣ, которой она постоянно говаривала, что не забудетъ ея, она ничего однако не оставила, а между тѣмъ Торчаловскому, услугами котораго была недовольна, подарила 35,000 рублей. Этого, очевидно, не могло быть. Княгиня Щербатова была бы въ этомъ случаѣ не вѣрна самой себѣ. А она была человѣкъ въ своемъ родѣ цѣльный и послѣдовательный.

Перехожу къ Торчаловскому. Торчаловскій впервые является около княгини Щербатовой, тогда еще Барышниковой, въ 1849 г. Незначительный чиновникъ, онъ пользуется покровительствомъ богатой генеральши, проситъ ее быть его посаженой матерью и затѣмъ получаетъ у ней въ квартирѣ каморку около кухни и пищу съ ея стола. Но генеральша или генералъ, для насъ это, въ настоящемъ случаѣ, безразлично, не даютъ своего покровительства даромъ, и вслѣдствіе этого, однажды, Торчаловскій посылается поторопить запряганье лошадей,— его чиновная гордость оскорбляется, онъ не идетъ и его прогоняютъ. Нѣсколько лѣтъ о Торчаловскомъ не слышно, но затѣмъ въ 1859 году онъ является уже управляющимъ имѣніемъ княгини Щербатовой въ Черниговской губерніи. Какимъ образомъ это сдѣлалось—намъ неизвѣстно, но судя по тому, что мы слышали на судебномъ слѣдствіи о личности Торчаловскаго, нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ снова вкрался въ милость княгини. Онъ обрисованъ раз-

личными свидѣтелями такъ, что его нельзя не признать человѣкомъ умнымъ, житейски опытнымъ и ловкимъ, прежде всего ловкимъ. Такимъ очертилъ его и мировой судья Майковъ. Обладая такими свойствами, Торчаловскій успѣваетъ снова помириться съ генеральшею Барышниковою. Онъ управляетъ ея имѣніемъ, однако недолго—съ 12-го ноября 1859 г. до 25-го мая 1860 года, всего около полугода. Чрезъ полгода будущая княгиня Щербатова опять его прогоняетъ и, по словамъ свидѣтелей, «ругательски его ругаетъ» за то, что онъ поступилъ съ ней дурно и не оправдалъ ея довѣрія. При этомъ разсказывается о какомъ-то домѣ, построенномъ изъ ея лѣса. Торчаловскій заявляетъ, что это все неправда, такъ какъ онъ служилъ хорошо, причемъ лучшимъ доказательствомъ его ревности къ хозяйству покойной княгини можетъ служить представленный имъ къ дѣлу документъ, состоящій изъ одобрительнаго свидѣтельства, выданнаго ему крестьянами черниговскаго имѣнія Щербатовой и мѣстнымъ церковнымъ причтомъ. Но вглядываясь въ этотъ документъ, приходится признать, что представленіе его Торчаловскимъ отчасти подтверждаетъ тотъ отзывъ княгини Щербатовой, о которомъ сейчасъ было упомянуто. Во-первыхъ, документъ этотъ выданъ Торчаловскому слишкомъ чрезъ $1^1/_2$ года послѣ того, какъ онъ оставилъ службу у княгини, тогда, когда онъ уже служилъ въ Петербургѣ въ Департаментѣ Герольдіи, и выданъ ему по его письменной просьбѣ. Для чего ему понадобилось подобное свидѣтельство? Если оно выдано ему для поступленія на государственную службу, для того, чтобы показать себя съ хорошей стороны въ глазахъ будущаго начальства, то для этого едва ли достаточно подобнаго удостовѣренія, которое обличаетъ только хозяйственныя способности Торчаловскаго. Но надо полагать, что этихъ качествъ вовсе не требовалось отъ него для прохожденія государственной службы по вѣдомству Герольдіи, тѣмъ болѣе, что въ ней онъ оставался и впослѣдствіи, несмотря даже на возбужденіе противъ него обвиненія въ подлогѣ. Если ему нужно было зарекомендовать себя во мнѣніи частныхъ лицъ, то въ такомъ случаѣ не проще ли было бы достать подобный документъ прямо отъ хозяина, у котораго онъ служилъ, достать одобрительный аттестатъ отъ кн. Щербатовой, а не отъ крестьянъ или мѣстнаго причта? Что такое въ самомъ дѣлѣ это свидѣтельство? Въ немъ крестьяне говорятъ, что такой-то всегда свои обязанности исполнялъ рачительно и *приводилъ ихъ къ повиновенію средствами, указанными въ законѣ*. Это было въ 1861 году, во время переходное, когда крестьянъ болѣе всего, конечно, интересовало устройство своего собственнаго быта. Что же значитъ, что такой-то исполнялъ свои обязанности рачительно и приводилъ крестьянъ къ повиновенію? Не значитъ ли это, что онъ не дѣлалъ явныхъ злоупотребленій, которыя даже чуждыми барскому хозяйству

людьми были бы замѣчены, и не употреблялъ такого свойства принудительныхъ мѣръ, которыя даже при существованіи крѣпостного права были запрещены... Въ свидѣтельствѣ причта удостовѣряется, что Торчаловскій ни въ чемъ предосудительномъ не былъ замѣченъ, но и это свидѣтельство, при томъ положеніи главнаго управляющаго, которое имѣлъ Торчаловскій въ помѣщичьемъ селѣ, при томъ приниженномъ и зависимомъ положеніи, въ которомъ обыкновенно находится сельскій причтъ нетолько относительно своихъ помѣщиковъ, но и ихъ управляющихъ — такое свидѣтельство, говорю я, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія. Да и къ чему всѣ эти свидѣтельства отъ крестьянъ, отъ причта, когда нужно только *одно* свидѣтельство отъ кн. Щербатовой? Но такого свидѣтельства у Торчаловскаго нѣтъ и быть не могло потому, что кн. Щербатова не выдала бы такого удостовѣренія о добропорядочности человѣку, котораго бранила всѣмъ окружающимъ, и я полагаю, что всѣ эти поздніе похвальные листы отъ крестьянъ и причта явились именно въ виду жалобъ княгини, вслѣдствіе желанія Торчаловскаго имѣть противъ ея укоровъ нѣкоторые документы, которыми на первый взглядъ удостовѣрялось бы, что онъ вовсе не такой дурной человѣкъ, какъ она объ немъ разсказываетъ. Какъ бы то ни было, но послѣ 1859 года Торчаловскій удаляется и является снова лишь въ 1869 году. Княгиня Щербатова устарѣла, ея «мотъ», какъ она называла своего мужа, сидитъ въ Долговомъ Отдѣленіи, напрасно подсылая къ своей супругѣ заступниковъ, ходатайствамъ которыхъ она не придаетъ никакой цѣны. Но вотъ отъ него является къ княгинѣ Торчаловскій, который предпосылаетъ себѣ письмо. Мы слышали здѣсь это письмо: въ немъ Торчаловскій проситъ забыть прошедшее, котораго болѣе не существуетъ, говоритъ, что онъ исправился и «*можетъ гордиться въ своей сферѣ и даже быть полезнымъ въ сферѣ высшей*». Это письмо, содержащее, между прочимъ, въ себѣ подтвержденіе нелестныхъ отзывовъ о немъ княгини, производитъ однако свое дѣйствіе. Скромное сознаніе своей вины, указаніе на Провидѣніе и покорный тонъ письма трогаютъ ея любящее униженную покорность сердце. Онъ является, его принимаютъ.... Второе письмо, которое было прочитано здѣсь, носитъ тотъ же характеръ. Въ этомъ письмѣ княгиня, къ которой Торчаловскій въ первомъ письмѣ обращался оффиціально, становится для него «*милой, доброй мамашей*», принимаетъ *то священное имя, котораго онъ не произносилъ уже 20 лѣтъ*. Торчаловскій отказывается отъ дѣлъ князя; онъ обезоруженъ добротою княгини, преклоняется предъ ея умомъ и удивляется той вѣрной оцѣнкѣ людей, которую она умѣетъ дѣлать. Онъ весь, всецѣло готовъ служить ей, насколько хватитъ силъ. Такими медоточивыми рѣчами Торчаловскій окончательно возвращаетъ себѣ

расположеніе княгини. Оно, впрочемъ, весьма понятно—и Торчаловскій вѣрно разсчиталъ. Княгиня, благодаря ему, вырастаетъ въ собственныхъ глазахъ. Она — полуграмотная, неразвитая женщина — является замѣчательно умною, даже болѣе, является глубоко мудрою, которой нельзя не удивляться. Лесть — орудіе могучее противъ людей и потоньше Щербатовой—и Торчаловскій, благодаря этому орудію, снова допущенъ къ дѣламъ княгини. Но однако, на время пріобрѣтенное расположеніе не сопровождается довѣріемъ подозрительной старухи: здѣсь былъ данъ цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній, которыя удостовѣряютъ, что княгиня болѣе довѣряла дворнику Аверьянову, чѣмъ Торчаловскому. Вскорѣ послѣ водворенія Торчаловскаго, она уже ворчливо заявляла Бартошевичу, что у ней полонъ домъ жильцовъ, а денегъ нѣтъ. А затѣмъ начинаются и проявленіе полнаго недовѣрія, и тѣ рѣзкія выраженія, тѣ бранные эпитеты, которые, по словамъ свидѣтелей, выставленныхъ самимъ же Торчаловскимъ, княгиня употребляла, говоря о немъ,— та самая княгиня, которая, по письменному признанію его, умѣла дѣлать такую вѣрную оцѣнку людямъ.

Таковы два главныхъ дѣйствующихъ лица въ этомъ дѣлѣ. Гдѣ же указаніе на то, что между ними существовали такія отношенія, которыя давали бы возможность предполагать, что одно изъ этихъ лицъ могло подарить другому 35,000 рублей? Такихъ отношеній между ними, очевидно, не могло существовать и не существовало. Но посмотримъ затѣмъ, не было ли какихъ нибудь побочныхъ, постороннихъ причинъ, которыя могли бы сами по себѣ вызвать подобную сдѣлку между княгиней и подсудимымъ. Въ сдѣлкѣ значится, что 35,000 княгиня даетъ за почтительность къ ней Торчаловскаго, въ качествѣ ея посаженаго сына, и за хорошее управленіе ея дѣлами. Но почтительность, въ качествѣ посаженаго сына, есть качество очень неопредѣленнаго свойства. Надо полагать, что князь Щербатовъ былъ гораздо почтительнѣе къ своей престарѣлой, богатой и законной женѣ, но она и его не пускала къ себѣ и оставляла безъ гроша сидѣть въ знаменитомъ домѣ Тарасова; притомъ, почтительность Торчаловскаго ни въ чемъ особенно не выражалась, а если въ письмахъ его содержится изрядная доля льстивыхъ выраженій относительно княгини Щербатовой, то, вмѣстѣ съ этимъ, цѣлымъ рядомъ свидѣтелей объяснено, что ея выраженія о Торчаловскомъ далеко не были ласковы и не обличали, чтобы его почтительность ее особенно трогала. Если эти 35,000 даны Торчаловскому за его хорошее управленіе имѣніемъ княгини, то ничѣмъ не доказано, что онъ управлялъ такимъ образомъ, а напротивъ, ничѣмъ не можетъ быть опровергнуто, что, по ея настойчивымъ и неоднократнымъ отзывамъ, онъ управлялъ очень дурно имѣніемъ въ Черниговской губерніи и домомъ въ Петербургѣ. При этомъ за упра-

вленіе домомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ получалъ жалованье, на что указываютъ двѣ росписки въ дѣлѣ. Онѣ выданы за время съ 4-го августа по 4-е ноября. Можетъ быть, скажутъ, что за дальнѣйшее время нѣтъ росписокъ. Это правда. Но вотъ что по этому поводу можно сказать: если нѣтъ за дальнѣйшее время росписокъ, то за первое время есть двѣ росписки на одну и ту же сумму, которая ему слѣдовала съ 4-го августа по 4-е сентября. Намъ скажутъ, что это явилось вслѣдствіе безалаберности княгини, которая, утративъ одну росписку, потребовала написанія другой, а затѣмъ утраченная записка нашлась. Пусть будетъ такъ, но въ такомъ случаѣ намъ дано объясненіе и того, почему нѣтъ дальнѣйшихъ росписокъ. Итакъ, Торчаловскій далеко не блестящимъ образомъ управлялъ у княгини Щербатовой, вызывая постоянно ея неудовольствіе,—получалъ жалованье, слѣдовательно служилъ не безвозмездно, да и служилъ-то всего на всего у княгини въ теченіе 20-ти лѣтъ только 1 годъ: полгода въ Черниговской губерніи и полгода въ Петербургѣ. Возможно ли, чтобъ за это княгиня Щербатова дала ему 35,000 рублей?! Такъ ли она вознаграждала за услуги? Извѣстно, напримѣръ, изъ дѣла, что за княгиню Щербатову, бывшую въ то время вдовою генерала Барышникова, сватался, поддерживаемый сильнымъ покровительствомъ, баронъ Энгельгардъ, къ которому княгиня была весьма расположена и дочь котораго очень любила, постоянно держала при себѣ и считала своимъ другомъ. Между тѣмъ, г-жа Энгельгардъ, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ ею княгинѣ дружескихъ услугъ, послѣ долгихъ годовъ «дружбы» съ тяжелой и требовательной старой женщиной, получила лишь по завѣщанію 25,000 рублей. Это былъ самый большой даръ княгини и притомъ даръ, который г-жа Энгельгардъ могла получить только послѣ смерти дарительницы. Всѣ другія приближенныя лица, приживалки и компаньонки, которымъ, конечно, не мало пришлось поработать на княгиню и поиспытать ея капризовъ, получили сущіе пустяки. А онѣ, конечно, послужили побольше Торчаловскаго...

Обратимся къ другой сторонѣ дѣла: *къ формѣ самой росписки и къ дѣйствіямъ подсудимаго Торчаловскаго относительно этой росписки.* Росписка эта въ 35,000 руб., а между тѣмъ написана на простой бумагѣ, слѣдовательно является домашнимъ документомъ, т. е. такимъ документомъ, что когда Торчаловскій приноситъ его присяжному повѣренному Полетаеву, то послѣдній тотчасъ же заявляетъ ему, что по этому документу будетъ споръ о подлогѣ, потому что условіе домашнее и на большую сумму. Этого, конечно, не могъ не знать Торчаловскій, который самъ принадлежитъ къ числу мелкихъ ходатаевъ. Между тѣмъ, онъ придалъ документу форму чрезвычайно неопредѣ-

ленную, шаткую, некрѣпкую. Отчего же Торчаловскій, зная нравъ княгини, зная, что она часто ссорилась съ людьми ей близкими изъ-за ничтожныхъ денегъ, подлежавшихъ уплатѣ, — отчего онъ не составилъ болѣе твердаго документа, почему не взялъ, напримѣръ, заемное письмо или сохранную росписку, а ограничился такимъ простымъ документомъ? Зачѣмъ не оградилъ онъ себя по возможности отъ будущихъ споровъ и пререканій самою твердостью и формальностью документа? Перейдемъ къ способу составленія росписки. Торчаловскій объясняетъ, что все дѣло сначала шло хорошо, что, выдавши ему росписку на 35,000 руб., княгиня хотя и могла ожидать каждый день требованія уплаты, но, тѣмъ не менѣе, оставалась совершенно спокойною и держала Торчаловскаго у себя. Но это продолжалось лишь до тѣхъ поръ, покуда Бартошевичъ, Минихъ и Энгельгардъ, его исконные враги, не соединились вмѣстѣ и не выжили его изъ дому посредствомъ разныхъ оскорбленій. Но если для Торчаловскаго, который, по его словамъ, съумѣлъ пріобрѣсти наибольшее количество довѣрія и расположенія княгини, эти люди были заклятыми врагами, то не гораздо ли лучше было ихъ же и заставить быть свидѣтелями и расписаться на документѣ. Такимъ образомъ онъ заставилъ бы этихъ людей не опровергать росписку, а явиться въ судъ свидѣтелями, утверждающими правильность росписки. Заставивъ своихъ враговъ приложить руку къ документу, онъ зажалъ бы имъ въ то же время ротъ и совершенно себя обезопасилъ. Это такъ соотвѣтствовало бы и требованіямъ осторожности, и естественному желанію выказать врагу свое надъ нимъ превосходство и торжество! Но онъ ничего этого не сдѣлалъ; онъ оставилъ своихъ враговъ въ сторонѣ и выбралъ свидѣтелемъ другое лицо — дворника. Мы слышали, *какъ* дворникъ Аверьяновъ объяснялъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Свидѣтельница Константинова говоритъ, что когда она была привезена изъ больницы въ домъ Торчаловскаго, то ее больше всего поразило, даже испугало и оскорбило то, что дворникъ этотъ держитъ себя съ Торчаловскимъ за панибрата, даже сидитъ рядомъ съ нимъ и съ нею, а Торчаловскій по его уходѣ говоритъ: «умный мужикъ Павелъ, ему не въ дворникахъ бы быть». Эти слова служатъ лучшей характеристикой Аверьянова. Изъ всѣхъ его дѣйствій, изъ той роли, которую онъ игралъ на слѣдствіи, изъ того положенія, которое онъ занялъ въ этомъ дѣлѣ, несомнѣнно слѣдуетъ, что онъ дѣйствительно человѣкъ умный. Онъ строго обдумалъ свой образъ дѣйствій и даетъ здѣсь такія объясненія, которыя, нисколько не объясняя обстоятельствъ дѣла относительно Торчаловскаго и даже нисколько его не оправдывая, самого Аверьянова совершенно ставятъ въ тѣни, въ сторонѣ. Онъ говоритъ, что подписаніе росписки происходило слѣдующимъ об-

разомъ: Торчаловскій принесъ росписку къ княгинѣ, но читалъ ли онъ ей эту росписку, Аверьяновъ не знаетъ, потому что былъ въ другой комнатѣ и не слышалъ, а затѣмъ былъ позванъ въ комнату княгини и тамъ Торчаловскій просилъ княгиню позволить дворнику подписать росписку,—княгиня сказала: «подпиши, Павелъ». Послѣ этого Торчаловскій вышелъ въ слѣдующую комнату и прочелъ ему изъ числа нѣсколькихъ бумагъ, бывшихъ у него въ рукахъ, одну, которая и была той распиской, о которой идетъ рѣчь въ настоящемъ дѣлѣ, и затѣмъ,ославъ его снова къ княгинѣ, Торчаловскій ушелъ въ столовую и когда черезъ четверть часа туда пришелъ Аверьяновъ, тогда-то и совершилось подписаніе имъ росписки. Изъ этого объясненія выходитъ, что собственно Аверьяновъ не можетъ удостовѣрить, ту ли дѣйствительно росписку онъ подписалъ, относительно которой ему говорила княгиня, такъ какъ онъ не знаетъ, что̀ именно читалъ ей Торчаловскій. Она была въ числѣ другихъ документовъ, слѣдовательно княгинѣ могли быть прочитаны и другія росписки, напримѣръ, въ полученіи денегъ отъ жильцовъ. Такимъ образомъ, въ показаніи Аверьянова есть указаніе, что Торчаловскій могъ воспользоваться его простотою и дать ему подписать росписку, которая не была прочитана княгинѣ, а прочитана лишь ему, Аверьянову. Съ объясненіями Аверьянова, этого «умнаго Павла, которому бы не дворникомъ быть», поневолѣ согласенъ и Торчаловскій. Но такое объясненіе несправедливо. Если принять это толкованіе способа выдачи росписки, то оказывается, что Торчаловскій приводитъ и заставляетъ расписаться на роспискѣ такого свидѣтеля, который, вполнѣ подтверждая фактическую сторону дѣла, въ томъ видѣ, какъ онъ разсказалъ о ней предъ нами, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность къ разнымъ предположеніямъ и неблагопріятнымъ для Торчаловскаго толкованіямъ, нисколько не объясняя самой сущности дѣла. Но развѣ можно довольствоваться такимъ свидѣтелемъ, развѣ можно дѣйствовать такъ неосторожно? Вѣдь Торчаловскій юристъ, ходатай, отчего же онъ не прочелъ росписку княгинѣ при Аверьяновѣ, съ удареніемъ на цифру денегъ, которыя давала ему княгиня; неужели можно допустить, чтобы княгиня такъ просто, безъ всякой торжественности, съ ея стороны весьма естественной въ этомъ случаѣ, подписала этотъ документъ и даже удержалась отъ того, чтобы не похвастаться передъ Павломъ и не сказать ему: «вотъ смотри, Павелъ, какъ я награждаю людей, мнѣ преданныхъ!» Ничего этого нѣтъ и росписка выдается какъ бы на ничтожную сумму, на нѣсколько рублей. Свидѣтель ставится въ такое положеніе, что можетъ въ сущности удостовѣрить, что подписалъ бумагу, которую ему подсунулъ Торчаловскій. А княгиня, подымающая шумъ изъ-за грошей, неустанно стерегущая молоко, спо-

койно и лаконически говоритъ: «подпиши, Павелъ», даже не объяснивъ, что̀ нужно подписать! Развѣ это все въ порядкѣ вещей? Затѣмъ начинаются дальнѣйшія похожденія Торчаловскаго съ росписко̀ю. У него враги въ домѣ княгини, они сживаютъ его со свѣту, и что же?—получивъ росписку, онъ обратился именно къ одному изъ этихъ своихъ враговъ — къ повѣренному княгини Бартошевичу и предложилъ ему 20% или 7,000 рублей за то, чтобы онъ помогъ ему въ этомъ дѣлѣ, просилъ даже и не *взыскать*, а просто *помочь*. Развѣ такъ сталъ бы дѣлать человѣкъ, совершенно увѣренный въ своей правотѣ? Зачѣмъ онъ обратился къ своему врагу Бартошевичу, за что онъ предлагалъ такое огромное вознагражденіе? Мнѣ кажется, что это можно объяснить единственно тѣмъ, что онъ нуждался въ обезоруженіи своего главнаго и опаснаго противника. Онъ зналъ, что княгинѣ осталось недолго жить, что около нея стоялъ одинъ знающій дѣло и вѣрный ей человѣкъ. Это былъ Бартошевичъ. Торчаловскому нужно было его обезоружить, сдѣлать участникомъ своихъ интересовъ, склонить на свою сторону. А этого можно достичь только сдѣлавъ Бартошевича своимъ повѣреннымъ. Вотъ почему онъ и обратился прежде всего къ нему. Таковы были дѣйствія подсудимаго. Я полагаю, что на всѣ вопросы, вытекающіе изъ житейской обстановки дѣла и поставленные мною въ началѣ рѣчи, получается отвѣтъ отрицательный. Отношеній, допускающихъ такой значительный даръ со стороны княгини, между нею и Торчаловскимъ не существовало; форма росписки не соотвѣтствуетъ значительности поставленной въ ней суммы; способъ ея составленія, а также и остальныя дѣйствія Торчаловскаго не соотвѣтствуютъ тому, что̀ слѣдовало бы ожидать при существованіи дѣйствительнаго документа на 35,000 рублей. Въ виду этого, мнѣ кажется, невозможно и признать существованіе тѣхъ фактовъ, тѣхъ обстоятельствъ, на которые указывается подсудимымъ; слѣдовательно то, что противорѣчитъ этимъ фактамъ, что отрицаетъ ихъ, является правильнымъ и справедливымъ. Поэтому есть основаніе утверждать, что росписка подложна и составлена преступною рукою.

Но обязанность обвинителя не ограничивается одною отрицательною стороною дѣла; необходимо указать, *какъ* было совершено преступленіе, прослѣдить тотъ путь, какимъ совершилось оно и, къ отрицательной сторонѣ дѣла, къ разбору объясненій подсудимаго, прибавить положительную, состоящую въ рядѣ уликъ и доказательствъ преступности его дѣйствій. Къ этой сторонѣ дѣла я и приступаю.

Если сравнить дѣйствія человѣка, поступающаго законно и правильно, съ увѣренностью въ своей правотѣ, съ дѣйствіями человѣка преступнаго, то въ нихъ всегда можно подмѣтить рѣз-

кія отличительныя черты, яркія особенности. Человѣкъ, сознающій правоту своихъ дѣйствій, не будетъ говорить о нихъ украдкою, не станетъ дѣйствовать, по возможности, безъ свидѣтелей, не будетъ стараться затѣмъ подготовить ихъ «на всякій случай», не станетъ скрывать слѣдовъ того, что́ совершилъ, и запасаться такими данными, которыя должны лишить вѣры всѣхъ, кто можетъ усумниться въ правильности его дѣйствій.

Совершенно въ обратномъ направленіи будетъ дѣйствовать тотъ, кто сознаетъ, что поступаетъ нечисто и дурно. У него явятся и подставные свидѣтели, и сокрытіе слѣдовъ. Иногда на помощь правосудію придетъ и другое, довольно нерѣдко встрѣчающееся въ преступленіяхъ свойство: виновный проболтается, проговорится и самъ поможетъ такимъ образомъ разъяснить дѣло. Желаніе похвастать, неумѣніе во-время промолчать — слишкомъ общія и частыя явленія въ жизни человѣка. Иногда виновный даетъ противъ себя оружіе, проговаривается подъ вліяніемъ отягощенной совѣсти, которая настойчиво требуетъ хоть косвеннаго признанія. Но чаще это бываетъ, когда онъ совершитъ какое-нибудь ловкое дѣйствіе и видитъ въ томъ силу и торжество своего ума. Онъ знаетъ, что въ извѣстной средѣ, при извѣстномъ нравственномъ уровнѣ, его ловкія дѣла встрѣтятъ сочувствіе и ему трудно удержаться отъ желанія похвастаться новымъ «дѣльцемъ», показать какъ онъ уменъ и ловокъ, какъ умѣлъ обойти, провести всѣхъ. Съ подобнаго обстоятельства приходится начинать изслѣдованіе уликъ и по настоящему дѣлу. Оно случилось въ камерѣ мироваго судьи Майкова. Подсудимый Торчаловскій опровергаетъ это обстоятельство, и нѣкоторая сбивчивость показаній свидѣтелей Залѣскаго и Пупырева даетъ, повидимому, возможность защитѣ подозрѣвать правдивость этихъ показаній. Но я думаю, что это подозрѣніе не будетъ основательно. Свидѣтель Залѣскій показалъ здѣсь, что подсудимый Торчаловскій приходилъ къ нему — когда, не помнитъ — получить исполнительный листъ и, на вопросъ о томъ, не обманула ли его княгиня Щербатова, подсудимый вполголоса объяснилъ, что нѣтъ, не она, а онъ ее обманулъ, и при этомъ разсказалъ, какъ удалось ему взять росписку, какъ онъ пріобрѣлъ подставного свидѣтеля. Онъ разсказалъ, что вошелъ въ кабинетъ княгини и, пользуясь тѣмъ, что княгиня не умѣла читать, подъ видомъ довѣренности поднесъ росписку въ 35,000 рублей, которую княгиня и подписала. Такимъ образомъ подсудимый самъ помогъ разъяснить способъ совершенія росписки.

Во время судебнаго слѣдствія возбуждался вопросъ о днѣ, когда происходилъ у Торчаловскаго съ письмоводитемъ разговоръ въ камерѣ мирового судьи. Повидимому, защиту затрудняло то, что мировой судья говоритъ, что написалъ письмо свое чрезъ

день или два послѣ разсказа Залѣскаго о «штукахъ» Торчаловскаго. По помѣтѣ на письмѣ видно, что оно написано 4-го марта. Между тѣмъ, изъ того же разсказа Залѣскаго оказывается, что Торчаловскій показывалъ ему довѣренность на имя Полетаева. Довѣренность эта выдана 28-го февраля, послѣ того какъ 24-го февраля Торчаловскій сдѣлалъ у нотаріуса Левестама заявленіе княгинѣ Щербатовой объ окончательномъ съ нимъ разсчетѣ къ 1-му марта, подъ условіемъ недѣйствительности всѣхъ его дальнѣйшихъ претензій. 3-го марта уже былъ предъявленъ Полетаевымъ искъ по росписке. Такимъ образомъ оказывается, что Торчаловскій могъ показывать довѣренность и говорить Залѣскому о своей продѣлкѣ съ княгинею только до 28-го февраля, что отчасти противорѣчитъ разсказу Залѣскаго о томъ, что онъ немедленно сообщилъ о слышанномъ мировому судьѣ, который и написалъ товарищу прокурора. Но это противорѣчіе неважное. Самъ Залѣскій говоритъ, что хорошенько не помнитъ числа, но знаетъ, что это было въ февралѣ. Мы не можемъ требовать ни отъ письмоводителя Залѣскаго, ни отъ мирового судьи совершенной точности въ ихъ показаніяхъ о числахъ: среди массы дѣлъ, которыя у нихъ бываютъ, весьма естественно забыть нѣкоторыя мелкія обстоятельства, и лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что мировой судья совершенно забылъ даже такой сравнительно крупный фактъ, какъ признаніе имъ обвиненія княгинею Щербатовою Бондырева недобросовѣстнымъ и наложеніе за это штрафа на жалобщицу. Притомъ, для дѣла важно не то, чтобы числа сходились одно съ другимъ съ математическою точностью, а важно то, что дѣло началось съ письма мирового судьи, а письмо онъ могъ послать, конечно, не иначе какъ вслѣдствіе разсказа Залѣскаго, потому что судья могъ узнать о дѣйствіяхъ Торчаловскаго только отъ Залѣскаго, который въ свою очередь также не могъ узнать объ этомъ ни откуда больше, какъ изъ разсказа самого Торчаловскаго. Это было, вѣроятно, послѣ того, какъ сдѣлано было нотаріальное заявленіе Левестаму и подсудимый съ готовою довѣренностью въ карманѣ явился къ Залѣскому. Это было, очевидно, между 24-мъ и 28-мъ февраля, быть можетъ, утромъ 28-го. 1-го или 2-го марта Залѣскій разсказалъ обо всемъ мировому судьѣ, который и написалъ товарищу прокурора. Приходъ Торчаловскаго къ Залѣскому вполнѣ понятенъ. Обезпечивъ себя нотаріальнымъ заявленіемъ, готовясь въ началѣ марта предъявить совершенно неожиданно княгинѣ Щербатовой искъ, онъ могъ возъимѣть желаніе зайти къ пріятелю, съ которымъ обдѣлывалъ разныя дѣла по своимъ «хожденіямъ у мирового судьи» и покровительствомъ котораго относительно сроковъ и очередей въ дѣлахъ пользовался. Этотъ покровитель мелкихъ ходатаевъ, ихъ совѣтникъ и помощникъ считался Торчаловскимъ

за добраго пріятеля и пользовался, какъ видно изъ дѣла, его полнѣйшимъ довѣріемъ. Дѣльцо обдѣлано ловко — отчего не прихвастнуть другу, отчего не похвалиться своею ловкостью; дѣльцо тонкое и рискованное — разсказавъ о немъ вполголоса, можно, пожалуй, и совѣтъ добрый услышать, тѣмъ болѣе, что хотя оно и «на чеку», какъ говорится, но еще въ ходъ не пущено — довѣренность на имя Полетаева еще въ карманѣ. Вотъ какъ можетъ, вотъ какъ долженъ быть объясненъ разговоръ Торчаловскаго съ Залѣскимъ — разговоръ, подслушанный Пупыревымъ.

Обращаясь къ тому, что̀ хотѣлъ сдѣлать Торчаловскій съ роспискою, полученною имъ отъ княгини Щербатовой, я допускаю слѣдующее предположеніе, которое, какъ мнѣ кажется, единственно и возможное въ настоящемъ дѣлѣ. Торчаловскій кончалъ свои занятія у Щербатовой, княгиня удаляла его и онъ долженъ былъ предвидѣть, что рано или поздно дѣло неминуемо кончится этимъ. Поэтому надо было извлечь наибольшую выгоду изъ служенія при полуграмотной старухѣ. Еще съ декабря 1869 года, съ каждымъ днемъ, здоровье княгини дѣлается хуже и хуже, происходитъ нѣсколько консиліумовъ и наконецъ доктора предполагаютъ, что больная проживетъ только до вскрытія Невы, т. е. до половины апрѣля. Почему же не воспользоваться выгодами своего положенія, чтобы потомъ имѣть возможность изъ имущества княгини получить львиную часть? И вотъ составляется росписка, подсовывается къ подписи княгинѣ и является свидѣтелемъ дворникъ. Приближается мартъ мѣсяцъ, Нева скоро вскроется, здоровье княгини дѣлается съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, она слабѣетъ и съ первыми льдинами уплыветъ въ другой міръ. Между тѣмъ, порядокъ производства гражданскихъ дѣлъ въ Окружномъ Судѣ подсудимому извѣстенъ: онъ знаетъ, что какъ бы быстро ни производилось дѣло въ судѣ, все-таки пройдетъ около 3-хъ недѣль,—какъ было и въ настоящемъ случаѣ,—прежде чѣмъ вопросъ о возбужденіи спора о подлогѣ возникнетъ у того лица, которое можетъ заявить этотъ споръ. Поэтому княгиня узнаетъ объ искѣ, предъявленномъ въ началѣ марта, лишь въ концѣ мѣсяца, когда она одною ногою уже будетъ стоять въ гробу и когда ни ей, ни окружающимъ ее будетъ не до споровъ о подлогѣ. Въ виду этого, Торчаловскій 3-го марта предъявляетъ искъ; лишь 26-го былъ предъявленъ споръ о подлогѣ. Искъ такимъ образомъ былъ предъявленъ при жизни княгини, и наслѣдники ея лишались права заподозрѣвать дѣйствительность документа, потому что при жизни княгини о немъ не было «ни слуху, ни духу». Торчаловскому хотѣлось прежде всего обезпечить себя со стороны Бартошевича, но это не удалось; между тѣмъ, о роспискѣ уже стало извѣстно, и тогда, дѣлать нечего, онъ предъявилъ росписку ко взысканію. Это было въ началѣ марта, а передъ тѣмъ онъ дѣлаетъ заявле-

ніе нотаріусу о томъ, что просить княгиню покончить съ нимъ къ 1-му марта всѣ сдѣлки и затѣмъ всякія претензіи считать съ его стороны недѣйствительными. Это заявленіе доставляется княгинѣ, которая отвѣчаетъ, что никакихъ претензій на нее у Торчаловскаго нѣтъ. Этимъ Торчаловскій обезпечилъ себя противъ дальнѣйшихъ споровъ княгини или ея наслѣдниковъ. Онъ могъ всегда сказать, что просилъ княгиню заблаговременно окончить счеты, и только благодаря ея упорству вынужденъ былъ обратиться къ суду. Ему надо было выждать время, пока княгиня доживетъ свои послѣдніе дни. Онъ зналъ, что лишь только ея старческое тѣло станетъ трупомъ, со всѣхъ сторонъ, какъ стая вороновъ, слетится толпа наслѣдниковъ, прихлебателей и всякаго рода близкихъ друзей покойницы; каждый будетъ стараться получить какой нибудь кусочекъ изъ имущества княгини, и тогда среди этого всеобщаго спора, въ разгаръ всей этой суматохи у смертнаго одра княгини, некому будетъ заняться предъявленной ко взысканію роспиской, предъявлять споръ о подлогѣ, вести тяжбу и пр. Притомъ, если бы кто нибудь и захотѣлъ возражать противъ этого иска, то есть свидѣтель, который всегда отличался честностью и который удостовѣритъ дѣйствительность росписки, и затѣмъ есть еще весьма возможная свидѣтельница, на случай надобности, которую также можно прибрать къ рукамъ; это женщина бѣдная, болѣзненная, за которой можно поухаживать, которую можно приголубить; извѣстно, что при болѣзненномъ состояніи, въ безпомощномъ старческомъ возрастѣ, всякая ласка цѣнится высоко, да притомъ она не хорошо и пойметъ, пожалуй, что отъ нея потребуется, слѣдовательно не рѣшится отказать своему благодѣтелю. Съ этими двумя свидѣтельствами, имѣя въ запасѣ заявленіе нотаріусу, Торчаловскій можетъ съ успѣхомъ разсчитывать, что онъ выиграетъ дѣло, тѣмъ болѣе, что сами «касперты», какъ выразилась Константинова, называя такъ экспертовъ, скажутъ, что подпись на роспискѣ подлинная.

Обращаясь къ участію въ дѣлѣ Аверьянова, я думаю — насколько могъ познакомиться съ личностью подсудимаго изъ дѣла — что онъ не безъ борьбы согласился участвовать въ подписаніи росписки. Не даромъ же и, конечно, не сразу ему, простому дворнику, было предложено 500 рублей, а затѣмъ явилась росписка въ 700 рублей. Въ показаніяхъ Бондырева существуетъ маленькое разнорѣчіе: сначала говоритъ онъ о роспискѣ въ 500 рублей, а когда затѣмъ была взята эта росписка, то она оказалась въ 700 рублей. Бондыревъ добросовѣстно удостовѣрилъ это обстоятельство, но не могъ объяснить его. Я думаю, что обстоятельство это объясняется очень просто. По ходу дѣла, условіе съ Аверьяновымъ должно быть совершено до предъявленія иска, т. е. до 3-го марта, потому что надо было заранѣе пріобрѣсти его свидѣтельство. Эта

росписка была на 500 рублей серебромъ и ее-то видѣлъ Бондыревъ, которому тоже несовсѣмъ осторожно проболтался Аверьяновъ. Когда объ этомъ узналъ Торчаловскій, то онъ увидѣлъ, что необходимо свидѣтеля этого поставить въ противорѣчіе съ самимъ собою.—Отсюда желаніе выдать другую росписку Аверьянову, отличную отъ той, которую видѣлъ Бондыревъ. Кромѣ того, и самъ Аверьяновъ, видя, что дѣло затягивается, что его начинаютъ «таскать» къ судебному слѣдователю по дѣлу о роспискѣ княгини, что онъ проживается—видя все это, могъ потребовать бо̀льшаго вознагражденія, могъ пригрозить... Ему выдается росписка въ 700 рублей отъ 20-го мая, которая поражаетъ громадною цифрою вознагражденія дворнику «за пріѣздъ изъ деревни».

Какіе бы убытки ни понесъ Аверьяновъ въ своемъ деревенскомъ хозяйствѣ отъ вызова къ судебному слѣдователю, во всякомъ случаѣ, они не могли достигать до такой суммы, тѣмъ болѣе, что когда онъ жилъ въ городѣ, то его годовой заработокъ равнялся, какъ извѣстно, 108 рублямъ. Да и странно, что Торчаловскій взялся вознаграждать отъ себя лицо, которое, по требованію судебнаго слѣдователя, *обязано* было явиться къ допросу. Да и могло это быть иначе. Если Торчаловскій предполагалъ, что Аверьяновъ будетъ вызванъ какъ обвиняемый въ соучастіи въ подлогѣ, то онъ не могъ не знать, что росписка въ рукахъ Аверьянова и притомъ на большую сумму еще увеличитъ подозрѣніе. Если же онъ думалъ, что Аверьяновъ явится просто какъ свидѣтель въ дѣлѣ, то допросъ его могъ быть произведенъ слѣдователемъ даже и на мѣстѣ его жительства. Вообще, и самый образъ дѣйствій Аверьянова съ роспискою подтверждаетъ мое мнѣніе о томъ, что этому человѣку трудно было рѣшиться до конца исполнить роль, возложенную на него Торчаловскимъ; побывавъ у Бондырева и увидѣвъ, что дѣло неладно, онъ уѣхалъ въ деревню, а явившись оттуда, постоянно оставался на заднемъ планѣ и очевидно не дорожилъ роспискою, пріобрѣтенною неправеднымъ образомъ. Не даромъ же она валялась въ грязномъ бѣльѣ, на днѣ незапертаго сундука, въ домѣ Цукато. Затѣмъ здѣсь говорилось еще о письмѣ Аверьянова. Я не стою на томъ, чтобы слово «пишите» не было въ дѣйствительномъ своемъ смыслѣ словомъ «отпишите»; во всякомъ случаѣ, разница здѣсь будетъ весьма тонкая, грамматическая, но не измѣняющая смысла письма. Аверьяновъ обѣщалъ исполнить свою обязанность, явиться, въ случаѣ надобности, къ слѣдователю, и показать, будто бы, всю правду. Но зачѣмъ же Аверьянову писать объ этомъ Торчаловскому и даже получать за это большія деньги? вѣдь и безъ того судебный слѣдователь могъ вызвать его по повѣсткѣ, когда будетъ нужно, и онъ обязанъ былъ явиться; объ этомъ зналъ Аверьяновъ, потому что, какъ старшій дворникъ большого дома, онъ не могъ

не знать безусловной обязанности являться по повѣсткамъ слѣдователей и мировыхъ судей, которыя, конечно, не разъ бывали въ его рукахъ. Поэтому и росписка, и письмо Аверьянова — все это улики противъ нихъ.

Перехожу къ свидѣтельницѣ Константиновой. Думаю, что вы, господа присяжные засѣдатели, раздѣляете мое довѣріе къ показаніямъ этой свидѣтельницы; вы, какъ и я, признаете, что въ наивномъ, нѣсколько комичномъ разсказѣ ея содержится много душевной теплоты и правдивости. Повторять это показаніе излишне: оно слишкомъ памятно по своей оригинальности. Можно только указать на нѣкоторыя части этого показанія. Свидѣтельница говоритъ, что она была больна и затѣмъ была взята изъ больницы Торчаловскимъ, къ нему въ домъ, и что когда она была еще слаба, онъ заставилъ ее подписать извѣстное письмо, съ выраженіемъ удивленія, что онъ, Торчаловскій, подвергается незаслуженнымъ подозрѣніямъ. Письмо помѣчено 17-мъ марта. Что она была въ это время очень слаба, такъ что не могла писать длинное письмо, это видно изъ оффиціальнаго документа, а именно изъ скорбнаго листа, въ которомъ говорится, что она доставлена въ больницу въ половинѣ февраля, «вынесена на рукахъ», какъ она говоритъ сама, въ состояніи сильной чахотки. Только послѣ 11-го марта замѣчено въ ея состояніи нѣкоторое улучшеніе, и лишь 5-го мая выписана она изъ больницы по собственному желанію. Затѣмъ, больная и слабая, она привезена къ Торчаловскому, который за ней и ухаживаетъ, и домъ котораго былъ единственнымъ ея пристанищемъ въ это время, такъ какъ на вопросъ, къ кому бы она пошла, выйдя изъ больницы, если бы ее не взялъ Торчаловскій, она отвѣчала стереотипною фразою, что «свѣтъ не безъ добрыхъ людей». Облагодѣтельствованная такимъ образомъ, завернутая въ шубу г-жи Торчаловской, окруженная попеченіями подсудимаго, больная старушка могла считать себя настолько обязанной Торчаловскому и притомъ настолько неясно понимала, чего отъ нея требуютъ, что весьма естественно могла исполнить его просьбу. Ея словамъ о способѣ писанія письма можно вполнѣ вѣрить, и они подтверждаются двумя обстоятельствами: во-первыхъ, письмо написано на такомъ же листѣ бумаги, такого же формата, съ такимъ же гербомъ на углу листа, на которомъ написана и росписка княгини Щербатовой, и росписка, выданная Торчаловскимъ Аверьянову. Это даетъ возможность предполагать, что бумаги происходили изъ одного источника. Затѣмъ, во-вторыхъ, Торчаловскій просилъ обратить вниманіе на безграмотность письма Константиновой и отсутствіе въ немъ соблюденія правилъ орѳографіи, чѣмъ, по его мнѣнію, вполнѣ опровергается ея объясненіе. Но это письмо вовсе не безграмотно; оно написано со смы-

сломъ и толкомъ. Притомъ, никто и не думаетъ утверждать, что Торчаловскій самъ писалъ его. Нѣтъ! Константинова опредѣлительно говоритъ, что Торчаловскій диктовалъ ей это письмо. Поэтому *орѳографія* въ немъ принадлежитъ Константиновой, а *содержаніе*—Торчаловскому. Это послѣднее обстоятельство видно уже изъ того, что письмо начинается дѣловымъ юридическимъ языкомъ. Я думаю, что, посмотрѣвши на Константинову, всякій признаетъ, что такого рода обороты рѣчи подобная женщина не станетъ употреблять. Письмо начинается словами: «Я слышала, что противъ васъ предъявленъ искъ по документу и т. д.». Эта фраза такъ и отзывается тѣмъ языкомъ, которымъ пишутся исковыя прошенія. — Затѣмъ здѣсь старались поколебать заявленія Константиновой тѣмъ, что она несвоевременно заявила о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла на предварительномъ слѣдствіи. Но она заявила объ этомъ немедленно опекунамъ надъ имѣніемъ княгини Щербатовой, заявила князю Сергѣю Щербатову и г. Мысловскому. У слѣдователя же ея заявленіе явилось запоздавшимъ потому, что судебный слѣдователь могъ вызвать ее только черезъ 4 мѣсяца, послѣ ея розысканія. — Надо замѣтить, что письмо, будто бы писанное ею, вызываетъ еще слѣдующія соображенія: 17-го марта княгиня была еще жива; изъ ея дома была вынесена Константинова и къ ней одной, послѣ 8-ми лѣтъ совмѣстнаго житья, должна она была вернуться. Почему же эта Константинова, которая теперь, забытая и оставленная княгинею, такъ настойчиво защищаетъ на судѣ интересы и память покойной, — почему же она тогда, когда княгиня была для нея «все», вдругъ такъ ополчилась за интересы чуждаго ей Торчаловскаго, зная, что этимъ отрѣзываетъ себѣ возможность возврата въ домъ княгини Щербатовой? Все это не въ порядкѣ вещей, потому что не было въ дѣйствительности, а измышлено Торчаловскимъ. Затѣмъ остается еще третья ссылка подсудимаго Торчаловскаго, который, видя, что свидѣтельница Константинова не оправдываетъ его ожиданій, ссылается еще на свидѣтельницу Коханѣеву, которая упорно стояла на своемъ показаніи, утверждая, что, приходя къ княгинѣ съ просьбою о помощи, она слышала, какъ княгиня называла Торчаловскаго негодяемъ и мерзавцемъ за то, что онъ росписку предъявилъ при ея жизни, а не послѣ смерти, какъ она того хотѣла. Я полагаю, что этотъ разсказъ Коханѣевой представляется крайне неправдоподобнымъ. Ее никто изъ близкихъ княгини никогда не видалъ въ домѣ, никогда и нигдѣ съ нею не встрѣчался. Кромѣ того, если бы княгиня дѣйствительно говорила приписываемыя ей слова, то выдача Торчаловскому росписки, по которой уплата должна быть совершена немедленно по предъявленіи, представляется крайнею нелѣпостью, и, имѣя это въ виду, княгиня конечно скорѣй всего

отказала бы Торчаловскому 35,000 рублей по завѣщанію, не отдавая себя такимъ образомъ въ руки человѣка, котораго она характеризовала, по словамъ Коханѣевой, въ такихъ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ. Такимъ образомъ Коханѣева является свидѣтельницею далеко не достовѣрною, хотя нельзя не признать, что, въ виду сдѣланнаго ею заявленія объ отзывѣ княгини Щербатовой, указаніе со стороны Торчаловскаго на подобную свидѣтельницу требуетъ не малаго самоотверженія... Наконецъ, для полноты характеристики слѣдуетъ упомянуть еще о сокрытіи слѣдовъ преступленія. Когда подсудимый былъ арестованъ и когда ему нужно было спѣться, согласиться съ Аверьяновымъ, когда онъ находилъ необходимымъ напомнить ему о томъ, *что* онъ долженъ показывать, онъ написалъ записку, которая была здѣсь предъявлена. Содержаніе этой записки достаточно ясно и не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ. Это обстоятельное наставленіе Аверьянову о томъ, что говорить при слѣдствіи, чтобы спастись самому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спасти и Торчаловскаго. Вотъ тѣ данныя, которыя представляются къ обвиненію подсудимыхъ.

Дѣлая общій сводъ этихъ данныхъ, я нахожу, что подсудимый Торчаловскій, задумавъ воспользоваться своимъ пребываніемъ у княгини Щербатовой и ея довѣріемъ и зная, что она не умѣетъ грамотѣ, подсунулъ ей росписку въ 35,000 подъ видомъ довѣренности, а затѣмъ, обставивъ себя заявленіемъ у нотаріуса и однимъ изъ свидѣтелей, предъявилъ эту росписку ко взысканію. Неумѣренная болтливость его въ камерѣ мирового судьи сдѣлала то, что одновременно съ начатіемъ гражданскаго дѣла, обвинительная власть привлекла Торчаловскаго къ уголовному суду; тогда онъ рѣшился обезопасить себя и заручился свидѣтельницею Константиновой и, на всякій случай, еще одною свидѣтельницей — Коханѣевой. Главнымъ подспорьемъ для Торчаловскаго явились, конечно, показаніе и подпись Аверьянова.

Остается сказать нѣсколько словъ о распредѣленіи ролей между подсудимыми. Нѣтъ сомнѣнія, Аверьяновъ играетъ въ этомъ дѣлѣ роль второстепенную; онъ является орудіемъ другого, болѣе сильнаго и хитраго лица, потому что въ такомъ спорномъ дѣлѣ какъ подлогъ, очень часто необходимо раздѣленіе труда, необходимо, кромѣ лица, управляющаго всѣмъ, такъ сказать, одухотворяющаго преступленіе, и лицо пассивное, которое помогаетъ, которое дѣйствуетъ по указаніямъ главнаго распорядителя преступнаго дѣла. Совершивъ свое дѣло — подложное засвидѣтельствованіе документа — Аверьяновъ самъ, повидимому, вполнѣ сознавалъ, что дѣло это нечистое, дурное, и всѣ его дѣйствія по этому предмету представляются крайне осторожными, такъ сказать, недѣятельными. Даже здѣсь не старается онъ оправдаться и не отрицаетъ обстоятельствъ, благодаря которымъ онъ сидитъ на

скамьѣ подсудимыхъ. Онъ только старается дать иное объясненіе своимъ дѣйствіямъ, и хотя объясненія его участія въ подпискѣ документа представляются нелишенными нѣкоторой правдоподобности, но объясненія эти, тѣмъ не менѣе, противорѣчатъ тому, что обнаружено по дѣлу относительно росписокъ, полученныхъ имъ отъ Торчаловскаго, и всѣхъ дальнѣйшихъ между ними сношеній. Нельзя однако отрицать, что его прежняя дѣятельность представляется честною и безупречною, и это предыдущее честное поведеніе представляется настолько смягчающимъ обстоятельствомъ, особенно въ виду долговременнаго содержанія его подъ стражею, что если вы признаете его виновнымъ, то, вѣроятно, не откажете ему въ снисхожденіи. Я обвиняю Аверьянова въ томъ, что онъ засвидѣтельствовалъ подложный документъ; Торчаловскаго обвиняю въ томъ, что онъ совершилъ подлогъ, т. е. такое дѣйствіе, которое законъ относитъ къ однимъ изъ самыхъ опасныхъ и злонамѣренныхъ обмановъ, совершилъ одинъ изъ видовъ того обмана, который съ нѣкоторыми видоизмѣненіями предусмотрѣнъ въ 1693 ст. Ул. о Нак., говорящей о поднесеніи къ подписанію слѣпому другой, а не той, которую онъ желалъ подписать, бумаги.—Я примѣняю эту статью потому, что княгиня Щербатова, не умѣвшая читать писаннаго, безграмотная, конечно, ничѣмъ не отличалась отъ слѣпой, такъ какъ не отличается въ глазахъ безграмотнаго человѣка своимъ содержаніемъ листъ бѣлой бумаги отъ листа бумаги, исписанной невѣдомыми ему знаками. Обвиненіе мое кончено; оно было нѣсколько длинно, но и обстоятельства дѣла слишкомъ сложны. Заключая его, я не могу не припомнить, что передъ нами читалось письмо Торчаловскаго къ княгинѣ Щербатовой, въ которомъ онъ говоритъ, что можетъ «гордиться въ своей сферѣ и можетъ быть полезенъ въ сферѣ высшей». Я полагаю, что вашъ приговоръ, гг. присяжные засѣдатели, покажетъ, что такое высокое мнѣніе подсудимаго о самомъ себѣ было, по меньшей мѣрѣ, преждевременно и неосновательно.

IV.

По дѣлу о лжеприсягѣ въ бракоразводномъ дѣлѣ супруговъ З—ныхъ.

При производствѣ возникшаго въ 1871 г. въ с.-петербургской духовной консисторіи бракоразводнаго дѣла по просьбѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника *З—на* о расторженіи брака его съ женою вслѣдствіе прелюбодѣянія послѣдней,—повѣренный З—на, коллежскій секретарь Генрихъ *Хороманскій* сослался, между прочимъ, на дворянъ Владислава *Залевскаго* и Александра *Гроховскаго* какъ на лицъ, могущихъ удостовѣрить дѣйствительность прелюбодѣянія жены З—на. Спрошенные, по распоряженію консисторіи, Залевскій и Гроховскій подъ присягою показали, что въ февралѣ 1870 года, встрѣтясь случайно на Офицерской улицѣ, они зашли закусить въ находящуюся на Никольской улицѣ гостинницу «Роза», но такъ какъ всѣ общія комнаты въ ней были заняты, то они отправились на противоположную сторону гостинницы, гдѣ помѣщаются особые номера. Войдя въ корридоръ, ведущій въ номера, они нашли первую дверь запертою; отворивъ затѣмъ дверь слѣдующей комнаты, которая была незаперта, они увидѣли при свѣтѣ горѣвшей на столѣ свѣчки на кровати обнаженную женщину съ мужчиною; въ женщинѣ этой Залевскій узналъ жену З—на, которую прежде видѣлъ въ театрѣ, о чемъ и сообщилъ тотчасъ же Гроховскому, а впослѣдствіи своему знакомому, чиновнику Корзуну. Между тѣмъ, прежде чѣмъ былъ данъ въ консисторіи очной сводъ означеннымъ свидѣтелямъ съ Александрою З—ю, вдова канцелярскаго служителя Кузьмина заявила сначала въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера, а затѣмъ въ сыскномъ отдѣленіи, о подкупѣ Генрихомъ Хороманскимъ свидѣтелей къ ложному показанію. Заявленіе это, а также поданное впослѣдствіи Александрою З—ою прокурору окружнаго суда прошеніе послужили поводомъ къ возбужденію противъ Залевскаго, Гроховскаго и Генриха Хороманскаго слѣдствія, при которомъ были собраны и обнаружены слѣдующія данныя: 1) При производствѣ полиціею дознанія по заявленію З—ой, Гроховскій, еще прежде дачи, по требованію консисторіи, присяжнаго показанія, объяснилъ въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера, что онъ З—ой вовсе не знаетъ и нигдѣ ни съ кѣмъ ее не видѣлъ; въ мартѣ же мѣсяцѣ 1871 года братъ повѣреннаго, Александръ Хороманскій, предложилъ ему быть свидѣтелемъ по дѣлу З—на, обѣщая дать ему всѣ нужныя объясненія по этому дѣлу на

бумагѣ, которую онъ и обязался представить, какъ только получитъ ее отъ Хороманскаго, въ канцелярію оберъ-полиціймейстера, а Залевскій объяснилъ, что Александръ Хороманскій говорилъ и ему, что онъ будетъ выставленъ свидѣтелемъ по дѣлу З—на, жену котораго онъ, Залевскій, видѣлъ въ театрѣ, но ничего не можетъ припомнить, въ чемъ бы могъ быть свидѣтелемъ по этому дѣлу. Въ разъясненіе противорѣчія этихъ отзывовъ съ данными въ консисторіи показаніями, Гроховскій и Залевскій объяснили, что первоначально въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера умолчали объ извѣстномъ имъ фактѣ по дѣлу З—на, чтобы избѣгнуть непріятныхъ послѣдствій и не желая вмѣшиваться въ семейное дѣло, не будучи притомъ еще твердо увѣрены, что видѣнная ими въ гостинницѣ «Роза» женщина была именно З—на; узнали же они объ этомъ со словъ Залевскаго, который освѣдомился о томъ же со словъ какого-то знакомаго, указавшаго ему ее въ театрѣ. 2) При предъявленіи З—ой Залевскому и Гроховскому, они не признали въ ней ту женщину, о которой свидѣтельствовали подъ присягою, объясняя, что это была совершенно другая, вовсе не походящая на З—ну. Въ виду противурѣчія такого признанія съ показаніемъ Залевскаго подъ присягою, что въ видѣнной имъ съ Гроховскимъ въ гостинницѣ «Роза» женщинѣ онъ тотчасъ же узналъ жену З—на, которую зналъ прежде, онъ заявилъ, что далъ такое объясненіе вслѣдствіе ошибки своего знакомаго, указавшаго ему въ театрѣ вмѣсто З—ой, вѣроятно, другую женщину. При первоначальномъ допросѣ 7-го декабря 1871 года Залевскій показалъ однако, что не помнитъ, кто былъ этотъ знакомый и только впослѣдствіи, 20-го марта 1872 года, заявилъ судебному слѣдователю, что это былъ чиновникъ медицинскаго департамента Карповичъ, прося о допросѣ его. Между тѣмъ оказалось, что означенный Карповичъ еще 4-го января 1872 года умеръ. 3) Служитель гостинницы «Роза» Красавинъ показалъ, что дверь, ведущая въ отдѣленіе, гдѣ находятся номера, постоянно бываетъ заперта и для того, чтобы войдти въ это отдѣленіе, нужно непремѣнно позвонить, послѣ чего служитель, отворивъ дверь, если требуется номеръ, отправляется въ буфетъ за ключами и затѣмъ уже ведетъ посѣтителя въ свободный номеръ, такъ что безъ служителя войдти въ номеръ никакимъ образомъ нельзя; и 4) вдова канцелярскаго служителя Кузьмина въ показаніяхъ, данныхъ какъ въ консисторіи, такъ и при слѣдствіи, удостовѣрила, что Генрихъ Хороманскій, когда она, зимою 1870 года, была у него съ Анною Маркеловою, разсказывалъ, что имъ скоро будетъ заведено въ консисторіи бракоразводное дѣло З—на съ женою и что по этому дѣлу, если жена З—на не согласится добровольно разойдтись съ мужемъ, то у него есть свидѣтели, которые имъ подкуплены и покажутъ, что видѣли З—ну въ гостинницѣ съ мужчиною въ неприличномъ положеніи, причемъ называлъ фамиліи подкупленныхъ свидѣтелей, именно: Залевскаго, Корзуна и еще какого-то третьяго. Спустя нѣкоторое время послѣ этого случая, Анна Маркелова, возвратясь отъ Хороманскаго, передала ей, при Василіѣ Мелиховѣ, что Хороманскій уговаривалъ и ее, Маркелову, показать что нибудь ложно противъ З—ой, обѣщая за это дать ей 200 руб., на что она и согласилась, но затѣмъ, по уговору Мелихова, отказалась отъ своего намѣренія. О такихъ дѣйствіяхъ Хороманскаго она, Кузьмина, по совѣту того же Мелихова, заявила З—ой, а впослѣдствіи и въ канцеляріи с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера. Узнавъ объ этомъ, Хороманскій, въ августѣ 1871 года, уговаривалъ ее заявить о томъ, что первое ея заявленіе недѣйствительно и дано по глупости, обѣщая за это большія деньги, на что она согласилась, не желая дать поводъ Хороманскому думать, что она дѣйствуетъ противъ него; когда же послѣ того она пришла къ Маркеловой, жившей тогда вмѣстѣ съ Хороманскимъ, то Маркелова, попросивъ ее обождать, вышла, но затѣмъ скоро вернулась и передала ей 10 руб., говоря, что это отъ З—на, который, по ея словамъ, обѣщалъ еще дать, если только она откажется отъ своего показанія

у оберъ-полиціймейстера. Деньги эти Кузьмина представила въ сыскное отдѣленіе с.-петербургской полиціи, заявивъ тамъ, какимъ образомъ онѣ получены ею.

На основаніи всего этого Владиславъ Залевскій, Александръ Гроховскій и Генрихъ Хороманскій были преданы суду по обвиненію —первые двое въ томъ, что по производившемуся въ духовной консисторіи бракоразводному дѣлу З—на, съ умысломъ, ложно, подъ присягою, показали, что, въ 1870 г., видѣли въ номерѣ гостинницы «Роза» З—ну, а послѣдній въ томъ, что подговорилъ Залевскаго и Гроховскаго къ этому ложному показанію, что̀ составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 236 и 942 ст. Ул. о наказ.

Дѣло разсматривалось въ петербургскомъ окружномъ судѣ 14-го мая 1873 года, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя *Батурина*. Защищали присяжные повѣренные *Унковскій* и *Аршеневскій*, повѣреннымъ гражданской истицы былъ присяжный повѣренный *Герардъ*.

Обвиненіе было предъявлено лишь противъ двухъ подсудимыхъ, такъ какъ Генрихъ Хороманскій оказался одержимымъ разстойствомъ умственныхъ способностей, удостовѣреннымъ освидѣтельствованіемъ въ окружномъ судѣ, въ порядкѣ, указанномъ ст. 353—356 Уст. Угол. Суд.

Въ засѣданіи потерпѣвшая З—на показала, что, проживая въ Москвѣ, въ ноябрѣ 1870 года получила отъ своей знакомой письмо съ предложеніемъ отъ имени мужа развода, но уклонилась отъ отвѣта на него; затѣмъ она получила письмо уже непосредственно отъ мужа. Въ немъ онъ предлагалъ ей принять вину на себя и получить за это 12 т. р. с., изъ коихъ 6 т. р. въ видѣ заемнаго письма, причемъ прибавлялъ, что онъ требуетъ весьма легкой жертвы, такъ какъ за прелюбодѣяніе, принятое на себя, ей придется отсидѣть въ монастырѣ всего одинъ-два мѣсяца. Возмущенная этимъ предложеніемъ, она отвѣтила отказомъ, указавъ мужу, что жертва, которую онъ считаетъ легкою—очень тяжела для честной и неповинной женщины. По отсылкѣ этого отвѣта, въ Москву явился Хороманскій и сталъ грозить З-ной, что при несогласіи ея на разводъ, съ принятіемъ вины на себя, обойдутся и безъ этого согласія, ибо уже приготовлены свидѣтели, которые покажутъ все, что нужно. З—на прогнала Хороманскаго, сказавъ, что будетъ защищаться и, приглашенная мужемъ для объясненій въ Петербургъ, узнавъ, что въ консисторіи уже даны показанія о ней, обратилась къ прокурору. Выходя замужъ и будучи дочерью очень состоятельнаго въ свое время человѣка, она принесла мужу большое приданое и домъ, приносившій 12 т. р. годоваго дохода; когда домъ былъ отобранъ, по Высочайшему повелѣнію, въ казну—мужъ сталъ отдаляться отъ нея, сходился съ другими женщинами и, наконецъ, совершенно бросилъ, давая сначала на содержаніе ея по 75 р. въ мѣсяцъ, но затѣмъ прекратилъ и эту выдачу, несмотря даже на вліяніе своего высшаго начальства, которое принимало участіе въ несчастной судьбѣ ея.

Подсудимые упорно отрицали свою виновность, ссылались другъ на друга и всѣ вмѣстѣ на чиновника Иваницкаго, который можетъ засвидѣтельствовать, что Залевскому указалъ на З—ну, назвавъ ее, Карповичъ, введшій такимъ образомъ ихъ всѣхъ въ заблужденіе относительно имени женщины, застигнутой ими въ гостинницѣ «Роза».

Канцелярскій чиновникъ Иваницкій подтвердилъ, что при немъ неизвѣстный ему господинъ указывалъ въ театрѣ Залевскому на даму, говоря, что это дочь знаменитаго по своему хищенію лица. На перекрестномъ допросѣ свидѣтель совсѣмъ сбился, противорѣчилъ самъ себѣ, давалъ явно несообразные съ дѣйствительностью отвѣты, и наконецъ, въ противность увѣреніямъ

подсудимыхъ объяснилъ, что дѣло было не въ Большомъ, а въ Маріинскомъ театрѣ.

Въ засѣданіи были также прочитаны показанія Корзуна и З—на. Изъ перваго видно, что Корзунъ былъ знакомъ съ подсудимыми и однажды Залевскій въ разговорѣ сообщилъ, что онъ съ Гроховскимъ видѣлъ случайно въ какой-то гостинницѣ женщину въ прелюбодѣяніи съ мужчиной, и что въ ней онъ узналъ жену З—на. Въ концѣ 1870 или началѣ 1871 года, онъ встрѣтился случайно съ З—мъ, котораго дотолѣ не зналъ. З—нъ въ разговорѣ спросилъ, женатъ свидѣтель или нѣтъ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, посовѣтовалъ не жениться, причемъ разсказалъ, что жена съ нимъ не живетъ болѣе 11 лѣтъ. Тогда свидѣтель сказалъ ему, чтобы онъ подумалъ о своихъ семейныхъ отношеніяхъ, потому что въ городѣ ходятъ довольно непріятные слухи, и заявилъ о слышанномъ отъ подсудимыхъ.

Въ показаніи З—на значится, что онъ первый разъ познакомился съ Корзуномъ по случаю пріисканія билетовъ въ театръ; въ послѣдующія свиданія Корзунъ передалъ о томъ, что слышалъ отъ Залевскаго и Гроховскаго. Переданное Корзуномъ З—нъ принялъ къ свѣдѣнію и началъ въ консисторіи бракоразводное дѣло.

Было также прочитано нѣсколько писемъ отъ З—на къ Екатеринѣ К—ой, съ которой, какъ оказалось, онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ прежде знакомства съ одною изъ свидѣтельницъ по дѣлу. Въ одномъ изъ нихъ онъ извѣщаетъ, что хлопочетъ о разводѣ К—ой съ мужемъ, и что это дѣло идетъ хорошо, что судьба послала ему ее и что онъ соединенъ съ нею тѣломъ и благословеніемъ судьбы, что, по окончаніи дѣла о ея разводѣ, онъ устроитъ разводъ съ своею женою и затѣмъ уже онъ соединится съ нею, К—ою, навсегда. Въ другомъ письмѣ, посылая К—ой 40 р., З—нъ извѣщаетъ, что онъ только что получилъ жалованье и спѣшитъ высылкою денегъ и упрекаетъ К—ую, говоря, что не видитъ съ ея стороны никакой нѣжности, совѣтуетъ ей прогнать всѣхъ ея женіховъ къ чорту, такъ какъ «у тебя есть одинъ женихъ, именно я!».

Приговоромъ присяжныхъ оба подсудимые были признаны виновными въ ложномъ подъ присягою показаніи, но заслуживающими снисхожденія.

Гг. судьи! Гг. присяжные засѣдатели! Вамъ предстоитъ разсмотрѣть дѣло, выходящее изъ ряда вонъ какъ по трудности своего возникновенія, такъ и по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ. Подобнаго рода дѣла рѣдко доходятъ до суда. Преступленіе, о которомъ идетъ рѣчь, обставляется обыкновенно такъ, что становится очень трудно уловимымъ. Поэтому въ томъ, что подобное дѣло дошло до суда, уже надо признать нѣкоторую предварительную побѣду правосудія. Кромѣ того, при производствѣ подобнаго дѣла, въ большей части случаевъ, свидѣтели наносятъ въ него такую массу грязи, что трудно отличить настоящія обстоятельства его отъ тѣхъ, которыми оно загрязнено и искажено.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ З—нъ, будучи въ разлукѣ съ женой и находя, что она не исполняетъ своихъ супру-

жескихъ обязанностей и, будучи его женою по закону, давно уже не даритъ его тѣмъ счастьемъ, на которое онъ имѣлъ право разсчитывать, вступая въ бракъ, — рѣшился развестись съ нею. Онъ пріѣхалъ для этого въ Петербургъ, нашелъ здѣсь людей, которые согласились оказать ему юридическую помощь въ начатіи дѣла въ консисторіи и нравственную помощь для его веденія. Онъ нашелъ людей, которые съ благородной откровенностью показали все, что̀ могли, въ защиту чести г. З—на. Благодаря имъ, семейная честь его была близка къ возстановленію и дѣло шло естественнымъ и спокойнымъ ходомъ. Вдругъ положеніе его измѣнилось. Сначала къ дѣлу стала присматриваться власть прокурорская, затѣмъ его взяла въ руки власть судебная и,—наконецъ, оно перешло изъ мирныхъ стѣнъ консисторіи въ стѣны суда. При этомъ стало оказываться. что скорѣе всего рѣчь идетъ о возстановленіи чести уже не г. З—на, а г-жи З—ной и что господа свидѣтели свидѣтельствовали такъ, что при предварительномъ слѣдствіи ихъ пришлось даже отвлечь на нѣкоторое время отъ ихъ мирныхъ занятій и лишить свободы. Свидѣтели поняли свое новое положеніе. Они заявляютъ предъ вами, что весь настоящій процессъ есть плодъ недоразумѣнія, плодъ гибельной для нихъ ошибки. Они надѣются на ваше оправданіе. Этого взгляда ихъ не раздѣляетъ обвинительная власть и полагаетъ, что предъ вами находятся люди, къ которымъ весьма примѣнимо мѣткое названіе «*самыхъ достовѣрныхъ лжесвидѣтелей*». Для разрѣшенія вопроса о томъ, насколько справедливъ такой взглядъ, я обращусь къ ихъ показаніямъ.

Для того, чтобы опредѣлить, что извѣстное лицо говоритъ на судѣ ложь, необходимо прежде всего разсмотрѣть его показаніе по существу, посмотрѣть на обстановку, въ которой оно дано и, главнымъ образомъ, на то, какимъ порядкомъ оно создавалось. Посмотримъ на общее показаніе подсудимыхъ по существу.

Прежде всего я полагаю, что оно ложно по мѣсту, котораго касается. Я не стану напоминать вамъ той грязной картины, которую нарисовали въ своихъ показаніяхъ подсудимые, а напомню только, что, по показанію ихъ, они застали въ гостинницѣ «Роза» въ блудномъ дѣйствіи съ мужчиной женщину, которую одинъ изъ нихъ призналъ за г-жу З—ну. Дѣло происходило въ особыхъ номерахъ. Назначеніе этихъ номеровъ понятно, да къ тому же его обстоятельно выяснилъ свидѣтель Красавинъ, который служитъ въ нихъ корридорнымъ. По его показанію, они служатъ преимущественно для гостей, которые приходятъ «парою», которые хотятъ быть прежде всего въ уединеніи, въ безопасности отъ постороннихъ взоровъ. Устройство гостинницы вполнѣ соотвѣтствуетъ ея двоякому назначенію. Тѣ, которые хотятъ удовлетворить своему аппетиту, идутъ въ общія комнаты. Но тѣ, ко-

торые приходятъ съ другой цѣлью, переходятъ площадку, на которой встрѣчаются съ запертой дверью. Оно и понятно, что дверь заперта: нельзя, чтобъ всякій ходилъ по корридору, въ номерахъ, расположенныхъ вдоль котораго, люди ищутъ уединенія. Затѣмъ каждая дверь номера тоже заперта. Опять и это понятно: нельзя входить, когда тамъ могутъ быть посторонніе—и прислуга твердо наблюдаетъ это правило. Она ходитъ каждый разъ за ключомъ въ буфетъ, затѣмъ отпираетъ дверь номера и вставляетъ ключъ изнутри въ дверной замокъ. Такимъ образомъ, даже со стороны прислуги, менѣе заинтересованной въ личномъ спокойствіи посѣтителей, чѣмъ они сами, существуетъ краснорѣчивое указаніе на осторожность: она оставляетъ ключъ съ внутренней стороны номера и этимъ какъ бы говоритъ: «запирайтесь!» Другого хода нѣтъ въ номера, другимъ путемъ не пройти въ корридоръ, такъ какъ сообщеніе снизу существуетъ только черезъ дворъ. И вотъ въ такое-то мѣсто, при такой обстановкѣ, въ одинъ прекрасный вечеръ являются Залевскій и Гроховскій. По ихъ словамъ, они не находятъ въ общей комнатѣ мѣста. Но вѣдь они пришли только закусить; это доказывается тѣмъ, что потомъ они все-таки вернулись къ буфету, выпили тамъ водки и закусили. При буфетѣ же мѣсто для закуски всегда бы нашлось и безъ напрасныхъ путешествій въ номера. Если же они шли не закусить, а основательно поужинать, то зачѣмъ же, выйдя изъ гостинницы «Роза», столь переполненной народомъ, они не пошли въ многочисленные окрестъ лежащіе рестораны, кофейныя и кондитерскія? Но, тѣмъ не менѣе, и вопреки показанію буфетчика, они не находятъ, какъ видно изъ ихъ объясненій, мѣстечка даже и у буфета. Тогда они свободно проходятъ въ корридоръ, и одинъ изъ нихъ отворяетъ дверь номера. Здѣсь существуетъ въ показаніяхъ подсудимыхъ разнорѣчіе: одинъ изъ нихъ, Гроховскій, въ показаніи, данномъ въ консисторіи, говоритъ, что видѣлъ свѣтъ изъ-подъ двери, другой же, Залевскій, говоритъ, что никакого свѣта не видѣлъ. Я думаю, что ни то, ни другое обстоятельства не служатъ въ пользу подсудимыхъ. Если они видѣли изъ-подъ двери свѣтъ, то должны были понять, что незачѣмъ быть свѣту въ пустыхъ номерахъ, слѣдовательно тамъ кто нибудь есть и потому идти туда нельзя. Если же они не видѣли свѣта, то понятно, что какъ только дверь была отворена на полъ-дюйма, они должны были увидѣть свѣтъ и тотчасъ ее запереть, не входя. Но ничего этого не случилось. Несмотря на увидѣнный ими свѣтъ, они вошли въ номеръ и пробыли въ немъ настолько долго, что могли внимательно осмотрѣть обстановку комнаты: они разсмотрѣли и кровать, и женщину, и нагорѣвшую свѣчу и даже одиночное драпри, хотя свидѣтель Красавинъ показалъ здѣсь, что въ номерахъ гостинницы «Роза» одиночныхъ драпри нѣтъ. Затѣмъ, увидѣвши, что они не-

умѣстные гости, они уходятъ изъ номера и возвращаются къ буфету. Кого же они видѣли? Они говорятъ, что видѣли г-жу З—ну. Вглядитесь, господа, въ обстановку этой встрѣчи. Въ трактирѣ, въ номерахъ, въ положеніи крайне свободномъ, они видятъ, по ихъ мнѣнію, личность, которую рѣшаются потомъ назвать по фамиліи, г-жу З—ну. Но ту даму, которую Залевскій призналъ въ гостинницѣ «Роза» за г-жу З—ну, онъ видѣлъ предъ этимъ въ ложѣ Большого театра съ семействомъ, — онъ зналъ, что она дочь извѣстнаго П—го, въ свое время очень богатаго человѣка, получившая хорошее воспитаніе и образованіе, свѣтская женщина. Какъ же не пришло обоимъ подсудимымъ въ голову въ то же время и прежде чѣмъ сообщать о видѣнномъ, сначала въ видѣ анекдотовъ и шутокъ, а затѣмъ уже и не въ шутку въ присутственномъ мѣстѣ,—какъ же не пришло имъ въ голову, что тутъ должна быть грубая ошибка, что это не З—на, что ни общественное положеніе, ни воспитаніе не позволяютъ ей искать уединенія въ незапертомъ номерѣ гостинницы «Роза»? Какъ не подумали они, что, живя въ Петербургѣ одна, она всегда можетъ найти себѣ болѣе удобное помѣщеніе, чѣмъ «Роза», что она едва ли, придя въ номера, рѣшилась бы такъ беззастѣнчиво и открыто отдаваться разврату при «открытыхъ дверяхъ»? Въ самомъ дѣлѣ — и дверь корридора открыта, и дверь номера не заперта, и драпри раскрыто, и платье снято, такъ что никому не возбраняется придти и полюбопытствовать. Какъ же не пришло имъ въ голову, что если женщина *такъ* дѣйствуетъ, то значитъ она потеряла всякій стыдъ, всякіе проблески хорошаго воспитанія? Нѣтъ,—они признаютъ вполнѣ естественнымъ, что это *могла* быть З—на и потому утверждаютъ, что это *была* она. У нихъ не возникаетъ и тѣни сомнѣнія! Напротивъ, они, знающіе, конечно, что̀ такое клевета и какъ она наказывается, сообщаютъ о видѣнномъ людямъ, съ которыми видятся весьма рѣдко, притомъ не обязывая ихъ молчать. Наконецъ, посмотрите на практическую, бытовую сторону дѣла. Возможно ли, чтобъ подобные случаи происходили въ подобной гостинницѣ? Вѣдь одинъ такой случай, разсказанный тѣмъ, кто пострадалъ,—разсказанный тѣмъ, кто воспользовался имъ изъ любопытства, достаточенъ для того, чтобы подорвать въ извѣстномъ кругу посѣтителей, такъ сказать, авторитетъ гостинницы. Вѣдь въ нее будутъ остерегаться ходить, если станетъ извѣстно, что тамъ нельзя оставаться въ уединеніи, а слѣдовательно иногда и въ безопасности,— что тамъ по корридору и по номерамъ всякій ходитъ совершенно свободно и притомъ безъ особой надобности. Подсудимые говорятъ впрочемъ, что имъ была надобность въ номерѣ. Они хотѣли его взять, чтобы закусить. Но за номеръ нужно платить особыя деньги, гостинница довольно извѣстная, номера должны быть дороги, между

тѣмъ какъ тутъ же неподалеку есть множество всякаго рода закусочныхъ заведеній, гдѣ трата за номеръ окажется лишнею. Подсудимые заявляютъ, впрочемъ, что они люди со средствами. Я сомнѣваюсь въ этомъ, потому что соціальное положеніе ихъ намъ достаточно извѣстно. Г. Залевскій—не окончившій курсъ технологъ, занимающійся приготовленіемъ къ окончанію курса, а другой, Г. Гроховскій, играетъ въ разныхъ мѣстахъ на фортепіано,—тоже профессія, не дающая особыхъ средствъ къ жизни. Поэтому, едва ли они станутъ кидать деньги зря, безъ всякой нужды. Вообще надо замѣтить, что въ настоящемъ дѣлѣ участвующія лица не имѣютъ опредѣленныхъ занятій. Это характеристическая черта и ее не дурно запомнить. Г. Маркеловъ, напримѣръ, занимается тѣмъ, что три года пріискиваетъ мѣсто, г. же Хороманскій заявилъ, что онъ *занимается* тѣмъ, что *скоро собирается уѣхать изъ Петербурга*...

Таково показаніе подсудимыхъ по существу. Я полагаю, что они не могли видѣть того, о чемъ они повѣствовали въ консисторіи, и съ недовѣрчивымъ удивленіемъ слышу, какъ они опредѣляютъ сложеніе, цвѣтъ глазъ, цвѣтъ волосъ и болѣзненное выраженіе лица той женщины, которая играла такую важную роль въ разсказанномъ ими г. Корзуну анекдотѣ. Показаніе ихъ неправдоподобно и сшито бѣлыми нитками. Оно ложно—это показаніе!

Посмотримъ теперь вообще на обстановку показанія, на то, что̀ ему предшествовало и послѣдовало. Для этого приходится коснуться г. З—на и его отношеній къ женѣ. Вы знаете изъ показаній его и Корзуна, что мысль о разводѣ явилась у З—на уже давно, и что на осуществленіе ея натолкнулъ его Корзунъ, разсказавъ ему о женѣ то, что̀ онъ зналъ отъ Залевскаго. Есть однако основанія думать, что въ дѣйствительности было не такъ. Вы слышали нѣкоторыя свидѣтельскія показанія и письма, и изъ нихъ можно вывести заключеніе, что г. З—нъ давно разлюбилъ жену и, давно бросивъ ее почти на произволъ судьбы и полюбивъ, повидимому, другую, искалъ развода. Но жена не соглашалась на разводъ. Она не легко поддавалась на просьбы мужа. Она, принесшая мужу огромное приданое, имѣла смѣлость требовать, чтобы онъ далъ ей средства, имѣла желаніе быть обезпеченною и на старости лѣтъ имѣть кусокъ хлѣба. Эти неумѣренныя желанія мѣшали разводу. И вотъ, въ такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣла г. З—нъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Если вѣрить его показанію, то онъ встрѣчается съ Корзуномъ. Онъ знакомъ съ нимъ года три, съ тѣхъ поръ какъ встрѣтился съ нимъ въ кондитерской и покупалъ у него билеты въ театръ. З—нъ говоритъ, что онъ пуще всего боялся огласки, что ему какъ лицу, по своему воспитанію, образованію, происхожденію и положенію принадле-

жащему къ такъ называемому высшему сословію, было невозможно допустить какую либо огласку. Но что же мы видимъ? Встрѣтивъ Корзуна, онъ немедленно вступаетъ съ нимъ въ интимный разговоръ, а чрезъ нѣсколько минутъ даже открываетъ предъ нимъ свою душу, показываетъ всѣ ея сокровенныя больныя мѣста, разсказываетъ о своей несчастной жизни, въ свою очередь выслушиваетъ разсказъ отъ г. Корзуна о прелюбодѣяніи своей жены и пользуется этимъ разсказомъ. Хотя все это представляется страннымъ, но, тѣмъ не менѣе, допустимъ, что это такъ было, что г. З—нъ дѣйствительно узналъ отъ Корзуна, что есть свидѣтели, которые могутъ доказать, что жена его совершила прелюбодѣяніе. Услышавъ такой разсказъ, онъ могъ сказать себѣ, что теперь несомнѣнный фактъ у него на лицо. Имѣя этотъ фактъ, онъ, конечно, воспользуется имъ, онъ станетъ настойчиво требовать отъ своей жены развода, онъ поставитъ ее въ безвыходное положеніе. Огласки уже нечего бояться. Она произошла, когда есть такіе посторонніе свидѣтели, какъ Залевскій и Гроховскій. Притомъ г. З—нъ, конечно, знаетъ, что невозможно развестись иначе, какъ имѣя свидѣтелей прелюбодѣянія, такъ какъ по закону разводъ не допускается по одному сознанію принимающаго на себя вину супруга. Но теперь у него есть прекрасное оружіе и естественно ожидать, что онъ станетъ настойчиво требовать развода съ женщиной, которая, нося его титулъ и имя, такъ позоритъ ихъ своимъ поведеніемъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ онъ такъ не дѣйствуетъ. Вы слышали содержаніе его писемъ къ женѣ, въ декабрѣ 1870 года. Развѣ такъ будетъ писать оскорбленный и подкрѣпленный двумя свидѣтелями супругъ? Развѣ онъ станетъ почти ухаживать за женою, ласково обращаться къ ней, *просить* ее *дать ему* разводъ, а не требовать, ни разу не упомянуть, хотя бы для красоты слога, о поруганной своей чести, и, въ довершеніе всего, предлагать такія выгодныя условія, какъ подарокъ въ 12,000 рублей, которые будутъ, будто бы, приносить 1,200 рублей въ годъ, и наконецъ, обѣщать полное спокойствіе и обезпеченіе во все время веденія процесса о разводѣ? Развѣ станетъ писать такія письма дѣйствительно оскорбленный супругъ, который при этомъ давно уже думаетъ о разводѣ? Я думаю, нѣтъ. Даже показывая женѣ обратную сторону медали, какъ онъ самъ выражается въ одномъ изъ писемъ, г. З—нъ чрезвычайно мягкими красками рисуетъ женѣ ожидающія ее послѣдствія. Все устроится хорошо, онъ употребитъ всѣ зависящія мѣры, она не должна ничего опасаться,—запрещеніе вступать въ бракъ почти не соблюдается, эпитимія почти не налагается,—все это серьезнаго, по его увѣреніямъ, значенія не имѣетъ. При этомъ онъ нисколько не высказываетъ, чтобы считалъ виноватою ее лично, а только проситъ согласиться испытать на себѣ обратную сторону медали. Вы слы-

шали отвѣтъ г-жи З—ной на это письмо. Отвѣтъ очень остроуменъ. Она говоритъ, что если всѣ послѣдствія развода, вся обратная сторона медали—ничего не значатъ, то пусть онъ испытаетъ ее на себѣ; что если сознаться въ прелюбодѣяніи—ничего, то пусть онъ сознается самъ, можетъ быть, ему, мужчинѣ, это будетъ еще легче, чѣмъ ей, женщинѣ. «Вы трактуете объ имуществѣ, которое останется послѣ вашей смерти, пишетъ она мужу,—но зачѣмъ же говорить о смерти, думая о такомъ житейскомъ дѣлѣ, какъ разводъ; вы говорите, что мой воспитанникъ не будетъ обезпеченъ,—да я и не просила о его обезпеченіи,—но я ваша жена и мы оба должны заботиться о сынѣ, а онъ одинаково получитъ наслѣдство какъ отъ меня, такъ и отъ васъ, въ чьихъ бы рукахъ оно ни было».—Вы видите, гг. присяжные, какъ говорятъ и пишутъ въ этомъ дѣлѣ супруги З—ны. Такъ ли говорятъ люди, изъ которыхъ одинъ оскорбленъ, а другой виновенъ, такъ ли объясняются — обманутый мужъ и невѣрная жена? Конечно, не такъ. Поэтому мы можемъ признать, что встрѣча съ Корзуномъ въ томъ видѣ, какъ она разсказана З—мъ, никогда на была въ дѣйствительности.

Въ дополненіе къ этому выводу, я укажу вамъ на довольно интересныя числа. Александръ Хороманскій, повѣренный З—на, заявилъ здѣсь, что онъ, при знакомствѣ съ нимъ, въ одно изъ первыхъ свиданій, узналъ, что онъ хочетъ начать дѣло о разводѣ, и что у него есть свидѣтели, которые видѣли прелюбодѣяніе жены. Безъ сомнѣнія, З—нъ говорилъ Хороманскому о прелюбодѣяніи жены, при первомъ свиданіи, потому что иначе не зачѣмъ имъ было видѣться, не для чего была помощь Хороманскаго. З—нъ зналъ, что одного согласія и сознанія жены недостаточно, что нужно что нибудь существенное, а этимъ существеннымъ, конечно, представлялись свидѣтели. Только имѣя въ виду свидѣтелей, онъ могъ обратиться къ Хороманскому; только имѣя ихъ въ рукахъ, Хороманскій могъ начать дѣло. — Вы слышали изъ показанія Хороманскаго, что онъ познакомился со своимъ довѣрителемъ за 15 мѣсяцевъ до 14-го января 1872 года, т. е. слѣдовательно въ половинѣ октября 1870 года. Здѣсь на судѣ Хороманскій говоритъ, что это было въ концѣ ноября или въ началѣ декабря. Но это показаніе, эта поздняя перемѣна времени знакомства лишены значенія, потому что онъ же самъ весьма откровенно заявилъ здѣсь, что, вмѣстѣ со слѣдователемъ опредѣляя время знакомства, для точности высчитывалъ мѣсяцы и затѣмъ уже подписалъ показаніе; арифметическую же ошибку здѣсь допустить трудно. Итакъ, начало ихъ знакомства — половина октября и первый разговоръ о свидѣтеляхъ никакъ не позже конца октября.—Но откуда могъ знать З—нъ о свидѣтеляхъ? Отъ Корзуна. Съ Корзуномъ онъ встрѣчался — они оба согласно показываютъ — въ концѣ декабря.—Но

какъ могъ онъ говорить въ октябрѣ о свидѣтеляхъ, о которыхъ узналъ только въ декабрѣ? Это новое доказательство неправдоподобности и вымышленности показаній З—на о разговорѣ съ Корзуномъ. Изъ всего указаннаго мною, кажется, ясно вытекаетъ лишь одно—что оба эти лица, условливаясь начать и вести бракоразводное дѣло, знали, что свидѣтели *будутъ*. Они и *были*.

Затѣмъ обращаюсь къ порядку, которымъ создались показанія гг. Залевскаго и Гроховскаго. Онъ весьма оригиналенъ. Первый, кто сообщаетъ о всемъ З—ну—это Корзунъ. Корзунъ съ горькимъ чувствомъ разсказываетъ о слышанномъ, старается оградить честь незнакомаго ему человѣка, и, какъ истинно добрый человѣкъ, принимая въ немъ участіе, считаетъ себя вынужденнымъ разсказать о томъ, что̀ ему извѣстно про его жену.—Онъ оговаривается, впрочемъ, что самъ ничего не видѣлъ, но слышалъ это отъ достовѣрнаго человѣка—отъ Гроховскаго. Беремъ г. Гроховскаго. Да! — г. Гроховскій видѣлъ происходившее въ номерѣ гостинницы, онъ присутствовалъ при цинической сценѣ, видѣлъ женщину, которая явно и безсовѣстно прелюбодѣйствовала. Онъ самъ ее не зналъ, но ему говорилъ, что это З—на, достовѣрный человѣкъ, Залевскій, который ее знаетъ. Возьмемъ Залевскаго. Залевскій тоже возмущенъ видѣнной картиной и подъ присягой подтвердилъ, что онъ знаетъ, что это была г-жа З—на. Онъ убѣжденъ въ этомъ. Онъ знаетъ даже ея родословную. Она дочь знаменитаго въ своемъ родѣ П—го и ее-то съ любопытствомъ разсматривалъ онъ въ театрѣ. Въ этомъ театрѣ былъ человѣкъ, который достовѣрно зналъ, что это именно г-жа З—на. Онъ-то и показалъ на нее Залевскому. Это былъ Карповичъ.—Позовемъ г. Карповича.... Но его мы уже не позовемъ, такъ какъ оказывается, что онъ *умеръ прежде*, чѣмъ на него сослался г. Залевскій. И вотъ, такимъ образомъ является рядъ свидѣтелей, изъ которыхъ каждый говоритъ вещи почти неопровержимыя и никто не несетъ прямой отвѣтственности за сказанное. Они составляютъ неразрывную цѣпь между собою, которая начинаетея съ Корзуна и, повидимому, терялась бы въ пространствѣ, еслибы г. Карповичъ не умеръ. Каждый свидѣтель соприкасается со своимъ сосѣдомъ по этой цѣпи лишь малою частицею своего показанія, но въ этой же частицѣ онъ снимаетъ съ себя бремя отвѣтственности и перекладываетъ его на сосѣда. Это перекладываніе, думается мнѣ, могло идти очень далеко. Но г. Карповичъ умеръ: «мертвые сраму не имутъ», и на немъ можно было остановиться. Можно было, какъ оказывается, и еще найти одно лицо, которое поддержитъ фонды подсудимыхъ. Такимъ лицомъ является г. Иваницкій. Но вы слышали г. Иваницкаго, вы его видѣли и я думаю, что не зачѣмъ разбирать его показанія. Скажу только, что этотъ свидѣтель имѣетъ слишкомъ необыкновенныя качества для того, чтобы пользоваться ими

при обсужденіи обыкновеннаго дѣла. Онъ обладаетъ удивительнымъ свойствомъ дальнозоркости и для него до такой степени не существуетъ непроницаемости, что изъ второго ряда креселъ *Маріинскаго* театра онъ видитъ, кто сидитъ во 2-мъ ярусѣ *Большого* театра. Мнѣ жаль, что подсудимые оторвали отъ занятій этого канцелярскаго чиновника, получающаго 23 р. жалованья въ мѣсяцъ— и ходящаго слушать Патти въ «Мариновскій» театръ, гдѣ онъ платитъ за кресло 2-го ряда «когда рубль, а когда и два». Его показаніе мало подвигаетъ насъ впередъ. Обратимся опять къ числовымъ даннымъ. Дѣло началось собственно съ призыва обвиняемыхъ въ канцелярію оберъ-полиціймейстера въ половинѣ мая 1871 года. Но какое спокойствіе, какая увѣренность въ своей невинности сопровождаетъ гг. Залевскаго и Гроховскаго чрезъ все дѣло! Они не заботятся о своей защитѣ, они считаютъ излишнимъ утруждать себя мыслью, что въ показаніи ихъ могла быть ошибка. Они не думаютъ обратиться къ первоначальному источнику своихъ показаній. Если Карповичъ, который тогда былъ еще живъ, и Иваницкій могли такъ правдиво подтвердить ихъ показаніе, но зачѣмъ же они не сослались на ни нихъ въ самомъ началѣ дѣла? Ихъ спрашиваютъ въ полиціи 15-го мая, ихъ спрашиваютъ въ консисторіи въ началѣ іюля подъ присягою и тѣмъ даютъ имъ основательный поводъ размыслить о томъ, какъ, если дѣло пойдетъ дальше, объяснить свои показанія,— поводъ порыться въ своей памяти, чтобы найдти, кто именно былъ тотъ, который явился первымъ звѣномъ цѣпи ихъ показаній. Однако они не припоминаютъ, они, повидимому, даже не желаютъ припомнить. Наконецъ, 16-го августа 1871 года, начинается слѣдствіе, дѣло принимаетъ очень серьезный характеръ. Это уже не консисторія, тутъ видѣнъ въ далекой перспективѣ окружный судъ и присяжные засѣдатели. Нужно, очень нужно подумать о своей безопасности! Но и здѣсь гг. Залевскій и Гроховскій не разрѣшаютъ дѣла краткимъ, но достовѣрнымъ указаніемъ на первоначальнаго свидѣтеля, который могъ ихъ ввести въ заблужденіе. Залевскій говоритъ *«о знакомыхъ»*, о томъ, что ему *«говорили»*, *«показывали»*, *«разсказывали»*, что это сидитъ въ ложѣ г-жа З—на. Ихъ заключаютъ подъ стражу 7 декабря,—они лишены свободы, дѣло принимаетъ очевидно чрезвычайно опасный характеръ, на нихъ лежитъ очень серьезное обвиненіе. Что же, заботится ли Залевскій указать то лицо, которое показывало ему въ театрѣ г-жу З—ну? Побуждаетъ ли Гроховскій своего товарища спасти его и себя? Нисколько! 29-го декабря имъ дѣлаютъ очный сводъ съ г-жей З—ой, они не признаютъ въ ней видѣнную ими въ гостинницѣ «Роза» женщину, и тогда ихъ выпускаютъ на свободу. Наконецъ, только 20-го марта, въ день заключенія слѣдствія, гг. Карповичъ и Иваницкій являются на сцену. Говорятъ, что позднее

раскаяніе безполезно. Позволительно думать, что позднее оправданіе, приводимое въ такихъ обстоятельствахъ, какъ настоящія, болѣе чѣмъ безполезно. Оно можетъ быть даже вредно, ибо бываетъ сопряжено съ пользованіемъ такими услугами, какъ показаніе г. Иваницкаго. Стоитъ обратить вниманіе и на нравственную связь этихъ свидѣтелей между собою. Какіе это въ сущности добрые и предупредительные люди! Какъ они охотно не отказываются въ помощи г. З—ну! Какъ каждый изъ нихъ принимаетъ живое и серьезное участіе въ судьбѣ бракоразводнаго дѣла, отвлекаясь отъ обычныхъ занятій, подвергаясь преслѣдованіямъ! И ужели это все дѣлается безвозмездно? Ужели это дѣлается такъ, просто, по участію? Нѣтъ ли здѣсь выгоды, нѣтъ ли въ этомъ дѣлѣ присутствія сильнаго рычага—рычага денежнаго? Не даромъ же г. Хороманскій, пріѣзжая къ г-жѣ З—ой въ Москву и требуя согласія на разводъ, говорилъ, что иначе и свидѣтели найдутся, прибавляя, что съ деньгами можно все сдѣлать.

Я думаю, что, насколько позволяютъ время и ваша усталость, я достаточно указалъ на отрицательную сторону дѣла, на искусственность связи въ показаніяхъ подсудимыхъ и, наконецъ, на вымышленность поводовъ къ начатію дѣла со стороны г. З—на. Обращаюсь къ положительной сторонѣ дѣла, къ указанію, *какъ*, по мнѣнію обвинительной власти, создалось это дѣло.

Г. З—нъ уже давно не любитъ свою жену, давно съ нею разлучился, и въ Вильнѣ, и въ Великихъ Лукахъ завелъ новую семью, членомъ которой была личность, замѣнявшая ему жену. Онъ, повидимому, былъ привязанъ къ этой личности сильно, онъ писалъ къ ней исполненныя нѣжнѣйшей ласки письма, въ которыхъ высказывалъ надежду на разводъ съ женою и выражалъ увѣренность въ успѣхѣ. Въ одномъ изъ писемъ, исполненномъ привязанности къ ней, къ той Катѣ, которая должна пріѣхать и разогнать его тоску, есть нѣсколько сухихъ и холодныхъ словъ, въ которыхъ сообщается о томъ, что жена очень сильно и опасно больна. Эти слова находятся въ такомъ разладѣ съ радостнымъ тономъ всего письма, что ихъ можно бы счесть тоже за радостное извѣстіе. Итакъ, мысль о разводѣ явилась и созрѣла уже давно. Разводъ необходимъ и крайне желателенъ. Съ этою созрѣвшей мыслью г. З—нъ является въ Петербургъ. Вести дѣло самому — онъ считаетъ неудобнымъ,—надо найдти ходатая. Ходатай есть, онъ объявляетъ о себѣ въ газетахъ какъ объ «адвокатѣ по семейнымъ и бракоразводнымъ дѣламъ». Г. З—нъ и обращается къ ходатаю, а чрезъ этого ходатая знакомится и съ его братомъ, который, въ свою очередь, знакомитъ его съ своею родственницей, которой г. З—нъ сразу начинаетъ помогать деньгами и писать письма на французскомъ языкѣ. Такимъ образомъ онъ вхо-

дить въ сношеніе съ кружкомъ этихъ лицъ и ему поручаетъ устройство своей судьбы. Прежде всего необходимо приготовить г-жу З—ну къ мысли о разводѣ съ принятіемъ на себя виновности. Поэтому сначала посылаются къ ней искательныя и широко обѣщающія письма, а затѣмъ ѣдетъ въ Москву Александръ Хороманскій. З—на остается непреклонна. Ни обѣщанія, ни угрозы не дѣйствуютъ на нее. Она хочетъ видѣть мужа, не желаетъ позорить себя признаніемъ своей виновности и прогоняетъ ходатая. Тогда приходится и безъ нея обойтись. Обойтись можно, и это доказываетъ настоящее дѣло. Свидѣтели найдены,—дѣло можно начинать и, играя присягою, довести до благополучнаго конца. Но дѣло нужно вести въ Москвѣ, по мѣсту жительства отвѣтчицы, а это неудобно, потому что туда пришлось бы переносить всю организацію, которая образовалась здѣсь. Поэтому надо измѣнить подсудность дѣла, надо вызвать отвѣтчицу въ Петербургъ, поселить ее здѣсь. И вотъ, подъ предлогомъ соглашенія, подъ предлогомъ переговоровъ, которые могутъ привести къ цѣли, г-жа З—на вызывается въ Петербургъ и ей посылаются для этого деньги. Хотя послѣ ея категорическаго отказа принять на себя вину и заявленія, что она только хочетъ видѣть мужа, — чего онъ, повидимому, не особенно добивался,— всѣ сношенія съ нею надо бы считать прерванными, мужъ посылаетъ ей денегъ и даетъ средства пріѣхать въ Петербургъ. Къ чему этотъ пріѣздъ, къ чему ненужная трата 300 рублей, когда для переговоровъ можно бы за 50 рублей опять послать въ Москву Хороманскаго? Я позволю себѣ утверждать, что иначе трудно смотрѣть на пріѣздъ г-жи З—ой, на посылку за нею, какъ на искусственное привлеченіе ея въ Петербургъ для начатія здѣсь дѣла. Когда подсудность Петербургу устроена, начинается подпольная работа и подготовляются показанія свидѣтелей, которымъ г. Хороманскій, по его собственнымъ словамъ, «дѣлалъ визиты». Но въ то время, когда все дѣло, какъ говорится, «на чеку», дѣвица Маркелова съ дѣтскою болтливостью объявляетъ, что ей обѣщаютъ 200 р. за ложное показаніе. Среди слушателей находится Меликовъ, молодой морякъ. Онъ оказывается весьма порядочнымъ человѣкомъ. Я думаю, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ единственный свидѣтель, до котораго это дѣло не коснулось своею грязной стороной. На него можно указать, какъ на своего рода оазисъ среди нравственной пустыни свидѣтельскихъ показаній. Онъ слышитъ, что подкупаютъ свидѣтелей, возмущается и требуетъ, чтобы Кузьмина пошла и сказала объ этомъ З—ой. Кузьмина идетъ и разсказываетъ, и вслѣдствіе этого измѣняется ходъ всего дѣла. Правда, всѣ свидѣтели старались здѣсь представить Кузьмину въ такомъ видѣ, который едва ли привлекателенъ, и я не говорю, чтобы ей можно было особенно симпатизировать. Но если отбро-

сить все, относящееся къ ея частной жизни, то оказывается, что она по дѣлу повинна лишь въ томъ, что ждала денегъ отъ г-жи З—ой за помощь въ раскрытіи интриги, которая велась противъ нея. Я готовъ согласиться, что она дѣйствительно могла ждать и ждала денегъ. Но что же изъ этого? Она тревожилась, она безпокоилась, ее таскали въ полицію, по судамъ, въ консисторію. Она считала себя имѣющею право на «благодарность». Наконецъ, и нельзя требовать особаго безкорыстія со стороны дамы, которая была компаньонкой г-жи Маркеловой для поѣздокъ въ Орфеумъ и тому подобныя мѣста. Но это свойство не измѣняетъ силы ея показанія потому, что все послѣдующее его подкрѣпляетъ. Когда заявленіе сдѣлано, г-жа З—на начинаетъ защищаться и вызываетъ въ канцелярію оберъ-полиціймейстера гг. Залевскаго и Гроховскаго. Они видятъ, что дѣло плохо: канцелярія оберъ-полиціймейстера вообще для не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, а лишь занимающихся пріискиваніемъ ихъ, должна казаться мѣстомъ довольно непріятнымъ. Они даютъ показаніе, въ которомъ заранѣе отрекаются отъ показанія, которое будетъ дано въ консисторіи. Особенно краснорѣчиво показываетъ г. Гроховскій. Онъ просто не знаетъ, зачѣмъ приходилъ къ нему г. Хороманскій, который не объяснилъ даже «докладно», чего онъ хочетъ, такъ что онъ, Гроховскій, подъ давленіемъ совѣсти, которая его «наказуетъ», заранѣе говоритъ, что ничего не знаетъ о З—ой, а если что и узнаетъ отъ Хороманскаго, то тотчасъ же сообщитъ въ канцелярію оберъ-полиціймейстера. Но когда дѣло дошло до допроса подъ присягой, то и Залевскій, и Гроховскій дали извѣстное намъ показаніе. Какъ могли они рѣшиться на это? Почему они дали его, отрекшись предварительно?

Г-да присяжные, эти подсудимые были орудіемъ въ рукахъ опытнаго дѣльца. Этотъ дѣлецъ былъ Генрихъ Хороманскій. Онъ не подлежитъ нашему суду, онъ лишился разсудка, но изъ всего дѣла видно, что онъ былъ душою его, душою заговора противъ З—ой. Онъ, конечно, зналъ, что неформальныя показанія, данныя не предъ судомъ, а въ административной канцеляріи, для суда, строго заключеннаго въ формы, какова консисторія, не имѣютъ никакого значенія. Это былъ опытный дѣлецъ по бракоразводнымъ дѣламъ. Въ дѣлѣ есть отношеніе консисторіи, въ которомъ указывается, что онъ велъ съ успѣхомъ три бракоразводныхъ дѣла. Такого дѣльца не могли устрашить клочки бумаги, гдѣ написаны неоформленныя слова свидѣтелей. Въ его глазахъ эти клочки безвредны, потому что въ глазахъ консисторіи, которая строитъ все на присяжныхъ показаніяхъ, они ничтожны. Это, конечно, было ясно и наглядно объяснено свидѣтелямъ. Конфузъ, вызванный въ нихъ канцеляріею оберъ-полиціймейстера, прошелъ, — убѣжденія же Хороманскаго и тотъ рычагъ, о которомъ я говорилъ выше,

остались. У нихъ оказалась полная свобода показать все, что̀ необходимо. Такъ они и сдѣлали и, притомъ, подъ присягой. Дѣло было исправлено отчасти послѣ ущерба, нанесеннаго болтливостью Маркеловой и порядочностью Меликова. Правда, въ немъ осталась одна свидѣтельница, которую трудно направить на полезный путь—это Кузьмина. Но что трудно, то не невозможно. Прежняя ссора забыта и за Кузьминою начинается ухаживанье, высказывается желаніе съ нею помириться; ей назначаютъ свиданія то въ «Hôtel du Nord», то въ гостинницѣ «Рига». Кузьмина, повидимому, поддается и ей дается 10 рублей Маркеловою въ задатокъ отъ г. З—на за то, чтобы она отказалась въ консисторіи отъ того, что̀ заявила въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера. Этотъ фактъ дачи 10 рублей не подлежитъ сомнѣнію. Что 10 рублей были даны, это подтверждаетъ сама Маркелова, которая говоритъ, что отдала *долгъ*. Это подтвердилъ и Маркеловъ, который сказалъ, что эти деньги его сестра дала *въ долгъ* Кузьминой; наконецъ, что они были даны — это доказываетъ и протоколъ, составленный сыскной полиціей, съ приложенными къ нему 10 рублями, которые Кузьмина принесла въ полицію. Дача этихъ десяти рублей составляетъ неопровержимый фактъ и можно даже повѣрить характеристическому показанію Кузьминой о томъ, какъ эти 10 рублей попали въ руки Хороманскаго въ видѣ 50 рублей, вышли изъ нихъ въ видѣ 15 рублей., а побывавъ въ рукахъ Маркеловой, обратились въ настоящіе 10 рублей. Деньги эти Кузьмина взять взяла, но передала ихъ полиціи. Вскорѣ началось слѣдствіе. Результатъ его—будетъ ваше рѣшеніе, гг. присяжные засѣдатели. Отъ васъ зависитъ разрѣшить—права ли была обвинительная власть, доводя это дѣло до вашего суда, или же правы подсудимые, думающіе, что во всемъ виноватъ умершій Карповичъ, да въ особенности г-жа З—на, тѣмъ, что она дочь П—го и этимъ привлекаетъ на себя вниманіе.

Вглядываясь въ настоящее дѣло, я нахожу, что оно представляетъ собою очень умно веденную и коварную интригу мужа, желающаго отдѣлаться отъ жены во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами, причемъ призываются на помощь всевозможныя темныя и сомнительныя личности, и какъ застрѣльщики, высылаются впередъ ложные свидѣтели. Дѣйствуя ловко, обдуманно и съ надлежащею помощью, эти господа цѣлою цѣпью показаній опутываютъ г-жу З—ну и заранѣе торжествуютъ побѣду, забывая, что эта побѣда для порядочной, съ пробивающеюся сѣдиною, 40-лѣтней женщины будетъ равняться клейму глубокаго позора, не смываемаго во всю ея послѣдующую, одинокую и, быть можетъ, нищенскую жизнь! Я думаю, однако, что вашъ приговоръ можетъ, показать, что надежда на эту побѣду была весьма обманчивая. Въ настоящемъ дѣлѣ нравственно виновныхъ

лицъ больше, чѣмъ виновныхъ юридически, но, къ сожалѣнію, я могу говорить только о винѣ, подходящей подъ положительныя указанія карательнаго закона. Я обвиняю гг. Залевскаго и Гроховскаго въ томъ, что они дали обдуманно ложное показаніе въ консисторіи, клонившееся къ расторженію брака З—ыхъ, вопреки желанію одной изъ сторонъ. Мнѣ нечего распространяться о важности этого преступленія. Если измѣрять важность преступленія его опасностью, то это преступленіе занимаетъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ. Подобнаго рода лже-свидѣтели, измышляя то, чего нѣтъ, разсказывая факты искаженнымъ образомъ, клевеща и говоря ложь, пользуются самымъ неотразимымъ и страшнымъ оружіемъ—словомъ. Не рискуя, подобно вору, каждую минуту своею безопасностью, никогда не дѣйствуя подъ вліяніемъ увлеченія или страсти, что̀ бываетъ зачастую и въ убійствѣ, они дѣйствуютъ всегда неожиданно для другихъ и очень обдуманно и безопасно для себя. Они являются со своими отточенными и напитанными ядомъ показаніями предъ судъ, и горе тѣмъ, въ чью семейную или частную жизнь они заползутъ со своею ложью! Они по большей части неуловимы, потому что всегда хорошо обставили себя и приготовили себѣ выходы. Они и не затруднены исполненіемъ своего дѣла. Имъ нужно лишь умѣнье связно говорить, отсутствіе способности краснѣть и присутствіе способности заставить замолчать свою совѣсть въ ту минуту, когда ихъ лживыя уста прикоснутся къ Вѣчной Книгѣ, въ которой написаны слова святой истины. Подобные дѣятели опасны въ обществѣ и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ они становятся опаснѣе, потому что составляютъ компаніи и товарищества взаимнаго вспомоществованія. Поэтому обществу приличнѣе всего защищаться отъ нихъ своими собственными средствами. Однимъ изъ лучшихъ такихъ средствъ — долженъ быть вашъ судъ, гг. присяжные засѣдатели...

V.

По дѣлу о Станиславѣ и Эмилѣ Янсенахъ, обвиняемыхъ во ввозѣ въ Россію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и Германіи Акаръ, обвиняемой въ выпускѣ въ обращеніе такихъ билетовъ.

3-го марта 1869 года с.-петербургскою сыскною полиціею въ Милліонной улицѣ задержаны были: с.-петербургскій 1-й гильдіи купецъ Станиславъ Янсенъ и его сынъ.

При задержаніи ихъ, у Эмиля Янсена найденъ небольшой деревянный ящикъ и въ немъ 360 фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ 50-ти рублеваго достоинства. Поводомъ къ задержанію Станислава и Эмиля Янсеновъ послужило заявленіе С.-Петербургскому Оберъ-Полиціймейстеру кабинетъ-курьера французскаго посольства Обри, что онъ привезъ изъ Парижа, на имя Эмиля Янсена, ящичекъ съ фальшивыми кредитными билетами 50-ти рублеваго достоинства.

Въ деревянномъ ящичкѣ, по вскрытіи его, найдены два тючка: первый былъ упакованъ сначала въ холстъ, затѣмъ въ бѣлую бумагу, опечатанную 5-ю печатями, и въ немъ въ изрѣзанной бумагѣ найдено 245 фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ 50-ти рублеваго достоинства, выпуска 1864 и 1865 годовъ; другой былъ уложенъ сначала въ розоваго цвѣта бумагу, тоже за 5-ю печатями, а потомъ въ коленкоръ и въ немъ 115 фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ того же достоинства и одной поддѣлки. 3-го же марта, въ половинѣ перваго часа дня, судебный слѣдователь сдѣлалъ обыскъ въ квартирѣ Янсена, причемъ въ спальнѣ, въ одномъ изъ ящиковъ комода, въ портмонэ найденъ кредитный билетъ 50-ти рублеваго достоинства 1864 года за № 91,701; въ кабинетѣ Эмиля Янсена—печать съ изображеніемъ трехъ лилій и съ графскою короною. Печать эта оказалась совершенно тождественною съ тою, которою были запечатаны пакеты съ 50-ти рублевыми кредитными билетами, привезенными Янсену курьеромъ Обри.

Кабинетъ-курьеръ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, Евгеній-Людвигъ Обри, при слѣдствіи, подъ присягою показалъ, что 1-го марта (новаго стиля), за 8 дней до его отъѣзда въ Петербургъ по дѣламъ службы, пришелъ къ нему нѣкто Ріу и просилъ передать шурину его, купцу Янсену,

въ Петербургѣ, деревянный ящикъ, покрытый черной клеенкой, по словамъ Ріу, съ образчиками модныхъ вещей; при этомъ Ріу спрашивалъ его о вознагражденіи, но онъ объ этомъ предметѣ счелъ болѣе удобнымъ переговорить съ самимъ Янсеномъ. На клеенкѣ была приклеена карточка съ адресомъ: «посылка Ріу, Эмилю Янсену, 14, по Екатерининскому каналу». Такъ какъ, по словамъ Ріу, посылка была съ малоцѣнными вещами, то онъ, Обри, бросилъ ее въ свой дорожный мѣшокъ, вслѣдствіе чего клеенка на ящикѣ разорвалась, какъ онъ замѣтилъ уже въ Петербургѣ. Снявъ совсѣмъ клеенку и замѣтивъ слишкомъ тщательно закупоренный деревянный ящикъ, Обри усумнился въ словахъ Ріу и рѣшился убѣдиться—какой именно товаръ привезъ онъ для Янсена. По вскрытіи ящика и хранившихся въ немъ двухъ пакетовъ, онъ нашелъ въ обоихъ 50-ти рублевые русскіе билеты. Въ тотъ же день, а именно 28-го февраля (стараго стиля), онъ сообщилъ о своемъ открытіи пріятелю своему Газе, а на другой день (1-го марта) обо всемъ заявилъ С.-Петербургскому Оберъ-Полиціймейстеру. 2-го марта, по его запискѣ, посланной къ Янсену, явилась г-жа Янсенъ и желала получить посылку, причемъ предъявила собственноручную его, Обри, записку къ Янсену. Обри сказалъ г-жѣ Янсенъ, что пакетъ еще въ посольствѣ съ его вещами, и намекнулъ ей, что въ посольствѣ могутъ распечатать пакетъ, и ему показалось, что г-жа Янсенъ смѣшалась, но онъ, изъ опасенія, что совсѣмъ не придутъ за посылкою, перемѣнилъ разговоръ и объявилъ, что посылку онъ выдастъ тому, на чье имя она адресована. При свиданіи съ Обри, г-жа Янсенъ увѣряла его, что лицо, которому слѣдуетъ эта посылка, не поскупится на благодарность и съ удовольствіемъ заплатитъ за услугу 20—25 рублей и даже сто. 3-го марта, въ половинѣ 10-го часа утра, къ нему пришли Станиславъ Янсенъ и его сынъ; по врученіи имъ посылки, Янсенъ спросилъ: «сколько же мы должны вамъ?» Обри назначилъ нарочно высокую цѣну—20 рублей, причемъ отецъ Янсенъ возразилъ, что дорого, но сынъ сказалъ: «ничего, ничего, онъ заплатитъ». Въ полученіи посылки росписался Эмиль Янсенъ, деньги же заплатилъ отецъ. Когда была у Обри г-жа Янсенъ и затѣмъ на другой день — Станиславъ и Эмиль Янсенъ, въ то время у него находился пріятель его Газе.

Датскій подданный Георгъ Газе, вполнѣ подтвердилъ показаніе Обри, присовокупивъ, что Обри 50-ти рублевые кредитные билеты принялъ сначала за настоящіе и намѣревался отдать прямо пакетъ по принадлежности, взявъ съ Янсена порядочное вознагражденіе за провозъ его, и заявилъ полиціи, по совѣту его, Газе, что отецъ и сынъ Янсены, прощаясь съ Обри, особеннымъ образомъ заискивали въ немъ, несмотря на рѣзкое съ ними обращеніе самого Обри.

Станиславъ Янсенъ, 57 лѣтъ, объяснилъ, что онъ въ 1831 году эмигрировалъ во Францію, а въ 1858 году возвратился въ Россію; послѣ возвращенія въ Россію, онъ два раза ѣздилъ въ Парижъ по своимъ коммерческимъ дѣламъ, именно въ 1860 и 1868 годахъ; въ первый разъ пробылъ въ Парижѣ около 2-хъ мѣсяцевъ, во второй — около шести недѣль. Въ Россію пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ сынъ его Эмиль, но въ 1863 или 1864 году снова уѣхалъ въ Парижъ и пріѣхалъ въ Петербургъ только мѣсяцъ тому назадъ, по случаю болѣзни своей матери. Относительно полученія чрезъ курьера Обри посылки Станиславъ Янсенъ показалъ согласно съ Обри. Что было въ ящикѣ, онъ, Станиславъ Янсенъ, не зналъ; сынъ говорилъ ему, что хотя посылка и адресована на его имя, но она принадлежитъ третьему лицу, кому же именно—сынъ не объяснялъ. За посылку онъ заплатилъ Обри 20 рублей, вслѣдствіе увѣреній сына, что за посылку можно получить 50 и даже 100 рублей. Найденный у него при обыскѣ кредитный 50-ти рублевый билетъ 1864 года за № 91,701 полученъ женою его отъ неизвѣстнаго покупателя, когда именно—не знаетъ, и какъ сомнительный, спрятанъ въ комодѣ до справки о его дѣйствительности. Сомнительнымъ билетъ показался ему потому только, что онъ

выпуска 1864 года, а 50-ти рублевые билеты этого года рѣдко кто принимаетъ. Печать съ короною и тремя лиліями принадлежитъ сыну его Эмилю и привезена имъ изъ-за границы. О переводѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ онъ ничего не знаетъ. — Эмиль Янсенъ, 30 лѣтъ, объяснилъ, что пріѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ около мѣсяца тому назадъ, по случаю болѣзни своей матери; получивъ извѣстіе о болѣзни своей матери отъ отца, онъ въ тотъ же день вечеромъ выѣхалъ изъ Парижа. Въ день отъѣзда онъ встрѣтился съ однимъ господиномъ, извѣстнымъ ему подъ именемъ Леона Верникѣ, бронзовыхъ дѣлъ мастеромъ, знакомымъ ему только по встрѣчамъ въ разныхъ кафе. Этотъ Верникѣ, узнавши, что онъ, Эмиль Янсенъ, ѣдетъ въ Петербургъ, сталъ просить его захватить съ собою, для передачи какому-то Куликову, маленькій ящикъ; при этомъ Верникѣ просилъ его подождать до слѣдующаго дня, говоря, что посылка еще не готова и онъ едва ли успѣетъ приготовить ее къ вечеру того дня. На отсрочку Эмиль Янсенъ не согласился и далъ Верникѣ адресъ дяди своего Леона Ріу на тотъ случай, что если бы Верникѣ не засталъ его съ своею посылкою въ Парижѣ, то передалъ бы ее Ріу, а послѣдній переслалъ бы въ Петербургъ. При встрѣчѣ съ Верникѣ, онъ, Эмиль Янсенъ, такъ торопился, что позабылъ спросить: какія вещи посылаетъ съ нимъ Верникѣ Куликову, а самъ Верникѣ не сказалъ. Во время этого же свиданія Верникѣ вручилъ ему, для передачи тому же Куликову, печать дома Бурбоновъ съ тремя лиліями, ту самую, которую нашли у него въ кабинетѣ во время обыска. Не дождавшись Верникѣ съ посылкою, онъ просилъ дядю своего Ріу переслать къ нему посылку въ Петербургъ. Относительно полученія посылки отъ Обри, Эмиль Янсенъ показалъ совершенно согласно съ своимъ отцомъ, объяснивъ, что совѣтовалъ отцу не торговаться съ Обри и заплатить за посылку 20 рублей, на основаніи словъ Куликова, который, за десять дней до полученія посылки, приходилъ къ нему справляться: не получена ли посылка отъ Леона Верникѣ, и говорилъ, что посылка ему очень нужна, и что онъ готовъ дать за нее даже 100 рублей. По выходѣ отъ Обри, онъ ящикъ несъ подъ мышкою. Полиція сначала заарестовала отца его, а онъ самъ подошелъ къ полиціи; если бы же онъ зналъ, что заключается въ ящикѣ, то легко могъ бы уйдти и бросить ящикъ въ канаву, которая была недалеко. Имени и адреса Куликова онъ не знаетъ, но въ лицо признать можетъ. Мелина Янсенъ (жена Станислава Янсена) относительно найденнаго въ ихъ квартирѣ 50-ти рублеваго кредитнаго билета 1864 года, за № 91,701, показала согласно съ мужемъ своимъ.

Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, по освидѣтельствованіи 50-ти рублевыхъ кредитныхъ билетовъ, какъ полученныхъ Янсеномъ чрезъ Обри въ количествѣ 360 штукъ, такъ и билета за № 91,701, найденнаго въ квартирѣ Янсена, нашла, что всѣ 361 билетъ фальшивые.

Въ опроверженіе показаній Станислава и Эмиля Янсеновъ и въ подтвержденіе того, что ящикъ съ фальшивыми кредитными билетами 50-ти рублеваго достоинства, привезенный курьеромъ Обри, предназначался самимъ Янсенамъ, а не Куликову, что изъ Парижа онъ отправленъ Леономъ Ріу по порученію Эмиля Янсена, а не какого-то Леона Верникѣ, и что билеты тѣ ввезены въ Россію съ цѣлью пустить ихъ въ обращеніе, дальнѣйшимъ предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружены слѣдующія данныя:

1) Вслѣдствіе сообщенія С.-Петербургскаго Оберъ-Полиціймейстера къ префекту парижской полиціи о заарестованіи Янсеновъ съ фальшивыми кредитными билетами, начато въ Парижѣ слѣдствіе, и Леонъ Ріу, дядя Эмиля Янсена, сначала показалъ полицейскому комиссару Дюшейлару, что отправленный имъ черезъ курьера Обри пакетъ къ Эмилю Янсену онъ получилъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка, который просилъ его доставить пакетъ Янсену младшему; но потомъ, въ письмѣ своемъ къ Дюшейлару, Ріу объяснилъ, что при первомъ допросѣ онъ утаилъ часть правды, опасаясь обременить

участь своего племянника, но, размысливъ, рѣшился показать истину и разсказалъ слѣдующее: въ день отправленія своего въ Петербургъ, Эмиль Янсенъ передалъ ему пакетъ, прося отдать его при самомъ отъѣздѣ; на вопросъ Ріу: «что заключается въ пакетѣ», Янсенъ отвѣчалъ: «что вѣроятно парижскіе товары, что онъ стоитъ около 30 франковъ и боится сырости», какъ сказали ему, Янсену, передавая пакетъ. При прощаньи Ріу позабылъ о пакетѣ и вспомнилъ объ немъ уже по отъѣздѣ Янсена. Пакетъ былъ плотно обшитъ въ толстое полотно. Вспомнивши слова племянника, что пакетъ боится сырости, Ріу уложилъ его въ деревянный ящикъ и покрылъ сверху клеенкою. Изъ Россіи онъ получилъ одновременно отъ племянника депешу и письмо; въ послѣднемъ онъ просилъ справиться объ отъѣзжающихъ курьерахъ. Узнавъ въ министерствѣ, что ѣдетъ Гилью, Ріу написалъ объ этомъ Янсену, но въ отвѣтъ получилъ отъ него, что его обманули, что ѣдетъ Обри, и при этомъ Янсенъ сообщилъ ему адресъ послѣдняго.

2) Изъ акта обыска у Эмиля Янсена видно, что найденные въ деревянномъ ящичкѣ два пакета съ фальшивыми 50-ти рублевыми билетами были за пятью печатями; по сличеніи печати, найденной въ кабинетѣ у Эмиля Янсена, съ оттисками печатей на пакетахъ, эксперты пришли къ несомнѣнному заключенію, что пакеты запечатаны были печатью, найденною у Эмиля Янсена.

3) Изъ переписки Эмиля Янсена съ Леономъ Ріу въ февралѣ 1869 года видно, что посылка имѣла большое значеніе для перваго, что кромѣ него ее ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ и другія лица, которыя обращались къ Янсену съ оскорбительными требованіями. Въ отвѣтныхъ письмахъ Ріу говоритъ еще о какихъ-то гравюрахъ, что съ ними немного подѣлаешь, потому что въ Парижѣ онѣ продаются очень худо; проситъ поискать древнихъ гравюръ, а не новыхъ, для иллюстраціи разныхъ книгъ; говоритъ, что ему указали на руководство для гравюръ, но не сказали ни его имени, ни имени его издателя. Изъ переписки Эмиля Янсена, за февраль 1869 года, обратило на себя вниманіе письмо Эина къ Эмилю Янсену, отъ 26-го февраля 1869 года, гдѣ говорится, что онъ наканунѣ два часа чистилъ ихъ тюрнъ (turne), она блеститъ какъ су съ чеканнаго двора, что онъ наполнилъ сорокъ двѣ пачки; что онъ началъ несносную, хотя доходную работу, состоящую въ копированіи списка, о которомъ Эмиль Янсенъ знаетъ.

4) Въ квартирѣ Янсена, во время обыска 3-го марта, найденъ былъ фальшивый кредитный 50-ти рублевый билетъ 1864 года, за № 91,701. Хотя Станиславъ Янсенъ и жена его показали, что билетъ тотъ полученъ послѣднею отъ неизвѣстнаго покупателя при распродажѣ товаровъ, которая началась передъ Рождествомъ 1868 года, но показанія эти представляются крайне сомнительными, въ виду сообщенія Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, что билетъ этотъ одной поддѣлки съ тѣми, которые захвачены въ ящикѣ при Эмилѣ Янсенѣ. Затѣмъ изъ дѣла видно, что фальшивые 50-ти рублевые кредитные билеты 19-го разряда поддѣлки появились въ обращеніи въ концѣ августа 1868 года; въ обращеніи по разнымъ городамъ Россіи такихъ билетовъ обнаружено 647, т. е. на сумму 32,350 рублей.

5) Почти одновременно съ арестомъ Станислава и Эмиля Янсеновъ въ Петербургѣ, именно 20-го марта (1-го апрѣля), въ Варшавѣ открыто фальшивыхъ 50-ти рублевыхъ кредитныхъ билетовъ слишкомъ на 100,000 рублей у сына содержателя гостинницы, Якуба Шенвица. Билеты, открытые въ Варшавѣ—одной поддѣлки съ открытыми въ Петербургѣ. Кромѣ этихъ данныхъ, обнаруживавшихъ непосредственное участіе Станислава и Эмиля Янсеновъ въ привозѣ изъ-за границы въ Россію 50-ти рублевыхъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ было выяснено, что переводъ фальшивыхъ денегъ уже давно составлялъ одно изъ занятій Станислава Янсена.

Такъ, во-1-хъ, с.-петербургскій мѣщанинъ Людвигъ Германъ Гарди показалъ, что въ 1865 году онъ вступилъ въ дѣло съ Станиславомъ Янсеномъ

и вскорѣ, перебирая банки съ румянами, онъ въ одномъ изъ ящиковъ нашелъ таковую банку, плотно завернутую въ 50-ти рублевую бумажку; Янсенъ объяснилъ ему, что онъ такимъ образомъ пряталъ отъ жены деньги. Въ тотъ же день Гарди нашелъ другой такой же билетъ, обернутый около другой баночки съ румянами. Дня черезъ два или три послѣ того, перебирая бумаги въ конторкѣ Янсена, онъ нашелъ большую пачку 50-ти рублевыхъ билетовъ выпуска 1856 года, въ синей бумагѣ. Янсенъ, лишь только замѣтилъ изъ другой комнаты, что онъ, Гарди, трогалъ бумаги въ конторкѣ, сейчасъ пришелъ и сталъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ искать чего-то, спрашивалъ Гарди о сверткѣ въ синей бумагѣ, и когда онъ указалъ ему на свертокъ, Янсенъ унесъ его въ другую комнату. Черезъ нѣсколько времени Гарди нашелъ еще въ шкафу, стоявшемъ въ кабинетѣ Янсена, одну бумажку того же достоинства и выпуска, которую и взялъ къ себѣ. Затѣмъ Янсенъ самъ передалъ бывшему прикащику Гарди, Александру Бадеру, 50-ти рублевый фальшивый кредитный билетъ, прося его сбыть тотъ билетъ; но Гарди совѣтовалъ Бадеру сохранить билетъ. Ревельскій мѣщанинъ Александръ Бадеръ подтвердилъ ссылку на него Гарди.

Во-2-хъ, въ рапортѣ сообщеній начальника парижской тайной полиціи Клода содержатся свѣдѣнія о мѣстѣ жительства Янсена въ Петербургѣ, его отношеніяхъ къ модисткѣ Акаръ, его коммерческихъ оборотахъ и знакомствахъ и, наконецъ, указываются пути, которыми доходили къ Янсену фальшивые кредитные билеты. Въ немъ, въ формѣ предположенія, говорится, что Янсенъ въ сношеніяхъ съ англійскими курьерами, и одинъ изъ нихъ посредникомъ между Янсеномъ и поддѣлывателемъ ассигнацій; что фальшивыя деньги Янсенъ пряталъ гдѣ-то подъ паркетомъ въ своемъ домѣ, что онъ никогда не имѣетъ при себѣ болѣе одного билета и никогда не выдавалъ болѣе одного за-разъ; что пребываніе его въ Парижѣ имѣетъ предметомъ какое либо порученіе касательно тѣхъ же самыхъ фальшивыхъ денегъ, и наконецъ указывается на Гарди, бывшаго товарища Янсена, который могъ бы сообщить драгоцѣнныя по этому дѣлу свѣдѣнія и способствовать къ открытію всего.

Въ-3-хъ, 14-го октября 1868 года, судебный слѣдователь Сумского Окружнаго Суда, Путивльскаго уѣзда, сообщилъ С.-Петербургскому Оберъ-Полиціймейстеру, что имъ производится слѣдствіе о сбытѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ 10-ти-рублеваго достоинства; что, по сдѣланному имъ обыску, найдены между оставшимися вещами сбытчика, французскаго подданнаго Августа Жуэ, 92 такихъ билета и два письма отъ торгующаго въ С.-Петербургѣ аптекарскими матеріалами, на Екатерининскомъ каналѣ, Янсена, изъ которыхъ видимо можно заключить, что эти деньги присылалъ къ Жуэ Янсенъ въ такомъ-то ящикѣ; что изъ тѣхъ же писемъ видно, что Янсенъ выѣхалъ въ Парижъ за чѣмъ-то, для какого-то выгоднаго предпріятія.

Въ-4-хъ, по собственному показанію Станислава Янсена, къ нему два раза попадалъ 50-ти-рублевый фальшивый кредитный билетъ: первый онъ поручалъ Александру Бадеру для удостовѣренія въ его дѣйствительности, и что сталось съ этимъ билетомъ — неизвѣстно, такъ какъ Бадеръ не возвратилъ его Янсену; второй найденъ при обыскѣ 3-го марта. Что это не одинъ и тотъ же билетъ, видно изъ того, что первый былъ у Янсена еще въ 1865 или 1866 году, а второй полученъ только въ концѣ 1868 года или даже въ началѣ 1869. И наконецъ, одинъ изъ курьеровъ французскаго посольства, Гани, показалъ, что въ январѣ 1869 г. онъ былъ свидѣтелемъ какъ въ Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, отъ Станислава Янсена не приняли 10-ти-рублеваго билета, потому что билетъ этотъ былъ фальшивый.

Въ-5-хъ, при осмотрѣ бумагъ и переписки Станислава Янсена, 10-го апрѣля, найдена карточка для стереоскопа съ нѣмецкою надписью и съ обозначеніемъ на верху «фиг. 17-я». На запросъ судебнаго слѣдователя о значеніи карточки, Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ отвѣтила: изъ надписи

на карточкѣ видно, что она учитъ какъ должно располагать подъ стереоскопомъ бумажные денежные знаки для распознаванія ихъ подлинности, по способу, предложенному нѣмецкимъ ученымъ Дове въ 1859 году. Способъ этотъ основывается на томъ, что при разсмотрѣніи въ стереоскопъ двухъ оттисковъ, расположенныхъ, какъ на вышеозначенной карточкѣ, одинъ подлѣ другого, совпаденіе линій рисунка и шрифта этихъ оттисковъ можетъ произойти только въ томъ случаѣ, когда между ними нѣтъ ни малѣйшей разницы, т. е. если они отпечатаны съ одной и той же доски. Предполагая, что поддѣлывателю невозможно воспроизвести копируемаго подлинника съ математическою точностію во всѣхъ частяхъ, существующая разница, незамѣтная простому глазу, должна ясно выказаться при сравненіи настоящаго и фальшиваго билетовъ въ стереоскопѣ.

Въ-6-хъ, изъ показаній курьеровъ французскаго посольства Гани и Жилу видно, что чрезъ посредство перваго изъ нихъ, лѣтъ семь назадъ, Янсену передано было письмо или посылка отъ его жены, послѣ чего онъ доставлялъ такія письма или посылки Янсену 5 или 6 разъ; содержаніе ихъ ему было неизвѣстно, но жена Янсена говорила ему, что то были счеты; они были запечатаны и имѣли видъ и размѣръ 10-ти-рублевыхъ билетовъ; толщина ихъ была весьма незначительна; за доставку ихъ Янсенъ ничего не платилъ. Къ курьеру Жилу жена Янсена, лѣтъ пять назадъ, тоже обращалась съ просьбою доставить мужу ея въ С.-Петербургъ подобную же посылку; но онъ возвратилъ ей посылку, потому что, вопреки его наказу, она была принесена къ нему запечатанною.

Въ-7-хъ, наконецъ, въ перепискѣ, взятой у Станислава и Эмиля Янсеновъ, встрѣчаются такія письма, которыя останавливаютъ на себѣ вниманіе своею таинственностью, недомолвками, или же косвенными указаніями на поддѣлку и переводъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Такъ, между ними есть одно къ Станиславу Янсену, отъ 8-го іюля 1860 года, изъ Парижа: «Въ ящикѣ, который будетъ тебѣ врученъ курьеромъ, ты найдешь мое главное письмо вмѣстѣ съ поступившими до настоящаго времени отзывами. Но такъ какъ курьеръ, вмѣсто того, чтобы уѣхать перваго, уѣзжаетъ сегодняшняго дня, то я имѣю случай написать тебѣ еще нѣсколько словъ и просить о передачѣ Іосифу прилагаемой при семъ росписочки. Быть можетъ, это побудитъ лѣнтяя къ ускоренію нашей редакціи... Извѣсти меня, остаются ли всегда безъ измѣненія твои условія о платежѣ ему 15 руб. съ килогр.... Вѣроятно ты меня извѣстишь письмомъ о своей поѣздкѣ въ Парижъ, хотя я разсчитываю, что ты остановишься въ Вильнѣ и Варшавѣ... вмѣсто курьера на этотъ разъ ѣдетъ съ депешами въ Петербургъ какой-то attaché d'ambassade, и сомнительно, будетъ ли отправленъ ящикъ. Мнѣ приказано адресовать этотъ ящикъ на имя Lenoir. Впрочемъ, надѣюсь на будущее время лучше исполнять свои обязанности». Письмо это подписано «Старый».

С.-Петербургская сыскная полиція сообщила судебному слѣдователю, что Станиславъ Янсенъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ модисткою, французскою подданною Германіею Акаръ; что послѣдняя, послѣ ареста Янсена, распродавъ свое имущество, спѣшитъ выѣхать за границу и уже получила на то надлежащее разрѣшеніе. При обыскѣ въ квартирѣ Акаръ ничего подозрительнаго не найдено, но затѣмъ дальнѣйшимъ слѣдствіемъ обнаружено, что изъ магазина Акаръ довольно часто выпускаемы были 10-ти рублевые фальшивые кредитные билеты. Это особенно установлено показаніями: а) Іоанны-Луизы Довье, показавшей, что она жила у Акаръ съ августа 1867 года по апрѣль 1868 года; въ теченіе этого времени ей часто приходилось видѣть, какъ купцы, съ которыми разсчитывались за забранный товаръ, по субботамъ, возвращали 10-ти рублевые кредитные билеты, утверждая, что билеты фальшивые. Акаръ большею частію обмѣнивала возвращенные ей билеты безпрекословно. Сама Довье при разсчетѣ съ Акаръ получила одну фальшивую 10-ти-рублевую

бумажку; б) швейцарскаго гражданина Леопольда Десиметьеръ, показавшаго, что съ 1868 года онъ содержалъ булочную въ домѣ Клея, гдѣ помѣщался и магазинъ Акаръ; отъ Акаръ часто приходили мѣнять кредитные билеты, и въ числѣ ихъ попадались такіе, которые ему возвращали подъ предлогомъ, что они фальшивые. Обративъ на это вниманіе, онъ въ январѣ 1869 года попросилъ дѣвушку изъ магазина Акаръ, принесшую ему размѣнять 10-ти рублевый кредитный билетъ, записать номеръ билета въ его книгу. Когда черезъ нѣсколько дней онъ хотѣлъ отдать билетъ тотъ въ уплату, у него не приняли его, и сестра его, Жозефина, обмѣняла билетъ въ магазинѣ Акаръ на новый; в) французской подданной Элодіи Шевильяръ, два раза жившей у Акаръ, показавшей то же, что Дозье; г) французской подданной Маргариты Наво, проживавшей у Акаръ съ ноября 1867 года до конца февраля 1868 года, которая тоже получила въ январѣ 1868 года отъ Акаръ 10-ти рублевый фальшивый кредитный билетъ для размѣна его; но Наво, не успѣвъ въ томъ, возвратила билетъ Акаръ; и д) артельщика Кондратія Филиппова, также получавшаго отъ Акаръ 10-ти рублевыя сомнительныя бумажки въ 1867 или 1868 годахъ.

Вслѣдствіе этого Янсены и Акаръ были преданы суду по обвиненію: Станиславъ Янсенъ и сынъ его, французскій подданный Эмиль Янсенъ, въ томъ, что, по предварительному уговору между собою, въ началѣ марта 1869 года, завѣдомо ввезли они въ Петербургъ, чрезъ посредство кабинетъ-курьера французскаго посольства Обри, 360 фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ 50-ти рублеваго достоинства, заграничной механической поддѣлки, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 573-й ст. Улож. о Наказ., и французская подданная Гермина Акаръ—въ томъ, что выпускала въ обращеніе фальшивые государственные билеты 10-ти рублеваго достоинства, зная лицъ, занимающихся ихъ переводомъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 576-й ст. Улож. о Наказан.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 25 и 26 апрѣля 1870 года, подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя *Сабурова*. Защищали — Эмиля Янсена—прис. повѣренный *Спасовичъ*, Станислава Янсена—прис. повѣренный *Буймистровъ*, Акаръ—прис. повѣренный *Языковъ*.

На судебномъ слѣдствіи подсудимые себя виновными не признали. При этомъ Эмиль Янсенъ настаивалъ на томъ, что Верникѣ требовалъ передачи посылки какому-то Куликову, но не далъ его адреса, говоря, что онъ самъ придетъ за посылкою. По пріѣздѣ Эмиля Янсена въ Петербургъ, къ нему явился незнакомецъ, назвавшійся Куликовымъ и очень разсердившійся узнавъ, что ящикъ не доставленъ, а можетъ быть присланъ лишь въ послѣдствіи чрезъ курьера. Передать ему печать, по порученію Верникѣ, подсудимый забылъ.— Станиславъ Янсенъ объяснилъ, что Гарди, изобличавшій его, былъ имъ облагодѣтельствованъ, но, принятый изъ состраданія въ компаньоны, велъ себя дурно, пьянствовалъ и забиралъ массу денегъ въ долгъ безъ отдачи. Въ подтвержденіе этого онъ сослался на письмо своей жены.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ префектомъ парижской полиціи оказалось, что по самымъ тщательнымъ розыскамъ Верникѣ въ Парижѣ не найденъ. Защитою Станислава Янсена указано было, между прочимъ, на удостовѣреніе парижскаго мэра о хорошемъ поведеніи подсудимаго во время пребыванія его въ Парижѣ и на письмо саксонскаго посланника въ Парижѣ, барона Зебека, который, замѣняя во время Крымской войны русскаго резидента во Франціи, ходатайствовалъ о разрѣшеніи Янсену вернуться въ Рос-

сію и писалъ ему: «я апплодирую вамъ! свѣдѣнія о васъ прекрасныя». Самъ Станиславъ Янсенъ представилъ 78 свидѣтельствъ, служащихъ доказательствомъ его разносторонней торгово-промышленной и ученой дѣятельности и честности его въ разсчетахъ съ довѣрителями.

Изъ сообщенія Особенной Канцеляріи по Кредитной части оказалось, что какъ билеты 50-ти рублев. достоинства, такъ и билеты 10-ти-рублеваго достоинства, поддѣлки 17-го рода, были распространены въ Россіи на 32,560 руб., причемъ приложенъ списокъ городовъ, по которымъ они были распространены отъ Петербурга на югъ до Харькова, на востокъ до Вологды, на западъ до Варшавы. Во всѣхъ почти городахъ найдено по двѣ или по три такого рода бумажки, которыя обнаружены при размѣнѣ.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей всѣ подсудимые признаны виновными по предъявленному противъ нихъ обвиненію.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Позднее время, въ которое начинаются судебныя пренія, утомительное судебное засѣданіе и, наконецъ, то вниманіе, съ которымъ вы слушали настоящее дѣло, обязываютъ меня и даютъ мнѣ возможность быть краткимъ, даютъ возможность указать лишь на главныя стороны дѣла, основаніемъ которыхъ послужатъ только тѣ данныя, которыя вы слышали и оцѣнили на судебномъ слѣдствіи. Я не буду касаться многихъ побочныхъ обстоятельствъ и мелочей, полагая, что онѣ всѣ оставили въ васъ надлежащее впечатлѣніе, которое, конечно, повліяетъ и на ваше убѣжденіе. Когда возникаетъ серьезное обвиненіе, когда на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ не совсѣмъ обыкновенные люди, когда они принадлежатъ не къ тому слою общества, который поставляетъ наибольшее число преступниковъ,— если не качествомъ, такъ количествомъ,—то естественно является желаніе познакомиться съ личностью подсудимыхъ, узнать свойства и характеръ самаго преступленія. Быть можетъ въ ихъ личности, быть можетъ въ свойствѣ самаго преступленія можно почерпнуть тѣ взгляды, которыми необходимо руководствоваться при обсужденіи дѣла,—быть можетъ, изъ нихъ можно усмотрѣть и то необходимое и правильное освѣщеніе фактовъ, которое вытекаетъ изъ отношенія подсудимыхъ къ этимъ фактамъ.

Предъ вами трое подсудимыхъ. Одинъ изъ нихъ старикъ, уже оканчивающій свою жизнь, другой—молодой человѣкъ, третья—женщина среднихъ лѣтъ. Всѣ они принадлежатъ къ классу если не зажиточному, то, во всякомъ случаѣ, достаточному. Одинъ изъ нихъ имѣетъ довольно прочное и солидное торговое заведеніе; онъ открылъ и поддерживаетъ въ Петербургѣ торговый домъ,— у него обширные обороты,— онъ занимается самою разнообразною дѣятельностью: онъ и комиссіонеръ, и предприниматель, и прожек-

теръ, и членъ многихъ, по его словамъ, ученыхъ обществъ, — наконецъ — человѣкъ развитой и образованный, потому что получилъ во Франціи даже право читать публичныя лекціи; — онъ нѣкогда занимался медициной, но затѣмъ оставилъ ее и пустился въ торговые обороты, посвящая этимъ оборотамъ всю свою дѣятельность и всѣ свои способности для того, чтобы довести эти обороты до возможно бо̀льшаго объема. Поэтому у него положеніе въ коммерческомъ мірѣ довольно хорошее и прочное. Вы слышали здѣсь, что онъ производитъ большія уплаты и находится по дѣламъ въ связи съ главнѣйшими торговыми домами. Другая личность — его сынъ. Онъ стенографъ, говорятъ намъ. Чтобы онъ былъ хорошій стенографъ, объ этомъ судить трудно. Мы знаемъ изъ его собственныхъ словъ, что онъ не можетъ прочесть стенографической надписи на карточкѣ, отзываясь, что забылъ стенографію въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Но тѣмъ не менѣе, онъ еще можетъ выучиться своему дѣлу, и если у него нѣтъ прочнаго положенія въ обществѣ, то зато у него есть семейство, любящая мать, занимающійся обширною торговлею отецъ, молодость, силы, надежда на будущее и, слѣдовательно, наилучшія условія, чтобы заработывать хлѣбъ честнымъ образомъ. Наконецъ третья — модистка высшаго полета, имѣющая заведеніе въ лучшемъ мѣстѣ Петербурга и посѣщаемая особами, принадлежащими къ высшему кругу общества. Таковы подсудимые. Они обвиняются въ важномъ и тяжкомъ преступленіи. Есть ли это преступленіе слѣдствіе порыва, страсти, увлеченія, которыя возможны при всякомъ общественномъ положеніи, при всякой степени развитія, которыя совершаются безъ оглядки назадъ, безъ заглядыванья впередъ? Нѣтъ,—это преступленіе обдуманное и требующее для выполненія много времени. Чтобы рѣшиться на такое преступленіе, нужно подвергнуться извѣстному риску, который можетъ окончиться—скамьею подсудимыхъ, какъ это случилось въ настоящемъ дѣлѣ. Чтобы рискнуть на такое дѣло, нужно имѣть въ виду большія цѣли, достиженіе важнаго результата и, притомъ, конечно, матеріальнаго, денежнаго. Только въ виду этого результата можно пойдти, имѣя уже опредѣленное общественное положеніе, на преступленіе. Но если важенъ результатъ, если заманчивы цѣли, если рѣшимость связана съ большимъ рискомъ, если можно видѣть впереди скамью подсудимыхъ и сопряженную съ нею потерю добраго имени и прочія невеселыя послѣдствія, то естественно, что при совершеніи этого преступленія нужно употребить особую энергію, особую осмотрительность, обдумать каждое дѣйствіе, постараться обставить все такъ хитро и ловко, чтобы не попасться,—постараться особенно, чтобы концы были спрятаны въ воду. Итакъ, вотъ свойства подобнаго преступленія. Преступленіе это есть распространеніе фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Я полагаю, что излишне говорить о его зна-

ченіи. Оно представляется съ перваго взгляда, повидимому, не нарушающимъ прямо ничьихъ правъ; въ этомъ одинъ изъ главныхъ процессуальныхъ его недостатковъ. Предъ вами нѣтъ потерпѣвшихъ лицъ: никто не плачется о своемъ несчастіи, никто не говоритъ о преступленіи подсудимаго съ тѣмъ жаромъ, съ какимъ обыкновенно говорятъ пострадавшіе. Но это происходитъ оттого, что потерпѣвшимъ лицомъ представляется цѣлое общество, оттого, что въ то время, когда обвиняемый сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, въ разныхъ мѣстахъ, можетъ быть, плачутся бѣдняки, у которыхъ послѣдній кусокъ хлѣба отнятъ фальшивыми бумажками. Этихъ потерпѣвшихъ бываетъ много, очень много. Во имя этихъ многихъ, во имя тѣхъ, которые не знаютъ даже, кто ихъ обидѣлъ и отнялъ ихъ трудовыя крохи, вы, гг. присяжные засѣдатели, должны приложить къ дѣлу особое вниманіе, и — если нужно — то и особую строгость. Замѣчу еще, что дѣла подобнаго рода возникаютъ довольно часто, но на судъ попадаютъ рѣдко, и причина тому — обдуманность и хитрость исполненія. Только случай, счастливый случай—если можно такъ выразиться—предоставляетъ судебной власти возможность открыть виновниковъ этого рода темныхъ дѣлъ и коснуться тонко сплетенной сѣти поддѣлывателей и переводителей фальшивыхъ бумажекъ. Такой случай былъ въ настоящемъ дѣлѣ, и съ него лучше всего начать изложеніе обвиненія.

Вы знаете, въ чемъ состоялъ этотъ случай. Къ курьеру французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, Обри, явился неизвѣстный человѣкъ, назвавшійся Леономъ Ріу. Онъ принесъ ему посылку и просилъ отвезти ее въ Петербургъ. Обри рѣшился взять эту посылку. Какъ курьеръ, онъ нерѣдко это исполнялъ и понятно, почему исполнялъ. Онъ не подвергается таможенному досмотру, везетъ безпошлинно всю кладь, а между тѣмъ, бываютъ драгоцѣнныя вещи, которыя можно переслать и вѣрно, и дешево, и не безвыгодно для курьеровъ. Вы слышали показаніе Газе, который говоритъ, что Обри не хотѣлъ согласиться, но что начальникъ его приказалъ взять посылку. Можетъ быть это и такъ. Изъ дѣла видно, что Ріу дѣйствовалъ особенно настоятельно, что онъ покланялся и начальнику Обри, чтобы посылка была отправлена. Во всякомъ случаѣ — въ виду ли выгоднаго обѣщанія или просто чтобы отвязаться отъ навязчиваго просителя, но Обри везетъ ее въ Петербургъ вмѣстѣ съ депешами Тюильрійскаго кабинета. Что-же такое въ посылкѣ? Это, какъ говорилъ курьеру Ріу, и какъ значится въ безграмотномъ переводѣ, артикулы, т. е. образцы товаровъ. Посылка пустая по цѣнѣ, она стоитъ 30 франковъ, ее можно бросить куда нибудь, — и она бросается въ сакъ-вояжъ, гдѣ клеенка, которою она обшита, распарывается. Въ Петербургѣ у Обри является желаніе посмотрѣть содержимое посылки, и не защищенныя больше оболочкою, въ ней оказываются фальшивыя

бумажки. Объ этомъ заявлено, — и вотъ, благодаря нѣсколько необычной любознательности французскаго курьера, русскіе кредитные билеты попадаютъ на столъ вещественныхъ доказательствъ нашего суда. Вы знаете, что Янсены были затѣмъ арестованы. Обстоятельства этого ареста вамъ тоже болѣе или менѣе извѣстны. Я не считаю нужнымъ ихъ повторять, но напомню только вкратцѣ, что къ Обри сначала явилась г-жа Янсенъ, но ей Обри не отдалъ привезенной посылки; она просила его отдать, сначала съ видимымъ равнодушіемъ, потомъ настойчиво и тревожно, обѣщала ему 100 франковъ, была до крайности любезна и ласкательна... но и 100 франковъ не склонили Обри отдать посылку; онъ не поѣхалъ въ театръ, куда его звала г-жа Янсенъ, и не согласился на ея предложеніе заѣхать къ ней пообѣдать. Это послѣднее предложеніе было весьма обдуманно, потому что еслибы ѣхать въ чужой домъ обѣдать, то конечно надо было изъ простой любезности захватить и посылку, адресованную въ этотъ домъ. На другой день явились оба Янсена, отецъ и сынъ. Они получили посылку; отецъ предложилъ сыну росписаться и выдалъ деньги по требованію Обри, немножко поспоривъ о размѣрѣ вознагражденія. Затѣмъ они вышли. Но едва только они вышли, какъ старика окружило двое или трое людей. Оказалось, что это чины сыскной полиціи, и отецъ былъ задержанъ. Вы слышали показаніе Э. Янсена, который говоритъ, что ихъ раздѣлило проходившее по улицѣ войско, и онъ, видя какъ къ отцу подошелъ кто-то, перешелъ съ ящикомъ подъ мышкой чрезъ улицу, чтобы узнать, что случилось съ отцомъ, но также былъ задержанъ. Э. Янсенъ говоритъ, что еслибы онъ зналъ, что въ ящикѣ, то могъ бы бѣжать, могъ бы бросить ящикъ въ канаву, но я полагаю, что объясненіе это не заслуживаетъ уваженія. Бѣжать онъ не могъ, потому что не перейдя чрезъ улицу, онъ не зналъ еще, что отца остановила полиція, а не какое либо неопасное частное лицо, а потомъ бѣжать было уже нельзя, его сейчасъ бы схватили; въ воду бросить — тоже некуда, вѣдь дѣло было въ началѣ марта и вода въ канавѣ была покрыта льдомъ; остается отдаться полиціи. Очевидно, что пришлось попасть въ засаду; очевидно, прошла пора физическаго сокрытія слѣдовъ преступленія, а осталась лишь возможность скрыться отъ преслѣдованія путемъ умственнаго напряженія, т. е. посредствомъ разнаго рода хитросплетенныхъ и тонкихъ оправданій. Такимъ образомъ—они арестованы съ фальшивыми бумажками; признаки преступленія очевидны; арестованныя у Эмиля Янсена бумажки привезены изъ Парижа. Понятно, что способовъ объясненія можетъ быть только два: или онѣ получены завѣдомо, или нечаянно, по незнанію, и въ такомъ случаѣ Эмиль Янсенъ играетъ роль несчастной жертвы, попавшейся въ руки интригановъ, которые его погубили для своихъ цѣлей. И вотъ, дѣйствительно,

такое объясненіе является въ устахъ Янсена. Онъ разсказываетъ что въ Парижѣ къ нему пришелъ нѣкто Верникѐ, бронзовыхъ дѣлъ комиссіонеръ, съ которымъ онъ встрѣчался въ кафе и мало его зналъ. Верникѐ, узнавъ, что Янсенъ ѣдетъ въ Петербургъ, просилъ его, взявъ съ собою посылку, передать по принадлежности. Забывъ посылку, Янсенъ обратился къ своему дядѣ Ріу, который прислалъ ее чрезъ курьера. Ріу это подтвердилъ, но потомъ по разсчету, или же, быть можетъ, желая показать правду, говорилъ иное. Я не придаю значенія его показаніямъ, потому что оба считаю ложными, но, во всякомъ случаѣ, какъ на болѣе правдивое указываю на второе показаніе Ріу. Онъ говоритъ во второмъ показаніи, что племянникъ собирался ѣхать, получивъ извѣстіе о болѣзни матери, и торопился; что при хлопотахъ о паспортѣ какой-то ящикъ стѣснялъ его, и онъ далъ этотъ ящикъ дядѣ, чтобы тотъ отдалъ при отъѣздѣ; дядя забылъ это сдѣлать, потомъ получилъ телеграмму отъ племянника и вслѣдъ затѣмъ письмо, въ которомъ Эмиль Янсенъ просилъ дядю ящикъ отправить чрезъ французскаго курьера, что̀ и было сдѣлано. На этомъ Ріу умолкаетъ и продолжаетъ уже Янсенъ. Ящикъ былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ быть полученъ какимъ-то миѳическимъ лицомъ, какимъ-то Куликовымъ, который, по словамъ Эмиля Янсена, явился къ нему за 10 дней до полученія посылки, до пріѣзда Обри, и очень сердился, что посылка еще не привезена, настойчиво требовалъ, чтобы она была ему прислана, и затѣмъ обѣщалъ снова явиться, но не являлся. Думаю, что внимательное разсмотрѣніе такого разсказа приводитъ къ убѣжденію, что онъ съ начала до конца невѣренъ и выдуманъ Янсеномъ въ свое оправданіе.

Прежде всего въ этомъ разсказѣ встрѣчаются на первомъ планѣ дѣйствія переводителей фальшивыхъ бумагъ. Эмиль Янсенъ попалъ въ руки двухъ лицъ: Верникѐ—который чрезъ его дядю отправилъ бумажки, и Куликова, который ихъ долженъ былъ получить. Посмотримъ, ка̀къ дѣйствуютъ эти лица. Верникѐ приносилъ къ Янсену посылку для отправленія, а вѣдь Янсенъ обыкновенный человѣкъ, ѣдетъ обыкновеннымъ путемъ въ Петербургъ. Этого Верникѐ не можетъ не знать. Но багажъ обыкновенныхъ путешественниковъ осматривается въ таможняхъ, и вѣроятно и у Э. Янсена тоже осмотрятъ, могутъ у него найти фальшивыя бумажки, и онѣ пропадутъ. Но фальшивыя бумажки, какъ бы плохо онѣ ни были сдѣланы,—а настоящія сдѣланы хорошо,— представляютъ извѣстную цѣнность, онѣ сто̀ятъ въ смыслѣ труда дорого и поддѣлка ихъ сопряжена съ большимъ рискомъ, поэтому отдавать ихъ незнакомому человѣку, зная, что онѣ при таможенномъ обыскѣ могутъ весьма легко пропасть, по меньшей мѣрѣ — неосторожно, и обличаетъ неуваженіе къ своему труду въ такихъ ловкихъ людяхъ, какъ фальшивые монетчики, которые, конечно, работаютъ не изъ простой любви

къ искусству. Итакъ, вотъ первая странность со стороны Верникѣ. Затѣмъ Верникѣ все-таки оставляетъ эти бумажки у Э. Янсена. Понятно, что оставляя ихъ, онъ долженъ бы былъ извѣстить немедля своихъ сообщниковъ о томъ, гдѣ онѣ находятся. Но онъ этого не дѣлаетъ сейчасъ же, потому что Э. Янсенъ пріѣхалъ въ Петербургъ 21-го января, а Куликовъ явился гораздо позже. Это объясняется отчасти разсказомъ Ріу. Вы слышали, что посылка передана Ріу, который отправилъ ее въ ящикѣ. По мнѣнію Ріу и Э. Янсена — въ этой коробкѣ французскіе товары на сумму въ 30 франковъ. Вы знаете, что Обри, французскій курьеръ, уѣхалъ изъ Парижа, какъ онъ показываетъ, около 8-го марта. Затѣмъ, за 7 дней до его отъѣзда, къ нему Ріу принесъ коробочку съ бумажками, слѣдовательно это было около 1-го марта по французскому стилю, т. е. это было, во всякомъ случаѣ, не ранѣе 16-го февраля по русскому стилю. Куликовъ же явился за 10 дней до пріѣзда Обри въ Петербургъ: пріѣздъ этотъ произошелъ 1-го марта нашего стиля, слѣдовательно Куликовъ явился 18-го февраля. Такимъ образомъ, онъ явился чрезъ два дня послѣ того, какъ Обри получилъ бумажки. Предположимъ, что Верникѣ телеграфировалъ своему сообщнику, но онъ могъ телеграфировать только послѣ того, какъ Обри согласился везти пакетъ. Въ такомъ случаѣ Куликовъ явился черезчуръ скоро, немыслимо скоро. Ему телеграфировали 16-го февраля, что Обри взялся везти бумажки, а 18-го онъ уже является за ихъ полученіемъ, да еще сердится, что Обри не доѣхалъ изъ Парижа въ одни сутки! Но предположимъ, что телеграммы не было послано, а было послано письмо, въ которомъ Верникѣ извѣщалъ, что бумажки сданы Обри и прибудутъ къ Янсену. Письмо это могло быть отправлено въ день врученія бумажекъ, слѣдовательно 16-го февраля. Письмо изъ Парижа получается на 4-й день, слѣдовательно могло быть въ Петербургѣ только 20-го февраля, между тѣмъ Куликовъ является 18-го. Какимъ же образомъ онъ могъ придти ранѣе полученія письма? Такимъ образомъ, въ дѣйствіяхъ Куликова представляется явная несообразность. По числамъ мы видимъ, что если онъ получилъ телеграмму, то явился слишкомъ рано, если же получилъ письмо, то долженъ бы явиться гораздо позже; — между тѣмъ, онъ является въ срокъ, слишкомъ ранній для телеграммы и невозможный для письма. Затѣмъ Куликовъ знаетъ, что ему отправлены фальшивыя бумажки: онъ заботится о посылкѣ, сердится, что бумажки въ свое время не прибыли, а между тѣмъ не оставляетъ Янсену своего адреса, не приходитъ въ теченіе 12 дней, не приходитъ и до настоящаго времени. Гдѣ же этотъ переводитель или пріемщикъ, куда онъ дѣвался? Оставилъ онъ бумажки на произволъ судьбы? забылъ о нихъ? Но это невозможно: вѣдь бумажки представляютъ капиталъ въ 18 тысячъ! Вѣдь не случайный же онъ человѣкъ въ этомъ,

хотя и опасномъ, но выгодномъ предпріятіи, если ему прямо были адресованы бумажки!

Потомъ этому же Куликову поручено передать печать дома Бурбоновъ. Это тоже довольно странное явленіе. Зачѣмъ какому-то Куликову печать дома Бурбоновъ? И зачѣмъ не укротилъ гнѣвъ Куликова Эмиль Янсенъ хотя бы отдачею печати? Вы видите, что оба—и отправитель, и получатель посылки—дѣйствуютъ странно: оба поручаютъ ее лицу, имъ совершенно неизвѣстному; оба сначала употребляютъ большіе хлопоты, чтобы отправить и получить ее, сердятся, шумятъ и затѣмъ внезапно умолкаютъ, мало того—оба исчезаютъ, и притомъ безслѣдно. О Куликовѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, о Верникѣ также. Изъ справки французской адресной экспедиціи видно, что никакого Верникѣ никогда не жило въ той мѣстности, на которую указалъ Эмиль Янсенъ. Есть указаніе на какого-то португальскаго выходца, но онъ уже уѣхалъ изъ Парижа, когда шло дѣло объ отправкѣ посылки; этотъ же Верникѣ былъ, по словамъ Янсена, не португалецъ и имѣлъ опредѣленныя занятія и постоянное мѣстожительство.

Посмотримъ теперь на дѣйствія самого Э. Янсена и Ріу. Вѣдь ящикъ, который долженъ былъ быть отправленъ въ Петербургъ, заключалъ въ себѣ весьма недорогія вещи: обращики товаровъ, оцѣненные въ 30 франковъ. Ихъ нужно перевезти въ Петербургъ. Очевидно, ихъ поручаютъ перевезти не по почтѣ потому, что не желаютъ заплатить нѣсколько франковъ почтовыхъ расходовъ, а между тѣмъ, какія изъ-за этого хлопоты! Э. Янсенъ оставляетъ пакетъ въ Парижѣ у дяди и говоритъ, что поручилъ отдать его себѣ въ минуту самаго отъѣзда, т. е. тогда, когда берутъ съ собою самыя нужныя вещи, которыя надо всегда имѣть подъ рукою, а не въ багажномъ вагонѣ. А тутъ чужая малоцѣнная посылка, съ которою придется возиться всю дорогу, бояться утраты ея, рисковать забыть и т. д.—Но пусть будетъ такъ! Дядя позабылъ ее отдать на станціи желѣзной дороги—и Эмиль Янсенъ уѣхалъ безъ драгоцѣннаго ящика съ образчиками товаровъ на 30 франковъ. Но что за важность, если онъ забылъ пустую посылку, оцѣненную не дорого и порученную ему мало знакомымъ человѣкомъ? Вѣдь ее можно прислать по почтѣ и, въ наказаніе за забывчивость, заплатить за это нѣсколько франковъ. Но мы видимъ, что изъ-за пустой посылки начинаются большія затраты, посылаются телеграммы, которыя стоятъ по 4 рубля, между тѣмъ какъ посылка по почтѣ стоила бы не болѣе 4 франковъ, начинается писаніе писемъ, являются хлопоты и бѣготня. Изъ письма Э. Янсена къ Ріу видно, что онъ долженъ отыскивать адресъ курьера, ходить въ министерство, кланяться и умолять начальника Обри... Наконецъ Ріу долженъ обѣщать вознагражденіе курьеру, торгуясь, по словамъ письма Эмиля, но немного. И эти-то затраты и хлопоты

происходятъ изъ-за обращиковъ въ 30 франковъ! Правдоподобно ли это? Защита здѣсь приводила письмо Ріу къ Э. Янсену, въ которомъ онъ разсказываетъ о своихъ хлопотахъ и пишетъ, что первыя хлопоты были неудачны. Защита обращаетъ особенное вниманіе на то, что письмо приходитъ изъ Парижа 12-го февраля, т. е. до отправки письма Э. Янсена къ Ріу, въ которомъ онъ проситъ хлопотать въ министерствѣ, проситъ исполнить порученіе относительно отправки посылки. Но что же это доказываетъ? Доказываетъ только, что нужно было хлопотать въ министерствѣ даже до полученія письма Эмиля. Откуда-же зналъ объ этомъ Ріу? Изъ телеграммы, которая была ему прислана, какъ видно изъ его письма къ Эмилю. Онъ отвѣчаетъ на эту телеграмму, что въ министерствѣ ничего нельзя устроить. Затѣмъ 14-го февраля ему посылается письмо съ болѣе подробными указаніями. Можетъ быть намъ скажутъ, что это вызывалось обѣщаніемъ Куликова, который, разсердившись, что бумажекъ нѣтъ, выразилъ обѣщаніе заплатить много, лишь бы посылка была скорѣе на мѣстѣ. Но Э. Янсенъ показалъ, что Куликовъ приходилъ за 10 дней до прибытія посылки чрезъ Обри, т. е. какъ мы уже доказали, ни въ какомъ случаѣ не позже 18—20-го февраля. Между тѣмъ, письмо Э. Янсена, въ которомъ онъ требуетъ, чтобы Ріу такъ сильно хлопоталъ, помѣчено 14-го февраля, т. е. до прихода еще Куликова, когда, слѣдовательно, никто не могъ обѣщать вознагражденія и самъ Эмиль зналъ только, согласно своему разсказу, что ему былъ порученъ маленькій ящикъ съ обращиками товаровъ. Такими представляются дѣйствія Ріу и Э. Янсена. Дѣйствія эти весьма странны. Они указываютъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ Куликова, на то, что Э. Янсенъ не могъ не знать, что находится въ ящикѣ, который отправлялся къ нему. Почему онъ пересылался чрезъ Обри — это весьма понятно: Обри не будутъ осматривать, онъ можетъ провезти бумажки безопасно; ни по почтѣ же, ни самому везти ихъ нельзя. Единственное средство препроводить бумажки—это или запрятать ихъ въ какой нибудь товаръ, наприм., въ карандаши, какъ это дѣлается иногда, что довольно хлопотливо и трудно, или отправить ихъ съ такимъ лицомъ, которое не будутъ осматривать. Но такое лицо можно найдти только среди дипломатическихъ агентовъ, курьеровъ посольства. И вотъ обращаются къ Обри. Являются хлопоты, телеграммы, деньги, и наконецъ бумажки прибываютъ въ Петербургъ. Здѣсь ихъ ждетъ Э. Янсенъ. Онъ посылаетъ за ними свою мать. Но женщинѣ ихъ не отдаютъ. Тогда онъ является со своимъ отцомъ.

Здѣсь мнѣ предстоитъ перейти къ опредѣленію отношеній отца къ сыну и участія его въ настоящемъ дѣлѣ.

Прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, могъ ли знать отецъ Э. Янсена о томъ, что такое получилъ сынъ. Я думаю, что онъ долженъ былъ и могъ это знать. Для этого существуетъ уже одно

первоначальное указаніе. По прибытіи посылки въ Петербургъ, къ Обри явилась жена Янсена и предлагала ему 100 франковъ. Но жена Янсена сама показала здѣсь, что она въ матеріальномъ отношеніи была въ полной зависимости отъ мужа: у нея нѣтъ своихъ средствъ и она не можетъ истратить, безъ разрѣшенія мужа, даже такой небольшой суммы какъ 25 франковъ. Однако она предлагаетъ вчетверо больше,—значитъ увѣрена, что мужъ одобритъ ея расходъ. На другой день является ея супругъ. Онъ дѣйствуетъ очень осторожно, торгуется, недоволенъ высокой цѣной, которую запрашиваетъ Обри, и, наконецъ, приказываетъ сыну росписаться, несмотря на то, что Обри предлагаетъ сдѣлать это ему,—однимъ словомъ, старается остаться въ тѣни и обезопасить себѣ выходъ. И дѣйствительно, если прослѣдить всю дѣятельность Станислава Янсена, если посмотрѣть на его положеніе въ дѣлѣ, нельзя не замѣтить, что это человѣкъ, который никогда очевиднымъ, явнымъ, рѣзкимъ виновникомъ какого либо преступленія явиться не можетъ: онъ слишкомъ опытенъ, слишкомъ много пережилъ, слишкомъ много испыталъ профессій, чтобы такъ легко попасться въ подобномъ дѣлѣ, какъ его сынъ, который съумѣлъ устроить все нужное для привоза бумажекъ, но лишь попался, тотчасъ же сталъ давать опасныя для себя показанія. Посмотримъ на тѣ предварительныя данныя, которыя мы имѣемъ для сужденія о Янсенѣ-отцѣ въ 1831 г. Онъ былъ эмигрантомъ и вернулся въ Россію въ 1858 г., когда ему было это позволено, благодаря заступничеству саксонскаго посланника въ Парижѣ; — съ этого времени онъ началъ заниматься торговлей, сначала одинъ, потомъ съ Гарди, сталъ писать проекты и бросаться въ самую разностороннюю дѣятельность. Такая дѣятельность не совершенно ясна, въ ней есть много туманныхъ пятенъ. Вы знаете про письмо какого-то «стараго», гдѣ говорится объ условіи съ курьерами французскаго посольства — «по 15 рублей съ килограмма». Какія же это посылки? Вѣдь Янсенъ ведетъ обширную торговлю, все, что нужно ему получить, онъ можетъ получить чрезъ таможню. Онъ ведетъ, наконецъ, настолько важную торговлю, что не можетъ нуждаться въ нѣсколькихъ франкахъ и сберегать ихъ посредствомъ посылки чрезъ курьеровъ. Очевидно, онъ долженъ перевозить чрезъ курьеровъ такія вещи, которыя трудно и даже опасно перевезти иначе. Вы знаете, что жена его живетъ въ Парижѣ и не разъ пересылала чрезъ курьеровъ какіе-то пакеты. Почему же ихъ было не посылать съ товаромъ? Она завѣдывала его комиссіями, пересылала товары большими грузами, для чего же еще пересылать чрезъ курьеровъ, бѣгать въ министерство и тамъ хлопотать? Затѣмъ, слѣдя далѣе за дѣятельностью Янсена-старика, мы знаемъ, что въ 1865 г., въ концѣ его, онъ вступаетъ съ Гарди въ компанію. Вы слышали показаніе Гарди. На Гарди дѣйствительно лежатъ какія-то темныя пятнышки. Я

не стану ихъ отрицать въ виду отзывовъ, которые прочла защита. Правда, что отзывы, безъ подтвержденія ихъ фактами, ничего не доказываютъ, но положимъ, что они болѣе или менѣе справедливы,—предположимъ, что люди не станутъ отзываться о комъ либо такъ враждебно безъ всякихъ поводовъ съ его стороны. Положимъ, онъ былъ нѣсколько нечистъ въ своей дѣятельности, но въ какой дѣятельности? Онъ что-то такое нечистое сдѣлалъ 20 лѣтъ тому назадъ. Но вѣдь и болѣе важныя преступленія покрываются давностью, а тѣмъ болѣе проступки и увлеченія, совершенныя въ молодости. Поэтому я думаю, что пятнышки эти можно бы уже и смыть... Допустимъ однако, въ угоду защитѣ, что Гарди самый порочный человѣкъ, но я все же полагаю, что ему нельзя вовсе не вѣрить; нѣтъ такого заподозрѣннаго человѣка, которому нельзя бы было сказать: «ты лживый человѣкъ и не вѣренъ въ словахъ, но могутъ же быть случаи, гдѣ и ты говоришь правду и эти случаи будутъ тѣ, когда сказанное тобою подтвердится другими побочными обстоятельствами, которыя, подкрѣпивъ твои слова, придадутъ имъ непривычную нравственную силу». Обращаясь къ Гарди, мы видимъ, что такія побочныя обстоятельства существуютъ: это, во-1-хъ, показаніе Бадера, которое подтверждаетъ показаніе Гарди, и во-2-хъ, заявленія Гарди властямъ. Вы знаете, что имъ найдены были бумажки, спрятанныя у Янсена; убѣдясь, что онѣ фальшивыя, онъ подавалъ рядъ заявленій въ особое отдѣленіе канцеляріи министерства финансовъ, въ 3-е отдѣленіе и къ оберъ-полиціймейстеру. У него былъ опытный адвокатъ, какъ это видно изъ самой формы бумагъ, самому же ему было нѣкогда заниматься и онъ разсказалъ адвокату, что компаніонъ его по торговлѣ имѣетъ фальшивыя бумажки. Заявленія эти, какъ неподкрѣпленныя надлежащими неопровержимыми доказательствами, представить которыхъ онъ и не могъ, остались втунѣ. Вы слышали здѣсь его показаніе. Онъ находилъ у Янсена неоднократно фальшивые билеты и однажды даже нашелъ цѣлую пачку фальшивыхъ бумажекъ. Янсенъ по этому поводу далъ прежде странное объясненіе. Онъ говоритъ, что обертывая бумажки около банокъ съ помадой и румянами, онъ пряталъ деньги отъ жены. Здѣсь возбужденъ былъ вопросъ о томъ, какъ же можно держать деньги, хотя бы и фальшивыя, въ незапертыхъ помѣщеніяхъ, тамъ, гдѣ находился еще слуга Михайловъ, который былъ здѣсь допрошенъ. Я полагаю, что возбужденіемъ такого вопроса ничего не доказывается. Шкафъ, говорятъ, не запирался; но вѣдь въ квартирѣ могли быть только два лица, могущія ходить въ магазинъ: Гарди и Янсенъ. Къ Гарди Янсенъ могъ относиться съ довѣріемъ, да ему и не надо было ходить въ шкафъ, такъ какъ въ немъ хранились разныя ненужныя ему вещи. Вы слышали, что Гарди завѣдывалъ лишь фабричною частью и что только слу-

чайный пріѣздъ знатной невѣсты заставилъ его отыскать среди банокъ съ румянами бумажку. Затѣмъ, что касается до Михайлова, то онъ жилъ въ особой комнатѣ, на кухнѣ, и когда господа уходили, то магазинъ запирали, запираніе же лавки дѣйствительнѣе запиранія шкафовъ. Одна изъ бумажекъ, взятыхъ Гарди у Янсена, представлена къ дѣлу. Она безспорно фальшивая. Вы слышали объ этомъ удостовѣреніе Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, вы слышали также показаніе Бадера, который говоритъ, что ему бумажка была дана для размѣна, но никто ее не мѣнялъ, какъ фальшивую, и она осталась. Конечно, могутъ сказать, что человѣку, занимающемуся торговлей, среди большого количества бумажекъ могли попадаться фальшивыя бумажки. Но онъ ихъ могъ бы отдать назадъ или разорвать какъ негодныя, или, наконецъ, снести въ банкъ. Однако нѣтъ: онъ хранилъ ихъ вокругъ разныхъ баночекъ съ румянами, тщательно завернутыми. Затѣмъ вы знаете, что въ Путивлѣ жилъ нѣкто Жуэ, который дѣлалъ шпалы для желѣзной дороги и между рабочими пустилъ въ обращеніе не мало фальшивыхъ 10-ти рублевыхъ билетовъ. Когда эти билеты были обнаружены, то былъ произведенъ у Жуэ обыскъ, причемъ найдены 92 десятирублевыя фальшивыя бумажки. Жуэ бѣжалъ и преступленіе осталось безнаказаннымъ, а бумажки изъ его запаса распространились въ большомъ количествѣ въ Россіи, такъ видно изъ сообщенія Кредитной Канцеляріи. Жуэ переписывался съ Янсеномъ, онъ находился съ нимъ въ особыхъ дружескихъ отношеніяхъ, жилъ у него, Янсенъ провожалъ его при отъѣздѣ и хлопоталъ для него о мѣстѣ на желѣзной дорогѣ. У Жуэ найдены письма къ нему Янсена. Янсенъ утверждаетъ, что въ этихъ письмахъ говорится о присылкѣ какого-то спринцованія и, въ подтвержденіе этого, даже представляетъ почтовую повѣстку. Но она ничего не доказываетъ. Не говоря уже о томъ, что посылка полуфунта спринцованія, какъ говоритъ Янсенъ, за 900 верстъ въ такое мѣсто, гдѣ есть аптека, представляется крайне неправдоподобнымъ,— гораздо легче было послать рецептъ; надо замѣтить, что изъ росписки почтовой конторы вовсе видно, чтобы Янсенъ отправлялъ спринцованіе. Изъ протокола судебнаго слѣдователя видно, что, при обыскѣ Жуэ, у него найдено письмо Янсена гдѣ говорится о цѣломъ рядѣ спринцовокъ. Зачѣмъ же онѣ ему посылались? Къ чему укладчику шпалъ масса спринцовокъ? Невольно думается, что спринцовки лишь условный терминъ, тѣмъ болѣе, что эта странная, не совсѣмъ понятная пересылка требовала даже личныхъ свиданій Жуэ и Янсена, какъ это видно изъ письма послѣдняго, прочитаннаго здѣсь. И какая оригинальная судьба этихъ Янсеновъ! И случайный парижскій пріятель молодаго Эмиля, и старый другъ стараго Станислава — одинъ на парижскомъ буль-

варѣ, другой въ Игоревскомъ древнемъ городѣ оказываются весьма прикосновенными къ фальшивымъ бумажкамъ одного и того же рода поддѣлки! — Таковы данныя, которыя мы имѣемъ относительно прошлаго Янсена-отца.

Затѣмъ мнѣ предстоитъ очертить отношенія Янсена къ сыну по настоящему дѣлу. Не спорю, что для того, чтобы доказывать прямо и разительно виновность С. Янсена, нужны бы письменныя доказательства, которыхъ однако лицо, подобное С. Янсену, никогда въ дѣлѣ не оставитъ, но полагаю, что виновность его доказывается прежде всего тѣмъ, что безъ него его сынъ и не могъ бы устроить доставку бумажекъ. Для того, чтобы привезти фальшивыя бумажки въ Петербургъ, для того, чтобы сбыть ихъ съ выгодой, нужно знать, что въ Петербургѣ есть сбытчикъ, нужно знать, что въ Петербургѣ найдутся лица, которыя купятъ ихъ, лица вѣрныя, на которыхъ можно надѣяться, которыя явятся по первому призыву. Откуда же Э. Янсенъ могъ знать объ этихъ лицахъ, проживая въ Парижѣ и давнымъ давно оставивъ Петербургъ? Онъ не могъ однакоже явиться съ бумажками, не зная куда же ихъ сбыть и кому. Трудно предположить, чтобы французъ, не знающій говорить по-русски, новый человѣкъ въ Петербургѣ, пріѣхавшій по случаю болѣзни матери, нашелъ случай отыскать людей, которые взялись бы сбывать бумажки, или сталъ бы распространять ихъ самъ по рукамъ,—по одной, по двѣ. Это требуетъ долговременнаго пребыванія и, при незнаніи русскихъ обычаевъ и языка, было бы опасно. Итакъ, онъ долженъ знать, куда ихъ сбыть. Но кто же его знакомые? Мы ихъ видѣли на судѣ. Это добрые малые, хорошіе пріятели, которые ходятъ съ нимъ въ театръ, обѣдаютъ, охотятся, но фальшивыхъ бумажекъ очевидно не распространяютъ. Для успѣха и безопасности его предпріятія необходимъ хорошо знакомый съ сбытчиками человѣкъ, знающій петербургскіе обычаи и притомъ человѣкъ вѣрный, близкій,—въ томъ возрастѣ, который «ходитъ осторожно и осмотрительно глядитъ». Кто же является такимъ лицомъ? Его отецъ Станиславъ, который могъ указать сыну на возможность пересылки посредствомъ курьера французскаго посольства, такъ какъ не разъ посылалъ чрезъ подобныхъ лицъ посылки,— Станиславъ—компаніонъ Гарди, у котораго послѣдній нашелъ бумажки вокругъ баночекъ съ румянами,—другъ Жуэ, такъ много распространявшаго бумажекъ въ путивльскомъ округѣ и получавшаго такія странныя посылки. Таковы данныя противъ Янсена. Я говорю здѣсь только объ общихъ, самыхъ главныхъ основаніяхъ къ обвиненію и избѣгаю приводить цѣлый рядъ мелкихъ подробностей, которыя оставляютъ однако общее впечатлѣніе и убѣжденіе въ виновности. Вы видите уже изъ тѣхъ данныхъ, которыя я привелъ, что между Э. и С. Янсенами не могло не существовать связи. Если вы при-

знаете, что Э. Янсенъ дѣйствительно устроилъ ввозъ бумажекъ, если вы вспомните разсказъ его о Ріу, Верникѣ и Куликовѣ,—объ этомъ неизвѣстномъ русскомъ человѣкѣ, которому понадобилась печать дома Бурбоновъ,—если вы припомните, что этою печатью, которую онъ взялъ съ собою, а не отослалъ вмѣстѣ съ ящикомъ, были запечатаны фальшивыя бумажки, если вы, повторяю, вспомните все это, то вы едва ли можете не признать, что онъ не могъ сдѣлать этого иначе, какъ при посредствѣ своего отца, такъ какъ въ Петербургѣ онъ совершенно чужой, незнакомый. Вамъ можетъ быть скажутъ, что поведеніе отца его у Обри показываетъ, что Янсенъ дѣйствовалъ съ сознаніемъ своей невиновности. Съ *видомъ* невиновности, но не съ *сознаньемъ* ея, скажу я... Когда Янсены явилися къ Обри, пакетъ оказался распечатаннымъ, и у нихъ, конечно, возникло подозрѣніе, что Обри знаетъ о содержаніи посылки. Но они имѣли основаніе предполагать, что Обри посмотрѣлъ только на обертку, что снималась только клеенка, такъ какъ онъ могъ думать, что коробка, въ ней заключенная, сломалась; они знали, наконецъ, что пакетъ запечатанъ и что едва ли кто рѣшится сорвать чужую печать. Но еслибы даже и допустить, что Обри узналъ, что въ ящикѣ содержатся бумажки, то какъ иностранецъ, онъ могъ не знать, какого происхожденія эти бумажки. Да наконецъ, какое ему до всего этого дѣло? Развѣ онъ пойдетъ заявлять русской полиціи, будетъ возиться съ нею, зная, что его будутъ таскать и допрашивать? Да и какое дѣло ему даже и до того, что это фальшивыя бумажки? Ему лучше оставаться съ Янсеномъ въ добрыхъ отношеніяхъ и получать отъ него вознагражденіе. Даже если и предположить, что Обри догадался въ чемъ дѣло, то и въ такомъ случаѣ надо сохранить наружное спокойствіе, не бѣжать, не отказываться отъ посылки, иначе Обри, пожалуй, подыметъ крикъ, а надпись на посылкѣ: «отъ Ріу — Янсену» — послужитъ тяжкою уликою противъ Янсеновъ. Лучше доиграть свою роль до конца, лучше взять спокойно посылку, расплатиться, поторговавшись для виду, распрощаться и уйти. Таковы дѣйствія обоихъ Янсеновъ. Подсудимые составляютъ два небольшихъ, но вѣскихъ звена въ массѣ поддѣлывателей и переводителей фальшивыхъ бумажекъ. Что эти лица являются таковыми — на это указываютъ вамъ и тѣ цифры, которыя я приводилъ. Я ихъ вамъ напомню. Вспомните, что, при обыскѣ, у Станислава Янсена найдена бумажка за № 91701; вспомните, что фальшивыя бумажки, найденныя при арестованіи у Эмиля Янсена, были за №№ 91700, 91702 и 91704 и т. д. Эти бумажки, какъ увѣдомилъ банкъ, принадлежатъ къ одному и тому же роду поддѣлки, къ одному и тому же выпуску, именно къ 19 роду поддѣлки. Затѣмъ вы знаете, что въ Варшавѣ, не ранѣе арестованія Янсеновъ, какъ заявила защита, а позже — 20-го марта, открыта поддѣлка бума-

жекъ на огромную сумму — на 100,000 рублей. Бумажки эти оказались той же фабрикаціи, и между ними являются пробѣлы, именно онѣ идутъ чрезъ номеръ, такимъ образомъ, что одинъ номеръ у Э. Янсена, а другой въ Варшавѣ. Я приведу цифры: 23544 въ Варшавѣ, а 23545 у Э. Янсена, 23546 въ Варшавѣ, а 23547 у Янсена, 23552 у него же, а 23553 въ Варшавѣ. Какой же выводъ изъ этого? Намъ скажутъ, что единственно тотъ, что бумажки выходили изъ одного мѣста поддѣлки. Да, но самое раздѣленіе ихъ на двѣ группы не показываетъ ли, что онѣ были раздѣлены такъ для того, чтобы не подать никакого подозрѣнія въ подлинности ихъ. Такъ обыкновенно дѣлаютъ распространители бумажекъ. Наконецъ, бумажка, которая найдена у С. Янсена, очевидно поступила къ нему до привоза бумажекъ къ Э. Янсену. Откуда же она взялась? Она оказывается одной поддѣлки съ тѣми, которыя найдены у Э. Янсена. И вотъ, является вполнѣ основательное, какъ мнѣ кажется, предположеніе: заграницей существуетъ поддѣлка русскихъ бумажекъ; нужно выпускать ихъ серіями въ Россію; для того, чтобы распространеніе не подавало особаго подозрѣнія непрерывностью номеровъ и для большаго удобства въ счетѣ ихъ — онѣ раздѣляются на двѣ группы: направо и налѣво. Такимъ образомъ образуются двѣ пачки — одна отправляется въ Варшаву, другая — въ Петербургъ. Для Петербурга находится Э. Янсенъ, который берется устроить провозъ чрезъ французскаго курьера, благо у его отца есть связи съ курьерами. Но для того, чтобы отвезти, надо имѣть лицо, которое возьметъ бумажки, будучи увѣрено, что ихъ можно сбыть съ барышемъ, а для этого надо отвезти бумажку и показать ее: «годятся ли де такія?» И вотъ такая-то пробная, образцовая бумажка, за № 91701, найдена у С. Янсена. Она ему предъявлена сыномъ, разсмотрѣна и имъ одобрена. Затѣмъ является телеграмма, переписка, порученіе высылать бумажки, и остальныя бумажки являются къ Э. Янсену, который такъ усердно и назойливо хлопочетъ о провозѣ 30-ти франковыхъ обращиковъ. Къ счастью, Обри слишкомъ любопытенъ, а сыскная полиція достаточно бдительна, и бумажки вмѣстѣ съ Янсеномъ представлены теперь на вашъ судъ, гг. присяжные. Вотъ доводы относительно обвиненія Янсеновъ... Перехожу къ обвиняемой Германсъ Акаръ.

Хотя главнымъ дѣятелемъ физическимъ въ настоящемъ дѣлѣ является, повидимому, Эмиль Янсенъ, хотя противъ него существуетъ бо́льшая часть не подлежащихъ сомнѣнію уликъ, я долженъ замѣтить, что главнымъ дѣятелемъ, душою всего этого преступнаго дѣла является, по мнѣнію моему, Станиславъ Янсенъ, и онъ своею дѣятельностью оттѣняетъ и обрисовываетъ дѣятельность Германсъ Акаръ. Она обвиняется въ томъ, что распространяла фальшивыя бумажки. Но для этого ей нужно было ихъ по-

лучить отъ кого нибудь, нужно было войти въ сношеніе съ лицами, которыя нашли бы удобнымъ распространять чрезъ нее бумажки, нуженъ былъ наконецъ случай для ихъ распространенія. Вы слышали изъ опредѣленія судебной палаты, что обвиненіе ея основано на свидѣтельскихъ показаніяхъ. Начиная свидѣтелями, палата приходитъ къ общему выводу о виновности Акаръ. Я попробую дѣйствовать наоборотъ и разсмотрѣть сначала тѣ предположенія, которыя вытекаютъ изъ свѣдѣній о личности Янсена и о его отношеніяхъ къ Акаръ.

Вы знаете, что между Янсеномъ и Акаръ существовала большая дружба, старинная пріязнь, переходящая почти въ родственныя отношенія, которая допускаетъ постоянное пребываніе Янсена у Акаръ, допускаетъ возможность обѣдать и завтракать у нея, завѣдывать ея кассою, вести разсчеты, почти жить у нея, такъ что даже ключъ отъ магазина, по закрытіи его, Гарди долженъ былъ посылать къ Акаръ. Изъ того, что я говорилъ уже о С. Янсенѣ, я вывожу, что у С. Янсена была возможность — въ видѣ промысла сбывать и распространять фальшивыя бумажки, получаемыя съ мѣста производства. Но распространять ихъ посредствомъ раздачи мелкимъ промышленникамъ не всегда вѣрно и по большей части опасно; передать же ихъ въ руки распространителей въ большихъ размѣрахъ — не всегда выгодно. Лучше всего пустить бумажки въ чьи либо торговые обороты. Но въ чьи? Въ свои — неудобно, въ чужіе — опасно; лучше всего въ чужіе, но которые были бы подобны своимъ. Итакъ, нужно ихъ передать въ руки такого лица, которое близко, вѣрно, и не выдастъ. Это лицо, къ которому Янсенъ относится съ полнымъ довѣріемъ, этотъ старый вѣрный другъ—Акаръ, богатая модистка, имѣющая заведеніе въ лучшемъ мѣстѣ города. Вы видѣли здѣсь ея мастерицъ, ихъ блестящій костюмъ, изысканныя манеры. Вы знаете, что каковъ магазинъ, таковы должны быть и заказчицы. Если мастерицы одѣваются великолѣпно, если модное заведеніе помѣщается на лучшей улицѣ, то очевидно заказы должны быть въ широкихъ размѣрахъ и по количеству, и по платежу. Такіе заказы, не въ рубляхъ, а въ сотняхъ, могутъ дѣлаться лишь лицами богатыми, которыя покупаютъ много и расплачиваются сразу большими суммами. Вотъ этимъ-то лицамъ подъ шумокъ, среди любезностей и веселой французской болтовни, лучше всего и сбывать фальшивыя бумажки. Имъ можно дать сдачи нѣсколько 10-ти рублевыхъ бумажекъ. Великосвѣтская барыня, купившая на большую сумму, не станетъ, пожалуй, ихъ и считать, а тѣмъ болѣе разсматривать, а положитъ, скомкавъ небрежно, въ кошелекъ. По пріѣздѣ домой окажется, быть можетъ, что есть въ немъ бумажки фальшивыя, но она посѣтила столько магазиновъ, испытала столько встрѣчъ, что ей неизвѣстно, гдѣ она ихъ получила, да и стоитъ ли хлопо-

тать, «унижаться» изъ-за какой нибудь 10-ти рублевой бумажки, рискуя, можетъ быть, встрѣтить наглое отрицаніе и удивленіе!? Такъ сегодня, такъ и завтра. Вы знаете, какія покупки дѣлаютъ свѣтскія дамы высшаго полета, вы знаете, напримѣръ, о закупкахъ невѣсты польскаго графа, которая купила сразу на 245 руб. разной косметической мелочи, что̀ и послужило къ открытію фальшивыхъ бумажекъ около банокъ съ румянами. Но кто покупаетъ на 245 р. помады и духовъ, румянъ и бѣлилъ, тотъ очевидно не очень цѣнитъ деньги. При такихъ-то покупкахъ всего удобнѣе распространять фальшивыя бумажки. Итакъ, *удобство* распространенія фальшивыхъ бумажекъ существуетъ. Затѣмъ существуетъ и возможность пріурочить Акаръ къ преступленію. Янсенъ завѣдуетъ ея кассою. Чрезъ расходную кассу и потекутъ фальшивыя бумажки. Весь вопросъ въ томъ: знала ли она, что распространяетъ фальшивыя бумажки? Она не могла не знать этого. Еслибы въ кассу попадали часто фальшивыя бумажки, безъ вѣдома Акаръ, то лица, являющіяся за платежами своими разговорами и протестами по поводу ихъ фальшивости смутили бы хозяйку, и Акаръ стала бы безпокоиться, негодовать, отыскивать причины появленія бумажекъ, заподозрѣвать завѣдующаго кассою, т. е. Янсена, и дѣло могло бы принять дурной оборотъ. Поэтому, лучше откровенно сказать ей, представить всю безопасность этого дѣла и своимъ нравственнымъ вліяніямъ побудить ее распространять бумажки. Вѣрный другъ не выдастъ, а вмѣстѣ они съумѣютъ вести наступательную войну противъ покупателей и получателей и принимать оборонительныя мѣры, когда это, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, окажется нужнымъ. Здѣсь вы слышали показанія свидѣтелей, которые, кажется, достаточно указываютъ на то, что Акаръ рапространяла бумажки. Дозье, Десиметьеръ, его сестра, Наво, Шевильяръ, Алексѣевъ, Кондратьевъ, Филипповъ единогласно утверждаютъ, что Акаръ очень часто выдавала фальшивыя бумажки, но безпрекословно принимала и обмѣнивала, когда ихъ ей возвращали. Защита выставила рядъ свидѣтелей, которые говорятъ, что имъ никогда фальшивыхъ бумажекъ не давали. Но преступленіе всегда совершается относительно опредѣленныхъ лицъ, а не всѣхъ приходящихъ въ соприкосновеніе съ виновнымъ. На одного обокраденнаго, побитаго, обманутаго — приходится всегда нѣсколько людей, которыхъ обвиняемый не затронулъ своими дѣйствіями. Ихъ присутствіе разрѣжаетъ ту атмосферу преступности, въ которой происходитъ дѣятельность обвиняемаго, но ихъ показанія доказываютъ лишь отрицательные факты — доказываютъ лишь, что они, благодаря случаю, обстановкѣ или личнымъ видамъ обвиняемаго, избѣгли возможности быть его жертвами. Разсмотримъ притомъ показанія свидѣтелей защиты и обвиненія. Они раздѣляются на двѣ группы. Одни служатъ у Акаръ и, очевидно, боятся

выдать свою госпожу, говоря, что они никогда не видѣли фальшивыхъ бумажекъ и не слыхали объ этомъ, и даже отрицаютъ такія обстоятельства, которыхъ не отрицаетъ и сама Акаръ, напримѣръ—полученіе бумажекъ отъ Лѣсникова и отъ Десиметьеръ. Акаръ признаетъ, что ей была возвращена бумажка отъ Лѣсникова, признаетъ также и то, что бумажка была возвращена и отъ Десиметьеръ, свидѣтели же первой категоріи говорятъ, что этого ничего не было. Вы слышали здѣсь показанія Десиметьеръ и его сестры, совершенно точныя, ясныя. Бумажка, принесенная Ревеккою Катцъ была ею самою отмѣчена, и только благодаря этому дня черезъ два была возвращена Акаръ для обмѣна на настоящую. Ревекка же говоритъ, что ничего подобнаго не было, что когда оказалось, что бумажку принять нельзя, то она тотчасъ же унесла ее назадъ, а на вопросъ—для чего приносила она бумажку—указываетъ на то, что въ магазинѣ не было сдачи. Но невозможно предположить, чтобы въ такомъ громадномъ магазинѣ не было сдачи съ десятирублевой бумажки, какъ въ какой нибудь табачной лавочкѣ — и притомъ на Михайловской улицѣ, гдѣ кругомъ масса мѣняльныхъ конторъ. Затѣмъ слѣдуетъ другая группа свидѣтелей. Всѣ они говорятъ, что въ магазинъ часто возвращали фальшивые билеты; они поступали преимущественно по субботамъ. Здѣсь постоянно возникалъ вопросъ о томъ, могли-ли мастерицы видѣть мелкихъ поставщиковъ галантерейнаго товара, приходившихъ за деньгами, такъ какъ онѣ находились наверху, касса же внизу, и сверху ничего нельзя было видѣть. Да, быть можетъ, все это такъ, но что же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь онѣ всѣ вмѣстѣ обѣдали въ 7-мъ часу, въ то время, когда мелкія торговыя заведенія въ субботу всѣ уже по большой части закрыты и, слѣдовательно, въ это-то время купцы и являлись обмѣнивать фальшивыя бумажки. Да, наконецъ,—развѣ всѣ эти изящныя мастерицы цѣлый день сидѣли согнувшись въ своей душной рабочей комнатѣ? Акаръ, вѣроятно, профессоръ своего дѣла: онѣ должны были у нея просить разныхъ выкроекъ, спрашивать указаній, объясненій, слѣдовательно онѣ могли постоянно къ ней являться, сбѣгать сверху внизъ и присутствовать при разсчетахъ съ покупателями. Мы имѣемъ показаніе Маргариты Дозье. Оно вполнѣ правдиво. Свидѣтельницѣ этой, послѣ того, какъ, поссорившись съ Акаръ, она должна была отойдти по настойчивому требованію послѣдней,—слѣдовало получить 13 руб., въ числѣ которыхъ ей была дана 10-ти рублевая фальшивая бумажка; она отнесла ее назадъ, но Акаръ у нея ее не приняла. Противъ этого были выставлены двѣ свидѣтельницы; онѣ очень неопредѣленно говорятъ о двухъ 5-ти рублевыхъ бумажкахъ, но ни одна изъ нихъ не объясняетъ какого рисунка были эти бумажки, стараго или новаго, ни одна изъ нихъ не можетъ сказать, что говорилось по поводу этихъ бумажекъ, ни одна изъ нихъ

не утверждаетъ даже, чтобы присутствовала при вручении ихъ Дозье. Сама подсудимая заявила подъ конецъ, что дѣйствительно ею были даны двѣ 5-ти рублевыхъ бумажки, но вы слышали, что сначала она говорила о двухъ 10-ти рублевыхъ бумажкахъ. Притомъ, какой поводъ Дозье взводить напраслину на свою соотечественницу? Хотя она и отошла отъ Акаръ, но повидимому совершенно довольна своимъ положеніемъ. Вы слышали ея показаніе, полное добродушной ироніи,—вы видѣли какъ богато и красиво она одѣта. Очевидно, что давняя ссора съ хозяйкою отошла для нея въ область прощенія и забвенія и здѣсь она говоритъ то, что было дѣйствительно, даже и не зная, что ея 10-ти рублевая бумажка есть только кусочекъ мозаики въ одной общей картинѣ. Другимъ свидѣтелемъ является приказчикъ Лѣсникова, который показалъ, что приносилъ назадъ фальшивую 10-ти рублевую бумажку и требовалъ взять ее назадъ, что и исполнила Акаръ. Но намъ могутъ сказать: какое же это распространеніе, когда бумажки берутся назадъ? Да, это единичныя бумажки, распространяемыя между ремесленниками и мелкими торговыми людьми, — въ видѣ пробы, на удачу... Люди эти дорожатъ каждой копѣйкой; они начнутъ шумѣть по поводу своего добра, а когда такой человѣкъ зашумитъ, то онъ не скоро перестанетъ, и потому приходится иногда великодушно взять бумажку назадъ, пожаловавшись при этомъ на экономическое положеніе Россіи, гдѣ такая пропасть фальшивыхъ бумажекъ. Приводятъ здѣсь кассовую книжку, но что же она доказываетъ? Это только простая книжка, не отличающаяся отъ книжекъ мелочныхъ лавочниковъ, чуждая всякихъ бухгалтерскихъ пріемовъ; въ ней своя рука владыка, а потому вечеромъ, когда сводились счеты, легко было свести концы съ концами; книжка не имѣетъ ничего яснаго и точнаго, полна перемарокъ и перечеркиваній. Наконецъ, вы знаете, что кассой долгое время завѣдывалъ самъ С. Янсенъ. Припомните частое пребываніе его у Акаръ, припомните, что отъ нея выходятъ все 10-ти рублевыя бумажки, припомните, что онѣ выходятъ одновременно съ тѣмъ, когда Янсенъ бывалъ такъ часто у Акаръ и въ то время, когда и въ Путивлѣ распространялись 10-ти рублевыя бумажки. Отъ кого же исходятъ эти бумажки, распространяющіяся и въ Путивлѣ, и въ Петербургѣ, и между свѣтскими барынями, и между несчастными работниками желѣзной дороги? Почему именно у Янсена такіе друзья, какъ Акаръ и Жуэ, отъ которыхъ исходятъ бумажки одинаковаго достоинства и поддѣлки? Почему именно въ то время, какъ кассою г-жи Акаръ завѣдываетъ другъ г-на Жуэ, отъ нея исходятъ фальшивыя бумажки, которыя она такъ спокойно и безпрекословно принимаетъ? Почему именно та изъ ея мастерицъ, которую она выгоняетъ, получаетъ 10-ти-рублевую фальшивую бумажку? Вотъ вопросы, на которые можетъ быть одинъ отвѣтъ:—

потому, что Акаръ виновна, потому что она распространяетъ бумажки сознательно.

Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, тѣ данныя, которыя я имѣлъ вамъ передать. Сожалѣю, что не могу вамъ изложить всего подробнѣе. Въ настоящую минуту нѣтъ времени на это, всѣ очень устали, а васъ еще ждутъ три защитительныя рѣчи. Если однако защита будетъ касаться подробностей, которыя я обходилъ, я поговорю и о нихъ, — но не теперь... Я долженъ бы былъ въ началѣ своей рѣчи сказать, что я не могу представить относительно двухъ подсудимыхъ, Станислава Янсена и Акаръ, прямыхъ доказательствъ. Защита, вѣроятно, будетъ поэтому говорить, что обвиненіе мною не доказано, что всякое сомнѣніе должно служить въ пользу подсудимаго. Я на это скажу, что если требовать для обвиненія въ распространеніи фальшивыхъ ассигнацій поимки человѣка съ бумажками въ рукахъ, который затѣмъ во всемъ сознается, тогда, пожалуй, и судить не нужно, тогда возможно дѣйствовать однѣми карательными мѣрами. Затѣмъ мнѣ могутъ сказать, что сомнѣніе служитъ въ пользу подсудимаго. Да, это счастливое и хорошее правило! Но, спрашивается, какое сомнѣніе? Сомнѣніе, которое возникаетъ послѣ оцѣнки всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ доказательствъ, которое вытекаетъ изъ оцѣнки нравственной личности подсудимаго. Если изъ всей этой оцѣнки, долгой и точной, внимательной и серьезной, все-таки вытекаетъ такое сомнѣніе, что оно не даетъ возможности заключить о виновности подсудимаго, тогда это сомнѣніе спасительно и должно влечь оправданіе. Но если сомнѣніе является только оттого, что не употреблено всѣхъ усилій ума и вниманія, совѣсти и воли, чтобы, сгруппировавъ всѣ впечатлѣнія, вывести одинъ общій выводъ, тогда это сомнѣніе фальшивое,—тогда это плодъ умственной разслабленности, которую нужно побороть. Надъ сомнѣніемъ нужно поработать, его нужно или совсѣмъ побѣдить, или совсѣмъ ему покориться, но сдѣлать это во всякомъ случаѣ серьезно, взвѣсивъ и оцѣнивъ данныя для обвиненія. Мнѣ оставалось бы лишь сказать о важности преступленія. Я говорилъ, однако, уже объ этомъ. Упомяну только, что отъ него много потерпѣвшихъ, и что во имя этихъ потерпѣвшихъ нужно строго относиться къ дѣянію, совершенному подсудимыми. Россія въ послѣднее время сдѣлалась обширнымъ полемъ, на которомъ ведется систематическая война противъ общества и государства посредствомъ кредитной поддѣлки всевозможныхъ системъ. Противъ каждаго изъ русскихъ людей, противъ всего нашего отечественнаго рынка, противъ нашего кредита и противъ цѣлаго общества — ввозомъ фальшивыхъ бумажекъ ведется война;—отъ преступленія здѣсь страдаетъ и отдѣльная личность, и цѣлое общество. Эта война не можетъ быть, однако, терпима, нужно по возможности

стараться прекратить ее. Поддѣлыватели и распространители фальшивыхъ билетовъ вносятъ въ эту войну искусство, умъ, энергію, изобрѣтательность и всевозможныя средства нечистыя и безчестныя, но обдуманныя и ловкія. У насъ есть противъ этого одно средство, —чистое, торжественное и хорошее. Это средство — судъ. Только судомъ можно сократить, въ сферѣ государственной и общественной безопасности, подобнаго рода преступленія и не давать имъ развиться. Гг. присяжные засѣдатели — вашъ приговоръ является такимъ средствомъ. Онъ является сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ общества съ поддѣлывателями и распространителями. Если вы придете къ тому выводу, къ которому пришло обвиненіе, если вы взвѣсите всѣ обстоятельства дѣла внимательно, то, можетъ быть, вашъ приговоръ покажетъ, что это средство сильно, что это оружіе для борьбы не заржавѣло и что оно строго и безпристрастно караетъ виновныхъ въ такихъ противъ общества преступленіяхъ, каково настоящее.

Я прошу нѣсколько минутъ вниманія. Постараюсь быть кратокъ. Существенными мѣстами защиты вообще, я считаю объясненія о личностяхъ переводителей, о которыхъ говорилъ Эмиль Янсенъ, — указанія на отсутствіе капиталовъ у Янсеновъ и замѣчанія, которыми защита хочетъ доказать, что Янсены, придя къ Обри, дѣйствовали какъ ни въ чемъ неповинные люди. Но прежде чѣмъ приступить къ разбору этихъ доводовъ, я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе, въ виду заявленій защитника Станислава Янсена. Онъ нападаетъ на обвинительный актъ и съ особой энергіей старается поставить на видъ то, что онъ называетъ «невниманіемъ и неразборчивостью въ составленіи обвинительнаго акта». Но я думаю, что это совершенно напрасная затрата силъ. Вы судите, господа присяжные, на основаніи того, что вы видите и слышите здѣсь на судѣ, и живое впечатлѣніе происходящаго предъ вашими глазами, вѣроятно, отодвигаетъ обвинительный актъ на задній планъ. Предъ вами раздается живое слово и на него-то желательно слышать возраженія, вмѣсто опроверженія такихъ мѣстъ обвинительнаго акта, на которыя вовсе не указывалось во время судебныхъ преній. Перейдемъ, поэтому, прямо къ возраженіямъ на обвинительную рѣчь. Защита, разбивая обвиненіе, особенно долго останавливается на письмѣ «стараго», но обвиненіе ему вовсе не придаетъ особеннаго значенія: — я не просилъ даже и о прочтеніи этого письма и тѣмъ лишалъ себя права на него ссылаться. Правда, мнѣ помогъ одинъ изъ защитниковъ, который счелъ нужнымъ обратить ваше вниманіе на это письмо. Оно,

по мнѣнію обвиненія, указываетъ на давнія сношенія Янсена съ курьерами, подписано подозрительнымъ именемъ «старый», которое намекаетъ на какія-то особыя интимныя отношенія между Янсеномъ и авторомъ письма. Но обвинитель забываетъ, говоритъ защитникъ Станислава Янсена, что писать или произносить по-французски длинныя польскія фамиліи, оканчивающіяся на «скій», почти невозможно, чему служитъ указаніемъ даже одинъ изъ извѣстныхъ водевилей Скриба. Я готовъ согласиться, что французскія буквы плохо складываются при писаніи польской фамиліи, но все-таки,—прочитавъ письмо, прежде чѣмъ говорить о немъ,—не могу не заявить, что ссылка на французскій водевиль мало помогаетъ дѣлу и для обвиненія не опасна по очень простой причинѣ: *письмо написано по-польски.* Полякъ навѣрно не затруднился бы написать свою фамилію на родномъ языкѣ, какія бы «трудныя» буквы въ нее ни входили. — Перехожу къ болѣе существеннымъ доводамъ защиты. — Намъ говорятъ, что Верникѣ существуетъ и что надо вѣрить показанію Эмиля; — еслибы онъ зналъ что ему даютъ бумажки и хотѣлъ бы ихъ провезти, онъ могъ бы положить ихъ въ карманъ; — посылка, согласно его новѣйшему разсказу, должна была быть отдана Ріу, потому что не была еще готова. Но гдѣ же этотъ Верникѣ? По самому тщательному розыску онъ не найденъ, да и дѣйствія его какія-то странно-неосновательныя, чтобы не сказать болѣе. Онъ имѣетъ бумажки на большую сумму, плодъ долгихъ трудовъ поддѣлывателей — и пристаетъ съ ними къ первому попавшемуся въ кафе человѣку, съ которымъ почти вовсе незнакомъ. Но вѣдь если Эмиля и не обыщутъ на таможнѣ, то онъ самъ можетъ посмотрѣть, что такое онъ везетъ и присвоить бумажки себѣ, или выбросить, или отдать полиціи! Однако и этотъ рискованный комиссіонеръ не можетъ ждать и поручаетъ обратиться къ Ріу. Но Ріу человѣкъ осѣдлый; онъ служитъ въ Парижѣ, занимаетъ мѣсто химика горной школы, онъ самъ не поѣдетъ въ Россію, слѣдовательно онъ пошлетъ посылку Эмилю. Но на почтѣ ее вскроютъ — непремѣнно... Защита скажетъ, быть можетъ, что Верникѣ зналъ, что Ріу отправитъ чрезъ курьера посольства. Нѣтъ, онъ этого знать не могъ! Онъ долженъ былъ явиться къ Ріу тотчасъ по отъѣздѣ Эмиля. Эмиль уѣхалъ 21-го января, а о курьерахъ впервые говорится (по словамъ самого же Ріу) лишь между 10-мъ и 12-мъ февраля, въ телеграммѣ, присланной Эмилемъ изъ Петербурга. — Очевидно, что несуществующій Верникѣ дѣйствуетъ безумно-опрометчиво. Да и можно ли предположить, чтобы поддѣлыватели такихъ превосходно сработанныхъ ассигнацій, выпускаемыхъ на огромную сумму (въ Варшавѣ арестовано бумажекъ на 100 тыс., въ Петербургѣ на 18 и по Россіи на 32,500, итого на 150 слишкомъ тысячъ),—можно ли предположить, чтобы они не имѣли никакого устройства, никакой опредѣленности въ своихъ

оборотахъ, не имѣли вѣрныхъ людей, опытныхъ сбытчиковъ чтобы они сновали, бѣгали и отдавали свои бумажки первому встрѣчному и тому, на кого онъ укажетъ? Это просто немыслимо!— Эмиль могъ бы провезти двѣ пачки бумажекъ въ карманахъ, если бы хотѣлъ, говорятъ намъ. — Но вспомните №№ билетовъ, незнаніе Эмилемъ русскаго языка и обычаевъ и его отношенія къ отцу, и вы увидите, что онъ не могъ везти съ собою билетовъ. Почему? Потому, что ихъ ему бы и не дали, такъ какъ онъ ѣхалъ «вновѣ». Ему вручили только образчикъ,— № 91,701. «Покажи, молъ, въ Петербургѣ — и если окажется хорошъ и условія сбыта удобны, то напиши, чрезъ кого и когда пересылать». Съ этимъ-то билетомъ и явился Эмиль къ отцу, тотъ одобрилъ — и посылка явилась послѣ телеграммы и письма къ Ріу. — Янсена-отца выставляютъ застарѣлымъ сбытчикомъ бумажекъ, говоритъ защита,— но гдѣ же нажитые имъ капиталы? Да ихъ не должно быть, этихъ капиталовъ! Янсенъ жилъ хорошо и въ довольствѣ, расплачивался, начиная съ 1860 года, съ довольно значительными парижскими долгами и велъ обширную торговлю. Онъ не былъ, такъ сказать, банкиромъ для фальшивыхъ бумажекъ, — онъ былъ для нихъ мѣнялой, факторомъ и потому могъ получать хорошую прибыль, но не наживать сразу огромныхъ капиталовъ. Правда, два раза представлялся случай забрать большую сумму въ руки, но оба раза помѣшало неумѣстное любопытство постороннихъ. Разъ полюбопытствовалъ Гарди — и пришлось сжечь цѣлую пачку 50-ти рублевыхъ билетовъ; — другой разъ полюбопытствовалъ Обри — и пришлось предстать предъ вами, господа присяжные засѣдатели. Наконецъ, по мнѣнію защиты, поведеніе Янсеновъ у Обри указываетъ на сознаніе ими своей невиновности. Еслибы было иначе— они могли бы не приходить, а придя — уйти немедленно, не торговаться, торопиться и поскорѣй сбыть ящикъ.—Но едва ли это такъ. Прежде всего, Янсены не знали, что Обри распаковалъ ящикъ, тѣмъ болѣе, что онъ сказалъ м-мъ Янсенъ, что ящикъ еще въ посольствѣ. Поэтому Янсены смѣло могли придти къ Обри. Придя они увидали, что ящикъ былъ открываемъ. Что же дѣлать? У нихъ должны были явиться три неизбѣжныхъ предположенія. *Первое* — что Обри не смотрѣлъ бумажекъ, не распечатывалъ пакетовъ. Остается отдать ему деньги и уйдти. *Второе* — что Обри знаетъ о содержаніи пакетовъ, но не сообщилъ полиціи. Остается тоже взять пакеты по-добру по-здорову и уходить, — обласкавъ Обри и давъ ему денегъ. Если уйти просто — онъ можетъ поднять крикъ, показать обличительный адресъ на клеенкѣ, и дѣло пропадетъ. *Третье* — что Обри заявилъ полиціи и каждую минуту она можетъ явиться. Главная улика, кромѣ ящичка — пребываніе въ квартирѣ Обри. Поэтому надо покориться судьбѣ и постараться въ то же время уничтожить эту улику. Для этого надо

совершенно спокойно взять ящикъ, поторговаться для виду и затѣмъ, не торопясь уйдти, и, если по выходѣ на улицу полиція не явится тотчасъ, оплошаетъ — то дѣйствительно забросить ящикъ куда нибудь и такимъ образомъ спрятать концы въ воду. Но полиція не оплошала... Итакъ, дѣйствія Янсеновъ въ квартирѣ Обри нисколько не служатъ къ ихъ оправданію. Защита говоритъ, что они не могли такъ неосторожно ставить на карту свою безопасность, я же думаю, что они до прихода къ Обри ничѣмъ не рисковали, а придя дѣйствительно увидѣли, что поставили свою безопасность и не на карту, а на фальшивую бумажку, но ретироваться было и поздно, и даже невозможно. Можно еще указать на дѣйствія Эмиля съ печатью. Какую изъ «версій», по выраженію его защитника, ни принять, разсказъ оказывается вымышленнымъ. Если посылка Верникѣ не была готова при отъѣздѣ Эмиля, то какъ же она оказалась запечатанною тою печатью, которую онъ привезъ? Значитъ она была готова. Затѣмъ, если она не была еще готова, то почему же Эмиль не предложилъ вложить и печать въ посылку, вмѣсто того, чтобы везти ее въ Россію отдѣльно?

Перехожу къ защитѣ г-жи Акаръ. Намъ указываютъ на то, что интимныхъ, какъ выразился г. защитникъ, отношеній между подсудимою и Станиславомъ Янсеномъ не существовало и горячо старается опровергнуть возможность ихъ существованія. На это я считаю нужнымъ замѣтить, что обвиненіе не можетъ разсчитывать, по каждому данному дѣлу, на сочувствіе защиты, но имѣетъ право ожидать, чтобы къ словамъ его относились со вниманіемъ, вытекающимъ изъ уваженія ко взаимному труду, который долженъ имѣть одну общую цѣль. Если такъ отнесется къ обвиненію защита, то она должна будетъ сознаться, что кромѣ указаній на старинное знакомство и пріязнь — никакихъ другихъ заявленій обвиненіемъ дѣлаемо не было, тѣмъ болѣе, что для выясненія дѣла вовсе и не нужна интимность отношеній между Янсеномъ и Акаръ. Довольно, если Янсенъ стоялъ въ положеніи пользующагося полнымъ довѣріемъ друга и завѣдывалъ кассою Акаръ. Дѣлать изъ слова дружба произвольные выводы, конечно, можно, но едва ли защита г-жи Акаръ оказываетъ ей хорошую услугу подобными выводами... Повторять доводовъ противъ Акаръ я не стану, — равно какъ и вновь приводить показанія свидѣтелей. Общій образъ г-жи Акаръ уже вѣроятно сложился у васъ, господа присяжные засѣдатели, и мы едва ли измѣнимъ его нашими спорами, наложеніемъ на него темныхъ красокъ или освѣщеніемъ его искусственнымъ свѣтомъ. Замѣчу только, что присутствіе Акаръ въ Россіи вовсе не доказываетъ спокойнаго сознанія ею своей невиновности, такъ какъ уѣхать заграницу она не могла, по той простой причинѣ, что, тотчасъ послѣ упавшаго

на нее подозрѣнія, была задержана подъ домашнимъ арестомъ. Отъ обвинительной власти требуютъ, чтобы она привела сюда созданныхъ ея воображеніемъ свидѣтелей — великосвѣтскихъ дамъ. Это невозможно, да и не нужно, потому что ссылка на нихъ сдѣлана какъ на могшихъ потерпѣть отъ преступленія. Я уже объяснялъ свойство дѣлъ о поддѣлкѣ бумажекъ, состоящее въ отсутствіи явно потерпѣвшихъ лицъ на судѣ. У насъ могли бы требовать и привода тѣхъ рабочихъ, которые работали на желѣзной дорогѣ, гдѣ Жуэ укладывалъ шпалы и распространялъ фальшивыя бумажки. Но вы, вѣроятно, не потребуете этого привода для того, чтобы рѣшить дѣло. Фальшивыя ассигнаціи похожи на сказочный клубокъ змѣй. Бросилъ его кто либо въ одномъ мѣстѣ, а поползли змѣйки повсюду. Одна заползетъ въ карманъ вернувшагося съ базара крестьянина и вытащитъ оттуда послѣднія трудовыя копѣйки,—другая отниметъ 50 р. изъ суммы, назначенной на покупку рекрутской квитанціи и заставитъ пойдти обиженнаго неизвѣстною, но преступною рукою, парня въ солдаты,—третья вырветъ 10 р. изъ послѣднихъ 13 р., полученныхъ молодою и красивою швеею иностранкою, выгнанною на улицы чуждаго и полнаго соблазна города и т. д. и т. д. — ужели мы должны прослѣдить путь каждой такой змѣйки и иначе не можемъ обвинить тѣхъ, кто ихъ распустилъ? Едва ли это такъ и вашъ приговоръ, быть можетъ, покажетъ противное. Здѣсь заявлялось, что подсудимые явились въ Россію съ полнымъ довѣріемъ къ русскому гостепріимству. Оно имъ и было оказано. Станиславъ Янсенъ прочно устроился въ Россіи; Акаръ основала магазинъ, куда обильно потекли русскіе рубли; Эмиля встрѣтили въ Петербургѣ театры и охоты. Но одного гостепріимства мало! Когда намъ льстятъ, то хвалятъ наше русское гостепріимство; — когда насъ бранятъ — а когда насъ не бранятъ? — про насъ говорятъ, что единственную хорошую нашу сторону — гостепріимство — мы раздѣляемъ съ племенами, стоящими на низкой степени культуры. Поэтому надо имѣть что нибудь за собою, кромѣ этого благодушнаго свойства. Надо дать мѣсто и справедливости, которая выражается въ правосудіи. Оно иногда бываетъ сурово и кончается подчасъ насильственнымъ гостепріимствомъ. Этого правосудія ждетъ отъ васъ обвинительная власть.

VI.

По дѣлу объ убійствѣ Статскаго Совѣтника Рыжова.

29-го января 1872 года, въ пятомъ часу вечера, прапорщикъ Николай Лазаревъ, проходя по Спасской улицѣ, увидѣлъ вышедшаго изъ дома Дмитревскаго человѣка, чрезвычайно блѣднаго, который, хватался за голову и, окруженный нѣсколькими смѣявшимися извощиками, говорилъ: «я долженъ о себѣ объявить». Замѣтивъ Лазарева, человѣкъ этотъ подбѣжалъ къ нему и, хватая его за руки, говорилъ: «арестуйте меня, я убилъ его!» На разспросы Лазарева о томъ, гдѣ онъ живетъ, онъ отвѣчалъ, махнувъ рукою: «тамъ»; говорилъ несвязно про палку, пистолетъ, обиду сестры, прибавляя къ этому: «зачѣмъ было меня приглашать» и заявляя, что убилъ зятя, просилъ не оставлять его, отказываясь идти домой. Лазаревъ, принимавшій его по внѣшнему виду за человѣка, нуждающагося въ врачебной помощи, сдалъ его городовому и уговорилъ отправиться на извощикѣ въ участокъ. Человѣкъ этотъ оказался отставнымъ поручикомъ Порфиріемъ Шляхтинымъ. Онъ объяснилъ, что убилъ изъ пистолета своего зятя, статскаго совѣтника Алексѣя Ивановича Рыжова, проживавшаго въ Спасской улицѣ. По осмотру его, при немъ, въ карманѣ брюкъ, найденъ заряженный шести-камерный револьверъ, съ закопченымъ концомъ ствола и двумя разряженными камерами, на капсюляхъ коихъ уцѣлѣли разбитые пистоны.

По прибытіи полиціи и судебнаго слѣдователя въ квартиру Рыжова, найденъ въ первой, по входѣ изъ передней, комнатѣ—столовой, у длиннаго, покрытаго бѣлою скатерью стола, въ мягкомъ креслѣ, въ полусидячемъ положеніи, мертвый Рыжовъ. На лѣвой сторонѣ переносья Рыжова—человѣка 45 лѣтъ, средняго роста и здороваго сложенія—оказалась огнестрѣльная рана, сдѣланная пулею, проникшею глубоко внутрь черепа. Въ трехъ шагахъ отъ порога передней, въ полу, найдено вдавленіе отъ другой пули, которая рикошетомъ ударилась отъ пола въ стѣну и, оставивъ слѣдъ на обояхъ, сплюснулась и упала на полъ.

Смерть Рыжова, по заключенію врача, произошла отъ безусловно-смертельнаго поврежденія существа мозга и его оболочекъ, а также разрушенія лобной и носовой костей, причиненнаго найденною въ мозгу коническою пулею.

Статскій совѣтникъ Алексѣй Ивановичъ Рыжовъ, служившій въ Юридической Комиссіи Царства Польскаго и затѣмъ состоявшій по Министер-

ству Государственныхъ Имуществъ, былъ, по отзывамъ знавшихъ его близко лицъ—учительницы его дѣтей, вдовы Гора и академика Безобразова—человѣкъ характера слабаго, уступчиваго и весьма добраго, отличавшійся крайнимъ благородствомъ, безграничнымъ безкорыстіемъ, доходившимъ даже до неблагоразумія, всегда готовый жертвовать собою и своими интересами въ пользу другихъ, съ увлеченіемъ вступаться за другихъ и тѣмъ иногда навлекать на себя упреки. Женившись на сестрѣ Шляхтина, онъ ѣздилъ по дѣламъ жены въ имѣніе ея отца, въ Екатеринославскую губернію, и привезъ оттуда Порфирія Шляхтина, проживавшаго при отцѣ безъ опредѣленныхъ занятій. Шляхтинъ привезъ съ собою сына, котораго помѣстилъ на первое время у Рыжовыхъ, а самъ поселился по сосѣдству, но бывалъ у нихъ ежедневно, часто оставался обѣдать и вообще былъ съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ. Въ домѣ Рыжовыхъ проживала въ качествѣ бонны дѣвица Елизавета Дмитріева, которая была поручена г-жѣ Рыжовой своими родителями. Недѣли за двѣ до смерти Рыжова, Дмитріева объявила г-жѣ Рыжовой, что намѣрена уѣхать къ брату въ Гродно, а за нѣсколько дней до убійства обнаружилось, что она состоитъ въ связи со Шляхтинымъ и собирается переѣхать къ нему жить. На упреки огорченной этимъ Рыжовой и требованія, чтобы она ѣхала къ отцу въ Нижній-Новгородъ, Дмитріева отвѣчала, что поѣдетъ туда, куда захочетъ, и ушла изъ дому, передавъ ключи по хозяйству старшей дочери Рыжовой и взявъ свой паспортъ. Въ тотъ же день Шляхтинъ сообщилъ о своей связи Рыжовымъ. Они доказывали ему обязанность жениться на Дмитріевой, и, по словамъ Рыжовой, онъ просилъ у сестры на колѣняхъ прощенія. 28-го января Рыжовъ получилъ письмо отъ Шляхтина, въ которомъ послѣдній, говоря, что не желаетъ слушать отъ сестры новой брани и поэтому не зайдетъ проститься, прибавлялъ, что не забудетъ оскорбленія, которое нанесла ему Рыжова, пользуясь правомъ сестры и женщины. Письмо это съ надписью Рыжова, что «подобная чушь не стоитъ отвѣта» и что только Шляхтинъ могъ, поступивъ такъ въ домѣ сестры, еще лѣзть съ новыми оскорбленіями—и съ совѣтомъ быть осторожнѣе — было возвращено Шляхтину. Въ тотъ же вечеръ къ Рыжовымъ пришелъ братъ Дмитріевой за вещами сестры и засталъ обоихъ Рыжовыхъ очень взволнованными. Они бранили Шляхтина и упрекали Дмитріеву за то, что она ушла къ человѣку вѣтренному. При немъ же было принесено новое письмо Шляхтина, которое Рыжовъ разорвалъ не читая и, встревожась еще пуще, приказалъ не принимать Шляхтина. Студентъ Дмитріевъ, придя къ сестрѣ, разсказалъ ей о происходившемъ у Рыжовыхъ и передалъ, что г-жа Рыжова говорила ему о желаніи своемъ писать своему отцу и просить не принимать Дмитріеву, когда Шляхтинъ пріѣдетъ съ нею къ нему въ деревню, и о томъ, что матери Дмитріевой она уже написала о поведеніи дочери. Дмитріева сообщила всѣ эти свѣдѣнія Шляхтину, вернувшемуся вечеромъ изъ театра, и онъ написалъ объяснительныя письма своему отцу и отцу Дмитріевой, а на другой день утромъ отправился къ Рыжову. Онъ не засталъ его дома и, на слова горничной Васильевой, отворявшей ему двери, о томъ, что барина нѣтъ дома, сказалъ «а! меня не хотятъ принимать; скажи, что я его найду!» Вернувшись домой, Шляхтинъ обиженнымъ тономъ разсказывалъ, что его не приняли. Затѣмъ, въ тотъ же день, 29-го января, въ 3 часа, г-жею Рыжовою было получено по городской почтѣ письмо отъ брата, по показаніямъ ея и учительницы Гора, слѣдующаго содержанія: «Марья Степановна! до меня дошли слухи, что вы вмѣшиваетесь въ мои дѣла. Скажи Алексѣю Ивановичу, что если онъ захочетъ поссорить меня съ отцомъ, то я не пощажу ни его, ни тебя!» На это Рыжовъ послалъ, съ кухаркою Харитоновою, отвѣтъ, въ которомъ просилъ Шляхтина «оставить его въ покоѣ». Письмо это не было принято Шляхтинымъ, который вслѣдъ за уходомъ Марфы послалъ своего слугу Долбню сказать Рыжову, что тотъ можетъ объясниться на словахъ. Рыжовъ

выразилъ согласіе и Шляхтинъ съ тѣмъ же посланнымъ прислалъ сказать, что будетъ у Рыжова въ 5½ часовъ. Но, не дождавшись этого срока, онъ пришелъ къ Рыжову вслѣдъ за уходомъ своего слуги и, поздоровавшись съ сестрою, прошелъ въ кабинетъ ея мужа. Сестра послѣдовала за нимъ. Завидя его, Рыжовъ всталъ съ дивана и сказалъ: «что вы съ нами дѣлаете? оставьте насъ въ покоѣ». На это Шляхтинъ, отвѣчалъ: «въ покоѣ, подлецъ, мерзавецъ, я тебѣ докажу», и, плюнувъ Рыжову въ лицо, схватилъ его за бороду. Затѣмъ, согласно показанію свидѣтельницъ, Шляхтинъ одною рукою замахнулся на Рыжова, а другою вынулъ пистолетъ и кричалъ: «я убью тебя». Увидѣвъ это, Рыжова вытолкала его за плечи изъ кабинета въ столовую и заперла дверь на ключъ. Шляхтинъ, оставшись за дверьми, продолжалъ ругаться, и тогда Рыжовъ сказалъ женѣ: «ты слышишь, какъ онъ бранится?!—нѣтъ, я не могу», и, схвативъ въ углу палку, вырвался отъ жены и бросился по корридору въ столовую. чрезъ другія двери кабинета. На порогѣ изъ передней въ столовую, гдѣ находилось трое дѣтей, встрѣтилъ его Шляхтинъ и навелъ на него пистолетъ. Рыжовъ, махая руками и палкою, закричалъ: «вонъ изъ моего дома, негодяй!»—«Буду стрѣлять!» воскликнулъ Шляхтинъ.—«Стрѣляй, подлецъ,—если смѣешь!» отвѣчалъ Рыжовъ. Жена его схватила брата за руку — послѣдовалъ выстрѣлъ и пуля попала въ полъ. «Буду стрѣлять», повторилъ Шляхтинъ. Рыжовъ отступилъ, раздался второй выстрѣлъ и онъ упалъ, выронивъ изъ рукъ палку, лицомъ внизъ. Шляхтинъ надѣлъ шубу и шапку и вышелъ. Сбѣжавшаяся прислуга и г-жа Гора стали лить Рыжову на голову воду, но онъ былъ уже мертвъ.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Шляхтинъ объяснилъ, что уходя къ Рыжову, онъ взялъ съ собою заряженный револьверъ, который большею частью имѣлъ при себѣ, для предохраненія себя отъ ночныхъ грабежей. На этотъ разъ онъ взялъ его безъ цѣли убивать Рыжова, а для того, чтобы предохранить себя отъ оскорбленій, еслибы таковыя были ему дѣлаемы, и для того, чтобы попугать Рыжова. Войдя въ кабинетъ Рыжова, онъ спросилъ, когда тотъ перестанетъ вмѣшиваться въ его дѣла, на что первый отвѣчалъ, что съ подлецами не объясняется. Тогда, чтобы напугать его, Шляхтинъ вынулъ пистолетъ и сказалъ, что если онъ не перестанетъ дѣлать ему непріятности, то онъ съ нимъ раздѣлается. Затѣмъ онъ былъ удаленъ изъ кабинета зятя сестрою и, очутившись въ передней, уже собирался уйти, какъ вдругъ его настигъ Рыжовъ и, оттолкнувъ удерживавшую его жену, нанесъ ему ударъ палкою по плечу. Въ одинъ моментъ онъ, Шляхтинъ, выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ—не помнитъ сколько разъ—но, замѣтивъ, что Рыжовъ упалъ, надѣлъ шубу и вышелъ съ мыслью ѣхать къ генералу Трепову.

Вечеромъ въ день убійства Шляхтинъ былъ освидѣтельствованъ полицейскимъ врачомъ и на лѣвомъ плечѣ его, куда, по его словамъ, былъ нанесенъ ударъ, никакихъ слѣдовъ или знаковъ ушиба не оказалось. Это отсутствіе знаковъ Шляхтинъ объяснилъ тѣмъ, что палка только скользнула по его плечу.

Дмитріева и слуга Долбня подтвердили, что Шляхтинъ имѣлъ привычку носить съ собою заряженный револьверъ, который обыкновенно лежалъ у него на письменномъ столѣ. Дмитріева кромѣ того объяснила, что, уходя въ послѣдній разъ къ Рыжовымъ, Шляхтинъ былъ взволнованъ и говорилъ, что объявитъ, что они не имѣютъ права ее удерживать и спроситъ, въ чемъ состояло письмо, которое онъ, не читая, возвратилъ имъ въ тотъ день обратно.

Академикъ Безобразовъ, заявляя, что былъ у Дмитріевой чрезъ нѣсколько часовъ послѣ убіенія Рыжова и разспрашивалъ ее о причинахъ случившагося несчастія, объяснилъ, что Дмитріева очень досадовала на покойнаго Рыжова за то, что онъ вмѣшалъ въ ея отношенія къ Шляхтину ея брата, студента Дмитріева. По словамъ ея, Шляхтинъ пошелъ сказать Рыжову «подлеца».

При дальнѣйшихъ объясненіяхъ своихъ Шляхтинъ показалъ, что при-

чиною непріятностей его съ Рыжовымъ, возникшихъ за недѣлю до убійства, были денежные разсчеты послѣдняго съ его отцомъ, по поводу которыхъ онъ, Шляхтинъ, счелъ своимъ долгомъ вмѣшаться. Первое послѣ этихъ непріятностей письмо его къ Рыжову, возвращенное послѣднимъ, заключалось словами: «если послѣдуетъ какая либо непріятность мнѣ отъ сестры или отъ васъ, то вы и за нее, и за себя отвѣтите; но знайте, что въ дѣлахъ чести не обращаются къ суду». Эти заключительныя слова оказались въ предъявленномъ къ слѣдствію письмѣ оторванными. Затѣмъ Шляхтинъ показалъ, что Рыжовъ, сказавъ: «я съ подлецами не объясняюсь», всталъ съ дивана и взялъ стоявшую въ углу палку съ тяжелымъ набалдашникомъ. Только тогда онъ, Шляхтинъ, вынулъ пистолетъ и сказалъ: «берегитесь, не подходите!» Но за бороду Рыжова не бралъ и въ лицо ему не плевалъ. Затѣмъ, воспользовавшись замѣшательствомъ, онъ вышелъ изъ кабинета, захлопнулъ за собою дверь и, не говоря ни слова, прошелъ въ переднюю. Когда онъ былъ настигнутъ Рыжовымъ, то на слова его: «буду стрѣлять», Рыжовъ замахнулся палкою и сказалъ: «стрѣляй, если смѣешь, подлецъ!» Онъ выстрѣлилъ и снова повторилъ угрозу стрѣлять, потому что видѣлъ предъ собою бранящагося и разъяреннаго человѣка. Но когда палка коснулась его плеча, онъ, какъ ему кажется, выстрѣлилъ опять.

Кормилица шестинедѣльнаго младенца Рыжова, крестьянка Прокофьева, вошедшая вмѣстѣ съ ребенкомъ въ столовую послѣ перваго выстрѣла, показала, что видѣла какъ Шляхтинъ стоялъ въ дверяхъ передней, а Рыжовъ кричалъ: «поди вонъ», но не ударилъ Шляхтина палкою, а напротивъ, махая ею, отступалъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ отставной поручикъ Шляхтинъ былъ преданъ суду по обвиненію въ убійствѣ Рыжова безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, но умышленно, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 ч. ст. 1455 ул. Судебное засѣданіе по этому дѣлу происходило въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 8 марта 1872 года, подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя, *князя Кейкуатова*. Защищалъ подсудимаго присяжный повѣренный *Потѣхинъ*.

На судѣ подсудимый, съ которымъ, при открытіи засѣданія сдѣлался сильный нервный припадокъ, не отрицая своей виновности въ лишеніи жизни Рыжова, объяснилъ, что вначалѣ съ Дмитріевой у него были отношенія, которыя они замаскировывали; но были люди, которые слѣдили за ними и передали о нихъ Рыжову. Рыжовъ долго настаивалъ и требовалъ отъ него признанія. Онъ уклонялся отъ отвѣта; но затѣмъ, когда видѣлъ настоятельныя требованія и необходимость сознаться, сказалъ, что если Рыжовъ дастъ честное слово никому объ этомъ не говорить, то онъ признается. Рыжовъ клялся предъ образомъ, что никому не скажетъ; но немедленно послѣ объясненія, Рыжовъ вышелъ въ залу, гдѣ сидѣла сестра Шляхтина, и разсказалъ ей о его отношеніяхъ къ Дмитріевой; сестра начала его бранить, но онъ старался оправдать себя предъ ней и говорилъ, что не можетъ поступить нечестно съ дѣвушкой. На первый день разговоръ ограничился только этимъ. На другой день онъ пришелъ къ Рыжовымъ объясниться по этой исторіи; сестра стала бранить его въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, которыя поддерживалъ и Рыжовъ, добавивъ: «съ вами нужно поступить иначе»; тогда Шляхтинъ ушелъ съ намѣреніемъ болѣе не видѣться съ Рыжовыми и вслѣдствіе этого написалъ Рыжову письмо, что намѣренъ уѣхать и проститься къ нимъ не зайдетъ во избѣжаніе новой брани. Затѣмъ послѣдовало другое письмо, возвращенное съ припиской Рыжова; потомъ онъ получилъ отъ нихъ еще письмо, которое возвратилъ не читая, не желая получать новыхъ оскорбленій. Затѣмъ онъ послалъ человѣка сказать Рыжову, что если онъ желаетъ объясниться, то прислалъ бы кого нибудь изъ знакомыхъ. Рыжовъ прислалъ сказать, что Шляхтинъ долженъ придти самъ, если желаетъ объясниться съ

нимъ. Придя, въ залѣ Шляхтинъ засталъ сестру; поздоровавшись съ нею, онъ отправился въ кабинетъ, гдѣ встрѣтилъ Рыжова и сказалъ: «вы желали со мною объясниться, я пришелъ»; онъ тогда отвѣтилъ, что съ подлецами не объясняются и, начавъ его бранить еще больше, взялъ стоявшую въ углу палку и кинулся на него; онъ сказалъ ему: «берегитесь подходить ко мнѣ», и вынулъ пистолетъ, съ намѣреніемъ напугать его, думая, что достаточно показать человѣку револьверъ, чтобы онъ пересталъ оскорблять. Шляхтинъ не отрицаетъ, что тогда и съ его стороны была брань. Въ это время вмѣшалась сестра; онъ воспользовался этимъ вмѣшательствомъ, одумался, началъ уходить отъ Рыжова и былъ уже у двери передней, какъ онъ настигъ его съ бранью и онъ увидѣлъ опять эту палку... Имъ овладѣло какое-то тревожное чувство, неестественное, котораго онъ до тѣхъ поръ не испытывалъ; онъ говорилъ, что будетъ стрѣлять и предупреждалъ, но еще не рѣшался стрѣлять, потому что рѣшиться на это страшно... но Рыжовъ все-таки подходилъ. Онъ былъ ужасенъ, съ искаженнымъ лицомъ, остервенившійся — онъ шелъ съ палкою... и Шляхтинъ выстрѣлилъ... Онъ не помнитъ почему произошло два выстрѣла и положительно не понимаетъ, какъ это случилось... Затѣмъ онъ выбѣжалъ на улицу, гдѣ и встрѣтился съ офицеромъ, которому объяснилъ, что намѣренъ о себѣ объявить.

Въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ подсудимый постоянно проводилъ тотъ взглядъ, что онъ долженъ былъ обороняться отъ Рыжова и что ему грозила опасность быть не только оскорбленнымъ, но и избитымъ палкою съ тяжелымъ свинцовымъ набалдашникомъ, такъ что онъ вынужденъ былъ выстрѣлить, чтобы оградить свою честь и тѣлесную неприкосновенность.

По допросѣ Шляхтина была прочитана переписка его съ Рыжовымъ. Первое письмо на имя сестры: «Марья Степановна. До меня дошли слухи, что вы вмѣшиваетесь въ мои дѣла. Скажите Алексѣю Ивановичу, что если онъ задумалъ поссорить меня съ отцомъ, то я клянусь всѣмъ святымъ, что я ни его, ни себя щадить не буду; я его съумѣю найти и не бывши у васъ. П. Ш.». — Второе, на имя Рыжова: «Не желая слушать отъ сестры новой брани, я къ вамъ проститься не зайду; оскорбленіе, которое она мнѣ сдѣлала пользуясь правомъ женщины и сестры, я не забуду. Затѣмъ я васъ пред, упреждаю, что если послѣдуетъ какая нибудь непріятность отъ сестры или отъ васъ, то вы и за нее, и за себя отвѣтите». На этомъ письмѣ сдѣлана надпись рукою Рыжова: «Подобная чушь не стоитъ отвѣта, только вы могли поступить такъ въ домѣ вашей сестры и послѣ того смѣете лѣзть съ новыми оскорбленіями; совѣтую быть вамъ поосторожнѣе». И третье письмо Рыжова къ подсудимому отъ 29 января 1872 года: «Прошу васъ оставить меня въ покоѣ. Вашихъ писемъ я не читаю и вообще стараюсь выбросить изъ головы прекрасныя воспоминанія о васъ; въ случаѣ надобности, не вы станете отыскивать меня, а я найду васъ. Не совѣтую добиваться этого. Къ отцу вашему писать о васъ и о такомъ предметѣ, какъ ваши дѣйствія за послѣднее время, я не намѣренъ; но если вы позволите себѣ попытку бросить разладъ между Степ. Мих. и нами, то я пріѣду въ Кременчугъ и, понятно, заставлю васъ пожалѣть о трудѣ, на который вы меня вынудите. Всѣ безсмысленные и неприличные поступки ваши по отношенію къ намъ вызываютъ съ нашей стороны только сожалѣніе о васъ, въ виду того тяжкаго наказанія, которое по вашей же винѣ готовитъ вамъ судьба въ ближайшемъ будущемъ. Прошу васъ забыть о нашемъ существованіи до тѣхъ поръ, пока не сознаете всѣхъ вашихъ винъ и не будете настигнуты судьбой, т. е. логическимъ послѣдствіемъ вашихъ пагубныхъ для самихъ же васъ дѣйствій. Я начинаю раздражаться и потому совѣтую вамъ умолкнуть и не продолжать дѣйствій, которыя, въ концѣ-концовъ, могутъ и не пройти безнаказанно. Съ нашей стороны была одна вина—та, что мы, несмотря на все, принимали въ васъ участіе. Отнынѣ вы для насъ не существуете; остается только жалѣть,

что судьба свела насъ съ вами. Полная свобода вашимъ дѣйствіямъ! По разсказу жены (болѣе вѣрному, чѣмъ вашъ), вы, вмѣстѣ съ особо взятыми у ней 25 рублями, должны мнѣ 115; потому едва ли вы можете еще имѣть ко мнѣ какую нибудь претензію».

Рыжова, вдова убитаго, сначала не могла давать показанія вслѣдствіе сильнаго истерическаго припадка, когда она увидѣла своего брата, но по подачѣ врачебной помощи, она чрезвычайно тихимъ, прерывающимся отъ волненія, голосомъ объяснила, что причина, побудившая ея брата убить мужа, ей до сихъ поръ неизвѣстна, и что единственное, чѣмъ она можетъ объяснить поступокъ брата—это желаніе погубить ее, лишивъ всего, что было дорого въ жизни. Какъ съ мужемъ, такъ и съ нею, братъ ея былъ всегда въ самыхъ дружескихъ, самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ и только послѣ того, какъ она разоблачила всю ложь его передъ Дмитріевой, сказавъ ей, что мать его ребенка жива и находится въ деревнѣ, онъ возъимѣлъ противъ нея неудовольствіе, которое еще больше усилилось, когда письмо, написанное ею къ матери Дмитріевой, этою послѣднею было переслано Дмитріевой. Письмо это было получено Дмитріевою въ пятницу, а въ субботу произошло убійство, которое свидѣтельница приписываетъ неудовольствію, вызванному въ Шляхтинѣ тѣмъ, что родителямъ Дмитріевой сдѣлалось извѣстно поведеніе дочери. Когда связь подсудимаго съ Дмитріевой сдѣлалась извѣстна, то, на упреки со стороны свидѣтельницы, онъ сначала просилъ у нея прощенія и дружескаго совѣта, но что его потомъ побудило на убійство мужа—она не можетъ себѣ вполнѣ объяснить. Относительно обстоятельствъ, предшествовавшихъ убійству Рыжова, свидѣтельница подтвердила то, что показала при слѣдствіи, добавивъ, что въ то время, когда Шляхтинъ грозилъ убить Рыжова, въ комнатѣ находились всѣ дѣти, которыя умоляли его пощадить ихъ отца, но всѣ ихъ слезы и мольбы остались безуспѣшны; сдѣлавъ разъ неудачный выстрѣлъ, пролетѣвшій надъ головою свидѣтельницы, онъ черезъ нѣсколько мгновеній выстрѣлилъ снова, и Рыжовъ упалъ мертвый; послѣ этого подсудимый сталъ хладнокровно надѣвать шубу и калоши, спокойно смотря на раздирающую сцену отчаянія ея и дѣтей. Рыжовъ дѣйствительно размахивалъ палкою въ то время, когда подсудимый осыпалъ его ругательствами, которыя были такого свойства, что свидѣтельница не рѣшилась повторить ихъ на судѣ; но онъ ни разу не ударилъ его, это она навѣрное знаетъ. Вообще, покойный былъ чрезвычайно добраго, мягкаго характера. Сынъ подсудимаго,—мать котораго, выданная Шляхтинымъ за купца и разведенная затѣмъ съ мужемъ, жила въ деревнѣ у отца свидѣтельницы,—жилъ у Рыжовыхъ, но былъ взятъ Шляхтинымъ вслѣдствіе того, что ему казалось, будто г-жа Гора строго съ нимъ обходится, отучая его отъ дурныхъ привычекъ. Ребенку былъ въ то время третій годъ. Шляхтинъ любилъ сына и когда тотъ былъ боленъ, то приходилъ въ отчаяніе, думая, что онъ не поправится. Свидѣтельница не замѣчала въ Шляхтинѣ никакихъ нервныхъ припадковъ, ни особенной задумчивости или вспыльчивости, и только однажды слышала, что онъ избилъ какую-то женщину, которая вслѣдствіе этого чуть не умерла. Покойный обѣщался достать Шляхтину мѣсто и нѣсколько разъ предлагалъ ему съѣздить въ министерство государственныхъ имуществъ, но тотъ почему-то не захотѣлъ ѣхать и потому не получилъ мѣста. Узнавъ о связи Шляхтина съ Дмитріевой, покойный уговаривалъ его жениться на ней, а свидѣтельница совѣтовала ему разойтись съ нею, говоря, что онъ погубитъ и себя, и ее, такъ какъ знала, что братъ ея не женится на Дмитріевой и скоро броситъ ее, а та не захочетъ допустить его до этого и будетъ требовать, чтобъ онъ не оставлялъ ея. Послѣ того, какъ Дмитріева уѣхала къ Шляхтину, за вещами ея приходилъ братъ ея, которому свидѣтельница сообщила о письмѣ, посланномъ родителямъ Дмитріевой, съ извѣщеніемъ о ея поведеніи. — По поводу этого показанія, *подсудимый* возразилъ, что можетъ поклясться образомъ

которымъ его благословила мать, что показаніе его сестры несправедливо въ томъ отношеніи, что онъ не плевалъ въ лицо Рыжову и не хваталъ его за бороду.

Свидѣтельница Гора показала, что когда Шляхтинъ объявилъ о своихъ отношеніяхъ къ Дмитріевой, то Рыжова стала его бранить, и свидѣтельница слышала, какъ она сомнѣвалась въ справедливости разсказа брата, на что тотъ сказалъ ей: «Увѣряю тебя, что это было обоюдное увлеченіе». Тогда Рыжова сказала ему: «Если это было такъ, то ты, какъ честный человѣкъ, обязанъ жениться на ней». Въ это время раздался голосъ Рыжова: «Да, да, Порфирій Степановичъ, вамъ слѣдовало бы сдѣлать это, чтобъ загладить свою вину», на что Шляхтинъ отвѣчалъ, что никогда не женится на Дмитріевой, что онъ ей этого не обѣщалъ, да и она сама того не требуетъ. О томъ, какъ произошло происшествіе, свидѣтельница дала показаніе, совершенно согласное съ показаніемъ Рыжовой, также подтвердивъ то обстоятельство, что послѣ второго выстрѣла, которымъ Рыжовъ былъ убитъ, Шляхтинъ надѣлъ шубу, калоши и вышелъ. Покойный Рыжовъ характера былъ чрезвычайно податливаго, добраго. Свидѣтельница изъ жалости смотрѣла за маленькимъ сыномъ Шляхтина, такъ какъ Рыжова была въ то время больна, а прислуга и Дмитріева вовсе не заботились о ребенкѣ и у него часто некому было перемѣнить бѣлье.

Академикъ Безобразовъ, товарищъ Рыжова, съ которымъ онъ воспитывался въ дворянскомъ пансіонѣ въ Москвѣ, показалъ, что онъ былъ въ домѣ Рыжовыхъ черезъ 3—4 часа послѣ убійства. Онъ очень любилъ покойнаго, былъ страшно пораженъ его смертью и потому желалъ разъяснить этотъ ужасный случай. Онъ былъ на квартирѣ Шляхтина, видѣлъ Дмитріеву и говорилъ съ ней. Она была въ сильномъ волненіи, говорила, что между Рыжовымъ и Шляхтинымъ были неудовольствія, но въ чемъ они состояли—свидѣтель положительно не могъ понять. Изъ словъ Дмитріевой онъ только понялъ, что Шляхтинъ говорилъ, что онъ пойдетъ сказать «подлеца» Рыжову, но не знаетъ, относилось ли это ко дню убійства. О личности Рыжова свидѣтель показалъ, что это былъ честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, чрезвычайно горячій и вспыльчивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ добрый, мягкій, неспособный дѣлать умышленное зло. У него были большія непріятности по службѣ, но онъ никогда никого не укорялъ, ни на кого не жаловался, никому не завидовалъ, но во всѣхъ своихъ неудачахъ обвинялъ одного себя. Домашнюю жизнь Рыжова свидѣтель знаетъ только фактически, но всегда считалъ его высоко-нравственнымъ человѣкомъ. Исполненіе своихъ нравственныхъ обязанностей Рыжовъ ставилъ выше всего и исполнялъ ихъ, какъ бы онѣ ни были тяжелы. Такъ, онъ принялъ на себя воспитаніе дѣтей, прижитыхъ имъ въ незаконной связи съ одной женщиной, съ которой онъ обвѣнчался за нѣсколько часовъ до ея смерти. Рѣдко можно встрѣтить отца, который бы такъ заботливо, съ такой любовью занимался воспитаніемъ дѣтей, какъ покойный Рыжовъ. Невозможно допустить, чтобъ Рыжовъ принималъ презрительный тонъ съ низшими. Правда, онъ былъ горячъ и часто позволялъ себѣ рѣзко выражаться, но по большей части о лицахъ, стоящихъ выше его. Кромѣ того, онъ очень легко увлекался оригинальными идеями, учеными людьми, писателями, но также легко и разочаровывался. Онъ былъ родомъ малороссъ, Полтавской губерніи, и горячность и раздражительность его легко объясняются самымъ его происхожденіемъ.

Свидѣтель Ложвицкій показалъ, что онъ узналъ Рыжова давно, до 1863 г., когда тотъ поѣхалъ въ Царство Польское. Это былъ человѣкъ чрезвычайно самолюбивый, даже въ походкѣ его было что-то особенное, такъ что однажды заграницей, въ гостинницѣ, свидѣтель, не называя по фамиліи, розыскалъ его по одному внѣшнему описанію. Человѣкъ онъ былъ смѣлый, честный, радушный, но производившій нѣсколько тяжелое впечатлѣніе. Относительно

того, способенъ ли былъ Рыжовъ къ увлеченіямъ отвлеченными идеями, свидѣтель показалъ, что онъ зналъ Рыжова съ того времени, когда онъ служилъ при министерствѣ государственныхъ имуществъ, и тутъ онъ особенно идеями не увлекался, а искалъ только командировокъ. Женщинами же онъ положительно могъ увлекаться, такъ какъ, насколько извѣстно свидѣтелю, это былъ человѣкъ очень сладострастный.

Докторъ Гейдеке, лечившій сына Шляхтина въ декабрѣ 1871 года, показалъ, что Шляхтинъ былъ крайне озабоченъ болѣзнью сына, цѣлыя три недѣли ухаживалъ за нимъ самъ, не спалъ ночи, и все это должно было сильно повліять на его нервную систему и сдѣлать его еще болѣе раздражительнымъ, воспріимчивымъ и способнымъ на поступокъ, несвойственный ему въ нормальномъ состояніи. Когда Шляхтинъ пріѣхалъ пригласить свидѣтеля къ больному сыну, то былъ до такой степени взволнованъ, что долго не могъ объяснить, что ему надо, и говорилъ очень несвязно.

Вызванные защитою свидѣтели: *Нижегородскій*, *Ржанскій* и *Михайловскій* показали, что какъ мать подсудимаго, такъ и онъ самъ, страдали сильнымъ нервнымъ разстройствомъ; съ подсудимымъ случались нервные пароксизмы, продолжавшіеся часа два и болѣе, еще болѣе усилившіеся со времени болѣзни его ребенка; во время этихъ припадковъ съ нимъ дѣлалось трясеніе въ рукахъ и ногахъ. Храбрости въ немъ не было замѣтно, напротивъ, скорѣе мнительность и трусливость, заставлявшая его вездѣ носить съ собою револьверъ. Свидѣтель Михайловскій добавилъ при этомъ, что подсудимый былъ очень самолюбивъ и чрезвычайно воспріимчивъ ко всевозможнымъ непріятностямъ; постоянное ношеніе при себѣ револьвера подсудимый объяснилъ свидѣтелю тѣмъ, что онъ не можетъ себѣ представить другого разсчета, въ случаѣ, еслибъ честь его была оскорблена.

Экспертъ, докторъ-психіатръ *Дюковъ* объяснилъ, что, разсмотрѣвъ пріобщенные къ дѣлу рецепты, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что подсудимый страдаетъ малокровіемъ и вообще слабостью нервовъ. Что касается слабости нервовъ, то если типомъ взять случившійся въ судѣ сегодняшній припадокъ, то онъ относится къ истерическимъ, во время которыхъ сознаніе не теряется. Болѣзнь эта у подсудимаго наслѣдственная, такъ какъ и мать его, и сестра матери страдали ею. Страдаетъ этой болѣзнью онъ уже лѣтъ шесть и пользовался отъ нея у многихъ докторовъ. По разсказу о его жизни видно, что онъ былъ неумѣренъ въ половыхъ отношеніяхъ, и эта неумѣренность могла послужить къ большому развитію его страданій. Припадки происходили часто вслѣдствіе внѣшняго раздраженія, но иногда они случались и безъ всякой внѣшней причины; продолжительности ихъ самъ подсудимый точно не опредѣлялъ, говорилъ только, что иногда они продолжаются часъ, иногда полчаса; часто ли они были—тоже не опредѣлено. Самый припадокъ состоитъ въ чувствѣ холода, дрожи, общей слабости, сильномъ біеніи сердца, одышкѣ и наклонности къ дремотѣ. Нельзя сказать, чтобъ умственныя способности въ это время были вполнѣ нормальны, но, во всякомъ случаѣ, въ безсознательное состояніе онъ не приходитъ. Вообще признаковъ помѣшательства въ прежней жизни Шляхтина не нашлось. Относительно факта убійства, г. Дюковъ заявилъ, что до сихъ поръ не можетъ составить себѣ яснаго понятія о томъ, какъ совершилось такое важное преступленіе отъ такой сравнительно ничтожной причины; но взявъ во вниманіе нервное состояніе и раздражительность Шляхтина и нахожденіе револьвера у него въ карманѣ, легко можно объяснить, что подъ вліяніемъ раздраженія, онъ могъ поступить насильственнымъ образомъ. На вопросы защитника, г. Дюковъ сказалъ, что нервный субъектъ вообще сильнѣе воспринимаетъ и что онъ будетъ скорѣе трусливъ, нежели храбръ, что аффекта у подсудимаго нельзя отвергать, но что во время убійства онъ дѣйствовалъ въ полномъ сознаніи, потому что прямо говорилъ: «буду стрѣ-

лять», такъ что тутъ была сознательность. У подсудимаго не было постоянно подавляющаго аффекта, хотя болѣзнь сына и могла дурно повліять на него, такъ какъ онъ нѣсколько ночей не спалъ. На вопросъ защитника, можно ли отвергать возможность случайнаго выстрѣла, г. Дюковъ далъ отрицательный отвѣтъ, который онъ основываетъ, во-первыхъ, на сознаніи самого подсудимаго, сказавшаго, что онъ взялъ пистолетъ, чтобъ попугать Рыжова, а во-вторыхъ, на томъ, что онъ заранѣе предупреждалъ о выстрѣлѣ, хотя и нельзя положительно утверждать, что спусканіе курка не обусловливалось трясеніемъ въ рукахъ и произошло помимо воли самого подсудимаго; также нельзя утверждать и противнаго. Въ заключеніе г. Дюковъ выразилъ мнѣніе, что еслибы не было вида палки, то, быть можетъ, не было бы и выстрѣла.

Докторъ-психіатръ *Чеховъ*, вызванный тоже въ качествѣ эксперта, относительно общаго состоянія здоровья подсудимаго согласился съ замѣчаніями своего товарища по экспертизѣ. Такое нервное состояніе, въ особенности, если оно наслѣдственное, какъ въ данномъ случаѣ, иногда предрасполагаетъ къ помѣшательству, но все-таки для опредѣленія припадковъ помѣшательства нужны извѣстныя явленія, которыхъ въ данномъ случаѣ не встрѣчается. Г. Чеховъ точно также подтвердилъ слова доктора Дюкова, что не будь палки, то не послѣдовало бы выстрѣла, причемъ тутъ совершенно безразлично, получилъ ли подсудимый ударъ или только предвидѣлъ возможность нанесенія удара.

По требованію защиты, согласно содержанію защитительной рѣчи, присяжнымъ засѣдателямъ былъ поставленъ на разрѣшеніе вопросъ о томъ— не находился ли подсудимый Шляхтинъ, стрѣляя въ Рыжова, въ состояніи необходимой обороны?

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Шляхтинъ признанъ виновнымъ по предъявленному противъ него *въ обвинительной рѣчи* обвиненію, но заслуживающимъ снисхожденія.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Около мѣсяца тому назадъ, въ Спасской улицѣ, въ домѣ Дмитревскаго, произошло большое несчастіе. Семейство, единственною поддержкою котораго былъ Алексѣй Ивановичъ Рыжовъ, состоявшее изъ жены его и четырехъ дѣтей, внезапно и неожиданно осиротѣло: глава этого семейства былъ лишенъ жизни. Онъ лишился жизни не окруженный попеченіями и участіемъ родныхъ, не благословляя своихъ дѣтей, а сопровождаемый ихъ отчаянными криками и падая отъ руки близкаго и обязаннаго ему человѣка. Этотъ близкій и обязанный ему человѣкъ находится въ настоящее время предъ вами и отъ васъ зависитъ рѣшить его судьбу.

Существенныя обстоятельства настоящаго дѣла такъ, сами по себѣ, несложны, такъ, мнѣ кажется, очевидны, что указывать на нихъ подробно и разбирать ихъ вновь передъ вами представляется излишнимъ или, лучше сказать, представлялось бы излишнимъ, если бы къ нимъ не приросли нѣкоторыя побочныя обстоятельства и благодаря имъ не возбудились нѣкоторые вопросы, кото-

рые требуютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія всѣхъ данныхъ дѣла. Когда преступленіе совершено, то только въ первыя минуты событія, въ которыхъ оно выразилось, остаются въ своемъ первоначальномъ незатемненномъ видѣ, а затѣмъ со стороны преслѣдователей усилія освѣтить и раскрыть его преступный смыслъ, а со стороны обвиняемаго стремленіе обставить его всевозможными данными и доводами въ свою пользу существенно усложняютъ дѣло и иногда даже затрудняютъ его разборъ. Такимъ путемъ, по каждому дѣлу возникаютъ около настоящихъ, первичныхъ его обстоятельствъ побочныя обстоятельства, такъ сказать, наслоенія, которыми иногда заслоняются простыя и ясныя его очертанія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на обвинительной власти лежитъ только очищеніе дѣла отъ этихъ посторонніхъ, наносныхъ обстоятельствъ, снятіе этой посторонней, лишней коры и по снятіи ея дѣло оказывается простымъ и несложнымъ. Снятіемъ этой коры я и займусь въ настоящее время. На судебномъ слѣдствіи, во-первыхъ, подсудимаго стараются представить человѣкомъ дѣйствовавшимъ ненормально, не владѣвшимъ всѣми своими умственными способностями и потому безотвѣтственнымъ; затѣмъ, во-вторыхъ, показанія главныхъ свидѣтелей, которые единственно и могутъ быть названы свидѣтелями въ этомъ дѣлѣ, — стараются нравственно пошатнуть передъ вами и, наконецъ, въ-третьихъ, личность покойнаго Рыжова — личность, о которой обвиненіе самаго высокаго мнѣнія — стараются низвести съ того высокаго нравственнаго уровня, на которомъ она, казалось бы, должна стоять. Всѣ эти категоріи опроверженій, — заслоняющихъ истинный образъ дѣла и участвующихъ въ немъ лицъ, — представленныя впервые во время судебнаго слѣдствія, будутъ, вѣроятно, развиты передъ вами еще болѣе подробно, и защита постарается искусною рукою подрѣзать корни обвиненія и пересадить все дѣло на почву защитительныхъ соображеній. Насколько это ей удастся — я не знаю; но я со своей стороны постараюсь разсмотрѣть прочность вырабатываемыхъ ею данныхъ. Обращаюсь — *къ показаніямъ свидѣтелей*. Изъ нихъ въ сущности только три относятся къ убійству Рыжова, а именно: показанія его вдовы, Маріи Степановны Рыжовой, воспитательницы дѣтей его, г-жи Гора и кормилицы Прокофьевой; всѣ же остальныя показанія не относятся прямо къ этому событію.

Первое показаніе дала предъ нами женщина совершенно растерзанная и убитая горемъ, вся цѣликомъ поглощенная несчастіемъ, ее постигшимъ; другое показаніе идетъ со стороны женщины, которая довольно безучастно относится къ происшедшему и, наконецъ, кормилица разсказывала о томъ, что она видѣла и слышала и какъ она это «по простотѣ своей» поняла. Я думаю, что нѣтъ возможности усомниться въ правдивости показанія вдовы Рыжовой. Правда, отчасти въ тонѣ ея голоса, отчасти въ манерѣ го-

ворить проявлялась здѣсь нѣкоторая трагичность, въ ея тонѣ слышалось нѣкоторое стремленіе выставить особенно рельефно, обрисовать самыми мрачными красками то несчастіе, которое разразилось надъ нею. Но, гг. присяжные засѣдатели, войдя въ положеніе этой женщины, вы поймете, что иначе, при нервной и впечатлительной ея организаціи, и быть не можетъ. Положеніе ея поистинѣ ужасно: она лишилась мужа, котораго горячо любила, лишилась въ немъ единственнаго заступника, единственной поддержки,—и лишилась отъ руки своего брата. Являясь сюда, она должна—или признать, что ея братъ былъ правъ, и тѣмъ показать, что мужъ ея сдѣлалъ что нибудь очень дурное, выходящее изъ ряду вонъ, для того, чтобы вынудить его на убійство, или же сказать все какъ было, а это можетъ быть гибельно для брата. Ей предоставляется ея жестокою судьбою на выборъ—или молчаливое согласіе на опозоренье памяти покойнаго, любимаго, неповиннаго мужа,—чѣмъ, быть можетъ, будетъ куплено спасеніе брата, или же горестное и тяжкое служеніе правдѣ, которое, не возвращая ей мужа, должно подвести брата подъ справедливую кару. Для нея нѣтъ выхода изъ этого. Я думаю, что характеру болѣе сильному, силамъ менѣе потрясеннымъ, чѣмъ ея характеръ и ея силы, трудно бороться съ подобнымъ положеніемъ, и что въ голосѣ всякаго лица, поставленнаго въ такое положеніе, помимо его воли, безсознательно, зазвучитъ трагическая нота. Мы знаемъ изъ дѣла, что у Рыжовой и у Шляхтина есть родные, живъ отецъ,—но знаемъ ли мы ту борьбу, тѣ колебанія, тѣ муки, которыя должна была пережить злополучная женщина прежде чѣмъ рѣшиться придти сюда обличительницею брата,—сына своего отца; придти во имя чести отца своихъ дѣтей и, придти, повидимому, какъ дозволительно заключить изъ вырвавшихъ у нея невольно словъ,—вопреки ожиданіямъ и требованіямъ своей семьи?! Знаемъ ли мы это? Трагичность жеста и возвышенность тона законны тамъ, гдѣ надъ человѣкомъ разыгрывается настоящая трагедія... Указывая на глубину оскорбленнаго чувства, онѣ не идутъ въ разрѣзъ съ житейскою правдою. Рыжова здѣсь, по словамъ брата, не пощадила его. Я думаю, что она сказала истину. Показаніе ея точное и ясное, отличающееся тѣми мелочными подробностями, которыя вообще свойственны разсказамъ людей, настигнутыхъ несчастьемъ, къ которому они, растравляя себя, постоянно возвращаются, вспоминая всѣ его печальныя подробности,—и часто въ то же время не отдавая себѣ яснаго отчета о всемъ его объемѣ—еще болѣе пріобрѣтаетъ вѣроятія съ той минуты, какъ подтверждается и провѣряется другими показаніями. Эти другія показанія суть показанія Гора и Прокофьевой. Показаніе Гора тоже стараются подорвать. Во-первыхъ, здѣсь были сдѣланы при ея допросѣ намеки на то, что она могла все свое показаніе почерпнуть изъ раз-

сказовъ Рыжовой, что разсказы эти послужили канвой и матеріаломъ ея показаній, и что она дала его, такъ сказать, по молчаливому соглашенію съ Рыжовой. Какъ основаніе для этого — могло бы быть приведено то, что она живетъ у Рыжовой, или даетъ тамъ постоянно уроки и, затѣмъ, то, что она сердита на Шляхтина. Но разсмотримъ оба эти основанія. Она даетъ уроки у Рыжовой и потому могла согласиться съ ней показывать одинаково. Но мы знаемъ, что показаніе ея совершенно согласно съ тѣмъ, которое было ею дано на предварительномъ слѣдствіи. Здѣсь она слово въ слово повторила то, что сказала у слѣдователя и что внесено въ обвинительный актъ, а тамъ она показывала впервые въ вечеръ самаго убійства. Я полагаю, что никто не рѣшится сказать, чтобы черезъ два часа послѣ убійства, когда еще пролитая кровь не засохла совершенно на полу и стѣнахъ квартиры, Рыжова могла найти достаточно силы для того, чтобы въ бесѣдѣ съ гувернанткою разсчитывать на будущее судебное слѣдствіе и, такъ сказать, производить репетицію своихъ будущихъ показаній. Слѣдовательно, показаніе Гора, подтвержденное ею притомъ здѣсь всецѣло, было дано внѣ вліянія Рыжовой. Но она въ дурныхъ отношеніяхъ съ Шляхтинымъ, скажутъ намъ, быть можетъ. Я этого не отрицаю. Она даже не хотѣла здѣсь говорить о какомъ-то письмѣ, полученномъ ею отъ Шляхтина, которое было для нея оскорбительно. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Ужъ если она женщина, способная дать изъ-за личнаго неудовольствія ложное показаніе, которое погубитъ неповиннаго человѣка, то, конечно, ей свойственны и другіе, присущіе подобнымъ людямъ, недостатки; конечно, ей свойственна и корысть, которая, по объясненіямъ Шляхтина, и должна была служить поводомъ къ ея злобѣ на него. Но вы знаете, что этого повода не было. Она изъ милости няньчила ребенка Шляхтина и, ничего не получая, она работала даромъ, а когда онъ разсердился на ея обращеніе съ сыномъ и взялъ его, то въ сущности онъ избавилъ ее только отъ труда, который ничѣмъ не вознаграждался. Поэтому о неудодольствіи изъ-за денежныхъ разчетовъ не можетъ быть и рѣчи. Но могло быть помимо разсчета оскорбленное самолюбіе, уязвленное до желанія мщенія. И для такого предположенія нѣтъ никакихъ основаній. Она занимала положеніе воспитательницы въ семействахъ средняго круга, а всякій знаетъ, какъ горька у насъ подчасъ доля гувернантки, и какъ приходится ей привыкать ко всякаго рода уколамъ самолюбія, начиная съ тонкихъ «шпилекъ» и кончая явно-грубымъ, презрительнымъ обращеніемъ. Такимъ образомъ, изъятіе ребенка изъ-подъ надзора Гора, — ребенка ей притомъ никогда и не порученнаго,—ничего для нея оскорбительнаго не представляло. Въ виду профессіи Гора, въ ея душѣ не хватило бы мѣста для ненависти, еслибы она могла до ненависти

обижаться дѣйствіями подобными тому, что сдѣлалъ Шляхтинъ. Передъ нами старались выставить Гора дурною воспитательницею. Не знаю, насколько это справедливо. Можетъ быть, она дѣйствительно не знаетъ современныхъ пріемовъ педагогіи; можетъ быть, она недостаточно вѣритъ въ пользу мягкаго обращенія съ дѣтьми и считаетъ лучшею мѣрою исправленія тѣлесное наказаніе. Все это можетъ быть такъ, и все это, конечно, должно быть принимаемо въ соображеніе при оцѣнкѣ вопроса, годится ли она въ воспитательницы. Но какое отношеніе это имѣетъ къ правдивости ея показанія? Какое значеніе можетъ имѣть то, что она нѣсколько грубо обращалась съ сыномъ Шляхтина, для того, чтобы опредѣлить, видѣла ли она и слышала ли то, что она показала? Конечно, никакого. Не рѣшится же она умышленно губить человѣка своимъ показаніемъ, да еще рискуя быть уличенною, только за то, что онъ отнялъ у нея возможность лишній разъ высѣчь ребенка за «неаккуратность». Наконецъ, показаніе третьей свидѣтельницы — правдивое, благодушное, — въ сущности закрѣпляетъ все то, что говорили двѣ предыдущія свидѣтельницы—Гора и Рыжова. И кормилица Прокофьева говоритъ о двухъ выстрѣлахъ, изъ которыхъ одинъ она слышала изъ-за дверей, когда стояла за ними притаившись, боясь, что и ее застрѣлятъ, а при второмъ—сама присутствовала. Эта же свидѣтельница удостовѣряетъ, что Рыжовъ не наносилъ ударовъ Шляхтину, и ей нельзя не вѣрить. Въ ея простотѣ, въ наивности, съ которою она разсказывала о страшномъ несчастіи, случившемся въ домѣ, съ простонародною пѣвучестью въ голосѣ и украшеніями въ рѣчи, стараясь указать прежде всего на ту опасность, которой она сама подвергалась — во всемъ этомъ звучитъ правдивость.

Обращаюсь къ *личности Рыжова*. Судя по допросу нѣкоторыхъ свидѣтелей, намъ очевидно будутъ говорить, что Рыжовъ вовсе не былъ такимъ хорошимъ человѣкомъ, какимъ онъ выставленъ въ обвинительномъ актѣ и какимъ старались его выставить жена и академикъ Безобразовъ. Но, гг. присяжные засѣдатели, если вы отнесетесь внимательно къ тому, что слышали отъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, если вдумаетесь въ сущность ихъ показаній относительно покойнаго Рыжова, то увидите, что показанія ихъ нисколько не колеблятъ того чистаго, нравственно-красиваго образа, который начертанъ въ обвинительномъ актѣ. Этотъ человѣкъ остается тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности по удостовѣренію тѣхъ, которые знали его близко. Правда, предъ вами было дано чрезвычайно характеристическое показаніе доктора правъ Лохвицкаго, который, хваля вообще покойнаго, въ концѣ однако прошелся по сдѣланному имъ портрету кистью, погруженною въ довольно мутныя краски, рисующія Рыжова съ непривлекательной и отчасти даже грязной стороны. Но я думаю, что если вглядѣться даже

и въ этотъ портретъ поближе, то эти краски сотрутся и исчезнутъ. Въ сущности г. Лохвицкій сказалъ, что Рыжовъ былъ человѣкъ очень пристрастный къ женщинамъ, но онъ не указалъ намъ, когда это съ нимъ было; не сказалъ, чтобы Рыжовъ теперь, когда былъ человѣкомъ осѣвшимся, семейнымъ, оставался по-прежнему подъ вліяніемъ своего влеченія къ женскому полу. Наконецъ, есть ли это влеченіе въ сущности, по отношенію къ нравственнымъ правиламъ человѣка, такая черта, которая лишала бы его права на уваженіе, заставляла бы предполагать его неспособнымъ на благородные и нравственные поступки? Я полагаю — нѣтъ. Минутныя увлеченія могутъ не мѣшать человѣку остаться честнымъ, стойкимъ и строгимъ во взглядѣ на свои обязанности. Затѣмъ г. Лохвицкій указалъ, что въ служебной дѣятельности покойный искалъ съ охотою командировокъ. Признаюсь, это замѣчаніе вытекаетъ очевидно не изъ близкаго знакомства свидѣтеля съ дѣятельностью чиновниковъ особыхъ порученій Министерства Государственныхъ Имуществъ. Дѣятельность ихъ проходитъ, по большей части, въ командировкахъ, да и вообще дѣятельность этого Министерства имѣетъ въ себѣ столько сельско-хозяйственныхъ сторонъ, что польза дѣла требуетъ постоянныхъ разъѣздовъ и ревизій опытныхъ и свѣдущихъ лицъ. Если Рыжовъ сознавалъ, что, зная свое дѣло, можетъ приносить пользу и былъ не прочь отъ командировокъ, то почему не объяснить этого желаньемъ энергическаго и живого дѣятеля приносить пользу, а не сидѣть за канцелярскою работою по жизненнымъ и практическимъ вопросамъ? Съ командировками было связано нѣсколько большее содержаніе, и странно было бы упрекать человѣка бѣднаго, обремененнаго большимъ семействомъ за то, что ему пріятны занятія, которыя его наибольше вознаграждаютъ за трудъ, полезность котораго признаетъ и Лохвицкій. Итакъ, тутъ нѣтъ никакой дурной черты. Отбросивъ такимъ образомъ эту часть показанія Лохвицкаго, мы находимъ въ Рыжовѣ человѣка глубоко честнаго и справедливаго, строгаго какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ (потому что онъ строгъ къ себѣ), любящаго правду, вмѣшивающагося за нее въ чужія дѣла, иногда съ самопожертвованіемъ, доходящимъ даже до неблагоразумія. Но, гг. присяжные засѣдатели, можно ли это ставить въ вину человѣку, можно ли въ этомъ не видѣть достоинства? Это «неблагоразуміе» есть великое качество въ нашъ черствый, себялюбивый вѣкъ. Правда, намъ говорятъ, что онъ былъ человѣкъ рѣзкій, грубый. Да, онъ былъ грубъ, смѣло выражая свое мнѣніе; онъ рѣзко высказывалъ порицаніе, когда образъ дѣйствій человѣка ему не нравился, не стѣсняясь тѣмъ, не стоитъ ли этотъ человѣкъ выше его на общественной лѣстницѣ и, какъ вы слышали изъ показанія академика Безобразова, ему больше приходилось говорить рѣзкости о людяхъ, выше его

стоявшихъ по общественному положенію. Эта правдивость, грубая, быть можетъ, непріятная для окружающихъ его лицъ, имѣла все-таки своимъ источникомъ горячее чувство. Это чувство одушевляло его въ исполненіи своихъ обязанностей и дѣлало его «алчущимъ и жаждущимъ правды», а такихъ людей нужно цѣнить и прощать имъ ту грубую форму, въ которую они облекаютъ свои честныя и чистыя мысли. И вотъ, этотъ человѣкъ, вспыльчивый по характеру,—я не стану этого отрицать,—настойчивый въ своихъ мнѣніяхъ, упорный въ своихъ привязанностяхъ, въ то же время живо принимающій къ сердцу всякія измѣненія въ людяхъ, которымъ вѣрилъ, прямо и рѣзко говорящій всѣмъ правду, вмѣшивающійся въ чужія дѣла тамъ, гдѣ находитъ это полезнымъ и необходимымъ для другихъ, иногда навязывающій чуть не насильно свое мнѣніе,—этотъ человѣкъ остается такимъ же, какимъ начерченъ свидѣтелемъ Безобразовымъ, и послѣ показаній всѣхъ остальныхъ свидѣтелей. Правда, здѣсь говорилось еще нѣчто, что̀ должно было породить нѣкоторое сомнѣніе — говорилось объ его отношеніяхъ къ свидѣтельницѣ Дмитріевой. Но я не стану повторять этого ея разсказа, вы сами оцѣните всю его несостоятельность. Человѣкъ *ухаживалъ* потому, что въ то время, когда дѣвушка идетъ на гибель, когда бросаетъ домъ, гдѣ ее пріютили, говоритъ ей «останьтесь, я постараюсь, чтобы молва не распространилась, я охраню васъ отъ нападеній, отъ злыхъ насмѣшекъ». Этотъ человѣкъ, только благодаря этому, по ея словамъ, за ней волочится! Человѣкъ этотъ разъ пришелъ къ ней въ спальню и, стоя на порогѣ, позвалъ ее къ женѣ — онъ за нею волочится! Я думаю, что скорѣе можно признать, что услужливое воображеніе свидѣтельницы вызываетъ въ ней желаніе думать, что за нею волочился Рыжовъ, что ей самой хочется вѣрить въ это и въ такомъ смыслѣ истолковывать поступки покойнаго.

Обращаюсь *къ душевному состоянію Шляхтина*. Вѣроятно, намъ будутъ говорить, что Шляхтинъ, послѣ убійства Рыжова, имѣлъ видъ потерянный, говорилъ несообразныя вещи, едва стоялъ на ногахъ, былъ блѣденъ, весь трясся, хотѣлъ ѣхать къ генералу Трепову, приходилъ въ отчаяніе отъ сдѣланнаго имъ поступка, путался въ словахъ и вообще производилъ впечатлѣніе больного. Вы слышали здѣсь показанія экспертовъ. Я не могу прибавить ни слова къ ихъ точному, строго-научному выводу, высказанному съ полнымъ убѣжденіемъ и съ сознаніемъ его важности. Изъ словъ ихъ оказывается, что Шляхтинъ не человѣкъ, не владѣющій здравымъ смысломъ, а человѣкъ нервный, раздражительный, болѣзненный отъ неправильной жизни,—что онъ, отъ не всегда, можетъ быть, пріятно слагавшихся обстоятельствъ сдѣлался человѣкомъ впечатлительнымъ, на котораго всякое препят-

ствіе дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ, вызывая сильное нервное разстройство и заставляя горячиться тамъ, гдѣ человѣкъ нормальный, обыкновенный, этого дѣлать не будетъ. Я говорю: человѣкъ *обыкновенный*, человѣкъ *нормальный!* Но гдѣ этотъ человѣкъ?! Я думаю, что всѣ мы, жители большихъ городовъ, люди послѣдняго времени, получившіе слишкомъ раннее умственное развитіе и недостаточное развитіе физическое, всѣ мы люди болѣзненные, у всѣхъ насъ нервы не въ порядкѣ, у всѣхъ они натянуты какъ струны и звучатъ сильнѣе, нежели у жителей деревни, близкихъ къ природѣ. Но все это не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы мы во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ ссылались на нервы, какъ на причину ненормальности нашихъ дѣйствій, чтобы въ нихъ искали оправданія въ нашихъ капризахъ, убѣжища въ нашихъ преступленіяхъ. Это развитіе нервозности, которая дѣлаетъ насъ болѣе раздражительными, чѣмъ людей простыхъ, живущихъ въ другихъ условіяхъ жизни, въ то же время дѣлаетъ насъ и болѣе воспріимчивыми и даетъ намъ возможность тоньше и отчетливѣе понимать всѣ оттѣнки человѣческихъ дѣйствій и тѣмъ самымъ строже къ себѣ относиться. Утонченный и истощенный житель города, принадлежащій къ такъ называемому образованному обществу — всегда гораздо больше аналитикъ и скептикъ, чѣмъ здоровый житель деревни... Но гдѣ анализъ и сомнѣніе — тамъ и охлажденіе порывовъ, и наблюденье за собою, и копанье въ самомъ себѣ, а слѣдовательно и нѣкоторая препона необузданной игрѣ нервовъ. Поэтому нервозность, которую мы замѣчали въ подсудимомъ Шляхтинѣ, не можетъ служить къ оправданію его преступленія. Она служитъ лишь объясненіемъ, почему такъ быстро совершилось преступленіе, почему съ такой необыкновенной силой въ немъ развилось негодованіе на Рыжова, почему ему, можетъ быть, было труднѣе бороться съ собою, нежели человѣку, менѣе нервозному, но нисколько его не оправдываетъ, — не оправдываетъ уже потому, что этого не признали эксперты. Но еслибы даже эксперты не дали такого рѣшительнаго мнѣнія, еслибы они отвѣчали уклончиво, то и тогда я старался бы доказать, что ни житейскій опытъ, ни здравый смыслъ не допускаютъ такого умственнаго разстройства, отъ котораго лечатся лавро-вишневыми каплями. Намъ, можетъ быть, укажутъ на подавленный видъ Шляхтина послѣ того, какъ онъ совершилъ преступленіе. Да, но что же изъ этого? Я думаю, что этотъ несчастный видъ можетъ служить основаніемъ только къ тому, чтобы видѣть въ Шляхтинѣ человѣка, еще не погибшаго нравственно, а лишь только падшаго. Понятно, что именно потому, что онъ человѣкъ здоровый, а только нервы его раздражены, онъ, совершивъ кровавое дѣло, послѣ первой минуты утоленнаго гнѣва, послѣ пролитой крови почувствовалъ весь ужасъ сдѣланнаго пре-

ступленія; онъ понялъ,— и какъ нервный человѣкъ понялъ, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ человѣкъ со здоровыми нервами,— *что* онъ сдѣлалъ, какимъ ужаснымъ поступкомъ отдѣлилъ себя отъ всего окружающаго общества, въ какое отчаянное положеніе ввергнулъ сестру и ея сиротъ, и тогда, понятно, началась реакція: онъ почувствовалъ упадокъ силъ, потомъ ему захотѣлось покаяться, отдать себя поскорѣй въ руки правосудія, такъ какъ съ этой минуты, какъ сказалъ величайшій германскій философъ, онъ получилъ *право требовать себѣ наказанія*. Эта потерянность его, блѣдность, несвязная рѣчь, указываютъ лишь на то, что онъ человѣкъ настолько же преступный, насколько и несчастный. И это можетъ, по справедливости, служить основаніемъ къ смягченію его вины и наказанія. Вотъ главныя соображенія, которыя я считалъ заранѣе нужнымъ представить вамъ по поводу будущихъ возраженій обвиненію. Затѣмъ, я перехожу къ самому преступленію подсудимаго.

Что же за преступленіе совершено Шляхтинымъ и чѣмъ можно объяснить его? Вы знаете, что̀ за личность былъ покойный Рыжовъ, вы можете себѣ отчасти составить представленіе и о томъ, что̀ за личность Шляхтинъ. Неслужащій дворянинъ, проживающій безъ дѣла въ деревнѣ отца, не имѣющій никакого опредѣленнаго общественнаго положенія, но уже обзаведшійся семействомъ, человѣкъ нервный, болѣзненный, до крайности самолюбивый, и тѣмъ болѣе самолюбивый, чѣмъ незначительнѣй и неопредѣленнѣй его положеніе въ общественной жизни. Этотъ человѣкъ встрѣчается съ Рыжовымъ. Рыжову онъ понравился, онъ сталъ звать его къ себѣ въ Петербургъ. Рыжовъ, какъ всякій живой и дѣятельный человѣкъ, сталъ рисовать предъ нимъ заманчивыя картины,— картины дѣятельности, возможности приносить пользу. Картины были заманчивы, — Рыжовъ умѣлъ говорить горячо и убѣдительно — и Шляхтинъ отправляется съ нимъ. Намъ говорятъ, что Рыжовъ увлекъ его обѣщаніемъ дать мѣсто въ $2^1/_2$ или 3 тысячи. Но я полагаю, что Шляхтинъ невѣрно понимаетъ обѣщаніе Рыжова, если оно дѣйствительно давалось. Рыжовъ вовсе не былъ такъ поставленъ, чтобы обѣщать столь обезпеченныя мѣста и, конечно, не былъ настолько неблагоразуменъ, чтобы связывать себя такимъ обѣщаніемъ. Онъ могъ только указать на возможность занять подобное мѣсто, и, конечно, при трудѣ со стороны Шляхтина, при указаніяхъ и покровительствѣ Рыжова, подсудимый могъ бы получить современемъ такое мѣсто. И вотъ, такіе два человѣка, совершенно противоположные по своему развитію и привычкамъ, одинъ — ничего не дѣлающій всю жизнь, другой — трудящійся, дѣятельный; одинъ — весьма легко относящійся къ обязанностямъ, другой же—со всей строгостью, сурово и рѣзко,— эти люди сошлись на время, въ виду разныхъ цѣлей, причемъ

одному хотѣлось нравственно спасти другого, вызвать его къ жизни, дать ему дѣятельность, другому — занять извѣстное мѣсто въ обществѣ. Въ Петербургѣ Шляхтинъ былъ принятъ какъ родной у Рыжовыхъ, приходилъ къ нимъ какъ близкій человѣкъ—и мы слышали, что Рыжовъ неустанно хлопоталъ за него и даже являлся представителемъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Чѣмъ же Шляхтинъ отплатилъ за это Рыжову? Онъ вступилъ въ связь съ дѣвушкой, которая жила у него въ домѣ, бывъ поручена Рыжовой ея родителями,—съ дѣвушкою, по отношенію къ которой сестра подсудимаго имѣла обязанности, выходящія изъ чредѣловъ обязанностей простой хозяйки. Вы видѣли, какая впечатлительная женщина Рыжова: не даромъ она сестра Шляхтина. Поступокъ брата долженъ былъ ее оскорбить, какъ женщину и какъ хозяйку дома, и напугать ее, какъ сестру. Ей было вмѣстѣ съ тѣмъ жаль Дмитріеву, которая шла на вѣрную погибель. Это мнѣніе, конечно, раздѣлялъ и ея мужъ. Въ самомъ дѣлѣ, что Дмитріевой готовилось впереди? Вы знаете изъ данныхъ здѣсь показаній, что та, которая имѣла отъ Шляхтина ребенка, развелась съ мужемъ и живетъ у него въ деревнѣ. Туда же хотѣлъ везти онъ и Дмитріеву. Что же ее ожидало? Бракъ? Нѣтъ. Ее ожидало тяжелое положеніе дѣвушки, сдѣлавшейся барскою наложницей, въ глухой степной усадьбѣ, гдѣ притомъ живетъ прежняя «барская барыня». Что ей могло предстоять затѣмъ? Она могла надоѣсть Шляхтину, и, можетъ быть, была бы заброшена въ безпомощномъ положеніи отставной барской любовницы или выдана гдѣ нибудь въ глушн, на «скорую руку», замужъ за покладистаго и неразборчиваго человѣка, и была бы, вѣроятно, еще несчастливѣе. Всего этого не могла не сознавать Рыжова, хорошо зная жизнь. Съ другой стороны, она понимала, что женщина съ характеромъ, дѣвушка съ сильной волей, отдавшая себя человѣку, пожертвовавшая для него всѣмъ, не дешево разстанется съ любовью этого человѣка, и когда онъ разлюбитъ ее и покинетъ, то она будетъ требовать, чтобы онъ, связавшій себя съ нею на словахъ навсегда, не оставлялъ ее, чтобы помнилъ, какую она принесла ему жертву. Она, своими требованіями и упреками, своими жалобами и угрозами, своими непрошенными ласками, своей постылою любовью, начнетъ отравлять его жизнь, сдѣлаетъ ее нестерпимою. И этого Рыжова, зная жизнь, не могла не представлять себѣ. Поэтому она одновременно жалѣла и брата, и Дмитріеву. Вотъ чѣмъ объясняются слова Рыжовой брату: «она тебя погубитъ», вмѣстѣ съ совѣтомъ, съ требованіемъ — или жениться, или оставить Дмитріеву. Шляхтинъ не хотѣлъ сдѣлать ни того, ни другого. Наконецъ, Рыжова, какъ хозяйка дома, видѣла, что для дѣвушки, вступившей въ ея семью почти на правахъ члена,— которая пользовалась ея покровительствомъ и была довѣ-

рена ей родителями — для этой дѣвушки было создано положеніе постыдное — и гдѣ же? — въ домѣ ея, Рыжовой! — и кѣмъ же? — ея братомъ! Все это, вмѣстѣ взятое, конечно, должно было вызвать со стороны Рыжовой цѣлый рядъ упрековъ, рѣзкихъ, жестокихъ упрековъ, какіе обыкновенно умѣютъ дѣлать только женщины. Мы слышали, что Шляхтинъ просилъ у нея прощенія, мы знаемъ далѣе изъ показанія г-жи Гора, что покойный А. И. Рыжовъ тоже присоединилъ свой осуждающій голосъ къ упрекамъ жены и требовалъ, чтобы Шляхтинъ женился. Но Шляхтинъ этого не хотѣлъ. Въ этомъ отношеніи у него вообще оригинальный взглядъ на честь. На требованіе сестры разорвать связь и, не увлекая Дмитріеву за собою въ деревню, оставить ее по-старому у нихъ, подъ условіемъ забвенія и сокрытія всего случившагося, онъ отвѣчалъ, что этого не сдѣлаетъ, ибо не способенъ на такой *безчестный* поступокъ, а жениться не желаетъ. Первое время Шляхтинъ, повидимому, сознавалъ свою виновность передъ сестрой и этой дѣвушкой, и если бы дѣло оставалось въ томъ же положеніи, то оно кончилось бы, можетъ быть, лишь продолжительною размолвкою, но явились два обстоятельства, которыя не могли не измѣнить отношенія Рыжовыхъ съ Шляхтинымъ на болѣе худшія. Съ одной стороны, Дмитріева нисколько не щадила самолюбія Шляхтина и передавала ему всѣ сплетни обо всемъ, что происходило и говорилось у Рыжовыхъ, получая эти свѣдѣнія черезъ своего брата, — а съ другой стороны, Рыжова имѣла неосмотрительность при братѣ Дмитріевой сказать, что она отправила письма своему отцу и родителямъ Дмитріевой, въ которыхъ разсказала обо всемъ. Положеніе Шляхтина становилось крайне тревожнымъ и сложнымъ. Показанія свидѣтелей указываютъ, какъ онъ вообще легкомысленно относился къ женщинамъ. По поводу начавшейся шутя связи съ Дмитріевой онъ говорилъ, что не въ такихъ передѣлкахъ бывалъ, но выходилъ цѣлъ. А тутъ онъ увидѣлъ, что отношенія завязываются крѣпко, что въ дѣло вмѣшались другіе, и сама Дмтріева узнала, что у него есть въ деревнѣ женщина, съ которою онъ имѣлъ связь, и что это можетъ заставить ее одуматься, отказаться отъ поѣздки и потребовать серьезныхъ объясненій. Такія осложненіи должны были, конечно, увеличить тяжесть его положенія. Таковы внѣшнія причины его раздраженія. Эти люди вмѣшиваются въ его дѣло, мѣшаютъ ему; онъ завелъ связь, которая ему пріятна и льститъ его самолюбію, обѣщаетъ ему, можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ, недѣль удовольствія и вдругъ въ это призрачное, временное счастіе вливается ядъ попрековъ, указаній на долгъ и препятствій! Тутъ являются и родители, которые возьмутъ увлеченную дѣвушку, и возможность съ ея стороны упрековъ въ обманѣ, и, главнымъ образомъ, непрошенная, навязанная мысль о необходимости же-

ниться. Его должно было возмущать, что въ немъ сомнѣваются, что его учатъ и, наполняя его существованіе тревожными мыслями, вмѣсто пріятной жизни изо дня въ день — рисуютъ опредѣленную, прозаическую картину брака. Развѣ онъ не хозяинъ своихъ дѣйствій, не господинъ своей судьбы?

Внутреннія причины, побудившія Шляхтина къ убійству, должны были быть еще сильнѣе. Вы имѣли возможность ознакомиться съ личностью Шляхтина, вы могли убѣдиться, что это былъ человѣкъ въ высшей степени самолюбивый, чрезвычайно щепетильный. Каждая мелочь, косой взглядъ, вскользь высказанное мнѣніе — оскорбляло и раздражало его, становило на дыбы всю его гордость. Самолюбіе мелкое, щепетильное, заставляющее человѣка оскорбляться при малѣйшей шероховатости въ отношеніяхъ съ нимъ, есть самолюбіе людей, не признающихъ за собою дѣйствительной цѣны, которые видятъ во внѣшнихъ, иногда совершенно пустыхъ отношеніяхъ къ нимъ, желаніе повредить ихъ шаткому достоинству, которые не чувствуютъ достоинства своего настолько глубоко, чтобъ сознавать, что повредить ему вздорнымъ словомъ, минутною вспышкою — нельзя. И вотъ такой человѣкъ встрѣчается съ честною, правдивою, строгою и рѣзкою личностью, онъ слышитъ осужденіе отъ человѣка, котораго встрѣтилъ не случайно, котораго зналъ не одинъ день, который принималъ въ немъ участіе — и этотъ-то человѣкъ ему высказываетъ строго и серьезно свое неудовольствіе, произноситъ жестокое слово осужденія. Это, конечно, не могло не раздражить его. Мы знаемъ далѣе изъ его собственнаго показанія, что первоначальное стремленіе его, послѣ обнаруженія отношеній его къ Дмитріевой, было возстановить себя во мнѣніи окружающихъ его лицъ. Вы слышали изъ показанія его, даннаго здѣсь утромъ, что онъ имѣлъ намѣреніе поднять себя въ глазахъ сестры. Но если у него было это намѣреніе по отношенію къ сестрѣ, къ которой онъ относится нѣсколько пренебрежительно, то еще болѣе должно у него было быть желаніе возстановить себя въ глазахъ чужого человѣка, нравственнаго преимущества котораго онъ не могъ не чувствовать. Какъ извѣстно, тяжесть чужого дурного мнѣнія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ достойнѣе и уважаемѣе то лицо, отъ котораго исходитъ это мнѣніе, чѣмъ выше стоитъ оно въ нашихъ глазахъ. То же самое было и здѣсь. Вотъ второй рядъ причинъ, причинъ, такъ сказать, внутреннихъ: оскорбленная гордость, желаніе возстановить себя въ глазахъ Рыжова, желаніе услышать, что дѣйствія его правильны, благородны, что онъ не совершилъ ничего дурного, что тутъ ни въ чемъ не замѣшаны дѣла чести; съ другой стороны, негодованіе, что въ дѣла его вмѣшиваются, что ему не даютъ устроиться такъ, какъ бы онъ желалъ, раздраженіе, раздуваемое Дмитріевой — все это вмѣстѣ

должно было довести подсудимаго до крайне ожесточеннаго и озлобленнаго состоянія. Мы знаемъ, что еще 28-го января Шляхтинъ прислалъ Рыжову письмо, въ которомъ говорилъ ему, что найдетъ его, что никогда не проститъ сестрѣ тѣхъ оскорбленій, которыя она нанесла ему, пользуясь правами сестры и женщины. Письмо это было возвращено обратно съ замѣткой Рыжова, который, въ полномъ сознаніи своей правоты, удивляется, какъ Шляхтинъ рѣшается писать подобныя вещи, поступивъ такимъ образомъ въ домѣ сестры. На другой день посылается другое письмо, послѣдовавшее послѣ разсказа Дмитріевой о томъ, что г-жей Рыжовой написано письмо къ ея родителямъ. Оно, это письмо, не могло быть возвращено изъ Нижняго, какъ это предполагаетъ Рыжова, да это и не важно; важно то, что студентъ Дмитріевъ 28-го числа вечеромъ сообщилъ сестрѣ о томъ, что слышалъ отъ Рыжовой о написанномъ ею письмѣ къ ихъ родителямъ. Что это было сообщено безъ всякой предосторожности, что всѣ слова раздраженной Рыжовой были приняты на вѣру Дмитріевымъ и переданы въ той самой, нѣсколько рѣзкой формѣ, въ которой они были, вѣроятно, высказаны, въ этомъ вы могли убѣдиться уже по тому, что студентъ Дмитріевъ безъ всякой критики относится къ тому, что̀ говоритъ. Вы слышали показаніе Миргородскаго о томъ, что у Шляхтина были нервные припадки и что объ этомъ знаетъ онъ преимущественно отъ Дмитріева; Дмитріевъ же по этому поводу заявилъ, что онъ знаетъ о нервномъ состояніи Шляхтина, во-первыхъ и главнымъ образомъ, отъ Миргородскаго, а во-вторыхъ, потому, что однажды видѣлъ самъ, какъ у Шляхтина тряслись ноги. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ источниковъ для сужденія о нервности Шляхтина и для сужденія о вдумчивости Дмитріева въ свои слова! Дмитріевъ долженъ былъ разсказать все, что̀ онъ слышалъ, нисколько не умалчивая, нисколько не щадя самолюбія своей сестры, нисколько не оберегая ее, а она, въ свою очередь, передала все слышанное ею Шляхтину. Вернувшись домой изъ театра, Шляхтинъ получаетъ извѣстіе о томъ, что въ дѣла его постоянно и настойчиво вмѣшиваются; онъ раздражается еще болѣе и утромъ идетъ къ Рыжову. Его не принимаютъ. Тогда онъ пишетъ письмо,—послѣднее, которое вы слышали, гдѣ̀ говоритъ, что не пощадитъ ни себя, ни Рыжова, если только тотъ позволитъ себѣ нанести ему оскорбленіе. Затѣмъ, послѣ того какъ Рыжовъ прислалъ отвѣтное письмо, онъ, не принявъ этого письма, говоритъ, что Рыжовъ можетъ объясниться съ нимъ съ глазу на глазъ. Рыжовъ приглашаетъ его, и онъ идетъ часомъ раньше, чѣмъ назначено. Это желаніе видѣться съ Рыжовымъ, мнѣ кажется, можетъ быть объяснено довольно естественно и вѣроятно: ему нужно было объясниться, и непремѣнно лично съ Рыжовымъ, во что̀ бы то ни стало; ему нужно

было окончательно выйти изъ своего тяжелаго и двусмысленнаго положенія, или разорвавъ навсегда и окончательно отношенія съ Рыжовымъ, или, помирясь съ нимъ, услышавъ отъ него, что онъ, Шляхтинъ, не безчестный человѣкъ. Онъ, конечно, надѣялся на послѣднее. Онъ отправляется, взявъ съ собою револьверъ. Онъ говоритъ, что имѣлъ привычку постоянно носить съ собою револьверъ, потому что, какъ вы слышали изъ показанія свидѣтеля Милославскаго, онъ объяснялъ ему еще въ Харьковѣ, что не знаетъ, что̀ могло бы съ нимъ случиться, еслибъ кто нибудь его обидѣлъ. Вотъ съ такимъ-то револьверомъ, носимымъ на случай, если кто нибудь его обидитъ, онъ отправляется къ Рыжовымъ. Мы знаемъ, что̀ произошло затѣмъ. Я настаиваю въ этомъ случаѣ на показаніи г-жъ Гора и Рыжовой. Войдя къ Рыжову, увидя этого человѣка, такъ много испортившаго ему желчи, Шляхтинъ—нервный, впечатлительный, всегда раздражительный, отдался весь порыву того гнѣва, который въ немъ долго накоплялся и, вѣроятно, кипѣлъ всю ночь послѣ разсказа Дмитріевой. Онъ забылъ, зачѣмъ пришелъ; онъ видитъ только ненавистнаго въ эту минуту человѣка, который смѣетъ гордиться своею правотою, смѣетъ не уважать его, Шляхтина, смѣетъ рѣзко говорить о немъ... Онъ хватаетъ его за бороду, плюетъ въ лицо и грозитъ пистолетомъ. Затѣмъ жена выталкиваетъ его изъ кабинета; но и здѣсь, оставшись одинъ, онъ чувствуетъ, что не все высказалъ, не излилъ всего своего гнѣва и начинаетъ браниться — браниться рѣзко, непристойно, дико, вѣроятно, самыми грубыми, площадными словами, на что намекала г-жа Рыжова. Тогда, въ свою очередь, Рыжовъ, человѣкъ, который долженъ былъ быть опеломленъ всѣмъ происшедшимъ, начинаетъ, несмотря на мольбы жены, отдаваться гнѣву и, взявъ въ руки палку, выбѣгаетъ, чтобъ выгнать Шляхтина. Но извѣстно всякому, кто имѣетъ несчастіе быть вспыльчивымъ, кто когда либо «выходилъ изъ себя», что люди подобнаго рода еще болѣе раздражаются отъ своихъ собственныхъ словъ; чѣмъ болѣе они кричатъ, тѣмъ болѣе усиливается раздраженіе, чѣмъ болѣе они бранятся, тѣмъ болѣе чувствуютъ необходимость продолжать брань до тѣхъ поръ, пока не выскажутъ всего, что давитъ ихъ сердце, что мутитъ ихъ зрѣніе. То же должно было быть и здѣсь: присутствіе Рыжова, возможность браниться съ нимъ вновь, должны были развить раздраженіе Шляхтина до послѣдней степени,—а между тѣмъ, Рыжовъ махаетъ палкой, можетъ ударить, оскорбить... Одна мысль, что этотъ человѣкъ вмѣшивается въ его дѣла, что онъ имѣетъ какое-то право класть на него клеймо нравственнаго осужденія, что онъ имѣетъ возможность осуждать его, третировать какъ виноватаго, постановлять о немъ приговоръ — это одно должно было увлечь все существо Шляхтина — и тогда-то у него должно было явиться

желаніе отмстить этому человѣку, уничтожить его, устранить этого непрошеннаго судью, который съ палкою въ рукахъ кричитъ: «вонъ, негодяй, изъ моего дома!» — и который даже не вѣритъ, не хочетъ вѣрить, что въ него можетъ посмѣть стрѣлять «подлецъ»! Вы знаете, что внутренняя борьба въ Шляхтинѣ была непродолжительна; онъ самъ сегодня утромъ разсказывалъ намъ, что сказалъ Рыжову «буду стрѣлять», но остановился, потому что выстрѣлить «было бы ужасно»; но, тѣмъ не менѣе, это не остановило его, и гнѣвъ поборолъ голосъ совѣсти и разсудка. Но ударъ былъ отклоненъ женою Рыжова. Тогда, весь отдавшись своему слѣпому гнѣву, сказавъ опять: «буду стрѣлять», Шляхтинъ выстрѣлилъ еще разъ и убилъ Рыжова. Вы знаете, что за этимъ послѣдовало. Здѣсь возбуждался вопросъ о томъ, надѣлъ ли Шляхтинъ калоши, или не надѣлъ; мнѣ кажется, это все равно: важно то, что онъ не устремился на помощь къ упавшему Рыжову, не закричалъ отъ ужаса, не бросился къ сестрѣ, которая была также убита имъ нравственно, какъ физически былъ убитъ мужъ ея, не сталъ кричать о помощи, въ отчаяніи отъ того, что сдѣлалъ — не желая, не имѣя въ виду. Напротивъ, весь въ туманѣ, навѣянномъ гнѣвомъ, онъ съ неуходившимся еще сердцемъ выбѣжалъ на улицу и только тамъ оцѣнилъ, что̀ совершилъ.

Вотъ вся сущность дѣла. Опуская нѣкоторыя мелкія подробности, такъ какъ, вѣроятно, онѣ сохранились у васъ въ памяти, я обращусь къ тому, чтобы опредѣлить, что̀ за преступленіе сдѣлалъ Шляхтинъ. Нашъ законъ предусматриваетъ нѣсколько видовъ убійства; однимъ изъ наименѣе тяжкихъ считается тотъ видъ, когда человѣкъ совершаетъ убійство въ состояніи крайняго раздраженія, въ запальчивости, когда онъ весь отдается вліянію своего гнѣва и подъ вліяніемъ его рѣшается на убійство. Я полагаю, что въ настоящемъ случаѣ вы, господа присяжные засѣдатели, найдете, что именно существовало такого рода преступленіе. Я не могу доказывать, что Шляхтинъ пришелъ съ пистолетомъ именно для того, чтобы убить Рыжова; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу отрицать, что онъ убивалъ Рыжова сознательно, что онъ понималъ, что̀ дѣлалъ, что въ немъ происходила кратковременная борьба: сначала совѣсть его возстала противъ того, что онъ хотѣлъ сдѣлать, въ головѣ промелькнуло слово «ужасно», потомъ все померкло и преступленіе было совершено; онъ утолилъ мгновенную жажду мести надъ человѣкомъ, который былъ ему ненавистенъ, тягостенъ въ послѣднее время. Что же это такое? Соединеніе нервнаго состоянія, котораго я не имѣю права отрицать, такъ какъ оно было признано экспертами, съ крайнимъ гнѣвомъ, — который можно и должно было побороть, съ которымъ человѣкъ можетъ и долженъ сражаться и одолѣвать его, — но гнѣвомъ тѣмъ не менѣе очень сильнымъ, составляющимъ характеристи-

ческій признакъ убійства въ запальчивости и раздраженіи. Вамъ, вѣроятно, придется выслушать много указаній на то, что преступленіе совершено не такъ, какъ я предполагаю; но вы, конечно, сами оцѣните, какъ все было въ дѣйствительности. Я, впрочемъ, полагаю, что въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему, трудно усомниться въ виновности; во всякомъ случаѣ, въ дѣлѣ нѣтъ данныхъ, дающихъ возможность отрицать сознательное дѣяніе.

Говорить вамъ, гг. присяжные засѣдатели, о томъ, что вашъ приговоръ имѣетъ не только значеніе основанія для наказанія подсудимаго за совершенный имъ поступокъ — казалось бы излишне. Всякій судебный приговоръ прежде всего долженъ удовлетворять нравственному чувству людей, и въ томъ числѣ и самого подсудимаго. Тамъ, гдѣ дѣйствительно совершено преступленіе, приговоръ обвинительный, несмотря на свою тяжесть, завершаетъ собою для подсудимаго и для пострадавшихъ житейскую драму, сглаживая чувства личной злобы и негодованія и успокоивая смущенную общественную среду спокойнымъ, хотя и суровымъ словомъ правосудія. Вотъ почему я кончаю свое обвиненіе тѣмъ, что обращаюсь мыслью къ будущему. Я предвижу то время, когда несчастныя, осиротѣлыя дѣти Рыжова подростутъ, когда ихъ безвременное сиротство скажется на нихъ особенно тяжело, когда не будетъ отца, который бы могъ руководить и воспитывать ихъ, а будетъ лишь слабая, больная и убитая горемъ мать; тогда они пожелаютъ подробно узнать, что сталось съ ихъ отцомъ, и имъ скажутъ, что онъ палъ отъ руки человѣка, которому дѣлалъ только добро, — что онъ палъ, защищая честь и счастіе чужой дочери. Когда они это узнаютъ, то ихъ оскорбленное слышаннымъ чувство невольно вызоветъ негодованіе по отношенію къ тому, кто такъ жестоко, такъ безсердечно съ ними поступилъ. Но я надѣюсь, что окружающіе будутъ имѣть возможность сказать имъ: «дѣти, въ жизни много зла, но бываетъ и справедливость, — и человѣкъ, который причинилъ вамъ столько несчастій, уже искупилъ свою вину...»

VII.

По дѣлу объ оскопленіи купеческаго сына Горшкова.

При производствѣ въ 1872 году слѣдствія о распространеніи скопческой секты въ С.-Петербургѣ, привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго с.-петербургскій купецъ *Горшковъ*, который при освидѣтельствованіи оказался неоскопленнымъ и ни въ принадлежности къ скопчеству, ни въ распространеніи его не сознался. По дѣлу были однако собраны данныя, послужившія основаніемъ для преданія его суду именно за эти два преступленія. Такъ, при обыскѣ, сдѣланномъ судебнымъ слѣдователемъ Реутскимъ въ с. Кадникахъ, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, у скопца штабсъ-капитана Степана Невѣрова отысканъ фотографическій портретъ извѣстнаго скопческаго учителя Шилова, относительно пріобрѣтенія котораго Невѣровымъ дано весьма неопредѣленное объясненіе, что онъ купилъ его въ Петербургѣ въ 1850 или 1860 году въ какой-то фотографіи, потому что портретъ ему понравился. Между тѣмъ оказалось, что портретъ этотъ былъ сдѣланъ въ 1868 году въ С.-Петербургѣ, въ фотографіи Штейнберга, содержимой въ то время художникомъ Кутилинымъ, въ количествѣ шести экземпляровъ, по заказу купца Григорія Горшкова, приходившаго въ фотографію для этой цѣли съ скопцомъ Артамономъ Семеновымъ, который заказывалъ въ той же фотографіи снимки съ портрета основателя скопческой секты Селиванова. Первоначально Горшковъ отрицалъ дѣйствительность заказа имъ портретовъ Шилова, но затѣмъ, когда художникъ Кутилинъ и его жена признали въ Горшковѣ лицо, дѣлавшее заказъ и ему былъ прочтенъ протоколъ осмотра книгъ фотографіи, гдѣ заказъ отмѣченъ, онъ призналъ дѣйствительность этого обстоятельства, объяснивъ, что заказывалъ портреты по порученію пріѣзжаго изъ Выборга скопца Михаила Леонова, который далъ ему писанный масляными красками на мѣди портретъ, сказавъ, что это его родственникъ. Объясненіе это, однако, было признано невѣроятнымъ, такъ какъ, при скрытности, которою облекаютъ свои дѣйствія скопцы во всемъ, что касается ихъ ученія, немыслимо допустить самую возможность со стороны скопца заказа портрета чтимаго имъ основателя секты черезъ посредство совершенно постороннаго, чуждаго скопчеству человѣка; притомъ указаніе Горшкова на купца Леонова было сдѣлано уже послѣ смерти послѣдняго. Между тѣмъ, изъ показанія Кутилиныхъ оказалось, что Горшковъ очень хорошо понималъ зна-

ченіе заказываемыхъ имъ портретовъ, такъ какъ просилъ при заказѣ никому ихъ не показывать, а когда по изготовленіи они были присланы въ его лавку, то онъ не принялъ ихъ, говоря, что ничего не заказывалъ и требуя, чтобы сама хозяйка пріѣхала къ нему, если имѣетъ дѣло; но доставленіи же Кутилиною лично портретовъ, онъ сдѣлалъ ей выговоръ за «неосторожность». Разсмотрѣвъ портреты въ лавкѣ, Горшковъ и другіе, бывшіе у него въ это время, скопцы, говорили: «это нашъ». При обыскѣ у того же Невѣрова отысканы были два письма, писанныя къ нему Горшковымъ. Въ первомъ изъ нихъ Горшковъ, между прочимъ, извѣщаетъ Невѣрова, что «лѣтомъ путешествовалъ до Константинополя и Бухареста, проѣхалъ Молдавіей, Валахіей, посмотрѣлъ на жизнь *такъ людей на случай, не пришлось бы кому и тамъ пожить*». Во второмъ, упоминая также о поѣздкѣ лѣтомъ до Кіева, Одессы и далѣе, сообщаетъ, что «здѣшнія дѣла покуда еще по-старому, а московскія изъ рукъ вонъ плохи, чѣмъ будутъ кончены—неизвѣстно, а хорошаго и ожидать нельзя, судя по тому, какъ у насъ въ Царскомъ селѣ осудили 65 чухонцевъ въ Сибирь, и старыхъ и малыхъ. Поэтому времячко для всѣхъ стало трудное, не знаю, скоро ли оно кончится». Относительно значенія этихъ писемъ Невѣровъ отозвался, что не помнитъ кѣмъ они писаны и къ чему относятся упоминаемыя въ нихъ свѣдѣнія, а Горшковъ объяснилъ, что писалъ къ Невѣрову только по поводу передачи имъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, трехъ серій для обмѣна на новыя. Между тѣмъ, именно въ періодъ, къ которому относились эти письма—въ московскомъ судебномъ округѣ возникло обширное дѣло о скопцахъ Кудриныхъ и другихъ, обвинявшихся въ распространеніи скопческой ереси, которое разсматривалось въ судѣ въ концѣ 1871 года, а Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ въ томъ же году рѣшены въ Царскомъ селѣ и другихъ уѣздахъ дѣла о 58-ми скопцахъ изъ чухонъ, обвиненныхъ въ оскопленіи себя и другихъ. Въ письмѣ, полученномъ 20-го января 1872 года Министромъ Юстиціи, между прочимъ, было указано, что Горшковъ оскопилъ своего сына Василія и нѣсколькихъ человѣкъ. При слѣдствіи оказалось, что 19-ти лѣтній сынъ Горшкова дѣйствительно оскопленъ и проживалъ подъ надзоромъ полиціи въ полюстровскомъ участкѣ пригородной полиціи, на квартирѣ у крестьянина Поспова, а затѣмъ, при возбужденіи дѣла, скрылся неизвѣстно куда и по самымъ тщательнымъ розыскамъ не былъ отысканъ.—За оскопленіе онъ судился въ Курской Палатѣ Уголовнаго Суда и рѣшеніемъ, состоявшимся въ мартѣ 1867 года, отъ суда освобожденъ, какъ уличившій оскопителя, отставнаго рядоваго Федора Маслова, въ совершеніи надъ нимъ этого дѣянія въ 1864 году, т. е. когда ему было не болѣе 11-ти лѣтъ. По объясненію Василія Горшкова, онъ вмѣстѣ съ матерью ѣздилъ на богомолье въ Курскъ, но, провожая въ Коренную пустынь образъ Божіей Матери и потерявъ въ толпѣ мать, пошелъ на рѣку купаться и встрѣтился съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, который обѣщалъ ему помочь отыскать квартиру и далъ ему пряникъ; съѣвъ пряникъ, Василій Горшковъ уснулъ, а проснувшись, почувствовалъ, что у него вырѣзаны шулята, послѣ чего, несмотря на боль, онъ пошелъ въ городъ, гдѣ и отыскалъ свою мать. Несмотря на то, что Григорій Горшковъ не могъ не знать объ этомъ происшествіи, объ оскопленіи его сына было заявлено полиціи только чрезъ два года, когда въ Курской губерніи появился отставной рядовой Федоръ Масловъ, добровольно сознавшійся въ оскопленіи множества лицъ. По этому поводу Григорій Горшковъ показалъ, что онъ узналъ отъ сына объ оскопленіи его только уже послѣ того, какъ тотъ судился въ Курскѣ и предъявилъ ему копію приговора о своей судимости. Между тѣмъ, племянникъ Горшкова Васильевъ объяснилъ, что Василій Горшковъ, постоянно и неотлучно проживавшій съ отцомъ, говорилъ ему, что оскопленъ съ вѣдома отца. Заявленіе Горшкова, что сынъ его Василій съ 14-ти лѣтняго возраста сталъ баловаться, лѣниво учился въ школѣ, не старался заниматься торговлею, отлучался безъ его вѣдома изъ Петербурга и

чѣмъ жилъ въ послѣднее время—ему неизвѣстно, было вполнѣ при слѣдствіи опровергнуто показаніями семи свидѣтелей.

Поэтому купецъ Григорій Горшковъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, принадлежа къ скопческой сектѣ, хотя и не будучи самъ оскопленъ, и совративъ въ нее въ 1864—1866 гг. малолѣтняго сына своего Василія, принялъ участіе въ оскопленіи послѣдняго, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 201 ст. Улож. о Наказ.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило 19-го іюня 1873 года въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя *Батурина*. Защищалъ подсудимаго присяжный повѣренный князь *Кейкуатовъ*.

На судебномъ слѣдствіи жена подсудимаго Горшкова, между прочимъ, дала подробное объясненіе о томъ, какъ она съ сыномъ Василіемъ отправилась на богомолье въ Курскъ, откуда за крестнымъ ходомъ пошла съ нимъ въ Коренную пустынь; по дорогѣ сынъ ея потерялся въ толпѣ и она не могла его отыскать; придя въ Коренную, свидѣтельница никому не заявила о пропажѣ своего сына, а когда вернулась въ Курскъ, то нашла его на базарѣ; въ Курскѣ сначала свидѣтельница заявляла въ полиціи о пропажѣ сына и ей сказали, что если черезъ 3 дня сынъ не явится, то чтобы она нодала явочное прошеніе. Когда она нашла сына и пришла въ свою квартиру, онъ говорилъ ей, что какой-то старикъ его испортилъ, такъ что онъ не можетъ никуда ѣхать; вслѣдствіе этого свидѣтельница оставалась въ Курскѣ недѣли двѣ и сына ея лечила Петрова, ѣздившая вмѣстѣ съ нею на богомолье. Что за болѣзнь была у сына, свидѣтельница не знаетъ и даже не осматривала своего сына, съ цѣлью убѣдиться, въ чемъ состояла его болѣзнь, знаетъ только изъ его словъ, что онъ оскопленъ, но что такое оскопленіе — ей неизвѣстно. По пріѣздѣ въ Петербургъ, свидѣтельница долгое время не говорила своему мужу о несчастіи сына потому, что боялась, не сталъ бы онъ ее бранить; уже черезъ годъ, въ то время, когда она отправила своего сына съ какою-то женщиною отыскивать его оскопителя, мужъ сталъ спрашивать свидѣтельницу, куда дѣвался сынъ, и въ это время она должна была разсказать все дѣло. Гдѣ находится въ настоящее время ея сынъ, которому теперь 20 лѣтъ, и живъ ли онъ—свидѣтельница не знаетъ. Относительно возраста Василья Горшкова подсудимый показалъ, что не помнитъ, когда онъ родился, но что ему должно быть 24 года. Между тѣмъ, изъ паспорта, находящагося въ дѣлѣ и выданнаго въ 1871 году, видно, что Василью Горшкову 19 лѣтъ.

Свидѣтель Семеновъ показалъ, что съ подсудимымъ онъ въ фотографіи Штейнберга не былъ и при немъ подсудимый никакихъ портретовъ въ фотографіи не заказывалъ. Лично свидѣтель снимка съ портрета Селиванова не заказывалъ, и хотя онъ и скопецъ, но не знаетъ, что это былъ за человѣкъ. Относительно того, что по осмотру книгъ фотографа Кутилина въ нихъ значится, что свидѣтелемъ было заказано 4 большого формата снимка съ портрета,—Семеновъ заявилъ, что это, вѣроятно, ошибка и что онъ, кромѣ своихъ карточекъ, ничего другого не заказывалъ.

Подсудимый объяснилъ, что дѣйствительно онъ заказывалъ у фотографа Кутилина снимки съ портрета какого-то лица, которое явившійся съ нимъ въ фотографію купецъ Леоновъ выдавалъ за своего родственника. Невѣрова подсудимый знаетъ, какъ скопца, съ которымъ онъ никакихъ особыхъ отношеній не имѣлъ. Относительно словъ письма: «здѣшнія дѣла покуда хороши, а московскія изъ рукъ вонъ плохи», подсудимый показалъ, что писалъ объ этомъ Невѣрову по поводу дѣла Кудриныхъ въ Москвѣ и тѣхъ 65-ти чухонцевъ, которыхъ судили въ Царскомъ; писалъ же объ этомъ потому, что

Невѣрова, какъ скопца, это должно было интересовать. Что касается проѣзда чрезъ Молдавію и Валахію, то подсудимый заявилъ, что онъ поѣхалъ въ Іерусалимъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ, но на Черномъ морѣ его захватила буря и онъ долженъ былъ воротиться въ Одессу; проѣхалъ же Молдавіей и Валахіей потому, что хотѣлъ посмотрѣть, какъ живутъ европейскіе народы.

На судѣ было прочитано показаніе Невѣрова, въ которомъ онъ относительно найденнаго у него портрета Шилова говоритъ, что купилъ его въ Петербургѣ въ какой-то фотографіи за три рубля и купилъ потому, что онъ ему понравился. Относительно писемъ, найденныхъ у него и оказавшихся впослѣдствіи писанными подсудимымъ Горшковымъ, свидѣтель отозвался запамятованіемъ отъ кого они получены.

Рѣшеніемъ присяжныхъ подсудимый *оправданъ*.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Вашему суду преданъ подсудимый Григорій Горшковъ по обвиненію въ томъ, что, самъ не будучи скопцомъ въ физическомъ отношеніи, т. е. не будучи лишенъ своихъ дѣторождныхъ органовъ, но принадлежа духовнымъ образомъ къ сектѣ скопцовъ, вовлекъ въ эту секту своего сына и былъ не безучастенъ въ его оскопленіи. Не скрою отъ васъ, что, приступая къ исполненію лежащей на мнѣ обязанности поддерживать это обвиненіе, я чувствую всю трудность предстоящей мнѣ задачи. Трудность эта состоитъ не въ томъ, чтобы я сомнѣвался въ вашей справедливости, безпристрастіи, вниманіи и наконецъ сознаніи, что чѣмъ опаснѣе и неуловимѣе преступленіе, тѣмъ болѣе бдительно общество должно стоять противъ него на стражѣ. Нѣтъ! трудность эта вызывается тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производятъ вообще дѣла подобнаго рода, дѣла скопческія. Во всѣхъ скопческихъ дѣлахъ всегда господствуетъ одинъ общій элементъ — элементъ скрытности. Ничто здѣсь не высказывается вполнѣ, обо многомъ умалчивается или не договаривается,—благодаря недомолвкамъ концы легко прячутся въ воду, и правосудію приходится распутывать ихъ съ большимъ трудомъ, борясь со множествомъ препятствій и имѣя предъ собой свидѣтелей, которые не лгутъ прямо, но никогда не говорятъ прямо и правды. Это свойство скопческихъ дѣлъ существуетъ и въ настоящемъ случаѣ. Еслибы пришлось характеризовать бо́льшую часть показаній, данныхъ предъ вами, то можно смѣло надписать на нихъ только одни слова: «не знаю», «не помню». Всѣ ничего не знаютъ, всѣ ничего не помнятъ, начиная отъ г-жи Горшковой, которая не помнитъ, смотрѣла ли она, отъ чего страдаетъ и погибаетъ 11-ти лѣтній мальчикъ — ея сынъ, и кончая Горшковымъ, который не знаетъ, сколько его сыну лѣтъ и когда онъ родился. Вездѣ «не помню», вездѣ «не знаю»... Но эта трудность не помѣшаетъ намъ,

отбросивъ всю массу ненужнаго матеріала, остановиться на трехъ существенныхъ вопросахъ и, разрѣшивъ ихъ въ томъ или другомъ смыслѣ, или оправдать, или обвинить Горшкова. Я думаю, что его надо обвинить, такъ какъ отвѣты на эти вопросы должны быть въ пользу обвиненія. Вопросы эти слѣдующіе: 1) могъ ли Горшковъ не знать объ оскопленіи своего сына,—могло ли совершиться такое оскопленіе совершенно безъ его вѣдома, и справедливъ ли разсказъ сына Горшкова, что его оскопилъ солдатъ Масловъ? 2) Существуетъ ли между Григоріемъ Горшковымъ и скопчествомъ извѣстнаго рода нравственная связь,—или Григорій Горшковъ съ тѣмъ же естественнымъ чувствомъ брезгливости отворачивается отъ этой секты, съ какимъ, по словамъ его жены, онъ отворачивался даже отъ своего сына? и 3) если между Григоріемъ Горшковымъ и скопчествомъ есть нравственная связь и если безъ его вѣдома не могло совершиться оскопленіе его сына, то не было ли тутъ его содѣйствія или участія, не онъ ли вовлекъ сына въ скопчество и способствовалъ оскопленію его?

Прежде, однако, чѣмъ разрѣшить эти вопросы, я считаю нужнымъ указать на двѣ особенности настоящаго дѣла и въ краткихъ словахъ изложить предъ вами сущность скопчества. Первая особенность та, что предъ вами человѣкъ не оскопленный, и потому естественно въ васъ можетъ возникнуть сомнѣніе — какимъ же образомъ не принадлежащій къ скопчеству физически можетъ явиться его распространителемъ? Другая особенность этого дѣла та, что предъ нами нѣтъ потерпѣвшаго отъ преступленія. Быть можетъ, еслибы предъ нами былъ молодой Горшковъ, многое было бы въ этомъ дѣлѣ для насъ ясно. Поэтому—и для выясненія значенія этихъ особенностей необходимо прежде всего взглянуть поближе на скопчество.

Я не сомнѣваюсь, что вы знаете въ общихъ чертахъ, что̀ такое скопчество. У всѣхъ изъ насъ сложилось о немъ понятіе, какъ о такомъ ученіи, слѣдствіемъ котораго бываетъ нравственное и физическое искалѣченіе человѣка, доведеніе его до того физическаго и моральнаго убожества, въ какомъ вы видѣли здѣсь нѣкоторыхъ свидѣтелей. Но нужно обратиться къ сущности этого ученія. Скопчество развилось исключительно въ Россіи. Какъ прочно организованная секта, оно существуетъ только у насъ. Бываютъ отдѣльные случаи оскопленія и въ Европѣ, но они являются или какъ способъ, безжалостный и жестокій, создать особыя голосовыя средства у того, кого подвергаютъ въ малолѣтствѣ этой преступной операціи, или какъ восточный обычай евнушества, тѣсно связаннаго съ восточнымъ рабствомъ. Какъ ученіе, скопчество существуетъ только въ Россіи. Въ нашемъ отечествѣ, при господствѣ православной вѣры, существуетъ однако цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ сектъ или ученій. Одни изъ нихъ

отличаются только обрядовой стороной отъ строго-православнаго исповѣданія, а въ существѣ правильно относятся къ ученію церкви и евангелію. Но нѣкоторыя изъ ученій, несомнѣнно уклоняясь отъ правилъ церкви и искажая истинный смыслъ евангельскаго ученія, доходятъ до совершенно дикаго отрицанія существенныхъ и основныхъ законовъ природы. Такого ученія держится преимущественно скопчество. Это—даже не исключительно религіозное, а противуобщественное—ученіе возникло впервые и стало проповѣдываться въ концѣ прошлаго столѣтія Александромъ Шиловымъ, который подвергся наказанію и погребенъ въ Шлиссельбургѣ, гдѣ могила его считается скопцами священнымъ мѣстомъ. Какъ систематическое ученіе, какъ секта, правильно организованная и построенная на извѣстныхъ прочныхъ началахъ, скопчество явилось только въ царствованіе императора Александра I, когда проживалъ, преимущественно въ Петербургѣ, скопецъ Кондратій Селивановъ, человѣкъ неграмотный, но умный, хитрый и обладавшій весьма важнымъ свойствомъ для всякаго проповѣдника новаго ученія—настойчивостью и умѣньемъ подчинять себѣ окружающихъ людей. Исходя изъ ложно понимаемыхъ имъ текстовъ евангелія о соблазняющемъ окѣ и о томъ, какіе бываютъ скопцы,—толкуя ихъ не въ связи съ остальными мѣстами евангелія и извращая ихъ слишкомъ узкимъ матеріальнымъ толкованіемъ, онъ училъ, что человѣчеству было указано ученіемъ Спасителя не нравственное совершенство духа, а грубое искалѣченіе тѣла, какъ средство борьбы съ грѣхомъ,—что Спаситель освѣтилъ путь исправленія человѣчества именно такимъ образомъ.—Онъ училъ, что этотъ надлежащій путь исправленія состоитъ не въ воспріятіи высокаго ученія евангелія, которое заключается прежде всего въ любви къ ближнему, а въ стремленіи уйти отъ этого ближняго, удалиться и бѣжать отъ красоты, отъ «лѣпости» и бѣжать притомъ не нравственно, не стараясь бороться, а бѣжать малодушно, физически, посредствомъ изувѣченія самого себя. Далѣе, Селивановъ находилъ, что всѣ несчастія въ жизни происходятъ отъ половыхъ побужденій и что ихъ нужно пресѣчь въ самомъ ихъ корнѣ. Для этого онъ требовалъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они вели постническую жизнь, не пили вина, не ѣли мяса, старались удаляться отъ всякаго соблазна, отъ всякой «лѣпости» и, постепенно проходя всѣ степени скопческой іерархіи, садились бы сначала «на сѣраго коня» и принимали «малую печать», т. е. лишались бы ядеръ, а впослѣдствіи пріобрѣтали «большую печать», т. е. лишались бы вообще дѣторождныхъ органовъ. Принявъ «большую печать», послѣдователи Селиванова становились «убѣленными», грѣхъ не могъ ихъ болѣе коснуться, въ нихъ замирала всякая мысль о немъ, и они дѣлались «бѣлыми голубями» или «бѣлыми овцами». Это ученіе, несмотря на всѣ свои противуестественныя правила и за-

дачи,—нашло послѣдователей. Простота рекомендуемаго имъ способа борьбы съ грѣхомъ и вѣчнымъ осужденіемъ,—борьбы, не требущей постоянныхъ усилій и напряженія душевныхъ силъ, а лишь *одной* физической жертвы—имѣла особую привлекательность для робкаго ума неразвитыхъ людей. А ученіе Селиванова было направлено на неразвитую массу, которая не можетъ правильно толковать св. писаніе, слѣдуя только его буквѣ, а не духу. Изъ этой массы скопчество вербовало бо̀льшую часть своихъ приверженцевъ. Въ настоящее время послѣдователи Селиванова сплочены въ прочную массу, они слѣдуютъ вполнѣ наставленіямъ своего учителя, для нихъ этотъ учитель составляетъ верховнаго главу, намѣстника Бога, «Искупителя». Для нихъ онъ почти замѣняетъ Христа, для нихъ ликъ Божественнаго Страдальца, проповѣдывавшаго живую, всепрощающую любовь къ своему ближнему, отошелъ на задній планъ. Христосъ невполнѣ исполнилъ свою задачу, говорятъ они; Селивановъ—вотъ настоящій Христосъ, онъ не только царь небесный и искупитель, но—и на этомъ отразилось стремленіе русскаго народа въ концѣ прошлаго вѣка создавать самозванцевъ—онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Петръ III, который скрывался отъ преслѣдованій подъ именемъ Селиванова. Какъ императоръ Петръ III и какъ батюшка-искупитель, онъ соединялъ въ себѣ высшую духовную и свѣтскую власть. Правда, Селивановъ былъ преслѣдуемъ, послѣдователи его гонимы, но придетъ время, когда онъ вернется на землю къ своимъ «дѣтушкамъ» и водворитъ скопческое царство на Руси. Къ Селиванову сводится вся исторія скопчества, съ него она начинается и въ его жизни черпаетъ свой главный матеріалъ. У скопцовъ нѣтъ священныхъ книгъ, а все передается на словахъ. Отъ Селиванова, отъ его имени, отъ его страданій, подобно лучамъ расходится рядъ стихотворныхъ легендъ, такъ называемыхъ «распѣвовъ», въ которыхъ Петербургъ прославляется какъ Сіонъ, какъ «святой пресвѣтелъ градъ», Селивановъ—какъ мученикъ, пострадавшій за вѣру, и которые поются на сходбищахъ скопцовъ, называемыхъ радѣніями. Въ чемъ состоятъ эти радѣнія—это долго описывать въ подробности. Главнымъ образомъ, они заключаются въ томъ, что эти люди, такъ ложно понимающіе жизнь и ея требованія, сходятся вмѣстѣ, одѣваются въ длинные халаты, зажигаютъ свѣчи и, подъ пѣніе распѣвовъ, въ которыхъ воспѣваются «страды» Селиванова, начинаютъ быстро вертѣться въ одиночку, сходиться накрестъ, двигаться плечо съ плечомъ, кружиться рядами и приходить наконецъ въ сильнѣйшій экстазъ. Вертясь все быстрѣе и быстрѣе, они впадаютъ въ полубезсознательное состояніе, потъ льетъ съ нихъ ручьями, развѣвающаяся одежда иногда даже тушитъ свѣчи и тогда, посреди всеобщей усталости и полнаго душевнаго опьяненія, кто нибудь одинъ изъ сильно возбужденныхъ радѣющихъ начинаетъ

изрекать безсмысленную связь словъ, съ механическимъ подборомъ рифмъ, что̀ и составляетъ пророчество. Это состояніе опьяненія сами скопцы описываютъ очень характеристично: «то-то пивушко,—говорятъ они про радѣніе—человѣкъ и не тѣлесными устами пьетъ, а пьянъ живетъ».

Внутреннему содержанію скопчества—странному и дикому—соотвѣтствуетъ обрядовая сторона, выражающаяся и въ радѣніяхъ, и въ извѣстнаго рода обычаяхъ и символахъ, составляющихъ неразлучную принадлежность замкнутаго скопческаго житья. Ему соотвѣтствуетъ, къ сожалѣнію, въ большей и высшей степени и вся личная жизнь скопца. Извѣстно, что природа не прощаетъ нарушенія своихъ законовъ и давно уже высказана та истина, что человѣкъ, главнымъ образомъ, потому несчастливъ, что забываетъ про законы природы. Это выраженіе всего болѣе примѣнимо къ скопцамъ. Вслѣдъ за оскопленіемъ начинается измѣненіе оскопленныхъ въ физическомъ отношеніи: они хирѣютъ, въ нихъ перестаетъ обращаться съ прежней живостью кровь, лицо дѣлается блѣднымъ и опухлымъ, въ движеніяхъ видны безсиліе и усталость, является отсутствіе аппетита, прекращается всякая растительность на бородѣ и усахъ—однимъ словомъ, является совокупность тѣхъ признаковъ, которыми, по общему народному убѣжденію, характеризуется личность скопца. Поэтому мнѣ не зачѣмъ описывать типъ скопца,—онъ слишкомъ извѣстенъ, онъ слишкомъ опредѣленный типъ, чтобы нуждался еще въ какомъ либо описаніи. Произведенныя въ послѣднее время изслѣдованія надъ физическимъ состояніемъ скопцовъ,—преимущественно нашимъ извѣстнымъ ученымъ Неликаномъ,—показали, что даже самыя кости скопца измѣняются подъ вліяніемъ оскопленія, совершеннаго въ раннихъ лѣтахъ, что онѣ пріобрѣтаютъ размѣръ, гораздо ближе подходящій къ костямъ женщинъ. Вообще, приближаясь по своему виду къ женщинѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, скопцы утрачиваютъ и всѣ хорошія свойства мужчины. Такимъ образомъ, въ нихъ исчезаетъ мужество, прямодушіе, энергія, но при этомъ они не пріобрѣтаютъ и хорошихъ женскихъ свойствъ: въ нихъ нѣтъ ни мягкости характера, ни нѣжности, ни горячей любви, а все замѣняется сухостью въ обращеніи, крайней черствостью, отчужденіемъ отъ людей, сознаніемъ, что всѣ остальные люди имъ чужіе, что всѣ они стоятъ не на надлежащей дорогѣ,—сознаніемъ, что они отдѣлены отъ всѣхъ людей непроницаемой стѣной и что только въ помыслахъ объ искупителѣ Селивановѣ они могутъ находить утѣху. Среди «труждающихся и обремененныхъ», наполняющихъ общество, въ которомъ живутъ скопцы, они стараются пріурочивать себя къ такому дѣлу, при которомъ безъ особаго труда получаютъ возможность забирать въ руки людей нуждающихся и—копить деньги,—одну изъ немногихъ утѣхъ, оставшихся имъ въ

жизни. Занятіе ихъ преимущественно мѣняльная торговля и биржевыя операціи. Вы, конечно, знаете, что занятіе мѣняльной торговлей принадлежитъ, въ глазахъ народа, къ одному изъ присущихъ скопцамъ признаковъ. Жизнь ихъ — скучная, мрачная, сухая, черствая, безъ любви и ея радостей, — проходитъ въ занятіяхъ преимущественно мѣняльной торговлею и въ радѣніяхъ. Но иногда однообразіе этой жизни, и, къ сожалѣнію, довольно часто, нарушается явленіями радостными, свѣтлыми. Это пріемъ новыхъ членовъ въ секту.

Ни одна секта, какъ это замѣчено изслѣдователями нравственной стороны скопчества,— и въ этомъ они сходятся съ учеными изслѣдователями физической стороны скопчества,— ни одна секта не отличается такимъ страстнымъ стремленіемъ къ вербованію себѣ адептовъ, ни въ одной сектѣ не существуетъ такой радости, такого стремленія пожертвовать всѣмъ, чѣмъ можно, чтобы только пріобрѣсти лишняго человѣка и отнять его у дѣйствительной жизни. Для этого скопцы не останавливаются ни предъ чѣмъ: обѣщанія, ласки, подкупъ взрослыхъ, угрозы и насилія надъ малолѣтними и въ широкомъ смыслѣ пользованіе невѣжествомъ, неграмотностью, бѣдностью народа — все это пускается въ ходъ и служитъ для того, чтобы завербовать себѣ новыхъ товарищей по увѣчью. Эта-то сторона скопчества и представляется самою главною и опасною. До сихъ поръ не опредѣлено, да трудно и опредѣлить, что̀ руководитъ скопцами въ этомъ отношеніи. Едва ли можно думать, что одно только желаніе пріобщить другихъ къ предполагаемому «скопческому» вѣчному блаженству заставляетъ ихъ пріобрѣтать сообщниковъ. Я думаю, и этого же мнѣнія держатся многіе изслѣдователи скопчества, что здѣсь кроется болѣзненное желаніе видѣть около себя побольше такихъ людей, какъ они сами, съ которыми бы можно было раздѣлить тягости своего существованія, раздѣлить это отсутствіе всякихъ радостей, эту безцвѣтность жизни. Въ такихъ случаяхъ, какъ я сказалъ, скопцы выказываютъ замѣчательную дѣятельность и обыкновенно выдѣляютъ изъ себя извѣстную группу людей, которые преимущественно занимаются подобнаго рода дѣлами. Для того, чтобы явиться распространителемъ скопчества, чтобы привлекать въ скопческую ересь возможно большее количество людей изъ міра, нельзя быть скопцомъ вполнѣ: отъ скопца всякій будетъ сторониться. Скопецъ не можетъ, по самому существу своему, по своей отчужденности отъ міра, представить такъ живо, такъ заманчиво всѣ прелести скопчества, сопоставивъ ихъ съ огорченіями, причиняемыми житейскою «лѣпотою», не можетъ указать такъ ясно на тотъ вредъ, на ту опасность, которую представляетъ женщина. Для этого нуженъ человѣкъ, который самъ стаивалъ бы въ такомъ опасномъ положеніи,— такой человѣкъ съ бо̀льшей энергіей будетъ обращать въ скопчество, такой

совратитель подвергнется меньшей опасности, если онъ будетъ открытъ, потому что въ явно принадлежащемъ къ сектѣ всегда естественнѣе и предполагать, что онъ хочетъ распространять секту. Но когда онъ является неоскопленнымъ, тогда власть невольно призадумается,—явится мысль, что если человѣкъ самъ не вкусилъ скопчества, то зачѣмъ же онъ будетъ совращать другихъ въ эту ересь? Наконецъ, попадаютъ въ эту организацію по большей части люди бѣдные. Пріобщаясь къ скопчеству и получая на руки деньги—эти люди могутъ быть весьма полезными распространителями печальнаго ученія. Они неоскоплены, энергіи у нихъ поэтому много,—они бѣдны — и потому деньги могутъ послужить хорошимъ орудіемъ для обращенія ихъ въ рабство, во имя и во славу «батюшки-искупителя». Мнѣ могутъ сказать, что это только предположенія. Къ сожалѣнію, это не предположенія. Я думаю, что самъ защитникъ не откажется подтвердить, что на эту сторону указываютъ всѣ изслѣдователи скопчества. Наконецъ, лучше всего указываетъ на это самая жизнь. Мы знаемъ, что скопчество располагаетъ не только агентами, которые далеко не всѣ бываютъ оскоплены,—но мы знаемъ, что даже глава современнаго скопчества, который по вліянію равняется почти съ Селивановымъ, который былъ его преемникомъ въ этомъ отношеніи, извѣстный моршанскій купецъ Плотицынъ, скопившій милліоны, державшій въ своей власти цѣлый уѣздъ, глубокій и систематическій распространитель скопчества,—при освидѣтельствованіи оказался неоскопленнымъ. При обсужденіи скопческихъ дѣлъ всегда нужно имѣть въ виду, что въ средѣ скопчества бываютъ лица, которыя, вполнѣ раздѣляя это ученіе, страха ради іудейскаго или по тѣлесной слабости, не рѣшаются оскопиться, но дѣлаются только ревностными и хорошими проповѣдниками скопчества и они-то и представляются наиболѣе опасными членами этой секты.

Я кончилъ тотъ необходимый, краткій очеркъ, который хотѣлъ вамъ представить. Онъ, конечно, не полонъ, но основныя черты его, смѣю думать,—вѣрны. Мнѣ однако думается, что необходимо обратиться еще къ одной мысли, которая, можетъ быть, будетъ высказана въ вашей средѣ, г-да присяжные, при всестороннемъ обсужденіи настоящаго дѣла. Могутъ сказать, что преслѣдованіе сектъ, подобныхъ скопческой, является нарушеніемъ свободы совѣсти, что у человѣка, какъ бы онъ ни былъ связанъ съ государствомъ, какъ бы тѣсно ни соприкасался съ обществомъ, въ которомъ живетъ, должна быть извѣстная область душевной свободы, въ которую никто не имѣетъ права заглядывать и не долженъ вторгаться,—область, вступая въ которую, общество и государство должны складывать оружіе и являться, въ крайнемъ случаѣ, только наблюдателями. Могутъ сказать, что человѣкъ воленъ бороться съ грѣховными побужденіями тѣми средствами, которыя ему кажутся наи-

лучшими, лишь бы они не затрогивали интересовъ другихъ людей. Но, гг. присяжные засѣдатели, еслибы дѣло шло о преслѣдованіи тѣхъ 58 чухонъ, о которыхъ говорилось въ прочитанныхъ здѣсь письмахъ Горшкова, — тѣхъ, которыхъ неразуміе, невѣжество, нищета, бѣдность и скудость природы и тяжкія семейныя условія толкнули въ скопчество, которые сами не вѣдали, что̀ творятъ, давая себя оскопить, — то эти соображенія еще могли бы имѣть мѣсто, какъ призывъ къ особому снисхожденію къ жертвамъ фанатическаго заблужденія. Еслибы дѣло шло о зрѣломъ человѣкѣ, который сознательно и свободно, обдуманно и спокойно, по чувству искренней вѣры, оскопилъ себя — можно бы говорить объ этой неприкосновенной области и спорить относительно ея границъ. Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о *распространеніи* скопчества, о сознательномъ вовлеченіи въ эту секту слабыхъ людей, придавленныхъ судьбою или не обладающихъ здравымъ разумѣніемъ, тамъ слово «свобода совѣсти» является только громкимъ словомъ, которымъ можно злоупотреблять безъ всякой пользы для разъясненія дѣла. Притомъ, скопчество вовсе не является исключительно религіознымъ ученіемъ, противнымъ православію. На это уже достаточно указываетъ то, что оно одинаково распространяется не только между православными, но и между лютеранами — финнами. Оно является по способамъ своего распространенія, по средѣ, въ которой оно вербуетъ своихъ вольныхъ и невольныхъ приверженцевъ, ученіемъ противуобщественнымъ. Намъ извѣстно, что христіанство у скопцевъ на заднемъ планѣ, — напротивъ того, отчужденіе отъ ближняго, отпаденіе отъ общества, отрицаніе семьи, которая есть основаніе общества, — вотъ что̀ стоитъ на первомъ планѣ. Это ученіе скорѣе всего направлено противъ общества, а не противъ религіи.

Посмотрите, среди кого распространяется скопчество, на кого оно старается дѣйствовать. Опять я сошлюсь на этихъ 58 чухонъ, дѣло о которыхъ разбиралось въ петербургскомъ окружномъ судѣ два года назадъ. Вы знаете ту унылую, суровую и скудную природу, среди которой живутъ эти люди: кочковатыя болота, кривыя березы, мхи, жалкій климатъ — все это при экономической придавленности и неразвитости, при вопіющей нерѣдко бѣдности — ложится на нихъ тяжелымъ бременемъ, дѣлаетъ ихъ жизнь горькою. И вотъ тутъ, гдѣ религіозное развитіе слабо, гдѣ семья скорѣе тягость, чѣмъ утѣшеніе, является скопчество. Но развѣ оно рисуетъ имъ лучшую жизнь и счастіе? Нѣтъ, нисколько. Да этого и не нужно! Зачѣмъ говорить о будущемъ, какимъ его представляетъ Селивановъ, а не прямо указать на тѣ средства, которыя можно получить, если перейти въ скопчество, на возможность получить лошадь, корову, на возможность женѣ одѣться, дѣтямъ не голодать. И вотъ, совращеніе совершено. Затѣмъ посмотрите на другую среду, въ которой распространяется скопчество. Это —

дѣти, существа, которыя зависимы, неразвиты, нерѣдко ничего не понимаютъ. Они стоятъ въ полной зависимости отъ родительской власти, особенно при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена родительская власть въ низшемъ слоѣ населенія. Можно зачастую совершенно безопасно и невозбранно насиловать ихъ, вовлекая въ скопчество и губя ихъ еще не сложившуюся жизнь. Вотъ почему я полагаю, что не въ самооскопленіи, не въ принадлежности къ скопчеству, не въ этой жалкой приверженности къ скаканію и пѣнію рифмованнаго набора словъ состоитъ зло скопчества, а въ его силѣ распространенія, въ стремленіи его вербовать... Это и не мой только личный взглядъ. Наше высшее судебное учрежденіе, кассаціонный сенатъ, обратилъ вниманіе на скопческую секту и вотъ какъ онъ о ней говоритъ: «государство не можетъ допускать организаціи обществъ, употребляющихъ для достиженія своей цѣли средства, противныя нравственности и общественному порядку, хотя бы такія общества и прикрывались религіозными побужденіями; въ скопческой же ереси явно преобладаетъ противуобщественный элементъ, а элементъ религіозный представляетъ совершенное извращеніе не только православія, но христіанской вѣры вообще». Въ виду этихъ словъ высшаго судебнаго учрежденія, въ виду тѣхъ условій скопчества, на которыя я указалъ, мнѣ кажется, что возраженіе, будто распространенію скопчества не надо полагать твердыхъ предѣловъ, не имѣетъ правильнаго основанія. Обращаюсь собственно къ существу настоящаго дѣла.

Первый вопросъ по существу дѣла заключается въ томъ, *могъ ли Горшковъ не знать, что его сынъ оскопленъ?* Можно ли было это сдѣлать безъ его вѣдома и справедливъ ли разсказъ его сына? Полагаю, что разсказъ этотъ совершенно несправедливъ. Разберемъ, въ чемъ онъ состоитъ,—кстати разберемъ и разсказъ матери. «Пошли на богомолье, отсталъ, подошелъ неизвѣстный солдатъ, предложилъ пряникъ, я съѣлъ пряникъ, упалъ безъ чувствъ, проснулся — отрѣзаны ядра; пошелъ въ Курскъ, встрѣтилъ на рынкѣ мать; пріѣхавъ въ Петербургъ, отцу ничего не говорилъ, чрезъ два года поѣхалъ въ Курскъ, тамъ судился и, пріѣхавъ, привезъ отцу копію приговора». Вотъ сущность его разсказа. Но стоитъ немножко вдуматься въ операцію оскопленія, чтобы понять, что этотъ разсказъ неправдоподобенъ. Не говоря о томъ, что то, что разсказываетъ молодой Горшковъ курской уголовной палатѣ, невѣроятно съ физической стороны, оно невѣроятно и съ нравственной стороны. Оскопить такимъ образомъ человѣка вдругъ, ни съ того, ни съ сего—это невозможно. Оскопить человѣка для того только, чтобы оскопить, значитъ совершить дѣяніе безъ смысла и цѣли, даже со скопческой точки зрѣнія. Скопцы стремятся къ тому, чтобы пріобрѣсть людей, которые сознательно принадлежали

бы къ скопчеству или, по крайней мѣрѣ, выросли бы въ немъ. Поэтому, оскопленію чуждою рукою взрослаго человѣка всегда предшествуетъ извѣстное внутреннее соглашеніе, — всегда тотъ, кто оскопленъ, еще до оскопленія духовно сливался съ скопчествомъ,— но онъ былъ слабъ, онъ былъ нерѣшителенъ относительно «пріятія печати» и въ этомъ ему помогла посторонняя рука. Если же это дѣти, то, безъ сомнѣнія, рядъ внушеній, приказаній и принужденій предшествуетъ этому акту—безсмысленному и безчеловѣчному. Оскопить несчастнаго ребенка, накормивъ его какимъ-то пряникомъ, и затѣмъ потерять его изъ виду—развѣ не все равно, что отрѣзать человѣку носъ или отрубить руку во время сна? Вѣдь это будетъ только увѣчье, которое само по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ скопчества. Посмотрите на эту операцію съ физической стороны. Каждому лицу мужескаго пола извѣстно, какъ чувствительны половые органы, какъ мало-мальски сильный толчокъ въ нихъ причиняетъ жестокія боли, а болѣе сильный можетъ вызвать смерть. Всякое насиліе надъ этими органами должно причинять тяжкія страданія, всякій разрѣзъ, произведенный грубо и торопливо, долженъ произвести сильную потерю крови, привести человѣка въ ужасное нервное состояніе, долженъ почти совершенно парализировать его движенія. Сначала человѣкъ оскопленный не только не будетъ мочь идти, но долгое время будетъ на одномъ мѣстѣ истекать кровью и только чрезъ значительный промежутокъ времени будетъ имѣть возможность кое-какъ двигаться. Между тѣмъ, мы видимъ тутъ ребенка, мальчика, который на утро послѣ оскопленія всталъ и явился въ Курскъ. Онъ выздоровѣлъ такъ скоро, что чрезъ двѣ недѣли, а мать даже говорила—чрезъ одну недѣлю, его везутъ въ Петербургъ, и притомъ не по желѣзной дорогѣ, а со всѣми неудобствами былого времени, въ тарантасѣ или на перекладной до Москвы. По прибытіи его въ Петербургъ тамъ тоже никто не замѣчаетъ его страданій, никто не видитъ, что̀ съ нимъ сдѣлалось. Но припомните анатомическое строеніе половыхъ органовъ: сколько въ нихъ кровеносныхъ сосудовъ, какъ чувствительны эти органы. Если ужъ обыкновенная рана не рѣдко вызываетъ сильныя страданія, сопровождается большимъ истощеніемъ вслѣдствіе потери крови и заживаетъ медленно, то рана, нанесенная въ такую часть тѣла, гдѣ скопляются кровеносные сосуды, скоро, на другой день не заживетъ и не закроется. Поэтому и съ физической стороны заявленіе Горшкова несправедливо.

Заявленіе матери его еще менѣе правдиво. Эта мать, узнавъ изъ словъ сына, что его «испортили», не полюбопытствовала даже узнать, что̀ именно съ нимъ сдѣлалось, не занялась его леченіемъ, не разспросила его, а просто сказала какой-то неизвѣстной Пелагеѣ Ивановой, которая чѣмъ-то и примачивала Василію боль-

ное мѣсто. Но отчего же по пріѣздѣ въ Петербургъ она не заявила объ этомъ мужу? Отчего она не заявила никому на мѣстѣ? Вѣдь въ ней должно было прежде всего заговорить материнское чувство... Вѣдь тутъ на первомъ планѣ вредъ, болѣзнь, горе, причиненное сыну. Тутъ произошло лишеніе на всю жизнь одной изъ существенныхъ способностей, и она, женщина въ лѣтахъ, не могла этого не понимать. Она должна была быть лично огорчена и убита всѣмъ, сдѣланнымъ съ ея сыномъ. То, что произошло съ нимъ, въ самой вялой и апатичной матери, — если только она мать дѣйствительно,— должно было возбудить негодованіе, слезы... Она должна была идти въ полицію, жаловаться, заявить, тѣмъ болѣе, что все случилось тутъ же, около, на мѣстѣ. Допустимъ наконецъ, что она, какъ женщина, подъ вліяніемъ горя, потерялась, не нашлась, что сдѣлать. Но у нея есть мужъ, человѣкъ дѣловой, энергическій; онъ бывшій управляющій богатаго помѣщика, который имѣетъ связи, онъ пойдетъ къ нему, попроситъ помощи, содѣйствія, заступничества, подниметъ на ноги полицію, и тогда разыщутъ лихого человѣка, тогда за сына отмстятъ. Однако, она молчитъ предъ мужемъ. Она, по ея словамъ, боялась, что онъ забранитъ ее. За что же забранитъ? За то, что неизвѣстный человѣкъ оскопилъ ея сына, котораго оттѣснила отъ нея толпа на крестномъ ходу. Есть ли тутъ сколько нибудь здраваго смысла? Поэтому разсказъ Горшковой лживъ. Но такой разсказъ встрѣчается очень часто. Я нарочно здѣсь спрашивалъ одного изъ скопцовъ о томъ, какъ его оскопили, и онъ намъ разсказалъ такую же исторію, которая повторяется всѣми; это старая исторія, но въ устахъ скопцовъ она всегда остается новою. «Солдатъ шелъ... далъ напиться... упалъ... заснулъ... отрѣзалъ... не помню какъ... проснулся... пошелъ домой... никому не заявлялъ... боялся...» Разсказъ этотъ не такъ простъ, какъ кажется съ перваго раза, онъ является, результатомъ опредѣленной системы дѣйствій и отражается въ цѣломъ рядѣ судебныхъ приговоровъ старыхъ судовъ, что доказываетъ, напр., и дѣло Маслова, на которое я ссылался. Скопцы не могутъ страдать *всѣ* за участіе въ оскопленіи того или другого лица, имъ необходимо сплотиться и держаться крѣпче другъ за друга, для этого нужно принести одну, общую за всѣхъ, жертву, выставить кого нибудь одного изъ своихъ, и въ этомъ отношеніи у нихъ существуетъ особая система дѣйствій. Всякій изслѣдователь скопчества, всякій юристъ, знакомый съ дѣлами старыхъ временъ, скажетъ вамъ, господа присяжные, что по временамъ въ той или другой мѣстности Россіи, преимущественно въ Орловской или Курской губерніяхъ, появлялись люди, которые, заявляя, что они оскоплены, показывали на извѣстное лицо, которое иногда даже являлось вмѣстѣ съ ними и принимало на себя вину совершенія надъ ними оскопленія. По боль-

шей части это бывалъ какой нибудь отставной солдатъ, дотолѣ питавшійся подаяніемъ. Лицо это сажали въ острогъ, и тогда-то начинали слетаться со всѣхъ концовъ «бѣлые голуби», заявляя, что они были оскоплены, что ихъ оскопилъ при такихъ-то обстоятельствахъ какой-то неизвѣстный солдатъ. Обстоятельства эти всегда были одни и тѣ же. «Шелъ... напоилъ... оскопилъ... и т. д.». Имъ показывали содержавшагося въ острогѣ и онъ чистосердечно, иногда со слезами, сознавался, что дѣйствительно онъ оскопилъ всѣхъ этихъ лицъ. Скопцы эти прибывали цѣлыми массами, такъ что наконецъ цѣлое стадо этихъ «бѣлыхъ овецъ» собиралось вокругъ этого злого волка, который ихъ изувѣчилъ... Его ссылали въ Сибирь, а ихъ, какъ невинно оскопленныхъ, оправдывали. Эту систему можно съ очевидностью прослѣдить по дѣлу Маслова. Оно началось въ 1865 году. 16-го марта 1865 года къ судебному слѣдователю города Курска явились три лица и заявили, что они оскоплены солдатомъ Масловымъ; вмѣстѣ съ ними явился и самый солдатъ Масловъ и сказалъ, что дѣйствительно онъ оскопилъ этихъ лицъ. Если вы будете перелистывать это огромное, лежащее нынѣ предъ вами, старое дѣло, то увидите постоянное повтореніе одного и того же протокола: явился такой-то, заявилъ, «что оскопленъ Масловымъ, Масловъ сознался въ томъ, что дѣйствительно оскопилъ это лицо», затѣмъ новоявившагося свидѣтельствовали, нашли малую печать,— отдали на поруки и т. д. Потомъ являлся другой, третій, и всего набралось—114 человѣкъ!! Ихъ всѣхъ въ промежутокъ года съ небольшимъ успѣлъ оскопить, по собственному признанію, Масловъ... Такимъ образомъ, набравъ на себя грѣхи 114 скопцовъ, онъ отправился въ Сибирь,— не пострадавъ сильнѣе отъ этого принятія на себя не одного, а цѣлой сотни оскопленій потому, что наказаніе за оскопленіе полагается одно и то же, не взирая на число оскопленныхъ. Всѣ заявлявшія лица сдѣлались свободными отъ суда и получили въ томъ удостовѣреніе. Въ числѣ этихъ лицъ былъ Василій Горшковъ. Людей въ родѣ Маслова было въ послѣдніе годы нѣсколько. Предъ Масловымъ былъ въ томъ же Курскѣ Черновъ или Черныхъ, на котораго, какъ на оскопителя, сегодня предъ вами сослался одинъ изъ свидѣтелей скопцовъ. Онъ повинился, по вышеприведенному способу, въ 106 оскопленіяхъ; — Маслова смѣнилъ нынѣ въ курскомъ острогѣ новый великодушный охранитель интересовъ скопчества — Ковыневъ. Такимъ образомъ, разсказъ Василія Маслова представляется совершенно соотвѣтствующимъ этой системѣ.

Тѣхъ ссылокъ, которыя я сдѣлалъ на дѣло Маслова, достаточно для того, чтобы признать, что разсказъ Василія Горшкова и матери его несправедливъ. Тогда остается одинъ выводъ: онъ оскопленъ не Масловымъ и оскопленъ не при матери, въ Курскѣ. Но если такъ, то гдѣ же онъ оскопленъ? Ему было 11 лѣтъ,—онъ только разъ отлучался съ

матерью въ Коренную пустынь, а все время жилъ въ Петербургѣ, при отцѣ. Нельзя же допустить, чтобы 11-ти лѣтній мальчикъ отлучался одинъ на долгое время изъ Петербурга. Вы слышали изъ обвинительнаго акта, что, по словамъ Горшкова, онъ первоначально узналъ объ оскопленіи сына тогда лишь, когда сынъ предъявилъ ему приговоръ палаты, т. е. въ 1866 году. Здѣсь на судѣ онъ измѣнилъ это показаніе и говоритъ, что онъ узналъ объ этомъ отъ жены, когда сынъ ушелъ съ Пелагеею искать «того человѣка». Это измѣненіе совершенно понятно, потому что иначе ему пришлось бы утверждать, что сынъ его, 13-ти лѣтній ребенокъ, безъ вѣдома отца ѣздилъ одинъ въ курскую уголовную палату для выслушанія приговора и дачи показанія. Но слишкомъ несообразно съ здравымъ смысломъ допустить, чтобы 13-ти лѣтній ребенокъ одинъ поѣхалъ въ Курскъ выхлопатывать себѣ обвинительный или оправдательный приговоръ. Василій Горшковъ все время до полученія приговора и потомъ года три жилъ въ Петербургѣ и жилъ при отцѣ. Это мы знаемъ изъ дѣла и изъ свидѣтельскихъ показаній. Но если онъ не оскопленъ въ Курскѣ, то онъ нигдѣ не могъ быть оскопленъ кромѣ Петербурга.

Если допустить, что его оскопили въ Курскѣ, то невольно приходится спросить себя — какъ могло укрыться отъ отца, что онъ оскопленъ, что онъ, особенно первое время по пріѣздѣ изъ Курска, страдаетъ? Какъ онъ могъ скрыть это отъ отца, съ которымъ жилъ,—отъ тѣхъ дѣтей, съ которыми бѣгалъ, какъ могъ онъ скрыть это въ банѣ, въ которую являлся съ отцомъ? Это невозможно. Онъ не могъ бы скрыть слѣды заживавшей раны, не могъ бы скрыть ту неровную походку, которая присуща скопцамъ. Мы должны предположить отсутствіе у отца его всякой наблюдательности, всякаго вниманія къ сыну, всякаго отцовскаго чувства, когда онъ не замѣчаетъ, что у малолѣтняго сына, при наступленіи зрѣлости, голосъ не становится мужественнымъ, а дребезжитъ и дѣлается скопчески-пискливъ, когда онъ не замѣчаетъ, что вмѣсто того, чтобы возрастая, румянѣть и цвѣсти, сынъ дѣлается хилъ, вялъ и худѣетъ, что глаза его не блестятъ, походка шатка и неровна и, наконецъ, что у сына нѣтъ ни дѣтской веселости, ни шалостей, ни юношескаго задора. Всего этого отецъ не могъ не замѣтить, а если онъ не могъ этого не замѣтить, то онъ и не могъ не знать, что сынъ его оскопленъ. Если же мы допустимъ, что онъ не могъ этого не знать и признаемъ, что сынъ былъ оскопленъ не въ Курскѣ, то слѣдуетъ признать, что совершить оскопленіе 11-ти лѣтняго сына богатаго и энергическаго человѣка въ Петербургѣ невозможно безъ вѣдома этого человѣка. Какъ можно, безъ вѣдома отца, нравственно оторвать ребенка отъ семьи и внѣдрить въ него скопческія мысли,— какъ можно оскопить его, — незамѣтно, неслышно для отца? Таковъ отвѣтъ на первый вопросъ.

Притомъ мы знаемъ изъ показаній Васильева, данныхъ здѣсь на судѣ, вдали отъ маіора Ремера, котораго онъ будто бы такъ боялся прежде и—вблизи отъ присяги, которой онъ такъ боится теперь,— что малолѣтній Горшковъ проговаривался, что онъ оскопленъ и говорилъ что-то такое о распѣвцахъ и о радѣніяхъ. Но если онъ зналъ о радѣніяхъ, то значитъ онъ ихъ и посѣщалъ. Но могъ ли 12—13-ти лѣтній ребенокъ посѣщать радѣнія, которыя бываютъ ночью,—безъ вѣдома отца, потихоньку, самовольно? Могъ ли отецъ не знать о томъ, что сынъ испыталъ, что̀ такое радѣніе?!

Второй вопросъ состоитъ въ томъ: *чуждъ ли Григорій Горшковъ скопческой сектѣ?* дѣйствительно ли онъ относится къ ней съ тѣмъ отвращеніемъ, съ какимъ, по словамъ жены, относился къ своему сыну, узнавъ, что его оскопили... Я думаю, что если мы посмотримъ хорошенько на дѣло, то найдемъ въ немъ нѣсколько такихъ краснорѣчивыхъ фактовъ, изъ которыхъ съ ясностью увидимъ, что этотъ Горшковъ, который чуждается скопчества и гнушается родного сына, является ревностнымъ комиссіонеромъ скопцовъ, внимательнымъ корреспондентомъ ихъ, что онъ имъ сочувствуетъ и принимаетъ ихъ судьбы близко къ сердцу, однимъ словомъ— лицомъ, которое въ своей дѣятельности близко подходитъ къ скопцамъ. Вы знаете исторію скопчества. Здѣсь находится портретъ Александра Шилова, который считается предтечей «искупителя» Селиванова. Портретъ этотъ есть святыня скопчества, скопцы его чтутъ какъ образъ, какъ предметъ священный, и такъ какъ у нихъ стараются отбирать подобные портреты, то полученіе его для своего дома для скопца составляетъ извѣстнаго рода цѣнное пріобрѣтеніе. И вотъ, мы видимъ, что заказывать такой портретъ является Григорій Горшковъ. Хотя сначала Горшковъ отрицалъ это обстоятельство, но потомъ, когда ему были предъявлены заказныя книги, когда Кутилины уличили его въ глаза, то онъ сознался, что заказывалъ такой портретъ. Такой же точно портретъ со штемпелемъ Штейнберга найденъ въ Казанской губ., въ Кадникахъ, у штурманскаго штабсъ-капитана Невѣрова. Вы слышали здѣсь протоколъ допроса Невѣрова. Я думаю, что изъ этого допроса рисуется личность скопца отъ головы до ногъ. Тутъ все скопческое: и его исторія, которая состоитъ въ томъ, что на него постоянно и повсюду доносили, что онъ скопилъ мальчиковъ,—и въ томъ, что онъ самъ донесъ на умершую уже мать свою, обвиняя ее въ своемъ оскопленіи,—и та обстановка, которая его окружаетъ. Эта обстановка очень характеристична: тутъ и сухіе крендельки, тщательно сберегаемые, которые нѣкоторыми изслѣдователями скопчества считаются скопческимъ причастьемъ, тутъ и сухая земля, будто бы для протиранія очковъ, тоже внимательно хранимая, тутъ и всевозможныя скопческія картины и книжки,— и «распѣвцы», и выписки изъ

исторіи скопчества изъ 8 тома исторіи раскола Варадинова, тутъ, наконецъ, портретъ Петра III, котораго скопцы отождествляютъ съ Селивановымъ... Посреди этой обстановки 70-ти лѣтній скопецъ. У этого лица находятъ портретъ Шилова, который, по его словамъ, онъ купилъ въ Петербургѣ въ 1850 году, а можетъ быть и въ 1860 году, въ какой-то фотографіи за 3 р. сер., потому что этотъ портретъ ему понравился. Изъ собственнаго его показанія видно, въ какой обстановкѣ онъ живетъ, какъ скупо обставилъ онъ себя, какъ бережетъ онъ разорванный, замасленный кошель, въ который, «неизвѣстно откуда», попали вата и узда. Мы знаемъ, что онъ, 70-ти лѣтній болѣзненный старикъ, еще ищетъ въ Казани работы по постройкѣ баржъ... Неужели такой человѣкъ броситъ 3 р. за портретъ неизвѣстнаго лица? Да и чѣмъ же ему понравился этотъ портретъ? Вѣдь Кутилинъ очень оригинально говоритъ, что онъ взялъ со Скворцова дороже, потому что портретъ былъ *очень отвратителенъ!* Вы видѣли портретъ — и признаете, что особой привлекательности онъ не представляетъ. Зачѣмъ же, наконецъ, онъ пошелъ въ фотографію къ художнику Штейнбергу? Почему онъ знаетъ, что въ этой фотографіи есть такой портретъ? И зачѣмъ Штейнбергъ будетъ держать для продажи подобные портреты? Много ли такихъ Невѣровыхъ, которымъ можетъ нравиться такая отвратительная, по мнѣнію Кутилина, картина? Скорѣй всего онъ долженъ былъ купить такой портретъ потому, что зналъ, чей онъ. Но Кутилины говорятъ, что у нихъ Невѣровъ не бывалъ и что не Невѣровъ взялъ портретъ, а Горшковъ. Итакъ, между Невѣровымъ и Горшковымъ образуется связь посредствомъ портрета «предтечи» Шилова. Горшковъ, а не кто иной, могъ доставить Невѣрову этотъ портретъ. Такимъ образомъ, Горшковъ посылаетъ святыню, чтимую скопцами, «вѣдомому» скопцу Невѣрову, и падаетъ этому скопческому старцу «земно въ ноги со всею семьею своею», въ то время, когда сынъ его долженъ жить вдали отъ дома, въ отчужденіи отъ семьи, потому что Горшковъ гнушается его, презирая скопцовъ... Это первое. Далѣе—Горшковъ старается оправдаться, указывая на то, что хотя онъ и заказывалъ портретъ, но заказывалъ его въ качествѣ снимка, въ качествѣ копіи съ портрета родственника одного изъ знакомыхъ своихъ Леонова, и по его порученію. Но это объясненіе неудачно. Онъ ссылается на человѣка, который умеръ за годъ предъ этимъ. Ссылка на мертваго свидѣтеля всегда есть мертвая ссылка. И затѣмъ, на кого же онъ ссылается? Кто же этотъ Леоновъ? — Тоже скопецъ. Не странно ли, что человѣку, который не имѣетъ ничего общаго съ скопчествомъ, даются такія важныя порученія, исполненіе которыхъ имѣетъ для скопцовъ особое значеніе, потому что портретопочитаніе развито въ ихъ сектѣ очень сильно. Не странно ли, что скопецъ Леоновъ заказываетъ чрезъ Горшкова

портретъ своего родственника и портретъ этотъ находится у скопца Невѣрова, который состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Горшковымъ? Почему скопцы собираются въ лавку къ Горшкову и, смотря на портретъ, говорятъ: «да, это онъ!» Почему у него сходится это общество и устраивается эта временная выставка священной картины? Вѣдь онъ ничего общаго съ скопцами не имѣетъ. Онъ говоритъ, что его сталкивали съ ними торговыя дѣла. Да, но когда человѣкъ сталкивается съ другими—ему ненавистными—людьми вслѣдствіе торговой дѣятельности, то онъ ею только и ограничивается. Вѣдь не торговыя дѣла заставляютъ Горшкова посылать портреты и не по торговымъ дѣламъ онъ ѣздилъ въ Константинополь и переписывался съ Невѣровымъ. Да и какія торговыя дѣла могъ имѣть онъ съ бѣднымъ, отставнымъ штурманомъ, проживающимъ въ Кадникахъ? Итакъ, Горшковъ окруженъ скопцами, онъ является исполнителемъ ихъ порученій, не простыхъ, какъ, напр., покупка сахару или отсылка 10 рублей, а такихъ порученій, какъ воспроизведеніе и отсылка скопческой святыни. Что Горшковъ зналъ, что это дѣйствіе даже не совершенно безопасно, это намъ также извѣстно. Онъ сдѣлалъ выговоръ г-жѣ Кутилиной, когда она пріѣхала къ нему получать деньги, замѣтивъ ей, что нельзя посылать такую важную вещь съ человѣкомъ, а когда этотъ человѣкъ принесъ ему наканунѣ портретъ, то онъ сказалъ, что ничего не заказывалъ и что если г-жа Кутилина имѣетъ до него какое нибудь дѣло, то пускай сама пріѣдетъ къ нему.

Такимъ образомъ, Горшковъ является исполнителемъ опасныхъ, повидимому, порученій скопцовъ и, слѣдовательно, самъ подвергается изъ-за нихъ опасности,— изъ-за нихъ — изъ-за губителей своего сына! Посмотрите на его письма. Они чрезвычайно характеристичны, вездѣ въ нихъ проглядываетъ рабское отношеніе къ «почтенному старцу» Невѣрову; въ нихъ Горшковъ не просто сообщаетъ новости, а доноситъ о положеніи дѣлъ. Какъ истинный послѣдователь скопчества, онъ говоритъ въ нихъ далеко отсутствующему скопческому старцу, что «предстоитъ перемѣна погоды и очень скоро, потому что въ Москвѣ дѣла худы, а у насъ пока спокойно, но Богъ знаетъ, что̀ будетъ дальше; вотъ въ Царскомъ Селѣ 65 чухонъ осудили старыхъ и малыхъ,— добра ожидать нечего». — Наконецъ онъ сообщилъ, куда онъ ѣздилъ: «ѣздилъ въ Одессу, Кіевъ и дальше, побывалъ и въ Константинополѣ, чтобы посмотрѣть на *тѣхъ людей*, на тотъ конецъ, если кому изъ нашихъ придется тамъ жить». Кто же это *тѣ люди?* Мы знаемъ, что въ Молдавіи и Валахіи есть колонія русскихъ скопцовъ,— что еще въ прошломъ году въ газетахъ писалось о томъ, какое негодованіе возбуждало въ румынскомъ народѣ распространеніе скопчества въ его средѣ. Время поѣздки и краткость

его ничего не значатъ. Чтобы посмотрѣть, *какъ живутъ*, не нужно изучать всѣ подробности. Если кто нибудь изъ близкихъ живетъ въ другой странѣ, то не для чего узнавать всѣ подробности его быта, а достаточно воспользоваться иногда проѣздомъ, задать при краткомъ свиданіи вопросъ: «что, братія, какъ живется, хорошо ли, легко ли, свободно ли?». И если братія единомысленна, то и краткій отвѣтъ съ ея стороны будетъ удовлетворителенъ. Что хорошо для *тѣхъ людей* въ Румыніи, то будетъ хорошо для тѣхъ же людей, которые, въ случаѣ надобности, прибудутъ изъ Россіи. Итакъ, гг. присяжные засѣдатели, вотъ каковъ Горшковъ въ отношеніяхъ своихъ къ скопчеству. Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторые побочные признаки принадлежности къ сектѣ, мелкіе, почти неуловимые, какъ, напр., неупотребленіе мясной пищи во всемъ домѣ Горшкова, о чемъ единогласно говорили свидѣтели, какъ вы слышали изъ ихъ показаній, прочтенныхъ предъ вами. Если вы взглянете на этотъ домъ, — безлюдный и мрачный, — гдѣ не ѣдятъ мяса, гдѣ служатъ сестры скопцовъ, гдѣ прозябаютъ придавленная страхомъ и трепетомъ жена и оскопленный сынъ — и въ пользу хозяина котораго являются свидѣтельствовать съ своимъ вѣчнымъ «не помню» и «не знаю» свидѣтели, всѣ служащіе у него, — то, быть можетъ, вы признаете существованіе скопческаго оттѣнка и на внутреннемъ бытѣ Горшкова.

Отвѣтъ на второй вопросъ мнѣ кажется можетъ быть только одинъ. Горшковъ тѣсно связанъ со скопчествомъ, онъ сочувствуетъ ему, боязливо слѣдитъ за его судьбою и находится въ тѣсныхъ, живыхъ и прочныхъ сношеніяхъ со скопцами. Вѣрный исполнитель ихъ важныхъ порученій, онъ служитъ въ своихъ письмахъ для отсутствующихъ скопцовъ точнымъ барометромъ, который показываетъ, когда на скопческомъ небѣ «облачно» и когда предстоитъ «перемѣна погоды». Комиссіонеръ, корреспондентъ и другъ скопцовъ, — мѣняла по занятіямъ — онъ въ то же время отецъ сына, оскопленнаго въ малолѣтствѣ...

Теперь остается разрѣшить третій вопросъ. Если этотъ человѣкъ таковъ, какимъ онъ представляется по его дѣйствіямъ, то *могло ли оскопленіе его сына произойдти безъ его вѣдома и содѣйствія?* Если разсказъ сына объ оскопленіи, какъ я старался доказать, ложенъ, то онъ зналъ, *какъ* былъ оскопленъ его сынъ. Еслибы онъ не былъ скопецъ въ душѣ, то онъ навсегда бы, съ негодованіемъ, отвернулся отъ окружавшихъ его скопцовъ. Если въ одинъ прекрасный день малолѣтній сынъ Горшкова, постоянно проживавшій при отцѣ въ Петербургѣ, оказывается оскопленнымъ; если разсказъ его объ оскопленіи неправдоподобенъ; если отецъ его не ропщетъ, не жалуется, — не негодуетъ на то, что его сынъ навѣки «испорченъ»; если онъ поддерживаетъ тѣсную связь съ лицами, изъ среды которыхъ вы-

шли губители его сына; если, нимало не заботясь о судьбѣ исчезнувшаго сына, онъ такъ интересуется *тѣми людьми* и скорбитъ о предстоящихъ скопчеству опасностяхъ, — то мы можемъ сказать, что этотъ человѣкъ пожертвовалъ своимъ сыномъ для скопческаго дѣла. Для этого, для такого содѣйствія скопчеству, вовсе не нужно самому приложить ножъ къ тѣлу сына—это было бы слишкомъ ужасно—достаточно, пользуясь своимъ отеческимъ положеніемъ—обѣщаніями, ласкою, угрозами, гнѣвомъ подѣйствовать на слабую, неопытную натуру мальчика, подчинить его безсознательную голову своей волѣ и предать его скопцамъ, готоваго и нравственно-убѣленнаго для принятія малой печати, ни значенія, ни послѣдствій которой онъ не могъ понимать! Такимъ образомъ, я думаю, что одного этого свода соображеній было бы достаточно для признанія Горшкова виновнымъ въ совращеніи сына своего въ скопчество и въ содѣйствіи его оскопленію. Но есть еще другое обстоятельство, подтверждающее то же обвиненіе. Сынъ Горшкова исчезъ, и гдѣ онъ находится—неизвѣстно, исчезъ безслѣдно, быстро. Но когда же онъ исчезъ? Вскорѣ послѣ его оскопленія, послѣ леченія? Нѣтъ, онъ жилъ послѣ этого съ отцомъ и ежедневно бывалъ въ его лавкѣ восемь лѣтъ, не думая исчезать. Онъ исчезъ въ то время, когда въ началѣ марта прошлаго года у судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, — по сообщеніямъ, которыя были получены имъ изъ разныхъ мѣстъ, началось дѣло о скопцахъ. Дѣло это принимало широкіе размѣры, и Горшковъ не могъ не сознавать, что и ему можетъ грозить опасность; его имя еще не упоминалось, но вотъ-вотъ оно упомянется. Между тѣмъ, извѣстный изслѣдователь скопчества,— слѣдователь Реутскій, разъѣзжалъ по всей Россіи, сосредоточивая воедино скопческія дѣла и, бывъ у Невѣрова, производилъ у него обыскъ. При тѣхъ постоянныхъ сношеніяхъ, въ которыхъ находятся скопцы между собою, Горшковъ, конечно, зналъ объ этомъ, зналъ о портретѣ Шилова, — могъ предвидѣть, что его спросятъ, — возьмутся за его оскопленнаго сына и въ немъ, пожалуй, найдутъ грознаго обличителя отца... И вотъ сынъ его начинаетъ, съ начала слѣдствія, отлучаться подолгу изъ дому, не ночуя и гдѣ-то скитаясь, а наконецъ тогда, когда Горшкова 8 апрѣля призываютъ къ допросу, когда его привлекаютъ къ дѣлу, сынъ его исчезаетъ. Но отчего же онъ исчезаетъ? Развѣ онъ боится за себя, что и его привлекутъ? Но онъ оправданъ, его оскопилъ Масловъ, онъ несчастный, а не виновный человѣкъ. Слѣдовательно, за себя ему бояться нечего и не себя онъ спасаетъ своимъ бѣгствомъ, своимъ исчезновеніемъ изъ Петербурга и, вѣроятно, изъ Россіи. Онъ былъ спасаемъ, можетъ быть, противъ воли. Кому интересъ въ его исчезновеніи? Интересъ его отцу, потому что когда не будетъ этого человѣка, тогда можно во многомъ не сознаваться; когда не бу-

детей того, который въ отчаяніи могъ сказать на судѣ своему отцу: «да, благодаря тебѣ меня оскопили, ты увлекъ меня такими-то обѣщаніями, такими-то угрозами» и т. д.;—когда на судѣ будутъ только однѣ безкровныя, блѣдныя фигуры явныхъ и тайныхъ скопцовъ и скопчихъ; когда они будутъ только говорить «не знаю», «не помню»,—тогда Горшкову будетъ легче оправдаваться, чѣмъ при сценѣ, котораго скопческій видъ тяжкимъ укоромъ ляжетъ на немъ. Поэтому исчезновеніе,—безслѣдное, неожиданное и совпадающее съ начатіемъ дѣла о Горшковѣ, является новою противъ него уликою.

На основаніи всего, что я изложилъ предъ вами, гг. присяжные засѣдатели, я обвиняю Горшкова въ томъ, что онъ совратилъ своего сына въ скопчество и содѣйствовалъ его оскопленію.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать только нѣсколько словъ. Говорить о важности преступленія распространенія скопчества мнѣ нечего. Всякое вредное заблужденіе важно; когда же это вредное заблужденіе распространяется человѣкомъ, у котораго въ рукахъ относительно дѣтей власть родительская, а относительно прочихъ слабыхъ духомъ, несчастныхъ, голодныхъ и неразвитыхъ людей, которые его окружаютъ,—власть денежная, то оно становится не только важнымъ, но и опаснымъ. Защищая своихъ слабыхъ сочленовъ, общество должно ставить такому заблужденію препоны. Говорить о нравственной сторонѣ настоящаго дѣла тоже едва ли нужно. Я думаю, гг. присяжные засѣдатели, что вы, люди практической жизни, легко себѣ представите, что долженъ чувствовать тотъ человѣкъ, у котораго въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ отнята надежда на жизнь сообразно съ законами природы. Вы поймете, какъ тяжела судьба человѣка, который искалѣченъ и нравственно, и физически и притомъ помимо яснаго и свободнаго желанія,—для котораго нѣтъ уже возврата назадъ, нѣтъ возможности исправить нанесенный ему вредъ и который можетъ только оплакивать свое несчастье. Я полагаю, что вамъ станетъ ясно, какое злое дѣло совершилъ Григорій Горшковъ надъ своимъ сыномъ.

Онъ исказилъ его природу, онъ отторгнулъ сына отъ людей, онъ вложилъ въ его сердце скопческое отвращеніе отъ всего живого. Онъ лишилъ сына семьи и ея чистыхъ радостей,—онъ отнялъ у него то, чѣмъ однако считалъ себя въ правѣ самъ обладать: отнялъ счастіе быть отцомъ. Разбивъ его будущность и обезобразивъ тѣло — онъ пустилъ его на одинокое и безвѣстное скитаніе...

Человѣкъ, который все это сдѣлалъ, предъ вами, гг. присяжные засѣдатели, и вамъ предстоитъ рѣшить его судьбу...

VIII.

По дѣлу объ убійствѣ Филиппа Штрамъ.

1871 года, 11-го сентября, въ 2 часа пополудни, полиціи дано было знать, что въ домѣ Ханкиной, по Средней Подъяческой улицѣ, на чердакѣ, принадлежащемъ квартирѣ № 4, вновь переѣхавшими въ эту квартиру жильцами усмотрѣнъ сундукъ, заложенный кусками гипса, запертый висячимъ замкомъ и издававшій сильный гнилостный запахъ.

По прибытіи въ домъ Ханкиной судебныхъ властей и полиціи оказалось, что квартира № 4, находится во дворѣ во второмъ, верхнемъ этажѣ, и состоитъ изъ трехъ комнатъ, кухни и корридора, раздѣленныхъ между собою тонкими досчатыми стѣнками. Квартира имѣетъ одинъ ходъ: черезъ кухню. Въ комнатѣ направо отъ кухни имѣется ходъ на чердакъ, принадлежащій исключительно къ этой квартирѣ и другого выхода не имѣющій. На чердакѣ найденъ деревянный сундукъ, а въ немъ сильно сгнившій трупъ неизвѣстнаго пожилого мужчины. Трупъ лежалъ на лѣвомъ боку, съ согнутыми въ колѣнкахъ и прижатыми къ передней части туловища ногами. Голова и туловище были обернуты простынею, шея крѣпко стянута ремнемъ; другой ремень, привязанный къ первому, обхватывая ноги, притягивалъ ихъ вверхъ. Трупъ былъ одѣтъ въ сгнившую и лопнувшую по швамъ одежду въ видѣ камзола, а на днѣ сундука лежалъ старый, грязный сюртукъ. Близь сундука найдена наволочка отъ перины съ кровяными пятнами. При врачебномъ осмотрѣ и вскрытіи, на головѣ трупа оказались три порубленныя раны, проникавшія сквозь черепныя кости. Одна изъ этихъ ранъ находилась на правой темянной кости, другая параллельно первой, на правой щекѣ, а третья шла отъ праваго уха вверхъ къ лобной кости. На тыльной поверхности кисти правой руки трупа находилась также порубленная рана, сопровождавшаяся раздробленіемъ трехъ костей. По заключенію судебнаго врача, смерть произошла отъ безусловно смертельныхъ ранъ на головѣ, и со времени убійства прошло отъ 3 до 6 недѣль. По соображеніи свойства поврежденій, найденныхъ на трупѣ, врачъ заключилъ, что всѣ раны, какъ на головѣ, такъ и на рукѣ трупа, нанесены однимъ и тѣмъ же орудіемъ, именно топоромъ, что на трупѣ не оказывается признаковъ сопротивленія, и что, наконецъ, шея была затянута ремнемъ уже послѣ смерти.

Подозрѣніе въ убійствѣ пало при самомъ началѣ слѣдствія на жену ревельскаго уроженца Елизавету Штрамъ и сына ея, мѣщанина Александра-

Филиппа Штрамъ. Семейство это, пользовавшееся дурною репутаціею, занимало квартиру № 4 до 18 августа 1871 года, причемъ съ 7-го августа въ квартирѣ не было посторонннихъ жильцовъ. При осмотрѣ трупа, дворникъ Ефимъ Ивановъ призналъ въ убитомъ—старика, часто посѣщавшаго Штрамъ, но съ начала августа болѣе не появлявшагося. По собраннымъ въ полиціи свѣдѣніямъ оказалось, что 10 августа все имущество Штрамъ было продано по исполнительному листу мирового судьи, а въ ночь съ 12 на 13 августа Александръ Штрамъ и личный почетный гражданинъ Эммануилъ Скрыжаковъ были задержаны полиціею съ книгою чековъ Общества Взаимнаго Кредита и девятью векселями на имя ревельскаго уроженца Филиппа Штрамъ. При слѣдствіи фортепіанный мастеръ Іоаннъ Тобіасъ удостовѣрилъ, что отобранные отъ Александра Штрамъ, при задержаніи его, векселя и книга чековъ принадлежатъ двоюродному его брату, ревельскому уроженцу, учителю Филиппу Штрамъ, и что онъ положительно признаетъ въ убитомъ Филиппа Штрамъ, объясняя при этомъ, что покойный былъ человѣкомъ состоятельнымъ, но скупымъ и что, пріѣзжая повременамъ въ Петербургъ, всегда останавливался въ квартирѣ жены родного брата своего Елизаветы Штрамъ. Проживавшая въ квартивѣ Штрамъ, въ началѣ 1871 года, прусская поддання Наркусъ признала принадлежащими Елизаветѣ и Александру Штрамъ какъ сундукъ, въ которомъ найдено тѣло Филиппа Штрамъ, такъ и оказавшіяся при трупѣ простыню и наволочку отъ тюфяка. Розысканный полиціею, Эммануилъ Скрыжаковъ первоначально показалъ, что провелъ въ квартирѣ Штрамъ двѣ ночи, съ 8-го на 9-е и съ 9-го на 10-е августа, причемъ видѣлъ у Александра Штрамъ и матери его книгу чековъ и векселя, принадлежавшіе, будто-бы, отцу Штрамъ и былъ свидѣтелемъ попытокъ Елизаветы и Александра Штрамъ сбыть означенную книжку и что, находясь въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ Александромъ, онъ далъ ему свой новый сюртукъ, а отъ него взялъ старый. Далѣе слѣдствіемъ было обнаружено, что векселя и книгу чековъ видѣли у Александра Штрамъ, передъ задержаніемъ его 12-го августа, финляндская уроженка Таленъ, дочери ея Александра и Амалія, Кобальскій, телеграфистъ Леонардовъ и бывшій студентъ Львовъ. Эти свидѣтели показали: Таленъ,—что Александръ Штрамъ неоднократно говорилъ, что будетъ богатъ, что у него есть богатый дядя, отъ котораго онъ получитъ наслѣдство; Леонардовъ,—что Александръ Штрамъ и Скрыжаковъ 10-е, 11-е и 12-ое августа провели вмѣстѣ, въ его квартирѣ пьянствовали, показывали книжку чековъ и неоднократно уходили будто бы для того, чтобы заложить означенную книжку; Львовъ,—что во время сбыта книги чековъ Скрыжаковымъ и Штрамъ, первый изъ нихъ разсказывалъ, будто бы въ шутку, что Александръ Штрамъ совѣтовался съ нимъ, какимъ образомъ убить своего богатаго дядю; по обнаруженіи же убійства, Скрыжаковъ предупреждалъ свидѣтеля не болтать ничего о послѣднемъ разговорѣ, говоря, что иначе и его, Львова, притянутъ къ дѣлу. Кромѣ того, Львовъ, Леонардовъ, завѣдывавшій домомъ Ханкиной Венедиктовъ, дворникъ Ивановъ, переплетчикъ Кунтау и контролеръ по чекамъ Общества Взаимнаго Кредита Емельяновъ указали на обстоятельства, свидѣтельствующія объ участіи въ дѣлѣ Елизаветы Штрамъ: 8 августа Елизавета Штрамъ показывала книжку чековъ, говоря, что получитъ по ней деньги и заплатитъ долгъ за квартиру, а въ началѣ августа явилась въ Общество Взаимнаго Кредита для полученія денегъ по книжкѣ чековъ Филиппа Штрамъ, но въ выдачѣ денегъ ей было отказано; во время сбыта упомянутой книги чековъ Александромъ Штрамъ, Елизавета Штрамъ до трехъ разъ ходила для свиданія съ нимъ на Смоленское кладбище.

Вслѣдствіе этого Елизавета и Александръ Штрамъ были розысканы въ Ревелѣ и доставлены въ С.-Петербургъ. При первоначальномъ допросѣ Александръ Штрамъ, сознаваясь въ убійствѣ, показалъ, что убилъ Филиппа Штрамъ на чердакѣ, въ отсутствіе матери, посредствомъ удара гипсовымъ

камнемъ, но когда разсказъ этотъ былъ опровергнутъ произведеннымъ на чердакѣ осмотромъ, Штрамъ изъявилъ желаніе открыть всю правду и объяснилъ, что убійство было задумано имъ еще въ іюнѣ 1871 года вслѣдствіе наущеній Скрыжакова, который неоднократно совѣтовалъ убить дядю Филиппа, съ цѣлію воспользоваться его имуществомъ, и увѣрялъ, что убійство никогда не откроется, такъ какъ дядя не имѣетъ паспорта, а онъ, Скрыжаковъ, отрубитъ убитому голову, руки и ноги и разнесетъ по сторонамъ. Вечеромъ 7 августа Александръ Штрамъ окончательно рѣшился. На утро, когда Филиппъ лежалъ на постели въ третьей комнатѣ, а Елизавета Штрамъ стояла у окна въ той же комнатѣ и въ квартирѣ болѣе никого не было, онъ взялъ въ кухнѣ топоръ, незамѣтно подошелъ къ дядѣ и убилъ нѣсколькими ударами топора по головѣ, затѣмъ мать вышла въ другую комнату, а онъ взялъ у убитаго 17 коп. деньгами, книгу чековъ и векселя, уложилъ тѣло въ сундукъ и вкатилъ сундукъ на чердакъ. Затѣмъ онъ сознался и въ томъ, что пытался вмѣстѣ съ матерью и Скрыжаковымъ сбыть книгу чековъ убитаго и векселя, чтобы получить по нимъ деньги. По объясненію его, послѣ убійства мать купила ему, вмѣсто окровавленныхъ, другіе панталоны, сюртукомъ же, жилетомъ и сапогами онъ обмѣнялся съ Скрыжаковымъ.—Елизавета Штрамъ и Эммануилъ Скрыжаковъ ни въ чемъ не сознались, объясняя, что объ убійствѣ ничего не знали и сбывали книгу чековъ и векселя Филиппа Штрамъ, не зная о способѣ, коимъ таковые добыты.

Всѣ они были преданы суду по обвиненію въ томъ, что послѣ предварительнаго между собою соглашенія на убійство Филиппа Штрамъ, съ цѣлью завладѣнія его имуществомъ, Александръ Штрамъ, въ присутствіи матери своей, Елизаветы Штрамъ, привелъ этотъ общій ихъ всѣхъ умыселъ въ исполненіе, а послѣ совершенія убійства всѣ трое скрывали слѣды преступленія и старались сбыть добытыя преступленіемъ вещи, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13, 1451 и 4 п. 1453 ст. улож. о наказ.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило 23 октября 1871 года въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Предсѣдательствовалъ Товарищъ Предсѣдателя *Якоби*. Защищали — Александра Штрамъ — прис. повѣренный *Боргіовъ*, — Елизавету Штрамъ—прис. повѣренный *Поццо* и Скрыжакова—прис. повѣренный *Евреиновъ*.

На судебномъ слѣдствіи Александръ Штрамъ вернулся къ своему первому показанію, отрицая всякую прикосновенность къ убійству и къ укрывательству его своей матери и Скрыжакова.

Елизавета Штрамъ объяснила, что она дѣйствительно показывала чеки, данные ей сыномъ, и носила ихъ въ Общество Взаимнаго Кредита, но сынъ говорилъ, что нашелъ ихъ забытыми на чердакѣ, въ бумагахъ дяди. Не получивъ денегъ по чекамъ, она въ тотъ же день возвратила ихъ сыну; сынъ назначилъ ей придти изъ банка на островъ и сказалъ какой-то номеръ дома, но тамъ она его не нашла, а встрѣтила на улицѣ. Чеки она хотѣла заложить, съ цѣлью получить рублей 10—15 для уплаты за квартиру.

Подсудимый Скрыжаковъ, отрицая какой либо подговоръ съ своей стороны къ убійству дяди Штрама, объяснилъ, что Штрамъ говорилъ, будто чеки принадлежатъ его отцу, и послѣ отказа въ банкѣ въ выдачѣ по нимъ денегъ, ему совѣтовали попросить отца, жившаго въ Ревелѣ, прислать по телеграфу свою подпись, на что телеграфистъ Леонардовъ сказалъ имъ, что этого нельзя сдѣлать. Нахожденіе въ рукахъ Штрама векселей нисколько не удивляло подсудимаго, такъ какъ подобные векселя онъ видалъ у него и раньше; векселя тѣ были просрочены.

Свидѣтель Бремеръ, переплетный мастеръ, показалъ, что въ 1864 г., по пріѣздѣ изъ Ревеля, Штрамъ отдала къ нему въ ученье своего сына, кото-

рый оставался у него нѣсколько лѣтъ по контракту и потомъ мѣсяцевъ 8 жилъ подмастерьемъ. Мальчикъ онъ былъ старательный, скромный и любимый всѣмъ семействомъ свидѣтеля; характера онъ былъ очень мягкаго, даже къ животнымъ относился съ большимъ состраданіемъ. Когда у свидѣтеля умерла дочь, то Штрамъ, будучи уже 17-ти-лѣтнимъ юношею, выказалъ большую робость, боялся пройти мимо покойницы, такъ что надъ нимъ даже смѣялись. Сдѣлавшись подмастерьемъ, Штрамъ получалъ въ день 1 р. 15 к. и былъ очень хорошимъ работникомъ мѣсяцевъ восемь; но потомъ сталъ вдругъ небрежнѣе къ своему дѣлу и даже по-нѣскольку дней не приходилъ, вслѣдствіе чего ему и было отказано. Свидѣтель слышалъ, что причиною этой перемѣны въ Штрамъ было знакомство его съ какою-то женщиной.

Остальные свидѣтели удостовѣрили фактъ предъявленія чековъ Елизаветою Штрамъ управляющему домомъ и въ Обществѣ Взаимнаго Кредита.

Приговоромъ присяжныхъ засѣдателей подсудимые признаны виновными: Александръ Штрамъ въ предумышленномъ убійствѣ, а Елизавета Штрамъ и Скрыжаковъ—въ укрывательствѣ, согласно предъявленному противъ нихъ въ *обвинительной рѣчи* обвиненію, причемъ Елизавета Штрамъ признана заслуживающею снисхожденія.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! По дѣлу, которое подлежитъ нашему разсмотрѣнію, казалось бы, не нужно употреблять большихъ трудовъ для опредѣленія свойствъ и степени виновности главнаго подсудимаго, потому что онъ предъ вами сознался. Но такая легкость обсужденія настоящаго дѣла представляется лишь съ перваго взгляда, и основываться на одномъ лишь сознаніи подсудимаго для опредѣленія истинныхъ размѣровъ его виновности было бы, по меньшей мѣрѣ, неосторожно. Свидѣтельство подсудимаго является всегда небезпристрастнымъ. Онъ можетъ быть подвигнутъ тѣми или другими событіями своей жизни къ тому, чтобъ представить обстоятельства дѣла не въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ имѣетъ обыкновенно совершенно постороннія цѣли отъ тѣхъ, которыми задается судъ. Онъ можетъ стараться своимъ сознаніемъ отстранить подозрѣніе и, слѣдовательно, наказаніе отъ другихъ, близкихъ ему лицъ; онъ можетъ, въ великодушномъ порывѣ, принять на себя чужую вину; онъ можетъ многое утаивать, многое извращать и вообще вступать въ нѣкоторый торгъ съ правосудіемъ, отдавая ему то, чего не отдать нельзя, и извращая то и умалчивая о томъ, о чемъ можно умолчать и что можно извратить. Поэтому идти за подсудимымъ по тому пути, на который онъ ведетъ насъ своимъ сознаніемъ, было бы большою неосторожностью, даже въ виду собственныхъ интересовъ подсудимаго. Гораздо болѣе правильнымъ представляется другой путь. На немъ мы забываемъ на время о показаніяхъ подсудимаго и считаемъ, что ихъ какъ бы не существуетъ. На первый планъ выдвигаются

тогда обстоятельства дѣла, добытыя независимо отъ разъясненій обвиняемаго. Мы ихъ сопоставляемъ, взвѣшиваемъ, разсматриваемъ съ точки зрѣнія жизненной правды—и рядомъ предположеній приходимъ къ выводу, *что* должно было произойдти на самомъ дѣлѣ. Затѣмъ уже мы сравниваемъ этотъ выводъ съ сознаніемъ подсудимаго и провѣряемъ одинъ другимъ. Тамъ—гдѣ и нашъ выводъ, сдѣланный изъ обстоятельствъ дѣла, и сознаніе подсудимаго сойдутся — мы можемъ съ довѣріемъ отнестись къ нему; — гдѣ они расходятся, тамъ есть поводъ очень и очень призадуматься, ибо или выводъ неправиленъ и произволенъ, или сознаніе неправдиво. И когда выводъ сдѣланъ спокойно и безпристрастно изъ несомнѣнныхъ данныхъ дѣла,—тогда очевидно сознаніе, съ нимъ несогласное, подлежитъ большому сомнѣнію. По этому пути я думаю слѣдовать и въ настоящее время. Когда совершается преступленіе, то первый вопросъ, возникающій для изслѣдователей этого преступленія — вопросъ о мѣстѣ совершенія его, затѣмъ идутъ вопросы о томъ, какъ совершено преступленіе, когда, кѣмъ и при какихъ условіяхъ. Я полагаю, что для полученія отвѣтовъ на эти общіе вопросы при изслѣдованіи настоящаго дѣла намъ придется коснуться нѣкоторыхъ сторонъ житейской обстановки подсудимыхъ и ихъ быта, изъ которыхъ постепенно выяснится ихъ виновность. Первый вопросъ о *мѣстѣ*, гдѣ совершено преступленіе. Мы знаемъ, что это за мѣсто: это одна изъ маленькихъ квартиръ въ одной изъ многолюдныхъ улицъ ремесленной и населенной части города. Квартира нанимается бѣдной женщиной, обыкновенно называемой въ просторѣчіи съемщицей, и отдается всякаго рода жильцамъ. Проживаютъ тутъ, какъ мы слышали, въ этихъ трехъ маленькихъ комнатахъ, имѣющихъ въ длину всего десять шаговъ, съ тоненькой стѣной, изъ-за которой все слышно, съ лѣстницей на небольшой чердакъ и съ кухней, которая вмѣстѣ составляетъ и прихожую, и комнату для отдачи жильцамъ,—проживаютъ въ этихъ конуркахъ студенты, сапожные подмастерья, дѣвицы, «живущія отъ себя» и, наконецъ, сами хозяева. Въ такой-то квартирѣ въ началѣ сентября нынѣшняго года, на чердакѣ найденъ былъ запертый сундукъ, издававшій смрадный запахъ, а въ сундукѣ трупъ человѣка. *Кто* этотъ человѣкъ — намъ сказали здѣсь свидѣтели — дворникъ, Тобіасъ и другіе,— и мы можемъ возстановить мысленно личность покойнаго. Портной подмастерье, затѣмъ студентъ университета, не кончившій курса, затѣмъ домашній учитель, женатый, но не имѣвшій дѣтей и вскорѣ овдовѣвшій, человѣкъ уже довольно зрѣлыхъ, даже преклонныхъ лѣтъ, — Филиппъ Штрамъ, оставивъ свою учительскую дѣятельность, преимущественно живалъ въ Петербургѣ и велъ жизнь скрытную. Родныхъ у него въ Петербургѣ было немного: Тобіасъ, у котораго онъ бывалъ очень рѣдко, и то семейство Штрамъ, ко-

торое явилось на судъ въ лицѣ своихъ главныхъ представителей. Показанія свидѣтелей характеризуютъ намъ этого старика въ истоптанныхъ сапогахъ, не носящаго бѣлья, а вмѣсто него какой-то шерстяной камзолъ, а поверхъ него старый истертый сюртукъ, въ которомъ заключалось все его достояніе: его деньги, чеки, билеты, векселя. Онъ скупъ и жаденъ; проживая у Штрамовъ, ѣстъ и пьетъ, но ничѣмъ не помогаетъ своимъ бѣднымъ родственникамъ, которые въ свою очередь обходятся съ нимъ не особенно уважительно, потому что онъ ихъ стѣсняетъ. Спитъ онъ нерѣдко на чердакѣ и спитъ на голыхъ доскахъ. Человѣкъ этотъ, очевидно, всю свою жизнь положилъ на скопленіе небольшого капитала, все время проводитъ орудуя имъ, отдавая деньги подъ проценты и, храня документы постоянно при себѣ, оберегаетъ ихъ отъ чужого взора, озираясь по сторонамъ и боясь, какъ бы кто нибудь не замѣтилъ, что у него есть деньги. Этому старику, съ такимъ обыденнымъ прошлымъ и скуднымъ настоящимъ, вѣроятно, предстояли долгіе безцвѣтно-скаредные дни: такіе, ушедшіе въ себя, эгоисты обыкновенно очень долго живутъ. Но дни эти были внезапно прекращены насильственнымъ образомъ. Когда его нашли въ сундукѣ, то на головѣ его оказались такія поврежденія, которыя указывали на то, что онъ убитъ. Тутъ возникаетъ второй вопросъ — *какъ убитъ?* Изъ медицинскаго акта извѣстно, что первая изъ ранъ начиналась отъ нижняго края праваго уха и шла къ наружной поверхности глаза; другая шла нѣсколько сзади уха, къ теменной кости, а третья — между нижнимъ краемъ уха и второю раной, такъ что раны образовали между собою треугольникъ, который въ видѣ лоскута сгнившаго мяса отвалился при вынутіи трупа изъ сундука. Затѣмъ, на тыльной поверхности руки найдена рана, которою пересѣчены три пальца и которая идетъ вдоль къ рукѣ. Покойный оказался одѣтымъ въ одномъ камзолѣ. По заключенію врача, раны нанесены топоромъ. Положеніе этихъ ранъ показываетъ, что онѣ нанесены не спереди, потому что тогда, при естественномъ направленіи удара справа налѣво или слѣва направо, онѣ начинались бы сверху и имѣли бы совершенно противоположное направленіе, чѣмъ то, въ которомъ найдены. Онѣ шли бы крестообразно съ тѣми ранами, которыя нанесены. Онѣ нанесены очевидно сзади и нѣсколько съ боку, такъ что наносившій стоялъ съ правой стороны, топоромъ, и очевидно такимъ образомъ, что тотъ, кому онѣ наносились, не успѣлъ замѣтить, что надъ нимъ поднимается топоръ и потому не защищался обѣими руками, не боролся, а сдѣлалъ только инстинктивное движеніе правой рукой, которую поднесъ къ тому мѣсту, гдѣ нанесена главная рана, и получилъ второй ударъ, который перерубилъ ему пальцы. Никакихъ другихъ знаковъ сопротивленія на тѣлѣ не найдено. Такимъ образомъ, удары нанесены человѣку, не ожидавшему

ихъ или спавшему, лежавшему на лѣвой сторонѣ, — и убійцѣ было удобно, по его положенію, ставъ сзади, въ головахъ, нанести ихъ. Ясно, что онѣ не были нанесены на чердакѣ, такъ какъ раны должны были вызвать обильное кровоизліяніе, а чердакъ оказался чистъ, на его полу не найдено ни одного пятна крови; но зато около сундука найдена наволочка съ тюфяка, одна сторона которой нѣсколько распорота, одинъ конецъ оторванъ, а къ другому привязана веревка, которою, въ узлѣ, связывающемъ наволочку, захвачено нѣсколько волосъ. Что это за наволочка? для чего она здѣсь? На наволочкѣ этой найдены пятна крови. Быть можетъ, на ней лежалъ убитый; но что значитъ веревка? что значатъ захваченные волосы? Очевидно, что въ ней тащили трупъ, наскоро замотавъ веревкой, причемъ захватили волосы. Но если убійство было совершено на чердакѣ, то куда тащить, да и надо ли тащить трупъ на разстояніи двухъ, трехъ шаговъ? Конечно, нѣтъ. Итакъ, уже по одному тому, что нѣтъ крови и найдена эта наволочка — покойный Штрамъ убитъ не на чердакѣ. Быть можетъ, онъ убитъ внѣ квартиры? Но это невозможно, потому что ходъ на чердакъ только изъ квартиры, потому что убить его внѣ дома и внести его въ квартиру было бы не безопасно и притомъ противорѣчило бы всѣмъ естественнымъ пріемамъ, свойственнымъ всякому убійцѣ, который, конечно, не станетъ безъ особой нужды приносить къ себѣ и прятать у себя убитаго. Чрезъ слуховое окно внести его на чердакъ было тоже нельзя, не говоря уже о безцѣльности этого, но и потому, что оно было очень узко. Слѣдовательно, Штрамъ убитъ въ самой квартирѣ. Затѣмъ возникаетъ вопросъ — *когда убитъ?* днемъ или ночью? Что онъ убитъ въ лежачемъ положеніи, на это указываютъ и раны, и то, что онъ найденъ въ одномъ камзолѣ. Еслибъ убійство произошло въ то время, когда онъ былъ уже совершенно одѣтъ, въ сюртукѣ, то, конечно, убійцы прежде всего обшарили бы карманы и не стали бы стаскивать жалкаго, гнилого сюртука. Поэтому онъ на чердакѣ оказался бы въ этомъ сюртукѣ. По тому же, что онъ не одѣтъ, слѣдуетъ предполагать, что онъ спалъ. Но противъ этого представляется сильное возраженіе: если онъ спалъ, то убійство совершено ночью, а изъ показаній дворника видно, что съ противоположной стороны двора, въ окна Штрамъ, при свѣтѣ извнутри можно было видѣть все, что тамъ дѣлается. Убивать же ночью можно было только зажегши свѣчу, потому что убійство сопровождалось связываніемъ трупа, втаскиваніемъ его на чердакъ и укладываніемъ въ сундукъ; всѣ эти операціи въ темнотѣ производить нельзя, такъ какъ еще болѣе размажется кровь и еще медленнѣе совершится то дѣло, окончаніемъ котораго надо поспѣшить. Кромѣ того, совершать убійство въ темнотѣ нельзя еще потому, что никогда ударъ не можетъ быть нанесенъ такъ вѣрно, какъ

при свѣтѣ: убиваемый можетъ вскочить и тогда явится борьба, сопротивленіе, крикъ, переполохъ... Поэтому надо дѣйствовать въ такое время, когда можно уже не пользоваться свѣтомъ свѣчей, т. е. рано поутру, когда всего удобнѣе и возможнѣе совершить преступленіе и поскорѣй припрятать трупъ, который надо убрать пока не насталъ день, а съ нимъ дневная суета и возможность прихода посѣтителей. Противъ убійства ночью—говоритъ тьма и невозможность зажечь огонь и тѣмъ привлечь вниманіе дворниковъ; противъ убійства днемъ — говоритъ дневной свѣтъ и дневное движеніе. Остается — полусвѣтъ, когда уже можно видѣть и нельзя еще опасаться чьего либо прихода. Остается утро, раннее утро ранней осени. Наконецъ, еще вопросъ, наиболѣе важный: *кѣмъ* убитъ и *для* чего? Прежде всего — для чего? Мы знаемъ, что̀ за личность Штрамъ. Это человѣкъ, весь погруженный въ свои мелочные разсчеты. Такіе люди обыкновенно держатъ себя тише воды, ниже травы. Корысть и болѣзненная привычка копить безплодныя средства заглушаютъ въ нихъ по большей части всѣ остальныя чувства, даже простое и естественное стремленіе къ чистотѣ, какъ это было, напримѣръ, и со Штрамомъ, который даже не носилъ бѣлья. Этимъ людямъ несвойственны ни особенная самостоятельность, ни какое либо чувство собственнаго достоинства; это люди тихіе, смирные, рѣже всего подающіе поводъ къ ссорамъ. Поэтому на чью либо ссору съ Филиппомъ Штрамомъ мы не имѣемъ никакого указанія. Да и ссорамъ, которыя оканчиваются убійствомъ, обыкновенно предшествуетъ цѣлый рядъ другихъ насильственныхъ дѣйствій и ругательствъ и, какъ слѣдствіе этого — крикъ, шумъ и гамъ, на что нѣтъ въ настоящемъ случаѣ никакихъ даже отдаленныхъ намековъ. Мстить Филиппу Штраму тоже никому не было надобности. Этотъ человѣкъ, по своимъ свойствамъ, не могъ ни съ кѣмъ соперничать, никому не могъ становиться на пути. Остается только третій поводъ убійства, который всего яснѣе вытекаетъ изъ того, что сюртукъ покойнаго находится подъ трупомъ пустой,— а то, что въ послѣднее время составляло, повидимому, весь смыслъ существованія Штрама, безъ чего онъ самъ былъ немыслимъ, отсутствуетъ: нѣтъ чековъ, нѣтъ денегъ. Очевидно, убійство совершено изъ корысти. Для совершенія такого убійства надо было знать, что у покойнаго были деньги. Это знали, конечно, тѣ лица, которымъ онъ давалъ деньги въ долгъ. Однако, онъ давалъ ихъ внѣ дома. Кто же въ домѣ могъ это знать? Конечно, не дѣвица Френцель, не тѣ студенты, которые прожили всего нѣсколько дней и которымъ не было никакого дѣла до мрачнаго человѣка, сидѣвшаго обыкновенно на чердакѣ или въ задней комнатѣ. Могли знать только домашніе, близкіе Штрама...

Посмотримъ же на это семейство.

Прежде всего остановимся на личности Александра Штрама — характеристической и весьма интересной. Показаніями свидѣтелей, начиная отъ отечески-добродушнаго и сочувственнаго къ подсудимому показанія свидѣтеля Бремера и кончая рѣзкимъ и краткимъ отзывомъ о неблаговидномъ его поведеніи свидѣтеля Толстолѣса, — личность Александра Штрама обрисовывается со всѣхъ сторонъ. Мы видимъ его молодымъ юношей, находящимся въ ученьи, добрымъ, отличнымъ и способнымъ работникомъ, нѣсколько робкимъ, боящимся пройти мимо комнаты, гдѣ лежитъ покойница; онъ нѣженъ и сострадателенъ, правдивъ и работящъ. Затѣмъ онъ кончаетъ свою дѣятельность у Бремера и уходитъ отъ него; ему приходится столкнуться лицомъ къ лицу со своею семьею, — съ матерью, съемщицею квартиры, гдѣ живетъ Богъ знаетъ какой народъ, собравшійся отовсюду и со всякими цѣлями. Въ столкновеніяхъ съ этою не особенно хорошею средою заглушаются, сглаживаются нѣкоторыя нравственныя начала, нѣкоторыя хорошія, честныя привычки, принесенныя отъ стараго, честнаго Бремера. Къ нравственному безпорядку жизни присоединяются бѣдность, доходящая иногда до крайности, до вьюшекъ, вынимаемыхъ хозяевами, требующими денегъ за квартиру — холодъ въ комнатѣ, такъ какъ дрова дороги, а денегъ на покупку нѣтъ... А тутъ еще мать, постоянно ворчащая, упрекающая за неимѣніе работы, и постоянно пьяная сестра. Обстановка крайне невеселая, безотрадная. Отъ обстановки этой нужно куда нибудь уйти, надо найти другую, болѣе веселую компанію. И вотъ компанія эта является. Мы видѣли ее, она выставила передъ нами цѣлый рядъ своихъ представителей. Здѣсь являлся и бывшій студентъ, принимающій подъ свое покровительство двухъ, по его словамъ, «развитыхъ молодыхъ людей» и дающій имъ аудіенціи въ кабакахъ до тѣхъ поръ, пока не «изсякнутъ источники», какъ онъ самъ выражается. Предъ нами находится и Скрыжаковъ, человѣкъ, имѣвшій какую-то темную исторію со старикомъ и который, когда пріятель его Штрамъ задумываетъ дурное дѣло, идетъ рекомендовать его цѣловальнику, чтобы тотъ далъ въ долгъ водки «для куражу́»; далѣе встрѣчается еще болѣе темная по своимъ занятіямъ личность, Русинскій, настаивающій, чтобы Александръ Штрамъ обзавелся любовницею, какъ обязательною принадлежностью всякаго сочлена этой компаніи. Сначала, пока еще есть заработокъ, Штрамъ франтитъ, одѣвается чисто и держится нѣсколько вдали отъ этой компаніи, но она затягиваетъ его понемногу, приманивая женщинами и виномъ. Между тѣмъ, хозяинъ отказываетъ, да и работать не хочется, — компанія друзей все тѣснѣе окружаетъ свою жертву, а постоянныя свиданія съ ея представителями, конечно, не могутъ не оказать своего вліянія на молодого человѣка. Подруга его сердца одѣвается изящно, фигурируетъ у

Марцынкевича; нужно стоять на одной доскѣ съ нею, нужно хорошо одѣваться, на это нужны средства, а гдѣ ихъ взять? Онъ видитъ, что Львовъ не работаетъ, Скрыжаковъ и Русинскій также не работаютъ, а всѣ они живутъ весело и беззаботно. Попросить у матери? но она скажетъ — иди работать! и попрекнетъ лѣнью и праздностью... Да и кромѣ того, дома голодно и холодно, перебиванье со дня на день и присутствіе безпробудно пьяной сестры. Все это, взятое вмѣстѣ, естественно должно пробудить желаніе добыть средства и измѣнить свою обстановку. Но какъ измѣнить, когда *хочется* прохлаждаться съ друзьями и подругами и *не хочется* идти работать?! И вотъ тутъ-то, въ пьяной компаніи, сначала отдаленно, быть можетъ, даже подъ вліяніемъ разсказа о какомъ нибудь процессѣ, является мысль, что есть богатый дядя, — чего онъ живетъ «ни себѣ, ни другимъ», кабы умеръ... Ужъ не убить ли? И—вѣроятно подъ вліяніемъ этого рокового внутренняго вопроса — высказывается предположеніе, какъ именно убить: разрѣзать на куски и разбросать. Конечно, это высказывается въ видѣ шутки... Но шутка эта опасная—и разъ брошенная мысль, попавъ на дурную почву, ростетъ все болѣе и болѣе. А между тѣмъ, нищета усиливается, средствъ все нѣтъ, и вотъ, наконецъ, наступаетъ однажды такой день, такой моментъ, когда убить дядю представляется всего удобнѣе, когда при дядѣ есть деньги и когда въ квартирѣ нѣтъ жильцовъ, слѣдовательно—нѣтъ постороннихъ лицъ. Таковы тѣ данныя, которыя заставляютъ окольными путями, какъ выражается одинъ свидѣтель, подойти къ заключенію о виновности подсудимаго Штрамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ отвѣту на послѣдній вопросъ: *кто совершилъ настоящее убійство?* Но могутъ сказать, что такимъ образомъ приходится остановиться все-таки на однихъ предположеніяхъ: положимъ, у подсудимаго могла быть мысль объ убійствѣ, могла явиться удобная для осуществленія этой мысли обстановка, въ которой, повидимому, и совершено преступленіе,—но отъ этого еще далеко до совершенія убійства именно имъ!

Дайте факты, дайте опредѣленныя, ясныя данныя! Данныя эти есть:—это чеки, съ которыми арестованъ подсудимый; фактъ этотъ связываетъ всѣ приведенныя предположенія крѣпкою связью. Съ чеками этими подсудимый арестованъ за безписьменность и препровожденъ въ Ревель, оттуда присланъ обратно сюда, по требованію полиціи, и здѣсь допрошенъ. Онъ даетъ три показанія. Съ этими показаніями повторилось общее явленіе, свойственное всѣмъ дѣламъ, гдѣ собственное сознаніе является подъ вліяніемъ косвенныхъ уликъ. Сначала заподозрѣнный сознается совсѣмъ неправильно; потомъ, когда улики группируются вокругъ него, когда сила ихъ ростетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ шагомъ слѣдователя,—обвиняемый подавляется этими уликами, ему

кажется, что путь отступленія для него отрѣзанъ и онъ даетъ показаніе наиболѣе правдивое; но проходитъ нѣсколько времени, онъ начинаетъ обдумывать все сказанное имъ, видитъ, что дѣло не такъ страшно, какъ показалось сначала, что противъ нѣкоторыхъ уликъ можно придумать опроверженіе, и тогда у него является третье сознаніе, сознаніе дѣланное, въ которомъ онъ признается лишь въ томъ, въ чемъ нельзя не признаться.

Опытъ, даваемый уголовною практикою приводитъ къ тому, что въ большей части преступленій, въ которыхъ виновность преступника строится на косвенныхъ доказательствахъ, на совокупности уликъ — и лишь отчасти подкрѣпляется его собственнымъ сознаніемъ, это сознаніе нѣсколько разъ мѣняетъ свой объемъ и свою окраску. *Подозрѣваемый* сознается лишь въ одномъ, въ неизбѣжномъ, надѣясь уйти отъ *суда;* — *обвиняемый* сознается полнѣе, потому что надежда уйти отъ суда меркнетъ въ его глазахъ; — *подсудимый*, пройдя школу размышленія, а иногда и совѣтовъ товарищей по несчастію,— снова выбрасываетъ изъ своего признанія все то, что можно выбросить, все къ чему не приросли твердо улики, — ибо у него снова блеститъ надежда уйти уже не отъ суда, но отъ наказанія...

Вотъ такое *второе* сознаніе въ данномъ случаѣ явилось послѣ того, какъ было опровергнуто то, что̀ говорилъ подсудимый объ убійствѣ на чердакѣ, гипсовымъ камнемъ. Подъ вліяніемъ обнаруженныхъ уликъ, онъ далъ второе показаніе, гдѣ объяснилъ, что убилъ дядю въ комнатѣ, въ то время, когда мать стояла у окна, что съ нею сдѣлался обморокъ при видѣ убійства и что̀ затѣмъ онъ старался скрыть слѣды преступленія и воспользоваться его плодами, спрятавъ убитаго дядю въ сундукъ и перетащивъ его на чердакъ, и затѣмъ стараясь сбыть чеки. Здѣсь на судѣ является уже *третье* сознаніе: подсудимый видитъ, что ему нельзя не сознаться, что улики, собранныя противъ него, слишкомъ сильны, но подъ вліяніемъ, быть можетъ, благороднаго въ своемъ источникѣ чувства, онъ хочетъ выгородить близкихъ къ нему людей, и прежде всего свою мать. По словамъ его, она не только не присутствовала при убійствѣ, но даже не знала о немъ и узнала впервые только тогда, когда ихъ перевозили изъ Ревеля, причемъ сказала сыну, что хочетъ страдать вмѣстѣ съ нимъ. Въ этомъ показаніи надо отдѣлить истину отъ того, что является ложнымъ. Истинно все то, что подтверждается тѣми объективными, внѣшними данными, о которыхъ я говорилъ въ началѣ рѣчи и которыя существуютъ независимо отъ собственныхъ объясненій обвиняемыхъ. Первая часть показанія подсудимаго, относящаяся къ совершенію убійства, дѣйствительно справедлива, но противъ второй его части можно очень многое возразить. Во-первыхъ, разсказъ его о томъ, что мать желала принять на себя страданія

вмѣстѣ съ нимъ, опровергается совершенно противоположными дѣйствіями матери. Если бы мать желала пострадать съ сыномъ, то, конечно, она не старалась бы опровергать сознаніе, сдѣланное сыномъ въ томъ, въ чемъ оно касается ея, — однако она не только этого не дѣлаетъ, но, возражая упорно и горячо сыну, ни въ чемъ не сознается. Во-вторыхъ, самъ собою представляется вопросъ: могъ ли подсудимый одинъ совершить подобнаго рода преступленіе такъ, чтобы оно не было, хотя бы на первое время, безплоднымъ. Я полагаю, что онъ одинъ, собственными силами могъ совершить то дѣйствіе, которымъ была пресѣчена жизнь Штрама. Филиппъ Штрамъ былъ старикъ, — судя по осмотру — хилый и невысокій, такъ что могъ помѣститься въ маленькомъ сундукѣ, и человѣку здоровому, молодому справиться съ нимъ было бы легко, а тѣмъ болѣе при неожиданности нападенія. Но, вслѣдъ за убійствомъ, надо было искусно скрыть слѣды совершеннаго. Прежде всего оказалось нужнымъ положить трупъ въ сундукъ, для чего стянуть его ремнемъ и притомъ скорѣе, потому что, согласно прочитанному мнѣнію врачей, еслибы трупъ оставался часа два не связаннымъ, то онъ окоченѣлъ бы и тогда связать его одинъ человѣкъ уже былъ бы не въ силахъ, а между тѣмъ, онъ связанъ, сложенъ, и это, какъ я уже доказывалъ, сдѣлано вслѣдъ за убійствомъ. Затѣмъ, надо, всунувъ въ сундукъ трупъ, запереть сундукъ и перетащить на чердакъ, поправивъ при этомъ петлю у крышки, такъ какъ изъ показанія Наркусъ видно, что петля была сломана. Наконецъ, слѣдовало вымыть кровь, снять наволочку съ большого тюфяка и сжечь паклю, солому и всякую труху, которою набитъ былъ тюфякъ, словомъ — привести все въ надлежащій видъ, успѣть вынуть чеки, посмотрѣть, что пріобрѣтено, и со спокойнымъ видомъ, нѣсколько оправившись, встрѣтить тѣхъ, кто можетъ придти. Но для всего этого требуется много времени. Подсудимый — человѣкъ молодой, у котораго, несомнѣнно, еще не заглохли человѣческія чувства; показанія свидѣтеля Бремера именно указываютъ на эту сторону его характера. Хотя онъ и слушалъ его показаніе съ усмѣшкой, но я не придаю этому никакого значенія; эта усмѣшка — наслѣдіе грязнаго кружка, гдѣ вращался подсудимый, но не выраженіе его душевнаго настроенія. Въ его лѣта — ему думается, конечно, что въ этомъ выражается извѣстная молодцоватость; мнѣ, молъ «все ни по чемъ», а въ то же время, быть можетъ, сердце его и дрожитъ, когда добрый старикъ и предъ скамьею подсудимыхъ говоритъ свое теплое о немъ слово. Поэтому я думаю, что для Александра Штрамъ преступленіе являлось дѣломъ совершенно необычнымъ; онъ долженъ былъ быть самъ не свой, и всякая работа, которая обыкновенно дѣлается въ 10 минутъ, должна была требовать, по крайней мѣрѣ, 20 минутъ, потому что у него все должно было вываливаться изъ трепещу-

щихъ рукъ и отъ торопливости, и отъ невольнаго ужаса. Могъ ли поэтому онъ одинъ сдѣлать все необходимое для сокрытія преступленія? Конечно, нѣтъ. Онъ не могъ позвать себѣ въ помощники кого нибудь изъ постороннихъ; на это рѣшится не всякій, да къ тому же я нахожу, что преступленіе было совершено хотя и предумышленно, но безъ опредѣленія заранѣе времени, когда его свершить. Подсудимый давно рѣшился что нибудь сдѣлать надъ дядей, чтобъ пріобрѣсти деньги; мысль эта давно зародилась въ его головѣ; но прошло, быть можетъ, много времени, прежде чѣмъ представился удобный случай. Онъ представился 8-го августа: жильцовъ нѣтъ, а сестра ушла на рынокъ и ушла одна, потому что хожденіе вдвоемъ за покупкою скудной провизіи ничѣмъ не объясняется. Онъ остается одинъ съ матерью. Я убѣжденъ, что мать не знала ничего о предполагаемомъ убійствѣ, и что для нея оно должно было быть ужасающею неожиданностью,—но могло ли это удержать сына, когда случай представлялся такой удобный? Что мать тутъ—это ничего не значитъ; онъ могъ быть увѣренъ, что мать будетъ испугана, ужаснется его поступка; онъ могъ не разсчитывать на обморокъ, но это обстоятельство скоропреходящее; затѣмъ ужасъ, произведенный пролитой кровью ея дальняго родственника, съ которымъ у нея ничего общаго не было, который только объѣдалъ ихъ и ничего не давалъ, ужасъ этотъ пройдетъ и явится жалость къ сыну, страхъ за его судьбу, за тѣ послѣдствія, которымъ онъ можетъ подвергнуться. Это та непреодолимая сила, которая заставитъ ее скрывать слѣды преступленія изъ страха за того, о комъ она и здѣсь, на судѣ, болѣе всего плачетъ,—которая заставитъ ее со страхомъ и трепетомъ за него подтирать кровь, запихивать паклю въ печку, снимать наволочку въ то время, какъ сынъ будетъ связывать трупъ и потащитъ сундукъ на чердакъ. Подсудимый могъ быть увѣренъ, что мать ему не помѣшаетъ, что она его не выдастъ, что присутствіе ея представляется совершенно безопаснымъ. Онъ понималъ, онъ не могъ не понимать, что какъ только совершится убійство, въ ней, послѣ первой минуты ужаса и, быть можетъ, отвращенія къ пролитію крови, прежде и громче всего заговоритъ другое, всепрощающее чувство—чувство матери, и оно станетъ на его защиту, и оно придетъ ему на помощь. Совершая убійство, онъ долженъ былъ понимать, что мать его косвеннымъ образомъ ему поможетъ и сдѣлается укрывательницею преступленія. Онъ не могъ при этомъ предполагать, что трупъ навсегда останется на чердакѣ; онъ знаетъ, что его нужно будетъ раздробить на части и, быть можетъ, по рецепту Русинскаго и по шуткѣ Скрыжакова, надо будетъ вынести по кускамъ и разбросать въ разныхъ мѣстахъ города. Но развѣ это можно сдѣлать, когда въ квартирѣ никто не будетъ знать, что трупъ лежитъ на чердакѣ, что его нужно скрыть? Вѣчно пья-

ную сестру можно удалить,—это личность безвредная; но мать необходимо, рано или поздно, познакомить съ дѣломъ, надо поставить ее въ такое положеніе, чтобы она не хватилась сундука, чтобы ей не пришлось неожиданно увидѣть, что одна изъ принадлежностей ея скуднаго имущества исчезла, и замѣтить пропажу тюфяка и простыни, необходимыхъ для жильцовъ, когда таковые найдутся. Для этого необходимо, чтобъ она *все знала*, а это, между прочимъ, достигается совершеніемъ при ней преступленія, тѣмъ болѣе, что она можетъ помочь скрытію слѣдовъ его. Затѣмъ, далѣе, ей въ самый день убійства вручается книжка чековъ; она знаетъ, что дядя скупъ и, видя у сына книжку, принадлежащую Филиппу Штраму, не можетъ не догадаться, какимъ образомъ она взята. Быть можетъ, подарилъ дядя? Нѣтъ, это не соотвѣтствуетъ его наклонностямъ. Забылъ? Также, конечно, нѣтъ, потому что это значило бы, что онъ забылъ самого себя, забылъ то, безъ чего онъ самъ немыслимъ. Остается одно: книга взята насиліемъ; но такъ какъ книга эта составляетъ часть самого дяди, то ее можно было взять только съ нимъ самимъ, только съ его жизнью, слѣдовательно — онъ убитъ. Затѣмъ Александръ Штрамъ отдаетъ книжку чековъ матери. Но въ Обществѣ Взаимнаго Кредита по ней ничего не выдаютъ, — значитъ книжка добыта какъ-то неправильно,—да и откуда такая книжка у сына, у котораго ни гроша еще вчера не было?— и зачѣмъ по поводу этой книжки надо рыскать по всему городу и назначать свиданія на Смоленскомъ полѣ? Все это не могло не возбуждать сомнѣній въ Елизаветѣ Штрамъ; она должна была не только чуять, но и ясно видѣть, что книжка добыта преступленіемъ. А слѣды этого преступленія отъ нея скрыть было невозможно. Полагаю, что послѣ всего изложеннаго мною, трудно отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ показанію Александра Штрамъ.

Картина убійства, происшедшаго въ домѣ Ханкиной, представляется на основаніи всего, что мы здѣсь выслушали и провѣрили, въ слѣдующемъ видѣ: старикъ Штрамъ былъ убитъ утромъ, когда лежалъ еще въ постели; Александра Штрамъ ушла на рынокъ, а мать оставалась дома и стояла у окна; подсудимый взялъ топоръ и нанесъ удары по головѣ дядѣ; услыша предсмертные стоны, увидя кровь, Елизавета Штрамъ лишилась сознанія. Дядя вскорѣ умеръ, а она понемногу пришла въ чувство. Она видитъ, что сынъ возится съ трупомъ, а кругомъ такъ все и вопіетъ о совершонномъ дѣлѣ. И вотъ она начинаетъ затирать слѣды, помогаетъ стаскивать наволочку съ тюфяка и сжигаетъ то, что въ ней находилось. Подсудимый завязываетъ трупъ на-скоро въ наволочку, захватывая при этомъ волосы убитаго, и тащитъ его по комнатѣ. Это было необходимо сдѣлать, потому что тащить сундукъ съ трупомъ чрезъ комнаты на чердакъ было невозможно

одному, для этого потребовалась бы огромная сила; его можно было бы только передвигать вверхъ по ступенькамъ, но тогда и на нихъ, и на лѣстницѣ явилась бы кровь, а излишнихъ слѣдовъ крови избѣгаетъ инстинктивно всякій убійца. Поэтому, послѣ трупа на чердакъ вкатывается пустой сундукъ; въ него кладется связанный трупъ; сюртукъ, лежавшій, вѣроятно, около Штрама, бросается туда же; исправленный на скорую руку сундукъ запирается. Мать между тѣмъ вымыла полы, такъ что когда возвращается сестра, то ничего не замѣчаетъ. Что же нужно сдѣлать затѣмъ? Прежде всего надо остаться на квартирѣ, съ которой гонятъ; мировой судья выдалъ исполнительный листъ на продажу имущества: надо скорѣе получить деньги по чекамъ. Книжка вручается Елизаветѣ Штрамъ, которая идетъ къ хозяину, показываетъ ее и говоритъ, что получитъ скоро по ней деньги, но, тѣмъ не менѣе, отъ квартиры ей отказываютъ. А между тѣмъ, Александръ Штрамъ тотчасъ розыскиваетъ Скрыжакова въ кабакѣ и затѣмъ съ чеками заходитъ къ Талейнъ, обѣщая кофе матери и новыя ботинки франтоватой дочери. Затѣмъ два дня продолжаются розыски лица, которое взяло бы подъ залогъ эту книжку, но совершенно безуспѣшно; а между тѣмъ, наступаетъ 10-е число — день, назначенный для описи имущества, которое и выносится на дворъ. Квартира запирается, и старуха Штрамъ съ сыномъ и дочерью остаются безъ пристанища. Иду Штрамъ ничто не связываетъ съ квартирой и она со спокойною совѣстью отправляется въ Ревель; но Александръ Штрамъ и старуха знаютъ, что въ квартирѣ заперто нѣчто, что̀ можетъ ихъ погубить! Является необходимость скорѣе бѣжать, а для этого раздобыть, во что бы то ни стало, деньги. Александръ Штрамъ вмѣстѣ съ Скрыжаковымъ идетъ къ Львову, потомъ къ Леонардову и совѣщаются, какъ сбыть книжку чековъ. Наконецъ, онъ рѣшается идти самъ въ Общество Взаимнаго Кредита, для чего обмѣнивается сюртукомъ и сапогами съ Скрыжаковымъ. Когда это не удается, онъ привлекаетъ къ хлопотамъ свою мать. У матери нѣтъ пристанища, она ночуетъ у знакомой и проводитъ все время въ хлопотахъ съ книжкой сына, являясь, между прочимъ, и тоже безуспѣшно, въ Общество Взаимнаго Кредита. Она говоритъ, что получила книжку на Васильевскомъ островѣ, куда отправилась потому, что сынъ прислалъ письмо, гдѣ говоритъ, что его можно найти въ такомъ-то № дома. Объясненіе это очевидно неправдоподобно; какимъ образомъ она могла найти сына въ домѣ, гдѣ онъ не былъ жильцомъ, а гостемъ у неизвѣстныхъ ей лицъ? Полученіе книжки объясняется проще: мать знала, что сынъ долженъ быть на островѣ, потому что послѣдніе дни онъ водился съ Скрыжаковымъ, который тамъ проживалъ, посѣщая кабаки и трактиры въ окрестностяхъ своего жилища. Здѣсь Елизавета Штрамъ дѣйствительно встрѣтила его и получила книгу чековъ. Труды ея съ

этою книгой не увѣнчались успѣхомъ; попытки сына были тоже безуспѣшны, и онъ остался состоять при Скрыжаковѣ, съ которымъ и былъ арестованъ.

Обращаюсь къ виновности Скрыжакова. Онъ отрицаетъ всякое участіе свое въ настоящемъ дѣлѣ. Впрочемъ, въ послѣднемъ своемъ показаніи здѣсь, въ самомъ концѣ судебнаго слѣдствія, онъ указалъ на такой фактъ, который давалъ бы нѣкоторое право обвинять его, согласно съ обвинительнымъ актомъ, въ подстрекательствѣ. Онъ указалъ на то обстоятельство, что водилъ Штрама въ кабакъ, прося дать ему въ долгъ водки, когда тотъ сказалъ, что убилъ бы дядю, да храбрости нѣтъ. Это заявленіе его явилось столь неожиданно, столь противорѣчитъ всей системѣ его защиты, что я полагаю, что онъ и тогда, и теперь самъ не понималъ хорошенько, что̀ дѣлаетъ и вообще дѣйствовалъ въ высшей степени легкомысленно. Но отъ шутки—дурной и опасной—до подстрекательства еще цѣлая пропасть. Ее надо чѣмъ нибудь наполнить. У меня для этого матеріала нѣтъ.—Я нахожу, поэтому, что Скрыжаковъ могъ принять слова Штрама за шутку и, продолжая ее, свести его въ питейный домъ.—Вслѣдствіе этого я не обвиняю его въ подстрекательствѣ именно на убійство Филиппа Штрамъ. Вся его дружба съ Александромъ Штрамъ была, сама по себѣ, непрестаннымъ подстрекательствомъ ко всему дурному, что напечатываетъ въ уши слабаго человѣка вино и развратъ. Но уголовный законъ не знаетъ такого неуловимаго подстрекательства и не караетъ за него. Зато есть основаніе видѣть въ немъ укрывателя. Онъ зналъ отлично А. Штрама, своего друга, товарища и собутыльника—зналъ, что онъ почти нищій, что ему нечего ѣсть, что онъ ходитъ въ истертомъ и прорванномъ сюртукѣ. Вдругъ у этого Штрама являются чеки и векселя отъ имени дяди Штрама, и притомъ векселя не просроченные, а дѣйствительные. У него прежде всего должно было зародиться сомнѣніе, что тутъ что-то неладно; зная стараго скупца Штрама, котораго, конечно, не разъ ругательски ругалъ племянникъ въ пьяной компаніи за скупость, онъ долженъ былъ припомнить то, что̀ говорилъ ему Александръ Штрамъ два мѣсяца назадъ—и, вѣроятно, подъ пьяную руку говаривалъ не разъ,—и долженъ былъ естественно спросить себя, нѣтъ ли тутъ убійства? Онъ очень хорошо припоминалъ тогдашнія намѣренія Штрама и пріурочивалъ ихъ къ книжкѣ чековъ: на это указываютъ слова его Львову. Потомъ является перемѣна платья. Скрыжаковъ говоритъ, что Штрамъ перемѣнилъ платье, чтобы идти въ банкъ; но если онъ не боялся возбудить подозрѣніе, являясь къ незнакомому Леонардову въ рваномъ платьѣ и съ чеками, то отчего же онъ не рѣшался идти въ этомъ же платьѣ въ Общество Взаимнаго Кредита? Причина была, очевидно, не эта. Относительно сюртука слѣдуетъ припомнить тотъ фактъ, что Скрыжа-

ковъ былъ допрошенъ 12-го сентября, и оказалось, что тотъ сюртукъ, которымъ онъ обмѣнялся съ Штрамомъ, находится у него. Слѣдователь отправился къ нему для выемки. Но Скрыжаковъ былъ допрошенъ, какъ свидѣтель, слѣдовательно удерживать его было нельзя. Онъ, конечно, былъ дома раньше слѣдователя, который еще допрашивалъ Степоваго,— и когда слѣдователь, черезъ нѣсколько часовъ, явился къ матери Скрыжакова, она предъявила ему сырой сюртукъ своего сына. Сырость произошла, будто бы, оттого, что онъ наканунѣ работалъ на биржѣ. Но представляется слишкомъ неправдоподобнымъ, чтобъ сюртукъ могъ оставаться сырымъ цѣлыя сутки, и не послѣ дождя, а просто послѣ работы на биржѣ. Вотъ что заставляетъ думать, что на одеждѣ Штрама были подозрительныя пятна и этихъ пятенъ Скрыжаковъ не могъ не видѣть и не спросить о ихъ происхожденіи. Въ связи съ этимъ находится и то, что были явныя пятна крови на штанахъ Штрама, которые онъ перемѣнилъ лишь послѣ указаній Талейнъ, заставивъ свою мать изъ послѣднихъ грошей купить себѣ новые. Въ этихъ запятнанныхъ кровью штанахъ, Штрамъ видѣлся, въ день убійства, вскорѣ послѣ него, со Скрыжаковымъ, который не могъ не замѣтить пятенъ,—и не связать ихъ съ чеками и съ намѣреніями Штрама относительно дяди, — одною внутреннею связью. Наконецъ, близкія отношенія Штрама къ Скрыжакову послѣ убійства, ночеваніе вмѣстѣ на квартирѣ Штрамъ и даже пребываніе ихъ на чердакѣ, гдѣ найдена бумажка, несомнѣнно принадлежавшая Скрыжакову, наконецъ, отказъ еврея Кобальскаго отъ векселей и чековъ — должны были показать Скрыжакову, въ чемъ тутъ дѣло. Онъ,—искушенный уже жизнью, ловкій и «на всѣ руки», какъ говорятъ о немъ свидѣтели,— не могъ не понимать, что, способствуя продажѣ или залогу чековъ, онъ укрываетъ слѣды преступленія, стараясь помочь воспользоваться плодами его.

Излишне говорить о томъ, что виновность подсудимыхъ, несмотря на то, что двое изъ нихъ обвиняются въ одинаковомъ преступленіи, весьма различна. Дѣло Александра Штрамъ представляется, помимо своего кроваваго характера, еще и грубымъ и коварнымъ нарушеніемъ довѣрія. Убійство соннаго человѣка для похищенія его средствъ, чтобы самому въ полномъ расцвѣтѣ силъ вести бездѣльную жизнь,—убійство, не сопровождаемое никакими проявленіями раскаянія и гнѣздившееся въ мысляхъ подсудимаго издавна,—не можетъ найдти себѣ ни извиненія, ни объясненія въ житейской обстановкѣ Александра Штрамъ. Точно также и въ обстановкѣ Скрыжакова трудно усмотрѣть такія смягчающія обстоятельства, которыя позволили бы видѣть въ его похожденіяхъ со Штрамомъ, послѣ убійства, что либо иное, кромѣ чуждаго всякихъ колебаній содѣйствія къ пользованію тѣмъ, что такъ ужасно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ легко досталось товарищу по ку-

тежу—и по преступленію.—Но иначе надо, по мнѣнію моему, отнестись къ Елизаветѣ Штрамъ. Невольная свидѣтельница злодѣянія своего сына, — забитая нуждою и жизнью, она сдѣлалась укрывательницею его дѣйствій потому, что не могла найдти въ себѣ силы изобличать его... Трепещущія, безсильныя руки матери вынуждены были скрывать слѣды преступленія сына потому, что сердце матери, по праву, данному ему природою, укрывало самого преступника. Поэтому вы, г-да присяжные, поступите не только милостиво, но и справедливо, если скажете, что она заслуживаетъ снисхожденія...

IX.

По дѣлу о подлогѣ завѣщанія отъ имени купца Козьмы Бѣляева.

24-го сентября 1858 года, въ С.-Петербургѣ, на углу Знаменской и Спасской улицъ, въ домѣ № 34, умеръ фридрихсгамскій первостатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣляевъ.

Изъ многочисленныхъ свѣдѣній о личности его оказалось, что Козьма Бѣляевъ, завѣдуя дѣлами племянниковъ своей жены, Александра и Ивана Константиновичей Мясниковыхъ, а также ихъ сестеръ, участвовалъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣлъ на правахъ компаньона и, кромѣ того, владѣя значительнымъ капиталомъ, имѣлъ свои собственныя разнообразныя коммерческія предпріятія, занимаясь откупами, рыбными ловлями, лѣсною торговлею и другою подобною дѣятельностью. Незадолго до смерти Бѣляева, опредѣленіемъ сената отъ 12-го апрѣля 1858 года, за нимъ были утверждены, въ арендное содержаніе на 12 лѣтъ, рыболовные промыслы въ Астраханской губерніи, изъ платежа въ казну 72,000 р. ежегодно.

Эти рыбные промыслы, перешедшіе послѣ смерти Бѣляева къ братьямъ Александру и Ивану Мясниковымъ, были уступлены ими коллежскому секретарю Трощинскому за 899,000 рублей.

Спрошенныя о состояніи Бѣляева лица, знавшія покойнаго и имѣвшія съ нимъ разныя дѣла: биржевые маклера Максимъ Гротенъ и Аксель Гизико, потомственные почетные граждане Николай Перозіо и Германъ Молво—показали, что въ 1858 году Бѣляевъ намѣревался купить, въ компаніи съ купцами Жадимеровскимъ и Клеменцомъ, у заводчика Берда принадлежащіе послѣднему извѣстные въ С.-Петербургѣ заводы и Гутуевскій островъ за 2.300,000 р., причемъ, какъ видно изъ подробнаго проекта условія, на долю Бѣляева приходилось уплатить изъ покупной суммы болѣе 1½ милліона. Въ томъ же 1858 году Бѣляевъ входилъ въ переговоры о покупкѣ литейнаго завода герцога Лейхтенбергскаго, обязываясь внести за одного себя 200,000 р., принималъ участіе въ учрежденіи въ С.-Петербургѣ новаго газоваго общества, причемъ передалъ Молво на расходы по этому дѣлу около 5,000 р. и обязался внести за себя залогу 400,000 р., но за смертію не успѣлъ этого сдѣлать. Вообще изъ показаній Молво и Перозіо оказалось что Бѣляевъ, между знавшими его лицами, слылъ за человѣка богатаго, милліонера.

На другой день послѣ смерти Козьмы Бѣляева, т. е. 25-го сентября 1858 г., старшій помощникъ мѣстнаго надзирателя Рощковскій прибылъ въ квартиру

покойнаго для приведенія въ извѣстность и охраненія оставшагося послѣ него имущества и изъ составленнаго по этому случаю акта видно, что послѣ Бѣляева нашлись наличными деньгами 350 руб., старой серебряной монеты 25 штукъ и разнаго рода бумаги, которыя, впредь до составленія имъ описи, были опечатаны полицейскою печатью. О томъ, что послѣ Бѣляева осталось духовное завѣщаніе, въ актѣ не упоминается и опись имущества, какъ видно изъ дѣла, составлена не была.

Составлявшій и писавшій этотъ актъ, бывшій помощникъ надзирателя, коллежскій ассесоръ Францъ Рошковскій, при слѣдствіи показалъ, что опечатанія и описи имущества по смерти Бѣляева онъ не производилъ и полагаетъ, что этотъ актъ написанъ имъ по порученію надзирателя въ конторѣ квартала и не въ присутствіи подписавшихъ актъ свидѣтелей, такъ какъ еслибы онъ дѣйствительно составлялъ этотъ актъ въ квартирѣ Бѣляева, то увѣренъ, что запомнилъ бы обстановку и расположеніе комнатъ.

Бывшій надзиратель 4 квартала Литейной части, надворный совѣтникъ Павелъ Соколовъ, показалъ, что онъ не помнитъ, чтобы поручалъ Рошковскому, въ конторѣ квартала, составлять актъ объ опечатаніи имущества Бѣляева; самъ онъ, Соколовъ, для опечатанія имущества въ квартирѣ Бѣляева не былъ и, сколько припоминаетъ, въ то время былъ боленъ, такъ что въ январѣ 1859 года вышелъ въ отставку.

6-го ноября 1858 года вдова Козьмы Бѣляева, умершаго бездѣтнымъ, Екатерина Васильева Бѣляева, урожденная дворянка Попова, представила въ 1-й департаментъ С.-Петербургской Гражданской Палаты, для засвидѣтельствованія, домашнее духовное завѣщаніе отъ 10-го мая 1858 года, писанное коллежскимъ ассесоромъ Макаромъ Афиногеновымъ Целебровскимъ, подписанное завѣщателемъ только двумя словами «Козьма Бѣляевъ» и свидѣтелями: протоіереемъ Василіемъ Яковлевымъ Сицилинскимъ и медикомъ, коллежскимъ ассесоромъ Федоромъ Ивановымъ Отто.

По этому завѣщанію, написанному на одной страницѣ листа бумаги обыкновеннаго формата, покойный Бѣляевъ все движимое и недвижимое имѣніе, въ чемъ бы оно ни состояло и гдѣ бы оно ни оказалось, денежный капиталъ, какой будетъ на лицо, въ дѣлахъ и оборотахъ или въ долгахъ на другихъ, и всѣ его коммерческія предпріятія съ казною и частными лицами, предоставилъ въ неприкосновенную собственность своей жены, Екатерины Васильевой Бѣляевой, обязавъ ее сдѣлать выдачи: родной сестрѣ покойнаго, вдовѣ Аннѣ Васильевой Ремянниковой — 4,000 руб., вдовѣ Аннѣ Никифоровой Арефьевой—2,000 руб. и конторщику Бѣляева Николаю Дмитріеву Шмелеву — 3,000 р.

По засвидѣтельствованіи завѣщанія, 16-го ноября 1858 года, гражданскою палатою, Екатерина Васильева Бѣляева, по условію, совершенному нотаріальнымъ порядкомъ, 22-го декабря того же года, все доставшееся ей наслѣдство, вмѣстѣ съ двумя принадлежащими ей винокуренными заводами — комаровскимъ, въ Рязанской губерніи, и чурановскимъ, въ Вятской губерніи, и тихвинскою лѣсною дачею, уступила поручику Александру и коллежскому регистратору Ивану Константиновымъ Мясниковымъ за 392,653 руб. съ тѣмъ, что въ уплату этой суммы она приметъ сохранную росписку, выданную ея покойнымъ мужемъ 21-го мая 1858 года Александру и Ивану Мясниковымъ на 272,663 руб. 30 к. и затѣмъ Мясниковы обязались выплатить ей 120,000 руб., ежегодно по 12.000 руб. Въ условіи упомянуты тѣ торговыя предпріятія, принадлежавшія ея покойному мужу, право на которыя она передала Мясниковымъ, причемъ она обязалась на уступленныя имъ недвижимыя имѣнія выдать закономъ установленныя купчія крѣпости и предоставила имъ въ собственность всѣ иски по обязательствамъ съ умершаго несостоятельнаго должника Николая Мясникова, какъ выданныя на имя покойнаго ея мужа, такъ и скупленныя разными лицами, по его порученію.

12-го сентября 1859 года, племянникъ Козьмы Бѣляева, сынъ его родной сестры Надежды Васильевой, казанскій мѣщанинъ Иванъ Мартьяновъ, узнавъ о смерти дяди и прибывъ въ С.-Петербургъ, подалъ бывшему с.-петербургскому военному генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ, излагая обстоятельства, сопровождавшія смерть Бѣляева и появленіе духовнаго завѣщанія отъ 10-го мая 1858 года, а также послѣдовавшее расхищеніе имущества Бѣляева, заявилъ, что означенное завѣщаніе и сохранная росписка, выданная будто бы Бѣляевымъ на 272,653 руб. составлены подложно.

Прошеніе Мартьянова было передано на разсмотрѣніе 2-го департамента С.-Петербургской управы благочинія, опредѣленіемъ котораго ходатайство его объ изслѣдованіи дѣла было оставлено безъ послѣдствій съ предоставленіемъ ему права обратиться съ заявленіемъ спора о подлогѣ завѣщанія въ гражданскую палату.

Вскорѣ по объявленіи Мартьянову сего опредѣленія, онъ 18-го декабря 1859 года поступилъ въ Обуховскую больницу, гдѣ того же числа и умеръ отъ холеры.

Послѣ смерти Мартьянова, мать его, сарапульская мѣщанка Надежда Васильева Мартьянова, въ 1861 году предъявила въ С.-Петербургскую Гражданскую Палату споръ противъ завѣщанія Бѣляева, но также до окончанія дѣла умерла въ томъ же 1861 году, оставивъ духовное завѣщаніе, по которому право иска о недѣйствительности духовнаго завѣщанія Бѣляева предоставила мѣщанину Ивану Алексѣеву и женѣ его Аннѣ Николаевнѣ Ижболдинымъ и купчихѣ Зоѣ Николаевнѣ Пѣшехоновой.

По прошеніямъ наслѣдниковъ Мартьяновой, въ С.-Петербургской Гражданской Палатѣ до 1868 года производилось дѣло по спору противъ духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева. До окончанія дѣла въ гражданскомъ порядкѣ, Иванъ и Анна Ижболдины, 2-го іюля 1868 года, подали прокурору С.-Петербургскаго Окружнаго Суда жалобу, прося возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ братьевъ—капитана Александра и коллежскаго ассесора Ивана Мясниковыхъ, и мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова, по обвиненію ихъ въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени Козьмы Бѣляева. Произведеннымъ по этой жалобѣ предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что царскосельскій купецъ Иванъ Алексѣевъ Ижболдинъ, во время смерти Козьмы Бѣляева находился въ городѣ Сарапулѣ; прибывъ въ Петербургъ въ 1859 году, или даже позже, съ довѣренностію мѣщанки Мартьяновой для отысканія слѣдовавшаго ей, по смерти Бѣляева, наслѣдства и для оспариванія духовнаго завѣщанія, онъ обратился къ своему хорошему знакомому, бывшему управляющему дѣлами Мясниковыхъ, Федору Карлову Кемпе, который и объяснилъ ему, что духовное завѣщаніе Бѣляева фальшиво, что подписано за Бѣляева въ конторѣ Мясниковыхъ конторщикомъ, мѣщаниномъ Амфилогіемъ Карагановымъ и что Александръ Мясниковъ просилъ Кемпе подписаться на завѣщаніи свидѣтелемъ, но онъ отъ подписи отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что въ день составленія завѣщанія, 10-го мая 1858 года, не былъ въ С.-Петербургѣ. Кемпе говорилъ ему, что Карагановъ учился подписываться отъ имени Бѣляева. Кромѣ того, Кемпе говорилъ, что однажды, послѣ смерти Бѣляева, Иванъ Мясниковъ принесъ въ контору сохранную росписку отъ имени Бѣляева на простой бумагѣ, на сумму 300,000 руб. Кемпе, посмотрѣвъ росписку, замѣтилъ Мясникову, что слѣдовало бы написать ее на гербовой бумагѣ. На другой день Иванъ Мясниковъ показалъ Кемпе сохранную росписку на ту же сумму и на гербовой бумагѣ. Почетный гражданинъ Александръ Федоровъ Красильниковъ разсказывалъ, что Александръ Мясниковъ просилъ его подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева и что завѣщаніе подписалъ за Бѣляева двоюродный братъ Красильникова, Амфилогій Карагановъ. Управлявшій дѣлами Мясниковыхъ, Александръ Федоровъ Матвѣевъ, говорилъ при немъ,

что завѣщаніе подписано отъ имени Бѣляева Амфилогіемъ Карагановымъ и что Караганов учился дѣлать подписи Бѣляева. Имѣя подобныя свѣдѣнія о подлогѣ завѣщанія Бѣляева, Ижболдинъ, однажды, въ присутствіи свидѣтелей, уличалъ Караганова въ томъ, что онъ подписалъ духовное завѣщаніе за Бѣляева и сдѣлалъ фальшивые бланки Бѣляева на двухъ банковыхъ билетахъ, и Караганов противъ этого ничего не возражалъ. Кромѣ вышеизложеннаго, Ижболдинъ слышалъ о фальшивомъ завѣщаніи еще отъ купца Федора Красильникова и конторщика Мясникова, Дьяконова.

По полученіи этихъ свѣдѣній, Ижболдинъ обращался къ вдовѣ Бѣляева, Екатеринѣ Васильевой, съ предложеніемъ мировой, но она отослала его къ Александру Мясникову, сказавъ, что ее самое племянники обобрали. Купецъ Иванъ Чонинъ разсказывалъ, что на похоронахъ Бѣляева, Екатерина Васильева Бѣляева и Целебровскій, переписчикъ духовнаго завѣщанія, говорили, что покойный Бѣляевъ завѣщанія не оставилъ.

Жена купца Анна Васильева Ижболдина показала, что о подложномъ духовномъ завѣщаніи отъ имени Бѣляева она лично слышала отъ чиновника Матвѣева, камердинера Бѣляева Василія Китаева, и отъ столярнаго мастера Штеммера, которые передавали ей, что Екатерина Васильева Бѣляева, на похоронномъ обѣдѣ, при всѣхъ говорила, что покойный мужъ ея завѣщанія не оставилъ.

Отставной коллежскій секретарь Николай Семеновъ Германъ, бывшій повѣренный Ижболдиныхъ, показалъ, что однажды зимою, въ 1864 или 1865 году, онъ зашелъ въ трактиръ вмѣстѣ съ Амфилогіемъ Карагановымъ. Караганов, сознаваясь, что подписался на завѣщаніи за Бѣляева, объяснялъ, что Александръ Мясниковъ заставилъ его написать на одной бумагѣ «Козьма Бѣляевъ», говоря, что это такъ нужно, и что онъ, Караганов, исполнилъ это требованіе, не читавъ бумаги и не зная, что онъ подписываетъ духовное завѣщаніе.

Кронштадтскій мѣщанинъ Василій Михайловъ Китаевъ, бывшій камердинеръ покойнаго Бѣляева, показалъ, что послѣ смерти Бѣляева духовное завѣщаніе не было найдено и всѣ думали, что его нѣтъ, о чемъ онъ слышалъ также отъ управляющаго Мясниковыхъ, Федора Кемпе. Докторъ Отто тотчасъ послѣ похоронъ Бѣляева, на вопросъ его, Китаева, о завѣщаніи отвѣтилъ, что онъ подписывалъ много бумагъ, но духовнаго завѣщанія не подписывалъ. Сестра Бѣляева, Анна Васильева Ремянникова, также говорила ему, что Бѣляевъ завѣщанія не оставилъ, и онъ видѣлъ, какъ Ремянникова, въ день смерти Бѣляева, просила Александра Мясникова, кланяясь ему въ ноги, не оставить ее безъ вниманія, на что Мясниковъ отвѣтилъ, чтобы она не безпокоилась, что онъ все устроитъ. Чрезъ нѣсколько времени разнесся слухъ, что завѣщаніе открыто и что его привезъ къ Бѣляевой Александръ Мясниковъ. Въ день смерти Бѣляева, послѣдовавшей утромъ, около 11 часовъ, въ квартиру его приходилъ квартальный надзиратель съ помощникомъ, но Александръ Мясниковъ, выйдя въ переднюю, сказалъ надзирателю, что сегодня нельзя, потому что Екатерина Васильевна очень разстроена, а что можно опечатать на другой день. Дѣйствительно, на другой день были запечатаны въ кабинетѣ: пустая конторка и шкафы, этажерка съ бѣльемъ, шкафъ съ платьемъ, картины и жирандоли, но двери кабинета не были опечатаны. Тотчасъ послѣ смерти Бѣляева, Китаевъ, по требованію Александра Мясникова, вынулъ изъ-подъ подушки ключи покойнаго и передалъ ихъ Мясникову, который отперъ всѣ шкафы въ кабинетѣ, и онъ, Китаевъ, видѣлъ какъ Мясниковъ вынималъ бриллианты и золотыя вещи и переносилъ ихъ къ барынѣ въ спальню; въ это же время Александръ и Иванъ Мясниковы дали чиновнику Матвѣеву, изъ кабинета Бѣляева, портфель, но съ чѣмъ — не знаетъ. Въ 9 часовъ вечера Александръ Мясниковъ увезъ къ себѣ въ домъ всѣ дѣловыя бумаги, находившіяся въ кабинетѣ покойнаго. Бумаги, въ числѣ

которыхъ находились книги, были частію связаны веревками въ связки, частію были завязаны въ простыни. Находился ли при этомъ Иванъ Мясниковъ, онъ не помнитъ. Бѣляевъ прекратилъ свои занятія только за день до смерти и умеръ скоропостижно. Протоіерей Сицилинскій бывалъ только для службы, но въ гости не приходилъ. Целебровскій ходилъ иногда къ Бѣляеву съ дѣлами, но недѣли за двѣ до смерти покойный пересталъ его принимать. Въ день смерти Бѣляева, вдова его сказала Целебровскому, что онъ ей не нуженъ, но потомъ, спустя около 9 дней, принимала его раза 3 или 4, и въ то же время къ ней каждый день приходилъ Амфилогій Карагановъ.

Показанія Василія Китаева объ увозѣ Александромъ и Иваномъ Мясниковыми изъ кабинета Козьмы Бѣляева бумагъ и книгъ были подтверждены показаніями находившихся въ то время въ услуженіи у Бѣляева мѣщанъ: Александра Петрова, Михаила Афонасьева, Прокофія Зиновьева и горничной Бѣляевой — Елены Афонасьевой.

Вдова поручика Антонина Павлова Махаева объяснила, что, за недѣлю до смерти Козьмы Бѣляева, она почти постоянно была въ его домѣ и затѣмъ послѣ его смерти оставалась еще дней десять. Въ день смерти Бѣляева, вечеромъ, часу въ десятомъ, она видѣла, какъ Александръ Мясниковъ выносилъ изъ кабинета узлы съ вещами покойнаго, а Екатерина Бѣляева при этомъ переносила изъ кабинета въ свою спальню разныя бездѣлушки. При этомъ она совѣтовала Бѣляевой не довѣряться Мясниковымъ и не подписывать бумагъ не читая ихъ, и говорила, что слѣдовало бы опечатать имущество, какъ это обыкновенно дѣлается, на что Бѣляева ей отвѣчала, что она вполнѣ довѣряетъ своимъ племянникамъ. Былъ ли въ это время Иванъ Мясниковъ — она не помнитъ, но больше всего распоряжался Александръ Мясниковъ, который всѣ узлы приказывалъ нести въ свою карету, что повторялось раза три или четыре въ теченіе часа времени. Въ числѣ увезенныхъ Мясниковымъ бумагъ было и залоговое свидѣтельство на имѣніе ея, Махаевой, которое хранилось у Бѣляевой. Это свидѣтельство она получила обратно отъ Александра Мясникова. Недѣли черезъ двѣ послѣ смерти Бѣляева, Екатерина Васильевна сказала ей: «напрасно я тогда васъ не послушалась; я раскаяваюсь въ томъ, что подписала бумагу», но про какую бумагу говорила Бѣляева, она не помнитъ. О духовномъ завѣщаніи она, Махаева, ничего не слыхала и о появленіи его она узнала спустя мѣсяца два послѣ смерти Бѣляева. Какъ велико было состояніе Козьмы Бѣляева, она не знаетъ но что онъ былъ очень богатъ, то извѣстно было всѣмъ, кто его зналъ.

Мѣщанка Анна Васильева Ремянникова, родная сестра Козьмы Бѣляева жившая вмѣстѣ съ нимъ, показала, что о духовномъ завѣщаніи она узнала въ первый разъ по прошествіи 40 дней послѣ смерти ея брата, именно въ то время, когда вдова покойнаго выдала ей слѣдуемыя по завѣщанію 4,000 руб. До этого времени она о завѣщаніи ни отъ кого не слыхала. Въ день смерти Бѣляева, когда обмывали тѣло покойнаго, она видѣла, что выносили изъ кабинета бумаги, но кто выносилъ, не помнитъ. Целебровскій былъ адвокатомъ, но у Бѣляева не бывалъ и она въ домѣ его никогда не видала. Бѣляевъ писалъ много и всегда самъ.

Вдова Екатерина Васильева Бѣляева объяснила, что покойный мужъ ея за нѣсколько дней до смерти передалъ ей наединѣ сложенную бумагу, сказавъ: «возьми эту бумагу». Бумагу она отнесла къ себѣ въ спальню и тамъ развернувъ, увидѣла, что это духовное завѣщаніе, но не могла его дочитать, потому что была совершенно убита горемъ, и спрятала ее; только около 40-го дня послѣ смерти мужа прочла бумагу и выдала довѣренность Александру Мясникову, чтобы засвидѣтельствовать это завѣщаніе. Послѣ смерти мужа, кажется, еще до засвидѣтельствованія духовнаго завѣщанія и до истеченія шести недѣль, племянники ея, Александръ и Иванъ Мясниковы, предложили ей росписаться поручительницею на сохранной росписке ея мужа

въ 272,000 руб. Вся ли росписка была писана ея мужемъ, или только имъ подписана, не помнитъ. Впослѣдствіи, кажется въ декабрѣ 1858 года, желая раздѣлаться съ Мясниковыми по роспискѣ и не желая заниматься дѣлами, она передала имъ, по контракту, все имущество, доставшееся ей по завѣщанію мужа, количество котораго, по ихъ общимъ разсчетамъ, простиралось до 392,000 руб., и она продала все за эту сумму, такъ какъ это была ея воля. По какому случаю Мясниковы отдавали мужу на сохраненіе большую сумму денегъ, ей неизвѣстно, и объ этой сохранной роспискѣ мужъ ея, при жизни, ничего ей не говорилъ. Послѣ подписанія ею договора съ Мясниковыми, 22-го декабря 1858 года, сохранная росписка была уничтожена, но кѣмъ именно—не помнитъ. Въ день смерти ея мужа, Мясниковы взяли изъ ея кабинета только свои дѣла и бумаги, которыя лежали тамъ отдѣльно. На допросѣ же въ 1871 году, Екатерина Бѣляева, подтверждая изложенное показаніе, въ разъясненіе его присовокупила, что на данную ей мужемъ бумагу она только взглянула, но вовсе не начинала читать ея, и потому, что въ ней было написано, она въ то время не знала и только увидѣла, что это духовное завѣщаніе. Куда именно спрятала она эту бумагу—не помнитъ, но полагаетъ, что всего вѣроятнѣе она положила ее туда же, гдѣ лежали ея счеты и другія бумаги, т. е. въ спальню, на окно. Также она не можетъ утверждать, что дѣла и бумаги Мясниковыхъ лежали отдѣльно въ кабинетѣ ея мужа и не помнитъ, давала ли она позволеніе Мясниковымъ, въ день смерти мужа, взять ихъ бумаги изъ кабинета и обращались ли они къ ней за позволеніемъ, такъ какъ она въ этотъ день была очень разстроена и съ нею дѣлались обмороки. По предъявленіи Бѣляевой духовнаго завѣщанія ея мужа, она на допросѣ въ 1871 году объяснила, что то ли это завѣщаніе, которое ей было вручено ея мужемъ, она положительно утверждать не можетъ, ибо какъ при полученіи отъ мужа, такъ и при передачѣ завѣщанія Александру Мясникову, для засвидѣтельствованія, она завѣщанія не читала и въ него не всматривалась. Что мужъ ея не имѣлъ большихъ дѣлъ и капиталовъ, доказательствомъ того служитъ, что, за уплатою Мясниковымъ по роспискѣ 272,000 руб., она не только ничего не получила, но еще должна была изъ своего собственнаго имущества приплатить часть для погашенія долговъ покойнаго. Дѣлъ и капиталовъ мужа она при жизни его не знала; уступила же Мясниковымъ всѣ его предпріятія и свои два собственные завода: чураковскій и комаровскій и лѣсную дачу въ Тихвинскомъ уѣздѣ за 392,000 рублей, полагаясь на слова Мясниковыхъ, что уступаемое имъ болѣе не стоитъ, такъ какъ она имъ вѣрила, какъ своимъ собственнымъ дѣтямъ.

При обыскѣ, произведенномъ 20 февраля 1871 года въ домѣ Екатерины Бѣляевой, между прочимъ, найдены слѣдующія бумаги:

а) черновое вѣрующее письмо отъ имени Бѣляевой отъ сентября 1858 года, на имя Александра Мясникова. Въ этомъ письмѣ Бѣляева, не упоминая о духовномъ завѣщаніи, уполномочиваетъ Мясникова замѣнять мужа и ее во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ, касающихся покойнаго мужа ея и наслѣдства послѣ него;

б) черновое письмо на имя Ивана и Александра Мясниковыхъ, въ которомъ Бѣляева укоряетъ ихъ въ томъ, что они поступили съ нею несправедливо, и упоминая, что ими взяты всѣ безъ исключенія документы, оставшіеся послѣ ея мужа, угрожаетъ Мясниковымъ подать просьбу Государю, съ намѣреніемъ возобновить предъ Нимъ все произошедшее;

в) черновое письмо въ трехъ экземплярахъ одинаковаго содержанія на имя Александра и Ивана Мясниковыхъ, въ которомъ Бѣляева упрекаетъ Мясниковыхъ, что «они за поступки съ нею отдадутъ отчетъ Богу» и далѣе пишетъ, что «теперь спала съ ея глазъ завѣса, скрывавшая нечистыя дѣла воспользовавшихся тогдашнимъ ея горемъ»; упоминаетъ, что «она не можетъ совершить купчей крѣпости, такъ какъ имъ, кажется, слишкомъ хорошо

извѣстно, что они сами, собственными своими руками, всѣ находившіяся въ конторкѣ покойнаго ея мужа бумаги забрали себѣ домой». Снова угрожая Мясниковымъ подать Государю прошеніе съ изложеніемъ подробностей отъ начала смерти ея мужа, она выражается: «вы пріобрѣли отъ меня рѣшительно все, а заплатили невѣдомой для меня какой-то сохранной росписки»;

г) разсчетъ, писанный рукою Екатерины Бѣляевой, въ которомъ перечисляются, съ означеніемъ цѣны, уступленныя ею Мясниковымъ имѣнія и коммерческія предпріятія, съ присовокупленіемъ счета тѣхъ суммъ, которыя ей слѣдуетъ получить. Изъ этого разсчета оказывается, что Бѣляевой слѣдовало получить всего болѣе 700,000 рублей. На оборотѣ этого же листа находится черновая росписка Александра и Ивана Мясниковыхъ отъ января 1859 года въ томъ, что они обязуются уплатить Бѣляевой 20,000 рублей, по окончаніи винокуреній на чураковскомъ и комаровскомъ винокуренныхъ заводахъ и за участіе ея мужа въ откупахъ въ Ставропольской губерніи 20,000 рублей, а всего 40,000 рублей.

Екатерина Бѣляева, по поводу найденныхъ у ней, при обыскѣ, бумагъ, объяснила, что кѣмъ написаны черновыя письма на имя братьевъ Мясниковыхъ, ей неизвѣстно: такихъ писемъ она сама не писала и писать никому не поручала, и какимъ образомъ у нея оказались эти письма, она объяснить не можетъ. Относительно разсчета, писаннаго ея рукою, Бѣляева объяснила, что когда и съ какою цѣлію она писала этотъ разсчетъ—не помнитъ и объяснить по сему предмету ничего не можетъ. Черновая росписка въ 40,000 р. и довѣренность ея на имя Александра Мясникова—кѣмъ писаны не знаетъ, а предполагаетъ, что, можетъ быть, Шмелевымъ, бывшимъ конторщикомъ ея мужа.

Потомственный почетный гражданинъ Александръ Красильниковъ, бывшій компаньонъ Бѣляева по откупамъ, показалъ, что въ день похоронъ Козьмы Бѣляева, пріятель покойнаго, надворный совѣтникъ Степанъ Воронинъ, затѣмъ умершій, говорилъ съ удивленіемъ, что Бѣляевъ, такой аккуратный человѣкъ, не оставилъ духовнаго завѣщанія и что онъ спрашивалъ объ этомъ вдову покойнаго и она также сказала, что завѣщанія нѣтъ. Конторщикъ Бѣляева, Шмелевъ, женатый на его воспитанницѣ, также говорилъ Красильникову, что Бѣляевъ завѣщанія не оставилъ. Послѣ похоронъ, дня черезъ три или четыре, онъ, Красильниковъ, зашелъ къ Екатеринѣ Бѣляевой, чтобы поговорить съ нею по общимъ его дѣламъ съ ея мужемъ. При этомъ Бѣляева говорила, что хотя Козьма Васильевичъ и предполагалъ составить духовное завѣщаніе, но духовнаго завѣщанія, однакоже, нѣтъ. Это самое она повторила и при вторичномъ свиданіи.

Чиновникъ Александръ Матвѣевъ разсказывалъ Красильникову, что, въ день смерти Бѣляева, за нимъ прислалъ Александръ Мясниковъ и далъ ему, Матвѣеву, изъ дома Бѣляева большой пакетъ съ банковыми билетами, съ тѣмъ, чтобы онъ, Матвѣевъ, отнесъ пакетъ въ домъ Мясникова и положилъ въ его спальнѣ подъ подушку. По предъявленіи Красильникову, при слѣдствіи, духовнаго завѣщанія, отъ 10 мая 1858 г., онъ отозвался, что подпись на оном: «Козьма Бѣляевъ» — не похожа на настоящую подпись Бѣляева. Покойный всегда подписывался: «Фридрихсгамскій первостатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣляевъ», и писалъ такъ своеобразно, что трудно было подписаться подъ его руку. На завѣщаніи слово «Козьма» очень похоже на почеркъ Караганова, слово же «Бѣляевъ» написано лучше и очень похоже на тѣ подписи, которыя ему показывалъ Карагановъ на листѣ. Бѣляевъ, подписывая бумаги, имѣлъ обыкновеніе за подписью, на той же линіи, поодаль, ставить точку. Вообще Бѣляевъ имѣлъ обыкновеніе всѣ бумаги, даже отзывы въ кварталъ, писать собственноручно отъ начала до конца, и бумаги сочинялъ всегда самъ, потому что былъ хорошимъ юристомъ. Вслѣдствіе этого, Красильниковъ полагаетъ, что Бѣляевъ не поручилъ бы Целебровскому

написать духовное завѣщаніе и притомъ написалъ бы его не такъ, какъ завѣщаніе отъ 10 мая 1858 года: Бѣляевъ былъ человѣкъ аккуратный и въ завѣщаніи распорядился бы своими дѣлами какъ слѣдуетъ. Бѣляевъ, какъ ему извѣстно, велъ собственноручно три книги: меморіалъ, кассовую книгу и главную книгу, а въ конторахъ у него велись отдѣльныя книги по двойной бухгалтеріи, по каждому предпріятію отдѣльно. Кромѣ того, у Бѣляева постоянно лежалъ листъ бумаги, на которомъ онъ все записывалъ на память.

Изъ дѣла видно, что надворный совѣтникъ Матвѣевъ, подтвердившій ссылку Красильникова, былъ допрошенъ судебнымъ слѣдователемъ 8 іюля 1868 г. При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія, въ виду новыхъ обстоятельствъ дѣла, требовавшихъ разъясненій, Матвѣевъ не могъ быть допрошенъ, за смертію его, послѣдовавшей въ Маріинской больницѣ, куда онъ былъ доставленъ 25 августа 1868 года, и умеръ въ теченіе сутокъ.

Столярный мастеръ Федоръ Ивановъ Штеммеръ, управлявшій мебельнымъ магазиномъ Бѣляева, показалъ, что, послѣ похороннаго обѣда, Екатерина Васильева Бѣляева, при немъ, родственникѣ его Кемпе, купцѣ Каменскомъ, Целебровскомъ и Воронинѣ, нѣсколько разъ говорила, что завѣщанія нѣтъ, и уже впослѣдствіи, недѣль чрезъ 5 или 6, онъ узналъ отъ конторщика Бѣляева, Николая Шмелева, что завѣщаніе нашлось и что до этого Шмелевъ все время говорилъ, что завѣщанія нѣтъ. На другой или на третій день послѣ смерти Бѣляева онъ, Штеммеръ, пріѣхавъ къ его дому, встрѣтилъ у подъѣзда Александра Мясникова, который перевозилъ къ себѣ, въ двухъ или трехъ каретахъ, какія-то бумаги. Шмелевъ сказалъ ему, что Мясниковъ перевозилъ къ себѣ дѣла изъ кабинета. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ онъ нѣсколько разъ слышалъ отъ Матвѣева, что завѣщаніе Бѣляева фальшиво и что подписано оно Карагановымъ, при соучастіи Целебровскаго. Также Матвѣевъ разсказывалъ, что, въ день смерти Бѣляева, Александръ Мясниковъ вручилъ ему портфель съ секретными документами и золотую монету въ мѣшечкахъ, которую онъ считалъ вмѣстѣ съ Мясниковымъ и которой оказалось болѣе трехъ сотъ тысячъ. По предъявленіи Штеммеру духовнаго завѣщанія, онъ объявилъ, что подпись Бѣляева находитъ сдѣланною не его рукою.

Мѣщанинъ Петръ Николаевъ Клюевъ, бывшій писецъ въ конторѣ Бѣляева, показалъ, что о существованіи духовнаго завѣщанія онъ узналъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти Бѣляева, хотя все это время и слышалъ отъ Шмелева, что завѣщанія ищутъ. На четвертый день послѣ смерти Бѣляева, Шмелевъ передалъ ему, что Екатерина Васильевна Бѣляева высказывала жалобу, что Мясниковы ее ограбили и что изъ кабинета Бѣляева вывезли различныя бумаги, причемъ высказала предположеніе, что между этими бумагами было и духовное завѣщаніе. При этомъ Шмелевъ, какъ бы про себя, сказалъ, что Мясниковы затѣваютъ какое-то ужасное дѣло, а дня черезъ два сказалъ, что это именно подлогъ завѣщанія. Когда же Шмелевъ узналъ, что и ему отказано въ завѣщаніи, то сталъ уклоняться отъ разговоровъ и пересталъ говорить о завѣщаніи.

Коллежскій ассессоръ Константинъ Игнатьевъ Шимановскій показалъ, что повѣренный Бѣляевой, Чевакинскій, говорилъ ему, что слышалъ отъ самой Бѣляевой, что Мясниковы, послѣ смерти ея мужа, ночью обобрали его кабинетъ и вывезли изъ него книги, дѣла, деньги, однимъ словомъ — все, что въ немъ находилось, и затѣмъ, когда въ присутствіи полиціи были перебраны по листамъ оставшіяся бумаги, то въ нихъ ничего похожаго на завѣщаніе Бѣляева не нашлось. Потомъ, недѣли черезъ двѣ, Александръ Мясниковъ пріѣхалъ въ домъ Бѣляевой, прошелъ въ кабинетъ и оттуда вынесъ духовное завѣщаніе Бѣляева, найденное имъ, будто бы, въ опечатанномъ ящикѣ стола, и завѣщаніе это съ восторгомъ передалъ Бѣляевой. Чевакинскій говорилъ, что это завѣщаніе фальшивое, въ чемъ онъ убѣдился сличеніемъ почерка и тѣмъ,

что оно подписано только словами «Козьма Бѣляевъ», тогда какъ покойный всегда писалъ бумаги самъ, по 40 писемъ въ день; что во время написанія завѣщанія Бѣляевъ вовсе не былъ боленъ и ѣздилъ на какіе-то торги въ сенатъ; что Мясниковы предъявили Бѣляевой какую-то фальшивую сохранную росписку, писанную заднимъ числомъ, которую показали ей только издали и принудили Бѣляеву подписать какой-то контрактъ о передачѣ Мясниковымъ всего имущества Бѣляева, и что если завѣщаніе будетъ представлено къ дѣлу, то Мясниковы пойдутъ въ Сибирь. При этомъ Чевакинскій говорилъ, что онъ можетъ избавить Мясниковыхъ отъ бѣды тѣмъ, что возьметъ завѣщаніе отъ Бѣляевой къ себѣ, и если Мясниковы согласятся, то онъ убѣдитъ Бѣляеву сжечь завѣщаніе, а самъ объявитъ, что оно потеряно, и что тогда невозможно будетъ узнать о его фальшивости, но что за всѣ эти дѣйствія онъ дешево съ Мясниковыхъ не возьметъ. Въ январѣ 1868 года Чевакинскій, при встрѣчѣ съ нимъ, объявилъ, что онъ, Шимановскій, выставленъ свидѣтелемъ по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева и просилъ его быть съ нимъ за одно, говоря, что дѣло это грязное и что онъ уже измѣнилъ свое мнѣніе.

Крестьянинъ Иванъ Дьяконовъ показалъ, что съ 1846 года по 1852 онъ служилъ у Бѣляева управляющимъ и ревизоромъ по откупамъ, а въ 1858 году поступилъ на службу въ контору Мясниковыхъ. Бѣляевъ дѣловыя бумаги всегда писалъ самъ, и хотя у него бывало по 30 управляющихъ, но онъ съ ними переписывался всегда лично. Иногда случалось отъ Бѣляева получать бумаги, писанныя не его собственною рукою, а только имъ подписанныя. Бѣляевъ подписывалъ предписанія большею частію полнымъ титуломъ «первостатейный фридрихсгамскій купецъ Козьма Бѣляевъ», простыя же письма подписывалъ просто «К. Бѣляевъ». Письма поважнѣе всегда писалъ собственноручно. По предъявленіи Дьяконову духовнаго завѣщанія отъ 10 мая, онъ отозвался, что подпись кажется похожею на почеркъ Бѣляева, хотя, повидимому, сдѣлана больною рукою и стальнымъ перомъ, тогда какъ по почерку Бѣляева и ровному его письму онъ полагаетъ, что Бѣляевъ всегда писалъ гусинымъ перомъ. Въ апрѣлѣ или маѣ 1858 года Бѣляевъ былъ здоровъ и въ іюнѣ, какъ онъ слышалъ, ѣздилъ на торги въ сенатъ.

Крестьянинъ Андрей Кунаковскій показалъ, что въ ноябрѣ 1870 года, въ Задонскомъ уѣздѣ, мѣщанинъ Амфилогій Карагановъ, проживавшій на арендуемомъ Мясниковымъ винокуренномъ заводѣ, въ качествѣ ревизора, между прочимъ говорилъ, что «я своему хозяину Мясникову пользу принесъ, милліонъ рублей у купца отбилъ, всѣ деньги обобралъ. Обдѣлали такъ, что не оставили ему и на извощика на тотъ свѣтъ проѣхать. За это изъ всѣхъ денегъ Мясниковъ далъ мнѣ только 2,000 руб.». Это показаніе Кунаковскаго подтвердилъ безсрочно отпускной рядовой Илья Никитинъ Киселевъ, бывшій въ это время на постояломъ дворѣ, съ присокупленіемъ, что Карагановъ говорилъ, что онъ «отъ фридрихсгамскаго купца, лысаго, беззубаго старика, служившаго лакеемъ у Мясникова и неправильно нажившаго отъ него деньги и каменный домъ, отобралъ все хозяину своему, Мясникову, и за то, что отбилъ милліонъ рублей для Мясникова, получилъ отъ него только 2,000 р.»

Купецъ Петръ Герасимовъ Жуковъ, управляющій винокуреннымъ заводомъ Мясникова въ селѣ Подгорномъ, показалъ, что Амфилогій Карагановъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ до его арестованія по дѣлу числился на заводѣ какъ бы ревизоромъ и все это время велъ себя болѣе чѣмъ странно, позволяя себѣ такіе поступки, которые давали полное право думать, что онъ находится въ ненормальномъ состояніи. Караганов часто билъ стекла въ конторѣ и прочихъ службахъ, нерѣдко позволялъ себѣ, по ночамъ и между жилыми строеніями, стрѣлять изъ ружья; во время праздниковъ устраивалъ съ мужиками борьбу и, въ случаѣ неудачи, билъ въ кабакѣ посуду и тому подобное. Вообще всѣ поступки Караганова были хорошо извѣстны главному

управляющему Мясниковыхъ, Кошелькову, живущему также въ селѣ Подгорномъ.

Изъ найденныхъ при обыскѣ у купца Кошелькова, въ значительномъ числѣ, писемъ разныхъ лицъ, служащихъ на заводахъ и складахъ Мясниковыхъ, видно, что эти лица неоднократно доносили Кошелькову о неблаговидныхъ поступкахъ Караганова и вообще о его дурномъ поведеніи.

Мѣщанинъ Алексѣй Бѣляевъ, состоящій для разныхъ порученій на Подгорномъ винокуренномъ заводѣ и кассиръ завода, крестьянинъ Степанъ Ашкринъ, подтвердили, что Карагановъ года полтора числился на заводѣ въ должности главнаго ревизора, почти ничѣмъ не занимался и командировокъ ему никакихъ не давали; Мясниковъ держалъ Караганова, выдавая по 1,000 руб. въ годъ, съ добавленіемъ ежемѣсячнаго отпуска водки. Вслѣдствіе праздности, Карагановъ предавался пьянству, часто производилъ буйство и все это оставалось безнаказаннымъ.

Жена царскосельскаго мѣщанина Наталья Караганова показала, что Александра Мясникова она знала лѣтъ 15 и была съ нимъ въ связи года четыре. Въ день смерти купца Бѣляева, Александръ Мясниковъ былъ у ней утромъ въ ея квартирѣ, по Баскову переулку, и лишь только его лакей доложилъ ему, что Бѣляевъ сильно заболѣлъ, Мясниковъ ушелъ отъ нея, сказавъ, что придетъ къ ней вечеромъ. Часовъ въ 8 или 9 вечера, Мясниковъ принесъ къ ней довольно большой пакетъ разныхъ бумагъ, между которыми было много бумагъ, сколько припоминаетъ, зеленаго цвѣта. Всѣ эти бумаги Мясниковъ спряталъ въ ящикѣ ея туалета и ключъ взялъ съ собой. На другой день послѣ похоронъ Бѣляева, Мясниковъ взялъ къ себѣ оставленныя у нея въ туалетѣ бумаги. Нѣсколько дней спустя, какъ-то вечеромъ, Мясниковъ привезъ къ ней узелъ въ желтомъ фуляровомъ платкѣ и просилъ его спрятать. Предполагая, что это грязное бѣлье изъ бани, она бросила его подъ кровать. Дня черезъ два Мясниковъ спросилъ ее, куда она положила его деньги? На вопросъ же ея — какія деньги? онъ отвѣтилъ, что тѣ, которыя были въ данномъ ей узлѣ, и, узнавъ отъ нея, что она бросила узелъ подъ кровать, сказалъ ей: какъ можно быть такою неосторожною, вѣдь въ немъ 150,000 рублей. Послѣ этого, доставъ изъ-подъ кровати узелъ, онъ развязалъ его и сталъ считать оказавшіеся въ немъ кредитные билеты, перевязанные веревочками въ отдѣльные пакеты. Денегъ оказалось очень много, но было ли тамъ 150,000 р., она не знаетъ. Пересчитавъ деньги и взявъ ихъ съ собою, Мясниковъ тотчасъ же уѣхалъ, выразивъ при этомъ удивленіе ея честности. Въ этотъ же промежутокъ времени она какъ-то разъ видѣла, что къ подъѣзду квартиры Мясникова подъѣхали ломовые извощики съ сундуками большого размѣра и понесли ихъ къ Мясникову. Когда она спрашивала потомъ Мясникова объ этихъ сундукахъ, онъ ей отвѣтилъ, что въ нихъ привезли его дѣла, бывшія у покойнаго Бѣляева. Послѣ ея свадьбы съ приказчикомъ Мясникова, Карагановымъ, она тотчасъ уѣхала, по настоянію мужа, въ Козьмодемьянскъ, гдѣ жилъ его отецъ. Наканунѣ свадьбы она получила отъ Александра Мясникова 10,000 р., которые тотчасъ послѣ свадьбы отдала своему мужу. Мясниковъ уговаривалъ ее выйдти замужъ за Караганова, какъ она полагаетъ, потому, что хотѣлъ отъ нея избавиться, видимо не желая, чтобы она жила въ С.-Петербургѣ. Избавиться отъ нея онъ желалъ потому, что въ послѣднее время они постоянно ссорились и во время ссоръ она часто упрекала Мясникова, что онъ, вмѣстѣ съ докторомъ Отто, отравилъ Бѣляева и составилъ отъ имени Бѣляева духовное завѣщаніе. На всѣ ея упреки съ этой стороны, Мясниковъ обыкновенно смѣялся, но смѣхъ его былъ ненатуральный. О томъ, что Мясниковъ составилъ подложное завѣщаніе, она въ первый разъ слышала отъ доктора Отто, который ее лечилъ и однажды разсказалъ, что въ городѣ разнесся слухъ, что будто бы онъ, Отто, отравилъ Бѣляева, а Мясниковъ составилъ подлож-

ное завѣщаніе. О составленіи Мясниковымъ завѣщанія она также слышала отъ чиновника Матвѣева. Первое время послѣ свадьбы она жила съ мужемъ у его отца. Мужъ ея въ продолженіе года ничѣмъ не занимался и какое было у него состояніе, она не знаетъ, хотя первые три года онъ жилъ прилично и постоянно имѣлъ, повидимому, деньги. Сначала онъ завелъ свою хлѣбную торговлю въ Казани, а потомъ винную торговлю; но въ этихъ предпріятіяхъ онъ потерпѣлъ неудачи и, кажется, потерялъ какъ свой капиталъ, такъ и полученные ею отъ Мясникова 10,000 р. Сколько извѣстно изъ словъ мужа, Мясниковъ далъ ему до свадьбы только двѣ тысячи рублей, между тѣмъ какъ обѣщалъ давать ему ежегодно изъ кириловскихъ паевъ по двѣ съ половиною тысячи въ годъ, но этого не исполнилъ. Хотя ей мужъ и не говорилъ, за что Мясниковъ обѣщалъ ему кириловскіе паи, но она часто попрекала его тѣмъ, что эти паи обѣщаны за услугу, оказанную имъ въ темныхъ дѣлахъ Мясникова. Вообще мужъ ея о своихъ дѣлахъ ей ничего не говорилъ, а совѣтовался наединѣ съ своимъ отцомъ; а ее онъ какъ будто боялся и видимо подозрѣвалъ какъ ее, такъ и другихъ въ томъ, что его хотятъ отравить или убить. Такъ, онъ ходилъ постоянно съ револьверомъ въ карманѣ; велѣлъ однажды доктору анализировать пудру, найденную имъ у ея горничной, предполагая, что это отрава и, вообще, остерегался всѣхъ и каждаго. Доктора Отто она знала съ 1857 года. Въ то время онъ былъ человѣкъ очень бѣдный. Послѣ же смерти Бѣляева она слышала въ Казани, что онъ вдругъ сильно разбогатѣлъ, въ чемъ убѣдилась и лично, увидѣвъ его потомъ въ Петербургѣ. Живя въ Казани, она часто слышала разговоръ о завѣщаніи Бѣляева между мужемъ и его отцомъ, при чемъ ея мужъ при ней сознавалъ себя виновнымъ и говорилъ бывало: «Ахъ, Боже мой, что я сдѣлалъ», но прямо онъ не высказывался.

Вдова штабсъ-ротмистра Ульяна Дементьева вполнѣ подтвердила показаніе Караганової о привозѣ къ ней Мясниковымъ, на другой день похоронъ Бѣляева, узла съ 150,000 р., и присовокупила, что Караганова съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала изъ Казани, и до послѣдняго времени, много разъ получала деньги отъ Александра Мясникова, по сколько именно—не знаетъ, но никогда не получала менѣе 100 рублей. Въ разговорѣ съ нею, по поводу этихъ полученій, Караганова говорила, что Мясниковъ даетъ ей деньги за то, что она хранитъ его тайну о фальшивой духовной Бѣляева, но подробностей не говорила. Однажды Караганова при ней послала Мясникову письмо, писанное подъ диктовку ея знакомымъ Ивановымъ, въ которомъ выразилась такъ: «Я къ вамъ не милостыни хожу просить, а вы вспомните на счетъ духовной». Отвѣта на это письмо, сколько ей извѣстно, получено не было, но чрезъ нѣкоторое время Караганова дала ей 25 р., сказавъ, что это изъ денегъ Мясникова.

Мѣщанинъ Александръ Карагановъ показалъ, что въ 1862 году онъ слышалъ отъ Ивана Ижболдина и Александра Красильникова, что духовное завѣщаніе Бѣляева подложно и что участникомъ въ подлогѣ подозрѣваютъ его сына Амфилогія Караганова. Вслѣдствіе этихъ слуховъ и замѣтя нѣкоторую перемѣну въ своемъ сынѣ, видя его иногда задумчивымъ, разсѣяннымъ и думая, что его что-то тревожитъ, онъ спрашивалъ сына нѣсколько разъ, не виновенъ ли онъ въ составленіи духовнаго завѣщанія Бѣляева, но Амфилогій никогда на это опредѣленно не отвѣчалъ, даже просилъ его не говорить съ нимъ объ этомъ, высказывая, что, отвѣтивъ на его вопросъ правду, онъ боится его огорчить, и только однажды, очень неохотно и съ волненіемъ сказалъ, что онъ подписалъ бланкъ отъ имени Бѣляева, который его просили подписать, но кто просилъ, для чего и, вообще, подробностей не высказалъ и просилъ его объ этомъ не спрашивать.

С.-петербургскій мѣщанинъ Амфилогій Карагановъ объяснилъ, что, въ день смерти купца Бѣляева, Александръ Константиновичъ Мясниковъ, придя къ нему, или позвавъ его къ себѣ, — съ точностію не упомнитъ, — заявилъ

сперва о смерти Бѣляева и затѣмъ, выразивъ сожалѣніе о томъ, что не успѣлъ покончить съ Бѣляевымъ разсчетовъ и взять свой капиталъ, упросилъ его, не объясняя для какой цѣли, подписать имя и фамилію Бѣляева на листѣ бумаги большого формата. Не предполагая въ требуемомъ отъ него дѣйствіи ничего предосудительнаго, онъ исполнилъ желаніе Мясникова, причемъ старался, по возможности, поддѣлать свой почеркъ подъ почеркъ руки Бѣляева. Такъ какъ сначала поддѣлаться подъ почеркъ Бѣляева ему не удалось, то онъ испортилъ нѣсколько листовъ, и, наконецъ, найдя послѣднюю пробу, то-есть подпись Бѣляева, довольно сходною съ настоящею его подписью, онъ отдалъ тотъ бланкъ Александру Мясникову. По предъявленіи слѣдователемъ Караганову духовнаго завѣщанія отъ 10-го мая 1858 года, Караганов объяснилъ, что текстъ на предъявленномъ ему завѣщаніи писанъ, повидимому, рукою Целебровскаго; подпись же на этомъ завѣщаніи «Козьма Бѣляевъ» весьма возможно что сдѣлана имъ, но навѣрное этого сказать не можетъ. Предполагаетъ же, что эта подпись сдѣлана имъ потому, что когда онъ отдалъ Мясникову подложный бланкъ, то подпись Бѣляева на бланкѣ пришлась какъ разъ въ томъ же мѣстѣ, какъ на предъявленномъ ему завѣщаніи, и, сколько упомнитъ, подложный бланкъ Бѣляева онъ сдѣлалъ у себя въ комнатѣ стальнымъ перомъ. Какъ скоро послѣ смерти Бѣляева появилось духовное завѣщаніе, онъ не помнитъ, но приблизительно можетъ сказать, что черезъ нѣсколько дней, о чемъ онъ узналъ изъ разговоровъ служащихъ у Бѣляева или у Мясникова. За услугу, оказанную имъ Мясникову въ подписаніи бланка отъ имени Бѣляева, онъ ничего не получилъ. Послѣ смерти Бѣляева онъ оставался служить у Мясниковыхъ въ продолженіе 10 мѣсяцевъ, а потомъ, лѣтомъ 1859 года, отошелъ отъ нихъ и уѣхалъ въ Казанскую губернію, гдѣ открылъ свою собственную торговлю хлѣбомъ, отчасти на свои денежныя средства, отчасти же на кредитъ отъ разныхъ лицъ и отчасти на деньги жены. Оставляя у Мясниковыхъ службу, онъ получилъ въ награду 10 паевъ въ кириловскомъ откупѣ, каковые паи стоили двѣ тысячи рублей. Затѣмъ, поступивъ въ 1865 г. вторично на службу къ Мясниковымъ, онъ продолжалъ ее до послѣдняго времени, получая по должности главнаго ревизора 1,000 р. въ годъ. О сохранной роспискѣ, выданной Бѣляевымъ Александру и Ивану Мясниковымъ на 272,000 р., онъ въ первый разъ слышитъ и никогда и ни отъ кого не слыхалъ, чтобы Бѣляевъ бралъ деньги у Мясникова на сохраненіе.

Отставной ротмистръ Александръ Мясниковъ, занимавшій до 1871 года должность адъютанта начальника III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, не признавая себя виновнымъ въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени купца Козьмы Бѣляева, на допросѣ, въ 1868 году, объяснилъ, что Мясниковы еще не дошли до того, чтобы дѣлать подлоги для полученія 272,000 р. Бѣляевъ былъ не болѣе, какъ ихъ управляющій и опекунъ надъ малолѣтнимъ ихъ племянникомъ. Подписываться на завѣщаніи и сохранной роспискѣ ни Кемпе, ни Шеведева, ни Красильникова онъ не просилъ. Бѣляевъ при жизни своей нѣсколько разъ говорилъ, что все оставитъ женѣ своей. Послѣ смерти Бѣляева онъ, съ дозволенія Екатерины Васильевой Бѣляевой, поспѣшилъ взять изъ кабинета покойнаго свои бумаги и книги, которыя ему были очень нужны, потому что у него дѣла были по всей Россіи и онъ еще мало былъ знакомъ съ ними. Кабинетъ покойнаго былъ опечатанъ на другой день смерти. О существованіи завѣщанія онъ узналъ отъ Бѣляевой послѣ смерти ея мужа и увидѣлъ его тогда, когда она отдала ему завѣщаніе для представленія въ гражданскую палату. Бѣляева подписалась поручительницею на сохранной роспискѣ уже послѣ смерти ея мужа, кажется, до подписанія условія о передачѣ имъ дѣлъ покойнаго Бѣляева; но одинъ ли онъ, или вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ просили подписаться Бѣляеву поручительницею на роспискѣ — не помнитъ;

сдѣлано же это было для того, чтобы имъ быть болѣе обезпеченными. Когда онъ получилъ отъ Бѣляева послѣдній отчетъ—не помнитъ; полный разсчетъ съ Бѣляевымъ былъ у него передъ выдачею ему сохранной росписки. Была ли эта росписка вся писана Бѣляевымъ или только имъ подписана — не помнитъ; выдана же она была Бѣляевымъ по ихъ разсчетамъ и сумма ея была переведсна на золото и на серебро. Для окончанія дѣла о завѣщаніи миромъ съ Мартьяновымъ, на мѣсто его родины онъ никого не посылалъ. При допросѣ въ 1871 году Александръ Мясниковъ объяснилъ, что къ служившему у него конторщикомъ, Амфилогію Караганову, онъ въ день смерти Бѣляева не обращался съ просьбою поддѣлать на листѣ бумаги бланкъ Козьмы Бѣляева. Почему Караганов на него ложно показываетъ, ему неизвѣстно; но просить его о бланкѣ отъ имени Бѣляева, для составленія духовнаго завѣщанія, онъ не могъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, составлять завѣщанія отъ имени Бѣляева въ пользу его жены, для него не было никакой цѣли, ибо все имущество Бѣляева, какъ видно изъ собственноручно писаннаго имъ баланса въ сентябрѣ 1857 года, простиралось, за вычетомъ долга, всего на 65,000 р. и даже менѣе, а во-вторыхъ, онъ никогда не рѣшился бы просить своего конторщика поддѣлать чужой бланкъ, потому что могъ рисковать, что имъ же будетъ поддѣланъ бланкъ и отъ его имени и такимъ образомъ онъ лишится всего состоянія. Съ Натальею Карагановой онъ находился въ связи года два или три. Перевозилъ ли онъ къ ней послѣ смерти Бѣляева большой пакетъ съ бумагами и узелъ съ 150,000 р.—не помнитъ. Бумаги, взятыя имъ изъ кабинета Бѣляева послѣ его смерти, были разобраны имъ, его братомъ Иваномъ и, кажется, Целебровскимъ. Съ Обольяниновой, т. е. съ женою Караганова, онъ никакихъ разговоровъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева никогда не имѣлъ. Давалъ ли онъ Обольяниновой, по случаю ея свадьбы, деньги, и сколько именно, хорошо не помнитъ. Послѣ выхода замужъ, Караганова неоднократно просила у него денежной помощи, и онъ ей помогалъ небольшими суммами, но опасаться Карагановой ему не было ни малѣйшей причины, такъ какъ она ничего противъ него показать не можетъ.

Отставной надворный совѣтникъ Иванъ Константиновъ Мясниковъ, занимавшій до 1871 года должность почетнаго смотрителя с.-петербургскаго Вознесенскаго училища, не признавая себя виновнымъ въ составленіи подложнаго завѣщанія отъ имени Бѣляева, объяснилъ, что въ составленіи завѣщанія въ пользу Бѣляевой ему не было никакого интереса; сохранная росписка Бѣляева въ 272,000 р., при совершеніи договора 22-го декабря 1858 г., была передана Бѣляевой, и ею уничтожена. Въ 1858 году онъ уѣзжалъ въ Астрахань принимать рыбные промыслы; въ это время здоровье Бѣляева было плохо, а между тѣмъ онъ былъ долженъ ему и его брату Александру по счетамъ 272,000 р. Боясь, что Бѣляевъ скоро умретъ, онъ, Иванъ Мясниковъ, просилъ его выдать сохранную росписку, о чемъ, уѣзжая изъ С.-Петербурга, во избѣжаніе недоразумѣній, впослѣдствіи предупреждалъ и Бѣляеву, говоря, что у нихъ есть отъ ея мужа сохранная росписка. Послѣ смерти Бѣляева, Александръ Мясниковъ, съ дозволенія жены покойнаго, отобралъ въ кабинетѣ Бѣляева бумаги по ихъ дѣламъ и перевезъ къ себѣ въ контору. Бѣляевъ своихъ собственныхъ дѣлъ имѣлъ мало, а больше имѣлъ паи въ ихъ дѣлахъ. По возвращеніи изъ Астрахани, онъ нѣсколько разъ просилъ Бѣляеву напомнить мужу о сохранной росписке, чѣмъ она была недовольна. О существованіи духовнаго завѣщанія онъ узналъ послѣ смерти Бѣляева, но какъ скоро и при какихъ обстоятельствахъ, не помнитъ, такъ какъ онъ на это не обращалъ никакого вниманія. При совершеніи съ Бѣляевою маклерскаго условія, сохранная росписка была отдана Бѣляевой и ею уничтожена. Относительно стоимости рыбныхъ промысловъ, онъ, не видясь съ братомъ и не имѣя подъ рукою свѣдѣній, точно объяснить не можетъ. Знаетъ, что на третью часть Бѣляева было имъ внесено 8,000 р. залога. По переходѣ этихъ промыс-

ловъ отъ Бѣляевой, по сдѣлкѣ 22-го декабря 1858 г., въ собственность его и брата, промыслы были уступлены ими Трощинскому, но чрезъ сколько времени и за какую сумму—не помнитъ. Какіе откупа, въ какихъ городахъ и сколько паевъ имѣлъ Бѣляевъ въ 1857—1859 гг., онъ не помнитъ, и свѣдѣнія объ этомъ должны быть у его брата. Мебельный магазинъ, доставшійся имъ отъ Бѣляевой, былъ ими проданъ за 27,000 руб. или около того. Сколько стоили прочія коммерческія предпріятія Бѣляева, перешедшія въ ихъ собственность, по договору 22-го декабря 1858 г., онъ съ точностью не знаетъ.

При сличеніи, 18-го марта 1871 г., почерка подписи «Козьма Бѣляевъ», на духовномъ завѣщаніи 10-го мая 1858 года, съ несомнѣнными подписями Бѣляева, эксперты, въ числѣ пяти человѣкъ, объявили, что оспариваемая подпись на духовномъ завѣщаніи: «Козьма Бѣляевъ» — сходства съ его несомнѣннымъ почеркомъ не имѣетъ, какъ по характеру, такъ и по стилю буквъ, равно какъ по связи ихъ. Кромѣ того, росчеркъ въ подписяхъ Бѣляева совершенно свободный; на духовномъ же завѣщаніи этотъ росчеркъ не представляетъ и подобія несомнѣннаго росчерка, а выраженъ дурно скопированною чертою. Вообще подпись на духовномъ завѣщаніи: «Козьма Бѣляевъ» представляетъ весьма плохое подражаніе несомнѣннымъ подписямъ Бѣляева. Почеркъ самаго текста духовнаго завѣщанія одинъ и тотъ же, но первая половина текста писана сжато, а вторая разгонисто и послѣднія двѣ строчки снова сжаты такъ, что можно придти къ заключенію, что текстъ завѣщанія пригонялся къ подписи. Цвѣтъ чернилъ, коими писанъ текстъ завѣщанія, подпись отъ имени Бѣляева и подписи свидѣтелей Сицилинскаго и Отто, различенъ въ каждомъ изъ четырехъ почерковъ. По сличеніи подписи «Козьма Бѣляевъ» на духовномъ завѣщаніи съ почеркомъ обвиняемаго мѣщанина Амфилогія Караганова и съ сдѣланными имъ пробными подписями словъ: «Козьма Бѣляевъ», эксперты объявили, что подпись на духовномъ завѣщаніи съ несомнѣннымъ обыкновеннымъ почеркомъ Караганова на первый взглядъ сходства не имѣетъ; сходство это замѣчается только въ пробныхъ подписяхъ. Самъ по себѣ, почеркъ Караганова въ разное время представляется различнымъ и замѣчается, что Караганову можетъ измѣнять его по своему желанію. Въ обыкновенномъ почеркѣ Караганова, въ манерѣ письма нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ, напримѣръ *р, я, к, я*, замѣчается сходство съ манерою изображенія ихъ Бѣляевымъ, такъ что по изученіи почерка Караганова, эксперты полагаютъ, что онъ поддѣлался подъ руку Бѣляева; но нельзя положительно утверждать или отрицать, что подпись на завѣщаніи «Козьма Бѣляевъ» сдѣлана именно Карагановымъ, потому что подпись на завѣщаніи писана не смѣлою рукою, а нарисована.

Переписчикъ духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева, коллежскій ассесоръ Макаръ Целебровскій и подписавшіе завѣщаніе въ качествѣ свидѣтелей протоіерей Василій Сицилинскій и медикъ Федоръ Отто умерли. Целебровскій въ лечебницѣ душевныхъ болѣзней, куда онъ поступилъ 25-го апрѣля 1860 года, умеръ 21-го мая того же года; Сицилинскій умеръ 23-го апрѣля 1867 года, и Отто, заболѣвъ холерою 13-го іюля 1866 года, умеръ на другой день.

Во время производства въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, въ гражданскомъ порядкѣ, дѣла по спору, предъявленному противъ дѣйствительности завѣщанія Козьмы Бѣляева, капитанъ Александръ Мясниковъ, согласно требованію суда, основанному на ходатайствѣ истцовъ, 5-го февраля 1870 года представилъ суду: 1) подлинный дневникъ, веденный Бѣляевымъ, гдѣ въ ст. 70-й, отъ 21-го мая значится: «росписка Александру и Ивану Константиновичамъ Мясниковымъ въ 272,000 рублей», и 2) клочокъ бумаги, на которомъ карандашомъ рукою Бѣляева написано слѣдующее: «2. Ей же, женѣ моей, передаю я, по кончинѣ моей, всѣ права мои и по обязательствамъ и контрактамъ съ казною и частными людьми, и безъ оныхъ, а равно полученіе

съ должниковъ моихъ по актамъ, росписками и по другимъ разсчетамъ денегъ и уплату состоящихъ на мнѣ одолженій, если таковыя окажутся».

Во время производства предварительнаго слѣдствія, при обыскѣ, произведенномъ 11-го февраля 1871 года въ квартирѣ Александра Мясникова, въ числѣ разныхъ бумагъ и книгъ, поименованныхъ въ составленномъ о семъ протоколѣ, былъ найденъ клочокъ бумаги съ слѣдующими словами, написанными карандашомъ, по объясненію Мясникова, рукою покойнаго Козьмы Бѣляева: «что сіе завѣщаніе составлено дѣйствительно фр. перв. куп. К. В. Бѣл.».

Вслѣдствіе всего изложеннаго, Александръ Мясниковъ, 39 лѣтъ, Иванъ Мясниковъ, 38 лѣтъ, и Амфилогій Карагановъ, 37 лѣтъ, преданы были суду по обвиненію въ томъ, что въ концѣ сентября или въ началѣ октября 1858 года, по предварительному между собою уговору, подложно составили домашнее духовное завѣщаніе, отъ 10 мая 1858 года, отъ имени Козьмы Бѣляева, т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное 1691 ст. улож. о нак.

Дѣло слушалось въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 17—23 февраля 1872 г. Защищали — Александра Мясникова — прис. повѣр. *Арсеньевъ*, Ивана Мясникова — прис. пов. *Языковъ*, Караганова — прис. пов. *Деппъ*, повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ былъ докторъ правъ *Лохвицкій*.

На судебномъ слѣдствіи Мясниковы себя виновными не признали, но Карагановъ, говоря тихимъ голосомъ и сильно жестикулируя объяснилъ, что «вслѣдствіе неоднократныхъ несчастныхъ случаевъ, пожаровъ и другихъ, онъ потерялъ много здраваго смысла, много здоровья, а главное—много здраваго смысла... и что онъ виноватъ, подписалъ». Затѣмъ, постоянно останавливаясь, разговаривая съ самимъ собою, сбиваясь и задумываясь, онъ высказалъ, согласно со стенографическимъ отчетомъ, слѣдующее: «я постараюсь разсказать, какъ скончался Бѣляевъ, онъ, значитъ, какъ померъ... Я слышалъ, что онъ былъ передъ тѣмъ боленъ и мнѣ неизвѣстно, составилъ онъ духовное завѣщаніе или нѣтъ. А вотъ та бумага, которую мнѣ показывалъ слѣдователь,— такъ я, значитъ, долженъ начать съ того, о чемъ спрашивалъ слѣдователь. Служилъ я-съ конторщикомъ, или просто, исполнялъ въ одно и то же время и прочія дѣла и порученія: купить разную провизію, или тамъ прочее, что нужно было, или же исполнялъ всякія порученія, тоже по такимъ дѣламъ ихъ не мало бываетъ... Такъ или, кажется, такъ было: ко мнѣ ли пришли, или меня потребовали туда. Я, кажется, пошелъ было къ Бѣляеву, но не дошелъ къ нему. Меня кто-то встрѣтилъ и говоритъ, чтобы я пошелъ домой. Я былъ молодъ; мнѣ 26 лѣтъ было. Извините, я это сдѣлалъ, меня просилъ о томъ самъ Александръ Мясниковъ, говорилъ, что все должно пойти въ руки другихъ, что всѣ дѣла пойдутъ плохо, они потеряютъ много... Онъ говорилъ, что Бѣляевъ не оставилъ никакого завѣщанія, а я былъ такъ глупъ и такъ слабъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убитъ несчастіями и запуганъ, что сдѣлалъ. Несчастій въ моей жизни было много. Многія, собственно, по моей глупости, а потомъ пожары — и братъ пропалъ у меня, такъ что все это... Подписи Бѣляева я не учился дѣлать, но, кажется, пробовалъ, вѣроятно... не помню, какой листъ подписалъ, ей-Богу забылъ; припомнить трудно, не помню, какъ подписывалъ, только имя и отчество Бѣляева, или и званіе его, или только имя и фамилію, и куда я поставилъ подпись: въ началѣ страницы или въ концѣ ея? это совершенно забылъ. Вѣдь бываютъ же такія обстоятельства въ жизни, что человѣкъ совершенно не знаетъ ничего. Все можно забыть... Послѣ смерти Бѣляева они мнѣ дали паи. Послѣ смерти Бѣляева я скоро отошелъ отъ Мясниковыхъ,—это было въ іюнѣ или въ іюлѣ 1859 года, не помню въ точности».

На сводъ предсѣдателемъ его словъ въ томъ смыслѣ, что онъ, Караганов, помнитъ лишь, что послѣ смерти Бѣляева, А. Мясниковъ просилъ его поддѣлать подпись Бѣляева и что ему это нужно было для того, чтобы состояніе Бѣляева не перешло къ прямымъ наслѣдникамъ... Карагановъ отвѣчалъ: «да, да, просилъ или приказывалъ — этого не помню, это ужъ давно было. Смерть Бѣляева на меня такъ подѣйствовала; Бѣляевъ всѣмъ правилъ, все на немъ держалось».

По окончаніи допроса Караганова судомъ было постановлено о прочтеніи письма Караганова къ его отцу отъ 14 декабря 1870 г. и приложенной къ нему бумаги. Въ письмѣ Карагановъ проситъ отца сохранить эту бумагу, такъ какъ она впослѣдствіи можетъ быть полезна. Бумага же эта содержала духовное завѣщаніе Караганова. Онъ въ немъ завѣщаетъ своей матери на случай смерти, свое платье и различныя хозяйственныя принадлежности и говоритъ, что онъ съ самаго дѣтства былъ вѣренъ своимъ хозяевамъ, ревностно исполнялъ долгъ службы, взятокъ не бралъ, ничьего здоровья никакими ядами не портилъ, къ разнымъ низкимъ средствамъ не прибѣгалъ, а старался дѣйствовать прямо и открыто, не торговалъ женщинами, ни родными, ни чужими, никого не обижалъ напрасно, въ прочихъ же грѣхахъ и проступкахъ своихъ, вынужденныхъ обстоятельствами жизни и извѣстныхъ отцу, приноситъ истинное раскаяніе.

Экспертъ, вызванный судомъ, докторъ *Дюковъ*, объяснилъ, что къ нему былъ представленъ, для освидѣтельствованія умственнаго состоянія, подсудимый Амфилогій Карагановъ. Разспросивъ его о прошлой жизни, о всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могли бы давать поводъ думать о разстройствѣ его умственныхъ способностей, прочитавъ тѣ части дѣла, которыя относятся къ Караганову, для того чтобы получить объ немъ понятіе, Дюковъ пришелъ къ тому убѣжденію, что Карагановъ находится въ состояніи разстройства нервовъ. Онъ спросилъ объ Караганов мнѣніе врача, у котораго тотъ находился нѣсколько времени подъ наблюденіемъ, и докторъ Баталинъ сообщилъ, что онъ въ Караганов не замѣтилъ особыхъ явленій, которыя могли бы указать на разстройство умственныхъ способностей. Докторъ Баталинъ замѣтилъ однако, что Карагановъ на разнаго рода вопросы давалъ не всегда опредѣленныя объясненія, нѣкоторые вопросы перепутывалъ, и относительно другихъ ссылался какъ бы на запамятованіе. Но это обстоятельство нельзя причислить къ такимъ важнымъ явленіямъ, которыя могли бы давать поводъ къ заключенію о разстройствѣ его умственныхъ способностей. Слушая его показанія и отвѣты, которые имъ даны были на вопросы предсѣдателя, нельзя не видѣть, что способъ дачи показаній у него нѣсколько странный и заключается въ томъ, что онъ нѣкоторые вопросы не дослушиваетъ, что даетъ отвѣты медленно, не всегда опредѣленно, что нѣкоторые изъ его отвѣтовъ не относятся прямо къ вопросу, ему заданному, или что къ прямому отвѣту онъ примѣшиваетъ вещи, не имѣющія отношенія къ дѣлу; что, затѣмъ, онъ какъ бы старается дополнить свои отвѣты нѣкоторыми движеніями рукъ. Всѣ эти странности можно объяснить такъ, что онъ или мало развитъ, или невнимателенъ, или плохо слышитъ или, что хорошо слышитъ и внимателенъ— но не хочетъ отвѣчать. Но, во всякомъ случаѣ, всѣ эти странности не могутъ послужить основаніемъ къ предположенію о разстройствѣ умственныхъ его способностей. Вліяніе спирта вообще на память можетъ быть довольно значительное; но, примѣняясь къ Караганову, оказывается, что онъ натура крѣпкая, что хотя у него, кажется, и были припадки бѣлой горячки, но припадки эти были незначительные; онъ нѣсколько разъ, какъ видно изъ дѣла, покушался на самоубійство, бросился однажды въ мельничное колесо; все это указываетъ на то, что у него была бѣлая горячка, но что, тѣмъ не менѣе, натура его такъ крѣпка, что можетъ вынести вліяніе спирта, безъ особенно дурныхъ послѣдствій. Съ другой сто-

роны, въ немъ подмѣчается распорядительность относительно вещей, которыя онъ долженъ помнить и т. д. Что касается до запамятованія имъ многихъ обстоятельствъ, то это скорѣе всего можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ жизнь праздную, серьезнымъ дѣломъ не занимался—и при этомъ выпивалъ; кромѣ того, онъ много путешествовалъ. Все это въ немъ могло создать разсѣянность, невнимательность и нѣкоторую запутанность въ воспоминаніяхъ. Имѣя подъ своимъ наблюденіемъ болѣе 2,000 сумасшедшихъ, докторъ Дюковъ ни въ одномъ субъектѣ не замѣтилъ того, что замѣтилъ въ немъ. Сумасшествіе есть опредѣленная картина, которая составляется изъ извѣстныхъ группъ припадковъ. Такимъ образомъ, извѣстная опредѣленная группа припадковъ составляетъ извѣстнаго рода умопомѣшательство. То, что можно замѣтить у Караганова, не представляетъ ни одной группы явленій, которая бы могла указать на то, что онъ страдаетъ какою либо формой помѣшательства. Замѣтно, что онъ какъ-то стѣсняется, женируется, боится. По замѣчанію доктора Баталина, Караганов относительно его, сначала, держался такъ же, но потомъ, когда съ нимъ сошелся и когда они оставались вдвоемъ, то Караганов совершенно измѣнялся, разговаривалъ, держался съ нимъ за панибрата, игралъ на скрипкѣ и проч. Но только что къ нему относятся критически, только что его хотятъ разспросить, онъ тотчасъ становится скучнымъ, отвѣчаетъ разсѣянно и проч.

Полицейскій врачъ *Баталинъ* показалъ, что Караганов находился подъ его наблюденіемъ, и, съ самаго начала, не было никакихъ поводовъ къ заключенію объ умственномъ его разстройствѣ, потому что когда съ нимъ врачъ оставался наединѣ, то онъ постоянно отвѣчалъ на вопросы положительно и точно. Впослѣдствіи Баталинъ и Караганов мало-по-малу познакомились и были въ хорошихъ отношеніяхъ, такъ что онъ всегда, когда Баталинъ приходилъ къ нему, съ нимъ смѣялся, весело разговаривалъ и игралъ на скрипкѣ. Но когда докторъ приглашалъ съ собою другое лицо, то Караганов измѣнялся, поднималъ глаза кверху, повторялъ вопросы нѣсколько разъ, отвѣчалъ какъ-то не точно. На вопросъ, почему онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ, что онъ чувствуетъ себя не такъ здоровымъ и указывалъ на то, что въ прежнее время довольно много и часто выпивалъ и что, кромѣ того, сильно груститъ, потому что содержится въ части. При дальнѣйшихъ наблюденіяхъ оказалось, что всѣ отправленія Караганова правильны, спитъ онъ ночью хорошо, никогда не просыпается, ведетъ себя тихо, не буянитъ, только изрѣдка проситъ выпить. Хотя онъ дѣлалъ иногда такіе поступки, на основаніи которыхъ можно было подозрѣвать, что онъ былъ пьянъ, но не представлялось никакихъ основаній заключать объ умственномъ его разстройствѣ. Тѣмъ не менѣе, Баталинъ для устраненія всякихъ сомнѣній, написалъ на свидѣтельствѣ, что считаетъ нужнымъ подвергнуть Караганова наблюденію врача-спеціалиста. Поэтому за нимъ наблюдали доктора Дюковъ и Шульцъ—оба спеціалисты, и оба эти доктора пришли къ заключенію, что онъ умственно не разстроенъ.

При допросѣ многочисленныхъ свидѣтелей, показывавшихъ о безобразныхъ поступкахъ и пьянствѣ Караганова на Задонскомъ заводѣ Мясниковыхъ и о томъ, что ему давалось жалованье въ 1,200 р. въ годъ за полнѣйшее бездѣйствіе,—Караганов часто ихъ прерывалъ, вскакивалъ, спорилъ съ ними о совершенно побочныхъ обстоятельствахъ, потомъ умолкалъ на цѣлые дни или повторялъ, по временамъ: «виноватъ, подписалъ, мой грѣхъ». На второй день засѣданія экспертамъ по сличенію почерковъ, въ числѣ 15 человѣкъ, предложены, между прочимъ были три вопроса: 1) имѣетъ ли подпись «Козьма Бѣляевъ» на завѣщаніи сходство съ несомнѣнными подписями Бѣляева на другихъ бумагахъ? 2) замѣчается ли сходство между подписями Караганова и подписью «Козьма Бѣляевъ» на завѣщаніи и 3) писанъ ли текстъ

духовнаго завѣщанія во всѣхъ частяхъ одинаковымъ, по растяжимости, почеркомъ и одинаковыми съ подписями чернилами? Послѣ шестичасоваго совѣщанія эксперты пришли къ единогласному выводу, что, по внимательномъ разсмотрѣніи подписи на завѣщаніи, очень похожей на подпись Бѣляева, оказывается, что она внушаетъ сильное сомнѣніе, такъ какъ почеркъ Бѣляева на духовномъ завѣщаніи, при сравненіи съ несомнѣнными его подписями, оказывается крупнѣе, грубѣе и самая подпись сдѣлана нетвердою, несвободною рукою;—буквы въ отдѣльности писаны съ перерывомъ, какъ бы срисованныя, а буква ъ по своей формѣ отличается вполнѣ отъ той же буквы во всѣхъ несомнѣнныхъ подписяхъ Бѣляева. Что касается до сходства между почеркомъ Караганова и подписью на завѣщаніи, то ея нѣтъ, но по роду надписей, сдѣланныхъ имъ при предварительномъ слѣдствіи, есть основаніе допустить, что онъ могъ сдѣлать эту подпись подъ руку Бѣляева. Наконецъ, относительно способа письма текста завѣщанія эксперты нашли, что первыя 17 строкъ писаны сжато, затѣмъ до слова «Целебровскій» разгонисто, а остальное снова сжато, но уже не такъ, какъ въ началѣ. Въ общемъ эксперты нашли, что хотя въ подписи каждая черточка написана отдѣльно и притомъ не смѣлою, а какъ бы дрожащею рукою, но въ общемъ поддѣлка все-таки должна быть признана очень искусною.

Допрошенные въ судебномъ засѣданіи свидѣтели подтвердили, по большей части, свои прежнія показанія. Допросъ вдовы Бѣляевой продолжался болѣе четырехъ часовъ, причемъ, поддерживая свое наиболѣе благопріятное для обвиняемыхъ показаніе, она настойчиво заявляла, что не считаетъ себя обиженною Мясниковыми и не имѣетъ никакого повода сомнѣваться, чтобы мужъ, нѣжно ее любившій, могъ не оставить завѣщанія въ ея пользу. Сдѣлку свою съ Мясниковыми она находила правильною съ ихъ стороны и для себя безобидною, такъ какъ она сама управлять заводами не могла и сдѣлалась бы, вѣроятно, жертвою обмановъ со стороны арендаторовъ и приказчиковъ. Послѣ ея показанія были прочитаны документы изъ обширнаго дѣла по опекѣ надъ малолѣтнимъ Шишкинымъ, изъ которыхъ видно, что съ 1864 года между Бѣляевою и Мясниковыми происходили раздоры, доходившіе до разбирательства С.-Петербургскаго губернскаго предводителя дворянства. Были также прочитаны относящіяся къ этому періоду письма Бѣляевой къ Мясниковымъ съ угрозами довести до Высочайшаго свѣдѣнія «все начиная со дня смерти ея мужа».

Ихъ вновь вызванныхъ свидѣтелей особенно оригинальное и неожиданное показаніе далъ провинціальный секретарь Шевелевъ, доставленный, въ виду его заявленія о желаніи дать чрезвычайно важное показаніе по дѣлу, изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ содержался по обвиненію въ политическомъ преступленіи. Объявивъ, что онъ судился въ Ковенской Уголовной Палатѣ за преступленіе должности и въ Версальскомъ военномъ судѣ за участіе въ возстаніи Парижской коммуны—онъ показалъ, что въ 1866 г. Ижболдинъ, путемъ обѣщанія денежныхъ средствъ для побѣга за границу во время производства графомъ Муравьевымъ дѣла о преступномъ покушеніи Каракозова, вынудилъ его, подъ диктовку Сысоева, написать письмо, въ которомъ онъ, какъ очевидецъ, разсказывалъ о подлогѣ завѣщанія Бѣляева Мясниковыми чрезъ посредство Караганова. Сознавая, что это письмо несправедливо по отношенію къ его бывшимъ хозяевамъ—онъ былъ ихъ приказчикомъ по откупному дѣлу, отошелъ вслѣдствіе взведеннаго на него обвиненія въ присвоеніи и растратѣ—Шевелевъ писалъ его лишь потому, что «цѣль оправдываетъ средства». Затѣмъ, выданный французскимъ правительствомъ и не получивъ, кромѣ того, обѣщанныхъ Ижболдинымъ въ росписке на имя жены его, Шевелева, денегъ, онъ рѣшился раскрыть всю правду. Показаніе свое Шевелевъ давалъ въ шуточномъ тонѣ, вызывая не разъ напоминаніе со стороны предсѣдателя, котораго онъ называлъ «мой президентъ»

и просилъ вызвать себя еще разъ, ибо онъ «герметически закупоренъ». На вопросъ о судимости онъ, между прочимъ, заявилъ, что приговоренъ въ Версали «къ разстрѣлу, но приговоръ, какъ, быть можетъ, присутствующіе изволятъ усмотрѣть, не приведенъ въ исполненіе». При очныхъ ставкахъ съ Ижболдинымъ и Сысоевымъ, которые безусловно отрицали справедливость его показанія, онъ упорно стоялъ на своемъ, объясняя, что писалъ письмо на квартирѣ Ижболдина, куда могъ придти, ибо, содержась по подозрѣнію въ прикосновенности къ политическому дѣлу въ Спасской части, былъ свободно отпускаемъ одинъ гулять по городу.

Другой новый свидѣтель, отставной полковникъ Ивановъ, вызванный Мясниковыми въ свою защиту, давая свое показаніе и энергически обвиняя нѣкоторыхъ свидѣтелей, доказывавшихъ подложность завѣщанія, очень горячился и, во время перекреснаго допроса, зашатался, упалъ и тотчасъ же умеръ. Четвертый день засѣданія былъ всецѣло посвященъ подробнымъ объясненіямъ сторонъ о состояніи Бѣляева, причемъ ими дѣлались обширныя ссылки на многочисленные документы, пріобщенные къ дѣлу и приводились выводы изъ нихъ. Наконецъ былъ причитанъ рядъ телеграммъ и писемъ, относящихся до пребыванія Караганова въ Задонскомъ уѣздѣ, на заводѣ Мясниковыхъ. Тамъ, между прочимъ, были прочитаны телеграммы Мясникова и Кошелькова другъ къ другу и къ Караганову, изъ которыхъ видно, что въ 1866 и 1868 г.г. послѣдняго всѣми мѣрами удерживали на заводѣ, отклоняя отъ свиданія съ родными, извѣщая въ то же время о здоровьи его отца. 28 октября 1868 г. Кошельковъ телеграфируетъ Мясникову: «Высказано все. Нужно быть спокойнымъ въ преданности Караганова. Ростовъ». 29 октября 1868 г. Мясниковъ телеграфируетъ Кошелькову изъ Петербурга: «Просьбу Караганова исполню Козьмодемьянскъ. Но теперь рано, пусть обождетъ немного». Въ письмѣ Цыпина къ управляющему складами въ Новочеркаскѣ, Кошелькову, въ 1869 году, между прочимъ, говорится: «Карагановъ обращается постоянно съ требованіями о выдачѣ ему денегъ, на что не имѣя ни отъ кого разрѣшенія, я и завѣдующій складами Корягинъ, не могли вполнѣ исполнять его настоятельныхъ требованій, чѣмъ и навлекали на себя непріятныя отношенія и угрозы; но видя веденные имъ съ вами переговоры, хотя не зная оклада и текущаго съ нимъ разсчета, все таки были вынуждены выдать ему разновременно въ декабрѣ по настоящее число— 45 р. А какъ нынѣ, полученной отъ васъ депешей, вы поручаете Караганову остаться въ Ростовѣ, наблюдать отправку спирта, то различныя требованія его могутъ значительно усилиться, и съ нимъ ладить будетъ трудно. Г. Карагановъ въ Ростовѣ пользуется весьма незавиднымъ положеніемъ и, при постоянномъ разгулѣ, въ наблюденіи за дѣломъ отправки едва ли принесетъ какую либо пользу». 17-го апрѣля 1869 г., Гудковъ телеграфируетъ изъ Воронежа Кошелькову, что Карагановъ прибылъ въ Воронежъ 17 апрѣля, въ первомъ часу. 27-го мая тотъ же Гудковъ пишетъ: «Амфилогій Александровичъ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ куда— доложить не могу. *Денегъ потребовалъ такимъ образомъ, что я не рѣшился отказать,* избѣгая непріятностей и шуму».

Было также прочитано письмо отъ 4 февраля 1860 г., написанное Караганомъ своему брату Аполлону, который, какъ видно изъ дѣла, пропалъ безъ вѣсти въ Астрахани, въ которомъ заключаются нѣкоторыя указанія для характеристики взглядовъ Караганова на жизнь и его тогдашнія правила.

«Въ дѣлахъ.... веди себя умненько, осторожно и старайся не ударить лицомъ въ грязь. О начальствѣ мнѣнія никакого не высказывай. Мнѣнія эти: камни, которыми будутъ въ тебя бросать. Держи камень за пазухой, бесѣдуя со врагомъ. Въ письмахъ будь остороженъ и скрытенъ. Помни пословицу: «бумажки лоскутокъ далеко поведетъ»... Отъ угощеній съ товарищами отказывайся, говоря: «охотно бы, съ удовольствіемъ, въ другой разъ,

а теперь никакъ нельзя». Отговорки свои сочиняй съ толкомъ и осторожно чтобы кого нибудь не обидѣть. Вина не пей: въ немъ корень всякихъ неудовольствій. Языкъ держи за зубами, со всѣми будь вѣжливъ и услужливъ» и т. д.

Присяжнымъ засѣдателямъ было поставлено на разрѣшеніе шесть вопросовъ, изъ коихъ *первый*—о подложности завѣщанія Козьмы Бѣляева отъ 10 мая 1858 г. *второй, третій* и *пятый*—о виновности подсудимыхъ въ этомъ подлогѣ, *четвертый* — о виновности Ивана Мясникова въ попустительствѣ этого подлога и *шестой*—объ состояніи умственныхъ способностей Карагановa при совершеніи подлога.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей завѣщаніе признано *неподложнымъ*. По протесту прокурора окружнаго суда уголовный кассаціонной департаментъ отмѣнилъ это рѣшеніе и передалъ дѣло для новаго разбирательства въ Московскій окружный судъ, гдѣ послѣдовалъ снова такой же приговоръ.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Вамъ предстоитъ произнести приговоръ по дѣлу, которое, по своей трудности, сложности и важности, превышаетъ всѣ дѣла, разбиравшіяся до сихъ поръ въ стѣнахъ этого суда. Трудности эти состоятъ, прежде всего, въ томъ, что преступленіе, о которомъ идетъ рѣчь, совершено уже давно, очень давно — 14 лѣтъ тому назадъ. Затѣмъ, предъ вами, вопреки тому, что бываетъ въ большей части преступленій, не является потерпѣвшаго лица, а между тѣмъ его помощь необходима правосудію въ дѣлѣ, въ которомъ существуютъ разсчеты коммерческіе, такъ какъ оно одно можетъ объяснить ихъ обстоятельно и полно. Наконецъ, все дѣло, въ самомъ ходѣ своемъ, представляется до того необычнымъ, до того неправильнымъ, что уже это одно способно затемнить въ немъ многое и многое. Тутъ соединилось все: и давность совершенія преступленія, и неумѣлость мелкихъ ходатаевъ, которые, ведя дѣло съ начала, искажали и путали его, и,—наконецъ, самое главное и непреодолимое препятствіе,— смерть, которая въ теченіе десяти лѣтъ, прошедшихъ до начатія слѣдствія, похитила послѣдовательно цѣлый рядъ весьма важныхъ свидѣтелей.

Вы уже знаете въ общихъ чертахъ и ходъ дѣла, и тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось его возникновеніе. Въ 1858 г. въ Петербургѣ умеръ первостатейный фридрихсгамскій купецъ Козьма Бѣляевъ, слывшій за человѣка очень богатаго. Онъ оставилъ послѣ себя духовное завѣщаніе. Этимъ духовнымъ завѣщаніемъ онъ отказывалъ все имущество свое въ пользу вдовы; вдова представила завѣщаніе въ гражданскую палату и была утверждена въ правахъ наслѣдства. Но затѣмъ, черезъ годъ, возникло сомнѣніе въ подлинности завѣщанія.

Одинъ изъ наслѣдниковъ покойнаго Бѣляева, мѣщанинъ Мартьяновъ, прибылъ изъ Сарапуля въ Петербургъ и началъ вести дѣло, но вскорѣ умеръ. За дѣло взялась тогда его мать, которая точно также умерла въ непродолжительномъ времени, и движеніе дѣла такимъ образомъ остановилось. Чрезъ годъ явился въ Петербургъ мѣщанинъ Ижболдинъ, наслѣдникъ Мартьяновой, и снова принялся за дѣло, которое затѣмъ и потянулось очень медленно. Проволочка старыхъ судовъ сказалась на немъ весьма ярко и лишь послѣ долгихъ колебаній, только въ 1868 году, почти чрезъ десять лѣтъ со смерти Бѣляева, возбуждено было впервые слѣдствіе. Но въ какомъ положеніи застало это слѣдствіе самое гражданское дѣло? Ни свидѣтелей, подписавшихся на завѣщаніи, ни переписчика Целебровскаго, ни ближайшихъ къ Бѣляеву людей — Кемпе и Каменскаго — не было уже въ живыхъ. Въ такомъ положеніи дѣло перешло къ слѣдователю и окончилось ничѣмъ, оставивъ послѣ себя, уже какъ уголовное слѣдствіе, однако, одну заслугу, состоящую въ томъ, что имъ была прервана давность, которою могло покрыться преступленіе. Только впослѣдствіи случай далъ возможность возбудить уголовное дѣло вновь, — и вотъ въ настоящее время оно подлежитъ вашему разсмотрѣнію. Вамъ, гг. присяжные, предстоитъ пристально вглядѣться въ отдаленное прошлое, сквозь заслоняющую его массу томовъ и документовъ, находящихся передъ вами, сквозь цѣлый ворохъ именъ и чиселъ; вамъ придется всмотрѣться въ ту даль, на которой написано «1858 годъ»; вамъ надлежитъ безпристрастнымъ взглядомъ оцѣнить обстановку, окружавшую возникновеніе завѣщанія Бѣляева, и затѣмъ произнести вашъ приговоръ. Неустанное вниманіе, съ которымъ вы относились къ дѣлу въ теченіе всѣхъ пяти дней производства судебнаго слѣдствія, служитъ ручательствомъ, что вы будете помнить и уже усвоили себѣ его сложныя обстоятельства. Вѣроятно, у васъ составилось уже извѣстное убѣжденіе, сложившееся подъ вліяніемъ всѣхъ впечатлѣній, почерпнутыхъ здѣсь, на судѣ. Поэтому намъ — сторонамъ въ дѣлѣ—едва ли нужно усиленно убѣждать васъ въ виновности или невиновности подсудимыхъ и настойчиво излагать передъ вами наши противуположныя мнѣнія. Я нахожу болѣе умѣстнымъ развить передъ вами ходъ соображеній, которыми руководствовалась обвинительная власть, приводя обвиняемыхъ передъ васъ и нынѣ ихъ обвиняя. Прежде чѣмъ приводить эти соображенія, я не могу скрыть, что на дѣлѣ этомъ, какъ на какомъ нибудь нездоровомъ организмѣ, являются, такъ сказать, болѣзненныя, ненормальныя новообразованія, которыя какъ обвиненію, такъ и защитѣ одинаково мѣшаютъ разсматривать дѣло въ его надлежащей простотѣ. Обстоятельства, въ коихъ выразились они, могутъ быть направлены преимущественно противъ обвиненія, а потому, прежде всего, я считаю нужнымъ раздѣ-

латься съ ними, извлечь ихъ изъ дѣла и затѣмъ, расчистивъ на сколько возможно, свой путь, двинуться впередъ въ изложеніи обвинительныхъ доводовъ.

Первое изъ этихъ постороннихъ обстоятельствъ заключается въ томъ, что по этому дѣлу, помимо судебной власти и на ряду съ этой властью, которая сначала бездѣйствовала,—является оживленная дѣятельность частныхъ лицъ; на ряду съ мѣрами, предпринятыми для изслѣдованія дѣла оффиціальнымъ путемъ, существуетъ цѣлый рядъ дѣйствій Ижболдина и его повѣренныхъ, которыя едва ли служатъ на пользу дѣлу. Для характеристики этихъ дѣйствій, достаточно припомнить дѣйствительно характеристическое, оригинальное показаніе свидѣтеля Ижболдина, который является вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданскимъ истцомъ. Свидѣтель этотъ показалъ, что онъ сарапульскій мѣщанинъ, бывшій прежде въ Петербургѣ на весьма короткое время и прибывшій сюда снова уже послѣ того, какъ прошелъ слухъ о завѣщаніи. Въ Петербургъ онъ прибылъ человѣкомъ новымъ, робкимъ провинціаломъ. Когда онъ прибылъ сюда, на нашемъ общественномъ горизонтѣ еще не сіяло солнце судебныхъ уставовъ, а во тьмѣ судебныхъ канцелярій царствовали еще старинные порядки, и тайна дѣлопроизводства давала нерѣдко возможность разнымъ мелкимъ ходатаямъ, темнымъ и неизвѣстнымъ личностямъ, направлять дѣла въ своихъ собственныхъ, личныхъ интересахъ иногда въ явный ущербъ правосудія. Ижболдинъ разсчитывалъ получить большое наслѣдство, но самъ хорошо не понималъ, въ какомъ положеніи находится его дѣло, какъ не понимаетъ этого даже и теперь, явившись на судъ и не озаботясь выяснить многихъ, весьма важныхъ и для него лично, и для дѣла, обстоятельствъ. На этого человѣка набросилась цѣлая ватага мелкихъ ходатаевъ. Онъ долго перечислялъ имена неизвѣстныхъ мелкихъ ходатаевъ, во главѣ которыхъ стоитъ отставной чиновникъ Германъ, завершивъ перечисленіе это указаніемъ на какого-то еврея, котораго онъ даже и имени не знаетъ. Эти повѣренные, почуявшіе богатаго наслѣдника, принялись его обдѣлывать, взяли его въ свои нечистоплотныя руки и стали его стричь, въ надеждѣ получить впослѣдствіи за труды свои золотое руно, котораго хватитъ на всѣхъ. Эти новые аргонавты испортили дѣло въ самомъ началѣ; они стали дѣйствовать помимо судебной власти, и притомъ крайне неловко, и, вслѣдствіе ихъ неумѣлыхъ дѣйствій явились передъ вами показанія цѣлой массы свидѣтелей, которые, ничего не объясняя, бросаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на все нѣкоторый, довольно не привлекательный, колоритъ.

Изъ этой массы ненужныхъ свидѣтелей прежде всего особенно рѣзко выдается свидѣтель Шевелевъ. Онъ разсказывалъ передъ нами, что изготовилъ письмо, въ которомъ ложно обвинялъ

Мясниковыхъ въ составленіи фальшиваго завѣщанія отъ имени Бѣляева, ибо, находясь въ Спасской части привлеченнымъ по дѣлу Каракозова и будучи въ положеніи безвыходномъ, онъ рѣшился переписать письмо это за деньги, данныя ему для бѣгства за границу. Онъ отрицалъ правильность объясненій, помѣщенныхъ въ его письмѣ, и разсказалъ въ подробности какъ составилось его письменное лжесвидѣтельство. Съ перваго взгляда показаніе это имѣетъ, повидимому, довольно важное значеніе, тѣмъ болѣе, что дано въ чрезвычайно послѣдовательномъ и красивомъ, изящномъ даже, разсказѣ, выдѣлявшемъ показаніе Шевелева изъ показаній всѣхъ остальныхъ свидѣтелей. Но если вглядѣться пристальнѣе въ это показаніе, если посмотрѣть на личность самого Шевелева, то станетъ яснымъ, что въ показаніи его, такъ же какъ и въ показаніяхъ другихъ свидѣтелей, относящихся къ этой категоріи, нѣтъ никакихъ указаній, чтобы Ижболдинъ *подкупалъ* ложныхъ свидѣтелей, хотя нельзя отрицать, что въ нихъ встрѣчаются указанія на платежъ Ижболдинымъ денегъ свидѣтелямъ за согласіе показывать то, что они знаютъ, и для того, чтобы они не боялись явиться для этого, иногда очень издалека, въ судъ. Шевелевъ разсказалъ вамъ свою исторію, и по ней мы имѣемъ возможность познакомиться съ его личностью. Это мелкій откупной приказчикъ, служащій потомъ въ конторѣ Мясниковыхъ, — женихъ невѣсты, которой, съ цѣлью весьма понятной, онъ предъявляетъ облигаціи, ему не принадлежащія, за что и преслѣдуется Мясниковыми, какъ за присвоеніе ихъ собственности,—потомъ мелкій таможенный чиновникъ, оставленный по приговору Ковенской уголовной палаты въ «сильнѣйшемъ», по его словамъ, подозрѣніи въ пособничествѣ къ водворенію контрабанды, — затѣмъ привлеченный къ дѣлу Каракозова, но, очевидно, настолько мало виновный по нему, что, несмотря на вызванныя имъ строгія мѣры, содержится въ части и гуляетъ цѣлые дни на свободѣ, — бѣглецъ за границу, живущій въ Пештѣ и издающій брошюры, будто бы извѣстныя всей Европѣ,—наконецъ, доблестный защитникъ Парижа, членъ коммуны и правдивый свидѣтель по настоящему дѣлу!.. Очевидно, тутъ являются такіе переходы и крайности, которые трудно совмѣстить: человѣкъ борется за самыя крайнія идеи, идущія въ разрѣзъ съ общественнымъ строемъ, для торжества этихъ идей жертвуетъ жизнью на баррикадахъ Парижа, даже раненъ при этомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаетъ возможнымъ, подъ предлогомъ, что для него цѣль оправдываетъ средства, написать ложное письмо, чтобъ получить за это «небольшія» деньги, причемъ выраженіе «цѣль оправдываетъ средства» онъ понимаетъ самымъ своеобразнымъ образомъ. Это не та общая, широкая цѣль, для которой, по извѣстному безнравственному правилу, всякое средство, будто бы, можетъ быть пригоднымъ, а цѣль низкая, лично

ему принадлежащая и не имѣющая ничего общаго съ благомъ другихъ. Цѣль, на которой написано «150 рублей» — такая цѣль оправдывала для него средство, могущее погубить человѣка, доставивъ Шевелеву возможность получить, какъ онъ здѣсь выразился: «презрѣнный металлъ». Очевидно, что этотъ «провинціальный секретарь», служившій по откупамъ въ Россіи и по коммунѣ во Франціи, не очень разборчивъ на средства и не очень далеко ходитъ, выбирая свои цѣли.

Что же онъ показалъ? Онъ говорилъ, что былъ призванъ Ижболдинымъ и, подъ диктовку Сысоева или, лучше сказать, съ письма, написаннаго Сысоевымъ, переписалъ свое письмо, потому что былъ тогда въ безвыходномъ положеніи. Ему оставалось или повѣситься, или бѣжать, говоритъ онъ, и такимъ образомъ дѣлаетъ намекъ на то, что онъ былъ такимъ опаснымъ политическимъ преступникомъ, что ему не предстояло другого исхода, какъ смерть отъ своей руки или отъ руки правосудія. Но вы видѣли, господа присяжные, что этотъ опасный преступникъ, во время ареста своего въ части, отпускался гулять на свободѣ, бывалъ въ трактирахъ и въ гостяхъ. Это ли опасный политическій преступникъ? это ли человѣкъ, которому, для спасенія своей жизни, не остается иныхъ средствъ, какъ написать письмо съ лживыми обвиненіями? Притомъ, происхожденіе его письма объясняется имъ совершенно неправдоподобно. Онъ говоритъ, что никому не говорилъ ничего о завѣщаніи Бѣляева, а совершенно неожиданно былъ призванъ къ Ижболдину и тамъ, — выбирая между смертью или побѣгомъ за границу, — написалъ лживыя измышленія Сысоева о дѣйствіяхъ Мясниковыхъ. За это Ижболдины дали ему средства бѣжать за границу. Но прежде всего спрашивается — если онъ молчалъ и не похвалялся изобличить Мясниковыхъ — то откуда же могъ Ижболдинъ, никогда его прежде не знавшій, освѣдомиться, что въ Спасской части сидитъ такой драгоцѣнный для него свидѣтель? Затѣмъ—могъ ли запуганный и робкій сарапульскій мѣщанинъ, котораго вы видѣли и слышали здѣсь, рѣшиться покупать подъ незначущимъ — настолько незначущимъ, что оно даже не внесено и въ обвинительный актъ — письмомъ подпись Шевелева цѣною способствованія побѣгу важнаго государственнаго преступника? Какъ ни довѣрчивъ, какъ ни простодушенъ Ижболдинъ, но самый инстинктъ самосохраненія долженъ былъ подсказать ему въ ту тревожную годину необходимость не только не искать знакомства съ Шевелевымъ и не укрывать его, но даже прервать знакомство съ нимъ, если бы оно раньше существовало... Изъ показаній доктора Красильникова, вызваннаго въ засѣданіе неожиданно, по постановленію суда, на основаніи моего предложенія, видно, что Шевелевъ дѣйствительно разсказывалъ многое объ этомъ дѣлѣ, о чемъ и было сообщено Красильнико-

вымъ своему знакомому Ижболдину. Ижболдинъ безъ всякой критики отнесся къ разсказамъ Шевелева, особенно послѣ того, какъ Шевелевъ подтвердилъ свое письмо во всѣхъ подробностяхъ присяжному стряпчему Сысоеву, человѣку чуждому настоящему дѣлу — и подтвердилъ притомъ съ такими драматическими добавленіями и такъ картинно, что, по выраженію Сысоева, казался болѣе чѣмъ очевидцемъ въ происшествіяхъ, о которыхъ разсказывалъ. Для насъ безразлично, было ли письмо Шевелева къ Ижболдину правдиво; быть можетъ, въ немъ и есть кое-какія указанія, похожія на истину, но по существу своему оно представляетъ ложь— пополамъ съ правдою и явилось какъ средство къ тому, чтобы выманить 150 рублей. Такое письмо всегда можетъ быть отрицаемо самимъ авторомъ, особенно, если онъ станетъ имѣть въ виду ту же цѣль какъ и при его написаніи. Я не хочу этимъ сказать, что Шевелевъ ждетъ себѣ какой нибудь награды отъ противной стороны, но думаю, что въ 1866 году, видя и зная, что возникаетъ дѣло Ижболдина противъ Мясниковыхъ, не находясь болѣе у Мясниковыхъ, преслѣдуемый ими за присвоеніе себѣ облигацій, онъ находилъ для себя удобнымъ и возможнымъ, наговоривъ разныхъ вещей Ижболдину про Мясниковыхъ, согласиться изложить ихъ письменно по просьбѣ Ижболдина и получить за то деньги. Онъ, конечно, смѣялся надъ простотою Ижболдина такъ же, какъ будетъ смѣяться надъ нами, если мы примемъ на вѣру его показаніе, данное здѣсь. Теперь Шевелевъ уже не имѣетъ отношеній къ Мясниковымъ; ихъ преслѣдованіе противъ него прекратилось; жизнь его была такъ полна весьма пестрыхъ событій, что прошедшее изгладилось изъ его сердца. И вотъ ему предстоитъ показаніе на судѣ. Что же ему дѣлать? Подтвердить, признать самое письмо? Но, во-первыхъ, письмо это само по себѣ дѣло некрасивое, а во-вторыхъ, это значитъ сыграть роль простого свидѣтеля — и больше ничего: въ этомъ не будетъ никакой оригинальности, ничего достойнаго громкаго прошедшаго Шевелева. Притомъ, если Мясниковыхъ обвиняютъ, то, вѣроятно, въ дѣлѣ и кромѣ его письма есть данныя; если же этихъ данныхъ нѣтъ, то, на основаніи одного этого письма, ихъ несомнѣнно никогда не осудятъ, а оправдаютъ. Поэтому лучше отрицать письмо, и тогда, въ случаѣ оправданія, впослѣдствіи, когда, быть можетъ, придется обратиться къ нимъ, среди тяжелыхъ обстоятельствъ бурной жизни, можно будетъ сказать: «я показывалъ за васъ, я далъ показаніе, которое васъ оправдывало, не забудьте же меня». Вотъ на что могъ разсчитывать Шевелевъ, рисуя себя нынѣ лживымъ доносчикомъ въ 1867 г. Главный же источникъ его настоящаго показанія, по моему мнѣнію, тотъ, что онъ прежде всего желаетъ рисоваться: въ его движеніяхъ, голосѣ, манерахъ, въ походкѣ—развѣ не видится и не звучитъ постоянно это желаніе? Не ясно ли, что это дѣ-

тельное участіе въ коммунѣ, изданіе брошюръ, извѣстныхъ всей Европѣ — не болѣе, какъ фраза, какъ желаніе драпироваться въ мантію политическаго преступника, что все это въ значительной степени хвастовство и принятая на себя личина? Хорошъ, въ самомъ дѣлѣ, заговорщикъ, политическій дѣятель, котораго даже суровый и непреклонный графъ Муравьевъ считалъ возможнымъ содержать въ части и отпускать гулять одного по городу! Если мы отбросимъ эту миѳическую сторону его разсказовъ, если взглянемъ поближе на этого политическаго дѣятеля, то увидимъ, что, несмотря на острый умъ и сценическое искуство, съ которымъ онъ разыгрываетъ свою роль здѣсь, на судѣ, въ его замысловатомъ и красивомъ разсказѣ, приправленномъ шуточками, изрѣдка прорываются ноты, придающія ему характеръ необузданнаго вымысла въ родѣ знаменитаго разсказа «о похищеніи губернаторской дочки». И если мы, спокойно и не увлекаясь солидно-величавымъ видомъ и тономъ Шевелева, разберемъ его показаніе и откинемъ изъ него всѣ прикрасы, то останется только то, что онъ за деньги написалъ Ижболдину о томъ, что̀ ему, по его словамъ, было извѣстно по дѣлу Мясниковыхъ, и написалъ при этомъ, по его дальнѣйшимъ словамъ, неправду. Что же это за явленіе? Да явленіе, въ сущности, очень обыкновенное. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ лишь частный обвинитель въ процессѣ, такое явленіе должно встрѣчаться безпрерывно. Я думаю, что въ Англіи и въ Америкѣ бо̀льшая часть доказательствъ и свидѣтелей въ процессахъ, въ которыхъ не заинтересовано правительство, пріобрѣтается сторонами такимъ именно образомъ. Это не значитъ, однако, чтобъ свидѣтелей подкупали на лживыя показанія: покупается собственно ихъ трудъ, ихъ время, т. е. то время, которое проводится ими въ судѣ; платится имъ за то, чтобъ они не уклонялись идти въ судъ для дачи показаній о томъ, что они знаютъ полезнаго для той или другой стороны. То же самое было и здѣсь.

Затѣмъ, есть другой свидѣтель—Исаевъ. Его показаніе было прочитано и, быть можетъ, забыто уже вами. Но, въ интересахъ истины, считаю нужнымъ напомнить его. Къ Исаеву обращался Германъ, прося написать письмо, и онъ написалъ, по его показанію, совершенно неправильно: будто бы къ нему пріѣзжалъ какой-то офицеръ и подговаривалъ показывать противъ Мясниковыхъ. По поводу этого показанія я замѣчу только одно: Исаевъ говорилъ, что зналъ Германа давно, что это былъ пьяный человѣкъ, ходилъ постоянно по кабакамъ и припутывалъ къ дѣлу Мясниковыхъ всѣхъ кабатчиковъ. Изъ дѣла видно, что Исаевъ былъ слѣдственнымъ приставомъ и только послѣ введенія судебной реформы былъ оставленъ за штатомъ. Такого рода слѣдственный приставъ есть судебный слѣдователь по прежнимъ порядкамъ; онъ долженъ знать законы. Что же это за слѣдователь, ко-

торый пишетъ Герману такого рода письмо? Развѣ онъ не знаетъ, какой отвѣтственности подвергается онъ за это? И что это, наконецъ, за отношенія между Германомъ и Исаевымъ, позволяющія придти къ нему пьяному человѣку, врущему всякій вздоръ кабатчикамъ, и предлагать написать ложный доносъ, для представленія по начальству? Я не думаю, чтобы Исаевъ могъ это сдѣлать такъ, какъ онъ это разсказываетъ. Остается предположить, что и онъ поступилъ и поступаетъ нынѣ такъ же, какъ Шевелевъ.

Наконецъ, есть еще свидѣтель, въ показаніяхъ котораго звучитъ, какъ будто, какая-то неправда: это Китаевъ, старый слуга Бѣляева, подробно и обстоятельно говорившій здѣсь о своемъ господинѣ. Свидѣтель Петровъ показалъ здѣсь впервые, несмотря на неоднократные допросы у слѣдователя, совершенно неожиданно и крайне отрывочно, что онъ былъ какъ-то у Китаева, былъ тамъ и Ижболдинъ, и хотя Петрова не уговаривали показывать на Мясниковыхъ, но Китаевъ ему сказалъ: «вотъ одно слово — и тысяча рублей». Когда же онъ не согласился «ломать души», Ижболдинъ полѣзъ было въ драку, но Петровъ ему отрѣзалъ: «смотри, у меня самого кулаки здоровые!» Когда именно это было и о какомъ «словѣ» говорилъ Китаевъ, Петровъ не помнитъ и не знаетъ. Очевидно, его показаніе содержитъ въ себѣ воспоминаніе о разсказахъ пьяныхъ людей, въ которыхъ, конечно, среди всякой безсвязной болтовни, упоминалось и о дѣлѣ Бѣляева, о которомъ тогда говорилось повсюду...

Не скрою, однако, что эти три свидѣтеля могли бросить нѣкоторую тѣнь на правдивость нѣкоторыхъ свидѣтельскихъ показаній. Поэтому и для того, чтобы намъ не смущаться этимъ соображеніемъ, я выкину изъ дѣла показанія почти всѣхъ свидѣтелей, взявъ только необходимыхъ, относительно которыхъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ подозрѣній. Шевелева, Китаева, Петрова, наконецъ, Исаева и Красильникова можно оставить за штатомъ, подобно тому какъ былъ оставленъ за штатомъ самъ Исаевъ. Можно, кстати, оставить и цѣлую массу другихъ лицъ, — въ томъ числѣ свидѣтелей, которые показывали о томъ, что Отто прекрасный человѣкъ, а Сицилинскій почти святой. Я ничего не имѣю возразить противъ этого и нахожу, что они оба были достойнѣйшіе и честнѣйшіе, главное — добрѣйшіе люди. Со стороны Отто, свидѣтели, такъ много хвалившіе его, могутъ находить только одинъ дурной поступокъ: подписавшись свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева, онъ тѣмъ самымъ вынудилъ ихъ оторваться отъ дѣла и просидѣть въ судѣ четыре дня, для того чтобы сказать, что онъ хорошій человѣкъ. Да кто же утверждалъ противное! Точно также о Сицилинскомъ вѣрю, что онъ человѣкъ святой, дожившій до глубокой старости, не совершивъ дурного поступка, чрезвычайно добрый и благодѣтельный, къ подчиненнымъ не строгій,

радѣвшій о благолѣпіи храма. Итакъ, самая большая масса свидѣтелей устраняется. Да и вообще въ нихъ нѣтъ особой нужды. Обыкновенно въ преступленіяхъ самымъ лучшимъ средствомъ изслѣдованія служатъ живые свидѣтели, но настоящее дѣло необычно во всемъ, необычно и въ этомъ отношеніи; въ немъ лучшимъ средствомъ изслѣдованія служатъ свидѣтели мертвые, бумажные: самое завѣщаніе, нѣкоторые документы, разнообразная экспертиза. Если изъ документовъ мы будемъ имѣть возможность вывести данныя, что преступленіе совершилось, и если нѣкоторые изъ свидѣтелей это скрѣпятъ своими словами, то, пожалуй, можно признать, что они говорятъ правду; не скрѣпятъ — можно ихъ отбросить.

Предметъ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь — подлогъ завѣщанія. Первый вопросъ, возникающій при изслѣдованіи такого дѣла: *подложно ли самое завѣщаніе?* Второй вопросъ — *какимъ образомъ создалось подложное завѣщаніе?* и третій — *кто виновенъ* въ этомъ преступленіи? Сообразно съ этими вопросами я раздроблю свое обвиненіе на три части.

Приступаю къ первой. *Подложно ли завѣщаніе?* Когда приходится разрѣшать вопросъ о томъ, подложно ли чье либо завѣщаніе, то естественно должно обратиться къ личности завѣщателя. О Бѣляевѣ мы имѣемъ много разнообразныхъ свѣдѣній. Онъ съ малолѣтства служилъ у старика Мясникова, богатаго откупщика,—былъ у него сначала мальчикомъ, потомъ приказчикомъ, потомъ велъ его дѣла и наконецъ сдѣлался самъ капиталистомъ. Изъ массы свидѣтельскихъ показаній и документовъ, находящихся въ дѣлѣ, которые, конечно, не будутъ оспорены, видно, что въ 1839 г. его выписалъ Мясниковъ изъ Яранска, и затѣмъ онъ сдѣлался ближайшимъ повѣреннымъ своего бывшаго хозяина и участвовалъ съ нимъ въ 1840 г. въ откупахъ. Онъ былъ близкій къ нему человѣкъ не только фактически, но и по родству, такъ какъ женился на его родственницѣ. Правда, изъ показанія Бенардаки можно усмотрѣть, что Мясниковъ обращался съ покойнымъ Бѣляевымъ нѣсколько, какъ будто, пренебрежительно. «Кузьма, сдѣлай то-то, Кузьма, сходи туда!» говаривалъ онъ ему. Крестьянинъ Кунаковскій, жившій съ Карагановымъ на заводѣ, сказалъ, что Карагановъ хвалился, что «лысаго, беззубаго лакея Мясникова отдѣлалъ, отбилъ у него все состояніе своимъ господамъ, такъ что не оставилъ ему на извощика на тотъ свѣтъ проѣхать». Вѣроятно, скажутъ намъ, было же основаніе, по которому Карагановъ считалъ возможнымъ называть его слугою. Да! Бѣляевъ дѣйствительно былъ слуга Мясникова, но какого рода слуга? Это былъ слуга того драгоцѣннаго типа, который существуетъ или существовалъ, по крайней мѣрѣ, долго на Руси, но который начинаетъ исчезать. Сначала мальчикъ, потомъ приказ-

чикъ, постоянно участвовавшій въ дѣлахъ хозяина, сроднившійся съ нимъ, потомъ входящій такъ въ его интересы, что трудно опредѣлить, гдѣ начинается одинъ и гдѣ кончается другой; близкій, довѣренный человѣкъ, опекунъ, пѣстунъ его дѣтей, оберегающій ихъ интересы, заботящійся о всякой мелочи для этихъ дѣтей, завѣдывающій ихъ дѣлами, называющій одного изъ нихъ Сашею, другаго Ваничкой, первый, извѣстившій Ваню о смерти его дѣда, и первый, закрывшій этому дѣду глаза—вотъ какого рода этотъ слуга! Да! слуга,—слуга въ томъ смыслѣ, что вѣрою и правдою служитъ своему хозяину, слуга — старый другъ и резонеръ, неподкупный и настойчивый, вѣрный вассалъ своего господина и съ вѣрноподданническою преданностію охраняющій интересы его потомковъ. Мы знаемъ, что подобныя личности, какъ Бѣляевъ, появлялись часто въ купеческомъ быту, къ чести этого быта. Въ то время, когда дѣти разбогатѣвшихъ трудомъ купцовъ лѣзли въ «господа», поступали въ военную или гражданскую службу, старались сдѣлаться дворянами — рядомъ съ ихъ отцами являлись люди, которые продолжали ихъ дѣло. Въ то время, когда дѣти, постепенно разоряясь, изъ богатыхъ купцовъ становились обѣднѣвшими, возникали состоянія лицъ, прежде служившихъ приказчиками ихъ отцамъ — лицъ, которыя остались вѣрными своему званію и тѣмъ интересамъ, которымъ служили съ малолѣтства и они, и ихъ хозяева. Такимъ именно лицомъ долженъ былъ, какъ видно изъ всего дѣла, быть Бѣляевъ. Въ 1855 году умеръ И. Ф. Мясниковъ, оставивъ очень большое состояніе. Бѣляевъ остался полнымъ распорядителемъ его имѣнія, явился опекуномъ его дѣтей. Сколько у него самого въ то время было состоянія—мы не знаемъ; знаемъ, однако, что еще въ 1850 году онъ участвовалъ въ трехъ откупахъ: пензенскомъ, бугурусланскомъ, верхнеуральскомъ и въ каждомъ имѣлъ по 10-ти паевъ. Что эти откупа были большіе — видно изъ того, что въ нихъ участвовали такія громкія откупныя имена, какъ Воронинъ, Бенардаки, Кокоревъ и Каншинъ. Затѣмъ, въ 1851—1855 годахъ, Бѣляевъ былъ участникомъ въ откупахъ по Харьковской губерніи, и только въ 1855 году передалъ свои 14 паевъ другому лицу, вслѣдствіе того, что между нимъ и другимъ изъ сооткупщиковъ, Семыкинымъ, возникли недоразумѣнія. Такимъ образомъ, смерть И. Ф. Мясникова застала его человѣкомъ, имѣвшимъ хорошія средства. Свидѣтель Тепловъ здѣсь признавалъ, что Бѣляевъ имѣлъ 400,000 р., хотя, по словамъ того же свидѣтеля, онъ и не былъ большимъ капиталистомъ, сравнительно съ И. Ф. Мясниковымъ. Затѣмъ Бѣляевъ постоянно расширялъ свои предпріятія и продолжалъ свои дѣла. Мы не имѣемъ возможности слѣдить за тѣмъ, какія были негласныя операціи Бѣляева по откупамъ. Полагаю, что, пытаясь сдѣлать это, мы станемъ на почву тѣмъ болѣе опасную, что мы не найдемъ на

ней никакого прочнаго устоя. Защита, однако, становилась во время судебнаго слѣдствія на эту почву и говорила, что Бѣляевъ имѣлъ самую ничтожную часть въ откупахъ, такъ какъ негласно они почти цѣликомъ принадлежали Мясниковымъ. Нельзя, однако, принять этотъ выводъ, какъ окончательный. Здѣсь было заявлено, напр., что участіе Бѣляева въ откупахъ херсонскомъ и николаевскомъ составляло только $^1/_5$ двадцати пяти паевъ, которые хотя оффиціально принадлежали Бѣляеву, но въ сущности составляли собственность Мясниковыхъ. Это заявленіе основано на томъ, что въ записной книжкѣ Бѣляева находятся указанія на выдачи, изъ этихъ откуповъ, доходовъ Мясниковымъ, а также въ разсчетахъ есть указанія, что онъ считалъ себя обязаннымъ отсчитываться по этимъ откупамъ передъ Мясниковыми. Не спорю, можетъ быть такъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ укажу на то, что, по тѣмъ же отчетамъ, онъ получалъ доходы съ золотыхъ пріисковъ, въ которыхъ оффиціально не участвовалъ, получалъ съ Земли Войска Донского, гдѣ откупъ держалъ Мясниковъ. Если допустить, что Мясниковы участвовали неоффиціально въ его откупахъ, то онъ точно также участвовалъ неоффиціально въ ихъ откупныхъ дѣлахъ. Въ какой мѣрѣ участіе это существовало съ обѣихъ сторонъ—трудно опредѣлить и потому намъ остается обратиться къ оффиціальнымъ даннымъ о состояніи Бѣляева, такъ какъ эти данныя не могутъ быть уже опровергаемы никакими ссылками на частныя цифры, почерпнутыя изъ дневниковъ и какихъ нибудь отрывочныхъ клочковъ бумаги. Изъ сообщенія оберъ-прокурора 1-го Департамента Сената видно, что Бѣляевъ, при наступленіи 1858 года, является откупщикомъ по Олонецкой губерніи, причемъ въ самой малой части участвуетъ Красильниковъ. Затѣмъ онъ держитъ откупъ въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ и, наконецъ, въ 1858 г. имъ взята Ставропольская губернія. Съ первыхъ четырехъ откуповъ онъ долженъ былъ получать, какъ мною на судебномъ слѣдствіи вычислено, до 100,000 р. годового дохода. Я вывелъ эту цифру изъ того, что откупъ въ Устюгѣ, одинъ изъ маленькихъ, переданъ имъ купцу Топчіеву въ 1858 г., за 4 мѣсяца до конца откупа въ 1859 г., т. е. съ 1-го сентября 1858 г. по январь 1859 г., причемъ Топчіевъ, принявъ всѣ расходы по платежу акциза на себя, заплатилъ Бѣляеву 20,000 руб.; слѣдовательно эти 20,000 составляли доходъ за 4 мѣсяца и самый откупъ приносилъ, по меньшей мѣрѣ, 50,000 руб. Не думаю, чтобы соображеніе о томъ, что въ послѣдніе мѣсяцы года каждый откупщикъ увеличивалъ плату за вино, имѣло вліяніе на измѣненіе этой цифры. Затѣмъ онъ участвовалъ оффиціально въ 25-ти паяхъ въ херсонско-николаевскомъ откупѣ. Залогу имъ было внесено 112,500 руб., и намъ извѣстно изъ отчетовъ по этому откупу, что за первую половину 1857 года онъ получилъ прибыли 19,550 руб., слѣдовательно, въ годъ онъ долженъ былъ

получитъ около 40,000 р. дохода. Намъ говорятъ, что Бѣляевъ былъ только номинальный откупщикъ и участвовалъ только въ пяти паяхъ, остальные же 20 паевъ негласно принадлежали Мясниковымъ. Пусть такъ, но изъ отчета Бѣляева Мясниковымъ, съ 1-го сентября 1857 г. по 14-е мая 1858 года, показаны поступившими въ пользу Бѣляева съ Мясниковыхъ, по откупамъ въ Войскѣ Донскомъ, 37 тыс. руб. сер. Этимъ негласнымъ участіемъ въ Мясниковскихъ откупахъ онъ конечно, отчасти, уравновѣшивалъ ихъ участіе въ своихъ откупахъ. Поэтому допустимъ, по Херсону, цифру дохода для Бѣляева въ 40 тыс. — она будетъ, во всякомъ случаѣ, меньше дохода въ 8 тыс. съ прибавленіемъ къ нему донской прибыли. Затѣмъ слѣдуетъ олонецкій откупъ съ залогомъ въ 54 тыс. и оборотнымъ капиталомъ въ 70 тыс. Этотъ откупъ почти цѣликомъ принадлежалъ Бѣляеву, такъ какъ негласное участіе Красильникова было самое незначительное. Что же могъ приносить такой откупъ цѣлой губерніи? Конечно, какъ видно изъ предварительныхъ разсчетовъ Бѣляева, при самомъ неблагопріятномъ результатѣ, не менѣе 50 тысячъ рублей сер. Наконецъ, былъ полный откупъ въ Сольвычегодскѣ, съ залогомъ въ 2,400 и съ платежемъ 31 тыс. руб. акцизнаго вноса. Кромѣ того, 1858-й годъ застаетъ Бѣляева въ разгарѣ дѣятельности по разнымъ другимъ предпріятіямъ. Такъ, онъ хотѣлъ пріобрѣсть заводъ Берда съ Гутуевскимъ островомъ за 2.300,000 р., въ компаніи съ Жадиміровскимъ и Клеменцомъ. Мы читали здѣсь объ этомъ собственноручный проектъ Бѣляева. Тамъ есть 14-й пунктъ, по которому онъ намѣревается участвовать въ этой покупкѣ въ $^2/_3$, а всѣ остальные участники въ $^1/_3$ долѣ; кромѣ того, онъ обязывается немедленно внести задатку 500 тыс. р. с. и остальные 1.800,000 въ теченіе года. Признаюсь, что дѣйствительно эта сумма, даже при большихъ оборотахъ Бѣляева, нѣсколько велика и дѣйствительно трудно предположить, чтобы онъ сразу, по одному предпріятію, могъ внести 500 тыс. задатка; я готовъ допустить, что въ этомъ предпріятіи участвовали негласно, конфиденціально, отчасти и Мясниковы, стоявшіе за именемъ Бѣляева. Во всякомъ случаѣ, живое и непосредственное участіе Бѣляева въ этомъ предпріятіи не подлежитъ сомнѣнію. Онъ же, Бѣляевъ, является и однимъ изъ учредителей общества столичнаго освѣщенія; онъ желалъ, какъ видно изъ показанія Молво, взять много акцій на себя, хотѣлъ внести задатку около 400 тыс. р. с. сразу, и по этому предпріятію выдалъ Молво впередъ 5 тыс. Наконецъ, въ 1858 г. онъ вступаетъ еще въ два предпріятія: одно — ставропольскій откупъ, по которому внесено 106 тыс. руб. залога, въ числѣ которыхъ 51,000 именными билетами коммерческаго банка. Это былъ громадный откупъ на 2.205,000 руб. акцизной платы. Прочитаннымъ вчера прошеніемъ Бѣляева въ Сенатъ, онъ отказался отъ откупа по

Ставропольской губерніи, передавая его Мясникову и Бенардаки, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ выдать другіе залоги, имъ представленные, по принадлежности, а свой собственный залогъ, 71,000 р., оставлялъ безъ истребованія. Онъ не просилъ перечислить его на себя и, слѣдовательно, предоставилъ имъ пользоваться, по ставропольскому откупу, Мясниковымъ. Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1858 г., онъ заключилъ съ казною договоръ о взятіи въ арендное содержаніе Самосдѣльско-Образцовскихъ рыбныхъ промысловъ въ Каспійскомъ морѣ, въ Астраханской губерніи. Этотъ договоръ содержитъ въ себѣ слѣдующія указанія на состояніе Бѣляева: Образцово-Самосдѣльскія рыбныя ловли были отдаваемы казною съ торговъ, причемъ сумма, предложенная однимъ изъ послѣднихъ торговавшихся, Коняевымъ, составляла 71,500 р. въ годъ арендной платы. На торгахъ участвовали лица съ громкими коммерческими именами: Ненюковъ, Воронинъ, Бенардаки и нѣкоторые другіе. На этихъ торгахъ верхъ одержалъ Бѣляевъ; онъ предложилъ 72,000 р. годовой арендной платы и рыбныя ловли остались за нимъ. Говорить, согласно съ защитою, что онѣ потомъ приносили убытокъ, я не могу, не имѣя въ дѣлѣ на это прямыхъ указаній, но готовъ согласиться, что убытки могли быть, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отчетахъ за первое время значится, что площадь водъ, отведенныхъ подъ ловли, оказалась менѣе, чѣмъ предполагалось при торгахъ. Изъ этого возникла цѣлая переписка комиссіи рыбныхъ ловель. Комиссія и, впослѣдствіи, Сенатъ признали, что количество воды, отведенной подъ рыбную ловлю, не было менѣе того, которое слѣдовало отвести. Положимъ, что ловли могли приносить первое время убытокъ; во всякомъ случаѣ, достаточно, что Бѣляевъ долженъ былъ внести залогъ, и внесъ принадлежащій ему капиталъ въ 74,000 р.; кромѣ залога, онъ долженъ былъ раздать отступнаго 124,000 р., между прочимъ, одному Бенардаки, какъ видно изъ записной его книги, 80,000 р. Затѣмъ, вступивъ во владѣніе ловлями, онъ очевидно хотѣлъ, чтобы онѣ были въ общемъ его владѣніи съ Мясниковыми, ибо имъ было подано объявленіе въ комиссію рыбныхъ ловель, что онъ принимаетъ обоихъ Мясниковыхъ, на равныхъ правахъ, для участія въ содержаніи ловель. Въ дневникѣ есть указаніе, что онъ внесъ въ складочный капиталъ въ 50,000—16,666 руб. на свою долю. Это указываетъ, что онъ, дѣйствительно, хотѣлъ участвовать только въ $^1/_3$ части, но только хотѣлъ, оффиціально же ничего по этому сдѣлано не было, такъ какъ въ донесеніи въ комиссію рыбныхъ ловель Бѣляевъ объясняетъ, что договоръ о принятіи имъ для участія въ этомъ дѣлѣ Мясниковыхъ будетъ имъ представленъ вслѣдъ за симъ. Договоръ былъ необходимъ, безъ него никакая сдѣлка не могла считаться существующею. На это указываетъ § 27 кондицій на аренду ловель, кондицій, вошедшихъ въ договоръ, заключенный

между казною и Бѣляевымъ. Въ этомъ § значится, что Бѣляеву дозволяется принимать участниковъ въ содержаніи ловель, но съ тѣмъ, чтобы договоръ объ участіи былъ представленъ комиссіи. Такого договора между Бѣляевымъ и Мясниковыми не было, однако, заключено и на него нѣтъ никакихъ указаній. Бѣляевъ умеръ, не успѣвъ составить договора. Эти ловли, по словамъ защиты, могли быть убыточны, но мы знаемъ, что Мясниковы въ 1861 г. пріобрѣли отъ Трощинскаго имѣніе Кагарлыкъ, Кіевской губерніи, за 1.300,000 руб., заплативъ въ число этой суммы ловлями, которыя они цѣнили въ 889 тыс. На это есть указаніе въ дѣлѣ о ловляхъ. Но еще до продажи права на ловли Трощинскому, возникъ вопросъ о ихъ стоимости по поводу спора комиссіи ловель съ Мясниковыми, такъ какъ они не заплатили, не имѣя, можетъ быть, въ это время достаточно наличныхъ средствъ, арендной платы за двѣ послѣднія трети 1860 г. Эти двѣ трети составляли 48 тыс. руб. Этотъ невзносъ арендной платы послужилъ поводомъ къ тому, что комиссія рыбныхъ ловель сочла условіе, заключенное казною съ Бѣляевымъ, перешедшее затѣмъ къ Мясниковымъ, нарушеннымъ, такъ какъ въ немъ значится, что арендная плата должна быть вносима за $^1/_3$ года впередъ. Комиссія вошла съ представленіемъ о наложеніи запрещенія на имѣніе Мясниковыхъ, въ обезпеченіе правильности поступленія доходовъ казны, въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія. Это представленіе было уважено и на все имѣніе Мясниковыхъ было наложено запрещеніе, въ размѣрѣ 604 тыс. Такъ цѣнила казна въ то время рыбныя ловли или тѣ доходы, которые слѣдовало получать отъ нихъ Мясниковымъ. Вотъ тѣ предпріятія, которыми Бѣляевъ намѣренъ былъ заняться въ теченіе 1858 и 1859 гг. Но 1858 годъ засталъ его, кромѣ того, въ слѣдующихъ коммерческихъ оборотахъ и дѣлахъ: у него была лѣсная торговля,—сколько приносила она, мы не знаемъ, но извѣстно однако, что ко дню смерти Бѣляева по этой лѣсной торговлѣ заготовлено было 290,000 деревъ, а по разсчету, сдѣланному Карагановымъ для Мясникова, эта торговля дала Бѣляеву въ 1859 г. 5,000 дохода. Затѣмъ былъ магазинъ. Неизвѣстно, сколько онъ приносилъ дохода, но цѣнность его можетъ быть опредѣлена. Въ день смерти Бѣляева онъ стоилъ 32,000 руб.; въ мартѣ мѣсяцѣ 1858 г., когда онъ перешелъ во владѣніе Мясниковыхъ, цѣнность его простиралась до 30,000. Потомъ, Бѣляевъ имѣлъ золотопромывательную машину. Какого рода участіе Бѣляева было въ этомъ предпріятіи, я затрудняюсь опредѣлить; я могу только сказать, что онъ заплатилъ при устройствѣ ея, за право участія въ пользованіи ею, 8,000 руб. Наконецъ, Бѣляевъ управлялъ заводами своей жены, и всѣ доходы поступали къ нему. Заводовъ было два: чураковскій и комаровскій, и мельница, при которой находился принадлежавшій Бѣляеву кожевенный заводъ. Относительно чу-

раковскаго завода мы знаемъ, что доходъ съ него, въ теченіе года, въ 1857—1858 году, былъ 21,900 р., затѣмъ самый капиталъ завода съ залогомъ составлялъ 102,500 руб. Что касается до комаровскаго завода, то онъ давалъ въ теченіе года 42,500 руб., а имущество этого завода цѣнилось въ 61,900 р. и залога 41,000 р., т. е. слишкомъ 102,000. Если даже предположить, что оба завода стоили 200,000, то вотъ еще имущество, находившееся въ рукахъ Бѣляева, которымъ онъ завѣдывалъ безотчетно и изъ котораго извлекалъ 60,000 дохода.

Сводя все сказанное вмѣстѣ, дѣлая самыя невыгодныя для доходовъ и имущества Бѣляева предположенія и разсчеты, мы приходимъ къ выводу, что Бѣляевъ имѣлъ все-таки, по крайней мѣрѣ, отъ 150,000 до 200,000 руб. годового дохода. Если даже допустить ограниченіе въ доходахъ по откупамъ, на которые защита указывала, если допустить, что участіе Бѣляева было въ нѣкоторыхъ откупахъ ничтожно и очень незначительно въ золотыхъ пріискахъ, то и тогда окажется, что доходы его ни въ какомъ случаѣ не могли быть менѣе 150,000 въ годъ. При такомъ доходѣ можно опредѣлить, приблизительно, дѣйствительный капиталъ Бѣляева. Я не стану указывать точной цифры капитала, да и не могу въ настоящее время съ точностію опредѣлить его; я не стану доказывать, подобно гражданскимъ истцамъ, что тутъ были несмѣтные милліоны, равнымъ образомъ не стану и утверждать, что состоянія никакого не было, ибо 20,000, приводимыя защитою, не составляютъ состоянія. Состояніе Бѣляева было, конечно, весьма круглое, скопленное большимъ трудомъ, возраставшее медленно, при посредствѣ удачнаго помѣщенія его въ разныя предпріятія. Оно простиралось до 600,000 или 700,000 и при осторожномъ и выгодномъ размѣщеніи и эксплуатаціи приносило доходу до 150,000. Заключеніе это вывожу я изъ слѣдующихъ фактовъ: сама Бѣляева говоритъ въ найденной у нея запискѣ, что у мужа ея было 700,000 капитала; затѣмъ, изъ разсчета, сдѣланнаго имуществу Бѣляева имъ самимъ, на клочкѣ бумаги, къ 16-му сентября 1857 г., выходитъ, что оно простиралось до 400,000, въ томъ числѣ наличныхъ денегъ 120,000, но при этомъ не упомянутъ капиталъ, который находился въ залогахъ по откупамъ и составлялъ: по ставропольскому откупу 50,000 и до 40,000 по откупамъ олонецкому и вологодскому. Затѣмъ, при перечисленіи капитала, къ нему не причисляется тотъ, который вложенъ былъ на нѣкоторыя негласныя предпріятія, напримѣръ, паи въ херсонскомъ откупѣ и въ золотыхъ пріискахъ, между тѣмъ какъ съ того и другого предпріятія получались, какъ мы знаемъ, значительные доходы. Это видно изъ отчета 14-го мая 1858 г., гдѣ значатся 36,000 за войско донское и около 30,000 за золотые пріиски, слѣдующіе на долю Бѣляева за время съ 1-го сентября. Итакъ, я полагаю, что

можно взять среднюю цифру между 600,000 и 700,000 и опредѣлить капиталъ Бѣляева въ суммѣ не менѣе 650,000 руб. Да, впрочемъ, точный размѣръ суммы капитала для насъ и не важенъ. Вопросъ объ этомъ будетъ подлежать суду, который въ порядкѣ гражданскомъ опредѣлитъ, сколько именно приходилось на долю Бѣляевой и что должны были получить его наслѣдники. Намъ важно знать только то, что у Бѣляева былъ довольно большой капиталъ по настоящему времени, когда уже болѣе нѣтъ тѣхъ громадныхъ, баснословныхъ капиталовъ, которые скоплялись прежде въ однѣхъ рукахъ, благодаря откупамъ. Такого рода капиталъ, какъ 650,000 руб., приносящій, при выгодномъ помѣщеніи его, 150,000 руб., возьмемъ даже доходъ въ 120,000 и даже 100,000 руб., не могъ считаться маленькимъ, а такимъ капиталомъ Бѣляевъ положительно владѣлъ.

Чтобы уже не возвращаться болѣе къ вопросу о средствахъ Бѣляева, я коснусь теперь же и другой стороны вопроса. Въ подтвержденіе состоянія Бѣляева мы имѣемъ два рода документовъ: одни оффиціальные, сообщенные оберъ-прокуроромъ Сената, другіе, не имѣющіе характера документовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Документы второго рода состоятъ въ дневникѣ Бѣляева, исходящей книгѣ, гдѣ разными чернилами, а иногда карандашомъ, записаны разные расходы: выдача отступныхъ денегъ, покупка формы и обмундировка А. Мясникову, выдача жалованья и т. д., нѣкоторые расходы по воспоминаніямъ Бѣляева, какъ напримѣръ: «выдано тому-то въ Москвѣ 3 руб., *давно уже*». Очевидно, эта записная книжка не имѣетъ никакого документальнаго характера, поэтому и смотрѣть на нее можно весьма разнообразно и, главное, весьма произвольно. Наиболѣе яснымъ характеромъ между этими документами отличается сводъ капиталовъ и доходовъ, писанный рукою Бѣляева. По этому разсчету, Бѣляевъ по дѣламъ Мясниковыхъ получилъ къ 1-му сентября 1857 г. дохода 2,273,775 руб. Изъ этой суммы было израсходовано 622,098 руб., отдано Мясниковымъ 601,931 руб., въ дѣлахъ осталось 786,122 руб., а за Бѣляевымъ осталось 263,631 руб. Далѣе, его же рукою писанъ краткій отчетъ съ 1-го сентября по 14-ое мая 1858 г., принятый Мясниковыми, въ которомъ значится, что ему слѣдовало уплатить Мясниковымъ къ 1-му сентября 150,000 руб., къ этому поступило 105,000 руб., итого къ 14-му мая 255,000 руб. Затѣмъ идетъ расходъ суммъ «со счета моего», причемъ выведено рукою Бѣляева слѣдующее: слѣдуетъ списать 278,000 р., такъ что за Мясниковыми осталось 22,000 р. Если сравнить первый и второй отчеты, то между ними окажется непримиримая разница и пробѣлъ, заключающійся въ томъ, что въ концѣ перваго отчета сказано, что къ 1-му сентября Бѣляевъ долженъ заплатить 263,000 р., а въ началѣ втораго зна-

чится, что за нимъ 150,000 р. Очевидно, что тутъ вычтены изъ 263,000 р. расходы, которые намъ неизвѣстны. Но я допускаю, что здѣсь произошла ошибка, и буду брать первый, невыгодный для покойнаго, большой отчетъ Бѣляева, гдѣ значится за нимъ 263,631 руб., затѣмъ поступило къ нему въ періодъ времени отъ 1-го сентября по 14-е мая 105,808 руб., итого 369,439 руб., которые онъ долженъ былъ заплатить. Истрачено изъ нихъ 278,061 руб., итого, слѣдовательно, за Бѣляевымъ къ 14-му мая остается 91,377 р. Вотъ выводъ изъ перваго разсчета и на немъ мы остановимся. Онъ указываетъ, въ какомъ положеніи были долговыя дѣла Бѣляева къ 14-му мая. Затѣмъ, въ концѣ разсчетной книги написано, что расходы и капиталы по рыбнымъ ловлямъ уравнены общимъ вкладомъ поровну. Передъ этимъ указано на то, что 7-го и 8-го чиселъ выдано 124,000 отступныхъ. Отчетъ доведенъ до 14-го мая, слѣдовательно, въ немъ должно было быть упомянуто, что деньги, причитающіяся на долю Мясниковыхъ, возвращены ими Бѣляеву; но таковой суммы въ отчетѣ нѣтъ. Если они участвовали въ дѣлѣ на равныхъ правахъ, то расходъ по отступному въ 82,660 р., причитавшійся на долю Мясниковыхъ и не внесенный въ отчетъ, долженъ быть снесенъ со счета Бѣляева къ 14-му мая. Итакъ, къ 14-му мая Бѣляевъ долженъ былъ Мясниковымъ 91,377 р., за исключеніемъ 82,660 р. т. е. 8,717 р. с. Но кромѣ того, онъ передалъ имъ ставропольскій откупъ, оставивъ тамъ свой залогъ въ 50,000 р., да залогу имъ однимъ внесено по рыбнымъ ловлямъ 24,000 р., изъ которыхъ 16 т. слѣдовало ему возвратить. Изъ всѣхъ этихъ разсчетовъ выходитъ, что Мясниковы оставались должны Бѣляеву 66,000, будучи его кредиторами лишь на 8,717 р., и поэтому, если даже не принимать въ разсчетъ залоговъ, они ни въ какомъ случаѣ 272 т. долгу на немъ имѣть не могли.

Вотъ, господа присяжные, тѣ выводы, которые было возможно сдѣлать изъ тѣхъ многочисленныхъ и сложныхъ документовъ, которые мы предъявляли вамъ вчера. Обращаюсь снова къ *личности Бѣляева*. Свидѣтели объяснили намъ, да и въ дѣлѣ есть указанія на то, что Бѣляевъ былъ человѣкъ въ высшей степени аккуратный, который, самъ будучи человѣкомъ богатымъ и имѣя конторщиковъ, велъ исходящія книги и писалъ почти всѣ бумаги собственноручно, даже до объявленій въ кварталъ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ есть пачки писемъ, объявленій, доношеній, писанныхъ собственною его рукою. Занимался онъ, какъ вы слышали отъ Китаева, цѣлые дни, оставляя работу только для обѣда, затѣмъ отдыхалъ часъ и снова принимался за дѣло. Трудомъ составивши себѣ состояніе, въ этомъ трудѣ видѣлъ онъ и задачу своей жизни. Затѣмъ, мы знаемъ, что это былъ человѣкъ добрый, богомольный, дѣлавшій богатые вклады въ мона-

стыри и на церкви, на что указываетъ, между прочимъ, записанный въ дневникъ, незадолго до смерти, расходъ на Евангеліе въ 1,000 руб., купленное пополамъ съ Мясниковыми для пожертвованія въ церковь. Привычку писать самому всѣ бумаги свои онъ распространялъ до того, что подписывая бумаги, писанныя не имъ самимъ, всегда подписывался своимъ полнымъ титуломъ, и хотя есть въ дѣлѣ нѣсколько документовъ, на которыя будетъ ссылаться защита, гдѣ онъ подписывался просто «К. Бѣляевъ», но это такіе документы, гдѣ въ началѣ званіе его уже обозначено. Редакція ихъ такого рода: «въ такую-то опеку, фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы, Васильева сына, Бѣляева» и т. д. Каждый такой документъ написанъ собственноручно: понятно, что два раза обозначать свое званіе ему было не для чего. Но въ документахъ, написанныхъ не по такой формѣ или не его рукою, вездѣ находится его полная подпись. Наконецъ, по отношенію къ семейнымъ дѣламъ, изъ дѣла извѣстно, что Бѣляевъ очень любилъ свою жену; между ними существовала нѣжная привязанность, какъ видно изъ письма его на дачу, передъ смертью, исполненнаго самыхъ нѣжныхъ выраженій; онъ постоянно говорилъ, что желалъ обезпечить жену и неоднократно говорилъ, что онъ это сдѣлаетъ. Сдѣлалъ ли онъ это въ дѣйствительности — мы увидимъ далѣе. Что этого не было до весны 1858 г.—это намъ несомнѣнно и ясно доказала выставленная самими обвиняемыми свидѣтельница Иванова: она разсказала, что Бѣляевъ при ней говорилъ, что вотъ, молъ, умерла жена Громова и не оставила духовнаго завѣщанія, что онъ, Бѣляевъ, такъ не поступитъ, что у него и жены его сдѣлано такъ, что онъ оставитъ завѣщаніе на ея имя, а она, жена его, оставитъ завѣщаніе на его имя. Когда это говорилось? Послѣ смерти Громовой. Когда умерла Громова? Громова умерла, говоритъ свидѣтельница, когда я была въ дѣвушкахъ, а это было въ 1857 году. Между тѣмъ, завѣщаніе, о которомъ идетъ рѣчь, написано лишь *10-го мая 1858 г.* Вотъ такой-то человѣкъ, аккуратный, имѣющій весьма большія дѣла и обороты, участвующій во многихъ предпріятіяхъ, тѣсно связанный узами родства и воспоминаніемъ о службѣ у своего прежняго благодѣтеля съ Мясниковыми, наконецъ, привыкшій къ нимъ какъ къ своимъ дѣтямъ— этотъ человѣкъ сталъ чувствовать себя дурно весною 1858 г. Онъ не оставилъ заботы о Мясниковыхъ до самой смерти, донесъ до конца свою привязанность, созданную годами, хотя послѣднее время она и омрачилась нѣкотораго рода неудовольствіями, впрочемъ не существенными, съ однимъ изъ братьевъ Мясниковыхъ. Эта стародавняя привязанность была причиною того, что дѣла Мясниковыхъ и Бѣляева были такъ неразрывно, такъ тѣсно связаны, что распутать ихъ безъ знанія ихъ подробностей и безъ взаимнаго довѣрія было бы весьма трудно. Поэтому весьма естественно было

со стороны Бѣляева желать не оставить жену свою безъ завѣщанія. Его не смѣли обидѣть, имъ дорожили, его уважали, но со вдовой Мясниковымъ придется разсчитываться при иныхъ условіяхъ и, казалось бы, уже поэтому завѣщаніе составить необходимо. Дѣйствительно, оно и составлено,—вы его видѣли, вы читали его здѣсь. Оно подписано просто «К. Бѣляевъ». Весьма почтенные, повидимому, люди засвидѣтельствовали его и, слѣдовательно, весь вопросъ исчерпывается и мы собрались сюда и трудимся напрасно. Но, однако, несмотря на то, что завѣщанію *слѣдовало бы быть* и что оно *есть*, являются сомнѣнія, то ли это завѣщаніе, которому надлежало быть? Завѣщаніе составлено правильно въ смыслѣ требованій закона гражданскаго, но сомнѣніе, вытекающее изъ задачъ уголовнаго закона, идетъ гораздо далѣе: оно разсматриваетъ документъ не только съ его формальной стороны, не только по существу содержащихся въ немъ завѣщательныхъ распоряженій, но оно изучаетъ всю обстановку, при которой документъ произошелъ на свѣтъ, и изслѣдуетъ тѣ обстоятельства, которыя способствовали его происхожденію, и, вглядываясь, такъ сказать, въ рожденіе завѣщанія, иногда можетъ придти къ заключенію, что документъ, совершенно правильный въ смыслѣ наличности гражданскихъ формальностей, есть документъ незаконнорожденный.

Такимъ отсутствіемъ законности своего рожденія отличается и завѣщаніе Бѣляева, которое я признаю подложнымъ. Къ доказательству этой подложности я приступаю. Здѣсь возникаютъ прежде всего слѣдующіе главные вопросы: какъ и когда завѣщаніе открыто; каково его содержаніе; кѣмъ оно подписано и при какой обстановкѣ и каковы тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось открытіе завѣщанія? И такъ первый вопросъ: когда и какъ найдено завѣщаніе Козьмы Бѣляева? Мы знаемъ отчасти обстоятельства его нахожденія; намъ ихъ разсказала г-жа Бѣляева. Я не стану повторять подробностей ея допроса, тѣмъ болѣе, что онъ тянулся очень долго, и вы, вѣроятно, вполнѣ удержали его въ памяти, равно какъ и то, что на вопросы мои г-жа Бѣляева отвѣчала съ нескрываемымъ неудовольствіемъ, а на вопросы тѣхъ лицъ, которыхъ она считала особенно вредными для себя, т. е. на вопросы повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, она отвѣчала крайне лаконически, «да» и «нѣтъ», и притомъ чаще «нѣтъ», чѣмъ «да» и съ очевиднымъ раздраженіемъ. Въ виду этого отсутствія хладнокровія, въ виду того, что она отзывалась запамятованіемъ очень многихъ существенныхъ обстоятельствъ,—не помнила, напримѣръ, когда ей была вручена сохранная росписка, — забыла, что И. Мясниковъ уѣхалъ въ маѣ 1858 г. на Кавказъ, и говорила, что онъ бывалъ у ея мужа въ это время каждодневно, — и въ то же время помнила такія мелочи, какъ то, что запонки ея мужа остались въ цѣлости — въ виду этого страннаго свойства

ея памяти, удерживающей мелочи и безсильной удержать крупные факты, я считаю необходимымъ обратиться къ тѣмъ ея показаніямъ, которыя были здѣсь прочтены. Этихъ показаній ею было дано четыре: два при предварительномъ слѣдствіи въ 1868 году и два въ 1870 году. Въ 1868 году она была свидѣтельницею, въ 1870 — обвиняемою. Она заявила здѣсь, какъ она была напугана привлеченіемъ ея къ дѣлу въ качествѣ обвиняемой. Я совершенно вѣрю ей и потому не хочу ссылаться на эти ея показанія; но когда она была свидѣтельницею въ дѣлѣ, она не могла быть испуганною, и на эти-то показанія я считаю себя въ правѣ ссылаться. Между прочимъ, я считаю нужнымъ сказать, что причину, побудившую ее къ разнымъ, по ея словамъ, неправильнымъ показаніямъ у слѣдователя, я не могу себѣ уяснить хорошенько. Она показала здѣсь, что ее ужасно волновало и безпокоило то, что цѣлый день съ параднаго крыльца звонили, тревожа ее, а когда она спрашивала, кто приходилъ, то получала отъ прислуги отвѣтъ, что полицейскіе или сыскные чиновники приходили узнавать, что дѣлается въ домѣ. Мнѣ кажется, что это одно изъ многочисленныхъ, къ сожалѣнію, обстоятельствъ, о которыхъ г-жа Бѣляева помнитъ какъ-то странно, какъ-то до очевидности несогласно съ дѣйствительностью. Сыскная полиція дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ— по свойствамъ его, это было необходимо — но дѣйствовала очень искусно, и нѣтъ возможности допустить, чтобы агенты петербургской сыскной полиціи, первой въ своемъ родѣ въ Россіи, настолько уже не понимали своихъ обязанностей, чтобы приходить звонить съ параднаго крыльца и спрашивать, что дѣлается въ домѣ, хозяйка котораго прикосновенна къ уголовному дѣлу. Но каковы бы ни были причины ея волненія, я буду основываться на показаніи ея, данномъ въ качествѣ свидѣтельницы, такъ какъ тогда еще никакой тревоги не существовало, да и память, надо думать, была свѣжѣе. Изъ этого показанія можно вывести слѣдующее: незадолго до смерти, мужъ ея призываетъ ее къ себѣ въ кабинетъ и вручаетъ ей сложенную бумагу, сказавъ: «возьми, спрячь!» Удрученная горемъ, она ушла къ себѣ въ комнату; тамъ, развернувъ бумагу, увидѣла, что это было завѣщаніе и положила въ столъ. Сначала она не помнила, куда положила, но потомъ, на сороковой день, вспомнила, что бумага у нея въ столѣ и ее оттуда вынула. Какая же это была бумага? спрашиваемъ мы. — Духовное завѣщаніе. — Почему? — Да потому, что я его читала. — Въ чемъ оно состояло? — Когда я раскрыла, я пробѣжала начало и конецъ. — Что же тамъ написано? — Отказано все въ мою пользу. Въ завѣщаніи же, которое вамъ предъявлялось, гг. присяжные, вы вѣроятно замѣтили, что отказъ находится посрединѣ, а не въ началѣ и не въ концѣ. Что же вы смотрѣли? спрашиваемъ мы далѣе.—Да подписи смотрѣла.—Вслѣд-

ствіе чего подписи?—Любопытно было посмотрѣть.—Ну, а въ завѣщаніи не было ли еще какихъ нибудь выдачъ?—Я не помню, я только взглянула на него и изъ общаго смысла поняла, что все оставлено мнѣ.—Что же затѣмъ:—говорилъ ли вамъ покойный о завѣщаніи, не говорилили вы сами кому нибудь?—Нѣтъ.—Когда вы вспомнили о завѣщаніи?—На 40-й день.—Вотъ это-то обстоятельство, т. е. передачу завѣщанія, мы и разберемъ сначала. Лѣтомъ 1858 года Бѣляевъ жилъ въ Петербургѣ; у него были торги въ Сенатѣ, гдѣ онъ бывалъ еще въ началѣ августа, но онъ уже страдалъ, ему было тяжело ѣздить въ Ораніенбаумъ, гдѣ жила на дачѣ его жена. Спрашивается, для чего это онъ вручаетъ женѣ сложенный листъ съ завѣщаніемъ и говоритъ лаконически: «возьми и спрячь»? Развѣ онъ находилъ, что, хранясь у него въ несгараемомъ шкапу, въ собственномъ домѣ, духовная не будетъ въ такой сохранности? Но предположимъ, что онъ это находилъ; въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ не сказалъ прямо, что это духовное завѣщаніе и тѣмъ не указалъ на важность бумаги? Если Бѣляева, по ея словамъ была удручена горемъ до того, что вовсе забыла про существованіе завѣщанія, то Бѣляевъ, видя, какъ на нее дѣйствуетъ его недугъ, не могъ же конечно предполагать, что она сейчасъ начнетъ любопытствовать, кто подписался на завѣщаніи. А между тѣмъ—ей,—убитой горемъ женщинѣ,—онъ даетъ бумагу, не объяснивъ, что это такое. Если онъ считалъ нужнымъ передать эту бумагу для храненія, то какъ было не запечатать ее въ конвертъ за своею печатью? Наконецъ, собственно для чего онъ даетъ завѣщаніе въ руки своей женѣ? Для того, чтобы выразить ей свою послѣднюю волю? Но, гг. присяжные, вы слышали изъ писемъ, что онъ былъ человѣкъ нѣжный, ласковый, онъ даже Мясниковыхъ называлъ уменьшительными именами. Неужели же этотъ человѣкъ, видя свою жену убитую горемъ, станетъ еще болѣе растравлять ея сердце тѣмъ, что будетъ вручать ей завѣщаніе? Вы знаете, какая щекотливая вещь завѣщаніе, какое значеніе придается составленію завѣщанія, особенно въ купеческомъ быту. Но если онъ вручалъ его не для объявленія своей воли, а лишь для сохраненія, то развѣ не могъ онъ сохранить его иначе. Есть извѣстныя присутственныя мѣста, гдѣ завѣщаніе могло храниться внѣ всякой опасности подмѣна, утраты или похищенія. Отчего, наконецъ, не составить завѣщанія крѣпостнымъ порядкомъ, разъ еще имѣешь силы заниматься откупными операціями? Намъ скажутъ, можетъ быть, что Бѣляевъ не хотѣлъ объявлять своего капитала, не хотѣлъ, составляя завѣщаніе крѣпостнымъ порядкомъ, объявить, въ какомъ положеніи его дѣла. Но, гг. присяжные, вы помните, что по содержанію завѣщанія не видно вовсе, въ чемъ состояли его предпріятія и капиталы. Положимъ, однако, что онъ дѣйствительно не хотѣлъ прибѣгать къ ка-

кой либо оффиціальности, не хотѣлъ сохранять завѣщанія у себя и находилъ нужнымъ передать его на сохраненіе женѣ; въ такомъ случаѣ, почему же онъ хранилъ его у себя цѣлое лѣто, когда жена жила на дачѣ, когда онъ чувствовалъ себя очень больнымъ и могъ думать о внезапной смерти? Почему онъ не боялся держать завѣщаніе въ это время у себя и сталъ бояться тогда, когда жена его переѣхала съ дачи, когда онъ зналъ, что около него близкое, любимое существо, которое охранитъ его обиталище отъ того поруганія надъ недавнею кончиною, которому подвергаетъ одинокаго богатаго человѣка толпа болѣе или менѣе чуждыхъ и корыстныхъ лицъ, сбѣжавшихся разыскивать его наслѣдство? Затѣмъ дальнѣйшій разсказъ Бѣляевой... Она приноситъ завѣщаніе къ себѣ въ комнату, развертываетъ его и смотритъ съ любопытствомъ на подписи свидѣтелей. Странное любопытство! Почему она не поинтересовалась узнать, какъ мужъ ея раздѣлался съ окружающими лицами? Это гораздо важнѣе; вѣдь у него были родственники, ждавшіе, что имъ будетъ что либо отказано; но ей любопытно смотрѣть только на подписи, значитъ ей ничего не говорили свидѣтели, значитъ Бѣляевъ просилъ ихъ сохранить въ тайнѣ то, что они подписались на завѣщаніи. Для чего онъ могъ это сдѣлать? Для того, чтобы не огорчать бѣдную любящую жену призракомъ близкой своей смерти. Но въ такомъ случаѣ, для чего же онъ самъ ей вручалъ это завѣщаніе? Для того, чтобы сохранить его? Но развѣ *такъ* сохраняютъ завѣщаніе? Затѣмъ мы видимъ, что предъ фамиліею каждаго свидѣтеля идетъ длинный, установленный закономъ, періодъ удостовѣряющій, что «завѣщаніе подписано свидѣтелемъ по личной просьбѣ завѣщателя, который при этомъ находился въ здравомъ умѣ и твердой памяти», вслѣдствіе чего подписи свидѣтелей составляютъ ровно половину текста всего завѣщанія. Бѣляева, по ея словамъ, видѣла, что на завѣщаніи, вслѣдъ за именемъ Бѣляева, было написано: «Сицилинскій и Отто», но во 1-хъ, это не такъ и фамиліи раздѣлены семью строками,— и во 2-хъ, какимъ же образомъ среди указанныхъ обязательныхъ выраженій она усмотрѣла только двѣ фамиліи и не запомнила, что предшествуетъ цѣлая оффиціальная фраза каждому изъ нихъ? Наконецъ, посмотримъ на ея отношеніе къ завѣщанію. Она не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ, такъ какъ все имущество ея находилось въ рукахъ мужа, безотчетно имъ управлялось. Она видитъ, что мужъ умеръ, и ея положеніе можетъ стать еще болѣе неопредѣленнымъ и очень тяжелымъ. Какъ не поинтересоваться узнать, что онъ именно ей оставляетъ, какъ не задуматься надъ своею будущею матеріальною обстановкою, если не сейчасъ по смерти мужа, то чрезъ недѣлю, чрезъ двѣ? Однако она ничего этого не дѣлаетъ. Предположимъ, что тягость утраты мужа была для нея такъ сильна, что она не могла за-

ниматься дѣлами, что ей было не до того, что она забыла даже о такомъ важномъ документѣ, какъ завѣщаніе. Но вспомните ея домашнюю обстановку послѣ смерти мужа: дѣтей нѣтъ, но существуетъ цѣлая дворня, есть разные приказчики и управляющіе, которые долго жили у Бѣляева и изъ которыхъ каждый считаетъ себя въ правѣ надѣяться на полученіе послѣ него извѣстной суммы, есть, наконецъ, сестра покойнаго, Ремянникова, вся судьба которой зависитъ отъ того, забыта или не забыта она въ духовной,— Ремянникова, которая умоляетъ Мясникова на колѣняхъ не оставить ее и до того взволнована неизвѣстностью, что даже заболѣваетъ. Развѣ Бѣляева, такъ любившая мужа, такъ охранявшая его память, не понимала, что надо успокоить окружающихъ, смягчить ихъ ропотъ, прекратить ихъ недоумѣніе? Развѣ, ухаживая за больною золовкою, она не понимала, что своимъ молчаніемъ она только длитъ ея болѣзнь, только подтверждаетъ ея страхъ остаться нищею, только вызываетъ упреки памяти покойнаго. Вся дворня, всѣ домашніе смотрятъ ей пытливо и тревожно въ глаза, бѣдная Ремянникова лежитъ больная, а она молчитъ? Какъ не возстановить доброй памяти о мужѣ, какъ не сказать: «не плачьте, не скорбите, вы не забыты, вамъ оставлено, я помню, завѣщаніе есть!». Вѣдь это было бы лучшимъ лекарствомъ для Ремянниковой! Но ничего этого не дѣлается. Когда же найдено завѣщаніе? Въ 40-й день — какъ говоритъ Бѣляева: до тѣхъ поръ Бѣляева о немъ не помнитъ, потому что не занимается никакими дѣлами — согласенъ,—но что значитъ однако найденная у нея при обыскѣ довѣренность на имя Мясникова на полное управленіе ея имѣніемъ, помѣченная сентябремъ? Сороковой день былъ въ половинѣ ноября, а довѣренность помѣчена сентябремъ, слѣдовательно выдана вскорѣ послѣ смерти мужа, въ то время, когда ей было такъ тяжело, когда спутника ея жизни только что унесли изъ осиротѣлаго дома навсегда. Изъ довѣренности видно, что она считала однако возможнымъ немедленно послѣ этого говорить о дѣлахъ съ Мясниковыми и даже составлять довѣренность на управленіе всѣмъ имѣніемъ ея мужа. Да и почему она знаетъ, что все состояніе ея, что она можетъ имъ распоряжаться? Значитъ, выдавая довѣренность, она вспомнила о завѣщаніи, вспомнила еще въ сентябрѣ. Но если вспомнила, то отчего не посмотрѣла? Отчего не огласила? Эта довѣренность доказываетъ, что разсказъ Бѣляевой о томъ, что она забыла про существованіе завѣщанія — вымышленъ; эта довѣренность доказываетъ, что, составляя ее, Бѣляева знала, что право на имущество мужа — и при томъ во всей его полнотѣ—должно принадлежать ей. Она говоритъ, что не знала, даже при выдачѣ довѣренности, что завѣщаніе *есть;* я готовъ согласиться съ нею, но прибавлю, что она въ такомъ случаѣ знала, что завѣщаніе *будетъ*.

Перехожу далѣе къ роли, которую должно было играть завѣщаніе въ глазахъ самаго Бѣляева, если предположить на время, что онъ былъ его составителемъ. Вы знаете характеръ дѣлъ Бѣляева и Мясниковыхъ, вы слышали изъ показаній обвиняемыхъ, что ими въ день смерти Бѣляева были взяты изъ кабинета его счеты, книги и бумаги, потому что тутъ были и ихъ счеты, и имъ хотѣлось знать, въ какомъ положеніи ихъ дѣла, тѣсно и неразрывно связанныя съ его дѣлами. Бѣляеву они, конечно, были лучше чѣмъ кому либо извѣстны и онъ одинъ умѣлъ и могъ бы ихъ распутать надлежащимъ образомъ. Но онъ оставляетъ завѣщаніе, въ которомъ даже не упоминаетъ о томъ, какія именно предпріятія и дѣла составляютъ его личное имущество. Онъ какъ будто не понимаетъ, что послѣ смерти его Мясниковы явятся прежде всего за отчетами по ихъ имуществу и бѣдная вдова не будетъ знать, что объяснить, на какіе документы сослаться, такъ какъ она ничего не вѣдаетъ о дѣлахъ мужа и не имѣетъ къ нимъ никакого руководящаго ключа? Быть можетъ онъ надѣялся, что Мясниковы поступятъ съ нею добросовѣстно и не обидятъ ее, но при такомъ спутанномъ состояніи разсчетовъ можно было съ вѣроятностію разсчитывать и на фактическую, вполнѣ добросовѣстную ошибку. Мясниковы могли по заблужденію, по неясности въ счетахъ и записяхъ, присвоить себѣ такого рода капиталы, которые имъ не принадлежали. Да и едва ли Бѣляевъ могъ расчитывать, что въ отношеніи разверстки имущества жена его не будетъ нисколько обижена. Ужъ если Мясниковы его, своего воспитателя, стараго слугу своего дѣда, въ извѣстномъ письмѣ, поздравляя съ днемъ ангела, все-таки упрекаютъ въ томъ, что будто онъ частію растратилъ ихъ деньги, частію присвоилъ ихъ себѣ, то они, конечно, не особенно поцеремонятся со вдовою его, требуя отъ нея полнаго разсчета. Бѣляева говоритъ, что дѣла мужа были небольшія, что капиталъ былъ маленькій и что ей въ собственность по завѣщанію осталось очень и очень немного. Допустимъ, что это было такъ и въ дѣйствительности и станемъ на время на почву ея показаній. Мясниковыми была ей предъявлена росписка Бѣляева въ 272,000 руб., которую она и признала за выданную мужемъ. Но Бѣляевъ, зная небольшіе размѣры завѣщаемаго состоянія, долженъ былъ понимать, что если жена его будетъ утверждена въ правахъ наслѣдства, то росписка эта послужитъ основаніемъ къ такому иску со стороны Мясниковыхъ, который поглотитъ не только завѣщанное имущество, но и часть состоянія самой Бѣляевой! Какъ же онъ, зная, что личные капиталы его скудны и что все остальное принадлежитъ женѣ,—какъ же онъ, любя свою жену, называя ее своимъ «сердечнымъ другомъ», оставляетъ въ ея пользу такое наслѣдство, по которому, если она его приметъ, она не только ничего не получитъ, но съ нея будетъ еще

взыскана значительная сумма? И сумма эта взыскана, такъ какъ извѣстно, что Бѣляева передала Мясниковымъ все — и свое имущество, и оставшееся послѣ мужа, за 392,000 руб., взявъ съ нихъ условіе въ платежѣ 120,000 р. и росписку въ 272,000 р. Между тѣмъ, лично принадлежавшіе ей заводы стоили гораздо болѣе 120 тыс. Не могъ же не понимать Бѣляевъ, что такого рода завѣщаніемъ онъ грабитъ свою жену, лишаетъ ее собственнаго ея имущества. Правда, она могла не принять имущества по завѣщанію, отказаться отъ него,— на то ея добрая воля,—закона нѣтъ, который бы обязывалъ ее наслѣдовать непремѣнно, — но тогда мужъ долженъ былъ предупредить ее, сказать, что такіе-то и такіе-то долги лежатъ на его имуществѣ, что они превышаютъ его состояніе. Но онъ этого не дѣлаетъ, онъ говоритъ убитой горемъ женщинѣ: «спрячь эту бумагу», не объясняя, что это за бумага и какъ великъ его капиталъ, и за это, когда обнаруживаются размѣры этого капитала, у нея отнимаютъ ея собственное, кровное достояніе. Мы смѣло можемъ утверждать, что такой поступокъ вовсе не соотвѣтствуетъ характеру Бѣляева, онъ не только не объясняется любовью къ женѣ, но, противурѣча этой любви, является скорѣе обдуманною и хитрою интригою противъ ея состоянія.

Обращаюсь къ *содержанію* завѣщанія. Оно было прочитано здѣсь, и въ немъ, прежде всего, обращаетъ на себя вниманія то, что многія его несущественныя части изложены чрезвычайно подробно и даже красивымъ слогомъ, но затѣмъ все остальное, вся душа завѣщанія—написано крайне сжато, туманно. Такъ начало завѣщанія слѣдующее: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Единосущной и Живоначальной Троицы. Аминь». Бѣляевъ писалъ много дѣловыхъ бумагъ, конечно видывалъ и завѣщанія и зналъ, что достаточно написать что нибудь одно: или «во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь», или «во имя св. Троицы»; вмѣстѣ же эти слова никогда не употребляются, особенно въ завѣщаніи, которое составляется больнымъ человѣкомъ, на скорую руку. Очевидно, что завѣщаніе въ началѣ писано широкою кистью, что выраженій не жалѣли, такъ какъ затѣмъ идетъ цѣлый періодъ о тѣхъ причинахъ, по которымъ составляется завѣщаніе. Тутъ и подробно описанное чувство особенной слабости здоровья и разсужденіе о томъ, какъ и когда Богу угодно будетъ отозвать его, Бѣляева, отъ жизни. Въ сущности все это совершенно излишне. Потомъ въ краткомъ завѣщаніи дважды повторено, что—такова покойнаго Бѣляева послѣдняя воля. Самое же существо завѣщанія очень кратко и очень неопредѣленно. Такимъ образомъ, человѣкъ, который велъ множество дѣлъ, писалъ массу дѣловыхъ бумагъ, въ такой важной бумагѣ, какъ завѣщаніе, распространяется о предметахъ несущественныхъ и въ то же время объ имуществѣ

говоритъ съ краткостью непонятною. Посмотримъ на самый *языкъ*. Бѣляевъ владѣлъ языкомъ хорошо: мы слышали здѣсь характеристическое письмо его къ какому-то Алоизію Матвѣевичу, очевидно, лицу весьма высокопоставленному, котораго онъ весьма благодаритъ за то содѣйствіе, которое тотъ оказалъ опекѣ Мясниковыхъ, и объясняетъ, что билеты, представленные Мясниковыми на сумму 10,000 р., они оставляютъ въ пользу Евангелической школы. Письмо это написано очень умно, съ большимъ достоинствомъ и тактомъ; письмо это, указывающее на подарокъ, сдѣланный въ пользу извѣстнаго учрежденія за содѣйствіе тѣхъ лицъ, интересы которыхъ связаны съ этимъ учрежденіемъ, написано такъ ловко, осторожно, деликатно, что очевидно человѣкъ, писавшій его, привычный и умный, знающій цѣну и значеніе каждаго слова. И однако, этотъ человѣкъ, писавшій собственноручно сложныя бумаги въ Сенатъ, употребляетъ такое выраженіе «всю мою недвижимую и движимую собственность, все имущество мое оставляю женѣ моей въ полную собственность» и тотчасъ же далѣе называетъ это «даромъ». Далѣе оказывается выраженіе: «друга моего прошу», но развѣ такой дѣловой человѣкъ, какъ Бѣляевъ, можетъ допустить подобную неопредѣленность въ выраженіяхъ? Можно догадаться, что онъ проситъ жену, но удостовѣрить этого положительно, по точнымъ словамъ завѣщанія, нельзя. И это то пишетъ Бѣляевъ, который, по словамъ Ивановой, даже за частнымъ обѣдомъ выражался такъ оффиціально, что «она, жена моя, оставила все состояніе свое мнѣ, а я ей, женѣ моей». Завѣщаніе *переписано* Целебровскимъ. Почему имъ? Почему оно не писано самимъ Бѣляевымъ? Тутъ можно допустить только одно предположеніе—что Бѣляевъ былъ такъ слабъ, чувствовалъ себя такъ дурно, что не могъ писать бумагъ и послалъ за Целебровскимъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ немедленно переписалъ завѣщаніе. Но гдѣ же указаніе на такое состояніе Бѣляева? Выписывалъ ли онъ жену изъ Ораніенбаума? являлась ли она къ нему, чтобъ, въ минуты крайней тѣлесной слабости, окружить его своими попеченіями? Нѣтъ, ни разу въ маѣ 1858 г. онъ такъ дурно себя не чувствовалъ. Онъ страдалъ, бывалъ слабъ, но скоро поправлялся. Быть можетъ, ему вообще было тяжело писать самому? Мы имѣемъ, однако, отъ 20-го іюня 1858 года собственноручное длинное прошеніе его въ Сенатъ. Подобную бумагу легче всего было отдать переписать, между тѣмъ она написана и перебѣлена имъ самимъ. Наконецъ, мы имѣемъ дневникъ и исходящую тетрадь, доведенные до 14-го сентября, гдѣ, за очень уже недолгое время до смерти, всего за 10 дней, онъ отмѣчалъ малѣйшіе расходы свои и по дѣламъ Мясниковыхъ. Но если человѣкъ записываетъ собственноручно расходы, если онъ пишетъ прошеніе въ Сенатъ съ перечисленіемъ залоговъ, почти на листѣ кругомъ,—неужели онъ не чув-

ствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы самому написать завѣщаніе, которое должно навсегда обезпечить и оградить его любимую жену?! Намъ скажутъ, что онъ могъ это сдѣлать, но не находилъ этого нужнымъ; въ такомъ случаѣ, это былъ бы человѣкъ крайне недѣловой, а извѣстно, что Бѣляевъ былъ не таковъ. Онъ не могъ не знать, что по завѣщанію, написанному отъ начала до конца рукою завѣщателя, споръ о подлогѣ очень труденъ, почти невозможенъ, тогда какъ если оно только подписано, то опроверженіе его, сомнѣніе въ подлинности подписи всегда возможно, что̀ и доказывается исторіею дѣлъ о подлогѣ завѣщаній. Онъ долженъ знать, что есть наслѣдники — Мартьянова и сынъ ея, человѣкъ безпутный, растратившій 30,000 на заводѣ Бѣляева. Эти люди, эти законные наслѣдники, услыхавъ о смерти его, тотчасъ же слетятся въ Петербургъ, а такъ какъ это было время старыхъ порядковъ судопроизводства, когда разъ начатое дѣло тянулось цѣлые годы, то, безъ сомнѣнія, мелкіе ходатаи, тѣ новѣйшіе аргонавты, о которыхъ я говорилъ, научатъ ихъ завести споръ о подлогѣ завѣщанія и бѣдную Бѣляеву будутъ таскать по судамъ. Не лучше ли, не безопаснѣе ли, не благоразумнѣе ли было переписать самому? Допустимъ на минуту предположеніе—что Бѣляевъ завѣщанія этого не написалъ самъ вслѣдствіе того, что чувствовалъ себя крайне нездоровымъ и не могъ писать вообще. Но тогда является слѣдующій вопросъ: завѣщаніе подписано тремя лицами и переписано четвертымъ; всѣ они писали различными чернилами, что̀ показываетъ, что писали они не одновременно; надо, слѣдовательно, допустить, что Бѣляевъ далъ Целебровскому переписать завѣщаніе въ тяжелую минуту, когда чувствовалъ сильныя страданія. Онъ призвалъ Целебровскаго и продиктовалъ ему свою послѣднюю волю (хотя надобно замѣтить, что у него были другія, болѣе близкія лица, напримѣръ, Шмелевъ, которыя были всегда подъ рукою). Продиктовавъ завѣщаніе, онъ оставилъ его у себя, не подписывая немедленно и не призывая немедленно свидѣтелей, а подписалъ впослѣдствіи, такъ же, какъ и предъявилъ завѣщаніе свидѣтелямъ. Но если онъ подписывалъ послѣ, то нужно доказать, что все время послѣ того, какъ завѣщаніе было составлено, онъ находился въ такомъ состояніи, что не могъ писать самъ ничего, а могъ только подписывать свою фамилію. А между тѣмъ извѣстно, что онъ не только писалъ самъ, но даже ѣздилъ на торги. Притомъ, если ему не трудно было диктовать, то, понятно, не трудно было подписывать и свой полный титулъ, по обыкновенію, котораго онъ такъ строго держался. Можетъ быть, однако, и другое предположеніе. Чувствуя себя очень дурно, Бѣляевъ призвалъ Целебровскаго и свидѣтелей одновременно, хотя это и опровергается различіемъ въ цвѣтѣ чернилъ. Въ числѣ свидѣтелей былъ и докторъ Отто. Если Бѣляевъ не

могъ подписать полнаго званія, значитъ онъ былъ страшно слабъ, его одолѣлъ жестокій припадокъ, руки его тряслись. Развѣ докторъ Отто не могъ отклонить его отъ всякихъ занятій въ эти тяжелыя минуты, развѣ не могъ успокоить его, увѣривъ, что онъ останется живымъ, что это только припадокъ, что онъ можетъ подписать завѣщаніе послѣ, когда почувствуетъ себя лучше? А это совершилось скоро, такъ какъ затѣмъ Бѣляевъ пишетъ длинныя письма, ѣздитъ на торги и въ концѣ августа 1858 года еще настолько здоровъ, что ходитъ по комнатамъ. Развѣ онъ не могъ много разъ уничтожить это завѣщаніе и написать вновь все собственноручно? не могъ развѣ сдѣлать этого въ здоровыя минуты?

Посмотримъ, наконецъ, на самихъ *свидѣтелей*. Бѣляевъ оставляетъ все имущество своей женѣ, не назначая душеприкащика и не обозначая имущества. Кто же подписывается на завѣщаніи? Люди, знакомые съ его торговыми дѣлами? Нѣтъ! Сицилинскій, старикъ, выживающій изъ ума, и докторъ Отто, не коммерческій человѣкъ, тогда какъ у Бѣляева были такіе старые знакомые, какъ, напримѣръ, Бенардаки, Каншинъ. Почему онъ не поставилъ состоянія жены своей подъ защиту этихъ громкихъ откупныхъ именъ? Почему онъ не пригласилъ подписаться на завѣщаніи этихъ лицъ, знающихъ дѣла, имѣющихъ вѣсъ на биржѣ и значеніе въ обществѣ, людей, которые могли бы оградить его жену отъ всякихъ дальнѣйшихъ имущественныхъ нападеній? Ничего подобнаго не сдѣлано! Эти друзья остаются въ сторонѣ, а призываются люди, которые случились подъ рукой. Скажутъ, завѣщаніе составилось на скорую руку. Предположимъ, что такъ; но завѣщаніе составлено 10-го мая, а 21-го написана сохранная на 272 т. р. с., росписка, которая, очевидно, измѣняла положеніе дѣла, измѣняла вопросъ о состояніи Бѣляева. По выдачѣ этой росписки, развѣ ему не должно было придти въ голову, что нужно перемѣнить завѣщаніе, что нужно написать новое? Посмотримъ поближе на этотъ документъ. Во-первыхъ, имѣетъ ли онъ общій характеръ всѣхъ завѣщаній зажиточныхъ лицъ купеческаго сословія? Былъ ли въ немъ отказъ на церковь? Бѣляевъ былъ человѣкъ добрый: вспомнилъ ли онъ, умирая, своихъ родныхъ, одѣлилъ ли онъ ихъ? Нѣтъ. Одной Ремянниковой только оставлена маленькая сумма. А этотъ двоюродный братъ, ходившій безъ сапогъ? а Мартьянова, которая не имѣла денегъ на покупку лекарства и не могла выходить на воздухъ, потому что у нея не было теплой одежды, а на дворѣ было «студено?» Все это Бѣляевъ, конечно, зналъ. Какъ же у него, у несомнѣнно добраго человѣка—не возникло, въ послѣднія минуты, желанія хотя чѣмъ нибудь надѣлить ихъ, избавить ихъ отъ нищеты, — у него, раздававшаго широкою рукою деньги своимъ конторщикамъ и прислугѣ? Между тѣмъ, этого нѣтъ. Нѣтъ отказа на поминовеніе, нѣтъ никакихъ жертвъ въ монастыри и церкви, нѣтъ благотво-

рительныхъ дѣлъ, которыя характеризуютъ почти всякое завѣщаніе въ томъ слоѣ купеческаго быта, къ которому принадлежалъ покойный. Затѣмъ я не могу не указать еще на одну особенность этого завѣщанія, именно на то, что на ряду съ нимъ идутъ найденные у Бѣляева обрывки почтовой бумаги, на которыхъ рукой Бѣляева написано — на одномъ: «сіе духовное завѣщаніе составлено Фр. К. В. Бѣл.», на другомъ — «ей же, женѣ моей», и т. д. Очевидно, что эти клочки относятся къ завѣщанію. Одинъ есть проектъ свидѣтельской подписи, другой же — одного изъ пунктовъ предположеннаго завѣщанія. Неужели тотъ, который собственноручно составлялъ черновой проектъ завѣщанія, не могъ переписать подлиннаго документа? Эти клочки указываютъ, что Бѣляевъ дѣйствительно хотѣлъ оставить имущество своей женѣ, но не оставилъ. Почему же? Для разрѣшенія этого вопроса я обращусь къ вашей житейской опытности, къ вашему знанію практической жизни. Вы знаете, какого рода суевѣрные предразсудки существуютъ вообще у многихъ богатыхъ людей, которые умираютъ безъ завѣщанія потому, что выраженіе послѣдней воли признается какъ бы предвѣстіемъ смерти, потому что человѣкъ, составившій завѣщаніе, считаетъ уже матеріальные разсчеты съ жизнью оконченными и думаетъ, что на немъ лежитъ уже печать скораго истлѣнія. Вы знаете, конечно, что этотъ предразсудокъ сильно распространенъ, особенно въ купеческомъ быту... Вотъ почему мы видимъ Бѣляева, дѣлающаго проекты завѣщанія, приготовленія къ нему на клочкахъ бумаги и не рѣшающагося написать полное завѣщаніе. Онъ часто страдалъ, но ему затѣмъ становилось легче, а послѣднее время приглашенъ былъ докторъ Тильманъ, опытный врачъ, который ему, замѣтно для всѣхъ окружающихъ, помогъ. Онъ могъ думать, что здоровье его поправится, что онъ успѣетъ написать завтра, послѣзавтра, но *завтра* нагрянула смерть — и завѣщанія нѣтъ. Мнѣ скажутъ, что завѣщаніе подписано свидѣтелями, что они его видѣли. Повидимому, здѣсь установилось у нѣкоторыхъ участвовавшихъ лицъ и, быть можетъ, у васъ, гг. присяжные засѣдатели, неправильное пониманіе того, что хочетъ сказать обвинительный актъ — указаніемъ на то, что свидѣтели подписали завѣщаніе послѣ смерти. Повидимому предполагаютъ, что обвиненіе считаетъ этихъ свидѣтелей глубоко безчестными людьми, которые согласились съ Мясниковыми помочь имъ ограбить, путемъ фальшиваго завѣщанія, несчастную и довѣрчивую вдову. Напротивъ, я признаю, что Сицилинскій и Отто были прекрасные люди. Но что же изъ этого? Сицилинскій былъ на краю могилы, забывчивъ и дряхлъ, а Отто—домашній врачъ, старый другъ дома. Они слышали, что о завѣщаніи Бѣляевъ говорилъ не разъ, говорилъ, что все имущество оставитъ своей женѣ. У нихъ составилось нравственное убѣжденіе въ томъ, что имуще-

ство должно было перейти Бѣляевой; затѣмъ къ одному являются и говорятъ: «посмотрите, завѣщаніе нашлось, но покойный не успѣлъ пригласить свидѣтелей, вы видите его подпись, вы знаете, что все имущество должно слѣдовать вдовѣ, что такова всегда была воля умершаго, вы помните, какъ любилъ ее покойный. Неужели вы не захотите охранить тишину и благолѣпіе этого дома? Неужели вы допустите, что придутъ какіе-то невѣдомые наслѣдники, будутъ тягаться, говорить, что завѣщаніе даже никогда не было написано—а вотъ оно тутъ передъ вами—и будутъ бѣдную женщину таскать по судамъ? Неужели вы откажетесь оказать такую услугу памяти покойнаго?» И вотъ человѣкъ, не понимающій хорошенько, что онъ дѣлаетъ вполнѣ неправильную, незаконную вещь,—увѣренный, что завѣщаніе должно было остаться, добрый и привязанный къ памяти покойнаго, даетъ свою подпись. Разъ явилась подпись священника, надо еще подпись одного свидѣтеля. Къ кому же лучше обратиться, какъ не къ старому другу дома, постоянному доктору Бѣляевыхъ, у котораго даже личный интересъ связанъ съ сохраненіемъ имущества за Бѣляевой? Тотъ, быть можетъ, спроситъ священника, нѣсколько колеблясь, исполнить просимое: «батюшка! вы это завѣщаніе подписали?» «Да, подписалъ», отвѣтитъ тотъ и тѣмъ разсѣетъ сомнѣніе доктора, потому что онъ, Сицилинскій, человѣкъ добрый, по словамъ его вдовы, даже «святой». Притомъ, просить удостовѣрить завѣщаніе развѣ Бѣляева, которая заинтересована въ немъ? Нѣтъ, нисколько! Просятъ Мясниковы. *Они* хотятъ оградить интересы бѣдной женщины, которая убита горемъ и въ отношеніи имущества находится въ затруднительномъ положеніи. Потомъ, быть можетъ, эти свидѣтели и узнаютъ, что завѣщаніе фальшиво, — но, подписавъ его, они сдѣлались участниками въ его составленіи, и сознаться въ томъ, что завѣщаніе подписано послѣ смерти, когда оно считается подложнымъ, уже невозможно, потому что это значитъ сознаться въ содѣйствіи преступленію, хотя бы и не вполнѣ сознательномъ,— и на уста ихъ невольнымъ образомъ налагается печать молчанія. Таково единственно возможное толкованіе, не опорочивающее безъ нужды памяти свидѣтелей и съ житейской стороны совершенно естественное. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы Сицилинскій былъ подкупленъ для дачи своей подписи,—нѣтъ такого основанія и по отношенію къ Отто; но затѣмъ, когда эти люди подписались, имъ могли оказываться разныя одолженія, чтобы этимъ еще болѣе закрѣплять ихъ молчаніе и загладить ихъ вовлеченіе въ темное дѣло. Иногда эти одолженія дѣлались широкою рукою. Сынъ Сицилинскаго, женатый на сестрѣ одного изъ показывавшихъ здѣсь свидѣтелей, ходилъ къ Мясниковымъ въ карманъ, какъ въ свой собственный. Были ли имъ выдаваемы документы Мясникову — мы не знаемъ, но знаемъ, что онъ имѣлъ привычку ни-

когда не платить долги, что́ должно было быть извѣстно Мясникову; мало того, что онъ ходилъ «взять у Мясникова», его сестра и мужъ его сестры точно также обращались къ Мясниковымъ и получали вспомоществованіе. Мнѣ скажутъ, что все это предположенія, что я не привожу прямыхъ доказательствъ, что мои соображенія почерпаются изъ обстановки окружающей жизни, а не изъ фактовъ дѣла. Это, быть можетъ, и будетъ справедливо, но не надо забывать, что въ цѣлой массѣ дѣлъ,— во всѣхъ наиболѣе серьезныхъ и обдуманныхъ преступленіяхъ — прямыя доказательства отсутствуютъ, а есть лишь косвенныя данныя, которыя могутъ быть скрѣплены между собою лишь извѣстными соображеніями. Эти соображенія именно оттуда и должны быть взяты, откуда я ихъ беру; только жизнь съ ея разнообразными явленіями, только бытовая обстановка можетъ и должна служить тою палитрою, съ которой слѣдуетъ черпать краски для обрисованія условій возникновенія извѣстнаго преступленія. Никакія теоретическія, отвлеченныя соображенія для этого не пригодны.

Но если это все одни предположенія, то мы можемъ указать и на нѣкоторыя другія, болѣе твердыя данныя, именно на экспертизу. Это уже нѣчто болѣе прочное. Мы видѣли спеціалистовъ своего дѣла въ огромномъ числѣ. Чуть ли не весь Петербургъ былъ лишенъ на нѣсколько дней каллиграфіи, и, конечно, эти 16 учителей чистописанія и граверовъ должны дать болѣе или менѣе точныя данныя для сужденія о подлинности завѣщанія. Намъ говорили, что въ экспертизѣ по настоящему дѣлу — противорѣчія. Эксперты по этому дѣлу распались на четыре группы: первая изъ нихъ въ 1868 г. признала, что подпись на завѣщаніи, повидимому, Бѣляева, и нѣтъ основанія въ ней сомнѣваться вообще, кромѣ, однако, буквы *ъ;* вторая группа нашла подпись цѣликомъ сомнительною; третья группа въ гражданскомъ судѣ признала, что нѣтъ основанія утверждать, чтобъ это не была подпись Бѣляева; четвертая группа, на слѣдствіи 1870 года, положительно утверждала, что это не подпись Бѣляева, что она дурно скопирована, что это плохое подражаніе его дѣйствительной подписи. Здѣсь всѣ эксперты сведены вмѣстѣ, и я думаю, что шансы обвиненія и защиты были равны, такъ какъ мною было вызвано 9 экспертовъ, защитою 8, но на судъ одинъ изъ моихъ не явился, и остались 8 и 8, т. е. равное число голосовъ. Къ какому же выводу пришли они при взаимной окончательной провѣркѣ своихъ мнѣній? Они признали, что подпись Бѣляева является при первомъ взглядѣ похожею на настоящую, т. е. имѣетъ свойства, которыя необходимы для того, чтобы человѣкъ, разсматривающій ее простыми глазами, мелькомъ, призналъ ее дѣйствительною, но, при внимательномъ разсмотрѣніи, буквы оказываются поставленными рѣже и написанными не такъ, какъ писалъ обыкновенно Бѣ-

ляевъ, и, наконецъ, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи самая подпись является лишь искуснымъ подражаніемъ. При оцѣнкѣ этой подписи, эксперты находятъ тѣ же признаки, на которые указывали прежніе эксперты, дававшіе заключеніе противъ подложности завѣщанія, а именно, что буква ъ написана не снизу вверхъ, какъ писалъ ее Бѣляевъ, а сверху внизъ, и что подпись сдѣлана дрожащею рукою. То же самое говорили и первые эксперты, но прибавляли, что такъ какъ Карагановъ имѣетъ почеркъ твердый, то нельзя думать, чтобъ онъ могъ написать дрожащею рукою. Думаю, что это заявленіе не заслуживаетъ никакого уваженія. Еслибъ они сказали противное, т. е., что Карагановъ писалъ дрожащею рукою, а подпись сдѣлана твердою, тогда я понялъ бы это; но что человѣкъ, у котораго почеркъ твердый, можетъ написать дрожащей рукой — это не подлежитъ сомнѣнію, и все зависитъ въ этомъ отношеніи отъ того, что̀ вы признаете въ данномъ случаѣ. Если вы найдете, что это подпись Бѣляева, то этимъ самымъ признаете, что здѣсь дрожала больная рука; если же вы согласитесь со мною, что это не его подпись, то очевидно дрожала рука — преступная. Такимъ образомъ, эксперты прямо признали, что почеркъ въ подписи на завѣщаніи не есть почеркъ Бѣляева, что это только искусное подражаніе, что онъ самъ такой подписи не могъ сдѣлать. Кто же сдѣлалъ ее? Экспертамъ предъявлялись записки одного изъ лицъ, находящихся здѣсь предъ вами — и они сказали: «да, это лицо способно писать такимъ образомъ; да, это лицо имѣетъ такой почеркъ, который можно сдѣлать весьма похожимъ на почеркъ Бѣляева, это лицо могло подписаться подъ его руку». Это лицо — Карагановъ. Къ нему-то мы теперь и обратимся.

Второй вопросъ по дѣлу: *если завѣщаніе подложно, то какимъ путемъ оно составилось?* Путь этотъ начинается Карагановымъ и кончается Мясниковыми.

Поэтому, прежде всего, слѣдуетъ обратиться къ самой личности Караганова. Карагановъ, по моему мнѣнію, въ меньшемъ видѣ — тотъ же Бѣляевъ. Та же преданность своимъ хозяевамъ, вѣрность ихъ интересамъ, то же стремленіе управлять ихъ дѣлами, сохраняя выгоду всѣми мѣрами, стремленіе всегда и во всемъ видѣть ихъ честными и правыми... Повторяю—это тотъ же Бѣляевъ, но въ маломъ размѣрѣ и безъ его ума, безъ его ловкости, житейскія обстоятельства котораго притомъ сложились иначе. Еще мальчикомъ онъ поступилъ къ Мясниковымъ, служилъ довольно долго конторщикомъ и получалъ, наконецъ, жалованья до 600 р. въ годъ, при квартирѣ въ домѣ хозяевъ. При такой обстановкѣ застаетъ его день смерти Бѣляева. Она поразила его паническимъ страхомъ: «такой богатый человѣкъ,— говорилъ онъ всѣмъ и каждому, совершенно потерявшись и не зная, за что взять-

ся — и такъ внезапно скончался! вѣдь онъ всему дѣлу былъ воротило, всѣмъ заправлялъ — какъ быть безъ него!?» Долго ли продолжался этотъ испугъ предъ невѣдомымъ будущимъ, намъ неизвѣстно, но вскорѣ однако Карагановъ предлагаетъ свидѣтелямъ паи по откупамъ, говоритъ, что у него есть небольшой капиталъ, даетъ въ займы тысячу и полторы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, положеніе его повидимому улучшается. Онъ является къ знакомымъ очень хорошо одѣтымъ, живетъ лучше и наконецъ въ немъ, въ этомъ необезпеченномъ приказчикѣ, жившемъ изо дня въ день, является желаніе устроиться семейнымъ образомъ. Онъ и устроился; свадьба его нѣсколько оригинальна: онъ женился на пѣвицѣ, бывшей въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ А. Мясниковымъ. Онъ, мелкій приказчикъ Мясникова, сдѣлался мужемъ женщины, которая была въ близкихъ отношеніяхъ къ его хозяину, которая стояла гораздо выше его въ отношеніи образованія и развитія—на женщинѣ, къ которой онъ являлся въ переднюю съ мелкими порученіями и за приказаніями отъ того, кто ею обладалъ, кто сиживалъ въ первыхъ рядахъ креселъ, когда она пѣла. Онъ, вчерашній приказчикъ, сдѣлался мужемъ изящной хористки, которая еще не такъ давно была близка къ властелину его матеріальнаго положенія! Свадьба происходитъ тихо, безъ всякой торжественности. Затѣмъ, немедленно послѣ свадьбы, Карагановъ съ женою уѣзжаютъ изъ Петербурга. Что вызвало эту поѣздку — намъ неизвѣстно. Онъ былъ привычный человѣкъ, служившій у Мясниковыхъ при петербургской конторѣ, но они почему-то рѣшились отпустить его въ Казань, куда онъ увезъ довольно большія средства. Я могу сослаться на то, что въ показаніи Караганова говорится о 10,000 руб., которыя онъ получилъ отъ Мясникова, причемъ онъ не выясняетъ, лично ли онъ получилъ ихъ или въ приданое за женою. Изъ тѣхъ записокъ, которыя были отобраны отъ старика Караганова, мы имѣемъ возможность заключить о его средствахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы, послѣ того какъ Карагановъ-сынъ потерпѣлъ убытки и разоренія отъ пожаровъ и другихъ несчастныхъ случаевъ, послѣ того какъ хлѣбная и винная торговли ему не удались, онъ оставилъ записку, въ которой просилъ продать принадлежащіе ему мѣха, шубы, серебро, брилліанты, всего на 30,000 р. Очевидно, что это были остатки прежняго его семейнаго величія. Что затѣмъ дѣлаетъ Карагановъ — намъ мало извѣстно, но въ 1865 г. онъ обращается съ письмомъ къ Мясникову, въ которомъ проситъ принять его вновь на службу. Мясниковъ не даетъ сначала рѣшительнаго отвѣта, однако въ 1866 г. Карагановъ уже былъ у него на службѣ. Защитникъ представилъ цѣлый рядъ писемъ Караганова, чрезвычайно характеристичныхъ. Эти письма чрезвычайно почтительны, преисполнены выраженій преданности и всѣ писаны Александру Мясникову.

Въ нихъ Карагановъ очень подробно разсказываетъ о ходѣ торговыхъ операцій и не только описываетъ настоящее положеніе дѣлъ, но собираетъ статистическія свѣдѣнія о видахъ на будущее и старается опредѣлить то направленіе дѣлъ, которое они должны, въ виду разныхъ данныхъ, принять. Свидѣтель Бѣляевъ говоритъ, что Карагановъ велъ себя въ Ставрополѣ сначала очень хорошо, служилъ честно, но вдругъ съ нимъ сдѣлалась какая-то перемѣна. Первый признакъ этой перемѣны замѣчается въ немъ въ октябрѣ 1868 г. Онъ былъ приказчикомъ Мясниковыхъ, такъ сказать, небольшимъ агентомъ въ ихъ обширной администраціи, агентомъ зависимымъ, имѣвшимъ опредѣленныя обязанности. И вдругъ этотъ подчиненный агентъ начинаетъ вести себя несоотвѣтственно своему положенію. 10-го августа онъ выѣзжаетъ изъ Ставрополя и ѣдетъ неизвѣстно куда. Кошельковъ — его ближайшій начальникъ — телеграфируетъ главному управляющему въ Ростовъ, въ Новочеркаскъ, чтобы дали знать, тамъ ли Карагановъ, наконецъ сносится съ Воронежомъ, мало того, телеграфируетъ въ Петербургъ А. Мясникову о томъ, что Карагановъ выѣхалъ неизвѣстно куда. Скажутъ, быть можетъ, что это была поѣздка въ Козмодемьянскъ для свиданія съ отцомъ, о которой онъ просилъ прежде, но мы знаемъ его покорность хозяину,. знаемъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ Мясниковъ постоянно отказывалъ ему въ этой просьбѣ. Встревоженные его поведеніемъ, начинаютъ слѣдить за каждомъ его шагомъ. Вы имѣли передъ собою цѣлый рядъ телеграммъ, въ которыхъ выражено ясно желаніе имѣть постоянно свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія Караганова. Телеграммы адресуются отъ Кошелькова ко всѣмъ управляющимъ отдѣльными складами. Наконецъ, для успокоенія Караганова дѣлаются по телеграфу справки, конечно, на счетъ конторы, о такихъ дѣлахъ, которыя вовсе дѣлъ Мясниковыхъ не касаются, какъ, напр., о здоровьѣ отца Караганова, о времени его предполагаемаго выѣзда изъ Козмодемьянска. Какъ же ведетъ себя Карагановъ, столь тщательно оберегаемый и получающій 1,200 руб. жалованья? Мы имѣемъ весьма характеристичныя письма Цыпина и Гудкова. Изъ нихъ видно, что въ концѣ 1868 г. и въ началѣ 1869 г. онъ ничего не дѣлаетъ, хотя и считается ревизоромъ; вся его обязанность заключается только въ томъ, чтобы придти за жалованьемъ и взять спиртъ, какъ будто для пробы, который онъ и не возвращаетъ болѣе. Онъ пьетъ горькую чашу. Есть указаніе, что онъ напивался до того, что лѣзъ искать брата въ мельничномъ колесѣ, что въ нарядѣ, болѣе чѣмъ въ легкомъ, ходилъ по улицамъ, такъ что семейные люди вынуждены были затворять ставни; что онъ буйствовалъ, стрѣлялъ въ соломенныя крыши, ходилъ пьяный въ театръ, гдѣ отдавалъ за билетъ палку, а не деньги — и въ трактиръ, гдѣ билъ посуду и окна, говоря, что ему душно.

Знаетъ ли однако Мясниковъ о такомъ безобразномъ поведеніи своего приказчика? Да, знаетъ, потому что знаетъ о немъ Кошельковъ, который не могъ не донести объ этомъ, и еще до августа 1869 г. писалъ Мясникову, что Карагановъ ведетъ себя такъ неудовлетворительно, что онъ «за дѣла его, хозяина, съ нимъ *поговорилъ*». Для чего же онъ держитъ при заводѣ человѣка, ничего не дѣлающаго или, лучше сказать, Богъ знаетъ что дѣлающаго и получающаго свыше тысячи рублей жалованья? Для чего узнаютъ о здоровьѣ его отца, слѣдятъ за нимъ изъ Ставрополя и Петербурга, желаютъ непремѣнно знать, куда онъ именно поѣхалъ, и не разрѣшаютъ ѣхать къ отцу? Для чего его удерживаютъ при заводѣ, когда онъ даже для Кошелькова становится невыносимымъ? Быть можетъ, его держатъ изъ милости? Онъ давно служилъ, старый слуга, почему же не дать ему пристанища—это не разоритъ. Но онъ, прежде всего, не старый, выбившійся изъ силъ, слуга,—и ему, притомъ, дается не одно пристанище, а гораздо болѣе, да и такъ ли ведетъ себя Карагановъ, какъ человѣкъ, который обязанъ своему хозяину пріютомъ? Развѣ такой человѣкъ можетъ настойчиво требовать впередъ жалованья, требовать такимъ образомъ, что, по словамъ Гудкова, во избѣжаніе худшаго, онъ долженъ былъ удовлетворить его? Можетъ ли человѣкъ благодѣтельствуемый позволять себѣ такіе поступки, какіе позволялъ себѣ Карагановъ? Онъ зналъ же, что всякому благодѣянію есть мѣра, что его могутъ прогнать. Наконецъ, можно ли предполагать, чтобы благодѣянія Мясниковыхъ, у которыхъ были обширныя занятія и дѣла, которые сами были большими господами—простирались даже до такихъ мелочей, какъ выкупъ Мясниковымъ изъ ломбарда вещей для Караганова? Карагановъ постоянно писалъ Мясникову, извѣщая его о томъ, куда онъ ѣдетъ, но не прося разрѣшенія и совершенно не желая знать мѣстное начальство, и обращался за выдачей денегъ непосредственно къ нему. Человѣкъ благодѣтельствуемый не рѣшится писать такимъ образомъ. Остается, слѣдовательно, неизбѣжный выводъ: Карагановъ — безполезный, но *опасный* человѣкъ. Почему же онъ опасенъ? Мы знаемъ, какимъ образомъ поступалъ Карагановъ въ 1866—68 гг., мы имѣемъ возможность прослѣдить его душевное состояніе. Въ письмахъ 1868 года онъ выражаетъ просто желаніе повидаться поскорѣе съ отцомъ, но затѣмъ эти письма начинаютъ принимать болѣе мрачный характеръ и, наконецъ, отъ 14-го декабря 1870 г., мы находимъ письмо, въ которомъ онъ изъявляетъ свою послѣднюю волю отцу, говоря, чтобы онъ сохранилъ эту духовную, такъ какъ впослѣдствіи она оправдаетъ ихъ обоихъ. Но что значитъ эта послѣдняя воля? Это не есть завѣщаніе, это не есть отказъ имущества, такъ какъ у него уже ничего не было. Это—крикъ больной души, желаніе покаяться, разсказать кому нибудь близкому, доро-

гому то, что тяготитъ душу, но высказать не прямо, а намеками на то, что въ немъ происходитъ. Карагановъ пишетъ, что онъ не портилъ ничьего здоровья, что онъ никому не продавалъ женщинъ, что онъ соблюдалъ хозяйскій интересъ правильно, свято, а если совершилъ какія нибудь преступленія, то по молодости, неопытности и своимъ служебнымъ обязанностямъ. Что за намеки именно на то, что онъ никогда не торговалъ женщинами, не продавалъ ихъ? Почему онъ не говоритъ, что никогда не воровалъ, не поджигалъ, не дѣлалъ фальшивой монеты? Почему онъ говоритъ, что хозяйскіе интересы соблюдалъ — и вскользь прибавляетъ, что если совершилъ преступленіе, то по службѣ, слѣдовательно, соблюдая хозяйскіе интересы? Затѣмъ мы имѣемъ еще одно свѣдѣніе о Караганове, которое вы слышали изъ обвинительнаго акта, а именно, что Карагановъ былъ крайне подозрителенъ, что онъ постоянно боялся чего-то, спалъ съ револьверомъ и, однажды, заставилъ горничную съѣсть коробку пудры, подозрѣвая, что это отрава. Если мы сведемъ все это вмѣстѣ, если представимъ себѣ Караганова сначала бодрымъ, свѣжимъ, имѣющимъ цѣлую жизнь впереди, женившимся и взявшимъ за женою довольно большое приданое, имѣвшимъ свои собственныя торговыя дѣла и, наконецъ, управляющимъ Мясниковыхъ въ Ставрополѣ, — и затѣмъ представимъ себѣ того же Караганова мрачнаго, разсѣяннаго, дѣлающаго скандалы, дерущагося на кулачкахъ съ мужиками, не платящаго долговъ, требующаго жалованья и не оказывающаго никакого почтенія къ представителямъ хозяевъ, находящагося постоянно подъ гнетомъ какой-то одной мысли, пьющаго мертвую чашу и пользующагося при этомъ особеннымъ привилегированнымъ положеніемъ; представимъ наконецъ, Караганова, котораго преслѣдуетъ постоянная боязнь, Караганова, пишущаго свою послѣднюю волю, въ которой слышится вопль наболѣвшей души и разбитаго сердца; если мы представимъ себѣ все это, то мы увидимъ, что есть страшная разница между Карагановымъ первымъ и Карагановымъ вторымъ. Когда же произошла эта перемѣна, этотъ переломъ? Мы знаемъ, что это случилось послѣ допроса въ Ставрополѣ, 20-го августа 1868 года. Онъ былъ допрошенъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева. Его спрашивали, «не онъ ли подписалъ духовное завѣщаніе?» Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Но почему же допросъ этотъ такъ на него подѣйствовалъ, почему онъ такъ упалъ духомъ? Потому что онъ увидѣлъ, что то, что̀ смутно, въ отдаленіи, по временамъ его смущало, вдругъ ожило, возникло съ особой силой, стало предъ очами и вѣщаетъ недоброе. Онъ упалъ духомъ, затосковалъ, сталъ мрачнымъ, потерялъ почву подъ ногами и махнулъ на все рукою. Вотъ это-то поведеніе Караганова и вызвало два ряда дѣйствій относительно его. Съ одной стороны, такой человѣкъ не могъ оставаться на виду

многолюднаго общества и не могъ быть около близкихъ людей, которые могли узнать отъ него истину, которымъ онъ могъ бы проболтаться. Поэтому его пріурочиваютъ къ одному мѣсту, запираютъ въ ограниченные предѣлы и, отдавая его на жертву бездѣйствію, даютъ ему возможность топить свою тоску, свою думу, свой умъ въ водкѣ и спиртѣ. Съ другой стороны, надо было знать, что такое дѣлаетъ Караганов, какъ онъ себя держитъ. И вотъ о немъ ведется постоянная переписка. Требованія Караганова исполняются въ точности и съ быстротою; для него дѣлается все: ему даютъ жалованье и полную свободу, ничего отъ него не требуя, лишь бы онъ жилъ на заводѣ и пилъ, сколько душѣ угодно,—и онъ пьетъ. Но вотъ, однажды, въ пьяномъ видѣ, онъ проговаривается проѣзжему купцу, разсказываетъ, что онъ лысаго, беззубаго старика, лакея Мясниковыхъ, такъ обчистилъ, что милліонъ отъ него отбилъ своимъ хозяевамъ и старику ни гроша не оставилъ — не съ чѣмъ было на тотъ свѣтъ проѣхать. Изъ нѣкоторыхъ заявленій защиты надо думать, что она будетъ стараться доказать вамъ, что проѣзжій купецъ и его приказчикъ были агенты сыскной полиціи, пріѣхавшіе съ цѣлью разузнать отъ Караганова о настоящемъ дѣлѣ. Я не знаю, такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, не стану отрицать возможности этого, но скажу, что если это были агенты полиціи, то ихъ ловкости должно приписать удачу открытія перваго повода къ возбужденію дѣла. Такъ или иначе, но до свѣдѣнія судебной власти дошло, что Караганов проговорился. Намъ, можетъ быть, скажутъ, что его подпоили, но мы имѣемъ свѣдѣнія, что онъ пилъ мертвую чашу задолго до этого, что еще въ 1869 году онъ уже дѣлалъ вещи, совершенно ни съ чѣмъ несообразныя. Затѣмъ Караганов, конечно, уже совершенно трезвый, допрошенный судебнымъ слѣдователемъ, повторилъ то, что было сказано въ бытность его на заводѣ. Сущность этого показанія онъ повторилъ здѣсь. Онъ говорилъ, что ему стыдно, что онъ сдѣлалъ нехорошее, постыдное дѣло, какъ онъ выразился, и еслибы онъ не сдѣлалъ, то не *имѣлъ бы чести* находиться здѣсь; въ присутствіи Мясниковыхъ ему неловко, больно. Онъ урывками, постепенно, послѣ долгихъ допросовъ, начинаетъ разсказывать, что онъ сдѣлалъ. А сдѣлалъ онъ вотъ что: онъ подписалъ принесенный ему листъ бумаги подписью «Козьма Бѣляевъ». Сначала онъ говорилъ, что подписалъ одинъ разъ, но когда его стали разспрашивать, не писалъ ли онъ прежде, не пробовалъ ли до этого, онъ сознался, что пробовалъ, писалъ нѣсколько разъ и наконецъ подписалъ. Что же это за бумага, для чего послужила она? «Не знаю — говоритъ онъ—мнѣ неизвѣстно; а казенный интересъ я соблюдалъ всегда и хозяевамъ былъ вѣренъ». Вотъ сущность его показанія. Въ немъ, въ краткихъ чертахъ, ясно выразилось, что онъ, по пред-

ложенію Мясникова, подписалъ листъ бумаги, и что учился дѣлать подпись; а затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ варіацій на эту тему, постоянно звучитъ одно и то же, именно, что онъ сохранялъ хозяйскій интересъ, что онъ имъ большія выгоды предоставилъ, что онъ несчастный человѣкъ, былъ молодъ, неопытенъ, и прочее. Но, гг. присяжные, посмотрите на Караганова перваго, такого, какимъ вы знаете его изъ дѣла, сравните его съ тѣмъ, который даетъ передъ вами показанія. Изъ всѣхъ его объясненій ясно, что этотъ человѣкъ преданъ хозяевамъ, любитъ ихъ; недаромъ онъ сказалъ, что хозяева были Мясниковы, а Бѣляевъ только воротило. Онъ до сихъ поръ считаетъ его за лысаго лакея Мясниковыхъ и до сихъ поръ считаетъ Мясниковыхъ въ правѣ поступить такъ, какъ они поступили. Онъ видитъ въ нихъ идеалъ хозяевъ, и здѣсь, отдавая себя на жертву, говоря совершенно ясно, что онъ подписалъ завѣщаніе, цѣлымъ рядомъ отступленій старается доказать, что онъ былъ вообще человѣкъ честный, старается не говорить ничего о Мясниковыхъ, не рѣшается упомянуть объ ихъ дальнѣйшемъ участіи въ преступленіи. Это показаніе Караганова достаточно объясняетъ, почему, несмотря на то, что онъ былъ безполезенъ, несмотря, на то, что онъ пилъ постоянно, его призрѣваютъ на задонскомъ заводѣ. Онъ былъ безполезенъ, но опасенъ, онъ могъ проболтаться. Мнѣ скажутъ, что онъ могъ проболтаться и прежде, а между тѣмъ его отпускали. Прежде Карагановъ былъ молодой человѣкъ, только что связавшій свою судьбу съ женщиною, которую онъ любилъ; у него было состояніе, цѣлая будущность впереди, — понятно, что тогда ему говорить что нибудь о своемъ поступкѣ было опасно для него же самого; даже дѣло еще тогда не возникало, т. е. дѣло было гражданское. Но когда въ 1868 году возникло дѣло уголовное и онъ былъ допрошенъ, онъ уже былъ не тотъ. Будущаго у него не было, и тогда оказалось нужнымъ держать его въ одномъ мѣстѣ, запереть его въ заколдованный кругъ, никуда не выпускать и поскорѣе поставить въ такое положеніе, чтобы показаніе его не имѣло никакого значенія. Пусть онъ пьетъ, пусть развивается его пагубная страсть,—онъ крѣпокъ тѣломъ, много вынесетъ физически, слѣдовательно ни на чьей душѣ не будетъ лежать его физическая смерть, а между тѣмъ, его разумъ померкнетъ, его умъ ослабнетъ—и когда его сознаніе потонетъ въ водкѣ, когда онъ потеряетъ образъ Божій, можно будетъ возбудить сомнѣніе въ нормальности его умственнаго состоянія.—Онъ падаетъ нравственно, онъ гибнетъ, его надо удержать строгостью, отдать его отцу, и онъ можетъ быть спасенъ. Нѣтъ!... не пускать его къ отцу! пусть гибнетъ, пусть падаетъ! Чѣмъ ниже онъ упадетъ, чѣмъ менѣе будетъ разницы между нимъ и скотомъ, тѣмъ менѣе будетъ онъ заслуживать довѣрія, тѣмъ болѣе будетъ онъ безопасенъ.

Вотъ почему Карагановъ *долженъ былъ* оставаться на заводѣ во что бы то ни стало. Мнѣ скажутъ: «а письма, написанныя къ Мясникову?» Вѣдь если онъ зналъ, что совершилъ преступленіе по желанію Мясникова, такъ онъ могъ обращаться съ нимъ небрежно, безъ уваженія, а, между тѣмъ, какъ почтительно онъ пишетъ. Да что же изъ того, что онъ зналъ, что по желанію Мясникова совершилъ преступленіе? Вѣдь съ минуты совершенія преступленія онъ связалъ себя тѣсною, преступною связью съ Мясниковыми; выдавая ихъ, онъ выдавалъ себя; онъ поставленъ въ магическій кругъ, очерченный ихъ общимъ преступленіемъ, но внутри круга все осталось по-старому и отношенія не измѣнились: онъ былъ, по-прежнему, подчиненный, приказчикъ, обязанный писать почтительныя письма, съ тою только разницею, что прежде онъ былъ честный приказчикъ честнаго хозяина, а теперь сталъ преступнымъ приказчикомъ преступнаго хозяина. Наконецъ, мы знаемъ, какимъ обыкновенно тономъ пишутся письма въ коммерческихъ сношеніяхъ; мы знаемъ, что вѣжливость въ нихъ часто внѣшняя, формальная; мы знаемъ, что человѣкъ, выше поставленный — Ив. Мясниковъ — письмо къ Бѣляеву, гдѣ онъ упрекаетъ его въ растратѣ денегъ, начинаетъ словами: «милый дяденька!» и кончаетъ увѣреніями въ преданности и просьбою не сердиться. Очевидно, что такой стиль письма ничего не доказываетъ въ пользу добрыхъ, ненатянутыхъ отношеній. Поведеніе Караганова, въ связи съ его прежнимъ пьянствомъ, побудило обвинительную власть произвести изслѣдованіе объ его умственномъ состояніи въ то время, когда онъ давалъ свои объясненія. Мы не хотѣли предстать передъ вами съ сознаніемъ, даннымъ человѣкомъ умалишеннымъ; мы хотѣли знать, что «трезвость» этого сознанія подкрѣпляется цѣлымъ рядомъ изслѣдованій и экспертизой; мы хотѣли предстать передъ вами, въ этомъ отношеніи, съ полною увѣренностью въ томъ, что сознаніе дано правильно. Вы слышали обстоятельную, твердую, строго-научную экспертизу доктора Дюкова. Что же онъ сказалъ? «Этотъ человѣкъ притворяется—объяснилъ онъ — потому что я и докторъ Баталинъ наблюдали его и нашли, что въ его дѣйствіяхъ нѣтъ ничего похожаго на сумасшествіе: сумасшедшій всегда вѣренъ самому себѣ, между тѣмъ какъ Карагановъ вполнѣ свободно управляетъ собою и бываетъ веселъ, разговорчивъ, внимателенъ и даже играетъ на скрипкѣ, лишь только остается наединѣ съ докторомъ Баталинымъ». Защита спрашивала: «если будетъ доказано, что Карагановъ не притворяется, что онъ дѣйствительно такъ разсѣянъ, что не понимаетъ того, что говорятъ—что это будетъ тогда?» — «Тогда это состояніе ненормальное», отвѣтилъ г. Дюковъ. Но на мой вопросъ: «не находитъ ли онъ третьяго исхода, не видитъ ли онъ

въ этомъ постоянномъ повтореніи одного и того же о казенномъ интересѣ, о пожарахъ и несчастіяхъ, — отчасти забывчивости, а отчасти и желанія оправдать себя въ глазахъ суда?» — докторъ Дюковъ отвѣтилъ: «этотъ третій выводъ тоже вполнѣ возможенъ». На немъ я и останавливаюсь. Говоря предъ вами о своемъ житьѣ-бытьѣ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ воспоминаній, Карагановъ кратко говоритъ о преступленіи, но затѣмъ, весь отдаваясь желанію предстать предъ вами не окончательно дурнымъ человѣкомъ и объяснить свой проступокъ, онъ постоянно приходитъ къ тому, что сдѣлалъ это дѣло по неопытности, по молодости, а человѣкъ вообще былъ честный, оберегалъ хозяевъ. Пускай утверждаютъ, что теперь Карагановъ сумасшедшій, это не можетъ поколебать дѣйствительности его показанія. Важно не то даже, лишенъ ли онъ ума въ настоящее время, а важно то, что, давая свои показанія на предварительномъ слѣдствіи, онъ былъ въ здравомъ умѣ, о чемъ мы слышали письменное и устное заявленіе экспертовъ; важно то, что когда, на предварительномъ слѣдствіи, ему было предъявлено завѣщаніе, онъ показалъ, гдѣ была подпись, объяснивъ, что сдѣлалъ только подпись и больше ничего. И дѣйствительно, когда мы начинаемъ разсматривать завѣщаніе, то видимъ, что сначала оно написано разгонисто, потомъ сжато и опять разгонисто. Это доказываетъ, что текстъ подгонялся къ подписи. Наконецъ, если намъ станутъ говорить, что Карагановъ безуменъ въ настоящее время, то что же изъ этого? Кто допустилъ его сдѣлаться такимъ, кто заключилъ этого человѣка на бездѣйствующій заводъ въ задонскихъ степяхъ, кто не давалъ ему работы, а давалъ водку въ изобиліи, кто лишилъ его свободныхъ свиданій съ родными, кто оставилъ его одного на жертву угрызеніямъ совѣсти, на жертву воспоминаніямъ о проданномъ семейномъ счастіи, кто лишилъ его возможности говорить съ отцомъ, который одинъ былъ ему близокъ, кто заставилъ этого человѣка и здѣсь собирать послѣднія силы своего разбитаго сердца, чтобъ, погибая самому, защищать своихъ хозяевъ, кто виноватъ въ такомъ его душевномъ разстройствѣ, если оно дѣйствительно существуетъ, кто не оградилъ, не спасъ его отъ губительной страсти, когда къ тому имѣлись всѣ способы и средства! Если онъ находится здѣсь передъ вами безумный, то это только живое и наглядное свидѣтельство того, въ чемъ онъ сознался. Онъ самъ, своею личностью—очевидное и вопіющее доказательство подложности завѣщанія, и не столько по тому, что онъ говоритъ, сколько по тому, въ какомъ положеніи онъ находится. И чѣмъ ближе это живое доказательство къ духовной смерти, тѣмъ громче и краснорѣчивѣе говоритъ оно о сдѣланномъ преступленіи! И чѣмъ больше силится онъ собрать свои скудныя душевныя силы, чтобы свидѣтельствовать о преданности хозяевамъ, тѣмъ виднѣе, какъ зло-

употребили этою преданностью, тѣмъ понятнѣе, отчего у Козьмы Бѣляева дрожала рука, когда онъ, будто бы, подписывалъ свое завѣщаніе!

Перехожу къ третьему вопросу.

Опредѣливъ путь, какимъ составилось завѣщаніе, нужно будетъ еще опредѣлить кто виновенъ въ составленіи завѣщанія духомъ, какъ виновенъ въ этомъ Карагановъ тѣломъ.

Изъ всего высказаннаго мною можно вывести заключеніе, что завѣщаніе подложно. *Кто совершилъ, т. е. задумалъ и осуществилъ это преступленіе?* Есть старинное правило, что преступленіе совершается обыкновенно тѣми, для кого оно представляется наиболѣе выгоднымъ. Кому же могла быть выгода въ составленіи этого духовнаго завѣщанія?

Прежде всего, конечно, Бѣляевой. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что ей было выгодно имѣть завѣщаніе въ свою пользу: я уже говорилъ о томъ, что, по самому умѣренному разсчету, у Бѣляева, послѣ его смерти, осталось на 400,000 личнаго имущества; кромѣ того, Бѣляева до того времени играла роль богатой женщины, владѣтельницы заводовъ, обладающей извѣстнымъ капиталомъ, гордой капиталистки, съ которой какой нибудь Красильниковъ не смѣлъ даже и говорить. Ей, понятно, хотѣлось имѣть завѣщаніе въ свою пользу, чтобы избавить себя отъ необходимости сойти съ первенствующаго мѣста и уступить его родственникамъ своего мужа. Мы знаемъ нѣсколько сторонъ характера этой женщины, довольно ярко рисующихъ ее: мы знаемъ, что она не удостоивала родственницы своего мужа откровенностью по тому вопросу, разъясненіе котораго избавило бы ее отъ удрученія и болѣзни, и не удостоивала Красильникова разговоромъ, несмотря на то, что онъ обращался къ ней по дѣлу. Мы знаемъ также изъ показаній Махаевой, что Бѣляева держала себя неприступно и надменно. И вдругъ она, взирающая на окружающихъ съ высоты своей денежной гордыни, она— глава, хозяйка въ домѣ, должна сойти на второй планъ, уступить свое мѣсто, стушеваться, потерять окружающій ее штатъ и, вообще, умалиться въ своемъ величіи! Развѣ это легко, развѣ это не есть такая рана тщеславію, которую трудно перенести? Вотъ почему Бѣляева должна была желать, чтобы завѣщаніе это было составлено въ ея пользу.

Но могла ли сама она это сдѣлать? Конечно, нѣтъ. Какою вы видѣли женщину эту здѣсь, такою же, вѣроятно, была она и 14 лѣтъ тому назадъ. Вы видѣли, что она лицо, способное являться орудіемъ въ чужихъ рукахъ, но безъ всякой иниціативы,— безъ яснаго сознанія своихъ цѣлей и средствъ. Она не умѣла даже говорить здѣсь такъ, чтобы не путаться и не сбиваться; она не умѣла приготовиться къ объясненіямъ; она не умѣла избѣжать тѣхъ явныхъ противорѣчій и недомолвокъ, которыми такъ богато ея показаніе. А приготовиться было время,— было много времени!

Очевидно, не она измыслила фальшивое завѣщаніе, да и это вовсе, по народному выраженію, «не женскаго ума дѣло». Итакъ, кто же другой могъ совершить это преступленіе? Бѣляевъ умираетъ въ сентябрѣ, 25-го. Въ день его смерти пріѣзжаетъ Ал. Мясниковъ — и вывозитъ, въ узлахъ, книги и дѣла своего дяди. Между этими книгами и дѣлами были и деньги. Достаточно припомнить узелъ съ серіями на 150 т. р., привезенный Александромъ Мясниковымъ къ будущей женѣ Караганова и брошенный ею, по незнанію—и къ великому изумленію Мясникова предъ ея честностью—подъ кровать. Было забрано все, безъ разбору, подъ предлогомъ отобрать свои дѣла и бумаги, какъ будто, въ виду того, что мы знаемъ о дѣлахъ Бѣляева и Мясниковыхъ, это такъ легко было сдѣлать, при отсутствіи личныхъ указаній покойнаго. При вывозѣ бумагъ захватываются и деньги, которыя несомнѣнно составляли собственность Бѣляева—и даже бумаги третьихъ, совсѣмъ чужихъ лицъ, какъ, напримѣръ, закладная Махаевой. Выгрузка имущества производилась цѣлый вечеръ, и его переправляютъ въ домъ Мясниковыхъ — чрезъ улицу противъ дома Бѣляева.

Въ день смерти Бѣляева — полиція, которая должна была охранять его имущество — несомнѣнно отсутствуетъ, но существуетъ актъ, указывающій, что она какъ бы припомнила о своихъ обязанностяхъ на слѣдующій день. Именно отъ 26 сентября былъ составленъ старшимъ помощникомъ квартальнаго надзирателя Рошковскимъ актъ описи имущества умершаго.

Въ актѣ этомъ значилось, что имуществу Бѣляева произведенъ осмотръ и оно опечатано, причемъ найдено на 350 р. золота и нѣсколько старыхъ серебряныхъ монетъ. Затѣмъ однако подписавшій этотъ актъ чиновникъ полиціи показалъ, что актъ писался имъ въ конторѣ, подъ диктовку квартальнаго надзирателя, и что на мѣстѣ осмотра онъ не былъ, не было при этомъ также и понятыхъ, подписавшихъ актъ. Квартальный же надзиратель объяснилъ, что никакого акта онъ не диктовалъ и самъ вовсе не былъ въ домѣ Бѣляева. Итакъ, актъ этотъ составленъ неизвѣстно кѣмъ и по чьему порученію въ конторѣ квартала и содержитъ въ себѣ вымышленныя данныя. Ясно, что настоящей описи произведено не было и полиція не явилась своевременно въ домъ покойнаго, хотя, какъ видно изъ показаній прислуги, впослѣдствіи были какія-то печати кѣмъ-то наложены на пустые шкафы и жирандоли. Затѣмъ, 6-го ноября предъявляется въ гражданскую палату, для засвидѣтельствованія, завѣщаніе. Засвидѣтельствовано оно 16-го ноября, а 22-го декабря между Мясниковыми и Бѣляевой заключается договоръ или условіе, по которому Бѣляева отдаетъ Мясниковымъ все принадлежащее ей имущество, какъ доставшееся по завѣщанію, такъ и свое собственное, взамѣнъ сохранной росписки

въ 272,000, выданной мужемъ ея Мясниковымъ, и 120,000 р., которые они обѣщали выплачивать по 12,000 р. въ годъ, въ теченіе 10-ти лѣтъ.

Сдѣлка эта несомнѣнно выгодна для Мясниковыхъ. Это, мнѣ кажется, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Не говоря уже о томъ, что Бѣляева уступила имъ все состояніе мужа, которое впослѣдствіи сама опредѣляла въ разсчетахъ, найденныхъ у нея при обыскѣ, въ 700,000 р. — она отдала имъ и свои заводы,— да они сами взяли среди бумагъ умершаго сколько успѣли и могли и, во всякомъ случаѣ, не менѣе тѣхъ 150 т. рублей, которые хранились подъ кроватью у Обольяниновой и служили ей потомъ поводомъ къ вымогательству денегъ отъ Мясниковыхъ. При состояніи ихъ—уплата 12 т. р. въ годъ въ теченіе 10 лѣтъ не представляла бы никакихъ затрудненій, даже если бы и производилась аккуратно, а извѣстно, что Бѣляева должна была, извѣрившись въ «божбу своихъ крестниковъ», жаловаться неоднократно на неплатежъ ими условленной суммы. — Такимъ образомъ, вся выгода отъ существованія завѣщанія Бѣляева оказалась исключительно на сторонѣ Мясниковыхъ. Благодаря ему — они получили возможность отобрать отъ «милой крестной мамаши» и «дорогой тетушки» почти все ея достояніе. Поэтому даже съ точки зрѣнія простой, наглядной выгоды — имъ было полезно и желательно появленіе завѣщанія. Но есть и другая точка зрѣнія, съ которой завѣщаніе было необходимо для цѣлей гораздо болѣе широкихъ. Взглянемъ на дѣло съ этой стороны. Бѣляевъ умеръ въ 1858 году; передъ вами былъ его дневникъ и счеты, изъ которыхъ вы могли усмотрѣть, что дѣла Бѣляева и Мясниковыхъ были тѣсно переплетены между собою. Какъ Мясниковы имѣли участіе въ дѣлахъ Бѣляева, такъ точно и Бѣляевъ, съ своей стороны, негласно участвовалъ въ предпріятіяхъ и дѣлахъ покойнаго Ивана Федоровича Мясникова. Одинъ изъ нихъ участвовалъ въ предпріятіяхъ своимъ основнымъ капиталомъ, другой отчасти капиталомъ, отчасти своимъ умѣніемъ дѣлать обороты и выгодно помѣщать средства. Капиталы эти, соединенные вмѣстѣ, скопленные общимъ трудомъ, составляли такую силу, которая заставляла говорить о чрезвычайномъ богатствѣ Мясниковыхъ. Но между Мясниковыми и Бѣляевымъ не были заключены какія либо условія, по которымъ, въ данную минуту, можно было немедленно отдѣлить капиталъ одного отъ капитала другого. Доказательство этому между прочимъ въ томъ, что когда Мясниковы были приглашены Бѣляевымъ участвовать въ паяхъ на рыбныя ловли, онъ обратился въ комиссію рыбныхъ промысловъ съ заявленіемъ, что принимаетъ Александра и Ивана Мясниковыхъ къ участію въ Самосдѣльско-Образцовской рыбной ловлѣ на равныхъ правахъ и что контрактъ между ними будетъ доставленъ,—и никакого контракта

не доставилъ. Между тѣмъ, Мясниковы несомнѣнно были его пайщиками въ этомъ дѣлѣ. Даже «отступное» на торгахъ было между ними раздѣлено поровну. Однако, несмотря на это, права Мясниковыхъ ничѣмъ не были ограждены. Что могли они сказать въ случаѣ предъявленія наслѣдниками Бѣляева претензій къ Самосдѣльско-Образцовскому рыбному дѣлу? Мы участвуемъ въ предпріятіи въ $^2/_3$. Изъ чего это видно? спросили бы ихъ наслѣдники. Бѣляевъ заявилъ объ этомъ въ коммиссію. Но имъ отвѣтили бы, что, на основаніи 27 § кондицій, необходимо, чтобы между пайщиками былъ заключенъ договоръ, а его нѣтъ въ наличности. Мясниковы сказали бы тогда, что все основывалось на взаимномъ довѣріи. «Да, вы могли довѣрять другъ другу, а мы вамъ не довѣряемъ, отвѣтили бы наслѣдники—докажите ваши права формально, а пока признайте, что мы его наслѣдники во всемъ предпріятіи».— То же самое могло повториться и относительно другихъ дѣлъ Бѣляева. Бѣляевъ имѣлъ откупъ въ Херсонѣ и Николаевѣ. Я готовъ согласиться, что изъ 25 паевъ онъ владѣлъ $^1/_5$ частію, остальные 20 паевъ принадлежали Мясниковымъ, но въ объявленіи, поданномъ въ Сенатъ, всѣ двадцать пять паевъ объявлены принадлежащими Бѣляеву. И когда явились бы наслѣдники и стали требовать себѣ эти паи, что могли бы представить Мясниковы въ доказательство своихъ правъ? Разсчетныя книги Бѣляева, гдѣ записывались разныя суммы, или его истрепанный дневникъ? Но коммерція требуетъ книгъ шнуровыхъ, книгъ бухгалтерскихъ, веденныхъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ, а ихъ не было. Какое доказательство при торговыхъ разсчетахъ могъ представлять, напримѣръ, дневникъ Бѣляева, въ которомъ находятся такія записи какъ, напримѣръ: «4,000 взято у Ванюшки 4-го августа; 2-го сентября выдано задаточныхъ денегъ за Устюгъ 4,000, а 14-го сентября опять выдано Ванѣ на расходъ 4,000». Дневникомъ ничего нельзя было бы доказать, кромѣ развѣ только того, что наслѣдникамъ прилично было бы прислушаться къ требованіямъ Мясниковыхъ, сознавая нравственно, что и ихъ деньги были у Бѣляева. но въ дѣлахъ коммерческихъ такія нравственныя соображенія стоятъ на послѣднемъ планѣ; на первый же планъ выступаютъ документы. А документовъ нѣтъ, и дѣла Мясниковыхъ и Бѣляева такъ спутаны вмѣстѣ и перемѣшаны, что трудно различить, гдѣ кончаются одни и начинаются другія. Между тѣмъ, Бѣляевъ умеръ въ то время, когда они намѣревались пуститься еще въ большія предпріятія и, между прочимъ, купить громадный, знаменитый заводъ Берда. Въ § 14 проекта договора сказано, что Бѣляевъ намѣренъ участвовать въ $^2/_3$ предпріятія (а эти $^2/_3$ составляли 1,800,000); едва ли у Бѣляева была свободною, при другихъ его дѣлахъ, такая громадная сумма; слѣдовательно онъ участвовалъ въ предпріятіи вмѣстѣ съ Мясниковыми, но ихъ участіе, повиди-

мому, опять предполагалось негласное. Итакъ, смерть взяла Бѣляева когда обширныя предпріятія еще задумывались, когда откупа были разбросаны по всей Россіи, причемъ въ однихъ Мясниковы участвовали негласно, въ другихъ гласно. Мы слышали здѣсь характеристичное показаніе свидѣтеля Ненюкова, который, когда его спросили, почему онъ думаетъ, что Бѣляевъ не имѣлъ большихъ средствъ, отвѣчалъ, что Бѣляевъ слишкомъ раскидывался въ дѣлахъ. Что это значитъ? То, что въ коммерціи требуется извѣстная спеціализація и сосредоточеніе занятій и что въ торговомъ мірѣ не особенно благопріятно смотрятъ на человѣка, который сразу пускается въ различныя отрасли промышленности и разнородныя предпріятія, требующія громадныхъ суммъ. Но въ рукахъ Бѣляева были не одни его собственныя средства, превышавшія полмилльона, у него были и средства внуковъ его наставника и хозяина — старика Мясникова. Бѣляевъ и его компаньоны дѣйствовали повидимому независимо другъ отъ друга, но въ сущности каждый изъ нихъ участвовалъ въ части дѣлъ и оборотовъ другого. Смерть Бѣляева послѣдовала въ 1858 г., когда были уже введены и вводились многія реформы; такъ, тогда начиналась крестьянская реформа и впервые были приняты мѣры къ уничтоженію откупа, который доживалъ свои послѣдніе дни. Министерствомъ финансовъ, въ особой комиссіи, были выработаны новыя временныя правила, при посредствѣ которыхъ откупная операція должна была завершиться. Это были послѣдніе годы существованія учрежденія, благодаря которому создавались громадные капиталы, которое одно служило главнымъ источникомъ громадныхъ состояній Бенардаки, Кокорева и другихъ откупщиковъ. Понятно, какъ всѣ откупщики старались удержать за собою участіе въ откупахъ, чтобы въ послѣднее золотое для нихъ время добыть какъ можно больше, выжать изъ откуповъ все, что только можно. Это-то легкое, ускользавшее и уничтожавшееся вѣроятно навсегда добываніе средствъ заставляло Мясниковыхъ и Бѣляева стараться удержать за собою откупа на послѣднее время, и они дѣйствительно остались въ ними на 1857—1858 годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступила пора акціонерныхъ предпріятій; акціонерныя общества создавались одно за другимъ; наплывъ публики и ея рвеніе для пріобрѣтенія акцій новыхъ предпріятій вынуждалъ нерѣдко вмѣшательство полиціи и даже люди почтенные, солидные въ торговомъ отношеніи, совершенно теряли голову съ этими акціями и пускались въ еще болѣе азартную игру, чѣмъ впослѣдствіи была биржевая желѣзнодорожная игра. Словомъ, наступало то время заманчивыхъ надеждъ, когда предъ всякими коммерческими предпріятіями раскрывались широкіе горизонты. Надо было для того, чтобы во время воспользоваться этимъ положеніемъ дѣлъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ какъ можно больше капиталовъ, удержаться въ обшир-

ныхъ предпріятіяхъ и затѣмъ играть крупную роль. А тутъ, какъ нарочно, оказывается, что завѣщанія нѣтъ, что ничего въ ихъ общемъ имуществѣ съ Бѣляевымъ не разграничено, не распредѣлено, — непремѣнно возникнутъ споры, процессы, и когда же? Когда всякій часъ дорогъ, всякій рубль цѣненъ. Тутъ появятся неизвѣстныя лица, какіе-то мѣщане изъ Сарапуля, которые, во-первыхъ, отберутъ три четверти состоянія у Бѣляевой и, во-вторыхъ, заставятъ Мясниковыхъ отказаться отъ участія во многихъ откупахъ, лишатъ ихъ возможности имѣть на будущее время лишніе капиталы, а главное, вынудятъ ихъ войти въ безконечное число процессовъ, которые будутъ тянуться годы, такъ какъ о гласныхъ судахъ еще и помину не было. Побужденіе устранить всѣ споры, забравъ все въ руки — являлось само собою. И вотъ созрѣла мысль, что завѣщаніе было бы для этого самымъ удобнымъ средствомъ. Но сдѣлать его въ свою пользу неудобно, такъ какъ, уже помимо возможности подозрѣній, тогда придется для соблюденія правдоподобности назначить большія выдачи вдовѣ и другимъ лицамъ, а между тѣмъ каждая копѣйка дорога, ибо извѣстно изъ дѣла, что въ концѣ августа Мясниковы не могли выплатить 36,000 р. и Бѣляевъ писалъ имъ, что если они не вышлютъ этихъ денегъ, то на честное имя Мясниковыхъ въ коммерческомъ отношеніи ляжетъ черное пятно. Поэтому остается сдѣлать его на имя вдовы Бѣляева. Но сдѣлать безъ вѣдома ея неудобно и даже опасно, ибо придется сочинять, къ ея удивленію, цѣлую сказку о томъ, какъ завѣщеніе попало имъ въ руки, — да и отъ завѣщанія *ими найденнаго*, въ глазахъ подозрительныхъ людей, недалеко и до завѣщанія *ими поддѣланнаго*. Поэтому надо явиться къ ней и сказать, что вотъ все имущество остается въ пользу родственниковъ ея мужа, а они, ея племянники, не хотятъ, чтобъ ее обижали, и что поэтому, такъ какъ покойный всегда желалъ оставить все ей, самое лучшее, что она можетъ сдѣлать — это положиться на нихъ и... завѣщаніе будетъ готово. Правда, Бѣляевой могло показаться подозрительнымъ, что они такъ о ней хлопочутъ, но Мясниковы взяли всѣ бумаги изъ кабинета Бѣляева, слѣдовательно могли сказать, что въ дѣлахъ и бумагахъ, взятыхъ ими, нашелся документъ, по которому надо получить и имъ, а именно сохранная росписка въ 272,000 рублей серебромъ. Я уже подробно доказывалъ, что сохранная росписка въ 272,000 руб. была давно погашена, будучи выдана, по разсчетамъ Бѣляева съ Мясниковыми, въ теченіе 1857 и 1858 годовъ затѣмъ, чтобы регулировать счеты предъ отъѣздомъ И. К. Мясникова въ Астрахань, причемъ рядомъ съ нею росли другіе разсчеты, по которымъ, какъ я удостовѣрялъ вчера документами, уже Мясниковы становились мало-по-малу должниками Бѣляева, такъ что росписка погасилась и была, по всѣмъ вѣроятіямъ, возвращена

Бѣляеву, который ее сберегъ, по своей аккуратности, какъ одинъ изъ оправдательныхъ документовъ для будущаго отчета. Эта росписка являлась отличнымъ средствомъ для того, чтобы заставить Бѣляеву принять завѣщаніе. Ей могли сказать: «у насъ есть росписка, да, Богъ знаетъ, можетъ быть еще съ наслѣдниками придется вести процессъ, а вы слышали разговоры о ней, знаете, что она была выдана; поручитесь по ней, а когда будетъ завѣщаніе, заплатите намъ, и дѣло будетъ окончено къ общему удовольствію; вы получите капиталъ, мы—принадлежащій намъ долгъ, а вся невѣдомая ни вамъ, ни намъ компанія сарапульскихъ родственниковъ, которыхъ покойный и знать не хотѣлъ, останется ни съ чѣмъ». И вотъ еще до представленія Александромъ Мясниковымъ духовнаго завѣщанія въ палату, Бѣляева дѣлаетъ надпись на роспискѣ. Знала ли она въ точности, какъ велико состояніе ея мужа? Нѣтъ—потому, что давая довѣренность Мясниковымъ, вскорѣ послѣ смерти мужа, на управленіе всѣмъ имѣніемъ, она отдала въ управленіе имущество, размѣры котораго ей были неизвѣстны и по которому всѣ книги и документы уже не находились въ ея рукахъ. Когда же завѣщаніе утверждено, тогда отступать поздно, тогда ей сказано, что имущества всего на 392,000 руб., что цифра эта точная, что больше этого нѣтъ ничего. Что могла отвѣтить на это Бѣляева? Развѣ то, что она не заплатитъ, потому что завѣщаніе подложное, но она сама согласилась на это и сдѣлала все зависящее, чтобы ввести правосудіе въ обманъ; признаніе завѣщанія подложнымъ равносильно сознанію своей вины въ уголовномъ преступленіи. Такимъ образомъ, сама собою, въ силу неизбѣжности, совершается сдѣлка о передачѣ всего имѣнія, какъ самой Бѣляевой, такъ и ея мужа, за сохранную росписку и за 120,000 р., ибо Бѣляева, согласившись на завѣщаніе и сыгравъ комедію его нахожденія на 40-ой день, отрѣзала себѣ путь къ отступленію и не могла, не губя и не роняя себя, обличить дѣйствія Мясниковыхъ. Я забылъ еще сказать, какъ я смотрю на участіе Целебровскаго въ перепискѣ завѣщанія. Онъ несомнѣнно переписалъ завѣщаніе послѣ смерти Бѣляева, но онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ подвергнуться отвѣтственности и былъ болѣе всѣхъ гарантированъ. При разности чернилъ въ подписяхъ и въ текстѣ, онъ могъ всегда сказать: «Бѣляевъ просилъ меня переписать завѣщаніе и я исполнилъ его просьбу, но завѣщанія онъ въ то время не подписалъ, оставилъ его у себя, и что сталось съ нимъ потомъ — не знаю. Можетъ быть, оно и было подписано кѣмъ нибудь послѣ его смерти». И противъ такого объясненія трудно было бы что нибудь возразить, ибо свидѣтелями того, какъ подгонялся текстъ къ подписи, были конечно одни лишь обвиняемые. Не дѣлалось же это всенародно. Притомъ, молчаніе Целебровскаго можно было пріобрѣсти. Онъ служилъ у Бѣляева за весьма небольшое

жалованье, употребляясь для выполненія разныхъ щекотливыхъ порученій по откупнымъ дѣламъ, а черезъ полтора года послѣ смерти Бѣляева, въ то время, когда онъ самъ умиралъ въ сумасшедшемъ домѣ, у него оказалось 20,000 капитала.

Такимъ образомъ, вотъ тотъ путь, которымъ, по моему мнѣнію, составилось завѣщаніе. Могутъ сказать, что это однѣ только предположенія. Да, но однако основанныя на экспертизѣ, на показаніяхъ Караганова и на тѣхъ данныхъ, которыя почерпнуты изъ житейской обстановки и отношеній подсудимыхъ. Могутъ сказать: если Мясниковы преступники, то гдѣ же свойственное преступнику стремленіе скрывать слѣды совершоннаго имъ, стараться устроить такъ, чтобы не возникло вопроса о преслѣдованіи.

Дѣйствія, клонящіяся къ сокрытію слѣдовъ преступленія, существовали и со стороны Мясниковыхъ. Мы знаемъ, что они предпринимали неоднократныя попытки къ прекращенію дѣла миромъ, переходя отъ пустыхъ суммъ къ весьма большимъ и увеличивая свою тароватость по мѣрѣ усиленія опасности уголовнаго преслѣдованія, и что эти попытки усилились при возникновеніи дѣла въ 1868 и 1870 годахъ. Такъ, еще въ 1860 году, Гонинъ посылался въ Сарапуль къ Мартьяновой съ предложеніемъ примиренія за двадцать или двадцать пять тысячъ, что̀ подтверждено Дѣдюхинымъ и священникомъ Домрачовымъ. Затѣмъ, въ 1864 году, А. Мясниковъ предлагалъ Ижболдину четыре или пять тысячъ, увеличивая эту сумму постепенно до 40 тысячъ, а когда возникло слѣдствіе, то призывалъ въ мѣсто своего служенія, въ III Отдѣленіе, свидѣтеля Борзаковскаго и опять настойчиво предлагалъ покончить дѣло съ Ижболдинымъ, причемъ повѣренный его, нѣкто Коптевъ, называлъ и сумму, предлагаемую за примиреніе — 100, даже 150 тысячъ.

Въ дѣлѣ есть, наконецъ, еще одинъ свидѣтель противъ нихъ — свидѣтель, который старается теперь всѣми средствами скрыть слѣды совершеннаго ими преступленія. Это—Бѣляева. Противъ воли, косвенно, уклончиво,—но она свидѣтельствовала противъ Мясниковыхъ. Въ 1864 году возникло дѣло по опекѣ Шишкина. Шишкинъ, четырнадцати-лѣтній мальчикъ, нѣжно любимый внукъ Бѣляевой, состоялъ подъ опекою у нея, Ивана Мясникова и Отто, и въ домѣ Бѣляевой жилъ. Мясниковъ и Отто потребовали отъ дворянской опеки устраненія Бѣляевой. Чѣмъ это было вызвано — судить трудно; изъ производства видно, что Бѣляева объясняла предводителю дворянства, что не хочетъ лично возить Шишкина къ Мясниковымъ, ибо дала честное слово, что до исполненія ими ихъ клятвы, о выдачѣ ей 120 т. р. сразу, нога ея у нихъ въ домѣ не будетъ. Очевидно, однако, что это было сдѣлано по желанію Мясникова, такъ какъ Отто считалъ нужнымъ извиняться въ

томъ предъ Бѣляевою, написавъ ей письмо, гдѣ говоритъ, что сдѣлалъ это, чтобы избѣжать какихъ-то извѣстныхъ ей, очень непріятныхъ для него слуховъ. Это, вмѣстѣ съ неплатежемъ Бѣляевой денегъ, чрезвычайно раздражило ее. А тутъ подоспѣлъ еще уходъ Шишкина тайно изъ ея дома къ дядямъ. Я излагалъ передъ вами, господа присяжные, подробно ту переписку, которая предшествовала этому уходу и которою онъ сопровождался. Сначала письмо Шишкина въ опеку о томъ, что онъ желаетъ исполнить священную волю отца и остаться у бабушки, такъ какъ дяди его не знаютъ и не любятъ; потомъ письмо его къ Бѣляевой изъ дома дядей, съ указаніемъ на то, что такъ какъ она его возстановляла противъ нихъ, а они его любятъ и даютъ ему «настоящее» направленіе, то онъ не можетъ вернуться къ ней; а въ промежуткѣ между этими письмами письмо Бѣляевой къ предводителю дворянства, съ присовокупленіемъ найденныхъ ею въ комнатѣ ушедшаго отъ нея внука записокъ, въ которыхъ неизвѣстный руководитель совѣтуетъ мальчику сказать своей бабушкѣ, что онъ бросаетъ ея «собачій домъ», что она «каналья, которая хочетъ его обокрасть», что она мужичка, и т. д., и, наконецъ, письмо нѣкоего Риццони, почтеннаго наставника юношества, который, сознаваясь, что по просьбѣ Мясникова подговаривалъ Шишкина уйти отъ Бѣляевой и для этого писалъ ему эти записки про бабушку, жалуется, что Мясниковъ, по уходѣ Шишкина отъ Бѣляевой, не исполнилъ своего обѣщанія «особенно поблагодарить» его. Эти письма характеризуютъ ту недостойную игру, жертвой которой былъ мальчикъ, едва вступавшій въ отроческіе годы. Для насъ всѣ эти письма съ наглядностью объясняютъ, почему въ 1865 и даже въ 1866 годахъ Бѣляева очень дурно отзывалась о Мясниковыхъ,—почему она считала возможнымъ говорить, что они ее обманули, ограбили, что они воспользовались ея довѣріемъ и ее «оплели». Эти слова ея повторялъ повсюду ея повѣренный Чевакинскій, который въ 1865 году писалъ Ижболдину жалобу на Мясниковыхъ въ Комиссію прошеній и, предлагая свои услуги для ихъ преслѣдованія, просилъ только у Ижболдина записи о томъ, что тотъ не станетъ преслѣдовать Бѣляеву, а въ 1868 году, послѣ того, какъ Бѣляева примирилась съ Мясниковыми, сдѣлался ихъ ходатаемъ и просилъ Герасимова не показывать у слѣдователя то, что онъ отъ него, Чевакинскаго, слышалъ про завѣщаніе. Участіе Чевакинскаго въ попыткахъ сдѣлокъ съ Ижболдинымъ для возбужденія дѣла о подлогѣ завѣщанія—не подлежитъ сомнѣнію. Онъ научалъ, собиралъ матеріалы, ободрялъ, подстрекалъ робкаго сарапульскаго мѣщанина,—онъ предлагалъ свое безкорыстное руководство,—но желалъ однако всегда оставаться въ тѣни, въ сторонѣ, держа у себя въ рукахъ лишь пружинки дѣйствій Ижболдина. На это ясно указываютъ показанія Герасимова и Шимановскаго. Но онъ былъ

повѣреннымъ Бѣляевой, и безъ ея согласія въ такомъ рискованномъ—и для него лично не безразличномъ дѣлѣ — дѣйствовать не могъ. Поэтому, въ его умѣлыхъ рукахъ Бѣляева косвеннымъ образомъ являлась обвинительницею Мясниковыхъ, но обвинительницею осторожною, у которой всегда было приготовлено, на всякій случай, отступленіе. Ко времени ссоры Бѣляевой съ Мясниковыми относится желаніе ея, даже не жалѣя себя, подъ вліяніемъ гнѣва и оскорбленій, раскрыть все по этому дѣлу, на что указываютъ письма ея къ Мясниковымъ, найденныя въ ея бумагахъ, гдѣ она грозитъ открыть все «со дня смерти ея мужа» и представить это на судъ Государя. Натянутыя и даже враждебныя отношенія продолжались между ними до 1868 года. Но въ этомъ году состоялось, при посредствѣ денежныхъ обязательствъ, примиреніе Бѣляевой съ Мясниковыми, а вслѣдъ затѣмъ возникло слѣдствіе. Общая опасность тѣсно соединила Бѣляеву съ Мясниковыми и вчерашніе враги стали сегодняшними друзьями.

Такимъ образомъ, господа присяжные, обвиненіе мое окончено. Я старался, не увлекаясь, спокойно и сжато изложить предъ вами существенныя обстоятельства этого сложнаго дѣла и тѣ данныя, которыя почерпнуты мною изъ письменныхъ документовъ. Если я упустилъ что либо, то дополнитъ это ваша память, на которой отпечатлѣлись, безъ сомнѣнія, всѣ черты, всѣ оттѣнки этого дѣла. Мнѣ остается распредѣлить отвѣтственность между подсудимыми.

Я обвиняю Александра Мясникова въ томъ, что онъ задумалъ составить подложное завѣщаніе отъ имени Бѣляева и привелъ это намѣреніе въ исполненіе. Ни въ общественномъ его положеніи, ни въ его богатствѣ, ни въ его образованіи не нахожу я никакихъ обстоятельствъ, по которымъ можно бы говорить о снисходительномъ отношеніи къ его поступку: онъ виновенъ — и только виновенъ. Обращаясь къ Ивану Мясникову, я по совѣсти долженъ заявить, что въ дѣлѣ нѣтъ указаній на его непосредственное участіе въ преступленіи. Это не значитъ, однако, чтобы онъ не участвовалъ въ немъ косвенно. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ Мясниковъ не могъ бы рѣшиться составить подложное завѣщаніе, не имѣя на то предварительнаго, быть можетъ, молчаливаго согласія со стороны брата, онъ не могъ бы дѣйствовать съ сохранной росписки, не зная, что скажетъ на это братъ, онъ не могъ составить завѣщанія, не бывъ напередъ увѣренъ въ томъ, что братъ его безпрекословно приметъ завѣщанное имущество, что при этомъ между ними не выйдетъ недоразумѣній. Ему надлежало быть увѣреннымъ, что Иванъ Мясниковъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы въ то время, когда онъ станетъ дѣйствовать. Иванъ Мясниковъ зналъ хорошо, какое преступленіе подготовляется, и

не остановилъ брата, не предупредилъ своимъ вліяніемъ содѣяніе преступленія, не напугалъ своими угрозами. Лица, которыя такъ дѣйствуютъ, по закону считаются менѣе виновными, чѣмъ тѣ, которыя совершили преступленія непосредственно,— они считаются попустителями преступленія, но виновность ихъ имѣетъ значеніе уже потому, что очень часто преступленія не совершились бы, если бы люди честные и могущіе имѣть вліяніе приходили на помощь колеблющимся и удерживали ихъ на опасномъ пути, а не смотрѣли, сложа руки, на то, какъ подготовляется нечистое и злое дѣло. Поэтому я обвиняю Ивана Мясникова въ попустительствѣ. Караганова я обвиняю въ томъ, что онъ, послѣ подготовительныхъ занятій, подписалъ бумагу чужимъ именемъ, зная, что это дѣлается для духовнаго завѣщанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу не замѣтить, что Карагановъ былъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, умственно и матеріально болѣе чѣмъ онъ сильныхъ лицъ, что онъ находился подъ давленіемъ своей привязанности къ хозяевамъ и что жизнь его разбита навсегда и непоправимо. Я прошу васъ поэтому признать его заслуживающимъ полнаго снисхожденія; равнымъ образомъ, думаю я, что не будетъ несправедливымъ признать заслуживающимъ снисхожденія и Ив. Мясникова. Взглянувъ на него, близкаго ко гробу и разбитаго параличемъ, вы, господа присяжные, поймете, подъ вліяніемъ какого чувства я указываю вамъ на возможность этого признанія. Излишне говорить вамъ, что приговоръ вашъ будетъ имѣть большое значеніе. Дѣло это тянется *четырнадцать* лѣтъ и возбудило цѣлую массу толковъ. Общественное мнѣніе клонилось по отношенію къ нему то въ одну, то въ другую сторону, и судомъ общественнаго мнѣнія дѣло это было нѣсколько разъ, и самымъ противоположнымъ образомъ, разрѣшаемо. Мясниковыхъ признавали то закоренѣлыми преступниками, то жертвами судебнаго ослѣпленія. Но судъ общественнаго мнѣнія не есть судъ правильный, не есть судъ свободный отъ увлеченій; общественное мнѣніе бываетъ часто слѣпо, оно увлекается, бываетъ пристрастно и — или жестоко не по винѣ, или милостиво не по заслугамъ. Поэтому приговоры общественнаго мнѣнія, по этому дѣлу, не могутъ и не должны имѣть значенія для васъ. Есть другой, высшій судъ,—судъ общественной совѣсти. Это—вашъ судъ, господа присяжные.

Мы переносимъ теперь дѣло Мясниковыхъ изъ суда общественнаго мнѣнія на судъ общественной совѣсти, которая не позволитъ вамъ не признать виновности подсудимыхъ, если они дѣйствительно виноваты, и не допуститъ васъ уклониться отъ оправданія ихъ, если вы найдете ихъ невиновными. Произнося вашъ приговоръ, вы или снимете съ нихъ то ярмо подозрѣній и слуховъ, которое надъ ними тяготѣетъ издавна — или скрѣпите его вашимъ спокойнымъ и рѣшительнымъ словомъ. Если вы произне-

сете приговоръ обвинительный, если согласитесь съ доводами обвинительной власти и проникнетесь ея убѣжденіемъ, то изъ него будетъ видно, что передъ судомъ по судебнымъ уставамъ нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ, нѣтъ сильныхъ и слабыхъ, а всѣ равны, всѣ одинаково отвѣтственны. Вы докажете тогда, насколько справедливо можно примѣнить къ людямъ, которымъ приходится стоять передъ вами, слова, что «нѣсть эллинъ и іудей»...

X.

По дѣлу объ акушерѣ Колосовѣ и дворянинѣ Ярошевичѣ, обвиняемыхъ въ участіи въ поддѣлкѣ акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги, а послѣдній, кромѣ того, въ приготовленіи къ отравленію.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1871 года, лекарь-акушеръ Василій Колосовъ заявилъ III Отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, что онъ незадолго предъ тѣмъ имѣлъ ссору съ нѣсколькими лицами, принадлежащими къ такому разряду людей, которые, изъ желанія отомстить ему, не остановятся ни передъ какими средствами, хотя бы даже и передъ убійствомъ. По словамъ Колосова, двое изъ лицъ, съ которыми у него была ссора, а именно библіотекарь медико-хирургической академіи коллежскій совѣтникъ докторъ Никитинъ и дворянинъ Александръ Ярошевичъ, состояли въ сношеніяхъ съ отцомъ послѣдняго, бывшимъ штабсъ-капитаномъ Феликсомъ Ярошевичемъ, который въ 1867 году былъ приговоренъ с.-петербургскимъ окружнымъ судомъ за подлоги и кражи къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь, но до исполненія приговора успѣлъ бѣжать изъ-подъ стражи за границу. Сношенія эти, какъ заявилъ Колосовъ, имѣли предметомъ своимъ заготовку въ большихъ размѣрахъ за границей русскихъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и акцій, тайный привозъ ихъ и сбытъ въ предѣлахъ Россіи. Въ видахъ провѣрки этого заявленія, за образомъ жизни, поведеніемъ и сношеніями означенныхъ лицъ учрежденъ былъ негласный надзоръ. Сопряженными съ этимъ надзоромъ развѣдываніями, на первыхъ же порахъ, обнаружено, что Феликсъ Ярошевичъ, бѣжавшій въ 1867 году, проживалъ въ Брюсселѣ подъ именемъ Феликса Сивича, съ турецкимъ паспортомъ, и что сынъ его, Александръ Ярошевичъ и Никитинъ состояли съ нимъ въ перепискѣ, содержаніе которой не оставляло никакого сомнѣнія въ томъ, что сообщеніе Колосова о преступномъ предпріятіи, организованномъ этими лицами, не лишено основанія. Въ декабрѣ мѣсяцѣ Колосова предупредили, что противъ него затѣвается что-то недоброе, едва ли не собираются его отравить; это представлялось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что со стороны Никитина и Ярошевича сдѣланы были попытки къ примиренію съ Колосовымъ, которыя сильно проти-

ворѣчили враждебному ихъ настроенію относительно послѣдняго. Колосовъ помирился съ Никитинымъ и Ярошевичемъ, начавшими вслѣдъ за этимъ уговаривать его ѣхать съ Ярошевичемъ за границу для привоза оттуда поддѣльныхъ акцій, часть которыхъ, по словамъ Колосова, хранилась уже у Никитина. Между тѣмъ, въ то же самое время въ письмѣ Никитина къ Феликсу Сивичу въ Брюссель, отъ 24 декабря 1871 г., подробно объяснялось, что примиреніе Александра Ярошевича съ Колосовымъ не имѣетъ никакой другой цѣли, какъ только увезти его изъ Петербурга за границу и тамъ «прописать ему ижицу, тѣмъ или другимъ способомъ (что лучше и какъ удобнѣе)». Для «ижицы» Олесь (Александръ) имѣлъ при себѣ освѣжающій рецептъ, которымъ онъ долженъ былъ «освѣжить» Колосова при первомъ удобномъ случаѣ. 5 января 1872 года Колосовъ отправился съ Александромъ Ярошевичемъ за границу по варшавской желѣзной дорогѣ, но на станціи въ Динабургѣ, по сдѣланному заранѣе распоряженію, Ярошевичъ былъ арестованъ. Между прочими вещами, при немъ найдены были двѣ одинаковыя баночки съ бѣлымъ порошкомъ, оказавшимся по изслѣдованію уксуснокислымъ морфіемъ. Вслѣдъ затѣмъ, 6 января, по распоряженію судебной власти, произведены были въ Петербургѣ одновременно обыски у библіотекаря медико-хирургической академіи Никитина, въ помѣщеніи, занимаемомъ имъ въ зданіи академіи, и въ квартирѣ матери Александра Ярошевича, Коссильды Ярошевичъ. Въ кладовой квартиры Никитина, въ одномъ изъ ящиковъ стоявшаго тамъ комода, между прочимъ, найдена была связка, въ которой оказалось 253 акціи тамбовско-козловской желѣзной дороги, въ 100 руб. каждая. Акціи эти были завернуты въ два листа сѣрой бумаги, на одномъ изъ которыхъ сдѣлана надпись карандашемъ: «акціи Колосова», подъ нею «253 штуки». На лѣвой половинѣ этого листа чернилами написано: «253 акціи (отъ Вас. Петров.) выдано 12,000 р. и еще 3,000—15 тысячъ, 28 сентября 1871 года». Въ записной книжкѣ, у Никитина, на вырванномъ листкѣ найдена слѣдующая отмѣтка, сдѣланная рукою Никитина: «дано Василію Петровичу Колосову пятнадцать тысячъ руб. подъ залогъ 253 акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги до новаго года изъ 8% годовыхъ, считая съ 28 сентября 1871 г.». Акціи эти, какъ впослѣдствіи удостовѣрила тщательно произведенная экспертиза въ присутствіи правленія Общества тамбовско-козловской желѣзной дороги, всѣ оказались фальшивыми или, какъ выразились эксперты, «онѣ печатались съ другихъ формъ сравнительно съ дѣйствительными акціями, представленными для сличенія. То же призналъ и г. Шумахеръ, въ типографіи котораго, въ Петербургѣ, печатались дѣйствительныя акціи этой дороги. Обыскъ въ квартирѣ Ярошевича обнаружилъ также не мало данныхъ, бросающихъ свѣтъ на это дѣло. Такъ, изъ писемъ Феликса Ярошевича изъ-за границы къ старшему сыну Александру, отобранныхъ при обыскѣ, обнаружено, что въ Брюсселѣ дѣйствительно была устроена Феликсомъ Ярошевичемъ, съ упомянутой преступной цѣлью, типографія, на устройство и содержаніе которой получались Ярошевичемъ средства изъ Россіи, частью отъ Александра Ярошевича, а частью отъ Никитина и самого Колосова, о которыхъ въ письмахъ Феликса Ярошевича часто упоминается, какъ о лицахъ, очевидно заинтересованныхъ въ его предпріятіи. Различныя замѣтки Александра Ярошевича, разбросанныя въ приходо-расходныхъ и памятныхъ книжкахъ его, пріобщенныхъ къ дѣлу, также указывали на то, что въ теченіе 1869—1871 г. между Александромъ Ярошевичемъ и его семействомъ, съ одной стороны, и Колосовымъ—съ другой, существовали весьма тѣсныя и близкія отношенія, какъ нравственныя, такъ и имущественныя, и что въ денежной поддержкѣ предпріятія, устроеннаго Феликсомъ Ярошевичемъ въ Брюсселѣ, участвовалъ не одинъ Александръ Ярошевичъ, но и Колосовъ, и притомъ значительными суммами. Никитинъ и Ярошевичъ виновными себя не признали ни въ участіи въ поддѣлкѣ акцій, ни въ приготовленіи къ отравленію Колосова, а относительно результата обысковъ

дали уклончивыя объясненія. Допрошенный въ качествѣ свидѣтеля Колосовъ показалъ, что познакомился въ 1866 году съ семействомъ Ярошевичей, которое было въ крайне бѣдственномъ положеніи, вслѣдствіе чего онъ ему благодѣтельствовалъ, а въ 1869 году, открывъ ссудную контору, помѣстилъ въ ней приказчикомъ Александра Ярошевича. Контора эта была закрыта въ 1870 г., такъ какъ Ярошевичъ плохо велъ дѣла. Въ 1871 году Колосовъ, во время поѣздки за границу, былъ въ Брюсселѣ и посѣщалъ Феликса Ярошевича, видѣлъ у него типографскія принадлежности, но о дѣятельности и работахъ его типографіи ничего не зналъ. Въ октябрѣ 1871 года, замѣтивъ, что Ярошевичъ, не имѣвшій никакого состоянія, ведетъ слишкомъ расточительную жизнь, Колосовъ заподозрилъ, что онъ или растратилъ его конторскія деньги, или занимается темными дѣлами, и предположенія эти сообщилъ въ семействѣ Ивановыхъ, въ которомъ Ярошевичъ былъ хорошо принятъ и ухаживалъ за одною изъ дѣвицъ. Изъ-за этого вышла ссора между Колосовымъ, съ одной стороны и Ивановыми и Ярошевичемъ, съ другой, въ которую вмѣшался и Никитинъ. Изъ-за этой ссоры знакомство Колосова съ Ивановыми прекратилось, а когда онъ спрашивалъ у Никитина разъясненія всей этой исторіи и причину его вмѣшательства, Никитинъ сказалъ, что онъ потому такъ вступался за Ярошевича, что распусканіе неблагопріятныхъ слуховъ о немъ можетъ сильно повредить не только Ярошевичу, но и ему, Никитину, такъ какъ у нихъ есть, будто бы, на милліонъ фальшивыхъ бумагъ, и если это откроется, то они тогда пропали. Однажды въ декабрѣ Никитинъ даже показалъ Колосову пачку акцій при Александрѣ Ярошевичѣ, причемъ Колосовъ, въ видѣ испытанія достоинства бумаги, одну изъ нихъ перегнулъ, а другую смялъ. Вслѣдствіе этого Никитинъ просилъ Колосова молчать обо всемъ, что онъ узналъ, за что обѣщалъ заплатить 100,000 руб., въ противномъ же случаѣ грозилъ убійствомъ. Объ этомъ Колосовъ тотчасъ же заявилъ въ III Отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Составленный Никитинымъ и Ярошевичемъ планъ отравленія Колосова послѣдній объясняетъ тѣмъ, что они хотѣли отъ него избавиться, какъ отъ человѣка, который имъ не сочувствовалъ и легко могъ ихъ выдать правительству. Съ Феликсомъ Ярошевичемъ онъ, Колосовъ, въ перепискѣ никогда не состоялъ и денегъ ему никогда не высылалъ. 8 февраля на допросѣ у судебнаго слѣдователя, Александръ Ярошевичъ вполнѣ сознался какъ въ участіи въ поддѣлкѣ акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги, производившейся въ Брюсселѣ, такъ и въ приготовленіи къ отравленію Колосова, причемъ категорически оговорилъ послѣдняго въ непосредственномъ участіи въ первомъ изъ этихъ преступленій. Произведенный вслѣдъ затѣмъ обыскъ въ квартирѣ Колосова доставилъ обширный матеріалъ для его обвиненія. Его записныя и разсчетныя памятныя книжки и книжка чековъ оказались наполненными такого рода отмѣтками, сдѣланными рукою самого Колосова, которыя весьма опредѣленно указывали, во-первыхъ, на то, что онъ состоялъ постоянно въ весьма дѣятельной перепискѣ съ Феликсомъ Ярошевичемъ и, во-вторыхъ, высылалъ ему неоднократно весьма крупныя денежныя суммы. Такъ какъ главнымъ дѣятелемъ этого преступленія былъ Феликсъ Ярошевичъ, то, при самомъ началѣ слѣдствія въ Петербургѣ, судебный слѣдователь вошелъ въ сношенія съ бельгійскимъ правительствомъ, съ цѣлью производства необходимыхъ разслѣдованій въ г. Брюсселѣ. Хотя требуемое разслѣдованіе судебною властью въ Брюсселѣ тотчасъ же было предпринято, но оно уже не застало Феликса Ярошевича въ Брюсселѣ—онъ бѣжалъ и долго послѣ того скитался по разнымъ мѣстамъ Европы, скрываясь подъ различными именами. Тѣмъ не менѣе, въ трехъ квартирахъ, въ которыхъ въ разное время проживалъ Ярошевичъ въ Брюсселѣ, были произведены обыски, которые самымъ очевиднымъ и несомнѣннымъ образомъ доказали, что акціи тамбовско-козловской желѣзной дороги, отобранныя у Ни-

китина въ Петербургѣ, были поддѣланы Феликсомъ Ярошевичемъ въ Брюсселѣ. Въ квартирахъ rue de Russie № 4 и rue Mercelis № 43 найдены были типографскія машины, инструменты, бумага, штемпеля и другія типографскія и литографскія принадлежности, характеристическая особенность которыхъ заключалась въ томъ, что онѣ приспособлены были къ производству именно фальшивыхъ акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги. Всѣ найденные предметы, относящіеся къ типографскому производству, были подвергнуты весьма подробной и тщательной экспертизѣ, при посредствѣ которой всѣ типографскія принадлежности, разрозненныя и частью испорченныя, были собраны, машины возстановлены по возможности, мѣдныя пластинки съ разными на нихъ изображеніями и узорами, буквы, штемпеля и разные оттиски, а также бумага и типографскія чернила употреблены соотвѣтственно своему назначенію и результатомъ этого опыта было воспроизведеніе тѣми самыми средствами, которыми располагалъ Феликсъ Ярошевичъ, акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги. Не могла быть воспроизведена только первая страница акціи; что же касается до второй и третьей страницы и относительно разныхъ знаковъ на четвертой, то отпечатки этихъ частей акцій получились точные до малѣйшихъ подробностей. Кромѣ того, между различными бумагами найденъ былъ списокъ номеровъ, оказавшихся тѣми самыми, которые выставлены были на акціяхъ, отобранныхъ у Никитина въ Петербургѣ. Всѣ эти открытія послужили основаніемъ для обвинительной власти въ Брюсселѣ къ возбужденію, въ январѣ 1872 года, уголовнаго преслѣдованія противъ Феликса Ярошевича, сына его Болеслава и племянницы Александры Кошанской, по обвиненію ихъ въ поддѣлкѣ акцій русскихъ обществъ желѣзныхъ дорогъ. Какъ Феликсъ, такъ и сынъ его Болеславъ сознались въ поддѣлкѣ акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги, оговоривъ при этомъ самымъ категорическимъ образомъ Колосова въ томъ, что преступное предпріятіе это предпринято было по иниціативѣ послѣдняго, безъ дѣятельнаго содѣйствія, а главное безъ денежной поддержки котораго самое предпріятіе и не могло бы состояться. Дѣло это разсматривалось судомъ присяжныхъ въ Брюсселѣ въ іюнѣ 1873 года, приговоромъ котораго всѣ трое обвиняемыхъ признаны виновными въ поддѣлкѣ акцій и купоновъ тамбовско-козловской желѣзной дороги и приговорены, кромѣ штрафа, — Феликсъ Ярошевичъ къ десятилѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ, а Болеславъ Ярошевичъ и Александра Кошанская къ тюремному заключенію на два съ половиною года.

По предварительному слѣдствію, произведенному въ Петербургѣ относительно А. Ярошевича, Никитина и Колосова, въ главныхъ чертахъ выяснилось слѣдующее. Въ 1865—1867 годахъ въ Петербургѣ привлечена была шайка злоумышленниковъ, занимавшихся систематическимъ похищеніемъ денежныхъ суммъ изъ пост-пакетовъ спб. почтамта посредствомъ различнаго рода преступленій. Въ числѣ обвиняемыхъ по этому дѣлу находился и отставной штабсъ-капитанъ Феликсъ Ярошевичъ, который былъ приговоренъ, за участіе въ означенныхъ преступленіяхъ, къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, но до исполненія этого приговора ему удалось бѣжать изъ-подъ стражи за границу, оставивъ въ Россіи свое семейство, состоящее изъ жены Коссильды, сыновей Болеслава и Александра и дочери Леонилы. Проживая въ Петербургѣ до своего осужденія, Феликсъ Ярошевичъ занимался ходатайствомъ по дѣламъ. Между знакомыми, бывшими съ нимъ въ особенно хорошихъ отношеніяхъ, былъ и библіотекарь медико-хирургической академіи Никитинъ, который съ семействомъ Ярошевича имѣлъ денежныя дѣла и былъ близокъ не только съ этимъ семействомъ, но и со всѣмъ кружкомъ, съ которымъ Ярошевичъ, по своей дѣятельности, былъ тѣсно связанъ и многіе члены котораго участвовали въ упомянутыхъ преступленіяхъ. Въ 1866 году познакомился съ семействомъ

Ярошевичемъ незадолго предъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ лекарь-акушеръ Колосовъ, противъ котораго въ 1860 г. возбуждены были уголовныя преслѣдованія за составленіе безъименнаго и ложнаго доноса о томъ, что въ квартирѣ валдайскаго городничаго поддѣлываются фальшивые кредитные билеты, и по обвиненію его, вмѣстѣ съ другими лицами, въ составленіи фальшиваго духовнаго завѣщанія отъ имени помѣщицы Павловой, по которому перешло къ Колосову недвижимое имѣніе послѣдней. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ, Колосовъ поселился на квартирѣ жены Ярошевича, послѣ уже побѣга мужа ея Феликса за границу. Съ этого времени начинаются денежныя отношенія между Колосовымъ и Ярошевичами. Сначала они занимались отдачею денегъ подъ залогъ пенсіонныхъ книжекъ, на незначительныя суммы, но съ 1869 года открыли гласную кассу ссудъ на имя Колосова, съ основнымъ капиталомъ въ 5,000 рублей. Подробное разсмотрѣніе приходо-расходныхъ книгъ, веденныхъ Александромъ Ярошевичемъ, убѣждаетъ въ томъ, что Ярошевичи имѣли капиталъ, простиравшійся, послѣ побѣга Феликса Ярошевича за границу,—до 15,000 руб., и что часть этого капитала въ 1869 и 1870 годахъ была передана Колосову для общихъ коммерческихъ предпріятій упомянутой кассы ссудъ и операцій съ биржевыми бумагами. Въ своихъ замѣткахъ Александръ Ярошевичъ вездѣ дѣлаетъ разсчеты съ Колосовымъ, такъ что беретъ общую выручку изъ коммерческихъ предпріятій, вычитаетъ изъ нея затраченный капиталъ, а чистую прибыль дѣлитъ пополамъ, считая одну половину, причитающуюся на его долю, причемъ постоянно вычитаетъ 10 проц. отцу. Изъ книжекъ чековъ на имя Колосова, отобранныхъ у него при обыскѣ, усматриваются весьма частыя, иногда на весьма значительныя суммы, выдачи Александру Ярошевичу. 2-го мая 1869 г. Колосовъ вмѣстѣ съ А. Ярошевичемъ отправился за границу, гдѣ пробылъ ровно мѣсяцъ. Колосовъ объяснялъ, что поѣздку эту онъ предпринялъ съ спеціальною цѣлью обзора тюремъ, которыя его вообще очень интересовали. Между тѣмъ, Александръ Ярошевичъ показалъ, что уже въ эту поѣздку между Колосовымъ и Феликсомъ Ярошевичемъ была рѣчь объ устройствѣ типографіи въ Брюсселѣ на общія средства для поддѣлки на первый разъ свидѣтельствъ на полученіе акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги. Что главною цѣлью этой поѣздки былъ Брюссель и свиданіе съ Феликсомъ Ярошевичемъ, доказывается тѣмъ, что въ Брюсселѣ Колосовъ и Александръ Ярошевичъ были два раза и въ теченіе непродолжительнаго пребыванія своего за границею (мѣсяцъ); они, какъ видно изъ дневника Колосова, 20 дней пробыли въ Брюсселѣ, откуда ѣздили на 4 дня въ Парижъ съ Феликсомъ Ярошевичемъ, котораго Колосовъ возилъ на свой счетъ. Такимъ образомъ, изъ 30 дней, они болѣе 20 дней посвятили Брюсселю и Феликсу Ярошевичу и только 10 дней на дорогу туда и обратно. Въ 1870 году касса ссудъ Колосова и Ярошевича была ими закрыта вслѣдствіе невыгодности предпріятія, но отношенія ихъ, какъ нравственныя, такъ и имущественныя, нисколько не измѣнились къ худшему, а, напротивъ того, скорѣе улучшились. Приходо-расходная книжка Александра Ярошевича какъ нельзя лучше доказываетъ, что общія денежныя дѣла у него съ Колосовымъ были въ самомъ разгарѣ въ 1870 году. Феликсъ Ярошевичъ, какъ видно изъ брюссельскаго производства, при существованіи типографіи, избѣгалъ содѣйствія посторонникъ лицъ. Единственнымъ помощникомъ его въ то время былъ второй сынъ его Болеславъ, но въ декабрѣ 1870 г. къ нему пріѣхала изъ Петербурга племянница Александра Кошанская, въ теченіе 20 лѣтъ постоянно жившая въ его семействѣ и связанная съ нимъ весьма близкими отношеніями. Въ бумагахъ Александра Ярошевича найдена, между прочимъ, замѣтка, сдѣланная его рукою, изъ которой видно, что деньги, потраченныя на поѣздку за границу Александры Кошанской, были отнесены на общій счетъ съ Колосовымъ. Къ концу 1870 г. начинается сближеніе Колосова съ Никитинымъ, при посредствѣ Александра Ярошевича. Съ октября мѣсяца въ книжкахъ чековъ Ко-

лосова начинаютъ появляться неоднократно чеки на имя Никитина, притомъ иногда на значительныя суммы, доходившія до 1,000 руб. У Никитина Колосовъ и Ярошевичъ познакомились съ молодою дѣвушкою Ольгою Ивановой, знакомство съ которой имѣло большое значеніе въ исторіи развитія этого дѣла. Александръ Ярошевичъ съ первыхъ же дней знакомства влюбился въ эту дѣвушку и сначала она платила ему взаимностью, но это продолжалось не долго. Въ январѣ 1871 года состоялась новая поѣздка Колосова и Ярошевича за границу. Колосовъ увѣрялъ, что единственною цѣлью этой поѣздки было поправленіе его здоровья, разстроеннаго незадолго передъ тѣмъ перенесенною имъ болѣзнію, но Александръ и Феликсъ Ярошевичи иначе объясняютъ эту поѣздку. Въ это время, по словамъ послѣднихъ, часть акцій была уже готова (около 1,000 штукъ), и Александръ Ярошевичъ и Колосовъ имѣли въ виду обозрѣть эти издѣлія и изслѣдовать ихъ достоинство, тѣмъ болѣе, что Феликсъ Ярошевичъ былъ еще неопытенъ въ типографскомъ искусствѣ и самъ сомнѣвался въ удовлетворительности поддѣлки. До какой степени отношенія Колосова и Никитина къ этому времени стали близки, видно изъ того, что Колосовъ, съ согласія Никитина, взялъ съ собою за границу, на свой счетъ, жену послѣдняго Вѣру Александровну въ качествѣ переводчицы, а такъ какъ ей неловко было ѣхать одной, то съ ними отправилась и дѣвица Ольга Иванова, также не на свой счетъ. Во второй половинѣ января составившееся такимъ образомъ общество отправилось изъ Петербурга, и путешествіе это продолжалось ровно три мѣсяца. Путешественники доѣхали вмѣстѣ до Венеціи, гдѣ жила въ то время больная сестра Александра Ярошевича съ теткою своею Госцимской. Отсюда Колосовъ съ дамами отправился въ Неаполь, а Ярошевичъ поѣхалъ къ отцу въ Брюссель. Здѣсь онъ лично удостовѣрился въ неудовлетворительности приготовленныхъ акцій и въ необходимости нѣсколько исправить пріобрѣтенныя машины, а нѣкоторыя даже совсѣмъ перемѣнить, какъ негодныя. По словамъ Ярошевичей, они не рѣшились ничего предпринять окончательно безъ Колосова, вслѣдствіе чего между ними завязалась переписка, имѣвшая цѣлью вызвать Колосова въ Брюссель. Дѣйствительно, въ журналѣ, веденномъ Колосовымъ за границею, предъ самымъ пріѣздомъ уже въ Брюссель, находится нѣсколько отмѣтокъ о томъ, что въ Брюссель Ярошевичу имъ посылались письма, одновременно съ которыми отправлялись письма и къ Никитину въ Петербургъ. Въ концѣ марта Колосовъ пріѣхалъ съ дамами въ Брюссель, но чрезъ два или три дня уѣхалъ въ Лондонъ, откуда снова возвратился въ Брюссель 6-го апрѣля, гдѣ въ этотъ разъ онъ пробылъ до 15-го апрѣля.

Во время этого двукратнаго пребыванія въ Брюсселѣ, продолжавшагося всего около 10 дней, Колосовъ каждый день посѣщалъ Ф. Ярошевича, часто у него обѣдалъ, но не вводилъ въ общество Ярошевича пріѣхавшихъ съ нимъ дамъ и, по показаніямъ послѣднихъ, тщательно скрывалъ отъ нихъ все, что касалось его отношеній со старикомъ Ярошевичемъ и дѣятельности послѣдняго. Къ этому времени, между прочимъ, относится ссора между Колосовымъ и Ф. Ярошевичемъ, ссора, которая возникла изъ-за того, что Колосовъ, оставшись очень недоволенъ неудовлетворительнымъ достоинствомъ поддѣльныхъ акцій, упрекалъ Ф. Ярошевича за безполезную затрату денегъ; по объясненію же А. Ярошевича — она вышла изъ-за дѣлежа предстоящей прибыли отъ преступнаго предпріятія, бо́льшую часть которой Колосовъ хотѣлъ присвоить себѣ. Болеславъ Ярошевичъ, также присутствовавшій при этой ссорѣ, показалъ, что отецъ настаивалъ на раздѣленіи всей прибыли на три равныя части — между нимъ, братомъ Александромъ и Колосовымъ, противъ чего послѣдній возставалъ, соглашаясь уступить отцу за трудъ только 10,000 руб. Ссора эта не имѣла однако серьезныхъ послѣдствій и Колосовъ съ Ярошевичемъ скоро примирились. Результатомъ бывшихъ между ними совѣщаній, по словамъ Ярошевичей, было рѣшеніе продолжать под-

дѣлку акцій, сдѣлавъ соотвѣтствующія усовершенствованія, для чего пріобрѣсти нѣкоторыя новыя машины и исправить старыя. Для этого Колосовъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, долженъ былъ выслать денегъ. Колосовъ съ Ивановой и Никитинымъ выѣхали изъ Брюсселя 16-го (27-го) апрѣля; до Кельна ихъ сопровождалъ А. Ярошевичъ, вернувшійся оттуда къ отцу въ Брюссель. По показаніямъ многочисленныхъ свидѣтелей, допрошенныхъ въ Брюсселѣ и имѣвшихъ отношенія къ типографіи Ярошевича, А. Ярошевичъ, во время своего пребыванія у отца въ 1871 году, дѣятельно помогалъ ему въ производствѣ акцій. Одни видѣли, какъ онъ нумеровалъ акціи, другіе—какъ прикладывалъ къ акціямъ печати и штемпеля, третьи удостовѣряютъ, что онъ приходилъ къ нимъ вмѣстѣ съ отцомъ заказывать разнаго рода машины и принадлежности, необходимыя для поддѣлки, интересовался этимъ производствомъ не менѣе, если ужъ не болѣе своего отца. Чрезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда Колосова изъ Брюсселя, онъ снова начинаетъ посылать деньги Ф. Сивичу переводомъ чрезъ международный коммерческій и другіе банки и конторы, что подтверждается разсчетными книжками чековъ Колосова, выданныхъ отъ разныхъ конторъ и банковъ. Всего въ Брюссель было выслано Ф. Ярошевичу Колосовымъ, А. Ярошевичемъ и Никитинымъ, въ періодъ съ мая 1870 г. по октябрь 1871 г., 9,000 р. Въ журналѣ Колосова идутъ многочисленныя отмѣтки объ отсылкѣ писемъ въ Брюссель. Въ письмахъ этихъ, между прочимъ, по словамъ Ярошевичей, Колосовъ сообщалъ, что Никитинъ также соглашается принять участіе въ ихъ предпріятіи и беретъ на себя храненіе фальшивыхъ акцій въ Петербургѣ. Съ этого времени начинается непосредственное участіе Никитина въ преступленіи, которое вскорѣ выразилось весьма опредѣленно. Между тѣмъ, 9-го мая получена была Феликсомъ Сивичемъ отъ Колосова изъ Петербурга слѣдующая телеграмма: «Братья Г. Тома выѣхали въ Брюссель. Ожидайте моего письма. Пьетро (подпись)». Братьями Г. Тома условлено было называть полицейскихъ агентовъ, какъ это объяснили Ярошевичи. Тотчасъ же по полученіи этой телеграммы, Ф. Ярошевичъ кое-какъ запаковалъ въ ящики все, а самъ съ сыномъ Александромъ и Кошанской бѣжалъ въ Люттихъ, оставивъ присматривать на квартирѣ сына Болеслава. Чрезъ два или три дня они возвратились въ Брюссель, но долго не показывались на прежней своей квартирѣ, куда перебрались лишь когда получили отъ Колосова письмо, успокоившее ихъ въ томъ, что на нихъ еще нѣтъ никакого подозрѣнія и что телеграмма послана была по недоразумѣнію. Колосовъ положительно отказался отъ этой телеграммы и, ссылаясь на экспертизу, которая признала, что подлинная телеграмма имѣетъ нѣкоторое сходство съ почеркомъ Никитина,—доказывалъ, что она была послана послѣднимъ, имѣвшимъ въ виду предупредить Ярошевичей о выѣздѣ за границу его, Колосова, казавшагося, будто бы, имъ уже тогда человѣкомъ подозрительнымъ. Въ концѣ мая А. Ярошевичъ возвратился въ Петербургъ и привезъ съ собою 253 фальшивыхъ акціи тамбово-козловской желѣзной дороги, приготовленныя искуснѣе прежнихъ, на сколько позволили произведенныя въ типографіи улучшенія. А. Ярошевичъ и отецъ его отрицали это обстоятельство, утверждая, что акціи эти были привезены Колосовымъ, при возвращеніи изъ-за границы съ Ивановой и Никитиною, но Болеславъ Ярошевичъ показалъ, что акціи эти были сдѣланы уже послѣ отъѣзда Колосова изъ Брюсселя. Колосовъ, возвращаясь открыто, былъ подвергнутъ на границѣ таможенному досмотру, и провезти акціи незамѣтно было невозможно. А. Ярошевичъ былъ за границей безъ паспорта, что подтверждено какъ имъ самимъ, такъ и справкою изъ иностраннаго отдѣленія канцеляріи спб. оберъ-полиціймейстера, и на возвратномъ пути перешелъ границу минуя таможню, пользуясь тѣмъ, что на границѣ расположено имѣніе тетки его, Госцимской, какъ это онъ дѣлалъ и прежде. Такимъ путемъ гораздо удобнѣе и безопаснѣе было провезти неза-

мѣтно акціи въ Россію. Вскорѣ по возвращеніи А. Ярошевича въ Петербургъ, акціи тамбовско-козловской желѣзной дороги появляются у Никитина въ квартирѣ, о чемъ удостовѣряютъ жена его, сестра жены его Лидія Ашебреннеръ и помощникъ библіотекаря Брашъ, которые около этого времени видѣли найденную у него впослѣдствіи связку съ акціями, причемъ изъ словъ Никитина они заключили, что это акціи, заложенныя ему Колосовымъ за 12,000 руб. То же утверждалъ и Никитинъ, измѣняя только сумму залога (15,000 руб.) и прибавляя, что онъ не зналъ о подложности акцій. А. Ярошевичъ этотъ разъ не долго пробылъ въ Петербургѣ. 18 іюня встрѣчаются уже отмѣтки въ журналѣ Колосова, что онъ уѣхалъ снова въ Брюссель. Самъ онъ объяснялъ, что цѣлью поѣздки этой было доставленіе отцу значительной суммы денегъ, изъ которой половина принадлежала Колосову. Это дѣйствительно подтверждается книжкою остатковъ чековъ Колосова. Изъ того же журнала Колосова видно, что, съ конца іюня до первой половины октября, т. е. въ то время, какъ Ф. Ярошевичъ, при содѣйствіи сына Александра, постоянно находившагося въ Брюсселѣ, выдѣлывалъ 8,000 акцій, составлявшихъ цѣль предпріятія, въ это самое время происходила усиленная переписка между ними и Колосовымъ. Послѣдній писалъ въ Брюссель иногда даже ежедневно. Одно изъ писемъ Колосова къ А. Ярошевичу написано чрезвычайно осторожно; въ немъ встрѣчаются обозначенія лицъ условными именами, такъ, напр., Никитинъ называется «мужемъ О.». Въ письмѣ этомъ обращаетъ вниманіе начало онаго: «Отъ васъ давно нѣтъ не только писемъ, но даже и срочныхъ увѣдомленій Что бы это значило?» Конецъ письма таковъ: «Мнѣ кажется, во всякомъ случаѣ слѣдовало бы разъ въ недѣлю писать хоть только о томъ, что вы живы и здоровы». По возвращеніи въ этотъ разъ изъ-за границы А. Ярошевича, между нимъ и Колосовымъ возникло недоразумѣніе изъ-за Ольги Ивановой, на которой первый хотѣлъ жениться, превратившееся вскорѣ во враждебныя отношенія, которыя еще болѣе ухудшились, когда Ольга Иванова стала жаловаться Ярошевичу на оскорбленія и униженія, которымъ она подвергалась со стороны Колосова. 15 ноября въ квартирѣ Колосова произошло крупное объясненіе по поводу возникшихъ недоразумѣній между отцомъ и сыномъ Ивановыми, А. Ярошевичемъ и Никитинымъ, съ одной стороны, и Колосовымъ, съ другой, окончившееся тѣмъ, что первые наговорили Колосову много непріятностей. Никитинъ даже хотѣлъ ударить, а Ивановы объявили, чтобы Колосовъ не смѣлъ больше показываться къ нимъ въ домъ. Въ концѣ испорченныя отношенія съ Ярошевичами и Никитинымъ поставили самого Колосова въ неловкое и опасное положеніе по отношенію къ поддѣлкѣ фальшивыхъ акцій, въ случаѣ обнаруженія преступленія. Этимъ объясняется заявленіе Колосова о поддѣлкѣ акцій правительству, повлекшее за собою возбужденіе дѣла. Какъ только до Брюсселя дошло извѣстіе о происшедшей ссорѣ, Ф. Ярошевичъ, по его показанію, въ одну ночь сжегъ 8,000 приготовленныхъ акцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ письмо А. Ярошевичу, въ коемъ объясняетъ пагубное значеніе, которое имѣетъ для всѣхъ нихъ эта ссора, и указываетъ на послѣдствія ея—доносъ со стороны Колосова. Опасеніе быть обнаруженными заставило А. Ярошевича и Никитина попытаться возстановить хорошія отношенія съ Колосовымъ, съ цѣлью обезопасить себя отъ послѣдняго. Зная хорошо Колосова, его характеръ, его прошлое и настоящее, они, по словамъ Ярошевича, не сомнѣвались въ томъ, что примиреніе не оградитъ ихъ отъ мстительности Колосова, а потому пришли къ убѣжденію, что единственный для нихъ вѣрный путь къ спасенію—есть уничтоженіе Колосова тѣмъ или другимъ способомъ. Этому плану особенно сильно сочувствовалъ А. Ярошевичъ, который, помимо чувства собственнаго самосохраненія, какъ влюбленный человѣкъ, не могъ простить Колосову того, что онъ унижалъ и оскорблялъ любимую имъ дѣвушку, какъ ему объ этомъ передавала Ольга

Иванова, не прекратившая однако своего знакомства съ Колосовымъ. Изъ всѣхъ способовъ, которыми можно было уничтожить Колосова, Ярошевичъ и Никитинъ остановились на отравленіи. Ярошевичъ сообщилъ этотъ планъ Ольгѣ Ивановой, а та, въ свою очередь, Колосову. Послѣдній сталъ еще осторожнѣе и зорче слѣдить за двумя своими врагами, которые цѣлый мѣсяцъ, по увѣренію Никитина въ упомянутомъ письмѣ къ Ф. Ярошевичу, напрасно «ломали себѣ голову, чтобы привести свой планъ въ исполненіе въ Петербургѣ». Потерявъ надежду достигнуть этого въ Петербургѣ, они нѣсколько измѣнили свой планъ. Они стали уговаривать Колосова ѣхать съ Ярошевичемъ за границу для доставленія въ Россію заготовленныхъ въ Брюсселѣ акцій. Колосовъ согласился на эту поѣздку для того, чтобы лучше выдать своихъ бывшихъ сообщниковъ. 5 января вечеромъ они выѣхали изъ Петербурга, но поѣздка эта окончилась арестомъ Ярошевича въ Динабургѣ.

На основаніи вышеизложеннаго, лекарь-акушеръ Василій Колосовъ и дворянинъ Александръ Ярошевичъ были преданы суду по обвиненію въ томъ, что въ 1870 году, въ сообществѣ съ отцомъ послѣдняго, бѣжавшимъ изъ Россіи послѣ осужденія за разныя преступленія, Феликсомъ Ярошевичемъ, устроили въ городѣ Брюсселѣ на общія денежныя средства типографію, съ спеціальною цѣлью поддѣлки различныхъ цѣнныхъ русскихъ бумагъ, въ которой, въ теченіе 1870—1871 годовъ, дѣйствительно были поддѣланы акціи Общества тамбовско-козловской желѣзной дороги, часть которыхъ, а именно 253 акціи въ 100 руб. каждая, была привезена въ Петербургъ для выпуска въ обращеніе, что̀ составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 1194 ст. улож. о наказ. Кромѣ того, А. Ярошевичъ былъ преданъ суду также и за то, что въ концѣ 1871 года, въ сообществѣ съ Никитинымъ, вслѣдствіе враждебныхъ столкновеній съ Колосовымъ, изъ опасенія мести со стороны послѣдняго, задумавъ лишить его жизни, участвовалъ въ составленіи плана отравленія его, для осуществленія котораго пріобрѣлъ ядъ, подъ разными предлогами уговорилъ Колосова ѣхать за границу вмѣстѣ съ нимъ, чтобы во время этого путешествія, при первомъ удобномъ случаѣ, отравить Колосова имѣвшимся при немъ ядомъ, наконецъ отправился съ нимъ для этой цѣли за границу, но не осуществилъ своего преступнаго намѣренія по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, что предусмотрѣно 2 ч. 1457 ст. улож. о наказ. Никитинъ, впавшій въ умственное разстройство, суду преданъ не былъ.

Дѣло это слушалось въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 14—16-го февраля 1874 года, подъ предсѣдатель, ствомъ товарища предсѣдателя *Батурина*. Защищали—Колосова—присяжный повѣренный *Языковъ*, Ярошевича—присяжные повѣренные *Утинъ* и *Потѣхинъ*.

На судебномъ слѣдствіи *Колосовъ* виновнымъ себя не призналъ, а *Ярошевичъ* сознался во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, причемъ объяснилъ что, познакомившись съ его матерью, Колосовъ навѣщалъ его отца, судимаго по дѣлу письмоносцевъ, въ тюрьмѣ и помогъ ему бѣжать за границу. Въ 1869 г. Колосовъ возилъ подсудимаго въ Москву и первый познакомилъ его, тогда еще 17-лѣтняго мальчика, съ публичными домами. Въ это же время Колосовъ убѣдилъ мать Ярошевича открыть вмѣстѣ съ нимъ гласную кассу ссудъ и поручилъ главное завѣдываніе ею подсудимому, которому посовѣтовалъ бросить совсѣмъ ученіе, обѣщая сдѣлать его за это современемъ банкиромъ. Дѣла гласной кассы шли плохо; вслѣдствіе этого Колосовъ занялся покупкой и продажей процентныхъ бумагъ и перебралъ на эту операцію весь капиталъ матери подсудимаго. Въ концѣ 1869 г. гласная касса была закрыта, а въ началѣ 1870 г. Колосовъ объявилъ, что, состоя въ сношеніяхъ съ отцомъ подсудимаго, думаетъ заняться поддѣлкою, но будетъ поддѣлывать не фальшивыя ассигнаціи, а, что гораздо выгоднѣе,—акціи тамбовско-козловской желѣзной дороги. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Колосовъ показалъ

подсудимому письмо отъ его отца, въ которомъ тотъ требовалъ 6,000 фр. на открытіе типографіи; 3,000—отъ Колосова и 3,000—отъ матери подсудимаго. Такъ какъ всѣ деньги были у Колосова, то онъ купилъ 6,000 франковъ у мѣнялы, и въ концѣ іюля 1870 г. они отправили эти деньги по почтѣ. Въ августѣ подсудимый свезъ брата къ отцу, по его требованію, и оттуда возвратился безъ паспорта, черезъ имѣніе тетки своей, Госцимской. Отецъ извѣщалъ постоянно Колосова о ходѣ начатаго дѣла; типографія была куплена въ концѣ сентября и затѣмъ Феликсъ Ярошевичъ прислалъ письмо, въ которомъ просилъ Колосова пріѣхать осмотрѣть работы. Колосовъ рѣшился ѣхать подъ видомъ леченія отъ болѣзни и, чтобъ еще лучше скрыть цѣль своей поѣздки, хотѣлъ взять на себя порученіе относительно проживающихъ въ Женевѣ и Лондонѣ эмигрантовъ и пригласить съ собою какую нибудь женщину, такъ какъ человѣка, который ѣдетъ съ женщиной, по его словамъ, никогда не сочтутъ способнымъ на преступное дѣло. Около этого времени подсудимый познакомился у Никитиныхъ съ Ольгою Ивановой, которая сразу произвела на него сильное впечатлѣніе; Колосовъ, заинтересованный его разсказомъ объ этой дѣвушкѣ, тоже познакомился съ нею. Когда зашла рѣчь о поѣздкѣ за границу и о томъ, чтобъ взять какую нибудь женщину, то Колосовъ, по просьбѣ подсудимаго, согласился взять съ собою Ольгу Иванову, съ тѣмъ, чтобъ расходы на ея поѣздку были ихъ общіе, а такъ какъ одной Ивановой было ѣхать неудобно, то Колосовъ уговорилъ жену Никитина ѣхать вмѣстѣ съ ними; онъ имѣлъ при этомъ въ виду во время путешествія разузнать у нея подробности о прошломъ ея мужа и о его характерѣ. Поѣздка состоялась въ половинѣ января. Подсудимый ѣхалъ подъ видомъ прикащика Колосова. Во время путешествія, Ольга Иванова постоянно была любезна съ подсудимымъ, а на Колосова не обращала почти никакого вниманія. Но въ Венеціи имъ пришлось разстаться: Колосовъ поѣхалъ съ дамами въ Неаполь, а подсудимаго отправилъ въ Брюссель, несмотря на его просьбы взять и его съ собой въ Неаполь. Въ Брюсселѣ подсудимый проводилъ всѣ дни въ типографіи, и отъ нечего дѣлать подавалъ бумагу и исполнялъ тамъ разныя другія порученія. Колосовъ писалъ ему, что ничего не можетъ сказать навѣрное объ отношеніяхъ Ивановой къ нему; сама же Иванова, несмотря на обѣщаніе писать, прислала только разъ клочокъ бумаги, на которомъ было написано: «Ольга Иванова». По пріѣздѣ Колосова съ дамами въ Брюссель, отношенія подсудимаго и Ольги Ивановой сдѣлались чрезвычайно странными. Иванова относилась къ нему очень холодно и объяснила, что имѣетъ какія-то свѣдѣнія о томъ, что онъ распускаетъ о ней дурные слухи. Колосовъ нашелъ, что акціи сдѣланы не достаточно хорошо, но все-таки просилъ ихъ окончить и, вернувшись изъ Лондона, хотѣлъ взять съ собою около 750 акцій, раздѣливъ ихъ на три пачки, съ тѣмъ, чтобъ Иванова и Никитина взяли по пачкѣ, но онѣ отказались. Когда зашелъ разговоръ о дѣлежѣ прибыли, то Колосовъ, основываясь на томъ, что иниціатива дѣла принадлежала ему, что на немъ лежитъ провозъ акцій, сохраненіе и распространеніе ихъ, требовалъ 90%, предоставляя отцу подсудимаго 10%. Тотъ на это не согласился, они долго спорили, но наконецъ помирились. Колосовъ уѣхалъ съ дамами въ Петербургъ, а подсудимаго оставилъ за границей, несмотря на его просьбы взять его съ собою. Чрезъ шесть недѣль отецъ его получилъ отъ Колосова телеграмму, извѣщавшую о скоромъ прибытіи братьевъ господина Тома, вслѣдствіе которой всѣ акціи были уничтожены. Воспользовавшись этою телеграммой, подсудимый упросилъ отца позволить ему ѣхать въ Петербургъ, чтобъ узнать въ чемъ дѣло. По пріѣздѣ его въ Петербургъ, Колосовъ показалъ ему номеръ газеты, въ которой говорилось о томъ, что на французско-бельгійской границѣ была открыта шайка поддѣлывателей фальшивыхъ ассигнацій. Тутъ же онъ разсказалъ подсудимому, что далъ акціи на храненіе Никитину. Ива-

нова продолжала относиться къ подсудимому холодно, и Колосовъ объяснилъ ему, что Иванова, какъ дѣвушка бѣдная, но честная, дорожитъ своей репутаціей и боится, чтобъ про нея не стали ходить дурные слухи, вслѣдствіе ея короткости съ подсудимымъ. Онъ совѣтовалъ ему прямо сдѣлать ей предложеніе, обнадеживая тѣмъ, что матеріальное положеніе его будетъ обезпечено. Подсудимый, подъ диктовку Колосова, написалъ Ивановой письмо, въ которомъ дѣлалъ ей предложеніе, и дня черезъ три получилъ отвѣтъ, въ которомъ она изъявляла свое согласіе. Подсудимый не зналъ, какъ и благодарить Колосова за это благодѣяніе. Въ это время отецъ прислалъ письмо, въ которомъ требовалъ денегъ; Колосовъ сказалъ, что онъ долженъ свезти деньги, и онъ не возражалъ изъ благодарности за то, что Колосовъ устроилъ его дѣло съ Ивановой. Получивъ деньги отъ Колосова, подсудимый уѣхалъ за границу, гдѣ закупилъ машины, необходимыя для улучшенія производства. Машины были доставлены только въ концѣ августа; въ сентябрѣ Колосовъ прислалъ по телеграфу еще 1,600 руб. Съ Колосовымъ они имѣли постоянныя сношенія; было условлено, что они будутъ извѣщать его, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ день о томъ, все ли обстоитъ благополучно. Подсудимый страшно скучалъ за границей, постоянно думая объ Ольгѣ Ивановой и, наконецъ, видя, что бумаги еще не скоро будутъ готовы, въ половинѣ октября 1871 года возвратился въ Петербургъ. Колосовъ принялъ его очень любезно, хотя говорилъ, что не слѣдовало пріѣзжать, пока всѣ акціи не будутъ окончены. Никитинъ сообщилъ подсудимому, что ходятъ слухи, будто Ольга Иванова живетъ съ Колосовымъ; онъ не повѣрилъ и разсердился, что онъ передаетъ ему подобныя вещи о совершенно честной дѣвушкѣ. Сама Ольга Иванова своимъ поведеніемъ разсѣяла всѣ сомнѣнія подсудимаго: она относилась къ нему очень дружески, а надъ Колосовымъ постоянно смѣялась. Разъ она сказала подсудимому, что Колосовъ устраиваетъ у себя вечеръ, приглашаетъ только ее и сестеръ и проситъ ихъ придти однѣхъ, безъ отца и брата. Подсудимый посовѣтовалъ ей не ходить, она обѣщалась, но дня черезъ два призналась, что была и что гости Колосова — очень много позволяли себѣ относительно ея. Во всемъ этомъ она обвиняла Колосова и тутъ же сказала подсудимому, что у него есть тайный врагъ, который ему очень вредитъ. Нѣсколько дней послѣ того былъ маскарадъ, въ которомъ были Колосовъ, Ольга Иванова, сестра ея Катерина и подсудимый. Ольга Иванова ходила съ нимъ, когда къ ней подошла сестра и сказала, что Колосовъ зоветъ ихъ ужинать. Ольга Иванова поѣхала, а на другой день со слезами просила у подсудимаго прощенія, говоря, что поѣхала только потому, что сестра не хотѣла ѣхать одна. Тутъ же она сообщила подсудимому, что Колосовъ постоянно вооружаетъ ее противъ него. По возвращеніи изъ-за границы, подсудимый не бывалъ въ домѣ у Ивановыхъ, потому что Колосовъ сказалъ ему, что отецъ Ивановой страшно противъ него вооруженъ, что нужно подождать, пока его подготовятъ. Узнавъ отъ Ольги Ивановой, что Колосовъ самъ же возстановляетъ всѣхъ противъ него, подсудимый пригласилъ къ себѣ студента Иванова и, узнавъ отъ него, что Колосовъ дѣйствительно распускаетъ про него дурные слухи, предложилъ Иванову и Никитину пойти вмѣстѣ съ собою къ Колосову, чтобы сдѣлать ему очную ставку. У Колосова сидѣлъ въ это время отецъ Иванова; Колосовъ сначала смутился, увидѣвъ подсудимаго вмѣстѣ съ Никитинымъ и студентомъ Ивановымъ, и не хотѣлъ допустить ихъ до старика Иванова, говоря, что тотъ вдругъ заболѣлъ. Но студентъ Ивановъ прошелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ Ивановъ, и засталъ его совершенно здоровымъ, за стаканомъ чаю. Тогда подсудимый предложилъ Колосову повторить то, что онъ говорилъ про него Ивановымъ. Колосовъ сначала смутился, потомъ сталъ предлагать такія объясненія, которыя убѣдили всѣхъ, что онъ говорилъ ложь. Никитинъ обозвалъ его лжецомъ, мерзавцемъ и чуть не бросился на него съ палкой. Подсу-

димый и все остальное общество собрались уходить, но Колосовъ сталъ всѣхъ просить остаться и выпить чаю, какъ будто ничего не произошло. Такое чудовищное, по выраженію подсудимаго, отсутствіе чувства собственнаго достоинства сдѣлало его противнымъ для Ярошевича, и когда на другой день Колосовъ, пріѣхавъ къ нему, бросился къ нему на шею и сталъ просить прощенія, онъ оттолкнулъ его и сказалъ, что между ними все кончено. Подсудимый сталъ посѣщать Ивановыхъ и былъ совершенно счастливъ, будучи съ любимою дѣвушкой. Но Колосовъ сталъ посылать Ивановымъ анонимныя письма, въ которыхъ чернилъ его и сказалъ Ивановой, что онъ былъ замѣшанъ по дѣлу Кибарта и Завадзской. Подсудимый предложилъ Ивановой освѣдомиться въ судебной палатѣ, правда ли это? и тамъ ей сказали, что онъ не былъ не только обвиняемымъ, но даже свидѣтелемъ по этому дѣлу не былъ. Тогда Ольга Иванова сказала, что Колосову слѣдуетъ такъ или иначе отомстить, что она дастъ ему пощечину, а подсудимый пусть раздѣлывается какъ знаетъ. Черезъ нѣсколько дней она сказала ему, что Колосовъ выдаетъ ее за свою содержанку. Онъ предложилъ застрѣлить его, но Ольга Иванова сказала: «Если ты меня любишь, ты не будешь рисковать собой». Послѣ этого у нихъ нѣсколько разъ происходили разговоры о томъ, какъ устранить Колосова, и 1-го декабря онъ окончательно рѣшился отравить его. Подсудимый разсказалъ объ этомъ Никитину, который одобрилъ это рѣшеніе. Разставшись съ Ольгой Ивановой утромъ 1-го декабря, подсудимый условился уйти съ нею вмѣстѣ въ театръ, а оттуда въ маскарадъ. Она пришла на условленное мѣсто свиданія только въ 7½ часовъ, и на вопросъ его, гдѣ она была такъ долго, отвѣчала: «у Колосова». Онъ принялъ это за шутку съ ея стороны, но она объяснила ему, что не была собственно у Колосова, но встрѣтила его на улицѣ, и онъ ей разсказалъ, что подсудимый разорилъ его контору. Пріѣхавъ въ маскарадъ, они тамъ встрѣтили Колосова; подсудимый громко назвалъ его мерзавцемъ, но Ольга Иванова схватила его за руку и сказала, что онъ съума сходитъ. Чѣмъ болѣе раздумывалъ подсудимый объ отравленіи Колосова, тѣмъ страшнѣе ему становилось, и онъ готовъ былъ уже отказаться отъ принятаго рѣшенія, но Никитинъ сказалъ ему, что теперь уже поздно, и что онъ, по всей вѣроятности, просто испугался, да и Ольга Иванова сказала: «Еще ничего нѣтъ, а ты уже на попятный дворъ». Подсудимому стало стыдно, но онъ все-таки ничего не предпринималъ. Между тѣмъ, у Никитина созрѣлъ новый планъ провоза акцій, для котораго нужно было ѣхать за границу. Колосова уговорили ѣхать вмѣстѣ съ подсудимымъ, которому Никитинъ далъ передъ отъѣздомъ двѣ баночки съ морфіемъ. Подсудимый хотѣлъ было высыпать содержимое этихъ баночекъ и изъ одной дѣйствительно высыпалъ, но потомъ спохватился, что Иванова можетъ спросить его на желѣзной дорогѣ, гдѣ ядъ, и потому пересыпалъ половину порошка изъ одной баночки въ другую и положилъ одну баночку въ чемоданъ, другую къ себѣ въ карманъ. 5-го января они выѣхали, и въ Динабургѣ ихъ арестовали, прежде чѣмъ онъ успѣлъ привести свое намѣреніе въ исполненіе.

Свидѣтельница *Никитина* и помощникъ библіотекаря Медицинской Академіи *Брашъ* объяснили, что Никитинъ показывалъ имъ акціи Тамбовско-Козловской дороги и говорилъ, что далъ подъ нихъ Колосову 12 т. р. При этомъ первая изъ нихъ показала, что Колосовъ предлагалъ при ней Ольгѣ Ивановой «увлечь» Нечаева и обѣщалъ за это брилліантовыя серьги,—а въ Брюсселѣ по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома, ссылаясь на постоянные свои визиты къ князю Орлову, русскому посланнику.

Колосовъ давалъ обширныя и, по большей части, совершенно не относящіяся къ дѣлу объясненія. На вопросы о Феликсѣ Ярошевичѣ онъ отвѣчалъ, что его не знаетъ и что былъ въ Брюсселѣ проѣздомъ въ Лондонъ, гдѣ устраивался страшный заговоръ, въ случаѣ открытія котораго его ждали

«честь, слава и счастіе». Никитину и Ольгу Иванову онъ взялъ съ собою потому, что онѣ знали языки, необходимые ему, чтобъ «прослѣдить эмиграцію» и разоблачить образъ дѣйствій «предсѣдателя интернаціоналки» Карла Маркса. Относительно акцій Колосовъ показалъ, что узналъ о нихъ впервые послѣ ссоры съ нимъ Никитина и Ярошевича, когда Никитинъ, съ цѣлью примиренія, открылъ ему о существованіи поддѣлки и предлагалъ 100 т. р. с. за «поправленіе репутаціи» Ярошевича. Часть объясненій Колосова, относительно значенія условнаго выраженія «*фарегатисъ*», постоянно попадающагося у него подъ разными числами въ памятной книжкѣ за время путешествія по Италіи и въ Бельгію—дана имъ при закрытыхъ дверяхъ присутствія.

Ольга Иванова, давая весьма уклончивое показаніе, объяснила на перекрестномъ допросѣ, что дѣйствительно изъявляла готовность «согласить поѣхать» Нечаева и получить за то серьги отъ Колосова, но это не удалось, такъ какъ онѣ его нигдѣ не встрѣтили, да и она, и Никитина никакого языка, кромѣ французскаго, не знали, почему въ Лондонѣ не знали, что дѣлать и не выходили на улицу. Подтверждая въ главныхъ чертахъ показаніе Ярошевича, Ольга Иванова признала, что онъ показывалъ ей ядъ на желѣзной дорогѣ, но что тутъ она его не отговаривала, ибо уже сдѣлала это разъ и видѣла, что это безуспѣшно. Будучи невѣстою Ярошевича, она скрывала отъ него свои близкія отношенія съ Колосовымъ и передавала ему о всѣхъ оскорбительныхъ отзывахъ послѣдняго, жалуясь на его дерзкое обращеніе, — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, передавала и Колосову о выходкахъ противъ него Ярошевича и предупредила его о томъ, что ея женихъ и Никитинъ собираются его отравить. На вопросы — зачѣмъ она дѣйствовала такимъ образомъ и кого же изъ двухъ она въ дѣйствительности любила?— Ольга Иванова отвѣчала молчаніемъ. При допросѣ ея было прочитано письмо Ярошевича, тайно ей переданное изъ тюрьмы, гдѣ онъ содержался. Письмо начинается словами: «Оленька, голубчикъ, вотъ уже мѣсяцъ моего заключенія, — только одинъ мѣсяцъ, а какая пропасть раздѣляетъ насъ. Сколько нужно усилій, труда и времени, чтобъ возвратиться къ минувшему...» Далѣе въ письмѣ говорится, что мысль объ услугахъ друга, т. е. Колосова, глубоко запала въ его душу, что ему припоминается памятное 1-е декабря, далѣе идутъ воспоминанія о взаимныхъ отношеніяхъ между авторомъ письма и Ольгою и потомъ говорится, что онъ ко всему приготовился, составилъ планъ дѣйствій и поэтому почти спокойно ожидаетъ будущаго, и что если она останется прежнею Олей, то все уладится хорошо и они уѣдутъ за границу. Наконецъ, во второй половинѣ письма излагается планъ показанія, которое она должна дать на судѣ. Затѣмъ прочитано содержаніе отвѣтнаго письма Ивановой Ярошевичу, въ которомъ она отвергаетъ его предложеніе съ негодованіемъ и, между прочимъ, говоритъ, что никогда «не рѣшится на такой криминальный поступокъ» т. е. лжесвидѣтельство, проситъ «забыть о ея существованіи»... и прибавляетъ, что «современный судъ такъ справедливъ и милостивъ, что скорѣе оправдаетъ виновнаго, нежели осудитъ невиннаго».

Это письмо, по показанію свидѣтельницы, было ей продиктовано Колосовымъ и по его желанію было послано при запискѣ на имя Прокурора Окружного Суда, съ просьбою передать Ярошевичу, причемъ она понимала, что письмо это можетъ имѣть пагубное вліяніе на судьбу Ярошевича. На вопросы защиты Ярошевича о томъ, чѣмъ первоначально увлекъ ее Колосовъ, Ольга Иванова отвѣчала, что онъ ей понравился своими разсказами о томъ, какъ онъ много перенесъ и перестрадалъ въ жизни.

Кромѣ допроса ряда свидѣтелей объ образѣ жизни Колосова, о семейныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ Ярошевичей,—было прочтено подробное показаніе *Никитина,* въ которомъ онъ утверждаетъ, что сдѣлался жертвою обмана со стороны Колосова, выманившаго у него 12 т. р. подъ залогъ поддѣльныхъ акцій.

Экспертъ—профессоръ *Сорокинъ* далъ заключеніе, что здоровый человѣкъ можетъ принять безъ послѣдствій до 30 гранъ морфія; что бывали случаи, что человѣкъ принималъ до 50 гранъ и послѣ нѣкоторыхъ припадковъ выздоравливалъ; что морфій, какъ вещество отравляющее, не употребляется, но что онъ можетъ служить усыпляющимъ средствомъ и имъ можно довести человѣка до глубокой потери сознанія. При этомъ онъ заявилъ, что бывали, однако, случаи, когда люди преклоннаго возраста отравлялись и гораздо меньшимъ количествомъ морфія.

Наконецъ были прочитаны:

1) *Письмо Колосова къ матери Ярошевича,* отъ 18-го ноября 1871 года, въ которомъ говорится, что сынъ ея Александръ составилъ какой-то глупый заговоръ противъ Колосова; что, несмотря на довольно строгое приказаніе, не явился къ нему для объясненія и позволилъ себѣ прислать непочтительную записку о причинахъ неявки; что такая странность наводитъ на мысль, не задумалъ ли онъ поживиться конторскими его, Колосова, деньгами, не растратилъ ли ихъ и уже «не съ вашего ли позволенья». Далѣе упоминается о томъ, что Колосовъ вытащилъ всю семью изъ грязи, когда мужъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за кражу и мошенничество; что Александръ не отдалъ отчета по конторѣ, въ которой вся семья состояла приказчиками. Въ постскриптумѣ Колосовъ говоритъ, что слышалъ, что Александръ задумалъ жениться, но что гимназистовъ 3-го класса законъ не допускаетъ вѣнчать, что, кромѣ того, онъ состоитъ подъ надзоромъ по дѣлу Завадзской за выпускъ фальшивыхъ кредитныхъ бумажекъ, и наконецъ совѣтуетъ матери посѣчь немного Олеся, прибавляя: «въ этомъ очищеніи я могу вамъ помочь, если желаете».

2) *Письмо Колосова къ Иванову,* въ которомъ Колосовъ проситъ запечатать прилагаемое вышеприведенное письмо и послать по почтѣ матери Ярошевича, причемъ предлагаетъ прочесть это письмо «для назиданія вашего сына» и еще для отстраненія ихъ семьи отъ опасности. Въ заключеніи сказано: «въ письмѣ къ матери Ярошевича настоящая истина выражена только въ видѣ листочковъ, а ягодки впереди».

3) *Письмо* (перехваченное) *Никитина изъ тюремнаго замка къ женѣ:* «Я положительно никогда не сознаюсь ни на слѣдствіи, ни на судѣ. На судъ я не попаду, ибо до суда умру, но умру не ради общества, а ради самого себя, жены и родныхъ. Да, я умру еще не осужденнымъ и такимъ образомъ сохраню для жены всѣ деньги арестованныя; онѣ всѣ пропадутъ иначе; ихъ отдадутъ обществу за акціи. Деньги могутъ быть цѣлы только тогда, когда меня оправдаютъ, а послѣдняго быть не можетъ; я буду непремѣнно обвиненъ и дожидаюсь только переговоровъ съ Вѣрочкой (женою). Тогда всему конецъ. Я не могу, я не хочу, я не долженъ жить. Быть ссыльнымъ или каторжникомъ—это почти все равно; разница небольшая. Это вопросъ рѣшеный, меня никто не разубѣдитъ, дѣло ясное, думать и надѣяться не на что и чѣмъ скорѣе будетъ, тѣмъ лучше. Я и оправданный-то не перенесу, если бы оно и было возможно. Все равно—мошенникъ на цѣлый свѣтъ, помилованный присяжными засѣдателями. Помните дѣло Карицкаго въ Рязани? Меня могутъ спасти, если я буду имѣть паспортъ и уѣду въ Галицію, гдѣ русскій языкъ или пошляюсь по Россіи въ отдаленныхъ мѣстностяхъ съ какимъ нибудь русскимъ паспортомъ. Смотритель говоритъ, что паспортовъ за полуштофъ на Сѣнной сколько угодно. Но это не прежде окончанія слѣдствія. Я часто объ этомъ думаю. Но вы всѣ—бабы нерасторопныя и около васъ нѣтъ дѣльца, а то бы я давно былъ далеко. Худо только то, что побѣгъ лишитъ опять таки всѣхъ арестованныхъ денегъ, а безъ денегъ куда сунешься... Нѣтъ, лучше не слушаться, а прямо умереть и умереть не осужденнымъ, а только находящимся подъ стражею. По божески и по логикѣ, я долженъ былъ сдохнуть 6 января, при обыскѣ, но тогда не удалось—хорошо караулили! Какія-то надежды, глу-

пости утѣшаютъ всѣхъ насъ. Авось прикажутъ прекратить слѣдствіе. Тогда я останусь жить. Родные всѣ опозорены и уничтожены мною навѣки. Если я поскорѣе умру, то всѣ и всякій скажетъ, что ты жена не преступника, а только подсудимаго, котораго могли и оправдать, который могъ быть невиненъ и проч. Еще повторяю, что если бы ты, Вѣрочка, сказала мнѣ о всей своей исповѣди тотчасъ же по пріѣздѣ, и К. и Я. давно бы не знали, гдѣ я живу—и не было бы и не могло быть этого страшнаго дѣла. Вѣдь я сейчасъ выгоняю всѣхъ и прекращаю всякія отношенія съ тѣми людьми, которымъ ты исповѣдуешься, напр., Ф. Т. С. и проч. и проч. Этимъ я вовсе не хочу сказать, что ты во всемъ виновата. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Но элементарныя, непосредственныя причины несчастья—это вѣчная неоткровенность со мною. Ну, что будетъ, если К. каждое твое признаніе, каждую мысль, каждое слово перековеркаетъ по своему и дастъ всей исповѣди твоей отчаянное толкованіе? Какъ ты явишься на судъ? А если я околѣю заблаговременно, то этого ничего не будетъ, честь твоя спасена. Напрасно ты толковала о портфелѣ. Это ничего не доказываетъ: тамъ могло быть все, все, все, только не акціи... Голова моя очень дурна. Я теряю силы, смыслъ и разумъ. Равнодушіе, апатія, тоска, отчаяніе и ужасъ ни на одну минуту не оставляютъ меня. Напрягаю всѣ силы и волю и пишу это письмо съ тѣмъ, чтобы всѣ не зѣвали и дѣйствовали неустанно, но чтобы я зналъ все, что вы дѣлаете, иначе будетъ такая же ерунда, какъ и ваши показанія объ акціяхъ. Кто что показывалъ на слѣдствіи, я все знаю, ибо мнѣ все предъявляется слѣдователемъ».

4) *Письмо Никитина къ Феликсу Ярошевичу* въ концѣ ноября. «Тороплюсь сообщить вамъ весьма важное извѣстіе, состоящее въ томъ, что нашъ пріятель совершенно помирился съ Олесемъ. Дѣло это, чрезвычайно трудное, сложное, требовавшее много такта, умѣнья и сообразительности, и все это къ величайшей радости мнѣ удалось вполнѣ. Почти цѣлый мѣсяцъ я трудился надъ этимъ дѣломъ, извиваясь и изгибаясь на *всѣ* стороны и, о счастіе! они оба уже берутъ паспорты и надняхъ ѣдутъ къ вамъ. Вы понимаете, что другъ нашъ *не долженъ* возвратиться! (я объ этомъ подробно писалъ вамъ въ Парижъ). Надобно вамъ замѣтить, что всѣ клеветы и пакости имъ *нарочно* и *злостно* были сочинены; свадьбы и всякой чертовщины вовсе никогда *никто* не желалъ и не думалъ. Все это есть отчаянное шельмованіе бѣднаго Олеся въ глазахъ всѣхъ родныхъ, когда этого злодѣя толкали въ шею изъ общаго дома добрыхъ знакомыхъ. Вѣроятно, вамъ Олесь писалъ подробно объ этомъ. Мнѣ остается еще подтвердить, что Олесь тутъ не причемъ и пострадалъ благодаря тому, что мерзавецъ нашъ хотѣлъ употребить дѣвицъ для своихъ омерзительныхъ цѣлей, *подведя* ихъ, какъ камелій, своимъ пріятелямъ, отъ которыхъ ожидалъ великихъ для себя милостей. Но дѣло теперь въ томъ, чтобъ эта ихъ поѣздка послужила залогомъ общаго счастія и благополучія нашего и всякаго живого существа, имѣющаго несчастіе прикасаться къ этой гадинѣ. Чтобы не забыть: Олесь имѣетъ съ собою *освѣжительный рецептъ для ижицы*. Дай Богъ, чтобы нашъ другъ не увидалъ васъ, т. е., чтобы онъ *освѣжился* до пріѣзда къ вамъ. А если, паче всякаго чаянія, онъ доѣдетъ къ вамъ не освѣжившись, то вы разведите слѣдующую политику: надо вамъ замѣтить, что никто изъ насъ ни единаго слова ни говорилъ ничего ему о товарѣ, т. е., цѣлъ ли онъ или нѣтъ; ѣдутъ они оба для того, чтобы посмотрѣть товаръ и, если можно, то привезти его съ собой; а такъ какъ товаръ, по словамъ Олеся, давно уничтоженъ, то надо, чтобы вы умѣли нарисовать картину ужаса, объявшаго васъ при первомъ извѣстіи о томъ, что между нами произошла война на жизнь и смерть. Приготовьтесь по этому пункту *энергически доказать*, что вы иначе и не могли сдѣлать; вы могли думать, что каждую минуту явится *дядя Томъ* и схапаетъ васъ живьемъ и пр. Впрочемъ, молъ, это такіе пустяка, что опять все будетъ готово черезъ недѣлю

или двѣ. А вы, молъ, ступайте съ Олесемъ этимъ временемъ въ Парижъ, побывайте въ Мабиляхъ и пр., а я къ возвращенію вашему оттуда уже приготовлю товаръ (все, молъ, это дѣло 2-хъ недѣль); это очень важный пунктъ и если вы успѣете въ этомъ, то онъ будетъ спокоенъ, веселъ, счастливъ и доволенъ. Если такимъ образомъ Олесь не успѣетъ до Брюсселя освѣжить своимъ рецептомъ, то сдѣлаетъ въ Парижѣ или гдѣ лучше и удобнѣе. Все дѣло въ томъ, чтобы онъ въ дѣлѣ объ товарѣ не видѣлъ и не подозрѣвалъ никакой двусмысленности или фальши. Упомяните, что объ уничтоженіи товара *вы ничего никогда не говорили Олесю,* что вы были поражены убійственнымъ извѣстіемъ объ его женитьбѣ, войнѣ взаимной и пр., что вы только молили, просили его одуматься, не губить женитьбою ни себя, ни семью, а что вопросъ о товарѣ *совершенно* оставался *для Олеся неизвѣстнымъ*. Иначе дьяволъ потеряетъ довѣріе къ Олесю и *ижица* затруднится. Вы, молъ, оба отъ меня далеко и я каждую минуту ждалъ, что я, сынъ и вся семья погибли, вѣдь, молъ, я знаю, какимъ всемогуществомъ вы обладаете. Это очень ему понравится и покажетъ ему, что ни я, ни Олесь ничего не говорили вамъ о совершенномъ его паденіи тамъ, гдѣ онъ, якобы, такъ высоко стоялъ и пугалъ всѣхъ насъ. Онъ *никогда, нигдѣ* не имѣлъ никакого вліянія и значенія, и вездѣ смотрѣли тамъ на него какъ на дурака, на сумасшедшаго и пошлеца. Всѣ эти ходули и фокусы разоблачились давно, благодаря взаимной вспышкѣ послѣдняго времени. Послѣдняя къ вамъ просьба: если Олесь, паче чаянія, нигдѣ и никакимъ образомъ не пропишетъ ему ижицу, то нельзя ли вамъ это сдѣлать *прямымъ, открытымъ образомъ*. Это имѣетъ важнѣйшее значеніе, т. е. именно тамъ, въ чужой сторонѣ, гдѣ чужой языкъ и новые, неизвѣстные для него порядки. Письменные документы надо всѣ отобрать, дабы всѣхъ окружающихъ поставить въ совершенную невозможность знать, кто этотъ господинъ. Здѣсь же освѣжить его нѣтъ *никакой* возможности; мы объ этомъ ломали голову цѣлый мѣсяцъ. Самое примиреніе теперешнее не имѣетъ *никакой другой цѣли,* какъ только увезти его отсюда за границу и тамъ прописать ему ижицу тѣмъ или другимъ способомъ (что лучше и какъ будетъ удобнѣе). Вотъ почему я и просилъ васъ въ прошломъ письмѣ дать ваше мнѣніе, а такъ какъ теперь, въ виду ихъ скораго отъѣзда, уже вашъ совѣтъ ко мнѣ не дойдетъ, то дѣйствуйте, если вы придумали что-нибудь для этой цѣли. Обратите особенное вниманіе на *наличность, естественность* и *силу доводовъ* по тому обстоятельству, что вы поставлены были въ *крайнюю* необходимость *сейчасъ* же по полученіи перваго извѣстія о ссорѣ все уничтожить. Будьте просты, милы и любезны, поблагодарите его за его совѣты и способы помѣшать Олесю жениться и пр. пр. Однимъ словомъ, ни единымъ словомъ и намекомъ не дайте ему понять, что вы его презираете. Все это, конечно, въ такомъ только случаѣ, если Олесь не пропишетъ ему ижицы еще до Брюсселя. Въ случаѣ чего не телеграфируйте, а увѣдомьте письмомъ, ибо депеши всѣ мои прочтутъ, а письма только одинъ я. Всѣ телеграммы читаютъ мои домашніе, а письма всегда одинъ я».

5) *Письмо Феликса Ярошевича къ Никитину,* въ концѣ ноября 1871 г.

«Сегодня первый разъ получилъ письмо съ объясненіемъ, довольно подробнымъ, употребленія лекарства, о его дѣйствіи и о послѣдующихъ пріемахъ. Почему не раньше? Зачѣмъ изъ этого было дѣлать какія-то загадки; откуда взялась странная претензія, чтобы я вѣрилъ въ безошибочную премудрость чью либо, когда въ то же время пишутъ, что моимъ совѣтамъ будутъ слѣдовать, если я докажу ихъ пользу? Странно! Въ непогрѣшимость самаго непогрѣшимаго святѣйшаго папы я не вѣрю. Доказать пользу моихъ совѣтовъ очень легко... Прежде онъ постарается выбрать до послѣдней копѣйки все, что ему будетъ слѣдовать на его долю по компаніи и когда уже все будетъ кончено, когда не будетъ надежды получить новыхъ барышей, тогда отомститъ. Это вѣрнѣе буллы папской. Весною лучше, потому что

можно сдать въ другія руки всѣ хлопоты за *больнымъ*. А при хорошихъ, хотя бы двухъ рекомендательныхъ письмахъ о подвигахъ больного, о его дружбѣ съ дядею Томомъ, причемъ хотя бы додать два или три факта, какъ по его рекомендаціи такой-то и такой-то уѣхали въ гости, можно быть увѣреннымъ, что въ Женевѣ и даже въ Лондонѣ его примутъ съ распростертыми объятіями; излеченіе болѣзни вѣрное и совершенно безопасное. Я самъ боленъ; исключая неизлечимой болѣзни желудка, у меня болитъ грудь; иногда бываетъ легче, а иногда болитъ очень порядочно, почему я имѣю неопреодолимое отвращеніе къ уходу за больнымъ. А въ случаѣ, чего Боже сохрани, смерти, то хлопоты похоронъ и проч. меня совсѣмъ уложатъ въ постель; поэтому-то я желаю отложить до весны. Только къ тому времени съѣзжаются туда больные и только въ то время ихъ удобно пользовать. Мнѣ писали что одинъ мой хорошій пріятель желаетъ навѣстить меня; мнѣ кажется, что пригласить его прежде въ одинъ городъ, а послѣ въ другой, не будетъ хорошо. Не лучше ли оказать къ нему полное довѣріе, пригласить прямо его сюда, показать, что̀ осталось и что̀ уничтожено и заняться пополненіемъ недостающаго. Какъ бы хорошо было, если бы онъ желалъ разгоститься постарому. Не могу вспомнить безъ внутренняго удовольствія, какъ въ былыя времена этотъ милый другъ приходилъ къ намъ попросту, какъ въ собственный домъ, шелъ прямо безъ церемоніи въ шкафъ, вытаскивалъ оттуда кусокъ мяса и съѣдалъ въ свое здравіе. Вспоминаю это время былое—вернется ли оно, какъ вы думаете? Спросите, пожалуйста, у доктора о слѣдующемъ обстоятельствѣ: здѣсь есть больной, который очень меня интересуетъ, онъ страдаетъ удушьемъ, но лечиться не хочетъ и имѣетъ отвращеніе къ лекарствамъ, хотя бы самымъ невиннымъ. Есть ли такого рода лекарство, чтобы не теряло цѣлебнаго дѣйствія, если, напр., его положить въ начинку пирога? Не потеряетъ ли оно своей силы отъ жара, когда будетъ печься въ пирогѣ вмѣстѣ съ мясомъ; или лучше класть въ жаркое, когда оно будетъ готово? Это важный вопросъ. Завтра вышлю письмо, которое прочтите вмѣстѣ съ Петр., посовѣтуйтесь и разберите всѣ обстоятельства, здѣсь описанныя, и рѣшите, какъ поступить. Вникните въ каждый предметъ, обсудите хорошенько и пишите, что̀ дѣлать. На это письмо отвѣчать не нужно».

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей—*Колосовъ* признанъ *виновнымъ* въ организаціи, въ сообществѣ съ другими лицами, поддѣлки Тамбовско-Козловскихъ акцій и въ доставленіи части ихъ въ Россію съ цѣлью ихъ сбыта; *Ярошевичъ* признанъ *виновнымъ* въ доставленіи денежныхъ средствъ для поддѣлки и вовлеченнымъ въ это преступленіе совершеннолѣтнимъ лицомъ, причемъ присяжные нашли, что онъ заслуживаетъ снисхожденія. По обвиненію въ приготовленіи къ отравленію—онъ *оправданъ*.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Вамъ предстоитъ произнести приговоръ по дѣлу весьма сложному и, во многихъ отношеніяхъ, весьма интересному. Оно интересно по свойству преступленія, по обстановкѣ, при которой оно совершено, и по личностямъ самихъ подсудимыхъ. Вамъ, господа присяжные засѣдатели, въ теченіе вашей довольно продолжительной сессіи приходилось встрѣчаться преимущественно съ подсудимыми обыкновеннаго типа. По большей части это были обвиняемые въ обы-

денныхъ преступленіяхъ,— преимущественно въ кражѣ. Бѣдность, неразвитость, отсутствіе безвредныхъ и правильныхъ развлеченій и иногда крайне печальная нравственная и бытовая обстановка,— являлись причинами, привлекавшими ихъ на скамью подсудимыхъ. Совершивъ преступленіе, нарушивъ законъ, они заслуживали, по большей части, наказанія, но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что они были поставлены судьбою въ положеніе, которое благопріятствовало совершенію преступленія. Но ничего подобнаго въ настоящемъ дѣлѣ мы не видимъ. Передъ нами другіе подсудимые. Передъ нами люди, которые, во всякомъ случаѣ, имѣютъ нѣкоторую претензію считаться лицами развитыми, которые имѣютъ средства къ существованію довольно опредѣленныя, а одинъ изъ нихъ даже сравнительно весьма большія. Эти лица могли бы совершенно иначе сложить свою жизнь, чѣмъ они ее сложили,— могли бы отдать ея такой дѣятельности, которая не привлекаетъ въ концѣ концовъ на скамью подсудимыхъ. Я думаю, что напряженное вниманіе, съ которымъ вы относились къ судебному слѣдствію, избавляетъ меня отъ необходимости указывать вамъ на многія мелочныя подробности дѣла. Поэтому я буду касаться только выдающихся его сторонъ, будучи убѣжденъ, что остальное дополнитъ ваша память и совѣсть. Вы точно такъ же не упустите изъ виду и того, что дѣло это приподнимаетъ кусочекъ завѣсы надъ дѣяніями, совершаемыми во мракѣ, и рѣдко всплывающими на свѣтъ Божій, надъ дѣйствіями, которыя совершенно напрасно старается пріурочить одинъ изъ подсудимыхъ къ цѣлямъ общаго блага и спокойствія. Вы вглядитесь въ эти дѣянія пытливымъ взоромъ и въ приговорѣ вашемъ оцѣните ихъ нравственное достоинство. Я начну съ исторіи возникновенія настоящаго дѣла. Въ концѣ ноября или началѣ декабря 1871 года полиціи дано было знать акушеромъ Василіемъ Петровичемъ Колосовымъ, что его приготовляются отравить, причемъ онъ просилъ принять противъ этого мѣры. Еще прежде того онъ являлся къ Начальнику Секретнаго Отдѣленія, генералу Колышкину и заявлялъ ему о какомъ-то обнаруженномъ имъ въ Петербургѣ политическомъ преступленіи. Онъ пришелъ къ нему взволнованный, крайне раздраженный, безсвязно говорилъ, что его хотѣли побить, что положеніе его очень непріятное, что существуетъ политическое преступленіе и проч. Чрезъ нѣсколько времени онъ заявилъ, что существуетъ уже не политическое преступленіе, но что его хотятъ отравить, какъ человѣка знающаго о другомъ общемъ преступленіи... По его указаніямъ былъ установленъ надзоръ за нѣкоторыми лицами, и дѣйствительно, въ концѣ декабря было обнаружено такое обстоятельство, которое ясно указывало на созрѣвшую мысль убійства посредствомъ отравленія. Это было письмо Никитина, которое вчера вамъ было прочитано. Въ немъ говорилось о прохладительныхъ средствахъ, о

прописаніи ижицы и т. д. Когда затѣмъ, въ январѣ 1872 года, Колосовъ и Ярошевичъ поѣхали за границу, они были задержаны въ Динабургѣ и у одного изъ нихъ найденъ ядъ. Ярошевичъ былъ привезенъ въ Петербургъ и дѣло передано судебной власти. Затѣмъ былъ произведенъ обыскъ у Никитина, причемъ найдены 253 акціи тамбовско-козловской желѣзной дороги, измятыя и перегнутыя, согласно предварительнымъ указаніямъ Колосова. Таково было первоначальное положеніе дѣла въ половинѣ января. Распредѣленіе ролей было слѣдующее: съ одной стороны явился Никитинъ, который съ ужасомъ заявлялъ, что онъ жертва какой-то интриги, ему непонятной, но, по его выраженію «адской», и объяснялъ, что акціи получены отъ Колосова, о чемъ была сдѣлана и надпись на бумагѣ, въ которую онѣ были завернуты; съ другой стороны былъ Ярошевичъ, который ни въ чемъ не сознавался и упорно ото всего отпирался, ведя свою борьбу съ замѣчательнымъ умѣніемъ и выдержкою. Наконецъ, ждалъ защиты человѣкъ, потерпѣвшій отъ преступленія, на жизнь котораго самымъ коварнымъ образомъ покушались и который былъ едва-едва спасенъ. Эта жертва преступнаго замысла — былъ Колосовъ. Въ такомъ положеніи дѣло стояло почти мѣсяцъ. Въ немъ въ сущности былъ установленъ только одинъ фактъ, что акціи *поддѣльныя*. Почему онѣ признавались поддѣльными — повторять излишне. Вы слышали здѣсь третьяго дня показаніе полковника Жеванова и видѣли, какъ самыя акціи, такъ и фотографіи съ инструментовъ и машинъ, посредствомъ которыхъ онѣ приготовлялись. Такое положеніе дѣла не могло однако продолжаться долго. Необходимъ былъ какой нибудь случай, который заставилъ бы задержанныхъ сдѣлаться болѣе откровенными и каждаго поставилъ бы на принадлежащее ему по праву и по заслугамъ мѣсто. Этотъ случай явился на помощь правосудію. Онъ выразился въ письмахъ, явившихся сразу съ трехъ сторонъ. Г. Колышкину было написано четыре письма Феликсомъ Ярошевичемъ изъ-за границы — отрывки изъ нихъ были вамъ прочтены. Въ то же время у Никитина было взято, при внезапномъ обыскѣ въ тюрьмѣ, написанное на клочкахъ бумаги письмо къ женѣ и, наконецъ, одновременно съ этимъ прокуроръ окружнаго суда получилъ письмо отъ Ольги Ивановой съ приложеніемъ письма на имя Александра Ярошевича. Въ письмахъ Феликса Ярошевича онъ сознавался, что поддѣлывалъ акціи, просилъ только снисхожденія для своего семейства и указывалъ на участіе въ этомъ дѣлѣ Колосова. Затѣмъ въ письмѣ, написанномъ Никитинымъ, которое, по нашему мнѣнію, представляетъ непрерывный стонъ отчаянія, стыда и гнѣва на сознанное безсиліе,— онъ указываетъ неоднократными намеками на то, что Колосовъ долженъ быть привлеченъ къ дѣлу, въ которое втянулъ другихъ. Но са-

мое рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ слѣдствія произвело письмо Ольги Ивановой. Въ этомъ письмѣ она упрекала Ярошевича за то, что онъ въ тайно переданной запискѣ уговаривалъ ее дать ложное показаніе. Она отказывается исполнить его просьбу, она негодуетъ, прерываетъ съ нимъ всякія сношенія и спѣшитъ подѣлиться своимъ негодованіемъ съ прокуроромъ. Когда это письмо было предъявлено Ярошевичу, онъ заявилъ, что во всемъ желаетъ сознаться. Очевидно, что оно поразило его глубоко и неотразимо. Сознаніе послѣдовало черезъ два дня послѣ этого. Онъ подробно разсказалъ обстоятельства дѣла и оговорилъ Колосова. Тогда прокурорскій надзоръ привлекъ къ дѣлу и «жертву преступленія», и Колосовъ изъ потерпѣвшаго обратился въ обвиняемаго. Такимъ образомъ роли измѣнились и явилось трое обвиняемыхъ. Изъ этихъ трехъ лицъ одно въ настоящее время находится въ предсмертномъ состояніи. Это — Никитинъ. Жизнь его, богатая треволненіями, угасаетъ и онъ скоро предстанетъ предъ другого Судію... Но двое другихъ находятся теперь предъ нами, и вамъ, господа присяжные, предстоитъ рѣшить, какую роль игралъ каждый изъ нихъ въ дѣлѣ, и преимущественно, какую игралъ Колосовъ, такъ какъ Ярошевичъ во многомъ довольно откровенно сознался. Вамъ предстоитъ рѣшить, что за личность Колосовъ: есть ли это дѣйствительно горячій патріотъ, неуклонно шедшій по пути къ славѣ, человѣкъ, который старался оградить Россію отъ опасности и защищалъ русское государство, какъ онъ выразился, «*отъ шатких*» людей,— человѣкъ чрезвычайно добрый и благотворительный, вытаскивающій на свой счетъ и страхъ изъ грязи людей и имѣющій значительныя общественныя и служебныя связи,— или это простой, обыкновенный смертный, очень желчный, весьма недобросовѣстный, который навязывался со своими услугами по соглядатайству и котораго изъ простой вѣжливости не выталкивали вонъ, неосторожно дозволяя ему думать, что онъ оказываетъ безкорыстныя услуги, подъ покровомъ которыхъ онъ обдѣлывалъ собственныя нечистыя дѣла. Обвиненіе полагаетъ, что онъ человѣкъ второго рода, а не перваго. Это я и постараюсь доказать, а вы рѣшите окончательно.

Подсудимые обвиняются въ поддѣлкѣ акцій. Поддѣлка акцій есть преступленіе весьма сложное; она не можетъ быть совершена однимъ лицомъ, для нея необходимо участіе нѣсколькихъ лицъ, необходима взаимная помощь, взаимная поддержка, провѣрка и контроль. Затѣмъ, такое преступленіе не можетъ совершиться въ узкихъ предѣлахъ одного мѣста: необходимо развозить, сбывать поддѣльныя бумаги, чтобы получить отъ нихъ барыши. Поэтому участвующія въ преступленіи лица могутъ быть раскиданы на большомъ пространствѣ, между ними въ этомъ случаѣ должно быть распредѣленіе работы по общему согласію, должна

быть переписка, должны оказаться связанные между собою слѣды ихъ дѣйствій. Наконецъ, люди, которые рѣшаются на такое преступленіе, люди опытные и знающіе жизнь; у нихъ все заранѣе бываетъ предусмотрѣно, и, главнымъ образомъ, придумано—на случай неудачи—болѣе или менѣе правдоподобное объясненіе своихъ дѣйствій; чтобы соединиться на такое преступленіе, люди не могутъ придти безъ своего рода «аттестата зрѣлости», прямо съ улицы: это не то, что украсть со взломомъ. Наконецъ, для организаціи такого союза нужно имѣть извѣстную, удобную бытовую обстановку. Если при изслѣдованіи такого преступленія мы находимъ, что бытовая обстановка обвиняемыхъ такова, что имъ было удобно его совершить; если поддѣлка несомнѣнна и мы находимъ между заподозрѣнными слѣды таинственной корреспонденціи и остатки дѣловыхъ сношеній; если объясненія участниковъ неудовлетворительны и противорѣчивы, то есть основаніе говорить, что эти люди виновны. Я полагаю, что всѣ эти данныя въ настоящемъ дѣлѣ существуютъ.

Прежде всего начну съ личностей, которыя принимали участіе въ этой поддѣлкѣ. Вы знаете, что въ 1867 году въ Петербургѣ разбиралось дѣло письмоносцевъ. Это было воровство, организованное въ широкихъ размѣрахъ, къ которому было пріобщено много лицъ, въ центрѣ коихъ стоялъ Феликсъ Ярошевичъ. Это человѣкъ бывалый; онъ, какъ вы слышали, былъ управляющимъ въ нѣсколькихъ имѣніяхъ, въ Петербургѣ устраивалъ общество земельнаго удобренія, занимался разными аферами, былъ частнымъ ходатаемъ по дѣламъ и, наконецъ, пастыремъ весьма ловкихъ воровъ и весьма плохихъ письмоносцевъ. Будучи осужденъ по дѣлу письмоносцевъ и содержась подъ стражею, онъ бѣжалъ и очутился за границей. Мы имѣемъ цѣлый рядъ его писемъ и вообще разныя указанія для характеристики его личности. Письма его, вамъ прочитанныя, указываютъ на то, что у него весьма наблюдательный, живой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тонкій умъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ—это человѣкъ холодный и черствый, потому что только такой человѣкъ способенъ хладнокровно и язвительно подшучивать надъ будущею судьбою «милаго друга» и «больного», котораго онъ собирается отправить на тотъ свѣтъ «прописавъ ему ижицу»; только такой человѣкъ можетъ сознательно и систематически втянуть двоихъ юношей, своихъ сыновей, въ опасное и преступное дѣло. Очутившись въ Константинополѣ послѣ бѣгства, безъ знакомыхъ и безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію, онъ не упалъ духомъ; изъ писемъ его видно, что уже тамъ онъ начинаетъ различныя предпріятія и уже тогда задумываетъ онъ что-то, тщательно маскируя свои замыслы. Онъ пишетъ въ первомъ письмѣ изъ-за границы, что очень желаетъ служить Россіи, хотя такая услуга ему кажется мечтою. «Какъ могу

я, восклицаетъ онъ, оказать услугу такому громадному, могущественному государству!?» Вы знаете, гг. присяжные засѣдатели, *во что* выродилось это желаніе оказать услугу нашему «громадному и могущественному» отечеству. Вообще Феликсъ не разборчивъ на средства. Узнавъ, что Олесь, сынъ его, арестованъ, онъ предлагаетъ взамѣнъ его помилованія устроить переплетную и типографію для своихъ соотечественниковъ поляковъ-эмигрантовъ и ручается, что будетъ ихъ выслѣживать съ знаніемъ дѣла до тонкости и, пользуясь своимъ положеніемъ, выдавать ихъ тайны, ихъ замыслы, а при случаѣ—и ихъ самихъ. Онъ никогда не сидитъ сложа руки и постоянно занимается за границею составленіемъ проектовъ особаго устройства пушекъ, колодцевъ и разныхъ горнозаводскихъ машинъ. Все это указываетъ на человѣка энергическаго, духомъ не падающаго, дѣятельнаго. Таковъ отецъ подсудимаго Ярошевича. Этотъ человѣкъ оставилъ въ Петербургѣ семейство, состоящее изъ малолѣтняго въ то время сына Болеслава, сына Александра, дочери и жены. Онъ оставилъ имъ небольшое состояніе. Это не подлежитъ сомнѣнію и, помимо сознанія А. Ярошевича, доказывается и тѣмъ, что ни въ одномъ изъ писемъ Феликса нѣтъ указанія на то, чтобы онъ безпокоился о томъ, чѣмъ существуетъ его семья, нѣтъ указанія на то, чтобы онъ горевалъ, что оставилъ семью безъ куска хлѣба, нѣтъ вопроса — чѣмъ живетъ покинутое семейство? Онъ стоялъ въ центрѣ весьма большого, правильно организованнаго предпріятія письмоносцевъ. Плоды этого преступленія, вмѣстѣ съ остатками прежнихъ средствъ, и составили капиталъ семьи Ярошевичей. Средства эти расходовались чрезвычайно осторожно и скупо. Конечно, иначе было нельзя поступать, такъ какъ главный ихъ пріобрѣтатель, кормилецъ семьи, былъ за границей; онъ первое время ничего не заработывалъ, а еще самого его необходимо было содержать. Вотъ чѣмъ объясняется та скудная обстановка, въ которой, повидимому, жило семейство Ярошевича. Александръ Ярошевичъ познакомился съ Колосовымъ въ то время, когда, послѣ бѣгства отца за границу, семья осталась хоть со средствами, но не столь большими, чтобы не имѣть прямого разсчета не платить по векселямъ отца, чтобы не желать выйти безъ убытка изъ разныхъ исковыхъ непріятностей. Жена Ярошевича, не знающая порусски, часто бывала въ затруднительномъ положеніи и подростающія дѣти оставались безъ руководителя. Очевидно, семья нуждалась въ другѣ, въ руководителѣ, въ мужчинѣ, и онъ дѣйствительно явился въ лицѣ Василія Петровича Колосова. Мы знаемъ нѣчто изъ прошлой жизни этого человѣка.

Онъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, былъ уѣзднымъ врачомъ въ Валдаѣ, потомъ въ Крестцахъ. Врачомъ онъ былъ недолго, такъ какъ на него пало обвиненіе въ подлогѣ и

онъ былъ приговоренъ уголовною палатаю и просидѣлъ четыре года въ крестецкомъ острогѣ, до разсмотрѣнія дѣла Сенатомъ, который оставилъ его «въ подозрѣніи». Онъ, вѣроятно, не ладилъ со своими сослуживцами, потому что обвинялся еще и въ составленіи ложнаго доноса на валдайскаго исправника, котораго онъ называлъ дѣлателемъ фальшивыхъ ассигнацій. Вырвавшись изъ Крестцовъ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ начинаетъ понемногу заниматься акушерствомъ и знакомится съ семействомъ Ярошевичей, скоро дѣлается другомъ ихъ дома, вытягиваетъ ихъ *изъ грязи*... Въ чемъ однако состояло это вытаскиванье, Колосовъ не объяснилъ намъ. Повидимому, оно заключалось въ томъ, что онъ пріобщилъ къ своимъ средствамъ капиталъ Ярошевичей и явился руководителемъ Олеся въ его первыхъ шагахъ на житейскомъ поприщѣ. Онъ сдѣлался другомъ Олеся въ его первые юношескіе и даже отроческіе годы, когда всѣ впечатлѣнія особенно живы и остаются навсегда въ душѣ. Мы знаемъ, *какъ* Колосовъ воспользовался своимъ авторитетнымъ положеніемъ и какое развитіе далъ своему питомцу. Мы здѣсь слышали весьма характеристическое заявленіе самого Олеся о томъ, что впервые онъ былъ «*представленъ*» въ публичный домъ Колосовымъ и что онъ же пріурочилъ его къ занятіямъ по пенсіоннымъ книжкамъ и по кассѣ ссудъ, а какое это было занятіе — понятно. — Достаточно лишь указать на то, что, по показанію Колышкина, Секретному Отдѣленію спеціально было поручено слѣдить за лицами, выдававшими ссуды подъ пенсіонныя книжки, такъ что по этому поводу былъ привлекаемъ къ спросу и Ярошевичъ. Очевидно, что такое занятіе — занятіе не чистое, а темное и по своимъ пріемамъ предосудительное. Когда операція по ссудамъ подъ пенсіонныя книжки оказалась слишкомъ мало доходною, была устроена гласная касса ссудъ. Это было въ 1868 году. Вы помните, гг. присяжные засѣдатели, то время, когда у насъ въ Петербургѣ особенно много расплодилось подобныхъ гласныхъ и негласныхъ кассъ. Почти на всѣхъ главныхъ улицахъ, на углахъ большихъ домовъ, какъ хищныя птицы, усѣлись вывѣски «гласная касса ссудъ». Какъ мягко дѣйствовали подсудимые въ своей гласной кассѣ ссудъ,—какъ брали они впередъ по 10 проц. въ мѣсяцъ съ процентами на проценты, — мы знаемъ изъ показанія Ярошевича. Правда, Колосовъ утверждаетъ, что это была не ростовщическая контора, а напротивъ, благотворительное учрежденіе, нѣчто въ родѣ парижскаго Mont de Piété, которымъ онъ хотѣлъ благодѣтельствовать бѣдному люду. Но такъ красиво и громко только ему угодно называть свое учрежденіе, а въ дѣлѣ есть печатныя объявленія объ открытіи самой обыкновенной «гласной кассы ссудъ», съ капиталомъ въ 5,000 руб. Насколько въ дѣйствительности благодѣтельствовалъ Колосовъ окружающему его бѣдному

люду, можно себѣ представить. Извѣстны и его любовь къ человѣчеству, и его щедрость. Не даромъ же онъ былъ обвиненъ въ Новгородѣ въ неподаніи медицинской помощи задавленному ребенку. И конечно, явное указаніе на его щедрость содержится въ томъ, что онъ записываетъ въ дневникъ «на память» о всякомъ не съѣденномъ любимою дѣвушкою кускѣ, прибавляя: «а деньги заплачены» и подбираетъ сослужившій и разорванный купонъ, сравнивая разорвавшую его—съ содержанкою. Въ благотворительныхъ учрежденіяхъ Колосова прошли первые годы юности Ярошевича. Здѣсь онъ привыкъ видѣть бѣдность лицомъ къ лицу и привыкъ сочувствовать этой бѣдности посредствомъ выдачи ссудъ за большіе проценты. Затѣмъ, послѣ ряда операцій по гласной кассѣ ссудъ, совершилась первая поѣздка Ярошевича, вмѣстѣ съ Колосовымъ, за границу. Они отправились 2 мая 1869 года и путешествіе ихъ продолжалось мѣсяцъ, причемъ они пробыли въ Брюсселѣ, по показанію Ярошевича, 20, а по показанію Колосова—15 дней. Колосовъ говорилъ, что онъ ѣздилъ изучать Mont de Piété; до этого онъ заявлялъ, что поѣхалъ изучать тюрьмы и, наконецъ, теперь онъ объясняетъ, что ѣздилъ вообще поразвлечься. Я полагаю, что ни одно изъ этихъ объясненій неудовлетворительно. Первое потому, что такія учрежденія существуютъ и въ Россіи, и его собственное Mont de Piété уже дѣйствовало болѣе года съ успѣхомъ, достигая благотворительныхъ для своего учредителя результатовъ. Что касается до посѣщенія тюремъ, то я думаю, что человѣкъ, который просидѣлъ въ тюрьмѣ 4 года, едва ли возъимѣетъ охоту посѣщать другія тюрьмы, особенно такія, въ которыхъ ему, вѣроятно, сидѣть не придется. Наконецъ, относительно «вообще развлеченія» вы знаете, что Колосовъ выѣзжалъ за границу первый разъ, а извѣстно, какъ большинство русскихъ людей ѣздитъ за границу *развлекаться:* ихъ путь лежитъ прежде всего на Парижъ. Между тѣмъ, Колосовъ отправляется прежде всего въ Брюссель, который въ сторонѣ отъ прямой линіи желѣзной дороги на Парижъ, и живетъ въ этомъ городѣ, въ этой блѣдной и скучной копіи Парижа, — двѣ, три недѣли. Ярошевичъ говоритъ, что Колосовъ хотѣлъ видѣться въ Брюсселѣ съ его отцомъ и что въ то время между ними завязались первые переговоры о будущемъ «дѣлѣ». Хотя Колосовъ отрицаетъ всякое знакомство съ Ф. Ярошевичемъ, но мы знаемъ, что они были знакомы, да и можно ли предположить, чтобы, при близости Олеся къ Колосову, послѣдній хоть разъ не зашелъ къ отцу своего друга, — чтобы онъ не видался и не бесѣдовалъ съ этимъ хитрымъ и предпріимчивымъ старикомъ. Съ пребыванія ихъ въ Брюсселѣ начинаются первыя указанія на предпріятіе поддѣлки акцій. Въ этомъ отношеніи у насъ предъ глазами оговоръ А. Ярошевича и документы, которые были прочитаны. Но оговору подсудимыхъ вѣрить, гг. при-

сяжные засѣдатели, не всегда слѣдуетъ, потому что это оружіе обоюдо-острое,—и притомъ, оговоръ очень часто является подъ вліяніемъ различныхъ соображеній, совершенно чуждыхъ истинѣ и дѣлу правосудія. Въ виду этого, и къ настоящему оговору слѣдуетъ относиться очень осторожно. Но когда, кромѣ такого оговора, *вина его*, существуетъ рядъ обстоятельствъ, его подтверждающихъ, тогда можно повѣрить и ему. Кромѣ оговора, у насъ есть письма участниковъ дѣла, откровенныя, искреннія во всемъ, что касается поддѣлки, такъ какъ они не предназначались для посторонняго взора, и въ концѣ одного изъ нихъ есть даже внушительная приписка, что «каминъ есть лучшее хранилище писемъ». Это письма Никитина къ Феликсу Ярошевичу и наоборотъ. Въ одномъ изъ писемъ Ф. Ярошевича, присланномъ уже послѣ арестованія Никитина, между прочимъ, есть такія выраженія: «Вы думаете, что Колосовъ не станетъ мстить. Нѣтъ, онъ не таковскій; онъ станетъ мстить, но сначала выберетъ изъ предпріятія все то, что ему слѣдуетъ на его долю, а затѣмъ отомститъ. Онъ не настолько глупъ, чтобы этого не сдѣлать и притомъ онъ золъ». Въ одномъ изъ писемъ Никитина говорится: «вы скажите д-ру (Колосову), что, при первомъ извѣстіи о ссорѣ, вы, боясь, что нагрянетъ *дядя Томъ*, тотчасъ же уничтожили «товаръ». Но это, молъ, ничего. Вы, молъ, ступайте въ Парижъ, погуляйте тамъ въ Мабиляхъ и пр., а черезъ двѣ недѣли будетъ все готово. Главное,—что слухи о ссорѣ васъ напугали и товаръ потому былъ уничтоженъ. Покажите ему полное довѣріе». Изъ этого письма ясно, что и Никитинъ, и Ф. Ярошевичъ нисколько не сомнѣвались, что Колосовъ зналъ о *товарѣ* и что судьба товара его интересовала. Иначе какое основаніе было бы Ярошевичу утверждать Колосову, что, при первомъ извѣстіи о ссорѣ съ нимъ сына, онъ уничтожилъ акціи. Если Колосовъ былъ чуждъ дѣлу акцій, то какія опасныя послѣдствія могла влечь для Феликса ссора сына съ Колосовымъ? Ну, поссорились, поругались, даже подрались,—что же изъ этого? Непріятный скандалъ—и только. Гдѣ же роковая опасность? Разсмотримъ объясненія самого Колосова о томъ, какимъ образомъ онъ узналъ о поддѣлкѣ акцій. Колосовъ говоритъ, что когда онъ поссорился съ Никитинымъ и Олесемъ и они, обругавъ его, чуть не побили и, на приглашеніе выкушать чайку, удалились съ бранью, тогда онъ пошелъ къ Никитину, чтобы разъяснить обстоятельства этой ссоры. Тутъ, по словамъ Колосова, Никитинъ объяснилъ ему, что его наговоръ на Ярошевича ставитъ его въ опасное положеніе, что полиція можетъ слѣдить за нимъ, репутація его, Ярошевича, испортится и тогда откроется ихъ предпріятіе. Какое? Поддѣлка акцій. Поэтому Никитинъ, только что собиравшійся бить Колосова, предложилъ ему посмотрѣть эти акціи и просилъ не оставить ихъ своимъ покро-

вительствомъ въ этомъ дѣлѣ, обѣщая за это 100,000 руб. Разберите это объясненіе и вы увидите, что оно сшито бѣлыми нитками и не заслуживаетъ никакого уваженія. Во-первыхъ, кто сообщилъ объ этихъ акціяхъ? Никитинъ. Но наговоры Колосова касались только Олеся. При чемъ же тутъ былъ Никитинъ и зачѣмъ ему было сознаваться вдругъ, неожиданно, съ первыхъ словъ? Вѣдь Никитинъ былъ человѣкъ, стоявшій внѣ всякихъ подозрѣній, человѣкъ привилегированный по своему ученому положенію и застрахованный своимъ званіемъ ученаго библіотекаря ученаго учрежденія отъ наговоровъ Колосова. Никитинъ, говоритъ Колосовъ, боялся его какъ агента тайной полиціи, но зачѣмъ же онъ, въ такомъ случаѣ, бросается на него, на опаснаго агента,—съ палкой? Зачѣмъ онъ этому агенту, у котораго, быть можетъ, уже зрѣетъ доносъ на Никитина, вдругъ, забывъ всякую осторожность, раскрываетъ душу и кошелекъ, показывая на днѣ его 100,000? Зачѣмъ онъ, боясь указаній на неблагонадежность Ярошевича, самоотверженно даетъ богатый и обильный матеріалъ для доноса самого опредѣленнаго, и притомъ — для доноса на себя? Гдѣ тутъ смыслъ, гдѣ логика, гдѣ естественное чувство самосохраненія? Вотъ лучшее доказательство неправдоподобности объясненій Колосова.

Первый вопросъ, который возникаетъ относительно участія Колосова въ дѣлѣ поддѣлки акцій—могъ ли онъ имѣть побужденіе участвовать въ немъ, было ли такое опасное предпріятіе ему удобно и заманчиво? Мы знаемъ, что онъ человѣкъ безъ всякой служебной карьеры; крестецкій острогъ и ложный доносъ на валдайскаго исправника многое ему испортили въ этомъ отношеніи. Ему нужно поправиться. Но поправиться на служебномъ поприщѣ едва ли можно, да если бы и занять какое нибудь мѣсто, то при всякомъ неудовольствіи начальника—его новгородское прошлое ложилось бы тяжкою гирею на чашу вѣсовъ служебнаго довѣрія и благоволенія. Что же дѣлать? Поправиться въ другомъ отношеніи, сдѣлаться капиталистомъ, крупнымъ биржевымъ дѣятелемъ, занять въ этомъ отношеніи видное мѣсто въ обществѣ, гдѣ, по мнѣнію Колосова, «всѣ воруютъ» — тѣмъ болѣе, что, по его взгляду, богатство, само по себѣ, какъ бы оно ни произошло на свѣтъ, должно внушать уваженіе къ человѣку. Итакъ, надо увеличить свои средства и обратить ихъ изъ «средствъ» въ «капиталъ». Притомъ извѣстно, какими операціями онъ занимался въ послѣднее время: ростовщическими ссудами, игрою на биржѣ и т. д. Это такая дѣятельность, которая не можетъ не развивать алчности къ деньгамъ и постоянно возрастающаго желанія пріобрѣсти ихъ побольше. Но игра на биржѣ бываетъ рискована, а операціи съ ссудами слишкомъ мелки; ужъ если рисковать, такъ на пріобрѣтеніе средствъ въ широкихъ размѣрахъ и сразу. Ко-

нечно, такое пріобрѣтеніе могъ бы дать обширный спускъ по номинальной или биржевой цѣнѣ дешево стоющихъ въ поддѣлкѣ бумагъ. Надо только найти подходящихъ людей. Въ этомъ отношеніи интересно посмотрѣть, кѣмъ былъ окруженъ Колосовъ за границею. Около него находится Олесь, юноша рѣшительный, но еще живущій чужимъ опытомъ, безконечно преданный, вѣрующій въ Колосова, «*какъ въ Бога*», и находящійся въ полномъ его распоряженіи. Потомъ существуетъ за границей такой человѣкъ, который предпріимчивъ, дѣятеленъ, энергиченъ, но тоскуетъ безъ работы, находится совсѣмъ безъ практическаго, приносящаго видимые плоды, дѣла, это — Феликсъ. Такая личная обстановка чрезвычайно удобна для поддѣлки фальшивыхъ бумагъ. Можно воспользоваться этими лицами, ихъ двусмысленнымъ положеніемъ и родственною связью: одного можно сдѣлать руководителемъ заграничной фабрики, а другого лицомъ посредствующимъ между фабрикою и Россіею. Оба они въ рукахъ: старикъ у него въ подчиненіи потому, что Колосовъ даетъ ему работу, что семья далеко и судьба ея всегда въ рукахъ Колосова; юноша еще въ бо́льшемъ подчиненіи: онъ молодъ и довѣрчивъ, любитъ Колосова, воспитался въ его школѣ и вѣритъ въ него, какъ въ Бога. Притомъ, Колосовъ именуетъ себя агентомъ тайной полиціи и этимъ всегда можетъ пугать своихъ помощниковъ, да и все ихъ состояніе довѣрчиво отдано въ его руки, помѣщено въ его операціи. Подобныя соображенія, которыя вытекаютъ изъ ихъ взаимной житейской обстановки, могли навести Колосова на мысль заняться поддѣлкою акцій. Феликсъ Ярошевичъ будетъ дѣйствовать въ Брюсселѣ — работать, Олесь будетъ провозить, будетъ рисковать, а Колосовъ будетъ направлять ихъ дѣятельность и получать хорошій барышъ. Поэтому мнѣ думается, что обстановка этихъ лицъ, письма Ярошевича и Никитина, неправдоподобность объясненій самого Колосова о томъ, какимъ образомъ сознались ему эти лица — все это указываетъ на то, что оговоръ А. Ярошевича имѣетъ въ себѣ много правдоподобнаго. Если мы провѣримъ показаніе Ярошевича и дѣйствія Колосова по документамъ, то найдемъ, кромѣ того, что оговоръ подтверждается цѣлымъ рядомъ письменныхъ данныхъ, которыя идутъ параллельно съ дѣйствіями Колосова.

Зачѣмъ же въ дѣйствительности Колосовъ ѣздилъ въ Брюссель? Эта поѣздка, по моему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что онъ хотя и былъ нѣсколько знакомъ съ Феликсомъ, но, въ виду предположеннаго дѣла, ему, конечно, нужно было изучить поближе, что это за личность, присмотрѣться къ нему, убѣдиться, можно ли ему довѣрить сложное дѣло и способенъ ли онъ во всѣхъ отношеніяхъ выполнить задуманное предпріятіе. Вотъ почему Колосовъ такъ долго оставался въ Брюсселѣ. Когда Колосовъ и Ярошевичъ вернулись въ іюнѣ

въ Петербургъ, у нихъ еще существовали операціи съ кассою ссудъ. По пріѣздѣ они принимаютъ мѣры, чтобы ликвидировать это дѣло, которое и было окончательно прекращено въ 1870 году. Нужно было развязать себѣ руки для будущаго и осмотрѣться вокругъ. Мы знаемъ, что въ это время они ѣздили къ г. Дедѣвкину, маленькому помѣщику Новгородской губ., который вчера не могъ намъ удовлетворительно объяснить, зачѣмъ именно являлись къ нему эти «петербургскіе» господа. Въ первый разъ они пріѣзжали, будто бы, потому, что услыхали о смерти г. Дедѣвкина, а во второй разъ явились безъ всякаго повода, «по пути» проѣздомъ изъ г. Москвы — въ Крестцы, хотя Крестцы на сотню верстъ отстоятъ отъ прямой дороги въ Петербургъ. Но извѣстно, что они въ это время въ Москвѣ вовсе не были. Г-нъ Дедѣвкинъ не могъ даже запомнить, въ какое время дня они были, ночевали ли, кормили ли лошадей и т. д. Очевидно, что для самого г. Дедѣвкина это посѣщеніе представляется загадочнымъ и страннымъ. Ярошевичъ объяснилъ намъ, что въ имѣніи Дедѣвкина они разсчитывали хранить акціи. Присмотрѣвшись вчера, на допросѣ, къ хозяину имѣнія, я полагаю, что Колосовъ весьма основательно нашелъ, что такое храненіе едва ли будетъ удобно:— не такого склада нуженъ для этого человѣкъ. Тогда-то явилась необходимость найти другое лицо, на умъ и ловкость котораго можно разсчитывать и которому можно, съ облегченною душою, передать бремя храненія акцій. Тогда-то на горизонтѣ дѣла сталъ обрисовываться образъ сдержаннаго и умнаго Никитина. Одновременно съ этимъ приготовлялась вторая поѣздка Ярошевича за границу. Она состоялась 3-го іюля 1870 года, а 18-го мая мы встрѣчаемся съ первымъ документомъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ обвиненію. Именно 18-го мая, чрезъ международный банкъ и контору Брюгмана сдѣланъ переводъ на имя Феликса Сивича (Ярошевича) 500 рублей. Этому переводу соотвѣтствуетъ подъ 18 мая въ книжкѣ чековъ Колосова, чекъ съ оторванною нижнею частью на 500 рублей. Олесь объясняетъ, что эти деньги были отправлены отцу по его требованію, на первоначальное обзаведеніе. Это правдоподобнѣе словъ Колосова, что деньги даны Олесю изъ его собственныхъ средствъ. Деньги посланы Феликсу въ Брюссель. Еслибы это были деньги Олеся, то зачѣмъ ему препровождать ихъ, возясь съ конторами, когда онъ самъ чрезъ нѣсколько дней ѣдетъ за границу къ отцу? Поэтому чекъ въ 500 р. и выдача этой суммы Брюгманомъ Сивичу связываютъ Колосова съ Феликсомъ довольно прочно. Олесь вернулся въ началѣ іюля, а подъ 21 іюля въ книжкѣ чековъ Колосова значится 2,146 р. Ананьеву и въ дѣлѣ есть счетъ Ананьева Колосову, что онъ продалъ ему 21 іюля 300 двадцати-франковыхъ золотыхъ монетъ за 2,146 р. Въ тотъ же день почтамтъ отправилъ Сивичу 300 та-

кихъ монетъ. Въ книжкѣ Ярошевича записано: «отцу на открытіе 6,000 франковъ — всего 2,146 руб. — слѣдуетъ получить съ Колосова половину — 1,073 руб.» и потомъ замѣчено: «24 ноября получено». Соотвѣтственно этому, по книгѣ чековъ Колосова №№ 29 и 30 отъ 24 ноября, на сумму 1,350 руб., выданы чеки «на покупки». Очевидно, что золото было куплено Колосовымъ на средства Ярошевича, бывшія на текущемъ счету Колосова, и при окончательномъ разсчетѣ онъ внесъ за эту «покупку» причитающуюся половину, вмѣстѣ съ другими мелочными выдачами, слѣдовавшими по разсчету Ярошевичу къ 24 ноября. Такимъ образомъ, Феликсъ Сивичъ получилъ отъ сына и отъ Колосова сообща 6,000 франковъ въ концѣ іюля 1870 года. Олесь говоритъ, что отецъ его требовалъ эти деньги на открытіе типографіи. Единственное объясненіе, которое можетъ дать Колосовъ, это то, что онъ покупалъ эти деньги по порученію Олеся. Онъ старается постоянно выставить Олеся какъ своего приказчика, какъ человѣка, находящагося у него въ услуженіи. Въ письмѣ къ матери его онъ говоритъ: «вашъ сынъ позволилъ себѣ не явиться, когда я приказалъ, и осмѣливается говорить со мною неуважительно». Могъ ли, однако, такой подчиненный, «вытащенный изъ грязи», поручать Колосову исполнять для себя то или другое, ходить по мѣняльнымъ лавкамъ и т. п.? Это съ точки зрѣнія самого Колосова — немыслимо. Слѣдовательно, деньги были куплены Колосовымъ потому, что въ отсылкѣ ихъ онъ самъ дѣятельно и сознательно участвовалъ. Эта посылка денегъ Феликсу соотвѣтствуетъ, по словамъ Олеся, началію дѣйствій типографіи. Дѣйствительно, изъ бельгійскаго производства мы знаемъ, что типографія открылась въ сентябрѣ 1870 года, а 19 ноября того же года мы имѣемъ опять чекъ Колосова въ 1,000 руб. съ отмѣткою въ книгѣ текущаго счета «19 ноября, 1,000 руб. F.». Въ тотъ же день Сивичу отъ Ярошевича, чрезъ банкира Брюгмана, переведено 1,000 р. Колосовъ говоритъ, что не помнитъ, кто этотъ F., но потомъ онъ указываетъ на какого-то Фелинскаго, часто бывавшаго у Скотницкой, прабабки Олеся. Но Коссильда Ярошевичъ и Стронская никогда не слыхали ни о какомъ Фелинскомъ, да притомъ Скотницкая умерла въ 1869 году, а чекъ выданъ въ концѣ 1870 г., старика же Ярошевича зовутъ, какъ намъ извѣстно, Феликсъ. Я считаю этого Фелинскаго личностью вымышленною, такъ же какъ вымышлено Колосовымъ дѣятельное и энергическое участіе въ банковыхъ операціяхъ не знающей порусски Коссильды и неграмотной «ясновидящей» Стронской, глубокую неразвитость которой вы, господа присяжные, конечно, уже оцѣнили, посмотрѣвъ на нее здѣсь, на судѣ.

Такимъ образомъ, послѣ второй поѣздки Олеся за границу въ іюнѣ 1870 года, между Колосовымъ и Феликсомъ существовали не-

сомнѣнныя денежныя сношенія, совпадавшія съ открытіемъ типографіи. Зачѣмъ же была предпринята эта поѣздка? Я объясняю ее себѣ тѣмъ, что Феликсу для работъ нуженъ былъ вѣрный и близкій помощникъ. Такимъ явился младшій братъ Олеся, Болеславъ, работавшій потомъ у отца и осужденный вмѣстѣ съ нимъ бельгійскими присяжными. Но нужны были отцу и образцы для работъ. Въ это время, весною 1870 года, временныя свидѣтельства тамбовско-козловской желѣзной дороги были замѣнены акціями. Посылать такую акцію по почтѣ неудобно и подозрительно. Вотъ зачѣмъ нужно было поѣхать Олесю за границу, увозя съ собою и брата Болеслава и подлинную акцію тамбовско-козловской дороги, которая такъ хорошо была потомъ воспроизведена его братомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ полученія 6,000 франковъ и открытія типографіи, дѣятельность Феликса и Болеслава увеличилась; оба они, отецъ и сынъ, были поглощены работой. Тогда-то явилась необходимость, чтобы кто нибудь близкій завѣдывалъ ихъ домомъ и хозяйствомъ, давая имъ возможность всецѣло отдаваться работѣ. Феликсъ потребовалъ помощницу, которая и явилась къ нему въ лицѣ Кошанской, которая давно была близка съ семействомъ Ярошевичей, будучи притомъ ихъ дальнею родственницей. Она отправилась въ декабрѣ 1870 г. за границу, зная куда и по какой причинѣ ее вызываютъ. Приговоръ брюссельскаго суда, осудившій и Кошанскую, указываетъ на это. На чей счетъ поѣхала Кошанская? Въ записной книжкѣ Олеся есть подробный счетъ этой поѣздки, которая стоила 200 франк. или 91 талеръ. Подъ этимъ разсчетомъ содержится указаніе, что расходъ произведенъ на общій счетъ съ Колосовымъ. Если можно, хотя и безуспѣшно, пытаться объяснить, что Колосовъ посылалъ деньги за границу Ф. Ярошевичу по просьбѣ сына, то какъ объяснить, что онъ послалъ на свой счетъ Кошанскую? Ему не было никакого дѣла, по его словамъ, до Ф. Ярошевича и онъ даже не зналъ его. А въ то же время онъ участвуетъ въ общихъ расходахъ на такой важный предметъ, какъ отправка хозяйки для человѣка, который, должно быть, всецѣло преданъ серьезной работѣ и которому поэтому нужно имѣть около себя вѣрнаго и преданнаго человѣка и быть свободнымъ отъ мелочныхъ заботъ своего житья-бытья. Потомъ, въ началѣ 1871 г., состоялась вторая поѣздка А. Ярошевича *вмѣстѣ съ Колосовымъ* за границу. Эта поѣздка, очевидно, находится въ связи съ ролью, которую начало играть въ этомъ дѣлѣ семейство Никитина. Колосовъ призналъ неудобнымъ имѣть складъ въ имѣніи Дедѣвкина; значитъ нужно было найти другое лицо въ качествѣ хранителя. Конечно, нужно было искать его въ близко окружающихъ семью Ярошевича и Колосова людяхъ. Кто же былъ одинаково близокъ и къ нему, и къ Ярошевичамъ, съ кѣмъ онъ чаще могъ встрѣчаться, кто могъ принимать къ сердцу ихъ общіе,

неразрывные интересы? Колосовъ сталъ приглядываться къ Никитину. Но прежде, чѣмъ принять его въ участники, нужно узнать поближе и поглубже, что̀ онъ за человѣкъ. Для этого необходимо потѣснѣе познакомиться съ кѣмъ нибудь изъ самыхъ близкихъ къ нему людей. И вотъ является приглашеніе г-жѣ Никитиной ѣхать за границу, а такъ какъ ей одной ѣхать не ловко, то приглашается сопутствовать ей Ольга Иванова. Едва ли нужно припоминать изъ судебнаго слѣдствія тѣ данныя, которыя указываютъ, что Никитина ѣхала на счетъ Колосова, а за Ольгу Иванову онъ взыскалъ потомъ съ отуманеннаго любовью Олеся 750 руб. Онъ самъ этого прямо не отрицаетъ. Относительно цѣли этой поѣздки Колосовъ, по своему обыкновенію, даетъ нѣсколько различныхъ объясненій. Цѣль ея была поправленіе здоровья, прогулка съ «развлеченіемъ» и, наконецъ, исполненіе поученія «прослѣдить русскую эмиграцію». Относительно поправленія здоровья надо замѣтить, что трехмѣсячнымъ скаканьемъ изъ города въ городъ по желѣзнымъ дорогамъ здоровья не поправляютъ, а скорѣе разстраиваютъ. Относительно развлеченій, какъ мы слышали здѣсь, главнѣйшія воспоминанія Колосова сводятся къ расходамъ на обѣды въ «скверненькомъ трактирчикѣ» и т. п. Очевидно, что главную роль въ его объясненіяхъ играетъ порученіе «прослѣдить эмиграцію». Колосовъ старался и до сихъ поръ старается придать себѣ характеръ лица, которому была поручена важная политическая миссія. Когда ему задавались вопросы о томъ, самъ ли онъ предложилъ свои услуги или его просили, онъ отвѣчалъ уклончиво и неопредѣленно, говоря: «Я пришелъ, объявилъ, что ѣду за границу, мнѣ поручили и т. д.». Господа присяжные, вы уже достаточно знакомы съ личностью Колосова и она, вѣроятно, награвировалась въ вашей памяти навсегда. Я не буду подробно очерчивать ее предъ вами; вы уже третій день, шагъ за шагомъ, изучаете этого человѣка и вы вѣроятно согласитесь со мною, что онъ обладаетъ большою практическою опытностью и нѣкоторымъ житейскимъ тактомъ, что въ немъ есть способность дѣйствовать по опредѣленной системѣ, есть и находчивость.Но, господа, ловкость и смѣтливость еще не дѣлаютъ человѣка умѣлымъ и умнымъ; мелкая хитрость и обыденный опытъ составляютъ, по словамъ поэта, «умъ глупцовъ». Въ Колосовѣ нѣтъ того необходимаго умственнаго развитія, только обладая которымъ и можно бы состязаться съ лицами, дѣятельность которыхъ онъ хотѣлъ прослѣдить и разоблачить. Вы слышали его отчетъ о томъ, какъ онъ смотритъ на русскихъ политическихъ дѣятелей за границею. Онъ раздѣляетъ ихъ на двѣ категоріи: на людей неблагонадежныхъ или, какъ онъ любитъ выражаться, «*шаткихъ*», и на *мошенниковъ*. Все, что совершаютъ первые — суть *политическія* преступленія, а что совершаютъ вторые — «*соціальныя*». Я полагаю, что такая характеристика нашей эмиграціи и

вообще заграничныхъ революціонеровъ слишкомъ поверхностна. Среди нихъ, безъ сомнѣнія, есть люди, обладающіе, несмотря на свои крайніе взгляды, умомъ и развитіемъ, и умѣющіе вліять на окружающихъ. Вспомните, кого онъ хотѣлъ, между прочимъ, «изслѣдовать»? Маркса. Вѣроятно, нѣкоторымъ изъ васъ извѣстно, что Марксъ есть одинъ изъ главныхъ руководителей, одинъ изъ самыхъ видныхъ вождей международнаго революціоннаго союза, извѣстнаго подъ именемъ «интернаціонали», что онъ стоитъ во главѣ людей, которые стремятся къ тому, чтобы радикально и самыми крайними средствами пересоздать не только государственный, но и общественный бытъ. Человѣкъ, который умѣлъ поставить себя во главѣ такого союза — очевидно человѣкъ умѣющій распознавать людей и, играя мыслями и страстями, вліять на другихъ, человѣкъ образованный, съ огромною волею и энергіею, который не даромъ занимаетъ властительное положеніе въ средѣ «*шатких*ъ» людей. Этого-то человѣка отправился прослѣживать... Колосовъ! Какія средства у него были для этого? Былъ ли онъ знакомъ съ сочиненіями Маркса, съ его книгою о капиталѣ? зналъ ли языки? Нѣтъ. Скажутъ: у него были дамы. Но онѣ знали только, и то, вѣроятно, съ грѣхомъ по поламъ, на институтскій ладъ, французскій языкъ. Вообще знакомъ ли онъ съ современнымъ положеніемъ революціонной пропаганды? Нѣтъ. Онъ даже не умѣетъ отличить мошенниковъ отъ политическихъ агитаторовъ, а преступленія противъ чужой собственности считаетъ «соціальными». Его умѣнье обходиться съ людьми? Но мы слышали отъ свидѣтелей, что это его умѣнье состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, что, при малѣйшемъ проявленіи самостоятельности, онъ грозилъ, безъ всякаго на то права, «петропавловскою крѣпостью». Но такая угроза примѣнима къ женщинамъ, въ родѣ его спутницъ, да къ не знающимъ жизни отрокамъ, и всего менѣе могла дѣйствовать на лицъ, живущихъ въ государствахъ, не выдающихъ политическихъ преступниковъ. Во всемъ его путешествіи мы не встрѣчаемъ, по части знакомства съ политическими агитаторами, ничего, кромѣ кое-какихъ ссылокъ на Серебряникова и болѣе или менѣе продолжительнаго знакомства съ *знаменитымъ* Шевелевымъ, котораго онъ самъ считаетъ болѣе *соціальнымъ*, чѣмъ *политическимъ* преступникомъ. И въ Петербургъ-то онъ возвращался, везя, по его словамъ, въ портфелѣ «коммуну, которая хуже парижской» и «планъ бѣгства изъ Сибири» — два документа, весьма сомнительнаго, даже по своему названію, происхожденія. По всему этому я полагаю, что поддѣлыватель акцій напрасно присвоиваетъ себѣ какое либо политическое порученіе. Оно ему не по плечу. Я не думаю, чтобы такого человѣка, какъ Колосовъ, могло отправить какое либо вѣдомство за границу съ какимъ либо порученіемъ уже по тому одному, что всякій неумѣлый и не по разуму усердный агентъ своими про-

махами усиливаетъ враждебную сторону, раскрывая передъ нею всю свою игру и тѣ свѣдѣнія, которыми его, по необходимости, пришлось снабдить. Съ этой точки зрѣнія Колосовъ являлся бы дѣятелемъ безполезнымъ и даже вреднымъ для дѣла, которому брался служить. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ, по его словамъ, такимъ дѣятелемъ, онъ писалъ письма въ Петербургъ, заявлялъ о своей дѣятельности за границею и даже обѣщалъ привезти и Нечаева. Какъ же это объяснить? Полагаю, что объясненіе просто. Хотя Колосовъ и обвиняется въ томъ, что онъ «соціальный» дѣятель, но онъ не имѣлъ никакого соціальнаго положенія, а въ каждомъ человѣкѣ болѣе или менѣе гнѣздится честолюбіе, и Колосову, безъ сомнѣнія, хотѣлось вновь пріобрѣсти довѣріе, снова показаться полезнымъ, по его мнѣнію, человѣкомъ. Онъ желалъ «славы»—онъ самъ это сказалъ вчера, тѣмъ болѣе, что, по его недостойнымъ предположеніямъ, такая слава помогла бы ему освободиться отъ высказаннаго Сенатомъ «подозрѣнія» по дѣлу о подлогѣ завѣщанія. Онъ желалъ явиться охранителемъ русскаго царства отъ шаткихъ и преступныхъ людей. Роль очень заманчивая и казавшаяся ему особенно выгодною. И вотъ, ѣдучи за границу по собственнымъ своимъ дѣламъ, онъ долженъ былъ поставить вопросъ такъ: ему необходимо и, во всякомъ случаѣ, полезно играть роль, которая оградила бы его отъ подозрѣній въ дѣйствительной его дѣятельности; ему слѣдуетъ воспользоваться этою поѣздкою и для того, чтобы заручиться воображаемымъ покровительствомъ и заступничествомъ по поводу своихъ будущихъ заслугъ. Съ этою цѣлью онъ является къ начальствующимъ лицамъ, имена которыхъ онъ, по его словамъ, позабылъ, съ предложеніемъ своихъ услугъ. Можно себѣ представить положеніе этихъ лицъ относительно Колосова. Дѣятельность, на которую предлагалъ себя Колосовъ — тяжелая; она требуетъ навыка, такта, большой ловкости, особаго склада ума и особыхъ душевныхъ свойствъ. Найти людей, совмѣщающихъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для такой дѣятельности, довольно трудно, тѣмъ болѣе, что подобная дѣятельность не всегда сопряжена и съ личною безопасностью. Вспомните, господа, лукавый совѣтъ Феликса—послать «больного» въ Лондонъ «къ друзьямъ», которые примутъ его «съ распростертыми объятіями, зная о его дружбѣ съ дядею Томомъ». Но вотъ является человѣкъ, который охотно и съ особымъ удовольствіемъ принимаетъ на себя такую дѣятельность, который лѣзетъ, кланяется, проситъ, навязывается съ своими услугами. Что же тутъ дѣлать? Во-первыхъ, отъ него нужно отвязаться, а во-вторыхъ, почему же и не воспользоваться его предложеніемъ? Это волонтеръ весьма неожиданный, онъ ни къ чему не обязываетъ, а при своей безкорыстной дѣятельности можетъ быть, пожалуй, и полезенъ—ему дозволяется корреспондировать. И вотъ начинается рядъ его писемъ, остающихся безъ

отвѣта. Но, корреспондируя и, конечно, играя въ глазахъ получателей писемъ роль вольно-практикующаго доносчика, онъ старается вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать фактъ своей односторонней корреспонденціи извѣстнымъ своимъ спутницамъ и придать себѣ особую важность. Такая роль находилась въ тѣсной связи съ его предпріятіемъ. Очевидно, зачѣмъ онъ все это дѣлалъ. Человѣкъ, который за границею игралъ роль спасителя отечества, который Феликсу и другимъ своимъ сообщникамъ могъ всегда пригрозить своими сношеніями съ Петербургомъ, а въ случаѣ какихъ нибудь недоразумѣній, сказать: вы знаете, какая у меня миссія; если мнѣ поручено уже Нечаева привезти въ С.-Петербургъ, то переправить въ надлежащія руки подложныя акціи мнѣ ничего не будетъ стоить; я стою внѣ подозрѣній, потому что самъ всѣхъ подозрѣваю, я не боюсь доносовъ, потому что таковые исходятъ отъ меня. Какъ онъ исполнялъ свою миссію — говорить много нечего.

Въ Лондонѣ, этомъ международномъ очагѣ крайняго политическаго движенія, онъ пробылъ всего дней пять; онъ очевидно не имѣлъ даже никакого понятія о томъ, какъ распредѣляется эмиграція за границей. Онъ даже въ Вѣнѣ, столицѣ строго-монархической Австріи, съ особымъ вниманіемъ искалъ политическихъ эмигрантовъ. Въ Вѣнѣ онъ старается пріурочить Ольгу Иванову къ своей дѣятельности и предлагаетъ ей содѣйствовать ему въ выслѣживаніи эмиграціи и въ завлеченіи Нечаева—за брилліантовыя серьги... Иванова согласилась и, слѣдовательно, увѣровала въ его миссію. Также, конечно, увѣровала въ нее и Никитина, которая тоже согласилась выслѣживать «шаткихъ людей». Съ подспорьемъ этихъ двухъ женщинъ, Колосовъ явился въ ореолѣ политическаго агента самой чистой воды. Онъ могъ обѣщать, руководить, а при случаѣ — и это главное, грозить, а вдали ему могла улыбаться какая нибудь случайная удача относительно эмигрантовъ... Относительно пребыванія Колосова въ Брюсселѣ, А. Ярошевичъ показалъ, что въ эту поѣздку въ Брюссель Колосовъ видѣлъ первые образцы акцій, а по нимъ могъ судить о достоинствѣ поддѣлки. Дѣйствительно, во время этой поѣздки онъ провелъ около 10 дней въ Брюсселѣ. Что онъ дѣлалъ? Онъ говоритъ, что все время былъ съ дамами. Но Ольга Иванова и Никитина говорятъ, что онъ почти ни одного дня не обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, а куда-то постоянно отлучался и говорилъ, что ходитъ къ Ярошевичу или къ князю Орлову, русскому посланнику въ Бельгіи. Но нѣтъ сомнѣнія, что къ обязанностямъ нашихъ дипломатическихъ представителей за границею не относятся сношенія съ личностями, подобно Колосову принявшими на себя по личной охотѣ задачу «прослѣживать эмиграцію» и не имѣющими никакого секретнаго порученія оффиціальнаго характера. Если и допустить, что онъ могъ быть у князя Орлова, то развѣ только одинъ разъ, чтобы заявить

ему о своемъ желаніи слѣдить за эмигрантами и при этомъ, конечно, узнать, что посольству до него нѣтъ никакого дѣла. Итакъ, стало быть, Колосовъ бывалъ только у Ярошевича, гдѣ онъ и обѣдалъ. Онъ самъ соглашается, что разъ «взялъ кусокъ» со стола, за которымъ сидѣли Олесь, какой то старикъ, котораго онъ называлъ своимъ отцомъ, кинжалистъ Онтаржевскій, вѣшатель Маевскій и другіе. Спутницамъ своимъ, какъ онѣ показывали, онъ говорилъ, что между нимъ и Ярошевичемъ при этомъ произошла ссора. Вы знаете, по какому поводу она возникла. Ф. Ярошевичъ требовалъ половину или $^1/_3$ изъ барышей, а Колосовъ предлагалъ только 10%. Объ этой ссорѣ показала даже Никитина, которая вообще была сдержанна въ своихъ словахъ. Предложеніе со стороны Колосова этихъ 10% объясняется тѣмъ, что въ разсчетныя книжки А. Ярошевича съ Колосовымъ, у нихъ постоянно вносилось 10% отцу съ барышей по разнымъ предпріятіямъ, по кассѣ ссудъ и т. п. Выдавъ деньги Колосову для общихъ оборотовъ, А. Ярошевичъ выговорилъ 10% въ пользу своего отца. Колосову очевидно хотѣлось оставить этотъ обычай и въ дѣлѣ сбыта поддѣланныхъ акцій. Но Ф. Ярошевичъ человѣкъ опытный; онъ хорошо зналъ цѣну своего труда и значеніе своего риска и не согласился на такое сравнительно ничтожное вознагражденіе, и между ними произошла въ Брюсселѣ ссора.

15-го апрѣля Колосовъ съ дамами уѣзжаетъ изъ Брюсселя въ Петербургъ, а Олесь остается въ Брюсселѣ. Онъ говоритъ, что Колосовъ запрещалъ ему возвращаться въ Петербургъ. Колосовъ старался показать, что все это время Олесь былъ его приказчикомъ, такъ какъ дѣла по кассѣ продолжались. Олесь жилъ въ Брюсселѣ до половины мая, потомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а въ іюнѣ опять уѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ до октября. Извѣстно также, что Колосовъ посылалъ ему въ это время деньги: есть чеки, написанные на имя Ярошевича, и переводы денегъ на его же имя за границу. Колосовъ можетъ сказать, что послалъ эти деньги изъ общихъ прибылей по кассѣ. Но за что же? Развѣ за то, что Олесь, отвѣтственный и подчиненный приказчикъ, ничего не дѣлаетъ въ это время. Такимъ образомъ, вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: или Колосовъ дѣйствительно не дозволялъ Ярошевичу возвращаться, или же почему-то допускалъ, чтобы этотъ приказчикъ, «осмѣливающійся не явиться, когда ему приказано и позволяющій себѣ неуважительно съ нимъ говорить», позволялъ себѣ жить за границею полгода, ничего не дѣлая и, притомъ, не кончивъ счетовъ по кассѣ? Если мы провѣримъ чеки, то окажется слѣдующее: Колосовъ вмѣстѣ съ дамами пріѣзжаетъ послѣ 15-го апрѣля въ Петербургъ, а 26-го апрѣля является чекъ на имя Сивича, т. е. Феликса Ярошевича — въ 1,000 руб., записанный въ книжкѣ чековъ Колосова. Осенью, 16-го сентября, мы имѣемъ

другой переводъ чрезъ Брюгмана въ 1,000 франковъ на имя Феликса Сивича въ Брюсселѣ. Наконецъ, послѣдній чекъ относится къ 27-му сентября въ 500 руб. на имя Сивича. Куда же посылались эти деньги, кому и на что? Колосовъ не можетъ сказать, что они посылались, по просьбѣ Олеся, его отцу, потому что самъ Олесь былъ въ то время за границей и получалъ бы свои деньги прямо на свое имя. Поэтому нужно принять объясненіе А. Ярошевича, что эти суммы переводились для дѣла по типографіи. Мы знаемъ изъ его показанія, что акціи были готовы весною 1871 года и Колосовъ одобрилъ ихъ. И дѣйствительно, ихъ нельзя было не одобрить, потому что, какъ вы слышали, даже одинъ изъ директоровъ тамбовско-козловской желѣзной дороги, полковникъ Жевановъ, находилъ, что ихъ очень трудно отличить отъ настоящихъ. Акціи нужно было доставить. Я полагаю, что Колосовъ не провозилъ акцій, найденныхъ впослѣдствіи у Никитина, съ собою; да этого и не нужно было. Я уже говорилъ, что распредѣленіе ролей было таково, что весь личный рискъ долженъ былъ выпадать на долю Олеся. Колосовъ могъ взять одну акцію, чтобы показать ее здѣсь кому нибудь изъ людей, въ этомъ дѣлѣ опытныхъ. Когда она будетъ признана удовлетворительною, тогда можно послать деньги на дальнѣйшее напечатаніе (чекъ 26-го апрѣля) и разрѣшить А. Ярошевичу прибыть съ готовыми акціями въ Петербургъ. Мы знаемъ, какъ А. Ярошевичъ перебрался за границу. Онъ и въ этотъ разъ, не имѣя паспорта, прошелъ чрезъ имѣніе Госцимской, которое расположено на границѣ Пруссіи и Россіи, и въ которомъ есть прудъ, находящійся на самой границѣ, такъ что тамъ весьма удобный путь миновать таможню и пограничную стражу. Колосовъ самъ говорилъ вамъ, что Олесь занимался, при ихъ отъѣздѣ за границу, «шаткимъ дѣломъ», отправляясь за границу «прямымъ путемъ». Наконецъ, въ дѣлѣ есть письмо отъ самой г-жи Госцимской Олесю, весьма таинственнаго содержанія; въ немъ говорится о какомъ-то подаркѣ въ 300 рублей, который поровну слѣдуетъ, какъ ей, такъ и сыну ея Владиславу. Итакъ, указаніе на подарокъ въ 300 рублей г. Госцимской со стороны Олеся, несмотря на то, что она въ ссорѣ съ его отцомъ, и возможность перехода черезъ границу въ ея имѣніи безъ паспорта, неоднократно осуществляемая Олесемъ, котораго, конечно, не могла бы выдать родная тетка полиціи, даютъ полное основаніе предполагать, что, переходя, въ маѣ, границу *безъ* паспорта—онъ перешелъ ее *съ* акціями. Я не могу поэтому вѣрить разсказамъ о зеленомъ портфелѣ Колосова и придавать серьезное значеніе улики противъ него въ провозѣ акцій его блѣдности и тому, что имѣлъ въ рукахъ какой-то портфель. Акціи провезъ или, вѣрнѣе, пронесъ Ярошевичъ въ концѣ мая.

Потомъ является вопросъ: куда дѣвать ихъ, гдѣ ихъ хранить?

Судя по заявленіямъ Колосова, онъ хочетъ доказать, что провозъ и храненіе акцій былъ личнымъ дѣломъ Феликса и Александра Ярошевичей. Но между отцомъ и сыномъ лежала цѣлая пропасть лѣтъ и опытности: Ф. Ярошевичъ человѣкъ энергическій, опытный, бывалый; сынъ его, Александръ, человѣкъ пассивный, который только подъ вліяніемъ сильной страсти или увлеченія дерзаетъ на самостоятельный поступокъ. Могъ ли рѣшиться отецъ облагодѣтельствовать «могущественную» Россію своими акціями при содѣйствіи своего сына, еще юноши, мальчика безъ опредѣленнаго положенія? Конечно, нѣтъ. Ф. Ярошевичъ долженъ былъ обратиться къ лицу, болѣе опытному, болѣе въ лѣтахъ и стоящему притомъ близко къ его семьѣ. Кто же это лицо, какъ не Колосовъ? Онъ руководилъ уже нѣсколько лѣтъ Олесемъ, онъ знакомъ съ разными Ананьевыми, съ денежными оборотами и съ биржею — гдѣ, если бы туда пришелъ «*уволенный гимназистъ III класса*» и предложилъ купить акціи на большую сумму, его сейчасъ замѣтили бы, заподозрили, задержали... Но съ своей стороны Колосовъ былъ остороженъ. Чтобъ связать себя съ этимъ дѣломъ, ему необходимо было распредѣлить роли наиболѣе для себя выгодно: одинъ будетъ изготовлять, другой переносить, третій хранить, а четвертый распространять. Такимъ образомъ, занятія каждаго будутъ совершенно отдѣльны. Всѣ будутъ связаны между собою и каждый, въ случаѣ бѣды, можетъ отвѣтствовать только самъ за себя. Тотъ, кто продастъ поддѣльныя акціи, зная о томъ, что онѣ поддѣльныя, но не умѣя указать продавцовъ (мало ли ихъ?), будетъ судимъ только за мошенничество и т. д. Я говорилъ уже, что Колосовъ остановился на Никитинѣ какъ на хранителѣ. Никитина, по весьма понятному чувству, говорила здѣсь, что она не разсказывала за границею о мужѣ Колосову. Но вы слышали отъ Колосова, что онъ знаетъ такія вещи о Никитинѣ, которыя онъ могъ узнать не иначе, какъ только отъ человѣка самаго ему близкаго. Наконецъ, изъ письма самого Никитина, которое было взято при обыскѣ, видно, что если бы онъ узналъ объ *откровенной исповѣди* своей жены Колосову, то К. и Я. (т. е. Колосовъ и Ярошевичъ) никогда уже не узнали бы о его существованіи. Очевидно, что г-жа Никитина разсказала Колосову о всѣхъ подробностяхъ своей семейной жизни. Она могла также при этомъ разсказать, что мужъ, будучи библіотекаремъ медико-хирургической академіи, ведетъ жизнь очень скромную, человѣкъ сдержанный, знающій себѣ цѣну, умѣющій сообразовать свои поступки съ окружающею его обстановкою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ, который не прочь нажиться сразу и крупно, но однако осторожно. Такой именно человѣкъ и нуженъ былъ Колосову. Какъ они сошлись и на чемъ — это неизвѣстно. Но выборъ былъ сдѣланъ и выборъ хорошій потому, что избранный отдался дѣлу серьезно и

понимая его возможныя послѣдствія. Я могу это утверждать, потому что не даромъ Никитинъ, самый развитой изъ участниковъ этого дѣла, въ письмѣ своемъ говоритъ, обозрѣвъ поле предстоящей битвы съ правосудіемъ: «Я не могу жить, я умру, я долженъ умереть. Я не могу быть оправданъ». Онъ понимаетъ, что зашелъ такъ далеко, что ему выхода нѣтъ. Теперь посмотрите на обстановку Никитина. Онъ библіотекарь медико-хирургической академіи. Онъ цѣлый день сидитъ въ библіотекѣ среди ученыхъ книгъ и фоліантовъ, погруженный въ созерцаніе каталога. Кто заподозритъ его въ храненіи акцій, его, этого тихаго, обязательнаго, ученаго и скромнаго человѣка, украшеннаго орденомъ (что съ точки зрѣнія Колосова должно было внушать къ нему особое довѣріе) доктора. Станетъ ли онъ заниматься сбытомъ фальшивыхъ акцій? Это вовсе не его дѣло. Сверхъ того, и его оффиціальное положеніе внушаетъ полное къ нему довѣріе; оно гарантируетъ его отъ подозрѣній; потомъ, онъ самъ имѣетъ до 20,000 руб. капитала, получаетъ хорошее жалованье, казенную квартиру. Станетъ ли онъ рисковать, пойдетъ ли онъ на преступное дѣло? А библіотека такое славное мѣсто для храненія! Въ ея 18,000 томовъ многое можно спрятать... Привезенныя Ярошевичемъ акціи были представлены Колосову, а потомъ оказались въ квартирѣ Никитина. Когда онѣ туда попали? Мы знаемъ, что акціи не были у Никитина до отъѣзда его жены въ Москву. Она уѣхала въ іюнѣ, а по возвращеніи ея въ сентябрѣ акціи уже находились въ ея комодѣ. Слѣдовательно, онѣ были переданы въ періодъ отъ іюня до сентября. Есть основаніе предположить, что онѣ переданы въ половинѣ августа. На это есть нѣкоторыя указанія въ спискѣ Колосова. Конечно, можно предположить, что онѣ могли попасть къ Никитину и раньше, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что онѣ были принесены ему Колосовымъ. Объ этомъ говорятъ всѣ свидѣтели, близкіе къ Никитину и библіотекѣ, и самъ Никитинъ нисколько не скрывалъ, что получилъ акціи отъ Колосова. Въ этомъ былъ его прямой и дальновидный разсчетъ. Хранить акціи въ тайнѣ неудобно: семейные могутъ узнать, пойдутъ разговоры. Оно даже и не безопасно. Лучше съ самаго начала не скрывать отъ близкихъ полученія акцій, разсказывая, что Колосовъ принесъ акціи въ залогъ, взялъ подъ нихъ деньги; можно даже сдѣлать подпись произвольную, вымышленную, что акціи приняты въ залогъ отъ Колосова тогда-то. Потомъ, если что, несмотря на изящную и прекрасную поддѣлку, откроется, то всегда можно воскликнуть: «Боже мой, какое несчастіе! бѣдный Василій Петровичъ былъ нагло обманутъ кѣмъ нибудь изъ «шаткихъ людей»: ему, подъ видомъ настоящихъ акцій, продали поддѣльныя и онъ ихъ отдалъ въ залогъ! Ну, да мы свои люди, сочтемся безобидно, а правительство, вѣроятно, раскроетъ обманщиковъ» и т. д. Для этого надо говорить женѣ:

«смотри, не отдавай Колосову акціи: за нихъ отданы деньги», нужно позвать помощника библіотекаря Браша и сказать ему, похлопывая по акціямъ, «вотъ, батюшка, капиталъ-то, 12,000 за него Колосову отдано». Одно только забылъ Никитинъ, что всѣ свидѣтели видѣли у него Колосова и слышали объ акціяхъ въ іюнѣ и іюлѣ, а подпись на бумагѣ говоритъ, что акціи принесены 28-го сентября. Есть еще одно обстоятельство характеристичное—это телеграмма «о братьяхъ Тома». Что названіе «дядя Томъ» было. условлено, видно изъ того, что оно повторяется и въ письмахъ между Феликсомъ и Никитинымъ. Телеграмма была отправлена 9-го мая и въ тотъ же день была получена въ Брюсселѣ. По почерку видно, что черновая была написана Никитинымъ. Колосовъ говоритъ, что онъ ничего не знаетъ объ этой телеграммѣ. Но мы кое-что о ней знаемъ. Содержаніе ея понятно. Газеты сообщили объ открытіи поддѣлки русскихъ бумажекъ на франко-бельгійской границѣ и въ то же время въ Петербургѣ пронесся тревожный для друзей слухъ о предстоящей поѣздкѣ за границу полицейскихъ агентовъ—*братьевъ дяди Тома*. Нужно было предупредить объ этомъ. Въ книжкѣ Колосова есть слѣдующая отмѣтка: «5-го мая вечеромъ, писалъ О. въ Брюссель объ отмѣнѣ торговли табакомъ». По словамъ Колосова, говорится объ одесскомъ табакѣ, но это объясненіе ничѣмъ не подтверждается. 8-го мая въ той же книжкѣ записано: «вечеромъ т.» (т. е. телеграмма). Въ книжкѣ мелочныхъ расходовъ Колосова (но не безвозвратныхъ, которые записывались въ другой книжкѣ) 9-го мая значится «телегр. 2 р. 13 коп.». Изъ росписки телеграфа видно, что телеграмма въ Брюссель о братьяхъ дяди Тома стоила именно 2 р. 13 коп. Затѣмъ въ ней говорится: «ждите письмо». Но если телеграмма посылается съ тѣмъ, чтобы ждать письмо, которое будетъ отправлено вслѣдъ за нею и все разъяснитъ, то она не имѣетъ смысла. Очевидно, что она относится къ письму, отправленному прежде, за нѣсколько дней. Тревожные слухи повторились, и тогда послѣдовала телеграмма. Это прежде отправленное письмо—мы его находимъ въ указаніи о писаніи къ О. объ отмѣнѣ торговли табакомъ. Вы припомните, что въ письмахъ Никитина совѣтуется разсказать Колосову «объ уничтоженіи *товара*». Товаръ—это было условленное названіе акцій, торговля — очевидно обозначала ихъ изготовленіе. Колосовъ говоритъ, что телеграмма отправлена со станціи № VIII въ зданіи Окружнаго суда, а онъ жилъ въ Коломенской части. Но онъ каждый день бывалъ у Никитина, въ зданіи академіи на Выборгской сторонѣ, а идти оттуда въ Коломну нельзя иначе, какъ мимо Окружнаго суда. Итакъ, телеграмма написана Никитинымъ, подписана условнымъ именемъ Колосова—Пьетро и отправлена на его счетъ въ Брюссель. Участіе въ ея составленіи было очевидно понимаемо Колосовымъ, какъ

знакъ довѣрія Никитину, какъ «вводъ его во владѣніе» относительно предпріятія, осуществляемаго въ Брюсселѣ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать относительно оговора А. Ярошевича. Я полагаю, что онъ подтверждается цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ: обстановкой, взаимнымъ положеніемъ лицъ и массою переписки, и, наконецъ, тѣмъ, что объясненія Колосова не вызываютъ къ себѣ ни малѣйшаго довѣрія.

Перехожу къ происхожденію заявленія Колосова о поддѣлкѣ акцій. Вы помните изъ показанія Колышкина, что пришедшій къ нему Колосовъ былъ внѣ себя, взволнованъ, раздраженъ и заявлялъ, что его хотѣли побить, оскорбили и т. д. и что существуетъ въ Петербургѣ какое-то политическое преступленіе, на слѣдъ котораго онъ напалъ и пострадалъ. Понятно, что Колышкинъ долженъ былъ поставить вопросъ категорическій: какое преступленіе? въ чемъ оно состоитъ? кто его участники? Но такого преступленія въ дѣйствительности въ виду Колосова не было; что было ему дѣлать? Сочинить политическое преступленіе съ признаками правдоподобія трудно и даже невозможно, а между тѣмъ, надо же что нибудь указать, кого нибудь изобличить, иначе весь авторитетъ потеряется, утратится предполагаемая вѣра въ способности Колосова, а съ другой стороны, нужно отплатить, насолить Никитину и особенно Ярошевичу. Они ругали его и относились къ нему съ неуваженіемъ; очевидно, авторитетъ Колосова въ ихъ глазахъ погибъ. Никитинъ хотѣлъ даже бить... Но когда бьютъ и ругаютъ, то могутъ, пожалуй, и выдать: вѣдь принесенныя Колосовымъ акціи у Никитина. Такой исходъ надо предупредить во что бы то ни стало. Тогда-то должна была наступить въ Колосовѣ большая борьба, приходилось или отказаться отъ заявленія о политическомъ преступленіи, или же, скрѣпя сердце, открыть о поддѣлкѣ акцій. Онъ достигалъ этимъ двухъ цѣлей: губилъ «друзей» и рѣшительнымъ образомъ становился изъ поддѣлывателя открывателемъ и преслѣдователемъ преступленія. Онъ терялъ только 5,750 р., положенныхъ имъ въ дѣло, но развѣ слава, къ которой онъ, по своему, стремился, спокойствіе и безопасность не стоютъ 5,750 р. особенно когда остается еще около 60,000 р. капитала? Изслѣдуя оговоръ Ярошевича, мы дошли до того времени, когда Олесь возвратился въ третій разъ изъ-за границы, въ октябрѣ 1871 года. Въ Петербургѣ, кромѣ семьи его матери, была другая семья, куда его влекло. Въ этой семьѣ была дѣвушка, которая нравилась одновременно и А. Ярошевичу, и Колосову, и на этой-то почвѣ они столкнулись. Между ними начинается взаимное раздраженіе. Ярошевичъ не щадилъ Колосова въ своихъ разсказахъ, но еще менѣе щадилъ Колосовъ Ярошевича. Раздраженіе это вскорѣ дошло до того, что А. Ярошевичъ не могъ выносить Колосова. Надо замѣтить, что во всѣхъ подобнаго рода преступленіяхъ,

гдѣ есть нѣсколько участниковъ, сходящихся на общемъ преступномъ дѣлѣ, они, конечно, не могутъ имѣть особаго уваженія другъ къ другу. Ихъ связываютъ другія чувства: жадность, страсть къ наживѣ, чувство общей опасности. Но первый признакъ, всегда присущій ихъ отношеніямъ—это отсутствіе уваженія, отсутствіе довѣрія. Если всматриваться въ каждое подобное дѣло, то можно всегда прослѣдить эту нить недовѣрія отъ самаго начала. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Недовѣріе началось еще съ начала 1871 г. Уже тогда Никитинъ приходилъ къ Ивановымъ и, между прочимъ, говорилъ: «да, Колосовъ огонь, воду и мѣдныя трубы прошелъ». Ярошевичъ говорилъ о Колосовѣ также весьма не хорошо и не разъ въ той же семьѣ Ивановыхъ. Наконецъ, Колосовъ не только всячески чернилъ Ярошевича, не довѣряя ему до очевидности и считая мать пособницею сына въ растратахъ, въ которыхъ его обвинялъ, но, привозя Олеся впервые къ Дедѣвкину, заявлялъ, кивая ему вслѣдъ, что онъ «ловкій мошенникъ, съ нимъ нужно быть осторожнымъ». При столкновеніяхъ на почвѣ общей любви и взаимнаго презрѣнія, подобныхъ бывшимъ у Колосова и Ярошевича въ домѣ Ивановыхъ,—необходимо было одному уйти, вмѣстѣ имъ быть было немыслимо. Но ихъ положеніе въ домѣ Ивановыхъ было не одинаково. Ярошевича принимали какъ юношу, покровительственно и пренебрежительно, на него смотрѣли, какъ на что-то *состоящее* при Колосовѣ, при человѣкѣ ему ненавистномъ. Наоборотъ, человѣку этому отецъ семьи вполнѣ довѣряетъ и относится къ нему съ уваженіемъ, намъ непонятнымъ, дѣвицы бываютъ у него въ гостяхъ; въ то же время туда ходятъ какіе-то господа, которые нагло ухаживаютъ за ними, тогда какъ онъ, Ярошевичъ, совершенно отстраненъ отъ этого общества. Весьма естественно, что въ немъ должно было развиться чувство зависти и даже ревности къ Колосову, а тамъ, пожалуй, и злобы. И это чувство было очень ловко эксплуатировано. Я, кажется, достаточно указалъ на то, что первоначальное распредѣленіе дѣйствующихъ лицъ было таково, что душою всего былъ Колосовъ: оба Ярошевича, отецъ и сынъ, были въ его рукахъ. Но когда въ дѣло вступилъ Никитинъ, человѣкъ самостоятельный,—повидимому, болѣе умный и разсудительный, нежели Колосовъ, онъ неохотно, конечно, сталъ играть второстепенную роль. Изъ письма Никитина виденъ характеръ его дѣйствій вообще; онъ не любитъ дѣйствовать сразу, вдругъ, а идетъ къ своей цѣли постепенно, медленно, но вѣрно, хлопоча, «извиваясь и изгибаясь». Онъ видѣлъ, онъ зналъ, что между Олесемъ и Колосовымъ существуетъ скрытая вражда. Онъ, ученый библіотекарь—зналъ, конечно, старую латинскую поговорку: divide et impera, —раздѣляй и повелѣвай. Для того, чтобы играть первую роль, чтобы стать первенствующимъ лицомъ, держащимъ и

Колосова и Олеся въ рукахъ, надобно попробовать воспользоваться ихъ скрытымъ раздраженіемъ, возстановить ихъ еще больше другъ противъ друга, произвести вспышку и тогда явиться миротворителемъ и единственнымъ, связующимъ ихъ, въ видахъ безопасности и общей выгоды, человѣкомъ. И вотъ Никитинъ сообщаетъ Олесю отлично разсчитанный разсказъ, что въ квартирѣ у Колосова были оскорблены дѣвицы Ивановы, что къ нимъ относились, какъ къ потеряннымъ женщинамъ. Ярошевичъ зналъ, что въ числѣ ихъ находилась и та, которую онъ горячо и страстно любитъ со всѣмъ пыломъ и ослѣпленіемъ перваго чувства. Понятно, онъ тотчасъ же сталъ на дыбы. Дѣло дошло до студента Иванова и кончилось объясненіемъ въ квартирѣ Колосова. Когда они пришли, Колосовъ понялъ причину прихода, онъ увидалъ, что дѣло не ладно, хотѣлъ какъ нибудь отдѣлаться отъ неожиданныхъ гостей. Ему пришлось выслушать весьма много прискорбныхъ вещей; его самого причислили къ разряду «соціальныхъ дѣятелей», замахивались даже палкою. Онъ, однако, остался вѣренъ себѣ. Лица, которыя занимаются такими дѣлами, какъ Колосовъ, обыкновенно храбры только изъ-за угла, въ письмахъ, на бумагѣ. Такъ поступилъ въ данномъ случаѣ и Колосовъ: онъ сталъ приглашать гостей остаться выкушать чайку, а когда они ушли, тотчасъ же побѣжалъ съ жалобами и донесеніемъ о существованіи шайки политическихъ преступниковъ. На другой день онъ сталъ дѣлать видъ, что старается помириться, являлся къ Ярошевичу, бросался ему на шею, цѣловалъ его предательскимъ поцѣлуемъ, а потомъ пошелъ къ Никитину, чтобъ «разъяснить обстоятельства ссоры», какъ будто они не были ясны и осязательны сами по себѣ. Никитинъ дѣйствовалъ, какъ человѣкъ опытный и умный. Онъ произвелъ вспышку, возстановилъ одного противъ другого—цѣль достигнута. Можно на время успокоить враговъ; желчь въ нихъ накопится опять сама собою, какъ электричество, и та же опытная рука Никитина вновь разрядитъ его въ случаѣ нужды. Онъ ласково принимаетъ Колосова и старается успокоить его. Примиреніе состоялось, и Андрей Ивановъ уже чрезъ нѣсколько дней, къ удивленію своему, видитъ въ библіотекѣ Колосова и Ярошевича въ дружбѣ и согласіи. Повидимому, все устроилось хорошо, но было забыто одно важное обстоятельство: среди Никитина и Колосова, людей глубоко испорченныхъ, опытныхъ въ дѣлахъ нечистыхъ, людей черствыхъ и безсердечныхъ, замѣшался человѣкъ, хотя тоже порочный, но еще молодой, еще не совсѣмъ погибшій, у котораго есть сердце, въ которомъ еще живутъ кое-какія понятія о чести и въ которомъ тревожно и болѣзненно наростаетъ первая любовь.—Они забыли объ А. Ярошевичѣ. Возбудивъ такого человѣка, его возмущенное сердце нельзя было закрыть по произволу, какъ паровой клапанъ и дальнѣйшія столкновенія, съ забвеніемъ

условій общей безопасности, были неминуемы. Только искренностью могъ бы Колосовъ опять привязать къ себѣ Олеся. Что же дѣлаетъ онъ? Онъ начинаетъ писать анонимныя письма въ семью Ивановыхъ, пишетъ къ отцу Ярошевича весьма оскорбительное для отца и для сына письмо. Въ немъ онъ трогаетъ самую чувствительную струну отца: говоритъ, что сынъ называетъ его воромъ. Пишетъ письма къ дядѣ Ярошевича и къ его матери. Письмо къ ней онъ отсылаетъ черезъ семейство Ивановыхъ, предоставляя имъ прочесть его. Въ немъ онъ говоритъ о Ярошевичѣ, который считался почти женихомъ любимой имъ дѣвушки, что его нужно «посѣчь» и предлагаетъ для этого свое участіе. Письмо было въ рукахъ весьма неразборчивой на знакомства семьи невѣсты. Конечно, это было разсчитано на то, чтобы окончательно уронить Ярошевича. Но въ лѣта и въ положеніи Олеся, предложеніе «посѣчь»—не забывается и не прощается.

Рядомъ съ этимъ является болѣе чѣмъ странный образъ дѣйствій со стороны Ольги Ивановой. Здѣсь я долженъ съ крайне тяжелымъ чувствомъ коснуться нѣкоторыхъ эпизодовъ этого дѣла, съ которыми, къ сожалѣнію, неразрывно связано обвиненіе Ярошевича въ отравленіи. Въ этомъ дѣлѣ играла роковую роль Ольга Иванова. Мы знаемъ это семейство по его представителямъ; знаемъ, что у нихъ нѣтъ матери, что всѣ дочери воспитывались въ институтѣ—закрытомъ заведеніи. Извѣстны свойства подобнаго воспитанія въ закрытыхъ стѣнахъ: отчужденіе отъ общества, полное непониманіе того, что дѣлается за этими стѣнами, и потомъ вдругъ, сразу—прямой переходъ къ практической жизни. Около Ивановыхъ не было той, которая, чуя сердцемъ недоброе, охраняла бы ихъ и остерегала отъ ложныхъ шаговъ на непривычномъ поприщѣ,—не было матери, лучшей охраны и руководителя для дѣвушки, вступающей въ жизнь. Былъ слабый отецъ. Мы видѣли его здѣсь въ судѣ, и мнѣ кажется, что несмотря на его сѣдины, отношеніе его къ житейской и семейной обстановкѣ дочерей едва ли не слѣдуетъ, съ полнымъ правомъ, назвать печально-легкомысленнымъ. Отецъ, у котораго дочери—невѣсты, радушно принимаетъ въ свой домъ Колосова и Ярошевича, какъ дорогихъ гостей. Зналъ ли онъ, что это за личности? Онъ сказалъ, что о Колосовѣ онъ зналъ, что онъ ростовщикъ, а о Ярошевичѣ совсѣмъ ничего не зналъ, кромѣ того, что онъ что-то такое при Колосовѣ. Ему однако было извѣстно, что Ярошевичъ ухаживаетъ за его дочерью и хочетъ на ней жениться и, слѣдовательно, можетъ сдѣлаться его зятемъ. Кто же этотъ будущій членъ семьи? Онъ человѣкъ *«капитальный»*, сказалъ г. Ивановъ, потому что... его сестра живетъ за границей, а самъ онъ одѣвается чисто. Вотъ единственное право Ярошевича на входъ въ порядочное семейство! При какихъ разговорахъ приходится присутствовать Ольгѣ Ива-

новой и, быть можетъ, ея еще болѣе молодымъ сестрамъ? Какъ проводятъ онѣ время? Онѣ или дома принимаютъ Ярошевича и Колосова, который пользуется полнымъ довѣріемъ отца, или бываютъ у него, у одинокаго человѣка — въ гостяхъ, гдѣ его гости позволяютъ себѣ держать себя съ ними свободно, развязно, даже оскорбительно. Вмѣсто естественныхъ между молодежью живыхъ и веселыхъ бесѣдъ — Ольгѣ Ивановой приходится выслушивать разсказы Колосова о вымышленныхъ доблестяхъ въ области его предательства и объ особомъ почтеніи, которое онѣ должны къ нему вызывать. И никто не возражаетъ, всѣ молчатъ, и только одинъ голосъ Олеся раздается, робко протестуя — голосъ вопіющаго въ пустынѣ... Колосовъ особенно сошелся съ Ольгою Ивановою. Онъ, повидимому, имѣетъ свойство весьма сильно подчинять себѣ людей, конечно, людей неразвитыхъ, слабыхъ, молодыхъ. А. Ярошевичъ вѣрилъ въ него, «какъ въ Бога»; Ольга Иванова совершенно отдалась въ его руки, и онъ, какъ маріонеткою, игралъ ею. Чѣмъ онъ этого достигалъ — постичь трудно. Только изъ намековъ Ольги Ивановой можно предполагать, что онъ, сталкиваясь съ молодежью, игралъ роль человѣка, угнетеннаго судьбой. Онъ зналъ, что молодой душѣ всегда свойственно состраданіе, и своими разсказами умѣлъ искусно затрогивать чувствительныя струны въ молодыхъ сердцахъ; этимъ онъ, вѣроятно, привлекъ и Ольгу Иванову, возбудивъ въ ней чувство состраданія къ человѣку, «много испытавшему въ жизни». Быть можетъ, при нашей распущенной довѣрчивости и отсутствіи нравственной брезгливости, выдавая себя за «пострадавшаго за правду», Колосовъ имѣлъ не менѣе удачи, не менѣе внушалъ къ себѣ довѣрія, чѣмъ и знаменитый герой знаменитѣйшей русской повѣсти. Завоевавъ привязанность Ивановой, онъ совершенно подчинилъ ее себѣ; она забыла для него и нѣжную прелесть стыда, и осторожность, и Олеся, который ее любилъ и который самой ей нравился. А Колосовъ забылъ, что онъ женатъ и имѣетъ четверыхъ дѣтей и что Ольга Иванова была ввѣрена его чести и благородству. Когда А. Ярошевичъ вернулся въ 1871 году въ Петербургъ, въ немъ прежняя привязанность къ Ольгѣ Ивановой развилась еще сильнѣе. Онъ не встрѣчалъ отпора или холодности и въ Ивановой. Нельзя не признать, что ея дѣйствія были крайне легкомысленны. Если же сопоставить ея дѣйствія съ дѣйствіями Колосова, то дѣйствія послѣдняго являются глубоко преступными по отношенію къ молодой дѣвушкѣ, которою онъ руководилъ, какъ нѣкогда руководилъ Ярошевичемъ. Ольга Иванова дозволяетъ Олесю считать себя своею невѣстою и въ то же время продолжаетъ быть болѣе чѣмъ дружною съ Колосовымъ; она выслушиваетъ откровенныя признанія Олеся, что Колосовъ ему невыносимъ и, въ то же время бываетъ у Колосова, который отъ нея узнаетъ все, что

говоритъ и дѣлаетъ Ярошевичъ. Она ходитъ съ Ярошевичемъ въ маскарадѣ, но ѣздитъ ужинать съ Колосовымъ, который смѣется вмѣстѣ съ нею надъ «леденцомъ» — Ярошевичемъ, а на другой день разсказываетъ Олесю, что Колосовъ ей ненавистенъ, что онъ ее оскорбляетъ. Вы слышали, гг. присяжные, подробный разсказъ Ярошевича о томъ, какъ она разсказывала ему, что Колосовъ ее унизилъ и скверно съ нею обращался. Понятно, какъ отражается на человѣкѣ влюбленномъ всякое оскорбленіе, наносимое любимой имъ дѣвушкѣ. Тутъ же оскорбленіе было нанесено еще человѣкомъ, который и Олеся совѣтовалъ «посѣчь», слѣдовательно было вдвойне больнѣе. Въ моментъ крайняго раздраженія Ярошевича противъ Колосова, Ольга Иванова говоритъ ему послѣ всѣхъ своихъ жалобъ: «раздѣлывайтесь съ нимъ, какъ знаете, а я дамъ ему пощечину». Но какъ раздѣлаться? Побои и брань противъ этого человѣка не помогаютъ: — свиданіе 15-го ноября и бывшее притомъ объясненіе это доказали. Надо не раздѣлаться, а *отдѣлаться*. И вотъ, въ головѣ Ярошевича впервые мелькаетъ мысль уничтожить Колосова — этого человѣка, который стоитъ ему поперегъ дороги, который держитъ его въ своемъ подчиненіи, который имѣетъ въ рукахъ всѣ нити, которыми можетъ связать его и его отца, обративъ нити въ кандалы,—который порочитъ и унижаетъ его и, наконецъ, жестоко оскорбляетъ любимую имъ дѣвушку. Олесь говоритъ здѣсь, что, получивъ благословеніе Никитина, сообщилъ о своей мысли Ивановой и она поощрила его. Но я не хочу этому вѣрить, я не хочу допускать мысли, чтобъ она могла сознательно поощрять въ немъ такое ужасное намѣреніе. Я думаю скорѣе, что она просто отнеслась къ его словамъ поверхностно и легкомысленно. Иванова сказала о предположеніи Ярошевича Колосову и потомъ, вѣроятно, не хотѣла болѣе и думать о немъ. Она умыла руки, она знала, что Колосовъ приметъ мѣры, и потому спокойно выслушивала откровенія Ярошевича и «индиферентно», какъ она здѣсь объяснила, отнеслась къ предложенію его показать ей ядъ, когда онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Колосовымъ на вѣрную судебную гибель съ уликами на лицо. Она не остановила его, не крикнула ему: «Не ѣзди, я все сказала; ты будешь арестованъ, Колосовъ предупрежденъ»... Чѣмъ, какъ не вліяніемъ Колосова, который наложилъ на ея душу свою нечистую руку и вырывалъ оттуда одно за другимъ всѣ хорошія чувства, можно объяснить такое поразительное отсутствіе состраданія къ Ярошевичу, который изъ-за нея же ѣхалъ прописывать «ижицу» Колосову? Нѣтъ сомнѣнія, что Колосовъ оцѣнилъ извѣстіе о замышляемомъ отравленіи и хорошо воспользовался имъ. Отравленіе безспорное и, въ то же время, въ виду предупрежденія Ивановой, не грозящее опасностью, могло возвышать его въ глазахъ тѣхъ, чьего расположенія онъ добивался, кому навязывался со своими услугами. Они

будутъ видѣть, что онъ не только добровольно и безкорыстно «прослѣживаетъ эмиграцію», но даже слѣдитъ за соціальными людьми и въ Россіи, подвергая опасности свою жизнь, готовый «въ нѣкоторомъ родѣ проливать кровь свою за отечество!» Такимъ образомъ онъ еще болѣе можетъ упрочить свое положеніе, завоюетъ себѣ еще болѣе довѣрія... Приготовленіе къ отравленію было драгоцѣннымъ событіемъ для Колосова и онъ постарался извлечь изъ него всю возможную пользу... Съ такой же точки зрѣнія относился къ этому предположенію и Никитинъ. И ему оно было съ руки. Обстоятельства дѣла даютъ возможность вѣрить Ярошевичу, что онъ имѣлъ въ виду уничтожить Колосова не потому, что опасался его доносовъ о поддѣлкѣ — онъ объ этомъ и не думалъ въ это время. Ему нужно было отомстить за оскорбленія, упразднить Колосова, какъ конкуррента и врага въ домѣ Ивановыхъ. Но иначе долженъ былъ относиться къ дѣлу Никитинъ. Въ показаніи Ярошевича есть одно мѣсто, весьма характеристичное. Конечно, отъ васъ будетъ зависѣть повѣрить его показанію, или нѣтъ, но я думаю, что обстоятельства дѣла, подробно разбираемыя передъ вами, сами собою создаютъ извѣстнаго рода образъ каждаго участника дѣла. Объясненія Ярошевича очень подходятъ подъ такой образъ Никитина. Когда онъ задумалъ отравить Колосова, то пришелъ къ Никитину и сказалъ ему, что̀ копошится въ его душѣ. Ничего не отвѣтилъ Никитинъ, а зашагалъ по комнатѣ, ходилъ долго взадъ и впередъ молча и задумчиво — и наконецъ, остановившись передъ Ярошевичемъ, поднялъ голову и сказалъ: «да, когда змѣя заползетъ въ нашу среду, то ее нужно задушить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Это показаніе какъ живого рисуетъ этого сдержаннаго человѣка! Онъ все оцѣняетъ умомъ, сердце и совѣсть стоятъ у него назади, въ большомъ отдаленіи. Поэтому, когда Олесь сказалъ объ отравленіи, онъ не возмутился, не заспорилъ, а замолчалъ. Онъ походилъ, подумалъ, взвѣсилъ все и оцѣнилъ про себя, и, спокойно разсуждая, нашелъ, что—да! желательно, полезно и — слѣдовательно *надо* отравить... Дѣло было рѣшено. Этими словами онъ произнесъ приговоръ Колосову. Тѣ же выраженія, которыми онъ отвѣчалъ Олесю, мы встрѣчаемъ въ его письмѣ, отъ 24-го декабря, къ Феликсу. И тамъ онъ называетъ Колосова «гадиною, которая втерлась въ среду нашу», и т. д. Предложеніе объ отравленіи было хорошимъ выходомъ въ глазахъ Никитина, тѣмъ болѣе, что главную роль принималъ на себя Олесь. Колосовъ—человѣкъ, внушающій подозрѣніе; онъ постоянно говоритъ о сношеніяхъ съ разными лицами, которыя, быть можетъ, ему довѣряютъ; это человѣкъ опасный. Олесь влюбленъ и раздраженъ, не ручается за себя, управлять имъ трудно, можетъ произойти какая нибудь слишкомъ рѣзкая ссора. Колосовъ донесетъ. Тогда *все,* а можетъ быть, и *всѣ* пропали. Если

его устранить, можно бы занять въ дѣлѣ первое мѣсто и брать себѣ половинную часть. А устранить легко: Олесь ждетъ только позволенія. Вотъ почему я вѣрю показанію Ярошевича, подтвержденному и письмами, что онъ получилъ «прохладительное лекарство» отъ Никитина. Что касается этого прохладительнаго средства, то для дѣла не особенно важно, можно ли было имъ отравить до смерти Колосова или нѣтъ. Если-бъ было доказано, что это сахаръ, или какое нибудь другое, совершенно безвредное вещество, тогда не было бы и вопроса объ отравленіи. Но это былъ ядъ, хотя и «шаткій», но, все-таки, ядъ. Ярошевичъ говорилъ, что онъ часть порошка высыпалъ, но это нисколько не измѣнило дѣла, потому что его осталось еще достаточное количество. Экспертъ показалъ здѣсь, что слишкомъ большой пріемъ морфія не можетъ отравить человѣка, такъ какъ морфій будетъ извергнутъ рвотою. Эксперту приходилось однако наблюдать отравленіе старухъ 5 гранами морфія. Положимъ, Колосовъ не старуха, но у Олеся было не 5, а 14 грановъ яду. Притомъ припомните письмо Никитина: у Олеся есть «прохладительное средство», которымъ онъ тѣмъ или другимъ способомъ пропишетъ другу «ижицу». Если-бъ это ему не удалось до Брюсселя, то можно и *прямымъ способомъ* прописать ижицу, гдѣ нибудь въ Парижѣ, напримѣръ, въ чужой сторонѣ, гдѣ чужой языкъ и новые, неизвѣстные ему порядки, «отобравъ только непремѣнно вслѣдъ за этимъ письменные документы». Вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что морфій, не всегда убивая навѣрняка, отлично усыпляетъ, дѣлая человѣка почти мертвымъ, отнимая у него всякое сознаніе и волю. Съ нимъ можно дѣлать все, что угодно, и «прямой способъ», рекомендуемый Никитинымъ, тутъ будетъ весьма кстати. «Больной» заснетъ крѣпко и почти непробудно, а руки или подушка посодѣйствуютъ тому, чтобъ сладкій сонъ не былъ нарушенъ прозаическимъ пробужденіемъ. Опьяненный, задурманенный морфіемъ, «больной» не станетъ кричать или барахтаться и полиція чужой страны даже не будетъ знать, кто этотъ «скоропостижно умершій» человѣкъ, безъ всякихъ бумагъ. Вотъ тѣ основанія, по которымъ я полагаю, что здѣсь были приготовленія къ убійству Колосова при посредствѣ яда.

Дальнѣйшій ходъ дѣла я прослѣжу лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Иванова своими дѣйствіями много содѣйствовала раскрытію истинной его обстановки. Сидя въ тюрьмѣ, Ярошевичъ тайно переписывался съ невѣстою. Вы слышали его письмо къ ней. Оно исполнено живого и неподдѣльнаго чувства человѣка, горячо и искренно любящаго. Въ то же самое время получательница подобныхъ писемъ бывала постоянно у Колосова и, даря ему свою любовь, сообщала ему все объ Олесѣ, а онъ, въ свою очередь, какъ вы слышали изъ черновыхъ его писемъ, сообщалъ кому слѣдуетъ аккуратно о всѣхъ дѣйствіяхъ Ивановой, о словахъ и на-

мѣреніяхъ, высказанныхъ въ письмахъ «леденца»... Въ это же время онъ продиктовалъ ей отвѣтное письмо къ Ярошевичу, съ упреками за то, что Ярошевичъ подстрекаетъ ее рѣшиться на «криминальный» поступокъ. Происхожденіе этого письма легко объяснимо. Колосовъ долженъ былъ бояться, что Ярошевичъ, сидя въ тюрьмѣ, надумается и разскажетъ истину, и что нѣкоторые свидѣтели, напр. О. Иванова и Никитина, могутъ своими показаніями бросить на него тѣнь. Ихъ-то, впрочемъ, можно настроить и уговорить, но особенно важно заранѣе лишить показанія Ярошевича всякаго довѣрія въ глазахъ судебной власти,— нужно указать, что обвиняемый лжетъ и другихъ учитъ тому же,—что онъ подговаривалъ свидѣтельницъ давать ложное показаніе. Какъ же это сдѣлать? Прямо заявить неудобно: будетъ похоже на сплетню, да и бездоказательно и, притомъ, требуетъ личнаго участія. Надо послать письмо чрезъ прокурора, который, разумѣется, долженъ будетъ передать письмо судебному слѣдователю для соображеній при допросѣ Ярошевича. Такимъ образомъ Колосовъ заранѣе обезопаситъ себя со стороны Ярошевича. Дѣйствіе этого письма, однако, было неожиданное. Ярошевичъ, убитый имъ, оскорбленный и преданный любимою дѣвушкою, сознался во всемъ и довольно прочно оговорилъ Колосова.

Таковы обстоятельства дѣла. Колосовъ и Ярошевичъ обвиняются въ дѣятельномъ участіи въ поддѣлкѣ акцій и ввозѣ ихъ для распространенія въ Россію. Ярошевичъ сверхъ того обвиняется еще и въ приготовленіи къ отравленію. Законъ не наказываетъ приготовленія къ общимъ преступленіямъ вообще, но когда человѣкъ готовится убить другого, приготовляетъ ядъ, покупаетъ оружіе, то онъ имѣетъ тысячу случаевъ остановиться, отбросить свой преступный замыселъ, ужаснуться его. Если онъ этого не дѣлаетъ, а продолжаетъ осуществлять свое приготовленіе, то замыселъ созрѣлъ и глубоко запалъ въ его душу. Къ подобному упорству злобы и ненависти законъ не можетъ относиться безразлично. Такой человѣкъ крайне опасенъ для тѣхъ, кто ему не нравится, такой человѣкъ вреденъ для общества. И законъ наказываетъ за приготовленіе къ убійству. Такое дѣяніе совершилъ въ настоящемъ случаѣ Ярошевичъ. Онъ положилъ на вѣсы, съ одной стороны — жизнь ближняго, а съ другой — свое самолюбіе. Онъ не отступилъ предъ мыслью отдѣлаться отъ ненавистнаго человѣка коварнымъ и предательскимъ образомъ. Онъ долженъ потерпѣть за это и посредствомъ суроваго урока быть обращенъ на другую, болѣе честную дорогу. Юридическая отвѣтственность—бо́льшая лежитъ на Ярошевичѣ, мѣньшая—на Колосовѣ. Но иначе распредѣляется ихъ нравственная отвѣтственность.

Ярошевичъ—человѣкъ нравственно-испорченный, неразборчивый

на средства и имѣвшій преступныя цѣли, несмотря на то, что могъ бы жить честнымъ человѣкомъ... Но мнѣ кажется, что онъ еще не окончательно погибъ нравственно, у него еще цѣлая жизнь впереди и настоящее дѣло можетъ и должно отрезвить его... Я думаю, что нравственная отвѣтственность другого подсудимаго—Колосова, гораздо больше. Онъ — душа дѣйствій и побужденій Ярошевича и онъ виновенъ и за себя, и за Ярошевича. Вспомните, какимъ юнымъ онъ взялъ Олеся въ свои руки и какъ воспиталъ его. Кто толкнулъ его, еще отрока, въ развратъ? Колосовъ. Какіе примѣры видѣлъ этотъ юноша, оставленный на произволъ судьбы преступнымъ отцомъ, какія впечатлѣнія онъ получалъ въ школѣ Колосова? Кто, наконецъ, его раздражалъ и уязвлялъ въ самое больное мѣсто, какъ не Колосовъ? Кто своими дѣйствіями довелъ его до такого ослѣпленнаго, озлобленнаго состоянія, что онъ не остановился даже передъ мыслью объ отравленіи, какъ не Колосовъ? Колосовъ его вовлекъ въ преступленіе, Колосовъ его погубилъ. Но на душѣ того же Колосова лежитъ другая жертва, за которую онъ также нравственно отвѣтственъ. Не онъ ли игралъ, какъ игрушкою, Ольгою Ивановою, подчинивъ ее себѣ и овладѣвъ ею для своихъ нечистыхъ цѣлей? Не онъ ли заставилъ ее играть двусмысленную и двуличную роль; не онъ ли создалъ ей тяжелое положеніе на судѣ, не онъ ли приготовилъ ей въ будущемъ постыдныя и горькія воспоминанія? Я полагаю, что онъ заслуживаетъ строгой кары.

Отъ васъ, господа присяжные, зависитъ судьба подсудимыхъ. Вы можете оправдать ихъ или обвинить, но стараясь предугадать вашъ приговоръ, я полагаю, что оправдательнаго приговора имъ услышать не придется. Личности, подобныя Колосову, вредны, не только какъ люди, совершающіе извѣстное, караемое закономъ, преступленіе, — они еще болѣе вредны, какъ вносящіе всюду, куда они проникаютъ, во все, къ чему они прикасаются, нравственную заразу. Такіе люди, въ видахъ огражденія общества, должны быть устранены изъ него. Вотъ почему я думаю, что, услышавши вашъ обвинительный приговоръ и о себѣ, и о Колосовѣ, Ярошевичъ, который вѣрилъ, что его руководитель счастливо прошелъ «огонь, воду и мѣдныя трубы», пойметъ, что, кромѣ огня, воды и мѣдныхъ трубъ, есть еще нѣчто, чрезъ что гораздо труднѣе пройти — это судъ.

XI.

По дѣлу объ убійствѣ Іеромонаха Иллаpіона.

11-го января 1873 года, во 2-мъ часу по полудни, сторожъ при корпусѣ Александро-Невской лавры, безсрочно-отпускной рядовой Яковъ Петровъ, удивленный тѣмъ, что дверь въ келью іеромонаха Иллаpіона съ 8-ми часовъ вечера, когда онъ, по обыкновенію, приходилъ съ ужиномъ, заперта и что несмотря на стукъ и звонъ въ колокольчикъ, изъ келіи не получалось никакого отвѣта, посмотрѣлъ въ скважину замка и чрезъ отверстіе увидѣлъ на полу въ первой комнатѣ нижнюю часть туловища отца Иллаpіона. Предполагая, что съ отцомъ Иллаpіономъ сдѣлалось дурно или что онъ заболѣлъ, Яковъ Петровъ тотчасъ же далъ знать о случившемся іеродіакону Нектарію и іеромонаху Митрофану, по приходѣ которыхъ была отперта, при помощи слесаря, дверь въ келью и на полу, на коврѣ, усмотрѣнъ лежащимъ на спинѣ мертвый іеромонахъ Иллаpіонъ, въ обыкновенной его одеждѣ, весь окровавленный. Вся обстановка кельи представляла слѣды убійства и ограбленія. Судебнымъ слѣдователемъ, немедленно прибывшимъ на мѣсто происшествія, найдены въ первой комнатѣ, раздѣленной перегородкою на двѣ части, на полу большія лужи крови; на окнѣ, гдѣ лежалъ сахаръ, а также на всѣхъ, находившихся вблизи, предметахъ усмотрѣны брызги крови. У самаго окна на полу, возлѣ чайнаго столика, на которомъ стояли самоваръ и заваренный въ чайникѣ чай, лежали: погнутый кухонный ножъ, съ остро наточеннымъ лезвіемъ, весь окровавленный, и толстая, желѣзная полоса, длиною 9 вершковъ, безъ признаковъ крови; на входной двери, на внутренней ея сторонѣ, усмотрѣны большія кровяныя пятна, какъ будто за дверь хватались руками, около двери на полу лежалъ перочинный ножъ, съ открытымъ лезвіемъ, весь окровавленный. Во второй комнатѣ, тоже раздѣленной перегородкою, въ первомъ ея отдѣленіи, представлявшемъ собою гостиную, усмотрѣны на полу около комода кровяныя капли; ящики комода и шкатулка, которая хранилась въ одномъ изъ этихъ ящиковъ, оказались взломанными и всѣ вещи въ нихъ оказались въ большомъ безпорядкѣ, со слѣдами крови; на самомъ комодѣ лежалъ листъ газетной бумаги, запачканный кровью и сложенный такимъ образомъ, что будто бы въ немъ было завернуто что-то плоское; во второмъ отдѣленіи, гдѣ помѣщалась спальня, на кровати оказался подсвѣчникъ, на донышкѣ котораго замѣтны значительные слѣды разлившейся, запекшейся крови; близъ постели валялась ночная рубаха покойнаго, вся запачканная кровью, какъ будто объ нее утирали мокрыя руки.

При судебно-медицинскомъ осмотрѣ и вскрытіи трупа, на немъ усмотрѣны слѣдующія поврежденія: на шеѣ четыре колюще-рѣжущія, весьма глубокія раны; такая же рана на правомъ плечѣ, близъ соединенія ключицы съ лопаткою, и на ладоняхъ обѣихъ рукъ большіе порѣзы съ лоскутами кожи. По мнѣнію врача, смерть произошла отъ безусловно смертельныхъ поврежденій шеи, соединенныхъ съ раненіемъ дыхательнаго горла и яремной вены.

Показаніями лицъ, проживающихъ въ Лаврѣ, выяснено, что отецъ Иларіонъ велъ жизнь строгую, одинокую и, кромѣ мальчиковъ пѣвчихъ, никого къ себѣ не принималъ, что послѣдній разъ его видѣлъ сторожъ Яковъ Петровъ въ 6 часовъ вечера, 10-го января, въ то время, когда приносилъ къ нему дрова и воду, и что въ тотъ же вечеръ, 10-го января, между 6-ю и 8-ю часами, всѣ лица, проживающія на одномъ корридорѣ съ отцомъ Иларіономъ, а именно: архимандриты Никодимъ и Афонасій и рясофорный монахъ Григорій, находились у всенощной въ Крестовой церкви.

Эти свѣдѣнія, а равно и результаты осмотра келіи, привели къ выводу, что,—во 1-хъ, убійство совершено вечеромъ 10-го января, между 6-ю и 8-ю часами; во 2-хъ, убійца хорошо знакомъ со всѣми порядками Лавры и, въ 3-хъ, у него должны быть порѣзаны руки.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ, произведенныхъ въ ночь съ 11-го на 12-е января, было выяснено, что наканунѣ убійства, а именно, 9-го января, въ Александро-Невскую Лавру приходилъ крестьянинъ Иванъ Михайловъ, который прежде около года служилъ въ Лаврѣ, въ томъ самомъ корридорѣ, гдѣ помѣщалась келія Иларіона, и уволенъ оттуда 1-го сентября 1872 года за непослушаніе и частыя отлучки. Ночь съ 9-го на 10-е января, т. е. со вторника на среду, Михайловъ, по показанію сторожей, провелъ у нихъ въ сторожкѣ и былъ замѣтно скученъ и мраченъ. Въ среду утромъ онъ ушелъ отъ нихъ, сказавъ, что идетъ на Николаевскую желѣзную дорогу подать прошеніе о принятіи его вновь на службу, такъ какъ отъ должности стрѣлочника на станціи Окуловкѣ онъ былъ уволенъ 25-го декабря. Въ вокзалѣ Михайловъ встрѣтилъ знакомаго ему писца Михаила Лаврова и съ нимъ вмѣстѣ отправился писать прошеніе, которое вслѣдъ затѣмъ, около 3-хъ часовъ дня, подалъ бухгалтеру на желѣзной дорогѣ Эдуарду Барро, но тотчасъ же получилъ отказъ. Такъ какъ, по показанію Лаврова, Михайловъ собирался въ тотъ же вечеръ, съ 10½ часовымъ поѣздомъ уѣхать на Окуловскую станцію, гдѣ, при трактирномъ заведеніи, находился въ услуженіи его меньшой братъ Ѳедоръ, то немедленно былъ командированъ туда чиновникъ сыскной полиціи Назаровъ, который, вечеромъ 12-го января, при содѣйствіи станового пристава, розыскалъ Ивана Михайлова на постояломъ дворѣ крестьянки Суворовой, спрятавшимся въ дрова. Тамъ же, спрятавшимся на чердакѣ, найденъ и меньшой братъ его Ѳедоръ Михайловъ. При нихъ обоихъ оказалось много разныхъ вещей и денегъ, какъ то: двѣ золотыя вещи, нѣсколько старыхъ, серебряныхъ монетъ, 9 французскихъ 20-ти франковыхъ золотыхъ монетъ, 4 полуимперіала, два билета второго внутренняго займа съ выигрышами, одинъ 5% банковый билетъ въ 500 руб., и проч. По доставленіи Михайловыхъ въ Петербургъ и по предъявленіи отобраннаго у нихъ имущества въ Александро-Невской Лаврѣ, многія вещи, а равно и платье, оказавшееся на Иванѣ Михайловѣ, были признаны за принадлежавшія покойному Иларіону. При освидѣтельствованіи Ивана Михайлова чрезъ врача, на рукахъ его оказались довольно значительные укусы, находившіеся въ періодѣ заживленія.

На допросѣ у судебнаго слѣдователя Иванъ Михайловъ сознался въ убійствѣ іеромонаха Иларіона, съ цѣлью ограбленія, и подробности этого дѣла передалъ въ слѣдующемъ видѣ: получивъ отъ Барро отказъ въ мѣстѣ, онъ, Михайловъ, нѣкоторое время *путался* по Петербургу, — заходилъ въ трактиръ у Александро-Невской Лавры, а часу въ 7-мъ, въ началѣ, пошелъ въ

Лавру, имѣя намѣреніе пробыть тамъ до отхода вечерняго поѣзда. По приходѣ его въ Лавру, ему вдругъ пришла въ голову мысль зайдти къ отцу Илларіону, у котораго онъ со времени оставленія Лавры не былъ ни разу. Дверь въ келью онъ нашелъ незапертою, а только припертою, и, сказавъ: «Боже нашъ, помилуй насъ», вошелъ туда. Отецъ Илларіонъ, выйдя изъ гостиной съ кускомъ сахару и не сказавъ ничего въ отвѣтъ ему, Михайлову,— направился за перегородку и оттуда нѣкоторое время съ нимъ разговаривалъ. Затѣмъ, когда Илларіонъ стоялъ у окна и кололъ сахаръ, ему, Михайлову, внезапно пришла мысль убить его и украсть деньги. О томъ, что у Илларіона были деньги, ему, Михайлову, было извѣстно, такъ какъ въ Лаврѣ кружечный сборъ весьма великъ. Стоя съ правой стороны Илларіона, онъ напалъ на него сзади,—схватилъ съ чайнаго стола перочинный ножъ и имъ два или три раза кольнулъ его въ шею. Затѣмъ у нихъ началась борьба; оба они упали на полъ, ползкомъ перетащились въ переднюю комнату, и тутъ отецъ Илларіонъ, успѣвшій схватить съ окна кухонный ножъ, сталъ колоть и кусать его, Михайлова. Подробностей борьбы онъ, Михайловъ, объяснить не можетъ, но только помнитъ, какъ онъ улучилъ минуту запереть наружную дверь на задвижку и какъ затѣмъ онъ вырвалъ у Илларіона ножъ и пырнулъ его послѣдній разъ въ шею. Послѣ этого отецъ Илларіонъ окончательно упалъ посреди комнаты, а онъ, Михайловъ, считая его мертвымъ, принялся отворять ящики комода и выбирать оттуда деньги и вещи. Подсвѣчникъ, которымъ онъ себѣ свѣтилъ, онъ оставилъ на кровати, а рубашку, о которую вытиралъ вымытыя руки, бросилъ около кровати. Окончивъ кражу, онъ снялъ съ себя рубаху и штаны,—все это сжегъ въ топившейся тогда печи, и затѣмъ, надѣвъ на себя штаны и жилетъ покойнаго, ушелъ изъ келіи, приперевъ, но не заперевъ на ключъ входныя двери. Вышелъ онъ изъ Лавры черезъ длинные корридоры совершенно свободно, никѣмъ незамѣченный, и, придя на станцію Николаевской желѣзной дороги, отправился въ Окуловку. Брату своему объ убійствѣ ничего не говорилъ и на вопросы его, откуда взялись вещи, отвѣчалъ: «это не твое дѣло».

Объясненіе это, собранными по дѣлу данными, указывающими на предумышленіе Михайлова, въ той его части, которая относится ко внезапному побужденію къ убійству, не подтвердилось.

Вслѣдствіе этого Иванъ Михайловъ, 18 лѣтъ, былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, вечеромъ 10-го января 1873 года, задумавъ заранѣе лишить жизни іеромонаха Александро-Невской Лавры Илларіона, съ цѣлью воспользоваться его имуществомъ, проникъ въ его келью, умертвилъ его ножомъ и затѣмъ похитилъ, найденное въ запертыхъ хранилищахъ, цѣнное имущество,—что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 1453 ст. Улож. о Наказ.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило 10 февраля 1873 года, въ петербургскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя *Батурина;* защищалъ присяжный повѣренный *Самарскій-Быховецъ.*

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Михайловъ признанъ *виновнымъ* въ умышленномъ убійствѣ съ цѣлью грабежа.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! 10-го января нынѣшняго года отецъ Иларіонъ, іеромонахъ Александро-Невской лавры, былъ найденъ въ своей кельѣ окончившимъ жизнь насильственнымъ образомъ отъ чужой руки. Ровно черезъ мѣсяцъ, сегодня, 10-го февраля, передъ вами находится на скамьѣ подсудимыхъ человѣкъ, который приноситъ повинную голову въ совершеніи этого убійства. Казалось бы, что съ этой минуты задача ваша становится очень проста и несложна: остается примѣнить къ подсудимому то наказаніе, которое онъ заслужилъ по закону. Но такой взглядъ, по моему мнѣнію, не соотвѣтствовалъ бы ни важности вашей обязанности, ни достоинству правосудія. Вы, представители суда въ настоящемъ дѣлѣ, не можете быть орудіемъ ни въ чьихъ рукахъ; не можете поэтому быть имъ и въ рукахъ подсудимаго и рѣшить дѣло согласно однимъ только его показаніямъ, идя по тому пути, по которому онъ васъ желаетъ вести. Вы не должны безусловно довѣрять его показанію — хотя бы оно даже было собственнымъ сознаніемъ, сознаніемъ чистымъ, какъ заявляетъ здѣсь подсудимый, — безъ строгой повѣрки этого показанія. Сознанія бываютъ различныхъ видовъ и изъ числа этихъ различныхъ видовъ мы знаемъ только одинъ, къ которому можно отнестись совершенно спокойно и съ полнымъ довѣріемъ. Это такое сознаніе, когда слѣды преступленія тщательно скрыты, когда личность совершившаго преступленіе не оставила послѣ себя никакихъ указаній, и когда виновный самъ, по собственному побужденію, вслѣдствіе угрызеній совѣсти, является къ суду, заявляетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, и требуетъ, проситъ себѣ наказанія, чтобъ примириться съ самимъ собою. Подобнаго сознанія въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ, а есть сознаніе другого рода, которое подходитъ къ разряду сознаній, вынужденныхъ самою обстановкою дѣла и тѣми обстоятельствами, при которыхъ оно дано. Въ самомъ дѣлѣ, вглядѣвшись въ дѣло, вы увидите, что сознаніе подсудимаго далеко не чисто, что въ немъ есть нѣкоторыя примѣси, и что во всякомъ случаѣ онъ говоритъ не полную правду, заявляя на судѣ, что показываетъ одну истину, какъ передъ Богомъ и передъ начальствомъ, такъ и передъ нами. Для этого необходимо разсмотрѣть вкратцѣ обстановку дѣла и, прежде всего, взглянуть на личность потерпѣвшаго отъ преступленія. Въ показаніяхъ монаховъ, проживающихъ въ лаврѣ, она охарактеризована довольно ясно: человѣкъ старый, сосредоточенный, суровый, жившій постоянно одиноко, умѣвшій въ многолюдномъ монастырѣ создать себѣ совершенную пустыню, видающійся въ 10 лѣтъ разъ съ людьми, которые живутъ на одномъ корридорѣ съ нимъ, позволяющій себѣ, въ видѣ развлеченія, покормить булками маленькихъ пѣвчихъ и лишающій самого себя даже и этой малости,

словомъ, человѣкъ угрюмый, замкнутый въ себѣ, идеальный, если можно такъ выразиться, монахъ. Этотъ одинокій человѣкъ, постоянно запертый въ своей кельѣ, ни съ кѣмъ не сходившійся, не подаетъ никакихъ признаковъ жизни въ теченіе цѣлаго вечера, ночи и половины слѣдующаго дня, не возбуждая ничьего безпокойства, что̀ указываетъ, какъ вообще малъ надзоръ за тѣмъ, что̀ происходитъ въ корридорѣ. Но, наконецъ, все-таки безпокойство возбуждается — смотрятъ въ щелку, видятъ ноги, думаютъ, что съ нимъ дурно, посылаютъ за докторомъ, отворяютъ дверь и находятъ, что онъ мертвъ, убитъ; тогда является полиція, слѣдователь, и начинается слѣдствіе. Подробный актъ осмотра указываетъ на всѣ подробности изслѣдованія, и я считаю излишнимъ напоминать ихъ. Укажу только тѣ вопросы, которые прежде всего возникли у лицъ, изслѣдовавшихъ это дѣло, и вы увидите, какъ полно и краснорѣчиво отвѣчала на эти вопросы самая обстановка найденнаго. Прежде всего, *что это такое?* Убійство, очевидно. *Съ какою цѣлью?* Разломанная шкатулка, раскрытые комоды, разбросанная одежда — все это прямо говоритъ о совершеніи преступленія съ цѣлью грабежа. *Въ какое время?* Отцу Илларіону послѣ вечерни, слѣдовательно въ 5 часовъ вечера, въ 6-мъ, были принесены дрова и вода для самовара; затѣмъ у него найденъ самоваръ почти полный водою, въ чайникѣ, налитомъ до-верху, заваренъ чай, чашка суха; видно, что вернувшись отъ вечерни, онъ заварилъ чай и не успѣлъ напиться. Итакъ, приблизительное время совершенія убійства — около 6-ти часовъ вечера. Затѣмъ, обстановка убійства также довольно ясна: убійство совершено колющимъ орудіемъ, нанесенъ рядъ очень сильныхъ ранъ, вызвавшихъ обильное истеченіе крови, повлекшее смерть — и, какъ удостовѣряетъ осмотръ ранъ, нанесены онѣ человѣкомъ, подошедшимъ сзади. Видны даже переходы, которые имѣла борьба между убійцею и покойнымъ; кровь особенно скопилась въ двухъ мѣстахъ: въ одномъ мѣстѣ ее довольно много, и тутъ же находится колотый сахаръ, ножъ, которымъ кололи, и самоваръ — очевидно, что тутъ мѣсто нанесенія перваго удара. Затѣмъ масса крови около двери и отпечатки окровавленныхъ рукъ на самой двери и на ручкѣ замка. Очевидно, что кто-то хотѣлъ уйти въ эту дверь. Но уйти всего необходимѣе было покойному отцу Илларіону; итакъ, онъ дошелъ или доползъ до двери, и здѣсь ему нанесены вторые удары; борьба была очень сильная: у покойнаго выдернута почти вся его весьма длинная борода, клочья которой валялись по всей комнатѣ; онъ оборонялся, потому что окровавленный ножъ, которымъ наносились раны, найденъ согнутымъ перпендикулярно къ своей ручкѣ; самыя кисти рукъ покойнаго изрѣзаны; очевидно, что онъ хватался за ножъ, которымъ наносились удары, и хотѣлъ его вырвать. Наконецъ, изъ обстановки видно даже, что̀ дѣ-

лалъ подсудимый послѣ убійства, видно, что онъ сталъ рыться въ комодѣ, выдвинулъ всѣ ящики, взялъ сапожный тупой ножъ и сталъ имъ взламывать шкатулку; вы знаете изъ акта осмотра, что на чашкѣ мѣднаго подсвѣчника оказалась налитою кровь, что, наконецъ, рубашка, о которую убійца вытиралъ руки, имѣетъ двоякаго рода пятна: блѣдно-розовыя и посрединѣ ихъ ярко-красныя пятна крови. Это показывало, что убійца мылъ руки и что онъ долженъ былъ быть раненъ; свѣжая кровь натекла на подсвѣчникъ и оставила слѣды посрединѣ каждаго розоваго пятна и на ручкѣ ножа, которымъ производился взломъ. Эти данныя привели къ тому, что убійца раненъ, что убійство совершено въ такое время, когда никого въ корридорѣ не было, и совершено человѣкомъ, подошедшимъ сзади, слѣдовательно, человѣкомъ своимъ, котораго не опасались. Соображаясь съ этими данными, сыскная полиція начала производить розыски. Между прочимъ, узнали, что наканунѣ убійства въ монастырѣ ночевалъ Иванъ Михайловъ, человѣкъ, пріѣзжавшій просить о мѣстѣ, не получившій его и уѣхавшій назадъ. Послали за нимъ на станцію Окуловку. Когда агентъ сыскной полиціи явился на станцію, то нашелъ подсудимаго «гуляющимъ», нетрезвымъ и прячущимся; на немъ оказались панталоны и жилетъ покойнаго отца Илларіона, а въ карманѣ панталонъ золотыя монеты и въ томъ числѣ 20-ти-франковыя; у брата его найдены часы покойнаго, а у него самого другіе, также принадлежавшіе отцу Илларіону. Онъ путается, онъ испуганъ, у него ранена рука. Его берутъ. Что онъ можетъ сказать, какое дать объясненіе? Ему остается только одно — сознаніе. Сказать, что вещи получилъ отъ кого-нибудь другого — надо указать отъ кого; сказать, что не былъ въ лаврѣ — нужно указать мѣсто, гдѣ былъ. Ни человѣка, ни мѣста онъ указать не можетъ. Упорно молчать — но кругомъ такъ все сложилось, что молчать нельзя! Остается сознаться — и онъ сознается. Поэтому я и называю сознаніе его вынужденнымъ обстоятельствами дѣла, — оно было неизбѣжно; но разъ оно вынуждено, мы не можемъ вполнѣ довѣрять ему, мы должны отнестись критически къ главнымъ его частямъ, именно къ тому, что касается преступнаго намѣренія. Вы слышали, подсудимый говоритъ, что мысль убить отца Илларіона пришла ему внезапно, вдругъ, что его грѣхъ попуталъ, что самъ онъ не знаетъ, зачѣмъ шелъ, но шелъ безъ всякаго намѣренія убить отца Илларіона, словомъ, онъ старается доказать передъ вами, что входя къ отцу Илларіону съ словами: «Боже нашъ, помилуй насъ», онъ вовсе не зналъ, что черезъ нѣсколько минутъ долженъ выйти изъ этой кельи убійцею. Я думаю, однако, что это не такъ, что мысль объ убійствѣ явилась вовсе не внезапно, что онъ имѣлъ возможность въ теченіе нѣкотораго времени оцѣнить и взвѣсить ее, или изгнать ее изъ своей головы, или удер-

жать — и избралъ послѣднее. Я думаю, что указаніемъ на присутствіе заранѣе обдуманнаго намѣренія служатъ какъ данныя дѣла, такъ и нѣкоторыя нравственныя соображенія.

Во-первыхъ, посмотрите на отношенія подсудимаго къ о. Илларіону. Онъ говоритъ, что шелъ къ о. Илларіону, самъ не знаетъ зачѣмъ. Но допустить такое толкованіе, неосновательное и неправдоподобное, рѣшительно невозможно. Можно допустить другое — что онъ шелъ къ нему, какъ къ знакомому, у котораго когда-то служилъ корридорнымъ. Отчего же ему, въ самомъ дѣлѣ, и не навѣстить о. Илларіона? Но вы знаете характеръ іеромонаха Илларіона. Онъ былъ такой человѣкъ, который не любилъ, чтобы къ нему ходили, человѣкъ, который держалъ себя вдали отъ всѣхъ, а тѣмъ болѣе, конечно, отъ корридорнаго. Съ какой стати корридорный, который уже не служитъ и случайно остался въ Петербургѣ только потому, что поѣздъ, на которомъ онъ хотѣлъ уѣхать, ушелъ раньше, чѣмъ онъ могъ собраться, пойдетъ къ о. Илларіону, о которомъ онъ и не думалъ, проживая два съ половиною дня въ лаврѣ? Почему изъ всѣхъ петербургскихъ знакомыхъ онъ избираетъ о. Илларіона? Отчего онъ не идетъ, напримѣръ, къ Лаврову, съ которымъ былъ хорошо знакомъ и который писалъ ему докладную записку? Отчего онъ не идетъ къ іеромонаху Нектарію, который разсказываетъ, что считалъ его хорошимъ человѣкомъ, нерѣдко поилъ его чаемъ, рекомендовалъ его на желѣзную дорогу и вообще до сихъ поръ относится къ нему болѣе благосклонно, чѣмъ прочіе? Ужъ если идти въ монастырь для того, чтобы посѣтить кого нибудь, то скорѣе всего ему слѣдовало бы посѣтить о. Нектарія. Наконецъ, онъ могъ посѣтить тѣхъ сторожей, жившихъ въ сторожкѣ у воротъ, у которыхъ онъ ночевалъ двѣ ночи. Напротивъ, онъ идетъ тайкомъ, минуя сторожку и никуда не заходя, прямо въ келью покойнаго. Для чего же онъ туда идетъ? Какія отношенія можетъ имѣть къ нему о. Илларіонъ, этотъ замкнутый человѣкъ, не интересующійся даже тѣмъ, что дѣлаютъ болѣе близкія ему, окружающія его лица? Никакого. Затѣмъ посмотрите, какъ выбрано время, когда совершается преступленіе. Выбрано именно то время, когда, по монастырскимъ обычаямъ, въ корридорѣ никого не было. Въ корридорѣ было всего шесть келій: одну занималъ монахъ Григорій, въ двухъ другихъ жили два пріѣзжіе архимандрита, двѣ были въ этотъ день пустыя, а въ одной жилъ о. Илларіонъ. По монастырскимъ правиламъ, пріѣзжіе архимандриты должны быть на службѣ въ Крестовой церкви у митрополита. Объ этомъ, конечно, знаютъ всѣ служители. Поэтому зналъ объ этихъ порядкахъ и подсудимый Иванъ Михайловъ. Кромѣ того, онъ могъ объ этомъ еще разъ слышать отъ тѣхъ, у кого онъ ночевалъ. И вотъ въ то время, когда въ корридорѣ никого изъ этихъ лицъ не было,

когда отошла вечерня и когда началась всенощная, къ которой не долженъ былъ идти только о. Илларіонъ, потому что онъ былъ очередной для служенія панихидъ, когда онъ остался одинъ и нѣтъ въ корридорѣ ни архимандритовъ, ни рясофорнаго монаха о. Григорія, который тоже долженъ быть у всенощной,—тогда-то и приходитъ въ келью Илларіона подсудимый. Отчего же, если онъ желалъ повидаться съ о. Илларіономъ, не отправился онъ къ нему тотчасъ же, какъ ушелъ съ желѣзной дороги? Отчего онъ не пошелъ къ нему въ 4 часа, когда ушелъ съ вокзала? Отчего онъ пошелъ именно въ 6 часовъ, когда въ корридорѣ никого нѣтъ и быть не можетъ? Я думаю — оттого, что ему нужно было застать о. Илларіона одного. Затѣмъ посмотрите еще на одну сторону дѣла—на сторону внутреннюю. Подсудимый говоритъ, что онъ совершилъ преступленіе вдругъ, что мысль объ убійствѣ пришла ему внезапно, только тогда, когда онъ вошелъ въ келью. По его словамъ, онъ взялъ о. Илларіона, человѣка здороваго и высокаго роста, за воротъ. Тотъ его оттолкнулъ. Тогда подсудимый взялъ «ножичекъ», какъ онъ выразился весьма нѣжно, и сталъ его колоть! Но мы знаемъ изъ мнѣнія врача, что это было не такъ, что раны нанесены человѣкомъ, подошедшимъ сзади, человѣкомъ, который подкрался, подобрался коварно. Слѣдовательно, онъ не бралъ о. Илларіона за воротъ, ибо если бы онъ схватилъ его за воротъ и ударилъ, то тотъ не сталъ бы поворачиваться спиной и давать возможность наносить удары сзади, но сталъ бы лицомъ къ лицу съ нападающимъ и началъ бы съ нимъ бороться, какъ это онъ сдѣлалъ впослѣдствіи. Затѣмъ, посмотрите съ нравственной стороны на послѣдующія дѣйствія подсудимаго. Онъ убилъ внезапно, убилъ самъ не зная какъ и для чего, его «грѣхъ попуталъ», но, тѣмъ не менѣе, онъ пролилъ потоки крови по всей квартирѣ, истерзалъ старика, вырвалъ у него по клочьямъ, въ долгой и озлобленной борьбѣ, всю бороду и, наконецъ, порѣшилъ съ нимъ. Онъ хотѣлъ затѣмъ украсть что нибудь. Онъ это и сдѣлалъ. Но убійца, который внезапно совершаетъ убійство, не сталъ бы дѣйствовать такъ спокойно и обдуманно, какъ дѣйствовалъ Михайловъ. Послѣ убійства, столь неожиданно совершеннаго, когда убійца опомнится отъ разгара борьбы, онъ поспѣшитъ убѣжать, что нибудь захвативъ поскорѣй, потому что все, совершенное имъ, должно предстать предъ нимъ во всемъ своемъ безобразіи. Имъ долженъ овладѣть ужасъ, онъ схватитъ что попало подъ руку и удалится скорѣй отъ страшнаго мѣста, гдѣ онъ внезапно и почти противъ воли сталъ преступникомъ. Видимъ ли мы что нибудь подобное у подсудимаго? Нѣтъ, онъ очень спокойно перерываетъ всѣ вещи покойнаго, настолько спокойно, что даже взвѣшиваетъ, гдѣ искать и гдѣ не искать. По акту осмотра найденъ былъ отворенный ящикъ комода съ бѣльемъ,

на которомъ есть капельки крови. Этого ящика онъ не трогаетъ, такъ какъ все бѣлье въ немъ въ порядкѣ, безъ сомнѣнія потому, что подсудимый разсудилъ, что въ бѣльѣ не можетъ быть денегъ. Зато онъ открылъ и перерылъ другіе, перебралъ всѣ вещи, оставивъ многія и взявъ только часы и деньги, оставивъ даже больше десятка рублей мѣдныхъ денегъ, которыя могли его стѣснять. Когда о. Илларіонъ лежитъ рядомъ—умирающій, истекающій кровью, подсудимый снимаетъ съ себя всю одежду, сжигаетъ ее въ печкѣ, надѣваетъ одежду своей жертвы, затѣмъ уноситъ свѣчку и ставитъ ее въ спальню, отгороженную перегородкой отъ гостиной, въ которой такимъ образомъ становится ничего не видно снаружи, умываетъ руки и тогда уже уходитъ, заперевъ дверь на ключъ,—такъ какъ она оказалась запертою, а ключъ унесеннымъ. Такимъ образомъ, онъ обдуманно разсуждаетъ, оцѣнивая всѣ послѣдствія своихъ дѣйствій. Онъ соображаетъ, что если оставить дверь незапертою, то вскорѣ послѣ 8 часовъ могутъ придти съ ужиномъ и съ хлѣбомъ, и тогда увидятъ мертваго,—подымется безпокойство, начнутъ искать, могутъ увидѣть подсудимаго въ окрестностяхъ монастыря, могутъ задержать его, и т. д. Поэтому нужно преградить путь скорому изслѣдованію, нужно запереть дверь: придутъ, постучатъ и, конечно, оставятъ до утра, а тогда онъ будетъ уже въ Окуловкѣ. Вотъ какъ разсуждалъ или долженъ былъ разсуждать подсудимый, что̀ вытекаетъ даже изъ его показанія. Такимъ образомъ, обстановка его дѣйствій вовсе не указываетъ на внезапность умысла, а на предумышленность убійства, гдѣ все было извѣстно, все обдумано и взвѣшено заранѣе, хотя и незадолго до убійства—и гдѣ послѣдующія дѣйствія были предприняты спокойно, съ полной увѣренностію въ себѣ.

Но говоря, что здѣсь было предумышленное убійство, я обязанъ указать, какимъ образомъ создался, по моему мнѣнію, обдуманный заранѣе умыселъ убить отца Илларіона. Подсудимый служилъ стрѣлочникомъ въ Окуловкѣ, службу свою онъ тамъ оставилъ, остался безъ работы и затѣмъ поѣхалъ въ Петербургъ, сказавъ домашнимъ, что ѣдетъ искать мѣста. Какое же мѣсто онъ можетъ себѣ найти? Конечно, скорѣе всего на желѣзной дорогѣ, гдѣ онъ уже служилъ. Но онъ плохо разсчитываетъ на полученіе его послѣ оставленія перваго, и потому даже не торопится: спустя лишь два съ половиной дня послѣ своего пріѣзда идетъ онъ на желѣзную дорогу. Все это время проводитъ онъ у своихъ прежнихъ знакомыхъ, у сторожей въ лаврѣ. Здѣсь онъ снова припоминаетъ подробности монастырскаго житья, снова видитъ всѣ монастырскіе порядки, опять предъ нимъ темный корридоръ, дурно освѣщенный, въ которомъ всѣ живутъ, какъ въ пустынѣ, опять этотъ богатый монахъ о. Илларіонъ, опять сторожа, которые никогда въ корридоръ не заходятъ, за которыми нужно каждый разъ

сходить внизъ, чтобы вызвать ихъ наверхъ... А мѣста не предвидится, денегъ мало и скоро вовсе не будетъ, дѣваться некуда, возвращаться же назадъ безъ мѣста не стоитъ, стыдно даже. Конечно, отъ мысли объ убійствѣ было еще далеко. Въ лавру приходитъ его пріятель Лавровъ. Зачѣмъ?—Получилъ письмо отъ послушника о. Сергѣя, что они уѣзжаютъ въ среду въ $2^1/_2$ часа. Слѣдовательно, корридоръ еще больше опустѣетъ и освободится отъ части пріѣзжихъ. Такимъ образомъ онъ узнаетъ, что въ среду вечеромъ, послѣ трехъ чссовъ, въ корридорѣ останутся только о. Илларіонъ, Григорій, да два пріѣзжіе архимандрита. На другой день онъ отправляется на желѣзную дорогу съ прошеніемъ, передаетъ его свидѣтелю Барро. Барро ему отказалъ, какъ и слѣдовало ожидать; между тѣмъ, поѣздъ уходитъ, остается подождать слѣдующаго и уѣхать домой. Тутъ возникаетъ опять въ умѣ обстановка монастыря: архимандритъ Сергій уѣхалъ, послушники при немъ тоже, о. Григорій и два архимандрита пойдутъ въ шесть часовъ въ Крестовую церковь и тогда останется одинъ о. Илларіонъ. О. Илларіонъ богатъ, старъ... А корридоръ пустъ. Вотъ когда должна была явиться первая мысль объ убійствѣ. Вотъ когда подсудимый рѣшился придти, по его словамъ, *безъ всякой надобности* къ о. Илларіону. Подъ вліяніемъ такой мысли онъ и старался никому не показываться. Онъ говоритъ, не представляя однако никакихъ доказательствъ, что время до убійства провелъ въ трактирѣ, находящемся недалеко отъ Александро-Невской лавры. Я не думаю, чтобы это было такъ. Я припомню здѣсь слова іеромонаха Ювеналія, который показалъ, что чердакъ, находящійся въ концѣ корридора и изъ котораго можно видѣть, кто уходитъ изъ корридора внизъ по лѣстницѣ и кто приходитъ, незадолго до убійства былъ запертъ, а послѣ убійства оказался отпертымъ. Не указываетъ ли это на то, что подсудимый былъ на этомъ чердакѣ, что было удобно сдѣлать тѣмъ болѣе, что чердакъ никѣмъ не посѣщался и о немъ даже не всѣ знали, какъ заявилъ объ этомъ свидѣтель Яковъ Петровъ. А съ чердака удобно было видѣть, когда всѣ уйдутъ, когда о. Григорій и пріѣзжіе архимандриты пойдутъ ко всенощной и когда, слѣдовательно, о. Илларіонъ останется одинъ въ своей кельѣ. Здѣсь шла рѣчь о желѣзной балясинѣ. Какого она происхожденія — это трудно сказать; откуда она явилась въ комнатѣ о. Илларіона—мы не имѣемъ опредѣленныхъ указаній. Но мы знаемъ одно, что ее не было до убійства. Объ этомъ показываютъ всѣ свидѣтели единогласно. Конечно, еслибы она была въ хозяйствѣ о. Илларіона, то объ этомъ бы показала Панкратьева, которая мыла въ кельѣ полы два раза въ недѣлю и которая, конечно, видѣла бы эту балясину. Откуда же она явилась? Я полагаю, что можно не безъ основанія предположить, что она была принесена обвиняемымъ съ собой. Идя

съ желѣзной дороги, когда у него явилась мысль объ убійствѣ, онъ могъ ее купить въ первой попавшейся лавкѣ со старымъ желѣзомъ, которыхъ такъ много по пути отъ Николаевской желѣзной дороги въ лавру. Подсудимый пришелъ въ келью, когда о. Иларіонъ остался совсѣмъ одинъ, безъ сосѣдей; тотъ встрѣтилъ его сурово и на слова его «Боже, помилуй насъ!» не сказалъ ему даже обычнаго привѣтствія, а пошелъ колоть сахаръ около самовара, гдѣ лежали хлѣбъ и ножъ, всѣмъ свидѣтелямъ извѣстный. Наступило удобное время для нападенія на о. Иларіона. Но этотъ ножъ гораздо болѣе лучшее орудіе для причиненія смерти, чѣмъ балясина — и она оставлена. Подсудимый говоритъ, что онъ началъ наносить раны перочиннымъ ножомъ. Можетъ быть какая-нибудь и была нанесена перочиннымъ ножомъ, но затѣмъ онѣ наносились уже большимъ ножомъ. Онъ говоритъ, что самъ защищался противъ этого ножа, что онъ вырывалъ его. Это не такъ, потому что раны, которыя образовались отъ вырыванія ножа на рукахъ, находились у о. Иларіона, а не у подсудимаго. Слѣдовательно о. Иларіонъ вырывалъ ножъ, а не защищался имъ. Вы слышали описаніе этихъ ранъ. Ни одна изъ нихъ не мельче $1^1/_2$ и 2-хъ дюймовъ глубины. Такія раны должны произойти отъ большого ножа, и конечно, находящійся предъ вами острый, большой ножъ является тѣмъ ножомъ, которымъ были нанесены эти раны: не даромъ онъ залитъ кровью и такъ сильно согнутъ. Такія широкія раны, изъ которыхъ одна совершенно перерѣзываетъ все горло, неудобно нанести маленькимъ ножомъ съ узкимъ и короткимъ лезвіемъ.

Вотъ какимъ образомъ создался умыселъ подсудимаго и вотъ какимъ образомъ онъ привелъ его въ исполненіе. Поэтому я думаю, что вы, быть можетъ, отнесетесь къ его сознанію съ сомнѣніемъ и признаете, что это сознаніе неполно, что подсудимый не совсѣмъ такъ сдѣлался преступникомъ, какъ это онъ объясняетъ. Я полагаю, что когда вы представите себѣ этого подсудимаго безъ средствъ и безъ мѣста, идущаго безъ всякой цѣли съ желѣзной дороги, гдѣ онъ получилъ отказъ, къ нелюдимому и чуждому ему о. Иларіону, затѣмъ совершающаго тамъ убійство и спокойно перемѣняющаго бѣлье, вытирающаго руки и выбирающаго имущество о. Иларіона въ то время, когда рядомъ съ нимъ тотъ умираетъ, израненый и истерзанный; когда вы представите себѣ этого человѣка, разсчитанно запирающаго дверь, уходящаго и наконецъ гуляющаго и пьянствующаго въ Окуловкѣ, то я думаю — вы признаете, что у такого человѣка мысль о преступленіи явилась не внезапно, что почва для него была приготовлена, что мысль объ убійствѣ выросла и созрѣла за нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ самое убійство было совершено.

Я обвиняю подсудимаго Михайлова въ томъ, что онъ совер-

шилъ убійство съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ. Подсудимый хочетъ доказать, что оно совершено внезапно, безъ предумышленія. Кто изъ насъ правъ — рѣшитъ вашъ приговоръ. Законъ считаетъ оба эти преступленія весьма тяжкими. Но не о строгости кары думаетъ въ настоящее время обвинительная власть. Есть одно соображеніе, которое, какъ мнѣ кажется, въ настоящемъ дѣлѣ слѣдуетъ принять во вниманіе. Подсудимый молодъ, ему 18 лѣтъ, вся жизнь еще предъ нимъ. Онъ началъ ее очень печальнымъ дѣломъ, началъ преступною сдѣлкою съ своей совѣстью. Но, надо думать, что онъ не погибъ окончательно, и конечно можетъ исправиться, можетъ иначе начать относиться къ задачамъ жизни и къ самому себѣ. Для этого исправленія строгій и правдивый приговоръ суда долженъ быть первымъ шагомъ. Со сдѣлкой съ совѣстью — ему не удалось. Теперь онъ находится предъ вами и, повидимому, хочетъ вступить въ сдѣлку съ правосудіемъ: признаваясь въ убійствѣ, въ виду неотразимыхъ фактовъ, онъ сознается однако не во всемъ, она выторговываетъ себѣ внезапность умысла. Не думаю, чтобы на него хорошо подѣйствовало нравственно, если эта вторая сдѣлка удастся. Вотъ почему я думаю, что она ему можетъ и не удаться.

XII.

По дѣлу объ убійствѣ Коллежскаго Ассесора Чихачева.

---

26 ноября 1873 года, въ 5 часу пополудни, отставной штабсъ-капитанъ N., пріѣхавъ, вмѣстѣ съ своею женою, къ отставному коллежскому ассесору Чихачеву, жившему въ это время въ С.-Петербургѣ, на Захарьевской улицѣ, въ домѣ Поповой, и будучи имъ принятъ, послѣ короткаго объясненія съ Чихачевымъ ударилъ его по лицу. Вслѣдствіе этого между Чихачевымъ и супругами NN. возникла борьба. Во время этой борьбы N. нанесъ Чихачеву нѣсколько ранъ бывшимъ при немъ ножомъ, въ томъ числѣ двѣ смертельныя въ грудь; а жена его въ то время, когда прибѣжавшій на шумъ въ квартиру Чихачева, въ числѣ другихъ лицъ, дворникъ дома крестьянинъ Воронинъ отводилъ ее силой отъ боровшихся, выстрѣлила два раза въ Чихачева изъ бывшаго при ней осмиствольнаго револьвера, но оба раза промахнулась. Чихачевъ отъ нанесенныхъ ему ранъ умеръ. При предварительномъ слѣдствіи выяснилось, что обвиняемая, проживая въ 1867 г. въ семействѣ своего брата въ имѣніи послѣдняго, вступила въ близкія отношенія съ посѣщавшимъ домъ Чихачевымъ, человѣкомъ женатымъ, но вслѣдствіе семейныхъ несогласій не жившимъ въ то время съ женою. Отношенія эти были прерваны послѣ пріѣзда къ Чихачеву жены за нѣсколько мѣсяцевъ до выхода обвиняемой замужъ за N. Выходя въ маѣ 1868 г. замужъ, она скрыла отъ мужа означенныя отношенія свои къ Чихачеву, отъ котораго требовала сохраненія ихъ въ тайнѣ и который съ цѣлью устранить всякую мысль о возможности этихъ отношеній, по ея желанію, былъ у нея на свадьбѣ посаженымъ отцомъ. Въ продолженіе шести лѣтъ послѣ этого NN. жили согласно. Обвиняемый, по его показанію, имѣлъ на счетъ жены нѣкоторыя сомнѣнія, но тѣмъ не менѣе не допускалъ мысли, чтобы жена его до брака могла быть съ кѣмъ либо въ связи. Въ іюнѣ 1873 г. обвиняемая узнала отъ жены своего брата, что жена Чихачева отзывается о ней, какъ о женщинѣ безнравственной и безчестной. Предполагая поэтому, что Чихачевъ передалъ своей женѣ ея тайну, и страшась вслѣдствіе этого, что свѣдѣнія объ ея отношеніяхъ къ Чихачеву могутъ дойти до мужа помимо ея, она рѣшилась предупредить это личнымъ сообщеніемъ мужу о связи своей съ Чихачевымъ, представивъ ему эту связь въ такомъ разсказѣ, который возможно менѣе компрометировалъ бы ее въ глазахъ мужа. Поэтому она сказала мужу, что

отдалась Чихачеву вслѣдствіе его обольщеній и насилія, и что имѣла съ Чихачевымъ связь всего только однажды. Не вѣря вполнѣ своей женѣ, взволнованный чувствомъ мести къ Чихачеву, N. сталъ требовать отъ жены, чтобы она объяснилась съ Чихачевымъ въ его присутствіи. Въ концѣ іюля узнавъ, что Чихачевъ находится въ селѣ Ашевѣ у помѣщика Николая Церешкевича, онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ село Ашево. Остановившись на постояломъ дворѣ и посѣтивъ Чихачева, онъ отъ имени жены своей пригласилъ Чихачева къ себѣ. Когда Чихачевъ вошелъ въ комнату, обвиняемый заперъ дверь на ключъ, а жена его, объявивъ Чихачеву, что она о своихъ отношеніяхъ къ нему открыла мужу, стала припоминать подробности этихъ отношеній и въ заключеніе потребовала отъ Чихачева подтвержденія своихъ словъ. Чихачевъ, недоумѣвая, что все это значитъ, подъ вліяніемъ мысли, что N. объ отношеніяхъ его къ своей женѣ узналъ отъ постороннихъ лицъ, а не отъ жены, которая вслѣдствіе этого не согласно съ истиной разсказала ему о событіи, и въ то же время, не желая объясненіемъ событія въ истинномъ его свѣтѣ компрометировать обвиняемую, на требованіе ея сказалъ, что онъ считаетъ себя виновнымъ. Тогда N., обозвавъ Чихачева подлецомъ, объявилъ ему, что поступокъ его будетъ ему отомщенъ; а жена его, припомнивъ Чихачаву его обѣщаніе пожертвовать для нея жизнью, заявила Чихачеву, что для него наступила минута осуществить это обѣщаніе на дѣлѣ и потребовала, чтобы онъ лишилъ себя жизни, на что предоставила ему пять минутъ срока для размышленія. При этихъ объясненіяхъ, какъ видно изъ показаній свидѣтелей Церешкевича и подполковника Раабена, которымъ Чихачевъ при жизни разсказывалъ объ этомъ событіи, на столѣ лежали кинжалъ и пистолетъ. Дальнѣйшія объясненія были однако прерваны приходомъ Церешкевича, который постучался въ дверь. Пользуясь этимъ, Чихачевъ далъ слово непремѣнно возвратиться для окончательныхъ объясненій въ 5 часовъ пополудни и ушелъ съ Церешкевичемъ домой, совершенно разстроенный. По прошествіи 5-го часа, не дождавшись Чихачева, N. отправился къ нему самъ, но, не будучи принятъ подъ предлогомъ болѣзни Чихачева, возвратился домой, а въ 8 часовъ вечера, придя вновь къ Чихачеву, послалъ къ нему записку, въ которой писалъ, что болѣзни Чихачева, препятствующей будто бы ему продолжать объясненія, онъ не вѣритъ и требовалъ, чтобы Чихачевъ къ нему вышелъ. Но, получивъ отказъ, N. поручилъ Церешкевичу передать Чихачеву, что онъ будетъ ожидать его у себя въ своемъ имѣніи Андрюшино до 8-го августа. Не дождавшись Чихачева до этого числа, N. 11-го августа пріѣхалъ вновь съ женою въ село Ашево. Чихачевъ, собиравшійся въ этотъ день выѣхать изъ Ашева въ Петербургъ вмѣстѣ съ знакомымъ своимъ фонъ-Витте, увидѣвъ пріѣхавшихъ на улицѣ, тотчасъ же, не дожидаясь Витте и не собравъ своихъ вещей, уѣхалъ изъ Ашево на лошадяхъ Витте, стоявшихъ въ это время запряженными. Вслѣдъ за симъ, N. явился къ Церешкевичу, но не найдя Чихачева, возвратился домой и черезъ $^1/_4$ часа вновь пришелъ къ Церешкевичу вмѣстѣ съ женою. Не вѣря въ отъѣздъ Чихачева, оба они, какъ показываетъ свидѣтель фонъ-Витте, въ раздраженномъ состояніи искали его по всему дому, причемъ послѣдняя говорила, что не успокоится до тѣхъ поръ, пока не убьетъ Чихачева. Наконецъ, удостовѣрившись въ его отъѣздѣ, N. поручилъ Церешкевичу передать Чихачеву его вызовъ на дуэль, а самъ вслѣдъ затѣмъ вмѣстѣ съ женою поѣхалъ догонять Чихачева. Доѣхавъ до Новоржева, они узнали, что Чихачевъ проѣхалъ дальше. Они погнались за нимъ, но на слѣдующей станціи, потерявъ надежду догнать Чихачева, возвратились въ свое имѣніе. По прибытіи въ Петербургъ, Чихачевъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованій, распустилъ слухъ, что онъ выѣхалъ за границу. Въ сентябрѣ обвиняемые пріѣхали въ Петербургъ, справились здѣсь о Чихачевѣ и, получивъ свѣдѣніе, что онъ былъ въ Петербургѣ, но выѣхалъ, отправились за границу, гдѣ пробыли до половины ок-

тября, когда возвратились въ свое имѣніе. Послѣ этого со 2-го числа ноября мѣсяца N., какъ это видно изъ найденныхъ при обыскѣ записокъ, сдѣлался жестокъ съ своею женою. Онъ сталъ бить ее по лицу, таскать за волосы, наносить удары чубукомъ, говорить ей въ глаза самыя оскорбительныя вещи. Она уходила изъ дому и въ отчаяніи ложилась въ снѣгъ, чтобы простудиться и заболѣть. Въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ она написала Чихачеву пространное письмо, наполненное укорами и бранью, и дошедшее по назначенію. На это письмо Чихачевъ заготовилъ отвѣтъ, но не отправилъ его. Затѣмъ 26-го ноября N., вслѣдствіе вызова его судебною палатою въ качествѣ свидѣтеля, пріѣхалъ въ 11 часу утра съ женою въ Петербургъ. Остановившись въ гостинницѣ, онъ тотчасъ справился въ адресномъ столѣ о Чихачевѣ и получилъ свѣдѣніе, что Чихачевъ жилъ на Захарьевской улицѣ въ домѣ Поповой, но 29-го октября выбылъ въ Москву. Несмотря на такую справку, супруги NN. въ 5-мъ часу пополудни поѣхали въ домъ Попова. Отправляясь сюда, N. имѣлъ въ своемъ карманѣ ножъ, а жена захватила тайно отъ мужа заряженный револьверъ мужа, который онъ имѣлъ при себѣ въ дорогѣ. Въ домѣ Попова дворникъ сообщилъ имъ, что Чихачевъ находится въ Петербургѣ и указалъ его квартиру. Войдя вслѣдствіе этого къ Чихачеву, они заявили ему, что пріѣхали къ нему для объясненій, на что Чихачевъ, передавая письмо, написанное имъ въ отвѣтъ на вышеупомянутое письмо жены, сказалъ, что онъ готовъ имѣть объясненіе, но лишь по прочтеніи его письма. Взявъ это письмо и положивъ въ карманъ, N. настаивалъ на немедленномъ объясненіи и потребовалъ отъ Чихачева отвѣта на сдѣланный ему вызовъ. Затѣмъ произошло убійство Чихачева.

Поэтому были преданы суду: отставной штабсъ-капитанъ N., по обвиненію въ томъ, что въ запальчивости и раздраженіи, но не случайно, а съ намѣреніемъ убить коллежскаго ассессора Петра Чихачева, нанесъ ему ножомъ нѣсколько ранъ, отъ которыхъ онъ умеръ, и жена его по обвиненію въ томъ, что въ запальчивости и раздраженіи, съ намѣреніемъ убить Чихачева, выстрѣлила въ него два раза изъ револьвера, но выстрѣлы эти по причинамъ, отъ воли ея независѣвшимъ, въ Чихачева не попали.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило 2-го и 3-го марта 1874 года, въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя *Бутурина;* защищали—подсудимаго — присяжный повѣренный *Спасовичъ,* подсудимую—присяжный повѣренный *Герардъ.*

На судебномъ слѣдствіи подсудимый призналъ себя виновнымъ въ томъ, что нанесъ ударъ ножомъ, отъ котораго послѣдовала смерть, но только случайно и безъ всякаго намѣренія причинить смерть, такъ какъ нанося удары, онъ не видѣлъ даже лица Чихачева, причемъ не было никакого намѣренія на убійство; подсудимая объяснила, что вовсе не хотѣла стрѣлять въ Чихачева, и если выстрѣлила въ него, то совершенно безсознательно.

Свидѣтель полковникъ *фонъ-Раабенъ* между прочимъ показалъ, что Чихачевъ сообщилъ ему, что когда онъ служилъ мировымъ судьей въ Новоржевѣ, онъ познакомился съ подсудимою, которая была молодою дѣвушкою, въ домѣ ея родственниковъ. Въ это время жена его уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ находилась заграницей. Супруги Чихачевы жили между собою нехорошо, жена была крайне холодна къ мужу, старалась уѣзжать отъ него на продолжительное время, несмотря на всѣ уговоры Чихачева, который очень любилъ ее. Познакомившись съ подсудимой въ домѣ, въ которомъ онъ бывалъ довольно часто, Чихачевъ мало-по-малу, незамѣтно для себя, началъ увлекаться, встрѣчая съ ея стороны тоже самое вниманіе и расположеніе, такъ что мало-по-малу они стали сближаться все болѣе и болѣе. Но такъ какъ ему приходилось видѣться съ нею въ присутствіи другихъ, то несмотря

на увеличившуюся короткость, они не имѣли иногда возможности говорить другъ съ другомъ безъ постороннихъ свидѣтелей. Вслѣдствіе этого, однажды, когда прервали ихъ интимный разговоръ, подсудимая обратилась къ Чихачеву и сказала: «намъ не даютъ поговорить здѣсь; заходите сегодня послѣ ужина, когда мы всѣ разойдемся, прямо въ мою комнату». Чихачевъ былъ немножко озадаченъ этимъ предложеніемъ, но однако согласился, полагая, что разговоромъ и ограничится ихъ свиданіе. Послѣ ужина онъ отправился къ ней и сказалъ, что дѣлаетъ очень большую неосторожность, что присутствіе посторонняго человѣка въ комнатѣ дѣвушки, ночью, можетъ въ высшей степени ее компрометировать и что репутація ея можетъ отъ этого пострадать. Она отвѣтила ему, что не видитъ въ этомъ ничего дурного, и затѣмъ пригласила его сѣсть, чтобы поболтать. Но несмотря на это, онъ все таки началъ убѣждать ее въ неосторожности и затѣмъ, пробывъ нѣкоторое время, ушелъ отъ нея. На слѣдующій день, при встрѣчѣ, она опять пригласила его къ себѣ; подобнаго рода вызовъ заставилъ его сильно колебаться, но однако, когда пришло время, онъ рѣшился отправиться къ ней, и съ этого времени, какъ разсказывалъ Чихачевъ, между ними начались короткія отношенія, которыя продолжались въ теченіи $1^1/_2$, 2, а можетъ быть и болѣе мѣсяцевъ. Послѣ того, какъ Чихачевъ замѣтилъ свою склонность къ обвиняемой, у него начала являться мысль, что это можетъ кончиться слишкомъ близкими отношеніями; онъ все-таки любилъ свою жену и написалъ ей письмо въ такомъ смыслѣ, что она дѣлаетъ большую ошибку, оставляя его одного, убѣдительно просилъ ее возвратиться къ нему и между прочимъ замѣчалъ, что если она будетъ продолжать такимъ образомъ, то онъ увлечется кѣмъ нибудь другимъ. На это письмо онъ получилъ нерѣшительный и уклончивый отвѣтъ. По прошествіи мѣсяца или $1^1/_2$, возвратилась его жена и по-прежнему продолжала относиться къ нему чрезвычайно холодно. Но когда однажды ему пришлось быть вмѣстѣ съ женою въ обществѣ и встрѣтиться съ обвиняемою, то жена его, какъ говорилъ Чихачевъ, какимъ-то инстинктомъ замѣтила, что между ними существуютъ короткія отношенія. По возвращеніи домой, жена сдѣлала ему страшную сцену ревности и начала требовать, чтобы онъ сознался, какія были между ними отношенія. Конечно, онъ старался всѣми способами успокоить ее. Но это была женщина изъ тѣхъ, которыя не принимаютъ никакихъ убѣжденій и потому стояла на своемъ; каждый день она продолжала дѣлать ему страшныя сцены ревности. По возвращеніи ея, Чихачевъ временно прервалъ отношенія съ обвиняемою. Любя жену по-прежнему, онъ разсчитывалъ, что можетъ быть ему удастся сойтись съ нею окончательно и наслаждаться тою спокойною семейною жизнью, которой онъ всегда добивался. Но вслѣдствіе постоянныхъ сценъ, которыя ему дѣлала жена, онъ, наконецъ, началъ избѣгать оставаться съ нею, сталъ уходить изъ дому, искать развлеченій внѣ его и опять посѣщать обвиняемую. Затѣмъ обвиняемая уѣхала и вскорѣ онъ узналъ, что съ нею познакомился г. N. и собирается на ней жениться. Затѣмъ онъ получилъ приглашеніе отъ обвиняемой быть у нихъ на свадьбѣ посаженымъ отцомъ. Подобная роль ему чрезвычайно не понравилась и онъ выразилъ желаніе уклониться отъ нея. Но она начала настойчивымъ образомъ упрашивать его и представляла такія соображенія, что если онъ согласится принять на себя эту роль, то этимъ самымъ окончательно отклонитъ всякое подозрѣніе, если оно существуетъ у кого либо изъ окружающихъ ихъ лицъ, объ ихъ прежнихъ отношеніяхъ. Послѣ этой свадьбы въ теченіе $1^1/_2$ или 2 лѣтъ онъ продолжалъ служить; къ этому времени относится его окончательный разрывъ съ женой, такъ что онъ остался одинъ. Въ теченіе этого времени онъ встрѣчался съ обвиняемою раза два или три. Въ первый разъ онъ встрѣтилъ ее на улицѣ, когда онъ и она шли въ гости въ одинъ и тотъ же домъ. Въ эту встрѣчу, она, пользуясь тѣмъ, что на улицѣ никого не было, обратилась къ

нему съ просьбою о томъ, чтобы онъ по-прежнему продолжалъ скрывать бывшія между ними отношенія и просила его объ этомъ убѣдительнымъ образомъ, объясняя, что если объ этомъ узнаетъ ея мужъ, то дѣло кончится для нея очень дурно. Онъ сказалъ, что будетъ такъ же скроменъ, какъ и прежде и что не имѣетъ повода разсказывать объ этомъ. Послѣ этого разговора они разстались. При другой встрѣчѣ разговоръ между ними былъ также незначительный. Наконецъ, во время третьей встрѣчи въ обществѣ, онъ не имѣлъ возможности поговорить наединѣ и обмѣнялся съ нею только двумя словами. Послѣ этого, разставшись съ женой и тяготясь тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ имѣлъ столько непріятностей, Чихачевъ рѣшился оставить службу, тѣмъ болѣе, что его мать, жившая въ Петербургѣ, была очень больна и онъ хотѣлъ провести съ нею послѣднее время, и, кромѣ того, онъ былъ человѣкъ совершенно обезпеченный. Вслѣдствіе этого онъ отправился въ Петербургъ, пробылъ тамъ съ матерью до ея смерти; затѣмъ попеременно жилъ, то въ Петербургѣ, то за границей, пользуясь свободою и занимаясь, въ качествѣ любителя, живописью. Въ 1873 году онъ пріѣхалъ въ Новоржевъ, ничего не подозрѣвая и въ надеждѣ устроить ссудо-сберегательное товарищество. Онъ остановился у Церешкевича — одного изъ своихъ старинныхъ пріятелей. На третій день по пріѣздѣ, утромъ, къ нему пришелъ обвиняемый и послѣ совершенно дружелюбнаго разговора спросилъ, не хочетъ ли Чихачевъ повидаться съ его женою? Чихачевъ изъявилъ желаніе и они отправились. Дорогой разговоръ шелъ обыкновенный: обвиняемый спрашивалъ, какъ лучше помѣстить капиталъ и т. д. Разговаривая такимъ образомъ, они подошли къ какой-то избушкѣ невзрачнаго вида — нѣчто въ родѣ кабака. Это немного озадачило Чихачева, такъ какъ онъ зналъ, что подсудимые всегда останавливались у своего родственника станового пристава и, во всякомъ случаѣ, если не у него, то въ гостинницѣ. Тѣмъ не менѣе, Чихачевъ былъ далекъ отъ серьезныхъ подозрѣній и они вошли въ комнату, которая была перегорожена. Подсудимый пригласилъ его въ слѣдующую комнату, куда они и вошли. Онъ увидѣлъ его жену, стоявшую посреди комнаты, обратился къ ней съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ, но по ея позѣ и по тому, что она не отвѣчала на его привѣтствіе, онъ увидѣлъ, что тутъ происходитъ что-то необыкновенное. Въ это время мужъ заперъ дверь. Это поведеніе супруговъ и вся обстановка заставили Чихачева осмотрѣться. Прежде всего ему бросились въ глаза лежащіе на столѣ книжалъ или ножъ и пистолетъ. Покойный Чихачевъ былъ въ высшей степени нервный, нерѣшительный, робкій, мягкій. Такая встрѣча его крайне поразила, и ему пришло въ голову, что вѣроятно подсудимому что нибудь извѣстно. При этомъ, какъ онъ объяснялъ, онъ сильно опасался за подсудимую, такъ какъ зналъ, что мужъ ея такой человѣкъ, который если бы узналъ всю эту исторію, то могъ сдѣлать женѣ большія непріятности. Поэтому Чихачевъ рѣшился выждать, что ему скажутъ. Подсудимая начала обвинительную рѣчь, въ которой разсказала всѣ мельчайшія подробности ея отношеній къ Чихачеву, но въ такомъ видѣ, что онѣ имѣли совсѣмъ другой характеръ, нежели были въ дѣйствительности. Разсказъ этотъ выставлялъ ее жертвою Чихачева, а онъ рисовался самыми мрачными красками; она говорила, что онъ воспользовался ея неопытностью и употребилъ надъ нею насиліе. Во время этого разсказа мужъ оставался тутъ же въ комнатѣ и слушалъ рѣчь жены, какъ бы въ качествѣ судьи. Она окончила свою рѣчь такъ: «Вы помните, г. Чихачевъ, что нѣкогда вы обѣщали мнѣ пожертвовать вашею жизнью. Въ настоящее время я нуждаюсь въ ней и поэтому требую, чтобы вы лишили себя жизни». Конечно, подобное требованіе озадачило его и при всей растерянности, онъ не могъ удержаться отъ улыбки, потому что такое требованіе было черезчуръ эксцентрично. Подсудимый, замѣтивъ улыбку, грозно крикнулъ Чихачеву: «Вы еще улыбаетесь» и, обращаясь къ женѣ, сказалъ: «Посмотри, онъ

еще смѣется». Чихачевъ старался замять такое впечатлѣніе улыбки, но подсудимый заявилъ: «Вы непремѣнно должны лишить себя жизни, и если добровольно не согласитесь, то будете убиты». Къ этому жена его прибавила: «Я дала слово, что если вы сами себя не убьете, то убить васъ». Послѣ этого подсудимый обратился къ женѣ и спросилъ: «готово ли у тебя?» Она сказала: «готово». Чихачевъ увидѣлъ себя въ положеніи крайне затруднительномъ и, чтобы выиграть нѣсколько времени, сказалъ, что невозможно тотчасъ же рѣшиться на сдѣланное ему предложеніе и просилъ дать срокъ на размышленіе. Ему дали пять минутъ сроку. На вопросъ, почему Чихачевъ не протестовалъ въ то время, когда обвиняли его и почему не представилъ дѣла въ настоящемъ его свѣтѣ, онъ сказалъ, что не сдѣлалъ этого единственно потому, что жалѣлъ подсудимую, зная раздражительность и мстительность ея мужа. Онъ искалъ только способа выйти изъ своего неловкаго положенія. Къ счастью для него, въ это время послышались въ сосѣдней комнатѣ шаги и голосъ Черешкевича, который взялся за ручку двери, чтобы отворить, но дверь оказалась запертою. Затѣмъ подсудимый сказалъ: «Сюда нельзя входить». Это обстоятельство въ соединеніи съ тѣмъ, что комната была заперта, что подсудимый говорилъ раздраженнымъ голосомъ, навело Черешкевича на мысль. нѣтъ ли тутъ чего нибудь серьезнаго. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился не уходить и отвѣтилъ: «Хорошо, я подожду», и сѣлъ на стулъ. Благодаря этому обстоятельству, Чихачевъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Послѣ этого подсудимые стали говорить съ Чихачевымъ по-французски. Чихачевъ сказалъ, что 5-ти минутнаго срока недостаточно, что ему нужно хорошо подумать, сдѣлать распоряженія и т. п. Подсудимые, зная, что въ сосѣдней комнатѣ сидитъ человѣкъ, близкій Чихачеву, не рѣшились на какую нибудь крайнюю мѣру и согласились дать отсрочку до 5 часовъ вечера съ тѣмъ, чтобы Чихачевъ въ это время далъ имъ свой отвѣтъ. Такимъ образомъ они его выпустили. Онъ вышелъ оттуда совершенно растерянный и взволнованный. Черешкевичъ взялъ его подъ руку и спросилъ, пригласить ли подсудимыхъ къ обѣду. Онъ отвѣтилъ: «какъ хочешь, какъ хочешь». Видя его сильно разстроеннымъ, Черешкевичъ поспѣшилъ его вывести и освѣдомился о причинѣ его разстройства. Чихачевъ разсказалъ ему всю прошедшую сцену и спросилъ его совѣта, какъ ему быть. Черешкевичъ сказалъ, что такое требованіе конечно слѣдуетъ отклонить. Вечеромъ въ квартиру Черешкевича явился подсудимый и спросилъ, нельзя ли ему видѣть Чихачева. Черешкевичъ сказалъ, что Чихачевъ чувствуетъ себя нехорошо и не можетъ принять. Подсудимый выразилъ удивленіе и написалъ записку, въ которой требовалъ отъ Чихачева отвѣта. Послѣдній просилъ Черешкевича передать, что онъ такъ заболѣлъ, что не можетъ даже прочесть записку. Тогда подсудимый написалъ другое письмо и просилъ его передать Чихачеву. Въ письмѣ этомъ онъ говорилъ, что будетъ ожидать отвѣта отъ Чихачева черезъ двѣ недѣли лично у себя въ деревнѣ, безъ всякихъ постороннихъ свидѣтелей. Дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ подсудимые уѣхали изъ Новоржева. Чихачевъ придумывалъ различныя мѣры, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ, но такъ какъ была дана отсрочка, то, не желая оставить дѣла, для котораго онъ пріѣхалъ, Чихачевъ занялся самымъ дѣятельнымъ образомъ, чтобы успѣть устроить дѣло до окончанія срока, не давъ никакого отвѣта на требованіе подсудимыхъ. Но, къ несчастію, онъ не успѣлъ во время окончить; срокъ кончался и онъ въ теченіе двухъ дней съ минуты на минуту ожидалъ появленія подсудимыхъ. Наконецъ онъ собрался уѣхать. Наканунѣ было сдѣлано распоряженіе, чтобы лошади были готовы. Чихачевъ долженъ былъ ѣхать съ фонъ-Витте, который зналъ объ исторіи. На другой день утромъ, когда Чихачевъ укладывалъ свой чемоданъ, фонъ-Витте пріѣзжаетъ на собственныхъ лошадяхъ, вбѣгаетъ въ комнату и говоритъ Чихачеву: «садитесь сейчасъ же, скорѣе, на моихъ лошадей и уѣзжайте,

потому что они пріѣхали, они здѣсь!» Чихачевъ выразилъ недовѣріе, но прежде чѣмъ онъ опомнился, на него надѣли фуражку и пальто, посадили въ экипажъ и кучеру приказали ѣхать на слѣдующую станцію. Спустя 10 минутъ послѣ отъѣзда Чихачева, явился подсудимый. Ему отвѣчали, что Чихачева нѣтъ, что онъ уѣхалъ. Онъ не повѣрилъ этому и сказалъ, что ему извѣстно, что еще вчера вечеромъ Чихачевъ былъ здѣсь. Но Церешкевичъ сказалъ, что его нѣтъ. Подсудимый ушелъ и вскорѣ возвратился уже съ женою и сталъ требовать свиданія съ Чихачевымъ. Тогда Церешкевичъ сказалъ, что они могутъ сами убѣдиться въ томъ, что Чихачева нѣтъ. Они обыскали квартиру по всѣмъ угламъ. Не найдя Чихачева, они были чрезвычайно раздражены, причемъ она кричала даже такія вещи: «я его убью, потому что онъ воспользовался моею невинностью и соблазнилъ меня!» Убѣдившись, что Чихачева нѣтъ, они ушли, а Церешкевичъ и фонъ-Витте взяли лошадей и отправились до слѣдующей станціи, гдѣ они догнали Чихачева, который поѣхалъ съ фонъ-Витте, а Церешкевичъ вернулся домой. Послѣдній встрѣтилъ подсудимыхъ на дорогѣ: они гнались за Чихачевымъ, но онъ успѣлъ уѣхать отъ погони и возвратился въ Петербургъ, гдѣ и разсказалъ происшедшую съ нимъ исторію.

По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ пріѣзда, Чихачевъ сталъ нѣсколько успокоиваться тѣмъ болѣе, что отъ Церешкевича получено было письмо, которымъ онъ увѣдомлялъ, что подсудимые, потерявъ надежду догнать Чихачева, возвратились обратно. Потомъ Церешкевичъ снова увѣдомилъ, что они уѣзжаютъ за границу. Тогда Чихачевъ рѣшился, распространивъ слухъ, что онъ самъ уѣзжаетъ за границу, скрыть свои слѣды, межтѣмъ поселился у свидѣтеля, когда онъ былъ въ лагеряхъ, въ Красномъ селѣ, гдѣ и пробылъ недѣли двѣ. До ноября никакого событія не произошло. Въ этотъ промежутокъ времени было лишь получено письмо отъ подсудимой, на которое Чихачевъ рѣшился написать отвѣтъ, объяснивъ свой взглядъ на дѣло и потребовавъ оставить преслѣдованіе. Отвѣтъ этотъ онъ составлялъ въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ. Письмо еще не было окончено, какъ отъ Церешкевича было получено извѣстіе, что подсудимый долженъ быть въ Петербургѣ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу мирового судьи Клингенберга. Получивъ письмо, Чихачевъ обратился за совѣтомъ ко многимъ изъ своихъ родственниковъ, причемъ выражалъ сильное опасеніе—не было бы покушенія на его жизнь. Никто не могъ допустить и мысли, чтобы дѣло могло имѣть такой трагическій конецъ. Ему совѣтовали обратиться къ полицейской власти, но онъ не рѣшился на это, говоря, что, можетъ быть, ничего и не будетъ. Тогда свидѣтель предложилъ ему другое средство. Зная, что онъ человѣкъ крайне нервный, неспособный объясняться хладнокровно, онъ просилъ позволить объясниться ему. Но и на это онъ не согласился, сказавъ, что подсудимый такой человѣкъ, «который позволитъ себѣ сдѣлать и вамъ дерзость, а, можетъ быть, что нибудь еще и хуже, притомъ же, если онъ узнаетъ, что я вамъ разсказалъ всю исторію, то еще болѣе будетъ преслѣдовать». Въ концѣ концовъ было рѣшено, что онъ будетъ объясняться не иначе, какъ въ присутствіи свидѣтеля и было условлено, что если будетъ со стороны подсудимаго какое нибудь сомнительное движеніе, то свидѣтель долженъ былъ его схватить, а Чихачевъ позвать людей. При этомъ рѣшено было принять подсудимаго въ 6 часовъ потому, что въ это время свидѣтель всегда былъ дома. Такимъ образомъ все было приготовлено, но дѣло устроилось совершенно иначе. 26-го ноября онъ возвратился домой часу въ 4-мъ, и такъ какъ былъ усталый, то, придя на половину Чихачева, противъ обыкновенія легъ до обѣда отдохнуть. Услыша во снѣ, что его кто-то будитъ, свидѣтель увидѣлъ Чихачева, который сказалъ вполголоса: «вставайте, они пріѣхали». Свидѣтель вскочилъ съ постели и сталъ надѣвать жилетъ и сюртукъ. Но въ это время въ сосѣдней комнатѣ раздались ихъ шаги. Чихачевъ вышелъ къ нимъ, притво-

ривъ за собою дверь. Тотчасъ же послышался горячій разговоръ, продолжавшійся не болѣе минуты, такъ что свидѣтель едва успѣлъ надѣть жилетъ, и вслѣдъ затѣмъ онъ услышалъ страшный шумъ. Разговоръ былъ слѣдующій. Подсудимая сказала Чихачеву: «я пришла требовать отъ васъ отвѣта на мое письмо». Отвѣтъ этотъ наканунѣ былъ окончательно составленъ и Чихачевъ, передавая ей это письмо, сказалъ: «вотъ отвѣтъ на ваше письмо. Въ немъ вы увидите все, что я намѣренъ былъ сообщить вамъ; затѣмъ я не имѣю желанія вести какіе либо переговоры и прошу васъ оставить меня. Если же вамъ понадобятся какія либо дополнительныя объясвенія, то относительно полученія ихъ отъ меня условимся». Письмо это, кажется, взялъ подсудимый, и обратился къ Чихачеву съ какою-то фразою, изъ которой можно было разслышать только слово «дуэль». Чихачевъ отвѣтилъ: «послѣ вашего поступка со мною я не признаю за вами права требовать отъ меня вызова съ вами на дуэль». Вслѣдъ за этими словами произошелъ страшный шумъ. Чихачева и подсудимаго свидѣтель засталъ лицомъ къ лицу въ схваткѣ, руки поднимались и опускались. Не предполагая, что у подсудимаго въ рукахъ оружіе, свидѣтель бросился къ нему, схватилъ его за лѣвую руку и началъ тащить его отъ Чихачева. Къ несчастію, Чихачевъ совершенно растерялся и когда свидѣтель тащилъ подсудимаго, онъ продолжалъ его преслѣдовать и безсознательно наносить ему удары. Такимъ образомъ, протащивъ подсудимаго половину комнаты, свидѣтель опрокинулъ его на диванъ и наконецъ обхватилъ обѣими руками. До этого времени онъ не подозрѣвалъ, что у него въ рукѣ ножъ, а тутъ, когда лишилъ его возможности двигаться, то увидѣлъ въ правой его рукѣ ножъ. Когда онъ держалъ его на диванѣ, возлѣ котораго у столика стоялъ Чихачевъ, вдругъ раздался выстрѣлъ. Чихачевъ, видя, что подсудимый у него въ рукахъ, сказалъ: «ну, все кончено, теперь ихъ нужно въ полицію». Но въ это время онъ самъ увидѣлъ кровь на себѣ и проговорилъ: «я раненъ, раненъ». Услышавъ выстрѣлъ и сознавая затруднительность своего положенія, свидѣтель нѣсколько приподнялъ подсудимаго и повернулся къ его женѣ. Она стояла посреди комнаты, дворникъ схватилъ ее сзади за руки и потащилъ. Въ это время раздался новый выстрѣлъ. Дворникъ увлекъ ее на лѣстницу, а свидѣтель втащилъ подсудимаго въ переднюю и заперъ дверь, такъ что онъ остался въ передней одинъ съ ножомъ. Затѣмъ на черной лѣстницѣ онъ увидѣлъ подсудимую, окруженную людьми. Она переговаривалась съ мужемъ, бывшимъ за дверью въ передней. Она спрашивала, не случилось ли съ нимъ что нибудь? Свидѣтель, чрезвычайно взволнованный, замѣтилъ, что теперь не до нѣжностей, тѣмъ болѣе, что, по его убѣжденію настоящій ея врагъ былъ ея мужъ, который руководилъ всѣми ея поступками и котораго она была слѣпымъ орудіемъ. Въ это время кто-то сказалъ, что Чихачевъ сильно раненъ. Она обратилась къ мужу и сказала черезъ дверь: «слышишь, Колинька, я его убила», но онъ отвѣтилъ: «такъ помни же, что я тебѣ говорилъ». Затѣмъ явилась полиція и судебный слѣдователь. На вопросъ о личности Чихачева свидѣтель отвѣтилъ, что можетъ сказать, что это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые своею непонятною, непостижимою добротою могутъ даже раздражать человѣка—до такой степени онъ былъ мягокъ. Вообще это былъ человѣкъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже слабый, чрезвычайно впечатлительный и въ высшей степени нервный, но въ то же время замѣчательно честный и правдивый, который во многихъ случаяхъ своей жизни не только на словахъ, но и дѣйствительно на дѣлѣ доказалъ въ высшей степени гуманность, человѣчность и доброту. Онъ не имѣлъ особенной надобности служить и если служилъ, то изъ принципа, изъ желанія принести посильную пользу обществу, и пользовался безусловнымъ уваженіемъ за свою дѣятельность. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ устроилъ на свой счетъ сельскую школу въ которой до 70 учениковъ. Каждый годъ онъ жертвовалъ сумму, необходимую на содержаніе училища и на уплату учителю жалованья. Кромѣ

того, онъ постоянно посылалъ въ школу учебныя пособія и переписывался съ своими учениками, которые въ письмахъ къ нему выражали ему полную благодарность. Въ духовномъ завѣщаніи Чихачевъ отказалъ 10,000 руб. въ распоряженіе земства съ тѣмъ, чтобы оно на вѣчныя времена содержало изъ % съ этого капитала устроенную имъ, Чихачевымъ, школу. Онъ былъ женатъ, но разъѣхался съ женою и, несмотря на то, что въ семейной жизни онъ, кромѣ неудачъ и несчастія, ничего не видѣлъ отъ жены, тѣмъ не менѣе, когда она отъ него уѣхала, онъ старался дать ей способы пріобрѣсти честное положеніе. Онъ предлагалъ ей разводъ, предлагалъ даже собственныя средства на веденіе бракоразводнаго дѣла и только требовалъ, чтобы иниціатива начатія дѣла была со стороны жены. Свидѣтелю приходилось неоднократно слышать отъ него, что если бы жена его почему либо принуждена была разойтись съ близкимъ ей человѣкомъ и была бы имъ покинута, то онъ принялъ бы ее опять въ свой домъ. Въ духовномъ завѣщаніи, въ виду того, что это можетъ случиться, желая дать ей какія либо средства въ жизни, онъ отказалъ ей 5000 р. Свидѣтель признавалъ его за человѣка въ высшей степени, даже до странности, деликатнаго въ сношеніяхъ съ женщинами.

Свидѣтель Воронинъ (дворникъ) показалъ, что онъ былъ въ кухнѣ, находившейся напротивъ квартиры Чихачева, услышалъ крикъ и бросился туда. Вбѣжавъ въ комнату, онъ увидѣлъ около дивана Чихачева и противъ него какого-то господина, который «совалъ» ему въ грудь. Онъ подбѣжалъ къ нимъ и сзади хотѣлъ схватить этого господина, но тотчасъ же почувствовалъ боль въ рукѣ. Оказалось, что господинъ совалъ въ грудь Чихачева ножомъ, который попалъ между пальцевъ руки свидѣтеля и порѣзалъ ихъ. Тутъ выскочилъ фонъ-Раабенъ, схватилъ господина, а свидѣтелю приказалъ держать барыню. Потомъ послышался выстрѣлъ; онъ схватилъ барыню и потянулъ, но тутъ раздался второй выстрѣлъ, и тогда свидѣтель уже не церемонился съ барыней, повалилъ ее и вытащилъ на лѣстницу. Когда онъ держалъ господина, то барыня ругала Чихачева: «подлецъ, мерзавецъ, скотина». Стоя на лѣстницѣ, барыня спрашивала господина: «Коля, гдѣ у тебя ножъ?» Тотъ отвѣчалъ, что бросилъ его въ форточку. Потомъ свидѣтель сказалъ, что Чихачевъ раненъ и чуть живъ. На это господинъ сказалъ: «ну, и Богъ съ нимъ!»

Свидѣтель *Поповъ*, племянникъ Чихачева, отозвавшійся о дядѣ въ самыхъ симпатизирующихъ выраженіяхъ, объяснилъ, въ дополненіе къ подтвержденному имъ вполнѣ показанію фонъ-Раабена, что подсудимый послѣ катастрофы былъ совершенно спокоенъ, курилъ папиросы и пилъ предложенный ему чай; сначала, по приходѣ полиціи, онъ ругалъ Чихачева мерзавцемъ, но потомъ попросилъ передать ему свое сожалѣніе о случившемся.

Свидѣтельница *Попова* показала, что братъ ея Чихачевъ передавалъ ей объ исторіи въ Ашевѣ совершенно согласно съ тѣмъ, что говорилъ фонъ-Раабену; она не считала его способнымъ быть виновнымъ въ насиліи относительно подсудимой, такъ какъ къ женщинамъ онъ вообще относился сдержанно и застѣнчиво.

По показанію *Черешкевича* — подсудимый былъ человѣкъ раздражительный, мстительный и неуживчивый,— бранилъ всѣхъ и все и ни съ кѣмъ не ладилъ; Чихачевъ былъ честный и добрый человѣкъ, совершенно неспособный на насиліе; — онъ отказался дать подсудимой въ Ашевѣ подписку, что былъ съ нею въ близкихъ отношеніяхъ противъ ея воли и не хотѣлъ, несмотря на разспросы, повторить тѣ интимныя подробности, которыя при немъ и при мужѣ разсказывала она при объясненіяхъ, окончившихся требованіемъ самоубійства.

Свидѣтельница *N*—жена брата подсудимой, объяснила, что, по выходѣ изъ института, послѣдняя была такъ наивна, что часто предлагала вопросы, свойственныя малымъ дѣтямъ, почему, считая ея совершенно неопытною въ

жизни, свидѣтельница совѣтовала ей быть осторожнѣе съ мужчинами, рисуя возможность всякихъ несчастій и потери репутаціи. Подсудимая держала себя очень скромно,— была весела и спокойна, ни на что не жаловалась.

Цѣлый рядъ свидѣтелей—княгиня *Хованская*, г-жа *Философова, Полянскій, Левенталь, Дурново, Неклюдовъ*, генералъ *Стенбокъ-Ферморъ* и *Львовъ* — въ общихъ чертахъ подтвердили разсказъ фонъ-Раабена о происшествіи въ Ашевѣ, указавъ и на разныя видоизмѣненія описанія обстоятельствъ этого происшествія, образовавшія вслѣдствіе уѣздной молвы. Всѣ они объяснили, что Чихачевъ былъ добрый и благородный человѣкъ, склонный къ ухаживанію за женщинами и несчастный въ семейной жизни,—хлопотавшій о школахъ и ссудосберегательныхъ товариществахъ. Подсудимый, въ этихъ же показаніяхъ, былъ обрисованъ, какъ безусловно честный, но нѣсколько безпорядочный человѣкъ, раздражительный и гордый,— выражавшійся очень рѣзко обо всѣхъ, обзывая большинство людей, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе, «сволочью» и «идіотами»,— очень нелюбимый въ уѣздѣ, но уважаемый за свою энергическую общественную дѣятельность. Онъ очень любилъ собирать оружіе.

По выслушаніи свидѣтелей, *подсудимый,* волнуясь и по временамъ останавливаясь, далъ подробное показаніе, въ которомъ, между прочимъ, объяснилъ, что жена его была самая прекрасная, любящая и преданная супруга и раздѣляла всѣ его понятія. Потомъ она сдѣлала ему признаніе. Попытки къ этому признанію у нея были и прежде, но онъ не настаивалъ. Онъ объясняетъ это признаніе желаніемъ очистить совѣсть. Онъ жилъ съ женою такъ, что никакихъ секретовъ между имъ и женою не было. То, что она ему разсказала, его ужасно поразило, потому что она всегда представлялась ему невинною и чистою. По ея натурѣ, по всей обстановкѣ, онъ вѣритъ вполнѣ, что все вышло по ея неопытности, незнанію, противъ ея воли и желанія. Жена разсказала ему, что Чихачевъ часто у нихъ бывалъ, ухаживалъ за нею, былъ очень любезенъ, жаловался на свою горькую судьбу и возбудилъ въ ней состраданіе. Когда произошла связь, Чихачевъ высказывалъ ей свое сожалѣніе объ этомъ, раскаявался въ своемъ поступкѣ и просилъ, чтобы это осталось въ полнѣйшей тайнѣ между ними. При этомъ говорилъ, что соблюденіе тайны необходимо для ея же собственной пользы, потому что иначе пойдетъ молва и для нея могутъ быть весьма непріятныя послѣдствія. Все это заставило ее молчать. Когда она сдѣлалась невѣстою подсудимаго, Чихачевъ, встрѣтивъ ее случайно, напомнилъ ей обѣщаніе взять его посаженымъ отцомъ, причемъ онъ сказалъ, что этимъ она покажетъ, что дѣйствительно чистосердечно его простила. По выслушаніи разсказа жены, у подсудимаго, помимо его воли, возникли сомнѣнія относительно многихъ обстоятельствъ. Сначала онъ полагалъ, что все такъ и было, какъ она разсказывала: онъ зналъ, что она была въ высшей степени неопытна и наивна. Но потомъ онъ сталъ выражать невольно различныя сомнѣнія. Вообще, онъ не умѣлъ сначала справиться со всѣмъ этимъ. Желая разъяснить свои сомнѣнія, онъ потребовалъ объясненій жены съ Чихачевымъ въ присутствіи своемъ. По мнѣнію подсудимаго, Чихачевъ былъ человѣкъ честный, мягкій, добрый, но онъ легко поддавался вліянію другихъ людей. Подсудимый, какъ и его жена, думали, что Чихачевъ никому не станетъ разсказывать о ихъ объясненіи. Они хотѣли вызвать его на дуэль и желали, чтобы это оставалось для всѣхъ тайной. Поводъ къ дуэли можно было придумать иной. Вслѣдствіе этого въ Ашевѣ они выбрали уединенную квартиру. Подсудимый пошелъ къ Чихачеву, который встрѣтилъ его объятіями и поцѣлуями, которые оставили въ немъ весьма тяжелое впечатлѣніе. Когда жена стала разсказывать, то просила Чихачева поправлять ее, если онъ замѣтитъ, что она что нибудь пропустила. Онъ обѣщалъ. Онъ прямо не утверждалъ и не отрицалъ всего того, что говорила жена. Когда было упомянуто слово насиліе,

онъ сказалъ, что не признаетъ такое дѣйствіе насиліемъ. Тогда, въ раздраженномъ состояніи, жена ему напомнила его обѣщаніе и клятву пожертвовать для нея жизнію. Тутъ же въ раздраженіи подсудимый употребилъ нѣкоторыя бранныя слова, обращенныя къ Чихачеву. Объясненіе это кончилось приходомъ Церешкевича. Жена его дѣйствительно предложила Чихачеву лишить себя жизни и дала 5 минутъ сроку на размышленіе. Подсудимый смѣялся надъ этой выходкой жены и надъ затруднительнымъ положеніемъ Чихачева. Указывала ли она при этомъ на пистолетъ и ножъ—подсудимый не знаетъ и утвердительно не можетъ сказать, было ли это оружіе въ карманѣ или на столѣ. Уходя, Чихачевъ далъ честное слово, и подсудимый вѣритъ, что это слово было дано искренно и съ желаніемъ его сдержать, что онъ придетъ въ 5 часовъ окончить объясненіе. При этомъ жена подсудимаго сказала Чихачеву: «смотрите, не говорите никому». Чихачевъ не явился въ 5 часовъ и подсудимый уѣхалъ къ себѣ въ деревню; прошло двѣ недѣли, но Чихачевъ все не являлся. Такъ какъ все это дѣло чрезвычайно безпокоило подсудимаго, то онъ съ женою отправился опять въ Ашево къ Чихачеву. Придя къ Церешкевичу, онъ узналъ, что Чихачевъ уже уѣхалъ, и убѣдившись въ этомъ, онъ просилъ Церешкевича передать Чихачеву вызовъ на дуэль. Еще въ то время, когда жена призналась ему, онъ хотѣлъ вызвать Чихачева на дуэль, но прежде желалъ объясниться; а объясненія не были окончены. Церешкевичъ передалъ Чихачеву вызовъ. Чихачевъ черезъ Церешкевича же отвѣчалъ, что послѣ того, что было въ Ашевѣ, онъ не можетъ принять вызова. Подсудимый понялъ этотъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что Чихачевъ считалъ себя оскорбленнымъ тѣми бранными словами, которыя сказалъ ему подсудимый въ кабачкѣ. Поэтому онъ сказалъ, что это есть не причина уклоненія отъ дуэли, а наоборотъ. Послѣ этого подсудимаго еще болѣе раздражило то, что Чихачевъ невѣрно разсказывалъ сцену въ кабачкѣ. Потомъ онъ взялъ отпускъ и уѣхалъ за границу посмотрѣть вѣнскую выставку и побывать въ другихъ мѣстахъ, чтобы нѣсколько развлечься. За границей и здѣсь, всѣ 6 мѣсяцевъ подсудимый былъ въ страшно возбужденномъ состояніи, спалъ часа по четыре въ сутки, но ревности въ немъ не было, потому что онъ вѣрилъ женѣ, что все было случайно. Онъ вѣрилъ, что послѣ того, какъ она сдѣлалась его женою, она любила его... Трудно опредѣлить тѣ чувства, которыя его волновали. Онъ не могъ справиться съ своими сомнѣніями. Они возрастали больше и больше. Хотѣлось знать поведеніе Чихачева. Подсудимый старался заглушить свои чувства, былъ въ Вѣнѣ, осматривалъ все... чувствовалъ физическое утомленіе... потомъ къ нему снова вернулось прежнее нервное состояніе и онъ написалъ Чихачеву письмо, которое вчернѣ находится при дѣлѣ. Съ Чихачевымъ онъ былъ въ самыхъ отличныхъ отношеніяхъ въ то время, когда вмѣстѣ служили. Дѣйствительно, у подсудимаго характеръ рѣзкій, раздражительный, но это было въ отношеніи общественныхъ дѣлъ. Со стороны же Чихачева онъ пользовался уваженіемъ. Пріѣхавъ въ Новоржевъ изъ-за границы, онъ узналъ, что ходитъ молва о всей этой исторіи; ему казалось, что всѣ знаютъ это дѣло. Положеніе его сдѣлалось еще хуже... Дошло до того, что подсудимый совершенно не могъ владѣть собою и сталъ дѣлать сцены женѣ. Когда 26-го числа имъ сказали, что Чихачевъ дома, онъ зналъ, что будетъ рѣшительное объясненіе. Онъ желалъ вызвать Чихачева на дуэль, но предварительно просить разъяснить сомнѣнія. Зная свой горячій характеръ, подсудимый, идя по лѣстницѣ, отдалъ револьверъ женѣ. Онъ зналъ, что на другой день нужно было быть въ судебной палатѣ. Если бы былъ умыселъ убить Чихачева, то онъ отложилъ бы это до другого раза. Къ нимъ вышелъ Чихачевъ. Жена сказала, что желаетъ переговорить съ нимъ. Онъ подалъ ей письмо и сказалъ, что это отвѣтъ на ея письмо. Подсудимый взялъ это письмо и положилъ въ карманъ. Чихачевъ сказалъ, что готовъ дать объясненіе, но послѣ того, какъ будетъ прочитано письмо. Под-

судимый отвѣтилъ, что прочтетъ его здѣсь. Чихачевъ возразилъ, что не хочетъ, чтобы они оставались въ его квартирѣ. Будучи радъ, что нашелъ его и зная, что онъ скрывался, подсудимый не повѣрилъ его обѣщанію дать объясненіе и выразилъ это ему. Чихачевъ сказалъ возвышеннымъ голосомъ и держа себя вызывающе, что проситъ выйти. Тогда подсудимый сказалъ ему, что вызываетъ его на дуэль. Онъ отвѣтилъ, что не хочетъ стрѣляться послѣ того предложенія, которое ему было сдѣлано въ Ашевѣ. Сказавъ, что это все равно, подсудимый повторилъ свой вызовъ. Тотъ отказался. Тогда подсудимый далъ ему пощечину, отъ которой онъ опрокинулся къ двери, но быстро поднялся и бросился на него съ криками и бранью: «дворника сюда, вязать ихъ веревками!». Одновременно съ этимъ отворилась дверь изъ другой комнаты, вбѣжалъ офицеръ и вмѣстѣ съ Чихачевымъ бросились на подсудимаго, и Чихачевъ началъ его бить. Онъ въ это время тоже, кажется, отражалъ удары, но ножа тогда у него въ рукахъ не было. Его потащили къ дивану. У него осталось только то впечатлѣніе, что вынимать ножъ было неловко; ему было тяжело, потому что держали за лѣвую руку... Вынувши ножъ, онъ одной рукой держалъ его за лезвіе, другой за черенокъ. Когда онъ наносилъ удары ножомъ, онъ не могъ видѣть лица Чихачева, потому что тотъ обѣими руками наносилъ ему удары по лицу, и притомъ очень учащенные... потомъ послѣдовали два выстрѣла... жену увели, а его оставили въ передней одного. Въ то время у него было такъ мало сознанія, что когда онъ остался одинъ, то прежде всего началъ читать письмо, которое Чихачевъ отдалъ женѣ и оторвался отъ этого чтенія только тогда, когда жена съ лѣстницы назвала его и сказала, что Чихачевъ опасно раненъ. Это его очень огорчило и онъ просилъ передать Чихачеву, что проситъ у него прощенія, что это случилось нечаянно, противъ воли. Оторвавшись отъ чтенія письма, онъ первый разъ увидѣлъ свой ножъ и положилъ его на столъ, а такъ какъ къ нему боялись войти, то онъ бросилъ ножъ въ форточку и сказалъ объ этомъ. Вообще, признавая себя виновнымъ въ нанесеніи ранъ, подсудимый отрицалъ умыселъ въ своихъ дѣяніяхъ.

Подсудимая показала, что созналась мужу потому, что «это лежало у нея на совѣсти» и она, кромѣ того, отчасти опасалась, чтобы слухи объ ея отношеніяхъ къ Чихачеву не дошли до мужа окольнымъ путемъ, чрезъ жену послѣдняго. Она не знала, что у мужа былъ ножъ и думала, что убила Чихачева своими выстрѣлами, которые сдѣлала безсознательно, думая защитить мужа, котораго били и который кричалъ.

Во время судебнаго слѣдствія были прочитаны два акта осмотра поврежденій у Чихачева, изъ коихъ видно, что ему нанесено было 6 ранъ; изъ нихъ двѣ болѣе значительныя, каждая въ 3 дюйма величины, нанесены въ грудь острымъ рѣжущимъ оружіемъ: одна—на лѣвой сторонѣ груди, по направленію сверху внизъ, а другая—на правой сторонѣ груди — въ прямомъ направленіи. Эти двѣ раны въ грудь признаны врачами безусловно смертельными и составляющими единственную причину смерти Чихачева.

Далѣе были прочитаны слѣдующія письма:

1) *Письмо подсудимаго къ Чихачеву изъ Берлина:* «Нѣтъ ничего возмутительнѣе, какъ личность пошлая и ничтожная во всѣхъ отношеніяхъ... прозябаетъ, не сознавая своихъ гадостей. Въ васъ нѣтъ даже ничего цѣльнаго, все мелко. Вы глуповаты, пошлы и падки на деньги. Одно только прилагательное относится къ вамъ не въ уменьшительной степени: вы трусъ. Чѣмъ больше я вдумываюсь во всѣ извѣстныя мнѣ фазы вашего существованія, тѣмъ все гаже и гаже представляется мнѣ ваша личность—ни одного смягчающаго обстоятельства. Вы пошлый человѣкъ. Жалѣть можно только орла, которому подрѣзали крылья, но не такого человѣка, какъ васъ. У васъ нѣтъ ума, такъ что вамъ нельзя и сойти съ ума. Я гнался за вами, чтобы вызвать васъ на дуэль и чтобы поступить съ вами, какъ съ отказывающимся

отъ дуэли по трусости, т. е., чтобы побить васъ палкою. Вы истолковали мое намѣреніе вашему другу Черешкевичу, что будто бы васъ хотятъ убить. Какъ у васъ хватило смысла предположить это? У васъ трѣбовали объясненій, а вы разсудили за лучшее бѣгать!»

2) *Письмо подсудимой къ Чихачеву:* «Кажется, терпѣнію моему есть тоже границы! Не понимаю, какъ вы смѣли меня повергнуть въ такую гнусную клевету, заявивъ, будто бы я говорила вашему другу, что я обезчещена вами! Вы знаете, что это гнусная ложь. Еслибы у васъ была хоть капля чести, то вы должны были опровергнуть это, а вы оставили несчастную женщину оклеветанною предъ мужемъ и обществомъ. Вы предпочли лучше бѣжать, разсказавъ еще, что будто бы я предлагала вамъ ядъ, кинжалъ и пистолетъ. Какъ сильно развито у васъ воображеніе! Какой позоръ претерпѣла я, когда должна была въ присутствіи васъ и мужа повторять все слышанное! Вы же, честнѣйшій и благороднѣйшій, стали еще болѣе оскорблять меня. Развѣ при вашемъ входѣ мы накинулись, чтобы убить васъ? Нѣтъ, я просила только разъяснить васъ все сказанное мужу. На какомъ основаніи ваша жена говорила всѣмъ, что я безчестная и гадкая? Слыша подобные отзывы и не привыкшая скрывать отъ мужа ничего, я сказала вамъ, что честь женщины возстановляется смертью — это вашъ собственный принципъ — но не дѣлала никакихъ предложеній, а вы убѣжали, какъ подстрѣленный заяцъ, можетъ быть отъ трусости, и въ 5 часовъ сдѣлались уже больны. Вы просто воришка, а не воръ,—у вора все таки есть свое самолюбіе и храбрость,— потому что вкрались въ домъ, притворились жалкимъ, возбудили къ дѣвушкѣ жалость къ себѣ. А какъ благородно вы отплатили за участіе! Вы клятвопреступникъ, потому что не исполнили своей клятвы по своему малодушію и безхарактерности. Вы не подумали даже о чести женщины, о необходимости ее оградить. Въ оправданіе своей трусости вы разсказывали, что васъ хотятъ убить. Если бы вы не прикинулись тогда жалкимъ, то скандала не было бы. Видно, что вы такъ струсили, что не сообразили, до какой степени распространяемая вами чушь нелѣпа. Неужели вы могли подумать, что изъ-за такого труса, какъ вы, людя стали бы подвергаться тюрьмѣ и ссылкѣ въ Сибирь!? Я требую удовлетворенія моей чести. Скажите вашему другу, чтобы онъ не смѣлъ распространять такой лжи, такъ какъ я ничего подобнаго не могла сказать. Я обращалась къ вашему другу, какъ къ военному, у котораго понятіе о чести все-таки болѣе развито, потому что я желаю разъяснить, что всегда была честною, а изъ всѣхъ вашихъ словъ видно, какъ безсовѣстно оклеветалъ меня вашъ другъ. Я только ясно вижу, что вы дѣйствительно говорили ему что нибудь подобное, потому что въ письмѣ приведены ваши фразы слово въ слово. Онъ пишетъ между прочимъ, что вы очень храбры, хотя тутъ же говоритъ, что вы такъ испугались, что бѣжите въ Константинополь, и смѣлъ прибавить: «странно, 5 лѣтъ молчали, а теперь подняли исторію». Я проклинаю васъ за все зло, которое вы мнѣ сдѣлали. Я выходила замужъ для того, чтобы доставить мужу тихую, спокойную жизнь, а что же оказывается?! Вся грудь такъ и переворачивается отъ ужасающей мерзости! Кто-же какъ не вы-же отняли мое семейное счастье? Если ваша совѣсть совсѣмъ заглохла, то моя тѣнь будетъ постоянно преслѣдовать васъ, какъ клятвопреступника и убійцу. Я ненавижу, я презираю васъ! Какъ вы смѣли думать, что за вами гонятся, чтобы убить васъ. Вы такой жалкій человѣкъ, что благородные люди не станутъ марать руки. Я просто хотѣла удовлетворить свою злобу и побить васъ очень больно, а пока посылаю пощечину, отъ которой щека ваша распухнетъ, вы это вполнѣ заслужили, какъ трусъ и подлецъ. Вы вѣдь такъ безхарактерны, что на васъ имѣютъ вліяніе всѣ. Стоитъ только кому нибудь сказать вамъ: «мнѣ все извѣстно, я все знаю», причемъ васъ и пожалѣютъ, а вы сейчасъ же станете изливаться, а тѣ только это и хотятъ. Но повторяю, не смѣйте поддаваться

на эту удочку. Вы даже врете все изъ самолюбія, какъ это свойственно вашей натурѣ. Я думаю, что вашъ другъ нарочно написалъ моему мужу извѣстную фразу, чтобы дать понять, что онъ, какъ единственный вашъ другъ, посвященъ вами во всѣ подробности. Но мой мужъ пока подождетъ его трогать, а вы должны мнѣ написать, всѣмъ ли вашъ пріятель распространилъ эту ложь или перепуталъ все слышанное отъ васъ, желая представить васъ непорочнымъ агнцемъ, въ чемъ вы можете быть искренно разувѣрены, потому что оба вы, подлецы, оклеветали честную и благородную женщину. Вотъ гдѣ видна ваша честность! Не правда-ли, какъ это благородно?! Вы такъ много заслужили наказаній, что я не могу даже подобрать вамъ настоящее. Я какъ-то слышала, что вы отъ трусости совершенно помѣшаны, и потому самое лучшее если вы послѣдуете примѣру вашего родственника. Ничѣмъ вы не загладите вашего безчестнаго поступка. Вы опозорили и убили меня нравственно и физически. Для вашей натуры не можетъ быть понятно, какъ сильно дѣйствуетъ на честныхъ людей клевета. Я требую, чтобы вы возвратили мои письма обратно и чтобы вы мнѣ написали чистую правду. Не налгали ли вы еще чего нибудь хотя бы въ пьяномъ кружкѣ для краснаго словца? Теперь вездѣ стали ходить ложные слухи, гнусныя сплетни. Я желаю знать, изъ какихъ источниковъ они распространяются. По полученіи этого письма, пришлите мнѣ «отвѣтъ» вмѣстѣ съ вашимъ настоящимъ адресомъ».

3) *Отвѣтъ Чихачева на это письмо*: «Недавно мнѣ было передано ваше письмо. На первой же строкѣ его заключаются ни на чемъ не основанныя требованія. Вы пишите, какъ я могъ повѣрить клеветѣ моего друга и проч. Прежде всего, кто далъ вамъ право обращаться съ такимъ повелительнымъ тономъ? Подумали ли, что́ вы пишете? Сообразили ли вы, что я не былъ при тѣхъ сценахъ, которыя произошли послѣ моего отъѣзда? Поэтому я не могу ни подтверждать, ни отрицать того, чего не знаю. Притомъ, я не имѣю права приказывать Ц., какъ человѣку самостоятельному и настолько честному, что онъ неспособенъ распускать гнусную клевету и искажать совершившійся фактъ. Въ вашемъ письмѣ находится рядъ ругательствъ, въ которыхъ вы очень изощрились. Но нѣтъ ничего легче, какъ произносить ругательства, да еще заимствованныя отъ другихъ. Они ничего не доказываютъ, никого не оскорбляютъ, а только унижаютъ тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ такимъ унизительнымъ средствамъ. Ваше письмо наполнено такими противорѣчивыми одинъ другому фактами, что его слѣдовало бы оставить безъ отвѣта. Но я рѣшился отвѣчать потому, что то пассивное положеніе, которое я принялъ въ отношеніи васъ, вмѣсто того, чтобы быть понятымъ вами, служитъ вамъ надолго пищей для вашихъ ругательствъ. Въ началѣ письма вы такъ пишите: «вы безчестный трусъ, вы оставили несчастную женщину, оклеветанную предъ мужемъ и обществомъ». Слово «безчестный трусъ» вы обратили ко мнѣ на томъ основаніи, что во время вашего перваго пріѣзда и объясненія я молчалъ и былъ очень смущенъ, и если ничего не высказалъ, то съ тѣмъ, чтобы оградить васъ отъ обвиненія и взвалить все на себя. Мое смущеніе и образъ дѣйствія вы называете безчестной трусостью. Но, не приписывая себѣ воинственныхъ наклонностей, я долженъ объяснить, что меня приводила въ смущеніе не та обстановка, въ которой вы меня приняли, а неожиданность той сцены. Я не хотѣлъ увеличивать вашего горя и потому избѣгалъ объясненій, такъ какъ каждое изъ нихъ могло быть очень невыгодно для васъ. Я испытывалъ мучительное чувство, узнавъ, что тайна, которую я скрывалъ, открыта, до сихъ поръ не понимаю, кѣмъ. Все это такъ было тяжело, что я не обратилъ вниманія на ругательство вашего мужа. Въ то время мнѣ не представлялось никакого исхода, какъ принять предложеніе, которое дѣлается въ этихъ случаяхъ. Вы не можете отрицать того, что выслушавъ все безъ возраженія, я спросилъ, чего отъ меня требуютъ и

думалъ, что получу достойный отвѣтъ. Но вмѣсто того услышалъ вещи, которыя никогда не могли мнѣ придти на умъ. Вы предложили мнѣ лишить себя жизни. Какъ ни тяжело было у меня на душѣ, но мнѣ показалось это смѣшнымъ. Вашъ мужъ угрожалъ, что я буду убитъ. Не отрицайте и не искажайте этихъ фактовъ. Какъ назвать человѣка, который хочетъ отстранить отъ себя опасность, считая себя оскорбленнымъ и предоставляетъ женѣ своей сдѣлать противнику подобное предложеніе? Вы помните, что дали мнѣ 5 минутъ на размышленіе и согласились продлить это время до 5 часовъ, съ условіемъ сохранить тайну объ угрозѣ. Какъ все было хорошо придумано! Вамъ не предстояло ни отвѣтственности, ни опасности. Но какъ ни хитро было это придумано, однако, все показываетъ, что вы были слишкомъ омрачены эгоизмомъ. Послѣ всего случившагося могла ли быть рѣчь о свиданіи? Предположеніе, что послѣ того я приду къ вамъ, могъ сдѣлать человѣкъ только въ несовершенно здравомъ разсудкѣ. Во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ я видѣлъ своихъ враговъ, по долгу чести я продолжалъ, однако, хранить все въ тайнѣ. Я ускорилъ свой отъѣздъ и назначилъ его на 11-е число. Желая избѣжать объясненій съ вами, я поспѣшилъ уѣхать, но случившееся послѣ моего отъѣзда превзошло все, чего я могъ ожидать. Происшедшій скандалъ вслѣдствіе вашихъ поисковъ и погони сдѣлались всѣмъ извѣстными и темою для разговора и, разумѣется, многое было преувеличено и искажено. Послѣ этого я имѣлъ полное право объяснить, какія вы дѣлали мнѣ предложенія и угрозы. Несмотря на то, ни въ народѣ, ни въ обществѣ ничего не знали. Ходили только смутные слухи по случаю вашего пріѣзда, помѣщенія вашего въ трущобѣ и другихъ непонятныхъ обстоятельствъ. Но что было только догадкою, то обратилось въ молву послѣ вашихъ необдуманныхъ поступковъ. Вы были сами причиною огласки. Вся тяжесть падаетъ на васъ, а еще болѣе на вашего мужа, заставившаго васъ играть такую роль. До сихъ поръ я избѣгалъ и васъ, и объясненій съ вами, но письмо вынуждаетъ меня отвѣчать. Прежде чѣмъ кончить, я долженъ сказать, что послѣ случившагося вы не въ правѣ предъявлять ко мнѣ требованій. Я самъ знаю, какъ поступить и письмо ваше оставлю при себѣ. Не могу пройти молчаніемъ того мѣста письма, гдѣ вы выражаете желаніе, чтобы я прикинулся сумасшедшимъ. Но это цѣлесообразнѣе сдѣлать тѣмъ, которые своими дѣйствіями причинили огласку. Слухъ вашъ о томъ, что я сумасшедшій и вашъ намекъ на моего родственника сдѣланы некстати; оставьте въ покоѣ. Я не могу не остановиться еще на слѣдующемъ. Такъ, напримѣръ, вы говорите: «вы просто воришка; вкрались въ домъ, возбудили въ неопытной дѣвушкѣ жалость къ себѣ». Какая правда! Только позвольте вамъ замѣтить, что въ домъ вкрадываться, чтобы возбудить жалость въ неопытной дѣвушкѣ, мнѣ не было никакой надобности, потому что я часто бывалъ въ этомъ домѣ, прежде чѣмъ узналъ о существованіи этой неопытной дѣвушки. Отчего вы меня называете воришкой—я не знаю, такъ какъ я никогда ничего не бралъ, чего мнѣ добровольно не давали. Вы говорите, что не привыкли скрывать отъ мужа ничего. Однако, сколько лѣтъ вы отъ него скрывали. Если вы считали себя высоконравственной женщиной, то отчего вы не сообщили мужу до замужества? Вы могли тогда же совершенно честно сказать ему объ этомъ. Поэтому вашъ мужъ не имѣетъ теперь права обращаться съ требованіями. Всѣ понятія въ вашемъ письмѣ такъ перепутаны, что я спрашиваю васъ: что вы разумѣете подъ словами клевета и правда? Никто этого не объяснитъ. Одно только ясно въ вашемъ письмѣ — это напускная злоба, всплывшая точно по щучьему велѣнью, послѣ многихъ лѣтъ спокойствія, и бредъ разстроеннаго воображенія. Слушайте: въ отношеніи васъ я все сдѣлалъ, сохранилъ тайну и до начала поднятія вами исторіи никто не смѣлъ сказать про васъ ни одного слова. Всѣ ваши предположенія не имѣютъ основанія. Вы поступили со мной безсовѣстно, взваливъ все на

меня. Съ этого времени я имѣю причину считать васъ врагомъ. Несмотря на это, я васъ щадилъ для того, чтобы не поставить меня въ положеніе вашего обвинителя. Вы, истолковавъ обратно мои поступки, назвали меня безчестнымъ трусомъ и т. п. Въ словесныхъ объясненіяхъ надъ вами могла тяготѣть всецѣло воля вашего мужа. За это же письмо отвѣтственность падаетъ на васъ. Поэтому во мнѣ уничтожилось всякое сочувствіе къ вашему положенію. Съ этого времени у меня не существуетъ никакихъ обязательствъ въ отношеніи къ вамъ. Я смотрю на васъ, какъ на злѣйшаго врага. Избѣгать васъ мнѣ нѣтъ причины, точно такъ же какъ нѣтъ надобности съ вами встрѣчаться. Если же со стороны васъ будетъ покушеніе, то мною будутъ приняты рѣшительныя мѣры».

Затѣмъ были сдѣланы ссылки на *письма Церешкевича къ Чихачеву,* изъ которыхъ одно относится къ началу августа, другое — къ концу августа, третье — къ половинѣ ноября. Во всѣхъ этихъ письмахъ Церешкевичъ сообщаетъ Чихачеву о тѣхъ свѣдѣніяхъ и слухахъ, которые ходятъ въ уѣздѣ. Въ одномъ изъ нихъ онъ разсказываетъ какъ распространяются сплетни въ уѣздѣ, какъ постепенно прибавляются къ разсказу о пистолетѣ и кинжалѣ, стаканъ съ ядомъ и петля, увѣдомляетъ, что подсудимые ѣхали за нимъ въ погоню и, наконецъ, что они вызваны въ Петербургъ на 26-е ноября, по дѣлу Клингенберга.

Были прочитаны также отрывки изъ *дневника подсудимой:* «Ахъ! Сколько разъ я упрекаю себя за сорвавшіяся слова! Зачѣмъ я ему говорила. Лучше бы унести было это съ собой въ могилу. Тогда было бы хотя то же, что и теперь, но все-таки лучше. Не мучилась бы я такъ, да и онъ бы не мучился такъ. Что же мнѣ дѣлать, если я плохо понимаю, къ чему и изъ-за чего онъ такъ волнуется. Все можно было бы устроить тише и лучше, а эта горячность не приведетъ къ хорошему. Я дала ему клятву, что исполню все. Но, давая ее, развѣ я понимала — что? Конечно, я должна погибнуть и неизбѣжно погибнуть. Но я на все согласна, лишь бы сдѣлать его счастливымъ. Но врядъ ли это принесетъ ему счастье. Я все-таки пользовалась пять лѣтъ хорошею жизнью и значитъ дѣйствительно его люблю, если всѣ униженія и оскорбленія мгновенно забываю за его ласки, а онъ бѣдняжка не имѣетъ покоя, и въ этомъ я виновата. Я съ радостью сдѣлаю ему все, чтобы дать счастье. Грустно то, что онъ своимъ обращеніемъ довелъ меня до такого ужаснаго къ нему страха. Дѣйствительно, очень часто я его просто боюсь, скрываюсь, стараюсь, какъ бы подальше уйти отъ его глазъ. Ахъ, много, много вынесла я за свою легкомысленность»... «Сегодня цѣлый день одна. Стыдно признаться, а вздохнула свободно. Я гуляла и все думала, все думала, какъ тяжела бы разлука съ нимъ. Погубила я себя и его, моего мужа. Какая у него возвышенная, глубокая душа! Сколько хорошаго я перенимаю отъ него. Какъ милосердъ ко мнѣ Создатель! Я вижу, что Господь, можетъ быть, сжалился надо мной и послалъ въ мужья именно его. Господь видѣлъ, что меня можно спасти»... «День прошелъ такъ же, какъ вчера. Я его не ждала, сидѣла съ дѣвушкой, собиралась спать и не слыхала ни колокольчика, ни лая собакъ. Вдругъ кто-то страшно закричалъ! Мы такъ испугались, что вмѣсто того, чтобы отворять дверь, кинулись убирать работу. Въ дверь застучали такъ, какъ будто хотѣли ее выломать. Пошли отпирать безъ свѣчи и потому довольно долго не могли отпереть дверь. Онъ обругалъ, а такъ какъ и я была тутъ, то приняла на свой счетъ, тѣмъ болѣе, что прежде, при другихъ, онъ не обращался ко мнѣ иначе, какъ съ ласкательными словами. Вмѣсто того, чтобы поздороваться съ нимъ, я вся затряслась. Ночью я не сомкнула глазъ и ушла отъ него, вышла на улицу и легла на снѣгъ. Я пролежала тамъ 3 часа, надѣясь, что простужусь и буду кашлять. Когда я пришла, онъ сказалъ, что вызванъ на 27-е въ Петербургъ.

Потомъ мы еще поговорили и помирились»... «14 ноября. Началъ съ того, что потребовалъ письмо, которое я писала и началъ его поправлять»...

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подсудимый признанъ *виновнымъ* въ нанесеніи съ намѣреніемъ смертельныхъ ранъ, въ запальчивости и раздраженіи, но безъ умысла на убійство; подсудимая *оправдана.*

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! 26-го ноября прошлаго года, въ Захарьевской улицѣ совершилось происшествіе, кончившееся убійствомъ. Убитъ былъ почетный мировой судья Чихачевъ. Дѣло это надѣлало много шуму, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ той мѣстности, гдѣ дѣйствовали и постоянно проживали Чихачевъ и обвиняемые. Оно вызвало самые разнообразные толки, самыя крайнія и смѣлыя предположенія.—Въ нихъ,—то обвиняемые рисовались чрезвычайно мрачными, отталкивающими чертами, то Чихачевъ унижался и топтался въ грязь, какъ человѣкъ, недостойный даже простого сожалѣнія. Но молва, основанная на догадкахъ и праздныхъ толкахъ, должна кончиться сегодня, въ день, когда опредѣлится настоящее положеніе участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и когда ихъ дѣйствія выяснятся въ надлежащемъ своемъ свѣтѣ. Судебное слѣдствіе развило передъ вами всѣ существенныя обстоятельства дѣла,—въ нашихъ судебныхъ преніяхъ мы постараемся разъяснить предъ вами ихъ значеніе и характеръ, и затѣмъ вы постановите безпристрастный приговоръ, который долженъ имѣть большое значеніе. Онъ укажетъ, возможно ли безнаказанно распоряжаться чужою жизнью подъ вліяніемъ гнѣва и ненависти и можетъ ли каждый самъ дѣлаться судьею въ своемъ дѣлѣ и приводить въ исполненіе свои, выработанные страстью и озлобленіемъ, приговоры...

Подсудимые обвиняются въ томъ, что они, въ запальчивости и раздраженіи,—одинъ убилъ Чихачева, а другая покушалась убить его. Такъ поставлено обвиненіе высшею обвинительною инстанціею—судебною палатою. При такомъ убѣжденіи остается обвинительная власть и въ настоящую минуту. Преступленіе, въ которомъ обвиняются подсудимые, законъ рѣзко отдѣляетъ отъ тѣхъ, въ которыхъ убійство было задумано задолго, заранѣе подготовлено и затѣмъ хладнокровно совершено. Убійство въ запальчивости и раздраженіи бываетъ обыкновенно послѣдствіемъ внезапно прорвавшагося наружу гнѣва, увлеченія, ненависти. Эти страстныя чувства выражаются въ стремленіи уничтожить ненавистнаго человѣка, стоящаго предъ глазами. Понятно, что главными и существенными свойствами этого преступленія должно считать, во-1-хъ, запальчивость или раздраженіе, какъ внѣшнее выраженіе гнѣва или ненависти и, во-2-хъ, намѣреніе убить, же-

ланіе лишить жизни. Поэтому для того, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ доказать, что убійство совершено въ запальчивости и раздраженіи, необходимо доказать, что гнѣвъ и ненависть дѣйствительно существовали, что послѣдняя постепенно развивалась и созрѣвала, дойдя, наконецъ, до такой степени, что стремленіе утолить ее заглушило въ человѣкѣ всѣ остальныя соображенія. Необходимо прослѣдить ея развитіе до того момента, когда она обратилась въ гнѣвную вспышку, кончившуюся убійствомъ, и затѣмъ разъяснить, насколько въ этой вспышкѣ проявилось желаніе виновнаго именно убить, уничтожить противника. Сообразно съ этимъ я и буду строить мое обвиненіе. Прежде всего является вопросъ о ненависти, о гнѣвѣ и объ условіяхъ, которыя ихъ вызвали. Для того, чтобы судить объ этомъ, надо обратиться къ житейской обстановкѣ участвующихъ лицъ. Эта житейская обстановка есть лучшій матеріалъ для вѣрнаго сужденія о дѣлѣ; краски, которыя накладываетъ сама жизнь, всегда вѣрны и не стираются никогда...

Обращаясь къ этой обстановкѣ, мы встрѣчаемся прежде всего съ личностью подсудимаго. Данныя судебнаго слѣдствія достаточно ее характеризуютъ. Подсудимый былъ земскій дѣятель, энергическій, трудолюбивый, пользовавшійся довѣріемъ, и поэтому выбираемый на отвѣтственныя должности. Это былъ вообще человѣкъ, въ честности котораго никто не сомнѣвался. Вы слышали, что вопросъ о недостаткѣ 3-хъ тысячъ, который почему-то былъ возбужденъ на судебномъ слѣдствіи, объясняется безпорядкомъ въ веденіи книгъ, въ которомъ виновенъ не подсудимый, и никто изъ свидѣтелей не рѣшился, хотя бы отдаленнымъ намекомъ, связывать это обстоятельство съ его недобросовѣстностью. Но одной честности и трудолюбія мало, чтобы внушать къ себѣ симпатію. И мы знаемъ, что подсудимый симпатіи къ себѣ не внушалъ. Онъ стоялъ въ уѣздѣ совершенно одиноко. Противъ него нерѣдко собирались партіи; ему приходилось терпѣть нападенія и бороться. Его не любили за его «злой» языкъ, за его рѣзкость, за его образъ дѣйствій — крутой, властный, ничѣмъ не смягчаемый. Это былъ человѣкъ, державшій себя по отношенію къ окружающимъ такъ, что сочувствія ему у нихъ искать было нечего. Онъ самъ здѣсь призналъ себя «рѣзкимъ». Онъ слишкомъ часто и скоро приходилъ въ негодованіе, слишкомъ несдержанно выражалъ это чувство. Письма, имѣющіяся въ дѣлѣ, представляютъ многія подтвержденія этимъ сторонамъ его характера. Для него весь уѣздъ населенъ *«идіотами»* или *«сволочью»*. Онъ одинъ умный человѣкъ, стоящій неизмѣримо выше всѣхъ, одинъ способный понимать всякое дѣло и хорошо вести его. При такомъ крайнемъ самолюбіи, при пренебрежительномъ обращеніи съ людьми, при обыкновеніи смотрѣть на нихъ свысока, отказывать имъ въ

уваженіи по малѣйшему поводу, *презирать* тѣхъ, кого *не уважаешь* и не щадить ихъ въ своихъ отзывахъ и мнѣніяхъ,—онъ, понятно, не могъ пользоваться особенно добрымъ личнымъ расположеніемъ уѣзднаго населенія, и представители этого населенія, сознавая его нравственную безупречность, тѣмъ не менѣе, повидимому, терпѣли его лишь какъ необходимое зло. Этотъ человѣкъ женился на дѣвушкѣ молодой, недавно вышедшей изъ института. Свидѣтельскія показанія рисуютъ намъ ее, какъ дѣвушку довольно наивную, подпавшую съ выходомъ замужъ вполнѣ подъ власть и вліяніе мужа. Это дѣйствительно высказывается во всемъ. Даже изъ показанія самого обвиняемаго видно, что она постоянно дѣйствовала по его волѣ,—какъ «самая преданная и самая вѣрная жена», вполнѣ согласная со всѣми его мнѣніями. Въ ея дѣйствіяхъ по дѣлу видно очень мало самостоятельной мысли, самостоятельной рѣшимости. Наконецъ, ея письма и ея дневникъ показываютъ, что она принадлежитъ къ тѣмъ, нерѣдкимъ преимущественно среди женщинъ, личностямъ, которыя умѣютъ плакать, тосковать, страдать, раскаяваться въ томъ, что сдѣлано — и въ особенности въ томъ, что сказано, — но не умѣютъ, а иногда даже и не хотятъ сами рѣшить, что же дѣлать? — какъ найдти выходъ изъ ложнаго и тяжелаго положенія? Имъ нужны чужая воля, чужой примѣръ... Изъ ея письма видно, что даже выраженія ея, ея стиль, ея пріемы, являются совершенно тѣми же, какія употребляетъ ея мужъ. Я припомню здѣсь одно характеристическое выраженіе подсудимаго. Онъ раза два здѣсь заявлялъ, что хотѣлъ объясниться съ Чихачевымъ «*честно — благородно*». Въ письмѣ подсудимой къ Чихачеву встрѣчается нѣсколько разъ это какъ-то странно звучащее выраженіе «*честно—благородно*». Егоже повторила она и здѣсь на судѣ, говоря, что хотѣла доказать Чихачеву, что она была всегда «*честна—благородна*». Очевидно, она заимствуетъ отъ мужа все, отъ образа мыслей и дѣйствій до способа выражаться и, къ сожалѣнію, браниться... Понятно, впрочемъ, что человѣкъ, болѣзненно самолюбивый, желчный, раздражительный, считающій себя выше всѣхъ окружающихъ и не сталъ бы выносить около себя женщины самостоятельной; только съ женщиной мягкаго, уступчиво-воспріимчиваго, такъ называемаго *пассивнаго* характера такой человѣкъ и можетъ быть счастливъ. Мы имѣемъ указанія на то, что жизнь подсудимыхъ въ теченіе первыхъ шести лѣтъ была спокойна и счастлива; по крайней мѣрѣ, до катастрофы, о которой идетъ дѣло, нѣтъ указанія на то, чтобы они жили не дружно, чтобы ихъ не связывала искренняя любовь. Что обвиняемый любилъ свою жену сильно, это ясно и изъ тѣхъ неразумныхъ, преступныхъ дѣйствій, которыя привели его на скамью подсудимыхъ. Свою любовь къ нему она доказала тѣмъ, что связала свою судьбу съ нимъ до самой скамьи

подсудимыхъ. Въ эту мирную семейную жизнь однако стали прокрадываться сомнѣнія. Въ довольно отдаленномъ прошломъ, семь лѣтъ назадъ, на жизнь обвиняемой легло пятно, оставившее неизгладимое и тяжелое воспоминаніе. Тогда она была еще молодою дѣвушкою, недавно вышедшею изъ института, и гостила у своихъ родственниковъ. Туда ѣздилъ человѣкъ несчастный въ семейной жизни, который горевалъ о своей разбитой жизни и плакался на свою судьбу, только въ этомъ семействѣ находя себѣ утѣшеніе. Понятно, что въ молодой дѣвушкѣ должно было развиться чувство состраданія къ нему. Это чувство, эта довѣрчивость къ несчастію и нѣжность къ обиженному судьбою есть одно изъ лучшихъ, изъ завидныхъ качествъ молодости. Понятно также, что и Чихачевъ, искавшій теплаго, сердечнаго участія, потянулся, какъ растеніе къ солнцу, къ той, въ комъ это участіе выражалось въ наиболѣе привлекательной и горячей формѣ, — и сталъ искать преимущественно около обвиняемой душевнаго отдыха. Всякій, вспоминая свою молодость, конечно, признаетъ, что ничто такъ не заманчиво въ эти годы, какъ сознавать, такъ или иначе, приносимую пользу, сознавать, что существуешь не даромъ, что кому-то помогаешь и кого-то облегчаешь, возвышаясь такимъ образомъ нравственно въ собственныхъ глазахъ. И тотъ, къ кому приходитъ молодость на помощь, кого она утѣшаетъ, становится для нея особенно дорогъ и ничуть не тягостенъ. Здѣсь легко развивается великодушная дружба, а затѣмъ нерѣдко и другое, болѣе сильное, чувство... То же произошло и въ настоящемъ случаѣ. Чувство дружбы и состраданія привело обвиняемую къ связи съ Чихачевымъ. Излишне приподнимать завѣсу съ ихъ отношеній, такъ какъ я думаю, для васъ ясно, что это были обыкновенныя близкія отношенія, которымъ не предшествовало ни насилія, ни обмана, ни обольщенія. Если и было здѣсь обольщеніе, то оно состояло въ обстановкѣ, въ которой сошлись Чихачевъ и обвиняемая,—въ семейственныхъ скорбяхъ одного и въ наивномъ, но заманчивомъ стремленіи другой заставить его позабыть эти скорби. Если и былъ здѣсь обманъ, то лишь относительно силы и значенія ощущенія, овладѣвшаго ими, вслѣдствіе неумѣнія отличить сильное, прочное и глубокое чувство отъ мгновенной вспышки страсти. Что здѣсь не было ни насилія, ни обольщенія, видно изъ того, что обвиняемая созналась, къ сожалѣнію быть можетъ слишкомъ поздно, что она обманывала своего мужа, разсказывая ему, какъ, будто бы, было дѣло, и скрывая отъ него неприкрашенную истину. Кромѣ того, обстоятельства дѣла вызываютъ нѣкоторыя соображенія, убѣждающія, что она не могла имѣть къ Чихачеву иныхъ отношеній, кромѣ совершенно добровольныхъ съ ея стороны. Стоитъ только представить себѣ ея положеніе. Она молодая, малоопытная дѣвушка, гостящая у родныхъ. Съ нею за-

частую ведутся разговоры—вы слышали показаніе ея родственницы, у которой она жила,—о томъ, какія опасности предстоятъ дѣвушкѣ въ жизни, какъ неосторожность для нея бываетъ пагубна, какъ нужно быть осмотрительной въ отношеніяхъ къ мужчинамъ, какіе гибельные для чести результаты можетъ влечь увлеченіе и т. д. и т. д. И вдругъ человѣкъ насилуетъ ее, употребляетъ во зло ея неопытность, ея довѣрчивость, оскорбляетъ и подавляетъ ее своею физическою грубою силою. Если бы это было такъ въ дѣйствительности, она не могла бы не ужаснуться какъ самаго своего поруганія, такъ и могущихъ произойти изъ этого печальныхъ послѣдствій, почти неизбѣжныхъ по естественному ходу вещей. Чтобы она, въ виду такихъ послѣдствій, была хладнокровна, спокойна, чтобы она не плакала, не волновалась, не жаловалась, не искала у близкихъ совѣта, утѣшенія, помощи — это почти невозможно. Намъ извѣстно затѣмъ многое о характерѣ и, лучше сказать, о безхарактерности Чихачева. Это былъ человѣкъ слабый, безъ воли и энергіи, любитель красоты, поклонникъ искусства и женщинъ. Это былъ, судя по общимъ отзывамъ, человѣкъ безусловно добрый и мягкій, снисходительный и робкій, деликатный и далеко не храбрый. Это былъ очевидно одинъ изъ тѣхъ людей, которые по слабости воли умѣютъ всего *желать* и ничего не умѣютъ *хотѣть*. Можно ли допустить, чтобы такой человѣкъ, не скрывая того, что онъ женатъ, сталъ обдуманно и разсчитанно обольщать дѣвушку, которая его такъ трогательно сожалѣетъ, и врываться въ ея спальню, чтобы восторжествовать надъ нею дикимъ порывомъ физической силы? Тамъ, гдѣ существуетъ изнасилованіе—тамъ безрасудная наглость, тамъ отсутствіе всякаго чувства, и одна жестокая, злая чувственность, одна животная страсть. Но развѣ для удовлетворенія даже *такой* страсти, обыкновенно неразборчивой относительно предмета своихъ вожделѣній, могло быть необходимо и неизбѣжно *нападать*, человѣку робкому, доброму и слабому, въ чужомъ домѣ на невинную и порядочную дѣвушку? Одно только и можно допустить, что Чихачевъ пошатнулся нравственно и, не устоявъ, былъ увлеченъ вмѣстѣ съ обвиняемой общимъ потокомъ страсти, овладѣвшей одновременно обоими ими... Связь ихъ длилась недолго. Къ Чихачеву пріѣхала жена. Да и вѣроятно, въ немъ проснулось благоразуміе, заговорило чувство долга и онъ овладѣлъ собою настолько, что рѣшился не продолжать такихъ отношеній, не имѣвшихъ, къ счастію, своимъ послѣдствіемъ ничего, кромѣ тяжелыхъ воспоминаній... Онъ сталъ простымъ знакомымъ и, по своей безхарактерности и нѣкоторой нравственной распущенности, даже допустилъ себя сдѣлаться впослѣдствіи посаженымъ отцомъ обвиняемой. Бракъ не вызвалъ со стороны подсудимаго никакихъ подозрѣній. Онъ слишкомъ вѣрилъ въ свою жену. Онъ самъ за-

явилъ, что только иногда и то лишь мелькомъ, въ весьма туманныхъ выраженіяхъ, касался онъ какихъ-то «физическихъ», какъ онъ выразился, сомнѣній... Но ему и въ голову не приходило подозрѣвать ее. У нея, однако, старое, печальное воспоминаніе осталось. Выходя замужъ она, конечно, какъ это по большей части бываетъ, искала и выхода изъ окружающей обстановки, и жизни съ любимымъ человѣкомъ. Очень еще молодая и не одаренная рѣшительностью, она могла не имѣть въ себѣ достаточной силы, могла не имѣть довольно значительнаго личнаго мужества, чтобы сказать мужу всю правду. И стыдъ, и страхъ могли ей сковывать языкъ. Это было нехорошо, это было неправдиво, но это было такъ естественно, такъ понятно, такъ простительно... Дѣло обошлось благополучно. Но когда у нихъ началась согласная, чистая и честная семейная жизнь, когда подсудимая изъ роли кратковременной утѣшительницы Чихачева перешла къ роли сознательной и любящей помощницы своего мужа, то у нея не могло не явиться внутреннихъ упрековъ за прошлое, за свой обманъ. У такихъ впечатлительныхъ натуръ, какою, повидимому, была она, такіе упреки ростутъ съ каждымъ днемъ, и чѣмъ меньше они находятъ себѣ исхода, тѣмъ глубже колютъ смущенную совѣсть. Обвиняемая, несмотря на свою сравнительную безличность, не могла не сознавать своего значенія для мужа. Человѣкъ, нелюбимый обществомъ, которое онъ самъ презираетъ, человѣкъ, противъ котораго постоянно интригуютъ ничѣмъ не брезгающіе противники, отвѣчая на его рѣзкости такъ, какъ отвѣчалъ, напримѣръ, Церешкевичъ, упрекавшій его въ «физическомъ и нравственномъ безобразіи»,—такой человѣкъ долженъ находить счастье только въ семейной жизни, искать утѣшенія только у домашняго очага, гдѣ его любятъ, гдѣ ему знаютъ цѣну, гдѣ его слушаютъ... Туда долженъ онъ приносить извнѣ свое горе и тамъ ревниво хранить свои радости. Она не могла не сознавать, что, въ виду разношерстыхъ противниковъ и враговъ ея мужа, она единственное существо, съ которымъ онъ можетъ быть вполнѣ и безъ оглядки откровененъ и около котораго онъ исключительно находитъ необходимый покой. Она не могла не сознавать этого своего значенія. И вотъ, когда съ одной стороны онъ любитъ горячо и вѣритъ вполнѣ, у нея въ душѣ постоянно копошится воспоминаніе, что она обманула этого довѣрчиваго человѣка, что она его провела, что она не стоитъ его довѣрія. Это должно было ее мучить. Я вполнѣ вѣрю ея объясненіямъ въ этомъ отношеніи, я радуюсь, что со скамьи подсудимыхъ раздаются объясненія, которыя даютъ право вспомнить о хорошихъ свойствахъ человѣческой природы. Отчего не повѣрить, что голосъ совѣсти зазвучалъ въ обвиняемой наконецъ очень сильно, такъ сильно, что она нуждалась только въ толчкѣ, чтобы признаться. Притомъ, въ виду постоянной, неизмѣнной

любви мужа, у нея могло явиться предположеніе, что онъ отнесется спокойно къ ея признанію, что онъ проститъ ей, что онъ дастъ ей облегчить свою наболѣвшую душу и забудетъ объ ея лжи, давно искупленной и искренностью ея чувства, и вѣрностью ея своему долгу. Съ другой стороны, у нея должна была существовать постоянно возроставшая боязнь—неизбѣжный спутникъ всякой тайны—боязнь, что все откроется помимо нея. Вы слышали, какъ относилась къ ней г-жа Чихачева и знаете, что она съ подозрительнымъ чувствомъ обманутой супруги предполагала существованіе связи. Ревнивая женщина, не давая мужу, по его словамъ, никакого проблеска счастія, требовала отъ него безусловной любви и затѣмъ ревновала его ко всѣмъ. Вслѣдствіе какого-то инстинкта, какъ выразился свидѣтель фонъ-Раабенъ, она возымѣла подозрѣніе на обвиняемую и, не взлюбивъ ее, стала дѣлать сцены мужу и, по свойственной многимъ привычкѣ подходя жаловаться на свои семейныя дѣла, конечно не всегда таила свои подозрѣнія отъ постороннихъ. То, что ее обвиняетъ Чихачева, и то, что она состояла въ связи съ нимъ, должно было связаться въ головѣ обвиняемой въ одинъ фактъ и она могла думать, что ее потому подозрѣваютъ, что Чихачевъ проболтался женѣ. Она могла бояться, что все будетъ открыто мужу какимъ нибудь окольнымъ путемъ. Тогда прощай все—и его уваженіе, и его любовь, и надежда на прощеніе, потому что тогда для нея не будетъ даже того смягчающаго обстоятельства въ глазахъ мужа, которое состояло бы въ сознаніи своей вины... Вотъ разнообразныя причины, которыя могли побудить ее сознаться. Она это и сдѣлала 22 іюня прошлаго года. Но человѣкъ, гг. присяжные, исполненъ противорѣчій, и рядомъ съ порывами благородныхъ и высокихъ чувствъ, рядомъ съ великодушіемъ, желаніемъ раскаянія и жаждой правды гнѣздятся нерѣдко разныя мелкія побужденія, ложный стыдъ, желаніе оградить себя отъ опасности, желаніе выторговать что нибудь у судьбы или даже у самого себя, однимъ словомъ—разныя сдѣлки съ самимъ съ собою... Бываютъ случаи, когда человѣкъ отдается порыву правдивости и сознаетъ свою вину. Но если вглядѣться въ это сознаніе, то окажется, что по большей части человѣкъ не можетъ удержаться, чтобы не сказать о себѣ или не вынудить другихъ сказать: «да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія». И затѣмъ нерѣдко все дѣло представляется въ такомъ видѣ, что кающійся только и заслуживаетъ снисхожденія, а виновными оказываются посторонніе, другіе... То же, полагаю, было и съ подсудимою. Она созналась, что виновна, но не вооружилась достаточною правдивостью и добросовѣстностью, чтобы сказать мужу *всю* истину. Она сочинила цѣлое повѣствованіе, въ которомъ играла роль жертвы и опрометчиво, въ своей *полуоткровенности*, разсказала мужу такія вещи, которыя не

могли не задѣть его самымъ больнымъ образомъ. Она необдуманно подняла въ его душѣ бурю, которую уже не могла утишить и которая увлекла и ее самую, вырвавъ съ корнемъ изъ той спокойной обстановки, въ которой она до тѣхъ поръ находилась. Можно представить себѣ положеніе человѣка самолюбиваго до крайности, какимъ былъ обвиняемый, послѣ того какъ онъ выслушалъ признаніе жены. Вся предыдущая его семейная жизнь явилась въ его глазахъ отравленною. Къ каждому воспоминанію о прошлыхъ счастливыхъ минутахъ, о каждой ласкѣ жены должна была съ этой минуты примѣшиваться мысль о лжи, объ обманѣ; къ каждому порыву нѣжности примѣшиваться воспоминаніе, что эта же нѣжность могла принадлежать и другому, и чѣмъ дальше шелъ обвиняемый въ своихъ воспоминаніяхъ, чѣмъ ближе подходилъ онъ къ первымъ днямъ брака, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе должны были развиваться эти жгучія мысли и въ концѣ концовъ всѣ сходиться на чувствѣ негодованія противъ Чихачева. Но кромѣ того понятно, что когда онъ узналъ отъ жены, что она шесть лѣтъ молчала, шесть лѣтъ скрывала такое важное обстоятельство, то въ немъ поколебалось и прежнее его довѣріе къ ней, а съ нимъ пошатнулось и уваженіе. Это уничтоженіе довѣрія должно было вызвать мысль о томъ, что она, и признавшись, еще скрываетъ кое-что, что чего-то не договариваетъ. Подсудимый — человѣкъ жизни, человѣкъ практическій, — не могъ не понимать, что въ ея разсказѣ объ изнасилованіи есть много невѣрнаго, много неправдоподобнаго. И въ немъ должно было проснуться тяжкое сомнѣніе о любви жены къ Чихачеву, о добровольной связи съ нимъ, могло даже явиться предположеніе, не продолжалась ли эта связь и послѣ брака,—вѣдь они встрѣчались, могли видѣться... Кто обманулъ до брака и обманулъ искусно, — тотъ послѣ брака можетъ сдѣлать это еще лучше. Такіе выводы, такія мысли могли волновать обвиняемаго и тяжелымъ гнетомъ ложиться на его встревоженную душу. Онъ весь отдался сомнѣніямъ и сталъ самъ растравлять свою рану, требуя отъ жены объясненій различныхъ подробностей связи съ Чихачевымъ, заставляя ее въ сотый разъ повторять всѣ мельчайшія и не совсѣмъ даже чистыя подробности. Онъ самъ объяснялъ намъ здѣсь, какъ овладѣло имъ сомнѣніе, какъ—то вѣря, то не вѣря женѣ—онъ съ болѣзненнымъ любопытствомъ разспрашивалъ ее «обо всемъ»... Но всего этого ему казалось мало, недостаточно. Тогда должна была у него возникнуть мысль о поѣздкѣ въ Ашево, чтобы заставить Чихачева сознаться, что онъ дѣйствительно изнасиловалъ, что онъ «взялъ то, чего ему не давали», и заставить жену разсказать все на очной ставкѣ съ нимъ. Перейдя отъ искренности къ враждебному недовѣрію, начавъ видѣть въ женѣ не друга, а обманщицу, колеблясь и видя въ ней то жертву, то предателя, обвиняемый тре-

бовалъ отъ жены доказательствъ правдивости ея разсказа. Онъ говорилъ здѣсь, что хотѣлъ разъяснить имъ, т. е. Чихачеву и женѣ, что между ними не было любви и нѣтъ ея,—иными словами, ему нужно было воочію убѣдиться, что жена не любитъ Чихачева, что она его презираетъ, ненавидитъ... Только ясное выраженіе такихъ чувствъ удовлетворило бы его уязвленное сердце и уменьшило бы его сомнѣнія. Конечно, что обо всемъ этомъ въ деревенскомъ уединеніи, миръ котораго былъ такъ неожиданно нарушенъ, говорилось много и долго, настойчиво и требовательно. И тогда-то, постепенно, между обоими супругами должно было родиться и развиться предположеніе о томъ, что лучшимъ доказательствомъ совершеннаго отчужденія ея отъ Чихачева можетъ послужить предложеніе ему лишить себя жизни. Тамъ, гдѣ дѣлается подобное предложеніе, тамъ нѣтъ ни любви, ни памяти объ ней, а одна прочно сложившаяся ненависть, которая даже и человѣку, подобному обвиняемому, могла бы показаться на первыхъ порахъ достаточнымъ доказательствомъ правдивости словъ жены.

Я не стану повторять исторію, которая разыгралась въ Ашевѣ. Ея фактическая обстановка не подлежитъ сомнѣнію. Здѣсь достаточно описаны и этотъ грязный кабакъ, и комната, перегороженная тесовою перегородкою пополамъ, и запертая дверь въ перегородкѣ, и предшествующія посѣщенію Чихачева дружелюбныя объясненія съ нимъ обвиняемаго, и наконецъ выходъ Чихачева изъ этой конуры блѣднаго, испуганнаго, растерянаго, почти больного. Для насъ важно то, что происходило при этомъ объясненіи. Въ общихъ чертахъ всѣ показанія свидѣтелей и предсмертное показаніе Чихачева сходятся на томъ, что послѣ длиннаго и подробнѣйшаго разсказа обвиняемой о своихъ къ нему отношеніяхъ, причемъ мужъ былъ зрителемъ и слушателемъ,—ему внезапно было сказано: «вы клялись пожертвовать для меня вашею жизнію,—она мнѣ теперь нужна, отдайте ее мнѣ». Я не придаю значенія той части разсказа, гдѣ говорится, что на столѣ лежали револьверъ и кинжалъ или ножъ. Они могли лежать потому, что были дорожными вещами, взятыми въ путь и положенными на столъ случайно. Во всякомъ случаѣ, трудно предположить въ обвиняемыхъ совершенно безсмысленное желаніе, чтобы Чихачевъ, тутъ же, при нихъ порѣшилъ съ собой. Это всякаго навело бы на мысль, что Чихачевъ коварно убитъ ими. Но не подлежитъ сомнѣнію самое предложеніе лишить себя жизни. Сами обвиняемые не отрицаютъ его, придавая ему только характеръ шутки. Но въ такомъ случаѣ и убійство 26-го ноября тоже можетъ быть объясняемо шуткою, только неосторожною. Подсудимый говоритъ, что отнесся къ этому предложенію своей жены Чихачеву спокойно, даже со смѣхомъ, какъ къ вещи совершенно несбыточной

и невозможной. Но я не думаю, чтобы это было такъ, и, въ виду того, что послѣдовало затѣмъ, я полагаю, что для обвиняемаго было весьма интересно, чѣмъ это кончится и какъ отнесется Чихачевъ къ сдѣланному ему приглашенію. Еслибы предложеніе о самоубійствѣ было принято, то это указывало бы лучше всякихъ очныхъ ставокъ, что Чихачевъ считаетъ себя глубоко и безусловно виновнымъ. А если онъ считаетъ себя виновнымъ до такой степени, что, по просьбѣ чуждой ему въ данную минуту женщины, добровольно сходитъ съ лица земли, то она сказала правду и одну только правду. И если она нашла въ себѣ настолько жестокой смѣлости, чтобы потребовать самоубійства, то значитъ дѣйствительно она была опозорена имъ и между изнасилованіемъ и предложеніемъ самоубійства не лежитъ ничего, кромѣ постоянной и глубокой, вырвавшейся наконецъ наружу, ненависти и полнѣйшаго презрѣнія; значитъ она его никогда не любила, значитъ она нравственно была чиста предъ мужемъ и вѣрна ему. Тогда можно ее и простить за ея невольный проступокъ... Подсудимый говорилъ намъ здѣсь, что черезъ все это дѣло проходитъ, по его мнѣнію, одна нить, связывающая всѣ его поступки, — сомнѣніе. Онъ вѣчно сомнѣвался, вѣчно недовѣрялъ, постоянно находясь въ борьбѣ съ самимъ собою. Я думаю, что это отчасти справедливо для перваго времени—отъ признанія жены до поѣздки въ Ашево. Но дальнѣйшія событія указываютъ на нѣчто другое; черезъ все дѣло проходитъ другая нить, приводящая къ выводу, что если подсудимый человѣкъ дѣятельный и честный, то, съ другой стороны, это человѣкъ злобный и себялюбивый, въ которомъ мало сердца, которому недоступно чувство настоящей любви, неразлучной съ снисхожденьемъ, съ прощеніемъ, съ извиненіемъ слабостей, ошибокъ и даже проступковъ близкихъ этому сердцу людей. Можетъ ли говорить о дѣйствительной любви человѣкъ, который заставляетъ свою молодую жену въ грязной харчевнѣ разсказывать своему бывшему, давнымъ-давно оставленному и мимолетному любовнику, всѣ мелкія и щекотливыя подробности ихъ отношеній и, горя стыдомъ, напоминать ему вещи, которыя давно слѣдовало выбросить изъ памяти,—рискуя притомъ всякую минуту выслушать: «вы лжете, вы клевещете; дѣло было не такъ; вы отдались мнѣ добровольно». Человѣкъ, который способенъ проволочить свою жену черезъ всѣ обстоятельства настоящаго уголовнаго дѣла, подвергать ее терзаніямъ своихъ допросовъ и поруганіямъ уѣздной молвы, бранить и бить—и притомъ не за то, что она виновна, а только потому, что онъ *сомнѣвается*,—такой человѣкъ связываетъ свои дѣйствія не только «нитью сомнѣнія», но обнаруживаетъ глубоко раздраженное себялюбіе, подъ властью котораго, въ своихъ злобныхъ и желчныхъ порывахъ, онъ безпощадно и безсердечно относится ко всему, что его окружаетъ, ко

всему, съ чѣмъ онъ сталкивается... Въ этомъ суть дѣла, на этомъ основываются всѣ поступки подсудимаго. Когда было сдѣлано предложеніе самоубійства, онъ не счелъ нужнымъ разъяснить Чихачеву «шуточное» значеніе этого предложенія—лучшее доказательство, что онъ самъ считалъ его серьезнымъ. Не даромъ же впослѣдствіи въ письмѣ, написанномъ подъ диктовку мужа, подсудимая говоритъ Чихачеву, что «честь женщины смывается только кровью», и совѣтуетъ ему послѣдовать примѣру его застрѣлившагося брата. Чихачевъ былъ пораженъ и совершенно разстроенъ. Намъ достаточно рисовали здѣсь его характеръ, чтобы понять состояніе его духа въ это время. Онъ былъ привязанъ къ жизни; хотѣлъ жить самъ и — дѣлая вокругъ себя посильное добро, старался давать жить и другимъ; онъ любилъ красоту, ухаживалъ за женщинами, занимался живописью—былъ немножко сибаритъ, немножко художникъ, немножко ловеласъ и, въ довершеніе всего—мягкій, податливый, нерѣшительный человѣкъ. На такого человѣка предложеніе лишить себя жизни должно было подѣйствовать чрезвычайно сильно, поразить его, какъ обухомъ по лбу, и нельзя, поэтому, было требовать, чтобы онъ таилъ все про себя, не дѣлясь ни съ кѣмъ своимъ страхомъ, своимъ изумленіемъ, не сказавъ ни слова даже самому близкому въ это время къ нему лицу. Нельзя было ожидать, что онъ не приметъ мѣръ, чтобы, по мѣрѣ силъ, освободиться отъ подсудимаго, приказавъ не принимать его. Это и было сдѣлано. Подсудимый удалился къ себѣ въ деревню со всѣми своими сомнѣніями и прожилъ тамъ двѣ недѣли. Конечно, онъ не могъ разсчитывать, что его пріѣздъ въ Ашево и всѣ его послѣдствія могутъ остаться никому неизвѣстными и пройдутъ незамѣченными. Достаточно припомнить разсказъ Черешкевича и представить себѣ обстановку села, куда пріѣзжаетъ мировой судья и, остановившись съ женою въ какой-то трущобѣ, ведетъ запершись какіе-то переговоры съ блѣднымъ и испуганнымъ Чихачевымъ—чтобы понять, какіе толки должны были пойти уже поэтому одному въ окрестности. Спустя двѣ недѣли, подсудимый снова является въ Ашево къ Чихачеву уже съ намѣреніемъ предложить ему поединокъ. Хотя Чихачевъ разъяснилъ, повидимому, его сомнѣнія положительнымъ отрицаніемъ изнасилованія и отказомъ отъ самоубійства, но оскорбленное самолюбіе—этотъ главный рычагъ всѣхъ поступковъ обвиняемаго, все-таки продолжало вопіять и къ нему примѣшивалось еще чувство ревности, хотя и заднимъ числомъ. Все это должно было держать его, отдавшагося своему несчастію съ неразумною страстностью, въ возбужденномъ состояніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не могъ не сознавать, что поѣздка его въ Ашево кончилась весьма странно и даже нелѣпо. Предложеніе не принято, а театральная обстановка осталась. Исторія эта разгласится и къ представленію о немъ, какъ

о человѣкѣ крутомъ, желчномъ, неуживчивомъ, присоединится сказаніе о томъ, какую онъ игралъ смѣшную и жалкую роль въ Ашевѣ. Понятно, что вслѣдствіе этого сознанія ему не могло казаться все поконченнымъ посредствомъ трагикомическаго ашевскаго свиданія, а нужно было вывести дѣло изъ смѣшнаго положенія и придать ему болѣе опредѣленный характеръ. Тогда могла естественно явиться мысль вызвать Чихачева на дуэль, мысль принести дань общественному предразсудку, очень старому, но не дряхлѣющему и не сходящему со сцены. Защитникъ подсудимаго въ одной изъ своихъ блестящихъ рѣчей сравнилъ дуэль съ войною. Еслибы войны совсѣмъ прекратились, еслибы наступили годы «жирнаго мира» — онъ сказалъ бы «finis Europae!» какъ сказалъ бы то же по отношенію къ обществу, въ которомъ понятіе о чести стало бы столь безцвѣтно, такъ заглохло бы, что въ защиту его человѣкъ хотя изрѣдка не рисковалъ бы своимъ лучшимъ достояніемъ — жизнью. Я въ значительной степени съ нимъ согласенъ. Хотя государство не можетъ не преслѣдовать и не карать дуэли, видя въ ней преступленіе противъ личной безопасности, хотя дуэль не слита органически съ правильною жизнію и правильнымъ развитіемъ общества, а имѣетъ въ каждомъ данномъ случаѣ горячечный характеръ,— но нѣтъ сомнѣнія, что это явленіе, вошедшее въ плоть и кровь европейскаго общества, и причины котораго не устранимы уголовными карами. Иногда, послѣ годовъ затишья, вдругъ происходитъ рядъ дуэлей въ разныхъ слояхъ — и это лучшее указаніе на то, что болѣзнь не излечена, что она таится въ организмѣ и время отъ времени прорывается наружу. Нужно много самообладанія, много нравственной стойкости, чтобы въ крайнихъ случаяхъ не поддаться этой болѣзни, не дать собою овладѣть этому «предразсудку». Но такой стойкости въ подсудимомъ не было, — его характеръ былъ иной и понятно почему лихорадочно ища выхода изъ своего страннаго положенія, негодуя на своего «посаженаго отца» и ревнуя его,—онъ сдѣлалъ вызовъ. Чихачевъ однако не выслушалъ этого вызова лично. Онъ остался вѣренъ своему робкому, нервному характеру. Онъ былъ еще слишкомъ подъ вліяніемъ удручающей обстановки перваго пріѣзда подсудимыхъ въ Ашево, — онъ весь поддался страху преслѣдованія и растерялся до того, что на него, какъ на пьянаго, надѣли шапку и пальто, посадили его въ коляску и увезли. Но еще непослѣдовательнѣй велъ себя подсудимый, держа себя съ полнымъ отсутствіемъ какого либо достоинства. Онъ не хотѣлъ дождаться, пока Чихачеву будетъ переданъ его вызовъ, онъ вполнѣ удовлетворился отвѣтомъ Черешкевича и снова далъ волю своему гнѣву. Совершенно забывъ всякую сдержанность и приличіе, и онъ, и его жена производятъ въ чужомъ домѣ шумный обыскъ, громко и непристойно ругая Чихачева и такимъ

образомъ приподнимаютъ еще болѣе завѣсу надъ тѣмъ, что должно бы быть для всѣхъ постороннихъ тайною. Они сами своимъ поведеніемъ развязываютъ языкъ Черешкевичу и даютъ поводъ къ ряду невыгодныхъ для нихъ толковъ и пересудовъ. Чихачева никакъ нельзя упрекать въ томъ, что онъ «не хранилъ свято» тайну своихъ отношеній къ подсудимой. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ показаніе фонъ-Раабена о томъ, что когда была получена телеграмма отъ Черешкевича, гдѣ говорилось, что «они» гонятся за Чихачевымъ, то всѣ семейные разумѣли подъ словомъ «они» жену Чихачева и близкое къ ней лицо. Никто изъ нихъ не подумалъ на подсудимыхъ. Значитъ Чихачевъ даже своимъ друзьямъ, своимъ близкимъ никогда не говорилъ о странныхъ требованіяхъ, о преслѣдованіяхъ подсудимыхъ и о томъ, *что* выставляется причиною этихъ бѣдствій. Итакъ, подсудимые своими обысками, своею гоньбою за Чихачевымъ, всѣмъ шумомъ и суматохою, которую они надѣлали,—сами разоблачили свою исторію, сами дали богатый матеріалъ для досужаго любопытства и разсказовъ. Подсудимый былъ для Ашева «особа»—и конечно возбуждалъ своими дѣйствіями общее вниманіе. Пріѣхалъ мировой судья съ женою, таинственно заперся втроемъ, потомъ не былъ принятъ, немного спустя опять пріѣхалъ и опять съ женою, а другой мировой судья въ то же время въ чужихъ шапкѣ и экипажѣ бѣжалъ,—производили обыскъ, ругались, гнались, преслѣдовали... какая обширная канва для всевозможныхъ разсказовъ! для вымысловъ и догадокъ! Надо прибавить къ этому еще то, что самъ обвиняемый нисколько не обязывалъ Черешкевича молчать; что встрѣтившись съ нимъ въ Новоржевѣ, онъ сказалъ: «передайте Чихачеву, что я вызываю его на дуэль», и когда Черешкевичъ отвѣтилъ, что Чихачевъ вѣроятно не станетъ драться послѣ сдѣланнаго ему предложенія, то обвиняемый замѣтилъ: «да, это было *тогда*, а теперь я предлагаю дуэль», подтверждая этимъ, что было предложено самоубійство. И если сопоставить все сказанное мною о дѣйствіяхъ обвиняемыхъ съ обстановкою, въ которой они дѣйствовали, то станетъ, какъ я думаю, понятно, что подсудимый, зайдя такъ далеко, не могъ уже удовлетвориться покупкою дуэльныхъ шпагъ и непринятымъ вызовомъ на дуэль...

Гг. присяжные засѣдатели, вѣроятно многимъ изъ васъ извѣстны условія жизни въ уѣздѣ и вообще уѣздная обстановка. Извѣстно, какой сонъ, какое вялое спокойствіе царитъ въ уголкахъ такъ называемой провинціи,—какъ мало, въ большинствѣ случаевъ, занято мѣстное населеніе интересами общественными и живыми вопросами, которые волнуютъ и занимаютъ жителей столицъ и большихъ городовъ — и, наоборотъ, какую особую цѣну имѣютъ въ глуши уѣзда такія новости, которыя связаны съ опредѣленнымъ лицомъ, такъ сказать, осязаемымъ, всѣмъ лично извѣст-

нымъ... Въ особенности возбуждаютъ интересъ новости о лицѣ, занимающемъ какое либо общественное положеніе, какой нибудь видный въ уѣздѣ постъ. Понятенъ интересъ, съ которымъ мѣстное общество слѣдило за похожденіями такого человѣка, какъ подсудимый, бывшій мировой посредникъ, предсѣдатель земской управы, мировой судья,—а тѣмъ болѣе за поступками, дѣйствительно выходившими изъ ряда обыкновенныхъ. Слухъ, пошедшій послѣ рѣзкихъ и неблагоразумныхъ дѣйствій подсудимаго, долженъ былъ оживить и возбудить все мѣстное общество, скудное новостями, богатое любопытствомъ. Ашевская исторія съ ея подробностями—самоубійствомъ, вызовомъ и погоней,—была камнемъ, брошеннымъ въ стоячую воду, отъ котораго все заколыхалось и пошли расходиться все далѣе и далѣе круги, волнуя болотную тишь да гладь. Лучшія доказательства того, какъ разрослись разсказы и сплетни о подсудимыхъ и Чихачевѣ, находятся въ письмахъ Черешкевича,—по нимъ можно прослѣдить, какъ молва къ простому предложенію самоубійства постепенно присоединяла револьверъ, потомъ кинжалъ, затѣмъ стаканъ яду, наконецъ петлю, такъ что Богъ знаетъ, до какихъ способовъ самоубійства добралась бы молва, если бы событія не дали ей другого матеріала... Притомъ, вспомните личный характеръ и положеніе подсудимаго въ уѣздѣ. Человѣкъ всѣхъ ругалъ и корилъ и, вдругъ, у него у самого оказывается больное мѣсто, да еще какое больное! Онъ,—который на всѣхъ смотрѣлъ презрительно,—у себя дома поставленъ въ фальшивое положеніе обманутаго мужа; онъ—считавшій всѣхъ идіотами,—самъ дѣйствуетъ совершенно безразсудно; онъ,—этотъ самолюбивый гордецъ,—униженъ, осмѣянъ, обманутъ... Какой богатый матеріалъ для недоброжелателей, которые, конечно, должны были за него ухватиться, захлебываясь отъ радости, ухватиться и разглашать его, выпуская «чихачевскую исторію» въ разныхъ изданіяхъ и съ новыми варіантами, въ родѣ стакана яду, петли, и т. д. Уйти отъ этихъ сплетенъ и слуховъ было не только трудно, но просто невозможно. Подсудимый — мировой судья; ему по должности приходилось принимать ежедневно пріѣзжавшихъ по дѣламъ, объясняться съ ними—и всѣ слухи и пересуды, имъ же самимъ вызванные, должны были вторгаться къ нему въ видѣ намековъ, косвенныхъ взглядовъ, непрошеннаго оскорбительнаго участія, лживо сочувственныхъ вопросовъ и т. п. И такъ каждый день! И болѣе мягкій человѣкъ раздражился бы при мысли, что въ его семейный міръ внесенъ разладъ, который всякій считаетъ себя въ правѣ замѣтить, что его частная жизнь сдѣлалась добычею любопытныхъ глазъ и праздныхъ языковъ. Понятно, какъ это дѣйствовало на обвиняемаго при его желчности и раздражительности, при томъ безграничномъ самолюбіи, которое выказывалъ онъ не разъ. Понятно, что онъ могъ до крайности негодовать на винов-

ника всего этого, и, забывая въ своемъ ослѣпленіи про себя, про свой образъ дѣйствій, начать ненавидѣть Чихачева всѣми силами души. Онъ уѣхалъ за границу... Я не стану утверждать, что онъ это сдѣлалъ съ тѣмъ, чтобы догнать Чихачева: на это нѣтъ указаній въ дѣлѣ. Вѣроятно, онъ это сдѣлалъ съ тѣмъ, чтобы хоть немного забыться и вырваться изъ той среды и атмосферы, гдѣ ему тяжко дышалось и жилось послѣ всего, что онъ надѣлалъ. Но это ему не удалось. Иные люди и новая природа не облегчили, не развлекли его. Онъ унесъ съ собою и за границу свои тревоги и свою домашнюю, ѣдкую печаль. Онъ проводилъ безсонныя ночи и посвященные безцѣльной бѣготнѣ дни за границей, какъ самъ это объяснилъ здѣсь. Но кромѣ того, у насъ есть одинъ фактъ, который указываетъ на его душевное состояніе, а именно письмо, которое онъ писалъ къ Чихачеву изъ Берлина, изъ перваго города, гдѣ впечатлѣнія новой жизни должны были обступить его,— письмо, въ которомъ говорится: «нѣтъ ничего возмутительнѣе, когда личность, пошлая и ничтожная во всѣхъ отношеніяхъ, прозябаетъ, не сознавая своей гадости. Въ васъ нѣтъ ничего цѣльнаго. Вы глуповаты, пошленьки, мерзеньки... Одно только прилагательное примѣнимо къ вамъ не въ уменьшительной степени: вы трусъ! Чѣмъ больше вдумываюсь въ вашу личность, тѣмъ все гаже и гаже она мнѣ становится. Ни одного смягчающаго обстоятельства!».

Вы видите, гг. присяжные, какъ быстро развивалась ненависть подсудимаго къ Чихачеву, какъ изъ человѣка, который, по своимъ собственнымъ словамъ, былъ почти спокойнымъ зрителемъ очной ставки жены своей съ Чихачевымъ, изъ человѣка, который затѣмъ предлагалъ способъ серьезно рѣшить дѣло поединкомъ, онъ обращается въ простого ругателя, стараясь излить накопившуюся злобу хоть на бумагѣ, и пишетъ письмо, если можно такъ выразиться, съ пѣною у рта. По возвращеніи подсудимыхъ изъ-за границы, уѣздъ принялъ ихъ въ свои объятія и ихъ, конечно, встрѣтило все прежнее—и обстановка, и разсказы еще болѣе разросшіеся въ ихъ отсутствіе, которое объясняли погонею за Чихачевымъ. Они уединились у себя и снова показываются на свѣтъ лишь 26-го ноября, въ день убійства. Но у насъ есть хорошій матеріалъ, чтобы судить о томъ, что они дѣлали въ это время. Это дневникъ подсудимой. Въ немъ, какъ и во всякомъ дневникѣ, надо отличать двѣ стороны: личную и фактическую. Всѣмъ личнымъ разсужденіямъ дневниковъ довѣрять слѣдуетъ весьма осторожно. Человѣкъ, противъ воли, ведя дневникъ, всегда почти рисуется предъ кѣмъ-то третьимъ, предъ какимъ-то будущимъ читателемъ, даже каясь въ прегрѣшеніяхъ и пылая негодованіемъ противъ самого себя. Поэтому, мнѣ кажется, что въ дневникѣ вообще трудно найти правдивое изображеніе личности и ея вну-

тренняго міра; наконецъ, эта часть составляетъ такую сокровенную принадлежность каждаго, что ея приличнѣе вовсе и не касаться. Но факты, выставленные въ дневникѣ, событія, указанныя въ немъ, принадлежатъ изслѣдователю и заслуживаютъ, въ значительной степени, вѣры. Изъ дневника обвиняемой мы узнаемъ, что, вернувшись въ Андрюшино, мужъ ея окончательно предается своему гнѣву; — Чихачева нѣтъ, сорвать злобу не на комъ, отомстить некому, — и вотъ эта злоба и месть обрушиваются на жену. Она начинаетъ горькими страданіями и униженіями искупать ту неосторожность, о которой сама теперь сожалѣетъ, упрекая себя въ томъ, что созналась мужу. Подсудимый всю почти первую половину ноября обращался съ женою, какъ самый неразвитый, ослѣпленный и безсердечный человѣкъ, — смѣняя это обращеніе, по какому-то особому настроенію, ласками и нѣжностью... Онъ не только заставляетъ ее вновь и вновь разсказывать всѣ мелкія подробности своихъ отношеній къ Чихачеву, не только мучитъ ее по временамъ своимъ молчаніемъ по цѣлымъ днямъ, не только называетъ въ глаза разными неприличными именами, но замахивается на нее стуломъ, бьетъ ее чубукомъ и наноситъ удары кулакомъ, отъ которыхъ лицо ея заливается кровью. Онъ подвергаетъ ее медленному мученію выпытыванія признаній, такъ сказать, поджариваетъ на медленномъ нравственномъ огнѣ, — и при одномъ имени Чихачева, около котораго однако вращаются всѣ пытливые разспросы, приходитъ въ ярость. Очевидно, что этотъ человѣкъ отдался всецѣло своему страшному гнѣву. Отсутствіе снисходительности и терпимости, ему свойственное, такъ дало восторжествовать этому чувству, что оно заглушило всѣ проблески другихъ благородныхъ чувствъ: не видно и слѣда состраданія къ женѣ, жалости и уваженія къ женщинѣ... Онъ или молчитъ, или бушуетъ одинъ въ домѣ. Ничто его не интересуетъ, онъ весь отдался своему недостойному, животному гнѣву, который самъ себя питаетъ... Жена его плакалась, — по институтской привычкѣ изливалась въ дневникѣ, уличала себя въ томъ, что считаетъ «днями блаженства» дни, когда его нѣтъ дома и, убѣгая ночью съ постели, ложилась на снѣгъ, въ надеждѣ захворать и умереть... Нѣтъ сомнѣнія однако, что не жена была главнымъ предметомъ его злобы. Она просто попадалась подъ руку. Это былъ Чихачевъ, заводчикъ всему, въ его глазахъ, злу, заставившій жену стать въ такое положеніе, которое вызвало впослѣдствіи съ ея стороны сознаніе, а со стороны подсудимаго необходимость разъяснить это сознаніе, надѣлавъ при этомъ рядъ несообразностей, которыя подали поводъ къ различнымъ сплетнямъ, и т. д. Вотъ противъ кого долженъ былъ питать главнымъ образомъ злобу подсудимый. Вотъ чьего имени онъ не могъ слышать, не сопровождая его бранью и побоями той, которая являлась предъ нимъ

живымъ напоминаніемъ о ненавистномъ человѣкѣ. Но человѣкъ, подобный подсудимому въ этотъ періодъ его жизни, не можетъ относиться къ своему недругу съ какимъ нибудь получувствомъ; онъ долженъ его ненавидѣть глубоко и страшно, а ненависть неразлучна съ желаніемъ устранить, уничтожить ненавистный предметъ, лишить его возможности физически и нравственно давить и возмущать своимъ присутствіемъ. И чѣмъ недоступнѣе этотъ предметъ, тѣмъ онъ ненавистнѣе! А Чихачевъ былъ почти недоступенъ для подсудимаго; онъ скрывался и только, на общее несчастіе, постоянно вставалъ передъ нимъ въ его воспоминаніяхъ. Я думаю, что въ припадкахъ гнѣва, во время которыхъ онъ истязалъ жену, у него не могло не быть желанія нанести вредъ еще бо́льшій и неизгладимый Чихачеву, настолько болѣе сильный, насколько, по его мнѣнію, Чихачевъ являлся сравнительно съ женою болѣе преступнымъ. Мы видимъ намеки на это въ письмѣ подсудимой къ Чихачеву. Оно писано ею самою, но проникнуто мыслями и выраженіями мужа, который его исправлялъ и редактировалъ. Изъ него видно, до какого озлобленія дошелъ онъ самъ,—дошла и жена его. Они «не хотятъ пачкать рукъ въ жалкой и преврѣнной крови Чихачева», имъ нужно «удовлетворить свою злобу», нужно «избить очень больно», — Чихачеву посылается пощечина, въ надеждѣ сдѣлать то же и на дѣлѣ,—его называютъ «идіотомъ и безсознательнымъ подлецомъ», ругаясь надъ его родственнымъ чувствомъ, ему совѣтуютъ послѣдовать примѣру брата—застрѣлиться на охотѣ и т. д. Такое письмо,—написанное женою подъ диктовку мужа, указываетъ на нескрываемую ненависть, на злобу, которая кипитъ и льется черезъ край, такъ что слова «честь женщины возстановляется только смертью» звучатъ въ немъ вовсе не простою угрозою. Притомъ, тамъ гдѣ можно написать такія вещи издалека, тамъ гораздо худшее можно сдѣлать вблизи, лицомъ къ лицу...

Но такое состояніе не можетъ длиться долго, — необходимъ исходъ, какой бы ни былъ. Подсудимый очевидно жаждалъ встрѣчи съ Чихачевымъ... Дуэль отдавала бы ему хоть на нѣсколько минутъ Чихачева въ руки,—дуэль застилала бы собою глупую исторію въ Ашевѣ и показывала бы, что съ нимъ шутить нельзя... Съ этимъ предложеніемъ онъ и является къ Чихачеву. Мы знаемъ, какъ оно было сдѣлано,—подсудимый согласенъ въ этомъ съ Церешкевичемъ, фонъ-Раабеномъ и Поповымъ... Имѣлъ ли Чихачевъ основаніе отказываться отъ дуэли, имѣлъ ли подсудимый право негодовать на этотъ отказъ и считать себя затѣмъ въ правѣ на все противъ Чихачева? Если человѣкъ оскорбленный можетъ, согласно существующему обычаю, вызвать другого на дуэль, то онъ во всякомъ случаѣ долженъ удовольствоваться тѣмъ, что сдѣлалъ вызовъ и потребовалъ удовлетворенія. Онъ принесъ свою дань пред-

разсудку и показалъ, что его нельзя безнаказанно оскорблять. Если противникъ отказывается отъ дуэли, онъ заслуживаетъ, быть можетъ, въ глазахъ вызвавшаго громкаго названія труса, жалкаго и мелкаго человѣка, который имѣетъ дерзость оскорблять и не имѣетъ смѣлости расплачиваться за свои оскорбленія. Но этимъ и должно все окончиться. Тамъ же, гдѣ человѣку, отказавшемуся отъ дуэли, настойчиво и неотступно предлагаютъ ее, гдѣ его преслѣдуютъ и, несмотря на доводы, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ принимать вызовъ, всячески принуждаютъ идти драться, тамъ будетъ уже не дуэль, а нѣчто худшее. Тамъ его заставляютъ или самого выйти подъ пулю, слѣдовательно подготовляютъ ему убійство, или заставляютъ противъ воли посягнуть на жизнь другого, т. е. сдѣлаться убійцею. Во всякомъ случаѣ совершается преступленіе или противъ него, или его самого заставляютъ совершить преступленіе. Я думаю, что всякій, кто не считаетъ себя обязаннымъ принять вызовъ, имѣетъ нравственное право отказаться, принявъ и всѣ общественныя послѣдствія такого отказа, а тотъ, кто станетъ, послѣ отказа, насильно, угрозами и запугиваніемъ, тащить его къ барьеру, тотъ станетъ въ положеніе нападающаго. Чихачевъ не захотѣлъ драться. Это его личное дѣло, не подлежащее нашему суду. Онъ могъ имѣть свои основанія, общественныя, личныя... могъ думать, что уже поквитался съ подсудимымъ. Наконецъ — и это главное — онъ не считалъ себя виноватымъ. Этому отказу предшествовалъ, однако, цѣлый рядъ писемъ, полученныхъ Чихачевымъ отъ Черешкевича. Нельзя не пожалѣть о той роли, которую игралъ въ этомъ случаѣ г. Черешкевичъ. Увлекаемый чувствомъ дружбы, онъ хотѣлъ охранить своего друга отъ несчастья, а между тѣмъ, близорукимъ образомъ волновалъ и только пугалъ его, поселяя въ немъ излишнія опасенія своими подробными отчетами о томъ, что дѣлается и говорится въ уѣздѣ. Письма эти постоянно держали Чихачева въ страхѣ. Мы знаемъ, что произошло 26-го ноября. Пріѣхавъ сюда, подсудимый прежде всего отправился въ адресный столъ и взялъ справку о Чихачевѣ, который отмѣченъ былъ поѣхавшимъ въ Москву. Желая узнать, когда онъ вернется, и вообще разузнать о немъ, подсудимый, какъ всегда неразлучный съ женою, вдругъ узнаетъ, что Чихачевъ здѣсь и живетъ у своей сестры. Идя по лѣстницѣ къ сестрѣ Чихачева, обвиняемые, конечно, были подъ давленіемъ всего пережитого ими и всѣхъ мыслей, волновавшихъ ихъ... Лишь только перемолвили они нѣсколько словъ съ Чихачевымъ, ему была вновь настойчиво предложена дуэль, и когда онъ отъ нея отказался, произошелъ тотъ фактъ, который мы признаемъ убійствомъ въ запальчивости и раздраженіи.

Мнѣ приходится перейти ко второй части обвиненія и разобрать, существовало ли дѣйствительно намѣреніе совершить такое

преступленіе, выразился ли въ дѣйствіяхъ обвиняемыхъ въ данномъ случаѣ умыселъ убить Чихачева. Я старался подробно выяснить дѣло и то, что должно было происходить съ подсудимымъ до самаго пріѣзда его на квартиру Чихачева. Ненависть его къ Чихачеву должна была дойти до крайняго предѣла. Недоставало только толчка, чтобы эта ненависть, прорвавшись гнѣвной бурей, проявила себя какимъ нибудь насильственнымъ, кровавымъ дѣйствіемъ. Этотъ толчекъ былъ данъ отказомъ Чихачева отъ дуэли; вслѣдъ за нимъ произошло насиліе со стороны подсудимаго, состоявшее въ убійствѣ. Обращаясь къ доводамъ о томъ, что онъ имѣлъ намѣреніе убить Чихачева, возстановимъ то, что произошло въ квартирѣ Чихачева. Изъ показаній свидѣтелей картина происшествія представляется довольно ярко. Когда подсудимый съ своею женою быстро и смѣло вошли въ квартиру Чихачева, послѣдній вышелъ къ нимъ на встрѣчу, оставивъ въ сосѣдней комнатѣ фонъ-Раабена и Попова. Эти лица услышали разговоръ о письмѣ; за разговоромъ послѣдовало какое-то предложеніе, на которое послѣдовалъ рѣшительный отказъ отъ дуэли со стороны Чихачева; затѣмъ наступилъ моментъ молчанія, смѣненный движеніемъ, шумомъ, вознею. Произошелъ, какъ характеристически выразился здѣсь дворникъ Ильинъ, «бунтъ». Этотъ бунтъ услышали и другія лица. Первое лицо, которое явилось усмирять бунтъ, былъ дворникъ Ильинъ. Вы помните его оживленное показаніе, хотя краткое, но очень ясное. Онъ засталъ подсудимаго стоящимъ передъ Чихачевымъ, который былъ прижатъ къ дивану, и наносящимъ ему удары. Когда онъ бросился къ нимъ, чтобы оттолкнуть нападающаго отъ Чихачева, и когда хотѣлъ схватить его руки, то почувствовалъ, что ему что-то поранило пальцы. Тогда онъ увидѣлъ въ рукѣ подсудимаго ножъ и закричалъ объ этомъ. Выбѣжали Поповъ и фонъ-Раабенъ. Послѣдній бросился на подсудимаго и сталъ его оттаскивать отъ Чихачева, а Поповъ крикнулъ дворнику, чтобы онъ держалъ обвиняемую. Когда фонъ-Раабенъ оттаскивалъ подсудимаго, держа его за одну руку, онъ въ это время дѣйствовалъ другою рукою, отталкивая отъ себя Чихачева, который былъ въ самозабвеніи и, наступая на него, безсознательно, очевидно потерявшись, наносилъ удары. Наконецъ фонъ-Раабену удалось свалить подсудимаго на диванъ и обхватить; Чихачевъ, стоявшій тутъ же, сказалъ нѣсколько успокоившись: «Ну, слава Богу, все кончено, теперь надо за полиціей!» Дѣйствительно, для него *все было кончено:* у него оказались тяжкія и глубокія раны, отъ которыхъ онъ на другой день и скончался, протестуя до послѣдней минуты противъ обвиненія, взведеннаго на него подсудимою... Для опредѣленія, было ли въ этомъ нанесеніи ранъ желаніе совершить убійство, надо обратить вниманіе на орудіе, которымъ нанесена смерть; разсмотрѣть, когда именно

орудіе это было пущено въ ходъ, какимъ образомъ имъ дѣйствовали, какъ обвиняемые вели себя потомъ, и вообще вглядѣться въ характеръ ихъ дѣйствій. Орудіемъ преступленія былъ ножъ, хорошо отточенный, довольно массивный, который, по показаніямъ самого обвиняемаго, былъ съ довольно тугою пружиною. Обвиняемый говоритъ, что когда онъ былъ сваленъ на диванъ, то тамъ онъ вынулъ ножъ, обѣими руками раскрылъ его и затѣмъ не помнитъ, какъ нанесъ удары.

Но, гг. присяжные, я думаю, что вы не повѣрите этому разсказу. Вы слышали показаніе дворника. Онъ первый вошелъ въ комнату, бросился на борющихся и получилъ раны ножомъ по пальцамъ. Что это было до появленія фонъ-Раабена, видно изъ того, что когда фонъ-Раабенъ оттаскивалъ подсудимаго отъ Чихачева, дворникъ держалъ уже обвиняемую на другомъ концѣ комнаты. Въ это время кровь шла у него изъ руки и испачкала кофту и рукавъ обвиняемой, слѣдовательно онъ былъ раненъ до этого, т. е. до того, какъ Раабенъ, схвативъ подсудимаго за руки, приказалъ ему держать обвиняемую. Она стрѣляла, находясь въ рукахъ дворника уже въ то время, когда мужъ ея былъ пригнутъ къ дивану Раабеномъ, а Чихачевъ стоялъ подлѣ. Слѣдовательно дворникъ могъ получить раны въ руку только до участія въ дѣлѣ фонъ-Раабена. Затѣмъ, изъ показанія фонъ-Раабена видно, что онъ обхватилъ подсудимаго и держалъ его крѣпко, когда они были на диванѣ. Если даже предположить на минуту, что подсудимый могъ вынуть изъ кармана и открыть ножъ въ это время, то кому же достались бы его удары, если онъ, какъ говоритъ, наносилъ ихъ безсознательно, какъ не тому, кто лежалъ на немъ, и раны были бы нанесены не по рукамъ, которыя его обхватывали и не въ грудь противника, потому что онъ плотно прилегалъ ею къ подсудимому, а только въ спину или въ бокъ. Этимъ противникомъ, противъ котораго могъ защищаться подсудимый, былъ фонъ-Раабенъ. Между тѣмъ фонъ-Раабенъ, какъ вамъ извѣстно, остался невредимъ, исключая незначительной царапины на рукѣ, а раны нанесены были Чихачеву, который стоялъ въ сторонѣ, около дивана. Какимъ образомъ человѣкъ, обхваченный и крѣпко прижатый къ дивану, наносилъ удары не тому, кто его держитъ, а другому, стоящему около дивана? Наконецъ, если и предположить, что подсудимый въ это время нанесъ Чихачеву удары, то куда же они могли быть нанесены? Очевидно, въ ту часть тѣла, которая была на одной линіи съ лежащимъ на диванѣ, т. е. въ нижнюю часть живота, или въ верхнюю часть ногъ, въ бедра, а между тѣмъ, раны нанесены въ верхнюю часть груди. Подсудимый говоритъ, что сталъ наносить удары ножомъ лицамъ, которыя его держали, самъ себя не помня и силясь обороняться. Но если обороняться, то значитъ сознавать, что̀ и зачѣмъ дѣлаешь. Отъ чего

же и отъ кого обороняться? Отъ лицъ, которыя его держатъ, чтобы прекратить драку и передать его полиціи, такъ какъ Чихачевъ его уже не трогалъ. Но набуйствовать и нашумѣть въ чужой квартирѣ и защищаться съ ножомъ въ рукахъ отъ грозящаго прихода полиціи — это такое странное объясненіе, которое не заслуживаетъ довѣрія. Для такой защиты ножъ былъ ненуженъ. Затѣмъ, еслибы онъ дѣйствительно защищался, то раны и были бы нанесены тѣмъ, которые его держали, а не Чихачеву, который стоялъ въ сторонѣ. Припомните, какъ имъ вообще объясняется употребленіе въ дѣло ножа. Онъ помнитъ все: какъ вынулъ ножъ, какъ раскрылъ его обѣими руками и даже какъ держалъ его лезвіемъ внизъ и т. д., а затѣмъ совершенно забываетъ, какъ и кому наносилъ удары. Но обѣ части его объясненія стоятъ въ противорѣчіи, которое ему и было замѣчено однимъ изъ членовъ суда. Или онъ помнилъ все, или ничего не помнилъ... Если повѣрить объясненію, что онъ не дѣйствовалъ ножомъ, покуда не былъ на диванѣ, то можно ли допустить, чтобы ему дали время не только достать и раскрыть ножъ, но еще и нанести четыре раны, и притомъ, по странному стеченію обстоятельствъ, именно тому, кого онъ не выноситъ и ненавидитъ. Всѣ эти объясненія подсудимаго неправдоподобны и надо ихъ отбросить. Они противорѣчатъ истиннымъ обстоятельствамъ дѣла. Когда же онъ наносилъ удары и когда открылъ ножъ? Этого не могло быть въ то время, когда фонъ-Раабенъ оттаскивалъ его за одну руку и когда другая была свободна, такъ какъ онъ самъ признаетъ, что одною рукою нельзя было открыть тугой, снабженный пружиною, ножъ. Слѣдовательно онъ былъ вынутъ и открытъ еще до того, какъ фонъ-Раабенъ схватилъ его за руку и сталъ тащить отъ Чихачева. Чихачевъ, идучи на подсудимаго въ это время, въ самозабвеніи ударялъ его руками, махая ими — и на нихъ оказались слѣды рѣжущаго оружія: на ладони одной руки порѣзъ, на соединеніи кисти лѣвой руки съ предплечіемъ еще порѣзъ и около локтя другой руки два порѣза. Очевидно, что въ это время въ рукахъ его уже былъ раскрытый ножъ. Слѣдовательно главныя раны были нанесены до того времени, когда фонъ-Раабенъ сталъ разнимать дерущихся. Мы знаемъ, что фонъ-Раабенъ и Поповъ слышали изъ сосѣдней комнаты вопросы и отвѣты, затѣмъ, какъ говоритъ фонъ-Раабенъ, наступилъ моментъ молчанія. Потомъ раздался шумъ отъ паденія и началась возня и крики, — и когда они выбѣжали, борьба была уже въ разгарѣ. Такъ и должно было случиться. Возмущенный отказомъ Чихачева отъ дуэли, получивъ тотъ нравственный толчокъ, о которомъ я уже говорилъ, подсудимый отдался весь своему гнѣву и почувствовалъ въ себѣ приливъ крайняго бѣшенства. Извѣстно, что въ такія минуты дыханіе спирается въ стѣсненной груди, голосъ изсякаетъ, чтобы замѣниться затѣмъ,

послѣ нѣсколькихъ мгновеній зловѣщей тишины, безсмысленными, дикими звуками, которые всѣ разомъ силятся вырваться изъ горла, облегчая болѣзненно сжатое сердце... Въ жестокомъ гнѣвѣ наступаетъ обыкновенно нѣсколько секундъ молчанія, характеризующаго моментъ, въ который разумъ быстро исчезаетъ, уступая мѣсто животной злобѣ — и, наконецъ, ярость разражается — ударами, криками, пролитіемъ крови... То же, безъ сомнѣнія, было и здѣсь. Моментъ молчанія, подмѣченный свидѣтелями, обличаетъ именно этотъ переходъ отъ гнѣва сдержаннаго къ гнѣву, не знающему никакихъ преградъ. Мы знаемъ, что подсудимый ударилъ кулакомъ въ лицо Чихачева. Чихачевъ упалъ. Въ эту минуту былъ самый удобный моментъ выхватить и раскрыть ножъ, и пока Чихачевъ поднимался съ полу, приготовиться встрѣтить его ударами ножа. И дѣйствительно, посмотрите на расположеніе ранъ. Обѣ онѣ находятся въ груди, одна посрединѣ, другая нѣсколько выше и ближе къ боку. Одна представляетъ рѣзанную рану и, проникая въ грудь, идетъ сверху внизъ; другая нанесена спереди назадъ и представляетъ колотую рану. Если допустить, что подсудимый нанесъ удары въ другое время, а не тогда, когда Чихачевъ поднимался послѣ паденія, то никакъ не могли образоваться такія раны. Онѣ были бы обѣ колотыя, если предположить, что онъ нанесъ ихъ въ то время, когда фонъ-Раабенъ оттаскивалъ его за лѣвую руку, и во всякомъ случаѣ были бы нанесены снизу вверхъ, ибо Чихачевъ былъ выше его ростомъ. Чтобы нанести рѣзанную рану сверху внизъ, подсудимому нужно было сдѣлаться ростомъ выше Чихачева. А такое положеніе могло быть только, когда онъ стоялъ, а Чихачевъ приподнимался послѣ удара кулакомъ. Вторая рана колотая и ниже рѣзаной — нанесена очевидно, когда Чихачевъ, вставъ во весь ростъ, бросился на подсудимаго, чтобы защищаться. Опредѣливъ по возможности, *когда* были нанесены раны, надо посмотрѣть и на *мѣста*, куда онѣ нанесены. Человѣкъ, въ безсознательномъ состояніи защищающійся отъ нападенія, сталъ бы наносить раны куда попало. Но здѣсь удары были нанесены вѣрною, твердою рукою въ одно преимущественно мѣсто и проникали глубоко. Они нанесены почти рядомъ въ грудь, около сердца. Наносившій не могъ не понимать, что по мѣсту, куда онъ направляетъ удары, онъ наноситъ смертельныя раны. Подсудимый не былъ въ безсознательномъ состояніи. Гдѣ *сознательно* открываютъ ножъ, тамъ не дѣйствуютъ имъ тотчасъ же *безсознательно*. Выхватить ножъ противъ человѣка, котораго онъ первый же ударилъ и съ такою силой, что сшибъ съ ногъ,—не значитъ защищаться, а значитъ — желать нанести ему серьезный вредъ, большое зло. Но зло, наносимое ударами длиннаго и отточеннаго ножа въ грудь — есть смерть... Защита, можетъ быть, будетъ утверждать, что тутъ была простая драка и раны нанесены въ пылу

обоюдной свалки. Но драки происходятъ обыкновенно такъ: сойдутся люди безъ всякой предварительной ненависти, выпьютъ, поспорятъ по пустому и всегда неожиданному поводу и... подерутся, норовя ударить въ лицо, «съѣздить» въ зубы, схватить за волосы, за бороду, «оттаскать» противника... Если причинится кому нибудь при этомъ смерть, то это несчастная случайность, неожиданная, никѣмъ не желанная. Но тамъ, гдѣ передъ убійствомъ такъ долго накипала ненависть, гдѣ она постоянно возрастала, тамъ убійство совершено не въ дракѣ, которая не предполагаетъ предварительно долгой, заглушаемой и, наконецъ, прорвавшейся наружу злобы. Кромѣ того, посмотрите на поведеніе подсудимыхъ. Убившій другого въ дракѣ и узнавшій, что вмѣсто того, чтобы «побить», онъ «убилъ», придетъ въ ужасъ, падетъ духомъ, не будетъ знать, что̀ дѣлать, особливо если онъ сколько нибудь развитый человѣкъ. Но что дѣлаетъ подсудимый? Запертый въ комнатѣ, онъ закуриваетъ папироску, чувствуетъ аппетитъ, проситъ чаю, спрашиваетъ, умеръ ли Чихачевъ, и, отвѣчая на вопросъ своей жены, что онъ, а не она его убила, беретъ на себя заслугу этого дѣла, а когда ему говорятъ, что Чихачевъ умеръ, провожаетъ его спокойными словами: «ну, и Богъ съ нимъ!» Когда человѣкъ убиваетъ въ дракѣ, онъ бываетъ пораженъ, озадаченъ, самъ убитъ случившимся, а когда человѣкъ убиваетъ другого, вслѣдствіе глубокой къ нему ненависти и когда пролитая кровь завершаетъ эту ненависть, онъ бываетъ спокоенъ, онъ притихаетъ, чувствуетъ нѣкоторое удовлетвореніе, какъ это обыкновенно бываетъ послѣ всякаго страстнаго душевнаго движенія. Такое удовлетвореніе своей ненависти и гнѣва почувствовалъ и подсудимый. Его папироска, его аппетитъ, его «не ты, а я его убилъ», и его «ну, и Богъ съ нимъ»—указываютъ на это. Притомъ, еслибы онъ хотѣлъ только драться, то какая же была бы цѣль этой драки? Онъ пришелъ для того, чтобы вызвать Чихачева на дуэль, т. е. или своею жизнію пожертвовать, или убить его. Это ему не удалось. Чего же можетъ онъ желать затѣмъ? Поколотить противника, подбить ему глаза, разбить зубы и за это быть отправленнымъ въ полицію, судиться у мирового судьи и, быть можетъ, быть *прощеннымъ* тѣмъ же Чихачевымъ?! Но развѣ такого человѣка, какимъ мы знаемъ подсудимаго, могъ удовлетворить этотъ пошлый исходъ? Развѣ этого довольно было бы для его израненнаго сердца и омраченной ненавистью души, для его раздраженнаго самолюбія? Тогда вѣдь онъ еще болѣе будетъ смѣшонъ въ уѣздныхъ глазахъ. Тогда создастся цѣлая легенда о мировомъ судьѣ, судимомъ мировымъ судьею за побои, нанесенныя мировому же судьѣ. Нѣтъ, здѣсь не было драки! А не было драки, такъ было желаніе убить. Это выводъ, по моему мнѣнію, неизбѣжный. Но, быть можетъ, скажутъ, что Чихачевъ тоже нападалъ на под-

судимаго, наносилъ ему удары. Можно ли, однако, требовать, чтобы онъ оставался спокойнымъ и не трогалъ человѣка, свалившаго его и бьющаго ножомъ въ грудь? Можно ли этого требовать, въ особенности когда этотъ человѣкъ почти насильственно пришелъ въ квартиру Чихачева и когда послѣдній видѣлъ предъ собою давняго преслѣдователя и смертельнаго врага? И если Чихачевъ умираетъ отъ ударовъ, нанесенныхъ ножомъ въ такое мѣсто, гдѣ смерть почти неизбѣжна,—нанесенныхъ человѣкомъ, который давно кипѣлъ противъ него гнѣвомъ и преслѣдовалъ его, добиваясь своей или его смерти—и встрѣтилъ окончательный отказъ въ удовлетвореніи этого желанія, мы имѣемъ право сказать, что человѣкъ этотъ хотѣлъ убить своего врага, сказать, что подсудимый убилъ его въ запальчивости и раздраженіи. Онъ весь отдался своему гнѣву. «Ты не хочешь мнѣ дать удовлетворенія, какъ человѣкъ общества—я на тебя нападу, какъ на звѣря, безпощадно и съ оружіемъ въ рукахъ; ты не хочешь видѣть дуло пистолета—я тебѣ дамъ отвѣдать ножа; ты волей или неволей испортилъ мнѣ мою жизнь—я у тебя отниму твою!» И онъ убилъ Чихачева...

Остается сказать о подсудимой. Ея участіе въ этомъ дѣлѣ является преступнымъ. Мы видѣли, что она постоянно ходила за мужемъ на буксирѣ и, дѣйствуя подъ его руководствомъ, не отрезвляя и не останавливая его, охотно присоединялась къ его озлобленію. И для нея Чихачевъ являлся такимъ же ненавистнымъ, роковымъ человѣкомъ, какъ и для мужа; онъ казался и ей причиною всего зла; ему писала она, что жаждетъ его крови, забывая, что не онъ, а она сама вмѣстѣ съ мужемъ причина всѣхъ уѣздныхъ исторій и сплетень... Принеся мужу повинную, признавъ себя предъ нимъ обманщицею, она не могла уже заявлять претензій на самостоятельность и, смотря на все изъ-подъ его руки, стала раздѣлять его ненависть и злобу. Бросаясь въ снѣгъ, плача и перенося побои, она, конечно, искала, подобно мужу, выхода и думала, что все можетъ, согласно его мнѣнію, разрѣшиться и успокоиться дуэлью. Въ надеждѣ на то, что состоится что нибудь окончательно, что устроится съ ненавистнымъ человѣкомъ поединокъ, она является съ мужемъ къ Чихачеву. Тотъ снова отказывается. Слѣдовательно опять пойдутъ сомнѣнія, опять нравственная пытка, долгіе разспросы, необходимость выворачивать свою душу и шевелить постыдныя подробности прошлаго: это невозможно, невыносимо!.. И вотъ и въ ней должно было развиться крайнее раздраженіе и, увлеченная шумомъ борьбы, видя предъ собою виновника своихъ золъ, она дважды стрѣляетъ въ Чихачева съ тѣмъ, чтобы его убить. Она хотѣла его убить. Вспомните ея письмо,—вспомните безчеловѣчное предложеніе, которое она рѣшилась сдѣлать Чихачеву въ Ашевѣ, — вспомните ея желаніе знать, ей ли

принадлежитъ право считать себя убійцей Чихачева, обратите наконецъ вниманіе на то, что нельзя безсознательно дважды стрѣлять изъ револьвера, курокъ котораго надо каждый разъ взводить. Вы можете къ ней отнестись снисходительно: не она убила Чихачева, а выстрадала очень много, — но вы не должны забывать, что, вслѣдствіе ея двукратнаго обмана, возникли у ея мужа сомнѣнія, разрѣшившіяся убійствомъ Чихачева... Я обвиняю подсудимыхъ, согласно съ опредѣленіемъ судебной палаты, въ томъ, что одна покушалась на убійство Чихачева, а другой убилъ его въ запальчивости и раздраженіи. Отъ васъ, гг. присяжные засѣдатели, зависитъ рѣшить ихъ участь. Пробѣгая мысленно все это дѣло, къ невеселымъ мыслямъ прихожу я. Оно сводится къ смерти человѣка, безусловно добраго, который въ нашемъ обществѣ, небогатомъ безкорыстными дѣятелями и сознательно честными людьми, приносилъ свою значительную долю пользы, содѣйствуя народному образованію, устроивъ училище, помогая учрежденію ссудо-сберегательныхъ товариществъ и выводя бѣдняковъ изъ мрака къ свѣту... За слабость характера, за давнопрошедшее увлеченіе онъ заплатилъ цѣною жизни. Его далеко не безполезную жизнь прекратилъ не человѣкъ неразвитый, грубый, который не вѣдаетъ, что творитъ во гнѣвѣ своемъ, но человѣкъ образованный, развитый, могущій правильно оцѣнивать свои поступки,—человѣкъ, который былъ судьею и преподавалъ другимъ уроки уваженія къ личности и закону, уроки обузданія своихъ порывовъ. Мнѣ думается, что съ вашей стороны, по отношенію къ нему, долженъ послѣдовать строгій приговоръ, который укажетъ, что на защитѣ человѣческой жизни стоитъ судъ, который не прощаетъ никому самоуправнаго распоряженія существованіемъ другого. Подсудимому, стоявшему на видной ступени въ обществѣ, умѣвшему быть полезнымъ дѣятелемъ и слугою общественныхъ интересовъ, было много дано. Но кому много дано, съ того много и спросится, и я думаю, что вашъ приговоръ докажетъ, что съ него спрашивается много...

XIII.

По дѣлу о подлогѣ завѣщанія гвардіи капитана Сѣдкова.

19-го іюня 1874 года, вдова капитана гвардіи Софья Константиновна Сѣдкова предъявила, чрезъ повѣреннаго, въ С.-Петербургскій Окружный Судъ къ утвержденію домашнее духовное завѣщаніе покойнаго своего мужа, предоставляющее въ ея полную собственность все безъ исключенія движимое имущество завѣщателя, въ чемъ бы таковое ни заключалось. Духовное завѣщаніе, какъ въ немъ значится, писано 31-го мая 1874 г. со словъ завѣщателя фехтмейстерскимъ помощникомъ Тенисомъ, подписано по личной просьбѣ и за слабостью руки завѣщателя губернскимъ секретаремъ Медвѣдевымъ при свидѣтеляхъ: поручикѣ Петлинѣ, отставномъ надворномъ совѣтникѣ Бороздинѣ и отставномъ подпоручикѣ Киткинѣ, которые своимъ подписомъ удостовѣрили какъ то, что завѣщатель былъ въ твердой памяти и здравомъ умѣ, такъ и то, что за слабостью руки и по личной его просьбѣ на завѣщаніи вмѣсто его росписался губернскій секретарь Медвѣдевъ. Вмѣстѣ съ духовнымъ завѣщаніемъ въ судъ представлено было отъ вдовы Сѣдковой и свидѣтельство Введенской церкви о послѣдовавшей 1-го іюня того же года смерти мужа Сѣдковой. 5-го іюля братъ покойнаго Сѣдкова, коллежскій секретарь А. Е. Сѣдковъ, заявилъ суду о подложности представленнаго повѣреннымъ вдовы Сѣдковой завѣщанія. Дознаніемъ полиціи обнаружено, что наканунѣ смерти Сѣдкова при немъ никого изъ постороннихъ лицъ, кромѣ жены его и служанки Бѣляевой, не было; что Сѣдковъ умеръ въ 8 часовъ утра, а Медвѣдевъ и другія подписавшіяся на завѣщаніи лица были въ тотъ день у Сѣдковой только вечеромъ. Спрошенная на предварительномъ слѣдствіи Бѣляева показала, что Сѣдковъ умеръ въ креслахъ, въ 8 часовъ утра, и былъ затѣмъ перенесенъ ею при помощи Сѣдковой на постель. Хотя несомнѣнно было, что онъ уже умеръ, но Сѣдкова положила ему на голову холодный компрессъ. Затѣмъ съ утра до вечера Сѣдкова рылась въ сундукахъ и ящикахъ, отбирала разныя золотыя и серебряныя вещи, пересматривала бумаги и часть ихъ отложила въ небольшой окованный желѣзомъ зеленый сундучокъ. Подъ-вечеръ Сѣдкова пересматривала какія-то узенькія книжечки и говорила, что хорошо будетъ, если въ банкѣ не узнаютъ ея руку. Вечеромъ Сѣдкова поѣхала изъ дому, но вскорѣ вернулась, сказавъ, что забыла какую-то бумагу; затѣмъ наскоро что-то написала и снова уѣхала. По возвра-

щеніи ея домой, пріѣхали Медвѣдевъ, писарь Тенисъ и нотаріусъ Лысенковъ съ секретаремъ, но Лысенковъ съ секретаремъ вскорѣ уѣхалъ и возвратился уже одинъ. Сѣдкова посылала за Петлинымъ, который пришелъ съ какимъ-то военнымъ. Тенисъ писалъ въ залѣ, говорили всѣ шепотомъ и разошлись уже къ утру. На другой день снова былъ у Сѣдковой нотаріусъ Лысенковъ, Медвѣдевъ, а кромѣ того Бороздинъ и Киткинъ. Въ этотъ же день пріѣзжала подруга Сѣдковой Макарова и увезла съ собою сундучокъ съ бумагами. Врачъ Измайловскаго полка Флитнеръ, пользовавшій Сѣдкова, показалъ, что онъ страдалъ хроническимъ воспаленіемъ легкихъ, что въ послѣдній разъ онъ, Флитнеръ, былъ у Сѣдковыхъ въ 10 часовъ вечера, 31-го мая. Встрѣтивъ его въ передней, Сѣдкова объявила ему, что мужъ ея умеръ и повела его черезъ кухню въ комнату покойнаго; въ залѣ было въ то время много народу. Сѣдкова была очень встревожена и разсказывала, что, опасаясь остаться безъ завѣщанія, она ѣздила за нотаріусомъ и свидѣтелями, но возвратясь домой нашла мужа уже безъ дыханія. Далѣе, въ безсвязныхъ словахъ она говорила, что она несчастная женщина, остается безъ всего, причемъ просила его, Флитнера, не говорить когда ея мужъ умеръ и написать, что онъ умеръ позже. Затѣмъ, Флитнеръ присовокупилъ, что опредѣлить часъ смерти Сѣдкова было трудно, — но возможно, что онъ умеръ утромъ, какъ показываетъ горничная. Спрошенный на предварительномъ слѣдствіи, докторъ медицины Зенкевичъ показалъ, что Сѣдкова обратилась къ нему 1-го іюня 1874 г., вечеромъ, съ просьбою выдать свидѣтельство о смерти мужа, такъ какъ пользовавшій его врачъ отказалъ ей въ томъ по неимѣнію времени за выѣздомъ въ лагерь. Сѣдкова говорила, что мужъ ея умеръ того же числа утромъ. Найдя тѣло Сѣдкова уже охладѣвшимъ, онъ, Зенкевичъ, выдалъ свидѣтельство. Штабсъ-капитанъ Лисевичъ показалъ, что въ маѣ мѣсяцѣ, вечеромъ, когда онъ былъ у Петлина, послѣдній просилъ его пойти къ одному изъ жильцовъ дома и быть свидѣтелемъ завѣщанія. Тамъ Петлинъ познакомилъ его съ Сѣдковою и затѣмъ они сѣли въ залѣ ожидать нотаріуса, который пріѣхалъ въ 10-мъ часу. Сѣдкова сказала нотаріусу, что мужъ ея уснулъ и будить его нельзя. Затѣмъ она предложила нотаріусу написать завѣщаніе съ чернового. Письмоводитель нотаріуса вписалъ завѣщаніе и сталъ ожидать когда можно будетъ войти къ больному. Наконецъ нотаріусъ и Сѣдкова вошли, но пробыли недолго, и нотаріусъ выйдя сказалъ: «что-то подозрительно, пошлите за докторомъ». Послали за докторомъ, который пріѣхавъ объявилъ, что больной умеръ. Затѣмъ онъ, Лисевичъ, раскланялся и ушелъ. Далѣе, слѣдствіемъ обнаружено, что изъ банкирской конторы «Жадимеровскій, Баймаковъ и К°» 1-го и 4-го іюня 1874 года выдано вдовѣ Сѣдкова съ текущаго счета ея покойнаго мужа болѣе 30 т. рублей по тремъ чекамъ отъ 31-го мая за подписью «М. Сѣдковъ». По сличенію почерковъ, эксперты нашли, что подписи на этихъ чекахъ писаны рукою вдовы Сѣдковой. Между письмами и бумагами частью найденными у Сѣдковой по обыску, частью ею самою представленными, оказались: 1) писанный карандашомъ счетъ, въ которомъ отмѣчено: Медвѣдеву 12 р., Петлину — 10 р., Лысенкову — 500 р., Бороздину — 500 р., Киткину — 20 р.; 2) Записка Бороздина, въ которой онъ проситъ у Сѣдковой одолжить ему 15 р., и другая его записка по тому же поводу, въ которой, настаивая на присылкѣ ему денегъ, онъ присовокупляетъ: «отказывая, вы меня станете дразнить, а я, право, ничего дурного вамъ не дѣлалъ»; 3) Записка Петлина: «Милостивая государыня, Софья Константиновна! Простите за совѣтъ, лучше дайте просимое. Б.»; 4) Росписка Киткина въ полученіи 200 р. отъ Сѣдковой; 5) Его же записка, въ которой онъ проситъ у Сѣдковой одолжить 100 или 200 р.; 6) Записка безъ подписи: «Я согласенъ подписать въ такомъ случаѣ, если мнѣ будетъ возвращенъ вексель и 300 р., а въ противномъ случаѣ это остается мнѣ извѣстнымъ»; 7) Записка Петлина, въ

которой онъ проситъ у Сѣдковой 100 р., присовокупляя: «Если вы ихъ дадите — сожалѣть не будете»; 8) Его же записка, слѣдующаго содержанія: «Быть можетъ, и я не люблю входить, Софья Константиновна, въ объясненія съ прислугою, но этого требуетъ вамъ извѣстно какое дѣло, а Арина можетъ попортить мнѣ. А потому вы, я думаю, взойдете противъ вашей любви въ объясненіе съ нею».

Обвиняемые: Сѣдкова, Лысенковъ, Петлинъ, Киткинъ, Бороздинъ, Медвѣдевъ и Тенисъ, не признавая себя виновными въ подложномъ составленіи духовнаго завѣщанія, на первоначальномъ допросѣ утверждали, что оно составлено было по волѣ покойнаго Сѣдкова въ томъ именно порядкѣ, какъ это въ самомъ актѣ означено. Сѣдкова отвергала также обвиненіе въ подлогѣ по чекамъ, объясняя, что они подписаны ея мужемъ. Но вскорѣ послѣ перваго допроса, обвиняемый Киткинъ явился къ судебному слѣдователю съ повинною, объяснивъ, что получилъ отъ Сѣдковой письмо, въ которомъ она просила его немедленно пріѣхать по очень важному дѣлу. Когда онъ пришелъ къ Сѣдковой, она представила ему Лысенкова и Петлина и просила подписаться на завѣщаніи, такъ какъ не доставало третьяго свидѣтеля. Петлинъ говорилъ при этомъ, что они сами писали и подписали завѣщаніе по просьбѣ покойнаго Сѣдкова. Лысенковъ говорилъ, что, какъ нотаріусъ, онъ ничего незаконнаго не сдѣлаетъ; что если онъ не подпишетъ, то подпишетъ другой, и что бояться тутъ нечего. Хотя Сѣдкова вмѣстѣ съ тѣмъ напоминала ему о векселѣ, но онъ, Киткинъ, не согласившись подписаться, ушелъ. Сообразивъ однако, что по находящемуся въ рукахъ Сѣдковой векселю его могутъ посадить въ долговое отдѣленіе, онъ написалъ изъ царскосельскаго вокзала, что согласенъ подписать, если возвратятъ ему вексель и дадутъ вдобавокъ 300 р. Сѣдкова прислала за нимъ въ вокзалъ, онъ подписалъ завѣщаніе и получилъ свой вексель и 200 р. Вслѣдъ за Киткинымъ созналась и Сѣдкова, объяснивъ, что о желаніи ея покойнаго мужа составить въ ея пользу духовное завѣщаніе извѣстно было его близкому пріятелю, капитану Ямщикову. Зная объ этомъ желаніи мужа, она просила однако повѣреннаго написать проектъ завѣщанія, показывала этотъ проектъ мужу и по указаніямъ его переправила. 31-го мая, въ 9 часовъ вечера, она поѣхала, по просьбѣ мужа, къ нотаріусу Лысенкову и просила его пріѣхать, передавъ ему проектъ завѣщанія. Отъ Лысенкова она заѣхала за Медвѣдевымъ и, пріѣхавъ домой, увидѣла, что мужъ едва дышетъ. Соглашаясь составить нотаріальное духовное завѣщаніе, Лысенковъ говорилъ, что это будетъ стоить 10,000 или 12,000 р., но когда она сказала Лысенкову, что денегъ у нея нѣтъ, что она можетъ заплатить только на другой день, то Лысенковъ просилъ послать за докторомъ. До пріѣзда врача она думала еще, что мужъ очнется, но врачъ нашелъ, что онъ уже умеръ. Лысенковъ объявилъ тогда, что свидѣтели уже не согласятся подписать, что онъ отвезетъ конторщика и пріѣдетъ одинъ, причемъ просилъ ее задержать Медвѣдева и Петлина. Возвратясь затѣмъ одинъ, Лысенковъ объявилъ, что можно составить домашнее духовное завѣщаніе, которое стоить будетъ 6,000 р., причемъ онъ берется достать свидѣтелей, что̀ и сдѣлалъ. Когда началось слѣдствіе, она просила Лысенкова показать, что онъ не только видѣлъ ея мужа въ живыхъ, но и говорилъ съ нимъ. Лысенковъ отвѣтилъ, что это будетъ стоить много денегъ. Она тогда выдала по его требованію 5,000 р. ему лично и 3,000 на свидѣтелей. Обвиняемый Лысенковъ, передопрошенный по поводу показаній Киткина и Сѣдковой, сознался, что завѣщаніе написано было уже послѣ смерти Сѣдкова, и объяснилъ, что вдова Сѣдкова умоляла его помочь ей. Сѣдкова выдала ему, Лысенкову, 500 р. на расходы по утвержденію завѣщанія, но больше отъ нея онъ ни гроша не получалъ. Петлинъ, признавая, что завѣщаніе подписано было имъ уже послѣ смерти Сѣдкова, объяснилъ, что сдѣлалъ это по просьбѣ Сѣдковой и Лысенкова; денегъ отъ Сѣд-

ковой никакихъ не получалъ и сколько получили другіе — не знаетъ. Бороздинъ показалъ, что зналъ Сѣдкова по случаю займа у него денегъ подъ вексель, жену же его лично не зналъ; съ 1873 г. онъ имѣлъ несчастіе содержаться въ долговомъ отдѣленіи и терпѣлъ съ семействомъ крайнюю нищету; нотаріусъ Лысенковъ постоянно помогалъ ему деньгами и работою, и когда Лысенковъ нуждался въ свидѣтеляхъ при совершеніи актовъ, то Бороздинъ являлся и давалъ въ этихъ случаяхъ свою подпись. 1-го іюня Лысенковъ пригласилъ его къ себѣ въ контору и просилъ его подписать завѣщаніе Сѣдкова. Лысенковъ объяснилъ при этомъ, что завѣщаніе это продиктовано было самимъ Сѣдковымъ и что Сѣдкова умоляла его, Лысенкова, помочь ей совершить завѣщаніе, вслѣдствіе чего онъ взялся пріискать свидѣтелей. Имѣя къ Лысенкову полное довѣріе, какъ къ человѣку и какъ къ лицу оффиціальному — нотаріусу, онъ, Бороздинъ, подписалъ завѣщаніе. Только впослѣдствіи онъ узналъ, что оно составлено было уже послѣ смерти Сѣдкова. Послѣ засѣданія въ судѣ, Сѣдкова выдала ему вексель въ 500 руб., такъ какъ наличныхъ денегъ она не имѣла и сама до такой степени нуждалась, что однажды отказала ему въ 15 рубляхъ. Обвиняемые въ объясненіяхъ своихъ между прочимъ указали, что покойный Сѣдковъ получилъ за женою въ приданое около 30,000 рублей. Сѣдкова по поводу имущественныхъ отношеній къ своему мужу объяснила, что получила отъ бабушки своей приданаго 5,000 руб. наличными деньгами, вексель на Демидова въ 5,000 р. и, кромѣ того, имѣла брилліантовъ и серебра на 3,000 руб.

Представляя къ слѣдствію на 57,000 р. векселей, принадлежавшихъ покойному Сѣдкову, обвиняемая объяснила, что, кромѣ того, въ окружный судъ и въ управу благочинія предъявлено ею векселей на 50,000 руб. По исполнительнымъ листамъ, хранящимся частью у нея, частью у судебныхъ приставовъ, къ полученію подлежало до 42,000 руб. Затѣмъ, въ конторѣ Баймакова съ текущаго счета получено ею до 33,000 руб., такъ что стоимость всего имущества ея покойнаго мужа простиралась до 180,000 руб. Спрошенный затѣмъ, вслѣдствіе показанія обвиняемой, капитанъ Ямщиковъ не подтвердилъ того, чтобы покойный Сѣдковъ когда либо говорилъ ему о желаніи составить завѣщаніе или о намѣреніи оставить имущество своей женѣ. Слѣдствіемъ между прочимъ обнаружено, что Лысенковъ уплатилъ въ теченіе лѣта 1874 г., съ мая мѣсяца по августъ, болѣе 6,000 руб. разнымъ лицамъ по векселямъ и внесъ въ Общество взаимнаго кредита на текущій счетъ, съ 6-го іюня по августъ, болѣе 11,000 руб. По поводу этого обстоятельства Лысенковъ объяснилъ, что онъ получилъ 17-го мая 1874 г. отъ отца своего на уплату долговъ 10,000 руб., вслѣдствіе чего и выдалъ вексель въ этой суммѣ сестрамъ своимъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго, Сѣдкова, Лысенковъ, Петлинъ, Медвѣдевъ, Киткинъ, Бороздинъ и Тенисъ были преданы суду по обвиненію въ томъ, что 1-го іюня 1874 года, по предварительному между собою соглашенію, составили подложное домашнее духовное завѣщаніе; Сѣдкова, кромѣ того, и въ томъ, что подписала три чека отъ имени покойнаго своего мужа Сѣдкова и по такимъ подложно составленнымъ чекамъ получила принадлежащіе ему 31,000 руб. изъ конторы «Жадимеровскій, Баймаковъ и К°», что въ отношеніи Сѣдковой составляетъ преступленія, предусмотрѣнныя ст. 1691 и 1692 улож., въ отношеніи же прочихъ преступленіе, предусмотрѣнное 1691 ст. улож.

Судебное засѣданіе по этому дѣлу происходило въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 27-го и 28-го марта 1875 г., подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя *Якоби;* защищали — Лысенкова — прис. пов. *Ложвицкій,* Киткина и Бороздина — прис. пов. *Спасо-*

вичъ,— Петлина, прис. пов. *Боровиковскій*,—Тениса и Медвѣдева — прис. пов. *Войцеховскій*, — Сѣдкову — прис. пов. *Языковъ*.

На судебномъ слѣдствіи подсудимая Сѣдкова между прочимъ объяснила, что ея мужъ, вернувшись изъ Бессарабіи въ 1874 г., выдалъ ей довѣренность на полученіе денегъ по всѣмъ его дѣламъ, въ виду того, что все его состояніе принадлежало ей. Чувствуя, что здоровье его слабѣетъ, онъ послалъ ее къ адвокату Петровскому съ тѣмъ, чтобы тотъ составилъ проектъ завѣщанія, но не желая придавать этому дѣлу огласки, онъ просилъ написать завѣщаніе отъ имени какого нибудь вымышленнаго лица. Въ проектѣ этомъ были сдѣланы прибавленія и исправленія рукою подсудимой. 31-го мая покойный просилъ немедленно послать за нотаріусомъ, который завѣдывалъ его дѣлами, говоря, что чувствуетъ себя очень слабымъ. Подсудимая тотчасъ написала Лысенкову записку и сама отвезла. Покойный очень довѣрялъ Лысенкову, котораго зналъ лѣтъ 12. Заѣхавъ за Медвѣдевымъ, она вернулась домой и нашла мужа спящимъ; вслѣдъ затѣмъ прибылъ Лысенковъ съ конторщикомъ. Войдя въ комнату, гдѣ лежалъ больной, Лысенковъ сказалъ, что онъ очень плохъ, едва ли въ состояніи будетъ писать, и предложилъ ей свою помощь съ тѣмъ, чтобы она дала ему 12 тысячъ, такъ какъ ей достается большое состояніе. Вечеромъ пріѣхалъ докторъ Флитнеръ, заставшій Сѣдкова при смерти, а часу въ 12-мъ ночи послали за докторомъ Заславскимъ, который объявилъ, что мужъ ея скончался. Лысенковъ сначала сказалъ, что завѣщаніе нельзя уже составить, такъ какъ свидѣтели подписаться не согласятся, а затѣмъ предложилъ устроить такъ, что Сѣдкова подпишется за мужа въ другой комнатѣ, и свидѣтели не будутъ знать, что Сѣдкова нѣтъ въ живыхъ и не откажутся подписать завѣщаніе. Войдя въ другую комнату, гдѣ сидѣли Петлинъ и Медвѣдевъ, онъ сказалъ имъ, что зная волю покойнаго составить завѣщаніе въ пользу жены, они вѣроятно не откажутся быть свидѣтелями на завѣщаніи. Медвѣдевъ поѣхалъ за Тенисомъ, который написалъ завѣщаніе подъ диктову Лысенкова, и затѣмъ оно было подписано Петлинымъ и Медвѣдевымъ. Лысенковъ взялъ завѣщаніе съ собою, обѣщалъ привезти свидѣтеля Бороздина и требовалъ за хлопоты 6.000 р. Узнавъ, что у подсудимой нѣтъ въ рукахъ денегъ, онъ предложилъ ей получить по чекамъ, росписавшись на нихъ за ея мужа, что́ она и исполнила. Разныя драгоцѣнныя вещи были ею собраны и отданы на храненіе Макаровой, во избѣжаніе описи ихъ. Лысенковъ привезъ завѣщаніе, подписанное Бороздинымъ, и вмѣсто условленныхъ 6.000 р., получилъ 7.000 р., на томъ основаніи, что Бороздинъ взялъ съ него очень дорого. Киткину подсудимая сама предложила подписаться свидѣтелемъ, на что онъ согласился съ тѣмъ условіемъ, что она дастъ ему 200 р. и уничтожитъ вексель въ тысячу руб. Медвѣдеву; за подписаніе завѣщанія она ничего не заплатила, Тенису же дала 5 руб. и по утвержденіи завѣщанія 50 р., а Медвѣдеву 70 р., но не за это дѣло, а за исполненіе имъ разныхъ порученій. Кромѣ 7.000 р., она дала Лысенкову 3.000 р. на судебныя пошлины. Вскорѣ послѣ того Лысенковъ пріѣхалъ съ Бороздинымъ и сообщилъ ей, что Бороздинъ хочетъ сдѣлать заявленіе прокурору, которое ее погубитъ; подсудимая дала Бороздину тутъ же тысячу рублей, которую онъ вѣроятно раздѣлилъ съ Лысенковымъ. Въ день засѣданія по утвержденію завѣщанія, Бороздинъ не явился и потребовалъ отъ нея за явку въ судъ 500 руб. деньгами и вексель въ 500 р. Подсудимая исполнила и это его требованіе. Киткину она дала еще 200 или 150 р., а Петлину 500 р. Расходы эти она производила изъ суммы, полученной по чекамъ; кромѣ того, у нея было наличными деньгами 2.500 р., полученныхъ ея мужемъ отъ своего повѣреннаго и еще тысячи четыре, вырученныя за продажу облигацій. Совершая эти подлоги, подсудимая вовсе и не думала о ихъ преступности. Послѣ того, какъ имущество было опечатано, подсудимая послала свою племянницу за сундучкомъ, хранившимся у Макаровой, но Макарова не отдала

его, а пригласила ее пріѣхать. Подсудимая отправилась къ Макаровой, жившей въ меблированныхъ комнатахъ, и просила отдать сундучокъ; Макарова пригласила ее въ комнату сосѣда своего Карпова, гдѣ Карповъ предложилъ ей подарить Макаровой вексель ея брата въ 5.000 руб., въ противномъ же случаѣ грозилъ донести о подлогѣ завѣщанія и представить сундучокъ. Не имѣя при себѣ этого документа, подсудимая не могла исполнить просьбу Макаровой и выдала ей обязательство отсрочить взысканіе съ брата ея на два года. Лысенкову подсудимая дала еще 5.000 р. за то, чтобы онъ показывалъ, что видѣлъ мужа ея живымъ и разговаривалъ съ нимъ, и еще 3.000 р., на случай надобности, для свидѣтелей. Въ это время она узнала, что существуетъ вексель въ 5.000 р., выданный будто бы ею Петлину, но такъ какъ подобнаго векселя она никогда не выдавала, то и публиковала въ газетахъ, что такого векселя нѣтъ. Бѣляева пугала ее доносомъ и требовала денегъ, но подсудимая прогнала ее; черезъ два дня, она получила сообщеніе помощника пристава Станкевича о томъ, что онъ желаетъ переговорить съ Сѣдковой раньше, чѣмъ получитъ ходъ ея дѣло. Она отправилась въ Московскую часть, гдѣ Станкевичъ сталъ разспрашивать ее о полученіи по чекамъ и о томъ, жила ли у нея Бѣляева. Затѣмъ Тенисъ и Медвѣдевъ разсказали ей, что Петлинъ при нихъ писалъ доносъ на нее. Подсудимая считала себя наслѣдницею мужа потому, что у него ничего не было до женитьбы. Ему *предложили* жениться, и онъ согласился, не зная вовсе ея, собственно изъ разсчета; ей было тогда 16 лѣтъ, капиталъ ея простирался до 25.000 р., и на эти деньги покойный дѣлалъ обороты, которые значительно увеличили его состояніе. До свадьбы же онъ очень нуждался и жилъ въ одной комнаткѣ.

Подс. Петлинъ показалъ между прочимъ, что онъ подписалъ завѣщаніе, довѣряя Лысенкову, какъ нотаріусу. Интереса при этомъ въ виду онъ никакого не имѣлъ и денегъ отъ Сѣдковой на это не получалъ, а получилъ разъ 200 р., изъ которыхъ раздавалъ разнымъ лицамъ, какъ напримѣръ, горничной Бѣляевой. Бѣляева явилась къ нему и сообщила, что она знаетъ о подложности завѣщанія и что оно написано послѣ смерти. Онъ повелъ ее въ участокъ, гдѣ со словъ Бѣляевой написалъ заявленіе о подлогѣ, которое и было ею подано въ участокъ. Подтверждая существованіе векселя въ 5.000 р., засвидѣтельствованнаго у Гордзялковскаго, подсудимый заявилъ, что вексель этотъ полученъ имъ отъ Сѣдковой не по настоящему дѣлу, но отказался объяснить подробности его появленія.

Подс. Бороздинъ показалъ, что 1-го іюня Лысенковъ, выразивъ желаніе поговорить съ нимъ наединѣ, показалъ ему два документа: черновое завѣщаніе и записку, писанныя рукою Сѣдкова, объяснивъ ему при этомъ, что вдова передала ему домашнее завѣщаніе, подписанное двумя свидѣтелями и просила пріискать двухъ свидѣтелей. Сочувствуя положенію Сѣдковой, оставшейся безъ всякихъ средствъ, благодаря несоблюденію формальности, Лысенковъ предложилъ подсудимому дать свою подпись, говоря при этомъ, что другой свидѣтель, Киткинъ, уже далъ свое согласіе. Подсудимый, въ виду этихъ обстоятельствъ, не поколебался оказать одолженіе Сѣдковой, имущественныя отношенія которой къ мужу были ему извѣстны; въ этотъ моментъ онъ дѣйствовалъ только изъ участія, совершенно безкорыстно. Слѣдствіемъ этихъ отношеній былъ вексель въ 500 р., данный ему Сѣдковою, но вексель былъ срокомъ на два года и цѣнности никакой не представлялъ. Какъ служившій по судебному вѣдомству, подсудимый не отрицалъ, что онъ совершилъ преступленіе, но объяснялъ это тѣмъ, что хотѣлъ помочь Сѣдковой получить принадлежащія ей деньги, не нанося никому ущерба, тѣмъ болѣе, что все состояніе Сѣдкова, занимавшагося отдачею денегъ въ ростъ, какъ ему извѣстно, принадлежало женѣ его, которая принесла въ приданое 20.000 р. и въ продолженіе замужества постоянно добавляла этотъ капиталъ, такъ что въ моментъ смерти капиталъ могъ простираться до 50.000 или 60.000. Самъ Сѣд-

ковъ, давая деньги, нѣсколько разъ говорилъ, «будьте аккуратны—вѣдь это деньги не мои, а женины».

Подс. Лысенковъ объяснилъ, что 31-го мая 1874 года, въ 9 часовъ вечера, къ нему пріѣхала жена Сѣдкова, котораго онъ зналъ года два какъ дѣятельнаго петербургскаго ростовщика, и вручила конвертъ, заключавшій въ себѣ записку Сѣдкова: «Пріѣзжайте немедленно», и черновое завѣщаніе. По настоянію Сѣдковой, говорившей, что мужу остается жить нѣсколько часовъ, подсудимый, вмѣстѣ съ конторщикомъ, поѣхалъ въ квартиру Сѣдковыхъ, гдѣ нашелъ Медвѣдева; затѣмъ явились Петлинъ и Лисевичъ. Сѣдкова сказала, что мужъ только что заснулъ и просила не безпокоить его. Зная, какъ трудно умирающему дожидаться процедуры совершенія акта завѣщанія и имѣя въ виду черновое завѣщаніе, подписанное больнымъ, подсудимый, не желая тревожить Сѣдкова, своею рукою написалъ проектъ, слово въ слово схожій съ черновымъ, и передалъ писцу для переписки. Оставалось только подписать завѣщаніе Сѣдкову, но его жена все повторяла, что больной спитъ. Подсудимый, потерявъ терпѣніе, предложилъ разбудить Сѣдкова, и съ этою цѣлью пошелъ къ больному, который лежалъ мертвенно-блѣдный и не откликался на зовъ. Прибывшій затѣмъ докторъ объявилъ, что Сѣдковъ умеръ. Подсудимый уѣхалъ вмѣстѣ съ конторщикомъ. Черезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ Сѣдкова и говоритъ: «вотъ завѣщаніе, добытое не совсѣмъ законнымъ путемъ; поберегите его, я чуть его не потеряла. Свидѣтели сдѣлали мнѣ одолженіе изъ состраданія ко мнѣ». Подсудимый объяснялъ ей всю строгость преслѣдованія за подобные поступки, но Сѣдкова не слушала его, просила только поберечь завѣщаніе, что̀ онъ и исполнилъ. Подсудимый, по просьбѣ Сѣдковой, рекомендовалъ ей повѣреннаго, для передачи которому получилъ отъ нея 500 рублей. Больше никакихъ денегъ онъ отъ Сѣдковой не получалъ. На вопросъ предсѣдателя, чѣмъ объясняетъ онъ оговоръ Сѣдковой, подсудимый объяснилъ, что, недѣли чрезъ полторы послѣ смерти Сѣдкова, онъ получилъ письмо слѣдующаго содержанія: «Если бы васъ желалъ кто нибудь очень и очень видѣть, такъ что̀ слѣдуетъ для этого сдѣлать? Отвѣчайте въ почтамтъ до востребованія, подъ буквами В. Л.» Теряясь въ догадкахъ, подсудимый далъ отвѣтъ, что кто желаетъ видѣть его, то можетъ пріѣхать къ нему въ 5 ч. Тогда онъ получилъ второе письмо, въ которомъ его просили выбрать другое мѣсто свиданія, такъ какъ назначенное имъ неудобно, и упрекали его въ недогадливости. Стараясь узнать, кто такъ мистифицируетъ его, подсудимый показывалъ письмо своимъ знакомымъ, и одинъ изъ нихъ, Шелешпанскій, бывшій повѣренный Сѣдкова, выразилъ предположеніе, что это письмо Сѣдковой. Тогда подсудимый послалъ такого рода письмо: «Если буквы ваши С. С., то я буду у васъ въ 10 ч. вечера», на что получилъ отвѣтъ: «Я вамъ писала уже, что буквы не тѣ; впрочемъ, я бываю всегда дома, а завтра въ особенности». Съ этого времени между нимъ и Сѣдковою начались близкія отношенія, но когда свидѣтели завѣщанія стали постоянно обращаться къ Сѣдковой черезъ его посредство, то онъ прервалъ свои отношенія и пересталъ къ ней являться. Въ это самое время за Сѣдковою сталъ ухаживать Дестремъ, которому надо было заручиться ея доброжелательствомъ, такъ какъ у покойнаго Сѣдкова были подложные его векселя. Въ это же время Дестремъ получилъ грязное письмо, касавшееся Сѣдковой; затѣмъ напечатано было въ газетахъ, что Сѣдкова скупаетъ векселя Дестрема, и къ ней стала являться масса лицъ, предлагавшихъ ей купить эти векселя; наконецъ поступилъ доносъ на Дестрема. Авторомъ всѣхъ этихъ продѣлокъ Дестремъ считалъ совершенно неправильно подсудимаго и, въ виду этого, подсудимый полагаетъ, что Сѣдкова дѣйствовала изъ мести.

Подс. Тенисъ показалъ, что 31-го мая пріѣхалъ къ нему Медвѣдевъ и звалъ его ѣхать съ нимъ, обѣщая дать ему возможность заработать 2 или 3 рубля. Будучи въ очень стѣсненномъ положеніи, онъ обрадовался случаю

заработать сколько нибудь и отправился съ Медвѣдевымъ. Пріѣхавъ къ Сѣдковымъ, онъ отворилъ дверь въ комнату, гдѣ лежалъ больной, увидѣлъ его лежащимъ на боку съ подвязанною щекою и на вопросъ, обращенный къ Медвѣдеву, получилъ отвѣтъ, что Сѣдковъ умеръ. Лысенковъ предложилъ ему сѣсть и писать подъ его диктовку духовное завѣщаніе, что онъ и исполнилъ, а затѣмъ подписалъ свою фамилію. Сѣдкова заплатила сперва за это 5 р., послѣ чего онъ, очень довольный такою платою, ушелъ, не подозрѣвая ничего дурного, такъ какъ ему вовсе неизвѣстно было, что завѣщаніе должно было писаться со словъ самого Сѣдкова.

Подс. Медвѣдевъ показалъ между прочимъ, что Лысенковъ сказалъ, что онъ, какъ нотаріусъ, имѣетъ полное право написать духовную, и что подсудимому тутъ бояться нечего. Жалѣя Сѣдкову, онъ рѣшился исполнить просьбу Лысенкова и подписался за Сѣдкова. Денегъ при этомъ онъ никакихъ не получалъ, а впослѣдствіи Сѣдкова давала ему на похоронные расходы и въ благодарность за хлопоты.

Бороздинъ на дальнѣйшихъ допросахъ объяснилъ, что, будучи знакомъ съ Сѣдковою, онъ выразилъ Лысенкову желаніе познакомиться съ тѣми личностями, которыя принимали участіе въ этомъ дѣлѣ. Сѣдкова успокоила его, что ни съ чьей стороны она опасности не ожидаетъ, что мать Сѣдкова очень расположена къ ней, а братъ хорошій, добродушный человѣкъ, который не станетъ тревожить ее. Вскорѣ однако разнесся слухъ, что братъ Сѣдкова намѣренъ возбудить споръ о подлогѣ. Подсудимый, опасаясь, что дѣло можетъ принять дурной оборотъ, предлагалъ Сѣдковой покончить миромъ, но она отвѣтила, что примиреніе невозможно въ виду враждебнаго отношенія къ ней брата и золовки. Это побудило подсудимаго не идти на первое засѣданіе суда, онъ хотѣлъ посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ, всѣ ли свидѣтели подтвердятъ свои подписи. Узнавъ, что свидѣтели подтвердили свои подписи, подсудимый былъ въ неловкомъ положеніи въ отношеніи ихъ: ему приходилось или донести на нихъ, или самому послѣдовать ихъ примѣру. Онъ избралъ послѣднее, такъ какъ не желалъ дѣлать зло людямъ, которыхъ онъ считалъ невинными въ этомъ дѣлѣ.

Свид. Сѣдковъ показалъ, что покойнаго брата своего видѣлъ въ 1873 году, за годъ до смерти. Въ это время покойный былъ уже боленъ, говорилъ о смерти, о намѣреніи покончить дѣла и о невозможности оставаться въ Петербургѣ. Разговоровъ о завѣщаніи никакихъ не было. Въ послѣднее свиданіе покойный Сѣдковъ жаловался на жену, съ которою жилъ несогласно, говоря, что она думаетъ только объ удовольствіяхъ, о нарядахъ и не ухаживаетъ за нимъ во время болѣзни. Свидѣтель собирался ѣхать въ Петербургъ, когда получилъ извѣстіе о смерти брата, вслѣдствіе чего поспѣшилъ отъѣздомъ. Письмо было получено 18-го или 19-го іюня. Сѣдкова при встрѣчѣ съ нимъ была испугана, сконфужена, и первое восклицаніе ея было, что она ждала его не раньше какъ послѣ 1-го іюля. Она сообщила ему, что есть духовное завѣщаніе, составленное законнымъ образомъ, по которому она назначена наслѣдницей всего имущества съ обязательствомъ содержать племянницу. На вопросъ свидѣтеля о деньгахъ матери, подсудимая сказала, что въ духовной о нихъ ничего не упоминается, но что если мать докажетъ принадлежность ей этихъ денегъ, то тогда она отдастъ ихъ. Собирая свѣдѣнія о завѣщаніи, свидѣтель былъ у хозяйки дома, гдѣ жили Сѣдковы, Щуровой, которая сказала, что это дѣло темное, что свидѣтели, собравшись, состряпали духовную. Интересуясь узнать, при какихъ обстоятельствахъ произошла смерть брата, свидѣтель спрашивалъ вдову его, какой докторъ лечилъ брата послѣднее время, на что она не хотѣла дать опредѣленнаго отвѣта. Тогда онъ отправился въ аптеку, гдѣ ему дали адресъ Флитнера, изъ разсказа котораго онъ заключилъ, что братъ умеръ не 1-го іюня, а 31-го мая. Покойный былъ человѣкъ очень скромный, аккуратный; съ 1866 года онъ началъ заниматься денеж-

ными оборотами. Капиталъ матери, находившійся у Сѣдкова, состоялъ изъ 100 р. деньгами и двухъ билетовъ, которыми онъ пользовался для своихъ дѣлъ.

По поводу этого показанія *Сѣдкова* добавила, что мужъ ея ничего не имѣлъ до женитьбы, что онъ женился на ней единственно изъ разсчета, такъ какъ раньше вовсе не былъ знакомъ съ нею. Будучи въ полку, до свадьбы, Сѣдковъ давалъ офицерамъ взаймы по мелочамъ по 2, по 3 руб., иногда подъ залогъ эполетъ. Покойный былъ исключенъ изъ полка по приговору общества офицеровъ, которые не одобряли его денежные обороты. Подсудимая потому не писала долго брату о смерти мужа, что раньше извѣстила объ этомъ мать покойнаго.

Подс. Медвѣдевъ удостовѣрилъ, что Сѣдковъ жилъ у него въ комнаткѣ за 7 р., жилъ небогато, давалъ небольшія деньги офицерамъ; послѣ свадьбы онъ сталъ давать больше, подъ проценты. До женитьбы къ нему пріѣзжала сваха, говорившая о какой-то невѣстѣ съ 10.000 р. приданаго, за что Сѣдковъ обѣщалъ ей дать 500 р.

Свид. Бѣляева, бывшая горничная Сѣдковыхъ, 19 лѣтъ, показала, что покойный баринъ умеръ въ 8 часовъ утра, въ субботу, сидя въ креслѣ. При помощи свидѣтельницы, барыня перенесла его на кровать и положила ему на голову холодный компрессъ. О смерти его она судила по тому, что онъ былъ холодный, дыханія не обозначалось даже по приставленіи зеркала, глаза были открыты; закрылъ ихъ тотъ, кто мылъ покойника. Барыня послѣ того рылась въ бумагахъ, писала въ какихъ-то книжечкахъ; написавъ уѣхала, потомъ вернулась и снова уѣхала. Сѣдковы жили дурно, очень часто ссорились. Въ день смерти барина и наканунѣ она за обѣдомъ не ходила; барыня эти дни дома не обѣдала. Отойдя отъ мѣста, свидѣтельница была у Петлина, который возилъ ее къ какому-то офицеру, гдѣ ее спрашивали, что́ она можетъ показать по настоящему дѣлу. Она не хотѣла дѣлать доноса, но Петлинъ самъ написалъ заявленіе и самъ ходилъ въ участокъ. Съ Петлинымъ она ни въ какихъ отношеніяхъ не состояла, а была у него послѣ смерти Сѣдкова, потому что онъ присылалъ за нею. Петлинъ возилъ ее на свиданіе съ Бороздинымъ, который спрашивалъ, что́ она скажетъ въ судѣ, такъ какъ они почему-то думали, что ее будутъ вызывать на судъ. Никакихъ денегъ она съ Сѣдковой не требовала и ничѣмъ не угрожала ей. Лысенковъ сталъ часто бывать у барыни послѣ смерти мужа ея.

Подс. Сѣдкова возразила, что еслибы дѣйствительно мужъ ея умеръ въ креслѣ, то не было бы физической возможности перенести его на кровать при содѣйствіи одной Бѣляевой; съ мужемъ просто сдѣлался одинъ изъ часто повторявшихся обмороковъ, и онѣ подвели его къ кровати. Бѣляева сама говорила племянницѣ ея, Балагуръ, что бариинъ умеръ ночью; въ этотъ день она брала обѣдъ и сама готовила для Сѣдкова сырое мясо. Бѣляева просила у нея тысячу рублей, грозя въ противномъ случаѣ сдѣлать доносъ, за который ей заплатитъ братъ покойнаго.

Подс. Лысенковъ заявилъ, что Бѣляева была у него два раза; первый разъ она просила передать барынѣ, чтобы та дала ей 300 р.; въ другой разъ сказала: «барыня не дала мнѣ 300 р., а теперь Сѣдковъ обѣщаетъ дать 3.000 р.».

Докторъ Флитнеръ показалъ, что былъ у Сѣдковыхъ послѣдній разъ 31-го мая, около 10-ти часовъ вечера. У Сѣдкова была чахотка въ послѣднемъ періодѣ. Сѣдкова сообщала ему, что мужъ умеръ, но все-таки просила войти къ нему. Покойникъ лежалъ на постелѣ, на спинѣ, и былъ покрытъ съ головою одѣяломъ; свидѣтель не осматривалъ его, такъ какъ для него не оставалось никакого сомнѣнія, что Сѣдковъ умеръ. Сѣдкова не могла передать ему предсмертныхъ припадковъ мужа, говоря, что она мало была около больного, за которымъ ходила дѣвушка; времени смерти она также не опредѣлила, а просто сказала, что умеръ онъ недавно. Сѣдкова жаловалась, что она осталась безъ всего и просила его написать въ свидѣтельствѣ, что мужъ

только сейчасъ умеръ, но онъ не призналъ этого возможнымъ и вообще отказался дать тотчасъ свидѣтельство о смерти, такъ какъ собирался въ лагерь. Предсмертная агонія въ чахоткѣ обыкновенно выражается рѣзкими припадками, но иногда бываетъ довольно тихая; вообще же сопровождается сильнымъ хрипѣніемъ въ груди.

Докторъ Заславскій показалъ, что, будучи приглашенъ къ Сѣдковымъ въ первомъ часу ночи на первое іюня, онъ нашелъ Сѣдкова въ состояніи неполнаго трупнаго окоченѣнія; покойный лежалъ на кровати, покрытый одѣяломъ, но, кажется, съ открытою головою. Окоченѣніе наступаетъ въ различный промежутокъ времени, что̀ зависитъ отъ условій, при которыхъ находится тѣло и отъ характера болѣзни; вообще же оно наступаетъ не скоро послѣ смерти, не ранѣе 2, 3 часовъ; температура при окоченѣніи нѣсколько повышается, а при разложеніи становится значительно выше. Смерть въ чахоткѣ можетъ послѣдовать во снѣ и тогда она сопровождается почти незамѣтною агоніею.

Присяжн. пов. *Роборовскій* показалъ, что познакомился съ покойнымъ Сѣдковымъ въ 1866 году. Въ слѣдующемъ году Сѣдковъ разсказывалъ, что присваталъ невѣсту, за которой беретъ приданое и этимъ надѣется поправить свои обстоятельства. Онъ жаловался постоянно на то, что нуждается въ средствахъ, такъ какъ содержанія, которое онъ получаетъ, ему недоставало.

Свид. *Клевезаль* разсказалъ о знакомствѣ своемъ съ Сѣдковой. Онъ зналъ ее еще ребенкомъ, на его глазахъ она поступила въ институтъ, гдѣ оставалась до смерти матери. Затѣмъ она была взята изъ института своею бабушкою. Вскорѣ между ними вышли маленькія недоразумѣнія, потому что молодая дѣвушка хотѣла имѣть удовольствія, развлеченія, но бабушка была противъ этого; къ тому же, неизбѣжные совѣты, нравоученія — все это поставило ихъ въ такія отношенія, что у бабушки явилось желаніе пристроить свою внучку; но какимъ образомъ послѣдовало знакомство съ покойнымъ Сѣдковымъ — свидѣтелю неизвѣстно. Зная, что Сѣдковъ былъ безъ всякихъ средствъ, жилъ однимъ жалованьемъ и у него были разные мелкіе разсчеты въ полку, которые не нравились обществу офицеровъ—его впослѣдствіи попросили удалиться изъ полка—свидѣтель, узнавъ о его сватовствѣ, пошелъ съ нимъ на открытую и сказалъ: «вы вѣроятно разсчитываете на средства, но вы ошибаетесь, потому что тамъ никакого капитала нѣтъ». На это Сѣдковъ сказалъ, что онъ былъ въ Бессарабіи, видѣлъ тамъ много дѣвицъ, но ни одна изъ нихъ не производила на него такого впечатлѣнія какъ эта. Бракъ совершился. Впослѣдствіи бабушка г-жи Сѣдковой передавала, что ей нужны были деньги передъ свадьбой и она просила Сѣдкова ссудить ей 1.000 рублей. Онъ дѣйствительно привезъ эти деньги и сказалъ, что можетъ разложить уплату на два срока, но просилъ обезпеченія. Она сказала, что у нея есть средства, и показала имѣвшійся у нея на значительную сумму вексель. Сѣдковъ сказалъ, что онъ возьметъ это въ видѣ обезпеченія, и попросилъ ее поставить на оборотѣ этого векселя свой бланкъ. Она спросила, какой бланкъ, на что Сѣдковъ отвѣчалъ: «напишите вашу фамилію», что̀ она и сдѣлала. Затѣмъ, когда она имѣла возможность уплатить 1.000 р. и передала объ этомъ Сѣдкову, то онъ заявилъ, что «вы мнѣ не должны ничего». Сѣдкова свидѣтель зналъ очень близко и можетъ сказать, что онъ былъ далекъ отъ сердечнаго увлеченія.

Свид. *Ямщиковъ* заявилъ, что былъ близко знакомъ съ семействомъ Сѣдковыхъ, но не слышалъ отъ покойнаго желанія оставить послѣ смерти свое имущество въ пользу жены. Сѣдковъ и до женитьбы имѣлъ деньги и давалъ небольшими суммами въ долгъ изъ $2^1/_2$% въ мѣсяцъ. Свидѣтелю случалось брать у покойнаго не болѣе 100 р. въ одинъ разъ. Со всѣхъ ли былъ взимаемъ одинаковый процентъ за ссуду — онъ не знаетъ.

Свид. *Погребовъ* отозвался съ весьма хорошей стороны о подсудимомъ Лысенковѣ. Свидѣтелю извѣстно, что отецъ Лысенкова далъ ему на уплату долговъ 10.000 р.

Свид. *Багговутъ* показалъ, что Сѣдковъ былъ очень богатый человѣкъ и давалъ деньги въ долгъ изъ 10% въ мѣсяцъ. До женитьбы Сѣдкова свидѣтель не былъ знакомъ съ нимъ.

Свид. *полковникъ Загорскій* объяснилъ, что купилъ у Лысенкова векселя графа Н. за 5.000, такъ какъ, собираясь ѣхать въ Хиву, продалъ имѣніе и желалъ повыгоднѣе пристроить вырученныя за продажу деньги. Вообще же скупка векселей не была его спеціальностью. По предъявленіи векселей этихъ ко взысканію, онъ былъ приглашенъ къ Колышкину, гдѣ встрѣтилъ отца графа Н. и узналъ, что подъ эти векселя сынъ его получилъ только 2.700 руб. По словамъ графа, Лысенковъ обокралъ его сына на 40.000 руб. Тогда свидѣтель обратилъ свой искъ къ Лысенкову, имущество котораго и было опечатано. Лысенковъ убѣдительно просилъ его отсрочить взысканіе, заплатилъ 1.500 р. и написалъ отъ имени свидѣтеля заявленіе въ полицію, что онъ получилъ полное удовлетвореніе по векселю и проситъ прекратить взысканіе. Тогда свидѣтель, съ своей стороны, подалъ заявленіе, что имъ получено только 1.500 руб. На векселяхъ былъ бланкъ Лысенкова и Циліакса.

Свид. *Фролова* показала, что знала Сѣдкова до женитьбы и, по разсказамъ всѣхъ его знакомыхъ, считала его за человѣка безъ средствъ. Послѣ свадьбы Сѣдковъ сталъ жить какъ человѣкъ богатый; онъ говорилъ, что получилъ за женою 10.000 р. Бывая у Сѣдковыхъ въ 1869 г. по обязанности акушерки, она слышала отъ него, что на новорожденнаго сына его кѣмъ-то положено 10.000 р. Недѣли за двѣ или за три до смерти, Сѣдковъ говорилъ ей, что далъ по всѣмъ дѣламъ довѣренность своей женѣ и, на замѣчаніе свидѣтельницы, что Сѣдковой, какъ неопытной молодой женщинѣ, это должно быть трудно, отвѣчалъ: «все равно, пусть привыкаетъ, вѣдь ей же все достанется».

Свид. *Балагуръ*, племянница Сѣдкова, 16 лѣтъ, показала, что на другой день послѣ смерти дяди, 1-го іюня, тетка прислала за нею въ институтъ горничную Бѣляеву, которая дорогою сказала, что дядя умеръ ночью. Бѣляева приходила къ Сѣдковой и просила у нея тысячу рублей, говоря, что братъ покойнаго даетъ ей тысячу, чтобы она показала противъ Сѣдковой, на что тетка предложила Бѣляевой взять паспортъ и идти вонъ. Свидѣтельница ѣздила въ судъ въ день утвержденія завѣщанія и видѣла, какъ до начала засѣданія, тетка ея передала Бороздину запечатанный конвертъ, въ которомъ, по словамъ ея, было 500 руб. и вексель. По окончаніи засѣданія, Бороздинъ распечаталъ конвертъ и пересчиталъ 5 сторублевыхъ бумажекъ.

Свид. *Киселевскій* показалъ, что въ 1872 году Сѣдковъ говорилъ ему, что не можетъ прекратить дѣла, потому что не считаетъ себя достаточно обезпеченнымъ, и на вопросъ, почему онъ живетъ такъ бѣдно, отвѣтилъ, что не можетъ располагать большими средствами, такъ какъ не дожилъ до той цифры, которую желалъ бы имѣть, чтобы обезпечить жену и себя.

Свидѣтели *Грейшертъ и Григорьева* показали, что знали Бороздина за человѣка очень хорошаго, но не имѣвшаго опредѣленныхъ занятій, вслѣдствіе чего денежныя обстоятельства его были самыя плохія. Онъ часто нуждался, занималъ по 2, по 3 рубля и закладывалъ самыя необходимыя вещи.

Свид. *Даниловъ* показалъ, что Тенисъ, бывшій помощникомъ его въ фехтовальной школѣ, разсказывалъ всѣмъ съ радостью 1-го іюня, что онъ наканунѣ переписывалъ духовное завѣщаніе, за что получилъ очень хорошую плату, а именно 5 руб. Тенисъ живетъ скромно съ матерью, женою и сестрами, получаетъ жалованья 15 руб. и даетъ частные уроки въ гимназіи.

При окончаніи судебнаго слѣдствія *Сѣдкова* сказала нѣсколько словъ по поводу своего замужества. Родители ея были очень богатые люди, но отецъ игралъ въ карты и проигралъ все состояніе; ее отдали въ институтъ,

затѣмъ взяли, такъ какъ не было никакихъ средствъ — осталась одна маленькая деревня. Ей приходилось встрѣчать разные упреки и непріятности и это ее довело до того, что жизнь стала невыносима; тогда, къ общему неудовольствію окружающихъ, она переѣхала на отдѣльную квартиру и, быть можетъ, вела себя не совсѣмъ безукоризненно. Впослѣдствіи бабушка пожелала взять ее къ себѣ и хотѣла, чтобъ она вышла замужъ. Вслѣдствіе этого была приглашена нѣкая Марья Федоровна, которая устроила свадьбу съ Сѣдковымъ. Она заявила ему обо всѣхъ обстоятельствахъ. Сѣдковъ согласился жениться, выговорилъ себѣ извѣстную сумму. Это было въ маѣ мѣсяцѣ. Когда подсудимую познакомили съ Сѣдковымъ, онъ показался ей очень добрымъ человѣкомъ, обходился съ нею мягко и говорилъ, что будетъ обращаться хорошо: ей было только 16 лѣтъ, она повѣрила, но вышедши замужъ убѣдилась, что онъ женился только на средствахъ. Жизнь стала невыносима, потому что у него было побочное семейство, были дѣти. Приходилось слишкомъ много терпѣть; первое время она хотѣла броситься въ воду, впослѣдствіи одумалась и жила довольно согласно съ мужемъ, т. е. согласно, насколько было возможно. Затѣмъ мужъ сказалъ, что она можетъ помогать ему въ дѣлахъ, т. е. участвовать въ переговорахъ съ разными лицами. У нихъ бывало очень много молодежи, они играли въ карты и платили векселями... Наконецъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, ей до того стало невыносимо, что она бросилась въ Фонтанку, что̀ нѣсколько подѣйствовало на мужа и онъ сталъ мягче обращаться. Родные его не бранили ее, но говорили, что она не ухаживаетъ за мужемъ. Въ 1874 г. мужъ былъ въ Бессарабіи для поправленія здоровья; онъ вообще довѣрялъ ей въ денежномъ отношеніи, а когда вернулся, то поручилъ ей управлять всѣми дѣлами, единственно съ тою цѣлью, что намѣренъ былъ все оставить ей.

Сверхъ того, на судебномъ слѣдствіи допрошенъ рядъ свидѣтелей, заявившихъ, что Лысенкова они считали за порядочнаго человѣка, но сильно запутавшагося въ дѣлахъ;—что Бороздинъ, имѣя большое семейство, очень нуждался въ средствахъ, находясь иногда въ крайней бѣдности и что Сѣдкова, въ послѣдній годъ его жизни и послѣ его смерти, стала тоже давать деньги въ ростъ подъ значительные проценты.

По желанію Сѣдковой, прочтены большія выдержки изъ ея дневника въ первые годы ея замужества,— вырѣзки изъ газетъ, гдѣ описывалось покушеніе на самоубійство посредствомъ утопленія въ Фонтанкѣ — и переписка ея мужа съ матерью по поводу практической и денежной стороны его брака.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей завѣщаніе и чеки были признаны *подложными;* по обвиненію въ подлогѣ завѣщанія признаны *виновными*—Лысенковъ, Петлинъ, Киткинъ и Бороздинъ, причемъ первые двое заслуживающими снисхожденія, а послѣдніе двое вынужденными крайностію; Медвѣдевъ Тенисъ и Сѣдкова (послѣдняя по обоимъ обвиненіямъ) — *оправданы.*

Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели. Дѣло, по которому вамъ предстоитъ произнести приговоръ, отличается нѣкоторыми характеристическими особенностями. Оно—плодъ жизни большого города съ громаднымъ и разнообразнымъ населеніемъ, оно — созданіе Петербурга, гдѣ выработался извѣстный разрядъ людей, которые, отличаясь приличными манерами и внѣшнею порядочностью,

всегда заключаютъ въ своей средѣ господъ, постоянно готовыхъ даже на неблаговидную, но легкую и неутомительную наживу. Къ этому слою принадлежатъ не только подсудимые, но принадлежалъ и покойный Сѣдковъ — этотъ опытный и заслуженный ростовщикъ, котораго мы отчасти можемъ воскресить передъ собою по оставшимся о немъ воспоминаніямъ,—и даже нѣкоторые свидѣтели. Всѣ они не голодные и холодные, въ обыденномъ смыслѣ слова, люди,—всѣ они не лишены средствъ и способовъ честнымъ трудомъ защититься отъ скамьи подсудимыхъ. Одинъ изъ нихъ — извѣстный петербургскій нотаріусъ съ конторою на одномъ изъ самыхъ бойкихъ, въ отношеніи сдѣлокъ, мѣстъ города, кончившій курсъ въ военно-юридической академіи. Другой — юристъ по образованію и по дѣятельности, ибо служилъ по судебному вѣдомству. Третій—молодой петербургскій чиновникъ. Четвертый—офицеръ, принадлежавшій къ почтенному и достаточному семейству. И всѣхъ ихъ свела на скамьѣ подсудимыхъ корысть къ чужимъ, незаработаннымъ деньгамъ. Нѣкоторые вамъ, конечно, памятные свидѣтели тоже явились здѣсь отголосками той среды, гдѣ люди промышляютъ капиталомъ, который великодушно распредѣляется по карманамъ нуждающихся и возвращается въ родныя руки, возростя въ краткій срокъ вдвое и втрое. Мы не будемъ вспоминать всѣхъ ихъ показаній и вообще оставимъ изъ свидѣтелей лишь самыхъ достовѣрныхъ и необходимыхъ. Обратимся прежде всего къ выясненію главнаго нравственнаго вопроса въ этомъ дѣлѣ, вопроса, касающагося сущности завѣщанія. Соотвѣтствуетъ ли оно желаніямъ покойнаго Сѣдкова? Согласно ли оно съ его видами и чувствами? Вытекаетъ ли оно изъ отношеній между нимъ и женою и пришла ли жена съ своимъ подлогомъ на помощь рѣшенію, которое только *не успѣла* привести въ исполненіе остывшая рука ея любящаго и окруженнаго ея попеченіями мужа?

Что за человѣкъ былъ Сѣдковъ? У насъ есть данныя о немъ и въ письмахъ, и въ показаніяхъ свидѣтелей, его близко знавшихъ. Скромненькій офицеръ, съ капитальцемъ въ 400 руб., онъ пускалъ его втихомолку въ ростъ, не брезгая ничѣмъ,—ни платьемъ товарища, ни эполетами кутнувшаго юноши. Сбирая съ міра по ниткѣ, онъ распространялъ свои операціи и за предѣлы полка и заползъ было въ Константиновскій корпусъ, но оттуда его попросили, однако, удалиться, погрозивъ разными непріятностями. Тогда онъ захотѣлъ расширить не территорію, но размѣръ своихъ операцій. Для этого нуженъ былъ бо̀льшій капиталъ. Для капитала былъ совершенъ бракъ,— не по любви, конечно, и безъ всякихъ нравственныхъ условій и колебаній. Медвѣдевъ разсказалъ здѣсь, какъ «пріѣзжала сваха, — говорила, что десять тысячъ, — а ей, свахѣ, чтобъ пять сотенныхъ...» Сама Сѣдкова заявляетъ, что ее

предложили Сѣдкову. Онъ не оскорбился предложеніемъ, — по зрѣломъ размышленіи самъ сдѣлалъ таковое же и получилъ капиталъ, не роясь въ подробностяхъ исторіи своей невѣсты и не отыскивая въ ней указаній на миръ и согласіе предстоящей жизни. Отъ него не скрывали той «легкомысленной жизни», о которой говорила здѣсь Сѣдкова, но давали вмѣстѣ съ тѣмъ деньги. Онъ также не считалъ нужнымъ скрывать своихъ свойствъ и сразу показалъ бабкѣ г-жи Сѣдковой, съ кѣмъ онѣ имѣютъ дѣло. Вы слышали интересное показаніе Клевезаля и Демидова. За Сѣдковой было 5,000 р. и брилліантовъ тысячи на три. Но надо было сдѣлать приданое. Ермолаева заняла для этого у Сѣдкова 1,000 р. Будущій зять, давая деньги, взялъ въ обезпеченіе вексель Демидова въ 5,000 р. и попросилъ Ермолаеву—«для вѣрности» написать на немъ свою фамилію. Когда приданое было получено въ видѣ мебели, бѣлья и платья, старушка принесла и занятую тысячу рублей. Но Сѣдковъ поступилъ съ нею великодушно. Онъ не взялъ денегъ. Онъ предпочелъ оставить у себя вексель въ 5,000 р., на которомъ, къ удивленію Ермолаевой, оказалась ея бланковая подпись. Правда, это стоило ему предложенія гг. офицеровъ Измайловскаго полка избавить ихъ отъ своего присутствія, — но деньги по векселю онъ взыскалъ сполна и такимъ образомъ пріобрѣлъ за женою 13,000 р. Тогда-то развилась широко его дѣятельность съ векселями, протестами и взысканіями, со скромными процентами по 10 въ мѣсяцъ... Но жизнь не вышла изъ скромныхъ рамокъ. Въ обыкновенной квартирѣ человѣка средняго состоянія была одна прислуга; обѣдъ не всегда готовился дома, а приносился отъ кухмистера. Развлеченій не допускалось никакихъ. Но Сѣдковъ не былъ узкимъ скупцомъ, который забылъ жизнь и ея приманки для сладкаго шелеста вексельной и кредитной бумаги. Онъ рѣшился подавить себя на время, обрѣзать свои потребности, замкнуться въ своихъ разсчетныхъ книгахъ лишь до поры, до времени, — чтобъ развернуться потомъ и позабыть годы лишеній. Не даромъ писалъ онъ свой разсчетъ занятій, называя его *планомъ жизни* и опредѣляя съ точностью на много лѣтъ впередъ,—когда и что онъ сдѣлаетъ, когда выдѣлитъ изъ складочнаго капитала оборотный, когда образуетъ запасный, начнетъ ликвидировать дѣла и послѣ «дѣятельности въ такомъ разгарѣ», въ 1879 году будетъ имѣть возможность осуществить написанное подъ 1880 годомъ слово—*отдыхъ*... Таковы были его планы, такова его дѣятельность, поглощавшая всю его жизнь. Они ручаются за то, что это былъ холодный и черствый человѣкъ.

Такой-то человѣкъ женился на Сѣдковой. Она разсказала здѣсь, что была взята изъ института 15-ти лѣтъ,— покинула затѣмъ бабушку и жила одна, не стѣсняясь требованіями обществен-

ной жизни. И эта жизнь съ нею тоже не стѣснялась, открывая ея, почти еще дѣтскимъ, глазамъ, свои темныя, но завлекательныя стороны. Она принесла въ домъ мужа скудное полуобразованіе, состоящее лишь въ умѣньи лепетать по-французски, любовь къ развлеченіямъ и удовольствіямъ, незнакомство съ трудомъ и привычку не отказывать себѣ въ расходахъ. При этомъ она, вѣроятно, принесла не особенно сильное уваженіе къ своему *купленному* мужу. Дома ее встрѣтили счеты, записныя книги, учетъ въ расходахъ и мелочная, подчасъ унизительная разсчетливость ростовщичьяго скопидомства. Отсюда споры, ссоры, попреки мотовствомъ и расхищеніемъ имущества, сцены за потерянные гривничною три рубля и цѣлый рядъ стѣсненій свободы. Отсюда раздраженіе противъ мужа, жалобы на него, попреки ему. По институтской манерѣ, Сѣдкова принялась за дневникъ и ему повѣряла свои скорби, которыхъ не понималъ ея мужъ, видѣвшій въ ней хотя и неизбѣжную, но отяготительную и разорительную прибавку къ полученному капиталу. Защита, конечно, познакомитъ васъ, гг. присяжные, съ этимъ дневникомъ. Вы отнесетесь къ нему, безъ сомнѣнія, надлежащимъ образомъ и припомните, что въ такого рода документахъ человѣкъ всегда, невольно и незамѣтно для себя, рисуется и драматизируетъ и передъ собою, и передъ какими-то ему безвѣстными будущими читателями. Тѣмъ же направленіемъ проникнутъ и этотъ дневникъ съ его маленькою ревностью и длиннымъ, многосложнымъ и черезчуръ торжественнымъ прощаніемъ съ мужемъ передъ происшествіемъ, состоявшимъ въ томъ, что среди бѣла дня, близь Чернышева моста, въ виду городового, Сѣдкова бросилась въ мутную воду Фонтанки съ портомойнаго плота... Послѣ этого «покушенія на самоубійство», отношенія между супругами нѣсколько измѣнились. Шумъ ли этого происшествія или усилившаяся болѣзнь Сѣдкова были тому причиной, — неизвѣстно, но только писаніе дневника съ жалобами прекращается и черезъ два года мы видимъ Сѣдкову вошедшею отчасти во взгляды мужа и начавшую черствѣть подъ вліяніемъ вѣчныхъ заботъ о векселяхъ, отсрочкахъ и вычисленіи процентовъ. Она начинаетъ исполнять при мужѣ иногда обязанности дарового чтеца, а въ послѣднія недѣли его жизни является и даровымъ разсыльнымъ, которому поручалось иногда даже полученіе денегъ. И она, въ свою очередь, вкушаетъ отъ сладости лихвы и прелести роста и, потихоньку отъ мужа, боясь отвѣта передъ нимъ, выдаетъ деньги подъ векселя. Вы знаете исторію съ векселемъ Киткина, векселемъ «венеціанскимъ», написаннымъ на живомъ мясѣ. Вы слышали и о другомъ подобномъ же векселѣ. Но до послѣдняго издыханія Сѣдковъ не довѣрялъ женѣ, онъ жаловался на нее, ропталъ на ея мотовство, сердился на ея легкомысліе, указывалъ на ея холодность и безучастіе къ нему. Вы

слышали Ямщикова, Алексѣя Сѣдкова и Федорова. Вы помните показаніе Бѣляевой, что уже въ послѣдніе дни жизни Сѣдковъ еще ссорился и бранился съ женою «и за деньги, и за поведеніе». Между ними и не могло быть ничего общаго, ничего связующаго. Дитя ихъ, на любви къ которому могли бы сойтись и легкомысленное сердце одной, и черствое сердце другого—вскорѣ умерло. Въ прошломъ не было любви,—въ настоящемъ—ни уваженія, ни сходства цѣлей, наклонностей и характеровъ. Поэтому мы встрѣчаемъ въ дневникѣ Сѣдковой знаменательное указаніе, что въ первые годы брака и мужъ ея велъ свой собственный, секретный отъ нея, дневникъ. Но, господа, семья, гдѣ мужъ и жена,—«едино тѣло и единъ духъ», по выраженію церкви, ведутъ два параллельныхъ дневника и, скрываясь другъ отъ друга, повѣряютъ бумагѣ свое взаимное недовольство,—семья эта есть поле битвы, на которомъ расположены два враждебные стана. И Сѣдковъ не скрывалъ своего недовѣрія къ женѣ. Онъ требовалъ отъ нея отчета во всѣхъ ея издержкахъ и тщательно отдѣлялъ ихъ отъ «*общихъ расходовъ*» на столъ и другія хозяйственныя потребности; онъ отвелъ ея деньгамъ особую рубрику въ книгѣ съ многозначительною надписью *чужія;*—онъ запирался отъ нея въ кабинетѣ, занимаясь счетами, онъ хранилъ отъ нея жадно разныя цѣнности въ сундукахъ, которыя она бросилась перерывать послѣ его смерти;—онъ выдавалъ ей утромъ скудныя деньги на обѣдъ и къ вечеру требовалъ письменнаго отчета въ ихъ употребленіи. И даже въ тотъ день, когда смерть уже простирала надъ нимъ свое черное крыло, онъ еще записалъ дрожащею рукою 1 р. с. на обѣдъ. Но отчета въ израсходованіи этихъ денегъ ему не пришлось читать, потому что на другой день глаза его были закрыты безучастною рукою слуги, чужого человѣка, такъ какъ неутѣшная вдова была занята въ это время укладываніемъ зеленаго сундучка.

Таковы мужъ и жена. Могли ли люди, проживавшіе совмѣстно такимъ образомъ, разсчитывать, что любовь одного изъ нихъ будетъ сопровождать другого и за гробомъ, отдавая ему все накопленное трудами многихъ лѣтъ? Могла ли Сѣдкова серьезно думать, что мужъ умретъ съ мыслью объ ея обезпеченіи, что онъ не найдетъ, если не около, такъ вдали отъ себя, болѣе ея достойнаго въ его глазахъ быть его наслѣдникомъ,—что въ немъ не проснутся иныя, болѣе сильныя, дѣйствительныя привязанности? Мы знаемъ, что отношенія Сѣдковыхъ между собою не давали никакого основанія къ такимъ предположеніямъ. Онъ былъ чужой человѣкъ своей женѣ,—чужимъ и умеръ. Но у него были родные. Въ Бессарабіи жилъ его братъ съ семьею. Они, повидимому, оказывали расположеніе покойному Сѣдкову. И онъ былъ къ нимъ расположенъ. Въ дѣлѣ есть его письма къ брату и его

женѣ. Въ одномъ онъ восхищается ихъ согласною жизнью, ихъ взаимною любовью и довѣріемъ, ихъ благоустроеннымъ хозяйствомъ, благодаритъ ихъ за гостепріимство, говоритъ, что провелъ съ ними самые отрадные дни жизни и даже умиляется до того, что съ восторгомъ вспоминаетъ о пѣніи псалмовъ и духовныхъ кантатъ, которое онъ слышалъ въ домѣ брата. Въ другомъ письмѣ изъ Кіева онъ съ горячностью извиняется передъ братомъ, что не успѣлъ поздравить его съ именинами жены, которая его такъ обласкала, такъ радушно приняла. Очевидно, что этими людьми въ душѣ ростовщика, оглянувшагося передъ смертью на окружающія чуждыя лица, были затронуты такія струны, которыя должны были звучать въ немъ долго. Эти люди, умилявшіе покойнаго Сѣдкова — его братъ и жена брата — были и прямыми его законными наслѣдниками. Въ ихъ пользу даже не надо было составлять и духовнаго завѣщанія: самъ законъ принимаетъ на себя защиту ихъ правъ. Поэтому если предполагать, что Сѣдковъ могъ дѣйствовать въ силу привязанности, то онъ, конечно, пожелалъ бы скорѣе всего оставить свое имущество брату. Его не должно было смущать опасеніе, что жена останется не причемъ. Онъ зналъ, что ей достанется вдовья часть. Имущество было все движимое, слѣдовательно, ея доля должна составлять, по закону, четвертую часть. Имущества осталось на большую сумму. Что бы ни говорили о его размѣрѣ—вы не забудете, гг. присяжные, что по смерти мужа Сѣдкова получила ворохъ векселей, 31 тысячу по чекамъ, всѣ наличныя деньги, бывшія въ домѣ и драгоцѣнности, уложенныя ею въ зеленый сундучокъ. Четвертая часть всего этого, конечно была бы не меньше полученныхъ за Сѣдковою 8,000 руб. и пріобрѣтенныхъ, благодаря ея выходу въ замужество, 5,000 руб. Слѣдовательно, она получила бы свое.

Но, быть можетъ, скажутъ, что Сѣдковъ могъ имѣть поводъ оставить ей все, какъ нажитое на ея деньги, что онъ считалъ ее нравственною владѣтельницею всего своего имущества. Для чего же тогда упреки за расточительность, попреки за мотовство, доводящіе до Фонтанки? Да и потомъ, въ созданіи капитала Сѣдкова участвовали не однѣ деньги, взятыя имъ за женою. Мы знаемъ, что, вступая въ бракъ, онъ уже былъ въ состояніи давать взаймы по тысячѣ рублей. Притомъ, развѣ Сѣдковой обязанъ мужъ приращеніемъ тѣхъ денегъ, которыя ее сопровождали? Развѣ она помогала ему въ его занятіяхъ, развѣ она была жена-помощница, вѣрный другъ и добрая хозяйка? Развѣ она сочувствовала занятіямъ мужа,— уважала его самого, облегчала его заботы? Нѣтъ! Съ его точки зрѣнія на жизнь, она отравляла ему эту жизнь своимъ легкомысліемъ и чрезмѣрными расходами. Въ то время, когда онъ бесѣдовалъ съ должниками, видѣлъ ихъ кислыя улыбки при разсчетѣ процентовъ, а отъ иныхъ, слишкомъ уже прижатыхъ

имъ къ стѣнѣ, выслушивалъ невольныя рѣзкія замѣчанія,—жена его покупала себѣ шубки и духи; когда онъ копилъ—копѣйку за копѣйкой — деньги, которыя приносились ему съ презрѣніемъ къ его занятіямъ, съ негодованіемъ къ его черствости, когда, сталкиваясь съ должниками, которые смотрѣли на него какъ на прирожденнаго и безпощаднаго врага, онъ подавалъ ко взысканію, описывалъ и продавалъ ихъ имущество, вынося на себѣ ихъ слезы и ихъ отвращеніе, — жена его франтила и предавалась удовольствіямъ. Мы скажемъ, что она хорошо дѣлала, что мало участвовала въ этихъ дѣлахъ своего мужа, но то ли могъ и долженъ былъ говорить онъ? Могъ ли онъ считать ее вѣрнымъ и дѣятельнымъ союзникомъ въ приращеніи капитала? Онъ одинъ несъ черную работу, онъ одинъ имѣлъ право на все, что было имъ нажито послѣ свадьбы на деньги, купленныя цѣною унизительнаго договора. Пусть укажутъ затѣмъ тѣ факты, тѣ слова и поступки, въ которыхъ выражалось его желаніе оставить все женѣ. Этихъ фактовъ нѣтъ! Показаніе Фроловой разбивается показаніемъ близкаго къ Сѣдкову человѣка—Ямщикова, на котораго съ самаго начала ссылалась и сама подсудимая. Сѣдковъ писалъ до самой почти смерти, записывалъ мелочные расходы и вписывалъ въ книгу свои условія съ должниками, но завѣщанія не писалъ однако. Онъ имѣлъ знакомыхъ Ѳедорова, Ямщикова, даже Лысенкова самого, къ нему ѣздилъ докторъ — и ничѣмъ не намекнулъ имъ на желаніе оставить завѣщаніе. Оказывается, что онъ и не думалъ объ оставленіи завѣщанія. Какъ многіе чахоточные, онъ не вѣрилъ въ скорую смерть, и жизнь его потухла среди уложенныхъ чемодановъ для путешествія на югъ и среди предположеній о разгарѣ дѣятельности въ 1879 г. Поэтому о завѣщаніи не могло быть и рѣчи. Кромѣ того, если въ иныя минуты ему и приходила мысль о смерти, то глаза его встрѣчали чуждую и нелюбимую жену, а вмѣстѣ съ тѣмъ шевелилось воспоминаніе о Бессарабіи, о семьѣ брата. Ужъ если дѣлать, за неимѣніемъ фактовъ, предположеніе о желаніи его оставить все женѣ, то вѣрнѣе будетъ предположить, что онъ не хотѣлъ утруждать себя завѣщательными распоряженіями, а все предоставлялъ закону, который распредѣлитъ самъ его наслѣдіе между братомъ и женою. Намъ скажутъ, можетъ быть, основываясь на словахъ Сѣдковой, что мужъ хотѣлъ наградить въ ней привязанность и покорность. Но мы знаемъ какова была привязанность г-жи Сѣдковой къ мужу. Сошлются, быть можетъ, на то, что въ умиравшемъ Сѣдковѣ заговорила совѣсть, встрепенулись религіозныя чувства, которыя потребовали отдачи всего накопленнаго неправымъ трудомъ наивному созданію, для нравственнаго развитія котораго онъ ничего не сдѣлалъ—по крайней мѣрѣ, ничего хорошаго. Но намъ извѣстно, что прежняя Сѣдкова имѣетъ мало общаго съ тою Сѣдковою, которую мы

видимъ здѣсь и которая, дѣйствуя съ знаніемъ и дѣла, и жизни, никому не дастъ себя въ обиду. Она испортилась въ рукахъ мужа, но въ глазахъ его такая порча была, безъ сомнѣнія, улучшеніемъ, въ которомъ ему себя винить было нечего. Про совѣстливость его извѣстно изъ поступка съ Ермолаевой. О религіозномъ настроеніи его мы знаемъ мало. Повидимому, оно не было глубоко. Въ письмахъ къ брату есть цитата изъ священнаго писанія о необходимости милосердія, да въ бумагахъ сохранилась тетрадь съ нарисованнымъ на ней крестомъ и съ надписью: «*Путь къ истинной жизни: смиреніе, правда, чистота*». Въ этой тетради, на оборотѣ заголовка, описана съ большими подробностями одна изъ тѣхъ болѣзней, отъ которыхъ лечатся меркуріемъ... Такимъ образомъ, ни въ отношеніяхъ Сѣдкова къ женѣ, ни въ свойствахъ ея привязанности къ нему, ни въ данныхъ дѣла, нѣтъ никакого указанія на то, чтобъ онъ желалъ отдать ей *все* свое имущество и составить завѣщаніе въ ея пользу. Проектъ, составленный ходатаемъ Петровскимъ, ничего не доказываетъ. Сѣдкова явилась къ нему подъ чужимъ именемъ и просила составить проектъ завѣщанія между вымышленными лицами. Она говоритъ, что мужъ, имѣя дѣла, не хотѣлъ дѣлать огласки этому предпріятію. Но это объясненіе сшито бѣлыми нитками. Сѣдковъ былъ человѣкъ дѣловой. Онъ зналъ и самъ, какъ писать завѣщаніе, особенно такое несложное, гдѣ въ общихъ словахъ *все* имущество оставляется одному лицу, гдѣ не нужно никакихъ спеціальныхъ пунктовъ о раздѣлѣ, о благопріобрѣтенномъ и родовомъ имуществѣ и т. д. У него, конечно, былъ всегда подъ руками X-й томъ Свода Законовъ и онъ умѣлъ владѣть имъ. А тамъ написано все, что надо. Поэтому, посылать къ постороннему человѣку было не нужно. И фамилію скрывать тоже нечего. Если-бъ въ завѣщаніи было еще перечисленіе всего имущества Сѣдкова, то онъ могъ, пожалуй, желать скрыть его размѣры. Но и этого не было. Все имущество огуломъ, безъ всякихъ подробностей, оставлялось одному лицу.

Итакъ, *завѣщанія въ пользу жены не было*, да и быть бы не могло. Между тѣмъ, оно явилось. Сѣдковой было отдано все. Забыты были родные, забыта дѣвочка Ольга Балагуръ, другую сестру которой воспитывалъ однако несравненно болѣе бѣдный Алексѣй Сѣдковъ. Она просто была поручена попеченіямъ г-жи Сѣдковой, которая и начала эти попеченія тѣмъ, что взяла Ольгу изъ института и помѣстила ее у себя въ обстановкѣ, показавшейся невыносимою даже деньщику Виноградову своею вѣчною смѣною и позднимъ сидѣніемъ гостей. Съ формальной стороны это завѣщаніе было, однако, правильно, и г-жа Сѣдкова напрасно почему-то испугалась пріѣзда брата покойнаго, въ концѣ іюня, за нѣсколько дней до утвержденія завѣщанія. Оно было утверждено. Но возникло предположеніе о подлогѣ,—разрослось, вызвало слѣд-

ствіе, и подсудимые сознались въ томъ, что завѣщаніе дѣйствительно подложно. Повидимому, задача суда очень легка. Остается примѣнить наказаніе, сообразно со степенью участія каждаго, и пожалѣть о двухъ дняхъ, посвященныхъ разбору такого простого дѣла. Но оно не такъ просто, какъ кажется. Идя по пути, на который ведутъ насъ подсудимые своимъ сознаніемъ, мы придемъ къ тому, что найдемъ только двухъ виновныхъ: Тениса и Медвѣдева. Они, дѣйствительно, сознаются въ преступленіи. Ихъ показаніямъ можно вѣрить вполнѣ. Подсудимый Медвѣдевъ своимъ искреннимъ и добродушно-правдивымъ тономъ даже внушаетъ гораздо бо̀льшее довѣріе, чѣмъ многіе свидѣтели, *акробатическія* показанія которыхъ вы, конечно, помните. Эти двое не торгуются съ правосудіемъ, а смиренно склоняютъ передъ нимъ свою повинную голову. Они всю жизнь дѣйствовали самымъ безвреднымъ образомъ рапирою. Ихъ привели, дали имъ въ непривычную руку перо, сказали: пиши! — и оба подписали—одинъ, какъ самъ выражается, «любя», а другой, прижатый судьбою, загнанный человѣкъ, семьянинъ съ 2 р. жалованья въ мѣсяцъ за вычетомъ долговъ, въ виду соблазнительной перспективы получить 5 рублей.

Но другіе подсудимые въ *преступленіи* не сознаются. Они перекладываютъ свою вину другъ на друга. Сѣдкова растерялась, была убита горемъ и не она, а Лысенковъ *составилъ завѣщаніе*, онъ слѣдовательно и виновенъ. Но Лысенковъ, въ свою очередь, виновенъ лишь томъ, что *пожалѣлъ* бѣдную вдову и не сдѣлалъ на нее доноса. Петлинъ виновенъ въ томъ, что *довѣрялъ* Лысенкову, Киткинъ въ томъ, что *убѣдился* подписью Петлина, — Бороздинъ въ томъ, что былъ *благодаренъ* Лысенкову и увѣровалъ въ подписи Петлина и Киткина. Иными словами — всѣ виновны въ мягкости сердца, разбитаго горестною утратою, въ отвращеніи къ доносу, въ состраданіи къ безпомощному вдовьему положенію, въ довѣріи къ людямъ, въ благодарности къ нимъ. Они покорно ждутъ того приговора, который ихъ осудитъ за такія свойства. И если мы отнесемся съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ объясненіямъ, то, повторяю, виновными окажутся только Тенисъ и Медвѣдевъ, да еще, быть можетъ, покойный Сѣдковъ, который оставилъ такой сладкій кусокъ, что въ немъ увязли всѣ, слетѣвшіеся имъ попользоваться.

Но, гг. присяжные, ваша задача въ дѣлѣ не такова. Каждое преступленіе, совершенное нѣсколькими лицами по предварительному соглашенію, представляетъ цѣлый, живой организмъ, имѣющій и руки, и сердце, и голову. Вамъ предстоитъ опредѣлить, кто въ этомъ дѣлѣ игралъ роль послушныхъ рукъ, кто представлялъ алчное сердце и все замыслившую и разсчитавшую голову. Для этого обратимся къ исторіи возникновенія завѣщанія. Первый вопросъ—*когда умеръ Сѣдковъ?* Бѣляева говоритъ, что въ 8 часовъ

утра, Сѣдкова — что въ 12 часовъ вечера 31-го мая. Я готовъ не вѣрить Бѣляевой, хотя думаю, что недостатки ея показанія вызывались понятнымъ вліяніемъ торжественной и страшной для простой женщины обстановки суда. Но нельзя вѣрить и Сѣдковой. Если утромъ съ мужемъ сдѣлался только обморокъ, то онъ долженъ былъ поразить ее своею продолжительностью. Онъ долженъ былъ напомнить о входящей въ двери смерти. Но гдѣ же естественная въ такомъ случаѣ посылка за священникомъ, за докторомъ, гдѣ испугъ, безпокойство, тревога? Сѣдковъ не приходилъ въ себя до обѣда. Обѣдъ не готовился и не покупался въ этотъ день, но и послѣ обѣда обморокъ не исчезалъ. У насъ нѣтъ никакихъ указаній на это. Сама Сѣдкова не говоритъ, чтобы мужъ пришелъ въ себя съ той минуты, какъ его снесли или свели на кровать. Вечеромъ она выѣхала, потомъ вернулась, потомъ опять выѣхала. Она ѣздила за нотаріусомъ и за Медвѣдевымъ. Но если-бъ мужъ уже не былъ мертвъ, развѣ она рѣшилась бы оставить его на попеченіи кухарки, съ которой она, по собственнымъ словамъ, даже никогда не говорила; развѣ выѣхавъ изъ дому, она не бросилась бы не къ нотаріусу, а къ доктору? Она говоритъ, что застала мужа кончающимся, то же говоритъ и Лысенковъ, но докторъ Флитнеръ въ своемъ прекрасномъ показаніи объяснилъ подробно, что засталъ Сѣдкова на спинѣ, съ головою, покрытою байковымъ одѣяломъ, въ положеніи несомнѣнно умершаго человѣка. Онъ нашелъ всѣ признаки смерти и ни одного признака изъ той обстановки, которая обыкновенно окружаетъ умирающаго, которая носится въ воздухѣ, которая такъ типична по своему шопоту, плачу, тревогѣ и суетѣ, что ее незачѣмъ описывать. Сѣдкова сказала ему, что мужъ умеръ, дала тройное вознагражденіе и просила дать свидѣтельство и не говорить, что онъ умеръ раньше. Несомнѣнно, что Сѣдковъ уже былъ мертвъ и мертвъ давно. Она говоритъ, что мужъ велѣлъ «гнать» Флитнера, но, вѣдь, по ея словамъ, онъ былъ въ обморокѣ и, слѣдовательно, видѣть Флитнера не могъ; а обморокъ такъ дологъ, такъ страненъ! а докторъ такъ нуженъ, хотя бы и пріѣхавшій случайно, хотя бы и не во вкусѣ больного, но все-таки могущій помочь! Между тѣмъ, Флитнера проводятъ черезъ кухню, не допускаютъ до больного и выпроваживаютъ поскорѣй. Въ 12 часовъ былъ Заславскій. Онъ нашелъ Сѣдкова лежащимъ на лѣвомъ боку, лицомъ къ стѣнѣ. Окоченѣніе началось. Для этого должно было пройти не менѣе трехъ часовъ со времени смерти. Вотъ еще доказательство, что Флитнеръ видѣлъ уже мертваго. Если принять высказанное уже здѣсь предположеніе, что онъ умеръ въ обморокѣ, то какъ объяснить то, что, не приходя въ себя, онъ, однако, покрылся одѣяломъ съ головою, поворачивался на другой бокъ и все это въ то время, когда члены его окоченѣли подъ холоднымъ

дыханіемъ смерти. Очевидно, онъ умеръ еще до вечера, днемъ, прежде поѣздки жены къ Лысенкову. Эта поѣздка объясняется затѣмъ легко. Сѣдковъ умеръ. Завѣщанія нѣтъ, проектъ не послужилъ ни къ чему. О законной вдовьей части Сѣдкова могла и не знать. Итакъ, она останется безъ средствъ. Что же дѣлать? Конечно, ѣхать къ знакомому, знающему человѣку за помощью, за совѣтомъ. Этотъ человѣкъ—Лысенковъ. Но сказать ему, что мужъ умеръ, у него — неудобно; могутъ услышать, въ конторѣ всегда толпится народъ. Лучше пригласить его къ себѣ и тутъ сказать правду. Лысенковъ соглашается пріѣхать, не зная о смерти Сѣдкова. Это видно изъ того, что онъ взялъ съ собою писца Лбова, котораго потомъ пришлось удалить. По дорогѣ, конечно, по совѣту Лысенкова, Сѣдкова заѣхала за Медвѣдевымъ, какъ за свидѣтелемъ. Когда они пріѣхали, нотаріусъ потребовалъ еще свидѣтелей. Явились Петлинъ и его знакомый Лисевичъ. Стали писать нотаріальное завѣщаніе, въ ожиданіи, пока уснувшій, по словамъ Сѣдковой, больной проснется и придетъ «въ здравый умъ и твердую память». Затѣмъ Сѣдкова позвала Лысенкова въ комнату мужа. Здѣсь-то и разъяснилось все. Лысенковъ говоритъ, что Сѣдковъ былъ живъ, но мы знаемъ, что въ это время, около пріѣзда Флитнера, онъ былъ уже несомнѣнно мертвъ и, вѣроятно, только мѣшалъ своимъ видомъ спокойствію совѣщаній, такъ что его накрыли съ головою. Здѣсь Сѣдкова должна была сказать все Лысенкову и просить совѣта и помощи. Она говоритъ, что Лысенковъ запросилъ громадную сумму въ 12,000 руб. Насколько это справедливо—рѣшить трудно. Лысенковъ зналъ, что подвергаетъ себя громадной отвѣтственности за совершеніе подложнаго нотаріальнаго акта, онъ зналъ, что скрѣпивъ актъ, онъ явится и первымъ обвиняемымъ, по старой поговоркѣ: «гдѣ рука, тамъ и голова». Поэтому требованіе такого вознагражденія понятно. Но еще понятнѣе боязнь отвѣтственности, которая, по моему мнѣнію, могла заставить Лысенкова отказаться вовсе отъ совершенія *нотаріальнаго* завѣщанія. Хотя послѣднее толкованіе и выгоднѣе для Лысенкова, но я не высоко цѣню и эту боязнь отвѣтственности. Это не широкая боязнь дурного и преступнаго дѣла, это узкій личный страхъ, не помѣшавшій ему не побояться отвѣтственности тѣхъ, кого онъ завлекъ въ это дѣло и посадилъ здѣсь передъ вами. Во всякомъ случаѣ, какое бы толкованіе ни принять — не сошлись ли въ цѣнѣ, или страхъ отвѣтственности подѣйствовалъ—несомнѣнно, что Лысенковъ, войдя къ Сѣдкову, увидѣлъ, что тотъ уже мертвъ и что его обязанности кончены; оставалось удалить свидѣтелей. Но сдѣлать это просто и прямо, объявивъ, что Сѣдковъ умеръ, неловко. Могутъ возникнуть сомнѣнія, неудовольствія. Поэтому лучше пусть это будетъ неожиданною вѣстью для всѣхъ. И вотъ Лысенковъ говоритъ, «что-то

подозрительно, пошлите за докторомъ». Докторъ объявляетъ, что Сѣдковъ мертвъ, вдова плачетъ, Лисевичъ и Петлинъ уходятъ, а Лбова увозитъ Лысенковъ. Вы видѣли и слышали Лбова. Этотъ человѣкъ нѣмъ какъ рыба и совершенно непроницаемъ, но онъ служитъ у Лысенкова и ему владѣть какою либо тайною своего принципала не приходится. Черезъ нѣкоторое время Лысенковъ возвращается назадъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ рѣзкимъ противорѣчіемъ въ показаніяхъ Лысенкова и прочихъ подсудимыхъ. «Я не возвращался», говоритъ онъ. «Онъ вернулся, содѣйствовалъ, совѣтовалъ, ободрялъ, диктовалъ», говорятъ Сѣдкова, Петлинъ, Тенисъ и Медвѣдевъ. Двое послѣднихъ такъ просто и откровенно во всемъ сознаются, что нѣтъ основанія имъ не вѣрить. Они не имѣютъ и основанія лгать. Какая имъ выгода отъ привлеченія Лысенкова къ дѣлу? Вѣдь они не ссылаются на его вліяніе на нихъ, на его авторитетъ. Ихъ виновность сложилась особо. Тениса привезъ полусоннаго Медвѣдевъ, и онъ машинально написалъ то, что ему продиктовано, не разбирая хорошенько смысла диктуемаго. Медвѣдевъ подписался самъ сознательно, по добротѣ душевной и «въ память дружбы съ покойнымъ». Для него не было нужно уговоровъ нотаріуса. Поэтому ихъ показаніе заслуживаетъ вѣры. Привлеченіе Лысенкова не ослабляетъ ихъ вины, безполезно для нихъ,— а оговаривая его напрасно, они брали бы тяжелый и безцѣльный грѣхъ на душу. Итакъ, имъ можно вѣрить. Можно вѣрить и Сѣдковой. Нельзя же думать, чтобъ она сама «своимъ умомъ» смастерила всю сложную махинацію поддѣлки завѣщанія, чтобъ она знала кому, что и какъ писать и подписывать. Вѣдь на ея проектѣ подписей свидѣтелей и рукоприкладчика, въ ихъ узаконенной формѣ, обозначено не было. Да и могла ли она найтись въ дѣлѣ, въ которомъ и знающій человѣкъ, нотаріусъ, умылъ руки? Конечно, нѣтъ. Ей нуженъ совѣтникъ, нуженъ юристъ, человѣкъ формъ и обрядовъ. Кто же могъ быть такимъ лицомъ около нея? Петлинъ? Но мы познакомились достаточно съ Петлинымъ. Онъ, какъ видно по разнымъ даннымъ дѣла, способенъ совершить дѣяніе въ родѣ того, за которое онъ судится, и потомъ собирать жатву съ этого дѣянія угрозами и вымогательствами, но едва ли въ немъ можно видѣть подстрекателя и руководителя въ исполненіи сложнаго и требующаго ловкости замысла. Да и кромѣ того, онъ не зналъ Киткина и Бороздина. Откуда же могъ надѣяться онъ на нихъ? Итакъ, не Петлинъ. Такъ Бороздинъ? Но онъ не былъ знакомъ съ Сѣдковой. Даже если-бъ онъ пришелъ и по дѣлу, то ему сказали бы, что Сѣдковъ умеръ, и онъ не сталъ бы безпокоить своимъ посѣщеніемъ. Лысенковъ уѣхалъ въ 12 часовъ и Бороздина не видѣлъ, а завѣщаніе было, несомнѣнно, составлено въ эту ночь. Когда же могъ явиться Бороздинъ? Послѣ полуночи? Это невозможно для

незнакомаго человѣка. Итакъ, не Бороздинъ. Не Киткинъ, потому что тотъ подписалъ на слѣдующій день. И если мы исключимъ Лысенкова, то подстрекателями на составленіе завѣщанія, совѣтниками и руководителями въ составленіи завѣщанія явятся Тенисъ и Медвѣдевъ. Но взгляните на нихъ, гг. присяжные засѣдатели, и вы повѣрите ихъ показаніямъ. Лысенковъ былъ *необходимъ* въ такомъ дѣлѣ и, конечно, присутствовалъ почти всю ночь у Сѣдковой не изъ одного праздная любопытства. Онъ вернулся, чтобъ оказать дѣйствительное участіе въ составленіи завѣщанія, и подъ его руководствомъ оно пошло быстро. Послали за Киткинымъ, послали Медвѣдева за Тенисомъ,—призвали снова Петлина, и къ раннему іюньскому утру завѣщаніе было готово. Тенисъ ушелъ съ 5-ю рублями, которыми потомъ хвастался передъ товарищами, удивляясь добрымъ людямъ, которые за листокъ письма дали такую громадную для него сумму. На другой день подписали Киткинъ и Бороздинъ, а Сѣдкова, выбравъ разныя бумаги и вещи поцѣннѣй и уложивъ ихъ въ зеленый сундучокъ, отдала его своей пріятельницѣ Макаровой. Деньщикъ Виноградовъ, обмывъ покойнаго съ гробовщикомъ, самъ уложилъ сундучокъ въ ногахъ «генеральской дочери». Затѣмъ были написаны чеки заднимъ числомъ, и Сѣдкова, увѣренная въ дальнѣйшей ненарушимости своихъ правъ, получила по нимъ въ конторѣ Баймакова деньги.

Всякое дѣло, совершенное нѣсколькими лицами, всегда представляетъ въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ разныя непредвидѣнныя обстоятельства, зависящія и отъ случая, и отъ характера участниковъ. Если это дѣло—преступленіе, то и обстоятельства эти не всегда красивы и всегда не безопасны для тѣхъ, въ чью пользу главнымъ образомъ совершено преступленіе. Такъ было и тутъ. Въ то время, когда Сѣдкова считала себя уже полною обладательницею имущества мужа и писала письмо его матери, въ которомъ говорила о «неусыпныхъ попеченіяхъ», которыми она его окружала (ночь составленія завѣщанія она дѣйствительно провела безъ сна), участники завѣщанія стали заявлять свои требованія. Прежде всего, впрочемъ, ей пришлось выкупить изъ «дружескихъ рукъ» свой зеленый сундучокъ, оставивъ взамѣнъ его нотаріальную отсрочку и услышавъ, если вѣрить ея показанію, въ первый разъ грозное и непредвидѣнное слово—доносъ... Я не стану касаться этого происшествія. Вы сами слышали свидѣтелей Макарову и Карпову и оцѣните ихъ показанія. Обращу ваше вниманіе только на то, что обѣ стороны сознавали, что сундучокъ заключаетъ цѣнности не маловажныя для Сѣдковой, такъ какъ разговоръ объ обмѣнѣ сундучка на отсрочку длился, по словамъ Сѣдковой, три часа въ комнатѣ незнакомаго ей человѣка, причемъ за затворенною или, по ея словамъ, даже запертою на

ключъ дверью, тщетно ожидала ее Ольга Балагуръ, уже разъ пріѣзжавшая за сундучкомъ. Затѣмъ начались требованія и вымогательства денегъ. О полученныхъ суммахъ я скажу въ своемъ мѣстѣ, но думаю, что вообще въ этомъ отношеніи можно полагаться на объясненіе Сѣдковой. Первая выдача — 500 р. Лысенкову и 500 Бороздину записана ею на лоскуткѣ, который, очевидно, не предназначенъ для оглашенія. Тутъ же записаны и гвозди, перчатки, шляпка, извозчикъ, такъ что счетъ имѣетъ характеръ достовѣрный. Сѣдкова говоритъ, что всѣ выдачи шли черезъ Лысенкова, кромѣ 500 рублей, о которыхъ сейчасъ сказано. Но какая цѣль можетъ ее заставлять пріурочивать имя Лысенкова къ этимъ деньгамъ? Дѣйствуя подъ вліяніемъ ихъ, Лысенковъ давалъ ей корыстные совѣты, цѣли которыхъ она не могла не понимать, сознавая, что услуги, за которыя платятся такія деньги — услуги преступныя. И между тѣмъ, она заявляетъ, что воспользовалась именно такими услугами, не ссылаясь ни на безкорыстные и потому заслуживавшіе довѣрія совѣты Лысенкова, ни на его къ себѣ состраданіе и расположеніе. Вглядываясь въ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ по этому дѣлу, мы найдемъ подтвержденіе ея объясненій о деньгахъ, которыя то за услуги, то за недонесеніе, то за компрометированную честь, то, наконецъ, за молчаніе свидѣтелей брались съ нея самымъ безцеремоннымъ образомъ. Когда она почувствовала имущество въ своихъ рукахъ— ей стали грозить тѣмъ, что къ утвержденію завѣщанія не явятся безъ особой платы; когда оно было утверждено, съ нея взяли три тысячи на расходы и ее стали пугать страшными словами— «протоколъ» и «прокуроръ», — когда началось слѣдствіе, заставили заплатить за мнимое спасеніе отъ скамьи подсудимыхъ 8,000 р. Скамья подсудимыхъ все-таки осталась, а около 20,000 р. денегъ, пріобрѣтенныхъ преступленіемъ, пристало къ рукамъ принимавшихъ въ Сѣдковой участіе людей, оставивъ ей немного наличныхъ средствъ и много векселей, цѣнность которыхъ еще весьма загадочна.

Обращаясь затѣмъ къ отдѣльнымъ подсудимымъ, я нахожу, что на первомъ планѣ стоитъ *Лысенковъ*. Онъ говоритъ, что Сѣдкова клевещетъ на него, что она привлекла его на судъ своимъ оговоромъ по совѣту Дестрема, который за ней ухаживаетъ. Всѣ отношенія его къ Сѣдковой ограничивались тѣмъ, что онъ согласился найти ей повѣреннаго для утвержденія завѣщанія и, уступивъ анонимнымъ письмамъ ея, вступилъ съ нею въ близкую дружбу. Полученіе отъ нея денегъ онъ отвергаетъ съ негодованіемъ. Но, господа, — кто вѣренъ въ маломъ, тотъ и во многомъ вѣренъ. А Лысенковъ невѣренъ въ маломъ! Онъ, вопреки очевидности, вопреки показаніямъ, искренность которыхъ нельзя заподозрить, отрицаетъ свое возвращеніе къ Сѣдковой послѣ отъѣзда съ

Лбовымъ. Онъ говоритъ явную неправду въ этомъ отношеніи. Можно ли думать, что онъ говоритъ правду въ другомъ отношеніи? Можно ли вѣрить тому мотиву оговора со стороны Сѣдковой, который онъ приводитъ? Месть, но за что? Желаніе отдѣлаться отъ нелюбимаго человѣка — но гдѣ на это указаніе? Ужели это нужно Дестрему, который вышелъ на свободу въ этомъ же судѣ только десять дней назадъ, а лишился ея гораздо раньше Сѣдковой. И для чего же это? Чтобъ сохранить свое мѣсто въ сердцѣ Сѣдковой. Но можно ли опасаться Лысенкова какъ соперника въ этомъ сердцѣ, когда Сѣдкова способна его предать напрасно позору уголовнаго суда? Способность на это должна бы исключать всякую ревность со стороны Дестрема,— исключать всякій оговоръ. И гдѣ въ характерѣ Сѣдковой черты такой свирѣпой злости, такого коварства, такой безсердечности?—Мы ихъ не видимъ и не можемъ принять романтическаго объясненія Лысенкова о мотивахъ оговора. Лысенковъ горячо отрицаетъ корысть въ своихъ дѣйствіяхъ и сводитъ ихъ къ состраданію и сочувствію положенію вдовы. Но это сочувствіе весьма сомнительнаго свойства. Если-бъ онъ сочувствовалъ Сѣдковой такъ, какъ долженъ сочувствовать честный человѣкъ, занимающій оффиціальное, вызывающее на довѣріе, положеніе, то онъ не взялся бы способствовать утвержденію завѣщанія. Онъ долженъ былъ сказать ей: «Что вы дѣлаете! одумайтесь! Вѣдь это преступленіе, вы можете погибнуть, а съ вами и тѣ, кто васъ этому научилъ. Заглушите въ себѣ голосъ жадности къ деньгамъ мужа, удовольствуйтесь вашею вдовьею частью. Вы ее получите, эту вдовью часть, по закону, котораго вы вѣрно не знаете. Вотъ онъ, вотъ его смыслъ, его значеніе. Одумайтесь! бросьте нехорошее дѣло». Онъ долженъ былъ, видя въ ея рукахъ фальшивое духовное завѣщаніе, отговорить ее, напугать, упрашивать. Это была его обязанность, какъ нотаріуса, какъ порядочнаго человѣка. Отъ него требовался не доносъ, а участіе и твердо, горячо высказанное слово совѣта, отъ него требовались объясненія съ Бороздинымъ, котораго онъ зналъ и которому онъ могъ пригрозить за его подпись на завѣщаніи. Но ничего этого не сдѣлано. Онъ получилъ завѣщаніе, поручилъ Титову его утвержденіе и взялъ на это 500 руб. Въ этомъ, по его мнѣнію, состояла дружеская услуга Сѣдковой. Но изъ словъ Титова мы знаемъ, что онъ получилъ за труды и на расходы только 315 руб., остальные 185 руб. остались у Лысенкова. И это была услуга и сочувствіе? и въ этомъ ли выражалось его безкорыстное и неохотное участіе въ дѣлѣ укрѣпленія за бѣдною вдовою состоянія ея мужа? Лысенковъ отрицаетъ и то, что онъ нуждался въ деньгахъ, и то, что онъ способенъ былъ получать деньги за свои услуги. Но онъ нуждался, гг. присяжные; привыкшій къ жизни широкой и нестѣсненной средствами, бывшій гусаръ и блестящій

нотаріусъ, онъ, конечно, съ трудомъ разстался бы съ привычками роскоши и дорогого комфорта. Вы знаете, во что можетъ обойтись въ Петербургѣ жизнь молодому, полному силъ и жизни человѣку, который не пожелаетъ особенно стѣснять себя и приметъ дружески и предупредительно протянутую руку помощи разныхъ ростовщиковъ. А у Лысенкова своего ничего не было. Нотаріальный залогъ былъ данъ ему отцомъ, который, быть можетъ, видѣлъ въ новомъ занятіи сына избавленіе его отъ послѣдствій прежней праздной жизни. Но эта жизнь не отставала, она протягивала свои руки за сыномъ и въ нотаріатъ и давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Къ 18-му мая прошлаго года въ мѣстномъ участкѣ скопилось на 10,000 руб. взысканій съ Лысенкова; вся его мебель и вещи были описаны и «Полицейскія Вѣдомости» уже возвѣстили объ ихъ продажѣ. Въ эту критическую минуту явился на помощь отецъ и далъ 10,000 руб. подъ вексель, однако, на имя дочери. Продажа миновала, кредиторы были на время удовлетворены, но не всѣ, далеко не всѣ. Загорскій получилъ вмѣсто 4,000 р. 1,500 р., Перетцъ—половину, другіе кредиторы, здѣсь выслушанные, тоже получили половинное удовлетвореніе. Опасность новой описи и продажи была не уничтожена, а только отсрочена. А между тѣмъ, кредиторы подходили новыми рядами, расходы на контору были большіе, жизнь надо было вести и она велась съ прежнимъ блескомъ и видимымъ довольствомъ, при заложенныхъ шубахъ и отсроченныхъ исполнительныхъ листахъ. Въ этомъ отношеніи характеристична книжка чековъ Общества Взаимнаго Кредита и счетъ того же Общества. 6-го іюня по 24 августа внесено и взято около 11,350 руб.; изъ взятыхъ суммъ, какъ видно по корешкамъ чековъ, уплачено на пошлины по купчимъ Фохтса и Пилкина около 5,000 руб., около 800 руб. заплачено за квартиру, 875 р. взято безъ указанія предмета уплаты—слѣдовательно, на свои расходы, а все остальное отдано разнымъ лицамъ въ уплату по векселямъ. Изъ словъ самого Лысенкова вы знаете, что къ деньгамъ, взятымъ на купчую Пилкина съ текущаго счета, онъ долженъ былъ прибавить своихъ 800 руб. Слѣдовательно, и изъ взятыхъ на себя 875—800 рублей пошли на уплату долга, и только 75 рублей изъ 12-ти почти тысячъ остались нотаріусу для него лично. Но такое состояніе счетовъ ясно показываетъ, какъ стѣсненъ человѣкъ, какъ тяжело ему приходится, какъ желательны, какъ важны, какъ неизбѣжно нужны ему деньги! Итакъ, Лысенковъ нуждался, а 185 р., присвоенные имъ, даже если вѣрить вполнѣ его показанію, изъ денегъ довѣрчивой вдовы, указываютъ, насколько въ немъ можно предполагать отсутствіе желанія попользоваться при удобномъ случаѣ и безъ особаго труда идущими въ руку деньгами. Но человѣкъ такого пошиба не можетъ удовольствоваться 185 р.,

если можно получить больше. Эта сумма—капля въ морѣ долговъ и претензій. Чтобъ осушить и успокоить его, необходимы иныя, бо́льшія средства. Для того, чтобъ удержаться отъ добычи ихъ способами недозволенными, эксплоатаціей легковѣрія однихъ, стѣсненнаго положенія другихъ—необходимъ довольно твердый нравственный закалъ. Съ этой точки зрѣнія мы имѣемъ свидѣтельство о Лысенковѣ отъ трехъ лицъ, знавшихъ его не какъ нотаріуса только. Одно—почтеннаго представителя нашего города Погребова. Обвиненіе питаетъ столь глубокое и искреннее уваженіе къ этому свидѣтелю, что вполнѣ и безусловно повѣрило бы ему, если-бъ онъ явился сюда заявить, что Лысенковъ *не сдѣлалъ* подлога. Это поколебало бы всѣ нравственныя основы обвиненія противъ Лысенкова. Но г. Погребовъ этого сдѣлать не можетъ и его доброе, любящее показаніе сводится лишь къ тому, что Лысенковъ велъ себя прилично и хорошо и не просилъ никогда денегъ у своего дяди. Въ послѣднемъ и нельзя сомнѣваться, познакомясь съ личностью Лысенкова по дѣлу. Просить—значитъ унижать свое достоинство... обязываться, это можно сдѣлать только въ такой крайности, когда всѣ правильные и неправильные источники полученія средствъ будутъ исчерпаны. Двое другихъ свидѣтелей—Шелешпанскій и Циліакусъ. Мнѣ почему-то не думается, чтобъ уклончивое, обоюдоострое, недосказанное показаніе Шелешпанскаго во многомъ помогало Лысенкову; что же касается до Циліакуса, то его показаніе связано съ свидѣтелемъ Загорскимъ, который, обижаясь и гнѣвно относясь къ вопросамъ, разсказалъ вамъ о какомъ-то векселѣ, данномъ юнымъ аристократомъ на 6,000 руб., взамѣнъ $2^1/_2$, и писанномъ на имена Циліакуса и Лысенкова. Не станемъ, впрочемъ, касаться исторіи этого, во всякомъ случаѣ, страннаго, векселя, для регулированія уплаты по которому понадобилось даже вмѣшательство канцеляріи градоначальника... Едва ли вообще эти показанія указываютъ на особую нравственную твердость Лысенкова. Для этой твердости большимъ испытаніемъ должно было быть положеніе Сѣдковой, которой нуженъ руководитель и отъ которой можно получить хорошія деньги. Повторяю—Лысенковъ не могъ же въ самомъ дѣлѣ быть празднымъ свидѣтелемъ того, что дѣлалось ночью, 1-го іюня, въ квартирѣ Сѣдкова. Онъ получилъ за свое содѣйствіе 6,000 р., говоритъ Сѣдкова, да 1,000 р. на Бороздина, не считая 8,000 р., полученныхъ по возбужденіи слѣдствія и 2,500—3,000 на расходы по счету издержекъ на завѣщаніе. У ней не могло быть этихъ денегъ, этихъ 18,000, скажутъ намъ. Отчего же не могло? Она получила съ текущаго счета въ началѣ іюня 31,000 р., затѣмъ въ теченіе лѣта внесла обратно 23,000 р. и при началѣ слѣдствія успѣла съ большою ловкостью взять все, что оставалось—19,000 р., слѣдовательно лѣтомъ же она взяла

изъ 23,000 р. еще 4,000 р. Такимъ образомъ, у ней было въ теченіе іюня, іюля и августа 12,000 р. Но въ домѣ, кромѣ того, оставались деньги—2,500 р. отъ Потѣхина, да другія суммы, быть можетъ, даже выигрышные билеты въ количествѣ 20,000 р., о которыхъ она здѣсь говорила. Не забудьте, что былъ сундучокъ, тщательно наполненный и увезенный. Конечно, не «дневники» и не «путь къ истинной жизни» были въ немъ, а цѣнности. Поэтому она могла имѣть нужныя для гг. составителей деньги, тѣмъ болѣе, что 8,000 р. были ею даны уже послѣ начала слѣдствія, когда она получила и остальные 19,000 р. Первая выдача въ 6,000 р. была произведена, по словамъ Сѣдковой, 1-го іюня. Такъ, 6-го іюня въ приходѣ счета Общества Взаимнаго Кредита, веденнаго по взносамъ Лысенкова, значится 5,600 р. Эти деньги выручены за продажу бумагъ Юнкеру, возражаетъ Лысенковъ. Вотъ и два его счета на 5,800 р. Но изъ какихъ денегъ пріобрѣтены эти бумаги? Изъ денегъ, данныхъ отцомъ. Но вѣдь отецъ отдалъ дочернія деньги 17-го мая только для спасенія сына отъ настойчивыхъ кредиторовъ, а не для покупки бумагъ, немедленной продажи ихъ и внесенія на текущій счетъ. Развѣ для этого бралъ Лысенковъ достояніе сестеръ? Развѣ можно было вносить 5,600 рублей на текущій счетъ, когда почти на двойную сумму есть неудовлетворенные кредиторы и шуба въ закладѣ... И потомъ, что это за счеты? Одинъ написанъ на имя Лысенкова, другой на имя «господина...» Гдѣ доказательства, что это были бумаги, дѣйствительно принадлежавшія Лысенкову, а не взятыя имъ на комиссію? Вѣдь онъ не ограничивался одною строго нотаріальною дѣятельностью, а занимался и другими операціями. Исторія съ векселемъ графа Нессельроде это показываетъ. Можно ли думать, что бросивъ часть денегъ, полученныхъ отъ отца, на утоленіе кредиторовъ, Лысенковъ не отдалъ бы остальныхъ денегъ сестрамъ, которыхъ онѣ достояніе, а сталъ бы заниматься покупкою бумагъ, когда у него за спиною взысканія и описи? Во всякомъ случаѣ, чѣмъ же жилъ все лѣто Лысенковъ? Гдѣ указанія на тѣ суммы, которыя ему были необходимы, чтобъ вести широкую жизнь, чтобъ содержать свою контору, которая стоила очень дорого. Его расходы превышали доходы по конторѣ,— иначе не было бы долговъ. Онъ говоритъ, что не все вносилъ на текущій счетъ — можетъ быть,— но тогда это *не опроверженіе* словъ Сѣдковой; если же вносилъ все,— то гдѣ доказательства законности пріобрѣтенія 5,600 руб., внесенныхъ 6-го іюня, *послѣ* составленія духовнаго завѣщанія, несмотря на то, что деньги эти были, по его указанію, получены имъ уже 28-го или 30-го мая. Такимъ образомъ, оправданія Лысенкова распадаются. Онъ запутался въ дѣлахъ, кидался на разные способы пріобрѣтенія, былъ стѣсненъ кредиторами, не предвидѣлъ средствъ

прожить лѣто и, наконецъ, злая судьба послала ему Сѣдкову. Совершить ей нотаріальное завѣщаніе было опасно. — онъ сковывалъ бы себя неразрывно съ ея преступленіемъ. Гораздо безопаснѣе домашнее. Онъ, пользуясь своимъ авторитетомъ и знаніемъ дѣла, можетъ безъ труда это сдѣлать. Рукоприкладчикъ и переписчикъ въ виду, — люди добрые и простые. Послѣднему продиктуется завѣщаніе. Свидѣтели тоже найдутся, — подходящихъ людей, слабыхъ на деньги и прижатыхъ обстоятельствами всегда можно найти, — одинъ даже ежедневно подъ рукою. Надо только, чтобъ они понимали, *что* дѣлаютъ и тогда они другъ друга укрѣпятъ до конца утвержденія, и будутъ охранять послѣ него, зная, что неосторожность, неловкость одного повлечетъ за собою отвѣтственность всѣхъ. Они будутъ наблюдать другъ за другомъ. Важно только сцѣпить ихъ какъ звенья въ одну преступную цѣпь. Для этого личнаго участія руководителя не нужно, нуженъ только авторитетъ, апломбъ, а не руки. Слѣда участія не останется и даже когда они, паче чаянія, попадутся и станутъ ссылаться, то можно будетъ сказать — «это люди, которые тонутъ и хватаются за меня, думая, что моя невиновность, — которая очевидна, ибо гдѣ же матеріальные слѣды моего участія? — спасетъ и ихъ. Они клевещутъ на меня, чтобъ купить себѣ свободу. Гдѣ моя подпись? Развѣ *я* удостовѣрялъ, что Сѣдковъ просилъ подписаться, развѣ *я* подписался за него?» — Но все-таки даже такого, такъ сказать, духовнаго участія, нельзя принять даромъ, изъ одного расположенія. Опасность все-таки существуетъ. Отсюда понятно требованіе 6,000 р. и еще 8,000, когда опасность дѣйствительно наступила, когда началось слѣдствіе. Если-бъ Лысенковъ не участвовалъ въ дѣлѣ, то онъ не продолжалъ бы своихъ отношеній съ тѣми, кто въ немъ участвовалъ. Онъ не удалялся Сѣдковой, зная, что она можетъ попасть не нынче, завтра на скамью подсудимыхъ, онъ не разорвалъ съ Бороздинымъ, который въ его глазахъ долженъ былъ стать человѣкомъ непригоднымъ для серьезныхъ и чистыхъ дѣловыхъ отношеній. Напротивъ, онъ ѣздитъ къ Сѣдковой, пишетъ ей письма, ведетъ дружбу съ Бороздинымъ, оказывается въ вокзалѣ царскосельской желѣзной дороги, когда нужно уломать Киткина, хранитъ у себя завѣщаніе и предварительный проектъ, даетъ письменные совѣты Петлину, совершаетъ отсрочку Макаровой для полученія сундучка. Онъ не спускается до сношеній съ Ариною Бѣляевою, но къ нему обращаются всѣ участники дѣла, черезъ него сначала просятъ они денегъ у Сѣдковой, отъ него получаютъ свой пароль и лозунгъ, покуда одинъ изъ нихъ, Киткинъ, не выдержавъ, по молодости лѣтъ, не разсказываетъ слѣдователю «все какъ было». Онъ обдумываетъ, распоряжается, диктуетъ; онъ же требуетъ отъ Сѣдковой заслуженныхъ денегъ и, соболѣзнуя о «корыстолюбіи и склонности къ доносамъ»

Бороздина, беретъ для него 1,000 р. и совѣтуетъ уплатить ему за молчаніе другую; онъ, наконецъ, предъявляетъ счетъ пошлинамъ свыше 2,000 р., тѣмъ пошлинамъ, которыя исчислены въ опредѣленіи суда въ 29 рублей! Правда, свидѣтели не дѣти и понимали, что дѣлали, но нельзя, однако, отрицать, что присутствіе нотаріуса дѣйствуетъ успокоивающимъ образомъ, что Бороздинъ, никогда не знавшій Сѣдковой, никакъ не появился бы на завѣщаніи ея мужа, если-бъ между ними не былъ посредникомъ Лысенковъ, что завѣщаніе, сочиненное самою Сѣдковою или Тенисомъ, никогда не было бы столь безупречно съ формальной стороны, что утверждено судомъ, несмотря на споръ о подлогѣ, если бы по нему не прошла опытная въ нотаріальныхъ дѣлахъ рука.

Перехожу къ Бороздину. Виновность его очевидна изъ его подписи. Онъ, человѣкъ опытный и по лѣтамъ, и по службѣ, не могъ не знать, что утверждать на завѣщаніи то, чего онъ не видѣлъ, преступно, потому что нѣсколько такихъ подписей могутъ содѣйствовать неправому пріобрѣтенію имущества. Онъ зналъ, что то, что онъ пишетъ, есть ложь, ложь оффиціальная и требуемая отъ него съ опредѣленною цѣлью. Въ его лѣта не относятся къ подобнымъ вещамъ легкомысленно. Онъ объясняетъ свой поступокъ благодарностью къ Лысенкову. Но за что эта благодарность? Онъ велъ свои дѣла, имѣлъ довѣренности и порученія, былъ человѣкомъ развитымъ и юридически образованнымъ. Быть можетъ, Лысенковъ и поручалъ ему исполнять какія нибудь письменныя или судебныя работы, быть можетъ даже, онъ состоялъ при конторѣ Лысенкова, на тотъ случай, когда бываютъ необходимы свидѣтели самоличности, чѣмъ нибудь въ родѣ «благороднаго свидѣтеля», но, во всякомъ случаѣ, вознагражденіе, которое онъ получалъ отъ Лысенкова, получалось имъ недаромъ, а за дѣйствительный трудъ, совершаемый съ знаніемъ дѣла и съ необходимою представительностью. Тутъ былъ обмѣнъ услугъ, продажа труда, и, слѣдовательно, объ особой благодарности не могло быть и рѣчи. А для того, чтобъ совершить изъ благодарности не только лживый поступокъ, но даже и преступленіе — необходимо, чтобъ благодарный былъ облагодѣтельствованъ такъ, что ему не жаль затѣмъ ни чести, ни совѣсти, лишь бы видѣлъ благодѣтель его признательность. Но гдѣ признаки такихъ отношеній между Лысенковымъ и подсудимымъ? Ихъ нѣтъ. Поэтому онъ сдѣлалъ подложное свидѣтельство изъ другихъ поводовъ. Но эти другіе поводы, по логикѣ вещей, могутъ быть только корыстными. Онъ привыкъ, повидимому, жить съ извѣстными удобствами человѣка, принадлежащаго къ обществу. Онъ занималъ лѣтомъ, по выходѣ изъ долгового отдѣленія, квартиру, за которую платилъ 120 руб. въ мѣсяцъ, въ то самое время, какъ закладывалъ иногда свое платье и часы. У него большая семья —

честь человѣкъ дѣтей. Привычки къ внѣшней представительности должны быть удовлетворяемы, семью надо содержать, а занятій постоянныхъ нѣтъ. Пребывать въ пріемной у нотаріуса, ожидая зова въ качествѣ свидѣтеля — унизительно, невесело, да и не особенно прибыльно. А деньги нужны, тѣмъ болѣе нужны, что, какъ вы слышали отъ свидѣтеля Багговута, былъ вексель, который необходимо было выкупить во избѣжаніе непріятностей. Онъ и былъ выкупленъ или инымъ образомъ погашенъ. Тутъ-то кстати явилось предложеніе Лысенкова дать подпись на завѣщаніи Сѣдкова. Подсудимый объясняетъ, что онъ только разъ и просилъ денегъ отъ Сѣдковой, 10 или 15 руб., да и тѣхъ она не дала. Но трудно предположить, чтобъ онъ, совершивъ ясное для него по своимъ послѣдствіямъ дѣло, ограничился только такою скромною просьбою. Притомъ, мы имѣемъ два конца въ цѣпи его требованій. У насъ есть записочка Сѣдковой отъ 1-го іюня, гдѣ написано, что ему дано 500 рублей и Лысенкову 500 рублей. Сѣдкова объясняетъ, что думала, что такъ деньги эти, тысяча рублей, будутъ между ними раздѣлены. Записку же она писала, конечно, не въ ожиданіи слѣдствія. Это начало выдачъ. А конецъ — въ окружномъ судѣ. Сѣдкова говоритъ, что подсудимый отказался явиться въ судъ для утвержденія завѣщанія и онъ самъ это подтверждаетъ. Толкуютъ только причины этого они разно. Онъ, по его словамъ, хотѣлъ посмотрѣть, какъ пройдетъ завѣщаніе на судѣ, чтобъ подтвердить свою подпись въ судѣ уже внѣ опасности споровъ противъ подлинности завѣщанія. 5-го іюля былъ заявленъ Алексѣемъ Сѣдковымъ споръ о подлогѣ. Чего же больше? Оставалось отступиться отъ этого темнаго дѣла, въ которомъ чувство благодарности могло привести на скамью подсудимыхъ. Но нѣтъ! Онъ 19-го іюля является въ судъ и своимъ торжественнымъ удостовѣреніемъ придаетъ окончательную силу завѣщанію. Очевидно, онъ ждалъ чего-то другого. Это другое, по словамъ Сѣдковой, были деньги. Изъ показанія Ольги Балагуръ мы знаемъ, что онъ ихъ получилъ. Она видѣла, какъ онъ пересчитывалъ сотенныя бумажки въ конвертѣ и получилъ, вмѣстѣ съ ними, вексель и свои оставленные въ закладъ Сѣдковой аттестаты. Балагуръ прямо говоритъ, что присутствовала при этомъ мелочномъ и исполненномъ взаимнаго недовѣрія торгѣ свидѣтельскою совѣстью. Подтверждается ея показаніе векселемъ на имя Карганова въ 500 руб. Онъ не отрицаетъ его полученія, но говоритъ, что вексель этотъ ничего не стоилъ, ибо былъ данъ на два года. Но зачѣмъ тогда было его брать и развѣ нельзя его дисконтировать? Подсудимый понималъ важность своего показанія и рѣшился выжать изъ Сѣдковой все, что можно. Въ то время, когда другіе свидѣтели послушно шли свидѣтельствовать въ судъ, онъ уперся и получилъ деньги. Въ срединѣ между этими

полученіями, послѣ совершенія завѣщанія и при утвержденіи его въ судѣ, есть, по показанію Сѣдковой, еще одно — за недоносъ о подлогѣ. Она говоритъ, что подсудимый явился къ ней послѣ предупрежденія ея Лысенковымъ и читалъ какой-то протоколъ, который грозился отправить или отнести къ прокурору. Стали торговаться. Сошлись на 1,000 руб. Вы можете ей вѣрить или нѣтъ, но мнѣ кажется, что слѣдуетъ помнить письмо Петлина: «примите благой совѣтъ, дайте Б. просимое», а также ночное странствіе Петлина съ Ариною Бѣляевою къ памятнику Екатерины, будто бы затѣмъ, чтобъ дать подсудимому возможность узнать, дѣйствительно ли завѣщаніе было написано послѣ смерти Сѣдкова, какъ будто этого нельзя было спросить у Сѣдковой и у самого Петлина. До утвержденія завѣщанія, подсудимый ничѣмъ бы не рисковалъ; не являясь въ судъ, онъ всегда могъ бы сослаться на то, что былъ введенъ въ заблужденіе. Послѣ утвержденія доносъ уже немыслимъ, это будетъ самообвиненіе. Поэтому самое удобное время для угрозы доносомъ между писаньемъ завѣщанія и разсмотрѣніемъ его въ судѣ. Что касается до скромной просьбы о присылкѣ 10—15 руб., то размѣръ ея объясняется, по моему мнѣнію, тѣмъ, что все, что можно было получить съ Сѣдковой, было уже получено, и что она писалась въ то время, когда, послѣ засѣданія суда, нельзя уже было угрожать и упорствовать. Этимъ объясняется и категорическій отказъ Сѣдковой и вызванная раздраженіемъ приписка подсудимаго: «отказывая — вы меня станете дразнить, а я, право, вамъ добра желаю»...

И подсудимый Петлинъ не можетъ отговариваться незнаніемъ того, что онъ дѣлалъ,— давленіемъ на него авторитета закона въ лицѣ нотаріуса и вліяніемъ «плачущей женщины». Онъ — человѣкъ, испытавшій жизнь, и въ бояхъ бывавшій, и домами управлявшій. Его зовутъ къ совершенно незнакомымъ людямъ, держатъ цѣлый вечеръ вмѣстѣ съ товарищемъ, затѣмъ увольняютъ за смертью хозяина, а потомъ опять посылаютъ и предлагаютъ подписать очевидную, явную ложь,— предлагаютъ прописать, въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣній, будто бы онъ видѣлъ и слышалъ то, чего не было... Все это дѣлается съ незнакомымъ человѣкомъ, котораго потомъ тревожатъ и явкою въ судъ, и опять заставляютъ лгать. Но развѣ возможно это въ дѣйствительности? Развѣ человѣкъ, не заинтересованный въ поддѣлкѣ завѣщанія, а дѣйствительно чужой, не сказалъ бы самому себѣ, что между «авторитетомъ закона» и лжесвидѣтельствомъ отношенія самыя враждебныя, которыхъ никакой нотаріусъ измѣнить не можетъ, не сказалъ бы окружающимъ: «позвольте однако, вы меня, продержавъ весь вечеръ, уговариваете подписать завѣщаніе потому, будто бы, что этого желалъ покойный. Но я его не зналъ, я васъ не знаю, я не могу вамъ вѣритъ, да и за кого, наконецъ, вы меня-то при-

нимаете съ вашими предложеніями?».. Ничуть не бывало: онъ прямо подписываетъ и затѣмъ уже становится совѣтникомъ Сѣдковой, входитъ въ ея интересы, пишетъ ей письма, совѣтуетъ бесѣдовать интимно съ прислугою, и дѣло, къ которому отнесся съ такимъ довѣріемъ, уже называетъ «извѣстнымъ вамъ *милымъ* дѣломъ». Это ли положеніе человѣка, случайно и по военному прямодушію попавшаго въ *милое* дѣло? Да и случайно ли попалъ онъ въ свидѣтели? Онъ жилъ на одной лѣстницѣ съ Сѣдковыми и былъ знакомъ «съ дѣвицею Аришею», какъ ее описывалъ Виноградовъ. Свойства этого знакомства понятны, и не для обмѣна же мыслей оно было заведено. Арина могла быть связующимъ звеномъ между Сѣдковою и Петлинымъ, нравственную крѣпость котораго барыня, конечно, могла понять изъ неизбѣжной болтовни служанки. А людей она видѣла столько, что могла научиться ихъ разбирать по довольно тонкимъ чертамъ. Этимъ предварительнымъ заочнымъ знакомствомъ объясняется приглашеніе Петлина. Дѣйствовалъ ли онъ безкорыстно — указываютъ 200 р., полученные имъ въ день утвержденія завѣщанія, и записка съ просьбою о 100 рубляхъ съ прибавленіемъ: «дадите—жалѣть не будете». Свои послѣдующія отношенія къ Сѣдковой онъ объясняетъ тѣмъ, что былъ подъ давленіемъ Арины. Но вы ее видѣли, гг. присяжные засѣдатели. Это личность, быть можетъ, готовая урвать ушко изъ общей добычи, но, во всякомъ случаѣ, безъ собственнаго почина. И ужели Петлинъ могъ быть въ ея рукахъ послушнымъ орудіемъ? Ужели она его, какъ малое дитя, безъ воли и желанія съ его стороны, водила ночью къ памятнику Екатерины для заговоровъ съ «сосвидѣтелемъ»,—водила къ помощнику пристава Станкевичу, заставляла писать письма о миломъ дѣлѣ и диктовать своей женѣ доносъ противъ себя самого? Это не въ порядкѣ вещей. А между тѣмъ, все это было. Кто же былъ въ этомъ старшій, кто дѣйствовалъ, кто распоряжался? Вы не затруднитесь сказать, что это былъ Петлинъ и что Арина, со своими свѣдѣніями кое о чемъ, была послушнымъ и прибыльнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Чрезъ нее онъ могъ дѣйствовать угрозами и постояннымъ томленіемъ на Сѣдкову, — чрезъ нее, живя въ одномъ домѣ, имѣть постоянный надзоръ за ея барынею. Тамъ, гдѣ Бороздинъ дѣйствовалъ одинъ, онъ могъ дѣйствовать черезъ Арину; когда угроза доносомъ прокурору удалась такъ хорошо, присылается и Бѣляева съ требованіемъ денегъ. Но характеръ у Сѣдковой неровный, да и измучили ее, должно быть, очень — она вспылила и выгнала Арину вонъ. Тогда вопросъ о доносѣ сталъ иначе. Онъ былъ написанъ. Припомните, однако, что онъ пишется подъ диктовку Петлина его женою, въ присутствіи Тениса и Медвѣдева. Они пойдутъ и скажутъ Сѣдковой. Она испугается и пришлетъ деньги, а не испугается ихъ разсказа, такъ испугается записки Станкевича,

который ей пишетъ: «ко мнѣ поступилъ доносъ на васъ, но прежде, чѣмъ дать ему ходъ, я хотѣлъ бы поговорить съ вами». Дѣйствія Станкевича не подлежатъ нашему обсужденію, но есть основаніе предполагать, что онъ не отнесся серьезно къ доносу Арины, приходившей съ Петлинымъ, потому что не послалъ его въ сыскную полицію или не приступилъ самъ къ дознанію, а доложилъ о немъ приставу только послѣ жалобы Сѣдковой на вызовъ ея въ участокъ. Быть можетъ, Петлинъ, который былъ знакомъ въ участкѣ, убѣдилъ его въ неосновательности доноса, который и самъ по себѣ, никѣмъ не подписанный, содержалъ лишь голословное заявленіе о подлогѣ чековъ и о вывозѣ имущества, ни словомъ не упоминая о подлогѣ завѣщанія. Станкевичъ счелъ только за нужное вызвать Сѣдкову, чтобъ спросить у ней, гдѣ живетъ Арина, хотя, какъ кажется, это удобнѣе было сдѣлать по справочнымъ листкамъ участка и свѣдѣніямъ адреснаго стола. Очевидно, что доносъ безъимянный и неосновательный, даже съ точки зрѣнія мѣстнаго полицейскаго чиновника, не долженъ былъ получить дальнѣйшаго движенія и весь желательный результатъ его для заинтересованныхъ лицъ состоялъ лишь въ полученіи Сѣдковою повѣстки изъ полиціи. Повѣстка, однако, произвела совершенно неожиданное для нихъ дѣйствіе. Сѣдкова пошла жаловаться. Вымогательство, ловко задуманное Петлинымъ, который, соорудивъ доносъ, стоялъ все-таки отъ него въ сторонѣ,—не удалось, но за то предварительное слѣдствіе, возникшее изъ этого случая, какъ мнѣ кажется, удалось вполнѣ. Корыстныя цѣли Петлина очевидны. Его записка: «дайте Б. просимое», явно указываетъ, что онъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобъ получить свой гонораръ. Онъ отрицаетъ всякія сношенія съ Сѣдковой. Но какъ объяснить исторію съ векселемъ въ 5,000 р., который онъ разорвалъ послѣ того, какъ онъ былъ ею объявленъ подложнымъ. Если-бъ онъ былъ полученъ за дѣйствительныя услуги, какъ деньги, а не составлялъ орудія или плода новаго вымогательства, разсчитаннаго противъ Сѣдковой, то онъ не разстался бы съ нимъ такъ легко. Вѣдь это все-таки была цѣнность въ нѣсколько тысячъ. Таковы дѣйствія Петлина, подлежащія вашей оцѣнкѣ.

Киткинъ, послѣ двухъ допросовъ, довольно откровенно разсказалъ все слѣдователю. Его сознаніе, какъ электрическій толчокъ, сообщилось неизбѣжно и неотвратимо и всѣмъ другимъ членамъ преступнаго кружка. Сознались, по своему, и они. Киткину есть поэтому основаніе вѣрить. Но оправдывать его нельзя. Онъ отлично понималъ, что дѣлалъ,—не даромъ онъ такъ часто напоминаетъ Сѣдковой, что ему «все остается извѣстнымъ». Когда онъ былъ привлеченъ къ подпискѣ, онъ стоялъ въ положеніи человѣка, находящагося отчасти въ рукахъ Сѣдковой. У ней былъ противъ него весьма зловредный вексель. Впереди непривѣтно

виднѣлось долговое отдѣленіе. Но онъ колебался, совѣсть въ немъ говорила. Въ эти минуты онъ заслуживаетъ сочувствія. Но колебанія были недолги. Онъ сообразилъ выгоды своего новаго положенія и принялъ предложеніе Сѣдковой. Вырвавъ изъ ея рукъ ненавистный вексель, онъ сразу обмѣнялся съ нею ролями и перешелъ въ наступательное положеніе. Онъ грозитъ Сѣдковой еще не подписавъ даже завѣщанія. «Знайте, что мнѣ все остается извѣстнымъ», пишетъ онъ. «Если вы захотите иначе устроить это дѣло, то вѣдь мнѣ все извѣстно», пишетъ онъ въ другой разъ и прибавляетъ «маленькую просьбу прислать сто или двѣсти рублей». Очевидно, что съ самаго начала онъ понималъ, что сдѣлалъ и старался извлечь изъ этого возможную выгоду. Таковъ Киткинъ въ этомъ дѣлѣ.

Задача моя окончена. Мелкія подробности, опущенныя мною, возстановитъ ваша совокупная память. Дѣло это очень неприглядное и всѣ его участники, за исключеніемъ двухъ, заслуживаютъ строгаго осужденія. Ни въ ихъ развитіи, ни въ ихъ обстановкѣ, ни въ ихъ силахъ и знаніяхъ нѣтъ уважительныхъ данныхъ для ихъ оправданія. Сѣдкова не наивное дитя, не вѣдавшая, что творила. Она не разъ обнаружила большую находчивость и знаніе житейскихъ дѣлъ. Ея поступокъ съ векселемъ Киткина весьма характеристиченъ. Она трезво смотритъ на людей, умѣетъ за нихъ при случаѣ взяться. Съ момента смерти мужа, она явилась лицомъ, отдавшимся вполнѣ жаждѣ завладѣть тѣмъ, что, по закону, принадлежало не ей одной. Желаніе было, не было умѣнья приняться за дѣло. Слово осужденія одно можетъ заставить ее одуматься и начать иначе оцѣнивать свои поступки. Оно будетъ тяжело, но будетъ справедливо. Бороздинъ тоже заслуживаетъ осужденія. Его образованіе и прошлая служба обязываютъ его искать себѣ занятій болѣе достойныхъ порядочнаго человѣка, чѣмъ тѣ, за которыя онъ попалъ на скамью подсудимыхъ. Россія не такъ богата образованными и свѣдущими людьми, чтобъ имъ, въ случаѣ бѣдствій матеріальныхъ, не оставалось иного выхода, кромѣ преступленія. Ссылка его на семью, на дѣтей — есть косвенное указаніе на необходимость оправданія. Но такая ссылка законна въ несчастномъ поденщикѣ, въ рабочемъ, которому и жизнь, и развитіе создали самый узкій, безвыходный кругъ скудно оплачиваемой и необезпеченной дѣятельности. Но при общественномъ положеніи подсудимаго его несчастныя дѣти только могли заставить его строже относиться къ своимъ дѣйствіямъ. Необходимость дать дѣтямъ чистое имя должна придавать силы для борьбы съ соблазномъ и устранять оправданія себя ссылкою на дѣтей, какъ на невольныхъ и молчаливыхъ подстрекателей къ сдѣлкамъ съ совѣстью. Наконецъ, обвиняемый больше кого либо изъ подсудимыхъ долженъ былъ сознавать вредъ настоящаго преступле-

нія, колеблющаго законы, особенно нуждающіеся въ охраненіи со стороны общества, потому что ими ограждается воля человѣка, который уже не встанетъ изъ гроба на защиту своихъ правъ... Онъ забылъ то, что самъ еще недавно былъ призванъ къ охраненію законовъ. Всякое положеніе налагаетъ извѣстныя обязанности. Кто былъ судьею, кто осуждалъ и наказывалъ самъ, кто отправлялъ правосудіе, тотъ обязанъ особенно строго относиться къ себѣ, хотя бы онъ и оставилъ свое званіе. Онъ долженъ высоко ставить и охранять его достоинство и беречь память о немъ. Бывшій судебный дѣятель, который дѣлаетъ подлоги,— учитель, который развращаетъ нравственность дѣтей,— священникъ, который кощунствуетъ — несравненно виновнѣе, чѣмъ тѣ, кто совершаетъ дурное дѣло, выйдя изъ безличныхъ рядовъ толпы. Вотъ почему—отводя, по человѣчеству, справедливое мѣсто семейнымъ матеріальнымъ затрудненіямъ подсудимаго, вы, господа присяжные, однако едва ли перейдете за границу признанія его лишь заслуживающимъ снисхожденія. Не менѣе виновенъ и Лысенковъ. У него даже нѣтъ оправданій предшествующаго подсудимаго. Ему были открыты пути честно выйдти изъ стѣсненнаго положенія, вокругъ него были близкіе люди, готовые помочь... Онъ дѣйствовалъ въ настоящемъ дѣлѣ, какъ искуситель. Имъ вовлечены, имъ связаны всѣ въ этомъ дѣлѣ. Не явись онъ со своею опытностью и съ желаніемъ поживиться на счетъ покойнаго Сѣдкова,— жена послѣдняго такъ и осталась бы при желаніи, но безъ способовъ совершить завѣщаніе. Онъ нарушилъ и свои гражданскія обязанности, и свои нравственныя обязанности, забывая, что законъ, ввѣряя ему званіе нотаріуса, довѣрялъ ему и приглашалъ другихъ къ этому довѣрію. Есть дѣятельности, гдѣ трудно отличить частнаго человѣка отъ должностного, и въ глазахъ большинства нотаріусъ, составляющій домашній подлогъ, все-таки подрываетъ довѣріе къ учрежденію, къ которому онъ принадлежитъ...

Виновность Петлина и Киткина очевидна. Вы отнесетесь къ ней съ справедливымъ порицаніемъ. Очевидна и противузаконность дѣяній Тениса и Медвѣдева. Но, гг. присяжные, въ дѣйствіяхъ Тениса столько машинальнаго,—столько добродушнаго и незлобиваго въ поступкахъ Медвѣдева,— такъ мало гражданскаго развитія можно требовать отъ этихъ лицъ, всю жизнь проведшихъ въ сраженіяхъ на рапирахъ, такъ мало корысти въ ихъ дѣйствіяхъ, что, по моему мнѣнію, они заслуживаютъ полнѣйшаго снисхожденія. И если вы дадите имъ снисхожденіе полное, такое полное, чтобы въ глазахъ суда, имѣющаго право ходатайства о помилованіи, оно почти исключало отвѣтственность, то вы не поступите вопреки справедливости.

XIV.

По дѣлу о нанесеніи Губернскимъ Секретаремъ Дорошенко мѣщанину Северину побоевъ, вызвавшихъ смерть послѣдняго.

30-го января 1868 года, къ товарищу прокурора Харьковскаго окружнаго суда Морошкину явилась вдова харьковскаго мѣщанина Анна Северинова и заявила, что покойный мужъ ея, фаэтонный извощикъ Гавріилъ Северинъ умеръ въ прошломъ 1867 году, на Покровъ, отъ побоевъ, нанесенныхъ ему за двѣ недѣли предъ этимъ управляющимъ Григоровскою экономіею Дорошенко. Причиною нанесенія побоевъ было, по объясненію Севериновой, требованіе мужемъ ея денегъ за провозъ Дорошенко и простой, вслѣдствіе чего Дорошенко сталъ бить Северина кулакомъ по переносью и вискамъ; свидѣтелями этого были служащіе у Дорошенко и содержатель шинковъ Склаво. По выходѣ окровавленнаго Северина въ переднюю, прислуга вынесла ему деньги и выпроводила, по приказанію Дорошенко, изъ деревни, самъ же Дорошенко не допустилъ Склаво ѣхать въ городъ вмѣстѣ съ Севериномъ. Пріѣхавъ въ 4 часа ночи, онъ разсказалъ о случившемся хозяину дома и сосѣдямъ, затѣмъ, вскорѣ слегъ и до смерти не вставалъ.— По кончинѣ его, трупъ его вскрытъ докторомъ Щелкуновымъ, но по словамъ нѣсколькихъ лицъ, не вполнѣ, такъ что черепъ не былъ вскрываемъ. Заявляя о всемъ этомъ, Северинова просила о производствѣ слѣдствія и объ истребованіи отъ Дорошенко денежнаго пособія на содержаніе ея, двухъ дѣтей и третьяго, коимъ она была беременна. При производствѣ предварительнаго слѣдствія, Анна Северинова, дополняя и подтверждая свое заявленіе, объяснила, что мужъ ея былъ нанятъ Дорошенко въ Григоровку съ Никольской площади за 1 руб. сер., съ условіемъ за простой часовъ заплатить по таксѣ; въ Харьковѣ Северинъ простоялъ три часа у дома, куда Дорошенко заѣзжалъ на именины;—по пріѣздѣ же въ Григоровку, Дорошенко выслалъ 1 р. 40 к., и на замѣчаніе его, что этого мало, въ виду трехъ-часового простоя, закричалъ: «какіе три часа, — ты простоялъ со мною 2 часа!» а услышавъ на это замѣчаніе, что и за 2 часа все-таки слѣдуетъ 80 к. сер., принялся бить Северина. Вернувшись домой съ окровавленнымъ переносьемъ и висками, въ испачканной кровью поддѣвкѣ и шапкѣ, Северинъ, держа въ рукахъ 1 р. 40 к. сер., разсказалъ о случившемся съ нимъ. Затѣмъ, не ложась спать, онъ отправился въ уѣздное полицейское управленіе и къ

уѣздному врачу и потомъ снова ходилъ хлопотать о своей обидѣ. Придя домой передъ вечеромъ, онъ слегъ въ постель, сталъ жаловаться на головокруженіе, не могъ вставать, а если вставалъ и переходилъ черезъ комнату, то съ нимъ дѣлалось дурно, — ничего не пилъ и не ѣлъ, кромѣ чаю и воды, причемъ жаловался на горечь во рту. Во время болѣзни, онъ предчувствовалъ смерть;—въ пятницу, за день до Покрова Пресвятыя Богородицы, онъ пріобщался Святыхъ Таинъ; затѣмъ вздумалъ было выйти къ лошадямъ, но жена была принуждена ввести его въ комнату обратно.— Ночью онъ сталъ бредить, утромъ въ субботу прощался съ женою, говоря, «прощай! за мною пріѣхали!» Затѣмъ не могъ болѣе ничего говорить, а только тихо плакалъ; ночью впалъ опять въ бредъ,—бредилъ, что его бьютъ въ Григоровкѣ, а подъ утро умеръ. Покойный пользовался хорошимъ здоровьемъ; никогда ни на что не жаловался и не пьянствовалъ; во время болѣзни его, врачъ не былъ приглашаемъ, по недостатку средствъ у Севериныхъ. — О смерти мужа Севериновой кто-то далъ знать полиціи и явился врачъ Щелкуновъ съ полицейскимъ чиновникомъ; произвели вскрытіе, причемъ, по словамъ свидѣтелей, вскрыли только одну грудь умершаго и затѣмъ врачъ объявилъ, что Северинъ умеръ «отъ водки», на что ему возражали Анна Северинова и свидѣтели, знавшіе покойнаго. Изъ доставленной къ дѣлу переписки оказалось, что 18-го сентября 1867 г. въ харьковское уѣздное полицейское управленіе дѣйствительно была занесена жалоба Гаврилы Северина о побояхъ, нанесенныхъ ему Дорошенко; по этой жалобѣ назначено было дознаніе, произведенное помощникомъ исправника, изъ котораго видно, что по объясненіямъ Дорошенко, Буймистрова, Стефановича и Ковалевскаго, Северинъ говорилъ Дорошенко дерзости и лѣзъ въ залу, за что и былъ имъ оттолкнутъ въ лакейскую. Изъ данныхъ при слѣдствіи показаній лицъ, знавшихъ Северина и бывшихъ при вскрытіи его трупа, оказалось, что Гаврило Северинъ былъ человѣкъ смирный и хорошій, служившій прежде долго у разныхъ хозяевъ извощикомъ, а потомъ заведшій свое собственное хозяйство; онъ пользовался полнѣйшимъ здоровьемъ, никогда не бывалъ боленъ, пилъ очень мало и пьянымъ его никогда не видали. Вернувшись изъ Григоровки, куда онъ уѣхалъ веселый и здоровый, часа въ 4 ночи, онъ разсказалъ своему домовому хозяину — Стешенко, который видѣлъ у него поцарапанные носъ и виски и окровавленное лицо, что его побилъ Дорошенко, сказывая при этомъ: «пошелъ вонъ, дуракъ! я и не такихъ училъ какъ ты!» Отъ предложеннаго Стешенко угощенія онъ отказался, говоря: «теперь я уже выпилъ и закусилъ,— намекая этимъ на перенесенные побои,— не хочу! я никогда въ жизни такъ битъ не былъ—видно мнѣ ужъ не вставать». На другой день онъ жаловался на боль лица, имѣлъ нездоровый видъ, помутившіеся глаза и едва ходилъ, говоря, что хочетъ нанять работника, потому что самъ сильно страдаетъ и едва ли «вычухается». — Затѣмъ онъ слегъ, проболѣлъ до Покрова, ничего не ѣлъ, пилъ только чай и воду и, наконецъ, скончался.—Вскорѣ послѣ его кончины, явились полицейскій чиновникъ и врачъ Щелкуновъ и, пригласивъ понятыхъ, несмотря на нежеланіе Анны Севериновой, принялись за вскрытіе трупа покойнаго. При вынутіи его изъ гроба и обнаженіи, понятые замѣтили на обѣихъ рукахъ его синяки. Врачъ Щелкуновъ, разрѣзавъ грудь и вынувъ внутренности, сказалъ, обращаясь къ понятымъ: «покойникъ умеръ отъ водки,—водочку любилъ!», а когда нѣкоторые изъ нихъ заявили, что онъ былъ человѣкъ трезвый, то врачъ закричалъ на нихъ, что они ничего не понимаютъ. Послѣ этого понятые пріумолкли, но всѣ съ точностію замѣтили, что голова Гаврилы Северина вскрыта не была, такъ что нѣкоторые стали на это роптать, говоря: «ужъ рѣзать — такъ всего рѣзать». Относительно разъѣздовъ Дорошенко съ Гаврилою Северинымъ и послѣдовавшаго затѣмъ— при слѣдствіи спрошенъ купецъ Веприцкій, у котораго на именинахъ былъ Дорошенко 17-го сентября 1867 года и лица, бывшія, какъ оказалось по до-

знанію и взаимнымъ показаніямъ ихъ, въ квартирѣ Дорошенко во время происшествія. Изъ нихъ купецъ Веприцкій показалъ, что Дорошенко, будучи на именинахъ жены его 17-го сентября 1867 г., часу въ двѣнадцатомъ просилъ послать за извощикомъ, съ которымъ, по приводѣ его, было уговорено заплатить за провозъ до Григоровки 1 руб. и за простой за каждый часъ по 20 к. Послѣ ужина, извощикъ отвезъ одного ихъ общаго знакомаго домой, а часу въ третьемъ съ нимъ выѣхалъ и Дорошенко, будучи «какъ обыкновенно послѣ именинаго ужина, на-веселѣ». Іонический негоціантъ Михаилъ Склаво показалъ, что онъ присутствовалъ при пріѣздѣ Дорошенко съ извощикомъ въ Григоровку и при разсчетѣ ихъ между собою и объяснилъ, что Дорошенко, пріѣхавъ часа въ два ночи, подошелъ къ столу въ залѣ, за которымъ сидѣлъ онъ, Склаво, вмѣстѣ съ другими лицами и, велѣвъ предъ этимъ вносить привезенныя имъ закупки, вынулъ рубль и два серебряныхъ двугривенныхъ и вышелъ въ переднюю, для расплаты съ привезшимъ его извощикомъ. Сидя въ залѣ, Склаво не видѣлъ, что происходило въ передней, но слышалъ, что извощикъ претендовалъ и требовалъ еще 20 к. Въ требованіяхъ его не было ничего дерзкаго, но на нихъ послышался голосъ Дорошенко: «какъ ты смѣешь разсуждать!?», а затѣмъ звуки побоевъ, наносимыхъ рукою и голосъ извощика: «за что вы бьете?!» Удары продолжались съ минуту и Склаво, возвыся голосъ, сказалъ: «не смѣете бить человѣка, который этого не заслуживаетъ!», а потомъ пошелъ прекратить это дѣло, но былъ встрѣченъ Дорошенко, возвращавшимся въ залу и сказавшимъ: «не смѣете вмѣшиваться въ мое дѣло! я хозяинъ въ домѣ!» Извощикъ въ это время находился въ передней, согнувшись на полу, — что онъ дѣлалъ, Склаво не разсмотрѣлъ и, сочтя себя оскорбленнымъ, вышелъ вскорѣ на дворъ и сказалъ извощику, находящемуся у фаэтона: «обожди! я съ тобою ѣду». Затѣмъ Склаво вернулся въ комнату за пальто, но въ темной передней щелкнулъ замокъ, кто-то пробѣжалъ, и Дорошенко, сказавъ: «теперь можете ѣхать!» приказалъ выпроводить извощика изъ Григоровки. Слова Склаво подтверждены Анною Севериновой, которая заявила, что такъ же передавалъ ей о случившемся и покойный мужъ ея, говоря: «тамъ былъ человѣкъ изъ Харькова, — если онъ души не поломаетъ, то скажетъ все, что со мною было»... Отставной поручикъ Ковалевскій подъ присягою показалъ, что съ августа 1867 г. онъ находился на службѣ въ имѣніи барона Пиллера, Григоровкѣ, въ качествѣ старшаго смотрителя лѣсовъ. — Въ половинѣ сентября, управляющій Григоровкою — Дорошенко вернулся изъ Харькова съ биржевымъ извощикомъ поздно и нѣсколько выпивши. Послѣ того, какъ Ковалевскій, по желанію Дорошенко, внесъ привезенное имъ вино въ комнату, произошелъ разговоръ между Дорошенко и извощикомъ относительно слѣдуемыхъ послѣднему денегъ. Дорошенко давалъ 1 р. 40 к., а извощикъ просилъ за простой трехъ часовъ у Астраханской гостинницы. На просьбы извощика, Дорошенко сказалъ: «пошелъ вонъ» и ударилъ его правою рукою, на которой былъ стальной перстень съ именною печатью, въ лицо такъ сильно, что онъ упалъ съ порога дверей, ведущихъ изъ передней въ залу, на буфетный шкапъ, стоявшій въ передней. Извощикъ упалъ, какъ показалось свидѣтелю, на шкапъ бокомъ. На слова Склаво, что извощика бить не-зачто, Дорошенко отвѣчалъ, что «бьетъ всѣхъ извощиковъ безъ различія» и приказалъ засвѣтить въ передней свѣчу, при свѣтѣ которой была подобрана разсыпанная извощикомъ мелочь и затѣмъ онъ былъ Ковалевскимъ, по приказанію Дорошенко, выпровоженъ со двора. Въ передней на полу и на свиткѣ извощика, а также на лицѣ его, Ковалевскій замѣтилъ кровь. Кучеръ Григоровской экономіи, мѣщанинъ Буймистровъ, показалъ, что Дорошенко, вернувщись въ третьемъ часу ночи изъ Харькова въ Григоровку, вышелъ къ извощику, стоявшему на порогѣ дверей изъ передней въ залу и отдалъ ему 1 р. 40 к. мелочью. «Что вы даете? этого мало!» вскричалъ из-

вощикъ, а Дорошенко, разсердившись, сказалъ: «сколько же тебѣ надо?!» схватилъ его за плечи и «выпихнулъ» въ переднюю, причемъ извощикъ пошатнулся и разсыпалъ деньги. Удара, нанесеннаго ему въ лицо, свидѣтель не видалъ и полагаетъ, что это могло произойти отъ того, что извощикъ стоялъ къ нему спиною, въ шести шагахъ впереди. Показаніе Склаво о томъ, что Дорошенко его не выпускалъ, заперевъ дверь на ключъ, свидѣтель подтвердилъ. Относительно дѣйствій Дорошенко послѣ происшествія съ извощикомъ, Ковалевскій, заявляя, что пониманіе святости и значенія принятой присяги не допускаетъ его скрывать истину, объяснилъ, что при сдачѣ Дорошенко, въ январѣ или февралѣ мѣсяцѣ 1868 года, своей должности управляющему Гринвальду, онъ отрекомендовалъ его, Ковалевскаго, лучшимъ образомъ и, позвавъ затѣмъ въ кабинетъ, подарилъ сѣрыя драповыя брюки и просилъ оправдать его, въ случаѣ отобранія отъ Ковалевскаго какого либо показанія по дѣлу о побитіи извощика, что̀ ему у было обѣщано. Затѣмъ, уже во время производства слѣдствія, передъ Пасхою, Дорошенко пріѣзжалъ къ Екатеринѣ Шевченковой, у которой жилъ Ковалевскій, и при ней просилъ его показать такъ, какъ онъ, Дорошенко, пожелаетъ. — Обвиняемый, отставной губернскій секретарь Владиміръ Дорошенко показалъ, что часу въ 11-мъ вечера, 17-го сентября 1867 г., будучи у купца Веприцкаго, онъ просилъ договорить ему извощика довести его до Григоровки. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа онъ былъ вызванъ въ переднюю, гдѣ хозяинъ, показывая на приведеннаго извощика, сказалъ, что договорилъ его до Григоровки за 1 руб. и за простой за каждый часъ по 20 к. сер. Послѣ ужина, извощикъ, по просьбѣ хозяина и съ дозволенія его, Дорошенко, развезъ нѣкоторыхъ гостей по домамъ, а въ исходѣ третьяго часа Дорошенко пріѣхалъ съ нимъ въ Григоровку. Здѣсь, подойдя къ порогу неосвѣщенной передней, онъ отдалъ извощику 1 руб. 40 коп., но тотъ остался недоволенъ и, грубо требуя прибавки, «сунулся» въ гостиную и втолкнулъ его туда довольно сильно. Послѣ этого, подозрѣвая, что извощикъ хочетъ сдѣлать ему какую либо непріятность, онъ отпихнулъ его въ переднюю, причемъ тотъ разсыпалъ деньги. Затѣмъ Дорошенко вошелъ въ кабинетъ и что потомъ происходило въ гостиной, не знаетъ. — При предъявленіи ему показаній Ковалевскаго, онъ назвалъ ихъ ложью и объяснилъ, что Ковалевскій враждуетъ на него за отзывъ о немъ Гринвальду, какъ о человѣкѣ пьяномъ. Показаніе Дорошенко подтвердилъ, съ нѣкоторыми добавленіями, конторщикъ Григоровской экономіи Стефановичъ, показавшій, что когда пріѣхалъ Дорошенко, то извощикъ, не оставаясь въ передней, прямо вошелъ въ залъ и, получивъ деньги, сталъ требовать еще 40 к., причемъ въ требованіяхъ его выражались дерзости, хотя подлинныхъ его словъ свидѣтель не помнитъ.—Затѣмъ Стефановичъ, измѣняя нѣсколько свое показаніе, объяснилъ, что, требуя деньги, извощикъ вошелъ сначала въ неосвѣщенную переднюю, а потомъ въ залъ. Дорошенко, показывая ему часы, не отдавалъ денегъ. Въ это время Дорошенко стоялъ у дверей залы, а извощикъ въ передней и ломился въ дверь зала, которая была притворена. Дорошенко не успѣлъ отойти отъ двери, какъ ее внезапно отворилъ извощикъ и толкнулъ его, причемъ онъ, извощикъ, махалъ руками и требовалъ деньги, и, махая руками, задѣлъ Дорошенко, который его оттолкнулъ, но куда и какъ, свидѣтель не видѣлъ. Извощикъ попятился и разронялъ деньги. Склаво выражалъ намѣреніе ѣхать въ Харьковъ, но остался у Дорошенко по своему желанію. Дорошенко носилъ кольца только на лѣвой рукѣ. Подтверждая показаніе Стефановича о ношеніи кольца на лѣвой рукѣ, Дорошенко сослался на жену свою и свидѣтеля Георгія Стефановича, живущаго съ нимъ вмѣстѣ — и лица эти ссылку на нихъ подтвердили. Противъ показаній Дорошенко и Стефановича — вдова Северина, Анна Северинова объяснила, что мужъ ея не могъ договариваться по 20 к. за простой въ часъ, когда по таксѣ полагается за каждый часъ ѣзды или простоя въ

фаэтонѣ 40 к. с. При этомъ она объясняла, что деньги, которыя держалъ ея мужъ въ рукахъ, по возвращеніи домой, были въ крови, что̀ подтвердилъ и свидѣтель Стешенко; когда мужъ ея умеръ, то она ходила къ исправнику, который послалъ ее въ Григоровку съ письмомъ къ Дорошенко за вознагражденіемъ, но она не пошла, а хотѣла подать жалобу губернатору, но была удержана отъ этого исправникомъ, по совѣту котораго ходила вновь въ уѣздный судъ, гдѣ ей сказали, чтобы она сходила къ Дорошенко и что «если его милость будетъ, то онъ можетъ заплатить». Наконецъ, ей посовѣтовали сходить къ какому то господину (товарищу прокурора), который и записалъ ея заявленіе.- Свидѣтель Буймистровъ заявилъ положительно, что Северинъ никакихъ грубостей Дорошенко не говорилъ и въ комнату, гдѣ онъ былъ, не входилъ. Относительно освидѣтельствованія Северина и вскрытія его трупа обнаружено, что 18 сентября 1867 г. Северинъ былъ свидѣтельствованъ харьковскимъ уѣзднымъ врачомъ Мѣсняевымъ, который нашелъ, что ему отъ роду *30 лѣтъ,* тѣлосложенія онъ *крѣпкаго,* на переносьѣ и надъ лѣвою бровью сшибена кожица и покрыта на носу струпомъ; на лѣвой ноздрѣ боевое пятно съ припухлостію, подтекомъ крови и ушибомъ носовыхъ хрящей; глазныя оболочки красны отъ налитія сосудовъ ихъ кровью, но самое зрѣніе не повреждено. При освидѣтельствованіи Северинъ жаловался на сильную боль головы и носа и шумъ въ ушахъ. — Уѣздный врачъ, находя, что поврежденія эти не составляютъ увѣчья и могутъ быть излечимы при употребленіи приличныхъ средствъ, отнесъ ихъ къ поврежденіямъ легкимъ.

1-го октября полицейскимъ управленіемъ, вслѣдствіе заявленія Севериновой о смерти мужа, какъ видно изъ дѣла «*о скоропостижно* умершемъ мѣщанинѣ Северинѣ», было сдѣлано распоряженіе о вскрытіи его трупа, которое было произведено 2-го октября харьковскимъ городовымъ полицейскимъ врачомъ Щелкуновымъ. По вскрытіи и освидѣтельствованіи оказалось, что покойному около *60 лѣтъ,*—тѣлосложенія онъ *слабаго,* волосы на головѣ *русые съ сѣдиною,* — на рукахъ слѣды горчичниковъ, наружныхъ поврежденій нѣтъ. *Различныя части мозга, мозговыя оболочки и сосуды были наполнены кровью, а существо мозга при разрѣзѣ представляло много кровяныхъ точекъ.* Одно легкое содержало бугорки и каверну, сердце съ истощенными стѣнками, въ желудкѣ была пищевая смѣсь, издававшая водочный запахъ, желудокъ и кишки представляли явленія катарра. Сообразивъ найденныя на трупѣ Северина явленія, городовой врачъ заключилъ, что смерть Северина послѣдовала отъ *порока сердца* и удостовѣрилъ, что весь осмотръ имъ сдѣланъ по правиламъ медицины, по долгу службы и присяги.—При производствѣ слѣдствія, по заявленію Севериновой, былъ вскрытъ гробъ ея мужа и, по удостовѣреніи тождественности Гаврилы Северина съ находившимся въ гробу трупомъ, было приступлено ко вторичному его вскрытію и освидѣтельствованію. При этомъ найдено, что покойный имѣлъ *около 27 лѣтъ,* свѣтлорусые и курчавые *безъ просѣди волосы* и былъ *умѣреннаго* тѣлосложенія. Вскрытыми при первоначальномъ вскрытіи оказались только грудь и животъ, *но голова вскрыта не была.* Носовая кость Северина *надломлена и расколота,* но рѣшетчатая пластинка ея цѣла. Мозгъ и его оболочки *никакихъ кровоизліяній не представляютъ,* слѣдовъ отложенія фибрина также нѣтъ. Въ остаткахъ праваго легкаго найдены отложившіеся чахоточные бугорки; сердце оказалось въ видѣ разрѣзанныхъ кусковъ.

Сообразивъ результаты вторичнаго вскрытія, судебный врачъ нашелъ, что вслѣдствіе сильнаго разложенія внутренностей Гаврилы Северина, точное опредѣленіе причинъ его смерти невозможно, — возможно лишь сказать, что Северинъ при жизни страдалъ бугорчаткою легкихъ и имѣлъ надломъ носовой кости. Относительно надлома судебный врачъ заключилъ, что онъ вѣроятно былъ произведенъ живымъ и активнымъ орудіемъ, напримѣръ, кулакомъ, а не мертвою, пассивною массою, напр., при паденіи. Поврежденіе

это, въ виду отсутствія признаковъ вызваннаго имъ сотрясенія мозга, должно быть отнесено къ легкимъ. Что касается до болѣзненныхъ припадковъ, бывшихъ у Северина, то они указываютъ на горячечное состояніе, которое могло произойти или отъ развившагося хроническаго страданія легкихъ, или же отъ душевнаго потрясенія, соединеннаго съ ослабляющими и истощающими вліяніями: сильнымъ огорченіемъ, безсонницею и кровотеченіемъ, которымъ подвергся Северинъ.—Поэтому, по мнѣнію судебнаго врача, существуетъ возможность предполагать причинную связь между поврежденіемъ, найденнымъ у Северина, и развитіемъ болѣзни, отъ которой онъ умеръ.

Въ виду свидѣтельскихъ показаній о кровяныхъ слѣдахъ на лицѣ, платьѣ, шапкѣ и деньгахъ Северина, показаній объ испытанномъ имъ огорченіи, заставившемъ его, несмотря на болѣзнь и неимѣніе средствъ, хлопотать о защитѣ своихъ правъ судебнымъ порядкомъ— означенное предположеніе представлялось вполнѣ вѣроятнымъ.

Поэтому отставной губернскій секретарь Владиміръ Дорошенко, 36 лѣтъ отъ роду, былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что 17 сентября 1867 г. нанесъ, не по неосторожности, а съ намѣреніемъ, однако безъ умысла на убійство, побои харьковскому мѣщанину Гаврилѣ Северину, вызвавшіе смерть послѣдняго, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1464 ст. Ул. о наказ.

Судебное засѣданіе по этому дѣлу происходило въ Харьковскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 26 и 27 ноября 1868 г. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда *Э. Я. Фукса;* защищалъ *А. Л. Боровиковскій.*

На судебномъ слѣдствіи подсудимый себя виновнымъ не призналъ. При допросѣ городового врача Щелкунова — онъ призналъ первый актъ осмотра и вскрытія тѣла покойнаго Северина несогласнымъ съ истиною, но объяснялъ это тѣмъ, что, составляя протоколъ вскрытія на память, дома,—перепуталъ листки, гдѣ записывалъ результаты различныхъ вскрытій.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Дорошенко признанъ *виновнымъ* по предъявленному къ нему обвиненію.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Мнѣ предстоитъ произнести предъ вами обвинительную рѣчь, которая должна составлять развитіе основаній и соображеній, изложенныхъ въ обвинительномъ актѣ. Этотъ актъ, прослушанный вчера, былъ составленъ мною во многихъ отношеніяхъ предположительно потому, что обстановка настоящаго дѣла, порядокъ его возникновенія, его ходъ и нѣкоторыя особенныя свойства вызвали то, что многія обстоятельства, прямо относящіяся къ обвиненію, обусловливающія его, не могли быть выяснены съ надлежащею полнотою на предварительномъ слѣдствіи. Приходилось, на основаніи отрывочныхъ свѣдѣній, дѣлать предположенія и догадки. Нынѣ, на судѣ, они подтвердились, и потому въ рѣчи своей я могу идти по слѣдамъ обвинительнаго акта. Но приступая къ обвиненію, нельзя не обратить вниманія на особенныя свойства этого дѣла, тѣмъ болѣе, что

они вліяютъ на характеръ пріемовъ, необходимыхъ для изслѣдованія истины въ данномъ случаѣ.

Предметъ дѣла—нанесеніе побоевъ, отъ которыхъ, рядомъ послѣдовательныхъ явленій, произошла смерть. Иными словами, предметъ дѣла — дѣйствія, являющіяся послѣдствіемъ желанія проявить свою личную грубую силу, послѣдствіемъ нарушенія своихъ обязанностей по отношенію къ чужой личной безопасности. Грубость нравовъ и малое пониманіе важности и строгости закона, охраняющаго личную безопасность всѣхъ и каждаго — вотъ условія, при которыхъ наносятся обыкновенно такого рода побои въ той средѣ, гдѣ они наиболѣе часто встрѣчаются, — въ средѣ простого народа. Но въ настоящемъ случаѣ обвиняемымъ является лицо болѣе развитое, стоящее выше подсудимыхъ, обыкновенно встрѣчаемыхъ въ судѣ. Въ дѣйствіяхъ его не можетъ уже сказаться непониманіе закона, а скорѣй должно являться полное неуваженіе къ этому закону. Подсудимый человѣкъ образованный, знакомый съ судебною практикою, сознающій, конечно, важность падающаго на него обвиненія и потому онъ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе искусенъ въ выборѣ и распредѣленіи средствъ защиты, чѣмъ обыкновенные подсудимые. Поэтому каждый доводъ его въ свою защиту, является ли онъ въ видѣ показаній свидѣтеля или объясненій самого подсудимаго, долженъ быть строго провѣренъ и внимательно взвѣшенъ. Такова *первая* особенность настоящаго дѣла.

Вторая особенность дѣла—шаткое направленіе, полученное имъ при первоначальномъ возникновеніи,—направленіе, которое характеризуетъ отжившій нынѣ судебно-полицейскій порядокъ. Мы не имѣемъ права входить въ подробный разборъ и оцѣнку этого направленія дѣла, такъ какъ это не относится къ обвиненію подсудимаго, но не можемъ не замѣтить, что, по отношенію къ настоящему разбирательству, первоначальный ходъ дѣла представляется причиною того, что многое, необходимое для разъясненія истины, осталось не разъясненнымъ и заставляющимъ прибѣгать къ предположеніямъ и догадкамъ. Отсюда трудность обсужденія, въ основаніе котораго кладутся — вскрытіе трупа, произведенное послѣ четырехмѣсячнаго гніенія, и показанія свидѣтелей, данныя впервые почти чрезъ годъ послѣ происшествія. Мы знаемъ, что это дѣло началось заявленіемъ Северина о нанесенныхъ ему въ Григоровкѣ тяжкихъ побояхъ. Вмѣсто немедленнаго подробнаго освидѣтельствованія побоевъ былъ сдѣланъ имъ поверхностный осмотръ и произведено «легкое» дознаніе, вмѣсто передачи дѣла судебному слѣдователю. Дознаніе это было прочитано здѣсь. Оно прописано въ актѣ осмотра врача. По нему оказалось, что Северинъ грубилъ Дорошенко и былъ имъ оттолкнутъ, но побоевъ ему никто не наносилъ, какъ удостовѣрили свидѣтели Ковалевскій, Стефановичъ и Шевченкова, все лица близкія къ подсудимому въ качествѣ служащихъ у него или получающихъ отъ

него работу. При этомъ, къ сожалѣнію, не былъ спрошенъ одинъ свидѣтель—Склаво, показанія котораго могли имѣть большое значеніе, Склаво — единственный человѣкъ изъ бывшихъ свидѣтелями происшествія — независимый отъ Дорошенко. По окончаніи дознанія, заключающаго въ себѣ такой существенный пробѣлъ, дѣло остановилось, — а между тѣмъ, чрезъ 12 дней послѣ нанесенія побоевъ, Северинъ умираетъ. По полученіи извѣстія о его смерти, найдено нужнымъ вскрыть его трупъ, но кто первый призналъ это нужнымъ, до сихъ поръ осталось не разъясненнымъ. Между тѣмъ, это разъясненіе представляется и нынѣ необходимымъ въ виду провѣрки правильности показанія Севериновой и возможности отдѣлить въ ея разсказѣ истину отъ вымысла, буде таковой существуетъ. Здѣсь свидѣтелями—исправникомъ Танковымъ и врачомъ Щелкуновымъ — было упомянуто объ отношеніи перваго къ послѣднему о вскрытіи трупа Северина, но изъ этого отношенія нельзя вывести заключенія, кто же считалъ нужнымъ производство вскрытія — сама ли Северинова или же распоряженіе шло помимо ея воли? Въ отношеніи этомъ прописано лишь, «*что врачъ увѣдомляется, что явилась Северинова и заявила, что ея мужъ умеръ и что его слѣдуетъ вскрыть*».—Отъ кого исходитъ это послѣднее «что»,—отъ писавшаго или отъ Севериновой,—не удалось разъяснить и на судебномъ слѣдствіи. Свидѣтель Танковъ показалъ, что о вскрытіи просила сама Северинова, потомъ объяснилъ, что, считая это дѣло важнымъ, самъ распорядился о вскрытіи, а потомъ снова объяснилъ, что вскрытіе Северина было произведено «согласно съ заявленіемъ» Севериновой. Но эти объясненія не могутъ однако служить къ разъясненію дѣла. Если Северинова просила о вскрытіи трупа, то ей очевидно нѣтъ надобности настаивать здѣсь на томъ, что она, напротивъ, просила всячески не вскрывать мужа. Просьба жены о вскрытіи мужа вовсе не въ нравахъ русскаго народа: извѣстно, какъ боится простой народъ всякого «потрошенія».—Притомъ же, показаніе Севериновой подтверждено свидѣтелями Бардаковымъ и приставомъ Гондаровскимъ, по словамъ которыхъ она умоляла не вскрывать мужа, отказываясь даже отъ всякаго иска къ Дорошенко. Но если она не просила о вскрытіи, то оно очевидно сдѣлано по распоряженію исправника Танкова, который самъ заявилъ, что считалъ это дѣло серьезнымъ и важнымъ. Такимъ образомъ является полное основаніе думать, что вскрытіе было произведено подъ вліяніемъ мысли, что если Северинъ и не умеръ прямо отъ побоевъ, то, во всякомъ случаѣ, они могли имѣть связь съ его смертью. Слѣдовательно, смерть Северина не признавалась естественною, вслѣдствіе приключившейся, при обыкновенномъ ходѣ вещей, болѣзни. Въ послѣднемъ случаѣ не должно бы быть вскрытія. Признавать смерть Северина за скоропостижную—тоже не было основаній, ибо онъ былъ

боленъ 12 дней, и вскрывать его, какъ скоропостижно-умершаго, не надлежало. По окончаніи вскрытія, дѣло вновь принимаетъ видъ маловажнаго и прекращается подъ болѣе чѣмъ страннымъ заглавіемъ: «*дѣла о скоропостижно умершемъ*». Такимъ образомъ, здѣсь очевидно произошло какое-то ускользающее отъ объясненія недоразумѣніе, отразившееся какъ на ходѣ дѣла, такъ и на невозможности представить нынѣ вамъ, гг. присяжные засѣдатели, многихъ данныхъ къ обвиненію подсудимаго, данныхъ, не собранныхъ своевременно. Наглядною причиною такого положенія дѣла былъ, повидимому, актъ вскрытія трупа Северина, который въ свою очередь составляетъ также и одну изъ главныхъ причинъ, почему обвиненію въ настоящемъ дѣлѣ предстоитъ особая трудность въ доказываніи причинной связи между смертью Северина и нанесенными ему побоями.

Переходя къ этому акту, нельзя не остановиться по пути на дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, окончившагося преданіемъ подсудимаго суду. Здѣсь, на судѣ, Северинова подробно разсказывала свои похожденія послѣ смерти мужа, указывала на надежды, возлагавшіяся ею на Дорошенко, который, по ея мнѣнію, долженъ былъ обезпечить участь ея дѣтей,— на опасенія, внушаемыя ей окружающими о «погибели дѣла», и на препятствія, встрѣтившіяся ей къ тому, чтобы добиться правды. Показаніямъ ея, женщины, лишившейся мужа и потому неспособной хладнокровно относиться къ дѣлу, трудно безусловно довѣрять и, быть можетъ, ей, удрученной и напуганной случившимся съ нею несчастіемъ, могли представляться препятствія въ такихъ размѣрахъ, которыхъ въ дѣйствительности не существовало, и обычно-равнодушное отношеніе различныхъ лицъ къ ея горю казаться дѣйствіями, направленными противъ нея, бѣдной и одинокой. Такъ, вчера на судѣ, она много и долго толковала о какой-то запискѣ исправника Танкова къ Дорошенко, въ которой предлагалось ему уплатить ей требуемую ею сумму и которая была впослѣдствіи у нея Танковымъ отнята. Содержаніе записки поэтому осталось неразъясненнымъ, но, во всякомъ случаѣ, будемъ думать, это не была записка о дачѣ Севериновой денегъ для примиренія съ нею, такъ какъ г. исправникъ, какъ лицо должностное, не могъ не знать, что дѣла, подобныя дѣлу о Северинѣ, примиреніемъ прекращаемы быть не могутъ. — По объясненіямъ самого Танкова, это была записка, охранявшая Северинову въ Григоровкѣ отъ заарестованія за неимѣніе при себѣ паспорта, хотя нельзя не признать, что таковая записка представляется вполнѣ излишнею, въ виду того, что вмѣсто записки г. исправникъ могъ снабдить Северинову совѣтомъ взять паспортъ — и въ виду, затѣмъ, законовъ о паспортахъ, по коимъ дозволяется лицамъ низшихъ сословій кратковременная отлучка на 30 верстъ разстоянія отъ города—безъ паспорта, а Гри-

горовка отстоитъ отъ Харькова всего на пять верстъ.—По совѣту разныхъ лицъ, Северинова обратилась къ товарищу прокурора Морошкину, и дѣло о побояхъ, нанесенныхъ Северину, было возбуждено прокурорскимъ надзоромъ. Здѣсь пришлось прежде всего встрѣтиться съ актомъ осмотра трупа, составленнымъ врачомъ Щелкуновымъ, такъ какъ имъ, этимъ актомъ, могло быть объяснено многое въ смерти Северина, трупъ котораго уже предался разложенію. Но, къ сожалѣнію, актъ этотъ не только не помогъ разъясненію дѣла, но даже оказался составленнымъ вопреки всѣмъ правиламъ судебной медицины и съ нарушеніемъ прямыхъ предписаній закона и элементарныхъ обязанностей врача. — Судебный врачъ долженъ идти объ руку съ судебною властью, долженъ помогать задачѣ правосудія и способствовать раскрытію истины въ дѣлѣ. Онъ является полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ вскрытія, производитъ его по всѣмъ правиламъ, предписаннымъ закономъ и установленнымъ наукою и удостовѣряетъ, наконецъ, что все имъ сдѣлано по долгу службы и присяги и по указаніямъ науки. Протоколъ такихъ дѣйствій врача есть могучее и надежное орудіе къ уясненію истины въ дѣлѣ. Но въ настоящемъ дѣлѣ правосудіе не встрѣтило себѣ помощника въ судебномъ врачѣ. Онъ выполнилъ вполнѣ только послѣднюю часть своихъ обязанностей: удостовѣрилъ, что осмотръ произведенъ имъ правильно, и удостовѣрилъ вполнѣ неправильно! — Вы слышали, гг. присяжные, показаніе самого врача Щелкунова, который вынужденъ былъ признать, что вскрытіе произведено имъ съ ошибками, съ упущеніями. Съ этимъ сознаніемъ нельзя не согласиться вполнѣ. Голова Северина *вовсе не была вскрыта,* а между тѣмъ, въ ней, какъ записано въ актѣ,—найдены многосложныя и характеристическія явленія,—кровоизліянія, кровяныя точки въ мозгу и т. п. Мочевой пузырь тоже вскрытъ не былъ. Осталась вскрытою одна лишь грудная полость и часть брюшной. Правильно ли онѣ были вскрыты? Правильно, — удостовѣряетъ врачъ Щелкуновъ. Однако, посмотримъ — такъ ли это? Желудокъ былъ осмотрѣнъ фельдшеромъ, — онъ нюхалъ его содержимое и нашелъ, что оно пахнетъ водкой, издавая спиртуозный запахъ напитка, котораго, однако, Северинъ не употреблялъ во все время болѣзни, длившейся 12 дней. Слѣдовательно, осмотръ желудка произведенъ не тѣмъ лицомъ, которое, на основаніи 1744 св. уст. суд. медиц., есть первое лицо при вскрытіи. Поэтому этотъ осмотръ произведенъ такъ, что ему довѣрять нельзя. Въ грудной полости остаются сердце и легкія. Вскрытіе сердца необходимо производить съ соблюденіемъ особыхъ пріемовъ, которые начинаются съ продольнаго, сверху внизъ, разрѣзанія сердечной сумки, причемъ отдѣленіе сердца производится, согласно 1804 ст. уст. суд. медиц., съ надлежащимъ двойнымъ перевязываніемъ большихъ кровяныхъ сосудовъ. Изъ прото-

кола вторичнаго вскрытія видно, что сердце было изрѣзано въ мелкіе куски, а на вопросъ мой, было ли соблюдено требованіе 1804 ст. уст. суд. медиц., врачъ Щелкуновъ, со смѣлостью, которую, конечно, придавало ему сознаніе въ себѣ спеціалиста-медика предъ лицомъ прокурора — не спеціалиста, отвѣчалъ, что перевязываніе сосудовъ не производится *на трупѣ*. Но ст. 1804 помѣщена въ главѣ «о судебномъ осмотрѣ мертвыхъ тѣлъ», да и кромѣ того, я позволю себѣ думать, что перевязываніе большихъ кровяныхъ сосудовъ сердца, еслибы оно и было возможно при жизни, можетъ только всякій живой организмъ обратить въ трупъ. Итакъ, вскрытіе сердца произведено тоже неправильно. Остаются легкія... но можно ли довѣрять ихъ вскрытію и результатамъ его при томъ, что̀ мы знаемъ уже о вскрытіи другихъ частей трупа Северина? Можно ли полагаться на это вскрытіе, когда вопреки ст. 1745 уст. суд. медиц., и законные свидѣтели вскрытія, которые должны удостовѣрить правильность его и предупреждать безпорядки и упущенія, могущіе навлечь сомнѣніе въ правильности его, одни — не обратили даже вниманія на то, вскрыта ли была голова, этотъ существеннѣйшій предметъ, подлежащій вскрытію, полагаясь во всемъ на врача и подписывая машинально протоколъ,—другіе же, какъ видно изъ показаній Бардакова и Стешенко, въ отвѣтъ на изъявленіе ими сомнѣній о смерти Северина «отъ водки», получили приказаніе «молчать!» а одинъ изъ понятыхъ, шубникъ Ивановъ, находившій, что «ужъ коли рѣзать, такъ всего рѣзать», чуть не попалъ за это подъ арестъ. Можно ли, спрашивается наконецъ, вѣрить осмотру, протоколъ котораго составлялся на дому, на память, ибо врачъ, будто бы, утерялъ замѣтки и ссылается на то, что только что оправился предъ этимъ отъ *бѣлой горячки*, а потому и надѣлалъ ошибокъ? Свойство и характеръ этихъ ошибокъ г. Щелкунова будутъ вскорѣ изслѣдованы въ стѣнахъ другого суда, — но теперь нельзя не заявить, что онѣ, эти ошибки, имѣли очень прискорбное вліяніе на затрудненіе раскрытія истины въ настоящемъ дѣлѣ. Врачъ Щелкуновъ имѣлъ дѣло со свѣжимъ трупомъ только что умершаго человѣка, съ организмомъ, который только что пересталъ жить и, такъ сказать, еще краснорѣчиво могъ свидѣтельствовать о тѣхъ болѣзненныхъ явленіяхъ и измѣненіяхъ, которыя претерпѣлъ при жизни. Мы видѣли, что̀ сдѣлалъ Щелкуновъ изъ того матеріала, который ему представлялся... Когда черезъ четыре мѣсяца трупъ Северина попалъ въ руки достойныхъ представителей науки, когда къ изслѣдованію его были примѣнены всѣ предписанія закона и правила искусства, тогда трупъ этотъ уже представлялъ полуистлѣвшую, разложившуюся, гніющую, покрытую плесенью и червями массу. Остались цѣлыми лишь кости. Выводъ о причинахъ смерти сдѣлался труденъ и основывался уже на немногихъ признакахъ. Такова вторая особенность насто-

ящаго дѣла, особенность, состоящая въ томъ, что первоначальная шаткость въ направленіи дѣла и неправильное вскрытіе лишили обвинительную власть возможности основываться на твердыхъ судебно-медицинскихъ данныхъ къ обвиненію подсудимаго, данныхъ, добытыхъ, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ и по только что охладѣвшему трупу.

Третья особенность настоящаго дѣла состоитъ въ томъ, что, въ виду шаткости первоначальныхъ данныхъ, имѣющихся въ дѣлѣ,—здѣсь на судѣ пришлось допросить большое количество свидѣтелей, отличающихся самыми разнообразными свойствами. Я не считаю умѣстнымъ входить въ оцѣнку нравственнаго достоинства тѣхъ или другихъ показаній по отношенію къ личностямъ, ихъ дававшимъ,—я ограничусь лишь перечисленіемъ свидѣтелей, дававшихъ здѣсь свои показанія. — Первою была спрошена Северинова, откровенно и просто, нѣсколько непослѣдовательно, но крайне подробно разсказавшая все, что знаетъ о дѣлѣ. Ея показаніе дышетъ иногда нѣкоторою аффектаціею, нѣкоторою излишнею картинностью, но это вполнѣ понятно. Показаніе это дается не хладнокровнымъ зрителемъ происходившаго, не постороннимъ наблюдателемъ, а женщиною, потерявшею мужа и оставшеюся съ тремя дѣтьми на рукахъ, въ виду грозящей нужды и въ совершенномъ сиротствѣ. Полнаго хладнокровія въ разсказѣ отъ нея и требовать нельзя. Но она въ то же время не старается искажать истину: стоитъ припомнить ея показаніе о ступенькахъ крыльца въ ихъ домѣ. Количество ихъ играло важную роль на судебномъ слѣдствіи въ виду вопроса объ одышкѣ у Северина, одышкѣ, составляющей одинъ изъ признаковъ чахотки—и Северинова, зная, что ея словъ нельзя уже теперь, сейчасъ провѣрить—все-таки утверждала, что крыльцо не высоко, хотя ей ничто не мѣшало надбавить ступеней 20 и тѣмъ повернуть вопросъ объ одышкѣ въ свою пользу, — вопросъ, значеніе котораго ей, какъ видно изъ ея показанія, вполнѣ понятно. — Показанія другихъ свидѣтелей — Стешенко и Бардакова — тоже заслуживаютъ довѣрія, — показаніе послѣдняго преисполнено искренности и простоты. Видимо сочувствуя несчастію Севериновой, — онъ однако не забываетъ сказать, что Северинъ пріѣзжалъ къ нему верхомъ, а это обстоятельство, надо сознаться, служитъ во вредъ обвиненію. Просто и безхитростно разсказывая, что знаетъ, Бардаковъ отвѣчаетъ на вопросы о предположеніяхъ его о причинахъ смерти Северина: «этого я не знаю! что видѣлъ — то и говорю, а чего не видѣлъ, о томъ и говорить не буду». Затѣмъ были спрошены свидѣтель Стефановичъ, живущій вмѣстѣ съ Дорошенко, жена Дорошенко и свидѣтельница Екатерина Шевченкова. О показаніяхъ первыхъ двухъ свидѣтелей особаго ничего нельзя сказать,—можно только припомнить ту энергію, съ которою они оба

утверждали, что подсудимый никогда не носилъ и не могъ носить кольца на правой рукѣ,—энергію, къ сожалѣнію, потраченную даромъ, такъ какъ здѣсь же, предъ всѣми нами, кольцо въ рукахъ профессора Грубе входило легко и свободно на палецъ правой руки подсудимаго. — Шевченкова свидѣтельница довольно оригинальная: ей всего 22 года, она молода, живетъ трудомъ, слѣдовательно трудовые дни ея едва ли такъ богаты впечатлѣніями, чтобы заставлять забывать явленія повседневной жизни, — а между тѣмъ, свидѣтельница отличается удивительною безпамятливостью, не помнитъ, когда она была у Дорошенко въ Григоровкѣ, въ которомъ часу ушла оттуда,—не слышала даже, былъ ли тамъ шумъ или ссора, потому что она, молодая дѣвушка, просидѣла цѣлый вечеръ и половину ночи одна, въ пустой комнатѣ, не выходя въ другую комнату къ другимъ свидѣтелямъ, ея знакомымъ. Впрочемъ, она, быть можетъ, и выходила, да и это позабыла, такъ какъ другіе свидѣтели уличали ее въ томъ, что она не только была съ ними въ другой комнатѣ, но даже играла въ карты и пила пиво. Чрезвычайно забывчивая свидѣтельница, она даже и до сихъ поръ, постоянно работая на семейство Дорошенко, не слышала *ничего* о происшествіи, подавшемъ поводъ къ настоящему разбирательству.—Былъ здѣсь спрошенъ и свидѣтель Стефановичъ, бывшій при Дорошенко конторщикомъ Григоровской экономіи. Онъ далъ четыре показанія или, лучше сказать, его показаніе состоитъ изъ четырехъ частей, одна другой противорѣчащихъ. Сначала, по его показанію, извощикъ «грозитъ», потомъ только «говоритъ дерзости», потомъ только «грубо говоритъ». Онъ входитъ сначала въ комнату и говоритъ дерзости, потомъ уходитъ и, стоя въ неосвѣщенной передней, требуетъ прибавки, причемъ Дорошенко показываетъ часы, а онъ ломится въ двери передней, *которыя затворены,* — наконецъ дверь отворяется и извощикъ толкаетъ Дорошенко ея ручкою, а Дорошенко его выталкиваетъ вонъ,—т. е., прибавляетъ потомъ свидѣтель, отворивъ дверь, извощикъ махаетъ руками и толкаетъ Дорошенко, который тогда уже выталкивалъ его вонъ и т. д., все въ этомъ родѣ. Однимъ словомъ, въ показаніи свидѣтеля самымъ очевиднымъ и неискуснымъ образомъ смѣшаны понятія объ угрозахъ и дерзостяхъ,—о грубомъ обращеніи и о требованіи слѣдующаго по уговору, о рукѣ и ручкѣ двери, причемъ извощикъ то ударяетъ подсудимаго рукою, то дверью, «ломится» въ притворенную дверь, которую никто не держитъ, и не довѣряетъ часамъ, которые Дорошенко показываетъ ему сквозь запертыя двери... Защитникъ, во время судебнаго слѣдствія, на указаніе этихъ противурѣчій замѣтилъ, какъ бы съ упрекомъ, что вѣдь свидѣтель вызванъ самою обвинительною властью. Что же изъ этого? Не думаетъ ли защитникъ укорять обвинительную власть за то, что она, въ ин-

тересахъ истины вызываетъ на судъ и свидѣтелей, выставленныхъ подсудимымъ въ свою защиту? Представители обвинительной власти, по существу своихъ обязанностей, не заинтересованы лично въ томъ или другомъ исходѣ дѣла и поэтому безъ боязни исхода могутъ содѣйствовать обвиняемому въ собираніи средствъ къ своему оправданію, буде только таковое возможно. Затѣмъ, здѣсь было прочитано показаніе Склаво и показаніе «лѣсного пана» поручика Ковалевскаго. Подсудимымъ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, что при слѣдствіи права его были нарушены тѣмъ, что ему не дано было очной ставки съ Ковалевскимъ. Но подсудимый, заявившій, что занимается хожденіемъ по дѣламъ, долженъ знать судебные уставы и слѣд. знать 292 ст. устава уголов. судопроизводства, по которой если окажется нужнымъ допросить свидѣтеля, живущаго внѣ участка, гдѣ слѣдствіе возникло, то снятіе допроса возлагается на мѣстнаго судебнаго слѣдователя, причемъ показанія отбираются по допроснымъ пунктамъ. Онъ долженъ также знать, что присутствіе обвиняемаго при допросѣ не всегда требуется уставомъ и что необходимо только предъявленіе всѣхъ показаній обвиняемому при заключеніи слѣдствія. Показаніе Ковалевскаго было предъявлено подсудимому и онъ выставилъ противъ него трехъ свидѣтелей о кольцѣ, которые и были здѣсь допрошены: слѣдовательно права его ни въ чемъ нарушены не были. Показаніе это дано подъ присягою, святость и значеніе которой свидѣтель ясно сознавалъ, ибо сознался даже въ томъ ложномъ объясненіи, которое далъ при дознаніи, сознался, ничѣмъ къ тому не вынуждаемый и движимый только голосомъ совѣсти. Показаніе Ковалевскаго должно было особенно поразить подсудимаго. Это былъ человѣкъ, какъ видно изъ его показанія, про котораго подсудимый могъ думать, что «пріобрѣлъ» его въ свою пользу—и что же? Этотъ человѣкъ платитъ ему черною неблагодарностію, забывъ и данныя обѣщанія, и рекомендацію новому управляющему, и полученныя въ подарокъ сѣрыя драповыя брюки! На предварительномъ слѣдствіи Дорошенко возражалъ на это показаніе лишь относительно кольца, хотя вчера эксперты и подтвердили блистательнымъ образомъ, что Ковалевскій, говоря о кольцѣ, былъ правъ, — но здѣсь онъ выставляетъ новое опроверженіе этого показанія. Ковалевскій, говоритъ онъ, укралъ у меня пальто—но я его не хотѣлъ преслѣдовать и потому (почему же потому?) онъ показываетъ теперь на меня по злобѣ и ложно. Это неправдоподобное и ничѣмъ не подтвержденное заявленіе сдѣлано здѣсь впервые. На слѣдствіи, когда показаніе Ковалевскаго было предъявлено подсудимому въ первый разъ и должно было особенно поразить его и вызвать въ немъ взрывъ негодованія, если только оно могло имѣть мѣсто — о такомъ заявленіи и помину не было. Появленіе этого заявле-

нія здѣсь намъ вполнѣ понятно,—это одно изъ средствъ, которыми защищается подсудимый, одна изъ тѣхъ особенностей, на которыя было указано въ началѣ обвинительной рѣчи. Мы не станемъ строго судить подсудимаго за подобные пріемы защиты: нѣкоторая неразборчивость въ средствахъ защиты со стороны человѣка, сидящаго на скамьѣ подсудимыхъ, болѣе или менѣе понятна. Можно однако быть увѣреннымъ, что защитникъ подсудимаго не поддержитъ такихъ пріемовъ своего кліента. А цѣль этихъ пріемовъ вполнѣ ясна. При предварительномъ слѣдствіи еще не было извѣстно, явится-ли самъ Ковалевскій на судъ, — теперь оказывается, что онъ не явился, слѣдовательно, что бы про него ни говорили, возражать не будетъ, а потому можно и взвести на него бездоказательное обвиненіе въ кражѣ. Положительныхъ данныхъ никто не потребуетъ,—судьи, быть можетъ, даже и не повѣрятъ разсказу, но все-таки нѣкоторая тѣнь на показаніе опаснаго свидѣтеля наброшена, все-таки мысль объ украденномъ пальто закинута въ голову судей и, быть можетъ, незамѣтно для нихъ самихъ, повліяетъ на ихъ рѣшеніе. Сдѣлать смѣшнымъ противника въ дѣлѣ пустомъ, сдѣлать его лицомъ подозрительнымъ въ дѣлѣ серьезномъ—это старая и жалкая, но, къ сожалѣнію, довольно вѣрная и испытанная уловка... Я полагаю однако, что разсчетъ, подобный настоящему, не всегда бываетъ удаченъ, и что показанію Ковалевскаго будетъ дана полная вѣра. Остается указать на показаніе свидѣтеля священника Соколовскаго, которое, по моему мнѣнію, не можетъ имѣть большого значенія въ дѣлѣ. Это хвалебный отзывъ о Дорошенко, какъ о человѣкѣ смирномъ, который не любилъ драться. Но подсудимый вовсе не обвиняется въ наклонности драться, а лишь въ нанесеніи *однажды* побоевъ Северину. Притомъ свидѣтель показалъ, что онъ не часто видался съ Дорошенко, откуда возникаетъ вопросъ: да знаетъ ли онъ хорошо привычки и жизнь Дорошенко, который далеко не все время проводилъ въ Григоровкѣ и который не могъ быть особенно близокъ съ Соколовскимъ? Кому не извѣстно положеніе сельскаго священника на Руси, кто не знаетъ тѣхъ, не всегда согласныхъ съ достоинствомъ его сана отношеній, въ которыхъ онъ находится къ помѣщикамъ и большимъ арендаторамъ, (а Дорошенко былъ полномочнымъ управляющимъ Григоровкой), отъ коихъ онъ вынужденъ, при своей скудной обстановкѣ, ожидать пожертвованій и вспомоществованій? Не таковы эти отношенія, чтобы способствовать изученію характера и привычекъ мѣстнаго властелина! Для полноты свидѣтельскихъ показаній можно еще указать на показаніе кучера Буймистрова. Показаніе это служитъ лучшимъ мѣриломъ точности объясненій людей, бывшихъ подчиненными Дорошенко,—въ дѣлѣ, гдѣ ихъ хозяинъ игралъ такую небезопасную для него роль. Намъ скажутъ, что Буймист-

ровъ и другіе, при спросѣ во время слѣдствія, уже не служили у Дорошенко. Съ этимъ мы согласны. Но они служили при дознаніи. Данныя при дознаніи показанія—краткія и категорически-оправдательныя—стѣсняли и не могли не стѣснять ихъ въ дальнѣйшихъ показаніяхъ при слѣдствіи. Притомъ—это все русскіе люди,—люди уступчивые, снисходительные. Дорошенко, какъ видно, обходился съ ними ласково, быть можетъ, дарилъ имъ что нибудь,—а «русскій человѣкъ добро помнитъ», и вотъ явилась въ ихъ показаніяхъ мягкость выраженій и нѣкоторая уклончивость. Лучше всего это видно изъ показанія Буймистрова. При дознаніи, на краткій и опредѣленный вопросъ: «избилъ ли баринъ его Северина?» онъ отвѣчалъ: «я этого не видѣлъ» и съ тѣмъ былъ отпущенъ, но при слѣдствіи, объяснивъ, что его болѣе не разспрашивали ни о чемъ, показалъ, что былъ свидѣтелемъ спора подсудимаго съ Северинымъ, видѣлъ какъ первый толкнулъ Северина и тотъ пошатнулся, «поточился»;—былъ ли нанесенъ ему ударъ въ лицо—онъ не видѣлъ и объясняетъ это тѣмъ, что, стоя сзади Дорошенко, въ шести шагахъ, въ темной передней, *могъ* не видѣть нанесенія удара. Показаніе такимъ образомъ пріобрѣло совсѣмъ другой характеръ: свидѣтель, показавшій столь категорически при дознаніи, вслѣдствіе полнаго отсутствія разспросовъ,—не желая обвинять подсудимаго, не отрицаетъ однако при слѣдствіи возможности нанесенія ударовъ Северину, а только утверждаетъ, что находился въ положеніи, въ которомъ *могъ не видѣть* нанесенія ударовъ. Не проглядываетъ ли и тутъ желаніе—по мѣрѣ возможности «не ломать души», желаніе, на осуществленіе котораго Склавою такъ надѣялся, умирая, Северинъ.—Такова третья особенность настоящаго дѣла:—сложность, разнообразный внутренній характеръ и мотивы свидѣтельскихъ показаній.

Приступаю къ развитію обвиненія. Подсудимый обвиняется въ томъ, что онъ нанесъ фаэтонному извощику Северину удары, отъ которыхъ послѣдовала смерть. Нанесеніе такихъ ударовъ или побоевъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть проступокъ, близко граничащій съ простымъ оскорбленіемъ дѣйствіемъ, которое преслѣдуется по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Правда, преступленіе это довольно далеко отъ убійства и законъ смотритъ на него вовсе не такъ сурово, какъ на убійство, но однако считаетъ нужнымъ относиться строже къ побоямъ, вызвавшимъ смерть, чѣмъ къ простымъ побоямъ. Хотя въ данномъ случаѣ и не было желанія причинить смерть этими побоями, но, тѣмъ не менѣе, эти побои сами по себѣ очень важны, вызвавъ смерть. Поэтому, обвиненію нужно, во-первыхъ, доказать, были ли нанесены побои и, во-вторыхъ—произошла ли отъ нихъ смерть, т. е. были ли они причиною смерти? Обращаясь къ

первому вопросу, необходимо признать, что нанесеніе побоевъ представляется вполнѣ доказаннымъ. Покойный Северинъ, 17 сентября прошлаго года, вечеромъ выѣхалъ съ фаэтономъ на биржу; затѣмъ его позвали въ квартиру Веприцкаго, у котораго въ то время находился подсудимый Дорошенко; оттуда онъ развозилъ нѣкоторыхъ гостей и, возвратившись опять въ квартиру Веприцкаго, былъ совершенно здоровъ и могъ совершить такую довольно дальнюю поѣздку, какова поѣздка съ подсудимымъ въ Григоровку. До того времени какъ поѣхать въ Григоровку, будучи нанятымъ Дорошенко, онъ вообще всегда пользовался здоровьемъ и на нанесеніе побоевъ никому не жаловался. Нанявшись везти Дорошенко, онъ ѣдетъ въ Григоровку и оттуда возвращается домой окровавленный, говоря, что его «убили». Очевидно, что побои нанесены въ теченіе времени, прошедшаго съ отъѣзда его отъ Веприцкаго съ Дорошенко до возвращенія его изъ Григоровки домой. Можно бы предполагать, что побои эти могли быть нанесены кѣмъ либо другимъ на дорогѣ, когда онъ возвращался домой, но на это нѣтъ никакихъ данныхъ, на это нѣтъ никакого намека, на это даже не указываетъ и самая защита и, наконецъ, такое предположеніе опровергается всѣми свѣдѣніями, которыя имѣются въ дѣлѣ. Правда, Северинова здѣсь заявила, что ея мужъ, пріѣхавши домой окровавленный, говорилъ, что его побили «разбойники», но очевидно этому выраженію придавать никакого особаго значенія нельзя, такъ какъ видно, что покойный вообще любилъ выражаться иносказательно. Такъ, отказываясь отъ закуски и говоря о побояхъ, онъ замѣчаетъ, что «уже выпилъ и закусилъ», поэтому и слова его, что онъ побитъ разбойниками, имѣть прямого значенія не могутъ, ибо подъ именемъ разбойниковъ, онъ очевидно имѣлъ въ виду то лицо, которое побило его въ Григоровкѣ. Итакъ, побои нанесены—подсудимымъ. Это подтверждается свидѣтельскими показаніями трехъ лицъ: показаніемъ Склаво, которое было прочтено здѣсь, показаніями Ковалевскаго и кучера Буймистрова. Склаво и Ковалевскій вообще подробно передаютъ обстоятельства этого дѣла. Склаво разсказываетъ, что извощикъ остановился на порогѣ передней и сталъ требовать прибавки денегъ. Насколько законно требованіе этой прибавки, я разбирать здѣсь не буду и входить въ подробное разсмотрѣніе этого обстоятельства совершенно излишне потому, что было ли это требованіе законно или незаконно, для дѣла это не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ все-таки оно не давало права подсудимому драться. Какъ видно изъ показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей, требованіе это могло быть законно, ибо относительно требованія прибавки у свидѣтелей и подсудимаго существуетъ недоразумѣніе. Свидѣтель Стефановичъ показалъ здѣсь, что извощикъ требовалъ 20 коп., а на предварительномъ

слѣдствіи онъ же показалъ, что извощикъ требовалъ 40 коп.; тотъ-же самый свидѣтель показалъ, что Дорошенко уплатилъ ему только рубль 20 коп., между тѣмъ самъ подсудимый утверждаетъ, что онъ отдалъ извощику руб. 40 к. Такимъ образомъ, вопросъ этотъ остается неразъясненнымъ, хотя и разъясненіе его не имѣетъ никакого значенія, тѣмъ болѣе, что во всякомъ случаѣ для Северина явилась возможность требовать прибавки, такъ какъ свидѣтель Веприцкій показалъ здѣсь, что онъ не можетъ сказать платили ли извощику тѣ гости, которыхъ онъ развозилъ отъ него. Извощикъ Северинъ проситъ прибавки денегъ, подсудимый говоритъ ему, что онъ прибавки ему не дастъ и въ то время, когда извощикъ началъ доказывать справедливость своего требованія, подсудиммый, говоря: «какъ ты смѣешь разсуждать!?» началъ, какъ это видно изъ показаній Склаво, бить его по лицу. Изъ объясненій того же Склаво оказывается, что въ словахъ извощика никакой дерзости не было; Ковалевскій и Буймистровъ въ свою очередь тоже утверждаютъ, что дерзостей со стороны Северина не было никакихъ. Итакъ, извощикъ изъ Григоровки выѣхалъ побитымъ. Свидѣтель Склаво, бывшій въ это время у подсудимаго Дорошенко, слышавшій удары, продолжавшіеся минуту и голосъ обиженнаго извощика, обращался къ подсудимому и, чтобы прекратить эти удары, говорилъ ему: «не смѣете бить человѣка, который не заслуживаетъ», на что подсудимый отвѣчалъ ему: «я хозяинъ дома и вы не смѣете распоряжаться!» Склаво, желая помочь извощику и, быть можетъ, возмущенный всѣмъ видѣннымъ, хотѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Извощикъ не даромъ расчитывалъ на него, когда, пріѣхавши домой говорилъ, что если этотъ человѣкъ не поломаетъ души, то онъ покажетъ правду. Но передъ тѣмъ, какъ Склаво хочетъ выдти вслѣдъ за извощикомъ, въ темной передней щелкаетъ замокъ и подсудимый его не выпускаетъ, а даетъ приказаніе выпроводить извощика изъ Григоровки и лишь только черезъ полчаса, когда извощикъ уже уѣхалъ, Склаво могъ выдти изъ комнаты. Это показаніе Склаво подтверждается показаніемъ Ковалевскаго и Буймистрова.

Затѣмъ возникаетъ вопросъ: какъ, какимъ образомъ и куда были нанесены удары Северину? Для этого есть показанія только что упомянутыхъ свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ слышалъ, что побои, судя по ихъ звуку, наносились рукою по лицу,— другой видѣлъ, какъ подсудимый толкнулъ извощика такъ, что тотъ «поточился» и разронялъ деньги, а третій присутствовалъ при самомъ нанесеніи Северину подсудимымъ, со словами «пошелъ вонъ», ударовъ рукою со стальнымъ перстнемъ въ лицо. Кромѣ этихъ показаній о томъ, что извощикъ пошатнулся послѣ удара, упалъ и согнулся на полу, что̀ скорѣй всего могло

произойдти отъ удара въ лицо, удара столь обыкновеннаго при кулачной расправѣ,—изъ показаній всѣхъ свидѣтелей, видѣвшихъ Северина послѣ происшествія, оказывается, что у него было разбито лицо, и разбито, какъ уже мною сказано, въ Григоровкѣ.—Показаніямъ о нанесеніи побоевъ противорѣчитъ показаніе Василія Стефановича, по словамъ котораго извощикъ, оттолкнутый подсудимымъ, отскочилъ въ переднюю, а вовсе не пошатнулся и не падалъ. Но, не говоря уже о неправдоподобности показанія Стефановича о показываніи часовъ, о томъ, что извощикъ «ломился» въ едва притворенную дверь, и даже не говоря о противорѣчіи этого показанія съ объясненіями самого подсудимаго,—нельзя не замѣтить, что свидѣтель Стефановичъ, несмотря на всѣ старанія при перекрестномъ допросѣ, не могъ ни удовлетворительно объяснить сбивчивости своего показанія, ни разъяснить, что онъ понимаетъ подъ словомъ «отскочить»—придаетъ ли онъ этому слову общеупотребительное значеніе прыжка назадъ или разумѣетъ что либо другое.—Здѣсь возникалъ вопросъ о кольцѣ. Признаюсь, указанія Склаво и Ковалевскаго на ношеніе подсудимымъ кольца на правой рукѣ, кольца весьма солиднаго и тяжелаго, я считалъ довольно слабою уликою для обвиненія, въ виду настойчивыхъ увѣреній подсудимаго, что онъ никогда на правой рукѣ кольца на четвертомъ пальцѣ не носилъ. Эти увѣренія, подкрѣпленныя показаніями домашнихъ, продолжались и здѣсь на судѣ съ прежнею настойчивостью,—самъ подсудимый даже примѣрялъ предъ нами свое кольцо на правую руку и оно, очевидно для всѣхъ, несмотря на *видимыя* усилія подсудимаго, не входило ни на одинъ изъ большихъ пальцевъ правой руки. Приходилось сознаться, что одна изъ уликъ, и въ виду заключенія экспертовъ при вторичномъ вскрытіи—улика довольно важная—пропадала. Оставалось прибѣгнуть къ послѣднему, почти безнадежному послѣ всего предшествовавшаго, средству—просить гг. экспертовъ разсмотрѣть—нѣтъ ли на правой рукѣ обычныхъ слѣдовъ отъ долговременнаго ношенія кольца, нѣтъ ли полоски, ободка на пальцѣ... Эксперты, съ свойственнымъ имъ вниманіемъ, разсмотрѣли правую руку обвиняемаго, неповинную въ ношеніи кольца—и нашли не только ободокъ, не только слѣды ношенія кольца, нашли даже, чего, полагаю, никто уже не могъ ожидать послѣ происходившаго предъ этимъ—нашли, что и самое кольцо, не входившее на палецъ въ рукахъ подсудимаго, довольно легко и безъ особыхъ усилій, при небольшомъ поворачиваніи, входило на четвертый палецъ правой руки подсудимаго. Вы помните, гг. присяжные, этотъ опытъ и я полагаю, что и на васъ, какъ на всѣхъ, онъ произвелъ впечатлѣніе неожиданности и нѣкотораго удивленія. Удивленія этого нельзя не раздѣлить. Остается думать, что или подсудимый Дорошенко забылъ, что еще въ прошломъ

году носилъ на правой рукѣ это злосчастное кольцо, или же, что онъ, приготовляя доводы въ свою защиту, нѣсколько неосмотрительно избиралъ пріемы и способы этой защиты, забывая, что если извѣта о кражѣ неблагодарнаго Ковалевскаго и нельзя провѣрить тотчасъ, то вопросъ о кольцѣ подлежитъ за то провѣркѣ водчію, провѣркѣ, которая неминуемо должна повести къ оцѣнкѣ искренности оправданій подсудимаго и къ нѣкоторымъ неблагопріятнымъ для него выводамъ относительно свойствъ тѣхъ способовъ, которыми онъ думаетъ защищаться здѣсь на судѣ, гдѣ все происходитъ гласно.—Итакъ, побои были Северину нанесены въ лицо рукою, на которой былъ тяжелый чугунный перстень.

Остается рѣшить, чѣмъ вызваны были эти побои и насколько при нанесеніи ихъ Дорошенко дѣйствовалъ сознательно, понимая, что онъ дѣлаетъ? Подсудимый объясняетъ, что былъ раздраженъ и разсерженъ глубостями и дерзкимъ обращеніемъ извощика. Но свидѣтели Склаво, Ковалевскій и Буймистровъ единогласно утверждаютъ, что въ требованіяхъ извозчика не было ничего дерзкаго и онъ грубостей никакихъ не говорилъ, а тѣмъ болѣе не размахивалъ руками и не задѣвалъ подсудимаго. Онъ, быть можетъ, только громко говорилъ, но это еще не причина къ раздраженію. Отсутствіе раздраженія доказывается и тѣмъ, что другія лица, находившіяся на мѣстѣ происшествія, не видали поводовъ къ раздраженію и одно изъ нихъ даже сдѣлало замѣчанія Дорошенко въ защиту Северина. Притомъ, это былъ не единичный случай, не случай, въ которомъ человѣкъ тихій и смирный былъ выведенъ изъ себя и на время забылъ и благоразуміе, и осторожность. Побои, нанесенные Северину, не были припадкомъ вспыльчивости, въ которой человѣкъ не помнитъ себя, но затѣмъ тотчасъ же остываетъ. Это было, повидимому, дѣломъ довольно обыкновеннымъ для подсудимаго. «Не смѣете распоряжаться въ моемъ домѣ, здѣсь я хозяинъ!» кричитъ онъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Склаво о томъ, что извощика бить не за что и затѣмъ объясняетъ, что «*бьетъ всѣхъ извощиковъ безъ различія*». Защита старалась выяснить здѣсь своими вопросами свидѣтелямъ — хорошо ли обращался подсудимый съ женою? Я хорошенько не понимаю, къ чему служатъ эти вопросы. Что-же доказывается хорошимъ обращеніемъ съ женою? Дорошенко не обвиняется въ отсутствіи семейныхъ добродѣтелей и хорошее обращеніе съ женою нисколько не доказываетъ, чтобы онъ не былъ способенъ дурно и самоуправно обращаться съ другими лицами, а особенно съ извощиками, которыхъ онъ «бьетъ всѣхъ безъ различія». — Притомъ, еслибы и было доказано, что подсудимый дѣйствовалъ въ пылу раздраженія болѣе или менѣе основательнаго, то и это не можетъ служить къ его оправданію, а лишь, по закону, къ смягченію его вины. Перехожу къ вопросу о томъ, дѣйствовалъ ли подсудимый сознательно? Вопросъ этотъ

долженъ быть рѣшенъ утвердительно. Подсудимый не только не былъ пьянъ до безчувствія, до отсутствія сознанія своихъ поступковъ, но онъ не былъ даже просто въ состояніи опьяненія. Онъ былъ лишь только на-веселѣ, т. е. въ томъ состояніи, когда человѣкъ можетъ себѣ отдавать полный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. «Г. Дорошенко уѣхалъ отъ меня слегка на-веселѣ, какъ обыкновенно послѣ имениннаго ужина», говорилъ свидѣтель Веприцкій.—«Г. Дорошенко пріѣхалъ въ Григоровку не пьяный», говоритъ Стефановичъ, а только *«подъ фантазіей»*. Изъ показаній свидѣтелей ясно, что подсудимый дѣйствовалъ съ полнымъ сознаніемъ и своихъ обычаевъ, и своихъ правъ. Онъ понималъ также и значеніе того, что̀ дѣлалъ, понималъ, что нанесеніе имъ извощику побоевъ не есть дѣйствіе законное—и вотъ почему, когда Склаво собирается ѣхать съ Северинымъ и выходитъ въ переднюю, въ темной передней щелкаетъ ключъ, кто-то пробѣгаетъ и слышится голосъ Дорошенко: «теперь можете ѣхать!». Склаво такимъ образомъ насильно удержанъ, а Ковалевскому дано приказаніе поскорѣй выпроводить извощика изъ Григоровки. Ковалевскій въ точности и покорно выполняетъ это порученіе, какъ покорно вносилъ за Дорошенко въ комнату привезенное имъ вино и какъ покорно обѣщалъ впослѣдствіи скрывать истину, если возникнетъ дѣло о побояхъ. Только послѣдняго порученія онъ во всей точности не исполнилъ: пришлось показывать подъ присягой и совѣсть взяла верхъ надъ благодарностью за рекомендацію и подарокъ. Такимъ образомъ, Дорошенко сознавалъ свои дѣйствія и старался предотвратить ихъ послѣдствія, конечно, послѣдствія только по отношенію *къ себѣ*. Я полагаю, кончая первую часть обвиненія, что едва ли можетъ возникнуть сомнѣніе въ томъ, что побои были дѣйствительно нанесены Северину подсудимымъ сознательно и съ намѣреніемъ, т. е. съ цѣлью причинить именно какую либо тѣлесную боль Северину, безъ всякаго впрочемъ умысла на убійство, на причиненіе ему смерти. Однако смерть причинилась...

Приступаю ко второй части обвиненія, къ доказыванію, что смерть Северина послѣдовала отъ побоевъ, нанесенныхъ ему подсудимымъ. Основаніемъ къ разрѣшенію этого вопроса служитъ главнѣйшимъ образомъ актъ судебно-медицинскаго вскрытія, произведеннаго вторично, такъ какъ первый актъ вскрытія, составленный врачомъ Щелкуновымъ, составленъ незаконно; онъ подложенъ и долженъ быть вычеркнутъ, выброшенъ изъ числа какихъ бы то ни было доказательствъ въ дѣлѣ. Затѣмъ, важное значеніе въ дѣлѣ имѣютъ объясненія гг. экспертовъ, разъясняющихъ судебно-медицинскіе вопросы въ дѣлѣ. Судебная медицина,—важное подспорье для разрѣшенія многихъ уголовныхъ дѣлъ,—не есть еще наука вполнѣ развившаяся. Многія части ея вовсе

еще не разработаны или разработаны очень мало. Сами дѣятели этой науки сознаются, что главная задача ихъ состоитъ пока еще въ собираніи примѣровъ и воздерживаются отъ общихъ выводовъ и твердыхъ положеній, признавая, что для этихъ выводовъ еще не все приготовлено и что многія настоящія *положенія* нерѣдко недалеко отстоятъ отъ простыхъ *предположеній*. Судебная медицина стоитъ въ тѣсной связи съ общею медициною, т. е. со всѣми остальными медицинскими познаніями, а медицина вообще допускаетъ не мало предположеній и догадокъ. Факты, добытые наукою, составляютъ ея драгоцѣнное достояніе и непреложныя истины, но выводы изъ этихъ фактовъ въ ихъ взаимной связи, толкованіе этихъ выводовъ, пониманіе ихъ могутъ быть весьма различны и нерѣдко совершенно противуположны одинъ другому. Это не лишаетъ выводовъ этихъ своей цѣны и достоинства,— это только лишаетъ ихъ безусловной непреложности и указываетъ на возможность смотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія на предметъ. Не даромъ старая латинская поговорка, сопоставляя имена двухъ великихъ врачей древности, говоритъ, что «Гипократъ твердитъ одно, а Галліенъ совсѣмъ другое». Но если медицина, обладая извѣстнымъ количествомъ твердыхъ правилъ и положеній, представляетъ въ то же время обширное поле для предположеній и догадокъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы этимъ предположеніямъ нельзя было довѣрять, чтобы въ виду того, что приходится встрѣчаться иногда съ нѣсколькими предположеніями, можно было отказываться отъ разрѣшенія представляющихся вопросовъ и умывать руки. Можно ли въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствія обвиняемаго и многое множество бытовыхъ причинъ соединились такъ, что затруднили отысканіе очевидной истины и добытіе опредѣленныхъ, осязательныхъ результатовъ и заставили прибѣгать къ предположеніямъ,—можно ли, повторяю, отказываться отъ изслѣдованія истины? Необходимость довольствоваться предположеніями, если только въ основаніе ихъ положены данныя, дѣйствительно существующія, не должна останавливать правосудіе въ отысканіи истины, такъ какъ предположенія, исходящія отъ людей, близко и хорошо знакомыхъ съ наукою, суть добросовѣстные выводы, къ которымъ они приходятъ, идя разными путями, смотря съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ концѣ концовъ иногда приходя къ одинаковому результату. Какое ихъ предположеніе вполнѣ согласно съ истиною—сказать трудно, да и невозможно, да и не нужно; но для опредѣленія, по мѣрѣ силъ человѣческаго разумѣнія, какое изъ предположеній *ближе всего* подходитъ къ истинѣ, есть могучее и вѣрное средство. Средство—это здравый смыслъ. Онъ не останавливается на однихъ выводахъ науки, онъ вслушивается во всю совокупность свидѣтельскихъ показаній, всматривается во всю житейскую обстановку дѣла,— посредствомъ

нея, посредствомъ указаній практическаго опыта провѣряетъ онъ разнообразные и многосторонніе выводы науки и приходитъ наконецъ къ заключенію, къ заключенію по возможности вѣрному... Вотъ почему обвиненіе считаетъ весьма хорошимъ явленіемъ то, что эксперты въ настоящемъ дѣлѣ высказали три различныхъ мнѣнія. Это указываетъ, что они обсудили предметъ со всѣхъ сторонъ и дали большой матеріалъ для обсужденія суду, который долженъ постановить приговоръ, мысленно прослѣдивъ все слышанное и видѣнное здѣсь, и оцѣнивъ свидѣтельскія показанія относительно болѣзненныхъ явленій у Северина въ связи съ объясненіями экспертовъ и съ указаніями практической жизни. Но прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ показаній экспертовъ, необходимо припомнить, что при вторичномъ вскрытіи доказано, что носовая кость у Северина переломлена. Основываясь на найденномъ, судебные врачи, производившіе вскрытіе, признали, что, судя по видѣнному ими и слышанному о ходѣ болѣзни Северина, надо придти къ убѣжденію, что смерть его послѣдовала вслѣдствіе горячечнаго состоянія, которое было обусловлено потерею крови, безсонницею и душевнымъ волненіемъ. Причинную связь между поврежденіемъ носа у Северина и смертью его врачи не отрицали, но заявили, что не могутъ ея безусловно признавать, а только предполагаютъ. Это свидѣтельство врачей и послужило исходною точкою для заключеній, данныхъ здѣсь на судѣ почтенными представителями медицинской науки, профессорами университета Питра, Грубе и Лямблемъ. Я внимательно слѣдилъ вчера за этими заключеніями, старался уловить всѣ ихъ оттѣнки и особенности и, какъ полагаю, могу ихъ здѣсь повторить предъ вами, господа присяжные засѣдатели, въ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ чертахъ. Такъ, на предложенные вопросы, г. Питра отвѣчалъ, что вообще смерть послѣдовала съ припадками горячки, но причины, вслѣдствіе которыхъ произошла горячка, вскрытіемъ не обнаружены. Профессоръ Лямбль нашелъ, что колотыя раны и раненія отъ удара, ушиба, разможенія отличаются тѣмъ неблагопріятнымъ обстоятельствомъ, что онѣ сопровождаются обыкновенно сотрясеніемъ. Сила, производящая это сотрясеніе, недостаточна для того, чтобы прекратить жизнь или отправленіе важныхъ органовъ, но вполнѣ достаточна для того, чтобы произвести такой безпорядокъ, такое нарушеніе нормальнаго состава нервныхъ центровъ, отъ котораго они не легко оправляются и послѣдствія котораго, въ иныхъ случаяхъ, могутъ окончиться печальнымъ исходомъ. Всѣ опытные хирурги знаютъ, что сложныя поврежденія носа иногда влекутъ за собою важныя заболѣванія мозговыхъ оболочекъ, а именно—острое воспаленіе мягкой оболочки. Проводникомъ подобнаго заболѣванія могутъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, кровеносные сосуды; въ другихъ случаяхъ, можетъ быть воспаленіе надкостной плевы; но главною

причиною такого воспаленія считается *сотрясеніе*. Перелома горизонтальной пластинки рѣшетчатой кости при этомъ можетъ и не быть; по опытамъ оказалось, что при ударѣ тяжелымъ молоткомъ, нанесенномъ прямо на носъ, при самомъ обширномъ и глубокомъ размозженіи носовыхъ косточекъ и почти всего лабиринта, рѣшетчатая пластинка можетъ оказаться неповрежденной. Обращаясь къ *признакамъ болѣзни* Северина, профессоръ Лямбль нашелъ, что, при исчисленіи ихъ, поневолѣ подумаешь прежде всего объ остромъ пораженіи мозговыхъ оболочекъ. Конечно, горячечное состояніе со всѣми отдѣльными признаками, какъ они приводятся здѣсь,— головною болью, слабостью, жаромъ, отсутствіемъ аппетита, жаждою, головокруженіемъ, шумомъ въ ушахъ, мутностью зрѣнія, бредомъ, — все это бываетъ еще и при другихъ болѣзняхъ, какъ-то при тифѣ, скарлатинѣ, оспѣ и кори. Но тотъ порядокъ или, лучше сказать, безпорядокъ болѣзненныхъ признаковъ, какой былъ замѣченъ у Северина, та шаткость и незначительная рѣзкость явленій, при которыхъ онъ, еще незадолго до кончины, могъ прощаться и говорить о приближающейся смерти, — это все не соотвѣтствуетъ обыкновенной горячкѣ, отъ которой взрослый человѣкъ обыкновенно и не умираетъ на 12-й день. Такъ, напр., тифъ обыкновенно не начинается съ побоевъ или ушибовъ, а съ предвѣстниковъ, т. е. неопредѣленныхъ явленій, обнаруживающихся въ теченіе нѣсколькихъ дней, съ общаго нерасположенія, нѣкоторой вялости,—человѣкъ при этомъ не въ духѣ, у него легкая наливная краснота глазъ или же легкій насморкъ, а потомъ уже настаетъ ознобъ и жаръ. Если же человѣкъ среднихъ лѣтъ умираетъ въ тифозной горячкѣ на 12-й день, что рѣдко бываетъ, тогда онъ послѣдніе дни навѣрно находится въ полномъ безпамятствѣ и глубокомъ такъ называемомъ *комматозномъ* состояніи, а такихъ признаковъ при жизни Северина не замѣчено. Острыя травматическія воспаленія мозговыхъ оболочекъ убиваютъ человѣка среднимъ числомъ на 2-й недѣлѣ; при остромъ воспаленіи мозговыхъ оболочекъ бредъ у человѣка среднихъ лѣтъ наступаетъ приблизительно подъ конецъ жизни, до появленія параличныхъ явленій. Северинъ былъ до 17-го сентября здоровъ, повальныхъ горячекъ въ то время не было, онъ не находился въ такой зловредной атмосферѣ, въ которой окружающій воздухъ могъ бы подѣйствовать заразительнымъ образомъ на его здоровье, а заболѣлъ онъ вслѣдъ за травматическимъ поврежденіемъ, послѣ котораго появились преимущественно головные припадки. Поэтому, проф. Лямбль затрудняется допустить у него существованіе какого-либо другого горячечнаго состоянія, кромѣ упомянутаго остраго воспаленія мягкой мозговой оболочки. Такимъ образомъ, онъ пришелъ къ заключенію, что связь между наружнымъ поврежденіемъ и горячечнымъ заболѣваніемъ Северина не оказывается сомнительною, именно по

причинѣ невозможности подвести случай подъ какую нибудь другую болѣзнь.

Профессоръ Грубе, прежде чѣмъ отвѣчать на заданные ему вопросы, разобралъ два слѣдующихъ вопроса: 1) можетъ ли такого объема переломъ носовыхъ костей повлечь за собою смерть? и 2) могли ли измѣненія, найденныя въ трупѣ при вскрытіи и описанныя въ протоколахъ, остаться безъ видимыхъ проявленій при жизни, до ушиба? Въ отвѣтъ на первый вопросъ экспертъ привелъ статистистическіе выводы изъ многочисленныхъ наблюденій хирурговъ. Экспертъ отрицаетъ возможность смертельнаго исхода послѣ столь незначительныхъ переломовъ носовыхъ костей, какъ въ данномъ случаѣ, если они не сопровождаются другими опасными для жизни осложненіями. Въ ряду послѣднихъ первое мѣсто занимаютъ обильныя кровотеченія. Даже болѣе объемистые переломы, съ раздробленіемъ не только носовыхъ, но и носовыхъ отростковъ челюстныхъ костей, въ огромномъ большинствѣ случаевъ оканчиваются выздоровленіемъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что кровотеченія, постоянно сопровождающія переломы носовыхъ костей, всегда оказываютъ большее или меньшее вліяніе, смотря по количеству потерянной крови. Второй вопросъ рѣшенъ экспертомъ отрицательно: измѣненія, найденныя въ легкихъ при вскрытіи, не могли остаться безъ болѣзненныхъ проявленій при жизни. Изъ дѣла же и показаній свидѣтелей видно, что извощикъ Северинъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія, до нанесенныхъ ему побоевъ всегда пользовался отличнымъ здоровьемъ и никакихъ проявленій грудного страданія не представлялъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ побоевъ было значительное кровотеченіе. Поэтому экспертъ объясняетъ причину смерти Северина слѣдующимъ образомъ: у совершенно здороваго человѣка воспослѣдовалъ ушибъ съ переломами носовыхъ костей, сопровождаемый сильнымъ душевнымъ потрясеніемъ и быстро развившимся малокровіемъ, вслѣдствіе обильнаго кровотеченія. Эти двѣ причины, по мнѣнію профессора Грубе, были совершенно достаточны, чтобы вызвать *скоротечную просовидную бугорчатку легкихъ*, которая по обыкновенію повлекла за собою смерть. Припадки болѣзни вполнѣ соотвѣтствуютъ такому объясненію. Въ заключеніе экспертъ привелъ извѣстный научный фактъ, что не только послѣ случайныхъ раненій, но также послѣ различныхъ хирургическихъ операцій, сопровождаемыхъ кровотеченіями и нравственнымъ потрясеніемъ больныхъ, нерѣдко наблюдалась эта форма легочной бугорчатки.

Обращаясь къ разсмотрѣнію мнѣній экспертовъ, я нахожу, что всѣ три мнѣнія, при своей строгой научности и одинаковости фактовъ, подлежавшихъ разбору экспертовъ, одинаково служатъ для поддержанія обвиненія и подкрѣпленія мысли о причинной связи между побоями и смертью Северина, причемъ однимъ

изъ наиболѣе соотвѣтсвующихъ обвиненію является мнѣніе профессора Питра. Оно даетъ возможность правильной оцѣнки всего остального, относящагося до болѣзни и смерти Северина. Являясь судебнымъ врачомъ въ строгомъ смыслѣ слова, профессоръ Питра ставитъ самыя рѣзко очерченныя границы для своей экспертизы. Факты и анатомическія данныя — вотъ его матеріалъ, все остальное одни предположенія, а судебный врачъ долженъ ихъ избѣгать. Доказано лишь то, что открыто судебнымъ вскрытіемъ, до чего проникъ анатомическій ножъ, что разсмотрѣно въ микроскопъ, — все, чего этимъ путемъ не добыто—не доказано. — Можетъ ли основываться судебный врачъ (я не говорю просто врачъ, прибавляетъ экспертъ, но судебный врачъ), спрашиваетъ экспертъ, на предположеніяхъ, а не на анатомическихъ данныхъ? Его задача ограничена. По тому, что найдено при вскрытіи, онъ долженъ сказать, что именно найдено и почему найдено, безъ всякаго предположенія о причинахъ найденныхъ явленій, если только онѣ сами громко не свидѣтельствуютъ о себѣ. Можно только сказать, утверждаетъ экспертъ, что смерть Северина послѣдовала отъ горячечнаго состоянія, но чѣмъ вызвано это состояніе — сказать рѣшительно нельзя. Оно могло быть вызвано развитіемъ чахотки, проявившейся вдругъ, при концѣ жизни Северина, — оно могло явиться вслѣдствіе сотрясенія мозга и его воспаленія, т. е. вслѣдствіе удара, — оно могло явиться и отъ какихъ нибудь другихъ причинъ, но все это лишь предположенія, очень быть можетъ, вѣроятныя, но все-таки предположенія, дѣлать которыя судебному медику несвойственно. — Мы не считаемъ умѣстнымъ въ свою очередь разбирать, насколько широкимъ представляется подобный взглядъ на задачу судебнаго медика, но съ глубокимъ уваженіемъ относимся къ выполненію поставленной себѣ задачи г. экспертомъ. Какой же выводъ изъ его заключенія? Какъ судебный врачъ, экспертъ не считаетъ себя въ правѣ дѣлать какіе либо выводы, кромѣ тѣхъ, которые не вытекаютъ прямо изъ анатомическихъ данныхъ. Но вѣдь, съ другой стороны, не можетъ же все разъясненіе дѣла покоиться на мертвыхъ, глухихъ и молчаливыхъ анатомическихъ данныхъ? Конечно, нѣтъ. Изъ этихъ данныхъ могутъ быть, по соображеніи ихъ съ обстоятельствами дѣла, сдѣланы различные научные и практическіе выводы. Выводы эти будутъ предположеніями болѣе или менѣе вѣроятными, но дѣлать ихъ, по мнѣнію профессора Питры, задача обыкновенныхъ медиковъ, а не судебнаго медика, кругозоръ котораго ограниченъ довольно тѣсными рамками, которыя называются анатомическими данными. Судъ выслушаетъ эти предположенія, примѣнитъ ихъ къ жизни и выведетъ свое заключеніе. Такимъ образомъ, экспертъ Питра, разъяснивъ, что судебно-медицинскимъ путемъ онъ дошелъ до того, что у Северина было горячечное

состояніе, вызвавшее его смерть, сходитъ со сцены, оставляя намъ свободное и обширное поле предположеній и ставя насъ лицомъ къ лицу съ двумя экспертами-врачами, не судебными медиками, и съ цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній, выхваченныхъ изъ жизни. Другіе эксперты пошли разными путями и пришли къ одному результату, на которомъ построено обвиненіе, къ выводу, что смерть Северину причинена подсудимымъ. Вы слышали, господа присяжные, показанія экспертовъ-профессоровъ Лямбля и Грубе. Оба они нашли, тщательно провѣривъ все добытое здѣсь на судѣ и блистательно развивъ свои выводы, что Северинъ умеръ отъ потрясенія организма,— *вызваннаго ударомъ и сотрясеніемъ мозга*, говоритъ одинъ изъ нихъ;—*вызваннаго рядомъ ослабляющихъ вліяній и душевнымъ огорченіемъ*, говоритъ другой. — Оба эксперта пошли путями, намѣченными въ видѣ предположеній профессоромъ Питра и въ его заключеніи, и въ подписанномъ имъ актѣ вторичнаго освидѣтельствованія трупа Северина. Этихъ предположеній было два: смерть отъ чахотки и отъ воспаленія мозговыхъ оболочекъ. Профессоръ Грубе доказывалъ, что смерть могла произойти отъ скоротечной просовидной чахотки, вызванной потерею крови и душевнымъ огорченьемъ, причиненными— и то, и другое—дѣйствіями Дорошенко. Профессоръ Лямбль, съ своей точки зрѣнія, доказывалъ, что смерть могла произойти отъ воспаленія мозга, вызваннаго ударомъ, причиненнымъ Северину подсудимымъ. Оба эксперта основывались во всемъ на тѣхъ анатомическихъ данныхъ, которыя имѣлись въ виду эксперта Питры. Были при вскрытіи найдены бугорки. «Бугорки эти, въ томъ видѣ какъ они найдены, не могли вызвать смерти, съ ними можно прожить до 75 лѣтъ», говоритъ г. Лямбль;—«бугорки эти, въ томъ видѣ какъ они найдены, не могли существовать до нанесенія удара Северину, а явились вслѣдствіе этого удара», говоритъ г. Грубе. Такимъ образомъ, расходясь во взглядѣ на происхожденіе бугорковъ, «мысля розно» въ этомъ отношеніи, эксперты оба съ совершеннымъ единствомъ сходятся въ одномъ выводѣ, что смерть Северина вызвана *дѣяніемъ подсудимаго*. Этотъ выводъ очень важенъ. Чѣмъ больше путей къ отысканію истины, тѣмъ лучше; нужды нѣтъ, что отыскатели идутъ разными путями и дѣйствуютъ разными способами—важно то, что они приходятъ къ одному и тому же выводу.

Таковъ выводъ гг. экспертовъ. Къ какому же выводу приводятъ обыкновенно житейскія соображенія? подкрѣпляютъ ли они выводы науки? Можно смѣло сказать: вполнѣ подкрѣпляютъ. До 17-го сентября прошлаго года Северинъ былъ совершенно здоровъ. Стоитъ припомнить показаніе всѣхъ свидѣтелей, знавшихъ его. Это былъ честный и смирный человѣкъ, хорошій семьянинъ и усердный работникъ. Сколотивъ себѣ деньги для покупки

фаэтона, онъ женился, прожилъ съ женою въ согласіи пять лѣтъ и прижилъ двоихъ дѣтей при жизни. Всегда, по показаніямъ свидѣтелей, веселый, здоровый и румяный, онъ вовсе не пилъ водки и велъ жизнь вообще умѣренную, отлично, «богатырски», спалъ сномъ человѣка трудового, никогда не страдалъ безсонницею или ночными потами, никогда не кашлялъ, развѣ послѣ горячаго чаю выбѣжитъ зимою на крыльцо или на дворъ. 17-го сентября онъ уѣзжаетъ въ Григоровку здоровый, а возвращается побитый, съ разбитымъ переносьемъ и окровавленнымъ платьемъ и лицомъ. Онъ глубоко оскорбленъ полученными имъ побоями, отказывается отъ предложенія закусить, такъ какъ еще въ Григоровкѣ «выпилъ и закусилъ» и чуть свѣтъ отправился къ доктору и жаловаться. Онъ, человѣкъ не знавшій еще новаго суда или, лучше сказать, узнающій его уже послѣ смерти, рѣшается вести дѣло о нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ тѣмъ судомъ, котораго такъ боялись прежде простые люди; жена его закладываетъ шубу, чтобы изъ послѣдняго внести 3 р., необходимые для бумаги, на которой будетъ написано свидѣтельство врача. Видно, оскорбленіе не на шутку задѣло Северина.—Онъ идетъ разсказывать о немъ Бардакову и, наконецъ, вернувшись домой, долженъ слечь. Еще докторъ усмотрѣлъ у него налитіе глазъ кровью, причемъ нашелъ нужнымъ замѣтить, что *зрѣніе, однако, не повреждено*,—значитъ глаза таки порядочно были налиты кровью. У него боль головы и переносья, шумъ въ ушахъ и слабость. У Бардакова онъ еле стоитъ, еле смотритъ своими, «водою налитыми», по показанію свидѣтеля, глазами. Нужны бы «приличныя средства», о которыхъ говорилъ докторъ, но эти средства не прописаны, потому что «объ нихъ не просили», да и купить ихъ не на что. Дома съ нимъ дѣлается все хуже и хуже. Онъ не ѣстъ ничего и ничего не пьетъ, не можетъ пройтись по комнатѣ, жалуется на головную боль, не спитъ. Да и до сна ли?! Хозяйство стало, денегъ нѣтъ, едва ли «вычухается», смерть близка,— а тутъ все, накопленное долгимъ трудомъ, придетъ въ разореніе, — придется нанимать работника, платить ему 6 руб. въ мѣсяцъ,— жена остается одна, безъ поддержки,—вдову-то легко всякому обидѣть,—да еще съ дѣтьми, да еще беременную, гдѣ тутъ спать! — Вотъ что должно было приходить неминуемо и вполнѣ естественно въ голову больному и усиливать его огорченіе.

Между тѣмъ, Северину становится хуже и хуже; временами сказывается у него любовь къ тому скромному труду, который ему предназначила судьба,—онъ выходитъ на крыльцо взглянуть на своихъ кормильцевъ—лошадей, посмотрѣть овесъ, но уже назадъ взойти не можетъ, силы его покидаютъ. Начинается бредъ, въ которомъ воображеніе, рисуя недавнюю обиду, не можетъ оторваться отъ обыденной, извощичьей обстановки: ему чудится, что

его бьютъ *кнутами* въ Григоровкѣ, онъ прощается съ женою, плача и говоря, что «*за нимъ пріѣхали!*» Наконецъ онъ умираетъ въ безсознательномъ состояніи.—Неужели же во всемъ ходѣ этой болѣзни, мысль наша не обращается постоянно въ Григоровку, не вспоминаетъ о нанесенныхъ тамъ Северину побояхъ? Можно ли, не грѣша противъ очевидности, допустить, что побои, послѣ которыхъ тотчасъ захворалъ Северинъ, «сами по себѣ», а болѣзнь и смерть тоже «сами по себѣ»?! Развѣ не видна, не чувствуется связь смерти съ побоями? И гдѣ же указанія на иныя причины смерти?.. Намъ скажутъ—чахотка. Но гдѣ ея признаки? а они должны быть ясны, если только она началась до нанесенія побоевъ.—Вы слышали, гг. присяжные, экспертовъ. Возьмемъ еще одного въ помощь, — знаменитаго эксперта по части грудныхъ болѣзней, профессора Нимейера. Какіе признаки чахотки указываетъ онъ въ своемъ «трактатѣ о легочной чахоткѣ»? Эти признаки: безсонница, ночные поты, кашель съ кровью, одышка, золотуха на дѣтяхъ, рожденныхъ или зачатыхъ во время болѣзни одного изъ родителей. Гдѣ эти признаки у Севѐрина? Смѣло можно сказать, выслушавъ свидѣтелей, что признаковъ этихъ нѣтъ... Вы слышали, что дѣти Северина, цвѣтутъ здоровьемъ и никогда ни золотухою, ни англійскою болѣзнью больны не бывали. Итакъ, Северинъ умеръ не отъ чахотки; онъ умеръ отъ многихъ причинъ, стоящихъ между собою въ связи и сводимыхъ къ одной главной, къ удару, нанесенному ему Дорошенко. Этотъ ударъ вызвалъ, во-первыхъ, кровотеченіе, и кровотеченіе обильное, такъ какъ поврежденія носа всегда влекутъ за собою большія потери крови, что объяснено здѣсь экспертомъ Грубе. Что крови вышло много — это видно изъ того, что она полилась у Северина еще въ Григоровкѣ, какъ видно изъ показанія Склаво; — онъ уѣхалъ изъ Григоровки въ 2 часа ночи, а пріѣхалъ домой въ четыре и кровь, по показанію свидѣтелей, еще сочилась изъ поврежденнаго мѣста, — слѣдовательно она шла слишкомъ 2 часа. Во-вторыхъ, ударъ вызвалъ поврежденіе костей носа и, конечно, поврежденіе всѣхъ окружающихъ мѣстъ на головѣ;—въ-третьихъ, ударъ этотъ былъ причиною крайняго ослабленія Северина, такъ какъ отъ потери крови неминуемо долженъ былъ произойти упадокъ силъ, располагающій къ дальнѣйшему развитію всякой болѣзни; въ-четвертыхъ, онъ вызвалъ, вслѣдствіе истощенія силъ, припадки скоротечной чахотки и, въ-пятыхъ, вызвалъ сильное душевное потрясеніе. Въ послѣднемъ сомнѣваться нельзя: послѣднія минуты Северина указываютъ на это потрясеніе,—возможность же его нельзя отрицать у Северина, какъ по той обстановкѣ, въ которой ему были нанесены побои, такъ и по тѣмъ послѣдствіямъ, которыми они грозили участи этого бѣднаго рабочаго человѣка, будущности его жены и дѣтей.

Я не полагаю, чтобы мнѣ рѣшились возразить, что Северинъ, будучи извощикомъ, не могъ имѣть достаточно развитого чувства чести для того, чтобы оскорбиться побоями. Для этого вовсе не нужно утонченнаго развитія чувства чести, и притомъ здѣсь чувство нанесеннаго оскорбленія вѣроятно играло не главную роль, а на первомъ планѣ долженъ былъ стоять страхъ и огорченіе за послѣдствія, которыя Северинъ ясно предвидѣлъ, говоря, что «ему не вычухаться»... Наконецъ, можно съ полной увѣренностью сказать, что, къ чести русскаго простого народа, въ немъ встрѣчаются, и весьма даже нерѣдко, личности, которыя, несмотря на грубоватую внѣшность и «черную» работу, имѣютъ настолько развитое чувство справедливости, что могутъ весьма оскорбляться и огорчаться грубымъ и незаслуженнымъ поруганіемъ надъ собою или надъ другими. Всѣ указанныя причины произвели въ Северинѣ горячечное состояніе, кончившееся его смертью. Она послѣдовала отъ побоевъ, нанесенныхъ Дорошенко. Объ этомъ говорятъ два эксперта - профессора, твердятъ всѣ свидѣтели, на это указываетъ естественный ходъ вещей и голосъ здраваго смысла. Намъ, быть можетъ, скажутъ, что смерть не была прямымъ послѣдствіемъ побоевъ, а была вызвана развитіемъ указанныхъ нами причинъ, тогда какъ еслибы своевременно были устранены эти причины, то и смерть могла бы не послѣдовать. Напримѣръ, еслибы своевременно было унято кровотеченіе, еслибы подана была надлежащая медицинская помощь и приняты «приличныя средства», еслибы Северинъ не ѣздилъ верхомъ къ Бардакову и на тряскомъ «ванькѣ» къ исправнику и т. д. Но вліяніе извѣстныхъ причинъ на тотъ или другой исходъ дѣла должно обсуждаться въ связи со всею средою и обстановкою дѣла. Самыя серьезныя поврежденія могутъ быть излечены знаменитыми врачами,— но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы поврежденія эти, если они были нанесены гдѣ нибудь въ глуши, гдѣ не только нѣтъ знаменитыхъ, но и вовсе никакихъ врачей, и если они вызвали смерть, могли бы не считаться причиною смерти? Нужно только, чтобы не было какой нибудь совершенно посторонней причины смерти, но вполнѣ достаточно, если смерть произошла отъ извѣстной причины, отъ того или другого вызваннаго ею страданія, которое особенно сильно развилось вслѣдствіе неблагопріятной обстановки. Северинъ сдѣлалъ возможное: лечился домашними средствами, не имѣя денегъ для приглашенія врача, ставилъ себѣ горчичники, пересталъ выѣзжать на работу и т. д., однимъ словомъ—сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать для своего выздоровленія человѣкъ въ его званіи и съ его обстановкою. Его ли вина, что Григоровка далеко и что, покуда пришлось пріѣхать домой, утрачено было много крови? его ли вина, что у него не было средствъ пригласить врача и что ѣздить онъ долженъ былъ къ врачу и къ Бардакову не въ каретѣ на ле-

жачихъ рессорахъ, а верхомъ и на тряскомъ «ванькѣ?» Онъ дѣйствовалъ согласно съ условіями своего быта и съ обстоятельствами. Да, наконецъ, я полагаю, что бо́льшая часть этихъ побочныхъ причинъ не могла имѣть никакого вліянія на смертельный исходъ болѣзни Северина, такъ какъ по положительному и категорическому заявленію экспертовъ, причиной — главною и единственною — смерти Северина были нанесенные ему побои.—Другой вопросъ, который можетъ быть возбужденъ—о томъ, не могутъ ли такія причины, вызываемыя неудобствами обстановки, вызывать отрицательный отвѣтъ о существованіи причинной связи между побоями и смертью?—разрѣшается не только указаніями закона, который нигдѣ не говоритъ о томъ, что побои должны быть непосредственною, прямою причиною смерти, а требуетъ только, чтобы послѣдствіемъ побоевъ была смерть, чтобы между побоями и смертью существовалъ рядъ разнообразныхъ причинъ, которыя всѣ, въ «началѣ началъ», исходятъ изъ побоевъ и, въ «концѣ концовъ», приводятъ къ смерти,—но и установившеюся у насъ судебною практикою. Вашимъ предшественникамъ на скамьѣ засѣдателей, г-да присяжные, пришлось разрѣшить въ этомъ самомъ судѣ рядъ дѣлъ, гдѣ также возбуждался вопросъ о томъ, послѣдовала ли смерть вслѣдствіе насильственныхъ дѣйствій подсудимаго и указывалось на побочныя обстоятельства, которыя могли ускорить смерть,—и во всѣхъ этихъ дѣлахъ предмѣстники ваши, выслушавъ заключенія экспертовъ - врачей, признавали, что смерть была послѣдствіемъ дѣйствій обвиняемаго. Вы слышали изъ объясненій професора Лямбля, что таковы, напримѣръ, были дѣла—Сидоренко-Кравца, обвинявшагося въ нанесеніи чубукомъ удара въ глазъ рядовому Губанову, дѣло Ивана Калиты, нанесшаго смертельные удары въ голову Павлу Калитѣ, дѣло Тарана, убившаго мѣщанку Павеличенкову и др. Губанова везли ночью, въ морозъ, по тряской дорогѣ, съ начинавшимся воспаленіемъ мозга, за нѣсколько верстъ, и это, безъ сомнѣнія, должно было усилить развитіе воспаленія,—но эксперты признали, что смерть была причинена рукою человѣка, воткнувшаго Губанову въ глазъ чубукъ.—Калита, послѣ нанесенныхъ ему побоевъ, ѣздилъ лечиться къ знахаркѣ въ дальнюю волость, пилъ водку и даже покушался пировать на крестинахъ, но, болѣя постоянно, черезъ 10 дней умеръ, и смерть была признана происшедшею отъ побоевъ, нанесенныхъ ему.—Заключая вторую часть моего обвиненія, мнѣ остается заявить, что, по моему убѣжденію, если доказано, что Северину нанесены подсудимымъ побои, то не менѣе того доказано, что ими вызвана смерть.

Обращаюсь, наконецъ, къ заключенію моего обвиненія, къ опредѣленію, въ какомъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ уголовнымъ закономъ, обвиняется подсудимый Дорошенко. Подсудимый обви-

няется въ нанесеніи Северину съ намѣреніемъ побоевъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть послѣдняго. Это преступное дѣяніе указано въ 1464 ст. ул. о нак. и возбуждало нерѣдко различныя пренія и вызывало разнообразныя толкованія. Въ виду возможности такихъ преній и въ настоящемъ дѣлѣ, я считаю нужнымъ заранѣе заявить что статья эта положительно разъяснена высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ въ Россіи, Государственнымъ Совѣтомъ, и въ смыслѣ этого разъясненія толкуется и Кассаціоннымъ Сенатомъ. — Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ дѣло помѣщицы княгини Трубецкой, нанесшей побои палкою больному, страдавшему удушьемъ старику, который черезъ три дня затѣмъ умеръ, хотя послѣ наказанія всталъ и ушелъ, и хотя смерть его послѣдовала, согласно мнѣнію врача, отъ неразрѣшившагося воспаленія въ легкомъ, къ которому онъ имѣлъ уже расположеніе вслѣдствіе давно бывшаго паденія съ крыши и прироста легкаго къ ребрамъ,—призналъ, что къ дѣянію Трубецкой должна быть примѣнена 1464 статья, которая, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, говоритъ о такихъ побояхъ, которые, *по всей вѣроятности, не могли подвергнуть жизнь опасности и только по стеченію особенныхъ обстоятельствъ причинили смерть,*— что́ иногда можетъ произойти и отъ одного удара, нанесеннаго въ нѣжную или больную часть тѣла.

Очевидно, что и примѣръ, на которомъ основано это рѣшеніе, и самое рѣшеніе какъ нельзя болѣе подходятъ подъ дѣяніе, въ совершеніи котораго обвиняется подсудимый. Онъ нанесъ Северину побои въ опасную часть головы,—въ переносье, гдѣ мозгъ отдѣляется отъ полости носа довольно тонкими костями,—онъ нанесъ эти побои безъ всякаго желанія причинить смерть Северину, но съ опредѣленнымъ и яснымъ намѣреніемъ побить его;—побои не были особенно тяжелыми и, по всей вѣроятности, не могли подвергнуть жизнь Северина немедленной опасности, но вызвали, однако, различныя болѣзненныя явленія. Эти болѣзненныя явленія, эти *особенныя обстоятельства* стеклись такъ, что вызвали смерть Северина. Въ дѣяніи подсудимаго законъ не видитъ убійства, онъ относится къ нему гораздо снисходительнѣй, но не можетъ, однако, не считать серьезнымъ преступленіемъ дѣянія, которымъ, въ нарушеніе закона и права, отнимаются у общества граждане, а у семьи работники и кормильцы.

Обвиненіе мое кончено. Я представилъ вамъ, господа присяжные, все, что могъ и что считалъ необходимымъ для разъясненія обстоятельствъ, на которыхъ основывается обвиненіе въ настоящемъ дѣлѣ. Пробѣгая мысленно все, мною сказанное, соображая вновь всѣ сложныя обстоятельства дѣла, его ходъ здѣсь на судѣ и всю его обстановку — я выношу полнѣйшее убѣжденіе въ виновности подсудимаго Дорошенко. Раздѣляете ли вы мое убѣжде-

ніе — покажетъ вашъ приговоръ. Но каковъ бы ни былъ этотъ приговоръ, осудитъ ли онъ подсудимаго или торжественно признаетъ его невиннымъ, у обвинительной власти останется все-таки сознаніе, что она, насколько было въ ея силахъ, выполнила свою задачу, возбудивъ настоящее безгласное и погребенное въ полицейскомъ архивѣ дѣло, доведя его до возможной ясности и представивъ на ваше обсужденіе. Подсудимый обвиняется въ томъ, что, дѣйствуя незаконно, нанесъ обществу ущербъ, лишивъ жизни одного изъ его членовъ. Вамъ, представителямъ всѣхъ слоевъ этого общества, всего лучше и справедливѣй произнести рѣшительное и окончательное слово о виновности подсудимаго предъ закономъ, стоящимъ на стражѣ общественной и личной безопасности...

XV.

По дѣлу объ убійствѣ отставного рядового Бѣлова.

22-го іюня 1870 года, въ четвертомъ часу утра, въ селѣ Тенькахъ, Свіяжскаго уѣзда Казанской губерніи, крестьянинъ Андрей Арсеновъ, проходя проулкомъ между яблочныхъ садовъ, увидѣлъ, среди дороги, трупъ отставного солдата Степана Бѣлова, о чемъ тотчасъ же объявилъ волостному правленію. Волостной старшина, отправившись вмѣстѣ съ сельскимъ старостою и понятыми на мѣсто, нашелъ тамъ отставного солдата Степана Бѣлова лежащаго мертвымъ, лицомъ внизъ, безъ шапки, въ полубумажной рубахѣ, изорванной на спинѣ, въ синепестрядинныхъ портахъ и въ кожаныхъ сапогахъ. Спина и лѣвый високъ Бѣлова были запачканы кровью, но знаковъ остраго орудія на тѣлѣ его не было найдено.

Подозрѣніе въ лишеніи Бѣлова жизни пало на жену покойнаго, Арину Бѣлову, и проживавшаго у нихъ въ домѣ отставного унтеръ-офицера Матвѣя Каляшина, находившагося съ Ариною Бѣловой въ связи,— на томъ основаніи, что, во-первыхъ, покойнаго Бѣлова, въ сумеркахъ, наканунѣ того, какъ онъ былъ найденъ мертвымъ, видѣли вошедшимъ къ себѣ на дворъ и болѣе не выходившимъ, во-вторыхъ—потому, что на одеждѣ и тѣлѣ покойнаго Бѣлова найдены были слѣды того, что трупъ его былъ откуда-то перетащенъ на то мѣсто, гдѣ его нашли, и по направленію къ его дому усмотрѣны слѣды тащеннаго человѣка и, наконецъ, — въ третьихъ, — потому, что Матвѣй Каляшинъ, при разспросахъ, сперва объяснилъ, что ночь убійства провелъ у солдатки Казвѣровой, а потомъ, по настоянію жены покойнаго Бѣлова, Арины,—признался, что ночевалъ означенную ночь въ домѣ Бѣлова. По судебно-врачебному осмотру и вскрытію трупа Бѣлова, произведенному 27-го іюня, найдено слѣдующее: верхнее лѣвое вѣко имѣло синебагровый цвѣтъ и при разрѣзѣ обнаружило кровоподтекъ; на носу ссадина кожи, причемъ замѣчено бывшее изъ носу кровоизліяніе; языкъ оказался опухшимъ,—на концѣ его усмотрѣнъ отпечатокъ зубовъ; на правой сторонѣ груди три садины кожи, на предплечіи лѣвой руки синебагровое пятно, соединенное съ кровоподтекомъ и на обѣихъ рукахъ, повыше кистей, ссадины кожи, въ клѣтчаткѣ, около двухъ послѣднихъ поясничныхъ позвонковъ, найдено въ чайную ложку темной сгустившейся крови. По мнѣнію врача, знаки наружнаго насилія, найденные на спинѣ и на груди Степана Бѣлова, произведены по смерти и, весьма вѣроятно, при перетаскиваніи трупа; знаки же насилія на лбу, на верхнемъ лѣ-

вомъ вѣкѣ, на предплечіи лѣвой руки и противъ поясничныхъ позвонковъ произведены при жизни, причемъ кровяной сгустокъ въ клѣтчаткѣ, около поясничныхъ позвонковъ, могъ произойти отъ нажатія тупымъ тѣломъ, напр., колѣномъ ноги. По внутреннему осмотру трупа Бѣлова найдено, что слизистая оболочка его гортани и дыхательнаго горла имѣла сине-красноватый цвѣтъ; яремныя вены содержали много темной крови; легкія равнымъ образомъ имѣли сине-красный цвѣтъ и при разрѣзѣ отдѣляли очень много темной крови; въ развѣтвленіяхъ дыхательнаго горла находилась мѣстами пѣнистая кровь; подъ легкими, въ грудной полости, было около стакана темной жидкой крови; сердце, не заключая въ себѣ органическихъ пороковъ, было очень растянуто кровью, которую въ небольшомъ количествѣ содержали въ себѣ и выходящіе изъ сердца сосуды.— При изслѣдованіи желудка найдено сильное воспалительное состояніе его и частію такое же состояніе тонкихъ кишекъ, почему желудокъ и часть тонкихъ кишекъ, при вскрытіи, были вынуты, перевязаны и положены въ особый сосудъ, для отправленія въ врачебное отдѣленіе для химическаго изслѣдованія. На основаніи найденнаго въ организмѣ покойнаго Бѣлова, и принимая во вниманіе кровоистеченіе изъ носа, состояніе языка, цвѣтъ слизистой оболочки гортани съ присутствіемъ кровянистой жидкости въ развѣтвленіяхъ дыхательнаго горла, наконецъ, состояніе легкихъ и сердца,—врачъ заключилъ, что смерть Бѣлова была насильственная, происшедшая отъ удушенія, произведеннаго насильственнымъ прекращеніемъ дыханія отъ задержанія рта и носа рукою или другимъ чѣмъ. Воспалительное же состояніе желудка и тонкихъ кишекъ могло произойти, по мнѣнію врача, какъ отъ неумѣреннаго употребленія вина, такъ и отъ принятія какого-либо остраго ядовитаго вещества. Окончательный выводъ врача былъ тотъ, что смерть Бѣлова произошла отъ удушенія, если еще при этомъ не было и отравленія.

По осмотру жилища покойнаго Бѣлова и обыскамъ, въ немъ на разныхъ предметахъ найдены слѣды крови, а именно на портахъ, принадлежащихъ, по объясненію дочери Бѣловыхъ, Варвары, Матвѣю Каляшину, — найдены въ нѣсколькихъ мѣстахъ большія и малыя пятна пожелтѣвшей крови; на порогѣ напогребницы, у выхода, оказались значительныя кровавыя пятна и слѣдъ растертой крови, а также кровавыя брызги и на крайней къ выходной сторонѣ доскѣ двери напогребницы; въ той же напогребницѣ, на односпальномъ войлокѣ, найдено нѣсколько кровавыхъ пятенъ; въ сѣняхъ избы Бѣлова, около наръ, найдены неопредѣленнаго цвѣта пятна, какъ будто подскобленныя и замытыя; въ избѣ, на залавкѣ, найдена глиняная плошка, содержавшая въ себѣ позеленѣвшую жидкость съ навалившимися въ нее мухами.

По судебно-химическому и микроскопическому изслѣдованію, произведенному фармацевтомъ врачебнаго отдѣленія Казанскаго губернскаго правленія, въ присутствіи помощника медицинскаго инспектора,—надъ внутренностями Бѣлова, жидкостью въ упомянутой глиняной плошкѣ и всѣми указанными пятнами на разныхъ предметахъ въ его жилищѣ, оказалось, что во внутренностяхъ Бѣлова и въ веществѣ въ чашкѣ находится мышьякъ и что всѣ перечисленныя выше пятна на разныхъ предметахъ дѣйствительно кровяныя.

Разсмотрѣвъ судебно-врачебное свидѣтельство о вскрытіи трупа Бѣлова, врачебное отдѣленіе выводъ врача о причинѣ смерти Бѣлова нашло правильнымъ и, на основаніи данныхъ химическаго изслѣдованія, сдѣлало заключеніе, что смерть Бѣлова произошла отъ отравленія и была ускорена удушеніемъ.

По осмотру слѣдователемъ одежды, въ которой Степанъ Бѣловъ былъ найденъ мертвымъ, рубаха Бѣлова оказалась на спинѣ разорванною, а спереди и на рукавахъ покрытою грязью; на задней части портовъ Бѣлова усмотрѣны, по направленію обѣихъ ногъ, зеленоватыя полосы отъ травы.

Волостной старшина Павелъ Кисляковъ, дѣлавшій осмотръ трупа Бѣлова на утро послѣ убійства, на допросѣ объяснилъ, что грязь, находившаяся на одеждѣ Бѣлова, представлялась въ то время, какъ онъ ее осматривалъ,—приглаженною и сравнявшеюся видимо отъ тащенія Бѣлова по землѣ, въ пользу чего говорило еще и то, что на подошвахъ сапогъ Бѣлова ни мокроты отъ бывшей въ ночь росы, ни пыли, ни грязи онъ, старшина, не видѣлъ. Относительно усмотрѣнныхъ по землѣ слѣдовъ отъ трупа Бѣлова къ дому послѣдняго, тотъ же старшина, обозрѣвавшій эти слѣды на утро послѣ убійства, показалъ, что около самаго трупа Бѣлова ни на землѣ, довольно, впрочемъ, жесткой и не пыльной, ни на травѣ, слѣдовъ тащеннаго человѣка и тащившихъ его людей не было видно, но что затѣмъ, пройдя проулокъ, въ которомъ было найдено тѣло, и повернувъ въ другой проулокъ, изъ котораго есть ходъ въ садъ крестьянина Прохорычева, сосѣда Бѣловыхъ, — по жесткой травѣ, покрывающей почву проулка,—замѣченъ былъ слѣдъ ходившихъ въ ночь убійства людей. Слѣдъ обозначался полосою, шириною въ аршинъ и длиною въ 15 саженъ, не имѣвшею капель росы, которая между тѣмъ покрывала всю остальную траву въ проулкѣ. Самая трава по слѣду примята не была да и не могла, по мнѣнію старшины, примяться по своей короткости, жесткости и густотѣ. При этомъ старшина добавилъ, что по переулку, по которому шелъ слѣдъ, на лошадяхъ не ѣздятъ и на немъ, кромѣ тропы для пѣшеходовъ, вездѣ ростетъ трава. При дальнѣйшемъ слѣдованіи по неорошенному слѣду оказалось, что слѣдъ этотъ поворачивалъ изъ проулка прямо къ прислу сада крестьянина Прохорычева. Когда, по указанію слѣда, старшина съ понятыми перелѣзъ черезъ прясло, то въ саду Прохорычева, на окружающей узкую тропу густой и высокой травѣ, былъ усмотрѣнъ слѣдъ тащеннаго человѣка, обозначавшійся полосою въ 5 четвертей ширины довольно плотно пригнутой къ землѣ высокой травы, не имѣвшей капель росы. Слѣдъ этотъ шелъ отъ верха сада къ самому прислу, къ тому мѣсту, гдѣ старшина съ понятыми перелѣзъ черезъ прясло. Проходя черезъ садъ Прохорычева, слѣдъ велъ къ его току, пролегалъ одинаково широкою полосою чрезъ токъ, обозначаясь свороченною соломою, а затѣмъ поворачивалъ налѣво къ овинной ямѣ; у края ямы, не спускаясь въ нее, сворачивалъ налѣво, шелъ опять по высокой травѣ и, не доходя до воротъ, ведущихъ во дворъ Прохорычева,—пошелъ налѣво, къ прислу, отдѣляющему садъ Прохорычева отъ огорода Бѣлова. Здѣсь, на прутьяхъ прясла, усмотрѣна была пристававшая къ нимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ скошенная трава, лежавшая кучею возлѣ прясла. Изъ этого обстоятельства старшина и понятые вывели то предположеніе, что въ этомъ мѣстѣ черезъ прясло было перенесено тѣло Бѣлова изъ его двора, для чего прутья были вынуты изъ прясла, брошены въ кучу скошенной травы и опять поставлены на мѣсто, причемъ часть скошенной травы къ нимъ и пристала. Наконецъ, во дворѣ Бѣлова было усмотрѣно, что въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ задникъ воротъ, подъ повѣтью, грязь была видимо приглажена и вдавлена тащеннымъ по ней тѣломъ.

Арина Бѣлова, не сознаваясь въ убійствѣ своего мужа, показала, что наканунѣ того, какъ онъ былъ найденъ мертвымъ, въ сумерки, незадолго до пригона скотины, онъ возвратился хмѣльнымъ изъ питейнаго дома, сѣлъ возлѣ нея на завалинкѣ хаты и началъ было дремать. Видя, что онъ хочетъ спать, Арина провела его во дворъ, гдѣ онъ около крыльца и легъ, а она опять вышла за ворота; вскорѣ затѣмъ пришла изъ стада скотина и она, Арина, стала ее убирать. Между тѣмъ, мужъ ея захотѣлъ курить, и такъ какъ табакъ его имѣлъ дурной запахъ, то она, какъ всегда, посовѣтовала ему выдти курить на огородъ, куда онъ и пошелъ, а она пошла на улицу, гдѣ и оставалась, пока совсѣмъ не стемнѣло. Затѣмъ она съ дочерью Варварою поужинала и обѣ онѣ легли спать, она въ избѣ, а дочь въ клѣти. Мужъ не возвращался. Не успѣла она заснуть, какъ пришелъ Каляшинъ и

отправился спать къ нимъ въ напогребницу. Мужа во всю ночь не было и она уже его не видала до тѣхъ поръ, пока его не нашли мертвымъ. Съ Каляшинымъ она, хотя и была когда-то въ любовной связи, но когда Каляшинъ у нея квартировалъ, то она съ нимъ связи не имѣла. Съ квартиры ея Каляшинъ сошелъ еще на Пасху и, по возвращеніи ея мужа изъ службы въ Казани домой, Каляшинъ только иногда, по знакомству, ночевалъ у нихъ. Относительно найденныхъ у нея въ домѣ портовъ съ кровавыми пятнами, Арина показала, что это порты ея покойнаго мужа. Отчего произошли кровавыя пятна на этихъ портахъ, въ разныхъ мѣстахъ въ избѣ и въ напогребницѣ, — она не знаетъ, а равно отчего произошелъ слѣдъ тащеннаго человѣка въ саду ихъ сосѣда, по направленію къ ихъ двору. О глиняной плошкѣ съ мышьякомъ Арина показала, что найденную въ чашкѣ жидкость приготовилъ ея мужъ для истребленія мухъ; откуда же онъ ту жидкость досталъ, она не знаетъ. При этомъ Арина возбудила подозрѣніе въ убійствѣ своего мужа противъ своихъ односельцевъ Курманаева и Арсенова, на томъ основаніи, что они, будто бы, въ послѣдніе дни передъ смертью ея мужа пьянствовали съ нимъ и изъ нихъ Курманаевъ, будто бы, допытывался отъ ея мужа какихъ-то пожитковъ. Къ тому же Арина добавила, что о такомъ поведеніи этихъ крестьянъ, въ особенности Курманаева, относительно ея мужа, она, наканунѣ смерти послѣдняго, заявляла сельскому старостѣ.

Между тѣмъ, подозрѣніе, взведенное Ариною на Курманаева и Арсенова, ничѣмъ на слѣдствіи не подтвердилось; спрошенный же для провѣрки показанія Арины, сельскій староста показалъ, что Арина, за два дня до смерти ея мужа, говорила ему, старостѣ, только о томъ, что мужъ ея пьетъ и что она боится «какъ бы не было у нихъ какого дѣла», но съ кѣмъ мужъ ея пилъ, она не говорила и ни на Курманаева, ни на Арсенова не указывала.

Дочь Арины Бѣловой, Варвара, при допросѣ показала что, во-первыхъ, Каляшинъ жилъ у нихъ въ домѣ до послѣдняго дня и съ квартиры на Пасху не сходилъ; во-вторыхъ, что порты съ кровавыми пятнами принадлежатъ не ея отцу, а Каляшину и, наконецъ, что снадобье въ глиняной плошкѣ, противъ мухъ, приготовила ея мать, а не отецъ. Относительно прихода ея отца, наканунѣ его смерти, домой, Варвара показала, что видѣла только, сидя на улицѣ, какъ ея отецъ, передъ «стаднею порою», пришелъ къ своему дому и сѣлъ на завалинкѣ, а мать увела его во дворъ; затѣмъ, вгоняя во дворъ скотину, она, Варвара, видѣла отца стоящимъ среди двора и послѣ того, просидѣвъ на улицѣ до ночи, отца уже не видѣла; придя домой, легла спать въ клѣти и слышала только, какъ Каляшинъ вернулся домой и пошелъ спать въ напогребницу; затѣмъ она, Варвара, уснула и что происходило ночью—не слышала.

Возвращеніе Степана Бѣлова домой, въ сумерки, наканунѣ смерти, видѣли и свидѣтельницы Малова и Лукояникова.

Обвиняемый Матвѣй Каляшинъ, въ противность объясненіямъ Арины Бѣловой, показалъ, что уже три года стоитъ у нея постоянно на квартирѣ, въ которой жилъ и до самаго арестованія. Живя у Арины, онъ постоянно былъ съ нею въ любовной связи. Мужъ Арины, покойный Степанъ Бѣловъ, служившій въ Казани, о связи ихъ зналъ и съ нимъ, Каляшинымъ, не ссорился. Когда Степанъ Бѣловъ, передъ минувшимъ праздникомъ Троицы, вернулся домой, то Каляшинъ, хотя и остался жить у Бѣловыхъ, но связи своей съ Ариною уже при ея мужѣ не продолжалъ. На ночь передъ убійствомъ, придя къ Бѣловымъ, онъ Степана Бѣлова не видалъ и, отправившись въ напогребницу, заснулъ и ночью ничего не слыхалъ; на другой же день утромъ былъ неизвѣстно почему арестованъ. О портахъ съ кровавыми пятнами Каляшинъ показалъ, что они принадлежатъ убитому Бѣлову; о снадобьѣ въ глиняной плошкѣ Каляшинъ объяснилъ, что оно появилось въ домѣ Бѣловыхъ уже по приходѣ Степана Бѣлова

изъ Казани, но кто его приготовилъ, — Бѣловъ или его жена, — ему неизвѣстно.

Волостной старшина Кисляковъ, разспрашивавшій Каляшина тотчасъ по арестованіи, показалъ, что на вопросъ его, старшины, о томъ, гдѣ Каляшинъ провелъ ночь убійства, послѣдній первоначально отвѣтилъ, что ночевалъ у сосѣдки Авдотьи Казвѣровой; Арина же Бѣлова, услыхавши этотъ отвѣтъ Каляшина, сказала: «зачѣмъ такъ отвѣчать», и велѣла ему показывать, что онъ ночевалъ у нихъ, Бѣловыхъ, въ домѣ. Тогда Каляшинъ такъ и показалъ; это разнорѣчіе въ показаніи Каляшина подтвердилъ на слѣдствіи и помощникъ волостного писаря Пѣснинъ, бывшій при первоначальномъ допросѣ Каляшина.

Кромѣ того, при производствѣ дознанія становымъ приставомъ, Каляшинъ объяснилъ, что рубаха, бывшая на немъ при разспросахъ пристава (24 іюня), была надѣта имъ наканунѣ убійства; на слѣдствіи же, бывшій подъ арестомъ при волости, при арестованіи Каляшина, крестьянинъ Федоръ Ульянцевъ показалъ, что въ день арестованія Каляшинъ перемѣнилъ бывшую на немъ рубаху и отдалъ ее мыть своей женѣ, приносившей ему въ арестантскую хлѣба. Это обстоятельство подтвердила и жена Каляшина, объяснивъ, что переданное ей мужемъ бѣлье она отнесла сестрѣ Бѣловой, Ненилѣ Дорофеевой. Ненила Дорофеева показала, что, принявъ отъ жены Каляшина принесенное ею бѣлье, она, не разсматривая того бѣлья, сложивъ его на лавку въ домѣ Бѣловыхъ, ушла изъ дому, и гдѣ потомъ замѣшалось это бѣлье—ей неизвѣстно.

На повальномъ обыскѣ Арина Бѣлова и Матвѣй Каляшинъ въ поведеніи не одобрены.

Поэтому, отставной унтеръ-офицеръ Каляшинъ и вдова рядового Бѣлова преданы были суду по обвиненію въ томъ, что, по предварительному между собою соглашенію, въ ночь съ 21-го на 22-го іюня 1870 года отравили мышьякомъ отставного рядового Степана Бѣлова и, для ускоренія его смерти, задушили его, т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное для Арины Бѣловой 1451 ст. Улож. о наказ., а для Матвѣя Каляшина — 1453 ст. того же Уложенія.

Судебное засѣданіе по этому дѣлу происходило 19-го декабря 1870 г. въ Казанскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда *Лазарева*. Защищали: присяжный повѣренный *Бѣловъ* и дѣйствительный студентъ *Симанцевъ*. Подсудимые признаны *виновными* по предъявленному противъ нихъ обвиненію, но *заслуживающими снисхожденія*.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Мнѣ предстоитъ явиться представителемъ обвинительной власти въ подлежащемъ вашему сужденію дѣлѣ. Дѣло это имѣетъ двоякое значеніе, общее и особенное. Общее его значеніе — изслѣдованіе истины въ событіи смерти Бѣлова, особенное значеніе — ознакомленіе васъ, гг. присяжные засѣдатели, а чрезъ васъ и всего общества, представителями котораго вы впервые, какъ судьи, являетесь, съ новымъ судомъ во всѣхъ его жизненныхъ, практическихъ проявленіяхъ. Поэтому считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ и о задачѣ обвинительной власти въ настоящемъ процессѣ. Общественная

жизнь, въ своемъ разнообразіи, среди многоразличныхъ положеній и отношеній, въ которыхъ находятся люди, представляетъ отношенія неправильныя, темныя, дурныя, — представляетъ дѣйствія, направленныя и противъ цѣлаго общества, и противъ отдѣльныхъ его членовъ. Эти отношенія, эти дѣйствія, эти уклоненія отъ закона — суть преступленія. Для того, чтобы предупредить ихъ появленіе, отвратить ихъ будущій вредъ — между прочимъ организована полиція. Но какъ бы хорошо устроена она ни была, задуманныя преступленія все-таки иногда будутъ ускользать отъ ея вниманія и совершаться. Тогда придется наказывать виновныхъ, воздавать имъ должное, взвѣсивъ и измѣривъ ихъ дѣла. Для этого существуетъ судъ, для этого призываетесь сюда вы, гг. присяжные засѣдатели... Но для того, чтобы обсужденіе преступленія было возможно для васъ, чтобы оно дошло до васъ, надо возбудить о содѣянномъ преступленіи дѣло, надо изслѣдовать всѣ его мельчайшія подробности, направить разслѣдованіе на всѣ обстоятельства дѣла и, доведя его до васъ, сопоставить эти обстоятельства, сгруппировать ихъ, пояснить одно другимъ и изъ всего этого сдѣлать выводъ о виновности извѣстнаго лица. Для того чтобы преслѣдовать преступное дѣяніе со времени его обнаруженія, чтобы выяснить предъ вами всѣ темныя стороны дѣла — существуетъ особое учрежденіе — прокурорскій надзоръ, имѣющій на судѣ особую власть — обвинительную. Не обвиняя во что бы то ни стало, не стремясь непремѣнно добиться отъ васъ тяжелаго приговора, — обвинитель шагъ за шагомъ идетъ по пути, пройденному преступленіемъ, повѣряетъ вамъ свои наблюденія и выводы и, придя къ убѣжденію въ виновности подсудимаго, обязывается высказать вамъ это убѣжденіе. Если защита найдетъ свѣтлыя стороны въ дѣлѣ, которыя инымъ, болѣе отраднымъ, свѣтомъ озарятъ его обстоятельства и заставятъ васъ не повѣрить виновности подсудимыхъ или сильно усомниться въ ней, — то вы ихъ должны оправдать, а у обвиненія останется сознаніе, что оно сдѣлало все, что было нужно для выполненія своей трудной и подчасъ тяжелой задачи. Но если факты, молчаливые, но многозначительные факты, не будутъ опровергнуты, если вы не почувствуете въ своемъ сердцѣ невинности подсудимыхъ, если въ вашемъ умѣ не возникнетъ серьезныхъ сомнѣній въ ихъ виновности, то вы, спокойно исполняя свою высокую задачу быть защитниками общества и судьями, — согласитесь съ обвиненіемъ и произнесете обвинительный приговоръ.

Итакъ, пойдемте рука объ руку на изслѣдованіе обстоятельствъ дѣла. Вы знаете уже, что весною настоящаго года въ село Теньки, Свіяжскаго уѣзда, пришелъ изъ Казани со службы отставной солдатъ Степанъ Бѣловъ. Ушелъ онъ изъ Теньковъ давно, оставивъ тамъ свою жену. Вернувшись, онъ нашелъ, что въ домѣ его жи-

ветъ постоялецъ — Каляшинъ. Появленіе Каляшина очень понятно,—отношенія его къ Бѣловой весьма обыденны въ крестьянскомъ быту. Бѣловъ служилъ въ Казани, въ пожарной командѣ, домой приходилъ рѣдко и, конечно, ничѣмъ не помогалъ женѣ; ей приходилось быть одной, безъ помощи, безъ близкаго человѣка, утѣшителя и помощника. И вотъ такой человѣкъ явился: — онъ сталъ сообща съ Ариною Бѣловой вести хозяйство, поселился въ ея «сиротскомъ домѣ» и сталъ ей близкимъ человѣкомъ, на столько близкимъ, что и здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, онъ не разлучается съ нею. Этого-то человѣка засталъ у себя Бѣловъ. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ взятый отъ сохи, онъ отвыкъ отъ хозяйства и немного пользы принесъ «сиротскому» житью своей жены, хотя, по ея словамъ, «за коровою ходить могъ». Тѣ свѣдѣнія, которыя мы получили здѣсь о покойномъ Бѣловѣ, представляютъ его охотникомъ выпить, человѣкомъ, котораго народъ мѣтко называетъ «кабачнымъ завсегдателемъ». 21-го іюня его находятъ мертвымъ, довольно далеко отъ своего дома, въ переулкѣ, очевидно откуда-то притащеннаго. Самый близкій къ нему человѣкъ — жена—высказываетъ подозрѣніе на крестьянъ Арсенова и Курманаева, которые пили послѣдніе дни съ мужемъ въ кабакѣ. Но это подозрѣніе ничѣмъ не подтверждается, а между тѣмъ, по мнѣнію врача, утвержденному врачебною управою, оказывается, что Бѣловъ отравленъ. Но отравленіе есть такое преступленіе, которое чаще всего совершается своими, близкими—и вотъ подозрѣніе обращается на Арину Бѣлову и ея «жителя» Каляшина; производятся обыски и осмотры, улики ростутъ, подозрѣніе скрѣпляется болѣе и болѣе и нынѣ, въ концѣ концовъ, Бѣлова и Каляшинъ являются здѣсь, чтобы выслушать вашъ приговоръ. Они преданы суду за предумышленное убійство Бѣлова, состоявшее въ отравленіи и задушеніи, и мнѣ предстояло бы доказывать, что есть данныя, которыя указываютъ на то, что это убійство совершено именно подсудимыми, но вслѣдствіе показаній и объясненій вызванныхъ на судъ экспертовъ задача моя отчасти усложняется. Поэтому начну нѣсколько издалека.

Первый вопросъ, возникающій въ настоящемъ дѣлѣ—это вопросъ, былъ ли убитъ Бѣловъ, т. е. былъ ли онъ лишенъ жизни чужою, насильственною рукою? Вамъ извѣстно, какъ былъ найденъ Бѣловъ. — Онъ лежалъ въ переулкѣ с. Теньковъ, въ прорванной рубашкѣ, въ отверстіе которой была просунута его голова, въ двухъ портахъ, изъ которыхъ верхніе были запачканы травяною зеленью, въ сапогахъ, совершенно сухихъ и чистыхъ. На лицѣ, надъ лѣвымъ глазомъ, на скулѣ, на правомъ вѣкѣ у него слѣды ушибовъ или ударовъ, сдѣланныхъ, какъ объяснилъ здѣсь врачъ — при жизни; въ клѣтчаткѣ, около двухъ послѣднихъ поясничныхъ позвонковъ найдено у него изліяніе крови — какъ

бы отъ давленія круглымъ твердымъ тѣломъ, какъ говоритъ тотъ же врачъ. Ротъ расцарапанъ, на рукахъ ссадины, какъ бы отъ веревокъ, которыми были связаны кисти рукъ,— языкъ опухъ и конецъ его ущемленъ зубами,— лицо багровое, на спинѣ пятна грязи на выпуклыхъ мѣстахъ. Человѣкъ можетъ умереть или естественною смертью, или отъ своей, или отъ посторонней руки. Умеръ ли Бѣловъ естественною смертью? Полагаю, что одно описаніе трупа Бѣлова достаточно опровергаетъ это предположеніе. Не такъ умираютъ естественною смертью, и какъ бы велики ни были страданія, предшествовавшія ей — слѣды ихъ на трупѣ будутъ иные, чѣмъ на трупѣ Бѣлова. Еслибы онъ умеръ дома — то его тѣлу не за чѣмъ находиться въ глухомъ переулкѣ; если же онъ умеръ скоропостижно, внезапно, то гдѣ указанія его прихода на мѣсто смерти? Сапоги его сухи и чисты; а спина запачкана травою и грязью,— руки носятъ слѣды веревокъ... Итакъ, онъ умеръ неестественною смертью. Онъ самъ убилъ себя, самъ поднялъ на себя руки, могутъ отвѣчать намъ. Правда, на тѣлѣ Бѣлова слѣды насилія, слѣды рукъ — но это не его руки. Гдѣ поводы къ самоубійству? Гдѣ признаки у Бѣлова того отчаянія и безнадежной тоски, которыя могли побудить его лишить себя жизни,— его,— спокойно выносившаго пожарную службу и высиживавшаго въ острогѣ? Связь жены съ Каляшинымъ не могла быть такою побудительною причиною. Изъ объясненій подсудимой видно, что мужъ, служа въ Казани, зналъ о ихъ связи и относился къ этому довольно равнодушно. Придя домой и увидѣвъ эту связь «воочію», онъ зналъ, что, по исконному обычаю и по праву, онъ снова становится мужемъ и главою жены, имѣющимъ надъ нею власть. Былое, старое—очевидно было позабыто — лишь бы вновь не повторялось, и сама Бѣлова, говоря, что не продолжала отношеній съ Каляшинымъ со времени прихода мужа домой, ни слова не упоминаетъ объ упрекахъ и укорахъ мужа за прошлое. Да этихъ укоровъ и быть не могло, потому что связь Арины Бѣловой была явленіемъ слишкомъ частымъ въ быту простыхъ русскихъ людей, уходящихъ на службу или на заработки. И Бѣловъ не тосковалъ, не волновался, не негодовалъ, а сидѣлъ въ кабакѣ съ «теплыми ребятами» и угощался на ихъ счетъ, не гнушаясь выпить и на счетъ Каляшина, когда тотъ ему «подносилъ». Да и самый способъ совершенія самоубійства не таковъ. Чтобы прервать тяжелую, ненавистную жизнь, самоубійца не станетъ мучить и тиранить себя, зажимать себѣ ротъ, подбивать глаза, надавливать внутренности, вязать себѣ руки и кусать языкъ, а покончитъ сразу, однимъ ударомъ, однимъ отчаяннымъ усиліемъ. Итакъ, здѣсь не самоубійство.

Но если не самоубійство, то убійство. Прежде чѣмъ говорить однако, *кѣмъ* оно совершено, посмотримъ — *какъ* оно совершено.

Въ этомъ намъ поможетъ наука, которая приходитъ съ своимъ опытомъ и указаніями на помощь къ правосудію. — Пусть въ нѣкоторыхъ случаяхъ предъ судомъ имѣется только трупъ убитаго, — если, какъ было, полагаю, и въ настоящемъ случаѣ, преступная рука зажимаетъ навѣки уста живому человѣку, — то судебный врачъ, при пособіи своихъ свѣдѣній и пріемовъ, можетъ заставить многое разсказать самый трупъ. — Въ настоящемъ дѣлѣ, уѣздный врачъ, производившій вскрытіе трупа Бѣлова, нашелъ, что онъ былъ задушенъ посредствомъ закрытія носа и рта чужою рукою, — врачъ предположилъ по воспалительному состоянію внутренностей еще и отравленіе. Это мнѣніе было провѣрено высшимъ мѣстнымъ медицинскимъ учрежденіемъ — врачебною управою, — одинъ изъ ея членовъ произвелъ, подъ наблюденіемъ другого, изслѣдованія желудка и печени, и въ нихъ былъ найденъ мышьякъ. Вслѣдствіе этого врачебная управа признала, что Бѣловъ былъ отравленъ и задушенъ. — Здѣсь на судѣ, предъ вами, гг. присяжные засѣдатели, уѣздный врачъ съ чрезвычайною обстоятельностью и тщаніемъ описалъ все, что найдено имъ было на трупѣ Бѣлова и снова съ убѣжденіемъ подтвердилъ, что, по всѣмъ доступнымъ ему даннымъ, смерть Бѣлова произошла отъ задушенія, которое послѣдовало за отравленіемъ. Объ отравленіи свидѣтельствовалъ здѣсь фармацевтъ Ломанъ и его слова о нахожденіи мышьяку подтвердилъ экспертъ Фолькманъ. — Затѣмъ мы выслушали объясненія эксперта профессора Гвоздева. Уважаемый представитель судебно-медицинской науки далъ объясненія, во многомъ противуположныя объясненіямъ другихъ трехъ изслѣдователей. Онъ нашелъ, что задушеніе не доказано, такъ какъ болѣзненныя явленія, найденныя у умершаго, могли быть свойственны и другимъ родамъ смерти, наприм., замерзанію, смерти отъ сильнаго опьяненія, — а по отношенію къ отравленію г. экспертъ высказалъ сомнѣнія даже въ правильности произведеннаго изслѣдованія, находя, что при немъ въ печени было найдено черезчуръ большое, невозможное количество мышьяку. Шаткость данныхъ для изслѣдованія не дала возможности эксперту высказаться опредѣленно, а заставила говорить, какъ онъ самъ заявлялъ, такъ, «какъ онъ чувствуетъ» — и результатомъ его экспертизы было обширное сомнѣніе, сомнѣніе въ пріемахъ изслѣдователей, сомнѣніе въ томъ, что Бѣловъ погибъ насильственнымъ образомъ. Я вполнѣ понимаю такой выводъ г-на эксперта. Онъ не имѣлъ возможности прослѣдить болѣзненные припадки покойнаго, онъ не могъ узнать хода его предсмертныхъ страданій, — онъ не видѣлъ трупа его, не осматривалъ и не провѣрялъ самъ всего, что найдено было въ этомъ трупѣ, — и вотъ на судъ онъ приноситъ сомнѣніе, — чувство, во всякомъ случаѣ спасительное потому, что оно заставитъ судъ глубже и внимательнѣй вглядѣться во

всѣ остальныя обстоятельства дѣла. Повторяю, такой выводъ г-на эксперта понятенъ, — онъ представитель науки, постоянно развивающейся, гдѣ существуютъ самыя разнорѣчивыя мнѣнія, гдѣ многое еще не выработано съ достаточною ясностью, и онъ дѣйствуетъ осторожно, говоря, что въ данномъ случаѣ могло быть причиною смерти многое, весьма разнообразное, могли быть ошибки, промахи, недоразумѣнія... но, что было въ дѣйствительности, что *всего* правдоподобнѣй, — экспертъ не говоритъ. Но можемъ ли мы остановиться на одномъ сомнѣніи лишь только о немъ заявлено, возможно ли оставаться въ туманѣ недовѣрія ко всему видѣнному и слышанному и не стараться хоть сколько нибудь прояснить его? Задача суда была бы очень ограничена, очень скудна и безцвѣтна, еслибы при первомъ сомнѣніи, возникающемъ у него, онъ отказывался отъ своей цѣли — добиться въ дѣлѣ возможной истины. Всякое сужденіе о преступленіи слагается не изъ однихъ судебно-медицинскихъ данныхъ; призывая на помощь свѣдущихъ людей, судъ имѣетъ свободный выборъ между ихъ объясненіями, въ случаѣ если эти объясненія разнообразны и противурѣчивы. Если въ дѣлѣ возникаетъ нѣсколько разныхъ мнѣній, — ужели можно только на этомъ основаніи отказываться отъ отысканія въ немъ правды и умыть предъ нею руки? Нѣтъ! это невозможно, потому что задача суда состоитъ въ томъ, чтобы, выслушавъ разныя объясненія, провѣрить ихъ другими обстоятельствами дѣла, сопоставить съ указаніями опыта и жизни, со свидѣтельскими показаніями и съ цѣлымъ рядомъ данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ. Руководясь здравымъ смысломъ, отрѣшившись отъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ, судъ не останавливается на однихъ научныхъ предположеніяхъ,— онъ вслушивается во всю совокупность свидѣтельскихъ показаній, всматривается во всю житейскую обстановку дѣла, — посредствомъ нея, посредствомъ указаній опыта провѣряетъ онъ противурѣчивые и многообразные выводы свѣдущихъ людей — и приходитъ наконецъ къ заключенію, по мѣрѣ силъ человѣческаго разумѣнія, вѣрному. Поэтому, приступая къ оцѣнкѣ экспертизы, я полагаю, что слѣдуетъ остановиться на объясненіяхъ г-дъ Ломана, Фолькмана и уѣзднаго врача. Несмотря на то уваженіе, котораго не можетъ не питать судъ къ учености и авторитету эксперта Гвоздева, мнѣнія указанныхъ мною лицъ имѣютъ одно большое преимущество: тамъ, гдѣ послѣдній экспертъ имѣетъ дѣло съ предположеніями и свѣдѣніями, полученными имъ здѣсь объ изслѣдованныхъ предметахъ — и долженъ говорить «какъ чувствуетъ»,— указанныя мною лица говорятъ «какъ видѣли», потому что имѣли дѣло съ самыми предметами изслѣдованія, съ внутренностями, въ которыхъ нашли ядъ, съ трупомъ Бѣлова. Никто навѣрно не станетъ отрицать, что трупъ умершаго въ рукахъ опытнаго врача даетъ ему возможность изслѣдовать многое

въ дѣлѣ, что ускользнетъ отъ другихъ, не видѣвшихъ трупа,—что врачъ, вскрывающій убитаго, можетъ подмѣтить на трупѣ столько мелочныхъ подробностей, столько мелкихъ признаковъ, что они дадутъ ему возможность составить не отвлеченное, а живое, ясное, предметное представленіе о родѣ и свойствѣ смерти. Вы слышали, г-да присяжные засѣдатели, что уѣздный врачъ положительно нашелъ у Бѣлова всѣ признаки задушенія. Каждому изъ насъ извѣстенъ приблизительно наружный видъ удавленныхъ и задушенныхъ, — розовый или красный цвѣтъ лица, иногда выпученные глаза, высунутый и закушенный языкъ и т. д. Смерть отъ задушенія происходитъ отъ того, что доступъ воздуха въ легкія прекращается; онъ перестаетъ оживлять и, такъ сказать, одухотворять организмъ человѣка. «Воздухъ, свободно входящій и выходящій изъ тѣла—жизнь;—воздухъ, запертый въ тѣлѣ—смертельный ядъ, гибель...» говоритъ англійскій физіологъ Льюисъ. И дѣйствительно, стоитъ не дать воздуху выхода изъ тѣла человѣка и его отравляющее дѣйствіе начнется; кислородъ крови быстро уничтожается, она становится темною и жидкою, дыхательные пути наполняются кровянистою пѣною, лѣвый желудочекъ сердца пустѣетъ, кровь скопляется въ правомъ—и наступаетъ смерть. Всѣ эти признаки были найдены и у Бѣлова. Намъ говорятъ, что все-таки задушеніе не доказано, потому что жидкая и темная кровь бываетъ и у пьяницъ, переполненіе сердца у замершихъ и т. д. Да—бываетъ,—но что же слѣдуетъ изъ этого по отношенію къ настоящему случаю? Есть множество болѣзненныхъ состояній, которыя имѣютъ нѣкоторые признаки совершенно одинаковые, но имѣютъ и отличительные признаки. Одинаковость одного изъ найденныхъ у человѣка болѣзненныхъ признаковъ съ признаками другого болѣзненнаго состоянія развѣ можетъ служить основаніемъ, чтобы отказываться опредѣлить его дѣйствительное состояніе? Каждая болѣзнь можетъ конечно имѣть признаки, присущіе и другимъ болѣзнямъ въ отдѣльности, но важно то, что въ ней, въ этой именно болѣзни, содержится цѣлая совокупность признаковъ, *ей одной свойственныхъ*.— Позволю себѣ привести примѣръ. Мы видимъ человѣка, который смотритъ безсмысленнымъ, остановившимся, безжизненнымъ взоромъ, съ разинутымъ ртомъ и отсутствіемъ движенія въ лицѣ... Это безумный, говоримъ мы... Нѣтъ, — отвѣчаютъ намъ, — хотя безумные и имѣютъ иногда подобный видъ, но одинъ онъ еще ничего не доказываетъ,—это просто можетъ быть разсѣянный, задумавшійся до самозабвенія человѣкъ. Мы видимъ человѣка, который вздрагиваетъ безъ всякаго повода, видитъ видѣнія, разговариваетъ съ невѣдомыми лицами, говоритъ, что слышитъ голоса и т. д.—Это человѣкъ съ омраченнымъ разсудкомъ, лишившійся его — говоримъ мы. — Нѣтъ! отвѣчаютъ намъ,—это просто, можетъ быть, человѣкъ слишкомъ нервно на-

строенный, съ возбужденными до крайности чувствами, ибо ложныя представленія могутъ быть и у разумнаго, но разстроеннаго, воспріимчиваго, больного человѣка.—Мы видимъ человѣка, который говоритъ несбыточныя вещи, живетъ въ цѣломъ мірѣ фантазіи и чудесъ и съ самозабвеніемъ относится къ окружающей жизни. Онъ помѣшанъ, скажемъ мы. Нѣтъ, отвѣтятъ, — это еще не доказательство потери разсудка—это просто можетъ быть восторженный поэтъ, увлекающійся импровизаторъ, человѣкъ, забывшій прозаическую обстановку жизни подъ вліяніемъ сильнаго, живого воображенія. Мы увидимъ, наконецъ, человѣка, котораго не слушаютъ ноги и руки и которому отказывается повиноваться сильное нѣкогда тѣло. Это параличъ помѣшанныхъ—скажемъ мы. Почему же помѣшанныхъ, отвѣтятъ намъ? Душевное состояніе человѣка тутъ не при чемъ,—это обыкновенный параличъ органовъ движенія, происходящій отъ разнообразныхъ причинъ... И во всѣхъ этихъ случаяхъ мы будемъ неправы, скоры, поверхностны въ сужденіяхъ.—Но когда мы увидимъ человѣка, въ которомъ соединились *всѣ* указанныя мною явленія, который тупо и безсмысленно смотритъ, говоритъ, путаясь языкомъ, дикія и безсвязныя вещи, дѣлаетъ странныя движенія, еле двигаетъ ослабѣвшими ногами, потухающимъ взоромъ видитъ то, чего другіе не видятъ, и витаетъ въ особомъ оригинальномъ мірѣ, созданномъ его больнымъ воображеніемъ,—тогда мы говоримъ, что это не только нервный, больной физически и разсѣянный человѣкъ,—а несчастный, въ которомъ потухла искра разума,—сумасшедшій.—И въ этомъ случаѣ, при такой совокупности признаковъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ ничего не значитъ, но которые всѣ вмѣстѣ отчетливо указываютъ на душевную болѣзнь—въ этомъ случаѣ, говорю я, мы будемъ правы, такъ же какъ въ каждомъ отдѣльномъ примѣрѣ были правы наши противники. То же самое надо сказать и о задушеніи Бѣлова. Г. экспертъ призналъ самъ, что признаки, найденные въ трупѣ Бѣлова, бываютъ и у задушенныхъ. Не стану спорить, что многіе изъ подобныхъ признаковъ встрѣчаются и у умершихъ другого рода смертью, но когда я припоминаю всю совокупность признаковъ, найденныхъ у Бѣлова: его красный цвѣтъ лица, высунутый и ущемленный зубами языкъ, кровянистую пѣну въ дыхательныхъ путяхъ, наполненныя кровью легкія, опустѣвшій лѣвый желудочекъ сердца и переполненный правый, его темную и жидкую кровь,—когда я мысленно добавляю къ этому его лицо, носящее знаки насилія, его расцарапанный ротъ—я не могу отрѣшиться отъ мысли, что все это указываетъ на задушеніе, и именно на задушеніе. Вотъ почему, когда здѣсь, предъ нами, судебный врачъ говоритъ: «вскрывая много разъ трупы задушенныхъ и удавленныхъ, я вскрывалъ и трупъ Бѣлова и, принимая во вниманіе все

найденное мною въ трупѣ, провѣряя это опытомъ и знаніемъ, я по долгу совѣсти свидѣтельствую, что я нашелъ у Бѣлова признаки задушенія»,—нельзя не согласиться съ нимъ вполнѣ. — Намъ указываютъ впрочемъ на то, что нѣкоторые изъ признаковъ, найденныхъ у Бѣлова, бываютъ у замерзшихъ и у пьяницъ.— Но о замерзаніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ дѣло было лѣтомъ. — Поэтому, остается смерть отъ излишняго опьяненія, отъ безобразнаго, безграничнаго пьянства. Но гдѣ же указанія на такое состояніе? Кто изъ простыхъ русскихъ людей не пивалъ и не сиживалъ по кабакамъ, кто изъ нихъ не бывалъ сильно пьянъ? Но отсюда до смерти отъ опьяненія еще очень далеко. Надо, чтобы человѣкъ пьянствовалъ долго и упорно, чтобы смерти отъ опьяненія предшествовало полное безсознательное состояніе, потеря всѣхъ чувствъ и т. д. Но гдѣ эти признаки у Бѣлова? Жена его только за два дня до смерти мужа впервые заявила, что онъ пьянствуетъ, да и пришелъ онъ въ Теньки недавно; пилъ не на свои, поили его Арсеновъ, Курманаевъ и Каляшинъ,— а на чужой счетъ едва ли можно было ужъ очень чрезмѣрно пить. Наконецъ, и состояніе его предъ смертью не соотвѣтствуетъ предположенію о крайнемъ опьяненіи. Онъ пришелъ, какъ показываетъ жена, домой подъ хмѣлькомъ,—«*пришелъ*», замѣтьте это,— и затѣмъ вышелъ къ женѣ покурить трубочки, но она его прогнала на огородъ. Такъ показываетъ она сама. Это ли безчувственно пьяный, отравленный алкоголемъ?! И какъ онъ очутился вдали отъ дома, кѣмъ-то туда принесенный? — Нѣтъ, здѣсь не было смерти отъ опьяненія. Было задушеніе.

Обращаюсь къ вопросу объ отравленіи Бѣлова. Мы слышали здѣсь, что уѣздный врачъ нашелъ сильное воспалительное состояніе внутренностей Бѣлова. Это заставило его предположить отравленіе; затѣмъ было произведено изслѣдованіе внутренностей и въ нихъ былъ найденъ мышьякъ, мышьяковистая кислота. Цѣлымъ рядомъ сложныхъ опытовъ и изслѣдованіями посредствомъ приспособленнаго къ открытію мышьяку аппарата Марша изслѣдователь Ломанъ пришелъ къ убѣжденію, что во внутренностяхъ Бѣлова есть мышьякъ. Онъ попробовалъ изслѣдовать количество его—и получилось очень большое количество—слишкомъ 18 грановъ; онъ провѣрилъ свой опытъ — опять получилось то же количество. — Казалось бы несомнѣннымъ, что мышьякъ былъ принятъ Бѣловымъ и, притомъ, въ огромномъ количествѣ. — Но здѣсь опять является экспертиза со своими сомнѣніями.—Присутствіе мышьяка въ трупѣ Бѣлова не отрицается, но намъ говорятъ, что мышьякъ этотъ могъ попасть въ трупъ *извнѣ*, что онъ не былъ принятъ Бѣловымъ, что его найдено такое количество, которое не соотвѣтствуетъ цѣли убить одного человѣка. Предъ нами заявлено сомнѣніе въ правильности, въ точности, въ

научной стоимости опытовъ изслѣдователя надъ внутренностями Бѣлова и, вмѣсто вопроса о преступномъ лишеніи жизни посредствомъ яда, возбужденъ вопросъ о небрежномъ и пагубно невнимательномъ изслѣдованіи, слѣдствіемъ котораго было неправильное преданіе суду подсудимыхъ. Но какъ бы сильны ни были такія заявленія, какъ бы ни заставили они призадумываться надъ предметомъ обвиненія, я полагаю, что существенной силы они не имѣютъ... И въ самомъ дѣлѣ—посмотримъ, откуда же могъ попасть во внутренности Бѣлова мышьякъ, несомнѣнно найденный въ его тѣлѣ? Внутренности эти были положены въ опечатанный, тщательно вымытый сосудъ и такъ привезены въ губернское правленіе. Въ нихъ найденъ мышьякъ,—подложить его туда никто не могъ,—а между тѣмъ, онъ найденъ, значитъ онъ находился во внутренностяхъ Бѣлова, былъ имъ воспринятъ. Намъ говорятъ, что въ печени найдено слишкомъ большое количество мышьяку, котораго она не могла всосать. Пусть такъ,—но внутренности были смѣшаны въ сосудахъ, и находившійся въ нихъ мышьякъ могъ скопиться въ одной изъ нихъ, всосаться изъ одной въ другую. Здѣсь на судѣ экспертомъ было заявлено, что такое явленіе не невозможно.—Важно то, что мышьякъ, въ количествѣ достаточномъ для убійства и не одного человѣка, оказался во внутренностяхъ Бѣлова. Экспертъ Гвоздевъ доказывалъ здѣсь, что мышьякъ могъ попасть извнѣ при производствѣ изслѣдованія. Но нельзя предположить, что онъ попалъ изъ окружавшей атмосферы, что на изслѣдуемыхъ внутренностяхъ осадились пары мышьяку, носившіеся въ воздухѣ. Еслибы такіе пары существовали въ мѣстѣ, гдѣ производилось изслѣдованіе, они прежде всего убили бы самихъ изслѣдователей, поэтому остается, вмѣстѣ съ г. Гвоздевымъ, предположить, что мышьякъ былъ не во внутренностахъ Бѣлова, а въ тѣхъ кислотахъ и химическихъ веществахъ, которыя употреблялъ г. Ломанъ при изслѣдованіи внутренностей посредствомъ аппарата Марша.—Но такому предположенію не можетъ быть дано мѣста. Ломанъ давалъ здѣсь предъ вами, гг. присяжные засѣдатели, свои объясненія. На мои вопросы о чистотѣ реагентовъ и о мѣстѣ ихъ пріобрѣтенія, онъ настойчиво заявилъ, что реагенты были чисты, что онъ ихъ, согласно обычаю, предварительно испытывалъ на приборѣ Марша, и того мышьяковистаго налета, который является отъ мышьяку, не появлялось. Онъ объяснилъ намъ здѣсь, что самъ приготовляетъ реагенты и добавилъ, что получивъ 18 гранъ мышьяку, онъ усомнился въ этомъ количествѣ и повторилъ свои опыты. Наконецъ, экспертъ Фолькманъ объяснилъ, что присутствовалъ при качественномъ анализѣ, сдѣланномъ Ломаномъ, и нашелъ, что онъ производился правильно.—Гдѣ же основанія для сомнѣній въ дѣйствіяхъ Ломана и Фолькмана? Гдѣ достаточныя основанія для того, чтобы признать, что человѣкъ, который по званію

своему постоянно производитъ судебно-химическія изслѣдованія, допустилъ такую грубую, непростительную ошибку? Отъ васъ будетъ зависѣть отнестись съ недовѣріемъ къ объясненіямъ Ломана и къ результатамъ его изслѣдованій, но обвинительная власть не можетъ отказать въ довѣріи словамъ спеціалиста, лица оффиціальнаго, которое присягою обязалось показывать истину въ дѣлѣ, гдѣ идетъ рѣчь о всей судьбѣ, о цѣлой жизни двухъ подсудимыхъ, и которое убѣжденно и твердо свидѣтельствуетъ, что реактивы были чисты и мышьякъ не былъ *внесенъ* во внутренности Бѣлова, а былъ въ нихъ *найденъ*.—Притомъ, большое количество мышьяку въ печени Бѣлова еще не служитъ доказательствомъ того, что онъ не былъ отравленъ. Вообще во внутренностяхъ отравленныхъ могутъ быть находимы огромныя количества мышьяку сравнительно съ тѣмъ, что найдено у Бѣлова. Такъ, Касперъ, извѣстный судебный врачъ, приводитъ въ своихъ «Klinische Novellen» случаи, гдѣ во внутренностяхъ отравленныхъ бывало найдено 90 и даже 100 грановъ мышьяку; въ одномъ случаѣ, имъ приводимомъ, найдено во внутренностяхъ отравленнаго именно 18 грановъ, не взирая на большее количество, извергнутое рвотою. Знаменитый Орфила указываетъ случаи пріема огромныхъ количествъ мышьяку, доходившихъ до 3-хъ драхмъ, т. е. 180 грановъ. Наконецъ, профессоръ Бухнеръ указываетъ, что наименьшій пріемъ мышьяку, причинившій смерть лишь чрезъ 6 дней, равнялся 30-ти гранамъ. — Поэтому, какъ бы велико ни было количество мышьяку, найденнаго въ печени,— фактъ отравленія Бѣлова остается въ прежней силѣ; я не берусь объяснить, какъ попало слишкомъ большое количество мышьяку въ печень, но я указываю на то, что, по словахъ многихъ судебно-медицинскихъ писателей, внутренности человѣка могутъ содержать количество мышьяку гораздо большее, чѣмъ то, которое найдено у Бѣлова, а во время судебнаго слѣдствія здѣсь было заявлено, что въ мертвомъ организмѣ возможенъ процессъ впитыванія, «имбибаціи», причемъ ядовитыя вещества могутъ впитываться и въ печень. Для обвиненія существенны вопросы: былъ ли ядъ въ тѣлѣ Бѣлова и можно ли считать изслѣдованіе внутренностей его произведеннымъ добросовѣстно? и оба эти вопроса разрѣшаются утвердительно.

Но на этомъ остановиться нельзя, — нельзя не взглянуть на житейскую обстановку вопроса. Сюда относится вопросъ о чашкѣ съ какою-то кашицей, которая содержала въ себѣ мышьякъ.— Когда человѣкъ найденъ мертвымъ, когда онъ найденъ мертвымъ въ подозрительной обстановкѣ,—когда у него въ избѣ находятъ за лавкой чашку съ подозрительной смѣсью и въ той смѣси, такъ же какъ и во внутренностяхъ покойнаго, оказывается мышьякъ, то приходится невольно и внимательно присмотрѣться къ этой чашкѣ.

Вы слышали объясненія подсудимыхъ и знаете, что они противурѣчивы между собою; «мужъ, придя изъ Казани, приготовилъ отраву отъ мухъ», говоритъ Арина; «кто приготовилъ отраву—не знаю», говоритъ Каляшинъ. Но правдоподобно ли такое объясненіе? Мы знаемъ изъ показаній той же Арины, что мужъ ея курилъ такой табакъ, что даже ея притупленные крестьянскою жизнью нервы не могли выносить его запаху; та же Арина особенно оттѣняла въ своихъ объясненіяхъ, что мужъ ея сидѣлъ два года въ острогѣ, прежде чѣмъ пришелъ въ ея бѣдную сиротскую избу. И этотъ-то человѣкъ, почти не живущій дома, проводящій время въ обществѣ пьяныхъ и гулящихъ людей, курящій невыносимый «тютюнъ», пожарный солдатъ и острожный сидѣлецъ, придя въ свой, лишенный самаго необходимаго, бѣдный домъ, не заботясь о хозяйствѣ, прежде всего хлопочетъ, чтобы его не *безпокоили мухи!* Кто знаетъ печальное въ смыслѣ чистоты и другихъ гигіеническихъ условій состояніе русскихъ остроговъ, тотъ найдетъ эту заботу о мухахъ болѣе чѣмъ странною. Нѣтъ, не для мухъ была заготовлена чашка, найденная въ домѣ покойнаго Бѣлова. Таковы обстоятельства, касающіяся отравленія Бѣлова. Они рождаютъ убѣжденіе, что онъ былъ отравленъ. Если отбросить слишкомъ смѣлыя сомнѣнія, высказанныя здѣсь, то придется повѣрить г. Ломану, который нашелъ ядъ во внутренностяхъ Бѣлова; если признать это, если допустить, что ядъ принятъ Бѣловымъ, то нельзя думать, что онъ принялъ его сознательно, т. е. самъ отравился, такъ какъ онъ кончилъ жизнь не самоубійствомъ, о чемъ мы уже говорили. Итакъ, онъ отравился безсознательно тѣмъ ядомъ, который ему былъ данъ.—Данъ, но кѣмъ? Къ изслѣдованію этого вопроса я и перехожу.

Изъ обстоятельствъ дѣла мы знаемъ, что Бѣловъ убитъ,—отравленъ и задушенъ, причемъ отравленіе, безъ сомнѣнія, предшествовало задушенію,—задушеннаго отравить нельзя, да притомъ, отравленіе—одинъ изъ спокойнѣйшихъ и безопаснѣйшихъ для отравителя способовъ убійства и его приходится предпочитать съ точки зрѣнія преступника всякому другому, насильственному виду убійства... Характеристическія стороны личности Бѣлова уже извѣстны,—это былъ тихій, довольно беззаботный человѣкъ. Кто же могъ убить его и зачѣмъ? Обдуманное убійство человѣка можетъ быть совершено или для его ограбленія, или для завладѣнія послѣ его смерти его имуществомъ или, наконецъ, изъ ненависти. Но Бѣловъ не ограбленъ,—даже роскошнѣйшая часть крестьянской одежды—сапоги—остались на немъ, уцѣлѣли и двое портовъ. Денегъ у него не было, пилъ онъ не на свои, а угощался на чужой счетъ. Имуществомъ его завладѣть тоже никто не могъ разсчитывать. Все оно состояло изъ избы и кое-какого скота, но это и по праву, и по обычаю было принадлежностью жены, такъ какъ

она вела хозяйство и заботилась о немъ. Мужъ, отданный давно въ солдаты, былъ отрѣзанный ломоть.—Гдѣ слѣды той ненависти, которая заставила бы убить Бѣлова кого либо изъ чуждыхъ ему людей? Онъ пришелъ недавно, жилъ мирно и нигдѣ въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на вражду къ нему кого-либо... Для того, чтобы отравить и удушить чужого человѣка, надо слишкомъ сильно и упорно его ненавидѣть... Намъ скажутъ, можетъ быть, что его убили въ дракѣ,—но гдѣ же малѣйшія указанія на эту драку, гдѣ шумъ, крики, брань—эти неизбѣжные спутники драки? У него найдены два подтека на лицѣ, но они, сами по себѣ, не могли быть причиною смерти;—въ немъ найденъ ядъ, а кого убиваютъ мгновенно, въ запальчивости, того не отравляютъ... Притомъ—гдѣ же былъ убитъ Бѣловъ? Очевидно, что не тамъ, гдѣ онъ найденъ,—слѣды тащенья, связыванія рукъ и т. д.—слишкомъ очевидны. Надо, поэтому, по этимъ слѣдамъ дойдти до мѣста, откуда тащили Бѣлова и гдѣ, слѣдовательно, его убили. Старшина, понятые, волостные судьи и становой приставъ произвели подробный и точный осмотръ слѣдовъ тащенія. Вы слышали ихъ объясненія, объясненія въ особенности старшины, не оставляющія желать ничего лучшаго со стороны ясности и полноты. Слѣдъ, по которому шагъ за шагомъ шли эти лица, привелъ ихъ къ дому Бѣлова, къ его двору, къ сарайчику... Итакъ—здѣсь былъ убитъ Бѣловъ. Этому не противурѣчитъ и то показаніе обвиняемой, по которому мужъ, пришедшій со своимъ невыносимымъ табакомъ, былъ ею прогнанъ на огородъ и болѣе не возвращался. Слѣдъ именно начинается съ того мѣста огорода, гдѣ онъ соединяется со дворомъ.—Итакъ, Бѣловъ убитъ на огородѣ, около, возлѣ своего двора, почти на дворѣ. Но почему убійцы знали, что онъ, пошедшій домой, придетъ на огородъ, почему они догадались, что онъ непремѣнно явится къ женѣ со своимъ пожарнымъ «тютюномъ», а она его отошлетъ на огородъ? Или они его рѣшились ждать въ засадѣ въ надеждѣ, что онъ, можетъ быть, выйдетъ? И какъ могли рѣшиться напасть на Бѣлова у него, почти въ домѣ, не боясь, что онъ сталъ бы кричать, звать на помощь? Притомъ, онъ отравленъ, но вѣдь ядъ насильно проглотить заставить невозможно или, покрайней мѣрѣ, крайне трудно,—его надо поднести, дать выпить. Гдѣ же это сдѣлано? Да и принявъ отраву, онъ могъ уйдти, цѣль не была бы достигнута,—могъ начать кричать,—давшіе ядъ были бы пойманы. Ядъ не сразу лишилъ его жизни,—не даромъ понадобилось еще задушеніе. Возможно ли предположить, что кто либо, давъ Бѣлову отраву, сталъ дожидаться, пока она подѣйствуетъ? Или—припадки уже начались, но убійцы не могли дождаться ихъ конца и задушили Бѣлова. Но гдѣ же были домашніе Бѣлова—жена, дочь, сожитель его Каляшинъ, который спалъ возлѣ сарайчика въ напогребицѣ? какъ

не слыхали они стоновъ и криковъ Бѣлова?—Потомъ, если чужіе, посторонніе люди убили Бѣлова,—зачѣмъ они тащили его такъ далеко? Кромѣ опасности попасться, такое тащеніе ничего не представляло. Гораздо удобнѣй оставить его у дома мертвымъ и тѣмъ отвлечь всякое подозрѣніе, которое неминуемо пало бы на домашнихъ покойнаго, по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ оно не падаетъ теперь на постороннихъ. Итакъ, Бѣловъ убитъ не чужими, а близкими, своими...

Но эти свои, близкіе, должны имѣть какую нибудь побудительную причину для его убійства. Вглядимся же въ ихъ жизнь, въ ихъ обстановку, можетъ быть мы и найдемъ эту причину. Извѣстно, что̀ нашелъ у себя дома Бѣловъ, придя изъ Казани. Безъ него жена вступила въ связь съ Каляшинымъ, который оставилъ свою жену. Онъ работалъ на Арину, былъ ея «жильцомъ». Изъ того, что Арина на предварительномъ слѣдствіи, при обвиненіи въ убійствѣ мужа, первая смѣло взглянула въ лицо опасности и сказала Каляшину: «чего крутишься-то», когда тотъ сталъ лгать, — изъ того, что̀ и какъ говоритъ она здѣсь на судѣ, — нельзя не видѣть женщины съ характеромъ. Оставленная одна, она должна была бороться и съ трудомъ, и съ нищетою, пока не нашла наконецъ помощника и друга — Каляшина. Но это не мужъ, не самовластный глава семьи — это «житель», съ которымъ Арина ничѣмъ не связана и которому она, конечно, не очень подчинялась. Между ними были свободныя отношенія, они соединились, какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ. Но не таковы супружескія отношенія въ крестьянскомъ быту, не таковы могли бы быть отношенія Бѣлова къ Аринѣ, еслибы они жили вмѣстѣ. Безотвѣтное, забитое, подчиненное «нраву» своего мужа положеніе простой русской женщины слишкомъ извѣстно. Лучшій примѣръ—жена Каляшина, которую мы видѣли на судѣ. Они «не въ любви жили» и онъ ее бросилъ и переселился во дворъ къ другой, а жена безропотно пошла «Христовымъ именемъ»—безропотно, говорю я потому, что и здѣсь на судѣ она, со всѣмъ доступнымъ ей жаромъ, прежде всякихъ вопросовъ, старается доказать, вопреки очевидностямъ, что мужъ ее очень любилъ и обиды она отъ него не видывала... Когда Каляшинъ сидѣлъ въ холодной, при волостномъ правленіи, она первая принесла ему своего нищенскаго хлѣба и безпрекословно понесла его бѣлье къ Бѣловымъ. И таковы въ большей части случаевъ отношенія простыхъ русскихъ людей. Характеръ мужа, его относительная мягкость тутъ не при чемъ:—самовластіе, при сознаніи своего главенства, слишкомъ доступно всякому характеру. И вотъ, когда связь Бѣловой и Каляшина окрѣпла, когда у нихъ пошло общее хозяйство—является неожиданно мужъ. Ни нравственной, ни физической связи у Арины съ нимъ давно

не существуетъ—и между тѣмъ, онъ въ правѣ требовать и любви, и ласки. Въ хозяйство онъ ничего не приноситъ, кромѣ привычки выпивать,—а между тѣмъ, онъ и глава дома, и хозяинъ. Правда, онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на связь, пока былъ въ Казани,—но въ Тенькахъ онъ вступаетъ опять въ права мужа; прежнюю семейственную жизнь съ Каляшинымъ надо бросить,—а видѣться тайкомъ и неудобно, да и не привычно, да и не полѣтамъ, пожалуй. Такимъ образомъ, прежняя совмѣстная жизнь обращается въ любовныя свиданія, подъ постояннымъ страхомъ вмѣшательства пьянаго мужа, который можетъ, который *имѣетъ право* и пригрозить, и побить. И это послѣ 16 лѣтъ свободы и вольнаго житья! Жить съ чужимъ человѣкомъ, будучи почти вдовою, покинутою мужемъ, еще возможно, но продолжать съ нимъ открыто связь, когда пришелъ мужъ—стыдно, зазорно... Поэтому можно вполнѣ вѣрить словамъ Арины Бѣловой, когда она говоритъ, что съ прихода мужа не «знала» болѣе Каляшина, хотя онъ и оставался жить у нихъ на дворѣ. Но чѣмъ старше человѣкъ, тѣмъ больше въ немъ сила привычки,—въ старомъ тѣлѣ упорнѣй и крѣпче держится разъ запавшая въ него страсть и сильнѣй подчиняетъ себѣ разсудокъ. Съ приходомъ Бѣлова положеніе Арины и Каляшина совершенно измѣнилось,—пришлось сломать все старое, подчиниться, начать новую жизнь съ нелюбимымъ, пьянымъ человѣкомъ, острожникомъ. Все это сдѣлать и трудно, и больно; надо уничтожить то, что наросло годами, и для чего же? Для того, чтобы создать себѣ положеніе, изъ котораго и выхода не предвидится. Поэтому—этого положенія надо избѣжать во что бы то ни стало, надо устранить мужа, надо его удалить изъ дому опять и притомъ навсегда, безвозвратно,—*надо его убить*.

Но недостаточно указать на побудительную причину, нужно прослѣдить и остальныя данныя, указывающія на виновность подсудимыхъ. Каждое преступленіе, какъ бы обдуманно содѣяно оно ни было, всегда оставляетъ извѣстные слѣды. Поищемъ этихъ слѣдовъ въ дѣлѣ. Извѣстно, что при обыскѣ въ домѣ Бѣлова, кромѣ чашки съ мышьякомъ, найдены были еще порты, замаранные кровью и на лѣвомъ колѣнѣ запачканные грязью. Относительно этихъ портовъ произошло у подсудимыхъ и у Варвары Бѣловой разнорѣчіе: Арина утверждала, что порты эти ея мужа, но найденная вмѣстѣ съ ними рубаха—Каляшина; Каляшинъ утверждалъ, что ничто не принадлежитъ ему; Варвара Бѣлова, менѣе другихъ заинтересованная въ сокрытіи истины, прямо заявила, что порты Каляшина, такъ же какъ и рубаха. Затѣмъ, по осмотру найдены въ нѣсколькихъ мѣстахъ на полу избы замытыя и затертыя мѣста; по изслѣдованію оказалось, что это не кровь, но за то кровь оказалась около порога погребицы и на дверяхъ ея. Эту кровь Каляшинъ старался объяснить ссылкою на коно-

вала, который будто бы еще лѣтомъ нынѣшняго года пускалъ кровь изъ ноги его лошади, у дверей погребицы. Но коновалъ былъ здѣсь спрошенъ и сказалъ, что кровь онъ пускалъ въ прошломъ году и всегда это дѣлаетъ въ отдаленіи отъ жилья, чтобы его не запачкать брызгами... Обращаясь затѣмъ къ трупу Бѣлова, мы находимъ, что по вскрытіи его обнаружилось, что около внутренней стороны нижнихъ спинныхъ позвонковъ произошло кровоизліяніе въ клѣтчатку, какъ бы отъ давленія круглымъ, тупымъ тѣломъ. Когда Бѣловъ былъ найденъ, спина его на выпуклыхъ мѣстахъ была запачкана грязью и травою, одежда тоже, а ротъ и усы замараны истекавшею изъ носа кровью. Путь, по которому тащили Бѣлова, можетъ быть, согласно съ показаніями свидѣтелей, прослѣженъ довольно точно. Его стали тащить за ноги (отъ того-то и не запачканы сапоги его грязью) отъ сарайчика по двору, затѣмъ, дойдя до того мѣста, гдѣ находится прясло Прохорычева, вынули изъ него нѣсколько жердей и въ образовавшееся отверстіе пронесли трупъ. Жерди были сложены на скошенную траву и, когда онѣ были снова вставлены, прилипшая къ нимъ трава осталась молчаливою свидѣтельницею того, что ихъ вынимали. Затѣмъ трупъ потащили по землѣ Прохорычева, дошли до овинной ямы, но обогнули ее, миновали и такъ протащивъ трупъ по саду, добрались до другого прясла. Здѣсь трупъ былъ приподнятъ и перекинутъ чрезъ прясло и потащенъ по переулку, гдѣ наконецъ и брошенъ.

Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ отсутствіемъ поводовъ и возможности убійства Бѣлова посторонними людьми, въ связи съ его семейною обстановкой, даютъ возможность видѣть въ Калягинѣ и Бѣловой дѣйствительныхъ убійцъ покойнаго. Попробуемъ вглядѣться въ ту картину, которая рисуется изъ соображенія приведенныхъ уликъ. Бѣловъ пьетъ въ кабакѣ вечеромъ 21-го іюня и «подъ хмѣлькомъ» уходитъ домой. Приходъ его видятъ сосѣди, ухода не видитъ никто, даже Варвара Бѣлова показываетъ, что не видѣла, чтобы отецъ уходилъ изъ избы. Итакъ, Бѣловъ заходитъ въ избу, наступаетъ вечеръ, хмѣль клонитъ голову ко сну и въ это время, тѣмъ или другимъ образомъ, ему долженъ былъ быть данъ ядъ, остатки котораго найдены въ чашкѣ. Мы уже знаемъ, что ядъ былъ приготовленъ заранѣе. Затѣмъ, начинается его дѣйствіе,—Бѣлова начинаетъ рвать. Отсюда тѣ вымытыя и затертыя пятна, которыя найдены въ разныхъ мѣстахъ на полу избы. Это не простое подчищеніе, подновленіе внутренности избы,—потому что оно происходитъ безъ всякаго видимаго повода, лишь въ нѣсколькихъ частяхъ избы. Это и не кровяныя пятна, какъ оказалось по изслѣдованію. Это пятна рвоты, слѣды изверженій Бѣловымъ отравы, — слѣды, которые нужно было уничтожить, замыть. Смерть, однако, не наступаетъ такъ

скоро, какъ ожидалось, и обезсиленный Бѣловъ, вытащенный, а быть можетъ, и вытолкнутый на дворъ — (шапка его найдена у порога избы) — еще живетъ, еще дышетъ. Но лѣтняя ночь коротка, къ утру, онъ можетъ, пожалуй, оправиться, разсказать, заподозрить, — или даже можетъ умереть на глазахъ у постороннихъ смертью, мало похожею на естественную. И вотъ, является необходимость насилія. Надо потушить сразу медленно угасающую жизнь. Для этого на него наваливаются — наступаютъ на него колѣномъ и зажимаютъ ротъ и носъ. Наступаетъ слабая борьба, тщетное сопротивленіе, пальцы, сжимающіе носъ, сдавливаются крѣпче, рука, налегшая на ротъ, сжимаетъ его плотнѣй, царапая его ногтями. Наконецъ — Бѣловъ мертвъ.

Онъ мертвъ возлѣ погребицы Каляшина, потому что она рядомъ съ сарайчикомъ, а отъ него начинаетъ уже идти слѣдъ тащеннаго, слѣдовательно, мертваго уже человѣка. Тамъ должны были произойдти царапины около рта Бѣлова, ушибы глазъ, кровоподтекъ на спинѣ. У него пошла кровь изъ носу, съ нею и былъ онъ найденъ. Но эта кровь должна была запачкать душившаго, запачкать мѣсто убійства;—на дворѣ было грязно, обоими колѣнами упираться въ Бѣлова было неудобно, нужно было стать другимъ колѣномъ на землю. И вотъ, у порога погребицы кровь, на портахъ Каляшина кровяныя пятна, а на лѣвомъ колѣнѣ прилипшая грязь. Затѣмъ начинается уносъ тѣла. Одному человѣку это сдѣлать трудно: єслибы онъ тащилъ за ноги, то голова избилась бы, испачкалась бы о землю,—а она чиста и мало повреждена. Слѣдовательно, несли двое, что было необходимо и для перетаскиванья трупа черезъ прясло сада Прохорычева. Трупъ не былъ брошенъ въ овинную яму, хотя его дотащили до нея. Это было бы слишкомъ близко, слишкомъ подозрительно. То же и относительно тока, и такимъ образомъ трупъ вытащенъ въ переулокъ, гдѣ всякій могъ ходить, гдѣ все могло случиться съ покойнымъ Бѣловымъ въ то время, когда его поджидало къ себѣ уже осиротѣлое семейство.

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, было совершено убійство Бѣлова. Его отравила, по предварительному соглашенію съ Каляшинымъ, Арина Бѣлова въ избѣ, когда онъ хмѣльной вернулся домой, заранѣе припасенной, на удобный случай, отравою. Нужно не забывать, что Варвара Бѣлова не спала въ избѣ. Затѣмъ онъ былъ вытащенъ или выкинутъ на дворъ и здѣсь, лежа у погребицы, былъ «для скорости» задушенъ Каляшинымъ, причемъ ему помогала Арина Бѣлова тѣмъ, что тащила потомъ вмѣстѣ съ нимъ трупъ мужа. Это единственный, на мой взглядъ, правдоподобный и согласный съ обстоятельствами дѣла, насколько они намъ извѣстны, выводъ. Признаете ли и вы, гг. присяжные, его такимъ, покажетъ вашъ приговоръ.

Вглядываясь въ другія дѣйствія подсудимыхъ, какъ до убійства Бѣлова, такъ и послѣ него,— приходится еще болѣе укрѣпиться въ сдѣланномъ выводѣ. И дѣйствительно, задумавъ преступленіе, о чемъ долженъ естественнымъ образомъ заботиться задумавшій его? О томъ, чтобы не быть открытымъ, не попасться, не навлечь на себя подозрѣнія... Но для этого надо *отвлечь* отъ себя могущее пасть подозрѣніе по мѣсту и обстановкѣ преступленія. Это и было въ настоящемъ дѣлѣ: убитый былъ оттащенъ очень далеко отъ мѣста дѣйствительнаго убійства. Но этого иногда мало, недостаточно отвлечь отъ себя подозрѣніе, иногда его необходимо навлечь на другихъ, указать судебнымъ властямъ мнимыхъ преступниковъ. И это условіе выполнено въ настоящемъ дѣлѣ. Арина Бѣлова съ тонкою предусмотрительностью, за два дня до убійства мужа, заявляетъ старостѣ, что мужъ все съ «ними» пьетъ, и выражаетъ боязнь, какъ бы ему отъ «нихъ» дурно не было. Эти «они» — Курманаевъ и Арсеновъ, и тотчасъ послѣ нахожденія мертвымъ мужа въ переулкѣ, она заявляетъ на нихъ подозрѣніе, ссылаясь на то, что еще и прежде говорила о нихъ. Вслѣдствіе ея словъ, подозрѣніе дѣйствительно пало первоначально на Курманаева и Арсенова; они были привлечены къ слѣдствію и только впослѣдствіи освобождены отъ суда, потому что противъ нихъ не было обнаружено рѣшительно никакихъ уликъ.

Но мало навлечь подозрѣніе на другихъ, — нужно изгладить по возможности слѣды преступленія. Такимъ образомъ, является замываніе и затираніе слѣдовъ рвоты, является эпизодъ съ рубашкою Каляшина. Вы помните разсказъ арестанта Ульянцева о томъ, что Каляшинъ, приведенный въ холодную, отдалъ женѣ рубашку, бывшую на немъ въ ночь убійства, и приказалъ снести ее къ Бѣловымъ. Жена исполнила приказаніе и принесла рубашку Бѣловой, получивъ отъ нея другую, лучшую, которую и отнесла мужу. Онъ не отрицаетъ здѣсь обмѣна рубашекъ, но говоритъ, что это было сдѣлано, чтобы удобнѣй чесаться отъ блохъ, которыхъ было въ арестантской множество. Но онъ былъ арестованъ днемъ, къ нему тотчасъ же пришла жена; когда же успѣлъ онъ ощутить необходимость удобнѣе чесаться, для чего и понадобилось перемѣнить рубаху? И куда дѣлась, какимъ образомъ безслѣдно исчезла эта рубашка? И что, наконецъ, за странные люди и Бѣловъ, по словамъ жены, и самъ Каляшинъ. Одинъ, только что придя изъ острога, пьяный и гульливый человѣкъ,—хлопочетъ объ истребленіи мухъ,—другой, заподозрѣнный въ убійствѣ, посаженный въ арестантскую, прежде всего заботится о томъ, чтобы удобнѣе было почесываться!.. Наконецъ, нельзя не указать на разнорѣчіе подсудимыхъ во многихъ существенныхъ вопросахъ: «были постоянно въ связи до прихода мужа», говоритъ Арина Бѣлова;

«давно прервали связь», говоритъ Каляшинъ; «съ прихода мужа не жилъ у Бѣловыхъ, а въ ночь убійства ночевалъ у Матрены Казвѣровой»; «жилъ до смерти мужа у насъ въ домѣ», говоритъ Арина, и заставляетъ Каляшина сознаться, что онъ не ночевалъ у Казвѣровой и т. д.

Гдѣ являются постоянныя и серьезныя противурѣчія въ показаніяхъ объ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, тамъ или одна изъ сторонъ умышленно лжетъ, или обѣ не успѣли достаточно условиться въ предстоящей лжи, такъ сказать, не спѣлись. Но виновность Бѣловой и Каляшина обусловливаетъ одна другую,— совершеніе преступленія однимъ изъ нихъ безъ вѣдома другого— немыслимо, а потому я думаю, что здѣсь разнорѣчіе является оттого, что они во всемъ не успѣли сговориться, что Арина выше Каляшина по развитію и сильнѣй его по характеру и говоритъ рѣшительно и опредѣленно, не скрывая того, чего скрыть нельзя, тамъ, гдѣ Каляшинъ путается, очевидно лжетъ и вообще, по ея же выраженію, «крутится».

Подсудимые обвиняются въ томъ, что дѣйствовали по предварительному между собою уговору, такъ какъ въ убійствѣ Бѣлова они оба были заинтересованы, хотя и не въ равной степени. Нѣтъ сомнѣнія, что если убійство содѣяно ими, то Арина Бѣлова играла въ задумываніи его первенствующую роль. Ея интересы, конечно, были ближе и больше задѣты приходомъмужа, въ ея положеніи произошла существенная и рѣшительная перемѣна, невыносимая для сильнаго и энергическаго характера женщины, которая сразу должна прервать свои привычки, разорвать свои привязанности. Каляшинъ самъ, одинъ, безъ вѣдома Бѣловой, не могъ бы рѣшиться на убійство ея мужа. Это, повидимому, личность безъ особой силы воли, довольно безучастно относящаяся ко многому; такой человѣкъ можетъ быть удобнымъ и сильнымъ орудіемъ, но лишь въ настойчивыхъ и властныхъ рукахъ. Да и какой смыслъ могло имѣть убійство Бѣлова безъ вѣдома жены? Она первая же могла заподозрить убійцу, поднять тревогу. Притомъ, и вся обстановка убійства— ядъ, задушеніе, тащеніе, замытыя мѣста въ избѣ—все это указываетъ на невозможность произвести убійство безъ вѣдома хозяйки дома. Съ другой стороны, и подсудимая одна не могла этого сдѣлать; съ ея ли немолодыми уже силами тащить одной трупъ мужа, да и могла ли она душить мужа у погребицы, гдѣ находился Каляшинъ, и притомъ такъ, чтобы послѣдній ничего не зналъ, не слышалъ? Итакъ, необходимо было совокупное дѣйствіе, взаимная помощь, общая опасность и одинакое довѣріе другъ къ другу. Поэтому, обвиняемые дѣйствовали вмѣстѣ, заранѣе уговорившись. Трудно опредѣлительно сказать, какъ распредѣлялись дѣйствія въ этомъ темномъ дѣлѣ, кто именно и что именно произвелъ надъ убитымъ. Этого, впрочемъ, и не нужно: достаточно убѣ-

диться, что подсудимые дѣйствовали другъ другу помогая и вмѣстѣ скрывали слѣды своего дѣла.

Я изложилъ передъ вами, гг. присяжные засѣдатели, всѣ данныя и соображенія, которыми располагаетъ въ настоящемъ дѣлѣ обвинительная власть. На основаніи этихъ данныхъ, я обвиняю передъ вами Каляшина и Бѣлову въ обдуманномъ заранѣе убійствѣ Степана Бѣлова, причемъ онъ былъ отравленъ и, для ускоренія смерти, задушенъ. Обвиненіе это тяжелое. Оно не менѣе трудное, чѣмъ тяжелое. Но вглядитесь во всю обстановку дѣла и произнесите свое рѣшительное слово осужденія или оправданія. Вамъ будутъ говорить,—я въ этомъ увѣренъ,—что обвиненіе основано на шаткихъ данныхъ, на предположеніяхъ, что нѣтъ доказательствъ отравленія, что никто не видѣлъ, какъ подносилась отрава Бѣлову, никто не слышалъ его предсмертныхъ стоновъ, когда его душили на дворѣ. Да! такихъ доказательствъ нѣтъ и мы тщетно стали бы искать ихъ въ настоящемъ дѣлѣ. Скажу болѣе—мы ихъ не найдемъ почти ни въ одномъ сложномъ дѣлѣ объ убійствѣ, особенно посредствомъ отравленія. Еслибы пришлось судить только тѣхъ убійцъ, которыхъ застали съ ножомъ надъ жертвою, только тѣхъ отравителелей, у которыхъ въ рукахъ захватили остатки только что данной ими кому либо отравы, то большая часть виновниковъ подобныхъ преступленій осталась бы безъ законнаго возмездія. Наказаніе сдѣлалось бы привиллегіей только тѣхъ, кто не умѣлъ совершить преступленія, въ комъ преступная воля не настолько окрѣпла, чтобы давать возможность заранѣе обдумать и подготовить удобную обстановку для своего дѣла, только тѣхъ, наконецъ, въ комъ проснулась совѣсть и кто подъ вліяніемъ ея прямо покаялся во всемъ. Тѣ же, кто обдумалъ многое и предусмотрѣлъ, ловко обстановился и озаботился впередъ о своей безопасности,—тѣ должны бы оставаться неприкосновенными потому, что противъ нихъ нѣтъ прямыхъ доказательствъ. Но какихъ прямыхъ доказательствъ можно требовать при отравленіи? Это преступленіе, подготовляемое заблаговременно, совершаемое въ тиши, коварно, съ ласкою и хитростью... Здѣсь никогда не будетъ прямыхъ, очевидныхъ доказательствъ. Ихъ не будетъ, а будутъ мелочныя обстоятельства, будетъ житейская обстановка, будутъ тѣ кусочки, изъ которыхъ, какъ изъ мозаики, придется складывать, осторожно и терпѣливо, обвиненіе. Въ дѣлѣ не будетъ прямыхъ доказательствъ, но найдется рядъ уликъ, которыя должны быть провѣрены между собою; житейскій опытъ, здравый разумъ укажутъ, въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ онѣ одна за другою; для пополненія небольшихъ пробѣловъ между уликами явятся соображенія, не произвольныя, не отвлеченныя, а почерпнутыя изъ быта судимыхъ; изъ ихъ обстановки, изъ условій окружающей жизни, изъ общихъ свойствъ

человѣческой природы, наконецъ. Они какъ цементомъ скрѣпятъ и сплотятъ улики между собою и образуютъ матеріалъ для обвиненія въ преступленіи. Оно, это преступленіе, не будетъ доказано съ точки зрѣнія стараго отжившаго суда, который имѣлъ дѣло съ формами, съ бумагою, но не съ живымъ человѣкомъ, — оно будетъ видимо, оно будетъ чувствуемо съ точки зрѣнія новаго суда, суда по совѣсти и убѣжденію...

Оканчивая обвиненіе, мнѣ слѣдовало бы сказать о важности подлежащаго обсужденію вашему преступленія. Но говорить объ этомъ излишне. Если уже убійство вообще важное преступленіе, то, среди убійствъ всякаго рода, отравленіе есть самое мрачное и преступное. Оно дѣлается втихомолку, и тотъ, на чью жизнь оно направлено, не можетъ никакъ защититься, потому что не вѣдаетъ ни дня, ни часа, когда человѣкъ, пользующійся его довѣріемъ, очень часто близкій и дорогой, призоветъ себѣ на его погибель убійственнаго и незамѣтнаго помощника—ядъ. Самъ отравитель ничѣмъ почти не рискуетъ и можетъ спокойно готовить свое скрытое оружіе и ждать конца отравленнаго. Онъ не нападаетъ прямо, какъ обыкновенный убійца, въ немъ нѣтъ даже того, что можно назвать «смѣлостью преступленія». Все дѣлается тихо, осторожно, коварно... Припоминая всѣ обстоятельства настоящаго дѣла, я думаю что вы, гг. присяжные засѣдатели, придете къ одному со мною выводу и признаете, что грѣхъ убійства Бѣлова лежитъ на душѣ находящихся предъ нами подсудимыхъ...

XVI.

По дѣлу о колежскомъ секретарѣ Андреевѣ, обвиняемомъ въ несоблюденіи правилъ осторожности, причинившемъ смерть крестьянину Липовому.

3-го апрѣля 1869 года, на линіи строющейся желѣзной дороги въ Таганрогъ, около Филиппова села, за Харьковомъ, произошелъ обвалъ земли, причемъ получили поврежденія двое рабочихъ, а третій, Степанъ Липовой, задавленъ обвалившеюся землю до смерти. При производствѣ объ этомъ обстоятельствѣ дознанія и слѣдствія обнаружено, что земляная выемка для насыпки полотна желѣзной дороги около Филиппова села представляетъ раскопанную посрединѣ гору съ совершенно отвѣсными и прямыми, какъ стѣна, боками, вышиною въ двѣ сажени. На всемъ протяженіи выемки стѣна идетъ прямо безъ *террасъ* и *уступовъ*, а въ одномъ ея мѣстѣ замѣчается подкопъ. Обвалъ земли былъ шириною въ 2 саж. и 1 арш., а вышиною въ 7 аршинъ; мѣсто, гдѣ онъ произошелъ, еще чрезъ два дня послѣ обвала было завалено большими глыбами земли. Сверху выемки, гдѣ произошелъ обвалъ, уже была начата во время осмотра *свѣжая* скопка земли уступами. Трупъ Липоваго лежалъ въ разстояніи около сажени отъ стѣны, изогнутый и какъ бы вдавленный посрединѣ, головою къ стѣнѣ. Подъ трупомъ оказалось разбитое въ дребезги колесо колымажки, въ которой возятъ землю. Надъ правой бровью трупа ссадина кожи съ разсѣченіемъ ея въ вершокъ и съ запекшеюся кровью. На правой скулѣ ссадина съ кровянымъ струпомъ въ вершокъ. Языкъ высунутъ и прикушенъ, изъ носа и рта вытекаетъ сукровица. По заключенію врача, смерть Липоваго послѣдовала отъ задушенія его обваломъ земли.

Работы по постройкѣ желѣзной дороги производились, по объясненію десяти свидѣтелей, съ чрезвычайной торопливостью и поспѣшностью, вслѣдствіе постоянныхъ настояній довѣреннаго отъ подрядчика земляныхъ работъ Рубанова, коллежскаго секретаря Андреева. Гора срывалась прямо, безъ всякихъ уступовъ, и подъ образовавшеюся стѣною даже дѣлались подкопы для скорѣйшаго своза земли, причемъ земля, нависавшая надъ подкопомъ, сверху не сбивалась и не сколачивалась. Подкопъ бывалъ шириною въ двѣ сажени и такъ глубокъ, что въ него можно было входить, и подъ нависшую надъ нимъ землю въѣзжали колымажки. Такъ работа велась обыкновенно, несмотря на опасенія рабочихъ. 3-го апрѣля, послѣ обѣда, на работы явился довѣренный

Андреевъ, и по его приказанію, были забиты «довбами» въ землю надъ обваломъ четыре желѣзныхъ лома. Пріѣхавшіе съ колымажками рабочіе боялись вслѣдствіе этого подъѣзжать къ обрыву, но довѣренный торопилъ ихъ и, на заявленіе объ опасности работы, кричалъ и грозилъ штрафами. Одновременно съ этимъ онъ приказалъ продолжать вбиваніе ломовъ, но лишь только рабочіе принялись за это, какъ земля рухнула и обрушилась вмѣстѣ съ ними. Стоявшіе внизу рабочіе бросились въ стороны. «Чего не работаете»? спросилъ довѣренный, и на заявленія, что земля, кажется, задавила нѣсколькихъ рабочихъ, приказалъ разрывать землю, изъ которой и были вытащены двое ушибленныхъ рабочихъ, двѣ разбитыя въ дребезги колымажки и мертвый уже крестьянинъ Липовой. Ушибленные крестьяне были отправлены въ больницу въ Харьковъ, а остальнымъ рабочимъ было приказано убирать землю отъ обвала. Затѣмъ, со времени обвала скапыванье горы стало производиться уступами и перестало представлять опасность для рабочихъ. Служащій у подрядчика земляныхъ работъ по участку желѣзной дороги отъ Харькова до Мерефы, Флавіана Рубанова, коллежскій секретарь Николай Андреевъ, завѣдующій земляными сооруженіями около Филиппова села, подъ наблюденіемъ инженера Іосифа Кулаковскаго, объяснилъ, что скапываніе земли террасами никогда не производилось, и онъ въ этомъ отношеніи не получалъ никакихъ указаній отъ инженеровъ. Былъ ли подкопъ предъ обваломъ земли 3-го апрѣля, задавившимъ рабочаго, онъ, Андреевъ, не могъ припомнить, такъ же какъ не могъ объяснить, отчего произошелъ обвалъ. По его мнѣнію, копанье земли террасами представляется неудобнымъ тѣмъ болѣе, что тогда и «работа шла бы очень медленно». Десятникъ при работахъ, унтеръ-офицеръ Архиповъ, объяснилъ въ свою очередь, что скалыванье земли ломами дѣлалось для того, чтобы придать стѣнамъ выемки видъ наклонной плоскости. Во время скалыванья, внизу рабочихъ не бывало, а если они были, то онъ, десятникъ, всегда распоряжался, чтобы работа ломами прекращалась. При самомъ обвалѣ онъ не былъ.

Изъ сообщенія участковаго врача по Харьковскому участку желѣзной дороги, сдѣланнаго на общій запросъ судебнаго слѣдователя, какъ по настоящему дѣлу, такъ и по дѣлу объ убійствѣ обваломъ земли крестьянина Николая Гребенки, видно, что съ весны 1868 по 11-е апрѣля 1869 года пострадало въ разное время отъ обваловъ 12 человѣкъ рабочихъ. Изъ нихъ умерло отъ смертельныхъ поврежденій четыре работника: Ребенокъ, Шѣевъ и Аксеновъ и Липовой; выздоровѣло девять, изъ которыхъ каждый понесъ разнообразныя поврежденія отъ глыбъ земли. Аксеновъ умеръ отъ смертельнаго кровоизліянія въ область живота и въ мочевой пузырь, вслѣдствіе ушиба обваломъ земли; у Ребенка смерть послѣдовала отъ перелома берцовой кости и образовавшейся, вслѣдствіе обвала, раны въ лѣвомъ паху, съ прободеніемъ покрововъ живота; у Шѣева обвалъ произвелъ разрывъ мошонки съ выпаденіемъ обоихъ яичекъ, повлекшемъ за собою смерть его. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, по мнѣнію врача, смерть обусловливалась, съ одной стороны, свойствомъ самыхъ поврежденій, а съ другой—слабостью и разстройствомъ организма рабочихъ, не могшихъ противостоять вліянію этихъ поврежденій.

На запросъ судебнаго слѣдователя о правилахъ, наблюдаемыхъ при сооруженіи земляного полотна желѣзной дороги, начальникъ 5-го участка работъ Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги, инженеръ Іосифъ Кулаковскій, объяснилъ, что въ мягкихъ грунтахъ земли выемка, при глубинѣ траншеи болѣе $1^1/_2$ саженъ, должна производиться или террасами, или немного откосомъ. При крѣпкомъ же грунтѣ, какъ въ Филипповской выемкѣ, можно допустить отвѣсныя стѣны до 3-хъ саженъ высоты; но такія стѣнки немного *опасны* и даютъ мелкіе обвалы позднею осенью и *раннею весною,* когда въ имѣющіяся щели пробирается вода и промерзаетъ. Такія стѣнки допускаются на работахъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ. Обыкновенно обвалы въ твер-

дой почвѣ происходятъ оттого, что рабочіе, желающіе показать усердіе своему хозяину и выработать возможно больше (потому, что по большей части цѣна рабочему въ лѣто окончательно назначается при окончательномъ разсчетѣ ихъ), надѣясь на свою осторожность, подкапываютъ основаніе земляной стѣнки для того, чтобы верхняя часть ея сама отвалилась и, разбившись при этомъ на куски, тѣмъ ускорила работу. Но такое *ускореніе* имъ, Кулаковскимъ, и его помощникомъ, Кюстерномъ, запрещается, что было извѣстно и Андрееву, который тоже запрещалъ, хотя и заявлялъ при этомъ, что есть такіе рабочіе-смѣльчаки, которые не слушаютъ запрещеній и предостереженій товарищей.

Архитекторъ Строительнаго Отдѣленія Губернскаго Правленія, инженеръ Александръ Раковъ, разсмотрѣвъ дѣло о смерти Липоваго, объяснилъ, что выемка земли въ Филипповомъ селѣ производилась несогласно съ правилами строительнаго искусства. Выемка должна производиться постепенно понижающимися пластами, никакъ не болѣе, въ нашемъ климатѣ, 1½ аршина высоты при откосныхъ стѣнкахъ, сообразно грунту земли. При отвѣсныхъ глинистыхъ стѣнахъ и при производствѣ работы зимою, допущеніе подкоповъ возможно, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы, для предупрежденія обвала, который неминуемо долженъ произойти при оттаиваніи земли весною, висячая масса земли подпиралась деревянными подпорками. При отдѣленіи земли ломами сверху, внизу ни въ какомъ случаѣ не должно быть рабочихъ.

При заключеніи слѣдствія Андреевъ объяснилъ что, будучи обязанъ, «какъ служащій, ускорять работу», онъ однако всегда старался предотвращать грозящую опасность. Во время самаго происшествія, его на выемкѣ, гдѣ произошелъ обвалъ, вовсе не было, а находился онъ въ балаганѣ.

Предъ заключеніемъ слѣдствія, крестьянка Богодуховскаго уѣзда Наталья Липовая подала слѣдователю прошеніе, въ которомъ, объясняя, что послѣ смерти мужа своего, Степана Липоваго, она осталась съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, изъ которыхъ старшему 5 лѣтъ, а младшей дечери 5 недѣль, просила распоряженія о доставленіи ей средствъ къ пропитанію.

Въ виду изложеннаго, коллежскій секретарь Николай Ивановъ Андреевъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что отъ явно-неосторожныхъ дѣйствій его и распоряженій послѣдовала смерть крестьянина Липоваго, каковое преступное дѣяніе предусмотрѣно 1468-й ст. Улож. о нак.

Судебное засѣданіе по этому дѣлу происходило въ Харьковскомъ Окружномъ Судѣ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, 30 декабря 1869 года, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда Э. Я. Фукса; защищалъ профессоръ Л. Е. Владиміровъ; гражданскій искъ вдовы умершаго, крестьянки Липовой, поддерживалъ присяжный повѣренный Падеревскій.

Приговоромъ суда Андреевъ признанъ *виновнымъ* по взведенному на него обвиненію.

Господа судьи! Начиная обвиненіе по настоящему дѣлу, я приступаю къ нему съ мыслью, что дѣло это гораздо серьезнѣе, чѣмъ можетъ казаться по тѣмъ карамъ, которыми обставилъ уголовный законъ то преступленіе, въ совершеніи котораго обвиняется подсудимый. Я приступаю къ дѣлу съ мыслью, что оно имѣетъ серьезное общественное значеніе, которымъ обусловливается и тотъ

взглядъ, который можетъ имѣть судъ на дѣяніе подсудимаго. На стоящее дѣло есть дѣло о несоблюденіи осторожности при постройкѣ желѣзной дороги; такихъ дѣлъ возникло въ здѣшнемъ округѣ нѣсколько, и обвинительная власть не замедлитъ представить ихъ на усмотрѣніе суда. Приговоръ суда покажетъ, насколько возможно и цѣлесообразно строгое преслѣдованіе неосторожныхъ дѣйствій, служащихъ поводомъ для дѣлъ, подобныхъ настоящему. Если постройку и проведеніе желѣзныхъ дорогъ можно, со всею справедливостью, называть дѣломъ общественной пользы и общаго блага, то злоупотребленія при такихъ постройкахъ, влекущія за собою нерѣдко гибель рабочихъ, — нельзя не назвать, съ одинаковымъ правомъ, зломъ общественнымъ. Помимо этого, дѣло имѣетъ и еще отличительныя, особенныя черты, отдѣляющія его отъ другихъ, обыкновенныхъ, такъ-сказать, повседневныхъ дѣлъ. Дѣла послѣдняго рода имѣютъ одинъ общій, простѣйшій характеръ: подсудимый обыкновенно не отрицаетъ преступности и наказуемости тѣхъ дѣяній, которыя ему приписываются, онъ не идетъ въ разрѣзъ со взглядами общества и закона и не старается доказать, что извѣстныя дѣянія не тяжки, не преступны, а напротивъ, необходимы, полезны и даже существенно нужны. Признавъ вмѣстѣ съ обществомъ преступность тѣхъ или другихъ дѣйствій, онъ только отрицаетъ свою виновность въ содѣяніи этихъ дѣйствій и требуетъ, чтобы эта виновность была доказана. Такой подсудимый стоитъ по бо́льшей части одиноко, не имѣетъ за собою никакой общественной организаціи, не ссылается ни на какую систему, ни на какія либо правила, дозволенныя и одобренныя спеціальнымъ, опредѣленнымъ кругомъ людей. Напротивъ, въ настоящемъ дѣлѣ подсудимый стоитъ въ совершенно иныхъ условіяхъ: онъ членъ обширной организаціи для устройства желѣзной дороги,—онъ одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ этой организаціи и, вмѣстѣ съ другими дѣятелями по устройству дороги, стоящими за нимъ, передъ нимъ и надъ нимъ, стремится къ одной общей цѣли. Подсудимый не находитъ своихъ дѣйствій преступными. Онъ полагаетъ, вмѣстѣ со всѣми своими сотоварищами по устройству желѣзной дороги, что дѣйствія его, при той дѣятельности, которой онъ себя посвятилъ, совершенно правильны и законны, и что иначе дороги и строить нельзя. Онъ показалъ, что еслибы не ускорять работъ и скапывать отвѣсныя стѣны террасами и уступами, то работа шла бы очень медленно; все, что дѣлалось, необходимо и дѣлается всегда, а виновными въ увѣчьяхъ и смерти вслѣдствіе обваловъ являются въ сущности сами изувѣченные и убитые крестьяне. Таково положеніе, занятое подсудимымъ въ настоящемъ дѣлѣ. Имъ указывается и тотъ путь, которымъ должно идти обвиненіе. Обвиненію предстоитъ доказать, что подсудимый является от-

вѣтственнымъ лицомъ за свои дѣйствія и что дѣйствія эти имѣютъ характеръ преступныхъ, невзирая ни на какія ссылки на пріемы для работъ, правила желѣзнодорожной организаціи и т. д. Къ этой задачѣ я и приступаю.

Во-первыхъ, есть ли подсудимый отвѣтственное лицо? Я полагаю, что онъ является таковымъ. Подсудимый — довѣренный подрядчика на участкѣ земляныхъ работъ отъ Харькова до Мерефы. Участокъ большой, слишкомъ 25 верстъ, на всемъ протяженіи котораго работы производились подъ наблюденіемъ подсудимаго. Главный надзоръ за техническимъ выполненіемъ работъ, за проведеніемъ желѣзной дороги, лежалъ на инженерѣ Кулаковскомъ; выполнителемъ земляныхъ работъ являлся подрядчикъ, а завѣдывающимъ самымъ производствомъ работъ на мѣстѣ, занимающимся хозяйственною частью и распредѣленіемъ рабочихъ, являлся Андреевъ, довѣренный подрядчика. Онъ непосредственно надзиралъ за работами—онъ и отвѣчаетъ за злоупотребленія при производствѣ ихъ. Андреевъ говоритъ, что онъ завѣдывалъ хозяйственною частью, но это объясненіе опровергается другими обстоятельствами дѣла. Инженеръ Кулаковскій показалъ, что, завѣдуя техническою частію работъ, онъ указывалъ Андрееву на тѣ мѣры предосторожности, которыя должны быть принимаемы; но, сдѣлавъ надлежащія указанія, онъ не могъ постоянно присутствовать при работахъ, чтобы наблюдать за тѣмъ, осуществляются ли эти указанія—его роль совершенно другая, а участокъ огромный. Естественно, что принятіе мѣръ предосторожности въ каждомъ мѣстѣ лежитъ на уполномоченномъ лицѣ, находящемся на этомъ мѣстѣ для надзора за работами. Кто же находился на мѣстѣ? Это не былъ подрядчикъ, человѣкъ торговый, принявшій на себя *поставку* работъ и никогда при нихъ не присутствующій. Онъ участвуетъ въ постройкѣ только своимъ капиталомъ. Вмѣсто него, представителемъ его на работахъ является довѣренный. Этотъ довѣренный—Андреевъ. Если онъ занимался одною хозяйственною частью, то кто же завѣдывалъ всѣмъ остальнымъ? Неужели каждый рабочій могъ дѣйствовать по-своему, безъ всякихъ указаній и руководства? Неужели желѣзная дорога, столь важное предпріятіе, велась кое-какъ, по собственнымъ предположеніямъ и плану каждаго рабочаго? Этого быть не можетъ. Надъ ними долженъ былъ быть надзоръ, они должны были дѣйствовать подъ чьимъ либо управленіемъ. Инженеръ пріѣзжалъ не каждый день; необходимо лицо, которое руководило бы рабочихъ, надзирало за ними въ промежутки пріѣздовъ инженера. Такое лицо—не десятникъ, такой же рабочій, лишь приставленный къ небольшой группѣ товарищей, человѣкъ, не имѣющій спеціальныхъ свѣдѣній и по бо̀льшей части самъ не болѣе опытный, чѣмъ остальные рабочіе. Отвѣтственнымъ лицомъ за рабочихъ, ихъ руководителемъ

должно явиться лицо, способное понимать и оцѣнивать указанія и совѣты инженера и, въ то же время, могущее самостоятельно распоряжаться и командовать рабочими. Такимъ лицомъ является Андреевъ—онъ и отвѣтственъ. Возражая противъ направленнаго на него обвиненія, Андреевъ объяснилъ, что не былъ знакомъ съ производствомъ земляныхъ работъ, такъ какъ служилъ въ Межевомъ Корпусѣ. Но до этого суду не можетъ быть дѣла. Человѣкъ, который принимаетъ на себя завѣдываніе работою, обязанъ знать, какъ ведется эта работа. Притомъ, при веденіи работъ отъ Андреева требовались не техническія свѣдѣнія, а простой здравый смыслъ, та простая естественная осторожность, которая доступна каждому человѣку. Да и служба въ Межевомъ Корпусѣ ближе всего могла послужить переходомъ къ надзору по землянымъ работамъ. Эта служба можетъ пріучить обращаться съ простымъ народомъ и, слѣдовательно, дать возможность изучить обычное поведеніе и пріемы простыхъ рабочихъ. Наконецъ, Андреевъ вовсе не недавно находится при работахъ; онъ самъ не отрицаетъ показаній свидѣтелей о томъ, что онъ еще задолго до обвала являлся предпринимателемъ земляныхъ работъ, то лично отъ себя, то отъ лица подрядчиковъ. Поэтому онъ не могъ не знать, *какъ* производились работы и *что* при производствѣ этихъ работъ могло представлять опасность для жизни и здоровья рабочихъ.

Перехожу къ доказыванію виновности подсудимаго. Онъ обвиняется въ томъ, что допустилъ рабочихъ до неосторожныхъ дѣйствій и не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности для огражденія жизни рабочихъ, вслѣдствіе чего произошелъ обвалъ земли въ подкопѣ около Филиппова села, каковымъ обваломъ крестьянинъ Липовой лишенъ жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала покрываться сѣтью желѣзныхъ дорогъ, отовсюду слышатся хвалебные гимны этимъ грандіознымъ предпріятіямъ и ихъ предпринимателямъ. Желѣзныя дороги должны вызвать Россію къ новой экономической жизни, поощрить разработку и усилить сбытъ естественныхъ богатствъ страны, облегчить средства сообщенія и т. д. Нельзя сомнѣваться, что таковъ можетъ быть, при благопріятныхъ условіяхъ, результатъ развитія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи. Но изъ-за блестящаго будущаго, ожидаемаго отъ желѣзныхъ дорогъ, нельзя совершенно закрывать глаза на темныя стороны настоящаго, представляемаго постройкою нѣкоторыхъ изъ этихъ дорогъ. Настоящее дѣло даетъ возможность составить себѣ общее представленіе о томъ, какъ строилась Азовско-Харьковская дорога, т. е. какъ на ней производились работы. Работы эти, прежде всего, производятся *скоро*—это ихъ главное свойство, которому, къ сожалѣнію, приносилось въ жертву многое другое. Работа производится спѣшно со всѣми свойствами торопливости, надзоръ установленъ неопредѣленный и недостаточный, но за то главное—ско-

рость, достигается вполнѣ. Главный строитель дороги раздаетъ работу болѣе мелкимъ строителямъ, тѣ въ свою очередь дѣлятся съ разными подрядчиками, и вотъ вся дорога покрывается рядомъ участковъ мелкихъ строителей, небольшихъ предпринимателей. У нихъ на первомъ планѣ, конечно, стоитъ выгода. Чѣмъ меньше будетъ длиться работа, тѣмъ имъ лучше, такъ какъ они знаютъ, что важнѣйшая задача ихъ—скорость во чтобы то ни стало. Чѣмъ скорѣй они кончатъ работу на своихъ участкахъ, тѣмъ выше будетъ ихъ заслуга передъ главными строителями и тѣмъ болѣе надеждъ получить работу при новомъ, уже мелькающимъ на горизонтѣ, желѣзно-дорожномъ предпріятіи. Поэтому работы идутъ со сказочною быстротою «щучьяго велѣнія». Такимъ образомъ является та главная черта въ дѣятельности строителей, которую такъ знаменательно охарактеризовалъ инженеръ Кулаковскій словами *ускореніе работы*. На эти работы сходятся крестьяне со всѣхъ концовъ Россіи. Они получаютъ небольшую заработную плату и селятся въ землянкахъ, устроенныхъ по сторонамъ строющейся линіи. Затѣмъ, въ виду достиженія возможной скорости, встрѣчающіяся по линіи горы не скапываются террасами и уступами, а прорываются прямо, составляя двѣ отвѣсныя стѣны по бокамъ дороги. Для того, чтобы уничтожить эти стѣны, подъ нихъ дѣлаютъ подкопы, а землю, нависшую надъ подкопами, сбиваютъ сверху. При этомъ иногда происходятъ несчастія, обвалы земли, гибель и увѣчья рабочихъ. И подобныя несчастія не рѣдки, они не представляютъ единичнаго случая. Это доказывается тѣмъ, что въ теченіе перваго года постройки желѣзной дороги, въ одномъ первомъ станѣ Харьковскаго уѣзда произошло 12 обваловъ, причемъ четыре изъ нихъ причинили смерть крестьянамъ, а остальные вызвали разнообразныя поврежденія и увѣчья. Обвалы эти, очевидно, не составляютъ необходимой принадлежности постройки желѣзной дороги, а вызываются неосторожностью. Кто допускаетъ эту неосторожность? Кто виноватъ въ ней? Кто ставитъ рабочихъ въ положеніе, въ которомъ имъ угрожаетъ опасность и нерѣдко смерть? «Виноваты сами рабочіе, они сами себя ставятъ въ это положеніе», говорятъ служащія при постройкѣ дороги лица. Они смѣльчаки, ихъ нужно постоянно останавливать, сами лѣзутъ въ опасность, желая отличиться, такъ что приходится даже штрафовать за это». Но едва ли даже русскій рабочій полѣзетъ на вѣрную опасность, если только онъ себѣ ясно ее представляетъ. Нѣкоторая доля вынужденной смѣлости въ рабочихъ вполнѣ понятна. Она есть прямое слѣдствіе *ускоренія работъ*. Изъ объясненія инженера Кулаковскаго извѣстно, какъ получаютъ рабочіе вознагражденіе. Они получаютъ плату по окончаніи всего срока работъ, сообразно съ выказаннымъ ими усердіемъ; слѣдовательно, они получаютъ вознагражденіе по усмотрѣнію подрядчика. Хорошо, т. е.

скоро работалъ рабочій, онъ получитъ много, не работалъ сообразно съ желаніями подрядчика, направленными на «ускореніе»—получитъ мало. А между тѣмъ, въ этомъ вознагражденіи рабочаго—его годовой заработокъ; этого вознагражденія ждетъ семейство, оставленное далеко, для котораго пришелъ крестьянинъ въ «чужедальнюю сторонушку», живетъ въ сырой землянкѣ, скудно ѣстъ, болѣетъ и подвергается вычетамъ за *прогулы* вслѣдствіе *болѣзни*. Все это онъ терпитъ, чтобы принести домой свой скудный заработокъ. Но заработокъ этотъ опредѣляется волею подрядчика, который сообразуется не съ однимъ трудомъ, а и съ усердіемъ рабочаго. И вотъ является вынужденное усердіе, и вотъ причина, почему рабочіе хотятъ казаться *молодцами*. Едва ли ихъ можно винить за это желаніе. Оно такъ естественно! Таковы нѣкоторыя черты постройки желѣзной дороги. Нельзя сказать, чтобы онѣ были привлекательны. Быть можетъ, великость результатовъ устройства желѣзныхъ дорогъ, ихъ благія послѣдствія для внуковъ, заставятъ померкнуть воспоминанія о темныхъ сторонахъ постройки дорогъ, о страданіяхъ рабочихъ, но теперь—съ точки зрѣнія настоящей, осязаемой дѣйствительности, этихъ сторонъ отрицать нельзя, и съ ними наконецъ приходится имѣть дѣло и суду. Поэтому сдѣланное здѣсь заявленіе о томъ, что изъ обвинительнаго акта слышится какой-то общій звукъ, общій тонъ, указывающій на эксплуатацію рабочихъ, представляется нѣсколько страннымъ. Этотъ звукъ слышится преимущественно изъ того мѣста обвинительнаго акта, въ которомъ говорится объ изнуренности и слабости рабочихъ. Но вы, г-да судьи, слушая съ должнымъ вниманіемъ этотъ актъ, конечно замѣтили, что указаніе на изнуренность рабочихъ приведено словами желѣзно-дорожнаго врача Лещенко. Запрошенный судебнымъ слѣдователемъ о причинѣ смерти рабочихъ, врачъ Лещенко изложилъ, по скорбнымъ листамъ лазарета, свѣдѣнія о смерти и увѣчьяхъ 12-ти рабочихъ и добавилъ, что смерть четырехъ изъ нихъ обусловливалась *слабостью и изнуреніемъ ихъ организма*. Нельзя предположить, чтобы подрядчикъ, заинтересованный спѣшностью работы, нанималъ рабочихъ слабосильныхъ, больныхъ и изнуренныхъ. Отсюда выводъ, что они изнурены на работѣ. Обвинительная власть не виновата, что изъ акта, ею составленнаго, слышатся сами собою грустные звуки, сливающіеся въ одну общую пѣсню объ эксплуатаціи рабочихъ. Обвинительный актъ составленъ на основаніи данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, и издаетъ тѣ звуки, которые слышатся въ этихъ данныхъ.

Дѣйствія подсудимаго Андреева по настоящему дѣлу представляются крайне неосторожными. Изъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ какъ здѣсь, такъ и на предварительномъ слѣдствіи, видно, въ чемъ состояли дѣйствія Андреева. Правда, не всѣ по-

казанія свидѣтелей, данныя у слѣдователя, согласны съ тѣмъ, что говорилось здѣсь, на судѣ. Но недомолвки въ показаніяхъ, нѣкоторыя несущественныя противорѣчія и неточности, не измѣняютъ существеннаго характера этихъ показаній. Разнорѣчія и бо́льшая краткость настоящихъ показаній объясняются тѣмъ, что со времени происшествія прошло много времени, кое-что уже и позабыто; что затѣмъ свидѣтели вообще смущаются обстановкою суда и вслѣдствіе этого становятся неразговорчивы, чему здѣсь было нѣсколько примѣровъ; наконецъ, они всѣ—настоящіе русскіе люди, способные болѣе чѣмъ кто либо относиться ко всему благодушно—объективно и махать на то, «чего не воротишь» рукою. Изъ показаній видно, что 1-го апрѣля Андреевъ вступилъ въ управленіе работами около Филиппова села. Работа производилась около отвѣсныхъ стѣнъ въ двѣ саж. вышины. Подъ такую стѣну въ одномъ мѣстѣ былъ сдѣланъ подкопъ шириною въ 7 арш., глубиною въ $1^1/_2$ арш. Время, когда подкопъ этотъ былъ произведенъ, опредѣлить не трудно. Помощникъ инженера Кюстернъ показалъ, что 1-го апрѣля, когда онъ пріѣзжалъ на работы, подкопа еще не было. Слѣдовательно, онъ появился послѣ 1-го апрѣля, т. е. выкопанъ уже при Андреевѣ, который, по собственнымъ словамъ, являлся довольно часто на работу. 3-го апрѣля онъ явился также. Въ это время подкопъ былъ уже на большомъ пространствѣ. Андреевъ приказалъ подъѣзжать къ подкопу и брать оттуда землю, и въ то же время приказалъ забивать довбами въ землю желѣзные ломы. Когда ломы были вбиты,—земля надъ подкопомъ обвалилась и засыпала трехъ рабочихъ. Двое изъ нихъ отдѣлались ушибами, а третій, Степанъ Липовой, найденъ мертвымъ въ согнутомъ положеніи, на разбитомъ въ дребезги колесѣ колымажки. Онъ кончилъ свою трудовую жизнь, задохнувшись подъ земляными глыбами. Эти факты подтверждаются показаніями 9-ти свидѣтелей. Нѣкоторые изъ нихъ и здѣсь дали вполнѣ достаточныя для обвиненія показанія. Такъ, Гринченко показалъ, что дѣлать подкопъ приказалъ Андреевъ, требуя, въ то же время, чтобы рабочіе подъѣзжали къ нему. Онъ былъ, по словамъ Гринченко, наверху и видѣлъ всю опасность, угрожавшую рабочимъ. То же подтвердилъ и свидѣтель Мовчанъ. Онъ показалъ также, что, несмотря на видимую опасность отъ обвала, Андреевъ настоятельно требовалъ, чтобы рабочіе подъѣзжали. Рабочіе не противились, ибо держатся правила, высказаннаго имъ же, Мовчаномъ: «нанялися—такъ треба слухати». Эти показанія повторили Дзюба и Твердохлѣбъ. Послѣдній нѣсколько разъ повторилъ, что хозяинъ, т. е. Андреевъ, приказывалъ подъѣзжать и вмѣстѣ съ тѣмъ вбивать ломы. Наконецъ, Кабацкій, совершенно посторонній свидѣтель, видѣлъ Андреева около вбитыхъ довбами ломовъ и даже самъ упалъ вмѣстѣ съ обрушившеюся землею. Говорить ли о свидѣтеляхъ До-

рошенкѣ и Басовѣ? Они оба дали показанія у слѣдователя, здѣсь прочтенныя и вполнѣ служащія къ обвиненію Андреева. Здѣсь одинъ изъ нихъ, Дорошенко, прямо себѣ противорѣчилъ, другой—Басовъ, почти ничего не говорилъ, а на указываемыя ему противорѣчія въ показаніяхъ только помалчивалъ. Это объясняется очень просто. Дорошенко, по ошибкѣ, былъ спрошенъ въ числѣ свидѣтелей, вызванныхъ защитою, только подъ другимъ именемъ. Онъ далъ на отрывочные вопросы защитника отвѣты благопріятные для Андреева — «хорошо-де кормилъ, разсчиталъ отлично» и т. д. Затѣмъ его стали спрашивать, уже подъ настоящимъ его именемъ, объ обстоятельствахъ обвала. Дорошенко—человѣкъ смышленый, это видно. Онъ понялъ, что говоря о неосторожныхъ дѣйствіяхъ Андреева, ему придется противорѣчить самому себѣ, и вотъ причина его запамятованій, противорѣчій и сдержанной молчаливости. Басовъ, наоборотъ, типъ апатичнаго, безучастнаго ко всему свидѣтеля, которому просто не хочется ничего показывать, не хочется также и отрицать дѣйствительности своего перваго показанія. Онъ молчитъ и тяжело дышетъ, думая только о томъ, чтобы поскорѣе выбраться изъ непривычной для него обстановки. Затѣмъ, здѣсь были выслушаны и свидѣтели защиты. Я затрудняюсь, однако, назвать ихъ спросъ спросомъ свидѣтелей. Это скорѣй какой-то повальный обыскъ. Ни одно изъ вызванныхъ подсудимымъ лицъ (а вызвано ихъ много, и пришли они издалека, накопляя, быть можетъ, на себя прогульные дни) не было не только очевидцемъ обвала въ Филипповомъ селѣ, но даже ничего не слыхало о немъ. Поэтому свидѣтели, вызванные Андреевымъ, могли только показывать о его характерѣ, насколько онъ выразился въ кормленіи и разсчитываніи рабочихъ. Но такія показанія о характерѣ и поведеніи даются лишь при повальныхъ обыскахъ. Этотъ повальный обыскъ, произведенный передъ нами защитою, однако существенно разнится отъ настоящаго повальнаго обыска, установленнаго Судебными Уставами. Эта разница состоитъ въ томъ, что обыскъ, здѣсь произведенный, не имѣетъ достоинствъ настоящаго обыска. Эти достоинства состоятъ главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что обыскъ производится посредствомъ спроса людей, выбранныхъ по жребію. Здѣсь же, напротивъ, явились обыскные люди, выбранные самимъ подсудимымъ, который, конечно, долженъ былъ вызвать людей, съ которыми разсчитался хорошо и которыхъ кормилъ недурною пищею. Такіе люди среди многихъ рабочихъ вѣроятно были, и они-то явились на судъ, заявляя, что борщъ получали сытный, а разсчетъ съ ними произведенъ «честно и благородно». Что не всѣ рабочіе, однако, могутъ показать одинаково, доказываетъ свидѣтель Марковъ, который вдругъ, въ полную разногласицу съ остальными свидѣтелями защиты, показалъ, что «Николай Ивановичъ кор-

милъ плохо и при разсчетѣ кой-кого таки обидѣлъ». Да и какое вообще значеніе могутъ имѣть такія показанія о хорошей пищѣ и разсчетѣ? Андреевъ вовсе не обвиняется въ кормленіи рабочихъ гнилою и тухлою пищею и въ обманахъ при разсчетѣ платежа, т. е. въ проступкахъ, предусмотрѣнныхъ въ 115-й и 147-й ст. Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями. Тѣмъ лучше для него, что онъ, хотя въ одномъ отношеніи, правильно исполнялъ свою обязанность относительно рабочихъ. Затѣмъ свидѣтели защиты еще показывали, что при нихъ земля скапывалась террасами и уступами. Но они всѣ работали лѣтомъ, а обвалъ былъ весною. Странно было бы предполагать, чтобы Андреевъ, видя вокругъ себя рядъ обваловъ и подпавъ даже за одинъ изъ нихъ подъ уголовное преслѣдованіе, допускалъ продолженіе подкоповъ, а не позаботился о срываніи земли террасами. Стоитъ припомнить, что изъ акта осмотра мѣстности слѣдователемъ видно, что со времени обвала, задавившаго Липоваго, земля стала скапываться, по приказанію Андреева, террасами, и что то же подтвердили и всѣ свидѣтели, спрошенные на предварительномъ слѣдствіи.

Затѣмъ здѣсь было выслушано объясненіе самого подсудимаго Андреева. Какъ видно изъ обвинительнаго акта, онъ при слѣдствіи давалъ довольно разнорѣчивыя объясненія: то говорилъ, что вовсе не былъ на работахъ во время обваловъ, то объяснялъ, что не приказывалъ подъѣзжать къ подкопу. Когда ему были сообщены показанія свидѣтелей, которые говорили, что онъ присутствовалъ при обвалѣ, то онъ, не отрицая уже этого обстоятельства, сталъ говорить о невозможности скапывать землю террасами, прибавляя, что онъ, «какъ служащій, обязанъ ускорять работу». Такимъ образомъ, и тутъ слышится вѣчная пѣсня «объ ускореніи работъ». Здѣсь, на судѣ, онъ снова говоритъ о томъ, что не былъ при обвалѣ. Но это опровергается всѣми свидѣтельскими показаніями, относящимися къ обстоятельствамъ обвала. Даже еслибы Андреевъ и не былъ при обвалѣ, достаточно было бы и того, что онъ допускалъ рабочихъ дѣлать подкопы и не предупреждалъ ихъ объ опасности. Всѣ свидѣтели, здѣсь спрошенные, заявили, что Андреевъ до смерти Липоваго никогда не говорилъ имъ объ опасности подкоповъ, а между тѣмъ, Кулаковскій не разъ обращалъ его вниманіе на это, чего не отрицаетъ и Андреевъ. Но онъ былъ и при обвалѣ: Дзюба по его приказанію забивалъ ломы, и показанія рабочихъ Гринченка и Мовчана о томъ, что «треба слухати, коли нанялися», ясно указываютъ, что они подъѣзжали къ подкопу вслѣдствіе приказаній, которыхъ имъ никто, кромѣ Андреева, давать не могъ. Наконецъ, самъ же подсудимый не отрицаетъ, что онъ приказалъ отрыть изъ-подъ обвала Липоваго, который оказался мертвымъ. Но въ такомъ случаѣ, гдѣ же онъ былъ самъ, какъ не около мѣста обвала—надъ подкопомъ, какъ и объяснили свидѣтели.

Перехожу къ данной здѣсь на судѣ и имѣющейся въ дѣлѣ экспертизѣ. Здѣсь было выслушано четыре эксперта, изъ которыхъ двое принадлежатъ къ желѣзно-дорожной администраціи. Всѣ они дали показанія довольно разнообразныя и противорѣчивыя. Инженеры Кулаковскій и Кюстернъ показывали, что скапываніе выемки земли на желѣзной дорогѣ можно производить отвѣсными стѣнками весьма значительной высоты, что подкопы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допускаемы, такъ какъ они очень опасны, отвѣсныя же стѣнки опасны только весною и осенью, когда въ земляныя расщелины пробирается вода и тамъ замерзаетъ. Кюстернъ даже прибавилъ, что штрафовалъ за подкопы, присутствіе которыхъ только и можно приписать опять той же несчастной слабости рабочихъ отличаться молодечествомъ. Экспертъ Небольсинъ заявилъ, что стѣны отвѣсныя тоже возможны, и подкопы могутъ быть въ нихъ допускаемы безъ всякихъ подпорокъ, особенно на непродолжительное время и при очень твердомъ грунтѣ, каковымъ представляется глинистый. Экспертъ-архитекторъ Раковъ объяснилъ, что отвѣсныя стѣнки лучше всего скапывать террасами или, такъ сказать, ступенями, но въ крайнихъ случаяхъ можно допустить и подкопы. Подкопы эти однако должны быть устраиваемы со всевозможными мѣрами предосторожности. Такими мѣрами являются, главнымъ образомъ, поперечныя балки, подпертыя деревянными подпорками. Мнѣ предстоитъ выбрать одну изъ этихъ экспертизъ, и я выбираю экспертизу г. Ракова, какъ по той простотѣ и ясности, съ которою она дана, такъ и по тому совершенно логическому выводу, къ которому пришелъ г. Раковъ. Я не совсѣмъ ясно себѣ представляю возможность подкопа безъ подпорокъ, на которую указываетъ Небольсинъ. Ссылка его на тоннель подъ Темзою и на бельгійскіе тоннели не убѣждаетъ меня: я увѣренъ, что при постройкѣ этихъ тоннелей принимались мѣры предосторожности при подкопахъ или, лучше говоря, прокопахъ, и если такими мѣрами можно считать подпорки, то онѣ навѣрно ставились. Я увѣренъ, что если въ случаѣ непринятія мѣръ предосторожности произошелъ бы въ этихъ тоннеляхъ обвалъ и убилъ бы рабочихъ, то мѣстныя судебныя власти вступились бы въ это дѣло. Показаніе Кулаковскаго столь сильно поддерживаетъ обвиненіе, что его излишне даже подробно разбирать. Достаточно указать на то, что Кулаковскій признаетъ, что отвѣсныя стѣнки опасны при подкопахъ и что ихъ, и притомъ безусловно безъ подкоповъ, можно дѣлать только лѣтомъ и зимою. Не надо забывать, что отвѣсная земляная стѣна въ Филипповомъ селѣ существовала въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, который въ нашей мѣстности представляетъ самый разгаръ весны. Такимъ образомъ я считаю лучшею экспертизою мнѣніе г. Ракова. Онъ самымъ естественнымъ образомъ разрѣшилъ возбуж-

денные въ дѣлѣ вопросы. Онъ признаетъ, что при такихъ громадныхъ постройкахъ и сооруженіяхъ, какова желѣзная дорога, трудно было бы буквально придерживаться правилъ строительнаго искусства: формальныя предписанія закона могутъ иногда стѣснять быстроту и успѣшность работъ. Поэтому Раковъ признаетъ возможнымъ отступленіе отъ правилъ о скапываніи земли террасами, но допускаетъ эти отступленія лишь съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ для производства обваловъ, правилъ необходимыхъ въ качествѣ мѣръ предосторожности, и какъ на такія мѣры указываетъ на подпорки подъ нависшею надъ подкопомъ глыбою земли. Эти подпорки не должны препятствовать выбиранію земли, потому что могутъ быть разставлены довольно широко одна отъ другой. Я считаю объясненія Ракова вполнѣ ясными и удобопримѣнимыми и полагаю, что если бы мѣры, имъ указываемыя, предпринимались, то Липовой не умеръ бы отъ обвала, который произошелъ вслѣдствіе распоряженій Андреева. Въ обвинительномъ актѣ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, сказано, между прочимъ, что подсудимый грозилъ рабочимъ штрафами. На судѣ это не подтвердилось, и я не настаиваю на этомъ обстоятельствѣ, хотя полагаю что, по своему положенію довѣреннаго отъ подрядчика лица, Андреевъ могъ налагать штрафы на рабочихъ. Андреевъ заявлялъ, что штрафы налагались только за прогульные дни; но онъ же представилъ разсчетную книжку, въ которой есть указанія и на другой поводъ къ штрафамъ. Такъ, въ ней сказано, что подрядчикъ можетъ штрафовать рабочихъ и за работу, несогласную съ силами рабочаго, иными словами — когда ему покажется, что рабочій сдѣлалъ менѣе, чѣмъ по его, подрядчика, мнѣнію могъ бы сдѣлать, т. е. можетъ оштрафовать его за тотъ недостатокъ усердія, о которомъ я говорилъ въ началѣ рѣчи. Я полагаю, что такое правило даетъ самое широкое поле для примѣненія штрафовъ— поле, расширеніе котораго вполнѣ зависитъ отъ произвола подрядчика или его довѣреннаго. Наконецъ, инженеръ Кюстернъ заявилъ здѣсь, что онъ самъ штрафовалъ рабочихъ за дѣланіе подкоповъ, а подрядчикъ штрафовалъ ихъ за пьянство. Такимъ образомъ является цѣлая система широко примѣняемыхъ штрафовъ, и притомъ далеко не за одни прогульные дни. Право налагать штрафы за работу, несообразную съ силами рабочаго, естественно ведетъ и къ праву штрафовать за неисполненіе предписаній, относящихся къ производству работъ. Это право имѣлъ подрядчикъ, а, слѣдовательно, и его довѣренный. Поэтому, хотя бы въ данномъ случаѣ Андреевъ и не грозилъ рабочимъ штрафами—достаточно имъ было одного сознанія, что онъ можетъ ихъ штрафовать за несполненіе его предписаній, чтобы, несмотря на очевидную опасность, исполнять его приказанія. Не даромъ Мовчанъ сказалъ: «нанялись, такъ треба слухати!»

Дѣяніе, въ которомъ обвиняется Андреевъ, состоитъ въ грубомъ нарушеніи правилъ осторожности, повлекшемъ за собою смерть человѣка. Оно предусмотрѣно въ 1468-й ст. Улож. о наказ. Эта статья говоритъ о томъ случаѣ, когда отъ дѣянія, закономъ не воспрещеннаго, однако-жъ явно неосторожнаго, произойдетъ чья-либо смерть, и наказываетъ виновныхъ въ непринятіи надлежащихъ мѣръ предосторожности. Такимъ образомъ, здѣсь имѣется въ виду и неосторожность, состоящая въ извѣстномъ опредѣленномъ дѣйствіи, и неосторожность, состоящая въ бездѣйствіи, т. е. въ непринятіи мѣръ предосторожности. Въ настоящемъ дѣлѣ существуютъ оба эти вида неосторожности. Положительная неосторожность, прямое дѣяніе со стороны Андреева, состоитъ въ томъ, что онъ, стоя наверху отвѣсной стѣны, приказывалъ рабочимъ подъѣзжать съ колымажками къ подкопу и въ то же время велѣлъ вбивать въ землю надъ подкопомъ ломы. Не нужно никакихъ особыхъ свѣдѣній, нужно только простое, естественное пониманіе того, что зовется опасностью, чтобы понять, что такія дѣйствія явно неосторожны. Неосторожность бездѣйствія состоитъ въ томъ, что Андреевъ, являясь на работы ежедневно съ 1-го апрѣля, допустилъ рабочихъ произвести подкопъ, вслѣдствіе котораго и произошелъ обвалъ. Такимъ образомъ, я полагаю, что къ дѣянію подсудимаго вполнѣ примѣнима 1468-я ст. Она допускаетъ три рода наказаній сообразно съ обстоятельствами, усиливающими вину подсудимаго. Первое наказаніе есть внушеніе въ присутствіи суда. Полагаю, что о немъ не можетъ быть и рѣчи: гдѣ въ жертву скорости приносится жизнь людей—одного внушенія недостаточно. Затѣмъ идутъ арестъ и тюрьма. Въ виду неискренности и запирательства подсудимаго, на основаніи 129-й ст. Улож., къ нему могла бы быть примѣнена тюрьма. Но здѣсь является одно обстоятельство, измѣняющее нѣсколько виновность подсудимаго. Предъ засѣданіемъ онъ вручилъ, чрезъ своего защитника, 600 руб. сер. Липовой, оставшейся вдовою съ четырьмя дѣтьми. Эта сумма составилась, между прочимъ, изъ 500 руб. сер. гонорара, отъ которыхъ отказался мой уважаемый противникъ, и была представлена подсудимымъ «невзирая на то, будетъ ли онъ признанъ виновнымъ или нѣтъ». Но если подсудимый считаетъ себя виновнымъ и ожидаетъ быть признаннымъ за такового со стороны суда, то выдача этихъ денегъ по гражданскому иску неизбѣжна и здѣсь на судѣ нѣсколько преждевременна. Если же подсудимый не считаетъ себя виновнымъ, то пожертвованіе 600 рублей сер. въ пользу вдовы, потерпѣвшей просто отъ несчастнаго случая, при ограниченныхъ средствахъ самого подсудимаго, о чемъ здѣсь нѣсколько разъ заявлялось, представляется дѣяніемъ въ высокой степени великодушнымъ, является дѣломъ глубокаго христіанскаго милосердія. Въ послѣднемъ случаѣ желательно бы

было, чтобы это благое дѣло было сдѣлано вполнѣ по-христіански, т. е. такъ, чтобы правая рука не вѣдала, что творитъ лѣвая, а не громогласно, въ публичномъ засѣданіи, въ присутствіи суда, которому, какъ органу уголовнаго правосудія, въ сущности нѣтъ и дѣла до того, есть ли на лицо гражданская истица... Во всякомъ случаѣ, я съ радостью готовъ видѣть въ этомъ пожертвованіи Андреева желаніе хотя отчасти поправить зло, причиненное Липовой обваломъ, въ допущеніи котораго мы признаемъ виновнымъ подсудимаго. Это будетъ вполнѣ подходить подъ указанія 9-го п. 134-й ст. Улож. о нак., и поэтому наказаніе Андрееву справедливо назначить въ видѣ ареста.

Оканчивая обвиненіе, я позволю себѣ высказать то впечатлѣніе, которое невольно выношу я, пробѣгая мысленно всѣ данныя, представленныя мною суду. Настоящее дѣло приподнимаетъ покровъ съ картины постройки желѣзной дороги. Видѣнъ лишь кончикъ картины, но уже и по нему можно догадаться, что картина содержанія невеселаго... Всматриваясь въ нее, мы видимъ, что тамъ, гдѣ теперь идетъ, весело пыхтя и посвистывая, локомотивъ съ поѣздомъ — ложились костями рабочіе, пришедшіе издалека, принесшіе съ собой свою бѣдность, свой голодъ и свой трудъ. Они погибли вслѣдствіе грубаго нарушенія правилъ осторожности, вслѣдствіе того, что ихъ жизнь вмѣнялась въ ничто предъ «ускореніемъ» работъ. При мысли объ этомъ, сердце, любящее русскій народъ, болѣзненно сжимается и въ головѣ возникаетъ настойчивая мысль, что это не можетъ, не должно быть терпимо, что виновные, если они есть, должны быть наказаны. Намъ быть можетъ скажутъ, что во всемъ этомъ виновна цѣлая система, вся желѣзно-дорожная организація; виновно стремленіе строить дорогу скоро, во что бы то ни стало. Вотъ что виною, вотъ кого надо карать, а не несчастнаго подсудимаго, сидящаго на скамьѣ! Но судъ не судитъ систему, судъ не караетъ отвлеченныхъ понятій, суду нѣтъ дѣла до юридическихъ лицъ, судъ имѣетъ дѣло съ живыми лицами, по отношенію къ которымъ онъ является исполнителемъ, истолкователемъ и примѣнителемъ закона. Законъ требуетъ, чтобы всякій относился къ жизни ближняго съ уваженіемъ и осторожностью. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ подлежитъ карѣ закона, судебному осужденію. Ссылки на систему будутъ не болѣе какъ искуственнымъ отводомъ по неподсудности. Если система дурна, то не нужно ей служить, а тотъ кто служитъ — долженъ нести и кару, вызываемую системою. Вотъ почему я оканчиваю рѣчь въ спокойной увѣренности, что предстоящій приговоръ покажетъ, что за охраненіе жизни рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ стоитъ законъ, который не дозволяетъ безнаказанно ругаться надъ ея безопасностью!

XVII.

По дѣлу объ игорномъ домѣ Штабсъ-Ротмистра Колемина.

До свѣдѣнія Прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда дошло, что въ домѣ Абамелекъ, на Михайловской площади, въ квартирѣ штабсъ-ротмистра Колемина происходитъ азартная игра въ рулетку. Произведеннымъ, по его распоряженію, дознаніемъ обнаружено несомнѣнное существованіе у Колемина игорнаго дома. Вслѣдствіе этого и согласно предложенію Прокурора, въ ночь на 15 марта 1874 года, судебный слѣдователь прибылъ съ мѣстнымъ товарищемъ прокурора, полиціею и понятыми въ квартиру Колемина, гдѣ въ одной изъ комнатъ засталъ Колемина и 13 игроковъ, сидѣвшихъ вокругъ большого стола, со вдѣланною посрединѣ рулеткою и суконною покрышкою, на которой отпечатаны обычные при игрѣ въ рулетку номера и надписи. Приходъ слѣдователя послѣдовалъ во время самой игры. Колеминъ держалъ банкъ. Передъ банкометомъ и передъ сидѣвшимъ напротивъ него подполковникомъ Бендерскимъ были кучки золотыхъ монетъ, всего на сумму 2,896 руб., и кредитными билетами 11.050 руб. Всѣ эти деньги оказались принадлежащими Колемину. Противъ нѣкоторыхъ другихъ игроковъ лежали также золотыя монеты, въ незначительномъ количествѣ. По предложенію слѣдователя, Колеминъ назвалъ своихъ гостей по фамиліямъ, за исключеніемъ Малыгина, фамиліи коего не могъ вспомнить, и Знаменовскаго, котораго назвалъ Жадимеровскимъ. Имени и отчества гостей, кромѣ троихъ, Колеминъ назвать не могъ. При осмотрѣ квартиры Колемина найдены между прочимъ 8 рулетокъ, не вдѣланныхъ въ столы, и 4 книги приходо-расходныя, счетныя и долговыя, веденныя рукою Колемина и указывающія на то, что игра у Колемина шла постоянно, въ опредѣленные дни, съ ноября 1872 г. Допросами лицъ, найденныхъ слѣдователемъ въ квартирѣ г. Колемина, а равно и прислуги послѣдняго, выяснено, что игра въ рулетку у Колемина происходила первоначально два раза въ недѣлю, а затѣмъ, съ августа 1873 года, три раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ, въ одни и тѣ же опредѣленные часы; что всѣмъ приходящимъ предлагалось даровое угощеніе; что входъ въ квартиру и участіе въ игрѣ были свободны для всякаго, кого рекомендовалъ кто-либо изъ игроковъ; что значительное число лицъ посѣщало Колемина исключительно для игры, не ведя съ нимъ, помимо этого, знакомства и не принимая его у себя и, наконецъ, что нѣко-

торые посѣтители Колемина постоянно помогали ему въ счетѣ, участвуя извѣстною долею въ выигрышѣ и проигрышѣ банка. По повѣркѣ отобранныхъ отъ Колемина книгъ, между прочимъ оказалось, что въ періодъ времени съ 19 августа 1873 по 11 марта 1874 года онъ только въ августѣ и февралѣ былъ въ незначительномъ проигрышѣ, во всѣ же остальные мѣсяцы оставался въ значительномъ выигрышѣ. Всего барышъ, полученный имъ отъ рулетки за это время, равняется 49,554 руб. 25 коп. Привлеченный къ дѣлу, Колеминъ не призналъ себя виновнымъ, утверждая, что, по его мнѣнію, рулетка не запрещена закономъ и что игорнаго дома онъ не держалъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ штабсъ-ротмистръ Колеминъ былъ преданъ суду по обвиненію въ устройствѣ въ своей квартирѣ заведенія для запрещенной игры въ рулетку, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 990 ст. Улож. о Нак.

Судебное засѣданіе С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, происходило по этому дѣлу 30-го апрѣля 1874 г., подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда *Шамшина*. Защищалъ подсудимаго присяжный повѣренный *Языковъ*.

На судѣ, рядомъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрены вышеизложенныя обстоятельства, а также и то, что постояннымъ сотрудникомъ Колемина былъ отставной офицеръ Тебеньковъ, игравшій, по мнѣнію посѣтителей Колемина, роль croupier. — При этомъ выяснилось, что общество въ квартирѣ Колемина бывало самое разнообразное,—что у него играли нѣкоторыя русскія и иностранныя высокопоставленныя лица,—а также, что нѣкоторые изъ гостей возбуждали, по незнанію обычаевъ дома, вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли заплатить за ужинъ? Кромѣ того оказалось, что сначала играли на золото и серебро, но въ ноябрѣ Колеминъ заявилъ, что банкъ онъ увеличиваетъ съ 15 на 30,000 руб. и потому ставка на серебро не допускается, что maximum ставки будетъ 1.000 рублей и что бумажки допускаются не менѣе какъ 25-рублевыя. Кто хотѣлъ, привозилъ золото съ собой, а другіе мѣняли у Колемина; играли на золотые, причемъ Колеминъ за 100 руб. давалъ 16 золотыхъ, и это составляло нѣкоторую выгоду противъ курса для мѣнявшихъ бумажки, но когда курсъ упалъ, тогда стали давать 17 золотыхъ. Затѣмъ, вслѣдствіе того, что золото все ушло изъ рулетки, такъ какъ обмѣнявшіе или выигравшіе золото, вслѣдствіе выгоды на курсѣ, не возвращали его, Колеминъ сталъ опять выдавать 16 золотыхъ.

Окружный Судъ, разсмотрѣвъ дѣло и признавая подсудимаго Колемина виновнымъ въ томъ, что въ августѣ 1873 года онъ устроилъ у себя въ квартирѣ родъ заведенія для запрещенной игры въ рулетку, на основаніи 990, 42 и 84 ст. Улож. о Нак., 1234 ст. Уст. Гр. Суд., 777 ст. Уст. Угол. Суд. и 512 ст. Уст. о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій XIV т. Св. Зак. — постановилъ: подвергнуть Колемина денежному взысканію въ пользу государственныхъ доходовъ въ количествѣ 2.000 р., а въ случаѣ несостоятельности— заключить въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ; обратить на него судебныя по дѣлу издержки; находящіяся на лицо вещественныя доказательства—рулетки—уничтожить; добытыя посредствомъ преступленія Колеминымъ деньги въ количествѣ 35.407 руб. 25 коп. возвратить лицамъ, отъ которыхъ онѣ выиграны; съ деньгами, которыя не будутъ истребованы, поступить въ порядкѣ, указанномъ 512 ст. XIV т. Св. Зак.

Гг. судьи! Подсудимый, отставной штабсъ-ротмистръ Колеминъ, преданъ вашему суду по обвиненію въ томъ, что въ домѣ его была организована игра въ рулетку. Для того, чтобы признать это обвиненіе правильно направленнымъ противъ Колемина, предстоитъ разрѣшить два существенныхъ вопроса. Первый изъ нихъ: есть ли игра въ рулетку — игра запрещенная? Второй: есть ли въ дѣяніи Колемина признаки содержанія имъ игорнаго дома? Оба эти вопроса тѣсно между собою связаны. Разсматривая первый вопросъ — есть ли рулетка игра запрещенная — слѣдуетъ обратиться къ прямому указанію закона. Рулетка — игра, основанная на случаѣ; въ ней разсчетъ, извѣстныя математическія соображенія, ловкость и обдуманность въ игрѣ не могутъ приводить ни къ какому положительному результату. Если и есть нѣкоторыя, какъ говорятъ, болѣе или менѣе вѣрныя примѣты въ игрѣ въ рулетку, если можно замѣчать чаще другихъ повторяющіеся нумера и т. п., то это все-таки не измѣняетъ характера игры и она остается основанной на случаѣ, а не на разсчетѣ. Законъ нашъ, въ 444 ст. XIV т. Уст. о прес. и пред. прест., говоритъ, что запрещается играть въ азартныя игры и открывать свой домъ для нихъ; статья эта основана главнымъ образомъ на Уставѣ благочинія, изданномъ при императрицѣ Екатеринѣ, въ 1782 году. Уставъ благочинія прямо опредѣляетъ, что игрой запрещенной или азартной считается всякая игра, основанная на случаѣ. Въ виду этого положительнаго опредѣленія, рулетка, по самымъ свойствамъ и пріемамъ игры, не можетъ не считаться игрой запрещенной. Власть, слѣдя за появленіемъ различныхъ новыхъ азартныхъ игръ, постепенно ихъ изъемлетъ изъ употребленія, запрещаетъ ихъ, но она не можетъ уловить всѣ разнообразные виды игры, всѣ новые способы и пріемы ея. Жизнь слишкомъ разнообразна и представляетъ многоразличные способы и развлеченій, и незаконнаго пріобрѣтенія средствъ къ существованію. Законодательство не можетъ никогда идти въ уровень съ этой изобрѣтательностью; оно обыкновенно нѣсколько отстаетъ, но въ немъ всегда содержатся общія указанія на главныя свойства игръ, которыя оно считаетъ запрещенными и противъ которыхъ оно считаетъ нужнымъ бороться. Такъ и въ нашемъ законодательствѣ такія указанія содержатся въ ст. 444 т. XIV и въ силу ихъ послѣдовали распоряженія администраціи. Мы имѣемъ циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ отъ 11-го марта 1863 г., за № 31, и отъ 18-го февраля 1866 г., за № 33, которыми запрещены домино-лото, игра въ орлянку и игра въ фортунку. Если вглядѣться въ существо этихъ игръ, то окажется, что всѣ онѣ основаны на случаѣ, на счастіи, на азартѣ, и, въ сущности, игра въ фортунку есть

ничто иное, какъ видъ простонародной рулетки. Ясно, что преслѣдованіе уже было направлено на игры, очень сходныя съ рулеткой, но чаще, чѣмъ она, проявлявшіяся въ жизни. Наконецъ, и практика иностранныхъ законодательствъ признаетъ рулетку запрещенною игрою. Мы знаемъ, что маленькія, по большей части ничтожныя государства, гдѣ государственные доходы разсматриваются, какъ личная собственность и какъ хозяйственный прибытокъ владѣтельнаго лица, считали возможнымъ допускать у себя игорные дома съ рулеткою, въ которую, однако, не дозволяли играть собственнымъ подданнымъ; игра въ рулетку въ настоящее время удержалась, какъ кажется, только въ Saxon les bains и въ маленькомъ княжествѣ Монако. Какъ только сильная государственная власть вступала въ обладаніе тѣми землями, гдѣ процвѣтала рулетка, она уничтожала ее. Пруссія, вступивъ во владѣніе Нассаускимъ герцогствомъ, сосчитала дни рулетки въ Висбаденѣ и Гомбургѣ, а вскорѣ и совсѣмъ уничтожила ее. Когда въ истощенной войною Франціи раздались голоса объ учрежденіи открытой игры въ рулетку, чтобъ увеличить наплывъ путешественниковъ и усилить приливъ золота въ странѣ, лучшіе представители общества и литературы съ негодованіемъ возстали противъ этого и правительство отвергло предложеніе о такомъ недостойномъ средствѣ обогащенія. Въ виду всего этого нельзя не признать рулетку игрой азартной, а слѣдовательно, запрещенной. Надо притомъ замѣтить, что для опредѣленія того, что она имѣетъ признаки азартной игры, судъ не нуждается въ прямомъ указаніи на это карательнаго закона. Я уже сказалъ, что законодатель не можетъ услѣдить за всѣми проявленіями быстро текущей общественной жизни. Это, въ иныхъ случаяхъ, задача суда. Кассаціонный Сенатъ, по дѣлу Аксенова, въ рѣшеніи 1870 года, № 1791, призналъ, что отъ суда зависитъ разрѣшеніе вопроса, была ли та или другая игра запрещенной, или нѣтъ. Если судъ признаетъ, что игра основана на случаѣ, то онъ признаетъ, что она азартная и этимъ самымъ включаетъ ее въ разрядъ запрещенныхъ игръ. Такое опредѣленіе суда должно быть основано на существѣ дѣла и не можетъ подлежать провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ. Сенатъ призналъ, что одинъ изъ мировыхъ съѣздовъ имѣлъ право, вникая въ существо дѣла, признавать игру въ «ремешокъ» азартною и не счелъ возможнымъ отмѣнить это рѣшеніе съѣзда, несмотря на отсутствіе указаній закона на такую игру. Очевидно, что въ этомъ отношеніи суду предоставлена большая власть, и,—быть можетъ,—и въ настоящемъ случаѣ судъ не откажется закрѣпить своимъ вѣскимъ словомъ запрещенный характеръ за рулеткой.

Перехожу къ разрѣшенію другого вопроса: устроилъ ли г. Колеминъ домъ для запрещенной игры въ рулетку? Условія игор-

наго дома довольно ясно опредѣлены въ приложеніи къ 444 ст. XIV т. Въ источникахъ, на которыхъ она основана, указано прямо, что «запрещается играть въ запрещенныя игры», «открывать свой домъ игрокамъ или для запрещенной игры днемъ или ночью», «запрещается имѣть счетчика, продавать своимъ гостямъ или инымъ образомъ давать и передавать золото, серебро или иныя денежныя цѣнности»; наконецъ, запрещается имѣть постоянную прибыль отъ этой игры. Это послѣднее условіе весьма ясно выражено въ указѣ императрицы Екатерины, вошедшемъ въ Полное Собраніе Законовъ за № 13,677. Въ немъ прямо говорится, что въ случаѣ «раскрытія» игорнаго дома, «буде происходитъ прибытокъ запрещенный, то, о томъ изслѣдовавъ, учинить по законамъ». Итакъ, вотъ главныя условія игорнаго дома: онъ долженъ быть открытъ днемъ и ночью, въ опредѣленные часы, для желающихъ играть въ запрещенную игру; въ немъ должна происходить запрещенная игра; въ немъ могутъ быть лица, которыя занимаются счетомъ въ помощь хозяину; въ немъ можетъ происходить для удобства размѣнъ золота и, наконецъ, все это должно вести къ общей, къ главной цѣли учрежденія подобнаго дома — къ неправильной прибыли, къ запрещенному прибытку. Я прибавлю, что, насколько можно представить себѣ общую картину игорнаго дома, жизнью еще выработано одно условіе въ дополненіе къ этимъ условіямъ закона — именно доступность игорнаго дома, доступность хозяина его лицамъ, которыя пожелаютъ принять участіе въ игрѣ. Законъ, впрочемъ, указываетъ и на отрицательныя данныя для *непризнанія* игорнаго дома. Эту отрицательную сторону законъ обрисовываетъ въ ст. 448 XIV т., гдѣ говорится, что «если игра служила для забавы или отдохновенія, съ друзьями и въ семьѣ, и не была запрещенною, то вины нѣтъ». Поэтому, если будетъ открыто учрежденіе или домъ, гдѣ происходятъ такія запрещенныя игры и происходятъ не въ тѣсномъ кругу лицъ, связанныхъ узами дружбы, и не въ кругу родныхъ и близкихъ, и если, кромѣ того, главная цѣль этой игры не отдохновеніе, а неправильный прибытокъ, то мы имѣемъ дѣло съ игорнымъ домомъ. Примѣняя эти общія начала къ настоящему дѣлу, я полагаю, что мы найдемъ, что всѣ условія, указанныя законодателемъ, существуютъ въ дѣяніи Колемина. Игра была запрещенная, игра происходила днемъ и ночью. Мы знаемъ изъ показаній свидѣтелей, что были опредѣленные, ясно установленные напередъ дни, въ которые можно было являться играть въ опредѣленные часы. Хотя Колеминъ заявилъ здѣсь, что онъ приглашалъ лицъ, игравшихъ у него, особо каждый разъ, хотя г. Тебеньковъ показалъ, что онъ получалъ особыя приглашенія каждый разъ, но надо думать, что эти лица или запамятовали, или ошибаются, такъ какъ бо́льшая часть свидѣтелей прямо указываетъ,

что дни и часы были всѣмъ извѣстны заранѣе. Одинъ изъ послѣднихъ свидѣтелей весьма характеристично заявилъ даже, что «общая молва» указывала безошибочно на эти именно игорные дни. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду, что даже еслибы подобные дни не существовали, — а существованіе ихъ подтверждается записными книгами, — то несомнѣнно, что они должны бы быть установлены для того, чтобы каждый, желающій играть, могъ ѣхать не на «огонекъ», какъ объяснилъ подсудимый, а на нѣчто болѣе опредѣленное. Это были не одни дни, это были и ночи. Слѣдовательно, два первыхъ условія, требуемыя закономъ, существуютъ. Затѣмъ того, что были счетчики, отрицать невозможно, въ виду показанія г. Тебенькова и данныхъ, которыя мы имѣемъ относительно участія въ счетѣ г. Бендерскаго. Изъ этихъ данныхъ, среди которыхъ важно показаніе прислуги, видно, что дѣятельность счетчиковъ была довольно опредѣленная и исполнялась преимущественно однимъ лицомъ, привычнымъ къ этой дѣятельности. Она сопровождалась извѣстнымъ гонораромъ, который, несмотря на участіе въ проигрышѣ, имѣлъ своимъ результатомъ, однако, то, что въ 8 мѣсяцевъ, изъ которыхъ 2 было лѣтнихъ, такъ сказать «малоигорныхъ», составлялъ сумму въ 2,000 руб.— жалованье весьма хорошее за обязанность считать. Счетчикъ приходилъ нѣсколько ранѣе и уходилъ нѣсколько позже остальныхъ гостей. Г. Тебеньковъ объяснилъ, что онъ оставался для сведенія итоговъ послѣ каждаго рулеточнаго дня и ночи. Слѣдовательно, онъ исполнялъ всѣ вспомогательныя обязанности по рулеткѣ и былъ тѣмъ счетчикомъ, котораго разумѣлъ законъ, запрещая имѣть такового. Наконецъ, послѣднее условіе, указанное закономъ—выдача золота — точно также выяснилось свидѣтельскими показаніями. Законъ, конечно, не имѣлъ въ виду соединить съ понятіемъ объ игорномъ домѣ понятіе о мѣняльной лавкѣ. Онъ имѣлъ въ виду другое. Для того, чтобы удобнѣе играть въ запрещенную игру, нужно предоставить посѣтителямъ игорнаго дома нѣкоторыя удобства и нѣкоторыя приспособленія, которыя дали бы имъ возможность приступить къ игрѣ безъ особеннаго стѣсненія, безъ особеннаго приготовленія. Эта легкость приступа къ азартной игрѣ, созданіе этой легкости, есть одна изъ особенностей игорнаго дома. Нельзя стѣснять гостей необходимостью приносить на значительныя суммы мелкія деньги въ карманѣ, мѣнять ихъ, заходить для этого въ лавки, и т. п. Предупредительный хозяинъ можетъ самъ принять эту обязанность на себя и, съ возможно меньшею потерею, предлагать свое золото гостямъ, избавляя ихъ отъ всѣхъ предварительныхъ заботъ объ этомъ. Вотъ что предвидѣлъ законъ, запрещая такую отдачу или передачу золота. Я никакъ не думаю утверждать, чтобъ г. Колеминъ пользовался какими нибудь выгодами отъ этой продажи золота; притомъ, при выгодѣ, которую

ему приносила рулетка, потеря нѣсколькихъ копѣекъ на курсѣ не составляла существенной потери. Такимъ образомъ, въ дѣяніи его существуютъ тѣ условія, которыя указаны закономъ: домъ его открытъ днемъ и ночью; въ домѣ его существуетъ счетчикъ, существуетъ размѣнъ золота. Всѣ эти условія, очевидно, направлены къ тому, чтобъ по возможности облегчить игру въ рулетку тѣмъ, кто пожелаетъ въ нее играть. Для чего же дѣлается это облегченіе? Для того, чтобъ рулетку охотно посѣщали, чтобъ къ ней могло приступить наибольшее количество лицъ. Это наибольшее количество лицъ должно доставить пятое указанное закономъ условіе: неправильный прибытокъ. На него указываютъ счетныя книги Колемина, его собственныя показанія и, наконецъ, признаніе большинства свидѣтелей, что они остались, въ концѣ концовъ, въ проигрышѣ. Этотъ «неправильный прибытокъ» состоялъ въ томъ, что содержатель банка, несмотря на расходы, которые онъ несъ на угощеніе ужинами, какъ показали нѣкоторые свидѣтели «даромъ», все-таки остался въ большомъ выигрышѣ. Хотя здѣсь заявлялось г. Колеминымъ, что одной книги недостаетъ, что вообще вычисленія слѣдователя произведены неправильно, но такое заявленіе запоздало, такъ какъ слѣдствіе предъявлялось ему; передъ окончаніемъ его подсудимый былъ спрошенъ, что онъ можетъ еще прибавить или сказать въ свое оправданіе, и онъ могъ своевременно обратить вниманіе слѣдователя на ошибки въ вычисленіяхъ, и тогда онѣ были бы еще разъ провѣрены при его помощи и по его указаніямъ. Я не отрицаю, впрочемъ, что у него могли быть большія траты и должники, и притомъ весьма неисправные. Человѣкъ, державшій рулетку, несшій тяжелыя обязанности банкомета, конечно, могъ отдыхать отъ этой дѣятельности, ведя жизнь широкую и шумную и не жалѣя денегъ, выигранныхъ въ рулетку. Я утверждаю лишь, что изъ книгъ несомнѣнно можно вывести, что имъ выиграно съ 1-го августа 1873 года по 11-е марта 1874 года 49,554 р. 25 коп. Этотъ выигрышъ выводится изъ ежедневныхъ замѣтокъ, сколько было въ началѣ каждой игры въ банкѣ и сколько въ концѣ ея. Этихъ цифръ нельзя отвергнуть, и если даже исключить 14,000 р., о которыхъ говоритъ г. Колеминъ, какъ о неуплаченномъ ему долгѣ, то все-таки останется достаточно значительная цифра прибытка. Законъ называетъ этотъ прибытокъ неправильнымъ, и едва ли судъ можетъ посмотрѣть на него иначе. Какъ ни разнообразны средства пріобрѣтенія въ современномъ обществѣ, но все-таки у большинства взглядъ на свойство и происхожденіе прибыли и дохода болѣе или менѣе одинаковъ. Только то, что пріобрѣтается личнымъ трудомъ или трудомъ близкихъ лицъ, есть пріобрѣтеніе почтенное, облагороженное въ самомъ своемъ началѣ работою и усиліями; что же пріобрѣтается безъ труда, безъ усилій, шутя,

что пріобрѣтается посредствомъ эксплоатаціи дурныхъ страстей и увлеченій другихъ людей, есть прибытокъ неправильный.

Я говорилъ уже, что для того, чтобъ признать существованіе игорнаго дома, необходимо, чтобы существовало еще одно житейское условіе: легкость и удобство доступа. Я думаю, что и это условіе въ данномъ случаѣ существуетъ. Я не стану повторять показаній всѣхъ свидѣтелей, но думаю, что судъ не можетъ не согласиться, что изъ показаній свидѣтелей видно, что они не состояли съ г. Колеминымъ въ тѣхъ дружественныхъ или семейныхъ отношеніяхъ, о которыхъ говоритъ ст. 448 XIV т. Напротивъ, вглядываясь въ эти отношенія, видимъ, что знакомство съ г. Колеминымъ завязывалось не лично для него, что не его личныя достоинства привлекали большинство къ нему въ домъ, что многіе, будучи ему представлены впервые, уходили, не сказавъ съ нимъ ни слова, и прямо принявшись за знакомство съ тѣмъ предметомъ, который привлекалъ ихъ болѣе, чѣмъ хозяинъ — съ рулеткою. Я думаю, что не очень ошибусь, сказавъ, что рулетка знакомила большинство посѣтителей съ г. Колеминымъ, а не ихъ собственное желаніе. Знакомство завязывалось внѣ всякихъ правилъ общежитія. Хотя человѣкъ холостой можетъ держать себя просто и не требовать соблюденія относительно себя всѣхъ формъ и обрядовъ общественной жизни, но я не думаю, чтобъ по отношенію къ человѣку свѣтскому, у котораго бывали люди хорошаго круга, можно было отрицать всѣ обрядности общежитія, чтобы можно было пріѣзжать къ нему въ 11 и 12 часовъ ночи въ первый разъ, не дѣлать ему визита, не разсчитывать на его визитъ и не находить необходимымъ знакомить его со своимъ домомъ. Знакомство это имѣетъ характеръ особенный, оно является чѣмъ-то случайнымъ, проникнуто отчужденіемъ, носитъ характеръ знакомства болѣе съ учрежденіемъ, чѣмъ съ лицомъ. Намъ скажутъ, можетъ быть, что кругъ знакомыхъ г. Колемина былъ ограниченъ, что у него было всего человѣкъ 35 знакомыхъ. Но, повидимому, г. Колеминъ впадаетъ въ ошибку, опредѣляя такимъ образомъ количество своихъ знакомыхъ. Во всякомъ случаѣ, большой оборотъ рулетки, на который онъ самъ указываетъ въ своей книгѣ, едва ли могъ происходить при ограниченномъ количествѣ знакомыхъ. Одинъ изъ свидѣтелей заявилъ здѣсь, что составъ гостей при рулеткѣ постоянно мѣнялся, что это были люди, незнакомые другъ другу, которыхъ связывала только рулетка. Притомъ, количество знакомыхъ г. Колемина и не должно быть особенно велико, чтобъ соотвѣтствовать понятію объ одномъ изъ условій игорнаго дома. Повятно, что доступъ къ г. Колемину не могъ быть открытъ всякому, что всякій не могъ войти къ нему съ улицы, какъ въ трактиръ или въ ресторанъ. Этого требовало удобство играющихъ. Играть въ рулетку пойдутъ только люди со средствами, люди свѣт-

скіе, съ лоскомъ развитія и образованности; они должны быть обезпечены отъ разныхъ непріятныхъ встрѣчъ, отъ неблаговидныхъ знакомствъ и приключеній. Для того, чтобъ обезпечить ихъ спокойствіе, необходимо было, чтобъ вводимыя лица были, по крайней мѣрѣ, кѣмъ нибудь рекомендованы, кто ихъ хоть немного, хоть съ внѣшней стороны, знаетъ. Такая рекомендація требовалась и у г. Колемина. Она была необходима, потому что если-бъ доступъ былъ открытъ всѣмъ, то въ число гостей попали бы на первыхъ же порахъ вовсе не желательные чины полиціи, интересующіеся рулеткою совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Наконецъ, надо оградить гостей отъ прихода человѣка неразвитаго, нетрезваго, который могъ бы ругаться, негодовать на проигрышъ въ грубой формѣ и, пожалуй, сталъ бы обращаться съ играющими въ *рулетку,* какъ обращаются съ играющими въ *орлянку.* Вотъ для чего были установлены нѣкоторыя гарантіи, которыхъ, однако, оказалось недостаточно, чтобы предотвратить входъ такихъ лицъ, послѣдствіемъ котораго явилось настоящее дѣло.

Подсудимый не призналъ себя виновнымъ; но я думаю, что, отрицая свою виновность, онъ не отрицаетъ фактовъ, наглядныхъ и очевидныхъ, не отрицаетъ 8 рулетокъ, которыя лежатъ передъ судомъ, не отрицаетъ темныхъ занавѣсей своихъ оконъ, существованія счетчиковъ и того, что у него было найдено 13 человѣкъ, игравшихъ въ игру запрещенную, не отрицаетъ, конечно, и того, наконецъ, что изъ нихъ онъ не всѣхъ зналъ по фамиліямъ и только трехъ—по имени и отчеству. Вѣроятно, отрицая свою виновность, онъ смотритъ на дѣло такъ же, какъ смотрѣли довольно многіе послѣ того, какъ оно возбудилось. Начатіе этого дѣла, привлеченіе г. Колемина къ отвѣтственности возбудило самые разнообразные толки въ обществѣ. Оно для многихъ явилось неожиданнымъ и непріятнымъ происшествіемъ, не находящимъ себѣ оправданія ни въ законѣ, ни въ нравственной необходимости, и вызвало горячіе толки и нареканія. Въ начатіи дѣла многіе видѣли не только нарушеніе существеннѣйшихъ правъ русскихъ гражданъ, но даже нарушеніе чуть ли не святости семейнаго очага... Окончательное слово суда, конечно, покажетъ, согласно ли со своими обязанностями и требованіями закона воспользовалась обвинительная власть по этому дѣлу своими правами и напрасно ли нарушила она спокойствіе г. Колемина и его гостей? Но если г. Колеминъ основываетъ свои соображенія на взглядахъ лицъ, упомянутыхъ нами, то его оправданія едва ли заслуживаютъ уваженія. Нельзя говорить, что рулетка не есть запрещенная игра и что всякій можетъ играть въ нее сколько хочетъ, по правилу «вольному воля». Этого нельзя говорить, потому что рулетка есть игра азартная, разсчитанная на возбужденіе въ человѣкѣ далеко не лучшихъ его страстей, на раздра-

женіе корыстныхъ побужденій, страсти къ выигрышу, желанія безъ труда пріобрѣсти какъ можно больше, однимъ словомъ— игра, построенная на такихъ сторонахъ человѣческой природы, которыя во всякомъ случаѣ не составляютъ особаго ея достоинства. Быть можетъ скажутъ, что у Колемина собирались люди съ характеромъ, съ твердою волею, которые знали мѣру, не переступали границъ, не увлекались. Но кто поручится, что въ числѣ лицъ, которыхъ могли приводить отовсюду знакомые къ г. Колемину, не было людей средняго сословія, трудовыхъ, живущихъ «въ потѣ лица», особенно еслибы рулеткѣ дано было пустить свои корни въ разныхъ слояхъ общества? Кто поручится, что къ г. Колемину не являлись бы играть люди, живущіе изо дня въ день, съ очень ограниченными средствами, люди семейные, которые искали бы случая забыться предъ игорнымъ столомъ отъ заботъ о семействѣ и о мелочныхъ хозяйственныхъ разсчетахъ, и что, входя въ этотъ гостепріимный, хлѣбосольный домъ для развлеченія, они не выходили бы изъ него, чтобъ внести въ свои семьи отчаяніе нищеты и разоренія? Нельзя требовать отъ всѣхъ одинаковой силы характера и воздержанія. Когда разыгрывается корыстолюбіе, когда выигрышъ мелькаетъ предъ глазами, когда передъ человѣкомъ обязательно и заманчиво разсыпается золото, нельзя требовать, чтобъ всякій думалъ о необходимости давать дѣтямъ воспитаніе, хранить для семьи средства къ жизни. Это не суть соображенія теоретическія. Я основываюсь на соображеніяхъ, которыя имѣло въ виду правительство, запретивъ въ клубахъ домино-лото, надѣлавшее въ свое время не мало несчастій. Нельзя говорить, какъ, къ сожалѣнію, говорятъ многіе, что достаточно, чтобы зло не проявлялось наружу, чтобы оно не бросалось въ глаза, не причиняло публичнаго соблазна, и что общество не страждетъ, если зло происходитъ въ 4-хъ стѣнахъ. Во-первыхъ, это взглядъ не правовой. Въ четырехъ стѣнахъ дома могутъ совершаться самыя мрачныя преступленія, и даже семья, въ виду совершаемыхъ въ ней иногда жестокостей, не совершенно изъята изъ вѣдѣнія судебной власти. Законодатель и судья не могутъ смотрѣть лицемѣрными глазами на то, что происходитъ вокругъ. Они не могутъ закрывать глаза на зло потому только, что оно не попадается на глаза, не выставляется наружу, а существуетъ гдѣ-то тайно, притаясь и помалкивая. Разъ зло существуетъ, будетъ ли оно на площади, въ подвалѣ или въ раззолоченной гостиной — оно все-таки останется зломъ и его слѣдуетъ преслѣдовать. Г. Колеминъ, отрицая свою виновность, указываетъ, что общество, въ которомъ онъ вращался, которое играло у него, есть общество людей достаточныхъ, для которыхъ проигрышъ не составляетъ сильной потери, а выигрышъ—не имѣетъ значенія пріобрѣтенія. Но онъ обвиняется не въ томъ, что они проигрывали,

а не выигрывали, а въ томъ, что ихъ небольшой, быть можетъ, въ отдѣльности, проигрышъ составлялъ для него весьма существенный выигрышъ. Во-вторыхъ—и это главное—законъ не знаетъ сословныхъ преступленій, не знаетъ различій по кругу лицъ, въ средѣ коихъ совершается его нарушеніе. Онъ ко всѣмъ равно строгъ или равно милостивъ. Въ послѣднее время всякій, кто слѣдилъ за общественною жизнью въ Петербургѣ, конечно слышалъ или знаетъ, что азартныя игры развиваются очень сильно въ низшемъ слоѣ населенія, что во многихъ мѣстахъ Петербурга существуютъ притоны, гдѣ играютъ въ разныя азартныя игры люди, живущіе ежедневнымъ трудомъ—приказчики, мелкіе торговцы, прислуга, извощики, рабочіе. Имъ не досталось въ удѣлъ развитіе, у нихъ нѣтъ или почти нѣтъ, кромѣ вина, другихъ, болѣе разумныхъ развлеченій. Развлеченіе послѣ скучнаго, трудового дня представляютъ такіе притоны. Здѣсь проигрывается, послѣ хорошаго даровaго угощенія, заработокъ многихъ дней, и отсюда, благодаря разнымъ ловкимъ мошенничествамъ, неразвитый бѣднякъ выпускается ограбленный и нерѣдко со скамьею подсудимыхъ въ перспективѣ. Такіе притоны безспорно составляютъ большое зло и допустить существованіе игорныхъ домовъ между простымъ народомъ рѣшительно невозможно по ихъ растлѣвающему значенію. Но если преслѣдовать ихъ устройство у людей низшаго сословія, то на какомъ основаніи оставлять ихъ процвѣтать между людьми высшаго сословія? Развѣ основныя условія игорнаго дома не вездѣ одинаковы? Почему разгонять тѣхъ, кто на послѣднія трудовыя деньги, послѣ усталости отъ работы, не имѣя другихъ развлеченій, прибѣгаетъ къ азартной игрѣ, и оставлять въ покоѣ тѣхъ, которые, ради «незаконнаго прибытка», устраиваютъ игорные дома и строятъ свое благосостояніе на пользованіи увлеченіями своихъ гостей? Въ виду этого я полагаю, что судъ не раздѣлитъ взгляда на неправильность возбужденія этого дѣла и согласится со мною, что въ дѣяніи г. Колемина были всѣ признаки содержанія игорнаго дома.

Что касается наказанія, то его слѣдовало бы назначить въ высшей мѣрѣ. Ст. 990 Улож. о наказ. назначаетъ наказаніе въ видѣ штрафа въ размѣрѣ до 3,000 р. Штрафъ этотъ долженъ, конечно, соразмѣряться съ степенью развитія и образованности обвиняемаго. Степень развитія и образованія г. Колемина, кончившаго курсъ въ одномъ изъ высшихъ военныхъ учебныхъ заведеній, можетъ быть признана достаточно высокою, чтобъ примѣнить къ нему наказаніе въ высшей мѣрѣ, т. е. въ размѣрѣ 3,000 р. Затѣмъ, изъ книгъ его видно, что онъ выигралъ 49,554 р. 25 к. Деньги эти пріобрѣтены посредствомъ игры въ рулетку, которая производилась въ игорномъ домѣ; содержаніе игорнаго дома есть дѣяніе преступное, слѣдовательно, деньги эти суть плодъ

преступнаго дѣянія; вещи же, пріобрѣтенныя преступленіемъ—плоды преступленія—возвращаются тѣмъ, отъ кого они взяты; въ случаѣ, если не окажется хозяевъ, они поступаютъ на улучшеніе мѣстъ заключенія. Поэтому я полагалъ бы изъ арестованныхъ у г. Колемина денегъ удержать, для соотвѣтствующей выдачи и дальнѣйшаго распоряженія, по 512 ст. т. XIV Св. зак., ту сумму, которая, по мнѣнію суда, составитъ его незаконный прибытокъ.

РУКОВОДЯЩІЯ НАПУТСТВІЯ

ПРИСЯЖНЫМЪ.

I.

По дѣлу Коллежскаго Совѣтника Константина Юханцева, обвиняемаго въ растратѣ суммъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита.

27-го марта 1878 года прокуроръ С.-Петербургской судебной палаты получилъ жалобу отъ членовъ правленія Общества взаимнаго поземельнаго кредита, въ которой они заявляли, что при пріемѣ кассы Общества отъ кассира Юханцева и одновременной ревизіи оной членами правленія, для передачи новому кассиру Мерцу, оказался недостатокъ въ 203.000 фунт. стерлинговъ консолидированныхъ облигацій 2-го выпуска. На сдѣланный Юханцеву вопросъ, куда онѣ дѣвались, онъ объяснилъ, что означенныя облигаціи имъ разновременно растрачены. Того же 27-го марта судебный слѣдователь и прокуроръ прибыли въ квартиру, занимаемую Юханцевымъ, при чемъ оказалось, что она состоитъ изъ шести комнатъ, въ одной изъ которыхъ проживаетъ коломенская мѣщанка Ольга Шишкина; квартира роскошно меблирована, въ ней множество цѣнныхъ вещей, бронзы и ковровъ, два музыкальныхъ инструмента и большое количество серебряныхъ вещей. Въ туалетѣ Шишкиной найдено большое количество весьма цѣнныхъ брилліантовыхъ и золотыхъ вещей. При обыскѣ было найдено въ письменномъ столѣ Юханцева кредитными билетами 16.000 руб., одинъ билетъ Государственной комиссіи погашенія долговъ 5% займа въ 100 фунт. стерлинговъ и 70 консолидированныхъ 5% облигацій россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 2-го выпуска, въ 100 фунт. стерлинговъ каждая. Тамъ же былъ найденъ запечатанный гербовою печатью Юханцева конвертъ съ надписью: «принадлежитъ Ольгѣ Андреевнѣ Шишкиной». По вскрытіи конверта въ немъ оказалось письмо Юханцева и квитанція банкирской конторы Зингера, въ полученіи отъ Юханцева для продажи на 6.000 фунт. стерлинговъ консолидированныхъ 5% облигацій 2-го выпуска. Конвертъ, письмо, квитанція и гербовая печать, а равно и всѣ вышеупомянутые билеты, облигаціи и кредитные билеты были отобраны. Въ уборной комнатѣ, въ ящикѣ туалетнаго стола, найдено кредитными билетами и разными акціями около 3 т. р. При квартирѣ оказалась конюшня на 5 лошадей и 5 экипажей. Между тѣмъ, продолжая начатую ревизію въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, члены правленія на другой день обнаружили, что кромѣ 203.500 фунт. стерлинговъ консоли-

дированныхъ облигацій 2-го выпуска, Юханцевъ похитилъ еще 75.350 фунт. стерлинговъ 7-го правительственнаго голландскаго займа 1862 года, такъ что сумма, расхищенная Юханцевымъ, составляетъ 278,890 фунт. стерл., т. е. *болѣе двухъ милліоновъ рублей*. Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Юханцевъ объяснилъ, что состоитъ на службѣ въ Министерствѣ Финансовъ по особымъ порученіямъ, былъ юнкеромъ въ Преображенскомъ полку и по выдержаніи экзамена произведенъ въ прапорщики, былъ женатъ первымъ бракомъ и разведенъ съ женою въ 1876 году. Недвижимаго имущества онъ не имѣетъ, движимое же имущество находится въ квартирѣ его. На должности кассира Общества взаимнаго кредита состоялъ онъ съ ноября мѣсяца 1866 года, со дня учрежденія правленія, гдѣ получалъ въ послѣднее время содержанія съ наградными до восьми тысячъ рублей въ годъ. Во время вступленія въ бракъ находился въ должности старшаго надзирателя акцизныхъ сборовъ въ Кіевѣ, причемъ, по его словамъ, имѣлъ мало средствъ и получалъ около 5.000 р. въ годъ. Вскорѣ потомъ онъ перешелъ изъ Кіева въ Петербургъ, гдѣ жилъ въ домѣ своего тестя, имѣя даровую квартиру; жена его получала отъ своего отца по 200 руб. въ мѣсяцъ. По увѣренію Юханцева, жена его вовлекла въ расходы, вслѣдствіе чего у него начались долги по разнымъ магазинамъ. Согласно ея желанію, онъ купилъ дачу въ Петергофѣ, на которую потратилъ съ отдѣлкою отъ 60 до 70 тысячъ руб. Въ то время, по увѣренію Юханцева, онъ имѣлъ 15.000 р. с. собственныхъ денегъ, полученныхъ имъ отъ банкира Блейхредера за комиссію, при подпискѣ на листы Общества взаимнаго поземельнаго кредита. По предмету обвиненія Юханцевъ заявилъ, что желаетъ показать всю правду и ничего не скроетъ, и затѣмъ объяснилъ, что, не имѣя денегъ на уплату долговъ, онъ въ 1872 и 1873 гг. рѣшился взять ввѣренныя ему бумаги. Всѣ цѣнныя бумаги хранились въ Обществѣ въ подвалѣ, въ запечатанныхъ пакетахъ и картонкахъ; каждое первое число производилась ревизія, которая ограничивалась счетомъ кассы, счетомъ бумагъ — въ открытыхъ пакетахъ и провѣркою запечатанныхъ пакетовъ по сдѣланнымъ на нихъ надписямъ. Въ подвалѣ хранились, между прочимъ, въ запечатанномъ пакетѣ билеты 7-го 5% займа, купоны отъ которыхъ лежали въ особомъ шкафу, что не было извѣстно правленію: этотъ конвертъ не распечатывался и не разсматривался уже нѣсколько лѣтъ (купонные листы этихъ билетовъ лежали особо, вслѣдствіе того, что были получены изъ-за границы взамѣнъ талоновъ, срокъ которыхъ истекъ). Находясь въ весьма затруднительномъ матеріальномъ положеніи и разсчитывая на то, что растрата этихъ бумагъ не раскроется, онъ взялъ изъ пакета нѣсколько билетовъ 7-го 5% займа. Пакетъ, въ которомъ находились билеты 7-го займа, былъ завязанъ веревкою, припечатанною печатью, кажется, членовъ правленія; онъ разрѣзалъ веревку, вынулъ бумаги, а затѣмъ запечаталъ пакетъ печатью Общества съ надписью «для пакетовъ» и своею гербовою печатью. Взятые билеты онъ продалъ, а деньги израсходовалъ на дачу; впослѣдствіи онъ взялъ для той же цѣли еще нѣсколько такихъ же билетовъ изъ того же пакета. Первые билеты пошли на дачу, затѣмъ слѣдующіе на уплату по купонамъ первыхъ. Послѣ смерти своего тестя, Юханцевъ, по желанію своей жены, развелся съ нею, причемъ бракоразводное дѣло стоило ему до 10.000 руб. Послѣ развода, по его словамъ, онъ сдѣлался какъ бы съумасшедшимъ, кутилъ съ кокотками, жилъ распущенно, завелъ себѣ новую обстановку. Чтобы платить по купонамъ взятыхъ имъ изъ кассы бумагъ, онъ былъ принужденъ взять другія. Послѣднія онъ то закладывалъ, то продавалъ, и чтобы не навлекать на себя подозрѣнія, продавалъ взятыя имъ бумаги постоянно въ мелкихъ партіяхъ у Лури, Зингера и по мѣняльнымъ лавочкамъ. Наконецъ, вслѣдствіе значительнаго повышенія цѣны золота, потребовались для уплаты купоновъ болѣе значительныя суммы, и сумма растраченныхъ имъ бумагъ продолжала быстрѣе и быстрѣе увеличиваться. Большая часть взятыхъ имъ

билетовъ пошла на уплату % и на выкупъ заложенныхъ бумагъ; въ послѣднее время онъ доплачивалъ за купоны болѣе 100.000 руб. въ продолженіе полугода. Далѣе Юханцевъ показалъ, что ревизія кассы первые годы производилась каждое первое число; съ 1876 года были отмѣнены ревизіи каждаго перваго числа и производились только внезапныя ревизіи, причемъ не пересматривали тѣхъ пакетовъ, которые были запечатаны, а просматривали лишь только тѣ бумаги, которыя находились въ незапечатанныхъ конвертахъ. Въ 1877 году управляющій дѣлами Общества Герстфельдъ обратился къ нему, Юханцеву, и сказалъ, что ходятъ слухи, будто онъ очень бойко и шибко живетъ, и просилъ его жить потише. Юханцевъ тогда хотѣлъ ему сознаться во всемъ, но изъ малодушія не рѣшился. Въ 1878 году, передъ общимъ собраніемъ, Герстфельдъ снова обратился къ нему и сказалъ, что въ правленіи говорятъ, что онъ живетъ слишкомъ роскошно. Онъ отвѣтилъ Герстфельду, что въ настоящее время его винить въ этомъ нѣтъ основанія, такъ какъ послѣ послѣдняго разговора съ нимъ онъ, Юханцевъ, ведетъ самую скромную жизнь и почти никуда не показывается. Въ январѣ была произведена ревизіонною комиссіею самая подробная ревизія. По выведенной изъ баланса вѣдомости бумагамъ, которыя должны были находиться въ кассѣ, были истребованы изъ подвала поочередно всѣ пакеты; ревизія пересматривала всѣ бумаги въ пакетахъ, для чего ихъ распечатывали, а затѣмъ, по пересмотрѣ, пакеты вновь запечатывались. Ревизія продолжалась съ 7 час. вечера до 2 часовъ ночи, наконецъ ревизующіе устали; въ подвалѣ оставались не просмотрѣнными только пакеты съ консолидированными билетами 7-го займа и съ какими-то акціями. Вслѣдствіе этого ревизующіе рѣшились сойти въ подвалъ, взяли два или три пакета на выдержку, пересмотрѣли бумаги и нашли ихъ въ наличности; судьба какъ будто бы не хотѣла, чтобы произведенная имъ растрата открылась, и какъ будто бы толкала его продолжать растрату. Послѣ общаго собранія, Герстфельдъ снова обратился къ нему и сказалъ, что правленіе желало бы, чтобы онъ, Юханцевъ, взялъ отпускъ на два мѣсяца и тѣмъ прекратилъ бы всѣ слухи относительно роскошной жизни. Онъ отвѣтилъ, что согласенъ, и прибавилъ, что лучше бы ему совсѣмъ уйти, но Герстфельдъ отвѣтилъ, что правленіе не желаетъ, чтобы онъ вышелъ въ отставку; черезъ нѣкоторое время онъ, Юханцевъ, все-таки подалъ прошеніе объ отставкѣ, но правленіе просило его взять это прошеніе назадъ и онъ согласился на отпускъ. Послѣ того какъ отпускъ былъ разрѣшенъ, ему поручили передать кассу Мерцу. Вслѣдствіе этого онъ началъ сдавать кассу и передалъ Мерцу сначала вклады разныхъ лицъ, но въ среду, 22-го марта, заболѣлъ и сдача кассы было пріостановлена. Тогда же онъ рѣшилъ, что бумаги, находящіяся у Зингера, должны достаться Шишкиной. Въ заключеніе Юханцевъ добавилъ, что противъ заявленной суммы растраты онъ ничего возражать не можетъ. Относительно вопроса о расходахъ жены Юханцева и пріобрѣтеніи имъ дачи спрошенъ былъ, по указанію обвиняемаго, биржевой нотаріусъ Гольмъ, который однако эту ссылку не подтвердилъ, объяснивъ, что онъ не думаетъ, чтобы жена Юханцева была расточительною. Спрошенный по тому же обстоятельству баронъ Фелейзенъ показалъ, что супруга Юханцева любила хорошій туалетъ, но чтобы она была расточительна, ему неизвѣстно. Биржевой маклеръ Фелейзенъ показалъ, что Юханцевъ до декабря 1875 года жилъ въ домѣ своего тестя на всемъ готовомъ. Жена его была почти постоянно больна разстройствомъ нервовъ, а потому не могла тратить много на свой туалетъ, при заказѣ котораго помогала ей мать. Отношенія супруговъ разстроились въ 1872 или въ 1873 г., послѣ того какъ женѣ Юханцева сдѣлалось извѣстно, что мужъ ея вступилъ въ связь съ другою женщиною, на которую, по слухамъ, Юханцевъ истратилъ большія деньги; что же касается петергофской дачи, то свидѣтель указалъ, что большая часть мебели была подарена Юханцеву тещею

и что свидѣтель, вмѣстѣ со своимъ отцомъ, отговаривали Юханцева отъ покупки дачи, Юханцевъ же находилъ эту покупку выгодною, говоря, что онъ заложитъ дачу, перестроитъ ее, и что дача обойдется дешевле арендной платы. Жившая въ квартирѣ Юханцева цыганка Ольга Шишкина показала, что познакомилась съ нимъ 1-го февраля 1876 года и, подтверждая объясненія самого Юханцева, добавила, что въ азартныя игры онъ не игралъ и большихъ подарковъ ей не дѣлалъ. По обозрѣніи находящихся при дѣлѣ счетовъ, для опредѣленія суммы ежегодныхъ расходовъ Юханцева, былъ избранъ 1877 годъ, причемъ оказалось: на столъ издержано 7.200 руб., на предметы роскоши 16.000 руб., на квартиру, жалованье прислугѣ, лошадей и прочее въ общемъ 7.000, итого около 30.000 руб. Спрошенный въ качествѣ свидѣтеля членъ правленія Общества взаимнаго поземельнаго кредита, сенаторъ, генералъ-лейтенантъ графъ Крейцъ показалъ, что состоитъ членомъ правленія съ 1866 года и что въ 1876 году доходили до правленія слухи о Юханцевѣ; говорили, что онъ живетъ свыше своихъ средствъ и правленіе вслѣдствіе этого поручило управляющему Герстфельду переговорить съ Юханцевымъ, который объяснилъ, что, получая хорошее содержаніе въ Обществѣ, онъ имѣетъ капиталъ около 20.000 руб. и не живетъ роскошно; тѣмъ не менѣе, по объясненію свидѣтеля, для предупрежденія растраты суммъ Общества, правленіе старалось устроить болѣе тщательный, подробный контроль, вслѣдствіе чего введены были внезапныя ревизіи, при производствѣ которыхъ считались наличныя деньги, провѣрялись чековыя книжки, расходы, производимые по ордерамъ и документамъ; что же касается до цѣнныхъ бумагъ, то онѣ, по объясненію графа Крейца, хранились въ конвертахъ, запечатанныхъ печатью одного изъ членовъ правленія. При ревизіи пересчитывались бумаги только тѣхъ пакетовъ, которые оказывались распечатанными, вслѣдствіе отрѣзыванія купоновъ или другихъ причинъ. Содержаніе же запечатанныхъ пакетовъ провѣрялось только по надписямъ, сдѣланнымъ на означенныхъ пакетахъ; послѣдняя ревизія была около 27-го февраля 1878 года и никакихъ безпорядковъ не обнаружила. Вслѣдствіе упорно державшихся слуховъ о роскошной жизни Юханцева рѣшено было его уволить и 16-го марта началась сдача кассы Мерцу, а 23-го марта Юханцевъ по болѣзни просилъ отложить сдачу кассы до 27-го, но въ этотъ день не явился, и тогда была обнаружена недостача 203.000 фунтовъ стерл. Членъ правленія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Познанскій, подтверждая показанія графа Крейца, объяснилъ, что болѣе строгія ревизіи успокоили правленіе и укрѣпили то нравственное убѣжденіе, которое каждый изъ членовъ правленія имѣлъ въ безусловной благонадежности казначея. То же подтвердили члены правленія: сенаторъ Сальковъ и коллежскій ассесоръ Миллеръ. Управляющій Обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита Герстфельдъ объяснилъ, что Юханцевъ долженъ былъ проживать при роскошной обстановкѣ до 25.000 руб., вслѣдствіе чего правленіемъ, въ виду предупрежденія растраты, приняты были, по выраженію свидѣтеля, «всевозможныя мѣры» къ обстановкѣ всѣхъ операцій по приходу и расходу такими формами, при наличности которыхъ утайка какого либо поступленія или увеличеніе какого либо расхода были бы совершенно невозможны; свидѣтель лично при ревизіи не присутствовалъ, но знаетъ, что при производствѣ самой подробной ревизіи все оказывалось исправнымъ. Между прочимъ, свидѣтель имѣлъ разговоръ съ Юханцевымъ о роскошной жизни послѣдняго, причемъ нашелъ представленныя ему Юханцевымъ объясненія весьма правдоподобными; сомнѣнія въ честности Юханцева онъ не имѣлъ, но возобновившіеся слухи побудили правленіе замѣнить Юханцева другимъ лицомъ, вслѣдствіе чего Юханцевъ, обидѣвшись, подалъ въ отставку, но послѣ долгихъ просьбъ свидѣтеля и членовъ правленія, согласился остаться въ Обществѣ на другой должности. Свидѣтель удостовѣрилъ, что въ концѣ 1876 года или въ началѣ 1877 года ма-

клеръ Эстеррейхъ, по порученію управляющаго Учетно-ссуднаго банка, сообщилъ ему, свидѣтелю, что какая-то незначительная банкирская фирма продаетъ въ большомъ количествѣ консолидированныя облигаціи; что его, Эстеррейха, удивляетъ, откуда онѣ взялись, и что поэтому онъ совѣтуетъ посмотрѣть, вѣрно ли въ кассѣ Общества взаимнаго поземельнаго кредита состояніе консолидированныхъ облигацій. Свидѣтель Герстфельдъ сообщилъ объ этомъ членамъ правленія, которые отвѣтили, что такой продажи не можетъ быть, такъ какъ они сами провѣряли къ 1-му числу эти облигаціи и все оказалось вѣрнымъ, но что все-таки слѣдуетъ провѣрить, и поручили Эстеррейху узнать—какого выпуска облигаціи продаются. Эстеррейхъ сказалъ, что 1-го выпуска, а такъ какъ облигаціи Общества были 2, 3 и 4-го, то на это сообщеніе болѣе не было обращено никакого вниманія. По обнаруженіи недостачи 203.000 фунт. стерл., свидѣтель прежде всего обратился къ повѣркѣ послѣдней уплаты по купонамъ отъ облигацій, причемъ оказалось, что 2-го марта 1878 года поступило по онымъ 86.000 руб., т. е. та самая сумма, которая по курсу того дня причиталась, и таковая сумма была занесена въ книжку текущаго счета Общества. Это обстоятельство успокоило свидѣтеля, такъ какъ онъ полагалъ, что недостающія бумаги находятся гдѣ нибудь въ кладовой; однако, на вопросы, предложенные свидѣтелемъ Юханцеву, послѣдній отвѣчалъ, что недостающія бумаги имъ взяты и проданы, что это началъ онъ дѣлать со времени развода съ женою и даже ранѣе и что при ревизіи члены правленія не замѣтили недостачи потому, что не вскрывали запечатанныхъ пакетовъ и не замѣчали, что печати на тѣхъ пакетахъ были имъ, Юханцевымъ, взломаны. Въ разъясненіе вопроса о печати, которою былъ запечатанъ пакетъ, содержавшій въ себѣ похищенныя Юханцевымъ бумаги, свидѣтель Герстфельдъ показалъ, что въ началѣ марта 1878 года онъ замѣтилъ исчезновеніе изъ своего ящика печати Общества, которая въ то время понадобилась; въ послѣдній же разъ эта печать употреблялась 1-го ноября 1877 г., а затѣмъ онъ объяснить не можетъ, въ какое время она пропала; печать эта всегда хранилась подъ его ключомъ въ комнатѣ правленія. Изъ приложеннаго къ дѣлу счета видно, что съ октября 1876 г. Юханцевъ черезъ контору Зингера, по операціи выкупа и продажи заложенныхъ въ Государственномъ банкѣ бумагъ, получилъ всего 1.582.403 р. 21 к. Изъ доклада правленія Общества взаимнаго поземельнаго кредита чрезвычайному собранію 9-го мая 1878 г. видно, что недостатокъ похищенныхъ Юханцевымъ бумагъ простирается на номинальную сумму въ рубляхъ, какъ числились эти бумаги въ правительственномъ вспомогательномъ капиталѣ, 1.784.320 руб., а по биржевой стоимости похищенныя Юханцевымъ бумаги исчислены правленіемъ въ 2.123.295 р. Противъ означенныхъ данныхъ Юханцевымъ никакихъ возраженій не представлено, относительно же полученія имъ наличными деньгами 414.150 руб. онъ заявилъ, что ничего сказать не можетъ, также не можетъ опредѣлить, сколько изъ этой суммы онъ истратилъ и сколько у него осталось, причемъ добавилъ: «я рѣшительно объяснить не могу, какъ я пополнялъ кассу, но ревизія кассы производилась перваго числа каждаго мѣсяца и къ этимъ числамъ я пополнялъ свою кассу». При этомъ Юханцевъ объяснилъ, что вся операція по текущимъ счетамъ и чековымъ книжкамъ находилась въ его рукахъ и когда ему бывали нужны деньги, то онъ выписывалъ чеки и давалъ ихъ къ подписанію Герстфельду и Племянникову, по окончаніи же дня сообщалъ бухгалтеру справку о всѣхъ выписанныхъ въ продолженіе дня чекахъ. О суммахъ же, которыя брались для пополненія растраты, онъ бухгалтеріи свѣдѣній не сообщалъ. Ревизію текущихъ чековъ обыкновенно производилъ членъ правленія Миллеръ, причемъ обозначалось бухгалтеріею по вѣдомости сальдо; у него же Юханцева была особая, частная книжка, въ которой имъ записывалось, для собственнаго свѣдѣнія, настоящее сальдо текущихъ счетовъ, т. е. что въ дѣй-

ствительности должно было находиться на текущемъ счету, а для ревизіи Юханцевъ въ разсчетную книжку, съ которою свѣряли сальдо бухгалтерской вѣдомости, подводилъ сальдо карандашемъ, и никто изъ членовъ, производившихъ ревизію, не сосчитывалъ всѣ взятыя и внесенныя суммы; только съ 1876 года члены правленія стали сосчитывать какъ взятыя, такъ и внесенныя суммы. Юханцевъ допускаетъ, что могъ прожить въ теченіе 1874 г. *570.000* руб., такъ какъ въ это время не зналъ, что дѣлалъ, и положительно не знаетъ, сколько онъ прожилъ въ этомъ году. Изъ произведеннаго посредствомъ экспертовъ-бухгалтеровъ Суходольскаго и Езерскаго сравненія подлинныхъ чековъ и копій текущаго счета Общества взаимнаго поземельнаго кредита, доставленныхъ Государственнымъ банкомъ, съ книжкою текущихъ счетовъ того же Общества обнаружено, что Юханцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему поручалось внести деньги на текущій счетъ Общества въ Государственный банкъ, часть оныхъ присвоивалъ себѣ, причемъ сообщалъ въ бухгалтерію завѣдомо ложныя свѣдѣнія о внесенныхъ имъ суммахъ, что обнаружилось при сличеніи книги Государственнаго банка съ книгою Общества Напримѣръ, 31-го мая 1873 года Юханцевъ сообщилъ бухгалтеріи, что внесъ въ Государственный банкъ 18.000 руб., но въ дѣйствительности оставилъ эти деньги себѣ; 31-го октября сообщилъ, будто бы внесъ 290.000 руб., но въ дѣйствительности внесъ только 240.000 руб., а 50.000 руб. присвоилъ себѣ; 16-го ноября присвоилъ себѣ тѣмъ же способомъ еще 108.000 руб.; въ 1874 году сумма такихъ присвоеній доходила до 394.000 руб., а въ 1875 году до 250.000 руб. Такого рода присвоенія Юханцевъ производилъ съ 28-го апрѣля 1873 года по 16-е декабря 1875 года, когда онъ изъ вырученной за похищенныя бумаги суммы покрылъ накопившуюся разницу, дабы избѣгнуть обнаруженія оной при ревизіи 1876 года. Вплоть до обнаруженія преступленія, Юханцевъ ограничивалъ свою дѣятельность сбытомъ похищенныхъ имъ облигацій и билетовъ 7-го займа. Изъ разсмотрѣнія различныхъ видовъ преступныхъ дѣйствій Юханцева по чекамъ видно, что онъ похитилъ или истребилъ разсчетныя книжки Государственнаго банка за время отъ 1871 года до 1876 г.

Поэтому отставной коллежскій совѣтникъ, въ званіи камеръ-юнкера, Константинъ Юханцевъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, состоя на службѣ въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита въ должности кассира, въ періодъ времени отъ августа 1873 года по мартъ 1878 года, самовольно присвоилъ ввѣренныя ему по службѣ процентныя бумаги на сумму 278.900 фунтовъ стерлинговъ или 2.123.295 кредитныхъ рублей, для какового злоупотребленія сломалъ на пакетахъ, въ которыхъ хранились означенныя бумаги, печати вышеупомянутаго Общества и членовъ правленія онаго и въ томъ, что завѣдуя, по должности кассира, операціями по текущему счету вышеозначеннаго Общества въ Государственномъ банкѣ, въ періодъ времени отъ апрѣля 1873 года по декабрь 1875 года, самовольно пользовался, для собственныхъ расходовъ, ввѣренными ему по службѣ деньгами, съ каковою цѣлью сообщалъ для помѣщенія въ контокурентную книгу Общества завѣдомо ложныя свѣдѣнія какъ о суммахъ, которыя онъ вносилъ на текущій счетъ Государственнаго банка, такъ равно и о суммахъ, на которыя выдавались чеки, причемъ похитилъ, или истребилъ разсчетныя книжки Государственнаго банка отъ 1871 года по 1876 годъ. Преступленія эти предусмотрѣны 1.154, 354, 355 и 362 ст. улож. о наказ.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило 22—25 января 1879 г. въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Обвинялъ подсудимаго товарищъ прокурора князь *Урусовъ*; защищалъ присяжный повѣренный *Жуковскій*.

По окончаніи преній, судъ постановилъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей слѣдующіе вопросы:

1) Виновенъ ли подсудимый, отставной коллежскій совѣтникъ К. Н. Юханцевъ, въ томъ, что, состоя на службѣ въ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита въ должности кассира, изъ ввѣренныхъ ему по этой должности суммъ, полученныхъ имъ по завѣдыванію операціями по текущему счету Общества въ Государственномъ банкѣ, а также изъ процентныхъ бумагъ, ввѣренныхъ ему по этой должности, въ періодъ времени съ 1873—1878 гг., употребилъ въ свою пользу разныя суммы и процентныя бумаги, всего на сумму около двухъ милліоновъ рублей, причемъ не возвратилъ таковыхъ ни до, ни послѣ открытія его злоупотребленія?

2) Если подсудимый Юханцевъ виновенъ въ употребленіи въ свою пользу процентныхъ бумагъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита, ввѣренныхъ ему по должности кассира Общества, то для совершенія сего преступленія были ли имъ сломаны печати членовъ правленія Общества, находившіяся на пакетахъ, въ коихъ хранились тѣ процентныя бумаги?

3) Виновенъ ли Юханцевъ въ томъ, что, состоя кассиромъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита и завѣдуя операціями по текущему счету Общества въ Государственномъ банкѣ въ періодъ времени съ 1873 — 1876 гг., съ корыстною цѣлью: 1) отъ своего имени сообщалъ для помѣщенія въ контокурентную книгу Общества завѣдомо ложныя письменныя свѣдѣнія, какъ о суммахъ, которыя онъ вносилъ на текущій счетъ Государственнаго банка, такъ равно и о суммахъ, на которыя выдавались чеки, зная, что эти свѣдѣнія заносятся въ контокуретную книгу, служащую основаніемъ для провѣрки правильности операцій банка; 2) похитилъ или истребилъ разсчетныя книжки Государственнаго банка за время отъ 1871—1876 годъ?

Присяжные засѣдатели дали слѣдующіе отвѣты: *на 1-й вопросъ:* да, виновенъ; *на 2-й вопросъ:* да, виновенъ, сломалъ печати; и *на 3-й вопросъ:* 1) да, виновенъ; 2) нѣтъ, не похищалъ и не истреблялъ.

Гг. присяжные засѣдатели! Чѣмъ сложнѣе дѣло, подлежащее вашему разрѣшенію, тѣмъ болѣе вниманія должны вы употребить на то, чтобы изъ массы мелкихъ подробностей и частностей выдѣлить тѣ обыкновенно немногія, но коренныя данныя, по которымъ составляется ясное представленіе о существѣ самаго дѣла. Забудьте на время эти подробности. Онѣ не въ силахъ создать зрѣлаго убѣжденія о винѣ или невиновности подсудимаго; онѣ только могутъ болѣе или менѣе ярко окрасить впечатлѣнія, выносимыя вами изъ дѣла. Сосредоточьте всю силу разумѣнія вашего на немногихъ, но неизбѣжныхъ вопросахъ. Позвольте мнѣ помочь вамъ въ этой работѣ. Въ каждомъ уголовномъ дѣлѣ есть три вопроса, тѣсно между собою связанные. Они одинаково достойны серьезнаго обсужденія. Ихъ можно разсматривать отдѣльно, но итогъ надо подводить по всѣмъ вмѣстѣ. Иначе рѣшеніе будетъ неполно, односторонне, не будетъ проникнуто живымъ чувствомъ правды. Прежде всего *доказано ли преступленіе, въ которомъ обвиняется Юханцевъ?* Подсудимый и прежде, и здѣсь на судѣ не отрицалъ совершенія растраты денегъ, въ огромной

суммѣ ввѣренныхъ его храненію. Подсудимый не умаляетъ требованій гражданскаго истца, не смягчаетъ размѣровъ своего дѣянія. Собственное сознаніе всегда признавалось однимъ изъ лучшихъ доказательствъ, если оно дано было безъ принужденія, нравственнаго или физическаго, или если нельзя было заподозрить, что признающійся, сознательно, въ видѣ какихъ либо великодушныхъ порывовъ, губитъ себя и приноситъ себя въ жертву, или, наоборотъ—торгуется съ судомъ, и сознаніемъ въ меньшей винѣ старается купить возможность умолчанія о большей винѣ и оставленія ея безъ разсмотрѣнія. Вы посудите, есть ли въ словахъ Юханцева признаки такой жертвы или попытка войти въ сдѣлку съ правосудіемъ. Если вы не найдете ни того, ни другаго, то припомните, что сознаніе сдѣлано имъ откровенно и безъ колебаній, впервые даже и не суду или его органамъ, а кассиру Мерцу. Слѣдовательно, оно не было вынуждено, но было добровольное. Но этого мало. Опасно приписывать человѣку преступленіе только потому, что онъ самъ себя обвиняетъ, когда обстоятельства, эти молчаливые свидѣтели и доказчики преступленія, идутъ въ разрѣзъ съ сознаніемъ или не подтверждаютъ его. Они должны сопровождать сознаніе. Они придаютъ ему цѣну и какъ доказательству преступленія, и какъ указанію на отношеніе подсудимаго къ своей винѣ. Отыскивая эти обстоятельства въ дѣлѣ, вы остановитесь на экспертизѣ, весьма рѣдкой по своему содержанію. Бухгалтерская экспертиза требуетъ особаго навыка и особыхъ спеціальныхъ знаній. Если въ представителяхъ ея вы не найдете признаковъ навыка или ручательства въ полномъ обладаніи прочными знаніями счетоводной техники, если заключеніе ихъ нетвердо, шатко, уклончиво—вы хорошо поступите, если отвергнете экспертизу и не будете ее считать доказательствомъ. Но если экспертиза произведена и выражена со спокойствіемъ и достоинствомъ истиннаго знанія, если сами эксперты являются *настоящими* представителями своей спеціальности, то экспертизу надо принять и прислушаться къ ней со вниманіемъ и уваженіемъ. Вы слышали, что говорили эксперты,—вы знаете кто они: одинъ—опытный чиновникъ Министерства Финансовъ, другой—бухгалтеръ частнаго банка, третій—представитель счетоводнаго учрежденія и изобрѣтатель новой системы, системы тройной бухгалтеріи. Они подтверждаютъ цифрами и строгимъ изслѣдованіемъ то, что, по своимъ воспоминаніямъ, говоритъ Юханцевъ. Поэтому вы, вѣроятно, признаете дѣяніе Юханцева доказаннымъ. Тогда изъ ряда подробностей и отдѣльныхъ объясненій, данныхъ на судѣ, вы возстановите простѣйшую картину того, что дѣлалъ онъ. Вы увидите, что имѣя въ рукахъ чековыя книжки по текущему счету Общества взаимнаго поземельнаго кредита, открытому Государственнымъ банкомъ, подсудимый бралъ по чекамъ, довѣрчиво под-

писаннымъ управляющимъ и иногда даже бухгалтеромъ, деньги съ текущаго счета, показывая затѣмъ чеки на меньшую противъ дѣйствительности сумму или вовсе не показывая ихъ въ своихъ вѣдомостяхъ или памятныхъ запискахъ, т. е. совершалъ или переборъ денегъ Общества, или прямое ихъ присвоеніе. Вы припомните затѣмъ, что подобныя дѣйствія повторялись и съ деньгами, на взносъ которыхъ на текущій счетъ подсудимый получалъ ордера. Онъ или не вносилъ ихъ вовсе, присвоивая себѣ, или же вносилъ меньше чѣмъ слѣдуетъ, оставляя недостающую сумму себѣ. Когда, по нѣкоторымъ признакамъ, начинала на его казначейскомъ горизонтѣ показываться туча, называемая ревизіею, подсудимый пополнялъ пробѣлы и прорѣхи своихъ текущихъ счетовъ и для этого сводилъ концы съ концами взносами наличныхъ денегъ. Изъ его словъ вы знаете, что онъ изглаживалъ такимъ образомъ слѣды одного злоупотребленія посредствомъ другого. Это другое состояло въ томъ, что онъ закладывалъ въ Государственномъ банкѣ облигаціи, которыя хранились въ кассѣ въ пакетахъ. Это были большія и прочныя цѣнности, разсчитанныя на фунты стерлинговъ, т. е. на золото, и составлявшія часть вспомогательнаго капитала, даннаго правительствомъ Обществу, чтобы придать его операціямъ наибольшую солидность. Въ 1875 году въ ревизіи кассы былъ внесенъ нѣсколько бо́льшій, хотя все еще недостаточный порядокъ, и подсудимый, прекративъ свои дѣйствія съ чеками, началъ съ этого времени исключительно пользоваться ввѣренными ему цѣнными бумагами, закладывая ихъ, продавая въ разныя руки и получая разницу между цѣною, по которой онѣ бывали заложены, и биржевою, по которой ихъ продавалъ Зингеръ, причемъ къ началу 1878 года дошелъ до громадной цифры, превышающей два съ половиною милліона рублей. Эксперты опредѣлили вамъ, сколько приблизительно осталось въ его пользу за вычетомъ расходовъ по оплатѣ купоновъ, платежу куртажныхъ денегъ, процентовъ по ссудамъ изъ банка, и т. д. Остается все-таки большая сумма. Что сдѣлано съ нею? Истратилъ, роздалъ, разбросалъ въ неудержимыхъ тратахъ безъ оглядки назадъ, безъ заглядыванія впередъ — говоритъ подсудимый. Припряталъ, утаилъ, припасъ на черные дни, говорятъ обвинители. *Растратилъ*, выражаясь юридическимъ языкомъ, говоритъ Юханцевъ, *присвоилъ*—утверждаетъ прокуроръ. Я долженъ вамъ сказать, гг. присяжные засѣдатели, что для нравственнаго суда надъ Юханцевымъ безъ сомнѣнія полезно опредѣлить, что̀ именно онъ сдѣлалъ съ деньгами, которыя онъ такъ широко черпалъ въ кассѣ Общества. Между растратою и присвоеніемъ существуетъ серьезная нравственная разница, и о какой бы сильной распущенности ни говорила растрата, разбрасываніе чужихъ денегъ, но она все-таки по отношенію къ обвиняемому лучше, чѣмъ та преступная

предусмотрительность и запасливость, которыми характеризуется присвоеніе, въ которомъ мѣсто увлеченія занимаетъ уже разсчетъ. Но съ точки зрѣнія закона, присвоеніе и растрата суть преступленія равносильныя. Законъ видитъ исходную точку преступленія въ обоихъ случаяхъ одинаково въ обманѣ довѣрія, злоупотребленіи положеніемъ и указываетъ на результатъ преступленія—вредъ или убытокъ, одинаковый и отъ растраты чужихъ денегъ, и отъ ихъ припрятанія.

Вотъ почему я не совѣтую вамъ долго останавливаться надъ разсмотрѣніемъ этого спора, тѣмъ болѣе, что для точнаго и справедливаго его разрѣшенія не представляется достаточныхъ данныхъ, а есть только предположенія, основанныя на сомнѣніи въ возможности истратить въ пять лѣтъ такія суммы. Но предположенія и сомнѣнія, какъ бы правдоподобны они ни казались, безъ фактической опоры—непрочный матеріалъ для вѣрнаго рѣшенія. Вотъ почему и судъ спрашиваетъ васъ не о томъ, растратилъ ли или присвоилъ себѣ Юханцевъ деньги, а ждетъ вашего отвѣта на болѣе широкій вопросъ—употребилъ ли Юханцевъ въ свою пользу цѣнности, ввѣренныя ему Обществомъ?

Когда будетъ уяснено—когда и какъ сдѣлалъ Юханцевъ злоупотребленіе своимъ положеніемъ кассира, надо будетъ вглядѣться *въ условія, при которыхъ совершены его дѣянія*. Человѣкъ дѣйствуетъ не въ пустомъ пространствѣ, и чтобы правильно оцѣнить его дѣйствія, необходимо знать условія, въ которыя онъ былъ поставленъ, обстановку, въ средѣ которой совершено было преступленіе. Въ рѣчахъ сторонъ вамъ намекалось, что эта обстановка была слишкомъ заманчива для человѣка со слабою волею и широкими замашками, какимъ считаетъ Юханцева защита,—для смиреннаго хищника, какъ называетъ его представитель обвиненія. Обстановка, по мнѣнію сторонъ, слишкомъ облегчала преступленіе, слишкомъ широко открывала ему доступъ въ нѣдра кассы Общества. При обсужденіи этой стороны дѣла вы, вѣроятно, остановитесь, гг. присяжные, на этомъ свойствѣ кассовой обстановки Юханцева. Я только совѣтую вамъ не разбрасывать вашихъ силъ и не вдаваться, слѣдуя за сторонами, въ слишкомъ подробную оцѣнку участія членовъ правленія и администраціи Общества въ допущеніи порядковъ или, пожалуй, безпорядковъ, подъ покровомъ которыхъ дѣйствовалъ Юханцевъ. Въ настоящемъ дѣлѣ вы призваны судить Юханцева, а не ихъ. Тѣ ошибки и недосмотры, на которые указываютъ вамъ, не могутъ оправдывать Юханцева и не должны мѣшать вамъ разглядѣть свойство его дѣйствій; притомъ, вопросъ объ имущественной отвѣтственности членовъ правленія и администраціи Общества настоящимъ дѣломъ отнюдь не исчерпывается. Поэтому обсуждайте дѣйствія этихъ лицъ постольку, поскольку онѣ касаются кассирской дѣятель-

ности подсудимаго, и не вступайте на путь, безъ сомнѣнія интересный и богатый выводами, но отвлекающій васъ отъ прямой задачи вашей. «Не клади плохо, не вводи во грѣхъ», говоритъ пословица—выраженіе народной мудрости, и въ жизни она часто приводится, какъ объясненіе дѣйствій «введеннаго во грѣхъ». Но мудрость не всегда одно и то же, что нравственность. Нравственное достоинство этой пословицы весьма сомнительнаго качества, а мудрость въ ней заключается болѣе въ совѣтѣ и предостереженіи кладущему, чѣмъ въ оправданіи берущаго. Дѣйствительно, если вы припомните всѣ раскрытые здѣсь факты объ устройствѣ контроля надъ кассиромъ, то вы вѣроятно придете къ заключенію, что контроль этотъ почти отсутствовалъ, былъ какой-то мнимый. Онъ состоялъ, въ общихъ чертахъ, въ повѣркѣ показаній кассира по справкѣ изъ контокурентной книги Общества, веденной согласно съ свѣдѣніями, которыя сообщалъ тотъ же кассиръ. При такомъ контролѣ ревизія кассира сводилась къ тому, что, въ сущности, кассиръ ревизовалъ бухгалтера въ правильномъ записываніи сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Такая мнимая ревизія сопровождалась пріемами, преисполненными неосторожнаго довѣрія. Вы припомните показаніе подсудимаго о бланковыхъ чекахъ, выдаваемыхъ ему безконтрольно на руки, и о томъ, что еслибы, по словамъ Юханцева, при ревизіи хоть разъ была сосчитана въ книжкѣ текущаго счета сумма, то подведенный имъ итогъ оказался бы невѣрнымъ и все бы открылось. Не подлежитъ сомнѣнію, что отношенія правленія и управляющаго къ Юханцеву были проникнуты не спасительною къ финансовыхъ дѣлахъ осторожностью и зоркою наблюдательностью, а безграничнымъ довѣріемъ, которое проявлялось съ самымъ открытымъ простодушіемъ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, нельзя не видѣть вреда въ такомъ нецѣлесообразномъ и неумѣстномъ довѣріи, но для оцѣнки его значенія по отношенію къ Юханцеву надо принять въ соображеніе, при какихъ условіяхъ оно ему оказывалось и въ какія условія оно его ставило. Довѣріе и особенно такое безграничное, оказанное сразу, безъ колебаній и испытаній, человѣку новому, пришлому, мало извѣстному, въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлось бы преступною неосторожностью. Человѣкъ взятъ изъ чужой сферы и сразу безконтрольно и безнадзорно допущенъ къ милліонамъ, къ золоту, котораго онъ прежде, быть можетъ, и не видывалъ въ такихъ массахъ. Это его можетъ опьянить, попатнуть слабую волю, смутить дряблую совѣсть. Вы посудите, однако, былъ ли Юханцевъ *такимъ* человѣкомъ, было ли ему оказано *такое* довѣріе сразу, какъ человѣку новому и пришлому, или начало растратъ относится ко времени, которое слѣдовало за шестилѣтнею безупречною и регулярною дѣятельностью его въ качествѣ испытаннаго кассира. Въ послѣднемъ случаѣ этому довѣрію вы отведете небольшое мѣсто

въ числѣ тѣхъ факторовъ, которые привели Юханцева къ тому, въ чемъ онъ сознается. Вы обсудите потомъ, насколько отсутствіе правильнаго контроля облегчало совершеніе растратъ и ихъ размѣръ. Вы вспомните при этомъ, что, по мнѣнію экспертовъ, при правильно построенномъ контролѣ растрата была бы открыта на первыхъ же порахъ, т. е. въ 1873 г., и не превышала бы 9,000 рублей, и возобновите въ вашей памяти эпизодъ о слухахъ, доходившихъ до правленія о жизни Юханцева и о появленіи на биржѣ именно тѣхъ, по удостовѣренію Зака и Эстеррейха, консолидированныхъ облигацій, которыя должны были храниться въ кассѣ Общества. Съ другой стороны, вы обратите вниманіе и на то, что отсутствіе правильнаго контроля, обусловливая легкую возможность пользованія цѣнностями Общества, въ то же время давало и возможность подсудимому не разъ одуматься, остановиться и собраться съ силами, чтобы восполнить, до обнаруженія, тѣ недочеты, которые онъ сдѣлалъ въ кассѣ, ему ввѣренной. Гдѣ контроль строгъ и дѣйствителенъ, тамъ обыкновенно нѣтъ времени и возможности оглянуться, какъ уже растрата выяснена и закрѣплена какимъ нибудь актомъ. Въ этихъ случаяхъ оттяжки роковаго часа открытія и возможности исправленія не существуетъ. Вы спросите себя, такъ ли было въ дѣлѣ Юханцева. Если не такъ, то вы найдете, что существовавшій до 1876 г. контроль, дававшій возможность совершать растраты, не отнималъ въ то же время возможности исправить сдѣланное, не махая въ безнадежномъ отчаяніи рукою на будущее.

Третій вопросъ—*внутренняя сторона дѣйствій подсудимаго, его мотивы, побужденія.* Вы слышали исторію происхожденія растраты, разсказанную Юханцевымъ. Страстная любовь къ женѣ, которая, по словамъ его, не хотѣла признавать за мужемъ никакихъ правъ, а допускала съ его стороны лишь обязанность удовлетворять своему избалованному вкусу къ роскоши, вовлекала его въ долги, которые были покрыты изъ текущаго счета Общества взаимнаго поземельнаго кредита, а этотъ счетъ былъ покрытъ изъ кассоваго сундука съ цѣнностями, причемъ оттуда было захвачено много болѣе, чѣмъ было нужно для погашенія долговъ, ибо въ это время, окончательно лишившись жены, Юханцевъ потерялъ голову и самъ не знаетъ, какъ и куда тратилъ громадныя суммы, отыскивая развлеченія и забвенія... Вы рѣшите, насколько правдоподобна эта исторія растраты и насколько необходимы для укрѣпленія этой правдоподобности разоблаченія, сдѣланныя подсудимымъ изъ такой области своей домашней жизни, которая обыкновенно скрывается отъ чуждыхъ взоровъ и любопытства. Вамъ, главнымъ образомъ, принадлежитъ право оцѣнить, насколько для справедливаго освѣщенія дѣла слѣдовало «оживлять» на судѣ ту семейную жизнь, которая, по словамъ письма под-

судимаго къ брату, должна была «умереть между ними», и изображать себя игралищемъ судьбы между одинаково непринадлежавшими ему—цѣнностями и женою. Люди житейскаго опыта, вносящіе въ свою дѣятельность знаніе жизни въ ея обыкновенной, трезвой обстановкѣ, вы, быть можетъ, найдете въ объясненіяхъ подсудимаго, отбрасывая въ сторону ихъ подробности, указаніе на то, что онъ такъ или иначе не былъ счастливъ въ семейной жизни. Насколько же въ несчастливой или даже несчастной семейной обстановкѣ можно искать объясненія поступкамъ Юханцева? Счастіе семейное — далеко не общее правило, и бываютъ переходныя времена, когда въ извѣстныхъ слояхъ общества, вслѣдствіе разныхъ нравственныхъ колебаній, счастливый складъ семейной жизни вмѣсто общаго правила становится исключеніемъ изъ него. Вы видывали, конечно, въ жизни такія положенія, знаете и обыкновенный болѣе или менѣе понятный исходъ изъ нихъ. Человѣкъ развитый, не весь преданный стремленіямъ къ личному счастію и одаренный волею, ищетъ обыкновенно утѣшенія во внѣшней дѣятельности, въ общественныхъ заботахъ, въ такомъ трудѣ, который, хотя бы матеріально, наполнялъ его жизнь, не давая времени задумываться надъ неприглядностью своего домашняго положенія. Быть можетъ, еслибы заглянуть въ глубину частной жизни нѣкоторыхъ горячихъ тружениковъ общественнаго или государственнаго дѣла, въ ней была бы открыта именно такая неприглядность домашней обстановки. Человѣкъ со слабой волею, не находящій удовлетворенія внѣ своего *я*, будетъ искать утѣшенія и забвенія нерѣдко въ винѣ. Этотъ типъ встрѣчается, какъ вы знаете, чаще. И такъ,—или честная, поглощающая дѣятельность, или стремленіе заглушить свое сознаніе. Но можно ли, натурально ли искать утѣшенія въ томъ, что къ ощущенію семейной пустоты еще прибавляется сознаніе совершаемаго преступленія и совершаемаго притомъ не въ минутномъ увлеченіи или порывѣ? Этотъ вопросъ рѣшите вы, не забывъ притомъ, что обыкновенно у человѣка, теряющаго голову отъ семейнаго несчастія, даже въ чаду хмѣля и кутежа сквозитъ скорбь о разбитомъ счастіи и сознаніе невозможности замѣны его чѣмъ либо инымъ, новымъ, ибо—разъ эта замѣна найдена — несчастіе отходитъ въ область прошедшаго и теряетъ ѣдкую силу горькой дѣйствительности. Къ какому изъ двухъ типовъ ближе подходитъ Юханцевъ, помогаетъ рѣшить онъ самъ разсказами о своей жизни за послѣдніе годы. Если вы признаете, что та несчастная обстановка, на которую указываетъ Юханцевъ, могла заставить его для удовлетворенія прихотей жены тронуть кассу и для утѣшенія въ разлукѣ съ нею продолжать черпать изъ этой кассы деньги для грандіозно организованныхъ пировъ, то вы отведете этой обстановкѣ надлежащее мѣсто въ обсужденіи причинъ,

приведшихъ Юханцева на скамью подсудимыхъ. Рѣшая эту сторону дѣла, вы однако не упустите изъ вида и того, что траты на жену здѣсь на слѣдствіи оказались не могущими идти ни въ какое сравненіе съ тратами послѣ разлуки съ нею, когда въ одинъ годъ было истрачено Юханцевымъ въ свою пользу болѣе 550,000 руб. сер.; что затѣмъ тоска по нѣжно любимой женѣ выражалась, по сознанію самого Юханцева, въ кутежахъ съ кокотками и въ нѣсколькихъ связяхъ, и что наконецъ въ дѣйствіяхъ его по опустошенію кассы, совершенныхъ «самъ не знаетъ какъ», по мнѣнію экспертовъ проглядываетъ ясная и обдуманная, приноровленная къ обстановкѣ, система...

Когда вы разрѣшите, по совѣсти и убѣжденію, основанному на всемъ здѣсь видѣнномъ и слышанномъ, указанные мною вопросы, у васъ можетъ возникнуть мысль о значеніи того, что̀ сдѣлалъ Юханцевъ. Каждое преступное дѣяніе имѣетъ двоякое значеніе—по отношенію къ личности обвиняемаго и по отношенію къ обществу. Личное значеніе того, въ чемъ обвиняется Юханцевъ, едва ли можетъ возбудить споры. Это огромное нарушеніе довѣрія, это широкое злоупотребленіе своимъ положеніемъ, личнымъ и оффиціальнымъ. Сама защита Юханцева признаетъ это свойство дѣянія подсудимаго, какъ безспорное. Но въ оцѣнкѣ общественнаго значенія сто̀роны существенно расходятся. Обвинитель указываетъ вамъ на вредъ, который причиненъ Обществу взаимнаго поземельнаго кредита, какъ учрежденію, имѣющему государственный характеръ; защитникъ видитъ лишь ущербъ для обособленной группы весьма достаточныхъ людей, которые соединились для преслѣдованія своихъ личныхъ выгодъ, не всегда соотвѣтствующихъ интересамъ окружающаго населенія, не имѣющаго никакихъ кредитныхъ учрежденій. Гг. присяжные засѣдатели,—когда было упразднено крѣпостное право, тогда были ограничены въ своей дѣятельности и вскорѣ вовсе упразднены кредитныя государственныя учрежденія, помогавшія своими ссудами помѣщичьему сословію. Но новое хозяйство, возникавшее на облагороженной почвѣ свободныхъ отношеній, нуждалось въ поддержкѣ и помощи. Эту помощь могъ оказать кредитъ, не случайный, приходящій извнѣ, а внутренній, взаимный, основанный на единствѣ цѣлей и потребностей. Ему должно было служить обширное Общество, на помощь которому пришло правительство, гарантируя прочность его операцій своимъ вспомогательнымъ капиталомъ. Россія вовсе не страна крупнаго землевладѣнія; въ ней развито землевладѣніе среднихъ размѣровъ, какъ вы это можете заключить даже изъ той оцѣнки, которая дѣлается, по словамъ защитника, имѣніямъ наибольшаго числа заемщиковъ Общества. Притомъ, это землевладѣніе, съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, утратило свой исключительный сословный характеръ и Обще-

ство взаимнаго поземельнаго кредита приходитъ на помощь преимущественно къ землевладѣльцу средней руки. Кредитъ, помощь въ ссудѣ — даетъ возможность поддержать въ тяжелыя экономическія минуты хозяйство, съ которымъ естественнымъ образомъ связано предложеніе труда и заработка окружающему населенію. Печально, что это населеніе не имѣетъ своихъ кредитныхъ учрежденій, или что они, вѣрнѣе говоря, плохо принимаются, но каждый шагъ на пути развитія народа приближаетъ ихъ распространеніе и укрѣпленіе. Слѣдуетъ ли, однако изъ этого отсутствія или малаго развитія кредитныхъ учрежденій въ народѣ, что надо отрицать значеніе для страны и такого кредитнаго учрежденія, какъ Общество? Можно ли смотрѣть на него какъ на нѣчто не только чуждое, но даже враждебное хозяйственному развитію страны, искусственно противуполагая интересы одной части населенія другой и забывая, что экономическое благосостояніе государства зависитъ отъ взаимодѣйствія всѣхъ силъ страны, причемъ однѣ могутъ быть болѣе организованы, другія, къ сожалѣнію, менѣе? Вы взглянете на этотъ вопросъ съ трезвой, житейской точки зрѣнія, и если вы найдете, что Общество не есть учрежденіе исключительное и что поддержаніе кредита во всѣхъ его видахъ желательно, то вамъ станетъ ясно, что дѣяніе Юханцева имѣетъ значеніе общественное. Оно подрываетъ, расшатываетъ авторитетъ Общества и ослабляетъ довѣріе къ нему. Но если въ странѣ начинаютъ колебаться и не внушать довѣріе такія большія учрежденія, какъ Общество взаимнаго поземельнаго кредита, имѣющее правительственную поддержку, то нельзя отъ стѣсненнаго въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ землевладѣльца ждать особаго довѣрія и къ другимъ, частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, къ такъ называемымъ ипотечнымъ банкамъ. А безъ поддержки поземельнымъ кредитомъ, землевладѣльцу въ тяжелыя экономическія минуты приходится стать лицомъ къ лицу съ дѣйствительнымъ эксплуататоромъ, съ кулакомъ, барышникомъ, скупщикомъ земель, и уступить ему свое мѣсто. Но такой человѣкъ, типъ народившійся въ послѣднее время, ничѣмъ не связанъ съ землею. Она для него не «кормилица», съ нею не связано для него привычки труда или дорогихъ личныхъ воспоминаній. Она предметъ, изъ котораго надо вытянуть всю наживу, она тотъ грошъ, на который надо норовить, по русскому выраженію, накупить пятаковъ. И лѣсъ вырубается, и земля безжалостно истощается, и начинается хищническое хозяйничанье, при которыхъ эксплуатація окружающаго бѣднаго и темнаго люда уже конечно не меньше той, о которой упомянулъ защитникъ. Вотъ почему вы, быть можетъ, признаете, что всякій ударъ, наносимый большому кредитному учрежденію, имѣетъ общественное значеніе.

Порядокъ совѣщаній вашихъ, господа, вамъ извѣстенъ. Вы кон-

чаете сессію и конечно хорошо изучили свои права, обязанности и способъ ихъ выполненія. Скажу вамъ еще нѣсколько словъ о поставленныхъ судомъ на ваше разрѣшеніе вопросахъ. Въ *первомъ вопросѣ* васъ спрашиваетъ судъ, виновенъ ли Юханцевъ въ употребленіи въ свою пользу денегъ, которыя были у него по должности кассира? Здѣсь былъ возбужденъ споръ о томъ, былъ ли должностнымъ лицомъ въ Обществѣ Юханцевъ и не совершилъ ли онъ свои дѣянія какъ частный человѣкъ, не имѣвшій по отношенію къ Обществу никакого оффиціальнаго, служебнаго положенія? Параграфъ 25 устава Общества говоритъ, что служащіе, и въ томъ числѣ кассиръ, снабжаются подробною инструкціею. Такой инструкціею, однако, Юханцевъ снабженъ не былъ. Она существовала только въ проектѣ и имѣла, по словамъ Герстфельда, значеніе обычая, но обязательной силы не пріобрѣла. Если вы найдете, что отсутствіе инструкціи ставило Юханцева въ неопредѣленныя отношенія частнаго человѣка къ Обществу, случайно вручившему ему свои цѣнности, то вы отвергнете служебный характеръ и скажете, «*не исполняя должности кассира*». Но если вы признаете, что отдѣльные недосмотры и пробѣлы не измѣняютъ существа организаціи Общества; что Общество не могло существовать безъ кассира и обращаться для веденія своихъ денежныхъ операцій къ частнымъ, непричастнымъ къ его организаціи лицамъ; что Юханцевъ былъ опредѣленъ журнальнымъ постановленіемъ правленія отъ 30-го іюля 1866 года на должность кассира, и отъ него или, лучше сказать, за него былъ взятъ установленный залогъ въ 5,000 руб.; что онъ самъ считалъ себя кассиромъ и именовался этимъ званіемъ, — то вы отвѣтите на первый вопросъ утвердительно или отрицательно, но, во всякомъ случаѣ, безъ ограничительныхъ словъ. Во *второмъ вопросѣ* судъ желаетъ слышать ваше рѣшеніе о сломаніи печатей. Вы знаете, что Юханцевъ, при той организаціи, которая существовала въ кассѣ за его время, имѣлъ право распечатывать пакеты съ цѣнными бумагами для отрѣзыванія купоновъ, нумераціи и т. п. Распечатанный пакетъ переходилъ въ категорію тѣхъ, которые подлежали подробной провѣркѣ своего содержимаго при ревизіи. Я долженъ сознаться, что на мой взглядъ исторія съ тѣми печатями, которыя оказались на пакетѣ съ остаткомъ консолей втораго выпуска, совершенно не выяснилась на судебномъ слѣдствіи. Это что-то неясное и вполнѣ неопредѣленное. Поэтому вы поступите правильно, если оставите совершенно безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, кѣмъ, какъ и какія именно печати оказались наложенными на этотъ пакетъ. Затѣмъ вамъ останется рѣшить, распечаталъ ли Юханцевъ пакетъ для законныхъ цѣлей, пользуясь своимъ правомъ кассира, или же онъ распечаталъ его безъ законной надобности,

съ исключительною цѣлію взять въ свою пользу хранившіяся въ немъ облигаціи. Вы разрѣшите этотъ вопросъ только по внутреннему убѣжденію вашему, не вступая на путь юридическихъ тонкостей, чуждыхъ вашему призванію судей по совѣсти. Въ первомъ случаѣ вы отвѣтите отрицательно, во второмъ положительно и притомъ съ возможною опредѣленностью.

Въ *третьемъ вопросѣ* особенно существенна первая его часть. По *буквѣ* закона, по точному содержанію ст. 362 уложен. о наказ., рапорты, свѣдѣнія и т. п. сообщенія для совершенія подлога должны имѣть оффиціальный характеръ и носить его признаки, т.-е. имѣть печать, быть написанными на бланкѣ за № и т. д. По *духу* ст. 362 улож., свѣдѣнія эти должны, въ цѣляхъ совершителя подлога, вводить въ заблужденіе того, кто ихъ получаетъ. Справки и памятныя записки, которыя Юханцевъ сообщалъ въ бухгалтерію, для занесенія въ контокурентную книгу, никакого оффиціальнаго признака не имѣютъ. Поэтому, по буквѣ закона, онѣ подъ ст. 362 улож., а слѣдовательно подъ понятіе подлога не подходятъ. Поэтому, если вы станете на эту точку зрѣнія, то вы по третьему вопросу можете произнести отрицательное рѣшеніе. Но вы его произнесете однако лишь тогда, когда убѣдитесь, что нѣтъ указаній, что по существу своему дѣяніе Юханцева подходитъ подъ тѣ дѣйствія, которыя указаны въ этой статьѣ. Вы будете при этомъ имѣть въ виду, что законъ о подлогахъ по службѣ примѣняется по уложен. о наказ. и къ кассирамъ частныхъ кредитныхъ учрежденій, и что эти лица, по свойству своихъ служебныхъ отношеній, никакихъ рапортовъ, донесеній и т. п. не пишутъ. Сношенія служащихъ въ частныхъ учрежденіяхъ не вставлены въ такія строгія оффиціальныя формы. Между тѣмъ законъ примѣняетъ 362 ст. къ кассирамъ и казначеямъ частныхъ банковъ. Что же это значитъ? Это значитъ, что законъ связываетъ понятіе о преступленіяхъ подлога по службѣ не съ *формою*, не съ названіемъ, не съ рангомъ бумаги, а съ назначеніемъ, которое имѣетъ или должно имѣть ея *содержаніе*. Если содержаніе бумаги, какъ бы она ни называлась, было таково, что ею кассиръ вводилъ, съ корыстною цѣлью, въ обманъ тѣхъ, кому сообщалъ онъ свои ложныя свѣдѣнія; если эта бумага, въ какой бы формѣ она ни являлась, удостовѣряла передъ другими органами учрежденія такія вещи, которыхъ въ дѣйствительности не существовало, — такая бумага и такія дѣйствія кассира подходятъ подъ смыслъ и духъ статьи закона, говорящей о должностныхъ подлогахъ. Если въ двухъ случаяхъ вредъ одинаковъ, если преступное намѣреніе одно и то же, если служебное положеніе, права и обязанности обвиняемыхъ тождественны, то законъ былъ бы лишенною смысла безжизненною формулою, карая одного за то, что онъ выставилъ нумеръ и написалъ на бланкѣ, и отпуская другого только за то,

что у него не было подъ рукою бланка или онъ забылъ выставить нумеръ. Вы обсудите поэтому, гг. присяжные, на чемъ болѣе слѣдуетъ вамъ остановиться: на буквѣ закона или на его внутреннемъ смыслѣ, и если остановитесь на послѣднемъ, то опредѣлите затѣмъ, соотвѣтствуютъ ли дѣйствія Юханцева указаніямъ закона.

Вамъ говорилось здѣсь о вашей задачѣ и о значеніи вашего приговора. Васъ приглашали признать, что подсудимый достаточно наказанъ десятимѣсячнымъ предварительнымъ заключеніемъ и тѣми нравственными страданіями, которыя долженъ испытывать онъ при сознаніи предъ вами неприглядности своей прошлой дѣятельности. Поэтому отъ васъ ждутъ вмѣненія подсудимому того, что онъ испыталъ, вмѣненія, которое на языкѣ суда присяжныхъ называется *оправданіемъ*. Вамъ говорятъ, что такой вашъ приговоръ, указывая, что вы разсматриваете дѣйствія Юханцева лишь какъ послѣдствіе дурной организаціи Общества взаимнаго поземельнаго кредита, будетъ имѣть вліяніе на законодательныя мѣры къ улучшенію внутренняго устройства кредитныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, побуждая законодателя прислушаться къ вашему приговору и именно тѣмъ объяснить себѣ оправданіе растраты въ $2^1/_2$ милліона—вы сами косвеннымъ образомъ примете участіе къ законодательствѣ, содѣйствуя его оживленію и улучшенію. Вамъ указываютъ также и на необходимость *обвинительнаго* приговора въ виду общественнаго мнѣнія Европы, въ виду оцѣнки иностранцами вашей способности къ отправленію правосудія. Я совѣтую вамъ, господа, совершенно отрѣшиться отъ этихъ взглядовъ. Слѣдуя имъ, вы отступите отъ вашей прямой обязанности предъ обществомъ, котораго вы являетесь представителями. Вы войдете въ область, гдѣ ваша ясная и высокая задача сдѣлается неопредѣленною и гадательною. Вы произносите приговоръ не о томъ, достаточно ли наказанъ подсудимый, а о томъ, виновенъ ли онъ. Вы не имѣете права говорить: «ты не виновенъ потому, что, по нашему мнѣнію, ты уже довольно испыталъ неудобствъ и стѣсненій». Это значитъ не оправдывать, а *прощать*. Скамья подсудимыхъ видитъ на себѣ не мало людей преступныхъ, но между ними есть люди, которые, нарушивъ законъ, не упали однако нравственно до того, чтобы успокоиться на сознаніи, что ихъ не оправдали, а простили. Притомъ, вы всегда имѣете возможность примирить строгія требованія закона съ голосомъ состраданія къ его нарушителю. Вамъ принадлежитъ широкое, ничѣмъ не стѣсняемое право давать снисхожденіе—и слово снисхожденія, сказанное вами, обязательно для суда. Да и можно ли становиться на почву понесеннаго предварительно, неизбѣжнаго по сложности дѣла, наказанія? Гдѣ ручательство, что даже въ вашей средѣ не окажется однихъ, которые

скажутъ, что десять мѣсяцевъ ареста достаточная кара, и другихъ, которые найдутъ, ослѣпляясь чрезмѣрною строгостью, что за растрату двухъ съ половиною милліоновъ во всѣхъ нашихъ законахъ нѣтъ достаточной кары. Что касается до страданій душевныхъ, испытываемыхъ на судѣ, то какъ бы они тяжелы ни были, они не должны ложиться въ основаніе вашего приговора. Здѣсь все неуловимо и все зависитъ отъ нравственной природы, характера, воспріимчивости и взглядовъ человѣка на окружающую жизнь. Эти страданія, отрицать которыя было бы несправедливо, не поддаются никакому мѣрилу. Я говорю вамъ не о Юханцевѣ, и вы вѣроятно не усомнитесь, что ему и горько, и тяжело сидѣть предъ вами. Но я хочу сказать вамъ вообще, что могутъ быть случаи, когда предъ вами предстанетъ лукавый лицемѣръ и будетъ вызывать васъ на оправданіе картиною тяжкихъ душевныхъ мукъ и раскаянія; и предстанетъ человѣкъ, хотя и преступный, но въ гордой душѣ котораго, несмотря на дѣйствительныя страданія, никогда не найдетъ мѣста мысль, чтобы выставлять ихъ на показъ и ради ихъ униженно просить у васъ какъ милостыни—прощенія. И что же? Какъ распознаете вы того и другого, и чѣмъ оградите вы себя отъ того, чтобы не помиловать перваго и не осудить сурово втораго? Вы также и не *законодатели*—ни прямые, ни косвенные. Если на законы вліяютъ благотворно судебные процессы, то конечно не приговорами, въ нихъ постановленными, а фактами, въ нихъ раскрытыми. Въ этомъ великое значеніе гласности суда. И каковъ бы ни былъ вашъ приговоръ, поучительная сторона этого процесса вполнѣ и окончательно раскрылась еще вчера, когда закончилось судебное слѣдствіе. Ни измѣнить, ни иначе освѣтить фактовъ, въ немъ раскрытыхъ, приговоръ вашъ не можетъ. Нельзя отрицать, что есть однако исключительные случаи, гдѣ и ваши приговоры, повторяясь однородно въ теченіи долгаго времени, могутъ служить для законодателя указаніемъ на то, что представители общественной совѣсти не видятъ вины въ дѣяніи, которое признается съ формальной точки зрѣнія нарушеніемъ закона, такого закона, который устарѣлъ вслѣдствіе того, что экономическія и административныя условія, его вызвавшія, исчезли или измѣнились. Но таковы проступки не противъ правъ извѣстныхъ лицъ или общества, а противъ цѣлой системы правилъ, которыя уже опережены жизнью. Таковы, напримѣръ, нѣкоторые проступки противъ паспортной системы и т. п. Но законодатель никогда не можетъ черпать для себя указаній въ такихъ приговорахъ, которые относятся не къ проступкамъ противъ временной системы, а къ преступленіямъ, нарушающимъ *вѣчныя понятія*, давнымъ давно выраженныя словами: «не убій», «не укради», и т. д. Исполняя свой долгъ, вамъ также не зачѣмъ оглядываться на Европу и задумываться надъ тѣмъ, что *тамъ*

скажутъ, какъ истолкуютъ вашъ приговоръ и какого мнѣнія будутъ о русскомъ правосудіи. Помните, что одно изъ условій отправленія дѣйствительнаго правосудія—слушать голосъ своей совѣсти и не заботиться о томъ «что скажутъ». Если слѣдуетъ вамъ помнить о комъ нибудь, такъ это о честныхъ людяхъ на родинѣ вашей, сердца которыхъ жаждутъ справедливости, состоящей въ оправданіи невиновнаго и въ признаніи вины за виновнымъ. Чувства этихъ людей для васъ должны быть дороже выводовъ законодателей и мнѣній иностранцевъ. Г. старшина, получите вопросный листъ. Передаю его вамъ съ увѣренностью, что присяжные приступятъ къ исполненію своей обязанности спокойно, съ сознаніемъ всей ея важности.

II.

По дѣлу о французской подданной Маргаритѣ Жюжанъ, обвиняемой въ отравленіи.

Въ 1878 г., по Знаменской улицѣ, въ домѣ № 1, занималъ квартиру начальникъ с.-петербургскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ, полковникъ Познанскій, семейство котораго до 18-го апрѣля 1878 г. состояло изъ жены, сына Николая — 16½ лѣтъ, дочери Надежды — 11 лѣтъ и сына Михаила — 6-ти лѣтъ. 18-го апрѣля старшій сынъ Познанскихъ, ученикъ 6-го класса 1-й классической гимназіи, найденъ въ своей постели мертвымъ.

17-го апрѣля вечеромъ, Николай Познанскій находился въ такомъ состояніи здоровья, которымъ не могла объясниться скоропостижная его смерть, а потому отецъ далъ знать полиціи, прося произвести вскрытіе его трупа, чтобъ сколько-нибудь объяснить: что могло быть причиною этой необъяснимой кончины? 19-го апрѣля полицейскимъ врачемъ Горскимъ, въ присутствіи докторовъ Николаева и Бурцева, произведено было вскрытіе трупа. Докторъ Горскій высказалъ мнѣніе, что усмотрѣнныя анатомическія измѣненія суть послѣдствія инфекціоннаго процесса, произведеннаго брюшнымъ и возвратнымъ тифомъ, и что смерть произошла непосредственно отъ приливовъ крови къ головному мозгу, но доктора Николаевъ и Бурцевъ и студентка Ткаченкова заявили Познанскимъ, что необходимъ химическій анализъ внутренностей, тавъ какъ анатомическія явленія указываютъ въ трупѣ на слѣды какого-то яда. Подозрѣнія эти еще болѣе усилились, когда ими была усмотрѣна стклянка лекарства, которое Николай принималъ еще 17-го апрѣля вечеромъ, причемъ по виду и по вкусу лекарство это, долженствовавшее состоять изъ воды и іодистаго калія, заключало въ себѣ видимо постороннюю примѣсь.

Осматривавшіе и пробовавшіе лекарство докторъ Николаевъ и Познанскій, нашли, что примѣсь эта всего болѣе напоминаетъ морфій. Вслѣдствіе этого важнѣйшія внутренности трупа, подъ руководствомъ доктора Николаева, были уложены въ двѣ стеклянныя банки. Въ одной банкѣ находились куски сердца, печени и селезенки; въ другой—содержимое желудка и желудокъ. Въ одномъ изъ тоже опечатанныхъ пузырьковъ лекарства находился растворъ іодистаго калія; два другіе пузырька были меньшаго размѣра и въ одномъ изъ нихъ была черная жидкость, а въ другомъ — бѣлая. Всѣ эти лекарства были отпущены 15-го апрѣля изъ аптеки Руссова, по рецептамъ доктора Николаева.

26-го апрѣля произведенъ былъ химическій анализъ жидкости въ пузырькѣ съ надписью: «растворъ іодистаго калія», и оказалось, что она состоитъ изъ водянаго раствора калія и изъ соли морфія. Въ другихъ пузырькахъ оказались капли отъ кашля и настой яблочно-кислой окиси желѣза. Химическое изслѣдованіе внутренностей обнаружило въ нихъ присутствіе морфія.

Изъ показаній отца умершаго и доктора Николаева, лечившаго семейство Познанскихъ, оказалось, что въ концѣ страстной недѣли въ семействѣ болѣли дѣти: младшій сынъ кашлялъ, а у дочери была краснуха, и она тоже кашляла. Вслѣдствіе этого, д-ръ Николаевъ бывалъ почти ежедневно. 15-го апрѣля, во время пребыванія Николаева у Познанскихъ, посѣщавшая почти ежедневно Познанскихъ и стоявшая къ нимъ очень близко, уроженка города Бордо, Маргарита Жюжанъ обратила вниманіе родителей Николая Познанскаго на то, что у послѣдняго опухли ушныя гланды и что не мѣшаетъ и его показать доктору. Поэтому Познанскіе просили доктора осмотрѣть и Колю, который не жаловался ни на какія болѣзненныя ощущенія, но указалъ только на небольшую припухлость шеи, и докторъ нашелъ, что она находится въ зависимости отъ увеличенія лимфатическихъ железъ шеи, и прописалъ ему употреблять внутрь іодистое желѣзо, съ прибавленіемъ въ тинктуру яблочно-кислаго желѣза. Въ ночь на Свѣтлое Воскресенье Николай Познанскій былъ въ гимназической церкви у заутрени, участвовалъ въ процессіи — носилъ хоругвь и возвратился домой, послѣ церковной службы, въ 3½ часа пополуночи. 16-го апрѣля онъ былъ веселъ и только на лицѣ его замѣтна была краснота, совершенно такого же вида, какъ предъ тѣмъ была у сестры его. Отецъ тогда же измѣрилъ температуру тѣла сына, и термометръ показалъ 36½°. Николаевъ между 6 и 8 часами вечера осматривалъ Колю подробно и нашелъ у него краснху. Не довѣряя опредѣленію температуры тѣла на ощупь, онъ измѣрилъ ее термометромъ, который показалъ не болѣе 37°. Коля въ этотъ день не жаловался на болѣзненныя ощущенія и возбуждалъ даже вопросъ о возможности выходить со двора, причемъ высказалъ желаніе побывать въ балаганахъ. 17-го апрѣля, Николаевъ видѣлъ Колю между 4 и 5 часами. Въ этотъ день хотя сыпь была сильнѣе, но температара тѣла по-прежнему была нормальная и никакихъ жалобъ на болѣзненныя ощущенія со стороны Коли не было. Общій видъ Николая и настроеніе его духа не внушали ему не только опасеній за его жизнь, но и за то, чтобъ у него готовилась или уже развивалась какая нибудь серьезная форма страданія. Показанія отца и матери Николая Познанскаго, родныхъ и домашней прислуги единогласно свидѣтельствуютъ, что состояніе здоровья Коли было таково, что никому и въ голову не могла придти мысль объ опасности для его жизни. По свидѣтельству служанки Яковлевой, видѣвшей Колю 17-го апрѣля вечеромъ, около полуночи, предъ самымъ отходомъ ко сну, онъ былъ веселъ, какъ обыкновенно. Стоя у дверей своей комнаты съ Маргаритой Жюжанъ, собиравшейся въ это время уходить, онъ сказалъ бодро и веселымъ голосомъ, обращаясь къ Яковлевой, чтобы она его завтра разбудила пораньше и, разговаривая съ Жюжанъ по-французски, между прочимъ, произнесъ по-русски: «прощай, Маргоша»: такимъ именемъ онъ нерѣдко называлъ Жюжанъ, когда былъ въ хорошемъ расположеніи. 18-го апрѣля, около 9-ти часовъ, Яковлева вошла въ его комнату, чтобы разбудить его, и нашла, что онъ лежитъ головою въ сторону противоположную той, гдѣ обыкновенно лежали подушки, и притомъ на всѣ оклики — не пробуждался; былъ посинѣвши и казался въ безчувственномъ состояніи. На зовъ Яковлевой вбѣжали остальные домашніе, а потомъ дали знать отцу его. По объясненію всѣхъ этихъ лицъ, Коля лежалъ на кушеткѣ, на которой онъ всегда спалъ, но только головой въ другую сторону; онъ лежалъ на правомъ боку, на одной подушкѣ другая же оставалась на прежнемъ мѣстѣ; губы были раздуты, почернѣвшія

ротъ полуоткрытъ, языкъ немного высунутъ и темнаго цвѣта; около щеки на подушкѣ была значительная мокрота, безцвѣтная, окаймленная желточерноватой полосой. Начали растирать Колю, прибѣгать къ разнымъ домашнимъ средствамъ, чтобы привести его къ жизни до прибытія врачей, за которыми немедленно послали. Первымъ прибылъ д-ръ Гельтманъ, который показалъ, что, при его осмотрѣ, у Коли сердцебіенія уже не было. Предположеніе отца объ отравѣ еще болѣе подтвердилось, когда мать Познанскаго предъявила пузырекъ съ іодистымъ каліемъ, говоря, что когда 18-го апрѣля она вбѣжала въ комнату сына и узнала о его смерти, то ея вниманіе обратилъ на себя этотъ пузырекъ съ лекарствомъ, такъ какъ на наружной стѣнкѣ его оказалось много бѣлаго натра; она тотчасъ же спрятала пузырекъ въ химическій шкафъ покойнаго. Въ пузырькѣ оказалось около 4-хъ ложекъ жидкости, мутной отъ плавающихъ въ ней игольчатыхъ кристалловъ; на вкусъ она была черезчуръ горька, что не соотвѣтствуетъ вкусу іодистаго калія. Николаевъ предложилъ попробовать эту жидкость Познанскому и тотъ, какъ знающій хорошо вкусъ морфія, нашелъ, что горечь эта ему кажется схожей съ горечью морфія.

Данныя анатомическаго изслѣдованія трупа Николая Познанскаго, данныя химическаго анализа внутренностей и принимаемаго имъ лекарства, въ связи съ обстоятельствами, уясняющими состояніе здоровья умершаго 17-го апрѣля, были представлены на разсмотрѣніе врачамъ-экспертамъ: профессору патологіи и терапіи Манасеину, д-рамъ Бурцеву и Горскому, и всѣ они высказали мнѣніе, что смерть Николая Познанскаго послѣдовала отъ отравленія морфіемъ, чему соотвѣтствуетъ въ особенности гиперемія мозга. Три грана морфія весьма достаточны, чтобъ произвести отравленіе человѣка, если только онъ до этого не употреблялъ постоянно излишняго количества спиртныхъ напитковъ или морфія. Примѣсь морфія къ раствору іодистаго калія не можетъ измѣнить ядовитыхъ свойствъ морфія. Отравленіе морфіемъ прекращаетъ жизнь человѣка вслѣдствіе того, что это вещество прекращаетъ дыханіе, чему предшествуетъ глубокая спячка. Іодистый калій, принятый въ прописанныхъ покойному дозахъ, не могъ причинить никакого вреда. Іодистый калій, въ смѣси съ яблочно-кислымъ желѣзомъ, имѣетъ солено-горькій, вяжущій вкусъ и потому присутствіе морфія въ такой смѣси едва ли можетъ быть замѣчено принявшимъ эту смѣсь. Все это привело къ убѣжденію, что смерть Николая Познанскаго послѣдовала отъ отравленія солено-кислымъ морфіемъ.

Слѣдственныя дѣйствія были направлены на изслѣдованіе, не могъ ли морфій попасть въ лекарство случайно, по ошибкѣ аптекаря, или не принялъ ли его покойный съ цѣлью самоотравленія. Собранныя слѣдствіемъ обстоятельства привели къ отрицательнымъ указаніямъ. По свидѣтельству Познанскихъ и Николаева, Коля сталъ принимать лекарство съ утра 16-го апрѣля и принялъ въ теченіе 2-хъ дней 6 ложекъ, съ чѣмъ согласуется и оставшееся въ бутылкѣ количество жидкости. Еслибы лекарство ранѣе вечера 17-го апрѣля было насыщено такимъ количествомъ морфія, какое оказалось по химическому изслѣдованію (3 грана на ложку жидкости), то дѣйствіе его должно было обнаружиться гораздо ранѣе, тотчасъ послѣ пріема первой ложки. 16-го и 17-го апрѣля Николаевъ не находилъ никакихъ явленій, свойственныхъ отравленію морфіемъ, въ состояніи здоровья Коли, и послѣдствія морфія оказались послѣ пріема послѣдней ложки. По показанію отца и матери, Николай Познанскій былъ крайне мнителенъ, тщательно заботился о своемъ здоровьѣ, интересовался узнать всѣ правила гигіены и всегда выполнялъ ихъ. Онъ любилъ жизнь и не высказывалъ какихъ нибудь наклонностей къ мрачному, угнетенному состоянію духа. По показанію одного изъ родственниковъ, Коля, пользуясь хорошимъ здоровьемъ, былъ очень мнителенъ и относился къ своему здоровью чрезвычайно заботливо. Онъ не ужиналъ, выкуривалъ поло-

женное число папиросъ и вообще слѣдовалъ всѣмъ извѣстнымъ ему правиламъ гигіены. Между нимъ и родителями не было ни малѣйшаго разлада или сколько-нибудь серьезныхъ неудовольствій; со стороны родителей не было никакого насилія или принужденія и все ограничивалось совѣтами или увѣщаніями. Изъ показаній всѣхъ домашнихъ выяснилось, что Николай имѣлъ особую комнату, въ которую прислуга не могла входить, пока ее не позовутъ. Въ его комнатѣ находился шкафъ съ химической лабораторіей, въ которой находились сильно дѣйствующіе яды, такъ какъ онъ занимался химіей и хотѣлъ изучать фотографію; у него былъ даже синеродистый калій.

При разслѣдованіи того, какимъ образомъ могъ попасть въ лекарство Николая Познанскаго морфій, обнаруженъ былъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя заставили заподозрить Маргариту Жюжанъ, которая, будучи привлечена къ слѣдствію, отрицала вполнѣ свою виновность. Слѣдствіемъ было обнаружено, что 17-го апрѣля Николай Познанскій долженъ былъ принять лекарство въ послѣдній разъ передъ отходомъ ко сну. Послѣ смерти Николая, когда всѣ были заняты приготовленіями къ похоронамъ и разсужденіями о причинѣ смерти, Жюжанъ разсказывала, между прочимъ, что она сама подавала Колѣ принятое имъ въ послѣдній разъ лекарство и даже размѣшивала его спичкой. Очевидцевъ подачи лекарства не было, но время, когда она произошла, опредѣляется точно. 17-го апрѣля, Жюжанъ, по обыкновенію, пришла къ Познанскимъ къ обѣду (около 3 часовъ), послѣ обѣда Познанская уѣхала съ дочерью въ гости и вернулась около полуночи. Жюжанъ вышла вмѣстѣ съ нею, говоря, что пойдетъ къ Обруцкому пригласить его и кого-нибудь изъ товарищей, чтобы Колѣ не было скучно вечеромъ одному; къ чаю она вернулась одна, изъ постороннихъ въ домѣ былъ только давнишній товарищъ Коли, Польшау. Въ этотъ вечеръ Жюжанъ ушла отъ Познанскихъ поздно и предъ самымъ уходомъ заходила въ кухню попросить у служанки огарокъ, чтобъ съ огнемъ спуститься съ лѣстницы. Когда Познанская вернулась домой, Жюжанъ стояла съ Колей въ прихожей у двери его комнаты и просила Познанскую узнать, можетъ ли Коля пройти къ отцу, чтобы сказать ему покойной ночи. Повидавшись съ отцомъ, Коля ушелъ въ свою комнату, а Познанская, побывъ нѣкоторое время въ спальнѣ, пришла въ кухню, чтобы заказать обѣдъ. Проходя прихожую, Познанская Жюжанъ не видала и думала, что она ушла, но вскорѣ Жюжанъ появилась въ кухнѣ и просила свѣчного огарка. Все это подтвердила и служанка Яковлева. Когда Жюжанъ было предложено разсказать о своемъ пребываніи у Познанскихъ въ вечеръ 17-го апрѣля, то она показала, что, послѣ своего возвращенія отъ Обруцкаго, она не входила въ комнату Коли весь вечеръ, была въ ней только послѣ ужина, когда Польшау ушелъ и Коля, раздѣвшись, легъ въ постель и позвалъ ее къ себѣ, чтобъ она, какъ это не разъ бывало, дала ему свое благословеніе на ночь. Весь вечеръ она была вмѣстѣ со всѣми и только послѣ пошла въ комнату Коли, потому что онъ сказалъ, что ему пора принять лекарство и пошелъ къ свою комнату. Пока она дошла до прихожей, Коля стоялъ уже на порогѣ своей комнаты съ пузырьками и ложкой. По просьбѣ Коли, она здѣсь же, у порога, налила въ ложку растворъ іодистаго калія и влила въ него 5 капель желѣза и Николай выпилъ лекарство, послѣ чего пополоскалъ ротъ теплой водой. Затѣмъ, послѣ пріѣзда Познанской, Коля позвалъ ее къ себѣ, когда уже лежалъ въ постели и она, попрощавшись съ нимъ и взявъ у Яковлевой огарокъ, ушла домой.

Начиная съ того момента, какъ 15-го апрѣля Николаевъ прописалъ Николаю Познанскому лекарство, Жюжанъ говорила всѣмъ объ опасномъ состояніи его здоровья и указывала возможность печальнаго исхода болѣзни. Узнавъ, что прописываетъ Николаевъ, Жюжанъ стала говорить, что іодъ слишкомъ сильное средство и что у нихъ, во Франціи, въ такихъ случаяхъ іодъ не даютъ внутрь; потомъ разсказала Колѣ и Надѣ какъ одинъ мальчикъ внезапно умеръ

отъ припухлости лимфатическихъ железъ. Докторъ Николаевъ, зная мнительность Коли, счелъ своей обязанностью тотчасъ же этотъ разсказъ опровергнуть. 17-го апрѣля, сидя съ Колей и Польшау въ спальнѣ Познанскаго, Жюжанъ разсказывала, что у Обруцкаго видѣли Руадзе, который сказалъ ей, что краснуха болѣзнь опасная и что его знакомый проболѣлъ 6 недѣль и умеръ. Разсказъ этотъ взволновалъ Колю и отецъ упрекнулъ за него Жюжанъ. Руадзе не подтвердилъ сдѣланной на него ссылки и сказалъ, что, напротивъ, говорилъ ей, что болѣзнь эта не представляетъ опасности. Днемъ, 17-го апрѣля, Жюжанъ заходила къ родственницѣ Познанскихъ Кумме и говорила, что Николай очень плохъ, что она боится, чтобы онъ не умеръ и что вѣроятно у него вовсе не та болѣзнь, которую находитъ докторъ. Въ ночь на 18-е апрѣля, уходя отъ Познанскихъ, Жюжанъ сказала Яковлевой: «Колѣ худо», чему та не повѣрила, потому что передъ этимъ видѣла Николая бодрымъ и веселымъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля, во время отсутствія Познанскаго изъ города по дѣламъ службы, послѣ обѣда, Жюжанъ попросила у Познанской папироску и, закуривъ, сказала: у васъ папиросы горьки, какъ хина. Познанская на это замѣчаніе не обратила никакого вниманія, но въ тотъ же вечеръ, вернувшись домой, была встрѣчена Колей, который заявилъ ей, что его видимо желалъ кто-то отравить, ибо, взявъ одну изъ своихъ папиросъ, отложенныхъ въ ящикъ для куренія на этотъ день и закуривъ ее, онъ почувствовалъ сильную, необычайную горечь во рту, а въ мундштукѣ папиросы оказался бѣлый порошокъ. Коля передалъ матери еще три папироски и въ каждой изъ нихъ тоже оказался подъ ватой бѣлый порошокъ. Коля очень взволновался и прямо сказалъ: «это мнѣ сдѣлалъ только тотъ, кто хорошо знаетъ мои привычки», и потомъ, обращаясь къ Жюжанъ, сказалъ: «это сдѣлала ты»; Жюжанъ стала завѣрять въ противномъ и говорила, что это вѣрно хина; но потянувъ изъ папиросы, которую курилъ Коля, сталъ кричать, что отравлена. Потомъ Жюжанъ толковала это событіе, какъ шутку 1-го апрѣля. Объ этомъ событіи Жюжанъ разсказывала Богдановичъ такимъ образомъ, что Николай Познанскій предложилъ ей закурить папироску, отъ которой ей сдѣлалось дурно, такъ какъ ей въ ротъ попало что-то непріятное, и она полагаетъ, что Николай Познанскій потому далъ ей закурить папиросу, что думалъ, что не она ли устроила ему эту апрѣльскую шутку. Познанская эти папиросы спрятала до пріѣзда мужа, который, осмотрѣвъ бывшій въ нихъ бѣлый порошокъ, призналъ его за морфій. Познанскій самъ употреблялъ морфій постоянно и банка съ морфіемъ стояла въ спальнѣ въ ящикѣ комода, который не всегда бывалъ запертъ; былъ случай, въ первыхъ числахъ апрѣля, что банка была оставлена въ гостиной на этажеркѣ. Папиросы были уничтожены Познанскимъ. Черезъ нѣсколько дней, Жюжанъ говорила нянѣ Познанскихъ, что она, въ одномъ домѣ, гдѣ даетъ уроки, разсказывала о случаѣ съ папиросами и какой-то генералъ объяснилъ ей это событіе такъ: «отецъ Николая Познанскаго служитъ въ жандармахъ; вѣроятно многихъ, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, арестовывалъ,—вотъ ему и мстятъ за это родственники сосланнаго или арестованнаго». Потомъ добавила: «пожалуй, они Колю, когда нибудь, еще разъ отравятъ». На замѣчаніе няни, что въ комнату Коли никто посторонній не входитъ и что зачѣмъ сыну отвѣчать за отца, Жюжанъ ничего не отвѣтила.

Еще до начала слѣдствія, родственники и знакомые высказывали Познанскимъ подозрѣнія въ отравленіи Николая Маргаритою Жюжанъ. Слѣдствіемъ обнаружено, что Жюжанъ состояла съ покойнымъ Познанскимъ въ любовно-половой связи, съ оттѣнкомъ извѣстнаго, особеннаго характера, происходящаго отъ разницы ихъ возрастовъ. Эти отношенія замѣчались всѣми знакомыми, родными, товарищами Коли, подозрѣвались родителями, были извѣстны прислугѣ, но скрывались ею отъ господъ. Отношенія эти возни-

кали постепенно и, развиваясь, принимали различные оттѣнки. Жюжанъ лѣтъ пять была знакома съ Познанскими, короткое время жила у нихъ въ домѣ, потомъ стала приходить давать уроки дочери и, съ поступленіемъ ея въ гимназію, отказалась отъ платы и предложила за столъ сопровождать ее въ гимназію и помогать ей въ занятіяхъ по французскому языку. Отношенія Жюжанъ къ Колѣ приняли особенный характеръ послѣ того, какъ ему минуло 14 лѣтъ. Тогда они начали говорить другъ другу «ты», часто цѣловались, искали уединенія. Однажды, въ 1876 г., Познанскій случайно вошелъ въ темную комнату и засталъ, что сынъ его Коля лежитъ на диванѣ и около него сидитъ Жюжанъ. Шумъ, производимый ими, показался отцу подозрительнымъ, похожимъ на то, какъ бы опускалось женское платье или надергивалось одѣяло. На другой день отецъ просилъ сына, по-дружески, разсказать о происходившемъ наканунѣ и сдѣлалъ ему предостереженіе. Коля, не желая лгать, далъ уклончивый отвѣтъ. Познанскій просилъ Николаева, подъ какимъ нибудь предлогомъ освидѣтельствовать Колю, и докторъ не нашелъ никакихъ видимыхъ слѣдовъ преждевременнаго развитія половыхъ органовъ. Отношенія Коли къ Жюжанъ ничуть не измѣнились, она оставалась съ Колей въ его комнатѣ, въ особенности когда онъ ложился спать, и засиживалась у него до 2-хъ и 3-хъ часовъ ночи. На 15 году Коля очень быстро сталъ измѣняться, въ теченіе двухъ лѣтъ онъ превратился изъ мальчика въ рослаго, красиваго юношу. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошла и нравственная перемѣна: онъ сталъ прилежно заниматься, полюбилъ чтеніе, музыку, пристрастился къ химіи. Отецъ, подозрѣвая вредное отношеніе Жюжанъ къ его сыну, старался воспользоваться его быстрымъ развитіемъ, полагая, что для того, чтобъ избавить Колю отъ вліянія Жюжанъ, это будетъ лучшимъ средствомъ, чѣмъ изгнаніе ея изъ дома. Вслѣдствіе этого, онъ подарилъ Колѣ химическую лабораторію, фотографическій аппаратъ, позволялъ ему приглашать товарищей и посѣщать ихъ, а также домá, гдѣ были дѣвицы его возраста; послѣ этого стало замѣчаться измѣненіе въ его отношеніяхъ къ Жюжанъ: у нихъ стали возникать ссоры, сначала не часто, а потомъ все чаще и чаще и выражались со стороны Жюжанъ въ истерикахъ, иногда требовавшихъ даже призыва врача. Сестра Коли показала, что однажды она вошла съ младшимъ братомъ въ комнату Коли, который сидѣлъ за столомъ и читалъ книгу. Жюжанъ сидѣла на кушеткѣ. Когда они вошли, Коля сказалъ, чтобъ они заняли Жюжанъ, такъ какъ она ему мѣшаетъ читать. Потомъ онъ просилъ, чтобъ они замолчали, а когда Жюжанъ стала требовать, чтобъ онъ самъ ихъ оставилъ, то Коля сказалъ брату: «поди къ мамѣ и попроси ее убрать изъ моей комнаты Маргариту». Тогда Жюжанъ подошла къ Колѣ, схватила его за ухо и сказала: «подумай, что ты дѣлаешь»; на это Коля схватилъ стулъ и сталъ гнать Жюжанъ изъ комнаты, а та дала Колѣ пощечину. Коля схватилъ лежавшій на столѣ маленькій кинжалъ и закричалъ: «уберите ее отъ грѣха!» Познанская и няня прибѣжали на этотъ шумъ и заперли Колю, уведя Жюжанъ. По ихъ словамъ, Коля былъ внѣ себя и тогда же сказалъ: «Маргаритѣ не мѣсто въ нашемъ домѣ». По свидѣтельству одного изъ родственниковъ, Коля, ему казалось, тяготится своими отношеніями къ Жюжанъ, а раздраженное ея состояніе усилилось въ особенности за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Коли. Въ концѣ 1877 и началѣ 1878 г. Коля бывалъ часто въ семействѣ П—скихъ, гдѣ была 16-ти-лѣтняя дочь, которая ему видимо нравилась. Жюжанъ зорко слѣдила за новыми знакомыми Коли и однажды выманила у сестры Коли одну изъ записокъ, которыми обмѣнивались молодые люди, и прочла. Жюжанъ стала добиваться бывать на всѣхъ товарищескихъ пирушкахъ Коли, держала себя съ молодыми людьми свободно, вмѣшивалась въ отношенія Коли къ его товарищамъ, пила съ ними брудершафтъ на «ты» и особеннымъ ихъ уваженіемъ не пользовалась.

Въ первой половинѣ апрѣля с.-петербургскимъ градоначальникомъ передано на разсмотрѣніе начальника губернскаго жандармскаго управленія анонимное письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ нѣкто Василій (Basil) извѣщаетъ градоначальника, что образовался заговоръ подъ главенствомъ ученика гимназіи, Николая Познанскаго, при участіи трехъ студентовъ, которые въ квартирѣ полковника Познанскаго, въ комнатѣ Николая, имѣютъ химическую лабораторію, въ которой уже три мѣсяца, какъ приготовляютъ ядъ для отравленія градоначальника. Далѣе въ письмѣ излагается, что Николай Познанскій, имѣя въ семьѣ своей большую свободу, возвращается домой пьяный и поздно и что этотъ несчастный, несмотря на свои 17 лѣтъ, имѣетъ уже трехъ любовницъ, изъ которыхъ одна *полька* и притомъ *нигилистка въ высшей степени* (au plus haut degré). Полковникъ Познанскій узналъ о существованіи этого письма 21-го апрѣля и тотчасъ же призналъ, что авторъ этого доноса Жюжанъ. Письмо это было подвергнуто экспертизѣ, какъ для сличенія почерка, такъ и для изслѣдованія нѣкоторыхъ особенностей, относящихся къ слогу и правописанію текста означеннаго письма. Эксперты признали, что несомнѣнно почеркъ Жюжанъ имѣетъ полное сходство съ почеркомъ анонимнаго письма. Учителя французскаго языка высказали, что слогъ письма неправильный, но въ немъ встрѣчаются совершенно французскія выраженія, причемъ неправильные обороты рѣчи и грамматическія ошибки сдѣланы какъ бы умышленно. Умышленность ошибокъ явствуетъ изъ того, что слова трудныя написаны правильно, а обыкновенныя—съ грубыми ошибками, какихъ не можетъ сдѣлать владѣющій въ такой степени языкомъ, какъ авторъ письма; нѣкоторыя буквы изображены такъ, какъ пишутъ ихъ природные французы.

Няня и служанка Познанскихъ удостовѣрили, что имъ было положительно извѣстно о любовной связи покойнаго Николая съ Жюжанъ, но что вначалѣ онѣ стѣснялись объ этомъ заявить. Жюжанъ, отрицая свою виновность, отрицала и всѣ эти обстоятельства, утверждая, что къ Николаю питала чувство обыкновенной привязанности наставницы къ ученику. Во время предварительнаго слѣдствія, въ цѣломъ рядѣ писемъ на имя слѣдователя и прокурора, она дѣлала намеки на возможность ошибки аптеки, потомъ намекала на то, что во время ея отсутствія, Колю кто-то отравилъ, далѣе говорила о возможности самоотравленія и въ концѣ слѣдствія заявила прямое обвиненіе въ отравленіи Николая его близкими родными. На требованіе изложить доводы этого послѣдняго обвиненія, Жюжанъ отвѣтила, что представить таковыхъ не можетъ и что въ началѣ слѣдствія она этихъ заявленій не дѣлала потому, что самое это подозрѣніе созрѣло у нея недавно.

На основаніи всего этого, Жюжанъ была предана суду по обвиненію въ отравленіи Николая Познанскаго, что̀ составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 1453 ст. ул. о наказ.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило въ С.-Петербургскомъ Окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 6 — 8 ноября 1878 года. Обвинялъ подсудимую товарищъ прокурора *Шидловскій,* защищалъ — прис. повѣренный *Хартулари.*

Часть засѣданія 7-го ноября была произведена при закрытыхъ дверяхъ.

Подсудимая себя виновною не признала.

Главнѣйшіе свидѣтели подтвердили въ подробности приведенныя выше обстоятельства. Эксперты-врачи и эксперты по части сличенія почерка, а также относительно слога и правописанія доноса на французскомъ языкѣ—тоже подтвердили свои первоначальныя объясненія.

На судѣ были, по просьбѣ защиты, прочитаны обширныя выдержки изъ дневника Николая Познанскаго, а по требованію товарища прокурора, письмо 16-ти лѣтней дѣвицы П-ой, взятое Жюжанъ отъ сестры покойнаго, и пред-

ставленный П—ою отвѣтъ на это письмо. Въ письмѣ своемъ П—ая, между прочимъ, говоритъ: ...«не знаю, шутите вы или нѣтъ, только къ чему это постоянное упрашиваніе полюбить васъ? Вы знаете — «насильно милъ не будешь» и «отечества для сердца нѣтъ»; я вамъ сказала разъ навсегда, что люблю васъ, какъ добраго и хорошаго юношу, но иначе любить не буду никогда; чѣмъ же я виновата, если это васъ не удовлетворяетъ? А если вы будете ко мнѣ приставать съ приторными комплиментами, съ чувствами не существующими или съ просьбою о любви, которой я не могу вамъ дать, я васъ разлюблю. Будьте паинькой и если хотите мнѣ нравиться, то будьте всегда такимъ, какимъ были какъ-то у насъ, помните? Вы къ намъ пришли разъ въ субботу, у насъ никого не было, и мы съ вами болтали, занимались математикой и геометріей. Будьте такимъ, какъ тогда, и я всегда буду любить васъ».

Въ отвѣтъ на это Познанскій писалъ: «я крайне и крайне удивленъ вашимъ письмомъ. Эти упреки не заслужены. Не пугайтесь, пожалуйста, моего «люблю», моя любовь къ вамъ— самая чистая, любовь дружеская, братская. Отъ васъ мнѣ нечего ждать такой любви, и потому, еслибы серьезно искалъ ея, не погладилъ бы себя по головкѣ, постоянное же упрашиваніе полюбить меня (да еще упрашиваніе производится при свидѣтеляхъ), конечно, шутка. Вы меня любите, «какъ добраго и прекраснаго юношу», ну, и прекрасно. Прибавлю еще: еслибы я васъ любилъ «иначе», то мои намеки высказывали бы ревность, а ревновать, да еще открыто, крайне глупо. Если же я васъ не люблю (любовью, которую, будто, прошу у васъ), а выпрашиваю взаимности, то какъ назвать подобный поступокъ? Я надѣюсь, что не такъ низко стою въ вашемъ мнѣніи! Любить («иначе») я не могу, да и не хочу никого, а къ вамъ, какъ сказалъ выше, питаю любовь друга и брата. Надѣюсь, что такая любовь еще святѣе, чѣмъ любить «иначе», и думаю, что за такую любовь вы не можете претендовать на меня. Извольте, я буду паинькой, *но безъ всякихъ условій,* и о любви съ моего языка не сорвется ни единое слово. Будьте спокойны. Съ надеждой, что все будетъ забыто, остаюсь вашимъ (если вамъ угодно) Николаемъ Познанскимъ».

Въ дневникѣ своемъ Николай Познанскій, между прочимъ, пишетъ:

«Я разочарованъ. Смѣшно, говорятъ, разочарованіе въ мои годы. Чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше узнаешь, чѣмъ больше узнаешь, тѣмъ больше видишь, что многія мысли неосуществимы, что нѣтъ никогда, нигдѣ, ни въ чемъ порядка.

«Долженъ ли я упрекать себя въ чемъ либо? Много бы я отвѣчалъ на этотъ вопросъ, если бы не боялся, что тетрадь эта попадется въ руки отца или кого другого и онъ узнаетъ прежде времени тайну моей жизни съ 14 лѣтъ. Много перемѣнъ, много разочарованія, многія дурныя качества появились во мнѣ. Кровь моя съ этого возраста приведена въ движеніе; движеніе крови повело меня ко многимъ такимъ поступкамъ, что, при воспоминаніи о нихъ, холодный потъ выступаетъ у меня на лбу. Я понялъ свою доброту, доведенную до глупости, и сдержу себя: мое сердце, не выдерживавшее прежде малѣйшихъ страданій ближнихъ, повидимому, окаменѣло, и хотя я иногда страдаю очень, очень сильно, но не легко замѣтить это. Изъ природнаго флегматизма развилось искусственное хладнокровіе. Сила воли выработалась изъ упрямства, спасшаго меня. Когда я стоялъ на краю погибели, я сталъ атеистомъ. Дорого бы далъ за обращеніе меня вновь въ христіанство. Много такихъ взглядовъ получалъ я, до которыхъ врагу своему не желаю додуматься; таковъ, напр., взглядъ на отношенія къ родителямъ и женщинамъ. Но сколько возможно, стараюсь не имѣть кумира. Но кумиръ нашелся; мой кумиръ — я самъ; себя я люблю, о себѣ пекусь такъ, какъ дай Богъ всякой матери заниматься своими дѣтьми.

«Меня кормятъ, одѣваютъ и пр., но все это мнѣ въ тягость. Мнѣ хочется,

какъ можно скорѣе, проживать мои средства, а не отца. Работы! работы! конечно, отецъ ни за что не позволитъ, чтобы я вносилъ свою лепту на нашу семейную жизнь. Правда, я буду жить, я буду работать и авось эта работа поможетъ мнѣ отплатить родителямъ добромъ за ихъ заботы въ моей молодости и сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ. Но еще долго остается терпѣть лямку: 2½ года въ гимназіи, а потомъ 5 лѣтъ въ академіи, и смѣшно тогда дѣлаться полезнымъ, когда остается 10 лѣтъ жизни.

«Свѣтло ли мое будущее? Недовольный типами человѣчества, я навряд ли найду человѣка, подходящаго подъ мой взглядъ и придется проводить жизнь solo. А тяжела жизнь въ одиночествѣ, тяжело, когда тебя не понимаютъ, не оцѣнятъ! Я ставлю себя на высочайшій пьедесталъ, но многіе о себѣ такого высокаго мнѣнія. Какъ человѣкъ, я не буду оцѣненъ. Вся надежда на медицину и музыку, съ помощью ихъ я могу прославиться. Но на это надо и геніальность, и шарлатанство, и долгая жизнь съ крѣпкимъ здоровьемъ. Не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ пары рукъ и головы, мнѣ придется съ трудомъ пробивать дорогу и дѣлать свою карьеру. Авось, однако, мнѣ въ этомъ помогутъ самолюбіе и настойчивость! Во всякомъ случаѣ, не скоро доживу до того времени, когда моя слава будетъ гремѣть».

Рѣшеніемъ присяжныхъ — подсудимая *оправдана.*

Господа присяжные засѣдатели! Двухдневное судебное слѣдствіе и оживленныя пренія сторонъ дали вамъ богатый и разнообразный матеріалъ; онъ такъ великъ и имѣетъ такую разнородную доказательную силу, что, быть можетъ, вамъ полезно получить отъ меня нѣсколько указаній на тѣ пріемы, посредствомъ которыхъ надо обсуждать и оцѣнивать этотъ матеріалъ. Законъ обязываетъ меня дать вамъ эти указанія, но отнюдь не считаетъ ихъ обязательными для васъ.

Вамъ говорилось о характерѣ преступленія, подлежащаго вашему разсмотрѣнію. Указанія обвинителя согласны съ сущностью этого преступленія и съ обыкновенною житейскою обстановкою его. Дѣйствительно, это преступленіе коварное и, если можно такъ выразиться, трусливое. Совершитель отравленія не имѣетъ обыкновенно той смѣлости, которая заставляетъ болѣе или менѣе рисковать собою, нападая на другого. Онъ дѣйствуетъ тайно и иногда съ видимымъ спокойствіемъ удаляется прочь, когда его орудіе и невидимый союзникъ — ядъ только еще начинаетъ свое дѣло. Между орудіемъ преступленія и виновникомъ нѣтъ, обыкновенно, непосредственной, тѣсной связи, ему нечего бояться брызгъ крови отъ удара ножомъ, криковъ жертвы, борьбы съ нею, шума и дыма выстрѣла. Когда ядъ начнетъ дѣйствовать, виновникъ можетъ быть уже въ полной безопасности, скрывая и извращая слѣды своего участія, а иногда даже приходя съ лицемѣрною и позднею помощью. Коварство — главное свойство отра-

вленія. Оно продуктъ слабости, а не силы,—ненависти и корысти, но никогда не гнѣва. Изъ этихъ свойствъ отравленія вытекаетъ трудность собранія доказательствъ,—изъ нихъ же вытекаетъ, съ другой стороны, и возможность широкихъ предположеній и догадокъ, не всегда основанныхъ на дѣйствительныхъ обстоятельствахъ или на вѣрной и спокойной ихъ оцѣнкѣ. Когда предлагается вопросъ объ отравленіи, первое, что должно занять вниманіе — это вопросъ о томъ, было ли отравленіе? не имѣемъ ли мы дѣла съ естественною смертью? Если найдено, что отравленіе было, тогда, естественно, взоры обращаются къ тому, кто заподозрѣнъ. Изучается его личность, для того, чтобы опредѣлить, былъ ли онъ способенъ на такое преступленіе, и затѣмъ разсматриваются его отношенія къ покойному. Они должны содержать отвѣтъ на то, была ли причина ненависти, былъ ли поводъ къ такому ея проявленію. Но это далеко не все. Этого достаточно для того, чтобы *заподозрить* человѣка. Но для того, чтобы *обвинять*, необходимо, чтобы между отравою и личностью заподозрѣнною была связь, было соединеніе, смычка. Для того же, чтобы *обвинить*, чтобы выразить не мимолетное мнѣніе, а обдуманный и взвѣшенный приговоръ о судьбѣ человѣка, всегда необходимо, чтобы это соединеніе было прочно, чтобы оно выдерживало серьезный напоръ возраженій.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ большинствѣ дѣлъ объ отравленіи нельзя искать и странно было бы требовать прямыхъ доказательствъ виновности. Самая природа преступленія противорѣчитъ этому. Могутъ быть только улики, только косвенныя доказательства, изъ которыхъ должно складываться предположеніе о виновности, о томъ, что именно *это* лицо дало *этотъ* ядъ и что иначе объяснить себѣ его присутствіе въ организмѣ — невозможно. Предположеніе это должно быть вѣское, должно покоиться на твердо установленныхъ данныхъ дѣла. Если житейскій опытъ, если обстоятельства дѣла говорятъ, что это предположеніе самое правильное, что оно естественно и неуклонно вытекаетъ изъ свѣдѣній о личности обвиняемаго, объ его отношеніяхъ къ отравленному, объ его дѣйствіяхъ, то смычка между личностью обвиняемаго и найденнымъ ядомъ существуетъ, и обвиненіе тѣмъ болѣе доказано, чѣмъ прочнѣе эта смычка. Но если, на ряду съ предположеніемъ о существованіи связи между личностью обвиняемаго и ядомъ, можно представить нѣсколько противоположныхъ, но равно правдоподобныхъ, равно логичныхъ и практическихъ соображеній и предположеній, основанныхъ тоже на прочно доказанныхъ фактахъ дѣла, то смычка можетъ быть разорвана и обвиненіе должно оказаться шаткимъ.

Итакъ, умеръ ли Николай Познанскій естественною смертью или отъ яду? Вы слышали экспертизу. Она произведена профессо-

ромъ-спеціалистомъ при участіи прозектора и полицейскаго врача, которые, по своей спеціальности, особенно привыкли обращаться съ трупами и видѣли на своемъ вѣку многихъ людей, умершихъ естественною смертью или насильственною, отъ своей или чужой руки. Двое послѣднихъ сами производили вскрытіе Николая Познанскаго и говорятъ намъ не о томъ, что слышали отъ другихъ или прочли, а о томъ, что видѣли. Вы знаете, какъ шло ихъ изслѣдованіе. Они двигались ощупью, боясь ошибиться, тщательно изслѣдуя почву подъ ногами. Они долго колебались, прежде чѣмъ произнесли роковое слово—*отравленъ*. Они призывали къ себѣ на помощь другихъ спеціалистовъ и, въ окончательномъ результатѣ, свидѣтельствуютъ здѣсь, что Познанскій лишился жизни отъ пріема морфія въ количествѣ, достаточномъ для причиненія смерти взрослому человѣку. Когда экспертиза произведена знающими людьми и съ тою осторожностью и недовѣрчивостью къ себѣ, которыя вызываются ея важностью для дѣла—ей можно вѣрить. Вы, конечно, можете ее отвергнуть, но такъ какъ, вѣроятно, вы этого не сдѣлаете, то вамъ надо будетъ перейдти къ разсмотрѣнію свѣдѣній о личности Жюжанъ, о характерѣ и свойствѣ отношеній ея къ покойному.

Въ этомъ отношеніи данныя дѣла раздѣляются на двѣ группы—за и противъ Жюжанъ. Къ первой группѣ относятся показанія свидѣтеля Мягкова, квартирныхъ хозяекъ подсудимой и письма, написанныя къ ней и о ней, представленныя вамъ на судѣ. У васъ можетъ явиться мысль, что тѣ, кто въ письмахъ такъ горячо относится къ ней, такъ молитъ Бога поддержать ее въ несчастіи,—лучше бы сдѣлали, еслибы явились сюда, подкрѣпить живымъ словомъ свое письменное участіе къ Жюжанъ. Но я долженъ вамъ объяснить, что свидѣтели такого рода могли явиться лишь въ случаѣ вызова ихъ подсудимою. Явка въ судъ и продолжительное ожиданіе допроса не всегда признаются пріятною обязанностію, а эти лица принадлежатъ къ тѣмъ, въ средѣ и въ заведеніяхъ которыхъ Жюжанъ давала уроки. Если она увѣрена въ своей невиновности, если она питаетъ надежду выдти изъ суда оправданною, естественно, что она не хочетъ тревожить тѣхъ, къ кому ей, можетъ быть, придется обратиться потомъ за помощью—и она ограничивается ихъ письмами. Вамъ было представлено весьма характеристическое раздѣленіе знакомыхъ Жюжанъ на два слоя. Въ одномъ Жюжанъ была строгою, высоконравственною воспитательницею, въ другомъ—сама собою, со всѣми порывами страстной французской натуры, вращающейся въ средѣ русскаго распущеннаго добродушія. Свидѣтельство, идущее изъ перваго слоя, должно поэтому рисовать передъ вами не настоящую, а искусственную Жюжанъ — и не заслуживаетъ довѣрія. Вы оцѣните основательность такого раздѣленія знавшихъ Жю-

жанъ, но вы примете, однако, во вниманіе живыя національныя особенности подсудимой, при которыхъ, быть можетъ, ей было бы трудно постоянно играть роль и раздвояться, а также и то, что ея квартирныя хозяйки едва ли могутъ быть отнесены къ первому слою.

Вторая группа данныхъ весьма разнообразна. Прежде, чѣмъ оцѣнивать ихъ, я совѣтую вамъ припомнить, что обыкновенно, когда преступленіе или какое нибудь тягостное событіе взволновываетъ и иногда даже совершенно разбиваетъ какой нибудь кружокъ или семью, то подозрѣнія и предположенія, спавшія мертвымъ сномъ до событія, вдругъ всплываютъ наружу самымъ неожиданнымъ образомъ. Тутъ появляется обыкновенно то, что можно назвать предусмотрительностью заднимъ числомъ. Рядомъ съ этимъ, подозрительность нерѣдко внушаетъ такое одностороннее истолкованіе фактовъ, что на дѣлѣ, рядомъ съ серьезными уликами, образуются излишнія наслоенія, лишенные внутренняго содержанія пузыри.

Обязанность суда, гг. присяжные засѣдатели, срѣзать эти наслоенія, снять эти пузыри. Къ такимъ даннымъ, которыя можно безъ ущерба для справедливости выбросить совершенно изъ соображеній по дѣлу, относятся—разсказъ о котлетахъ, поданныхъ наканунѣ смерти Николаю Познанскому и возвращенныхъ въ кухню «въ растерзанномъ видѣ», и разсказъ о подкупѣ подсудимою няни Рудневой. Исторія о котлетахъ явилась на судѣ такъ неожиданно, такъ непровѣренно и неопредѣленно, что ей нельзя придавать значенія, а о подкупѣ Рудневой тоже трудно сказать что нибудь точное. Могло быть недоразумѣніе, весьма понятное между русскою нянею и француженкою, не умѣющей правильно употреблять слово «свой», «себѣ». Но судъ долженъ имѣть дѣло съ фактами, а не съ недоразумѣніями. Здѣсь говорилось много о поведеніи Жюжанъ во время похоронъ Познанскаго и въ первое время по полученіи извѣстія о его смерти. Поведеніе подсудимой послѣ совершенія приписываемаго ей преступленія можетъ быть разсматриваемо двояко: какъ рядъ дѣйствій, выражавшихъ стремленіе скрыть слѣды преступленія, отклонить или направить изслѣдованіе на ложный путь,—или какъ рядъ поступковъ, словъ, движеній, выражающихъ душевное ея настроеніе. Дѣйствія для скрытія слѣдовъ преступленія должны подлежать тщательной провѣркѣ: иногда они содержатъ въ себѣ неотразимыя указанія на виновность. Но душевное настроеніе обвиняемаго послѣ приписываемаго ему преступленія—это скользкая почва, на которой возможны весьма ошибочные выводы, произвольность которыхъ бываетъ связана съ отсутствіемъ какихъ либо для нихъ границъ. Лучше не ступать на эту почву, на ней нѣтъ ничего безспорнаго. Подсудимая цѣловала голову отца Познан-

скаго, убирала гробъ его сына цвѣтами, ночевала невдалекѣ отъ трупа; встревоженная и ослабѣвшая, по словамъ юнкера Бергера, въ первую минуту, она была потомъ, повидимому, спокойна и только на послѣдней панихидѣ впала въ истерику и звала г-жу Познанскую, отъ которой передъ тѣмъ получила на память запонки отравленнаго. Какая закоренѣлость, какое преступное бездушіе!—воскликнутъ одни... А быть можетъ, спокойствіе сознаваемой невиновности — отвѣтятъ другіе. Гдѣ правда? гдѣ мѣрило для оцѣнки значенія душевнаго настроенія Жюжанъ? Несомнѣнно лишь то, что горе, которое, какъ близкая въ семьѣ Познанскихъ, Жюжанъ должна была чувствовать, если она была невиновна, *могло* выразиться въ рядѣ дѣйствій, о которыхъ я только что сказалъ. И свидѣтели, и подсудимая—въ этомъ согласны. Но законовъ для выраженія горя не существуетъ. Горе и радость, больше чѣмъ всѣ другія душевныя настроенія и порывы, не подходятъ подъ какія либо психологическія правила. Все зависитъ отъ личныхъ свойствъ, отъ темперамента, отъ нервности, отъ обстановки, отъ впечатлительности. Одного горе поражаетъ сразу и «отпускаетъ» по-немножку; другіе его принимаютъ бодро и холодно, но хранятъ его въ душѣ, какъ вино, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ старше. Отъ одного и того же нравственнаго удара одинъ человѣкъ застываетъ и, уходя въ себя, не въ силахъ даже облегчить себя слезами, тогда какъ другой разливается рѣкою слезъ. Вотъ почему, господа, вы можете оставить поведеніе Жюжанъ, послѣ смерти Познанскаго, безъ разсмотрѣнія. Но если вы пожелаете ему придать значеніе, то, въ интересахъ правосудія совѣтую вамъ смотрѣть на него, какъ на послѣднюю дополнительную черту къ преступленію, которое передъ вами «доказано», а не какъ на улику, «доказывающую» преступленіе, въ которомъ обвиняется подсудимая.

Когда эта группа данныхъ будетъ очищена отъ излишнихъ наслоеній, въ ней останется рядъ показаній объ отношеніяхъ между Жюжанъ и покойнымъ Познанскимъ. Подсудимая говорила здѣсь, что все существенное, что показываютъ эти свидѣтели—ложь или, какъ она выразилась, «вранье». Вы припомните весь рядъ этихъ свидѣтелей, начиная съ шести молодыхъ учащихся людей, въ обществѣ которыхъ Жюжанъ, по ихъ словамъ, допускала слишкомъ вольное съ собою обращеніе,—переходя къ нянѣ Рудневой и горничной Яковлевой, которыя слышали отъ нея сознанія, исполненныя грязныхъ подробностей о ея связи съ невышедшимъ еще изъ отрочества Познанскимъ,—и кончая Татьяною Казанской, которая, не щадя и себя, нарисовала предъ вами послѣдствія ея пированья съ Жюжанъ. Если вы найдете, что всѣ эти свидѣтели, несмотря на разность лѣтъ, положеній и отношеній къ Жюжанъ, несмотря на связующую ихъ всѣхъ присягу,

поголовно говорятъ ложь, вы отвергнете ихъ показанія, и въ дѣлѣ останется пробѣлъ, который трудно будетъ чѣмъ-либо наполнить; но если вы не отвергнете эти показанія, то вамъ придется припомнить существенныя ихъ черты и дополнить ихъ разсказами Николая Познанскаго. Эти существенныя черты содержатъ въ себѣ указанія на первоначальную нѣжность отношеній между Жюжанъ и ея ученикомъ, котораго расположилъ къ ней ея веселый, необидчивый нравъ,—на довольно скорый переходъ отъ нѣжности къ страсти со стороны Жюжанъ и къ пробужденію инстинктовъ въ Познанскомъ, послѣдствіемъ котораго явились ихъ близкія отношенія между собою. Если признавать существованіе этихъ отношеній, то необходимо имѣть въ виду, что по самой разности лѣтъ, отношенія эти не могли долго оставаться одинаковыми. По естественному ходу вещей, каждый мѣсяцъ долженъ былъ приближать подсудимую къ старости, каждый мѣсяцъ долженъ былъ открывать предъ мужавшимъ отрокомъ, который притомъ пользовался полною свободою, новые горизонты и возможность иныхъ, лучшихъ отношеній. Отсюда могло, по мнѣнію обвинителя, вытекать охлажденіе съ одной стороны и стремленіе удержать за собою привязанность юноши съ другой стороны, стремленіе, отъ котораго легокъ переходъ къ ревности. Житейскій опытъ поможетъ вамъ, гг. присяжные, освѣтить эту часть дѣла надлежащимъ образомъ, а память возстановитъ разныя мелочныя подробности, о которыхъ вы слышали преимущественно при закрытыхъ дверяхъ. Для оцѣнки характера этихъ отношеній, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать неотвергаемой и самою подсудимою сцены ссоры съ Николаемъ Познанскимъ, начавшейся требованіемъ Познанскаго, чтобы Жюжанъ увели изъ его комнаты, за что она взяла его за ухо, и кончившейся тѣмъ, что приведеннаго въ изступленіе юношу пришлось крестить и запирать на ключъ. Не надо упускать изъ виду и того циническаго выраженія покойнаго о Жюжанъ, которое написалъ вчера, по моему предложенію, на бумагѣ гимназистъ Соловьевъ. Если вы повѣрите ему, что такія слова были именно произнесены Познанскимъ въ кругу товарищей, то вы, конечно, найдете, что въ нихъ нѣтъ слѣда любви, нѣжности или просто даже уваженія, съ которымъ обыкновенно относится молодое существо къ предмету своей привязанности, и что они представляютъ собою выраженіе грубаго, чувственнаго молодечества, отъ котораго недалеко до охлажденія и даже до отвращенія. Когда предъ вами, такъ или иначе, выразится Жюжанъ въ отношеніяхъ своихъ къ Николаю Познанскому, вамъ придется вернуться къ причинѣ смерти его — отравленію и удостовѣриться, существуетъ ли между ядомъ въ тѣлѣ Познанскаго и Маргаритой Жюжанъ та связь, та смычка, о которой я вамъ говорилъ.

Данныя, которыя должны смыкать отравителя съ его жертвою, распадаются на два неизбѣжныхъ звѣна: — желаніе причинить вредъ—и самое причиненіе вреда. Они должны быть тѣсно связаны одно съ другимъ,—они немыслимы, при умышленномъ отравленіи, одно безъ другого.

Разсматривая вопросъ о желаніи Жюжанъ причинить вредъ или погибель Познанскому, вы прежде всего остановитесь на доносѣ. Онъ былъ подвергнутъ двоякой экспертизѣ, по содержанію и по способу письма. Защита доказывала вамъ, что каллиграфическая экспертиза вообще не заслуживаетъ довѣрія. Я долженъ сказать, что хотя такая экспертиза въ послѣднее время, въ особенности во Франціи, и сдѣлала большіе успѣхи, но она еще не достигла полной степени совершенства. Здѣсь, впрочемъ, экспертомъ Буевскимъ былъ употребленъ не только прежній пріемъ сравненія очертанія буквъ, но и новый пріемъ изслѣдованія «привычекъ» письма. Поэтому экспертиза эта представляется произведенною съ достаточною полнотою. Рядомъ съ нею идетъ экспертиза «стиля», т. е. языка доноса. Если-бъ эти экспертизы расходились или противорѣчили одна другой, ихъ бы слѣдовало исключить изъ числа соображеній, но онѣ сходятся въ выводахъ. Вы столь внимательно вникали въ производство ихъ, сами тщательно разсматривая, читая и сличая доносъ, что, конечно, придете, въ оцѣнкѣ экспертизъ этихъ, къ правильному выводу. Напомню только, что эксперты второго рода признали, что доносъ написанъ человѣкомъ, владѣющимъ французскимъ языкомъ, но съ такими грубыми ошибками, которыхъ не нарочно не можетъ сдѣлать знающій языкъ и не дѣлаютъ обыкновенно учащіеся языку. Могъ ли русскій лакей Василій, прислуживавшій на гимназической пирушкѣ, написать такое письмо—разрѣшите вы сами.

Переходя къ обсужденію «значенія» этого доноса, приходится встрѣтиться съ двумя крайними мнѣніями. Защита, не допуская вообще возможности написанія этого доноса, высказываетъ предположеніе, что если-бъ онъ и былъ написанъ подсудимою, то не иначе, какъ въ видѣ шутки, необдуманной и глупой, но все-таки шутки. Обвиненіе видитъ въ доносѣ проявленіе глубокой и долго сдерживаемой ненависти противъ Познанскаго и всей его среды. Это крикъ неразборчиваго и ослѣпленнаго мщенія, желающаго гибели отнимаемому и отнимающимъ. Вы припомните обстановку подсудимой и то, что она всего болѣе была близка съ семействомъ, гдѣ она не могла не слышать неоднократно о томъ, какіе тяжелые результаты могутъ имѣть обвиненія въ родѣ тѣхъ, которыя взводятся въ доносѣ на Познанскаго и товарищей его, гдѣ она не могла не понять, какимъ, въ тревожныя времена, опаснымъ оружіемъ является доносъ съ обвиненіемъ «въ дистиллированіи ядовъ для цѣлей образовавшагося заговора». Вы опредѣлите та-

кимъ образомъ, могла ли здѣсь быть только шутка и для чего было такъ странно шутить. Если окажется, что это мало похоже на шутку, то придется обратиться къ предположенію обвиненія о томъ, что желаніе погубить Николая Познанскаго было довольно несомнѣннымъ. Но, обсуждая обвиненіе съ этой стороны, слѣдуетъ, однако, разрѣшить вопросъ: было ли это исключительное желаніе гибели этого юноши, суда надъ нимъ, строгой кары, которая отразилась бы на всей его жизни; не былъ ли доносъ вызванъ желаніемъ вернуть къ себѣ охладѣвающаго юношу, котораго отвлекаетъ кружокъ молодыхъ людей и дѣвушекъ—и для этого разогнать, распугать этотъ кружокъ производствомъ о нихъ какого-то «дѣла», которое, безъ сомнѣнія, кончилось бы пустяками, ибо не имѣло бы фактическяхъ основаній, но которое заставило бы испуганныхъ родителей принять мѣры, чтобы дѣти побольше сидѣли дома, съ книгами и друзьями, въ родѣ Маргариты Жюжанъ, и поменьше бывали въ навлекающемъ подозрѣніе кружкѣ. Вы оцѣните каждое изъ этихъ трехъ возможныхъ объясненій доноса и остановитесь на томъ, которое ближе другихъ къ жизни и характеру подсудимой.

Второе звѣно — «причиненіе вреда», должно заставить васъ тщательно обсудить рядъ предположеній, высказанныхъ на слѣдствіи и вытекающихъ изъ дѣла. Но прежде всего, два слова о предположеніи самой подсудимой, помѣщенномъ въ обвинительномъ актѣ, и о которомъ говорилъ здѣсь полковникъ Познанскій. Хотя о немъ въ преніяхъ не упоминалось и самая чудовищность такого обвиненія противъ родителей, повидимому, остановила и Жюжанъ отъ повторенія его на судѣ, но я все-таки считаю нужнымъ напомнить вамъ отношенія семьи къ покойному, воспоминанія о которыхъ должны изгладить самый слѣдъ такого подозрѣнія. Вы найдете, можетъ быть, что въ семьѣ этой, къ сожалѣнію, невмѣшательство въ поведеніе сына основывалось не на разумной свободѣ дѣйствій, а на смутной неопредѣленности отношеній и что между распущенностью перезрѣлаго организма съ одной стороны и не окрѣпшимъ духовно и физически организмомъ сына—съ другой, родительская власть не становилась, какъ преграда, не только законная, но, въ данномъ случаѣ, даже обязательная. Но вы найдете также, безъ сомнѣнія, въ показаніяхъ родителей, данныхъ предъ вами, такую горячую любовь къ сыну и такую глубокую скорбь о его безвременной кончинѣ, что вы рѣшительно отвергнете всякую, даже отдаленную, возможность мрачнаго предположенія Маргариты Жюжанъ. Оно не болѣе, какъ змѣйка, которая скользнула по дѣлу, никого не успѣвъ ужалить. Затѣмъ, вы придете къ ряду предположеній, заслуживающихъ вниманія и разбора. При этомъ вы не забудете, конечно, что ядъ, который найденъ въ тѣлѣ покойнаго, найденъ послѣ весьма сложныхъ из-

слѣдованій со стороны спеціалистовъ, и въ лекарствѣ, которое принималъ покойный. Іодистый калій, который находится здѣсь предъ вами въ стклянкѣ, содержитъ въ себѣ, вопреки сигнатуркѣ аптеки, морфій въ такомъ количествѣ, что столовая ложка раствора заключаетъ въ себѣ около трехъ грановъ морфія. Это обстоятельство надо имѣть въ виду при всѣхъ соображеніяхъ, и въ какія бы предположенія о причинахъ смерти мы не вдавались—лекарство съ морфіемъ должно служить компасомъ, не допускающимъ слишкомъ уклоняться въ сторону произвольныхъ выводовъ. Первое предположеніе—*случай*. Возможно ли отправленіе случайное? Морфій, какъ показали свидѣтели, былъ обыкновеннымъ лекарствомъ полковника Познанскаго. Онъ не очень охранялся. Онъ составлялъ домашнее снадобье, находившееся всегда подъ рукою. Въ дѣлѣ нѣтъ непреложныхъ указаній, чтобъ онъ не могъ попасть въ комнату или въ руки Николая Познанскаго. Іодистый калій принимался съ прибавленіемъ яблочно-кислаго желѣза. Отъ прибавленія морфія вкусъ, по мнѣнію экспертовъ, значительно измѣниться не могъ. Николай Познанскій былъ боленъ краснухою, которая вызываетъ слабость глазъ, онъ носилъ консервы и могъ смѣшать желѣзо съ морфіемъ. Обсуждая это предположеніе, вы не забудете, однако, что морфій былъ въ порошкѣ, который приходилось бы «всыпать» въ стклянку или въ ложку, а яблочнокислое желѣзо было прописано въ капляхъ, которыя приходилось бы «вливать»; что покойный вообще не принималъ лекарства ночью и что онъ былъ до крайности, какъ видно изъ нѣсколькихъ эпизодовъ, остороженъ относительно здоровья и употребленія лекарствъ.

Второе предположеніе — *ошибка аптеки*, о которой прежде всего стала думать и говорить г-жа Познанская, найдя въ комнатѣ сына стклянку съ бѣлыми потоками, а на губахъ сына смытый ею осадокъ бѣлаго порошка. Ошибки аптекъ и неосторожныя, вслѣдствіе этого, отравленія, возможны и, какъ показываетъ судебная практика, хотя не часты, къ счастію, но все же иногда бываютъ. Николай Познанскій принялъ съ 16-го апрѣля не менѣе 4-хъ ложекъ—и слѣдовъ отравленія не было. Вы не забудете, что растворъ kali iodatum, въ моментъ смерти Николая Познанскаго, содержалъ на каждую ложку такое количество морфія, котораго достаточно, чтобъ отравить взрослаго человѣка.

Третье предположеніе — *самоубійство*. Въ послѣдніе годы, гг. присяжные засѣдатели, наше общество страдаетъ тяжелымъ нравственнымъ недугомъ. Развитіе его не можетъ не озабочивать всякаго мыслящаго человѣка. Недугъ этотъ—самоубійство. Извѣстіями о лишившихъ себя жизни полны вседневныя извѣстія газетъ. Быть можетъ, недугъ этотъ врывался и въ среду близкихъ или знакомыхъ вамъ людей. Въ этомъ явленіи есть одна осо-

бенно тяжелая сторона. Лишаютъ себя жизни не только люди утомленные, пресыщенные или измученные жизнью, — самоубійство простерло свое черное крыло и надъ юностью, и надъ дѣтствомъ, когда ни о пресыщеніи, ни объ утомленіи не можетъ быть и рѣчи. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать причины этого явленія, но нельзя не замѣтить, что иногда, при разсмотрѣніи обстоятельствъ жизни нѣкоторыхъ юныхъ самоубійцъ, оказывается, что они вступили въ жизнь, предъявляя къ ней большія и нетерпѣливыя требованія, богатые сырымъ матеріаломъ знаній и бѣдные душевною жизнію, равнодушные къ вѣчнымъ вопросамъ вѣры и преждевременно разочарованные. Жизнь никому не даетъ пощады, и когда она наноситъ свои первые удары такимъ людямъ, предъ ними сразу меркнетъ всякая надежда, смущенная душа ни въ чемъ не находитъ опоры, да и не умѣетъ ее искать, и они въ безсильномъ отчаяніи опускаютъ руки, а затѣмъ — поднимаютъ ихъ на себя.

Вглядитесь въ личность Николая Познанскаго и обдумайте, принадлежитъ ли онъ, по свойствамъ своимъ и воспитанію, къ такимъ людямъ, были ли у него причины тяготиться едва начинавшеюся жизнью и поводы къ разлукѣ съ нею? Вы слышали, что въ дневникѣ своемъ онъ выражаетъ недовольство собою, съ холоднымъ пòтомъ вспоминаетъ послѣдствія волненія, въ которое была приведена его кровь съ 14-ти-лѣтняго возраста; боится разочарованія и неизбѣжнаго, по его мнѣнію, одиночества въ жизни, и съ горемъ сознаетъ, что потерялъ вѣру въ Бога, которую ему ничто уже возвратить не можетъ. Въ этомъ же дневникѣ онъ огорчается на нравящуюся ему дѣвушку и предвидитъ, что ему или его сопернику рано или поздно придется переселиться въ лучшій міръ... Если эти мѣста дневника возбудятъ въ васъ предположеніе о самоубійствѣ, то вамъ придется тщательно обсудить вопросы, зачѣмъ онъ отравился посредствомъ лекарства, а не прямо? зачѣмъ морфіемъ, а не ядомъ изъ сильнѣйшихъ и быстрѣйшихъ ядовъ — ціанистымъ каліемъ, который былъ у него въ лабораторіи въ большомъ количествѣ? Почему, по примѣру большинства образованныхъ самоубійцъ, лишающихъ себя жизни не въ припадкѣ безумія, не оставилъ онъ предсмертной записки, нѣсколькихъ словъ о томъ, что въ его смерти никто невиновенъ, чтобы имѣть возможность уничтожить подозрѣніе на невинныхъ? Вы сопоставите также это предположеніе съ указанной многими свидѣтелями любовью его къ жизни и страхомъ смерти, о которой онъ не любилъ даже говорить или слышать, а при оцѣнкѣ степени его огорченія на г-жу Плющинскую, припомните тѣ два письма, которыя были прочитаны вчера. Эти письма явились, какъ двѣ свѣтлыя точки, какъ два чистыхъ звука среди массы непріятныхъ и нечистыхъ подробностей вчерашняго засѣданія.

Они дѣлаютъ честь людямъ, ихъ писавшимъ, и отнюдь не содержатъ въ себѣ указанія на огорченіе, могущее довести до самоубійства. Наконецъ, надлежитъ припомнить дневникъ во всемъ объемѣ, прочитанномъ на судѣ. Рядомъ съ недовольствомъ собою, съ горькими открытіями объ «отношеніяхъ къ женщинамъ и къ родителямъ», Николай Познанскій выражаетъ въ немъ заботу о здоровьѣ, стремленіе воздерживаться отъ пылкости, жажду дѣятельности и славы, желаніе облегчить родителей своимъ трудомъ, надежду на успѣхъ въ музыкѣ и медицинѣ. «Я свой собственный кумиръ, говоритъ онъ, я люблю себя какъ нѣжная мать свое дитя». «Работы! работы!» восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Вообще я долженъ сказать вамъ, что дневникъ всегда является доказательствомъ, къ которому надо относиться очень осторожно. Кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда дневникъ бываетъ результатомъ спокойныхъ наблюденій надъ жизнью со стороны взрослаго и много пережившаго человѣка,—онъ пишется въ юности, которой свойственно увлеченіе и невольное преувеличеніе своихъ ощущеній и впечатлѣній. Предчувствіе житейской борьбы и броженіе новыхъ чувствъ налагаютъ нѣкоторый оттѣнокъ тихой грусти на размышленія, передаваемыя бумагѣ, и человѣкъ правдивый въ передачѣ фактовъ и событій, обманываетъ самъ себя въ передачѣ своихъ чувствъ и мнѣній. Притомъ—и всякій, кто велъ дневникъ, вѣроятно, не станетъ отрицать этого—юноша обыкновенно, почти безсознательно отдается представленію о какомъ-то отдаленномъ будущемъ читателѣ, къ которому попадетъ когда нибудь въ руки дневникъ и который скажетъ: «какой былъ хорошій человѣкъ тотъ, кто писалъ этотъ дневникъ, какія благородныя мысли и побужденія были у него»—или «какъ бичевалъ онъ себя за свои недостатки, какое честное недовольство на себя умѣлъ онъ питать». Поэтому дневникъ можетъ служить скрѣпою и дополненіемъ между другими уликами, но, какъ къ самостоятельному доказательству, къ нему надо относиться весьма осмотрительно.

Четвертое предположеніе — *отравленіе постороннею рукою.* Здѣсь вы встрѣтитесь неизбѣжно съ обвиненіемъ, взводимымъ на Жюжанъ. Вы обсудите его со всѣмъ вниманіемъ, призвавъ на помощь вашу совѣсть, разумъ и житейскій опытъ. Вы выведете рѣшеніе, которое вамъ подскажетъ первая, и которое не должно противорѣчить ни второму, ни третьему. Я только напомню вамъ, что Жюжанъ, предъ уходомъ, около часу ночи, давала лекарство Познанскому,—что въ 7-мъ часу, Лидія Шульцъ слышала у него въ комнатѣ стукъ, похожій на чирканье спичкой и ударъ твердымъ тѣломъ,—что въ 9 часовъ онъ былъ найденъ еще теплымъ, въ необычномъ положеніи на своей постели,—что, по мнѣнію экспертовъ, при отравленіи морфіемъ, до наступленія спячки, возможны конвульсивныя движенія и что срокъ

смерти зависитъ отъ особенностей организма и состоянія желудка,—что покойный не ужиналъ и принялъ слабительное, и что, наконецъ, по словамъ свидѣтелей, Жюжанъ выражала особое опасеніе за его здоровье, когда другіе такой опасности не замѣчали. Въ этихъ данныхъ и въ тѣхъ подробностяхъ, которыя вы припомните изъ дѣла, вы будете черпать основы для сужденія о томъ: была ли смерть Познанскаго дѣломъ рукъ Жюжанъ, и есть ли это самое сильное и прочное изъ всѣхъ предположеній, которыя можно сдѣлать въ этомъ дѣлѣ...

Порядокъ совѣщаній вашихъ вамъ извѣстенъ: рѣшеніе постановляется по большинству, при равенствѣ голосовъ рѣшеніе основывается на голосахъ, благопріятныхъ подсудимой. Сомнѣніе, строго продуманное и оставшееся такимъ послѣ тщательнаго разбора, толкуется въ пользу обвиняемаго. При признаніи виновности, во всякомъ случаѣ вы можете дать снисхожденіе. Законъ требуетъ, чтобы оно было основано на «обстоятельствахъ дѣла». Но изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, конечно, самое главное — самъ подсудимый. Поэтому, если въ его жизни, въ его личности, даже въ слабостяхъ его характера, вытекающихъ изъ его темперамента и его физической природы, вы найдете основаніе для снисхожденія,—вы можете къ строгому голосу осужденія присоединить слово христіанскаго милосердія. Вашему разрѣшенію подлежитъ трудное дѣло. Желаю вамъ выдти изъ него съ величайшею принадлежностью судьи — спокойною совѣстью предъ обществомъ, которое вы должны ограждать и отъ осужденія невиновныхъ, и отъ безнаказанности виновныхъ.

III.

По дѣлу Гулакъ-Артемовской и Богданова, обвиняемыхъ въ подлогѣ векселей.

1-го декабря 1877 года скончался въ Петербургѣ потомственный почетный гражданинъ Николай Пастуховъ. 31-го декабря къ судебному слѣдователю прибылъ братъ покойнаго, Дмитрій Пастуховъ, и заявилъ, что въ этотъ день къ нему являлся присяжный повѣренный князь Кейкуатовъ, который объяснилъ, что имѣетъ три векселя, данные ему для взысканія г-жею Гулакъ-Артемовскою и выданные покойнымъ Николаемъ Пастуховымъ, всего на сумму приблизительно около 58.000 рублей, причемъ предъявилъ одинъ вексель въ 18.000 рублей, по разсмотрѣніи котораго Дмитрій Пастуховъ объявилъ его подложнымъ, хотя ему и неизвѣстно лицо, совершившее подлогъ. Всѣ три векселя, отобранные къ дѣлу судебною властью, оказались писанными отъ имени Николая Пастухова на имя вдовы титулярнаго совѣтника Людмилы Михайловны Гулакъ-Артемовской; первый отъ 14-го августа 1876 года, срокомъ на 12 мѣсяцевъ, на сумму 18.000 руб., второй и третій отъ 7-го августа того же года, срокомъ на 18 мѣсяцевъ, каждый на сумму 20,000 руб. Первый изъ векселей, несмотря на истеченіе срока, оказался не протестованнымъ. Присяжный повѣренный князь Кейкуатовъ показалъ, что онъ состоялъ повѣреннымъ г-жи Гулакъ-Артемовской и имѣлъ отъ нея общую довѣренность на веденіе всѣхъ ея судебныхъ дѣлъ. 29-го декабря 1877 г. Артемовская передала ему три векселя на сумму 58.000 руб. и просила его съѣздить къ Дмитрію Пастухову, чтобы предъявить ему эти векселя, получить платежъ по одному изъ нихъ и условиться относительно уплаты и по другимъ двумъ векселямъ. Дмитрій Пастуховъ, обозрѣвъ векселя, нашелъ ихъ сомнительными, потому что братъ его векселями не обязывался и что самыя подписи на векселяхъ не имѣютъ сходства съ подписями его покойнаго брата. Князь Кейкуатовъ передалъ г-жѣ Гулакъ-Артемовской буквально разговоръ свой съ Пастуховымъ. На это она сказала: «какіе пустяки! кто же поддѣлывалъ подпись, когда онъ передалъ мнѣ векселя изъ рукъ въ руки», и, прибавивъ, что это не болѣе какъ одно желаніе затянуть платежи, выразила увѣренность, что Пастуховы заплатятъ деньги послѣ вторичнаго обозрѣнія векселей. По сличеніи подписи Николая Пастухова на трехъ векселяхъ съ представленными къ дѣлу, нотаріальнымъ порядкомъ засвидѣтельствованными подписями Пастухова на довѣренности и контрактѣ, а равно и на четырехъ

векселяхъ, выданныхъ покойнымъ Пастуховымъ петербургскому Обществу взаимнаго кредита, производившіе сличеніе эксперты признали: 1) что подписи на векселяхъ отъ имени Пастухова на имя Гулакъ-Артемовской рѣшительно никакого сходства съ другими несомнѣнными подписями Пастухова не имѣютъ, до такой степени, что лицо, подписавшее отъ имени Пастухова векселя на имя г-жи Гулакъ-Артемовской, вѣроятно и даже навѣрно не имѣло въ рукахъ своихъ образца подписи Пастухова, такъ какъ не замѣтно ни малѣйшаго старанія поддѣлаться подъ почеркъ Пастухова; 2) что всѣ подписи на векселяхъ отъ имени Пастухова на имя Гулакъ-Артемовской сдѣланы одною и тою же рукою; 3) что текстъ векселя отъ 14-го августа писанъ одною рукою, а текстъ двухъ векселей отъ 7-го августа писанъ другою рукою; 4) что и текстъ всѣхъ трехъ векселей не имѣетъ рѣшительно никакого сходства съ почеркомъ руки Николая Пастухова. Изъ показаній, данныхъ при слѣдствіи братьями умершаго Пастухова, Иваномъ и Дмитріемъ, оказалось, что братъ ихъ познакомился съ Гулакъ-Артемовскою у бывшаго профессора варшавскаго университета Полевого, съ которымъ покойный былъ очень друженъ. Однажды Николай Пастуховъ проводилъ Артемовскую отъ Полевого до ея квартиры, вслѣдствіе чего счелъ себя обязаннымъ сдѣлать ей визитъ, а затѣмъ сталъ бывать у нея. Изъ разговоровъ съ покойнымъ братья могли убѣдиться, что Артемовская ему нравится и что онъ часто играетъ у нея въ вистъ. Однажды, въ началѣ 1876 года, г-жа Артемовская была вечеромъ у Николая Пастухова, причемъ находился и Иванъ Пастуховъ. Попросивъ показать ей кассу, въ которой, между прочимъ, лежалъ мѣшечекъ съ золотомъ на сумму около 500 р., г-жа Артемовская попросила Николая Пастухова дать ей этотъ мѣшечекъ, что̀ тотъ и исполнилъ. Полагая сначала, что г-жа Артемовская взяла деньги для шутки, Иванъ Пастуховъ, узнавъ потомъ отъ брата, что деньги Артемовская оставила себѣ, выразилъ брату свое удивленіе и порицаніе этого поступка. Хотя Николай Пастуховъ вообще былъ очень скрытенъ, недовѣрчивъ и мало разсказывалъ про свои отношенія къ Гулакъ-Артемовской, тѣмъ не менѣе, Иванъ Пастуховъ сталъ замѣчать въ братѣ какую-то особенную задумчивость и даже озабоченность, почему въ маѣ 1876 года, въ Москвѣ, спросилъ его о причинѣ этой перемѣны и Николай Пастуховъ признался ему, что онъ проигралъ г-жѣ Гулакъ-Артемовской въ карты «въ дурачки» около 170.000 р., изъ которыхъ въ то время, по его словамъ, онъ уже уплатилъ ей 100.000 р. и высказалъ, что по уплатѣ остальныхъ 70.000 р. онъ порветъ съ Артемовскою знакомство; при этомъ братъ объяснилъ ему, что, несмотря на то, что Артемовская просила дать ей векселя или росписки, онъ ей не только не выдалъ этихъ долговыхъ обязательствъ, но даже чека ей не давалъ, боясь себя компрометировать, а уплачивалъ ей долгъ свой наличными деньгами. Въ октябрѣ или ноябрѣ 1876 года Николай Пастуховъ говорилъ Ивану Пастухову, что онъ окончательно разсчитался съ Гулакъ-Артемовскою, но что она постоянно преслѣдуетъ его просьбами навѣщать ее. По словамъ какъ Ивана, такъ и Дмитрія Пастуховыхъ, наслѣдниками брата остались они, всѣ дѣла брата оказались въ большомъ порядкѣ, долговъ не было и нигдѣ ни въ какихъ книгахъ о векселяхъ, выданныхъ ихъ братомъ Гулакъ-Артемовской, не значится. Въ числѣ оставшагося послѣ ихъ брата наслѣдства они получили и домъ на углу Невскаго проспекта и Большой Морской улицы, купленный Николаемъ Пастуховымъ отъ братьевъ Котоминыхъ и стоющій около 800.000 р. Между тѣмъ, изъ оставшейся послѣ брата приходо-расходной книги его, веденной имъ собственноручно, оказывается, что хотя въ ней Николай Пастуховъ постоянно отмѣчалъ, кому имъ выданы извѣстныя суммы, тѣмъ не менѣе, въ цифрѣ расходовъ значатся нѣкоторыя суммы безъ обозначенія, кому таковыя выданы. Такъ, за 1875 годъ записано: 14-го апрѣля 2.500 р.; 21-го апрѣля 25.000 р.; 15-го мая 40.000 р.; за 1876 годъ: 1-го мая «отдано въ

счетъ долга 27.100 р.» и «додано деньгами 2.900 р.»; 12-го августа «поступило въ уплату долга 69.977 р. 82 к.» (итогъ 167.477 р. 82 к.). Кромѣ того, изъ разсчетной книжки по текущему счету, открытому Николаю Пастухову въ волжско-камскомъ банкѣ, можно, по мнѣнію Ивана Пастухова, усмотрѣть, что 10-го августа 1876 года Николаемъ Пастуховымъ было внесено въ банкъ на текущій счетъ 70.000 р., и наконецъ, въ то время, къ которому относятся выданные, будто бы, Николаемъ Пастуховымъ на имя Гулакъ-Артемовской векселя, у Николая Александровича, кромѣ денегъ, имѣлись заложенныя и незаложенныя процентныя бумаги, причемъ стоимость находившихся на лицо бумагъ и разница между выданными подъ заложенныя бумаги ссудами и биржевою стоимостью самыхъ заложенныхъ бумагъ составляла въ августѣ 1876 года 52.000 р. Оставшееся послѣ Николая Пастухова состояніе Иванъ Пастуховъ опредѣлилъ всего на сумму свыше милліона рублей. Въ началѣ 1877 года Николай Пастуховъ заболѣлъ и во время его болѣзни, длившейся около года, Иванъ Пастуховъ не слышалъ, чтобы братъ его видѣлся съ Артемовскою. Весною 1877 года, во время поѣздки Николая Пастухова на югъ, къ Ивану Пастухову пріѣзжала г-жа Артемовская съ какою-то своею знакомою, разспрашивала о здоровьѣ брата Николая и приглашала Ивана къ себѣ; тогда только присутствіе посторонняго лица лишило Ивана возможности сказать г-жѣ Артемовской о нежеланіи его быть у нея и высказать ей свое мнѣніе о ней. Послѣ того г-жа Артемовская была у жены Ивана Пастухова и также разспрашивала о здоровьѣ Николая Пастухова, а затѣмъ уже Иванъ видѣлъ г-жу Артемовскую на панихидѣ по братѣ Николаѣ и на похоронахъ его. Спустя нѣкоторое время послѣ похоронъ, Артемовская опять была у Ивана Пастухова и оставила ему записку, въ которой просила побывать у нея. Онъ послалъ къ ней своего бухгалтера Кузнецова, съ которымъ она не изъявила желанія говорить, но въ концѣ концовъ все-таки объявила, что имѣетъ какую-то претензію, на что однако же Пастуховъ не обратилъ никакого вниманія. По объясненію же другого брата покойнаго, Дмитрія Пастухова, который въ Петербургѣ бываетъ лишь временно, проживая большею частью по торговымъ дѣламъ на югѣ, г-жа Гулакъ-Артемовская, которую онъ до декабря 1877 года видѣлъ всего два раза, пріѣхала къ нему въ декабрѣ въ гостинницу «Grand-Hôtel» и заявила, что покойный Николай долженъ ей 58.000 руб. по векселямъ, которыхъ она съ собою не привезла и просила его заѣхать къ ней на другой день. Онъ, Дмитрій Пастуховъ, поѣхалъ къ г-жѣ Гулакъ-Артемовской съ Полевымъ, но въ виду того, что онъ пріѣхалъ не одинъ, Артемовская не показала ему векселей, а увидѣлъ ихъ Дмитрій Пастуховъ лишь 31-го декабря, когда они были предъявлены ему присяжнымъ повѣреннымъ княземъ Кейкуатовымъ. По первому взгляду онъ призналъ векселя подложными, такъ какъ въ подписяхъ не было никакого сходства съ рукою Николая Пастухова. Такое крайнее несходство почерковъ Дмитрій Пастуховъ объясняетъ тѣмъ, что покойный братъ его не велъ никакой переписки съ г-жею Гулакъ-Артемовскою, которая такимъ образомъ и не имѣла возможности поддѣлать почеркъ Николая Пастухова. Во время производства слѣдствія по этому дѣлу, Иванъ Пастуховъ представилъ еще судебному слѣдователю найденный имъ въ бумагахъ покойнаго брата своего, писанный его рукою, карандашомъ, черновой счетъ расходамъ, съ отмѣтками противъ цифръ нѣкоторыхъ изъ выданныхъ суммъ буквъ: «*пр. к.*». Изложенныя выше обстоятельства подтверждены при слѣдствіи какъ показаніемъ бухгалтера Кузнецова, такъ и представленными къ дѣлу вещественными доказательствами и документами. Такъ, напримѣръ, черновой счетъ прихода и расхода, представленный Иваномъ Пастуховымъ, признанъ экспертами веденнымъ также несомнѣнно рукою покойнаго Николая Пастухова. На стр. 3-й этой черновой записи, въ графѣ расходовъ между прочимъ значится: 1) апрѣля 8-го «*пр. к.*» и въ графѣ цифръ «*800*»; 2) апрѣля

14-го «*пр. к.*» и въ графѣ цифръ «*2.500*»; 3) апрѣля 21-го «*тоже*» и въ графѣ цифръ *25.000,* и 4) мая 15-го «*пр. к.*» и въ графѣ цифръ «*40.000*». При сравненіи этихъ записей съ записями о выдачахъ, значащихся въ приходо-расходной книгѣ Николая Пастухова, цифры выданныхъ суммъ съ отмѣтками «*пр. к.*» и числа, въ которыя онѣ значатся выданными, вполнѣ совпадаютъ какъ съ цифрами суммъ, такъ и съ числами ихъ выдачи, записанными въ приходо-расходной книгѣ, веденной собственноручно Николаемъ Пастуховымъ Вмѣстѣ съ тѣмъ осмотромъ главной книги братьевъ Пастуховыхъ удостовѣрено, что къ 31-му декабря 1876 года покойный Николай Александровъ Пастуховъ имѣлъ капиталъ въ 762.499 руб. 51 коп., а изъ разсчетной книжки, выданной ему изъ волжско-камскаго банка, усматривается, что 10-го августа имъ было внесено въ этотъ банкъ на текущій счетъ *70.000 р.*; изъ показаній же братьевъ Котоминыхъ видно, что въ апрѣлѣ 1875 года они продали Николаю Пастухову свой домъ, находящійся ка углу Невскаго проспекта и Большой-Морской улицы, за *760.000 р.*

Магистръ Петръ Полевой показалъ, что его знакомство съ покойнымъ Пастуховымъ началось съ лѣта 1869 года и продолжалось до самой его смерти 1-го декабря 1877 года. По словамъ Полевого, Николай Пастуховъ былъ человѣкомъ добрѣйшей души, чрезвычайно легкаго и податливаго характера, застѣнчивый и скромный до-нельзя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, лицамъ, знавшимъ его ближе, было извѣстно, что онъ до болѣзненности самолюбивъ и что это самолюбіе часто побуждало его дѣлать самые сумасбродные шаги и поступать, что̀ называется, «*въ свою голову*». Въ подобныхъ случаяхъ Николай Пастуховъ, сознавъ сдѣланную имъ глупость, старался всѣми силами скрыть совершившійся фактъ и этимъ не только самъ себя мучилъ, но часто ставилъ самъ себѣ преграды къ выходу изъ неловкаго положенія. Съ г-жею Гулакъ-Артемовскою Полевой познакомился осенью 1875 года чрезъ присматривавшую за его дѣтьми и живущую у него въ домѣ г-жу Спаксареву, подругу по воспитанію въ Смольномъ монастырѣ г-жи Артемовской. Знакомство это состоялось въ декабрѣ 1875 года и продолжалось до марта или апрѣля 1876 года. На первыхъ же порахъ знакомства и въ особенности послѣ того, какъ 3-го февраля 1876 года г-жа Артемовская повстрѣчалась у Полевого съ братьями Иваномъ и Николаемъ Пастуховыми, для Полевого стало ясно, что г-жа Артемовская желаетъ непремѣнно познакомиться съ Николаемъ Пастуховымъ. Въ виду того, что первые же его, Полевого, визиты къ г-жѣ Артемовской произвели на него далеко не пріятное впечатлѣніе, такъ какъ она въ своей домашней обстановкѣ являлась чѣмъ-то чрезвычайно загадочнымъ, онъ и рѣшился отклонить всякія способствованія къ сближенію Николая Пастухова съ г-жею Артемовской. Онъ даже прямо ей высказалъ это однажды за ужиномъ. Замѣтивъ такое явное съ его стороны нежеланіе вводить Николая Пастухова въ ея домъ, Артемовская прибѣгла къ другому способу; пріѣхавъ однажды вечеромъ къ Полевому, когда у него сидѣлъ Николай Пастуховъ, и проболтавъ съ нимъ весь вечеръ, Артемовская предложила Пастухову подвезти его до дому на своихъ лошадяхъ. Придя чрезъ нѣсколько дней къ Артемовской, Полевой очень удивился, встрѣтивъ уже у нея Николая Пастухова, который сообщилъ ему, что Людмила Михайловна просила его бывать у нея. Послѣ этого Полевой продолжалъ бывать у Артемовской, у которой общество бывало исключительно мужское. Это-то общество, крайне неопредѣленнаго характера, навело его, Полевого, на размышленія и заключенія, невыгодныя для г-жи Артемовской. Каждый вечеръ регулярно, по признанію г-жи Артемовской, она занималась игрою въ карты, проигрывала и выигрывала по *600 — 800 руб.* и говорила, «что чрезвычайно любитъ игру и играетъ счастливо». Полевому чрезвычайно было непріятно видѣть въ этомъ кружкѣ Николая Пастухова, такъ какъ Пастуховъ вообще мало игралъ и то лишь въ самомъ близкомъ кружкѣ. Кромѣ

того, Пастуховъ очевидно увлекался своею новою знакомою, сближался съ нею, къ чему способствовало отличное знаніе Артемовскою музыки, страстно любимой Пастуховымъ, который самъ весьма недурно игралъ на фортепьяно. Однажды Полевой на вечерѣ у Артемовской былъ привлеченъ къ игрѣ въ карты «въ дурачки», причемъ очень быстро проигралъ *150* руб. и остановился. Когда на другой день онъ привезъ Артемовской недоплаченные наканунѣ деньги, то Артемовская не хотѣла было брать ихъ съ него, замѣтивъ: «отыграетесь». Но онъ отвѣтилъ: «нѣтъ, Людмила Михайловна, играй, да не отыгрывайся», — и съ тѣхъ поръ къ ней ни ногой. Между тѣмъ Николай Пастуховъ продолжалъ ѣздить къ Артемовской, и когда Полевой разспрашивалъ его о ней, то Пастуховъ уклонялся отъ прямого отвѣта, хотя было замѣтно, что сильное увлеченіе его продолжалось. Когда однажды, уже долгое время спустя, Полевой спросилъ Пастухова: «ужъ вы, чего добраго, не играете ли въ дурачки?» — Пастуховъ отвѣтилъ, что ни во что не играетъ, а потомъ сознался таки, что онъ проигралъ будто бы въ дурачки 1.500 руб. О происходившемъ далѣе между Пастуховымъ и Артемовскою — первый говорить видимо избѣгалъ, хотя Полевой очень прямо и круто высказалъ при немъ свое мнѣніе о ней, какъ объ искательницѣ приключеній. Въ срединѣ зимы 1875—1876 года Полевой сталъ замѣчать, что Пастуховъ все болѣе и болѣе избѣгаетъ общества. Онъ жилъ долго въ Москвѣ, гдѣ Полевой съ нимъ видѣлся, и былъ до такой степени пораженъ характеромъ его хандры, что счелъ долгомъ обратить на нее вниманіе старшаго его брата Ивана; но гораздо болѣе еще поразилъ его, Полевого, тотъ фактъ, что во время пребыванія Пастухова въ Москвѣ, Артемовская будто бы съ тревогою справлялась о его здоровьѣ, говорила, что онъ ей долженъ, что она отдала ему въ какое-то дѣло значительную часть своего состоянія, и т. д. Услышавъ объ этомъ, Полевой, зная непоколебимую строгую честность Пастухова, зная, что онъ въ деньгахъ нуждаться не могъ, прямо заявилъ и притомъ такъ, чтобы это дошло до Артемовской, что это *ложь и небылица*. Затѣмъ, по пріѣздѣ Пастухова изъ Москвы, Полевой сообщилъ ему о вышеупомянутыхъ слухахъ и спросилъ, что это значитъ? Пастуховъ отвѣчалъ: «никогда и никакихъ денегъ у Людмилы Михайловны не бралъ, да и вообще не занимаю денегъ у частныхъ лицъ, а еслибы бралъ, то далъ бы конечно росписку, но я этого какъ огня боюсь». По словамъ Полевого, это увѣреніе Пастухова было даже излишнее, ибо Полевой хорошо зналъ, что даже подъ чекомъ, даже подъ простою запискою Пастуховъ ставитъ свою подпись десять разъ подумавши, десять разъ отложивши дѣло въ сторону и потомъ тщательно отдѣлываетъ и вырисовываетъ каждую букву. Между тѣмъ, хандра Пастухова продолжалась и мало-по-малу стала переходить въ болѣзнь, которую долго принимали за проявленіе простой мнительности и которая закончилась психическимъ разстройствомъ и смертью. Въ это время Полевой объ Артемовской ничего не слышалъ, а если и видѣлъ ее, то лишь мелькомъ, на минуту. Между тѣмъ, онъ зналъ, что она продолжаетъ бывать у Снаксаревой, и хотя ему это было непріятно, но воспрепятствовать этому онъ не находилъ возможности. Слышалъ онъ также, что Артемовская покушалась видѣться съ Пастуховымъ во время его болѣзни, но не была допущена. Слышалъ, что во время отсутствія Пастухова на югъ (въ маѣ 1877 г.), она являлась къ Ивану Пастухову переговорить о какихъ-то своихъ дѣлахъ съ его братомъ и просила его пріѣхать къ ней. Недѣли за три до смерти Николая Пастухова, т. е. въ началѣ ноября 1877 г., къ крайнему удивленію Полевого, къ нему пріѣхала Артемовская и обратилась къ нему съ чрезвычайно странною просьбою—принять на себя режиссерство въ домашнемъ спектаклѣ ,который она устраиваетъ. Онъ выпучилъ глаза—его поразила наглость этой просьбы, обставленной комплиментами и любезностями, и онъ отвѣчалъ очень круто, посмѣялся надъ предложеніемъ и сказалъ, что не имѣетъ вре-

мени заниматься пустяками. Затѣмъ, уже послѣ смерти Николая Пастухова, 28-го декабря, онъ совершенно случайно зашелъ къ Дмитрію Пастухову въ гостинницу «Grand Hôtel» и на лѣстницѣ повстрѣчался съ Артемовскою. Заинтересовавшись этимъ, Полевой, придя къ Дмитрію Пастухову, предупредилъ его, что онъ отъ визита Людмилы Михайловны ничего хорошаго не ожидаетъ, что съ нею надо быть крайне осторожнымъ и что она уже и прежде распускала слухи о какихъ-то долгахъ покойнаго Николая Пастухова. Во время этого разговора явилась Артемовская и ни за что не захотѣла говорить съ хозяиномъ при Полевомъ, тогда какъ Пастуховъ настаивалъ именно, чтобы она объяснила свое дѣло при немъ. Когда, по настоянію Артемовской, Полевой вышелъ, то она заявила, что у нея есть векселя покойнаго Пастухова на сумму 58.000 руб. и назначила на слѣдующій день у себя свиданіе для осмотра этихъ документовъ. Услышавъ объ этомъ отъ Дмитрія Пастухова, Полевой сталъ самымъ энергическимъ образомъ отрицать всякую возможность существованія векселей и требовалъ, чтобы Дмитрій Пастуховъ ни въ какомъ случаѣ не ѣздилъ къ Артемовской *одинъ*, а поѣхалъ бы съ нимъ, Полевымъ. 29-го декабря, по пріѣздѣ Дмитрія Пастухова съ Полевымъ къ Артемовской, она ужасно непріятно была поражена появленіемъ Полевого: «что же это, г. Полевой въ качествѣ свидѣтеля?» — и какъ только Дмитрій Пастуховъ заговорилъ о векселяхъ, она наотрѣзъ отказалась отъ предъявленія векселей при Полевомъ, заявивъ, что никакихъ дѣлъ съ нимъ не имѣетъ и не желаетъ имѣть, и что она удивлена его дерзостью, какъ онъ могъ безъ приглашенія явиться къ ней. Дмитрій Пастуховъ старался ее убѣдить, что они явились не какъ гости, а по дѣлу, и Полевой даже напомнилъ ей недавній ея визитъ къ нему по поводу режиссерства, но Артемовская, послѣ настаиванья на томъ, что она не желаетъ показать векселя при Полевомъ, сказала, что предпочитаетъ передать ихъ адвокату. Съ этой минуты, болѣе чѣмъ когда нибудь, Полевой получилъ твердое убѣжденіе въ томъ, что или никакихъ векселей нѣтъ, или если они и есть, то непремѣнно фальшивые; въ этомъ же смыслѣ посмотрѣли на дѣло Иванъ и Дмитрій Пастуховы, а Полевой высказалъ даже мысль, что увидавъ, что ими были приняты мѣры предосторожности, Артемовская не посмѣетъ повести дѣло далѣе, и что если у нея есть какіе нибудь подготовленные документы, то она ихъ припрячетъ подальше. Предположенія Полевого однако не сбылись. 31-го декабря были предъявлены векселя, которые, по обозрѣніи ихъ, Полевой также призналъ подложными. Кромѣ того, по словамъ Полевого, самый фактъ выдачи векселей Николаемъ Пастуховымъ Артемовской немыслимъ и противорѣчитъ какъ его личному характеру, такъ и всему его образу дѣйствій и его положенію, общественному и семейному. Пастуховъ былъ человѣкомъ безукоризненно честнымъ, онъ дорожилъ своимъ словомъ до такой степени, что не рѣшался даже обѣщать провести гдѣ нибудь вечеръ, не будучи увѣренъ, позволятъ ли ему время и обстоятельства сдержать слово.

Привлеченная въ качествѣ обвиняемой, вдова титулярнаго совѣтника Гулакъ-Артемовская, не признавая себя виновною въ подлогѣ векселей, объяснила, что познакомилась съ Пастуховымъ въ февралѣ 1875 года у Полевого. Вскорѣ Пастуховъ сталъ бывать у нея, но не любя играть въ карты, изрѣдка только садился играть въ вистъ по копѣйкѣ. Въ «дурачки» она съ нимъ никогда не играла и вообще Пастуховъ никогда не былъ ей должнымъ по игрѣ въ карты. Въ августѣ 1876 года Пастуховъ, послѣ долгаго ухаживанія за нею, предложилъ ей выйти за него замужъ; она не могла дать ему немедленно отвѣта и обѣщала пригласить его къ себѣ по возвращеніи своемъ изъ-за границы; но Пастуховъ былъ крайне взволнованъ, ужасно плакалъ и требовалъ немедленно отвѣта. По возвращеніи въ Петербургъ, Артемовская послала Пастухову телеграмму, на которую по-

лучила отвѣтъ, что онъ въ настоящее время у нея быть не можетъ, и несмотря на то, что она еще нѣсколько разъ его приглашала, онъ ни разу у нея не былъ. За нѣсколько времени до сдѣланнаго Пастуховымъ предложенія, онъ взялъ у нея, Артемовской, взаймы 58,000 руб., и въ присутствіи ея знакомой Зыбиной, передавъ ей, Артемовской, деньги, оставшіяся отъ размѣна данныхъ ему 5% билетовъ, вручилъ векселя на 58,000 руб. До этого случая Николай Пастуховъ еще разъ или два занималъ у нея деньги и она одолжала ему, кажется, 70,000 руб.; онъ выдавалъ ей росписки, говоря, что векселей никогда не даетъ, и возвратилъ деньги ранѣе срока. Когда же онъ взялъ у нея 58,000 руб., то предложилъ выдать векселя, и на ея вопросъ, почему онъ прежде не хотѣлъ выдавать векселей, Пастуховъ отвѣчалъ: «мало ли что прежде было, теперь отношенія перемѣнились». Почему векселя писаны отъ двухъ разныхъ сроковъ — она не знаетъ; не протестовала она векселя въ 18,000 руб. по истеченіи его срока потому, что имѣла полное довѣріе къ Пастухову, знала его за человѣка вполнѣ честнаго, неспособнаго совершить безчестный поступокъ. Когда векселю въ 18,000 рублей вышелъ срокъ, то она написала Пастухову, но не получила отъ него отвѣта; услышавъ, что онъ заболѣлъ, она перестала писать и до кончины его не видѣла ни его самого, ни братьевъ его. Она сама предложила Николаю Пастухову дать въ заемъ денегъ, вслѣдствіе откровенныхъ его объясненій, что онъ проигралъ на биржѣ около 300,000 руб. и что ему трудно уплатить Елисѣеву долгъ, возникшій по покупкѣ дома. При этомъ Пастуховъ просилъ ее никому о долгѣ его не говорить. Пастуховъ уже давно страдалъ психическимъ разстройствомъ; такъ, еще весною 1877 года жена Ивана Пастухова говорила ей, что давно считала Николая за потеряннаго человѣка, такъ какъ еще въ 1875 году онъ, придя однажды къ ней, Пастуховой, сталъ пристально смотрѣть на стулъ, находившійся въ числѣ прочей мебели, вертѣлъ его и сталъ негодовать на стулъ за то, что онъ его не слушается; по словамъ г-жи Пастуховой, она сперва этому смѣялась, а затѣмъ стала безпокоиться и по пріѣздѣ мужа своего разсказала ему о состояніи его брата. Николай Пастуховъ ужасно пилъ и преимущественно въ домѣ Полевого. Въ виду этого Артемовская полагаетъ, что, по ея мнѣнію, Николай Пастуховъ, при выдачѣ ей векселей, въ подлогѣ которыхъ ее обвиняютъ, вѣроятно находился въ состояніи психическаго разстройства. На вопросъ, откуда она получила деньги, которыми ссудила Николая Пастухова, Артемовская сначала заявила, что она этого сказать не желаетъ, а затѣмъ показала, что объяснитъ объ этомъ въ судебномъ засѣданіи.

Допрошенная при слѣдствіи, Зыбина подтвердила сдѣланную на нее Артемовскою ссылку, объяснивъ, что въ августѣ 1877 года Пастуховъ при ней передалъ Артемовской три векселя, которые потомъ и хранились у нея, Зыбиной, и при этомъ получилъ обратно выданную имъ прежде Артемовской росписку, также у нея, Зыбиной, хранившуюся. По слѣдствію оказалось, что Зыбина находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Артемовской и даже проживала у нея безъ опредѣленныхъ занятій полтора года. Заявивъ при слѣдствіи, что у нея «совершенно нѣтъ памяти на цифры и числа», Зыбина въ томъ же показаніи съ самою точною подробностію разсказала, что въ ея рукахъ находились всѣ деньги Артемовской, объяснивъ, что въ маѣ или іюнѣ 1876 года Артемовская дала ей на сохраненіе 130,000 руб., изъ которыхъ она, по требованію Артемовской, выдала ей въ первыхъ числахъ августа того же года 60,000 руб. 5% билетами Государственнаго банка, и вскорѣ послѣ этого вмѣстѣ съ Артемовскою отвозила на храненіе въ волжско-камскій банкъ 55,000 руб. Коммерціи совѣтникъ Степанъ Елисѣевъ объяснилъ, что Пастуховъ, при покупкѣ весною 1875 года заложеннаго у него, Елисѣева, въ 120,000 руб., дома братьевъ Котоминыхъ, перевелъ на себя эту закладную и обязанъ былъ ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ выплачивать ему по

15,000 руб., которые и выплачивалъ всегда ранѣе срока; въ августѣ же мѣсяцѣ Пастуховъ ему никакихъ платежей не производилъ. Братья Владиміръ и Антонъ Котомины показали, что первому изъ нихъ Пастуховъ выплатилъ при совершеніи купчей крѣпости на домъ, въ апрѣлѣ 1875 года, наличными деньгами *440,000* руб., а второму выдалъ 5 векселей на сумму 150,000 руб., позднѣйшій срокъ уплаты по коимъ былъ 30 го апрѣля 1876 года, и по всѣмъ векселямъ Николай Пастуховъ деньги заплатилъ въ срокъ, а по двумъ изъ нихъ даже ранѣе срока. По показанію Ивана Пастухова, братъ его Николай, когда бывалъ въ компаніи съ товарищами, никогда не отказывался отъ вина и, по его собственному выраженію, «иногда злоупотреблялъ спиртными напитками», но назвать его пьяницей никакъ было нельзя. Къ этому Иванъ Пастуховъ присовокупилъ, что онъ самъ, видя, съ одной стороны, увлеченіе брата Артемовскою, а съ другой, замѣчая какое-то особенное состояніе его духа, его грусть и тоску во время пребыванія ихъ въ Москвѣ въ 1875 году, уговаривалъ брата жениться на Артемовской; но Николай, по скрытности своего характера, ничего не желалъ ему объяснить, и уже только впослѣдствіи онъ узналъ, что въ то время, какъ онъ уговаривалъ брата жениться, тотъ уже проигралъ Артемовской значительную сумму денегъ «въ дурачки». Докторъ медицины Чечоттъ объяснилъ, что Николай Пастуховъ любилъ вино, какъ большинство мужчинъ, и иногда любилъ покутить; что же касается до состоянія его умственныхъ способностей, то, описавъ весь ходъ нервной болѣзни Николая Пастухова, съ самаго ея возникновенія, докторъ Чечоттъ положительно высказалъ, что по его самымъ внимательнымъ и точнымъ наблюденіямъ до 4-го апрѣля 1877 года, психическія способности Николая Пастухова были вполнѣ нормальны. Елизавета Пастухова, не отрицая того, что Артемовская была у нея въ первыхъ числахъ іюня 1877 года и разспрашивала о здоровьѣ Николая Пастухова, положительно отвергла приписываемый ей г-жею Артемовскою разсказъ о странностяхъ Николая Пастухова *со стуломъ*.

На предложенные экспертамъ-психіатрамъ профессорамъ Балинскому и Мержеевскому вопросы, они, по выслушаніи показаній пользовавшихъ Николая Пастухова врачей Каррика и Чечотта, высказали, что не видятъ никакихъ данныхъ для заключенія о томъ, чтобы въ августѣ мѣсяцѣ 1876 года Николая Пастухова существовало психическое разстройство, а потому и не могутъ опредѣлить мотивовъ, которые могли руководить его дѣйствіями. Изъ показаній цѣлаго ряда лицъ, знавшихъ Николая Пастухова долгое время и близко, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Ярославлѣ, гдѣ онъ прежде проживалъ, оказалось, что онъ былъ человѣкомъ высокихъ нравственныхъ правилъ, безукоризненно честный, дѣлавшій много добра, благодаря своимъ огромнымъ средствамъ, и неспособный на низкій поступокъ. Съ цѣлью отысканія какихъ либо бумагъ, подходящихъ къ почерку лицъ, писавшихъ подложные векселя отъ имени Николая Пастухова, былъ произведенъ тщательный обыскъ въ квартирѣ Гулакъ-Артемовской, причемъ въ спальнѣ ея были, между прочимъ, найдены и пріобщены къ дѣлу векселя отъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Богданова на имя вдовы доктора Митропольской и письмо Богданова къ Гулакъ-Артемовской отъ 26-го августа 1877 года. По сличеніи почерка, коимъ писаны векселя и письмо, съ текстомъ двухъ подложныхъ векселей, эксперты заявили, что вексель отъ имени Богданова на имя Митропольской и текстъ двухъ подложныхъ векселей писаны рукою одного и того же лица. На основаніи этихъ обстоятельствъ, а равно и заявленія Гулакъ-Артемовской, что Богдановъ старый знакомый, съ которымъ она находится въ хорошихъ отношеніяхъ еще со времени, предшествовавшаго ея замужеству, Богдановъ былъ также привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго, и не признавая себя виновнымъ въ подлогѣ двухъ векселей отъ имени Пастухова, показалъ, что имѣетъ въ Новгородѣ, гдѣ

проживаетъ, пять домовъ и въ городѣ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ два дома и что тексты двухъ векселей отъ имени Николая Пастухова на имя Гулакъ-Артемовской, каждый въ суммѣ 20,000 руб., писаны дѣйствительно имъ, Богдановымъ, въ августѣ 1876 года, по просьбѣ самого покойнаго Пастухова, который зашелъ къ нему въ гостинницу «Европа» у Чернышева моста. По словамъ Богданова, Пастуховъ, не подписывая векселей, спряталъ ихъ въ карманъ и просилъ никому о векселяхъ не говорить, и между ними никакого разговора о денежныхъ дѣлахъ не было. Произведеннымъ новгородскою полиціей дознаніемъ обнаружено, что хотя Богдановъ и состоитъ дѣйствительно единственнымъ наслѣдникомъ купца Богданова, оставившаго пять каменныхъ домовъ въ Новгородѣ, но какъ эти дома, такъ и все состояніе свое Богдановъ завѣщалъ въ пожизненное владѣніе и распоряженіе женѣ своей, а изъ показанія допрошенныхъ при слѣдствіи свидѣтелей видно, что мать Богданова женщина богатая, но скупая и дѣтямъ ничего не даетъ.

Поэтому Гулакъ-Артемовская и Богдановъ были преданы суду по обвиненію въ томъ, что въ концѣ 1877 года составили три подложныхъ векселя отъ имени умершаго Николая Пастухова на имя Гулакъ-Артемовской, на сумму 58,000 руб., т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1160 улож. о наказ.

Засѣданіе по этому дѣлу происходило въ Петербургскомъ Окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 20—23 октября 1878 года. Обвинялъ товарищъ прокурора *князь Урусовъ*. Защищали—подсудимую Гулакъ-Артемовскую—присяжный повѣренный *Жуковскій*, подсудимаго Богданова—присяжный повѣренный *Богаевскій*, повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ былъ присяжный повѣренный *Гаевскій*.

Подсудимые виновными себя не признали. Гулакъ-Артемовская поддерживала всецѣло вышеприведенныя объясненія свои, заявляя, что не могла рисковать подлогомъ уже потому, что имѣла до 130 т. руб. собственныхъ денегъ, пріобрѣтенныхъ въ видѣ вознагражденія за «*проведеніе дѣлъ*», чрезъ посредство своихъ знакомыхъ, въ различныхъ управленіяхъ и высшихъ присутственныхъ мѣстахъ. По требованію присяжныхъ засѣдателей, желавшихъ имѣть фактическія указанія хотя бы на одно такое дѣло,— она представила нѣсколько условій съ обязательствами выдать ей извѣстную сумму въ случаѣ благопріятнаго для контрагента исхода. Свидѣтель *Полевой* съ особою настойчивостью поддерживалъ свои обвиненія противъ подсудимой; — *Зыбина* и *Митропольская* утверждали, что были свидѣтельницами передачи Пастуховымъ векселей подсудимой;—нѣкоторые свидѣтели показали, что она нуждалась въ деньгахъ и вынуждена бывала прибѣгать къ мелкимъ займамъ; — по показанію ряда лицъ, по утрамъ и днемъ она вела жизнь свѣтской дамы, принимая нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ весьма видное положеніе въ обществѣ (кои и свидѣтельствовали письменно въ ея пользу, не допуская и мысли о возможности совершенія ею подлога), а по вечерамъ у нея собирались люди неопредѣленныхъ профессій и вели игру въ карты.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей—векселя признаны *подложными*, а подсудимые *виновными*, но *заслуживающими снисхожденія*.

Гг. присяжные засѣдателя! Законъ обязываетъ меня дать вамъ общія указанія о силѣ представленныхъ вамъ доказательствъ. Неуклонное вниманіе, которое вы проявляли во время судебнаго слѣд-

ствія, чрезвычайно облегчаетъ мою задачу. Указанія мои, для васъ впрочемъ необязательныя, будутъ кратки. Постараемся сквозь массу матеріала и всякія наслоенія, образовавшіяся по этому дѣлу, проникнуть къ нѣкоторымъ немногимъ, но существеннымъ вопросамъ. Но прежде всего нѣсколько словъ о соображеніяхъ, касающихся общихъ вопросовъ права. Вамъ указано различіе, повидимому трудно объяснимое, между производствомъ дѣлъ о подлогѣ въ судѣ гражданскомъ и въ судѣ уголовномъ, причемъ оказывается, что человѣкъ, пришедшій въ судъ съ подложнымъ векселемъ, призвавшій судъ на помощь въ своемъ темномъ и нечестномъ дѣлѣ, можетъ безбоязненно смотрѣть въ будущее, если только онъ возьметъ, по предложенію суда, этотъ вексель обратно, тогда какъ ему грозитъ скамья подсудимыхъ, если обвинительная власть только узнаетъ, что онъ составилъ какой-то вексель, но по робости или разсчету даже не сдѣлалъ и первыхъ шаговъ къ судебному взысканію по нему. Несоотвѣтствіе этихъ двухъ случаевъ — меньшая виновность и гораздо бо́льшая строгость во второмъ — можетъ вызывать сочувствіе къ порядку гражданскаго производства и должно, какъ вамъ было здѣсь сказано, побудить васъ не поддерживать вашимъ рѣшеніемъ отжившій, непослѣдовательный порядокъ уголовнаго преслѣдованія. Я долженъ поэтому указать вамъ на причины и основанія разницы въ этихъ двухъ порядкахъ. Гражданскій судъ возстановляетъ право нарушенное; онъ, главнымъ образомъ, имѣетъ дѣло съ правами на имущество, на вещи, на дѣйствія другихъ людей, съ матеріальною стороною человѣческаго быта; это судъ формальный, судъ иногда даже черствый, очень рѣдко заглядывающій въ область нравственныхъ соображеній, стоящій на почвѣ строгаго права и имѣющій дѣло только съ правомъ, подчасъ не смотря на стоящаго за этимъ правомъ человѣка. Этотъ судъ очень часто вынужденъ изрекать рѣшеніе въ пользу человѣка, нравственная подкладка дѣйствій котораго возмущаетъ чувство, но который «*въ своемъ правѣ*». Этотъ судъ иногда долженъ придти на помощь денежной силѣ кредитора противъ бѣднаго, загнаннаго судьбою, опутаннаго сѣтью строго-формальныхъ обязательствъ должника, долженъ выдать ростовщику исполнительный листъ противъ вдовы и сиротъ, долженъ отказать въ своей помощи человѣку неосмотрительному, хотя и честному, довѣрчивому, но незнающему. Уголовный судъ — караетъ за нарушенное право; онъ имѣетъ дѣло съ драгоцѣннѣйшими благами жизни, со свободою, здоровьемъ, самою жизнью. Онъ защищаетъ своими приговорами предметы не матеріальные — честь, репутацію, доброе имя, общественную нравственность. Въ этомъ судѣ форма не *почти все*, а *почти ничего*, но зато содержаніе, зато нравственный характеръ дѣянія — на главномъ мѣстѣ. Онъ входитъ въ оцѣнку цѣлей, въ обсужденіе намѣреній,

онъ судитъ не о дѣйствіяхъ, въ которыхъ выразилось *право*, а о дѣйствіяхъ, въ которыхъ выразилась *воля*, и если эта воля преступна, если она направлена на вредъ, на гибель ближнему, онъ караетъ того, кто проявилъ эту волю. Задачи того и другого суда различны и судъ уголовный осуждаетъ того, кто въ порывѣ злобы наноситъ рану, въ то время, какъ судъ гражданскій, идя послѣдовательно, долженъ, въ извѣстномъ большинству изъ васъ трагическомъ разсказѣ, вооружить ножомъ руку безпощаднаго кредитора, который имѣетъ *право* на фунтъ мяса своего должника. И тотъ, и другой судъ равно необходимы для общества, но и цѣли, и пріемы ихъ различны. Вглядитесь въ пріемы суда гражданскаго, и вы увидите, что судъ самъ ни о чемъ не заботится, ничего не отыскиваетъ и не разслѣдуетъ самъ, а холодно и безстрастно присутствуетъ при состязаніи истца и отвѣтчика. Онъ разрѣшаетъ ариѳметическую задачу, онъ слагаетъ доказательства истца и вычитаетъ доказательства отвѣтчика и говоритъ первому изъ нихъ, доказалъ или не доказалъ онъ свой искъ. Если одна изъ цифръ этой задачи не ясна и сомнительна, если одно изъ доказательствъ внушаетъ подозрѣніе, судъ предлагаетъ сторонѣ стереть эту цифру, выбросить ее изъ счета, взять это доказательство назадъ. Судъ заботится лишь о томъ, при состязаніи сторонъ, чтобы онѣ не запутывали задачи цифрами, изъ которыхъ нельзя сдѣлать опредѣленнаго вывода. Вотъ почему предлагая по закону истцу взять назадъ документъ, о которомъ заявлено, что онъ подложенъ, судъ въ то же время штрафуетъ отвѣтчика, по ст. 562 устава гражданскаго судопроизводства, до трехсотъ рублей, если онъ не представитъ доказательствъ подлога или документъ окажется не подложнымъ. Судъ гражданскій заботится лишь о томъ, можно ли считать документъ, объявленный подложнымъ, за доказательство или, послѣ особой повѣрки, его надо исключить изъ дѣла, выбросить за бортъ. Но этому суду нѣтъ дѣла до того, *чья* преступная воля выразилась въ подлогѣ, кто принесъ въ судъ это отравленное оружіе борьбы за предъявляемое право. Цѣли, намѣренія, умыселъ — это дѣло прокурора. Онъ представитель обвинительной власти и онъ уже долженъ дать возможность суду уголовному заглянуть въ тѣ дѣйствія, которыя предшествовали появленію документа на судѣ гражданскомъ. Съ точки зрѣнія гражданской, которая указана была вамъ здѣсь какъ единственно вѣрная, подложный документъ не имѣетъ никакого значенія, разъ онъ исключенъ изъ числа доказательствъ; это пустой, ничтожный клочокъ бумаги, который имѣлъ значеніе только при предъявленіи въ судъ, потому что могъ ввести судъ въ заблужденіе. Только *на* судѣ онъ и имѣетъ значеніе,—ни *до*, ни *по*—никакого. Поэтому, съ этой точки зрѣнія, тотъ, кто не предъявилъ суду подложнаго документа, въ сущности еще не сдѣлалъ ничего. Но

иначе смотритъ и, прибавлю, долженъ смотрѣть на дѣло судъ уголовный. Его точка зрѣнія другая. Для него преступная воля, направленная на незаконный прибытокъ, выразилась вполнѣ въ составленіи подложнаго документа. Предъявленіе его на судѣ есть лишь одно изъ послѣдствій, есть то, что кассаціонный Сенатъ называетъ пользованіемъ *плодами преступленія*. Но послѣдствія составленія могутъ состоять не въ одномъ представленіи въ судъ, и въ этомъ причина, почему законъ уголовный караетъ не за одно представленіе, но и за *составленіе*. Подложный вексель, напримѣръ, можно дисконтировать, заставить пройти чрезъ рядъ бланкоподписателей, заставить всплыть на поверхность гдѣ нибудь въ другомъ городѣ, далеко отъ того, отъ чьего имени онъ написанъ. Такой вексель станетъ оружіемъ съ двумя лезвіями, онъ послужитъ средствомъ для обмана того, кто покупаетъ вексель, и для подрыва кредита и иногда репутаціи того, отъ чьего имени онъ написанъ. Да и дисконтъ не всегда можетъ быть неизбѣженъ. Подложный вексель можетъ быть страшнымъ средствомъ мести и ненависти, не имѣющихъ ничего общаго съ матеріальною выгодою. Представьте себѣ подрядчика, предпринимателя какого нибудь большого дѣла, какого-нибудь обширнаго общественнаго сооруженія—мстительный врагъ котораго пуститъ на показъ, для *предполагаемаго* дисконта, въ средѣ торговаго, коммерческаго міра массу подложныхъ векселей отъ имени предпринимателя на большую сумму. Векселя погуляютъ и вернутся къ выпустившему ихъ; онъ ихъ уничтожитъ и радостно скажетъ себѣ, что и недруга онъ также уничтожилъ, ибо пойдетъ по городу, пуская ростки и отпрыски, слухъ, что предприниматель весь въ долгу, что векселя его предлагаются за безцѣнокъ, что ему не устоять въ своемъ дѣлѣ, и масса напуганныхъ довѣрителей осадитъ его съ требованіями немедленной уплаты и съ отказомъ въ дальнѣйшей помощи, и онъ дѣйствительно не устоитъ... Еще два слова объ этомъ. Не думайте, что только порядокъ производства о векселяхъ подложныхъ представляетъ такую двойственность. Онъ своеобразенъ, но двойственность между уголовными и гражданскими законами встрѣчается и относительно многихъ другихъ сдѣлокъ. Вотъ примѣръ: уголовный законъ, по ст. 1709 уложенія, строго наказываетъ повѣреннаго, который злонамѣренно преступитъ за предѣлы даннаго ему уполномочія, между тѣмъ какъ судъ гражданскій долженъ отвергнуть всякую сдѣлку, сдѣланную повѣреннымъ безъ полномочія довѣрителя. Казалось бы, за что же наказывать? Вѣдь сдѣлка, вредная для хозяина, заключенная приказчикомъ, не имѣвшимъ на то полномочія, недѣйствительна. Судъ гражданскій не признаетъ договоровъ, на ней основанныхъ, за доказательство правъ. Да, но здѣсь нарушено довѣріе, здѣсь стремился человѣкъ, введя въ обманъ, воспользоваться въ свою выгоду чу-

жимъ достояніемъ. Это преступленіе, независимое отъ того, какъ взглянетъ на дѣло судъ гражданскій. Судъ гражданскій введетъ въ предѣлы черезчуръ размахнувшагося повѣреннаго, судъ уголовный покараетъ безчестнаго приказчика.

Перехожу къ даннымъ дѣла. Во внѣшней оболочкѣ тѣхъ вопросовъ, которые, въ выраженіяхъ, предписанныхъ закономъ, предлагаются на ваше обсужденіе, заключаются вопросы внутренніе, на которые вамъ придется отвѣтить не суду, а самимъ себѣ.

Первый вопросъ—о векселяхъ Пастухова. Подложны они или нѣтъ? Предъ вами была произведена экспертиза. Она заслуживаетъ вниманія, когда произведена знающими людьми и посредствомъ умѣлыхъ пріемовъ. Если одного изъ этихъ условій нѣтъ, ее надо отбросить. Экспертами были граверы, учители чистописанія и секретари гражданскихъ отдѣленій суда. Одни изъ нихъ изображаютъ почерки, другіе исправляютъ и изучаютъ почерки, третьи сличаютъ ихъ при чтеніи дѣловыхъ бумагъ. Повидимому, первое условіе соблюдено и съ особою разносторонностью. Второе условіе—умѣлость пріемовъ—вы могли оцѣнить здѣсь на судѣ при дачѣ экспертами подробныхъ техническихъ объясненій послѣ четырехчасоваго труда надъ девятью вопросами суда. Если вы признаете наличность обоихъ условій, то вы можете съ довѣріемъ отнестись къ заявленію экспертовъ, что векселя подписаны *не* Николаемъ Пастуховымъ. Вы не упустите при этомъ изъ виду, что и подсудимая не утверждаетъ, чтобы векселя были *подписаны* Пастуховымъ, а говоритъ только, что они были *переданы* имъ, причемъ и ей подпись на нихъ не кажется похожею на почеркъ Пастухова. Если же векселя подписаны не тѣмъ лицомъ, отъ имени котораго они выданы, то ихъ слѣдуетъ считать подложными.

Второй вопросъ касается внутренней стороны дѣла. Судебное слѣдствіе раскрыло массу обстоятельствъ о жизни, обстановкѣ и дѣятельности подсудимой. Они образуютъ, по мнѣнію обвиненія, нравственную оболочку дѣла. Мнѣніе это, быть можетъ, раздѣляется и вами. Но на оболочкѣ не слѣдуетъ и даже нельзя особенно останавливаться. Необходимо посмотрѣть на ядро дѣла, на центръ его тяжести. Оно можетъ не имѣть ничего общаго съ оболочкою или лишь очень отдаленную съ нею связь. Обвиненіе призывало васъ къ дѣлу какъ врачей. Не забудьте одного, что по обязанности вашей вы не врачи-санитары, устраняющіе возможность страданій въ будущемъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій въ настоящемъ. Вы врачи-хирурги, долженствующіе опредѣлить, есть ли болѣзнь, предусмотрѣнная закономъ, и есть ли основанія примѣнить къ ней суровое лекарство, указанное тѣмъ же закономъ. Вы судите не нравственную оболочку, а преступленіе, не достойную порицанія бытовую обстановку, а достойное кары дѣйствіе.

Нравственная оболочка дѣла была изучена вами въ подробности и не могла не произвести на васъ впечатлѣнія, по всей вѣроятности, печальнаго, но я приглашаю васъ, господа, совершенно отрѣшиться отъ этого впечатлѣнія, совершенно забыть объ этой оболочкѣ, если *преступленіе*, въ которомъ обвиняются подсудимые, не доказано предъ вами и не оставило въ вашей совѣсти слѣда несомнѣнности.

Сущность второго вопроса сводится прежде всего къ вопросу о томъ, *могли ли быть даны Пастухову и взяты имъ деньги Гулакъ-Артемовской?* Имѣла ли она средства, изъ которыхъ могла снабдить Пастухова? Обвиненіе стремится доказать, что она выиграла «въ дурачки» 170,000 рублей; обвиняемая указываетъ на доходы, сопряженные съ ея дѣятельностью по «проведенію дѣлъ», и отрицаетъ игру въ дурачки. Быть можетъ, вы найдете возможнымъ признать, что она, согласно утвержденію обѣихъ сторонъ, имѣла средства. Вы не забудете однако при этомъ того, что̀ вамъ извѣстно о способѣ и мѣстѣ храненія большихъ средствъ, на которыя указываетъ Гулакъ-Артемовская, о томъ, что она нерѣдко нуждалась, ведя жизнь на широкую ногу, и о состояніи ея текущихъ счетовъ въ августѣ 1876 года. Для чего могли быть взяты деньги Пастуховымъ? Перебирая разныя высказанныя здѣсь предположенія, вы конечно остановитесь и на томъ заявленіи Артемовской, что, будучи крайне друженъ съ нею и любя ее, Пастуховъ хотѣлъ, для ея выгоды, лучше помѣщать ея деньги и для этого взялъ 58.000 рублей. Вы оцѣните правдоподобность такого факта, который далеко не представляется невѣроятнымъ и даже весьма возможенъ при тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находилась Артемовская съ Пастуховымъ. Но вы остановитесь также и на разборѣ того, былъ ли поводъ у Пастухова брать эти деньги у женщины, которую до ея отказа онъ ежедневно разсчитывалъ увидѣть своею женою и къ дѣламъ и выгодамъ которой онъ, быть можетъ, могъ и не питать особаго интереса послѣ того, какъ его рука и сердце были отринуты ею... Если вы признаете, что деньги могли быть даны, то вы встрѣтитесь съ двумя выводами: или деньги эти могли быть возвращены просто, такъ же какъ и взяты, если только были взяты, или за нихъ могли быть выданы, какъ объясняетъ подсудимая, векселя. Но векселя подписаны, по мнѣнію самой Артемовской, не Пастуховымъ. Зачѣмъ же онъ ихъ далъ ей? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ вы вспомните объясненіе объ обстоятельствахъ передачи векселей, данныя Артемовскою, и ея выводы о причинахъ передачи ей ихъ. Защитникъ говорилъ вамъ о томъ состояніи психическаго давленія, подъ которымъ находится обвиняемый, избирая себѣ систему оправданія. Онъ совершенно правъ. Это давленіе на испуганную и встревоженную душу всегда су-

ществуетъ, и притомъ безъ всякой вины и желанія со стороны производящихъ слѣдствіе. Трудно ожидать спокойнаго и обдуманнаго выбора аргументовъ со стороны человѣка, котораго обвиняютъ и который знаетъ, что ему склонны не довѣрять. Поэтому судить Артемовскую по ея системѣ оправданія было бы неправосудно. Но въ настоящемъ случаѣ система эта такъ сливается съ *логикою дѣла*, что какъ изъ той, такъ и изъ другой вытекаютъ одни и тѣ же вопросы. Векселя, подписанные не Пастуховымъ, могли быть вручены Гулакъ-Артемовской или *сумасшедшимъ*, или *мстителемъ*. Третье предположеніе, внѣ этихъ двухъ, сдѣлать едва ли возможно. По крайней мѣрѣ, ни подсудимая, ни ея защита, ни обвинитель не представили никакого намека на возможность третьяго предположенія. *По вопросу о сумасшествіи* Пастухова вы припомните экспертизу профессоровъ-психіатровъ Балинскаго и Мержеевскаго. Къ ней надо примѣнять тѣ же требованія, какъ и къ той экспертизѣ, о которой я вамъ уже говорилъ. Вы слышали также показаніе доктора Чечотта, данное съ спокойствіемъ правдиваго свидѣтеля и съ точностью служителя науки. Если вы представите себѣ, по этому показанію, состояніе Пастухова и сопоставите его съ выводами психіатровъ, то вы, быть можетъ, согласитесь съ ними, что покойный Пастуховъ съ января 1877 года былъ подверженъ физическому страданію, которое, развиваясь мало-по-малу, подавило собою его умственную дѣятельность и наконецъ свело его въ могилу. Если вы найдете, что это страданіе могло быть уже и въ августѣ 1876 года, въ эпоху выдачи векселей, то вамъ неизбѣжно придется остановиться на мысли, въ чемъ, согласно съ картиною послѣдующихъ страданій, должно было выражаться умственное состояніе Пастухова. Долженъ ли онъ былъ быть въ состояніи возбужденія, заставляющемъ человѣка совершать рѣзкіе, эксцентрическіе поступки, далеко переходить за предѣлы своихъ обычныхъ привычекъ и основныхъ свойствъ своего характера и дѣлать такія вещи, которыя въ нормальномъ состояніи для него немыслимы? Или, наоборотъ, не былъ ли, не долженъ ли онъ былъ быть въ состояніи подавленности, апатіи, неподвижности мысли и дѣйствія, при которыхъ человѣкъ даже и обычныхъ привычекъ и обыденныхъ, механическихъ поступковъ не соблюдаетъ и не совершаетъ, вѣчно погруженный въ себя, безъ всякаго почина. Если Пастуховъ былъ *возбужденъ душевно*, то выдача векселей, какъ и всякая безумная выходка, становится возможною; если же онъ былъ *удрученъ* духомъ, то выдача эта становится сомнительною. *По вопросу о мщеніи* вамъ предстоитъ припомнить тѣ черты, которыми былъ нарисованъ предъ вами съ разныхъ сторонъ и изъ разныхъ источниковъ образъ покойнаго Пастухова, припомнить общій отзывъ о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ, идеалистѣ въ жизни, какъ о человѣкѣ съ душою роб-

кою, но склонною къ прочной и глубокой привязанности, осторожномъ и стойкомъ въ своемъ словѣ и обѣщаніи. Нужно будетъ рѣшить, способенъ ли на мщеніе такой человѣкъ, можетъ ли онъ, хотя бы и оскорбленный отказомъ, упасть до того, чтобы обманомъ, несмотря на милліонное состояніе, воспользоваться деньгами женщины, которую онъ горячо любитъ, предъ которою онъ плакалъ, кладя къ ея ногамъ все свое состояніе,—способенъ ли онъ коварно подсунуть ей, нарочно, подложно составленные векселя, чтобы впослѣдствіи подвергнуть ее потерѣ состоянія и позору уголовнаго суда... При этомъ надо разсмотрѣть практическій исходъ поступка Пастухова, надо разсмотрѣть, что́ сталъ бы онъ дѣлать, заявляя впослѣдствіи на судѣ о подлогѣ векселей, которые, по словамъ обвиняемой, онъ передалъ ей при свидѣтельницѣ, получивъ изъ рукъ Зыбиной свою прежнюю росписку. Надо сопоставить характеръ и свойства Пастухова съ этою щекотливою и даже опасною практически и глубоко постыдною нравственно ролью, которую онъ готовилъ себѣ въ будущемъ, какъ мститель, такъ какъ нельзя же предполагать, что онъ зналъ, что умретъ ко времени предъявленія этихъ подложныхъ векселей. Вы можете найти, вг. присяжные, что Пастуховъ дѣйствовалъ какъ сумасшедшій или мститель. Тогда вы должны признать Гулакъ-Артемовскую и Богданова безусловно невиновными. Если же вы не найдете этого, то вамъ неизбѣжно представится соображеніе, что векселя *не были даны*. Насколько это соображеніе будетъ согласно съ дѣйствительностью — рѣшитъ ваша совѣсть. Относительно Богданова я напомню вамъ, что въ пользу его приводится прочтенное здѣсь показаніе свидѣтеля Воланта, который неоднократно видѣлъ Богданова у Пастухова; оказавшаяся у него карточка послѣдняго и составленный имъ на память планъ квартиры Пастухова, вполнѣ вѣрный. Противъ него указывается на невозможность близости его съ Пастуховымъ, въ виду различія ихъ характеровъ и положеній—и на зависимость его отъ Артемовской, выражающейся въ исторіи его съ векселемъ Митропольской, которая, по мнѣнію обвиненія, слѣпое орудіе въ рукахъ Артемовской, одинаково пригодное и для участія въ дутыхъ конкурсахъ, и для держанія въ рукахъ Богданова. Вы оцѣните тѣ и другіе доводы. Вамъ говорилось о прошломъ Богданова, о его шаткомъ общественномъ положеніи, о его судимости. Я обязанъ выяснить вамъ, что Богдановъ, какъ видно изъ бывшихъ въ виду суда документовъ, имѣетъ опредѣленное общественное положеніе, служащее притомъ проявленіемъ извѣстнаго довѣрія. Онъ гласный новгородской думы и новгородскаго земства. О судимости его за подлогъ прошу васъ позабыть. Онъ оправданъ. Оправдательный приговоръ долженъ освобождать человѣка отъ укора не только со стороны суда, но даже и стороны обвинительной власти. Онъ по-

крываетъ собою прошлое Богданова и разрываетъ между нимъ и настоящимъ дѣломъ всякую связь. Точно также вамъ надлежитъ совершенно забыть эпизодъ о какомъ-то дѣлѣ, которое прежде производилось о подсудимой. Мы этого дѣла не знаемъ и принимать его въ какое либо соображеніе не имѣемъ права. Судите по тому, что въ дѣлѣ ясно, а не по тому, что темно и не доказано. Между доводами обвиненія и защиты относительно Богданова стоитъ экспертиза. Она не отрицаетъ того, что отдѣльныя буквы и черты подписей на векселяхъ Пастухова сходны съ почеркомъ Богданова. Она не утверждаетъ однако, чтобы это былъ несомнѣнный почеркъ Богданова. Богдановъ не отрицаетъ, что корпусъ двухъ векселей написанъ имъ. Это сдѣлано имъ по просьбѣ Пастухова. Вамъ нужно поэтому разрѣшить вопросъ, могъ ли Пастуховъ, при тѣхъ свойствахъ скрытности и робости, которыя указаны въ его характерѣ, обращаться къ постороннему человѣку для написанія векселей, зная какимъ образомъ они пишутся по дѣламъ своимъ съ Обществомъ взаимнаго кредита, и согласно ли съ цѣлями мщенія впутывать въ дѣло лицо, близко знающее Гулакъ-Артемовскую? При этомъ не надо однако забывать, что обвиняемый не всегда вполнѣ свободенъ въ выборѣ способа оправданія, и не ставить ему въ вину только того, что оправданіе неудачно или необдуманно.

Затѣмъ объясненъ присяжнымъ порядокъ ихъ совѣщаній, способъ отвѣтовъ цѣликомъ и частью на поставленные судомъ вопросы, сдѣлано напоминаніе о правѣ ихъ, во всякомъ случаѣ, признать за подсудимыми право на снисхожденіе и истолковывать сомнѣніе въ ихъ пользу, и указано въ заключеніе, что присяжные, какъ представители общества, обязаны ограждать его отъ опасности осужденія невинныхъ, но также и защищать его отъ тѣхъ, кто дерзко нарушаетъ свои обязанности въ отношеніи общества, въ разсчетѣ на безнаказанность.

КАССАЦІОННЫЯ

ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

I.

По дѣлу объ отставномъ подполковникѣ Соболевскомъ, обвиняемомъ въ клеветѣ въ печати.

Повѣренный тайнаго совѣтника Ахшарумова принесъ жалобу, которою онъ обвинялъ отставнаго подполковника Соболевскаго въ оклеветаніи его, Ахшарумова, помѣщеніемъ на стр. 214 и 215 составленной и изданной Соболевскимъ книги «Правосудіе и правовой порядокъ въ войскахъ» слѣдующихъ выраженій: «сколько грустныхъ разсказовъ ходитъ среди судебнаго вѣдомства о томъ, какъ тотъ или другой получилъ должность; говорятъ, что К. и Н. сдѣлались помощниками прокурора, давъ на вѣчныя времена взаймы извѣстную сумму прокурору Ах.» и просилъ о привлеченіи Соболевскаго къ отвѣтственности по 1535 ст. улож. о нак. То же обвиненіе повѣренный Ахшарумова поддерживалъ на предварительномъ слѣдствіи и въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ. Окружный судъ, признавъ доказаннымъ, что заключающееся въ книгѣ Соболевскаго указаніе на военнаго прокурора «Ах.» представляетъ обвиненіе его въ лихоимствѣ; что это обвиненіе направлено противъ бывшаго военнаго прокурора С.-Петербургскаго военнаго окружнаго суда тайнаго совѣтника Ахшарумова; что Соболевскій никакихъ доказательствъ справедливости заявленнаго имъ обвиненія не представилъ; что обвиненіе это было умышленно и завѣдомо ложно; что такое дѣяніе Соболевскаго предусмотрѣно 1535 ст. улож. о нак. и, принявъ во вниманіе, что хотя сообщенное Соболевскимъ ложное свѣдѣніе о предоставленіи Ахшарумовымъ мѣстъ помощниковъ прокурора за взятки, подъ видомъ займа, и опровергнуто судебнымъ слѣдствіемъ, но однако удостовѣрено, что Ахшарумовъ занималъ у подчиненныхъ деньги и вошелъ въ неоплатные долги, чѣмъ самъ подавалъ поводъ къ дурнымъ о немъ отзывамъ, нашелъ, что наказаніе Соболевскому должно быть уменьшено и присудилъ его, по 1 п. 39 ст. улож., къ мѣсячному аресту на военной гауптвахтѣ. На приговоръ суда обѣ стороны принесли аппелляціонныя жалобы. Повѣренный обвинителя, возражая противъ допущенія судомъ уменьшающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ и указывая на наличность обстоятельствъ, увеличивающихъ его вину, ходатайствовалъ о присужденіи подсудимаго за оклеветаніе Ахшарумова въ печати къ 4-хъ мѣсячному тюремному заключенію и объ опубликованіи приговора палаты, а подсудимый просилъ о постановкѣ оправдательнаго о немъ приговора въ виду того, что напечатанные имъ объ Ахшарумовѣ слухи дѣй-

ствительно существовали и не были имъ, подсудимымъ, вымышлены. С.-Петербургскою судебною палатою были постановлены къ своему разрѣшенію слѣдующіе вопросы, не вызвавшіе замѣчаній сторонъ: 1) подлежитъ ли отмѣнѣ или измѣненію приговоръ суда и 2) если подлежитъ, то въ чемъ именно? Судебная палата нашла, что данными судебнаго слѣдствія установлены лишь займы Ахшарумовымъ, за время бытности прокуроромъ военно-окружнаго суда, денегъ у разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и у подчиненныхъ ему по службѣ, и неоплатные его долги; что приписываемыя Соболевскому и напечатанныя имъ слова, хотя представляются оскорбительными и могущими вредить чести и достоинству Ахшарумова, но не могутъ быть признаны напечатанными завѣдомо ложно, такъ какъ Ахшарумовъ, займами у подчиненныхъ и несостоятельностью къ платежамъ, самъ подавалъ поводъ къ дурнымъ о немъ отзывамъ; что, по сему и по разъясненію Правительствующаго Сената (1875 г. № 571), въ дѣяніи Соболевскаго не заключается признаковъ клеветы, а усматривается преступленіе, преслѣдуемое 1 ч. 1039 ст. улож. о нак.; что, по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, согласно 2 п. 129 и 149 ст. улож., слѣдовало бы приговорить Соболевскаго къ тюремному заключенію, но такъ какъ приговоромъ суда онъ присужденъ къ наказанію менѣе строгому, къ аресту, и о мѣрѣ наказанія повѣренный обвинителя въ судѣ 1 степени не ходатайствовалъ, то назначенное судомъ наказаніе, за силой ст. 857 уст. уг. суд., не можетъ быть увеличено; что ходатайство повѣреннаго обвинителя объ опубликованіи приговора палаты, заявленное впервые въ аппелляціонномъ отзывѣ его, не подлежитъ удовлетворенію, за силой 857 ст. уст. угол. суд. По изложеннымъ соображеніямъ и въ виду Всемилостивѣйшаго манифеста 15 мая 1883 г., судебная палата присудила Соболевскаго къ аресту на военной гауптвахтѣ на 20 дней. На этотъ приговоръ палаты обѣ стороны принесли кассаціонныя жалобы, а подсудимый, сверхъ того, представилъ объясненіе противъ жалобы повѣреннаго обвинителя, въ каковыхъ жалобахъ повѣренный обвинителя ходатайствуетъ объ отмѣнѣ всего приговора палаты, а подсудимый — объ оставленіи въ силѣ оправдательнаго приговора палаты по обвиненію его въ клеветѣ и объ отмѣнѣ обвинительнаго приговора ея, по обвиненію его въ опозореніи. Свои ходатайства стороны основываютъ на слѣдующихъ, допущенныхъ палатою, нарушеніяхъ законовъ. Главнѣйшимъ образомъ обѣ стороны указываютъ на неправильное примѣненіе палатою ст. 1039 улож. о наказ. По поводу этого нарушенія повѣренный обвинителя объясняетъ, что жалоба имъ была принесена на клевету, и палата не имѣла права измѣнять обвиненіе въ клеветѣ на обвиненіе въ диффамаціи; что 1039 ст. не могла быть примѣнена, такъ какъ настоящее дѣло возбуждено въ порядкѣ частнаго обвиненія, которое нигдѣ не заявляло ходатайства о желаніи воспользоваться выгодами, предоставляемыми ему 1039 ст. улож. о наказ., и что, назначивъ обвиняемому наказаніе по этой статьѣ, палата не только нарушила прямой ея смыслъ, но и существенно нарушила право Ахшарумова искать возстановленія истины о своей чести по своему усмотрѣнію, или по 1535, или по 1039 ст. улож. о наказ., право, несомнѣнно ему предоставленное ст. 1213^{5} уст. угол. суд. Съ своей стороны, подсудимый, по поводу этого обстоятельства, высказываетъ, что палата вышла изъ предѣловъ требованій частнаго обвинителя, который во все время производства дѣла не обвинялъ его въ диффамаціи; что обвиненіе въ диффамаціи впервые заявлено ему, подсудимому, въ резолюціи палаты, когда и самъ частный обвинитель уже не могъ предъявить такого обвиненія; что, по предмету этого новаго обвиненія, палатою на ея разрѣшеніе не было постановлено вопроса, и что, еслибы онъ, подсудимый, и подлежалъ обвиненію въ диффамаціи, то лишь какъ за оскорбленіе должностного лица, и въ такомъ случаѣ все производство по уголовному преслѣдованію его, какъ несогласное съ 2 ч. 1039 ст. улож. о наказ. и ст. 1213^{3} и ^{5} уст. угол. суд., подлежитъ прекращенію, за

силой 1 ст. этого устава. Далѣе, повѣренный обвинителя указываетъ на неправильное толкованіе палатою ст. 1535 улож. о наказ.; установивъ только, что объ Ахшарумовѣ были дурные отзывы, палата не имѣла права заключать, что напечатанное о немъ не завѣдомо ложно; если дурные отзывы и были, то нельзя существованіемъ ихъ оправдывать распространеніе ложныхъ обвиненій; не слухи и сплетни, какъ бы они вѣроятными ни казались, могутъ быть основаніемъ къ распространенію позорящихъ чью либо честь обстоятельствъ безнаказанно, а истина; изъ того, что Ахшарумовъ долженъ нѣкоторымъ изъ своихъ подчиненныхъ, не можетъ уплатить долговъ, не нарушая законовъ логики нельзя вывести, что Ахшарумовъ взяточникъ и беретъ у подчиненныхъ деньги за назначенія на должности; отсюда видно, что между напечатанными строками, содержащими ложное обвиненіе Ахшарумова во взяткахъ, и тѣмъ фактомъ, который установила палата о неоплатности долговъ Ахшарумова, въ числѣ кредиторовъ котораго находятся, между прочимъ, и его подчиненные, нѣтъ того соотношенія, по которому заключеніе ея, что напечатанное объ Ахшарумовѣ не завѣдомо ложно, можно бы было признать логическимъ выводомъ. Подсудимый противъ этихъ доводовъ повѣреннаго обвинителя въ объясненіи своемъ возражаетъ, что палата правильно признала утвержденіе, сообщенное въ печати, не ложнымъ, такъ какъ она пришла къ убѣжденію, что существовалъ извѣстный слухъ, что этотъ слухъ не былъ вымышленъ, что тѣ факты, которые составляли слухъ, имѣли основаніе въ дѣйствительности, въ томъ именно, что Ахшарумовъ былъ должникомъ своихъ подчиненныхъ, не заплатилъ имъ долговъ, бравши деньги зналъ, что не можетъ ихъ отдать, и слѣдовательно, бралъ на вѣчныя времена. Затѣмъ, повѣренный обвинителя въ кассаціонной жалобѣ указываетъ на нарушеніе палатою ст. 889 и 892 уст. угол. суд. оставленіемъ безъ разсмотрѣнія его апелляціонной жалобы, неизложеніемъ въ приговорѣ основаній, по коимъ оставлены безъ уваженія его объясненія, между прочимъ и заявленіе его объ отсутствіи въ дѣлѣ уменьшающихъ и наличности увеличивающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ, а также на нарушеніе ст. 891 уст. угол. суд. тѣмъ, что палата отказала ему въ просьбѣ объ увеличеніи опредѣленнаго судомъ подсудимому наказанія; дѣйствительность послѣдняго нарушенія повѣренный обвинителя доказываетъ какъ буквальнымъ смысломъ 891 ст. уст. угол. суд., ставящей увеличеніе наказанія въ зависимость только отъ жалобы обвинителя, такъ и тѣмъ, что, ходатайствуя въ судѣ 1 степени о назначеніи подсудимому наказанія по 1535 ст. улож., онъ тѣмъ самымъ указывалъ, что подсудимый подлежитъ заключенію въ тюрьмѣ не ниже 2-хъ мѣсяцевъ. Подсудимый противъ этихъ пунктовъ кассаціонной жалобы повѣреннаго обвинителя въ своемъ объясненіи высказываетъ, что палата какъ удостовѣряетъ сущность ея приговора, входила въ оцѣнку апелляціонной жалобы обвинителя; что палата, слѣдуя домогательствамъ обвинителя, при опредѣленіи наказанія за диффамацію, совершенно исключила изъ своего приговора уменьшающія вину обстоятельства, признанныя судомъ, а напротивъ, признала наличность обстоятельствъ, увеличивающихъ вину, и примѣнила 2 п. 129 ст. улож. о наказ., и что частный обвинитель, не обозначивши точно въ судѣ 1 степени своего требованія о наказаніи, уже не можетъ возражать въ апелляціи противъ размѣра наказанія, назначеннаго судомъ.

Бывшій помощникъ военнаго прокурора, отставной подполковникъ Соболевскій, составилъ и издалъ книгу: «Правосудіе и правовой порядокъ въ войскахъ». Въ этой книгѣ, говоря о личномъ составѣ военно-судебнаго вѣдомства, о нравахъ этого вѣдомства и въ особенности о прокуратурѣ, авторъ, указывая на стремленіе военнаго начальства руководиться своекорыстными побужденіями, объясняетъ, что чрезвычайно скучное общество военныхъ юристовъ оживляется лишь разговорами о повышеніяхъ, погоняхъ за наживою и о тактѣ, споспѣшествующемъ карьерѣ. Этотъ «тактъ» на бюрократическомъ языкѣ обозначаетъ, по удостовѣренію Соболевскаго, удержаніе за собою должности и полученіе повышеній путемъ всевозможныхъ подлостей, шпіонства, измѣны дружбѣ, пожертвованія чести своей, своихъ женъ и дочерей, и *взятками подъ видомъ займа*. Благодаря этому такту, въ помощникахъ прокурора по военному вѣдомству появились не люди, одушевленные идеею общаго блага и интересами правосудія, а усердные поздравители съ имянинами, лакеи и няньки, кумовья и *начальническіе кредиторы*. «Сколько грустныхъ разсказовъ, говоритъ авторъ, ходитъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ о томъ, какъ тотъ или другой получилъ должность. Говорятъ, что К. и Н. сдѣлались помощниками военнаго прокурора, давъ на вѣчныя времена взаймы извѣстную сумму прокурору Ах...». Бывшій прокуроръ петербургскаго военно-окружнаго суда, тайный совѣтникъ Ахшарумовъ, подъ начальствомъ котораго служили помощники прокурора Кудрявцевъ и Никифоровъ, усмотрѣлъ въ приведенныхъ словахъ клевету и возбудилъ противъ Соболевскаго уголовное преслѣдованіе. Состоявшимся въ порядкѣ инстанцій приговоромъ судебной палаты, обвиняемый оправданъ въ *клеветѣ* и признанъ виновнымъ лишь въ *диффамаціи*, причемъ Ахшарумову отказано въ увеличеніи наказанія обвиняемому, несмотря на его о томъ просьбу въ апелляціонномъ отзывѣ. На этотъ приговоръ и потерпѣвшимъ, и осужденнымъ принесены, по различнымъ основаніямъ, кассаціонныя жалобы.

Съ своей стороны я нахожу этотъ приговоръ неправильнымъ, и притомъ во всѣхъ его частяхъ. Онъ неправиленъ, *во-первыхъ*, по толкованію состава преступленія клеветы въ печати, предусмотрѣннаго 1535 ст. улож. о наказ., и по опредѣленію свойства доказательствъ, коими въ подобнаго рода дѣлахъ можетъ быть доказываема виновность подсудимаго. Судебною практикою, освященною рядомъ рѣшеній Правительствующаго Сената, давно уже признано, что существенными признаками клеветы является обвиненіе кого либо въ *опредѣленномъ* дѣяніи, противномъ правиламъ чести, и притомъ обвиненіе *несправедливое*. Это понятіе

о клеветѣ дополнено Правительствующимъ Сенатомъ въ 1871 году, въ рѣшеніи по дѣлу Крылова, тѣмъ, что для оскорбленія чести частныхъ лицъ признано совершенно безразличнымъ, распространялось ли несправедливое обвиненіе отъ имени автора или же изложено въ видѣ разсказа третьихъ лицъ, и старался ли ему авторъ придать достовѣрность дѣйствительнаго событія. Затѣмъ, въ 1875 году, въ рѣшеніи за № 571, по дѣлу Ватсона и Суворина, Сенатъ установилъ ограниченіе для примѣненія наказанія за клевету въ печати, признавъ, что «не можетъ быть признанъ клеветникомъ и подвергнутъ наказанію, по 1535 ст. улож. о наказ., тотъ, кто распространялъ о комъ либо ложное извѣстіе, *полагая*, что онъ распространяетъ свѣдѣніе объ истинномъ происшествіи». На основаніи этихъ толкованій, судъ, признавая въ напечатанномъ произведеніи внѣшніе признаки клеветы, но находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что обвиняемый не подлежитъ наказанію, ибо въ дѣяніи его нѣтъ внутренняго признака клеветы—завѣдомой лживости оскорбительнаго сообщенія—обязанъ установить, что обвиненіе, содержащееся въ напечатанныхъ строкахъ, *несправедливо*, что оно касается дѣянія *позорнаго* и наконецъ, что подсудимый *полагалъ*, что разсказанное имъ есть *истинное* происшествіе. Выраженіе «полагалъ», употребленное Правительствующимъ Сенатомъ по дѣлу Ватсона, понималось на практикѣ различно, и, по большей части, неправильно. Ему придавался очень часто—и, по моему мнѣнію, въ ущербъ правосудію,—смыслъ гораздо болѣе широкій и растяжимый, чѣмъ это можетъ быть дѣлаемо. Съ выраженіемъ «полагалъ» отождествляли понятіе о «думалъ» и даже «предполагалъ». Но нѣтъ сомнѣнія, что употребляя это выраженіе, Правительствующій Сенатъ былъ далекъ отъ мысли освободить человѣка, печатающаго о другомъ позорящія обстоятельства, отъ всякой осторожности, отъ всякой осмотрительности и обдуманности по отношенію къ тому, что онъ дѣлаетъ. Выставляя другого на позоръ, пригвождая его имя къ унизительному или постыдному обстоятельству, недостатонно *думать*, что такое обстоятельство *возможно*, недостаточно *предполагать*, что обвиненіе справедливо только потому, что оно вѣроятно. Необходима увѣренность въ истинности того что̀ оглашается. Только такая увѣренность подсудимаго можетъ дать суду право не вмѣнить ему въ вину того зла, которое онъ причинилъ потерпѣвшему, приписавъ ему ложный позорящій фактъ, окруливъ и пустивъ его во всенародное свѣдѣніе путемъ печатнаго станка. Область предположеній, догадокъ и умозаключеній, основанныхъ на одной вѣроятности и возможности—слишкомъ неопредѣленна. Въ этой области мнительная довѣрчивость, способность увлекаться, живое воображеніе и даже личный темпераментъ играютъ слишкомъ боль-

шую роль и нельзя отдавать имъ безнаказанно на жертву честь и доброе имя человѣка. Поэтому и жалобщика, который ищетъ у суда защиты отъ поруганія и возстановленія своего достоинства признаніемъ оглашеннаго о немъ клеветою—нельзя обезоруживать заявленіемъ, что обидчикъ предполагалъ, что оглашенное вѣрно, что ему думалось, что онъ правъ, что онъ поспѣшилъ обобщить и сжать во-едино разнородные слухи, полагая, что эти слухи—сама истина. Не надо забывать, что «алчущіе и жаждущіе правды» нерѣдко жаждутъ лишь личнаго мщенія, и что въ основѣ благороднаго негодованія иногда лежатъ чувства, съ благородствомъ ничего общаго не имѣющія. Притомъ, печатное слово вырывается не внезапно, не въ припадкѣ гнѣва, не сгоряча, когда не всякій умѣетъ имъ твердо править: процессъ его появленія на свѣтъ довольно сложный и требующій времени, сопряженный съ перерывами, вызываемыми самою техникою печатнаго дѣла. Въ случаяхъ оскорбленія въ отдѣльно изданномъ сочиненіи проходятъ дни и даже мѣсяцы прежде чѣмъ рукопись облечется въ форму печатныхъ листовъ, прежде чѣмъ эти листы выйдутъ въ формѣ книги. Для обдумыванія, для провѣрки справедливости того, что должно нанести иногда незаживающую рану чужой чести—есть и время, и возможность. Поэтому судъ въ правѣ требовать доказательствъ того, что подсудимый провѣрялъ все что̀ огласилъ, что прежде, чѣмъ сдѣлать разсказъ о чужомъ позорѣ общимъ достояніемъ, онъ сопоставлялъ факты и слухи, и, постоянно наталкиваясь на ихъ справедливость, *увѣрился* въ ихъ истинѣ. Такимъ образомъ, говоря о подсудимомъ, который «полагалъ», что сообщенное имъ есть истинное происшествіе, слѣдуетъ тѣмъ самымъ признавать, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи данныя и факты, которые *исключали для него возможность сомнѣнія въ истинѣ того, что онъ сообщалъ*. Это *отсутствіе* сомнѣнія есть необходимое условіе для оправданія огласителя ложнаго обвиненія. Оно должно составлять первое и непремѣнное требованіе въ дѣлахъ о клеветѣ. Законъ не можетъ оставлять безнаказаннымъ опубликованіе ложныхъ свѣдѣній, въ *несомнѣнности* которыхъ *не увѣренъ* и самъ ихъ сообщившій, несмотря на то, что такое опубликованіе можетъ разбить всю жизнь человѣка и поселить скорбь и стыдъ въ его близкихъ, въ носящихъ одно съ ними имя. Въ этомъ требованіи было бы ошибочно видѣть стѣсненіе свободы печатнаго слова. Не *свободу* этого слова, а *произволъ* этого слова имѣетъ въ виду такое требованіе. Новѣйшія европейскія законодательства твердо стоятъ на подобной точкѣ зрѣнія. Не дозволяется доказывать истину позорящаго сообщенія ссылкою на то обстоятельство, что утверждаемый фактъ *общеизвѣстенъ*, говоритъ § 265 венгерскаго уложенія 1878 года. Утверждающій или распространя-

ющій относительно другого фактъ, могущій возбудить къ нему презрѣніе или унизить его въ общественномъ мнѣніи, *въ случаѣ недоказанности правдивости факта*, говоритъ § 186 германскаго уложенія 1870 года—подвергается... и т. д.

Таковы общія требованія, которыя должны бы быть выполнены с.-петербургскою судебною палатою при оправданіи Соболевскаго въ оклеветаніи Ахшарумова. Но они не выполнены или, лучше сказать, выполнены только отчасти. Въ *третьемъ* пунктѣ соображеній палаты признано, что обвиненіе Ахшарумова во взятіи взятки за предоставленіе своему подчиненному мѣста—*несправедливо*, такъ какъ оно не подтверждается по дѣлу, ибо данными судебнаго слѣдствія и особымъ своеобразнымъ доказательствомъ, которымъ палата считаетъ приговоръ окружнаго суда—этого обстоятельства не установлено; въ пунктѣ *четвертомъ* признано, что обвиненіе это позорящее, ибо слова, напечатанныя Соболевскимъ—оскорбительны и могутъ вредить чести и достоинству Ахшарумова. Въ виду этого, казалось бы, оправданіе въ клеветѣ возможно было бы лишь при признаніи палатою, что Соболевскій, вслѣдствіе неблагоріятнаго для истины и несчастнаго для него сцѣпленія удостовѣреній, былъ лишенъ возможности сомнѣваться, что фактъ полученія Ахшарумовымъ взятки случился, и искренно былъ убѣжденъ въ дѣйствительности именно этого самаго факта. Палата, однако, взглянула на внутренній составъ преступленія клеветы иначе. Она нашла, что въ виду займовъ у подчиненныхъ и несостоятельности къ платежамъ—Ахшарумовъ самъ подавалъ поводъ къ дурнымъ о немъ отзывамъ. Поэтому и не опредѣляя вовсе, въ чемъ именно состояли эти отзывы, какому дѣянію, противному правиламъ чести, они соотвѣтствовали и изъ какого источника исходили, палата пришла къ выводу, что заявленіе Соболевскаго о продажѣ мѣстъ не можетъ быть признано напечатаннымъ завѣдомо ложно и, слѣдовательно, не заключаетъ въ себѣ признаковъ клеветы. Съ такимъ выводомъ отнюдь нельзя согласиться. Не говоря уже о томъ, что палатою вовсе даже и не установлено, чтобы Соболевскій полагалъ, что дурные отзывы объ Ахшарумовѣ даютъ основаніе считать согласнымъ съ истиною приписываніе ему опредѣленнаго факта—продажи мѣстъ, нельзя не замѣтить, что свѣдѣнія, на которыхъ обвиняемый въ клеветѣ строитъ свои несправедливыя утвержденія, должны представлять собою *основаніе* для такихъ утвержденій, а не *поводъ* къ нимъ, и что, кромѣ того, между приписываемымъ оскорбленному фактомъ и свѣдѣніями, которыми онъ подтверждается—должна быть прямая, *причинная связь*. Иначе судебный приговоръ можетъ обратиться въ цѣпь совершенно произвольныхъ и гадательныхъ выводовъ, приводящихъ къ результату, не согласному съ цѣлями закона, изо-

браженнаго въ 1535 ст. улож. Поэтому, признаніе палатою существованія дурныхъ отзывовъ о томъ, что Ахшарумовъ нуждается въ деньгахъ и, занимая у подчиненныхъ, не въ состояніи учинить расплаты—еще не можетъ служить основаніемъ къ признанію, что этихъ отзывовъ самихъ по себѣ уже было достаточно для Соболевскаго, чтобы bona fide взвести обвиненіе на Ахшарумова въ опредѣленномъ, позорномъ и преступномъ дѣяніи, принадлежащемъ совсѣмъ къ другой категоріи, чѣмъ запутанность въ дѣлахъ и неразборчивость въ избраніи кредиторовъ. Если принять взглядъ палаты, то надо допустить, что достаточно дурныхъ отзывовъ о частномъ человѣкѣ вообще, чтобы имѣть возможность безнаказанно, въ смыслѣ отвѣтственности за клевету, приписывать ему позорное служебное дѣяніе и даже преступленіе. Но такая доктрина представляется мнѣ весьма опасною въ своемъ послѣдовательномъ развитіи и примѣненіи. Если безусловно руководиться ею, то окажется, что слухъ о неумѣренной игрѣ въ карты на крупныя ставки даетъ *поводъ* напечатать, что играющій совершаетъ служебную растрату; что разсказы о легкомысленномъ образѣ жизни молодой женщины, посѣщающей публичныя собранія безъ сопровожденія мужа—даютъ *поводъ* огласить, что она занимается прелюбодѣяніемъ; что взятіе въ домъ вдовцомъ близкой родственницы и предоставленіе ей правъ хозяйки—представляетъ *поводъ* прозрачно намекнуть на кровосмѣшеніе, и т. д., и т. д. И зачѣмъ тогда останавливаться на дурныхъ отзывахъ о дѣйствіяхъ? Въ дѣйствіяхъ отражается характеръ извѣстной личности. Поэтому, отчего не перешагнуть за эту черту и не считать, что и дурные отзывы о характерѣ даютъ поводъ утверждать существованіе фактовъ, вполнѣ возможныхъ при тѣхъ или другихъ свойствахъ характера? Почему не оправдывать по обвиненію въ клеветѣ того, кто приписалъ кулачную расправу человѣку, о которомъ всѣ говорятъ, что онъ вспыльчивъ, или кто приписалъ позорный, бездушный поступокъ вѣдомому эгоисту, и т. д.? Но тогда утратится всякая разница между обыкновенною сплетнею и клеветою; онѣ сольются воедино, и ползущая въ темнотѣ, трусливая и уклончивая, шепчущая на ухо сплетня будетъ питать собою, а впослѣдствіи и оправдывать собою открытую клевету. А между тѣмъ, между ними должна быть грань. Сплетня неуловима, измѣнчива въ своей формѣ, склонна къ варіяціямъ, впадаетъ въ преувеличеніе и потому не внушаетъ къ себѣ особаго довѣрія и знаетъ обыкновенно ограниченный кружокъ людей. Но клевета въ печати—ясна, опредѣленна, точна, она всенародно и вызывающимъ образомъ поднимаетъ голову. Въ ней то, что было мимолетною сплетнею, окаменѣваетъ, упрочивается и твердо пріурочивается къ извѣстному событію. Въ печатной клеветѣ, какъ

выразился однажды, въ 1874 году, въ рѣшеніи по дѣлу Ставраки, Правительствующій Сенатъ—«сплетнѣ придается значеніе положительнаго факта».

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я нахожу, что судебная палата, не установивъ ни непосредственной связи между дурными отзывами объ Ахшарумовѣ и взведеннымъ на него несправедливымъ—по признанію самой палаты—обвиненіямъ, ни того, чтобы у Соболевскаго существовало основанное на объективныхъ данныхъ убѣжденіе въ правдивости сообщаемаго имъ обстоятельства—не имѣла основанія отрицать въ дѣяніи его наличность существеннаго признака клеветы. Поэтому, въ этомъ отношеніи, приговоръ палаты, постановленный въ нарушеніе 2 п. 797 уст. уг. суд., подлежитъ отмѣнѣ.

Приговоръ судебной палаты неправиленъ, *во-вторыхъ*, относительно признанія Соболевскаго виновнымъ въ *диффамаціи*. Отвергая обвиненіе въ клеветѣ по 1535 ст. улож., судебная палата, по собственному почину, перешла къ обвиненію въ диффамаціи, т. е. къ преступленію, предусмотрѣнному въ 1039 ст. улож. Оправдывая Соболевскаго въ томъ, что онъ несправедливо обвинялъ Ахшарумова въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, палата нашла, однако, что онъ огласилъ о немъ позорящій фактъ. На такое измѣненіе обвиненія, на такой переходъ отъ клеветы къ диффамаціи, судъ, по моему мнѣнію, не уполномоченъ. *Во-первыхъ*, по самому *существу преступленія* — между тѣмъ и другимъ есть большая разница. Статьею 1213 уст. угол. суд. запрещается приводить доказательства справедливости позорящихъ обстоятельствъ, оглашенныхъ въ печати, и рѣшеніемъ уголовн. кассац. департамента по дѣлу Крылова, въ 1871 году, признано, что ложность обвиненія *не входитъ* въ составъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 1039 ст. уложенія. Такимъ образомъ—клевета, по 1535 ст., составляетъ ложное обвиненіе въ дѣяніи безчестномъ, не подтвердившееся доказательствами, а диффамація, по 1039 ст. улож., составляетъ оглашеніе въ печати позорящаго факта, хотя и вѣрнаго, быть можетъ, но не подлежащаго огласкѣ. Очевидно, что законъ преслѣдуетъ совершенно разныя цѣли, карая то или другое изъ этихъ преступленій. Преслѣдуя клеветника—онъ защищаетъ священное достояніе нравственно-развитаго человѣка — честь; наказывая диффаматора, онъ ограждаетъ отъ посторонняго вторженія область частной жизни. Понятіе о диффамаціи, какъ наказуемомъ проступкѣ, находится въ связи съ тѣмъ взглядомъ, который получилъ особое развитіе въ политико-юридической жизни Франціи и нашелъ себѣ выраженіе въ извѣстномъ афоризмѣ: «la vie privée doit être murée». Карая диффаматора, судебная власть говоритъ ему: «не вторгайся въ частную жизнь, не дѣлай достояніемъ общественнаго любопытства того, что

можетъ быть извѣстно лишь маленькому кругу знакомыхъ, не вноси смуту, раздраженіе и безпокойство въ общество, развертывая передъ нимъ картину обстоятельствъ, которыя до него не касаются, ибо происходятъ въ тѣсныхъ рамкахъ личной жизни частнаго человѣка». При клеветѣ обвиняемому говорится—«ты посягнулъ на чужую честь—докажи, что ты былъ правъ!» При диффамаціи ему говорится: «ты посягнулъ на чужое спокойствіе — и если ты не докажешь, что это сдѣлалъ не ты, то тебѣ нѣтъ оправданія!» Исключеніе дѣлается лишь для должностныхъ лицъ по службѣ государственной или общественной, гдѣ, въ интересѣ государства и въ виду того, что дѣятельность подвергшагося оглашенію не исключительно частная, но и общественная — дозволяется приводить доказательства справедливости позорящаго обстоятельства, но доказательства узкія, одностороннія, добыть которыя по большей части чрезвычайно трудно — доказательства *письменныя*. Итакъ, и по характеру своему, и по мѣсту, занимаемому въ уложеніи — клеветою въ раздѣлѣ X, отдѣленіи III, главѣ VI о непосредственныхъ личныхъ оскорбленіяхъ, а диффамаціею—въ раздѣлѣ VIII, главѣ V о нарушеніи постановленій о печати — эти преступленія совершенно разнятся между собою и не могутъ быть поставляемы одно вмѣсто другого.

Во-вторыхъ, практическое значеніе обвиненія въ томъ или другомъ изъ этихъ двухъ преступленій не допускаетъ свободнаго перехода отъ одного къ другому, безъ категорическаго заявленія жалобщика, что, будучи оклеветанъ, онъ считаетъ, однако, возможнымъ ограничиться взысканіемъ съ обидчика за диффамацію. Результатъ осужденія по 1039 ст. улож. тотъ, что все-таки многое остается неразъясненнымъ, что все-таки остается основательное предположеніе, что обидчикъ говорилъ не лживо, ибо иначе его преслѣдовали бы за клевету. Позорящія уста заграждены, но изъ того, что на нихъ наложена на будущее время печать молчанія объ извѣстномъ фактѣ, еще не слѣдуетъ, что этого факта не было. Поэтому тамъ, гдѣ вопреки желанію потерпѣвшаго, жалующагося на клевету, къ обидчику примѣняется законъ о диффамаціи, вопросъ о томъ, честный ли онъ человѣкъ — остается открытымъ для всевозможныхъ толкованій, а осужденный, неся кару по такому приговору, все-таки можетъ утѣшаться, вспоминая знаменитый совѣтъ: «Клевещите! клевещите! всегда что нибудь да останется»... Такимъ образомъ, интересы обвинителя существенно нарушаются этимъ переходомъ отъ клеветы къ диффамаціи. Законъ предоставляетъ ему самому на выборъ, чего искать у суда, преслѣдуя своего обидчика — очищенія ли отъ обвиненія въ дѣяніи безчестномъ, или того, чтобы его не безпокоили, дѣлая о немъ непріятныя и оскорбительныя оглашенія. Онъ самъ—и исключительно онъ долженъ взвѣсить, что ему вы-

годнѣе — услышать ли несомнѣнный обвинительный приговоръ, не снимающій, однако, пятна съ его чести, или же рисковать возможностью оправданія того, кто, по его мнѣнію, взвелъ на него ложное обвиненіе. Въ рядѣ рѣшеній Правительствующій Сенатъ высказалъ, что этотъ выборъ долженъ всецѣло принадлежать частному обвинителю, и этимъ самымъ ограничилъ просторъ дѣятельности суда въ такомъ выборѣ. Судъ не можетъ, судъ не долженъ говорить потерпѣвшему, просящему защитить его честь: «я не буду входить въ разборъ того, правъ ли твой обвинитель, утверждая, что ты укралъ, обманулъ, предалъ, продалъ, — но я буду ограждать твое спокойствіе и накажу того, кто *слишкомъ громко* объ этомъ говоритъ». Рамки усмотрѣнія суда въ этихъ случаяхъ крайне—и совершенно справедливо—съужены. Это усмотрѣніе, какъ указываетъ вторая часть ст. 1039 улож., можетъ имѣть предметомъ *не содержаніе* дѣянія обвиняемаго въ томъ видѣ, какъ оно опредѣляется частнымъ обвинителемъ, а лишь *форму* или способъ совершенія его. По смыслу ст. 1039, судъ можетъ или оправдать, или осудить обвиняемаго и имѣетъ право перейти къ другой, къ 1040 ст., лишь въ томъ случаѣ, если въ *формѣ* преслѣдуемаго сочиненія или въ способѣ его распространенія усмотритъ оскорбительный умыселъ со стороны обвиняемаго, подлежащаго оправданію по 1039 ст. за диффамацію.

Въ-третьихъ, наконецъ, условія, *которыми обставляетъ оба эти преступленія* улож. о наказ., ставятъ между ними серьезную грань. *Наказаніе* за нихъ разное и притомъ за диффамацію болѣе строгое; *давность* для нихъ различная и притомъ для диффамаціи—меньшая, ибо для преступленій печати установлена, по примѣчанію къ 158 ст. улож., годовая давность, а клевета, какъ преступленіе общее, влекущее тюремное заключеніе, покрывается по 4 п. 158 ст. улож. давностью двухлѣтнею. *Способъ* доказыванія невиновности — тоже совершенно различный. При клеветѣ невиновность обвиняемаго доказывается всѣми способами, — при диффамаціи—никакихъ доказательствъ невиновности въ опозореніи частнаго лица не допускается, а при опозореніи должностнаго—допустимъ лишь одинъ исключительный способъ—посредствомъ письменныхъ доказательствъ. Наконецъ—и на это нельзя не обратить особаго вниманія—самыя *правила о печатаніи судебныхъ отчетовъ* представляются совершенно различными по отношенію къ этимъ двумъ преступленіямъ. По дѣламъ о клеветѣ—могутъ быть напечатаны, и притомъ безъ всякаго разрѣшенія со стороны суда—не только приговоръ, но и отчетъ обо всемъ, происходившемъ въ судебномъ засѣданіи. Но по дѣламъ о диффамаціи, на основаніи 1213^{15} ст. уст. угол. судопр., — пренія не могутъ быть печатаемы, хотя бы они производились въ присутствіи публики, а печатается только приговоръ суда съ особаго

притомъ его разрѣшенія. Очевидно, что этотъ, совершенно различный въ обоихъ случаяхъ, порядокъ можетъ быть соблюдаемъ лишь при послѣдовательномъ разсмотрѣніи дѣла, какъ дѣла о клеветѣ или какъ дѣла о диффамаціи. Но возможность перехода отъ одного обвиненія къ другому—и притомъ совершенно неожиданнаго, по усмотрѣнію самого суда — обратитъ этотъ порядокъ въ мертвую букву. Дѣло можетъ длиться нѣсколько дней. Оно начато по обвиненію въ клеветѣ. Слѣдовательно и частная жалоба, и пренія на судѣ напечатаются неизбранно. И вдругъ, въ окончательномъ приговорѣ судъ объявляетъ, что то, что онъ разсматривалъ—не клевета, а диффамація. Но по дѣламъ о диффамаціи нельзя ничего печатать, кромѣ приговора, да и то если судъ позволитъ. А между тѣмъ, все уже напечатано, оглашено, сдѣлалось предметомъ и серьезнаго вниманія, и празднаго любопытства. Положеніе станетъ еще болѣе сложнымъ, если, какъ было и въ настоящемъ случаѣ, аппелляціонная инстанція признаетъ диффамацію, а первая инстанція, согласно съ требованіемъ обвинителя, разсматривала дѣло о клеветѣ и отчетъ о немъ былъ напечатанъ безъ всякихъ ограниченій. Нѣтъ ли вопіющаго противорѣчія въ томъ, что судъ, карая вмѣсто клеветника диффаматора за то, что онъ *огласилъ*, самъ, двукратнымъ разбирательствомъ дѣла о клеветѣ, дастъ поводъ къ самому широкому *оглашенію* тѣхъ позорящихъ фактовъ, о которыхъ долженъ былъ молчать осужденный?

По всѣмъ этимъ основаніямъ я нахожу, что палата не имѣла права переходить отъ обвиненія въ клеветѣ къ обвиненію въ диффамаціи, имѣя передъ собою жалобу частнаго обвинителя съ категорическимъ указаніемъ на 1535 ст. улож., тѣмъ болѣе, что, какъ разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніяхъ 1870 года по дѣлу Бѣшенцова и въ 1871 году по дѣлу Картамышева, даже и самъ частный обвинитель не имѣетъ права измѣнять во второй инстанціи первоначально заявленнаго имъ обвиненія. Согласно 889 ст. уст. уголовн. судопр., пренія сторонъ и разсмотрѣніе дѣла въ аппелляціонной инстанціи не должны выходить изъ *предѣловъ отзыва*. Отзывы съ обѣихъ сторонъ были принесены по предмету обвиненія въ клеветѣ, и въ предѣлахъ этого обвиненія и могла лишь палата постановить утвердительное или отрицательное по отношенію къ приговору окружнаго суда рѣшеніе. Поставленные палатою на свое разрѣшеніе вопросы — подлежитъ ли отмѣнѣ или измѣненію этотъ приговоръ и въ чемъ именно?—не давали палатѣ права, въ виду 752 и 753 ст., отмѣняя приговоръ о клеветѣ, ставить негласно на свое разрѣшеніе вопросъ о диффамаціи. Несомнѣнно, что отмѣна или измѣненіе приговора первой инстанціи по дѣламъ въ порядкѣ частнаго обвиненія—могутъ быть совершаемы лишь въ предѣлахъ того обвиненія, которое было ей предъявлено и затѣмъ ею признано или отверг-

нуто. Обвиняемый во второй инстанціи долженъ твердо знать, въ чемъ именно его обвиняютъ и какое преступленіе имѣетъ въ виду судъ, ставя вопросы о виновности. Постановка вопросовъ въ общихъ выраженіяхъ, за которыми скрывается невысказанное никѣмъ обвиненіе въ совершенно другомъ преступленіи, чѣмъ то, о которомъ шла рѣчь—должна быть, по моему мнѣнію, признана существеннымъ нарушеніемъ правъ обвиняемаго,—а въ данномъ случаѣ и не только его правъ, но и правъ обвинителя. Поэтому и въ этомъ отношеніи приговоръ палаты подлежитъ отмѣнѣ.

Этотъ приговоръ неправиленъ, *въ-третьихъ*, еще и по толкованію ст. 891 уст. угол. суд. Палата отказала въ ходатайствѣ частнаго обвинителя объ увеличеніи наказанія Соболевскому потому, что въ первой инстанціи не было предъявлено ходатайства *о мѣрѣ наказанія*. Но этимъ отказомъ палата установляетъ требованіе, не основанное на законѣ. Нигдѣ въ уст. угол. суд. не содержится правила, чтобы частный обвинитель обязанъ былъ въ своей жалобѣ или въ ходатайствѣ предъ судомъ первой степени опредѣлять мѣру наказанія. Указывая законъ, подъ который подходитъ дѣяніе, нарушившее его права, онъ тѣмъ самымъ указываетъ на наказаніе, которому можетъ подлежать виновный въ силу нарушеннаго имъ закона. Если затѣмъ послѣдовавшій приговоръ представляется ему слишкомъ мягкимъ по отношенію къ признанной судомъ винѣ—онъ имѣетъ право просить объ усугубленіи кары, объ увеличеніи наказанія. Но даже и въ отзывѣ своемъ на такой приговоръ потерпѣвшій вовсе не обязанъ указывать мѣру наказанія. Опредѣленіе этой мѣры — есть дѣло судейскаго воззрѣнія, основаннаго на соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла и на знаніи подробностей лѣстницы наказаній. Настойчивыя указанія въ этомъ отношеніи, стремленіе руководить судъ въ подробностяхъ его приговора — представлялись бы неумѣстными. Притомъ, такое требованіе опредѣленія мѣры въ первой инстанціи создало бы на практикѣ по общимъ преступленіямъ многія совершенно излишнія затрудненія. Бо́льшая часть потерпѣвшихъ по дѣламъ частнаго обвиненія — люди простые и очень часто неграмотные. Ихъ жалобы, на основаніи 301, 303, 306 и 307 ст. уст. угол. суд., приносятся весьма часто словесно и записываются слѣдователемъ въ протоколъ. Они знаютъ хорошо фактическія данныя, побуждающія ихъ принести жалобу, нерѣдко знаютъ, какъ именуетъ законъ то дѣяніе, на которое они жалуются, но имъ совершенно чужды опредѣленія уложенія о родѣ, степени и мѣрѣ наказанія и о способахъ ихъ приложенія къ виновному. То же самое и на судѣ, куда они обыкновенно являются лично и просятъ осудить обидчика и наказать его «по-закону». Возможно ли установлять, что слѣдователь или предсѣдатель суда должны требовать отъ такого простаго, негра-

мотнаго человѣка, чтобы онъ точно опредѣлилъ мѣру наказанія, чтобы онъ сказалъ, по какой степени 31, 33 или 38 ст. улож. и въ какой именно мѣрѣ домогается онъ наказанія обидчика? Для всякаго, кто считаетъ судъ живымъ организмомъ на потребу населенію, а не мертвымъ механизмомъ — отвѣтъ, мнѣ думается, ясенъ. Притомъ, не могу не замѣтить, что въ приговорѣ своемъ палата впадаетъ въ нѣкоторую непослѣдовательность. Считая возможнымъ, безъ какого-либо ходатайства обвинителя, существеннымъ образомъ измѣнить *квалификацію* дѣяній обвиняемаго, она, въ то же время, до такой степени считаетъ свой приговоръ стоящимъ въ зависимости отъ личной воли обвинителя, что не рѣшается повысить наказанія лишь потому, что онъ не указалъ ей *мѣру наказанія*. Поэтому и въ этомъ отношеніи, за нарушеніемъ статьи 891, приговоръ петербургской судебной палаты по дѣлу Ахшарумова съ Соболевскимъ подлежитъ отмѣнѣ.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: приговоръ петербургской судебной палаты по настоящему дѣлу, за неправильнымъ примѣненіемъ 1039 ст. улож. о наказ., за нарушеніемъ 878, 751, 889 и 891 ст. уст. угол. суд. и за неправильнымъ толкованіемъ 1535 ст. улож. о наказ., отмѣнить, передавъ это дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же палаты.

II.

По дѣлу о редакторѣ газеты „Новое Время" Колл. Ассесорѣ Федоровѣ, обвиняемомъ по 1535 ст. улож.

Въ № 2618, отъ 14-го іюня 1883 года, газеты «Новое Время», издающейся безъ предварительной цензуры, помѣщена статья, озаглавленная «Русскіе проводники въ Вѣнѣ» и названная корреспонденціею изъ Вѣны, въ которой описываются недобросовѣстныя и постыдныя продѣлки турецкаго подданнаго Берга. Вслѣдствіе такой статьи Бергъ, въ жалобѣ своей мировому судьѣ, заявилъ, что будучи оклеветанъ, онъ рѣшился возбудить противъ редактора газеты Федорова обвиненіе по 1039 ст. улож. о наказ. Въ засѣданіи С.-Петербургскаго Окружнаго Суда предсѣдатель, въ виду того, что въ жалобѣ Берга подсудимый обвиняется въ клеветѣ, а указывается на 1039 ст. улож., предложилъ обвинителю выяснить точнѣе предметъ обвиненія и повѣренный Берга предъявилъ противъ Федорова обвиненіе какъ въ оклеветаніи Берга по 1535 ст. улож., такъ и въ диффамаціи по 1039 ст. улож.; подсудимый же Федоровъ не призналъ себя виновнымъ, объяснивъ, что помѣщенная въ газетѣ корреспонденція написана лицомъ, постоянно проживающимъ въ Вѣнѣ, которому онъ, Федоровъ, вполнѣ довѣрялъ и, помѣстивъ эту корреспонденцію, какъ вполнѣ достовѣрную, онъ готовъ былъ во всякое время, по требованію Берга, указать на лицо автора ея, но Бергъ самъ этого не требовалъ. Окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло и поставивъ для своего разрѣшенія вопросы о томъ, виновенъ ли Федоровъ въ томъ, что напечаталъ корреспонденцію изъ Вѣны, въ которой было взведено на Берга ложное обвиненіе въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, и оглашены обстоятельства, вредящія чести, достоинству и доброму имени Берга, нашелъ, что въ сообщеніяхъ о Бергѣ нельзя усмотрѣть признаковъ клеветы, какъ обвиненія въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, такъ какъ ему приписывается одно опредѣленное дѣяніе—требованіе съ одного изъ путешественниковъ непомѣрно высокой платы, но очевидно, что если этотъ поступокъ и можетъ быть названъ нехорошимъ въ нравственномъ смыслѣ, то съ точки зрѣнія проводника, чрезмѣрный запросъ за свой трудъ нисколько не противенъ правиламъ обычной честности; хотя же, вслѣдъ затѣмъ, намекается и на ложный доносъ, будто бы сдѣланный Бергомъ на того путешественника, какъ на нигилиста, но прямо такое обвиненіе не высказано и можно объ этомъ только догадываться. Да если и признать, что разсказанный случай представляетъ собою полный составъ дѣянія, противнаго правиламъ чести, то въ

взведеніи на Берга обвиненія въ такомъ дѣяніи, и притомъ завѣдомо ложно, можно было бы винить автора статьи, а не редактора, совершено добросовѣстно вѣрившаго въ правдивость разсказаннаго въ корреспонденціи. Иное представляется по отношенію къ обвиненію въ помѣщеніи редакторомъ статьи, заключающей обстоятельства, вредящія достоинству, чести или доброму имени Берга; редакторъ не могъ не видѣть, что статья содержитъ такія обстоятельства, и потому долженъ отвѣчать за напечатанное, согласно 1044 ст. улож. Посему, признавая Федорова виновнымъ по 1039 ст. улож., судъ присудилъ его къ денежному взысканію въ 200 р., а по обвиненію его въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1535 ст. улож., призналъ его оправданнымъ. На этотъ приговоръ частный обвинитель Бергъ принесъ аппелляціонный отзывъ, прося, по разсмотрѣніи представленныхъ имъ документовъ и по допросѣ указанныхъ имъ свидѣтелей, признать Федорова виновнымъ какъ по 1039, такъ и по 1535 ст. улож. По открытіи судебнаго засѣданія С.-Петербургской судебной палаты 30-го ноября 1885 г., защитникъ подсудимаго Федорова заявилъ, что, желая доказать справедливость изложенныхъ въ статьѣ фактовъ, онъ проситъ отложить разборъ дѣла и вызвать въ качествѣ свидѣтелей поименованныхъ имъ лицъ, въ томъ числѣ и автора статьи Вахтеля; судебная палата уважила это ходатайство, но такъ какъ Вахтель, по заявленію защитника, оказался проживающимъ въ Константинополѣ, то палата предоставила подсудимому пригласить этого свидѣтеля отъ себя по взаимному съ нимъ соглашенію, но въ слѣдующемъ засѣданіи палаты, 15-го февраля 1886 г., защитникъ заявилъ, что воспользоваться этимъ правомъ подсудимый возможности не имѣлъ, а повѣренный обвинителя заявилъ, что онъ поддерживаетъ лишь обвиненіе Федорова въ оклеветаніи его довѣрителя въ печати, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1535 ст. улож. Выслушавъ показанія свидѣтелей, судебная палата нашла, что приведенная выше корреспонденція, приписывая Бергу такія дѣянія, которыя безспорно составляютъ или безнравственный поступокъ, или даже преступленіе, позоритъ его честь и доброе имя, что несправедливое обвиненіе кого либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, признается закономъ (1535 ст. улож.) клеветою, причемъ, согласно разъясненіямъ уголов. кас. д-та 1869 г. № 582 и друг., не оклеветанный долженъ доказывать неправильность взведеннаго на него обвиненія, а обвиняемый долженъ доказать, что распространенное имъ обвиненіе въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, имъ не вымышлено; между тѣмъ, хотя подсудимому Федорову и было предъявлено въ судебномъ засѣданіи окружнаго суда 3-го іюля 1885 г. обвиненіе въ оклеветаніи Берга, но онъ, Федоровъ, не указавъ суду ни на какія доказательства, могущія служить подтвержденіемъ справедливости напечатаннаго о Бергѣ въ упомянутой корреспонденціи, сослался въ свое оправданіе только на то, что эта корреспонденція написана лицомъ, постоянно живущимъ въ Вѣнѣ, и онъ не могъ сомнѣваться въ ея достовѣрности и что посему, а равно и по соображенію представленныхъ Бергомъ доказательствъ, слѣдуетъ признать, что въ распространенной путемъ печати означенной корреспонденціи взведено на Берга несправедливое обвиненіе въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести. А такъ какъ, по силѣ 1044 ст. улож. о наказ., отвѣтственность за содержаніе помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ статей обращается во всякомъ случаѣ, какъ на главнаго виновника, на редактора изданія, и по дѣлу ничѣмъ не установлено, чтобы подсудимый Федоровъ, помѣщая въ редактируемой имъ газетѣ означенную статью, наполненную весьма тяжкими обвиненіями противъ частнаго лица, имѣлъ какія либо данныя считать всѣ эти обвиненія справедливыми, то онъ, Федоровъ, и долженъ быть признанъ виновнымъ въ распространеніи, путемъ напечатанія несправедливыхъ обвиненій противъ турецкаго подданнаго Берга, въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести, т. е. въ клеветѣ въ печати, и подвергнутъ одному изъ наказаній по 2 ч. 1535 ст. улож.,

причемъ, по сопровождавшимъ преступленіе обстоятельствамъ, согласно 149 ст. улож., представляется справедливымъ избрать слабѣйшее изъ тѣхъ наказаній и назначить таковое въ средней мѣрѣ. По симъ соображеніямъ судебная палата опредѣлила: приговоръ окружнаго суда отмѣнить и редактора газеты «Новое Время», коллежскаго ассесора Михаила Федорова, подвергнуть тюремному заключенію на три мѣсяца. На этотъ приговоръ подсудимый Федоровъ принесъ кассаціонную жалобу, въ которой объясняетъ, что, за признаніемъ судебною палатою того, что корреспонденцію, содержащую въ себѣ клевету противъ Берга, написалъ неизвѣстный авторъ, и за неустановленіемъ, затѣмъ, того, чтобы онъ, Федоровъ, печатая оную, зналъ о ея несправедливости, примѣненіе къ нему 1535 ст. улож. оказывается неправильнымъ, такъ какъ этимъ нарушается и 15 ст. уст. угол. суд. перенесеніемъ на него отвѣтственности за другое лицо, съ присужденіемъ его къ наказанію за то, чего онъ лично не совершалъ, и общій законъ о нарушеніяхъ постановленій о повременныхъ изданіяхъ, ибо если отвѣтственность за содержаніе помѣщенныхъ въ этихъ изданіяхъ статей и обращается во всякомъ случаѣ на редактора изданія, какъ на главнаго виновника (1044 ст. улож.), то эта отвѣтственность опредѣлительна и указана въ рядѣ предшествующихъ статей уложенія. Примѣненная къ винѣ Федорова 1535 ст. улож. помѣщена совершенно въ другомъ отдѣлѣ уложенія и если и можетъ имѣть, въ извѣстныхъ случаяхъ, примѣненіе къ авторамъ печатныхъ произведеній, какъ это разъяснилъ Правительствующій Сенатъ по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго, тѣмъ не менѣе представляется неприменимою къ редакторамъ газетъ, такъ какъ они печатаютъ чужія статьи и корреспонденціи; редакторы могутъ отвѣчать лишь за внѣшнее содержаніе подобныхъ статей, за ихъ оскорбительность (1039 и 1040 ст. улож.), но не за ихъ лживость. Приписывать въ этихъ случаяхъ редактору клеветническій умыселъ автора, значило бы обвинить его въ соучастіи въ преступленіи безъ всякаго знанія о самомъ преступленіи, что̀ не соотвѣтствовало бы общимъ началамъ уголовнаго правосудія.

Отвѣтственный редакторъ «Новаго Времени» коллежскій ассесоръ Федоровъ жалуется, въ кассаціонномъ порядкѣ, на приговоръ с.-петербургской судебной палаты, которая, найдя въ его дѣяніи, состоявшемъ въ напечатаніи корреспонденціи съ обвиненіемъ турецкаго подданнаго Берга въ недобросовѣстныхъ и постыдныхъ продѣлкахъ съ русскими путешественниками въ Вѣнѣ,—признаки клеветы, присудила его къ наказанію по ст. 1535 ул. о наказ. Жалобщикъ указываетъ на то, что статья 1044 ул., въ силу которой редакторъ отвѣчаетъ за содержаніе помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ произведеній какъ главный виновникъ, не можетъ имѣть примѣненія къ обвиненіямъ по 1535 ст. ул., ибо клевета въ печати всегда и неизбѣжно предполагаетъ завѣдомую лживость напечатаннаго извѣстія, редакторъ же, помѣстившій корреспонденцію, оказавшуюся лживою и содержащую несправедливыя обвиненія, можетъ отвѣчать лишь за опозоренье или диффамацію, или же за брань и злословіе, т. е. за дѣянія, предусмотрѣнныя въ 1039 и 1040 ст. улож. Объясняя затѣмъ, что су-

дебная палата признала его виновнымъ лишь въ помѣщеніи корреспонденціи неизвѣстнаго автора, содержащей въ себѣ клевету на Берга, но не указала, чтобы обвиняемый зналъ что либо о несправедливости взведенныхъ на Берга обвиненій, Федоровъ, ссылаясь на ст. 15 уст. уг. суд., по которой въ дѣлахъ уголовныхъ всякій несетъ отвѣтственность только самъ за себя, не считаетъ себя отвѣтственнымъ за дѣяніе другого лица и подлежащимъ наказанію за клевету, а не за диффамацію, какъ то было признано окружнымъ судомъ. Поэтому, будучи виновенъ во всякомъ случаѣ и исключительно лишь въ диффамаціи, Федоровъ заявляетъ о неправильности требованія отъ него палатою такихъ доказательствъ своей невиновности, которыхъ онъ, по свойству взведеннаго на него обвиненія и по точному разуму закона, и не долженъ былъ представлять, ибо, согласно 1039 ст. улож., никакое позднѣйшее представленіе доказательствъ, хотя бы совершенно удостовѣряющихъ справедливость напечатаннаго, не можетъ измѣнить или ослабить отвѣтственность за оглашеніе оскорбительныхъ для чужой чести фактовъ. Вслѣдствіе этого и прилагая нынѣ къ кассаціонной своей жалобѣ рядъ письменныхъ данныхъ, доказывающихъ, по его мнѣнію, справедливость корреспонденціи о Бергѣ, Федоровъ проситъ отмѣнить приговоръ судебной палаты.

Такимъ образомъ, по настоящему дѣлу возбуждается общій вопросъ объ отвѣтственности редакторовъ повременныхъ изданій за клевету, содержащуюся въ напечатанныхъ по ихъ распоряженію корреспонденціяхъ третьихъ лицъ, и частный вопросъ о правильности примѣненія къ дѣянію Федорова статьи 1535 улож., и объ основательности возложенія на него судебною палатою, въ виду предъявленнаго противъ него обвиненія, обязанности представлять въ свое оправданіе доказательства справедливости позорящихъ обстоятельствъ.

Обращаясь къ *первому* и по своему значенію главному вопросу, я нахожу, что для разрѣшенія его, согласно доводамъ жалобщика, въ отрицательномъ смыслѣ—основаній не представляется. Ни разумъ закона, ни правдивый голосъ справедливыхъ требованій жизни не дозволяютъ пріурочивать отвѣтственность редакторовъ повременныхъ изданій только къ понятію о диффамаціи, о злословіи и о брани въ печати. Разсмотрѣніе состава преступленія клеветы въ печати не приводитъ къ выводу, что редакторъ огражденъ отъ обвиненія въ этомъ преступленіи самымъ своимъ званіемъ и тѣмъ, что не онъ является авторомъ статей и корреспонденцій, помѣщенныхъ въ изданіи, которымъ онъ руководитъ. Раздѣленіе труда между авторомъ и редакторомъ, просматривающимъ рукопись автора и дающимъ не только разрѣшеніе напечатать ее, но и дѣлающимъ распоряженіе о томъ какъ, когда и въ какомъ мѣстѣ изданія напечатать—совсѣмъ не обусловливаетъ

собою и раздѣленія ихъ уголовной отвѣтственности въ тѣхъ случаяхъ, когда окажется, что рукопись содержала въ себѣ клевету, направленную безъ всякой провѣрки, безъ всякаго взвѣшиванія ея основательности, на лучшее достояніе человѣка — его честь и доброе имя. Нѣтъ сомнѣнія, что могутъ быть случаи, когда редакторъ сдѣлается жертвою стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ или искусно подстроеннаго обмана и окажется неповиннымъ въ клеветѣ, отвѣтственность за которую всецѣло и должна пасть на сотрудника. Но нельзя признавать правильнымъ утвержденія, что редакторъ, какъ бы тѣсно ни былъ онъ переплетенъ съ своимъ сотрудникомъ въ общемъ дѣлѣ преступнаго обращенія съ чужой честью, тотчасъ по совершеніи посягательства на эту честь расходится съ сотрудникомъ по разнымъ путямъ отвѣтственности предъ закономъ и навсегда освобождается отъ обвиненія въ томъ, что названо въ кассаціонной жалобѣ «позорнымъ дѣяніемъ извѣта на человѣка, ни въ чемъ неповиннаго». По условіямъ, въ которыя поставлена дѣятельность редактора повременнаго изданія, оправданіе его по обвиненію въ клеветѣ, нашедшей себѣ мѣсто въ статьѣ сотрудника, весьма возможно и вполнѣ согласно съ интересами правосудія, но только оно должно быть основано на разсмотрѣніи существа дѣла, на оцѣнкѣ отношеній редактора къ личности сотрудника и къ источникамъ, изъ которыхъ послѣдній почерпнулъ содержаніе своей статьи, а отнюдь не на ложномъ началѣ принципіальной безотвѣтственности редактора за клевету, помѣщенную въ его изданіи. Иными словами, судъ можетъ признать редактора неповиннымъ въ *данной* клеветѣ, но не долженъ освобождать его отъ отвѣтственности только потому, что онъ, какъ *редакторъ*, не можетъ быть обвиняемъ въ клеветѣ, а имѣетъ исключительное право быть лишь диффаматоромъ. Строгаго отмежеванія области отвѣтственности и для редактора, и для автора—не знаетъ законъ. Не знаетъ его поэтому, вопреки взгляду кассатора, и судебная практика, въ которой вопросъ о такомъ отмежеваніи возникаетъ впервые. Рѣшеніе Правительствующаго Сената по дѣлу Ватсона и Суворина, на которое ссылаются, какъ на руководящее, доказываетъ прежде всего, что даже и по столь важному для опредѣленія предѣловъ отвѣтственности редакторовъ дѣлу не было признано возможнымъ возбудить вопросъ о принципіальной неотвѣтственности редактора за клевету. Напротивъ, жалобщики,—изъ коихъ одинъ, Ватсонъ, былъ редакторомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»,—вовсе не отрицали возможности и справедливости привлеченія и редактора за клевету въ печати, но лишь доказывали, что напечатанное ими, по существу своему и по источнику своего происхожденія, не имѣетъ признаковъ клеветы. Поэтому Правительствующій Сенатъ, опредѣляя законный составъ преступленія клеветы, не касался, въ рѣшеніи по сему

дѣлу, вопроса объ исключительномъ характерѣ отвѣтственности редактора. Утвержденіе кассатора о томъ, что Правительствующій Сенатъ отступилъ затѣмъ отъ высказанныхъ имъ взглядовъ на клевету и преподалъ новыя руководящія начала, не подтверждается ближайшимъ разсмотрѣніемъ рѣшенія 1885 года, № 33, по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго. Обсуждая въ первомъ изъ этихъ рѣшеній вопросъ о томъ, *что* долженъ признавать судъ для освобожденія отъ отвѣтственности обвиняемаго по 1535 ст., Правительствующій Сенатъ высказалъ, что по этой статьѣ не можетъ быть подвергнутъ наказанію тотъ, кто распространялъ о комъ-либо ложное извѣстіе, *полагая*, что онъ распространяетъ свѣдѣніе объ истинномъ происшествіи. Въ виду разнообразнаго и произвольнаго толкованія судебною практикою понятій, заключающихся въ словѣ *полагалъ*, Правительствующій Сенатъ во второмъ изъ приведенныхъ рѣшеній подвергнулъ это опредѣленіе основаній для оправданія обвиняемаго въ печатной клеветѣ — подробному анализу. Результатомъ его явилось выясненіе, что недостаточно *думать*, что оглашенное позорящее обстоятельство *возможно*, недостаточно *предполагать*, что обвиненіе справедливо потому, что оно *правдоподобно*. Нужна увѣренность, нужно убѣжденіе въ справедливости распространяемаго. Давая точное опредѣленіе понятію о клеветѣ и указывая, на какихъ юридическихъ соображеніяхъ долженъ основываться судъ для оправданія виновнаго въ клеветѣ въ печати, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что *клевету составляетъ не завѣдомо правдивое обвиненіе кого либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, и для оправданія въ клеветѣ необходимо признаніе со стороны суда, что обвиняемый былъ убѣжденъ въ справедливости того, что онъ распространялъ*. Иными словами: необходимо признаніе судомъ того, что оправданный имѣлъ предъ собою данныя, которыя исключали для него возможность сомнѣнія въ истинѣ того, что онъ излагалъ, ибо—и въ житейскихъ, и въ судебныхъ дѣлахъ, гдѣ есть сомнѣніе, тамъ уже нѣтъ мѣста убѣжденію. Не даромъ же существуетъ завѣщанное судебнымъ опытомъ всѣхъ народовъ правило, по которому убѣжденіе въ виновности не признается сложившимся, доколѣ существуетъ хотя бы малѣйшее сомнѣніе, которое всегда толкуется въ пользу подсудимаго и, слѣдовательно, противъ всѣхъ данныхъ, изъ которыхъ могло бы вытечь убѣжденіе въ его виновности. Согласно съ этимъ смотритъ на клевету въ печати и лучшій изъ новѣйшихъ уголовныхъ кодексовъ — германское уголовное уложеніе. Оно называетъ клеветою и завѣдомо ложное обвиненіе (§ 187), и обвиненіе, справедливость котораго не будетъ явно истиною (§ 186). «Никто не долженъ ни утверждать, ни распространять фактовъ, пятнающихъ честь человѣка, если не въ состояніи отстоять или подтвердить доказательствами свое утвер-

жденіе, хотя бы и дѣлалъ его bona fide...» говорится въ мотивахъ къ этому опредѣленію.

Такимъ образомъ, согласно окончательно выраженному Сенатомъ взгляду на клевету въ печати,— для признанія кого либо виновнымъ въ этомъ преступленіи, необходимо установить, что содержащееся въ вызвавшихъ преслѣдованіе строкахъ обвиненіе несправедливо, что оно касается дѣянія позорнаго и что подсудимый не былъ убѣжденъ въ справедливости разглашенныхъ имъ свѣдѣній. Поэтому, для заключенія, что редакторъ не можетъ вообще отвѣтствовать за клевету въ томъ видѣ, какъ ея признаки установлены разъясненіемъ Правительствующаго Сената, необходимо признать: *во-первыхъ*, что редакторъ, по своему положенію и отношенію къ повременному изданію, стоитъ внѣ поводовъ и возможности дѣйствовать, пользуясь имѣющимся у него въ рукахъ могущественнымъ орудіемъ, по такимъ же личнымъ и пристрастнымъ побужденіямъ, по какимъ дѣйствуетъ авторъ, стремящійся путемъ ложныхъ обвиненій потрясти репутацію частнаго человѣка; *во-вторыхъ*, что устраненіе редактора отъ отвѣтственности за клевету въ печати никогда не лишаетъ потерпѣвшаго возможности преслѣдовать виновнаго въ поруганіи его чести и добиться возстановленія ея торжественнымъ признаніемъ въ судебномъ приговорѣ лживости оглашенныхъ свѣдѣній, и наконецъ, *въ-третьихъ*, что редактору, помѣщающему у себя опорочивающее чью либо честь сообщеніе, принадлежитъ лишь второстепенная, пассивная роль наблюдателя за формою и внѣшнимъ составомъ печатаемаго, роль наблюдателя, стѣсненнаго въ своихъ распоряженіяхъ лишь запрещеніемъ браниться и оглашать то, чего нельзя, въ интересахъ спокойствія частной жизни, объявлять во всеобщее свѣдѣніе.

Посмотримъ на каждое изъ этихъ условій. Первое изъ нихъ падаетъ при ближайшемъ прикосновеніи. Редакторъ повременнаго изданія есть, прежде всего, дѣятель печатнаго слова. А слово — это оружіе тонкое, гибкое и обоюдоострое. Поэтому оно можетъ быть употребляемо для достиженія разныхъ цѣлей. Указывая, среди всеобщаго незнанія или робкаго и равнодушнаго молчанія, на беззаконіе, — срывая, съ доказательствами въ рукахъ, маску съ лицемѣра, съ притѣснителя беззащитныхъ, съ грабителя слабыхъ, съ хищника и сѣятеля соблазна,—это слово стремится къ высокой и нравственной цѣли. Служа сведенію личныхъ счетовъ, предлагая свои услуги злобнымъ и непровѣреннымъ подозрѣніямъ, давая исходъ мстительному чувству, — это слово становится недостойнымъ своего назначенія и тѣмъ болѣе вреднымъ, чѣмъ шире и безграничнѣе область его разрушительнаго дѣйствія. Даже и легкомысленно обращаясь съ матеріаломъ, изъ котораго оно черпаетъ свои выгоды, не провѣривъ его серьезно

и съ тѣмъ «святымъ безпокойствомъ», которое должно вызываться возможностью впасть въ ошибку и прибить къ позорному столбу неповиннаго человѣка,—печатное слово плохо исполняетъ обязанности своего общественнаго служенія. Редакторъ повременнаго изданія, дающій окончательную санкцію тому, что должно быть напечатано, можетъ быть доступенъ разнообразнымъ побужденіямъ. Между ними могутъ быть высокія и благородныя, но могутъ закрасться и личное пристрастіе, и недоброжелательство, и торопливое стремленіе изобличить, не утруждая себя провѣркою данныхъ, и раздражительное желаніе показать свою силу. При отсутствіи установленнаго закономъ нравственнаго и строгаго образовательнаго ценза для редактора, таковымъ можетъ быть лицо, вносящее въ свою дѣятельность не осуществленіе отвѣтственнаго предъ обществомъ призванія, а лишь суетливое отправленіе ремесла, при которомъ легкая возможность вызвать злорадныя улыбки довѣрчивыхъ читателей затмѣваетъ представленіе о ѣдкой скорби и негодованіи несправедливо поруганнаго и его близкихъ. Если такимъ образомъ нельзя отрицать возможности отношенія редактора повременнаго изданія въ чести частнаго лица съ преступнымъ легкомысліемъ и небрежностью, то нельзя отрицать и возможности обвиненія его въ клеветѣ, то-есть въ распространеніи слуховъ, для него самого не завѣдомо ложныхъ. Кассаторъ отрицаетъ всякую возможность наказанія редактора за клевету, потому что отвѣтственнымъ, лицомъ является авторъ. Но, однако, еслибы редакторъ изданія, не стоящій на довлѣющей ему нравственной высотѣ и ослѣпленный личнымъ чувствомъ, поручилъ сотруднику написать статью, замѣтку или корреспонденцію съ оглашеніемъ вымышленныхъ, позорящихъ фактовъ, имъ самимъ сообщенныхъ этому сотруднику, то неужели, слѣдуя теоріи кассатора, можно бы было, не нарушая вопіющимъ образомъ требованій справедливости, наказать лишь автора за клевету, а редактора только за диффамацію? А еслибы притомъ было доказано, что личность редактора, обстановка, въ которой было сдѣлано порученіе и источники позорящихъ фактовъ, которые были указаны, привели сотрудника къ убѣжденію, что сообщаемое ему во всемъ согласно съ истиною, то его слѣдовало бы оправдать, а виновнаго въ клеветѣ вовсе не оказалось бы. А вѣдь это неотысканіе виновнаго въ дѣлѣ о клеветѣ равносильно въ практическомъ отношеніи лишенію потерпѣвшаго права сказать: «меня ложно опозорили», ибо обвиненіе редактора въ диффамаціи даетъ потерпѣвшему лишь право сказать: «обо мнѣ разгласили то, чего не слѣдовало».

Доказать наличность второго условія, то есть обезпеченности, для потерпѣвшаго отъ клеветы, личности отвѣтчика при принципіальномъ отрицаніи права преслѣдовать редактора иначе какъ за диффамацію — невозможно. Не говоря уже о случаѣ, когда

авторъ, живущій гдѣ нибудь далеко, окажется, неожиданно для самого редактора, лицомъ, принявшимъ вымышленную фамилію или давшимъ ложное указаніе о мѣстѣ своего жительства, — авторъ можетъ проживать за предѣлами государства и въ такомъ отдаленіи, что потерпѣвшему придется покупать возстановленіе своей чести путемъ громадной траты времени и матеріальнаго разоренія на путевые расходы, необходимые для розысканія и преслѣдованія виновнаго. Отказывать этому потерпѣвшему въ правѣ преслѣдовать редактора и отсылать его, быть можетъ, даже за предѣлы Европы, къ автору—было бы, по меньшей мѣрѣ, неправосудно. Оно было бы и несогласно съ достоинствомъ судебной власти, которая призвана охранять права личности, оказывая ей дѣйствительную, осуществимую, а не фиктивную защиту. Несомнѣнно, что, пользуясь своимъ правомъ обратиться съ уголовнымъ искомъ къ редактору, оклеветанный рискуетъ, даже при очевидности факта клеветы, вызвать признаніе судомъ, что редакторъ былъ, по обстоятельствамъ дѣла, убѣжденъ въ истинности того, что напечаталъ. Но такой оправдательный приговоръ, неизбѣжно, однако, связанный съ признаніемъ наличности клеветы, уловить которую редакторъ, при всемъ стараніи, не могъ,— все-таки снимаетъ пятно лживаго обвиненія съ чести пострадавшаго и даетъ ему нравственное удовлетореніе. Притомъ, возможность риска при осуществленіи какого либо права не должна вести къ отрицанію самаго права. Поэтому, за потерпѣвшимъ надо признать законное право обратиться съ уголовнымъ искомъ о клеветѣ не только къ автору, но и къ редактору.

Кассаторъ утверждаетъ, что гарантія возстановленія судомъ чести частныхъ лицъ *даже* въ случаѣ сокрытія редакторами, подлежащими отвѣту исключительно за диффамацію, *автора* клеветническихъ статей все-таки существуетъ, ибо обиженный всегда можетъ возбудить вопросъ о несправедливости напечатаннаго, и судъ, въ своемъ приговорѣ, составляющемъ *отвѣтъ на жалобу*, всегда можетъ возстановить честь оклеветаннаго. Это мнѣніе кассатора не можетъ быть признано основательнымъ, и притомъ въ двухъ отношеніяхъ. *Во-первыхъ*, кассаторъ предполагаетъ въ видѣ общаго правила, дѣлая лишенное юридической силы исключеніе для «крайнихъ случаевъ», — невозможность преслѣдованія редактора даже и въ томъ случаѣ, когда онъ не выдаетъ автора. Между тѣмъ, въ этомъ случаѣ редакторъ, отожествляя себя съ клеветникомъ, дѣлается солидарнымъ со всѣми его дѣйствіями и отвѣтственнымъ за нихъ. Онъ сливается съ виновнымъ и заступаетъ его, въ глазахъ карательнаго закона, всецѣло и безъ всякихъ ограниченій. Не «укрывателемъ» или «недоносителемъ», какъ соглашается допустить для «крайнихъ случаевъ» кассаторъ, а полноотвѣтственнымъ *совершителемъ* преступленія клеветы яв-

ляется онъ. Вѣдь безъ его согласія и распоряженія статья клеветника, котораго онъ *не хочетъ выдать*, никогда бы не увидала свѣта, то-есть не достигла бы цѣли. Какое же тутъ *недонесеніе*, состоящее, по ст. 15 улож. о наказ., въ неисполненіи обязанности довести до свѣдѣнія правительства объ умышляемомъ или уже содѣянномъ преступленіи, при имѣніи къ тому возможности? Еще болѣе — какое тутъ *укрывательство*, всегда предполагающее *отсутствіе какого-либо участія* въ содѣяніи преступленія? *Во-вторыхъ*, кассаторъ заблуждается, предполагая, что карательная юстиція можетъ изрекать отвлеченныя рѣшенія *о преступленіи*, не пріурочивая этого преступленія къ извѣстному, обвиняемому въ немъ лицу. Уголовный судъ, разрѣшая уголовный искъ, имѣетъ дѣло съ преступнымъ фактомъ, насколько въ немъ выразилась воля и дѣятельность опредѣленнаго, конкретнаго лица. Уголовный приговоръ, составляющій «отвѣтъ на жалобу», можетъ оправдывать человѣка, обвиняемаго въ преступномъ дѣяніи, но не можетъ квалифицировать или разбирать дѣяніе, съ которымъ никакого *личнаго* обвиненія не было связано. Судъ не можетъ обсуждать вопроса — есть ли *клевета* въ дѣйствіяхъ лица, не привлеченнаго къ отвѣтственности, а для признанія того, кто привлеченъ, виновнымъ въ *диффамаціи*, разсмотрѣніе данныхъ, доказывающихъ, что оглашенныя свѣдѣнія суть клевета,— для состава преступленія диффамаціи излишне и для разрѣшенія вопроса преждевременно, такъ какъ, быть можетъ, обвиняемый въ клеветѣ явился бы съ неопровержимыми доказательствами правдивости того, что ему ставится въ вину.

Перехожу къ *третьему условію* ненаказуемости редактора за клевету—къ его роли при печатаніи въ редактируемомъ имъ изданіи какого либо произведенія. Едва ли нужно доказывать, что его дѣятельность вовсе не имѣетъ того, чисто внѣшняго, формальнаго характера, который устранялъ бы отъ него самую возможность клеветы. Напротивъ, онъ главная пружина всего дѣла,— онъ властительный посредникъ между публикою и авторами,— ему принадлежитъ общее направленіе, тонъ, нравственная и политическая окраска изданія. При правильномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей, ни одна статья не можетъ появиться въ изданіи безъ его разрѣшенія и, слѣдовательно, одобренія. У него, какъ въ своего рода карантинѣ, сосредоточиваются статьи разнообразныя по содержанію, стилю, цѣлямъ,—отъ него зависитъ отвергнуть однѣ, поправить другія, выяснить себѣ содержаніе третьихъ. Только очистивъ ихъ отъ всего чуждаго цѣлямъ литературы, только удостовѣрясь, что подъ яркимъ флагомъ общественной пользы и вопіющей правды въ нихъ не провозится нездоровый грузъ личныхъ счетовъ, легкомысленныхъ обобщеній и поспѣшныхъ обвиненій,—долженъ онъ дозволять ихъ помѣщеніе на пе-

чатномъ листѣ, за содержаніе котораго онъ отвѣчаетъ своею подписью. Въ своей отвѣтственной предъ обществомъ и вліятельной дѣятельности, редакторъ обязанъ служить правдѣ — правдою и принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы въ обществѣ держалась вѣра, что завѣтъ великаго писателя «со словомъ надо обращаться честно»—выполняется на дѣлѣ. Поэтому редакторъ не можетъ умывать руки по отношенію къ сотруднику, который напечатаетъ лживыя обвиненія, и говорить въ свое оправданіе: «клеветникъ— это онъ, ему и да будетъ стыдно! а я простой огласитель, хотѣвшій послужить обществу, даже рискуя собственною отвѣтственностью». Нѣтъ! Если редакторъ не былъ *убѣжденъ*, что то, что сообщилъ ему сотрудникъ — правда, если у него, по общей здравой человѣческой логикѣ, должны были возникнуть сомнѣнія въ дѣйствительности оглашенныхъ фактовъ—и несмотря на то, онъ пустилъ статью въ свѣтъ,—онъ виновенъ юридически не менѣе сотрудника,—а нравственно—болѣе. *Не менѣе* потому, что онъ *раздѣлилъ* съ своимъ сотрудникомъ работу по опозоренію неповиннаго, *болѣе*—потому, что безжизненной рукописи исключительно онъ придалъ жизнь давленіемъ типографскаго станка и, располагая возможностью распространить лживое обвиненіе въ тысячахъ оттисковъ,—у входа въ необозримый міръ «читателей», не вдумался въ свои дѣйствія и ихъ послѣдствія и не остановилъ трезвымъ сомнѣніемъ личные порывы безсильнаго, безъ его помощи, автора. Законъ считаетъ, въ ст. 1044 улож. о наказ., редактора главнымъ виновнымъ при вопросѣ объ отвѣтственности за содержаніе статей, помѣщенныхъ въ повременномъ изданіи, и дѣлаетъ это потому, что безъ содѣйствія редактора брань, злословіе и оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ, предпринятое авторомъ, не можетъ проникнуть въ публику. Такое же отношеніе редактора и автора какъ между собою, такъ и къ публикѣ существуетъ и при печатной клеветѣ, и если редактора въ послѣднемъ случаѣ нельзя считать *главнымъ виновнымъ* въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ этотъ терминъ ст. 12 улож. о наказ., тѣмъ не менѣе онъ является *одинаково виновнымъ*, какъ и авторъ. Новый французскій законъ о свободѣ печати (29-го іюля 1881 года) относится къ редактору во всѣхъ случаяхъ преступленій, учиняемыхъ путемъ печати—съ особою строгостью и всегда считаетъ его *главнымъ* виновнымъ, наказывая сочинителя какъ соучастника (гл. V, § 1, ст. 42 и 43). Такимъ образомъ я прихожу къ неизбѣжному, по моему мнѣнію, выводу, что для редактора существуетъ возможность отвѣтственности за клевету въ печати. Эта возможность отвѣтственности обусловливаетъ собою возбужденіе преслѣдованія за клевету, и такое обвиненіе не можетъ и не должно быть отклонено судомъ потому, что редактора, будто бы, вообще нельзя привлекать за клевету.

Для признанія виновнымъ въ клеветѣ—Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго указаны необходимыя условія. Только при наличности ихъ можетъ послѣдовать обвинительный приговоръ. Судъ обязанъ въ каждомъ случаѣ обвиненія редактора въ клеветѣ не упускать изъ виду трудностей его спеціальнаго положенія, создаваемыхъ задачами и способами публицистической дѣятельности. Эти трудности должны указывать *справедливому чувству* суда тѣ границы, далѣе которыхъ не должно идти требованіе основаній для убѣжденія редактора въ правдивости сотрудника. Поставленный въ центрѣ обширной окружности, въ которомъ сходятся извѣстія и сообщенія изъ разныхъ концовъ страны, редакторъ обязанъ серьезно относиться къ содержанію и происхожденію этихъ извѣстій, но отъ него невозможно требовать производства по каждому изъ нихъ цѣлаго изслѣдованія или дознанія на мѣстѣ. При осуществленіи такого требованія, извѣстіе, выигрывая, быть можетъ, въ точности, теряло бы въ своей своевременности и выцвѣтало бы до полной негодности для помѣщенія въ повременномъ изданіи, которое должно отражать въ себѣ постоянную смѣну явленій общественной жизни. Ставя непремѣннымъ условіемъ оправданія въ клеветѣ *убѣжденіе* редактора въ справедливости оглашаемыхъ свѣдѣній, судъ долженъ войти въ положеніе редактора и оцѣнить, достаточны ли были для *него* основанія, чтобы прійти къ такому убѣжденію. Полная немотивированность довѣрія или указаніе, что убѣжденіе было вызвано довѣріемъ, а довѣріе—неуловимымъ чувствомъ, въ которомъ самъ довѣрявшій не можетъ дать себѣ яснаго отчета,—конечно, не могутъ имѣть значенія въ глазахъ суда. Но, съ другой стороны, если довѣріе къ сообщенію сотрудника основано на его общественномъ положеніи, или общепризнанныхъ нравственныхъ достоинствахъ или на старинныхъ, испытанныхъ сношеніяхъ съ редакціею, то судъ можетъ найти, что сообщеніе, исходившее отъ *такого* лица, не нуждалось въ провѣркѣ и могло вызвать въ редакторѣ убѣжденіе въ своей правдивости, снимающее съ него обвиненіе въ клеветѣ. Клевета, нашедшая себѣ мѣсто въ сообщеніи такого лица, не могла быть предполагаема редакторомъ; онъ введенъ въ заблужденіе и сдѣлался жертвою довѣрія, для котораго однако въ личности, обстановкѣ и дѣятельности автора были полныя основанія. И опять, иначе можетъ отнестись судъ къ убѣжденію въ правдивости сообщенія лица, неизвѣстнаго редактору ни лично, ни по фамиліи и приславшаго откуда нибудь съ края свѣта корреспонденцію съ позорящими для кого либо изъ своихъ согражданъ обвиненіями. Судъ въ правѣ въ этомъ случаѣ потребовать отъ обвиняемаго объясненій, почему онъ повѣрилъ сообщенію, присланному издалека лицомъ, о которомъ даже неизвѣстно, именуетъ ли оно себя настоящею фами-

лей. И если редакторъ основаній къ такому довѣрію, вызвавшему въ немъ убѣжденіе въ правдивости корреспонденціи, не представитъ,—судъ имѣетъ право признать, что онъ *не могъ* быть убѣжденъ въ истинности того, что напечатано — и обвинить его въ клеветѣ. Однимъ словомъ, дѣло суда по существу—взвѣсить въ каждомъ данномъ случаѣ всю совокупность обстоятельствъ, при которыхъ могло сложиться у редактора убѣжденіе въ справедливости именно даннаго, оглашеннаго имъ свѣдѣнія. Положеніе редактора дѣлаетъ для него во многихъ случаяхъ невозможною провѣрку справедливости *обстоятельствъ*, изложенныхъ въ сообщеніи, но отъ него можно и должно требовать строгаго и разборчиваго отношенія *къ источнику*, изъ котораго исходитъ это сообщеніе. Провѣрка этого *источника* для убѣжденія въ его чистотѣ необходима. Не предпринявъ ея или не имѣя твердыхъ основаній считать ее излишнею,—редакторъ долженъ нести отвѣтственность. Намъ говорятъ, что при допущеніи отвѣтственности за клевету, дѣятельность его сдѣлается крайне трудною, почти невозможною, такъ что интересы печатнаго слова требуютъ ограниченія отвѣтственности редактора предѣлами исключительно диффамаціи. Едва ли, однако, эти опасенія основательны и построенныя на нихъ требованія правильны. Правильная дѣятельность редактора связана съ оцѣнкою и разборомъ источниковъ, откуда почерпаются печатаемыя свѣдѣнія, а если и при такой нравственно обязательной для редактора дѣятельности будутъ возбуждаемы противъ него обвиненія, то я не вижу, почему для него обвиненіе въ клеветѣ тягостнѣе, чѣмъ обвиненіе въ диффамаціи. Наказаніе за послѣднюю по своему высшему размѣру строже, способы же оправданія съужены до послѣдней степени. Въ то время, какъ редакторъ, обвиняемый въ оклеветаніи, имѣетъ право выступить во всеоружіи всевозможныхъ доказательствъ дѣйствительной негодности, якобы, оклеветаннаго,—онъ же, обвиняемый въ диффамаціи по тому же самому поводу, можетъ защищаться лишь отрицаніемъ своего участія въ редактированіи вызвавшаго обвиненіе нумера газеты или журнала. Нѣсколько большая осмотрительность и осторожность въ обращеніи съ чужимъ добрымъ именемъ, быть можетъ, и составляетъ нѣкоторую помѣху въ быстротѣ дѣятельности публициста, но она соотвѣтствуетъ требованіямъ общественнаго спокойствія и необходимости справедливаго огражденія правъ частныхъ лицъ. Это было признано и дѣятелемъ, глубокая опытность котораго въ вопросахъ свободы печатнаго слова и высокая нравственная чистота—признаны всѣми, и признаны безусловно. «Мы не вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе нѣкоторыхъ нашихъ собратовъ относительно недавняго толкованія о клеветѣ въ печати»—писалъ по поводу дѣла Ахшарумова въ послѣднемъ «*предсмертномъ*» нумерѣ «Руси» И. С. Аксаковъ. «Признаемъ вполнѣ,

вмѣстѣ съ ними, все вытекающее изъ этого толкованія затрудненіе для публицистики, но изъ двухъ золъ клевета есть, безъ сомнѣнія, худшее. Новое толкованіе стремится хоть сколько нибудь помочь бѣдѣ, происходящей отъ злоупотребленія властью, которою надѣленъ каждый редакторъ—и требованіе, чтобы редакторъ доказалъ, по крайней мѣрѣ, *искренность* своего убѣжденія въ томъ, что извѣстіе, чернящее честь частнаго лица, дѣйствительно правдиво,—требованіе это мы признаемъ нравственнымъ. Что-жъ! будемъ осторожнѣе».

На основаніи всего сказаннаго мною, я полагаю, что первый, *принципіальный* вопросъ, поставленный кассаціонною жалобою, долженъ быть рѣшенъ утвердительно—признаніемъ, что редакторъ можетъ быть привлекаемъ къ отвѣтственности за клевету въ печати.

Поэтому, въ этомъ отношеніи, кассаціонная жалоба подлежитъ оставленію безъ послѣдствій.

Обращаюсь ко *второму* вопросу, возбуждаемому настоящимъ дѣломъ. Клевета въ печати и диффамація, предусмотрѣнныя 1039 и 1535 ст. уложенія,—два дѣянія совершенно различнаго свойства. Они существенно разнятся между собою и по своей юридической окраскѣ, и по своимъ практическимъ послѣдствіямъ. Различіе это выражается, во-первыхъ, по *мѣсту,* которое занимаютъ эти дѣянія въ уложеніи: клевета есть общее преступленіе, совершаемое путемъ печати (раздѣлъ X, глава VI о непосредственныхъ личныхъ оскорбленіяхъ), диффамація есть спеціальное нарушеніе постановленій о печати (раздѣлъ VIII, глава V); во вторыхъ—по своему *существу:* клевета есть незавѣдомо правдивое обвиненіе кого либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести,—диффамація есть оглашеніе во всеобщее свѣдѣніе позорящихъ фактовъ, безотносительно къ тому, справедливы они или нѣтъ; въ-третьихъ—по *цѣлямъ карательнаго закона:* въ первомъ случаѣ цѣль эта—огражденіе, защита, возстановленіе чести обиженнаго,—во-второмъ—охраненіе частной жизни отъ посторонняго вторженія, для устраненія раздраженія и безпокойства въ обществѣ; въ четвертыхъ—по *наказаніямъ:* огласителю грозитъ наказаніе большее по размѣрамъ (денежное взысканіе до 500 р. и тюрьма до года и четырехъ мѣсяцевъ или же одно изъ этихъ наказаній, по усмотрѣнію суда), но представляющее большій просторъ для судьи въ выборѣ,—клеветникъ подлежитъ меньшему наказанію (тюрьма до восьми мѣсяцевъ), но исключительно личному, не допускающему выбора; въ пятыхъ—по *давности,* срокъ которой для клеветы вдвое длиннѣе, чѣмъ для диффамаціи; въ шестыхъ—по *условіямъ оглашенія судебной процедуры:* по дѣламъ о клеветѣ и приговоръ, и отчетъ о засѣданіи печатаются невозбранно, составляя такимъ образомъ весьма важ-

ный документъ и для обиженнаго, требованіе котораго уважено судомъ, и для обвиняемаго, который оправданъ; по дѣламъ же о диффамаціи, на основаніи 1213[15] ст. уст. угол. судопроизводства, пренія не могутъ быть печатаемы вовсе, хотя бы они и происходили при публикѣ, а можетъ быть напечатанъ приговоръ суда, и то лишь съ особаго разрѣшенія; въ седьмыхъ, наконецъ, по *средствамъ оправданія* въ обоихъ преступленіяхъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи разница клеветы и диффамаціи выступаетъ съ особою яркостью и практическою силою. Законъ дозволяетъ обвиняемому въ клеветѣ защищаться *всѣми* доступными разсмотрѣнію суда средствами. Письменныя доказательства, документы, произведенія печати, свидѣтели и даже экспертиза могутъ явиться на защиту обвиняемаго. Законъ не допускаетъ при диффамаціи *частнаго* лица — *никакихъ* доказательствъ, кромѣ одного, состоящаго въ указаніи того, что привлеченіе состоялось по ошибкѣ, ибо не обвиняемый писалъ, не онъ редактировалъ произведеніе печати. Изъ всего этого вытекаетъ двоякое положеніе обвиняемаго по отношенію къ праву по представленію оправданій и къ обязанности отыскивать эти оправданія. Законъ предоставляетъ обвинителю самому избрать тотъ или другой родъ преслѣдованія, и въ рядѣ рѣшеній Правительствующаго Сената проведена мысль, что этотъ выборъ всецѣло принадлежитъ ему одному, причемъ за судомъ оставляется лишь крайне ограниченное право, не касаясь *содержанія* дѣянія обвиняемаго въ томъ видѣ, какъ оно опредѣляется частнымъ обвинителемъ, усмотрѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ, согласно 1040 ст. улож., въ *формѣ* преслѣдуемаго сочиненія или способѣ его распространенія оскорбительный умыселъ со стороны обвиняемаго, влекущій наказаніе и при оправданіи по ст. 1039. Такимъ образомъ, потерпѣвшій, предъявляя то или другое обвиненіе противъ оскорбителя, тѣмъ самымъ опредѣляетъ предѣлы и способы его защиты. Если обвиненіе поставлено по 1039. ст., т.-е. въ диффамаціи, и если обвиняемый самъ сознаетъ, что напечатанное имъ или по его распоряженію дѣйствительно направлено противъ достоинства и добраго имени частнаго лица, то отысканіе какихъ бы то ни было доказательствъ справедливости оглашенныхъ обстоятельствъ — совершенно излишне и составляетъ лишь безполезную трату времени, такъ какъ судебная власть обязана не допускать ихъ. Даже и пользованіе гарантіями, которыя представляетъ, для всесторонняго выясненія сущности дѣла, вторая инстанція суда, сводится въ этомъ случаѣ къ совершенно ничтожнымъ размѣрамъ ходатайства лишь о смягченіи наказанія, назначеннаго первою инстанціею, или о не усугубленіи его, если того требуетъ обиженный. Отсюда неизбѣжный выводъ: *при указаніи на одни и тѣ же фактическія данныя*, отъ обвиненія въ клеветѣ нельзя перехо-

дить къ обвиненію въ диффамаціи, и наоборотъ. Правительствующій Сенатъ подтвердилъ это положеніе совершенно опредѣленно въ рѣшеніи своемъ по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго (1885 г., № 33). «Различіе между означенными преступленіями, говорится въ этомъ рѣшеніи, дѣлаетъ невозможнымъ переходъ отъ одного обвиненія къ другому. Отъ опозоренія нельзя перейти къ клеветѣ, такъ какъ признаніе виновности или оправданіе въ послѣдней немыслимы безъ разсмотрѣнія доказательствъ, которыя, при предъявленіи обвиненія въ опозореніи, не могли быть представлены и разсмотрѣны судомъ; невозможенъ и переходъ отъ клеветы къ опозоренію, такъ какъ судъ, не признавшій, по разсмотрѣніи представленныхъ обвиняемымъ доказательствъ, въ дѣяніи его клеветы, признавшій, слѣдовательно, что въ оглашенномъ событіи нѣтъ лжи, или обвиняемый огласилъ оное добросовѣстно, вѣруя въ его справедливость, былъ бы поставленъ въ несовмѣстную съ его судейскимъ достоинствомъ необходимость признавать преступнымъ дѣяніе, которое, по закону, дозволено и могло быть признано противозаконнымъ только подъ условіемъ обсужденія одной его фактической стороны, а не внутренняго его значенія. Такой переходъ отъ одного обвиненія къ другому не можетъ быть допущенъ и потому, что имъ нарушаются законные интересы сторонъ, участвующихъ въ дѣлѣ: обвинитель или лишается принадлежащаго ему по закону права добиваться не только наказанія обвиняемаго, но и возстановленія истины, т.-е. опроверженія распространенной о немъ лжи, или ставится въ необходимость, не налагаемую на него закономъ и нерѣдко крайне для него тягостную, выслушивать и допускать до разсмотрѣнія обстоятельства, сущность которыхъ онъ имѣлъ основаніе желать сохранить въ безгласности; со своей стороны, обвиняемый или подвергался бы опасности быть обвиненнымъ въ клеветѣ безъ обсужденія доказательствъ, которыя бы онъ могъ представить въ свое оправданіе, или, принявъ всѣ доступныя ему мѣры къ защитѣ себя отъ обвиненія въ клеветѣ, могъ бы оказаться беззащитнымъ или слабо защищеннымъ противъ обвиненія въ опозореніи».

Изъ этого взгляда Сената вытекаетъ послѣдовательно и невозможность соединенія, по отношенію къ однимъ и тѣмъ же фактамъ, обоихъ обвиненій въ одно или предъявленіе ихъ совмѣстно и, такъ сказать, параллельно. Нельзя требовать отъ суда признанія за одно и то же дѣяніе, безъ всякаго въ немъ внутренняго разграниченія, обвиняемаго и клеветникомъ, и огласителемъ. Это значило бы допускать преслѣдованіе противъ обидчика за то, что онъ взвелъ ложное обвиненіе въ несуществовавшемъ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, которое не подлежало оглашенію, хотя обвиняемый можетъ удостовѣрить, что оно въ дѣйствительности содѣяно. Съ правильною постановкою обвиненія въ оскор-

бленіяхъ, наносимыхъ путемъ печати, совершенно несовмѣстимо установленіе такого порядка, при которомъ обиженный можетъ говорить суду: «я не сдѣлалъ того, что мнѣ приписано,—это злая и пагубная для меня *ложь*,—покарайте клеветника,—ну, а если это *правда*, то накажите его за то, что онъ выставилъ меня на позоръ, не имѣя на это права...» Такая объективность обвинителя, при которой онъ, *до разсмотрѣнія доказательствъ*, самъ не увѣренъ въ томъ, совершилъ ли онъ то, что ему приписано,—такая попытка добиться обвиненія въ клеветѣ, оставляя себѣ, во всякомъ случаѣ, отступленіе въ непроницаемую для доказательствъ невиновности диффамацію, — не согласна съ задачею уголовнаго суда. Кромѣ того, какъ это отчасти и предусмотрѣно Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Ахшарумова съ Соболевскимъ, такое обвиненіе должно вызывать смѣшеніе порядковъ производства, въ противность точному указанію закона. Обвиняемый является двуликимъ Янусомъ: какъ клеветникъ, онъ можетъ представлять доказательства правдивости напечатаннаго, какъ диффаматоръ — не можетъ: отчетъ о засѣданіи, изобличающемъ его, какъ клеветника, можетъ быть напечатанъ, отчетъ о судѣ надъ нимъ, какъ надъ огласителемъ—не долженъ быть печатаемъ, и т. д. Поэтому въ этого рода дѣлахъ надлежитъ требовать отъ обвинителя, при возбужденіи преслѣдованія, *опредѣленнаго* заявленія—въ чемъ именно онъ обвиняетъ своего оскорбителя. Эта опредѣленность должна выражаться въ *точной* квалификаціи дѣянія, подлежащаго преслѣдованію. Можетъ быть сдѣлано возраженіе, что требованіе отъ обвинителя такой точности и опредѣленности представляется чрезмѣрнымъ и что отсутствіе подобной квалификаціи не должно затруднять судебную власть, подобно тому, какъ эта власть не должна быть, въ своихъ дѣйствіяхъ, затрудняема отсутствіемъ указанія въ жалобѣ обвинителя на *мѣру наказанія*, на что я и указывалъ въ заключеніи по дѣлу Ахшарумова. Но надо отличать частныя обвиненія по общимъ преступленіямъ, свойства и признаки которыхъ опредѣляются самою жизнію, отъ обвиненій по преступленіямъ спеціальнымъ, исключительнаго характера. Въ обыкновенныхъ преступленіяхъ указаніе на фактъ преступленія и на его результаты для пострадавшаго замѣняетъ собою, въ большинствѣ случаевъ, законное опредѣленіе преступленія или даже сливается съ нимъ. Хотя и здѣсь желательно опредѣленіе со стороны потерпѣвшаго—въ чемъ именно обвиняетъ онъ нарушителя своихъ правъ, но отсутствіе такового, при ясномъ описаніи того, что было противъ жалобщика содѣяно, не можетъ имѣть существеннаго значенія. Оно не можетъ вліять на ходъ дѣла въ судѣ и на объемъ правъ обвиняемаго въ защитѣ себя и оправданіи своихъ дѣйствій. Иначе, однако, ставится этотъ вопросъ при обвиненіяхъ въ оскорбленіи въ печати.

Отъ того, въ чемъ обвиняется человѣкъ — въ клеветѣ или диффамаціи — зависитъ не только исчисленіе давности, ограниченіе размѣровъ гласности по отношенію къ происходившему на судѣ, но и разрѣшеніе представлять доказательства справедливости напечатаннаго. Поэтому необходимо, чтобы обиженный точно формулировалъ свою жалобу и указалъ, за что именно возбуждаетъ онъ преслѣдованіе и обвиняетъ ли онъ обидчика, какъ опозорившаго его, или какъ клеветника. Обиженный печатнымъ сочиненіемъ, по самому свойству и происхожденію такой обиды, не можетъ быть тѣмъ темнымъ человѣкомъ, который способенъ только въ общихъ чертахъ указать на причиненное ему зло и просить «судить по закону». Возбужденію преслѣдованія за оскорбленіе въ печати всегда предшествуютъ со стороны обиженнаго внимательный разборъ и оцѣнка напечатаннаго, очень часто сопровождаемая предварительными объясненіями съ редакціею, посылкою опроверженій, и т. д. Обиженный не можетъ не отдавать себѣ отчета въ причинѣ чувствуемой имъ нравственной боли, не можетъ не сознавать — происходитъ ли эта боль отъ того, что ему приписали нѣчто постыдное, чего, однако, онъ никогда не дѣлалъ,— или отъ того, что въ его личную жизнь вторгнулись съ грубымъ и невоздержнымъ на языкъ любопытствомъ. Иными словами, потерпѣвшему должно быть яснѣе, чѣмъ кому либо, потрясенъ ли онъ *несправедливостью* или возмущенъ и встревоженъ *оглашеніемъ*. Сообразно съ этимъ, ему должно быть ясно, за *что* преслѣдовать оскорбителя. *Мѣсто* и *время* такого опредѣленія преслѣдованія указываются самимъ закономъ. По дѣламъ, производимымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, обвинительный актъ прокурора замѣняется частною жалобою, которая и служитъ, по 526 ст. уст. угол. суд., основаніемъ и поводомъ для дальнѣйшаго направленія и движенія дѣла. Въ обвинительномъ актѣ, согласно 520 ст. уст. угол. суд., должны быть означены, между прочимъ, *событіе*, заключающее въ себѣ признаки преступнаго дѣянія, и *опредѣленіе по закону* — какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки этого дѣянія. То же должно быть сдѣлано и въ частной жалобѣ по оскорбленію въ печати, и притомъ при подачѣ ея, съ чего начинается и самое дѣло. Такое означеніе имѣетъ важное значеніе и для слѣдователя въ тѣхъ случаяхъ, когда признается необходимымъ произвести предварительное изслѣдованіе обстоятельствъ дѣла,—и для суда. Этимъ означеніемъ и для слѣдователя, и для суда указывается, въ виду 1213^{12} и 1213^{15} ст. уст. угол. суд., какія доказательства можно дозволить предъявлять обвиняемому и устанавливаются предѣлы изслѣдованія; для слѣдователя, кромѣ того, этимъ опредѣленіемъ обвиненія выясняется и то, *какъ* долженъ онъ формулировать основанія для привлеченія обвиняемаго, и, въ особенности, предлагаемый

послѣднему вопросъ о его виновности. Затѣмъ, и для подсудимаго въ высшей степени важно, чтобы въ частной жалобѣ было точно указано, въ чемъ онъ обвиняется, ибо, согласно 556 ст. уст. угол. суд., копія съ обвинительнаго акта отожествляется съ копіею жалобы частнаго обвинителя и со времени ея врученія начинается для подсудимаго теченіе сроковъ для вызова свидѣтелей. Какимъ же образомъ подсудимый будетъ ходатайствовать о вызовѣ свидѣтелей, когда онъ не знаетъ, въ чемъ именно его обвиняютъ и, слѣдовательно, не знаетъ, имѣетъ ли онъ право приводить какія либо доказательства справедливости напечатаннаго? Какимъ образомъ судъ можетъ разрѣшать вызовъ свидѣтелей, не имѣя передъ собою ясно формулированнаго обвиненія и не будучи увѣренъ, что обвинитель не заявитъ въ засѣданіи, что онъ и не думалъ обвинять въ клеветѣ, вслѣдствіе чего придется заявить свидѣтелямъ, что ихъ напрасно потревожили и необдуманно отняли у нихъ время на явку въ судъ? Какое значеніе придается частной жалобѣ, какъ выраженію желанія обвинителя въ его домогательствѣ передъ судомъ, видно и изъ того, что Правительствующимъ Сенатомъ, въ рѣшеніи уголовнаго кассаціоннаго департамента за 1874 годъ, № 143, признано, что даже подсудимому, преданному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, въ случаѣ преслѣдованія его въ порядкѣ частнаго обвиненія, должны быть сообщаемы не только копія съ опредѣленія судебной палаты о преданіи его суду, но и копія съ жалобы частнаго обвинителя, служащая (рѣш. общ. собр. 1880 г., № 10) *главнымъ основаніемъ судебнаго разбирательства.* Наконецъ, самая возможность разсмотрѣнія дѣла обусловливается точнымъ означеніемъ преслѣдуемаго дѣянія въ жалобѣ частнаго обвинителя. Правительствующій Сенатъ по общему собранію кассаціонныхъ департаментовъ, въ рѣшеніи 1880 года, № 10, разъяснилъ, что при производствѣ по частному обвиненію окружный судъ разсматриваетъ дѣло въ порядкѣ, указанномъ 547 ст. уст. угол. судопр., и можетъ найти его подлежащимъ прекращенію по причинамъ, исчисленнымъ въ 16 и 27 ст. уст. угол. суд. Но 16 статья указываетъ, какъ на одну изъ причинъ прекращенія—на *давность.* Какимъ же образомъ можетъ судъ, дѣйствуя по 547 ст. уст. угол. суд., опредѣлить, не подлежитъ ли дѣло прекращенію за давностью, если въ жалобѣ не будетъ точно указано, за что привлекается обвиняемый—за клевету или диффамацію, т. е. за дѣяніе ли, погашаемое годичною, или же за погашаемое двухгодичною давностью? На основаніи всего высказаннаго мною, я прихожу къ выводу, что при безусловной невозможности возбуждать *по одному и тому же фактическому обвиненію* совмѣстныя преслѣдованія и по 1535, и по 1039 ст. улож. о наказ.—необходимо и точное означеніе въ жалобахъ, подаваемыхъ на редак-

торовъ и авторовъ оскорбительныхъ произведеній, того преступленія, которое усматриваетъ въ ихъ дѣяніи жалобщикъ, причемъ этимъ означеніемъ обусловливается и все дальнѣйшее производство дѣла.

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ даннымъ настоящаго дѣла, я нахожу, что оно начато подачею турецкимъ подданнымъ Николаемъ Бергомъ жалобы, въ качествѣ частнаго обвинителя. Въ жалобѣ этой, объясняя, что авторъ корреспонденціи о русскихъ проводникахъ въ Вѣнѣ «коснулся его личности и чести, съ цѣлью подорвать то довѣріе, которымъ онъ пользуется въ Вѣнѣ въ теченіе двадцати лѣтъ, какъ комиссіонеръ», Бергъ заявляетъ, что «рѣшился возбудить противъ г. Федорова уголовное преслѣдованіе по 1039 ст. улож. о наказ.» и проситъ мирового судью вызвать стороны, въ силу 35 ст. уст. угол. суд., для примиренія и направить затѣмъ дѣло, согласно 117 ст. того же устава, по подсудности. Хотя въ началѣ жалобы онъ и упоминаетъ о томъ, что его оклеветали позорнымъ образомъ, но въ виду точнаго опредѣленія нанесеннаго ему вреда и цѣли оскорбителя, а также закона, по которому онъ желаетъ преслѣдовать, этому выраженію, для постановки обвиненія, значенія придаваемо быть не можетъ. Въ нашемъ разговорномъ языкѣ сплошь и рядомъ употребляются выраженія въ смыслѣ, совершенно не соотвѣтствующемъ ихъ юридическому значенію. Стоитъ припомнить, что слово «святотатство», означающее *кражу* церковныхъ вещей и денегъ, употребляется, и притомъ людьми весьма образованными,—въ смыслѣ оскорбленія высокаго и прекраснаго,—и что, разсказывая о тонкомъ мошенничествѣ, которому мы подверглись, объ обмѣрѣ, обвѣсѣ или обманѣ въ качествѣ товара, мы, въ обыденномъ разговорѣ, совершенно искренно утверждаемъ, что «насъ ограбили». Турецкій подданный Бергъ категорически и безошибочно цитируетъ подлежащія статьи устава угол. судопр. и улож. о наказ. и прямо указываетъ, что авторъ корреспонденціи коснулся его личности и чести съ цѣлью подорвать пріобрѣтенное имъ довѣріе, т. е., что авторъ напечаталъ о немъ то, что̀ можетъ, по словамъ закона, изображеннаго въ ст. 1039 улож., «повредить его чести, достоинству и доброму имени». Онъ нигдѣ не говоритъ, что авторъ взвелъ на него несправедливое обвиненіе,—что онъ ложно обличалъ его въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести. Онъ утверждаетъ лишь, что авторъ «коснулся его чести и личности», имѣя цѣлью повредить ему въ дѣятельности комиссіонера для русскихъ, пріѣзжающихъ въ столицу австрійской имперіи. Поэтому его жалоба—есть жалоба на *диффамацію*, согласно означенной въ ней 1039 ст., а не жалоба на клевету, по 1535 ст. улож. При дальнѣйшемъ производствѣ дѣла у слѣдователя, эта оцѣнка дѣянія Федорова остается неизмѣнною,

несмотря на то, что обвинитель Бергъ принимаетъ самое живое участіе въ выясненіи обстоятельствъ виновности преслѣдуемаго и обращается и въ судъ, и къ слѣдователю съ рядомъ подробныхъ и разнообразныхъ прошеній. Судебный слѣдователь привлекаетъ, на основаніи 1044 ст. улож., Федорова, по постановленію 9-го марта 1885 года, согласно ходатайству Берга, по обвиненію въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1039 ст. улож. о наказ., — предлагаетъ ему вопросъ о томъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ *опозореніи* Берга, т. е. въ преступленіи, *предусмотрѣнномъ 1039 ст. улож.*, и обязываетъ его, наконецъ, подпискою о невыѣздѣ изъ столицы, въ качествѣ мѣры пресѣченія, руководясь при этомъ 416 ст. уст. угол. суд. и 1044 и 1039 ст. улож. о наказ. Противъ такой оцѣнки дѣянія Федорова Бергъ не возражаетъ, и лишь въ засѣданіи суда, черезъ три мѣсяца, повѣренный частнаго обвинителя, на вопросъ предсѣдателя, предъявляетъ двоякое обвиненіе противъ подсудимаго — и по 1535, и по 1039 ст. улож. Въ виду приведенныхъ мною соображеній о невозможности одновременнаго преслѣдованія *за одни и тѣ же выраженія* и по 1535, и по 1039 ст., я полагаю, что на обязанности суда лежало указать частному обвинителю на такую несовмѣстимость обвиненій, и если бы онъ избралъ изъ нихъ — обвиненіе въ клеветѣ,—то или отложить засѣданіе для предоставленія обвиняемому воспользоваться принадлежащимъ ему правомъ собрать и представить доказательства справедливости напечатаннаго, или же, такъ какъ по этому дѣлу уже признано было однажды необходимымъ предварительное слѣдствіе, возвратить дѣло слѣдователю, согласно 545 и 546 ст. уст. угол. суд., ибо съ момента предъявленія обвиненія по 1535 ст. дѣло должно было стать въ положеніе, въ которомъ оно находилось при обсужденіи вопроса о дачѣ ему дальнѣйшаго хода по 547 ст. уст. угол. суд. На приговоръ суда, признавшаго Федорова виновнымъ только въ диффамаціи, обвинителемъ была принесена аппелляціонная жалоба, въ которой онъ просилъ объ усугубленіи наказанія за опозореніе, о признаніи вмѣстѣ съ тѣмъ Федорова виновнымъ въ клеветѣ и о постановленіи приговора по совокупности. Въ засѣданіи палаты жалобщикъ отказался отъ обвиненія въ первомъ изъ этихъ дѣяній и настаивалъ на клеветѣ, въ которой и признанъ виновнымъ подсудимый, присужденный къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Исходя изъ тѣхъ же, приведенныхъ мною раньше, соображеній, я нахожу, что въ виду первоначальной постановки обвиненія по 1039 ст. и рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента по дѣлу Ахшарумова и Соболевскаго, судебная палата не могла и разсматривать обвиненіе въ клеветѣ, а должна была ограничиться постановленіемъ приговора въ предѣлахъ жалобы на малое наказаніе, къ которому присужденъ подсудимый за диффа-

мацію. Строго обвинительный характеръ процесса по дѣламъ частнаго обвиненія, установленный закономъ, является въ настоящемъ случаѣ, по моему мнѣнію, нарушеннымъ и указанія кассатора, что отъ него неправильно требовать доказательства его невиновности въ клеветѣ, когда онъ былъ поставленъ предъ судомъ по обвиненію въ диффамаціи—заслуживаетъ уваженія. Предъявляя обвиненіе въ опозореніи, жалобщикъ, если онъ частное лицо, тѣмъ самымъ снимаетъ съ обвиняемаго заботу о пріисканіи доказательствъ своей невиновности, ибо въ силу самаго закона лишаетъ его *права оправдываться*. Обвиняемому остается, явившись въ судъ, съ обязательнымъ отсутствіемъ доказательствъ справедливости напечатаннаго, — склонить голову предъ неизбѣжнымъ приговоромъ, или же лишь просить о снисхожденіи. Въ этой неизбѣжности, вызываемой свойствомъ преступленія, есть и своя утѣшительная для подсудимаго сторона, ибо нравственная тяжесть приговора въ этомъ случаѣ несравненно меньшая, чѣмъ въ приговорѣ, карающемъ, хотя бы и слабѣе, но за клевету. Можно ли допускать, чтобы жалобщикъ, удостовѣривъ обвиняемаго самою своею жалобою, что дѣло идетъ о диффамаціи и что, слѣдовательно, объ оправданіяхъ не можетъ быть и рѣчи, и заставивъ его въ бездѣйствіи дожидаться суднаго дня, — внезапно и неожиданно, въ судебномъ засѣданіи, мѣнялъ фронтъ и нападалъ съ обвиненіемъ въ клеветѣ? Этимъ существенно нарушалось бы равенство борющихся сторонъ въ выборѣ и подготовленіи орудій нападенія и защиты. Обвиняемый можетъ совершенно добросовѣстно пропустить время и возможность для собранія доказательствъ, документы могутъ быть уничтожены, свидѣтели удалиться или переселиться въ отдаленныя мѣста—и вдругъ, когда все это совершится, отъ него нежданно-негаданно потребуютъ и документовъ, и свидѣтелей, поставивъ ему въ вину ихъ отсутствіе. Но, однако, обвиненіе въ клеветѣ—по широтѣ средствъ оправданія и по наказанію—выгоднѣе для обвиняемаго,—чего же ему роптать? Да! и выгоднѣе для обвиняемаго, и достойнѣе для обвинителя—это несомнѣнно. Но *когда?* Тогда, когда оно проводится неизмѣнно, послѣдовательно и съ самаго начала,—когда забрало поднято и вызовъ брошенъ. Вооружайся и готовься къ битвѣ! Но не тогда, когда это обвиненіе не высказывается до дня засѣданія—и, предъявленное впервые, оставляетъ обвиняемому всѣ неудобства положенія безоружнаго, а обвинителю всѣ удобства нападенія врасплохъ. Въ этомъ случаѣ невозможно говорить объ удобствахъ для преслѣдуемаго. Противъ *подсудимаго* въ дѣлахъ частнаго порядка нельзя обращать обвиненія, которое *не было* предъявлено къ нему, какъ къ *обвиняемому*. Это должно быть руководящимъ правиломъ въ процессахъ о печати. Такимъ образомъ, нарушеніе въ порядкѣ производства дѣла по пер-

воначальному обвиненію Федорова вызвало и неправильное постановленіе ему въ вину непредставленія имъ доказательствъ своей невиновности въ клеветѣ. Эта неправильность не можетъ, по моему мнѣнію, считаться не имѣющею значенія потому, что палата допустила Федорова до представленія нѣкоторыхъ доказательствъ и что фактомъ предъявленія этихъ доказательствъ онъ какъ бы отказался отъ возраженій противъ неправильной постановки обвиненія.

Обвиняемый въ клеветѣ имѣетъ право съ самаго начала дѣла, въ данномъ случаѣ—съ передачи дѣла судебному слѣдователю, розыскивать и приводить доказательства своей невиновности. Поэтому позднее допущеніе осуществленія этого права уже при разбирательствѣ во второй инстанціи — есть такое ограниченіе этого права, которое равносильно его нарушенію. Предоставивъ представлять доказательства справедливости напечатаннаго по обвиненію, предъявленному о диффамаціи, судъ второй степени не можетъ, какъ правильно выражается Федоровъ, «ставить подсудимому въ упрекъ, что онъ имѣлъ время подготовиться къ опроверженію доводовъ обвинителя и дѣлать выводъ, что если онъ не сдѣлалъ этого, то лишь потому, что не въ состояніи опровергнуть этихъ доводовъ». Не слѣдуетъ видѣть и готовности отвѣчать по клеветѣ въ томъ, что обвиняемый въ опозореніи хватается въ послѣдней инстанціи за возможность хоть что нибудь привести въ свое оправданіе. Установленіе правильнаго порядка производства дѣла, какъ и опредѣленіе подсудности — есть дѣло уголовнаго суда, независимо отъ указаній сторонъ. Жалоба, въ которой потерпѣвшій просилъ бы подвергнуть кого либо по совокупности и въ высшей мѣрѣ наказанію по статьямъ 1482 улож., 142 и 133 уст. о наказ., нал. мир. судьями, потому, что нанесеніе *легкой раны* есть вмѣстѣ съ тѣмъ *насиліе*, а насиліе заключаетъ въ себѣ *оскорбленіе дѣйствіемъ*, конечно не могло бы быть удовлетворено судомъ—и онъ долженъ бы былъ потребовать точнаго опредѣленія *съ самаго начала*, въ чемъ именно обвиняетъ жалобщикъ своего обидчика. Тѣмъ болѣе такое опредѣленіе нужно по дѣламъ объ оскорбленіи въ печати, въ виду многократно указанной разницы въ способѣ оправданія. Поэтому, и находя, вмѣстѣ съ тѣмъ, что судебная палата въ приговорѣ своемъ не изложила, по какимъ именно соображеніямъ она находитъ, что указанный Федоровымъ, въ свое оправданіе, авторъ кореспонденціи о русскихъ проводникахъ въ Вѣнѣ не могъ внушать ему довѣрія, послужившаго основаніемъ къ убѣжденію въ правдивости сообщенныхъ имъ извѣстій, я считаю, что второй вопросъ, возбужденный кассаціонною жалобою, подлежитъ разрѣшенію въ смыслѣ отмѣны приговора палаты и передачи дѣла въ другой ея департаментъ для постановленія приговора,

согласно предъявленному Бергомъ обвиненію по 1039 ст. въ предѣлахъ ходатайства его объ усиленіи наказанія обвиняемому.

На основаніи всего сказаннаго, я полагалъ бы—во-1-хъ, признать, что редакторы повременныхъ изданій могутъ отвѣчать за клевету въ печати при установленіи судомъ наличности условій, о которыхъ я говорилъ въ первой части настоящаго заключенія, а во-2-хъ — признать, что въ виду предъявленнаго къ отвѣтственному редактору «Новаго Времени» Федорову обвиненія по 1039 ст., приговоръ с.-петербургской судебной палаты, присуждающій его къ наказанію по 1535 ст. ул., не можетъ остаться въ силѣ за нарушеніемъ 1039 ст. уложенія, 1213^{12} и 1213^{15} ст. уст. угол. судопроизводства.

Выслушавъ заключеніе оберъ-прокурора, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что жалобою Федорова возбуждается вопросъ о томъ, можетъ ли, на основаніи 1044 ст. улож., подлежать преслѣдованію и отвѣтственности по 1535 ст. улож. редакторъ повременнаго изданія за клевету, содержащуюся въ напечатанной въ томъ изданіи корреспонденціи или иной статьѣ другого лица, и не слѣдуетъ ли признать, что отвѣтственность въ подобномъ случаѣ редактора за оглашеніе обстоятельствъ, могущихъ повредить чести и доброму имени третьяго лица, опредѣляется 1039 и 1040 ст. улож. По этому поводу, прежде всего, нельзя не замѣтить, что статья 1044 улож., какъ это уже было указано въ рѣш. угол. касс. д-та 1881 г., № 31, составляетъ дословное повтореніе правила цензурнаго устава (§ 84 прил. къ ст. 4, по прод. 1876 г.), въ силу котораго отвѣтственность за содержаніе помѣщенныхъ въ повременномъ изданіи статей обращается во всякомъ случаѣ на редактора изданія. Законы наши предусматриваютъ три вида оскорбленій чести путемъ печати, указанные въ 1039, 1040 и 1535 ст. улож., и ни въ цензурномъ уставѣ, ни въ уложеніи о наказ., ни въ уставѣ уголов. судопр. не сдѣлано никакого исключенія относительно отвѣтственности редактора за напечатаніе въ его изданіи статей, содержащихъ въ себѣ клевету, преслѣдуемую по 1535 ст. улож.; напротивъ того, въ § 81 умомянутаго прилож. къ ст. 4 ценз. устава, повторенномъ въ 1041 ст. улож., указано, что мѣра отвѣтственности поименованныхъ въ параграфѣ лицъ, въ томъ числѣ и редактора, за содержаніе напечатанныхъ сочиненій и т. п. опредѣляется судомъ, смотря по участію въ преступленіи, на точномъ основаніи 11—15 ст. улож. Поэтому, пріурочивать отвѣтственность редактора повременнаго изданія, помѣстившаго клеветническую статью, только къ отвѣтственности за диффамацію или за злословіе и брань, законнаго основанія не представляется. Это положеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ отношеніи, въ которомъ редакторъ повременнаго изданія стоитъ къ своему сотруднику или корреспонденту; не говоря уже о томъ, что онъ можетъ дѣйствовать по такимъ же личнымъ и пристрастнымъ побужденіямъ, по какимъ дѣйствуютъ и послѣдніе, стремясь путемъ ложныхъ обвиненій очернить чью либо репутацію, редакторъ, по своей обязанности, не только просматриваетъ рукописи корреспондентовъ, но и допускаетъ оныя къ печати, дѣлая распоряженіе о томъ, гдѣ, когда и какъ ихъ напечатать, а потому, если доставленная въ редакцію для напечатанія статья или корреспонденція заключаетъ въ себѣ обвиненіе

кого либо въ позорномъ дѣяніи, то редакторъ долженъ съ бо́льшею осторожностію относиться къ сообщеніямъ такого рода и приять всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи средства для убѣжденія въ справедливости сообщеннаго, неся въ противномъ случаѣ опредѣленную закономъ отвѣтственность за распространеніе клеветы, которое, по его неосмотрительности или легкомысленному отношенію къ своимъ обязанностямъ, имѣло мѣсто. Конечно, нельзя отрицать, что могутъ быть случаи, когда редакторъ повременнаго изданія, получающаго сообщенія отовсюду, своевременная передача которыхъ требуется самымъ характеромъ изданія, поставленъ въ невозможность провѣрить справедливость сообщаемыхъ извѣстій и, полагаясь на добросовѣстность извѣстныхъ редакціи корреспондентовъ, можетъ быть, по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, введенъ въ заблужденіе и, такимъ образомъ, оказаться непричастнымъ къ клеветѣ, отвѣтственность за которую должна тогда всецѣло пасть на сотрудника или корреспондента; оправданіе судомъ въ таковыхъ случаяхъ редактора, основанное на разсмотрѣніи существа его объясненія и на оцѣнкѣ его отношеній къ личности сотрудника или корреспондента, общественнаго положенія сего послѣдняго и источниковъ, изъ которыхъ послѣдній почерпнулъ содержаніе своихъ статей, будетъ вполнѣ согласно съ интересами правосудія. По настоящему же дѣлу приговоромъ судебной палаты, вошедшей въ подробную оцѣнку объясненій Федорова, и представленныхъ къ дѣлу сторонами доказательствъ, а въ томъ числѣ и показаній свидѣтелей, указанныхъ защитникомъ Федорова, признано, что ничѣмъ не установлено, чтобы Федоровъ, помѣщая въ редактируемой имъ газетѣ корреспонденцію о Бергѣ, имѣлъ какія либо данныя считать содержащіяся въ ней обвиненія Берга справедливыми. Въ виду такого заключенія палаты, правильность котораго, равно какъ и представленные Федоровымъ при его кассаціонной жалобѣ документы, не могутъ подлежать обсужденію въ кассаціонномъ порядкѣ, за силою 5 ст. учр. суд. уст., опредѣленіе въ приговорѣ палаты вины подсудимаго Федорова и примѣненіе къ нему 1535 ст. улож. представляется правильнымъ и согласнымъ съ указаніями Правительствующаго Сената относительно толкованія этого закона, изложенными въ рѣшеніи 1885 г. по дѣлу Ахшарумова съ Соболевскимъ. Обращаясь, засимъ, къ разсмотрѣнію указанной въ заключеніи оберъ-прокурора неправильности, допущенной при производствѣ этого дѣла въ окружномъ судѣ, Правительствующій Сенатъ нашелъ *неправильнымъ* разсмотрѣніе окружнымъ судомъ настоящаго дѣла по заявленному Бергомъ обвиненію Федорова по 1535 и 1039 ст. улож., такъ какъ ни въ какомъ случаѣ не могло имѣть мѣста совмѣстное обвиненіе въ клеветѣ и диффамаціи по поводу не только одной и той же статьи, но и притомъ однѣхъ и тѣхъ же частей ея, тѣмъ болѣе, что законъ, установляя для дѣлъ о диффамаціи частныхъ лицъ особый порядокъ производства (1215[42] ст. у. у. с.), исключаетъ возможность представленія обвиняемымъ доказательствъ для оправданія себя въ клеветѣ. Но въ виду того, что, за отказомъ въ засѣданіи палаты повѣреннаго обвинителя отъ обвиненія по 1039 ст. улож., судебная палата разсматривала дѣло лишь по обвиненію подсудимаго по 1535 ст. улож., что, при этомъ, подсудимому Федорову была предоставлена возможность представить всѣ тѣ доказательства, которыя онъ признавалъ необходимыми для своего оправданія, и дѣло было по просьбѣ его защитника отложено, а затѣмъ выставленные имъ свидѣтели допрошены палатою,—Правительствующій Сенатъ призналъ, что допущенное окружнымъ судомъ упущеніе, исправленное при разсмотрѣніи этого дѣла въ палатѣ, не имѣетъ уже значенія. Посему Правительствующій Сенатъ *опредѣлилъ:* жалобу Федорова оставить безъ послѣдствій, за силою 912 ст. уст. угол. суд.

III.

По дѣлу купца Адольфа Ланггауза, обвиняемаго въ клеветѣ.

Аткарскій купецъ Василій Барановъ жалобою, поданною мировому судьѣ 3 участка Пермскаго округа, предъявилъ противъ московскаго купца Адольфа Францева Ланггауза обвиненіе въ оклеветаніи его, Баранова, на словахъ и, требуя подвергнуть Ланггауза отвѣтственности по 136 ст. уст. о нак., изложилъ въ своей жалобѣ, что вышесказанное преступное дѣяніе Ланггауза выразилось въ томъ, что послѣдній, находясь 22 марта 1886 г. въ управленіи Уральской горнозаводской желѣзной дороги, при каковомъ управленіи онъ, Барановъ, состоитъ начальникомъ отдѣла магазина и топлива, позволилъ себѣ, въ присутствіи многихъ служащихъ въ отдѣлѣ бухгалтеріи того же управленія, сказать, «что онъ, Ланггаузъ, видѣлъ, читалъ и предлагалъ продать ему, Ланггаузу, за 250 руб. телеграмму Баранова къ довѣренному торговаго дома братьевъ Нобель, коею Барановъ, будто бы, требовалъ, собственно для себя, уступки пяти тысячъ пудовъ керосина по 75 коп. за пудъ съ поставкою въ городъ Пермь, угрожая въ противномъ случаѣ забраковкою всей партіи керосина, купленнаго вышеупомянутымъ управленіемъ для нуждъ желѣзной дороги по 1 руб. 50 коп. за пудъ». Пермскій мировой съѣздъ, на разсмотрѣніе котораго настоящее дѣло поступило по аппелляціонному отзыву подсудимаго Ланггауза, на обвинительный, по вышеприведенной 136 ст. уст. о нак., приговоръ мирового судьи, установивъ въ своемъ приговорѣ, что самый фактъ обвиненія Ланггаузомъ Баранова въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, является по дѣлу доказаннымъ и что это обвиненіе Ланггаузомъ Баранова слѣдуетъ считать ложнымъ, ибо Ланггаузъ многимъ свидѣтелямъ говорилъ о видѣнной имъ вышесказанной компрометтирующей Баранова телеграммѣ и даже предлагалъ за пріобрѣтеніе оной деньги, тогда какъ существованіе такой телеграммы не только ничѣмъ не доказано, но даже представляется сомнительнымъ, нашелъ, что по всѣмъ этимъ даннымъ нельзя не видѣть въ дѣйствіяхъ Ланггауза по отношенію къ Баранову клеветы, предусматриваемой въ 136 ст. уст. о нак. Тѣмъ не менѣе, въ томъ же своемъ приговорѣ Пермскій мировой съѣздъ относительно самаго умысла Ланггауза распространить неблагопріятные для Баранова слухи, служащіе предметомъ клеветы, и относительно способа, въ коемъ выразилось ихъ распространеніе Ланггаузомъ, привелъ: «что, съ другой стороны, по дѣлу ничѣмъ не

доказано, чтобы Ланггаузъ распространялъ вышеупомянутую клевету о Барановѣ съ намѣреніемъ повредить доброму имени или чести послѣдняго, но что, напротивъ, изъ показанія свидѣтеля Гвоздева видно, что тѣ неблагопріятные для Баранова слухи Ланггаузъ распространилъ не совсѣмъ безъ всякаго основанія», и что «изъ показаній свидѣтелей видно, что о слухахъ тѣхъ Ланггаузъ сообщилъ свидѣтелямъ, какъ хорошимъ своимъ знакомымъ, въ обыкновенномъ частномъ разговорѣ». Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ съѣздъ, признавая, что Ланггаузъ распространялъ клевету о Барановѣ безъ намѣренія повредить доброму имени или чести послѣдняго и полагая въ настоящемъ случаѣ умѣстнымъ примѣнить къ Ланггаузу 9 ст. уст. о наказ., опредѣлилъ: признавъ Московскаго купца Адольфа Ланггауза виновнымъ въ клеветѣ противъ купца Василія Баранова, но безъ намѣренія его, Ланггауза, омрачить честь Баранова, сдѣлать ему, Ланггаузу, на основаніи 136 и 9 статей уст. о нак., выговоръ. Въ принесенной кассаціонной жалобѣ Правительствующему Сенату купецъ Барановъ, указывая на то, что признаніе Пермскимъ съѣздомъ виновности Ланггауза въ клеветѣ противъ него, Баранова, но безъ намѣренія Ланггауза омрачить его, Баранова, честь, составляетъ противорѣчіе, лишающее этотъ приговоръ силы судебнаго рѣшенія, и что съѣздъ, найдя Ланггауза виновнымъ въ клеветѣ по 136 ст. уст. о нак., не могъ въ то же время примѣнять къ нему 9 ст. того же уст. о неосторожности преступнаго дѣянія Ланггауза, просилъ объ отмѣнѣ означеннаго приговора съѣзда.

По существу кассаціонной жалобы купца Баранова разрѣшенію Правительствующаго Сената подлежитъ вопросъ о томъ, можетъ ли быть примѣняема 9 ст. уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями — къ проступку, предусмотрѣнному 136 ст. того же устава? то-есть согласно ли съ закономъ и съ истиннымъ характеромъ этого проступка признаніе клеветы, содѣянной безъ намѣренія? По опредѣленію нашего уголовнаго закона, клевета есть несправедливое обвиненіе кого либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести. Иными словами—это есть несогласное съ истиною приписаніе кому либо дѣйствій, помрачающихъ, въ виду постановленій закона или вслѣдствіе установившихся въ обществѣ взглядовъ, честь и доброе имя потерпѣвшаго. Практикою Правительствующаго Сената, въ рядѣ подробно разработанныхъ рѣшеній, въ разъясненіе и развитіе этого понятія о клеветѣ указано, что необходимымъ условіемъ этого проступка является завѣдомая лживость обвиненія въ дѣяніи безчестномъ или — незавѣдомая истинность такого обвиненія. Отсюда вытекаетъ и два существенныхъ признака клеветы: *субъективный* и *объективный*. Первый состоитъ въ знаніи обвиняемымъ, что разсказываемое имъ несогласно съ истиною и идетъ въ разрѣзъ съ правдою—или въ отсутствіи у него разумно и основательно сложившагося убѣжденія въ томъ, что содержаніе его разсказа соотвѣтствуетъ фактической дѣйствительности. Второй признакъ выражается въ *безусловной*

оскорбительности разсказываемаго, въ *несомнѣнной* вредоносности его для добраго имени того, кто сдѣлался жертвою клеветы. Отсутствіе одного изъ этихъ признаковъ въ дѣяніи обвиняемаго разрушаетъ составъ преступленія клеветы. Этого состава нѣтъ въ наличности, если приписаніе кому либо дѣйствій, противныхъ правиламъ чести, было вполнѣ добросовѣстное, т. е. основанное на положительномъ знаніи о дѣйствительномъ существованіи этихъ дѣйствій, на вполнѣ убѣдительныхъ данныхъ и свѣдѣніяхъ или сообщеніяхъ, исключавшихъ, по характеру своему или источнику своего происхожденія, не только необходимость, но даже и возможность сомнѣнія. Поэтому, нѣтъ, напримѣръ, клеветы въ обезчещивающемъ кого либо разсказѣ человѣка, который былъ введенъ въ добросовѣстное заблужденіе подложными документами, извращенными свѣдѣніями оффиціальнаго характера или сообщеніями такихъ людей, которымъ, въ силу ихъ личныхъ свойствъ или ихъ общественнаго положенія, онъ не могъ не повѣрить. Нѣтъ состава клеветы и въ томъ случаѣ, когда самая оскорбительность разглашаемаго находится въ прямой зависимости отъ отсутствія извѣстныхъ условій, обезвреживающихъ злостный характеръ и вредные для чужой чести результаты разглашаемаго. Въ виду разнообразія условій общественной жизни, отношенія людей и пріемы общежитія представляютъ столько оттѣнковъ, что одинъ и тотъ же разсказъ, одно и то же выраженіе могутъ получать совершенно различную окраску и значеніе, смотря по той обстановкѣ, въ которой они имѣли мѣсто. Разсматривать ихъ абстрактно, внѣ пространства и времени—невозможно. Все зависитъ отъ условій личныхъ отношеній, среды и даже настроенія. Одно и то же—сказанное серьезно—посѣтъ недовѣріе и презрѣніе, и—сказанное въ шутку—вызоветъ смѣхъ, не задѣвающій ничьей чести своими примирительными звуками. Обширная область несомнѣнной шутки или мистификаціи упраздняетъ характеръ клеветы въ разсказахъ, которые, взятые отвлеченно, конечно, могутъ быть истолкованы, какъ поражающіе чужую честь. Не можетъ быть этого оскорбительнаго характера и въ такъ называемомъ товарищескомъ или пріятельскомъ обращеніи, въ которое подчасъ вносится не малая доля ласковой грубости, подъ вліяніемъ того страннаго взгляда, въ силу котораго вѣжливость, будто бы, трудно примирима съ проявленіемъ истинно дружескаго расположенія. Едва ли нужно затѣмъ упоминать о неравенствѣ развитія и воспитанія, причемъ разсказъ, имѣющій въ устахъ образованнаго человѣка явно ядовитый характеръ, въ устахъ простого и неразвитого, не умѣющаго твердо править словомъ и понимать всѣ его оттѣнки—является не клеветою, а лишь невольнымъ послѣдствіемъ неумѣнія выражаться. Поэтому, составъ клеветы существуетъ лишь тогда, когда нѣтъ въ наличности ни одного изъ этихъ и

имъ подобныхъ условій, которыя въ сознаніи слушающихъ уничтожали бы безслѣдно вредный для чужой чести элементъ разсказа. Отсутствіе этихъ условій, при несомнѣнно позорящемъ смыслѣ разглашаемаго, создаетъ въ большинствѣ случаевъ полное представленіе о клеветѣ, независимо отъ побужденій обвиняемаго и, такъ сказать, внѣ ихъ. Поэтому опредѣляющимъ моментомъ вмѣненія въ вину дѣянія, имѣющаго признаки клеветы, служитъ второй, объективный признакъ клеветы. Если онъ налицо, то есть если разсказъ обвиняемаго объективно помрачаетъ чужую честь и если притомъ, по своему развитію и общенію съ людьми, этотъ обвиняемый не могъ, находясь въ здравомъ умѣ, не понимать, что оглашаемые имъ факты порочатъ честь и доброе имя другого лица, то нельзя говорить о томъ, что его дѣяніе не намѣренно. Отрицать намѣреніе въ дѣйствіяхъ лица, серьезно утверждающаго существованіе фактовъ, рисующихъ, по понятіямъ его и всей окружающей его общественной среды, другого, какъ безчестнаго или даже преступнаго человѣка,— возможно лишь доказавъ, что онъ не сознавалъ, что̀ говорилъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ временнаго или постояннаго помраченія разсудка. Но покуда это не доказано — поступокъ долженъ быть признаваемъ намѣреннымъ. Цѣль въ этомъ случаѣ можетъ быть разная—и высокая—огражденіе общества или близкихъ людей отъ дурного и даже вреднаго человѣка, который не по праву пользуется уваженіемъ, имъ не заслуженнымъ,—и низменная — удовлетвореніе личнаго мстительнаго или мелочно-завистливаго чувства. Но эта цѣль не можетъ и не должна имѣть вліянія на отвѣтственность за клевету, если только доказано, что клевета есть, то-есть, что позорнаго дѣянія не было, что разглашать о немъ обвиняемый не имѣлъ серьезныхъ основаній, и что, наконецъ, онъ понималъ, какое, въ глазахъ окружающихъ, значеніе имѣетъ то, что онъ приписывалъ другому. Нельзя не согласиться вполнѣ со взглядомъ Неклюдова, который находитъ, что требованіе animus injuriandi, то есть желанія оскорбить необходимо для наличности обиды (какъ оскорбленія чести), ибо «по общепринятому взгляду на умыселъ, сущность послѣдняго заключается въ знаніи того, что дѣлаешь, а посему и умыселъ въ обидѣ долженъ состоять въ знаніи, что предпринимаешь оскорбительное дѣйствіе, хотя бы и безъ желанія нанести оскорбленіе». — Такъ какъ клевета есть одинъ изъ видовъ оскорбленія чести, то если окажется по суду, что обвиняемый ничѣмъ не доказалъ правдивости своего разсказа, а объективный признакъ клеветы — несомнѣнная для обвиняемаго позорность приписаннаго имъ потерпѣвшему дѣянія — налицо, то не можетъ быть и рѣчи о признаніи его дѣйствовавшимъ *безъ намѣренія*. Суду остается или обвинить въ клеветѣ, или оправдать, если онъ найдетъ, что субъективный

признакъ клеветы—злостное или преступно небрежное обращеніе съ чужою честью—отсутствуетъ. Судъ можетъ сказать подсудимому—«ты разгласилъ обвиненіе, вполнѣ сознавая, что сообщаемыя тобою обстоятельства несомнѣнно подрываютъ чужое доброе имя, но ты имѣлъ основаніе быть убѣжденнымъ, что все это правда и посягнулъ на чужую честь не потому, чтобы вмѣнялъ ее въ ничто, а потому, что самъ сталъ жертвою добросовѣстнаго заблужденія, для устраненія котораго сдѣлалъ все, что было въ твоей возможности:—ты свободенъ, твоей вины нѣтъ—и то, что потерпѣвшій считаетъ съ твоей стороны клеветою, есть несчастіе и для тебя, и для него, за которое должны отвѣтствовать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, другіе».—Но судъ не имѣетъ, по моему мнѣнію, права говорить потерпѣвшему, который желаетъ возстановленія своей поруганной чести: «твой обидчикъ дѣйствительно разсказалъ о тебѣ неправду съ легкомысленною, поспѣшною, близорукою и злорадною довѣрчивостью — и эта неправда впилась въ твою честь какъ отравленная стрѣла, заставляя тебя страдать отъ боли незаслуженнаго стыда и справедливаго негодованія, но онъ это сдѣлалъ безъ намѣренія, не думая тебѣ причинить вредъ — идите оба съ миромъ!» Такое рѣшеніе не соотвѣтствовало бы ни правильному взгляду на понятіе о клеветѣ, ни нравственному началу отвѣтственности за дѣйствія, касающіяся чужой личности, и притомъ въ одномъ изъ ея лучшихъ достояній,—началу, которое судъ призванъ проводить и охранять въ сферѣ своей дѣятельности.

Приходя такимъ образомъ къ выводу, что клевета, если только она признана за таковую, не можетъ быть совершена безъ намѣренія, я полагаю, что этотъ выводъ подтверждается какъ общими свойствами преступленій, къ которымъ примыкаетъ ближе всего клевета, такъ и взглядомъ современныхъ законодательствъ и кассаціонною практикою.

Всматриваясь въ существо преступленій, находящихъ свое опредѣленіе въ современныхъ кодексахъ, надо замѣтить, что, независимо отъ раздѣленія ихъ на отдѣлы по той или другой системѣ, они распадаются сами собою, по отношенію къ намѣренности, на три большія группы. Есть рядъ нарушеній закона, въ которыхъ *присутствіе или отсутствіе намѣренія безразлично*. Законъ караетъ нарушителя извѣстныхъ общеобязательныхъ или спеціальныхъ правилъ, вовсе не входя въ разсмотрѣніе вопроса, дѣйствовалъ ли нарушитель съ намѣреніемъ или безъ него. Общественное спокойствіе и правильное устройство внѣшнихъ сторонъ общественнаго быта вызываютъ существованіе постановленій, нарушеніе которыхъ, сознательное, хотя бы и безъ всякаго дурного намѣренія, не можетъ быть терпимо. Государство, для осуществленія своихъ цѣлей, нуждается въ матеріальныхъ средствахъ. Источники

дохода должны быть оберегаемы отъ злоупотребленій тѣхъ, кто долженъ содѣйствовать ихъ пополненію, съ какимъ бы намѣреніемъ эти злоупотребленія ни дѣлались. Отсюда отсутствіе рѣчи о намѣреніи въ преступленіяхъ противъ благоустройства и благочинія,—во многихъ фискальныхъ нарушеніяхъ,—въ преступленіяхъ противъ уставовъ казенныхъ управленій, и т. п. Законъ караетъ за фактъ, безъ всякаго разбора намѣреній, и караетъ иногда чрезвычайно строго. Цѣлый рядъ пунктовъ ст. 832 ст. улож. о нак. о нарушеніи уставовъ карантинныхъ, умалчивая совершенно о намѣреніи — иногда лишь только легкомысленномъ — грозитъ, однако, нарушителямъ смертною казнью, причемъ для законодателя совершенно безразлично, ушелъ ли, напримѣръ, обвиняемый за предѣлы карантинной черты съ намѣреніемъ прогуляться или съ цѣлью распространить заразу. Вотъ почему составители устава о наказ. налаг. мировыми судьями, установивъ за проступки, совершенные безъ намѣренія, особое, мягкое и, такъ сказать, педагогическаго характера взысканіе, признали, что въ большинствѣ проступковъ берется въ разсчетъ совершеніе только одного факта и что, поэтому, чисто полицейскія нарушенія должны, безъ сомнѣнія, влечь за собою отвѣтственность даже и въ томъ случаѣ, когда они были послѣдствіемъ одной небрежности. Этимъ соображеніемъ и вызвана статья 9 устава о нак., нал. мир. суд., устанавливающая болѣе строгія наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда даже и ненамѣренные проступки состоятъ въ неисполненіи какой либо особой обязанности, наложенной закономъ.

Другую группу нарушеній закона составляютъ преступленія, въ которыхъ *намѣреніе всегда играетъ роль* — и главную, ибо свидѣтельствуетъ о степени развитія злой воли виновнаго. Въ этихъ сложныхъ по своему характеру преступленіяхъ, намѣреніе движется, какъ маятникъ внутри одного и того же дѣянія, раскачиваясь отъ полнаго отсутствія преступности до самой ея глубины, выражающейся въ предварительномъ обдумываніи и въ особыхъ приготовленіяхъ. Здѣсь все зависитъ отъ опредѣленія намѣренія и умысла обвиняемаго, и одно и то же дѣяніе, напр., убійство, смотря по степени участія въ немъ этихъ элементовъ, можетъ влечь или церковное покаяніе, или безсрочную каторгу со всѣми ея аттрибутами.

Наконецъ, третья группа обнимаетъ собою многія весьма важныя преступленія, въ которыхъ, по самому свойству ихъ, *намѣреніе всегда предполагается*. Это тѣ дѣянія, которыхъ безъ намѣренія совершить нельзя. Немыслимы — кража или разбой безъ намѣренія похитить,—государственная измѣна безъ умысла повредить своему отечеству или неисполнить своихъ къ нему обязанностей,—изнасилованіе женщины безъ намѣренія, поджогъ—безъ намѣренія сообщить огонь подожженному зданію и т. п. Несомнѣнно

могутъ быть случаи, по *внѣшнимъ* своимъ признакамъ близко подходящіе подъ понятіе объ этихъ преступленіяхъ и вызванные, напр., ошибкою въ принадлежности вещи, самовольными распоряженіями, довѣрчивою болтливостью, неосторожнымъ обращеніемъ съ огнемъ, проявленіемъ грубой силы надъ женщиною и т. п.; но если въ каждомъ изъ этихъ случаевъ не признается намѣреніе совершить именно то, что входитъ какъ существенный, внутренній признакъ въ кражу, грабежъ, измѣну и т. д., то здѣсь нѣтъ и этихъ преступленій. Судъ можетъ признать наличность самоуправства, разглашенія тайнъ, оскорбленія дѣйствіемъ и т. д. и наказать за это, но онъ не можетъ, не нарушая существенныхъ началъ карательнаго права, признавать здѣсь кражу, измѣну или изнасилованіе, совершенныя *безъ намѣренія*. Намѣреніе — душа этихъ преступленій. Если взять изъ преступленія эту душу—оно уничтожится, и его фактическихъ признаковъ надо искать совсѣмъ въ другихъ указаніяхъ закона. Убійство остается убійствомъ, какую бы малую роль ни играло въ немъ намѣреніе. Даже когда намѣренія вовсе нѣтъ, все-таки есть убійство, но только неосторожное или даже случайное. Но кража — безъ намѣренія похитить, поджогъ—безъ намѣренія сообщить огонь подлежащему горѣнію зданію, уже не кража и не поджогъ. Клевета принадлежитъ именно къ такимъ, существенно связаннымъ съ намѣреніемъ, преступленіямъ. Гдѣ нѣтъ намѣренія приписать потерпѣвшему дѣйствія, противныя правиламъ чести,—тамъ нѣтъ клеветы. Если эти дѣянія не приписаны, а произведены на самомъ дѣлѣ или, будучи приписаны, сами по себѣ ничего позорнаго для жалобщика собою не представятъ, оправдательный приговоръ суда, отрицающій клевету по самому существу дѣла, неизбѣженъ. Но тамъ, гдѣ *по этимъ основаніямъ* нельзя произнести оправдательнаго приговора, неизбѣженъ приговоръ обвинительный, безъ всякихъ оговорокъ, что честь потерпѣвшаго поругана *безъ намѣренія* обвиняемымъ, который однако понимаетъ и смыслъ того, что онъ говорилъ, и различіе между поступками честными и безчестными.

Обращаясь къ дѣйствующему уложенію о нак., надо замѣтить, что оно даже вовсе и не знаетъ термина «*безъ намѣренія*», введеннаго уставомъ о наказаніяхъ. Оно—въ ст. 4 и 5 указываетъ лишь на преступленія неосторожныя и на случайныя, т. е. невмѣняемыя въ вину. Между тѣмъ, до изданія устава о нак., оно карало всѣ виды клеветы—и въ настоящее время въ 1535 ст. еще предусматриваетъ клевету въ печати. Очевидно, что ни къ тѣмъ видамъ клеветы, которые были перечислены въ уложеніи 1857 года, ни къ клеветѣ въ печати, нельзя примѣнять понятія о ненамѣренности въ томъ смыслѣ, какъ оно устанавливается ст. 9. Клевета словесная, письменная и печатная по существу ничѣмъ не

отличаются одна отъ другой и разнствуютъ лишь въ способѣ своего совершенія. Возможно ли поэтому допустить, что виновный въ клеветѣ въ печати не подлежитъ ни въ какомъ случаѣ признанію дѣйствовавшимъ *безъ намѣренія*, а виновный въ словесной или письменной клеветѣ можетъ оказаться поступавшимъ безъ намѣренія? Мѣрило умысла должно быть одно и то же. Уложеніе говоритъ, впрочемъ, въ ст. 110, о неосторожности дѣянія, бывшаго причиною зла, оправдываемаго обстоятельствами, по коимъ никакъ нельзя было ожидать и предполагать вредныхъ онаго послѣдствій, и грозитъ виновнику лишь приличнымъ внушеніемъ. Но очевидно, что, въ виду всего, что я говорилъ уже о составѣ преступленія клеветы, необходимый ея *объективный* признакъ исключаетъ всякую возможность оправдываться тѣмъ, что отъ позорящаго честь разсказа не ожидалось и не предполагалось вредныхъ послѣдствій.

Въ заключеніяхъ по дѣламъ Ахшарумова и Федорова я уже представлялъ Правительствующему Сенату свѣдѣнія о взглядѣ на составъ клеветы западно-европейскихъ законодательствъ и преимущественно германскаго уложенія. Напомню только, что § 186 этого уложенія подвергаетъ наказанію всякаго распространяющаго или утверждающаго относительно другого фактъ, могущій возбудить къ нему презрѣніе или унизить его въ общественномъ мнѣніи, въ случаѣ недоказанности правдивости факта. Такимъ образомъ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ кодексовъ исключаетъ указаніе на намѣреніе въ опредѣленіи клеветы, устанавливая лишь отчетливымъ образомъ объективный признакъ (способность унизить или возбудить презрѣніе), заключающій въ себѣ eo ipso и намѣреніе.

Переходя, наконецъ, къ практикѣ Правительствующаго Сената по вопросу о примѣненіи ст. 9 уст. о наказ., я нахожу, что въ ряду разнообразныхъ рѣшеній, послѣдовавшихъ по жалобамъ на неправильное признаніе обвиняемыхъ въ оскорбленіяхъ чести дѣйствовавшими *безъ намѣренія*,—наиболѣе разъясняютъ вопросъ рѣшенія по дѣламъ Воронова и Дудкина 1869 г., № 82, Стишова 1869 г., № 856, и Кацъ и Черкеса 1876 г., № 215. Первымъ изъ нихъ признано, что въ тѣхъ случаяхъ, когда клевета, послужившая поводомъ къ обвиненію, оказывается, при ближайшемъ судебномъ изслѣдованіи, простымъ произнесеніемъ *неприличныхъ словъ*, не содержащихъ въ себѣ оскорбленія чьей либо чести,—примѣненіе 9 ст. не представляется неправильнымъ; вторымъ установлено, что преступленія противъ чести, къ коимъ относится и клевета, только тогда наказуются, когда нанесены съ намѣреніемъ, почему признаніе судомъ вмѣняемыми въ вину словъ, сказанныхъ въ шутку, безъ намѣренія оскорбить, лишаетъ обвиненіе въ клеветѣ существенныхъ его признаковъ и основа-

ній; наконецъ, третьимъ рѣшеніемъ, весьма важнымъ и въ процессуальномъ отношеніи, разъяснено, что въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное выраженіе или дѣйствіе представляется безусловно оскорбительнымъ, когда намѣреніе оскорбить лежитъ, такъ сказать, въ самомъ произнесеніи этого выраженія или допущеніи виновнымъ дѣйствія, судъ по существу, для возможности повѣрки правильности его вывода въ кассаціонномъ порядкѣ, необходимо долженъ указать *тѣ особенныя причины или основанія*, по которымъ онъ заключилъ, что, несмотря на безусловную оскорбительность употребленнаго выраженія или дѣйствія, въ данномъ случаѣ у подсудимаго не было намѣренія оскорбить потерпѣвшаго; въ противномъ случаѣ суду былъ бы предоставленъ полный произволъ освобождать подсудимыхъ отъ наказанія, опредѣленнаго за преступленіе или проступокъ, указавъ лишь въ своемъ приговорѣ на отсутствіе намѣренія совершить это преступленіе или проступокъ. Такимъ образомъ, Правительствующій Сенатъ установилъ, что клевета, отграниченная и отъ произнесенія неприличныхъ словъ, и отъ непосредственныхъ личныхъ оскорбленій, и отъ шутки—не можетъ быть осуществляема безъ намѣренія и что объективный признакъ клеветы — безусловная оскорбительность разглашаемаго—имѣетъ настолько рѣшающее значеніе для признанія наличности наказуемаго поступка, что лишь точное и опредѣленное со стороны суда указаніе данныхъ, доказывающихъ, несмотря на этотъ признакъ, отсутствіе намѣренія у обвиняемаго, освобождаетъ судъ отъ обязанности постановлять обвинительный приговоръ. Очевидно, въ этомъ признакѣ лежитъ центръ тяжести обвиненія въ клеветѣ. Я разсказалъ про кого либо, что онъ укралъ, преступно обманулъ довѣріе, взялъ взятку, оказался «нечистымъ на руку» въ картахъ, и т. п., и не только никакихъ доказательствъ этого не могу указать, но даже не могу сослаться на заслуживавшій съ моей стороны довѣрія источникъ такого слуха. Я нахожусь въ здравомъ разсудкѣ, я настолько знакомъ съ условіями и требованіями общественной жизни, что понимаю, что вора боятся, обманувшему довѣріе—его болѣе не оказываютъ, взяточника клеймятъ, шулера выбрасываютъ изъ порядочнаго общества, и т. д., и между тѣмъ, я говорилъ все это не въ шутку, не предупреждая слушателей самымъ характеромъ и построеніемъ своего разсказа, что я не говорю серьезно. Я виновенъ въ клеветѣ и меня долженъ постигнуть единственно возможный, справедливый карательный приговоръ, въ которомъ не можетъ, безъ ущерба правосудію и общественному строю, найти мѣста разсужденіе о томъ, что все это сказано безъ намѣренія.

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ обжалованному кассаторомъ приговору пермскаго мироваго съѣзда, я нахожу, что съѣздомъ признана лживость ничѣмъ недоказаннаго обвиненія въ

дѣяніи, противномъ правиламъ чести, взведеннаго Ланггаузомъ на купца Баранова, почему въ дѣйствіяхъ Ланггауза усмотрѣна *клевета*, указанная въ 136 ст. уст. о наказ., налаг. мир. суд. Но признавая въ разсказахъ Ланггауза о существованіи телеграммы Баранова, удостовѣряющей его мошенническія продѣлки со своими довѣрителями и вымогательство отъ ихъ контрагентовъ—клевету, съѣздъ въ то же время нашелъ, что «слухи, служащіе предметомъ этой клеветы, Ланггаузъ распространялъ *не совсѣмъ не безъ всякаго основанія* и, притомъ, между своими знакомыми въ обыкновенномъ *частномъ разговорѣ*». Поэтому съѣздъ призналъ «умѣстнымъ примѣнить къ Ланггаузу 9 ст. уст. о наказ., ограничивъ наказаніе однимъ лишь выговоромъ», такъ какъ Ланггаузъ «распространялъ *клевету* о Барановѣ *безъ намѣренія* повредить его доброму имени и чести». Этотъ приговоръ не можетъ быть признанъ правильнымъ. Онъ содержитъ въ себѣ прежде всего внутреннее противорѣчіе. Уклончивое и неопредѣленное выраженіе съѣзда о распространеніи слуховъ «не совсѣмъ не безъ всякаго основанія» не мирится съ признаніемъ въ дѣйствіяхъ Ланггауза клеветы. Судъ не долженъ выражаться языкомъ, дающимъ поводъ спросить—да что же, наконецъ, онъ признаетъ? въ чемъ же онъ самъ-то убѣдился? есть ли основаніе видѣть ложь въ словахъ подсудимаго или нѣтъ? Нельзя въ уголовномъ приговорѣ говорить: «это ложь, хотя и не совсѣмъ неправда». Такое колебаніе, такая шаткость убѣжденія въ самихъ судьяхъ лишаетъ ихъ приговоръ силы судебнаго рѣшенія. По признанному всеобщею судебною практикою правилу — сомнѣніе всегда толкуется въ пользу подсудимаго. Гдѣ есть основательное, не устраняемое и при заключительномъ выводѣ, сомнѣніе, тамъ неизбѣженъ оправдательный приговоръ. Поэтому судья, говорящій, по обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла,—«признаю виновнымъ, хотя и сомнѣваюсь», не отдаетъ себѣ яснаго отчета о существѣ своихъ обязанностей.

Кромѣ этой шаткости убѣжденія въ виновности Ланггауза, пермскій съѣздъ кладетъ въ основаніе своего приговора и соображеніе о распространеніи Ланггаузомъ позорящихъ Баранова слуховъ въ средѣ знакомыхъ, въ обыкновенномъ частномъ разговорѣ. И въ этомъ отношеніи приговоръ неправиленъ. Для бытія клеветы вовсе не нужно, чтобы позорящія сообщенія оглашались при «всенародномъ множествѣ» или въ присутствіи незнакомыхъ. Съѣздъ говоритъ объ обыкновенномъ частномъ разговорѣ со знакомыми. Но именно такіе-то разговоры и составляютъ главнѣйшій способъ для распространенія клеветы или, лучше сказать, почву для ея посѣва. Разговоръ о третьемъ лицѣ съ незнакомымъ—есть сравнительно исключительный фактъ, и трудно представить себѣ такой случай, чтобы кто нибудь, находясь въ незнакомомъ обществѣ, въ вагонѣ, публичномъ собраніи и т. под., сказалъ, ни съ того,

ни съ сего, сосѣду или всѣмъ, громогласно: «а знаете ли, господа, вѣдь NN совершилъ такой-то безчестный поступокъ». Клевета въ публичной рѣчи, въ проповѣди—или въ оффиціальныхъ служебныхъ объясненіяхъ—опять случай исключительный; клевета же въ печати особо предусмотрѣна закономъ. Напротивъ, именно обыкновенный частный разговоръ и есть средство для распространенія клеветы. Ни обстановка, ни количество слушателей не имѣютъ здѣсь никакого значенія. Я отнесъ клевету къ существенно намѣреннымъ дѣяніямъ, подобно кражѣ, поджогу, и т. под. Позволю себѣ сравнить клевету, по ея результатамъ, именно съ поджогомъ. Засовывая зажженую паклю въ соломенную крышу зданія, подкладывая огонь подъ полѣнницу дровъ, стоящую въ сѣняхъ, зажигая сѣно, сложенное въ сараѣ—поджигатель не знаетъ заранѣе и не можетъ, поэтому, опредѣлить,—какъ широко раскинетъ свои крылья сдѣланное имъ злое дѣло. Дождь можетъ погасить пожаръ въ самомъ началѣ,—вѣтеръ, раздувающій разгорѣвшееся пламя, можетъ потушить тотъ слабый, начинающійся огонекъ, изъ котораго потомъ разовьется это пламя,—можетъ сгорѣть хозяйственная постройка,—можетъ сгорѣть домъ, но пламя можетъ перекинуться—и въ трескѣ и хаосѣ пожара погибнетъ цѣлое село, городъ... Въ этой неограниченности зла, въ этой невозможности положить заранѣе предѣлъ разрушительному дѣйствію силъ природы, въ этой способности *единичнаго преступленія* обращаться въ *общественное бѣдствіе*—и заключается особая опасность поджога. И законъ вполнѣ правъ, строго карая нарушителя, который беретъ себѣ въ помощь для осуществленія своего злого дѣла стихію, которую онъ смѣетъ лишь вызвать, но управлять которою не можетъ. Но въ сферѣ иныхъ, нематеріальныхъ благъ, тоже охраняемыхъ закономъ, развѣ клевета не похожа на поджогъ? Развѣ разсказчикъ несправедливо позорящихъ чужую честь повѣствованій не поступаетъ такъ же, какъ поджигатель? И онъ, подобно поджигателю, можетъ содѣять зло,—которое въ моментъ начала его совершенія по виду незначительно,—и разсказать только *одному*. Но и онъ не властенъ затѣмъ въ дальнѣйшихъ результатахъ своего разсказа, не властенъ положить предѣлъ его распространенію и сдержать праздное любопытство и злорадное чувство, которыя начнутъ, независимо отъ него, расширять кругъ слушателей его разсказа. И онъ не можетъ заранѣе, даже и приблизительно, опредѣлить результаты своего измышленія, не можетъ предвидѣть—гдѣ, въ какомъ моментѣ жизни оклеветаннаго, на какомъ разстояніи отъ первоначальнаго разсказа, *вынырнетъ* клевета и ко злу моральному присоединитъ еще, быть можетъ, вредъ матеріальный,—и онъ, въ большинствѣ случаевъ, пустивъ клевету, уже не въ силахъ, даже почувствовавъ всю низость своего дѣла, прекратить забрасываніе грязью добраго

имени неповиннаго, имъ самимъ содѣянное... Вотъ почему клевета—этотъ *поджогъ чужой чести*—вовсе не обусловливается ни *количествомъ* слушателей, ни *публичностью* обстановки разговора. Взглядъ на ненамѣренность клеветы, если она высказана въ обыкновенномъ частномъ разговорѣ, основанъ на смѣшеніи *сплетни* съ *клеветою*. Несомнѣнно, что есть случаи, когда сплетня, эта нездоровая, но почти неизбѣжная пища для житейскихъ разговоровъ, довольно близко подходитъ къ клеветѣ, но все-таки между ними есть существенное различіе и по формѣ, и по содержанію. По формѣ—клевета, какъ признано Правительствующимъ Сенатомъ еще въ 1874 году, въ рѣшеніи по дѣлу Ставраки и Неметти, № 661, отличается отъ сплетни тѣмъ, что въ ней сплетнѣ придается значеніе положительнаго и притомъ позорящаго чужую честь факта. По содержанію сплетня состоитъ, въ сущности, или въ передачѣ обстоятельствъ, дѣйствительно существующихъ, но такихъ, которыя, въ интересахъ общаго мира и согласія, порядочный человѣкъ, не желающій вторгаться въ чужую жизнь съ самонадѣяннымъ осужденіемъ или бездѣльнымъ любопытствомъ, нарушая при этомъ нерѣдко и оказанное ему довѣріе, не станетъ оглашать,—или же въ передачѣ вымышленныхъ или преувеличенныхъ обстоятельствъ, которыя, по господствующимъ въ обществѣ взглядамъ, иногда черезчуръ снисходительнымъ,—не вмѣняются въ вину, не влекутъ за собою нравственнаго отчужденія отъ того, кому они приписываются, а только лишь обрисовываютъ его личность красками, несогласными съ дѣйствительностью. Сплетня перваго рода есть своего рода *словесная диффамація*, отличающаяся отъ того же дѣянія, совершаемаго путемъ печати—своею ненаказуемостью съ точки зрѣнія закона, что̀ однако не исключаетъ извѣстной брезгливой осторожности въ обращеніи со «сплетникомъ». Между сплетнею второго рода и клеветою, какъ разграничительный признакъ, лежитъ позорность для чьей либо чести, согласно установившимся понятіямъ, вымышленнаго обстоятельства. Наличіе этой позорности даетъ клевету,—отсутствіе—характеризуетъ собою сплетню.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ соображеній, я нахожу приговоръ пермскаго мирового съѣзда по дѣлу Лангауза и Баранова постановленнымъ вопреки истинному смыслу 136 ст. уст. о наказ., налаг. мир. суд., и потому полагалъ бы приговоръ этотъ, за нарушеніемъ приведенной статьи и вслѣдствіе неправильнаго истолкованія и примѣненія 9 ст. того же устава — отмѣнить съ послѣдствіями по 928 ст. уст. угол. судопр.

Правительствующій Сенатъ *опредѣлилъ*: приговоръ пермскаго мирового съѣзда, за неправильнымъ примѣненіемъ 9 ст. уст. о наказ., налаг. мир. суд., и за нарушеніемъ точнаго смысла 136 ст. того же устава—отмѣнить, передавъ это дѣло, для новаго разсмотрѣнія, въ оханскій мировой съѣздъ.

IV.

По дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ.

Съ 12-го февраля по 18-е марта 1885 г. въ Харьковской судебной палатѣ разсматривалось, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, дѣло о бывшихъ, съ мая 1878 по ноябрь 1881 г. включительно, въ Таганрогской таможнѣ злоупотребленіяхъ по выпуску заграничныхъ товаровъ, безъ оплаты оныхъ пошлиною. На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей поставлено было, по 97 отдѣламъ, болѣе тысячи вопросовъ, и рѣшеніемъ присяжныхъ по онымъ установлено 80 случаевъ таковыхъ злоупотребленій, а подсудимые купцы или ихъ повѣренные и нѣкоторые изъ должностныхъ лицъ таможни признаны виновными въ томъ, что, вслѣдствіе взаимнаго между собою соглашенія, первые получали изъ таможни, а вторые для первыхъ выпускали заграничные товары, безъ оплаты оныхъ пошлиною, для чего, въ большинствѣ случаевъ, чиновники таможни въ досмотровыхъ очисткахъ показывали вѣсъ товара меньшимъ противъ дѣйствительнаго, составляя для того подложные отвѣсные листки, которые, вмѣстѣ съ чиновниками, подписывались и купцами. На состоявшійся приговоръ судебной палаты принесены кассаціонный протестъ прокуроромъ палаты и кассаціонныя жалобы: повѣреннымъ казны, въ качествѣ гражданскаго истца, Рейнботомъ, подсудимыми: бывшимъ корабельнымъ смотрителемъ Кузовлевымъ; бывшими помощниками пакгаузнаго надзирателя Зубковымъ и Липскимъ; потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ 1-ой гильдіи купцомъ Вальяно и повѣренными подсудимыхъ: бывшаго члена таможни Чуле; бывшаго помощника корабельнаго смотрителя Михайлова; греческаго подданнаго Антона Сфаэлло; иностраннаго гостя Андрея Муссури и купца Михаила Векслера. Указываемые въ протестѣ и кассаціонныхъ жалобахъ поводы къ отмѣнѣ приговора палаты относились: 1) къ нарушеніямъ порядка преданія суду; 2) къ нарушеніямъ правилъ судопроизводства при судебномъ слѣдствіи; 3) къ неправильной постановкѣ вопросовъ; 4) къ неправильному постановленію судомъ приговора и неправильному примѣненію законовъ о наказаніи; 5) къ неправильному вычисленію слѣдующаго съ подсудимыхъ денежнаго взысканія, и 6) къ неправильному примѣненію Высочайшаго манифеста 15-го мая 1883 г. Въ заключеніе своихъ жалобъ всѣ подсудимые и ихъ повѣренные заявляли, что они присоединяются къ жалобамъ другихъ подсудимыхъ и ихъ повѣренныхъ.

Установляя судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, законодатель распредѣлилъ работу этого учрежденія между двумя коллегіями, входящими въ его составъ, возложивъ на присяжныхъ — *трудъ* и постановивъ непремѣннымъ условіемъ дѣятельности суда короннаго — *умѣнье* и *знаніе*.

Присяжные несутъ на себѣ трудъ по оцѣнкѣ и провѣркѣ доказательствъ и совершаютъ подчасъ тяжелую работу вывода опредѣленнаго убѣжденія изъ массы разнообразныхъ, противорѣчивыхъ и сложныхъ данныхъ. На представителей суда возложена обязанность руководить ходомъ процесса, идя рука-объ-руку съ присяжными до постановки ими рѣшенія,—руководить съ умѣньемъ и прилагать затѣмъ къ состоявшемуся рѣшенію то техническое знаніе, знаніе уголовнаго закона, которое предполагается въ судьяхъ, какъ въ спеціалистахъ. Дѣло о злоупотребленіяхъ въ таганрогской таможнѣ, одно изъ самыхъ обширныхъ изъ разбиравшихся когда-либо въ русскихъ судахъ, представляетъ — и я полагаю, съ этимъ согласится всякій, знакомый съ этимъ дѣломъ,—блестящее исполненіе первой задачи суда присяжныхъ — труда. Оторванные отъ своихъ занятій, разлученные со своими семействами и отрѣзанные отъ окружающаго міра, присяжные засѣдатели въ теченіе почти пяти недѣль ежедневно, безъ отдыха и перерыва, участвовали въ разсмотрѣніи дѣла труднаго, сложнаго, спеціальнаго и своеобразнаго, исполненнаго множества вопросовъ и фактовъ, которые утомляютъ мозгъ и не оставляютъ никакого живого впечатлѣнія въ сердцѣ... Прослѣдивъ 97 случаевъ нарушеній таможеннаго устава, изъ которыхъ по каждому было особое производство, присяжные затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ дней совѣщанія, въ теченіе цѣлаго дня, съ утра до поздняго вечера, читали одни лишь отвѣты на 1311 вопросовъ, имъ поставленныхъ. Они доказали, что подвигъ труда, имъ предлежавшій, былъ исполненъ ими свято.—Со стороны суда задача была другая. Нужно было умѣло руководить живыми людьми, не стѣсняя ихъ убѣжденія, нужно было проявить знаніе закона въ приложеніи его предписаній къ тому, что выработаетъ это убѣжденіе. Ознакомленіе съ подробнымъ протоколомъ судебнаго засѣданія, подлежащимъ нашему разсмотрѣнію, убѣждаетъ въ томъ, что съ точки зрѣнія внѣшняго порядка и стройности, этотъ огромный процессъ веденъ съ точностью часового механизма, съ предусмотрительностью и вниманіемъ ко всѣмъ нуждамъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Все разсчитано и обдумано заранѣе, все подчиняется строгому плану и притомъ такъ, что потребности, свобода и матеріальная обстановка лицъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ судомъ, не стѣсняются никакими безплодными мѣрами, вовсе ненужными въ интересахъ правосудія. Процессъ веденъ ис-

кусною, опытною рукою, которая видна во всемъ; веденъ такъ, что, несмотря на все разнообразіе возникающихъ въ немъ вопросовъ и усложненій, несмотря на ту постоянную, тревожную зыбь, которая чувствуется въ каждомъ большомъ и интересующемъ сторoны дѣлѣ, въ немъ постоянно видна одна связующая всѣ части прочная нить, сотканная и проведенная авторитетною рукою. Едва ли станутъ спорить противъ этого и жалобщики. Они указываютъ лишь на то, что внутреннее содержаніе этого умѣнья руководить дѣломъ подлежитъ серьезному оспариванію и поддерживаютъ этотъ свой взглядъ многочисленными кассаціонными доводами.

Прежде всего, эти доводы касаются *преданія суду*. По мнѣнію Вальяно, преданіе его суду произошло неправильно, при смѣшеніи двухъ взаимно исключающихъ одна другую функцій уголовнаго суда. То же учрежденіе, которое его предало суду — его же и судило.

Сказать по этому поводу приходится немного. Вальяно, внѣшнимъ образомъ раздѣляя преданіе суду отъ осужденія по существу, въ дѣйствительности смѣшиваетъ эти два понятія, считая при томъ и при другомъ задачу суда одинаковою. Но на дѣлѣ это не такъ. При преданіи суду вопросъ идетъ объ *основательности* данныхъ для того, чтобы поставить человѣка предъ судьею; при сужденіи о винѣ или невиновности — вопросъ сводится къ *доказательности* этихъ данныхъ для осужденія. Такимъ образомъ, это двѣ совершенно разныя задачи и по объему, и по содержанію, и по пріемамъ ихъ исполненія. Одно и то же учрежденіе можетъ исполнять разновременно каждую изъ нихъ. Въ судебныхъ уставахъ есть рядъ указаній на законность соединенія обѣихъ задачъ въ одномъ и томъ же учрежденіи. Не говоря уже о 277 — 528[1] и 528[2] ст. устава уголовнаго судопроизводства, достаточно указать, что даже въ своемъ первоначальномъ видѣ этотъ уставъ имѣлъ ст. 528, въ силу которой, въ случаѣ несогласія суда съ заключеніемъ прокурора о прекращеніи слѣдствія, отъ судебной палаты зависитъ окончательно разрѣшить вопросъ и предать обвиняемаго суду, а такъ какъ дѣла подобнаго рода судятся безъ участія присяжныхъ засѣдателей, то по нимъ возможны аппелляціонныя жалобы, въ случаѣ принесенія которыхъ палата, разъ высказавшись, что данныя для преданія суду основательны, должна въ аппелляціонномъ порядкѣ высказаться о томъ, насколько доказательны эти самыя данныя. Такой порядокъ существуетъ не только въ уст. уг. суд., но и въ уст. гр. суд. Такъ, по 1331—1336 ст. уст. гр. суд., отъ судебной палаты зависитъ разрѣшить искать съ судьи убытки, причиненные его неправильными дѣйствіями. Эти иски, по полученіи разрѣшенія палаты, предъявляются въ окружномъ судѣ, на рѣшенія котораго приносятся аппелляціонныя жалобы, разсматриваемыя въ

той же судебной палатѣ. Слѣдовательно, одно и то же учрежденіе, которое сказало, что судья причинилъ убытки своими, повидимому, неправильными дѣйствіями и повиненъ отвѣту предъ истцомъ, это же самое учрежденіе потомъ разрѣшаетъ, обратилось ли это предположеніе въ достовѣрность и повиненъ ли судья платежу убытковъ. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что безспорное право одного и того же судебнаго учрежденія и предавать суду, и судить — имѣетъ одно практическое и притомъ весьма нежелательное неудобство, состоящее въ томъ, что одни и тѣ же лица участвуютъ въ разрѣшеніи обоихъ вопросовъ. Людямъ свойственно относиться съ упорствомъ къ разъ высказаннымъ мнѣніямъ и подчиняться своимъ уже высказаннымъ симъ взглядамъ на предметъ. Сказать себѣ—я ошибался, я не обдумалъ, я увлекся—не всякій рѣшится охотно. Но и это неудобство устранено разъясненіемъ Правительствующаго Сената, въ рѣшеніи 1882 года, № 14, по дѣлу Каберова, гдѣ высказано, что участвующіе въ сужденіи по существу судьи должны быть не изъ числа тѣхъ, которые участвовали въ постановленіи о преданіи суду. Изъ настоящаго дѣла видно, что лица, постановившія приговоръ, начиная съ старшаго предсѣдателя и кончая членами палаты—были не тѣ, которыя предали Вальяно суду. Поэтому этотъ кассаціонный поводъ падаетъ.

Повѣренный казны находитъ, что подсудимый Сократъ Гизи оправданъ по обвиненію въ безпошлинномъ провозѣ винной ягоды, потому что обвиненіе его въ этомъ преступленіи было обусловлено привлеченіемъ къ дѣлу его соучастниковъ въ числѣ трехъ, но они привлечены не были, такъ что дѣятельность Гизи явилась въ одностороннемъ освѣщеніи, повлекшемъ за собою оправданіе.

Повѣренный казны ссылается на рѣшеніе Сената по дѣлу Коена, № 40, 1882 г., и на то, что несообщеніе копіи опредѣленія палаты о прекращеніи дѣла о соучастникахъ Гизи лишило таможенное начальство возможности обжаловать ея распоряженіе. Не говоря уже о томъ, что на точномъ основаніи 1182 и 1184 ст. уст. уг. суд., опредѣленія о прекращеніи слѣдствія подлежатъ обжалованію со стороны казенныхъ управленій лишь въ томъ случаѣ, когда они постановлены окружными судами, и что рѣшеніе по дѣлу Коена говоритъ объ обжалованіи дѣйствій лица прокурорскаго надзора, не составившаго заключенія о преданіи суду высшему въ порядкѣ подчиненности лицу прокурорскаго надзора, т. е. Министру Юстиціи, какъ генералъ-прокурору, или прокурору судебной палаты, чего въ данномъ случаѣ не было совершено казеннымъ управленіемъ,—нельзя не замѣтить, что предположенія о причинахъ оправданія присяжными Гизи являются совершенно гадательными и лишенными всякаго фактическаго основанія. Поэтому и этотъ кассаціонный поводъ не можетъ быть уваженъ.

Затѣмъ, *при веденіи судебнаго слѣдствія*, по мнѣнію кассаторовъ допущенъ рядъ нарушеній, которыхъ я буду касаться вкратцѣ, потому что, въ виду соотвѣтствующихъ разъясненій Правительствующаго Сената, бо́льшая часть этихъ предполагаемыхъ нарушеній поводомъ кассаціи рѣшенія присяжныхъ служить не можетъ.

Во-первыхъ, указывается, что свидѣтели Озеровскій, Шустерманъ и Русиновъ вызваны по требованію прокурора, безъ объясненія причинъ ихъ вызова, въ нарушеніе равноправности сторонъ. Законъ предоставляетъ прокурору право вызывать свидѣтелей до самаго открытія судебнаго засѣданія. Возникаетъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли прокурору объяснять эти причины, побудившія его вызвать свидѣтелей, и указывать на предметъ ихъ ожидаемыхъ показаній, если, по открытіи судебнаго засѣданія, стороны этого пожелаютъ. Хотя для разрѣшенія этого вопроса нѣтъ прямыхъ указаній въ законѣ, но я едва ли ошибусь, сказавъ, что и *судебное прямодушіе*, которое должно руководить дѣйствіями всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ, и польза самого прокурорскаго надзора дѣлаютъ желательными подобныя объясненія со стороны обвинителя. Ему не слѣдуетъ скрывать въ открытомъ бою для уясненія истины, который идетъ на судебномъ слѣдствіи, зачѣмъ ему нуженъ тотъ или другой изъ вызываемыхъ свидѣтелей. Достоинство судебнаго засѣданія требуетъ всемѣрно избѣгать неожиданностей и сюпризовъ, озадачивающихъ противную сторону, но чуждыхъ цѣлямъ правосудія. Кромѣ того, съ практической точки зрѣнія не зачѣмъ рисковать тѣмъ, что защита, при допросѣ свидѣтеля, можетъ усмотрѣть въ его показаніи *новое доказательство* и, согласно 634 и 734 ст. уст. уг. суд., потребовать отсрочки разсмотрѣнія дѣла, для подготовленія. Эти соображенія къ настоящему дѣлу, однако, непримѣнимы. Свидѣтели были вызваны въ палату по списку, приложенному къ обвинительному акту; его, повидимому, совершенно не желаютъ принять во вниманіе кассаторы, а объяснять причины вызова свидѣтелей, указанныхъ въ спискѣ, приложенномъ къ обвинительному акту и утвержденномъ судебною палатою, прокуроръ не только не обязанъ, но было бы неумѣстно и требовать отъ него этого. Свидѣтели, указанные въ спискѣ, приложенномъ къ обвинительному акту, суть свидѣтели, допрошенные на предварительномъ слѣдствіи или такіе, которые соприкасаются съ нимъ или въ качествѣ должностныхъ лицъ, производившихъ тѣ или другія дѣйствія при слѣдствіи или дознаніи, или въ качествѣ частныхъ лицъ, присутствовавшихъ при нихъ. Приставъ, производившій дознаніе, врачъ, дѣлавшій осмотръ, понятые, тюремная стража, и т. п. могутъ не быть допрошены какъ свидѣтели, но о нихъ или упомянуто въ томъ или другомъ актѣ, или же они его под-

писали. Поэтому, изученіе предварительнаго слѣдствія, обязательное для защиты, должно привести къ знанію, о чемъ могутъ показать лица, вызываемыя по списку, утвержденному палатою. Прокурору не слѣдуетъ скрывать отъ защиты того, чего она не въ силахъ своевременно узнать помимо его, но онъ не обязанъ восполнять недостаточное знакомство защиты съ подробностями дѣла.

Второй поводъ, указываемый подсудимымъ Вальяно, состоитъ въ томъ, что палата отказала въ вызовѣ и допросѣ, въ нарушеніе 557 ст. уст. уг. суд., *недопрошеннаго* на предварительномъ слѣдствіи свидѣтеля Павлова, чѣмъ ею была бы совершена компенсація допущеннаго нарушенія правъ Вальяно, выразившагося въ томъ, что ему не было сообщено о вызовѣ, по просьбѣ другихъ подсудимыхъ, трехъ свидѣтелей, изъ которыхъ показаніе одного, Кардамилліоти, можетъ имѣть отношеніе и къ его дѣяніямъ. Въ данномъ случаѣ и палата, и кассаторъ впали въ ошибку. Палата ошиблась, признавъ, что свидѣтель Павловъ не допрошенъ на предварительномъ слѣдствіи, между тѣмъ какъ въ 7-й части I тома, на листѣ 45, имѣется его показаніе. Ошибается и кассаторъ, такъ какъ 30-го декабря 1884 года, подъ его собственноручную росписку, ему былъ врученъ списокъ дополнительныхъ свидѣтелей, въ числѣ коихъ значится и Кардамилліоти. Такимъ образомъ, здѣсь не можетъ быть рѣчи о компенсаціи однимъ нарушеніемъ другого,—а остается лишь незаконное требованіе о допросѣ свидѣтеля по истеченіи всѣхъ сроковъ, совершенно правильно оставленное палатою безъ удовлетворенія.

Третій поводъ заключается въ указаніи на признаніе неявки свидѣтеля Апостолова незаконною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показанія его несущественнымъ и, поэтому, не подлежащимъ прочтенію. Но признаніе показанія свидѣтеля существеннымъ или несущественнымъ, не подлежащее провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, не имѣетъ никакой связи съ признаніемъ неявки свидѣтеля незаконною, и Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Мордкина, № 97, 1874 года, на которое ссылается кассаторъ, установилъ опредѣлительно, что всякая неявка свидѣтеля, хотя бы такого, который подходитъ подъ 642 ст. уст. угол. суд., считается незаконною, пока не будетъ доказано противное, т. е. пока свидѣтелемъ не будутъ представлены данныя, что онъ проживаетъ не только въ другомъ округѣ, но притомъ и въ такой отдаленности, что безъ особаго ущерба для себя не могъ явиться въ судъ. Очевидно, эта отдаленность соотвѣтствуетъ не только пространству, которое отдѣляетъ свидѣтеля отъ суда, но и его общественному и имущественному положенію, и судъ долженъ и можетъ иначе отнестись къ бѣдняку изъ низшаго сословія, которому приходится идти изъ другого округа пѣшкомъ, чѣмъ къ просвѣщенному и

зажиточному человѣку, къ услугамъ котораго паровыя сообщенія. Поэтому неявка свидѣтеля, живущаго въ другомъ округѣ, должна считаться незаконною, пока не будетъ судомъ признано, что существуетъ наличность условій, упомянутыхъ во 2 п. 642 ст. Лишь тогда,—какъ это случилось, къ совершенно неосновательному удивленію кассатора, и въ настоящемъ дѣлѣ,—можетъ быть впослѣдствіи снятъ наложенный судомъ штрафъ.

Осужденный *Михайловъ* жалуется на прочтеніе показанія подсудимаго Сигаева, который заболѣлъ во время засѣданія, не явился въ назначенный день и, будучи розысканъ въ Харьковѣ, былъ отправленъ въ больницу для душевно-больныхъ. При этомъ его показаніе прочитано цѣликомъ, а не тѣ его части, къ которымъ относилось ходатайство прокурора, и изъ заявленія предсѣдателя оказалось, что болѣзнь Сигаева не новая, что ея признаки были у него и раньше, еще во время производства предварительнаго слѣдствія, такъ что очевидно, по мнѣнію Михайлова, что было прочитано показаніе, данное сумасшедшимъ. Этого сумасшедшаго присяжные не видѣли, не могли оцѣнить степени его разстройства, и мертвая бумага замѣнила предъ ними живой образъ.

Этотъ поводъ, повидимому, имѣетъ серьезное значеніе, но только повидимому. Правительствующій Сенатъ цѣлымъ рядомъ рѣшеній разрѣшилъ читать показанія скрывшихся и умершихъ сообвиняемыхъ, дающихъ положительныя или отрицательныя свѣдѣнія по дѣлу о другихъ обвиняемыхъ. Сигаевъ скрылся, Сигаевъ оказался сошедшимъ съ ума. Но онъ не умеръ. Однако, очевидно, въ свидѣтелѣ главное—его духовная сторона, а не физическое состояніе,—его способность къ воспріятію и передачѣ впечатлѣній, а не его тѣлесное существованіе. Свидѣтель, сошедшій съ ума, *существуетъ*, но онъ *житъ* пересталъ,—онъ умеръ, какъ свидѣтель, а остался какъ механизмъ, лишенный духа живого. Поэтому его можно, по всей справедливости, приравнять къ умершему. Вотъ почему палата имѣла право прочесть его показаніе и притомъ цѣликомъ, ибо изъ протокола не видно, чтобы прокуроръ требовалъ прочтенія лишь части. Кромѣ того, нельзя признать правильнымъ указаніе на то, что обвиняемый Сигаевъ былъ допрошенъ на предварительномъ слѣдствіи, какъ сумасшедшій. Онъ былъ преданъ суду. Слѣдовательно, если у него и являлись признаки умственнаго разстройства при слѣдствіи, то это было изслѣдовано въ порядкѣ ст. 353—356 уст. угол. суд.—и это изслѣдованіе не дало данныхъ для признанія его сумасшедшимъ, иначе дѣло о немъ было бы прекращено.

Осужденный *Чуле* жалуется на то, что прокуроръ сдѣлалъ ссылку на показаніе Кузовлева о взяткѣ въ 500 р., данной имъ кассатору, и видитъ въ этомъ нарушеніе равноправности сторонъ

и 630 ст. уст. угол. суд., а осужденный *Михайловъ* жалуется на то, что прокуроръ сослался на «*балластное дѣло*» таганрогскаго порта, по которому Кузовлевъ и его помощники тоже преданы суду.

Такое заявленіе прокурора не можетъ не быть признано нарушеніемъ условій производства дѣла. Но впечатлѣніе этого заявленія могло и должно было быть исправлено въ заключительномъ словѣ предсѣдателя. И такъ какъ протоколомъ удостовѣрено, что предсѣдатель исполнилъ указанія 801, 802 и 804 ст. уст. уг. суд. и, слѣдовательно, объяснилъ присяжнымъ *доказательную стоимость* ссылки прокурора на не провѣренныя судомъ обстоятельства, а съ другой стороны — ни въ замѣчаніяхъ на протоколъ, ни въ жалобѣ кассатора нѣтъ никакихъ указаній на несоотвѣтствіе протокола съ дѣйствительностью, то и самый поводъ не представляется существеннымъ и не можетъ служить къ отмѣнѣ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей. Что касается до нарушенія, указываемаго Михайловымъ, то, по объясненію палаты, говоря о «балластномъ дѣлѣ», прокуроръ не употребилъ слова «помощники», которое касалось Михайлова, почему онъ и не имѣетъ права жаловаться, помимо Кузовлева, на это нарушеніе не его правъ.

Зубковъ жалуется на то, что Озеровскій, при допросѣ на судебномъ слѣдствіи, ссылался на объясненія, данныя ему обвиняемыми при дознаніи. Но изъ дѣла и изъ его жалобы не видно, чтобы онъ возражалъ противъ допроса Озеровскаго о дознаніи, имъ произведенномъ, вообще или чтобы онъ просилъ о внесеніи въ протоколъ того, что̀ именно было сказано, въ нарушеніе условій устнаго производства, Озеровскимъ. Поэтому Правительствующій Сенатъ не можетъ судить о содержаніи показанія Озеровскаго. Надо при этомъ замѣтить, что если дознаніе имѣетъ цѣлью отысканіе слѣдовъ преступленія, подобно тому, какъ слѣдствіе имѣетъ цѣлью провѣрку уже обнаруженныхъ слѣдовъ и приведеніе ихъ въ болѣе тѣсную связь между собою и извѣстною, опредѣленною личностью,—то и разсказъ свидѣтеля, производившаго дознаніе о томъ, какимъ путемъ онъ искалъ слѣды преступленія и какія при этомъ получалъ объясненія, несомнѣнно входитъ въ содержаніе показанія. Можно возражать вообще противъ показаній свидѣтеля о дознаніи, акты котораго исключаются изъ матеріаловъ судебнаго слѣдствія, но, допустивъ такое показаніе безъ возраженія, нельзя уже требовать произвольнаго ограниченія его объема и предѣловъ. По поводу показаній Озеровскаго приводится другое кассаціонное требованіе. Полковникъ Озеровскій являлся при предварительномъ слѣдствіи въ качествѣ уполномоченнаго отъ таможеннаго департамента въ числѣ четырехъ другихъ лицъ, бывшихъ повѣренными этого казеннаго управленія; онъ же про-

изводилъ подробное изслѣдованіе нарушеній путемъ дознанія, которое послужило первоначальнымъ матеріаломъ для слѣдственныхъ дѣйствій. Несмотря на это онъ допрошенъ въ качествѣ свидѣтеля на судебномъ слѣдствіи, въ явное, по мнѣнію кассатора, нарушеніе 709 ст. уст. уг. суд. Такого нарушенія въ данномъ случаѣ, однако, не существуетъ. Воспрещая соединять въ одномъ лицѣ обязанности свидѣтеля и участвующаго въ дѣлѣ лица, въ качествѣ ли обвинителя или защитника, законъ отдаетъ преимущество свидѣтелю, т. е. матеріалу для дѣла предъ участникомъ дѣла, а не наоборотъ. Кромѣ того, Правительствующій Сенатъ въ рядѣ рѣшеній (1870 г., № 164, 1875 г., № 54 и 1874 г. № 305) разъяснилъ, что допросъ на судѣ повѣреннаго гражданскаго истца, предъявившаго искъ при предварительномъ слѣдствіи, — не есть нарушеніе 709 ст. уст. уг. суд. и что только лицо, уже начавшее участвовать въ судебномъ слѣдствіи въ качествѣ стороны, нельзя допрашивать, какъ свидѣтеля. Правительствующимъ Сенатомъ признанъ также не составляющимъ нарушенія 709 ст. допросъ на судѣ повѣреннаго истца, который въ засѣданіи гражданскаго суда требовалъ передачи дѣла прокурору, на основаніи 8 ст. уст. гр. суд., а между тѣмъ, нельзя не признать, что дѣятельность такого повѣреннаго въ гражданскомъ судѣ представляетъ болѣе основаній опасаться безпристрастія его показаній, по отношенію къ которымъ онъ болѣе связанъ предшествующимъ письменнымъ производствомъ и обмѣномъ состязательныхъ бумагъ.

Слѣдующій *кассаціонный поводъ* относится въ *экспертизѣ*. Зубковъ и Чуле возражаютъ противъ правильности производства экспертизы, указывая на то, что экспертъ Броневскій былъ допущенъ, въ нарушеніе 694 ст. уст. уг. суд., давать свое показаніе по гектографированнымъ копіямъ протоколовъ слѣдствія, въ которыхъ находились и показанія другихъ экспертовъ и, такимъ образомъ, вмѣсто устнаго изложенія результатовъ изслѣдованія, было произведено замаскированное оглашеніе письменныхъ данныхъ, не подлежавшихъ прочтенію. Изъ протокола, однако, не усматривается, чтобы Броневскій читалъ показанія другихъ экспертовъ, а занесено лишь заявленіе Броневскаго о томъ, что онъ руководствуется копіею съ данной имъ экспертизы для своего облегченія, но что онъ готовъ производить тѣ же вычисленія вновь въ палатѣ. Изъ этого заявленія видно, что имѣвшіеся въ рукахъ эксперта письменные акты относились къ произведеннымъ имъ вычисленіямъ, а 628 ст. уст. уг. суд. разрѣшаетъ свидѣтелямъ и свѣдущимъ людямъ, для точности ихъ показанія, имѣть при себѣ памятныя записки, если эти показанія относятся, между прочимъ, къ какимъ либо вычисленіямъ. Такое разрѣшеніе необходимо, чтобы не повторять лишней, подготовительной къ вы-

воду, черной работы на судебномъ слѣдствіи. Кромѣ того, надо замѣтить, что это происходило въ засѣданіи 15-го февраля, а 16-го февраля, какъ видно изъ протокола, Броневскій былъ вновь передопрошенъ по предмету экспертизы, причемъ ему не было уже дозволено имѣть въ рукахъ копій его экспертизы. Такимъ образомъ, онъ далъ второе показаніе изустно, безъ всякихъ письменныхъ замѣтокъ, и кассаторъ не указываетъ, чтобы стороны были стѣснены въ правѣ и возможности предлагать ему вопросы, касающіеся выводовъ, подробностей и пріемовъ произведенной имъ экспертизы. Поэтому я не усматриваю въ данномъ случаѣ нарушенія 628 и 694 ст. уст. уг. суд.

Какъ на дальнѣйшій поводъ Вальяно указываетъ, что 10-й вопросъ отдѣла 14-го объ отвѣсномъ листкѣ былъ поставленъ не согласно съ выводами обвинительнаго акта, безъ требованія прокурора, а потому является вопросомъ совершенно произвольнымъ, такъ какъ онъ не вытекалъ и изъ судебнаго слѣдствія, что видно изъ того, что онъ былъ помѣщенъ въ печатномъ спискѣ вопросовъ, составленномъ до слушанія дѣла. Изъ замѣчаній прокурора на протоколъ видно, однако, что онъ требовалъ постановки вопроса 10-го отдѣла 14-го, и въ самомъ протоколѣ объяснено, что на заявленіе предсѣдателя о томъ, что этотъ вопросъ поставленъ по требованію прокурорскаго надзора, возраженій со стороны обвинителя не послѣдовало. Хотя въ обвинительномъ актѣ нѣтъ обвиненія Вальяно въ томъ, что онъ самъ совершилъ подлогъ по 362 ст., но обвиненіе его по 362 ст. было поставлено въ пунктѣ 18-мъ акта, какъ обвиненіе Вальяно въ склоненіи повѣреннаго своего Кондо къ составленію завѣдомо подложнаго отвѣснаго листка, каковое дѣяніе, какъ сказано въ заключительномъ пунктѣ обвинительнаго акта, предусмотрѣно 13 и 362 ст. улож. Поэтому, обвиненіе, выраженное судебною палатою при окончательной постановкѣ вопроса 10-го, было согласно съ требованіемъ прокурорскаго надзора, могло вытекать изъ судебнаго слѣдствія и, по квалификаціи дѣянія Вальяно, не представляло противорѣчія съ заключительнымъ пунктомъ обвинительнаго акта, въ которомъ указана 362 ст. улож. Предположеніе, что этотъ вопросъ не вытекалъ изъ судебнаго слѣдствія, основанное на томъ, что онъ былъ предварительно напечатанъ, не имѣетъ подъ собою почвы, ибо этотъ вопросъ, какъ видно изъ *вопроснаго* тома производства палаты, *написанъ* въ переданной присяжнымъ тетради и притомъ съ измѣненіемъ и включеніемъ нѣкоторыхъ словъ противъ печатнаго, слѣдовательно, онъ поставленъ вновь по окончаніи судебнаго слѣдствія.

Послѣднее указаніе, относящееся до отдѣла нарушеній судопроизводственныхъ, касается способа изложенія приговора палаты. По силѣ ст. 827 у. у. с., судъ долженъ основывать свои выводы

на соображеніяхъ, относящихся къ примѣненію законовъ, и не помѣщать въ протоколъ приговора такихъ фактическихъ данныхъ, о которыхъ не спрошены присяжные и которыхъ они, поэтому, и не признали. Между тѣмъ, въ приговорѣ по настоящему дѣлу, выводу палаты о примѣненіи закона предшествуетъ подробное изложеніе такихъ обстоятельствъ, которыя присяжными не признаны, ибо не входили въ вопросы, предложенные на ихъ разрѣшеніе. Приговоръ судебнаго мѣста по рѣшенію присяжныхъ засѣдателей долженъ быть основанъ на признанныхъ присяжными фактахъ и не долженъ заключать въ себѣ указаній на такія данныя, которыя установлены самимъ судомъ и затѣмъ, помимо рѣшенія присяжныхъ и, быть можетъ, даже вопреки ему, вмѣнены въ вину осужденному. Это безспорно. Но присяжнымъ совершенно излишне предлагать вопросъ о такихъ фактахъ, которые являются несомнѣнными, такъ какъ вытекаютъ изъ существованія извѣстнаго, закономъ начертаннаго, порядка, установленнаго для опредѣленія тѣхъ или другихъ отношеній, существующихъ въ жизни государства. При нарушеніи интересовъ казеннаго управленія нарушается такой, закономъ установленный, порядокъ. Спрашивать присяжныхъ не о томъ, совершены ли подсудимыми дѣянія, нарушающія такой порядокъ, а о томъ, существуетъ ли такой порядокъ, значитъ возлагать на нихъ совершенно безплодно то, что не входитъ въ кругъ ихъ обязанностей. Спрашивается, какіе фактическіе вопросы изъ этой области слѣдовало бы ставить присяжнымъ, обсуждавшимъ таганрогское дѣло? Существуютъ ли партіонные билеты? Но на это есть указаніе въ самомъ законѣ. Существуютъ ли отвѣсные листки? На это есть также указаніе въ законѣ и въ согласныхъ съ закономъ распоряженіяхъ таможеннаго департамента. Какъ производится досмотръ? Но цѣлый рядъ статей таможеннаго устава опредѣляетъ это со всею подробностью. Такіе вопросы были бы излишни и даже незаконны, какъ подвергающіе сомнѣнію самое существованіе того или другого закона,—сомнѣнію, средства для разрѣшенія котораго надо искать въ первомъ томѣ свода, а не въ отвѣтахъ присяжныхъ. Но для правильнаго примѣненія закона и возникающихъ при такомъ примѣненіи вопросовъ необходимо иногда, въ сложномъ дѣлѣ спеціальнаго характера, изложеніе законнаго порядка, нарушеніе котораго вызвало уголовное преслѣдованіе. Этотъ порядокъ можетъ даже и не быть точно установленъ закономъ, а лишь вытекать изъ даннаго закономъ разрѣшенія. Такъ, напр., законъ предоставляетъ предсѣдателю суда установлять по своему усмотрѣнію порядокъ особой отчетности для судебныхъ приставовъ. Законъ даетъ суду право издавать наказы, и ими могутъ быть установлены книги для записки вещественныхъ доказательствъ. Правительствующій Сенатъ самъ предписалъ с.-петербургскому окруж-

ному суду установить особыя книги для записки слѣдователями денежныхъ документовъ, поступающихъ къ нимъ, предоставивъ форму для этихъ книгъ и порядокъ ихъ веденія и изготовленія усмотрѣнію суда. Отсюда вытекаютъ правила и распоряженія, установляемыя внутри того или другого учрежденія—и нарушеніе этихъ правилъ можетъ быть предметомъ преступленія. Можетъ быть сдѣланъ подлогъ въ книгѣ вещественныхъ доказательствъ или въ книгѣ денежныхъ документовъ,—судебный приставъ можетъ помѣстить въ свой отчетъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія, съ цѣлью скрыть нарушеніе имъ своихъ обязанностей. Слѣдуетъ ли, однако, присяжныхъ спрашивать: была ли въ такомъ-то судѣ установлена отчетность для судебныхъ приставовъ, была ли установлена книга для вещественныхъ доказательствъ, и т. п.? Очевидно, что нѣтъ. Отвѣтъ на эти вопросы содержится въ формальныхъ данныхъ дѣла, въ оффиціальныхъ распоряженіяхъ управомоченныхъ лицъ. Присяжныхъ слѣдуетъ спрашивать лишь о фактахъ, наличность которыхъ составляетъ преступленіе.

Такимъ образомъ, судебная палата поступила правильно и не нарушила 827 ст., обрисовавъ въ своемъ приговорѣ сначала существующій порядокъ таможенныхъ обрядностей и снабдивъ каждое свое положеніе ссылкою на таможенный уставъ, а затѣмъ, уже согласно рѣшенію присяжныхъ, установивъ виды и способы нарушенія этого порядка, произведеннаго подсудимыми, и подведя дѣяніе ихъ подъ указанія карательнаго закона. Такимъ образомъ, всѣ нарушенія, допущенныя, по мнѣнію кассаторовъ, во время судебнаго слѣдствія, или представляются несущественными, или же, при ближайшемъ разсмотрѣніи, теряютъ характеръ нарушеній. Можно сказать, что тотъ громадный корабль, который назывался процессомъ о злоупотребленіяхъ въ таганрогской таможнѣ, былъ спущенъ на воду и отправленъ въ плаваніе правильно и руководимъ своимъ штурманомъ, согласно правиламъ мореходнаго искусства. Кассаторы утверждаютъ, однако, еще и то, что грузъ этого корабля, свезенный въ таможню, называемую уложеніемъ о наказаніи, былъ выпущенъ изъ нея въ явный ущербъ для хозяевъ и въ нарушеніе статей тарифа, именуемыхъ статьями уложенія о наказаніяхъ.

Въ этомъ отношеніи *первый*, одинъ изъ самыхъ существенныхъ по дѣлу вопросовъ,—по своему юридическому значенію и по своимъ результатамъ, касающійся большинства обвиняемыхъ, есть вопросъ о примѣненіи къ дѣяніямъ ихъ правилъ о *совокупности преступленій*. Судебная палата, находя, что подсудимые подлежатъ присужденію за признанныя присяжными злоупотребленія къ ряду денежныхъ взысканій, не нашла, однако, возможнымъ примѣнить къ нимъ правило, указанное 8 п. 152 ст. улож., и не слагая всѣ эти взысканія воедино, надписать надъ всѣми ими

лишь цифру высшаго взысканія. Судебная палата нашла, что, по общему правилу, въ случаѣ совокупности дѣяній, влекущихъ за собою денежныя взысканія, судъ приговариваетъ не къ суммѣ этихъ взысканій, а къ наибольшему, по количеству, взысканію,— но что изъ этого общаго правила въ законѣ сдѣлано исключеніе, такъ какъ на основаніи 1126 ст. уст. уг. суд., при совокупности, денежное взысканіе за нарушеніе устава казеннаго управленія не покрывается наказаніями за иныя преступленія и проступки; такимъ образомъ, наказаніе денежнымъ взысканіемъ за нарушеніе казеннаго интереса не подчиняется общимъ правиламъ о совокупности, оно составляетъ исключеніе изъ общаго правила и должно приводиться въ исполненіе независимо отъ другихъ наказаній, слѣдующихъ подсудимому за общія преступленія. Но если каждое отдѣльное денежное взысканіе за нарушеніе устава казеннаго управленія составляетъ исключеніе изъ общаго закона о совокупности, то и стеченіе нѣсколькихъ такихъ взысканій составляетъ исключеніе изъ общаго правила и не подлежитъ закону о совокупности. Въ 1126 ст. уст. уг. суд. установленъ принципъ, въ силу котораго извѣстное денежное взысканіе не можетъ погашаться совокупностью и должно взыскиваться съ виновнаго полностью. Исключеніе это допущено въ интересахъ казны. Чтобы нарушить эти интересы и, вопреки имъ, при стеченіи нѣсколькихъ подобныхъ взысканій, примѣнить законъ о совокупности, къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности непримѣнимый, необходимо особое категорическое предписаніе закона. Такого закона, однако, нѣтъ, и, слѣдовательно, законъ о совокупности не долженъ имѣть мѣста въ судебныхъ приговорахъ въ отношеніи денежныхъ взысканій за нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій. Принципъ, положенный законодателемъ въ основу 1126 ст. уст. уг. суд., не только не отмѣненъ или ослабленъ позднѣйшими законами, но даже распространенъ и на дѣла о самовольныхъ порубкахъ въ частныхъ лѣсахъ, гдѣ, при стеченіи нѣсколькихъ самовольныхъ порубокъ, устраняется вопросъ о совокупности слѣдующихъ взысканій.

Такимъ образомъ, палата признала, что при взысканіяхъ за нарушеніе уставовъ казеннаго управленія не существуетъ совокупности *поглощающей*, а существуетъ совокупность, которую можно назвать *слагающею*. При первой — большее взысканіе поглощаетъ меньшее, и до тѣхъ поръ, пока не останется одно, самое большее, которому и подвергается виновный; при второй — слагающей — взысканія наростаютъ по мѣрѣ увеличенія ихъ числа и слагаются въ одну общую сумму. Доводамъ палаты нельзя отказать въ томъ, что они послѣдовательны. Дѣйствительно, если законодатель, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ стеченія взысканій за общее преступленіе и за преступленіе противъ ин-

тересовъ казны, ограждаетъ интересы казны, отступая отъ 8 п. 152 ст. улож., то почему же это стремленіе къ огражденію должно вдругъ совершенно исчезать — если такихъ преступленій совершенъ цѣлый рядъ, если интересъ казны нарушенъ не единожды только, а многократно? Но такого, вполнѣ, по моему мнѣнію, логическаго, вывода недостаточно.

Необходимы выводы, опирающіеся на указанія закона, имѣющаго отношеніе къ вопросу о совокупности, необходимо вглядѣться въ разъясненія, обязательныя для судебной практики. Эти разъясненія явились послѣдствіемъ того, что въ 152 ст. улож. вовсе не упоминается отдѣльно о взысканіяхъ по нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій, а 1126 ст. уст. уг. суд. въ то же время установляетъ исключеніе именно для такого рода взысканія, когда оно совпадаетъ съ общимъ.

Среди ряда кассаціонныхъ рѣшеній, относящихся къ вопросу о совокупности, есть одно, руководящее, и отъ котораго не сдѣлано было ни одного отступленія въ послѣдующихъ рѣшеніяхъ. Это рѣшеніе 1869 года, по дѣлу Маркова, № 652. Въ немъ Правительствующій Сенатъ, останавливаясь на указаніи управляющаго акцизными сборами *на неправильное присужденіе подсудимаго къ двумъ отдѣльнымъ взысканіямъ* по двумъ нарушеніямъ питейнаго устава, въ которыхъ одновременно обвинялся подсудимый, нашелъ, что хотя въ 8 п. 152 ст. улож. и установлено общее правило, что при совокупности проступковъ, влекущихъ за собою денежныя взысканія, судъ приговариваетъ не къ суммѣ ихъ, а къ наибольшему по количеству взысканію, *но это правило, очевидно,* относится *къ такого рода взысканіямъ*, которыя налагаются исключительно въ видѣ наказанія, не заключая въ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вознагражденія за нанесенный казенному управленію ущербъ чрезъ нарушеніе устава казеннаго управленія. Соображеніе это подтверждается какъ примѣчаніемъ къ 152 ст. улож., такъ и 1126 ст. уст. уг. суд., по силѣ которыхъ денежныя взысканія за нарушенія уставовъ казенныхъ управленій не покрываются наказаніями за другія преступленія или проступки. *Допустивъ другое толкованіе,* пришлось бы, при сужденіи двухъ или болѣе нарушеній противъ уставовъ различныхъ казенныхъ управленій, постановлять опредѣленіе объ удовлетвореніи только одного изъ такихъ управленій, по невозможности, въ большинствѣ случаевъ, отдѣлить сумму вознагражденія отъ количества штрафа, присуждаемаго въ наказаніе. Такимъ образомъ признано, что въ тѣхъ случаяхъ, когда взысканіе слагается изъ наказанія и изъ удовлетворенія за вредъ и убытки, примѣненіе *совокупности поглощающей* мѣста не имѣетъ — и дѣйствуетъ *совокупность слагающая.* Этотъ свой взглядъ Правительствующій Сенатъ подтвердилъ и въ 1877 году, въ рѣшеніи по дѣлу Хилюка. Этотъ же

взглядъ на такое значеніе взысканій за нарушеніе казенныхъ уставовъ имѣли и составители судебныхъ уставовъ. Въ мотивахъ Государственной Канцеляріи къ ст. 1126 уст. угол. суд. прямо сказано, что денежныя взысканія за нарушенія уставовъ казенныхъ управленій служатъ и наказаніемъ обвиняемаго, и вознагражденіемъ за убытокъ, и отдѣлять въ нихъ ту сумму, которая положена въ наказаніе, отъ той, которая слѣдуетъ въ вознагражденіе, невозможно. Поэтому, для разрѣшенія вопроса о правильности примѣненія къ настоящему дѣлу совокупности слагающей надо выяснить — что̀ именно содержитъ въ себѣ наказаніе по ст. 766 улож., по которой приговорены осужденные купцы. За ввозъ товаровъ, безъ полученія ярлыка и безъ оплаты ихъ пошлиною, по стачкѣ съ чиновниками, хозяева товара подвергаются уплатѣ стоимости выпущеннаго товара и взысканію пятикратной пошлины. Уплата стоимости товара есть въ сущности *конфискація*, о которой говоритъ 744 ст. улож. о наказ., облагающая во 2 пунктѣ виновныхъ въ тайномъ ввозѣ товаровъ еще и уплатою пятикратной пошлины. Но конфискація не составляетъ наказанія, предусмотрѣннаго въ общей лѣстницѣ уголовныхъ каръ или въ особомъ перечисленіи каръ служебныхъ. Поэтому, это есть наказаніе или, вѣрнѣе говоря, взысканіе, въ данномъ случаѣ въ пользу открывателей,—совершенно особое. Вслѣдствіе этого своего свойства, оно не подходитъ подъ правила о совокупности, указанныя въ 8 п. 152 ст. уложенія, и относительно взысканія этоимости выпущеннаго товара не можетъ быть и рѣчи о примѣненіи совокупности поглощающей. Но ст. 766 содержитъ и другое, отдѣльное отъ конфискаціи, взысканіе. Это второе взысканіе есть ли наказаніе или вознагражденіе казны за вредъ и убытки, или и то, и другое вмѣстѣ? Уложеніе умалчиваетъ объ этомъ, но таможенный уставъ объясняетъ, какъ смотритъ законъ на составъ этого взысканія.

Уложеніе о наказаніяхъ установляетъ взысканіе пошлины впятеро въ трехъ случаяхъ—при ввозѣ обложенныхъ пошлиною товаровъ тайно (контрабанда), при ввозѣ безъ ярлыка, по стачкѣ съ чиновниками и при тайномъ ввозѣ (ст. 744, 746 и 766 улож.), и очевидно, что ко всѣмъ этимъ, одинаковымъ какъ по свойству нарушаемыхъ правъ казны, такъ и по свойству взысканія, случаямъ должно прилагаться и одинаковымъ, однообразнымъ способомъ понятіе о совокупности. Вотъ что говоритъ уставъ таможенный относительно распредѣленія денегъ за контрабандный товаръ и за товаръ, тайно вывозимый: «деньги, вырученныя за тайно провозимые и поступившіе въ пеню за тайно провезенные иностранные товары, распредѣляются согласно ст. 1813 устава таможеннаго, причемъ пеня, взысканная за иностранные, дозволенные съ пошлиною къ привозу товары, открытые при досмотрѣ въ таможнѣ,

распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 10% въ капиталъ на пенсіи заслуженнымъ таможеннымъ чиновникамъ, 10% въ капиталъ для увѣчныхъ, а остальное въ доходъ казны—и равная симъ послѣднимъ деньгамъ сумма выдается въ награду поимщикамъ и задержателямъ».

Изъ взысканной въ пеню за отпускной товаръ пятерной пошлины, говоритъ 1816 ст. уст. тамож.,—одна пошлина причисляется къ таможеннымъ доходамъ, а изъ прочихъ затѣмъ денегъ обращается по 10% въ капиталы на пенсіи таможеннымъ чиновникамъ и для увѣчныхъ и 80% на награду поимщикамъ или открывателямъ.

Такимъ образомъ пятикратная пошлина содержитъ въ себѣ не одно вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные казнѣ, но и наказаніе. Уставъ таможенный сливаетъ и то, и другое въ одномъ взысканіи и требуетъ, чтобы виновный въ нарушеніи таможенныхъ правилъ, облагаемомъ пятикратною пошлиною, уплатилъ не только убытки казны, но и вознаградилъ бы открывателей своего злоупотребленія и принялъ бы участіе въ обезпеченіи участи таможенныхъ чиновниковъ. Поэтому, при такомъ совмѣщеніи въ одномъ взысканіи наказанія и вознагражденія — невозможно примѣнять совокупность поглощающую. Эта невозможность, эта немыслимость такого примѣненія лучше всего явствуетъ изъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ она должна привести на практикѣ. Уставъ таможенный, имѣя дѣло съ торговыми и фискальными отношеніями, повидимому, долженъ бы отличаться мирнымъ характеромъ. Что̀ можетъ быть спокойнѣе обмѣна цѣнностей, подчиняющагося законамъ спроса и предложенія,—что̀ можетъ быть мирнѣе взиманія пошлины съ товара, притекающаго въ страну вслѣдствіе ея экономическихъ потребностей? Но на дѣлѣ, однако, оказывается, что въ таможенномъ уставѣ среди постановленій, мирно регламентирующихъ ввозъ товаровъ, по временамъ звучитъ грозная нота, указывающая на опасность, на возможность пролитія крови. Говорится объ употребленіи оружія, о необходимой оборонѣ, о констатированіи случаевъ отраженія нападенія, причемъ будетъ совершено убійство, о наградахъ «за храбрость», о помощи увѣчнымъ, и т. д. Очевидно, въ мирной службѣ, направленной на взысканіе казеннаго дохода, есть сторона опасная, трудная, гдѣ приходится рисковать здоровьемъ, жизнью,—сторона, которая заставляетъ въ мирное время и по совершенно мирному вѣдомству держать маленькую, вооруженную армію, подъ названіемъ таможенной и пограничной стражи... Въ чемъ состоитъ и чѣмъ выражается эта опасная сторона — говорить излишне. И вотъ, государство гарантируетъ лицамъ, привлекаемымъ къ таможенной службѣ, и пенсію, и помощь въ случаѣ увѣчья, которое можетъ явиться какъ результатъ тяжелой службы, въ холодъ и

ненастье на берегу моря или въ сырыхъ магазинахъ и пакгаузахъ.

Обѣщая эту помощь, эту поддержку — казна обращаетъ въ пенсіонный капиталъ таможеннаго вѣдомства извѣстную часть пени, налагаемой на нарушителей таможенныхъ правилъ. Она требуетъ отъ своихъ чиновъ по таможенной службѣ особой бдительности, особаго напряженія силъ, но она обѣщаетъ имъ, что каждое открытое ими нарушеніе вноситъ частицу пени въ капиталъ для увѣчныхъ и отслужившихъ. Казна идетъ далѣе. Она принимаетъ на себя обязательство предъ открывателями и поимщиками тайно ввезенныхъ товаровъ, обѣщая имъ значительную часть пени въ награду. Если считать, что къ ряду взысканій за тайный ввозъ товаровъ примѣняется *совокупность поглощающая*, то не надо забывать, что открыватели и поимщики, а также пенсіонная касса и капиталъ для увѣчныхъ имѣютъ свою долю, и притомъ первые — долю львиную — въ каждомъ взысканіи за каждое нарушеніе.

Но, въ такомъ случаѣ государству придется, при рядѣ нарушеній, подошедшихъ подъ совокупность поглощающую, платить суммы, далеко превышающія то, что оно получитъ съ нарушителей по приговору суда. Поимщикъ, открыватель, положившій свой трудъ и рискъ въ дѣло открытія тайнаго выпуска или провоза товаровъ, имѣетъ предъ собою обязательство государства, выраженное въ законѣ, вознаградить его 80% пени, за исключеніемъ пошлины, за каждый случай, когда онъ сослужитъ свою службу. Это вознагражденіе онъ получаетъ изъ суммъ Государственнаго Казначейства, куда поступаютъ, по силѣ 1816 и примѣч. 1 къ ст. 383 уст. тамож., всѣ доходы и сборы, получаемые въ таможняхъ. Права на полученіе по каждому «открытію», по каждой «поимкѣ» отрицать невозможно. А при существованіи такого права и при поглощающей совокупности для взысканій возможны случаи, подобные слѣдующему: еслибы Вальяно *вывезъ* такое же количество товара, которое онъ, согласно рѣшенію присяжныхъ и приговору палаты, ввезъ по стачкѣ съ чиновниками, то съ него слѣдовало бы, какъ и присудила палата, 396.000 пятикратной пошлины; согласно 1816 ст. уст. тамож., однократная пошлина въ казну составитъ 79.000 р., въ пенсіонный капиталъ слѣдуетъ отчислить 31.700 р., на увѣчныхъ тоже 31.700 р., — а открыватели и поимщики должны бы получить 253.600 р. Но Вальяно совершилъ 17 отдѣльныхъ нарушеній, причемъ высшее взысканіе за главнѣйшее изъ нихъ составляетъ 9.623 р. По началу совокупности поглощающей — это взысканіе одно и подлежитъ уплатѣ и, согласно ст. 746 и 766, пятикратно, т. е. въ размѣрѣ 48.115 р. Итакъ, казна получитъ 48.115 р., а уплатитъ однимъ открывателямъ 253.600 р. Но развѣ это мыслимо? Не будетъ ли такое

открытіе злоупотребленія, такое торжество власти надъ беззаконіемъ, своего рода побѣдою Пирра и не будетъ ли рядъ такихъ побѣдъ разореніемъ для казны, которой останется или закрывать глаза на нарушенія, или не исполнять своихъ обязательствъ!?

Едва ли возможно утверждать, что тамъ, гдѣ поглощающая совокупность приноситъ казнѣ лишь высшее изъ взысканій, тамъ и правила ст. 1814 и 1816 там. устава должны быть примѣнены лишь къ этому высшему взысканію. Это значило бы совокупность наказаній обращать въ совокупность открытія злоупотребленій. Но на такое примѣненіе поглощающей совокупности власть не уполномочена никакимъ закономъ, и еще въ 1884 году Прав. Сенатъ, по дѣлу Сидорова, призналъ, что милость, даруемая Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 15-го мая 1883 года лицамъ, присужденнымъ ко взысканію въ пользу казны, не распространяется на права открывателей и поимщиковъ контрабанды на вознагражденіе со стороны казны. Государство можетъ быть милостивымъ въ извѣстной мѣрѣ къ преступнику, — можетъ не взваливать на его плечи взысканія за всѣ его вины, а милосердно налагать лишь взысканіе за одну вину высшую,— но оно не имѣетъ права неисполнять своихъ обязательствъ по отношенію къ своимъ агентамъ и къ частнымъ лицамъ. Оно не можетъ одною рукою снимать съ осужденнаго непосильное бремя наказанія и, въ то же время, облегчать себя отъ обѣщанной уплаты. Поэтому, необходимо признать, что совокупность поглощающая непримѣнима къ таможеннымъ нарушеніямъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и что здѣсь примѣняется совокупность слагающая. Слѣдовательно, соображеніе палаты, что къ дѣяніямъ купцовъ должна быть примѣнена совокупность слагающая, какъ вытекающее изъ содержанія рѣшенія по дѣлу Маркова и изъ смысла таможеннаго устава, представляется совершенно правильнымъ. Правильность этого взгляда становится особенно ясною при представленіи практическаго осуществленія злоупотребленій при ввозѣ товаровъ. Возможенъ, *во-первыхъ*, ввозъ чрезъ разныя таможни, одновременно или чрезъ короткіе промежутки времени. Если существуетъ совокупность поглощающая, то будетъ наказанъ одинъ лишь случай ввоза, высшій по взысканію, а остальные останутся безнаказанными. Да и какъ, и когда признать преступленіе оконченнымъ? Каждый ввозъ будетъ составлять предметъ новаго производства, пріобщаемаго къ уже заведеннымъ—и разъ опредѣливъ размѣръ высшаго взысканія, которому можно подвергнуться, купецъ будетъ спокоенъ за то, что всѣ послѣдующія нарушенія обойдутся ему даромъ. Возможенъ, *во-вторыхъ*, ввозъ чрезъ одну и ту же таможню товара партіями — отдѣльными тюками, возами, бочками, и т. д. Досмотръ каждой партіи выпускаемаго товара можетъ производиться отдѣльно,—слѣдовательно, и выпускъ—тоже отдѣльно. А

если при этомъ выпускѣ будетъ учинено злоупотребленіе, указанное въ 766 ст. улож., то взысканіе будетъ исчислено по пошлинѣ, слѣдующей за эту партію товара. И такимъ образомъ, при *совокупности поглощающей* пятикратная пошлина за отдѣльную партію товара поглотитъ взысканія за всѣ остальныя партіи, если пошлина за каждую изъ нихъ равна или хотя на копѣйку меньше слѣдовавшей за первую партію. Но тогда *злоупотребленіе* обратится въ *выгодное предпріятіе*, безъ риску, съ заранѣе вычисленнымъ небольшимъ взысканіемъ, которое прикроетъ собою и подавитъ всѣ остальныя. Тогда законъ, изображенный въ 766 ст. улож., обратится въ мертвую букву, а уголовная кара, которою онъ грозитъ—въ насмѣшку надъ правосудіемъ!

Возможно привести и третій примѣръ странныхъ результатовъ, къ которымъ должна приводить поглощающая совокупность въ примѣненія къ таможеннымъ нарушеніямъ. При стеченіи нарушеній уставовъ казенныхъ управленій, предусмотрѣнныхъ 1124 ст. уст. уг. суд. и разбираемыхъ въ административномъ порядкѣ, и тѣхъ, которыя подлежатъ судебному преслѣдованію, административныя взысканія производятся независимо отъ судебныхъ. Каждое изъ этихъ взысканій шествуетъ своимъ путемъ, хотя оба пути сходятся вмѣстѣ въ умаленіи денежныхъ средствъ присужденнаго ко взысканію. Эта независимость путей, установленная 1126 ст. уст. уг. суд. и съ подробностью развитая въ рѣшеніи Правительствующаго Сената 1875 года, № 261, по дѣлу Отлендера, касается, между прочимъ, и ряда мелкихъ таможенныхъ нарушеній, караемыхъ административною властью таможеннаго управленія. Они раздѣляются уставомъ уголовнаго судопроизводства на 4 отдѣла и разсыпаны по всему таможенному уставу. Для взысканій по дѣламъ, подлежащимъ непосредственному вѣдѣнію таможеннаго управленія, не существуетъ установляемой 8 п. 152 ст. улож. *совокупности поглощающей*, а примѣняется несомнѣнно простая система сложенія. Но для нарушеній, преслѣдуемыхъ судебнымъ порядкомъ, существуетъ, согласно со взглядомъ кассатора, совокупность поглощающая. Такимъ образомъ, при стеченіи нарушеній, караемыхъ административно и караемыхъ по судебному приговору, явится возможность такого положенія, что за рядъ нарушеній, число формальныхъ и незначительныхъ, купецъ будетъ наказанъ болѣе строго, чѣмъ за болѣе важныя нарушенія, совершенныя вмѣстѣ и одновременно. Позволю себѣ привести слѣдующій примѣръ: купецъ совершаетъ 100 безпошлинныхъ тайныхъ провозовъ чрезъ таможню и при этихъ 100 случаяхъ дѣлаетъ 10 мелкихъ нарушеній, предусмотрѣнныхъ приложеніемъ къ ст. 1124 уст. уг. суд. Нарушенія эти могутъ быть весьма разнообразны; напр., по 689 ст. уст. таможен., за подчистку въ объявленіи налагается штрафъ въ 10 рублей; по ст. 690 тамож.

уст., за неподачу объявленія о товарѣ въ то же утро, какъ полученъ на то объявленіе гербовый листъ, штрафъ въ 10 рублей, и т. п. Пусть максимальная пошлина, слѣдовавшая по каждому провозу, если бы онъ былъ совершенъ законно, составляетъ 20 руб. Слѣдовательно, пятикратная пошлина, слѣдующая въ видѣ взысканія по 766 ст. улож., составитъ 100 рублей. Этими 100 рублями, по началамъ совокупности поглощающей, и исчерпается взысканіе по всѣмъ 100 случаямъ, хотя одной ординарной пошлины было утаено на 2.000 р. Но въ числѣ этихъ 100 случаевъ было 10 случаевъ оплошности или небрежности, вслѣдствіе чего были нарушены формальныя предписанія ст. 689 и 690 уст. там. За всѣ эти 10 нарушеній придется заплатить тоже 100 р. Окажется, что за совокупность 100 нарушеній, гдѣ изъ казеннаго дохода было утаено пошлины на 2.000 р. и за эти 10 мелочныхъ нарушеній купецъ отвѣтитъ одинаково. Очевидно, что такой порядокъ идетъ въ разрѣзъ съ огражденіемъ интересовъ казны, на стражѣ которыхъ стоитъ законъ; очевидно также, что установляя обратную пропорціональность между размѣрами нарушенія и размѣрами взысканія, онъ несогласенъ съ началами справедливости. Наконецъ, я долженъ указать, что правило о совокупности поглощающей, изложенное въ 8 п. 152 ст. ул., вовсе не безусловно исключаетъ возможность отступленій отъ него, признаваемыхъ самимъ закономъ. Существуетъ рядъ законовъ, по которымъ примѣненіе 8 п. 152 ст. улож. положительно невозможно по самому свойству указываемаго въ нихъ наказанія, которое налагается, такъ сказать, по заранѣе опредѣленному тарифу, причемъ подъ указанія этого тарифа судъ подводитъ лишь число нарушеній, имъ признанныхъ. Въ рукахъ суда, въ приложеніи къ дѣлу, такіе законы являются какъ бы бланками, въ которые должно вписывать количество сдѣланныхъ нарушеній и гдѣ самая редакція закона исключаетъ возможность поглощающей совокупности. Одни изъ такихъ постановленій не ставятъ границы количеству слагаемыхъ взысканій, — другія ставятъ такую границу, указывая maximum, до котораго можетъ дойти взысканіе. Къ *первымъ* относится, напримѣръ, ст. 54 уст. о нак., налаг. миров. судьями. За неосвѣщеніе или неисправное освѣщеніе улицъ обязанныя къ тому лица подвергаются денежному взысканію не свыше рубля съ фонаря. Можно ли говорить о примѣненіи совокупности поглощающей къ поступкамъ домовладѣльца, который постоянно не зажигаетъ своихъ фонарей? Разъ его приговорятъ заплатить за фонарь рубль— онъ уже можетъ быть спокоенъ, ибо сегодняшній рубль поглотитъ завтрашній, а завтрашній—слѣдующій, и т. д. Но такой безнаказанности законъ установить не могъ. А поэтому, съ виновнаго въ нарушеніи 54 ст. въ теченіе нѣсколькихъ дней должна быть взыскана сумма штрафовъ не свыше рубля за каждый фонарь и за

каждый день. — Затѣмъ, напр., 56 ст. уст. о наказ., которая за свозъ мусора, нечистотъ или палаго скота не въ назначенное для того мѣсто подвергаетъ виновнаго штрафу, къ размѣрѣ не свыше 3 рублей съ каждаго воза или съ каждой скотины. Очевидно, что при совокупности такихъ нарушеній штрафы за каждый возъ должны быть сложены, а не поглощать одинъ другой. Иначе было бы выгодно устроить гдѣ нибудь бойню и постоянно выбрасывать палый скотъ, напр., въ рѣку, заражая ее — и отдѣлавшись разъ присужденнымъ штрафомъ за первое такое нарушеніе. Сюда же относится и ст. 57[1], говорящая о взысканіи по 25 р. съ каждой лодки, въ которой находились нарушители правилъ о производствѣ устьинскаго тюленьяго промысла.

Къ постановленіямъ *второго* рода относятся тѣ, гдѣ законъ опредѣляетъ высшій размѣръ, до котораго можетъ идти *сложеніе* взысканій, тѣмъ самымъ указывая, что онъ допускаетъ отступленіе отъ *поглощенія* взысканій по 8 п. 152 ст. улож. Таковы ст. 59 и 61 устава о наказаніяхъ, говорящія о нарушеніяхъ устава о паспортахъ и подвергающія виновнаго денежному взысканію за каждый день просрочки или проживанія съ просроченнымъ или неустановленнымъ видомъ, но устанавливающія вмѣстѣ съ тѣмъ *общій итогъ* взысканія, дальше котораго идти нельзя, въ виду пощады къ виновному, совершающему иногда свое дѣяніе безъ умысла. Обращаясь къ нарушеніямъ устава таможеннаго, можно и въ нихъ найти такія же постановленія, гдѣ непримѣнимо понятіе о совокупности поглощающей. Таковы, напр., 760 и 764 ст. улож. о нак., говорящія о взысканіи съ виновныхъ въ тайномъ провозѣ иностранныхъ игральныхъ картъ, равно и съ покупателей оныхъ, по 15 р. съ каждой дюжины колодъ сихъ картъ, и о взысканіи по 10 р. за каждое огнестрѣльное оружіе, привозимое возчиками и судовщиками изъ Финляндіи. Очевидно, что при совокупности такихъ нарушеній, совершенныхъ одно за другимъ, взысканіе за первыя дюжины картъ и за первое ружье или пистолетъ не поглощаетъ взысканій за карты или ружья, обнаруженныя при слѣдующемъ нарушеніи.

Такимъ образомъ, я прихожу къ выводу, что къ таможеннымъ нарушеніямъ, обложеннымъ взысканіемъ пятикратной пошлины, примѣнима совокупность слагающая, то есть, что всѣ взысканія исчисляются въ общей ихъ суммѣ. Нельзя не указать еще и на то, что законодательство наше, пересматривая уставы казенныхъ управленій, подтверждаетъ, что именно такъ слѣдуетъ смотрѣть на совокупность нарушеній уставовъ казенныхъ управленій. Такъ, въ 45 пунктѣ примѣчанія къ ст. 406 питейно-акцизнаго устава, по продолженію 1883 года и въ новомъ изданіи устава объ акцизѣ съ табаку, прямо выражено, что, при совокупности денежныхъ взысканій за нарушенія, они слагаются въ одну

сумму. Этотъ взглядъ давно уже принятъ въ западной Европѣ. Практика французскаго кассаціоннаго суда отрицаетъ принципъ поглощенія денежныхъ взысканій по лѣснымъ и таможеннымъ дѣламъ, а 58 ст. германскаго уложенія установляетъ примѣненіе денежныхъ взысканій всегда въ полномъ объемѣ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, соглашаясь съ существомъ вывода палаты о примѣненіи *совокупности*, я полагалъ бы принесенныя на эту часть приговора палаты кассаціонныя жалобы Вальяно, Муссури, Сфаэлло и Векслера оставить безъ послѣдствій.

Второй общій вопросъ, возбуждаемый по дѣлу жалобами большинства кассаторовъ — вопросъ о *давности*.

Разрѣшая вопросъ, какою давностью покрывается полученіе купцами товара изъ пакгауза, по соглашенію съ чиновниками, безъ ярлыка таможни, судебная палата нашла, что хотя преступное дѣяніе хозяевъ товара карается по 766 ст. улож. только денежнымъ взысканіемъ, но къ нему непримѣнимъ 4 п. 158 ст. улож., въ силу котораго оно должно бы признаваться покрытымъ давностью, если въ теченіе шести мѣсяцевъ оставалось въ безгласности. Полученіе изъ таможни заграничнаго товара безъ ярлыка, по соглашенію хозяина товара съ чиновниками таможни, обязательно предполагаетъ основанный на томъ же соглашеніи выпускъ того товара чиновниками изъ таможни. Поэтому, преступное дѣяніе купцовъ-хозяевъ товара не составляетъ самостоятельнаго преступленія, а есть только часть одного общаго преступленія, притомъ часть не главная, такъ какъ всецѣло зависитъ отъ другой своей части — преступнаго выпуска товара таможенными чиновниками, предусмотрѣннаго, въ смыслѣ наказанія, 812 ст. улож. Что выпускъ чиновниками и полученіе купцомъ товара безъ ярлыка составляютъ только части одного и того же преступнаго дѣянія, на это указываютъ и одновременность совершенія ихъ, и общность цѣли, съ которою совершались преступныя дѣянія купца и чиновниковъ, и единство соглашенія ихъ между собою на преступленіе. На основаніи 160 ст. улож., наказаніе, опредѣляемое соучастникамъ въ преступленіи, совершенномъ по предварительному соглашенію или безъ него, покрывается давностью не прежде, какъ по истеченіи срока давности, опредѣленнаго для зачинщиковъ или главныхъ виновныхъ.

Въ виду этого, палата признала, что преступное дѣяніе купцовъ-хозяевъ товара, караемое по 766 ст. улож., какъ совершенное ими по соглашенію съ чиновниками таможни, для которыхъ, какъ болѣе виновныхъ, установлено и болѣе строгое взысканіе, покрывается тою же давностью, которою покрывается и преступное дѣяніе чиновниковъ, какъ соучастниковъ одного и того же

преступленія, то-есть пятилѣтнею, съ уменьшеніемъ ея на $^1/_3$ по Всемилостивѣйшему манифесту 15-го мая 1883 года.

Не вдаваясь въ подробный разборъ возраженій, представленныхъ противъ этого вывода палаты, я нахожу, что правильность его можетъ быть доказываема двояко. *Во-первыхъ*, съ точки зрѣнія матеріальнаго права. Дѣяніе, въ которомъ обвинены купцы по 766 ст., то-есть вывозъ изъ таможни товаровъ безъ ярлыка и неоплаченныхъ пошлиною, по стачкѣ съ чиновникомъ, и дѣяніе, въ которомъ обвинены чиновники по 812 ст., то-есть выпускъ изъ таможни товаровъ купцамъ, безъ ярлыка и безъ уплаты пошлинъ,—есть одно и то же преступленіе, а не различныя преступленія, какъ утверждаютъ кассаторы. По своему *происхожденію*, эти статьи вытекаютъ изъ одного и того же общаго источника, изъ 920 ст. уст. там., которая предусматриваетъ одно общее совмѣстное нарушеніе чиновниками и купцами таможенныхъ правилъ, въ ущербъ казенному интересу. И та, и другая говорятъ одинаково о выпускѣ изъ таможни товаровъ безъ ярлыка. Этотъ выпускъ дѣлается по *стачкѣ* между чиновникомъ и купцомъ. Безъ наличности, безъ существованія стачки, онъ немыслимъ, ибо нельзя же предположить, что чиновникъ станетъ выпускать товары безъ ярлыка и безъ оплаты пошлиною для своего личнаго удовольствія, а не доставленія кому либо выгоды, которая можетъ отразиться и на немъ, чиновникѣ. Этимъ лицомъ, которому выгоденъ безпошлинный выпускъ товара, является купецъ, поэтому-то 766 ст. улож. говорящая о виновности хозяина, и упоминаетъ о стачкѣ. То, что въ статьѣ 812, имѣющей въ виду преступленіе чиновника не говорится о стачкѣ, не доказываетъ еще, какъ то утверждаетъ одинъ изъ кассаторовъ, что это разныя преступленія, самостоятельныя и ничѣмъ не связанныя между собою. Безъ участія обоихъ этихъ лицъ — чиновника и хозяина—немыслимъ выпускъ товара изъ пакгауза, о которомъ говоритъ 920 ст. устава таможеннаго, и нельзя привлечь за это злоупотребленіе къ отвѣтственнасти хозяина, не привлекая въ то же время и чиновника. Поэтому достаточно сказать объ одномъ участникѣ, что онъ, для содѣянія преступленія, требующаго сознательнаго сообщества, вошелъ въ стачку съ другимъ, чтобы, говоря объ отвѣтственности этого другого, не повторять потомъ о томъ, что и онъ вошелъ въ стачку. Нельзя войти въ стачку одностороннимъ образомъ. Происходя изъ одного источника, статьи 766 и 812 имѣютъ въ виду и одинаковость цѣлей, которыя преслѣдуются обоими участниками, и одинаковость средствъ. Цѣль—полученіе неправаго прибытка избѣжаніемъ уплаты слѣдующихъ казнѣ пошлинъ,— средство — выпускъ товара безъ ярлыка. Хозяинъ не можетъ, однако, достигнуть этой цѣли, не *получивъ* товара, который чиновникъ долженъ *выпу-*

стить. Поэтому, въ вопросахъ объ отвѣтственности хозяевъ палатою вездѣ упомянуто о полученіи купцомъ выпущенныхъ ему безъ ярлыка товаровъ. Раздѣлены статьи 766 и 812 только потому, что онѣ говорятъ объ отвѣтственности разныхъ лицъ, — хозяина, нарушающаго таможенныя правила, и чиновника, нарушающаго сверхъ того свои спеціальныя обязанности. Но если въ нихъ предусматривается одно и то же преступленіе, то необходима ли солидарная отвѣтственность, какъ того требуетъ одинъ изъ кассаторовъ, разумѣя, повидимому, подъ солидарною отвѣтственностью — назначеніе за одно и то же преступное дѣяніе и одного и того же наказанія, опредѣляемаго, согласно ст. 119 улож., лишь мѣрою по степени участія каждаго изъ соучастниковъ? Полагаю, что отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Уложеніе не проводитъ строго и безусловно такого начала, чтобы соучастники одного общаго преступленія подвергались одному и тому же роду наказанія. Оно допускаетъ, во многихъ случаяхъ, наказаніе зачинщика совсѣмъ инымъ родомъ наказанія, чѣмъ соучастника. Достаточно указать на 263 и 266 ст. улож., по которымъ зачинщики явнаго возстанія противъ властей подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и каторгѣ отъ 15 до 20 лѣтъ, пособники же ихъ и сообщники, и притомъ виновнѣйшіе,—лишенію особенныхъ правъ и ссылкѣ на житье, а прочіе лишь заключенію въ смирительномъ домѣ безъ всякаго ограниченія правъ и преимуществъ. Сообразно съ указаніями именно этихъ статей, наказываются и зачинщики, пособники и сообщники таможеннаго преступленія — тайнаго провоза товаровъ на прусской границѣ, соединеннаго съ насиліемъ (ст. 756 улож.). Слѣдовательно, для участниковъ одного и того же преступленія возможны различныя наказанія по роду своему, и то, что виновные по 766 и 812 ст. улож. подвергаются различнымъ наказаніямъ, отнюдь не служитъ доказательствомъ, что это разныя, независимыя одно отъ другого, дѣянія. Признавая, что это одно дѣяніе, приходится встрѣтиться съ вопросомъ о томъ, какъ опредѣлить, для примѣненія ст. 160 улож.,—кто же наиболѣе виновный изъ участниковъ этого общаго дѣянія,— чья отвѣтственность обусловливаетъ теченіе давности и для сообщника? По смыслу 160 ст. уложенія, только истеченіе срока давности для наиболѣе виновнаго погашаетъ и отвѣтственность для наименѣе виновнаго. Опредѣлить, кто изъ нарушителей 920 ст. уст. тамож. болѣе виновенъ въ глазахъ закона, возможно: во-первыхъ, *по свойству дѣйствій* каждаго изъ нарушителей и, во-вторыхъ, *по наказанію*, которому они подвергаются. Обращаясь къ свойству дѣйствій, надо замѣтить, что, на основаніи 13 ст. уложенія, *зачинщиками* признаются, между прочимъ, тѣ, кто управлялъ дѣйствіями другихъ при совершеніи преступленія,—*сообщниками* тѣ, кто согласился съ за-

чинщиками совокупными силами совершить задуманное преступленіе. Соглашеніе равносильно стачкѣ. Это синонимы, когда идетъ дѣло о практическомъ примѣненіи соглашенія для достиженія преступной цѣли. Законъ говоритъ въ 766 ст. улож. о хозяевахъ, какъ о *стакнувшихся* съ чиновниками. Уже поэтому они являются сообщниками. Но еще болѣе эта роль ихъ въ общемъ, совмѣстно содѣянномъ преступленіи, выясняется изъ соображенія дѣйствій чиновниковъ, предусмотрѣнныхъ въ 812 ст. улож. Для того, чтобы получить товаръ изъ пакгауза безъ ярлыка и безъ оплаты пошлинами, надо обойти рядъ формальностей, надо знать, когда и гдѣ, и что сдѣлать, чтобы совершить этотъ обходъ. Очевидно, что дать возможность миновать формальность и таможенныя обрядности можетъ лишь ихъ представитель — таможенный чиновникъ. Онъ, силою вещей, долженъ давать указанія хозяину, съ которымъ стакнулся,—объяснять ему, что надо сдѣлать, и т. д. Однимъ словомъ, онъ долженъ управлять дѣйствіями хозяина товара, такъ какъ *выпускаетъ* товаръ онъ, а тотъ его лишь получаетъ. Слѣдовательно, онъ зачинщикъ — онъ и болѣе виновный.

Переходя къ опредѣленію болѣе виновнаго *по наказанію,* я сошлюсь лишь на рѣш. общ. собр. кассац. департ. 1880 г., № 54, коимъ признано, что *отрѣшеніе отъ должности* соотвѣтствуетъ преступленіямъ, влекущимъ общія наказанія, сопровождаемыя ограниченіемъ правъ и преимуществъ. По ст. 812 улож., чиновники подвергаются отрѣшенію отъ должности, — хозяева, по ст. 766,—денежному взысканію. Между ограниченіемъ правъ и преимуществъ и денежнымъ взысканіемъ огромная разница, и очевидно, что изъ двухъ лицъ, подвергаемыхъ этимъ наказаніямъ, законъ признаетъ болѣе виновнымъ того, кого онъ караетъ умаленіемъ правъ, а не умаленіемъ матеріальныхъ средствъ. Поэтому, въ виду 160 ст. улож., давностный срокъ, установленный согласно 812 ст. для чиновниковъ, распространяется и на хозяевъ.

Но не только съ точки зрѣнія матеріальнаго права можетъ быть доказываема правильность взгляда судебной палаты на примѣненіе давности по настоящему дѣлу.

И по отношенію къ *правиламъ судопроизводства* признаніе примѣнимости къ дѣянію хозяевъ, обвиненныхъ по 766 ст. улож., указаній 160 ст., — не представляетъ тѣхъ нарушеній, о которыхъ упоминается въ кассаціонной жалобѣ. Законъ признаетъ, что есть такія преступныя дѣянія, которыя не могутъ быть совершаемы безъ предварительнаго соглашенія. Поэтому оно въ нихъ всегда предполагается и отсутствіе его должно быть точно доказано. Таковы, напр., блудъ, прелюбодѣяніе и т. п. Правительствующій Сенатъ призналъ, въ рѣшеніи 1868 г., № 937, по

дѣлу Федотова, что между сбытчиками и поддѣлывателями фальшивыхъ ассигнацій всегда предполагается предварительное соглашеніе и что поэтому о немъ, согласно 758 ст. уст. угол. суд., не нужно ставить вопроса присяжнымъ и что, наоборотъ, если есть предположеніе, что такого соглашенія не существовало, то необходима, для признанія его отсутствія, постановка особаго вопроса о томъ, что дѣяніе совершено безъ предварительнаго соглашенія. Очевидно, по смыслу ст. 920 уст. тамож. и по введенію въ составъ преступленія, предусмотрѣннаго 766 и 812 ст., понятія о *стачкѣ*, что и въ данномъ случаѣ предварительное соглашеніе предполагается и особый вопросъ о немъ не представляется необходимымъ. Поэтому, для того, чтобы имѣть право ссылаться на нарушеніе 758 ст. уст. угол. судопр. непостановкою вопросовъ о степени участія сообщниковъ, подсудимые должны были своевременно требовать или постановки вопроса о степени участія, или же постановки вопроса объ отсутствіи предварительнаго соглашенія. Но, какъ видно изъ протокола судебнаго засѣданія, никакихъ возраженій противъ поставленныхъ палатою вопросовъ ими сдѣлано не было, и настоящая ихъ жалоба представляется, въ виду рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента 1875 года, № 212, несвоевременною. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что Правительствующимъ Сенатомъ неоднократно разъяснено, что если по смыслу отвѣтовъ присяжныхъ видно, что они признали всѣхъ подсудимыхъ участвовавшими непосредственно въ совершеніи преступленія, то непостановка вопроса о степени участія каждаго не составляетъ нарушенія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ и признавая, что *давность*, коею покрываются преступныя дѣянія хозяевъ товара, исчислена харьковскою палатою правильно, я полагалъ бы жалобы подсудимыхъ въ этомъ отношеніи оставить безъ послѣдствій.

Третій общій вопросъ — о *золотой валютѣ* связанъ, прежде всего, съ опредѣленіемъ *характера отвѣтственности осужденныхъ чиновниковъ*. Судебная палата нашла, что, на основаніи 812 ст. улож., съ чиновника таможни, выпустившаго безъ ярлыка товаръ, неоплаченный пошлиною, сверхъ отрѣшенія отъ должности, взыскивается «слѣдующая въ казну пошлина». Редакція 812 ст. уложенія приводитъ къ заключенію, что налагаемое на чиновниковъ таможни взысканіе пошлины не есть личное наказаніе для виновнаго, а составляетъ вознагражденіе казны именно тою суммою денегъ, которая не поступила въ кассу ея, вслѣдствіе нарушенія чиновникомъ своей обязанности. Вознагражденіе это должно, по мнѣнію палаты, взыскиваться не съ каждаго обвиненнаго особо, полностью, а лишь однократно со всѣхъ подсудимыхъ, причинившихъ своими дѣйствіями вредъ и убытки, и притомъ поровну, съ круговою другъ за друга отвѣтственностью, въ силу 59 ст. улож. и 648 ст. 1 ч. X т. зак. гражд. Что взысканіе съ виновныхъ

чиновниковъ пошлины не есть личное наказаніе — съ особенной ясностью видно изъ буквальнаго содержанія 813 ст. улож., повторяющей 926 ст. уст. тамож., гдѣ сказано такъ: «виновные, сверхъ взысканія слѣдующей въ казну пошлины, подвергаются... такому-то личному наказанію». Противъ этого толкованія значенія взысканія съ чиновниковъ возражаютъ въ своемъ протестѣ прокуроръ судебной палаты и повѣренный гражданскаго истца. Указывая, что денежное взысканіе есть наказаніе исправительное, особо-предусмотрѣнное VII п. ст. 30 улож., прокуроръ полагаетъ, что его только тогда можно разсматривать какъ вознагражденіе за вредъ и убытки, когда въ законѣ прямо сказано, что оно примѣняется, на основаніи 59 ст. улож., въ силу лежащей на виновномъ обязанности вознаградить потерпѣвшихъ. Во всѣхъ же случаяхъ, гдѣ такого прямого указанія не сдѣлано, надлежитъ считать, что, независимо отъ наказанія исправительнаго, выраженнаго въ формѣ денежнаго взысканія, у потерпѣвшаго остается право требовать вознагражденія по особому постановленію суда, согласно 59 ст. улож. Эти соображенія, по моему мнѣнію, представляются вполнѣ уважительными. Говоря о совокупности, я доказывалъ, что взысканіе, налагаемое на хозяевъ по 766 ст. улож., имѣетъ характеръ двоякій, совмѣщая въ себѣ и наказаніе, и вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные казнѣ. Поэтому, въ случаяхъ совершенія чиновниками, по стачкѣ съ купцами, преступленія, описаннаго въ 920 ст. уст. тамож. (812 и 766 ст. улож.), вознагражденіе взыскивается съ хозяевъ тайно выпущеннаго товара. Получить это вознагражденіе второй разъ съ виновныхъ чиновниковъ не представляется никакого основанія. Государство должно карать преступленіе, облагая его и денежными наказаніями, но не можетъ дѣлать себѣ изъ него *источникъ дохода*, получая двойное вознагражденіе за единожды понесенный убытокъ. Если проводить послѣдовательно взглядъ палаты, то придется признать, что взысканіе съ виновнаго чиновника двойного акциза, по ст. 707 улож., и двойное денежное взысканіе противъ причиненнаго убытка, по ст. 569 улож. за нарушеніе монетнаго устава приложеніемъ невѣрной пробы и по 731 ст. улож. за нарушеніе табачнаго устава утратою бандеролей — суть вознагражденіе казны за причиненный ей убытокъ. Но въ такомъ случаѣ надо признать и то, что, дѣйствуя не какъ уголовный каратель, а какъ гражданскій истецъ, государство требуетъ себѣ вознагражденія въ двойномъ, съ точки зрѣнія гражданской отвѣтственности несправедливомъ, преувеличенномъ размѣрѣ. Кромѣ того, въ двухъ изъ этихъ статей (731 и 569) нѣтъ другаго наказанія, кромѣ *двойного взысканія*. Но оно есть, по взгляду палаты, — вознагражденіе за вредъ и убытки. Слѣдовательно никакого *наказанія* въ этихъ статьяхъ не установлено, а въ нихъ говорится лишь о

размѣръ иска, который можетъ предъявить казна, какъ и всякій потерпѣвшій вредъ и убытки даже отъ дѣйствія, не составляющаго ни преступленія, ни проступка, по ст. 684 1 ч. X т. зак. граж. Но зачѣмъ тогда эти статьи въ уложеніи, когда въ нихъ говорится спеціально о предметѣ, входящемъ въ законы гражданскіе? Такимъ образомъ оказывается, что уложеніе со своими, якобы, карательными постановленіями забѣгаетъ въ область десятаго тома, и такъ какъ случаи причиненія убытковъ разнообразны до безконечности, то и это забѣганіе въ чуждую область можетъ быть расширено до чрезвычайныхъ предѣловъ. Поэтому необходимо признать, что это взысканіе есть *наказаніе;* въ статьяхъ 731 и 569 оно соединено съ вознагражденіемъ и потому опредѣляется въ двойномъ размѣрѣ, ибо нѣтъ частнаго лица, соучастника, которое могло бы быть отвѣтственно за ущербъ казны; въ ст. 920 такой соучастникъ указанъ (766 ст. улож.), — это товарохозяинъ, и въ пятикратную съ него пошлину входитъ и вознагражденіе казны; на чиновника же налагается не *вторичное вознагражденіе,* а наказаніе за нарушеніе имъ служебнаго долга. Право взыскивать вознагражденіе за ущербы и убытки, причиненные дѣйствіями виновнаго, есть неотъемлемое право потерпѣвшаго, которымъ онъ однако можетъ и не пользоваться, не смотря на осужденіе «убытчика». Этотъ послѣдній можетъ требовать, чтобы его не подвергали взысканію безъ прямого настоянія потерпѣвшаго. Поэтому, тамъ, гдѣ законъ считаетъ нужнымъ вознаграждать потерпѣвшаго самъ, независимо отъ предъявленія имъ ходатайства по 59 ст. улож., это должно быть точно оговорено и указано прямо, что налагаемое по закону взысканіе есть именно вознагражденіе потерпѣвшаго. Если такого указанія въ законѣ нѣтъ, то нельзя, какъ это дѣлаетъ судебная палата, ограничивать право потерпѣвшаго, — въ данномъ случаѣ казны, — размѣрами вознагражденія, установленнаго въ ст. 812 улож., т. е. однократною пошлиною, такъ какъ по тайному выпуску товаровъ казною могутъ быть понесены и другіе убытки, а не одна утрата пошлины. Употребленное въ ст. 813 выраженіе «сверхъ слѣдующей въ казну пошлины», не измѣняетъ значенія взысканія, установленнаго въ 812 ст. За выпускъ товара безъ пошлины и ярлыка, въ обѣихъ статьяхъ чиновникъ наказывается взысканіемъ пошлины: къ этому общему наказанію присоединяется еще и особое служебное — отрѣшеніе отъ должности за стачку съ хозяиномъ (ст. 812), которое усугубляется, переходя въ ссылку на житье по 1 ст. 31 статьи уложенія въ случаѣ употребленія чиновникомъ или принятія завѣдомо подложнаго документа (статья 813). Что такое соединеніе *должностного* взысканія съ *общимъ* по статьямъ 65 и 30 улож. возможно, доказываетъ ст. 707 уложенія, по которой виновный подлежитъ увольненію отъ должности и взысканію

двойнаго акциза, причемъ въ послѣднемъ, во всякомъ случаѣ, какъ я старался доказать, не можетъ заключаться исключительно вознагражденіе казны за убытки. Итакъ, взысканіе пошлины съ чиновника по 812 ст. есть *наказаніе*. Наилучшее тому доказательство содержится въ 811 статьѣ. «Если, говорится въ ней, мѣсто, въ пакгаузъ поступившее, потомъ на лицо не сыщется, то съ виновнаго въ томъ пакгаузнаго-надзирателя, или его помощника, или досмотрщика, взыскивается слѣдующая на удовлетвореніе хозяина сумма и, сверхъ того, слѣдовавшая въ казну пошлина». Очевидно, что, какъ говоритъ и самъ законъ, стоимость пропавшаго мѣста есть возмѣщеніе убытковъ хозяина, но пошлина развѣ является вознагражденіемъ казны? За что? Товаръ, пропавъ, не былъ выпущенъ,—за него будетъ заплачена стоимость,—и эти деньги обратятся вновь въ товаръ, который явится въ таможню въ свое время и при выпускѣ понесетъ пошлину. Ущерба казны, который надо вознаградить въ данномъ случаѣ, нѣтъ. Слѣдовательно, взысканіе пошлины есть наказаніе. Если же это не наказаніе, то позволительно спросить, въ чемъ же состоитъ тогда наказаніе виновнаго по 811 статьѣ и зачѣмъ въ *уголовномъ* уложеніи понадобилась статья, повторяющая общее правило *гражданскаго* права объ обязанности всѣхъ и каждаго вознаграждать причиненные ихъ дѣйствіями убытки?

Раздѣляя, поэтому, взглядъ прокурора харьковской судебной палаты и повѣреннаго гражданскаго истца на взысканіе по 812 ст. улож., какъ на *наказаніе*, я считаю приговоръ палаты въ этомъ отношеніи подлежащимъ отмѣнѣ.

Обращаясь къ тому, въ какой валютѣ налагается это взысканіе на чиновниковъ, я нахожу, что, въ виду яснаго и категорическаго указанія 5 п. примѣчанія къ ст. 2 устава тамож. (о взиманіи пошлины въ золотой валютѣ), въ коемъ говорится, что опредѣленное статьями 920, 922 и 925 уст. там. взысканіе съ чиновниковъ за выпускъ товаровъ безъ оплаты пошлиною по злоупотребленіямъ—взимается въ золотой валютѣ,—чиновники, присужденные харьковскою палатою по 812 и 813 ст. уложен., повинны уплатить въ этой валютѣ наложенное на нихъ взысканіе, ибо 813 ст. есть лишь квалифицированная 812, а послѣдняя входитъ въ составъ 920 ст. устава таможеннаго. Поэтому, жалоба подсудимаго Михайлова подлежитъ оставленію безъ послѣдствій.

Вопросъ о примѣненіи *золотой валюты* къ взысканію съ хозяевъ товара, присужденныхъ по 766 ст. улож., вызвалъ весьма подробную аргументацію въ приговорѣ палаты и со стороны кассаторовъ. Судебная палата не согласилась съ мнѣніемъ прокурора, что взысканіе съ купцовъ слѣдуетъ присудить въ кредитныхъ рубляхъ, на основаніи примѣчанія къ 2 ст. уст. там., въ которомъ указано, во 1-хъ, что ординарная пошлина съ чиновниковъ,

по 812 ст. улож., должна взыскиваться золотомъ, и въ то же время ничего не сказано о пятикратной пошлинѣ съ купцовъ, по 766 ст. улож., и, въ 2-хъ, категорически заявлено, что всѣ прочіе, не указанные въ немъ, сборы, а также всякаго рода штрафы должны уплачиваться, по-прежнему, кредитными билетами.

Судебная палата нашла, что примѣчаніе ко 2 ст. уст. там. составляетъ циркулярное предписаніе по таможенному вѣдомству, «о сборахъ, подлежащихъ, наравнѣ съ таможенными пошлинами, взиманію золотою монетою», на основаніи соглашенія между Министромъ Финансовъ и Государственнымъ Контролеромъ. Эта форма постановленія показываетъ, что данное имъ разъясненіе обязательно лишь для чиновъ, подвѣдомыхъ департаменту таможенныхъ сборовъ, и отнюдь не составляетъ закона, обязательнаго къ исполненію для всѣхъ, а въ томъ числѣ и для судебныхъ установленій, которыя, на основаніи 12 ст. уст. угол. суд., обязаны рѣшать дѣла только по точному разуму существующихъ законовъ, а въ случаѣ неполноты—по общему ихъ смыслу. Разсмотрѣніе содержанія циркуляра привело палату къ заключенію, что онъ вовсе не касается судебныхъ установленій, такъ какъ въ немъ помѣщенъ перечень только тѣхъ сборовъ, которые подлежатъ взиманію въ таможняхъ въ золотой валютѣ, что видно изъ словъ «взимаемые въ таможняхъ», которые точно указываютъ значеніе и предѣлы дѣйствія этого предписанія.

Обращаясь для разрѣшенія вопроса къ содержанію 766 стат. улож., какъ къ единственному для этого источнику, палата нашла, что хозяинъ товара, въ силу этой статьи закона, долженъ быть подвергнутъ опредѣленному денежному наказанію, въ составъ котораго, между прочимъ, входитъ взысканіе «пошлины въ пять разъ», — а слѣдовательно, эта часть взысканія вполнѣ зависитъ отъ размѣра пошлины, которая въ данное по дѣлу время по закону взыскивается въ таможнѣ, и должна въ пять разъ превышать размѣръ этой пошлины. Измѣненіе размѣра пошлины должно измѣнять и размѣръ этой части взысканія, но оно всегда и неизмѣнно въ пять разъ должно превышать размѣръ пошлины. Особаго законодательнаго распоряженія о томъ, чтобы наказаніе, по-прежнему, опредѣлять кредитными рублями, не послѣдовало, и 766 ст. улож. остается въ прежней своей редакціи, а слѣд., и нынѣ *наказаніе должно* неизмѣнно превышать пошлину въ пять разъ, т. е. должно *назначаться* въ той же валютѣ, въ которой взыскивается пошлина, а именно—*золотомъ*. Раздѣляя въ существѣ взглядъ судебной палаты, я не могу однако согласиться съ тѣмъ толкованіемъ, которое она даетъ примѣчанію къ ст. 2 уст. таможеннаго, не признавая его за законъ и внося въ оцѣнку его не существующее у насъ различіе между закономъ и предписаніемъ, имѣющимъ обязательную силу для всѣхъ однородныхъ слу-

чаевъ,—между loi и ordonnance. Не говоря уже о мѣстѣ, занимаемомъ этимъ примѣчаніемъ въ уставѣ таможенномъ, достаточно указать на то, что *именно по таможенному вѣдомству* такого рода общія, обязательныя распоряженія пріобрѣтаютъ силу и значеніе закона. Высочайше утвержденнымъ 15-го декабря 1834 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено «не включать въ продолженіе свода законовъ циркуляровъ, исходящихъ отъ министерствъ, безъ Высочайшаго ихъ утвержденія, *за исключеніемъ* распоряженій по таможенному вѣдомству, кои исходятъ отъ Министра Финансовъ по *особой, данной ему на то власти*». Поэтому, примѣчаніе къ ст. 2 уст. тамож. есть законъ. обязательный къ руководству во всѣхъ вѣдомствахъ и который не можетъ не быть принимаемъ, въ надлежащихъ случаяхъ, въ соображеніе и судомъ. Это законъ, указывающій, въ какой валютѣ взимаются *сборы въ таможняхъ* и на какую валюту исчисляется взысканіе съ чиновниковъ, когда оно составляетъ самостоятельное наказаніе или присоединяется къ наказанію служебному (ст. 812 улож.). Этому взысканію соотвѣтствуетъ взысканіе съ купцовъ, съ хозяевъ, по 766 ст. улож. Его нельзя считать ни штрафомъ, какъ предполагалъ прокуроръ палаты, ни акциденціею, ни, тѣмъ болѣе, однимъ изъ сборовъ (якорныхъ, складочныхъ, ластовыхъ), о которыхъ упоминаетъ примѣчаніе ко 2 ст. уст. там. и которые подлежатъ уплатѣ въ кредитныхъ рубляхъ. Штрафы, взимаемые административнымъ, а не судебнымъ порядкомъ, въ таможняхъ, и акциденціи (добавокъ къ пошлинѣ,—по ст. 424—443 уст. там., въ количествѣ десяти копѣекъ) имѣютъ характеръ отличный отъ взысканія, налагаемаго по суду. Эти штрафы, о которыхъ я уже говорилъ, разбирая вопросъ о давности, назначаются за несоблюденіе извѣстныхъ формальностей, за неточныя показанія, но не за злоупотребленія. Такъ, назначается штрафъ за непредставленіе дубликатовъ коносаментовъ (421 ст. уст. тамож.), за неподачу въ установленные сроки объявленій о товарѣ (прим. къ ст. 770 уст. там.—по 5 копѣекъ съ пошлиннаго рубля), за показаніе въ объявленіи товара не сообразно тарифу по роду и сорту, и т. п. При этомъ надо замѣтить, что даже и по отношенію къ штрафамъ и акциденціямъ Министерство Финансовъ считаетъ правильнымъ примѣненіе золотой валюты, и изъ дѣла видно, что 9-го апрѣля 1884 г. оно вошло въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о распространеніи, между прочимъ, золотой валюты и на эти сборы. Разбирая прежде возникшіе вопросы о совокупности и о давности, я находилъ, что по 812 ст. улож., взысканіе съ чиновниковъ—есть *наказаніе*. Такое же наказаніе, въ соединеніи съ возмѣщеніемъ убытка, представляетъ пятикратная пошлина съ хозяевъ по 766 ст. улож. Если примѣчаніемъ къ ст. 2 уст. там. признано необходимымъ одно изъ этихъ наказаній назначать въ

золотой валютѣ, то нѣтъ основанія назначать другое въ кредитныхъ рубляхъ, ибо оно, во 1-хъ, содержитъ въ себѣ возмѣщеніе утраченной казною пошлины, взыскиваемой въ золотой валютѣ, а, во-2-хъ, оба эти наказанія вытекаютъ изъ одного общаго дѣянія, указаннаго въ одномъ общемъ источникѣ—ст. 920 уст. там., изъ которой, какъ двѣ вѣтви, выростаютъ ст. 766 и 812 улож. Соединенныя статьею 920 уст. там. въ одно цѣлое, эти наказанія были бы раздѣлены и обособлены при приложеніи къ одному золотой, а къ другому кредитной валюты, и обособлены безъ достаточныхъ основаній.

Обращаясь къ Уложенію о наказаніяхъ, необходимо признать, что оно вовсе не опредѣляетъ, въ какой валютѣ должна быть взыскиваема пятикратная пошлина. Оно вездѣ говоритъ лишь о *слѣдующей* въ казну пошлинѣ. Кассаторы утверждаютъ, что ст. 766 о взысканіи пятикратной пошлины съ хозяевъ не подверглась измѣненію въ своей редакціи и послѣ введенія золотой валюты для таможенныхъ пошлинъ, и изъ этого выводятъ, что слѣдовательно указанное въ ней наказаніе съ хозяевъ осталось прежнимъ, т. е. въ кредитныхъ рубляхъ. Но съ чиновниковъ, согласно 920 ст. уст. тамож. и примѣчанію къ ст. 2, взыскивается пошлина золотомъ; однако, 812 ст. Улож., повторяющая 920 и подвергающая чиновниковъ взысканію за выпускъ товара безъ ярлыка и пошлины, *тоже осталась безъ измѣненія*. Въ ней по-прежнему говорится о пошлинѣ, слѣдующей въ казну, но, тѣмъ не менѣе, несмотря на эту прежнюю, ни въ чемъ неизмѣненную редакцію, необходимость уплаты этой слѣдующей въ казну пошлины *въ золотой валютѣ* никѣмъ не отрицается. Но если Уложеніе могло остаться неизмѣненнымъ въ редакціи ст. 812 о чиновникахъ, то для чего же измѣнять и редакцію ст. 766 о хозяевахъ? Обѣ эти статьи говорятъ о пошлинѣ, не опредѣляя размѣра ея рублями. Онѣ вытекаютъ изъ 920 ст. уст. тамож., которая, въ свою очередь, основана на ст. 810 прежняго таможеннаго устава, дѣйствовавшаго еще задолго до изданія Уложенія о наказаніяхъ 1845 года и въ то время, когда рубли считались у насъ на ассигнаціи. Однако, въ статьяхъ 859 и 931 Уложенія 1845 года (нынѣ 766 и 812) не было сказано, что пошлина взыскивается, считая *на серебро*. Нѣтъ основанія и теперь требовать, чтобы Уложеніе говорило о взысканіи этой пошлины на *золото*. Наказаніе не налогъ, говоритъ одинъ изъ кассаторовъ. Оно есть денежное отношеніе, возникающее между виновнымъ и государствомъ и разсчитываемое на цѣнность, имѣющую обязательное во всей странѣ хожденіе. Это вѣрно, и взглядъ этотъ былъ бы вполнѣ приложимъ къ настоящему дѣлу, еслибы нормою наказанія за выпускъ товаровъ былъ рубль. Въ разсчетахъ государства съ обвиняемымъ, подлежащихъ исчисленію въ рубляхъ, государство обязано разсчи-

тываться на рубли металлическіе или бумажные, если оно гарантируетъ обмѣнъ послѣднихъ на металлическую монету. Тутъ наказаніе опредѣляется цѣнностью in genere — рублемъ. Но иначе оно опредѣляется по нарушеніямъ, указаннымъ въ ст. 766 и 812, гдѣ говорится, какъ о нормѣ, о той цѣнности, которая должна поступить, которая *слѣдуетъ* въ казну. Эта цѣнность—in specie—есть *пошлина*, взимаемая, какъ таковая, со времени введенія золотой валюты — не иначе, какъ золотомъ. Иной таможенной пошлины, съ 1-го января 1877 года, какъ *золотой* — въ Россіи нѣтъ,—и только золотая пошлина поступаетъ въ казну, *слѣдуетъ* ей. А именно о *слѣдующей въ казну* пошлинѣ и говоритъ Уложеніе въ ст. 811, 812, 813 и др., второй и третьей изъ которыхъ, по единству происхожденія изъ 920 ст. уст. таможеннаго, соотвѣтствуетъ пошлина, взыскиваемая по 766 ст. Улож., составляющая пятикратіе единицы, уплачиваемой золотомъ. Мысль законодателя, положенная въ основу наказанія для хозяевъ, виновныхъ въ стачкѣ съ чиновниками для выпуска товара—состоитъ въ томъ, что такой хозяинъ, въ случаѣ открытія его злоупотребленія, долженъ уплатить въ пять разъ больше купца, честно выполнившаго всѣ таможенныя обрядности и внесшаго свою лепту въ казну страны. Если признавать, что пятикратная пошлина платится кредитными рублями, то являются неизбѣжно два вывода. *Первый*—что такимъ образомъ установляется особое послабленіе, особое снисхожденіе къ хозяину-хищнику сравнительно съ хозяиномъ, честно ведущимъ свои таможенныя дѣла, и въ то время, когда законъ говоритъ *о пятикратномъ* взысканіи, съ такого хищника взыскивается лишь въ *три съ четвертью раза*, ибо онъ вноситъ бумажки, а не золото. Такимъ образомъ рискъ уменьшается, возможность ущерба матеріальнаго при открытіи злоупотребленія умаляется и, вопреки мысли закона, установляется въ интересѣ хищника своего рода privilegium odiosum для добросовѣстнаго торговца. Гдѣ же для этого поводы? Въ чемъ справедливое основаніе для такого пониженія сравнительной повинности предъ казною того и другого? *Второй выводъ* состоитъ въ томъ, что, такимъ образомъ, безъ законодательнаго измѣненія размѣровъ кары, она вдругъ, внезапно, сама собою, вслѣдствіе циркуляра таможеннаго департамента, измѣнилась для купцовъ со дня введенія золотой пошлины. Казенное управленіе можетъ установлять въ предѣлахъ своего вѣдомства отношенія, нарушеніе коихъ можетъ подходить подъ случаи, предусмотрѣнные карательными законами, но оно не имѣетъ ни права, ни компетентности измѣнять содержаніе этихъ карательныхъ законовъ и, такъ сказать, законодательствовать въ области Уложенія о наказаніяхъ. Между тѣмъ, при послѣдовательномъ приложеніи теоріи кассаторовъ къ дѣлу—оказывается, что хозяинъ, въ явный ущербъ ка-

зенному интересу получившій выпущенный по ст. 766 Улож. товаръ, ординарная пошлина за который составляетъ *рубль,—31-го декабря 1876 года* — уплачивалъ *пять рублей*, а черезъ день, *1-го января 1877 года*, за то же самое долженъ былъ уплатить лишь *три рубля двадцать пять коп.* Что же—вина его признана болѣе слабою? Нѣтъ. Измѣнено наказаніе, предусматривающее эту вину? Нѣтъ. Кто же установилъ, что съ наступленіемъ новаго года онъ долженъ отвѣтствовать въ меньшей мѣрѣ? Никто. Все осталось по-старому, и никакое распоряженіе по Министерству Финансовъ не могло нарушить соотношенія, установленнаго Уложеніемъ, *продолженія* котораго не тронули ни одной буквы въ ст. 766. Поэтому на *почвѣ Уложенія* этотъ вопросъ долженъ, по моему мнѣнію, безусловно разрѣшаться въ пользу золотой валюты.

Такое же разрѣшеніе явится и на *почвѣ устава таможеннаго.* Если признать, что во взысканіе по 766 ст. входитъ и вознагражденіе казны за неполученную пошлину, то *однократная* пошлина изъ числа *пятикратной* должна, во всякомъ случаѣ, присуждаться въ золотой валютѣ, ибо казна въ этомъ размѣрѣ и по этому масштабу понесла убытокъ, и лишь *четырехкратная* пошлина могла бы, слѣдуя взгляду кассаторовъ, взыскиваться въ кредитныхъ рубляхъ. Но и такой взглядъ не согласуется съ таможеннымъ уставомъ. По смыслу примѣчанія ко 2 ст. уст. там., взысканія по 985 и 1330 ст. производятся въ *золотой валютѣ.* Но 985 ст., говорящая о недоставленіи въ складочную таможню товарнаго мѣста въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ даннаго на то срока,—подвергаетъ виновныхъ взысканію всей причитающейся за товаръ тарифной пошлины въ *полтора раза;* по ст. 1330, недоставка товаровъ, погруженныхъ при отпускѣ каботажнаго судна изъ одного порта въ другой, влечетъ взысканіе пошлины въ *полтора раза.* Производя это взысканіе, казна прежде всего вознаграждаетъ себя за неполученную пошлину, слѣдовавшую за товаръ, исчезновеніе котораго не оправдано хозяиномъ. Это, очевидно, пошлина ординарная и золотая. Но какое же значеніе имѣетъ еще *половина* тарифной пошлины? Это не вознагражденіе. Значитъ, это *наказаніе.* И, однако, это наказаніе учиняется въ *золотой валютѣ.* Слѣдовательно, по уставу таможенному взысканіе пошлины въ томъ или другомъ размѣрѣ въ наказаніе производится, независимо отъ вознагражденія убытковъ, въ золотой валютѣ. Поэтому я нахожу, что пятикратная пошлина съ хозяевъ должна быть взыскиваема въ золотой валютѣ, какъ это и рѣшила, по моему мнѣнію, вполнѣ правильно судебная палата.

Противъ такого взгляда возражаютъ, что никакимъ закономъ не установлено оффиціально паденіе нашего рубля кредитнаго на 40% и даже болѣе, и что, поэтому, судъ, примѣняя Уложеніе, не имѣетъ права обезцѣнивать нашъ рубль только потому, что

пошлина взимается въ золотѣ. Но однако по отношенію къ таможеннымъ сборамъ это процентное уменьшеніе стоимости рубля установлено самимъ закономъ, который воспрещаетъ кредитный рубль принимать за тотъ рубль, который обозначенъ въ тарифѣ для привозимыхъ съ оплатою пошлинами товаровъ. Злоупотребленіе хозяевъ, о которомъ идетъ рѣчь, совершено въ предѣлахъ таможенныхъ отношеній, направлено противъ таможенныхъ сборовъ и облагается взысканіемъ, построеннымъ на основаніи таможенной пошлины. Эти отношенія казны къ товарохозяину регулируются, эти сборы опредѣляются въ золотой валютѣ. Поэтому и злоупотребленіе противъ этихъ сборовъ, вытекающее изъ этихъ отношеній, должно, совершенно послѣдовательно, облагаться взысканіемъ въ золотой валютѣ. Взысканіе по 766 ст. постановлено въ огражденіе казны отъ нарушенія ея интересовъ по таможенному доходу, одной изъ частей общаго государственнаго дохода. Особое учрежденіе, блюдущее высшіе финансовые интересы страны—Комитетъ Финансовъ, учрежденный еще въ началѣ текущаго столѣтія и каждый разъ собираемый по особому Высочайшему повелѣнію—призналъ въ 1876 году необходимымъ установить сборъ таможенныхъ пошлинъ въ золотой валютѣ. Цѣли этой мѣры могутъ быть разнородны. Необходимо сравнять съ нашею валюту, въ которой взимаются эти пошлины въ странахъ, гдѣ, несмотря на принудительный курсъ бумажныхъ денегъ, какъ въ Австро-Венгріи и Америкѣ, таможенные сборы уплачиваются все-таки золотомъ. Съ другой стороны, развитіе потребностей государства требуетъ увеличенія таможеннаго дохода, и золотая валюта увеличиваетъ его почти на 50%. Наконецъ, заключая, по необходимости, заграничные займы, государство обязано уплачивать по нимъ проценты золотомъ, подвергая себя, такъ сказать, ежегодному, періодическому, неизбѣжному финансовому кровопусканію. Но для этого необходимы кровяные шарики, золотая монета, покупать которую казнѣ большими партіями, пріобрѣтая тратты, всегда и труднѣе, и дороже, чѣмъ частному лицу. Поэтому надо привлекать золото и, вмѣсто исканія его, открыть ему естественный приливъ. Золотая валюта, увеличивая таможенный доходъ, въ то же время способствуетъ этому приливу, давая государству, въ значительной степени, нужное ему золото. Виновный по ст. 766 Улож. товарохозяинъ стремится умалить это количество золота, не уплативъ пошлину. Золотомъ же долженъ онъ и отвѣтствовать, тѣмъ болѣе, что, безъ сомнѣнія, такой злоупотребитель, дѣйствующій притомъ по стачкѣ съ чиновниками, попадается не по первому разу, а лишь вслѣдствіе стеченія особыхъ, неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ, послѣ того какъ онъ многократно лишилъ казну слѣдовавшей ей золотой монеты.

Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ кассаторовъ, что съ

установленіемъ золотой валюты измѣненъ лишь *способъ* взысканія пошлинъ, а не ихъ *размѣръ*. Высочайше утвержденное 10-го октября 1876 года положеніе Комитета Финансовъ прямо измѣнило, въ пунктѣ первомъ, размѣръ того, что до тѣхъ поръ должны были въ видѣ пошлины платить купцы, въ полтора раза, а въ остальныхъ 9 пунктахъ опредѣлило и различные способы, которыми достигается исполненіе требованія казны о золотой пошлинѣ.

Точно также нельзя видѣть и непреодолимыхъ затрудненій къ вычисленію пятикратной пошлины въ золотой валютѣ, въ томъ, что цѣна золота колеблется вмѣстѣ съ вексельнымъ курсомъ. По какому же курсу опредѣлять размѣръ взысканія съ хозяевъ? спрашиваютъ кассаторы. Отвѣтъ не затруднителенъ: по тому курсу, который существовалъ въ день совершенія злоупотребленія, въ день производства нарушенія. Съ чиновниковъ же взыскивается въ золотой валютѣ. Очевидно, что вычисленіе размѣровъ этой валюты и для нихъ, и для хозяевъ товара должно быть производимо одинаковымъ образомъ. Но палата не указала, по какому курсу взыскивать съ виновныхъ, присужденныхъ къ пятикратной въ золотой валютѣ пошлинѣ, купцовъ. Это и не было необходимо. Вопросъ о курсѣ, по которому считать, можетъ возникнуть при исполненіи рѣшенія палаты, и тогда возникшій споръ, на основаніи 962 ст. и 964 ст. уст. гражд. суд. и 974 ст. уст. угол. суд., будетъ подлежать разрѣшенію палаты въ сокращенномъ порядкѣ гражданскаго судопроизводства.

По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, я нахожу, что приговоръ харьковской судебной палаты по вопросу о золотой валютѣ правиленъ и что поданныя по этому предмету жалобы не представляются уважительными.

Послѣдній изъ *общихъ* вопросовъ, возбуждаемыхъ кассаціонными жалобами какъ обвиняемыхъ, такъ и гражданскаго истца, касается *опредѣленія цѣны выпущеннаго хозяевамъ товара*. Согласно 766 ст. Улож. о наказ., виновные въ выпускѣ товара изъ таможни безъ ярлыка и безъ пошлины по стачкѣ съ чиновниками — обязаны уплатить стоимость этого товара, помимо пятикратной пошлины. Въ законѣ нѣтъ точныхъ указаній, какъ опредѣлять цѣну этого товара, который уже выпущенъ, а на лицо не имѣется. Къ дѣлу были доставлены рыночныя цѣны биржевыхъ маклеровъ таганрогскаго порта. Разсматривая эти цѣны, палата нашла, что онѣ слишкомъ разнятся между собою, чтобы можно было остановиться на среднемъ изъ нихъ выводѣ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ свѣдѣній о качествѣ товара, выпущеннаго обвиняемымъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Поэтому палата остановилась на цѣнѣ, показанной хозяиномъ товара или его повѣреннымъ въ объявленіи, гдѣ она должна быть изображена на русскія деньги, и признала эту цѣну приблизительно вѣрною, такъ какъ для опредѣленія ея

хозяину служатъ фактуры, накладныя и письма отправителя товара. Противъ подобнаго пріема для опредѣленія цѣны выпущеннаго товара представленъ рядъ возраженій. Указывается на то, что палата несправедливо признала, что въ законѣ нѣтъ точныхъ указаній, какимъ образомъ судъ долженъ опредѣлять цѣну выпущеннаго безъ пошлины товара. Опредѣленіе цѣны въ такихъ случаяхъ должно быть дѣлаемо согласно указаніямъ 325, 335 и 692 ст. уст. угол. суд. Способъ опредѣленія цѣнности товара, посредствомъ цѣновщиковъ-экспертовъ или посредствомъ точныхъ справочныхъ цѣнъ, никакъ не можетъ быть замѣненъ указаніемъ со стороны хозяевъ цѣнъ представляемаго товара въ объявленіяхъ, подаваемыхъ въ таможню, такъ какъ цѣны, означаемыя въ нихъ, еслибы даже считать ихъ точными и вѣрными, соотвѣтствуютъ цѣнамъ, по которымъ товаръ переходитъ отъ купцовъ къ потребителямъ. Основанія же для опредѣленія взысканія, равнаго стоимости выпущеннаго безъ пошлины товара, совершенно другія и слагаются далеко не изъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ цѣнности товара при окончательномъ переходѣ его къ потребителямъ. Но этихъ соображеній правильными признать нельзя. 325 ст. уст. угол. суд. опредѣляетъ лишь цѣль, съ которою приглашаются свѣдущіе люди, а 335 ст. говоритъ о способахъ производства экспертизы *на предварительномъ слѣдствіи*. Указываемое однимъ изъ кассаторовъ рѣшеніе Правительствующаго Сената по дѣлу Лаландъ, 1868 года, № 34, вовсе не установляетъ безусловной обязательности экспертизы чрезъ сторонннихъ людей, имѣющихъ свѣдѣнія о стоимости неотысканнаго предмета, а лишь указываетъ, что стоимость похищенныхъ бумагъ, для опредѣленія мѣры наказанія и подсудности, должна опредѣляться не по номинальной, а по рыночной цѣнѣ. Что касается до ст. 692, говорящей о томъ, что судъ, по замѣчаніямъ сторонъ, присяжныхъ засѣдателей или собственному усмотрѣнію, можетъ назначить новое испытаніе чрезъ свѣдущихъ людей, то стороны о производствѣ такой экспертизы въ засѣданіи не просили, и слѣдовательно нынѣ ссылаться на нарушеніе 692 ст. уст. угол. суд. не могутъ. Указанія одного изъ кассаторовъ на то, что изъ цѣны товара, показанной въ объявленіи, должна быть исключена заключающаяся въ ней пошлина, и вообще всѣ доводы о томъ, что эта цѣна не есть дѣйствительная, а требуемая съ потребителя—представляются бездоказательными. Въ объявленіи пишется цѣна товара *до* оплаты его пошлиною и *до* расходовъ по перевозкѣ его *изъ* таможни. Она должна содержать въ себѣ стоимость товара на мѣстѣ и фрахтъ и, во всякомъ случаѣ, быть менѣе той, по которой товаръ, по разнымъ разсчетамъ хозяина, поступитъ въ продажу, т. е. цѣны рыночной или биржевой. Поэтому пріемъ исчисленія стоимости выпущеннаго товара, принятый палатою, наиболѣе выгод-

ный, вообще говоря, для виновныхъ товарохозяевъ. Исключеніе, однако, составляетъ присужденіе со Сфаэлло бо̀льшей суммы, чѣмъ та, которая была исчислена таможеннымъ вѣдомствомъ, въ чемъ онъ усматриваетъ нарушеніе статьи 1177, обязывающей казенное управленіе увѣдомлять судебнаго слѣдователя о количествѣ казеннаго взысканія по нарушеніямъ, для которыхъ въ законѣ указаны лишь основанія къ исчисленію этого взысканія. Если смотрѣть на взысканіе стоимости выпущеннаго товара, которое есть въ сущности конфискація, какъ на вознагражденіе казны за убытки, то сообщеніе по 1177 ст. равносильно опредѣленію цѣны гражданскаго иска, и присужденіе бо̀льшей противъ этой цѣны суммы есть нарушеніе коренного правила «ne eat judex ultra petitia». Но конфискація есть наказаніе. Опредѣлять размѣръ его можетъ только судъ. Казенное управленіе даетъ лишь матеріалъ для такого опредѣленія, если наказаніе состоитъ во взысканіи, опредѣляемомъ по размѣру дѣйствій, коими нарушены были правила, установленныя въ сферѣ дѣятельности казеннаго управленія. Поэтому, и въ виду того, что законъ обязываетъ казенное управленіе, по 1177 ст., лишь сообщать слѣдователю о количествѣ взысканія, но нигдѣ не говоритъ о безусловной обязательности такого сообщенія для суда, я нахожу, что это сообщеніе имѣетъ лишь вспомогательное значеніе и дѣлается лишь къ свѣдѣнію и для необязательнаго руководства. Въ противномъ случаѣ пришлось бы признать, что никакое опредѣленіе стоимости товара на судѣ, и въ томъ числѣ та экспертиза, на которую указываетъ Сфаэлло, по 692 ст. уст. угол. суд., не должны имѣть мѣста, ибо заключеніе казеннаго управленія обязательно и, такъ сказать, предустановляетъ рѣшеніе о размѣрѣ взысканія. Наконецъ, необходимо замѣтить, что наша гражданская практика, освященная рѣшеніями гражданскаго кассаціоннаго департамента, допускаетъ при искахъ объ убыткахъ за пропавшій товаръ, по 683 ст. 1 ч. X т. св. зак., исчисленіе не только его количества, но и во многихъ случаяхъ его дѣйствительной стоимости по накладнымъ и счетамъ, что̀ соотвѣтствуетъ пріему, употребленному харьковскою судебною палатою. Поэтому я нахожу, что жалобы на приговоръ палаты по отношенію къ опредѣленію цѣны товара уваженія не заслуживаютъ.

Окончивъ разборъ *общихъ вопросовъ*, возбужденныхъ по дѣлу о таганрогскихъ таможенныхъ злоупотребленіяхъ, перехожу къ *вопросамъ частнымъ*, касающимся лишь того или другого изъ привлеченныхъ на судъ харьковской палаты лицъ. Такихъ вопросовъ четыре. Прокуроръ и гражданскій истецъ протестуютъ противъ оправданія купца Караяни; корабельный смотритель Кузовлевъ жалуется на неправильное примѣненіе къ нему ст. 362 Улож. вмѣсто 813; купецъ Векслеръ находитъ, что онъ неправильно осужденъ палатою по 766 ст., не будучи хозяиномъ товара, и

наконецъ Мари Вальяно находитъ, что его дѣяніе, подведенное палатою подъ 362 ст. улож., не составляетъ поступка, уголовно наказуемаго.

Обращаюсь прежде всего къ *оправданію купца Ставро Караяни*. Онъ признанъ виновнымъ въ томъ, что четыре раза, вслѣдствіе соглашенія съ должностными лицами таганрогской таможни, получилъ выпущенный этими послѣдними, безъ ярлыка и безъ оплаты пошлиною товаръ, прибывшій изъ Англіи для курско-харьково-азовской желѣзной дороги и который былъ предъявленъ въ таможню къ досмотру имъ, Караяни, какъ повѣреннымъ той дороги. Судебная палата нашла, что на основаніи 920 ст. уст. тамож., 766 и 812 ст. Улож., за безпошлинный выпускъ товара наказываются, прежде всего, чиновники и затѣмъ уже хозяева товара, при условіи, что товаръ чиновниками выпущенъ по стачкѣ съ этими послѣдними; для другихъ же лицъ, которыя могутъ принимать преступное участіе при выпускѣ товара изъ таможни, наказанія въ законѣ не установлено. Поэтому, принявъ во вниманіе отсутствіе въ законѣ наказанія для повѣренныхъ хозяевъ товара, виновныхъ въ безпошлинномъ, по стачкѣ съ чиновниками, полученіи товара изъ таможни, въ чемъ обвиненъ Караяни, и то, что никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ въ порядкѣ, указанномъ въ законѣ, судебная палата пришла къ заключенію, что подсудимый Ставро Караяни долженъ быть, примѣнительно къ 1 п. 771 ст. уст. тамож. сб., признанъ по суду оправданнымъ. При этомъ палата высказала мысль, что наказаніе, указанное въ 766 ст. улож. о наказ. (пятикратная пошлина и взысканіе стоимости выпущеннаго товара), есть особое, которое можетъ быть назначаемо только хозяину товара, а не другимъ участникамъ его преступленія. Съ этимъ приговоромъ палаты я не нахожу возможнымъ согласиться. Въ немъ сливается понятіе о *собственникѣ* товара съ понятіемъ о *хозяинѣ*, тогда какъ 766 ст. ул. и 920 ст. уст. тамож. вовсе не касаются вопроса объ объемѣ правъ товарохозяина на товаръ и имѣютъ въ виду не собственника, въ смыслѣ законовъ гражданскихъ, а *распорядителя* товара, который, фактически имѣя право провоза товара чрезъ таможню, совершаетъ для себя или для другого — это безразлично, злоупотребленіе по отношенію къ казенному интересу. Покуда полученный изъ-за границы товаръ попадетъ въ руки дѣйствительнаго собственника, онъ очень часто находится въ распоряженіи лицъ, принимающихъ на себя обязанности повѣренныхъ, экспедиторовъ, комиссіонеровъ, составляющихъ иногда цѣлыя группы и учреждающихъ правильно организованныя конторы. По условіямъ заграничной торговли, подобное посредничество необходимо. Такіе посредники и повѣренные могутъ, безъ сомнѣнія, совершать именно то дѣяніе, которое описано въ 766 ст., т. е.

входить въ стачку съ чиновниками для безпошлиннаго выпуска товара. Дѣлать отвѣтственнымъ за ихъ дѣйствія отдаленнаго собственника, который можетъ и не вѣдать даже, когда прибылъ посланный ему товаръ и когда производится этому товару досмотръ,—собственника, относительно котораго нѣтъ никакихъ указаній, что онъ имѣлъ намѣреніе обмануть таможню и достигъ своей цѣли,—было бы несправедливо. Это значило бы карать невиновнаго, оставляя безнаказаннымъ фактическаго, явнаго нарушителя лишь потому, что синонимомъ слова «хозяинъ», употребленнаго въ 766 ст. улож., признается безъ достаточныхъ основаній слово «собственникъ». Уголовный судъ долженъ знать совершителя преступнаго дѣянія и не входить въ сложные и чуждые ему вопросы объ опредѣленіи правъ собственности того или другого лица. При преступленіяхъ противъ уставовъ казенныхъ управленій законъ, по возможности, устраняетъ разборъ вопроса о томъ, кто собственникъ и кто распорядитель товара, употребляя гораздо болѣе широкое слово «*хозяинъ*». Такимъ хозяиномъ можетъ быть и полный собственникъ, и представитель одного изъ составныхъ элементовъ права собственности — права владѣнія и права распоряженія. Каждый изъ такихъ хозяевъ постольку подпадаетъ подъ дѣйствіе уголовнаго закона, поскольку сознательно и намѣренно нарушилъ *своими дѣйствіями* этотъ законъ. Поэтому, напримѣръ, уставъ угол. суд., говоря о различныхъ обрядностяхъ, коими закрѣпляется случившееся нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій, почти вездѣ, говоря о таможенныхъ нарушеніяхъ, упоминаетъ даже и не о хозяинѣ товара, и объ *обвиняемомъ*, каковымъ является лицо, *задержанное* съ товаромъ (уст. уг. суд. ст. 1136, 1 ч. 1139, 1148 и 1149). Повидимому, въ опредѣленіи права на гражданскій искъ за причиненные убытки представлялось бы болѣе основаній къ точному означенію того, что только собственникъ предмета, подвергшагося ущербу, можетъ являться истцомъ. Но даже и въ этомъ отношеніи законодатель въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ своихъ систематическихъ трудовъ — въ *общемъ уставѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ*, установляя право хозяевъ груза на взысканіе съ желѣзныхъ дорогъ убытковъ и ущербовъ, говоритъ не о собственникѣ, а о *распорядителѣ груза*, о держателѣ *накладной*. Поэтому, хозяиномъ товара по уставу тамож. долженъ почитаться всякій, кто подастъ объявленіе въ таможню о прибывшемъ товарѣ, участвуя въ досмотровой очисткѣ, и кто затѣмъ получитъ, по уплатѣ пошлинъ, товаръ въ свое распоряженіе. Если такое лицо войдетъ въ стачку съ чиновниками для выпуска слѣдующаго въ *его распоряженіе* товара безъ ярлыка и безъ уплаты пошлинъ, то оно вполнѣ подходитъ подъ карательныя постановленія 766 ст. улож. Если стать на точку зрѣнія палаты, то придется признать, что въ цѣломъ

рядѣ случаевъ, гдѣ хозяиномъ-собственникомъ товара является какое либо лицо юридическое, какое либо учрежденіе, компанія, и т. п.,—ст. 766 улож., несмотря на явные случаи нарушенія таможеннаго интереса, непримѣнима, ибо существенный признакъ предусмотрѣннаго въ ней преступленія есть *стачка*, а стачка съ лицомъ юридическимъ, съ отвлеченнымъ понятіемъ, съ фикціею—невозможна. И такимъ образомъ создалось бы положеніе, идущее въ разрѣзъ съ требованіями уголовной репрессіи и съ интересами государства. Юридическое лицо въ данномъ случаѣ—курско-харьково-азовская желѣзная дорога — *само* не можетъ, по природѣ своей, совершить преступленія, указаннаго въ 766 ст.; *повѣренный*, который все устроилъ, подготовилъ и наладилъ — неотвѣтственъ, какъ повѣренный. Но возможна фиктивная довѣренность, возможна довѣренность слишкомъ общая и растяжимая, а заявленіе въ таможнѣ, что товаръ получается *на имя* того или другого юридическаго лица, еще отнюдь не создаетъ ему правъ собственности на этотъ товаръ и не препятствуетъ дѣйствительному полномочному владѣльцу товара скрываться подъ скромнымъ обличьемъ повѣреннаго. Отрицая возможность уголовнаго правонарушенія, предусмотрѣннаго 776 ст. улож. о наказ., со стороны повѣреннаго,—теорія палаты ставитъ и гражданскаго истца, казну, несомнѣнно потерпѣвшую, въ положеніе безвыходное. Курско-харьково-азовская желѣзная дорога не можетъ отвѣчать какъ юридическое лицо; ея агентъ, ея повѣренный, Ставро Караяни неотвѣтственъ — кто же уплатитъ гражданскій искъ, имѣющій преюдиціальное основаніе,—падающій, если не признается нарушенія 766 ст. Улож. извѣстнымъ, опредѣленнымъ лицомъ? Судъ гражданскій вѣдь не знаетъ *рѣшенія присяжныхъ*, а знаетъ *приговоръ уголовнаго суда*, который обязателенъ для него по вопросу о томъ, было ли событіе преступленія послѣдствіемъ дѣянія отвѣтчика.

По всѣмъ этимъ основаніямъ я полагаю, что оправдательный приговоръ, постановленный надъ Ставро Караяни, не можетъ остаться въ силѣ и долженъ быть отмѣненъ.

Высказанныя мною соображенія облегчаютъ для меня обсужденіе основательности *жалобы купца Векслера*, который находитъ, что онъ неправильно осужденъ палатою по 766 ст. Улож., тогда какъ онъ дѣйствовалъ лишь въ качествѣ повѣреннаго купца Гойланда. Палата отвергла его объясненіе о томъ, что онъ повѣренный потому, что въ вопросѣ присяжнымъ засѣдателямъ не упоминалось объ этомъ его качествѣ, и противъ постановки такого вопроса Векслеръ не возражалъ. Дѣйствительно, Векслеръ признанъ виновнымъ по тремъ однороднымъ вопросамъ, въ которыхъ присяжныхъ засѣдателей спрашивали: «виновенъ ли купецъ Михаилъ Векслеръ въ томъ, что въ октябрѣ 1879 года, вслѣд-

ствіе соглашенія съ должностными лицами таганрогской таможни, получилъ выпущенные этими послѣдними для него изъ пакгауза той таможни, безъ ярлыка и безъ оплаты пошлиною, партіи чернаго чаю, прибывшія изъ Лондона и предъявленныя имъ къ досмотру таможеннаго начальства при объявленіяхъ?» Хотя онъ и указывалъ, что объявленія, подписанныя имъ, какъ *повѣреннымъ* Гойланда, были предъявлены присяжнымъ засѣдателямъ, что̀ подтверждается 123 листомъ протокола судебнаго засѣданія, и хотя палата неправильно, вопреки точному смыслу примѣч. къ ст. 743 уст. тамож., по прод. 1876 г., отрицаетъ его право, какъ купца 2-й гильдіи, выписывать товары изъ-за границы, но это отнюдь не можетъ служить основаніемъ къ отмѣнѣ обвинительнаго о немъ приговора. И—какъ, признанный присяжными засѣдателями *хозяиномъ товара*, и согласно своему собственному объясненію, какъ *повѣренный*, онъ подлежитъ одинаково взысканію по 766 ст. улож., въ виду признанія присяжными въ его дѣйствіяхъ наличности стачки съ чиновниками для выпуска товара. Поэтому я полагалъ бы жалобу Векслера оставить *безъ послѣдствій*.

Обращаюсь къ жалобамъ Кузовлева и Вальяно.

Присяжные засѣдатели признали члена таможни Кузовлева и купца Вальяно виновными въ томъ, что, съ цѣлью выпуска и полученія изъ таможни товара безъ ярлыка и безъ оплаты пошлиною, они вошли между собою въ соглашеніе и подписали *завѣдомо подложный отвѣсный листокъ*. Палата подвела это дѣяніе подъ 362 ст. Улож., предусматривающую, въ ряду подлоговъ, и случай включенія завѣдомо ложныхъ свѣдѣній въ свидѣтельствахъ и вообще какого либо рода актахъ, представляемыхъ начальству. Усматривая затѣмъ, что Вальяно подписывалъ отвѣсный листокъ по соглашенію съ Кузовлевымъ, палата признала его *сообщникомъ* послѣдняго и приговорила къ соотвѣтствующему наказанію — къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію. На эту часть приговора жалуются и Кузовлевъ, и Вальяно.

Кузовлевъ находитъ, что къ его дѣянію примѣнима лишь 813 ст. улож. о нак., которая говоритъ именно о томъ случаѣ, когда таможенный чиновникъ приметъ или употребитъ подложные документы. Принять документъ подложный можно, по смыслу этой статьи, какъ ее толкуетъ Кузовлевъ, отъ посторонняго, но употребить документъ подложный можно только самому, его составивъ. Къ этому приводитъ, по мнѣнію кассатора, и логическій, и грамматическій смыслъ выраженій «*употребитъ*», противополагаемаго выраженію «*приметъ*». Съ этимъ взглядомъ, я, съ своей стороны, не могу согласиться и полагаю, что ужъ если ссылаться на грамматическій смыслъ статьи закона, то надо, прежде всего, принимать статью какъ она есть, не опуская изъ нея того или другого слова. Статья 813 говоритъ о случаѣ, когда чиновниками,

при совершеніи таможенныхъ преступленій, употреблены или приняты *завѣдомо* подложные документы, т. е. когда чиновникъ, чтобы обставить свое злоупотребленіе удачнымъ исходомъ, представитъ по назначенію завѣдомо подложный документъ или самъ найдетъ возможнымъ удовлетвориться полученіемъ документа, зная, однако, что онъ подложный. По грамматическому строю статьи 813 улож. слово «*завѣдомо*» относится несомнѣнно къ обоимъ случаямъ, предусмотрѣннымъ въ ней—и къ принятію, и къ употребленію. Поэтому кассаторъ напрасно считаетъ это слово столь несущественнымъ, что опускаетъ его, излагая содержаніе ст. 813. За исключеніемъ нѣкоторыхъ фигуральныхъ выраженій, употребляемыхъ Уложеніемъ въ рѣдкихъ случаяхъ для обозначенія важности преступленія (въ родѣ «когда же дерзость его дойдетъ до такой степени, что...»), оно скупо на слова и нельзя предполагать, чтобы оно считало нужнымъ объяснить, что *совершая лично* подлогъ документа, находясь, притомъ, въ состояніи вмѣняемости и преслѣдуя корыстную, противозаконную цѣль, преступный чиновникъ долженъ дѣйствовать еще и *завѣдомо*. Да развѣ можно при такихъ условіяхъ совершить подлогъ *незавѣдомо?* И такъ какъ въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія обвинять Уложеніе въ безплодномъ и безцѣльномъ многословіи, то надо признать, что слово *завѣдомо* обозначаетъ именно тотъ случай принятія или употребленія подложнаго документа, когда въ самомъ *составленіи* его чиновникъ не участвовалъ. Чиновникъ можетъ напустить на себя умышленную довѣрчивость и близорукость и, зная, что документъ, подлежащій его провѣркѣ, подложный, закрыть на него глаза и принять его. *Это будетъ первая часть ст. 813.* Чиновникъ можетъ, зная, что представляемый имъ, или чрезъ него, или съ его вѣдома, документъ подложенъ, — не задержать его дальнѣйшаго теченія, не загородить ему дорогу, а дать ему проплыть далѣе, въ ущербъ казенному интересу и въ неправый прибытокъ частнаго лица. *Это будетъ вторая часть ст. 813.* Различныя функціи таможенной службы представляютъ поле для подобныхъ злоупотребленій и, притомъ, въ обоихъ ихъ видахъ. Изъ обвинительнаго акта по дѣлу и изъ вопроснаго листа усматривается, что въ таганрогской таможнѣ обнаруженъ цѣлый рядъ злоупотребленій и нарушеній, состоявшихъ въ употребленіи подложныхъ (уже бывшихъ въ употребленіи) партіонныхъ билетовъ, причемъ изъ чиновниковъ,—*корабельные смотрители* препровождали по такимъ билетамъ товары въ пакгаузы, т. е. *употребляли* завѣдомо подложные документы, а другіе—*пакгаузные надзиратели*—принимали по нимъ товаръ въ пакгаузы, т. е. *принимали* по завѣдомо подложнымъ документамъ... Совсѣмъ иное значеніе получаетъ поступокъ чиновника, когда онъ становится не только пассивнымъ орудіемъ хищенія, согласившимся усыпить

свою служебную зоркость и сознательно допустить совершиться таможенному нарушенію, но когда онъ прямо выступаетъ активнымъ дѣятелемъ и общими силами съ частнымъ лицомъ, стремясь обмануть провѣряющую инстанцію, *самъ поддѣлываетъ* документъ, пріобрѣтающій, исходя изъ его рукъ, характеръ оффиціальной непреложности. Излишне доказывать, насколько его вина въ этомъ случаѣ больше. Тутъ уже не одно нарушеніе таможенныхъ законовъ, тутъ на первомъ планѣ преступное дѣяніе агента власти, злоупотребляющаго своимъ служебнымъ положеніемъ вообще, въ силу котораго документу, отъ него исходящему, имъ удостовѣренному, имъ подписанному, дается особая вѣра, дающая возможность установить должностное раздѣленіе труда, безъ котораго немыслима спорая и правильная работа служебнаго механизма. Такой взглядъ на подобное преступленіе уже былъ однажды принятъ Правительствующимъ Сенатомъ, въ 1875 году, признавшимъ по дѣлу Калогераса и Иващенко, что составленіе таможеннымъ чиновникомъ подложной досмотровой очистки, съ показаніемъ большихъ бочекъ товара малыми, подходитъ подъ указанія 362 ст. улож. Поэтому относительно Кузовлева я признаю приговоръ палаты правильнымъ.

Остается послѣдній, наиболѣе спорный въ дѣлѣ вопросъ—*объ отвѣсномъ листкѣ*, по поводу подписанія котораго Вальяно присужденъ палатою по 362 ст. улож. о нак. *Мари Вальяно* энергически отрицаетъ возможность признанія его виновнымъ въ соучастіи въ служебномъ подлогѣ. вслѣдствіе подписанія имъ завѣдомо подложнаго листка. Что такое отвѣсный листокъ? спрашиваетъ онъ. Это документъ случайный, установленный закономъ для товаровъ нетранзитныхъ, не могущій, поэтому, въ глазахъ таможни имѣть значенія такихъ законныхъ, неизбѣжныхъ и безусловно необходимыхъ бумагъ, какъ объявленіе и досмотровая очистка. Этотъ отвѣсный листокъ не долженъ быть связываемъ съ подписью купца, ни съ точки зрѣнія его личныхъ интересовъ, ибо и при досмотрѣ товаровъ транзитныхъ присутствіе купца, вопреки мнѣнію палаты, необходимо, а подписи его не требуется,—ни съ точки зрѣнія необходимости, ибо и безъ подписи купца онъ не теряетъ своей достовѣрности. Согласно циркуляру таможеннаго департамента, онъ не можетъ быть даже ему выдаваемъ на руки, съ чѣмъ идетъ въ разрѣзъ произвольное распоряженіе управляющаго таганрогскою таможнею, установившаго обязательность подписи купца. Но даже, полагаетъ Вальяно, еслибы и признать, что подпись эта обязательна, то дѣяніе купца, предусмотрѣнное 920 ст. уст. там. и 766 ст. Улож. о нак., никакимъ образомъ не можетъ быть признано служебнымъ преступленіемъ. Заботясь о безпошлинномъ полученіи товара и имѣя въ виду лишь личную выгоду, купецъ не можетъ отвѣчать за дѣйствія чинов-

ника, которыми нарушаются его спеціальныя должностныя обязанности. Хотя 283 ст. уст. тамож. и говоритъ о разномѣрномъ наказаніи соучастниковъ въ преступленіяхъ чиновниковъ, но она имѣетъ въ виду спеціальныя таможенныя нарушенія, а никакъ не общія нарушенія обязанностей гражданской службы, въ составъ которыхъ входитъ и дѣяніе, предусмотрѣнное 362 ст. Улож. о нак. Наконецъ, соучастникъ должностного лица, по доктринѣ и Государственнаго Совѣта, и Правительствующаго Сената, можетъ быть наказанъ лишь, если дѣяніе его, аналогичное, по внутреннему составу, съ дѣйствіями главнаго виновнаго чиновника, находитъ себѣ опредѣленіе и карательную оцѣнку въ статьяхъ Уложенія, не относящихся къ служебнымъ преступленіямъ. Но о подлогахъ говорятъ статьи 294 и 1690—1692 и ни одна изъ нихъ, по роду упоминаемыхъ въ нихъ документовъ и по свойству дѣйствій, не подходитъ подъ дѣяніе Кузовлева и Вальяно. Въ концѣ концовъ Вальяно находитъ, что безполезная и необязательная его подпись на неустановленномъ закономъ отвѣсномъ листкѣ, оказавшемся подложнымъ, никакой для него отвѣтственности, вопреки совершенно ошибочному выводу палаты,—влечь не можетъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этого вывода, останавливаюсь прежде всего на *отвѣсномъ листкѣ*, послужившемъ матеріальнымъ основаніемъ къ обвиненію Вальяно. Для выпуска товара изъ таможни необходимъ *досмотръ* его, который производится, согласно уставу таможенному, вслѣдствіе *объявленія*, подаваемаго хозяиномъ на особомъ листѣ, который онъ получаетъ изъ таможни. Это объявленіе составляетъ поводъ къ досмотру и его подача вызываетъ надпись члена таможни: «учинить указный досмотръ». Самый фактъ досмотра указываетъ на недовѣріе къ даннымъ объявленія. Предполагается, что свѣдѣнія, прописанныя въ объявленіи—неточны, что ихъ надо провѣрить. Эта неточность можетъ быть случайная или умышленная. Вызываемый подачею объявленія досмотръ есть, слѣдовательно, провѣрка объявленія для точнаго исчисленія пошлины, согласно 816 ст. уст. там. Но вслѣдствіе указаній закона для товаровъ транзитныхъ и общихъ распоряженій по таможенному вѣдомству для товаровъ нетранзитныхъ, между подачею объявленій и досмотромъ производится еще одна операція—отвѣсъ. При отвѣсѣ всѣ товарныя мѣста, показанныя въ объявленіи, перевѣшиваются и вѣсъ ихъ вписывается въ *отвѣсный листокъ*. Затѣмъ уже дѣлается досмотръ, причемъ выбирается нѣсколько мѣстъ на удачу, и *если ихъ вѣсъ согласенъ съ вѣсомъ, показаннымъ въ отвѣсномъ листкѣ*, то и всѣ остальныя цифры этого листка признаются вѣрными и на объявленіи дѣлается надпись о досмотровой очисткѣ. Итоги отвѣснаго листка, такимъ образомъ провѣренные, служатъ основаніемъ для опредѣленія слѣдующаго въ казну количества пошлины. Отсюда видно

важное значеніе отвѣснаго листка, и я не могу согласиться съ доводами Вальяно, который на первый планъ ставитъ объявленіе и досмотръ. Въ сущности, объявленію *не вѣрятъ*, досмотра всѣхъ товарныхъ мѣстъ *не производятъ*, а замѣняютъ его отвѣсомъ и провѣркою его. Отвѣсъ же удостовѣряется листкомъ, который подписывается таможеннымъ чиновникомъ по окончаніи частичнаго досмотра случайно выбранныхъ мѣстъ. Можно ли отрицать роль и значеніе отвѣснаго листка и считать его одною формальностью, быть можетъ, даже тормозящею быстроту таможенныхъ операцій? Не значило ли бы это утверждать, что въ часахъ главное циферблатъ и пружина, а маятникъ есть лишь несущественная подробность? Отвѣсный листокъ—это маятникъ въ механизмѣ досмотра подлежащихъ пошлинѣ товаровъ. Никакое злоупотребленіе при досмотрѣ, имѣющее цѣлью уменьшеніе вѣса и пошлины, невозможно безъ измѣненія отвѣснаго листка. Чиновникъ, который, по стачкѣ съ хозяиномъ, будетъ при досмотрѣ показывать вѣсъ товарныхъ мѣстъ ниже дѣйствительнаго, это можетъ сдѣлать лишь зная, что и въ отвѣсномъ листкѣ сдѣлано такое же уменьшеніе вѣса и руководясь этою цифрою. Сокрытіе истины при досмотрѣ невозможно безъ соотвѣтствующаго сокрытія при отвѣсѣ, и наоборотъ. Эти оба дѣйствія тѣсно связаны между собою, и скрѣпа чиновникомъ своею подписью подложнаго отвѣснаго листка возможна лишь послѣ того, какъ онъ произведетъ или удостовѣритъ, что произвелъ сознательно невѣрный досмотръ. Вотъ почему въ вопросахъ 14 отдѣла вопроснаго тома (6 и 8) говорится о виновности Кузовлева въ подписи подъ завѣдомо ложными свѣдѣніями отвѣснаго листка по товару Вальяно и вмѣстѣ съ тѣмъ объ одновременномъ включеніи *этихъ же свѣдѣній* въ досмотровыя очистки на объявленіи Вальяно.

Таково значеніе отвѣснаго листка. Въ данномъ случаѣ такой листокъ, слѣдовавшій къ объявленію Вальяно, за № 424, по досмотру 10-го іюня 1881 г., и содержавшій въ себѣ, завѣдомо для него, уменьшенныя противу дѣйствительныхъ, ложныя свѣдѣнія о вѣсѣ деревяннаго масла,—подписанъ Вальяно. Возникаетъ вопросъ о *значеніи этой подписи*. Есть ли это простая «проба пера», или же такая подпись имѣетъ характеръ уголовнаго нарушенія? Прежде всего на это отвѣчаютъ присяжные засѣдатели. Они говорятъ: «да, виновенъ», признавая тѣмъ самымъ, согласно предложенному судомъ вопросу, что Вальяно поставилъ свою подпись съ *цѣлію полученія товара безъ пошлины*, зная, что въ листкѣ *умышленно* показаны *невѣрныя* свѣдѣнія, причемъ дѣйствовалъ *по соглашенію* съ чиновниками. Изъ вопросовъ, поставленныхъ о Кузовлевѣ, видно, кто одинъ изъ этихъ чиновниковъ, съ которыми Вальяно вошелъ въ соглашеніе. Виновность Кузовлева и Вальяно въ совмѣстной работѣ по подписанію одного и

того же отвѣснаго листка закрѣплена упоминаніемъ въ вопросахъ объ обоихъ, что отвѣсный листокъ относился къ объявленію № 424, по досмотру деревяннаго масла 10-го іюня 1881 года. Утвердительнымъ отвѣтомъ на оба вопроса присяжные связали Вальяно и Кузовлева въ одномъ общемъ злоупотребленіи. Эта связь тверда и опредѣленна, и разбирая вопросы въ ихъ цѣлости, ничего изъ нихъ не опуская, нельзя разорвать ее. Дѣйствія Вальяно безъ содѣйствія Кузовлева немыслимы и безцѣльны; дѣйствія Кузовлева не для Вальяно, не для содѣйствія его цѣлямъ—не имѣютъ смысла. А изъ совокупности вопросовъ вытекаетъ слѣдующій выводъ: для полученія въ данномъ случаѣ корыстной прибыли, путемъ полученія товара безъ надлежащей пошлины, необходимо, чтобы досмотровая очистка содержала въ себѣ уменьшенныя, невѣрныя свѣдѣнія; чтобы эти свѣдѣнія имѣли силу, необходимо нхъ *соотвѣтствіе* свѣдѣніямъ отвѣснаго листка; поэтому необходимо *соглашеніе* относительно такого листка, въ который должны быть помѣщены такія соотвѣтствующія желанію хозяина свѣдѣнія о вѣсѣ. Этимъ однако еще не достигается вполнѣ, согласно отвѣту присяжныхъ, преступная цѣль. Они признали, что для достиженія этой цѣли необходима подпись хозяина товара, Вальяно. Признавъ, что отвѣсный листокъ имъ подписанъ съ цѣлью полученія товара безъ пошлины, присяжные тѣмъ самымъ указали на эту подпись, какъ на условіе того, чтобы отвѣсный листокъ послужилъ средствомъ для достиженія цѣли. Такимъ образомъ, ими установлено значеніе подписи Вальяно на отвѣсномъ листкѣ. Эта подпись есть средство достичь преступной цѣли. А если это такъ, то она не можетъ быть безразлична въ глазахъ уголовнаго закона. Но значеніе это выясняется еще болѣе изъ самаго *происхожденія требованія этой подписи.* По закону (Уст. тамож., ст. 940), отвѣсные листки установлены для товаровъ транзитныхъ. Но высшее таможенное начальство установило такіе листки, циркуляромъ 1877 года, и для *товаровъ нетранзитныхъ,* обставивъ ихъ составленіе различными правилами. На этомъ листкѣ, по распоряженію управляющаго таганрогскою таможнею, сверхъ установленныхъ подписей требовалась еще и подпись купца. Такую подпись сдѣлалъ и Вальяно на отвѣсномъ листкѣ о вѣсѣ досмотрѣннаго 10-го іюня 1881 года, по объявленію № 424. Съ какою цѣлью она требовалась? Прежде всего: *законно-ли?* Самъ кассаторъ не отрицаетъ законности распоряженія таможеннаго департамента, распространившаго составленіе отвѣснаго листка на товаръ нетранзитный. Онъ отрицаетъ правильность роспоряженія управляющаго таможнею о подписи купцовъ, главнымъ образомъ, потому, что въ отвѣсномъ листкѣ для транзитныхъ товаровъ, приложенномъ къ ст. 940 уст. там., не указано подписей купцовъ. Это правда—не указано. Но что такое приложеніе къ 940 ст.?

Форма для документа, гарантирующаго правильность отмѣтки о вѣсѣ. О нарушеніи этой формы можно говорить, если изъ нея что нибудь урѣзано въ ущербъ цѣли, съ которою она установлена, но нельзя видѣть ея нарушенія въ прибавкѣ чего либо въ интересѣ цѣлей, которымъ она служитъ. Форма извѣстнаго документа, кромѣ, разумѣется, крѣпостныхъ актовъ, должна имѣть опредѣленныя внѣшнія границы, но она не есть окаменѣлость, и внутри этихъ границъ, сообразно потребностямъ жизни, могутъ дѣлаться видоизмѣненія и дополненія съ цѣлью улучшенія, съ цѣлью лучшаго достиженія того, что гарантируется этою формою. Такъ, очевидно, смотрѣлъ и таможенный департаментъ, распоряженія котораго не признаются кассаторомъ незаконными. Стоитъ всмотрѣться въ циркуляръ 1877 года. Среди разныхъ формальностей имъ установляется *подпись чиновника бухгалтеріи о вѣрности общаго итога листка сравнительно съ отдѣльными его цифрами.* Вотъ новая подпись, которую тщетно стали бы мы искать въ приложеніи къ ст. 940 уст. тамож. Итакъ, при распространеніи отвѣснаго листка на товары нетранзитные сдѣланъ шагъ къ увеличенію подписей. Управляющій таможнею сдѣлалъ второй шагъ. Онъ сталъ требовать подписи купца. По какому праву? По праву, данному ему статьями 328 и 329 уст. там., въ силу которыхъ онъ обязанъ неослабно пещись объ устраненіи злоупотребленій по тайному ввозу товаровъ безъ пошлины и отвращать все, могущее нанести вредъ или ущербъ казенному доходу, отвѣтствуя за всѣ дѣйствія таможни. Въ этихъ статьяхъ законъ требуетъ отъ управляющаго таможнею—ut caveat ne quid detrimenti fisci capiat... Изъ этой обязанности вытекаетъ, согласно циркуляру таможеннаго департамента 12-го сентября 1873 г., право управляющаго по *непосредственному усмотрѣнію* установлять, при производствѣ дѣлъ, такія формальности, кои, по его мнѣнію, оказываются необходимыми и не противорѣчатъ существующимъ постановленіямъ и распоряженіямъ высшаго начальства. Эти формальности, несомнѣнно, относятся не къ канцелярскимъ распорядкамъ, не къ веденію настольныхъ и исходящихъ, а къ *таможеннымъ обрядностямъ*. Говоря о непосредственномъ усмотрѣніи управляющаго, таможенный департаментъ исключаетъ изъ его области дѣла по примѣненію тарифа къ товарамъ, по штрафамъ и акциденціямъ съ товарохозяевъ и по конфискаціямъ (циркуляръ § 11), требующія однообразныхъ мѣропріятій по всей имперіи. Очевидно, что всѣ остальныя таможенныя дѣла подчиняются установленію новыхъ формальностей властью управляющаго. А къ такимъ дѣламъ относится очистка товаровъ и составленіе отвѣснаго листка. Поэтому управляющій таганрогскою таможнею *имѣлъ право установить обязательность подписи купцовъ.*

Противорѣчитъ ли это требованіе *существующимъ постановленіямъ?* Нѣтъ. Практическое развитіе постановленія въ его же смыслѣ и его же цѣляхъ, внутреннее укрѣпленіе созданныхъ имъ формъ, не есть противорѣчіе. Противорѣчитъ ли это распоряженіямъ *высшаго начальства?* Нѣтъ, ибо, какъ я уже говорилъ, это второй шагъ послѣ перваго, сдѣланнаго высшимъ начальствомъ и по тому же самому пути. Таможенный департаментъ, вводя отвѣсный листокъ и для нетранзитныхъ товаровъ, установилъ цѣлый рядъ гарантій точности свѣдѣній, показываемыхъ въ этихъ листкахъ. «Не выдавайте листковъ на руки торгующимъ, говоритъ циркуляръ управляющимъ таможнями,—не допускайте подчистокъ, требуйте оговорки каждой исправленной цифры, повѣряйте итоги вѣса и чрезъ пакгаузныхъ чиновниковъ, и чрезъ чиновниковъ бухгалтеріи». Управляющій таганрогскою таможнею прибавилъ ко всему этому еще и подпись купцовъ. Онъ былъ управомоченъ это сдѣлать. Его распоряженіе простиралось на весь районъ дѣйствій таганрогской таможни. А такъ какъ оно относилось къ одному изъ способовъ удостовѣренія, что всѣ привезенные товары, какъ говоритъ 2 п. 816 ст. уст. там., въ качествѣ, мѣрѣ, вѣсѣ и счетѣ сходны съ объявленіемъ, то оно распространялось на купцовъ, привозящихъ товары къ таганрогской таможнѣ, ибо, по 817 ст. уст. тамож., платящіе пошлину обязаны выполнять безпрекословно требованія таможенныхъ чиновниковъ, какія они признаютъ нужными для того, чтобы совершенно удостовѣриться въ томъ, о чемъ упомянуто въ 816 ст. уст. там. Эти требованія могутъ иногда быть стѣснительны, но если они предъявляются съ цѣлью огражденія таможеннаго дохода, они обязательны по 817 ст. Въ 1873 г., разсматривая жалобы Банка и Габриловича, Государственный Совѣтъ нашелъ, что по особенному свойству таможеннаго дѣла, опредѣленіе закономъ всѣхъ многочисленныхъ обрядностей и разнообразныхъ отношеній таможенныхъ властей къ частнымъ лицамъ представлялось бы неудобнымъ; поэтому административное начальство пользуется въ этой области обширною властью регламентаціи. Поэтому Государственный Совѣтъ призналъ, что по таможенному вѣдомству могутъ быть принимаемы различныя мѣры (какъ, напр., недопущеніе къ работамъ въ таможняхъ частныхъ рабочихъ), съ цѣлью облегчить надзоръ за правильною очисткою товаровъ пошлиною, и частныя лица, на основаніи 817 ст. VI т., не могутъ оспаривать обязательности заводимыхъ по этому предмету порядковъ. Очевидно, что въ виду 328 и 329 ст. уст. там. и циркуляра таможеннаго департамента, о которомъ я говорилъ, управляющіе таможнями уполномочены на принятіе такихъ общихъ мѣръ въ предѣлахъ своего вѣдомства. Поэтому требованіе подписи купцами отвѣсныхъ листковъ въ

таганрогской таможнѣ было *законное* и слѣд. для нихъ *обязательное*.

Другой вопросъ — *съ какою цѣлью требовалась эта подпись?* Могутъ сказать, что съ цѣлью огражденія таможеннаго начальства отъ напрасныхъ жалобъ на производство досмотра, на показаніе высшаго, обиднаго для товарохозяина, размѣра вѣса. Подписавъ отвѣсный листокъ безъ оговорки и протеста, хозяинъ уже не можетъ потомъ говорить, что его обидѣли. Такимъ образомъ подпись гарантируетъ и таможенное начальство, и самого купца. Но такое предположеніе о причинахъ и цѣляхъ требованія подписи было бы лишено твердаго основанія. Напрасныя или излишнія жалобы купцовъ устраняются тѣмъ, что, на основаніи 820 и 823 ст. уст. там., хозяева не только присутствуютъ при провѣркѣ отвѣса съ досмотромъ, но могутъ требовать таковой безотлагательно, и, слѣд., могутъ всегда потребовать въ своемъ присутствіи перевѣшиванія каждаго товарнаго мѣста, вѣсъ котораго опредѣленъ неправильно. Да и вообще, въ виду узаконеній 820 и 823 ст. уст. там., едва ли такія жалобы столь часты, чтобы для огражденія себя отъ нихъ таможенное начальство было вынуждено прибѣгать къ установленію подписи отвѣснаго листка. Еслибы это было явленіемъ частымъ и всеобщимъ, свойственнымъ таможенной жизни, то во всѣхъ таможняхъ принимались бы противъ этого мѣры. Но ни на это въ дѣлѣ, ни на возможность такихъ жалобъ въ уставѣ тамож. нѣтъ никакихъ указаній. Говорится совсѣмъ о другихъ жалобахъ—на неправильное исчисленіе размѣра пошлины,—и порядокъ принесенія этихъ жалобъ точно опредѣленъ. Цѣль, съ которою требовалась подпись, очевидно, совершенно иная. Согласно распоряженію управляющаго таганрогскою таможнею, подпись купца сдѣлалась существенною принадлежностью отвѣснаго листка. Ею удостовѣрялось, что цифры вѣса и итоги записаны и подведены чиновниками согласно съ истиною; ею же придавался листку аттрибутъ, дающій ему въ глазахъ присутствія таганрогской таможни окончательный видъ. Такимъ образомъ, эта подпись придавала листку бо́льшую степень достовѣрности въ глазахъ лицъ, поставленныхъ блюсти казенные интересы. То, что листокъ не выдавался на руки товарохозяину, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ онъ удостовѣрялъ своею подписью то, что̀ нашли чиновники въ его присутствіи и подъ его личнымъ зоркимъ глазомъ. То, что подписи чиновниковъ содержали въ себѣ повидимому полноту оффиціальнаго удостовѣренія, не исключаетъ значенія подписи купца. Настоящая полнота состоитъ во *взаимномъ* совмѣстномъ удостовѣреніи. Въ копіяхъ съ судебныхъ актовъ секретарь удостовѣряетъ, что «съ подлиннымъ вѣрно», а помощникъ—что «съ подлиннымъ свѣрялъ». Значитъ ли это, что каждый изъ нихъ можетъ

считать свое удостовѣреніе не имѣющимъ значенія потому, что есть удостовѣреніе другого? Поэтому подпись купца, установленную въ таганрогской таможнѣ, нельзя признавать безразличною и неимѣющею значенія для цѣли, съ которою составляется отвѣсный листокъ. Цѣль—удостовѣреніе въ *истинномъ вѣсѣ* товарныхъ мѣстъ, и если мѣстною управомоченною властью для полной достовѣрности этого удостовѣренія признана необходимою *подпись купца*, то эта подпись имѣетъ вполнѣ *реальное*, а не фиктивное только значеніе. Поэтому подпись купца, сдѣланная подъ отвѣснымъ листкомъ, содержащимъ завѣдомо ложныя цифры вѣса, не естъ холостой выстрѣлъ по казенному интересу, а прямое на него посягательство, по мѣрѣ силъ и возможности.

Раздѣляя, на основаніи всего сказаннаго мною, взглядъ харьковской судебной палаты на преступный характеръ дѣйствій Мари Вальяно по подписанію отвѣснаго листка, обращаюсь къ вопросу о наказуемости этихъ дѣйствій.

Вальяно доказываетъ, что дѣяніе, въ совершеніи котораго онъ обвиненъ присяжными засѣдателями, *не наказуемо*, въ виду Высочайше утвержденнаго 4-го ноября 1873 года мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣлу Янковскаго и Косарева, которымъ признано, что участіе частнаго лица въ преступленіяхъ по службѣ почитается преступнымъ и наказуемымъ лишь тогда, когда учиненное должностнымъ лицомъ преступленіе соотвѣтствуетъ какому либо общему преступленію, причемъ такое участіе должно быть разсматриваемо, какъ участіе въ этомъ общемъ преступленіи. Это разъясненіе Государственнаго Совѣта принято къ руководству Правительствующимъ Сенатомъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній, вплоть до рѣшенія по дѣлу кронштадтскаго банка. Въ нихъ всегда указывалось, для наказанія соучастниковъ въ совершеніи должностного подлога, на общее преступленіе, которому соотвѣтствуетъ преступленіе чиновника. Такъ, относительно соучастника въ подлогѣ предписаній судебнаго слѣдователя было, въ рѣшеніи по дѣлу Саркисова, 1880 года, № 40, указано на 294 ст. Улож. Такъ, въ 1873 году, по дѣлу Френкеля, № 318, участникъ составленія подложнаго крестьянскаго приговора подведенъ подъ дѣйствіе 1698 ст. Улож.; такъ, наконецъ, изъ опредѣленія по дѣлу кронштадтскаго банка и ряда рѣшеній, въ немъ цитированныхъ, выводится разъясненіе ст. 362, 1154 и 1665 Улож. въ томъ смыслѣ, что при совершеніи должностными лицами общественныхъ и частныхъ банковъ преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ въ 1154 и влекущихъ за собою наказаніе для нихъ, какъ за служебный подлогъ, по 362 ст. Улож., участвующія вмѣстѣ съ ними въ совершеніи этихъ дѣяній частныя лица наказываются не какъ за подлогъ, а какъ за мошенничество. Ст. 1154 Улож. предусматриваетъ подлоги, совершаемые должностными ли-

цами общественныхъ и частныхъ банковъ, и примѣняетъ къ виновнымъ 362 ст. Улож. Къ участію частныхъ лицъ въ этихъ подлогахъ непримѣнимы ни 294 ст. Улож., говорящая о подлогахъ въ указахъ и предписаніяхъ, исходящихъ отъ правительства, ни 1690 и слѣдующія статьи, говорящія о подлогахъ въ актахъ и обязательствахъ. Но къ этому участію примѣнима ст. 1665. Примѣнима она и къ настоящему случаю. Если вглядѣться въ фактическую сторону дѣяній Вальяно и Кузовлева въ томъ видѣ, какъ она установлена отвѣтами присяжныхъ засѣдателей, то окажется, что оба они утвердили своею подписью документъ, содержавшій въ себѣ, завѣдомо для нихъ, ложныя свѣдѣнія. Документъ этотъ послужилъ средствомъ къ тому, чтобы лишить казну значительной части слѣдующей ей по закону суммы. Предъ лицомъ казеннаго управленія этимъ документомъ были удостовѣрены завѣдомо ложныя данныя. Поэтому, примѣняя къ этому случаю выводъ изъ рѣшенія по кронштадтскому дѣлу, — надлежитъ признать, что по отношенію къ начальству Кузовлева этотъ документъ содержалъ въ себѣ ложныя свѣдѣнія, помѣщенныя въ донесеніи подчиненнаго, а по отношенію къ Вальяно—содержалъ сдѣланное имъ ложное удостовѣреніе съ цѣлью введенія въ обманъ казны на предметъ полученія, путемъ этого обмана, незаконнаго прибытка. Поэтому, если Кузовлевъ подлежитъ наказанію за подлогъ, то Вальяно могъ бы быть, держась установленныхъ Государственнымъ Совѣтомъ рамокъ, обвиняемъ въ соучастіи въ мошенничествѣ и притомъ съ особыми приготовленіями, по 1665 ст. и 3 п. 1671 ст. улож., и приговоръ палаты подлежалъ бы кассаціи, вслѣдствіе неправильнаго опредѣленія размѣра наказанія, въ виду того, что по 3 п. 1671 ст. наказаніе назначается по 4 степени 31 ст. улож., а не по 3 степени той же статьи, по которой приговоренъ Вальяно.

Я говорю — *могъ бы* подлежать, потому что лично полагаю, что дѣяніе Вальяно наказуемо, несмотря на приведенныя выше разъясненія, въ виду спеціальныхъ своихъ свойствъ, не по 1665, а по 362 ст. улож., которая, по моему мнѣнію, судебною палатою примѣнена правильно. Взглядъ, высказанный Государственнымъ Совѣтомъ по дѣлу Янковскаго и Косарева — безспорно касается участія частныхъ лицъ въ общихъ преступленіяхъ, совершаемыхъ должностными лицами вообще, независимо отъ ихъ принадлежности къ тому или другому спеціальному вѣдомству, за исключеніемъ однако тѣхъ случаевъ, когда по отношенію къ этимъ спеціальнымъ вѣдомствамъ самъ законъ допускаетъ такія исключенія, которыя дѣлаютъ невозможнымъ примѣненіе этого взгляда. Тамъ, очевидно, слѣдуетъ руководствоваться указаніями этого закона, хотя бы они и не подходили подъ общія начала, положенныя Государственнымъ Совѣтомъ въ разрѣшеніе вопроса

объ участіи частныхъ лицъ въ должностныхъ преступленіяхъ. Такое спеціальное указаніе закона существуетъ именно въ таможенномъ уставѣ. Въ силу постановленія этого устава, частныя лица привлекаются за участіе съ должностными — къ одной общей отвѣтственности и по тому закону о служебномъ преступленіи, который въ каждомъ данномъ случаѣ нарушенъ. Особенность таможенной дѣятельности состоитъ въ близкомъ и непосредственномъ соприкосновеніи дѣйствій частныхъ лицъ съ дѣйствіями агентовъ фиска, которые, производя по почину и указаніямъ частныхъ лицъ рядъ таможенныхъ обрядностей, обязаны блюсти казенный интересъ и заботиться о правильномъ поступленіи пошлинъ. Въ общей административной и судебной службѣ частное лицо имѣетъ гораздо менѣе случаевъ непосредственнаго участія въ работѣ чиновника. Разъ обратясь къ власти за содѣйствіемъ и помощью, разрѣшеніемъ или защитою, оно, затѣмъ, по большей части, играетъ пассивную роль и ждетъ указаній и распоряженій. Но въ таможнѣ товарохозяинъ дѣятельное лицо и, начиная съ подачи объявленія до уплаты пошлинъ, играетъ во всѣхъ операціяхъ дѣятельную, активную роль. Съ другой стороны, потерпѣвшимъ отъ незаконныхъ дѣйствій чиновниковъ, предпринятыхъ по соглашенію съ частнымъ лицомъ и въ его интересѣ, является, кромѣ случаевъ растраты ввѣреннаго казною имущества, обыкновенно живое лицо, права котораго такъ или иначе нарушаются. Оно не будетъ молчать, будетъ протестовать, жаловаться, своевременно узнаетъ о нарушеніи своихъ правъ; оно можетъ быть бдительно и подозрительно. Совсѣмъ иное — потерпѣвшій по таможеннымъ преступленіямъ. Это — казна. Она безгласна, безмолвна и не можетъ сама и своевременно выступить на свою защиту противъ сдѣлки преступнаго чиновника съ частнымъ хищникомъ. Поэтому законъ и приходитъ на помощь казнѣ, установляя, что оба участника такой сдѣлки отвѣтствуютъ одинаково. Онъ не считаетъ нужнымъ гоняться за частнымъ человѣкомъ, обманувшимъ казну и похитившимъ ея средства, по всѣмъ извилинамъ Улож. о нак., съ цѣлью найти, нѣтъ ли подходящей статьи. Онъ грозитъ частному лицу тою же карою, какъ и своему чиновнику, и связываетъ общимъ наказаніемъ людей, связавшихъ себя совмѣстнымъ посягательствомъ на интересы казны. — 283 ст. таможн. устава говоритъ: лицо, *вовлекшее* таможеннаго чиновника въ преступленіе или *побудившее* его сдѣлать оное, а *также всѣ участники и способствовавшіе* преступленію подвергаются соразмѣрнымъ участію ихъ въ семъ преступленіи наказаніямъ, согласно 118 — 125 ст. Улож. о наказ. Слѣдовательно, участники преступленій таможенныхъ чиновниковъ отвѣтствуютъ какъ зачинщики, пособники, укрыватели и т. д., по твердо опредѣленнымъ въ законѣ степенямъ уголовной кары. Эта статья не относится только

до спеціальныхъ таможенныхъ преступленій, какъ утверждаетъ кассаторъ. Наоборотъ, она имѣетъ въ виду именно нарушенія общихъ обязанностей службы таможенными чиновниками. На это указываютъ, во 1-хъ, статьи 280 и 281 уст. тамож., говорящія спеціально объ одномъ изъ общихъ преступленій — лихоимствѣ и лиходательствѣ и состоящія въ прямой органической связи съ 283 ст., и во 2-хъ, ст. 284, указывающая, что за всѣ преступленія таможенныхъ чиновниковъ по службѣ, о коихъ *нѣтъ особыхъ постановленій въ уст. тамож.* и въ главѣ IX разд. VII улож. — чиновники подвергаются наказаніямъ, вообще за нарушеніе обязанностей службы опредѣленнымъ. Если бы ст. 283 о наказаніи соучастниковъ, согласно 118—125 ст. Улож., относилась бы только къ спеціально таможеннымъ нарушеніямъ, то, безъ сомнѣнія, напр., отвѣтственность товарохозяевъ и чиновниковъ по 920 ст. уст. там., развѣтвившейся въ Улож. на 766 и 812 ст., должна бы быть опредѣляема согласно правиламъ Уложенія о соучастіи и хозяинъ отвѣчалъ бы такъ же, какъ и чиновникъ, лишь только въ разной мѣрѣ, по одному и тому же наказанію. Но въ дѣйствительности этого совсѣмъ не существуетъ. Между отрѣшеніемъ отъ должности и ординарною пошлиною для чиновниковъ съ одной стороны и пятикратною пошлиною для хозяина съ другой — нѣтъ никакихъ признаковъ соотношенія, установляемаго 118—125 ст. Улож. И это потому, что именно 283 ст. уст. там. относится не къ спеціально таможеннымъ преступленіямъ, а къ общимъ. Такимъ образомъ, участники общихъ служебныхъ преступленій таможенныхъ чиновниковъ отвѣтствуютъ согласно общимъ правиламъ о степени участія по закону, карающему преступленіе чиновника. Поэтому къ участнику подлога со стороны чиновника можетъ быть примѣнена 362 ст. улож., говорящая о наказаніи за служебный подлогъ и по которой назначается общепримѣнимое наказаніе. Экономическая жизнь страны, находя себѣ выраженіе, между прочимъ, и въ торговомъ оборотѣ, соприкасающемся съ фискальными интересами государства, можетъ представлять такія разнообразныя отношенія, предусмотрѣть которыя во всѣхъ подробностяхъ и, описавъ тщательно, втиснуть въ надлежащихъ случаяхъ въ спеціальныя карательныя рамки, не представляется никакой возможности. Практическая жизнь течетъ быстро и порывисто, а законодатель, какъ и слѣдуетъ, двигается медленно и закрѣпляетъ своими рѣшеніями долголѣтній опытъ. Жизнь можетъ создать такія отношенія, гдѣ агенты власти и частныя лица, взаимно дополняя другъ друга, станутъ въ виду общности дѣйствій, направленныхъ къ одной соотвѣтствующей пользамъ государства цѣли, въ отвѣтственныя отношенія къ власти. Могутъ быть случаи, гдѣ только путемъ исполненія извѣстныхъ обязанностей, наложенныхъ властью, частное лицо можетъ осуществить свои личные интере-

сы. Такой именно случай былъ въ таганрогской таможнѣ, начальство которой сказало: «я буду вѣрить отвѣсному листку, лишь когда на немъ двѣ подписи—чиновника и купца—и я обязываю купца давать мнѣ ручательство въ вѣрности цифръ, подписывая листокъ». Я выше доказывалъ, что оно имѣло на это право. Такимъ образомъ, купецъ, подписывающій отвѣсный листокъ, подчиняясь предписанію, исполнялъ обязанность удостовѣрять таможенное начальство въ правильности листка. Въ виду обязательности подписи на отвѣсномъ листкѣ и хозяина, и чиновника, ни Вальяно, ни Кузовлевъ не могли бы совершить цѣлесообразнаго подлога листка въ одиночку,—поэтому дѣйствія ихъ сливались и они взаимно восполняютъ другъ друга; цѣль тоже, согласно смыслу отвѣта присяжныхъ, у нихъ общая, одинаковая; корыстное побужденіе одно и то же; средство осуществленія одно и то же, и направлено преступное дѣяніе на одно и то же лицо — на казну. Поэтому, какъ я говорилъ уже, преступленіе слило, *спаяло* ихъ вмѣстѣ общимъ сплавомъ отвѣснаго листка и присяжные своимъ приговоромъ не разъединили ихъ. Въ виду этого, при существованіи 283 ст., по мнѣнію моему, нельзя говорить о ненаказуемости Вальяно только потому, что онъ, явившись необходимымъ и неизбѣжнымъ соучастникомъ Кузовлева въ посягательствѣ на казну, не носилъ таможенной формы и не получалъ жалованья. Въ сущности составныя части подлога, предусм. 362 ст. Улож. и состоящаго, между прочимъ, въ помѣщеніи лицомъ, исполняющимъ свои служебныя обязанности, въ оффиціальный документъ (т. е. отвѣсный листокъ) съ намѣреніемъ ложныхъ свѣдѣній, — и въ дѣйствіяхъ Кузовлева, и въ дѣйствіяхъ Вальяно, признанныхъ присяжными, налицо. Могутъ однако возразить, что ст. 362 *никогда* не примѣняется нашимъ Уложеніемъ къ частнымъ лицамъ, соучастникамъ должностныхъ. Но это будетъ возраженіе ошибочное. Уложеніе прямо указываетъ случай, когда 362 ст. примѣняется всецѣло къ частнымъ лицамъ, случай, имѣющій примѣненіе и къ таможеннымъ дѣламъ. Ст. 281 уст. там. говоритъ, что тотъ, кто ради дѣлъ станетъ чинить плату или дарить, или сулить, или инымъ образомъ подкупать таможенныхъ чиновниковъ, тотъ наказывается на основаніи 382 ст. улож. Эта послѣдняя статья въ свою очередь говоритъ о томъ, что частныя лица (лиходатели), изобличенныя въ склоненіи чиновниковъ сдѣлать какой либо подлогъ, подвергаются наказанію за подлоги, въ ст. 362 опредѣленному. Поэтому хозяинъ товара, который *склонитъ* чиновника таможни сдѣлать подлогъ въ одной изъ бумагъ, относящихся къ досмотру, отвѣчаетъ по 362 статьѣ Уложенія При этомъ даже не нужно, чтобы чиновнику были уплачены деньги или сдѣланъ подарокъ, — достаточно, по смыслу ст. 374 Улож., чтобы это было сдѣлано чиновникомъ и не для соб-

ственной корысти, а *для доставленія хозяину противозаконной выгоды.*

Такимъ образомъ, я прихожу къ выводу, что подписаніе Мари Вальяно подложнаго отвѣснаго листка, составленнаго Кузовлевымъ, есть участіе въ служебномъ подлогѣ послѣдняго, что за это участіе, на основаніи 283 ст. уст. там., онъ отвѣтственъ и наказуемъ, какъ за участіе въ служебномъ подлогѣ, что поэтому онъ подлежитъ наказанію по 362 ст. улож., такъ какъ эта статья, по ясному указанію 382 ст. улож., можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ примѣняться и къ дѣйствіямъ частныхъ лицъ, и что, наконецъ, приговоръ харьковской судебной палаты, присудившей Вальяно по 362 ст., представляется правильнымъ. Этотъ приговоръ соотвѣтствуетъ внутреннему смыслу фактическихъ данныхъ, поставленныхъ присяжными въ вину Вальяно. Они признали его виновнымъ въ томъ, что онъ вошелъ въ соглашеніе съ чиновникомъ, который, для доставленія ему выгоды на счетъ казны, включилъ въ отвѣсный листокъ завѣдомо ложныя цифры и Вальяно это ложное увѣреніе скрѣпилъ своею подписью. Чиновникъ, который *согласился,* по мнѣнію жалобщика—наказуемъ, купецъ, который *согласилъ*—не наказуемъ потому, что одинъ—чиновникъ, а другой — купецъ, потому, что одинъ служитъ казнѣ, а другой обогащается на счетъ казны. Но казна, такимъ образомъ, становится похожею на обширную и чрезвычайно дурно обороняемую крѣпость. Ее можно защищать только если всѣ сторожевые посты, охраняющіе входы, будутъ исправны и бдительны. Иначе, она доступна внѣшнему врагу. Эти посты—чиновники. Но между ними есть слабые духомъ, есть «рабы лѣнивые и лукавые», которые, въ свою очередь, беззащитны относительно льстивыхъ *склоненій* и заманчивыхъ *соглашеній.* Они сдаютъ свои посты непріятелю. Что же дѣлать? Крѣпость беззащитна, охрана предаетъ... Можно карать эту охрану, говоритъ кассаторъ. Конечно, можно, но развѣ это все? А непріятель, согласившій эту охрану на измѣну своему долгу,—онъ остается внѣ отвѣта, онъ ничѣмъ лично не рискуетъ, побѣдоносно идя учинять «потокъ и разграбленіе» казны? Можно ли примириться съ этимъ отвѣтомъ, когда казна, этотъ колоссъ, собранный по крупинкамъ, есть достояніе цѣлаго народа, есть плодъ его труда, его лишеній, есть жизненный нервъ для внутреннихъ преобразованій, для выхода изъ внѣшнихъ затрудненій! Вотъ почему, вопреки категорическому увѣренію кассатора, что за щитомъ уложенія о нак. онъ неуязвимъ, я полагаю, что жалоба его подлежитъ оставленію безъ послѣдствій.

Этими доводами я могъ бы кончить. Но я не могу не указать и еще на одно постановленіе нашего уложенія, которое, по моему мнѣнію, еще болѣе укрѣпляетъ приговоръ судебной палаты. Я имѣю въ виду ст. 151 улож. о примѣненіи наказанія *по ана-*

логіи. Правительствующимъ Сенатомъ, въ рядѣ рѣшеній, установлено, что для опредѣленія наказанія по аналогіи необходимо, чтобы въ уложеніи существовалъ законъ, который предусматривалъ бы преступленіе, имѣющее близкое сходство съ даннымъ случаемъ по роду и важности, и что для распространенія закона, изображеннаго въ 151 ст. улож., на тѣ или другіе факты, необходимо, чтобы они, не подходя вполнѣ подъ опредѣленные закономъ виды преступленій, имѣли, однако, характеръ той группы преступленій, подъ которую подводятся, такъ что судъ, согласно 112 ст. улож. угол. суд., находя, что извѣстное дѣяніе, имѣющее преступный характеръ, прямо не предусмотрѣно закономъ, обязанъ примѣнять ту статью, которая говоритъ о проступкѣ, *наиболѣе сходномъ съ даннымъ*. Кассаціонныя рѣшенія, которыми установлено аналогическое примѣненіе ст. 286, 571 и 546, 995, 1160, 1477, 1485, 1490 и 1525 улож. о наказан., представляютъ рядъ практическихъ приложеній этого взгляда на аналогію, вызваннаго невозможностью оставлять безнаказаннымъ человѣка, явно-преступныя дѣйствія котораго не успѣли еще найти себѣ точнаго описанія въ карательномъ законѣ. Современная жизнь представляетъ столько особенностей и новыхъ, подчасъ безотрадныхъ, явленій, что законъ всегда будетъ отставать отъ «послѣдняго слова» въ проявленіяхъ преступной воли. На нашихъ глазахъ родился и возросъ шантажъ, невѣдомый прежде какъ опредѣленное преступленіе, наша уголовная хроника содержитъ такія изощренія разврата по отношенію къ малолѣтнимъ, которыя не были предусмотрѣны нашимъ уложеніемъ. Значитъ ли это, что безсовѣстный развратитель дѣтей или шантажистъ, устанавливающій новый, современный видъ рабства для своей жертвы, должны оставаться безнаказанными? Конечно—нѣтъ!—И въ уложеніи найдется и находится законъ, который по своимъ основаніямъ, по своей цѣли, по общимъ свойствамъ описываемаго въ немъ преступнаго дѣянія — однимъ словомъ, по своему разуму, обниметъ собою еще прямо незаклейменныя уложеніемъ, но несомнѣнно преступныя дѣйствія. Въ примѣненіи къ дѣянію Вальяно, по мнѣнію его, не предусмотрѣнному никакою статьею уложенія, аналогія указываетъ намъ на ту же ст. 382 улож. Эта статья предусматриваетъ дѣяніе, и по роду своему, и по свойствамъ ближе всего подходящее подъ то, что̀ вмѣнено ему присяжными въ вину. Вальяно не *склонилъ* чиновника на подлогъ, но онъ согласился воспользоваться этимъ подлогомъ. Онъ не далъ *взятки*, но, по смыслу 374 ст. улож., онъ могъ и не давать такой взятки, а инымъ путемъ склонить чивовника сдѣлать что либо въ свою пользу. Въ данномъ случаѣ онъ *согласилъ* чиновника поступить преступно въ свою пользу и дать возможность сдѣлать то, что необходимо для безпошлиннаго полученія товара. Онъ не *скло-*

нилъ чиновника сдѣлать подлогъ, но онъ, зная, что чиновникъ сдѣлалъ подлогъ по *соглашенію* съ нимъ и для достиженія противозаконной цѣли, приложилъ къ этому подлогу и свою руку. Но въ томъ, и другомъ случаѣ и цѣль, и средство, и потерпѣвшій, и взаимное соотношеніе участниковъ преступленія одинаковы—и въ виду этого разница по существу преступленія, притомъ совершенно внѣшняя, между склоненіемъ и соглашеніемъ вовсе не такъ велика, чтобы, усматривая лишь кажущуюся разнородность дѣяній,—говорить хозяину товара, который, пообѣщавъ чиновнику что либо, побудилъ его сдѣлать подлогъ:—отвѣтствуй по 362 ст. улож., а хозяину, который согласился съ чиновникомъ совокупными силами совершить подлогъ — ты ненаказуемъ, ты свободенъ!

По всѣмъ приведеннымъ основаніямъ, я полагалъ бы приговоръ судебной палаты о наказаніи Мари Вальяно, по 362 ст. улож. о наказ., признать отмѣнѣ не подлежащимъ.

Правительствующій Сенатъ *опредѣлилъ:* 1) приговоръ Харьковской судебной палаты отмѣнить: а) по оправданію подсудимаго Караяни, за нарушеніемъ 15 ст. у. у. с. и 766 ст. улож. о наказ., б) по предмету опредѣленія подсудимому Вальяно наказанія, за неправильнымъ примѣненіемъ 362 ст. ул. о наказ.; в) по предмету опредѣленія взысканія съ подсудимыхъ купцовъ присужденной съ нихъ пятикратной пошлины золотомъ, за неправильнымъ толкованіемъ Высочайше утвержд. 10-го ноября 1876 г. положенія комитета финансовъ о взысканіи таможенной пошлины золотою валютою и примѣчанія къ ст. 2 уст. там., по прод. 1879 г. и г) относительно назначенія съ подсудимаго Сфаэлло размѣра взысканія стоимости выпущеннаго безъ пошлины товара, за нарушеніемъ 779 ст. уст. угол. суд. и 706 ст. уст. граждан. суд.; 2) для постановленія новаго по симъ предметамъ приговора, на основаніи послѣдовавшаго рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, передать это дѣло въ другой департаментъ той же палаты, и 3) протестъ прокурора палаты и жалобы гражданскаго истца и подсудимыхъ по прочимъ предметамъ оставить безъ послѣдствій, за силою 912 ст. уст. угол. судопроизводства.

V.

По дѣлу бывшаго Нотаріуса Назарова, обвиняемаго по 1525 ст. улож.

Приговоромъ Московскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, бывшій нотаріусъ города Москвы Назаровъ былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири на поселеніе за изнасилованіе.

Въ кассаціонной жалобѣ на этотъ приговоръ указывалось, главнѣйшимъ образомъ, что предварительное слѣдствіе по дѣлу Назарова во всѣхъ своихъ частяхъ было предметомъ своевременныхъ жалобъ обвиняемаго въ окружный судъ и судебную палату, а потому всѣ неуваженныя ходатайства Назарова подлежатъ разсмотрѣнію Правительствующаго Сената. Слѣдствіе это должно подлежать уничтоженію, какъ произведенное судебнымъ слѣдователемъ, не имѣвшимъ, по отношенію къ Назарову, того спокойствія безпристрастія, безъ которыхъ, за силою 265 ст. у. у. с., немыслимо производство слѣдствія. Постановленіе слѣдователя Сахарова о привлеченіи Назарова въ качествѣ обвиняемаго, занимающее 287 страницъ и озаглавленное «Привлеченіе Назарова», — полно оскорбительныхъ выраженій по отношенію къ обвиняемому. Слѣдствіе велось и окончилось совершенно безъ вѣдома обвиняемаго допрошено 136 свидѣтелей, которыхъ Назаровъ не видѣлъ, а послѣ предъявленія ему уже совершенно оконченнгго слѣдствія, оно заканчивается на его допросѣ. По такому слѣдствію невозможно ни составить, ни утвердить обвинительнаго акта согласно 534 ст. у. у. с., почему преданіе Назарова суду должно быть отмѣнено и это предварительное слѣдствіе уничтожено. На судѣ читался рядъ свидѣтельскихъ показаній, въ которыхъ допрошенныя лица отвѣчали на вопросы: могла ли потерпѣвшая торговать собою и могла ли она, изъ корысти, взвести на кого либо ложное обвиненіе? Такіе вопросы обратили свидѣтелей въ судей, что̀ и составляетъ существенное нарушеніе 271 ст. у. у. с. Въ допросѣ Оленина, въ нарушеніе той же статьи, слѣдователь записалъ его предполагаемую рѣчь отъ имени умершей потерпѣвшей къ Назарову. Допрашивались на судѣ, разысканные въ цѣляхъ обвиненія, свидѣтели о прошлой жизни Назарова, о его неблаговидныхъ поступкахъ въ молодости, читались показанія о прелюбодѣйныхъ его связяхъ. Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей даже обнаружилъ свое мнѣніе, предложивъ Назарову, чрезъ предсѣдателя, вопросъ: «кается ли Назаровъ въ плутовской игрѣ въ

карты?» Этотъ вопросъ доказываетъ незаконность допроса свидѣтелей для характеристики обвиняемаго, дѣлаемыхъ слѣдователями и допускаемыхъ обвинительными камерами въ нарушеніе 454 ст., которая дозволяетъ единственный способъ изслѣдовать жизнь обвиняемаго — повальный обыскъ. Вопреки закону, слѣдователь записывалъ всѣ бранныя и оскорбительныя слова свидѣтелей противъ Назарова. Читался осмотръ гостинницы «Эрмитажъ», въ которомъ слѣдователь, вступая въ роль свидѣтеля, передаетъ свои впечатлѣнія, находя «Эрмитажъ» со стороны двора «какой то унылой, мрачной и неопрятной тюрьмой» и, наконецъ, тутъ же выписываетъ свидѣтельскія показанія Внукова и Цемирова о разныхъ бывшихъ въ «Эрмитажѣ» приключеніяхъ. Оглашенъ былъ осмотръ дѣла о найденныхъ въ «Эрмитажѣ» тѣлахъ Огонь-Догановскаго и Никитиной, въ которомъ встрѣчается разсказъ слѣдователя о содержаніи читаннаго имъ дѣла, причемъ относительно важнѣйшаго факта — кричала или не кричала найденная мертвою Никитина, имѣется ни чѣмъ не удостовѣренное, и неизвѣстно откуда взятое слѣдователемъ утвержденіе, что осмотръ трупа обнаружилъ признаки борьбы, сопровождавшейся несомнѣнно крикомъ.—Затѣмъ, къ участію въ дѣлѣ допущенъ былъ, въ качествѣ гражданскаго истца, повѣренный отца покойной Черемновой, который вовсе не заявилъ цифры гражданскаго иска и объяснилъ только, что Черемновъ «понесъ убытки вслѣдствіе оскорбленія цѣломудрія и преждевременной смерти его дочери». Но въ причиненіи смерти его дочери Назаровъ не обвинялся, отъ оскорбленія же цѣломудрія дочери, въ особенности когда ея нѣтъ въ живыхъ, трудно себѣ представить, какіе убытки могъ понести Черемновъ. И повѣренный его на судѣ, и предсѣдатель въ своемъ резюме присяжнымъ прямо заявляли, что Черемновъ не ищетъ матеріальнаго вознагражденія, а только возстановленія чести своей дочери, но такой искъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ закона. Наконецъ, экспертъ профессоръ Нейдингъ былъ допущенъ къ произнесенію полной обвинительной рѣчи. Заключеніе его длилось 1 ч. 20 мин., изъ которыхъ не болѣе 10 мин. были посвящены судебно-медицинской экспертизѣ. Въ остальной же части рѣчи, не упоминая ни одного научнаго термина, проф. Нейдингъ, по соображеніямъ общечеловѣческимъ, разбиралъ улики и доказывалъ присяжнымъ, почему, по его мнѣнію, именно Назаровъ совершилъ преступленіе надъ Черемновой. Заключеніе Нейдинга, въ полномъ текстѣ, по просьбѣ защиты, съ согласія Нейдинга и суда, присоединенное къ протоколу судебнаго засѣданія, существенно нарушаетъ 325 и 736 ст. уст. уг. судопр.

Правительствующему Сенату предстоитъ произнести рѣшеніе по дѣлу, существо котораго возбудило и при его возникновеніи, и при дальнѣйшемъ судебномъ движеніи горячій интересъ и самыя противорѣчивыя толкованія. Но на спокойной высотѣ *кассаціоннаго* разбирательства, не простирающагося на чуждую ему область *существа* дѣла, задача сводится лишь къ разрѣшенію одного вопроса: были ли въ дѣлѣ употреблены всѣ указанные закономъ способы для выясненія истины? и если при этомъ выясненіи были шаги поспѣшные, односторонніе или излишніе, то не было ли затруднено ихъ разъясненіе и справленіе? Вопросъ этотъ, совершенно независимо отъ обстоятельствъ дѣла, разрѣшается на

основаніи законовъ и общихъ началъ, выводимыхъ изъ многолѣтней кассаціонной практики. Такими началами, по отношенію къ настоящему дѣлу, могутъ быть признаны слѣдующія: все, что̀ можетъ быть на судебномъ слѣдствіи провѣряемо, а также разъясняемо и опровергаемо объясненіями сторонъ, относится къ нарушеніямъ *не существеннымъ;* всякій вредъ отъ преступленія, какъ матеріальный, такъ и личный, дѣлаетъ человѣка, коему онъ причиненъ, *потерпѣвшимъ* отъ преступленія; судебное состязаніе имѣетъ цѣлью выясненіе истины совокупною работой и состязаніемъ равноправныхъ *сторонъ*, а не личное единоборство равныхъ по количеству силъ и, наконецъ, предварительное слѣдствіе, въ тѣхъ его частяхъ, которыя могли быть обжалованы и были обжалованы установленнымъ порядкомъ, не подлежитъ оцѣнкѣ кассаціоннаго суда.

Руководясь этими началами, надлежитъ разсмотрѣть и тѣ три отдѣла кассаціонныхъ поводовъ, которые указаны въ жалобѣ. Первый изъ нихъ — *нарушенія при предварительномъ слѣдствіи*. Едва ли нужно подробно останавливаться на объясненіяхъ кассатора объ обязанности судебнаго слѣдователя Сахарова устранить себя отъ производства слѣдствія на основаніи 274 ст. уст. угол. судопр., и на неисполненіи судомъ требованія 273 ст. уст. угол. судопр., объ отводѣ его, такъ какъ подъ причины для отвода судей и слѣдователей, указываемыя 600 ст. уст. угол. суд., настоящій случай не подходитъ ни прямо, ни косвенно. Кромѣ того, Правительствующимъ Сенатомъ еще въ 1869, №№ 808 и 899, по дѣламъ Вуколова и Ибрагимъ-Бекъ-Аллахверды, разъяснено, что въ кассаціонномъ порядкѣ никакія жалобы на пристрастное производство слѣдствій не допускаются, а подлежатъ разрѣшенію суда и палаты по 491 — 509 ст. уст. угол. судопр. При этомъ Правительствующій Сенатъ въ 1875 г., по общему собранію призналъ, по дѣлу Мясоѣдова и Сабурова, что 507 ст. уст. угол. судопр., говорящая о передачѣ слѣдствія отъ одного слѣдователя другому, примѣняется не только въ случаѣ признанія дѣйствій его неправильными, но и при простомъ обнаруженіи пристрастія съ его стороны, то-есть весьма расширилъ власть суда по осуществленію правъ, установленныхъ этою статьей. Поэтому судъ, усмотрѣвъ пристрастіе слѣдователя, всегда могъ взять отъ него производство. Жалобы Назарова на дѣйствія слѣдователя и ходатайства его объ изъятіи отъ него слѣдствія были въ разсмотрѣніи суда и судебной палаты и оставлены ими безъ послѣдствій. Затѣмъ нынѣ вопросъ этотъ обсужденію кассаціоннаго суда подлежать не можетъ.

Обращаясь къ указаніямъ на другія нарушенія, прежде всего надо замѣтить, что Правительствующимъ Сенатомъ издавна (1868 года, по дѣлу Лаландъ, 1870 г. по дѣлу Пасѣчникова, 1875 г.,

по дѣлу игуменьи Митрофаніи и 1876 г., по дѣлу Овсянникова) твердо установлено, что слѣдственныя дѣйствія не подлежатъ обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ, такъ какъ слѣдствіе доставляетъ лишь матеріалъ для разрѣшенія вопроса о преданіи суду — матеріалъ, подлежащій переработкѣ и провѣркѣ на судѣ. Изъ этого общаго правила должно быть однако сдѣлано одно исключеніе, а именно тотъ случай, когда жалобщикъ былъ *лишенъ возможности* обжаловать слѣдственныя дѣйствія, нарушающія его права, и если, какъ сказано въ рѣшеніи № 695, за 1868 годъ, по дѣлу Никитина и Максимова, нарушенія эти не могли быть исправлены на судѣ и притомъ доказано, что они могли имѣть и имѣли положительное вліяніе на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Доказано ли, что Назаровъ былъ лишенъ права и возможности обжалованія дѣйствій судебнаго слѣдователя? Нѣтъ. Онъ воспользовался своимъ правомъ вполнѣ. Будучи привлеченъ 23—24-го декабря 1884 года и допрошенъ 29, онъ подалъ рядъ жалобъ, послѣдняя изъ которыхъ разсмотрѣна судомъ 12-го сентября 1885 года. Постановленія суда по большей части изъ этихъ жалобъ были имъ обжалованы судебной палатѣ. Въ докладѣ, только-что выслушанномъ, онѣ перечислены въ подробности. Слѣдовательно, право свое доказывать неправильность слѣдственныхъ дѣйствій Назаровъ осуществилъ невозбранно. Онъ не былъ стѣсненъ и въ пользованіи матеріаломъ для жалобъ. Слѣдствіе было, какъ указано въ томъ же докладѣ, открыто для его обозрѣнія послѣ его привлеченія, окончательно предъявлено ему, какъ заключенное, 28-го августа 1885 года и затѣмъ еще разъ, по полученіи дополнительныхъ свѣдѣній, 2-го октября. Но и послѣ этого онъ имѣлъ право обжаловать неправильности слѣдствія, ибо рѣшеніями по дѣламъ Лаланда 1868 года, № 34, и Овсянникова 1876 года, № 97, признано, что и послѣ поступленія дѣла въ судъ съ обвинительнымъ актомъ, всѣ вновь усмотрѣнныя обвиняемымъ слѣдственныя нарушенія могутъ быть обжалованы во время предварительныхъ къ суду распоряженій, въ порядкѣ, установленномъ 547—549 ст. уст. угол. суд. Эти распоряженія продолжались въ настоящемъ случаѣ до мая 1886 года. Такимъ образомъ, о существенномъ нарушеніи правъ обвиняемаго непредъявленіемъ ему слѣдствія — не можетъ быть и рѣчи, *существо* же опредѣленій палаты и суда кассаціонному разсмотрѣнію подлежать не можетъ. Разнообразныя указанія Назарова на неправильности слѣдствія обсуждались въ двухъ инстанціяхъ, и неоднократно, вызывая отмѣну нѣкоторыхъ неосновательныхъ распоряженій слѣдователя. Такъ, было отмѣнено его постановленіе объ обязаніи Назарова представить требованіе о дополненіи слѣдствія въ семидневный срокъ и признана недѣйствительною по пріемамъ и нецѣлесообразною экспертиза душевнаго настроенія Черемновой — чрезъ артистокъ

драматической труппы. Поэтому, на *первый вопросъ* о существованіи условій, при которыхъ кассаціонный судъ можетъ разсматривать предварительное слѣдствіе — отвѣтъ долженъ быть отрицательный.

Но если-бъ онъ и не былъ таковъ, то *второй вопросъ* все-таки разрѣшается не въ томъ смыслѣ, какъ рѣшаетъ его кассаторъ. Хотя судебная палата, предавая Назарова суду, и удостовѣрила, согласно требованію 534 ст. уст. угол. суд., что слѣдствіе произведено безъ нарушенія существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, но кассаторъ доказываетъ, что такимъ существеннымъ нарушеніемъ слѣдуетъ считать допросъ свидѣтелей объ образѣ жизни, связяхъ и занятіяхъ Назарова, тогда какъ объ этомъ могло быть исключительно произведено лишь дознаніе чрезъ окольныхъ людей, установленное 454 ст. уст. угол. суд. По мысли кассатора, обстоятельства, удостовѣряемые *повальнымъ обыскомъ* никоимъ образомъ не могутъ быть предметомъ *свидѣтельскихъ* показаній. Иными словами — все, что не относится непосредственно къ факту преступленія, что не входитъ въ матеріалъ для установленія состава преступленія—все это, если оно касается обвиняемаго, можетъ быть добыто лишь путемъ повальнаго обыска. Такой взглядъ представляется крайне одностороннимъ. Дознаніе чрезъ окольныхъ людей имѣетъ двоякую цѣль: собрать необходимыя *для разъясненія дѣла* или же для провѣрки ссылки подсудимаго свѣдѣнія о его личности и поведеніи, то-есть объ образѣ жизни, связяхъ и занятіяхъ, и не отвлекать отъ обычныхъ условій жизни многихъ лицъ, могущихъ дать такія свѣдѣнія. При выработкѣ и начертаніи ст. 454 — 466 уст. угол. суд., эта *двоякая* цѣль была прямо указываема. Свѣдѣнія о поведеніи обвиняемаго, состоящія въ подробныхъ и ясныхъ данныхъ о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни его необходимы,— говорилось въ комиссіи по составленію судебныхъ уставовъ, — въ дѣлахъ, гдѣ существуютъ однѣ лишь улики. «Безъ нихъ такія дѣла были бы не ясны и для судей, и для присяжныхъ засѣдателей, причемъ предъявленіе такихъ свѣдѣній не можетъ ввести послѣднихъ въ заблужденіе, ибо предсѣдатель суда обязанъ предостеречь ихъ отъ неосторожныхъ заключеній по этому предмету. При сужденіи о степени виновности невозможно обойтись безъ соображенія поступка подсудимаго съ прошедшею его жизнью!» —При этомъ было высказано, что «судомъ всегда судится не отдѣльный поступокъ подсудимаго—но его личность, насколько она проявилась въ извѣстномъ противозаконномъ поступкѣ; преступленіе, составляющее въ жизни подсудимаго изолированный фактъ, не можетъ имѣть предъ судомъ одинаковаго значенія съ тѣмъ, которое проистекаетъ изъ глубоко укоренившейся наклонности ко злу, а эта большая испорченность можетъ явствовать не только изъ справки о суди-

мости, но доказываться и другими предосудительными поступками обвиняемаго, не подлежавшими судебному разбирательству, по отзывамъ людей, коротко его знающихъ и заслуживающихъ довѣрія». Разсуждая такимъ образомъ, составители статей о дознаніи чрезъ окольныхъ людей признавали что «свѣдѣнія о личности подсудимаго можно почерпать и изъ свидѣтельскихъ показаній, для чего не представляется безусловной невозможности», но усматривали вмѣстѣ съ тѣмъ въ тягостной повсюду, и въ особенности въ Россіи, обязанности личной явки свидѣтелей въ судъ, важное, почти равносильное невозможности, неудобство, такъ какъ вызовъ значительнаго числа свидѣтелей сначала къ судебному слѣдователю, а потомъ въ судъ, при нашихъ огромныхъ разстояніяхъ, былъ бы сопряженъ съ большими затрудненіями и увеличилъ бы чрезмѣрно судебныя издержки.

Разсматривая подробно статьи устава, говорящія о дознаніи чрезъ окольныхъ людей, мы найдемъ, что процедура дознанія, установленная ими, возможна лишь въ селеніяхъ и маленькихъ мѣстечкахъ и городкахъ. Въ большихъ городахъ, и особливо въ столицахъ, этотъ способъ собиранія свѣдѣній совершенно непримѣнимъ. Ни домохозяева одного околотка съ обвиняемымъ, ни старшія въ ихъ семействахъ лица, о которыхъ говоритъ 457 ст. уст. угол. суд., не могутъ въ дѣйствительности дать никакихъ указаній не только объ образѣ жизни, но даже и о наружности обвиняемаго, живущаго обособленною столичною жизнію въ населенномъ кварталѣ, среди каменныхъ громадъ, жители которыхъ обыкновенно вовсе незнакомы между собою. Разспросъ отдѣльныхъ, опредѣленныхъ группъ людей, примѣняясь къ 457 ст., былъ бы не цѣлесообразенъ, ибо допросъ сослуживцевъ, сотрудниковъ и начальства можетъ выяснить личность лишь съ одной оффиціальной или профессіональной стороны, да и по условіямъ служебнаго быта будетъ, по большей части, довольно безплоденъ по своимъ результатамъ; допросъ прислуги и домовой администраціи давалъ бы крайне односторонній и во многихъ случаяхъ даже опасный, въ виду степени развитія допрашиваемыхъ, матеріалъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что за отсутствіемъ разумной возможности произвести дознаніе чрезъ окольныхъ людей, надо совершенно отказаться отъ собранія тѣхъ свѣдѣній, необходимость которыхъ признается однако ст. 457 уст. угол. суд.? Но въ такомъ случаѣ не обратится ли спросъ окольныхъ людей въ привилегію жителей маленькихъ мѣстечекъ, а у городского и столичнаго жителя не будетъ ли отнята возможность сослаться и въ свою очередь на людей, разсыпанныхъ спорадически въ разныхъ уголкахъ этого города, и требовать, чтобы было выслушано ихъ мнѣніе, основанное на давнемъ знакомствѣ, о томъ, способенъ ли такой обвиняемый на совершеніе того, что̀ ему приписываютъ и въ чемъ

онъ не признаетъ себя виновнымъ? А между тѣмъ, такой допросъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ существенно необходимъ. Знаменитая надпись въ судилищѣ Венеціанской республики, гласившая судьямъ «ricordatevi del povero fornajo—вспоминайте о бѣдномъ (то-есть невинно казненномъ) хлѣбникѣ»—одинаково примѣнима и къ случаямъ осужденія *только* на основаніи свѣдѣній о дурномъ характерѣ, и къ случаямъ осужденія *только* на основаніи преступнаго факта, который можетъ быть слѣдствіемъ несчастнаго и рокового стеченія внѣшнихъ обстоятельствъ и противъ котораго, вмѣстѣ съ заподозрѣннымъ, громко вопіетъ вся безупречная и чуждая злу прошлая жизнь подсудимаго. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда свѣдѣнія о личности обвиняемаго необходимы, какъ освѣщающія темныя стороны преступнаго дѣла, и если, по условіямъ мѣста, дознаніе чрезъ окольныхъ людей было бы не цѣлесообразно и даже вовсе не осуществимо—возможенъ допросъ свидѣтелей, указанія на которыхъ почерпнуты путемъ дознанія или ссылки самого обвиняемаго. Приведенные мотивы къ ст. 454 не отрицаютъ такого допроса, если вызовомъ этихъ свидѣтелей они не ставятся въ необходимость бросать надолго свои занятія и мѣсто своего жительства и удаляться отъ нихъ на большія пространства. Есть даже случаи, гдѣ и при возможности произвести дознаніе на мѣстѣ, его приходится замѣнить допросомъ свидѣтелей. Таковы, напримѣръ, случаи, предусмотрѣнные 5 п. 707 ст. уст. угол. суд., когда явится необходимость допросить окольныхъ людей въ мѣстечкахъ, населенныхъ евреями или раскольниками, по дѣлу о ихъ бывшемъ единовѣрцѣ, обратившемся въ христіанство или православіе. Здѣсь поневолѣ придется допрашивать свидѣтелей, стоящихъ внѣ предполагаемой религіозной нетерпимости, дающей обвиняемому право на отводъ, по 462—464 стт. уст. угол. суд., всѣхъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Затѣмъ, практикой Правительствующаго Сената по дѣламъ Рыбаковской, 1868 года, № 829, и по дѣлу Умецкихъ, 1869 года, № 160, допросъ свидѣтелей, характеризующихъ личность подсудимаго, хотя бы произведенный и не въ порядкѣ дознанія чрезъ окольныхъ людей, признанъ не нарушающимъ его правъ и не подлежащимъ обжалованію, если только показанія этихъ свидѣтелей были своевременно ему предъявлены и онъ не былъ лишенъ возможности, согласно 449 ст. уст. угол. суд., представить какія-либо обстоятельства въ ихъ опроверженіе, а рѣшеніями по дѣламъ Насавина, 1869 года, № 564, и Паскаля, 1876 года, № 185, установлено, что и независимо отъ дознанія чрезъ окольныхъ людей, вопросы о занятіяхъ, образѣ жизни и связяхъ обвиняемаго, какъ такіе, которые не могутъ быть признаваемы не относящимися къ дѣлу, могутъ быть предлагаемы въ судебномъ засѣданіи, а слѣдовательно и при слѣдствіи, *каждому свидѣтелю*. Наконецъ, на возможность и, въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ, даже необходимость допроса такихъ свидѣтелей указываютъ и права, принадлежащія сторонамъ ходатайствовать о вызовѣ новыхъ свидѣтелей. Прокурору, въ силу 573 ст. уст. угол. суд., не можетъ быть отказано въ вызовѣ лицъ, указываемыхъ имъ въ особомъ требованіи, предъявленномъ до открытія судебнаго засѣданія, хотя бы они и не были допрошены на предварительномъ слѣдствіи или, будучи допрошены, были вычеркнуты обвинительною камерой изъ списка, какъ это объяснено въ рѣшеніи по дѣлу Маляревскаго, № 118, за 1874 годъ. Очевидно, что между такими лицами могутъ быть и свидѣтели о *поведеніи подсудимаго*. Но если они могутъ появиться прямо на судебномъ слѣдствіи, то въ интересахъ самого обвиняемаго желательно, чтобы они были вызываемы на предварительное слѣдствіе, въ теченіе котораго съ ихъ показаніями можно ознакомиться заранѣе, до поступленія дѣла въ судъ, какъ было, напр., въ настоящемъ случаѣ, гдѣ ознакомленіе подсудимаго съ дѣломъ произошло почти за годъ до засѣданія,—и подготовиться къ опроверженію и оборонѣ. Судебная практика обыкновенно предоставляетъ подсудимому широкій просторъ въ вызовѣ свидѣтелей, могущихъ сказать что либо о его личности и въ его пользу. Отъ этого пріема правосудіе ничего не теряетъ, но живая правда дѣла иногда много выигрываетъ. Такъ было и въ настоящемъ дѣлѣ, и Назаровъ широко воспользовался правомъ вызова благомыслящихъ о немъ свидѣтелей.

Отрицая безусловно допросъ свидѣтелей о поведеніи при слѣдствіи и ограничиваясь однимъ дознаніемъ чрезъ окольныхъ людей, необходимо отрицать и вызовъ свидѣтелей со стороны подсудимаго на судъ, когда они могутъ показать о немъ, а не о дѣлѣ. Но это значило бы въ массѣ случаевъ лишать обвиняемаго возможности призвать въ свидѣтельство свою прошлую хорошую жизнь, и цѣною ея испытаній, свѣтлыхъ сторонъ и добрыхъ поступковъ пріобрѣсти то право на снисхожденіе, о которомъ говорилось при начертаніи 454 ст. уст. угол. суд. Поэтому, вызовъ и допросъ свидѣтелей объ образѣ жизни и занятіяхъ обвиняемаго и при слѣдствіи и на судѣ не представляетъ собою никакого нарушенія. Свидѣтельствуя о ближайшемъ прошломъ подсудимаго, такого рода свидѣтели, по самой своей роли, не будучи по отношенію къ нему совершенно случайными людьми, подобно большинству свидѣтелей факта преступленія, могутъ не быть вполнѣ свободны отъ пристрастія, могутъ показывать односторонне, но ихъ показанія подлежатъ провѣркѣ на перекрестномъ допросѣ, оцѣнкѣ въ рѣчахъ сторонъ, разъясненію въ предсѣдательскомъ заключительномъ словѣ. Эти показанія даются, наконецъ, подъ присягой въ торжественной обстановкѣ суда. Почти всѣ эти гарантіи отсутствуютъ при дознаніи чрезъ окольныхъ людей, кото-

рые не предстоятъ на судѣ лично. Съ этой точки зрѣнія, показанія такихъ свидѣтелей представляютъ лучшія ручательства правдивости. Необходимо только, чтобы свидѣтельскія показанія такого рода дѣйствительно относились къ дѣлу, то-есть, *чтобы ими разъяснялись такія стороны жизни обвиняемаго, въ коихъ выразились именно тѣ его свойства, которыми вызваны движущія побужденія его судимаго дѣянія или, наоборотъ, съ которыми это дѣяніе стоитъ въ прямомъ противорѣчіи.* Поэтому нельзя отрицать, что тамъ, гдѣ, какъ въ данномъ дѣлѣ, рѣчь идетъ о насильственномъ поруганіи цѣломудрія дѣвушки въ обстановкѣ, не допускающей постороннихъ свидѣтелей, и гдѣ оно усложнено еще послѣдующимъ ея самоубійствомъ, допросъ свидѣтелей о той роли, которую играли въ жизни обвиняемаго чувственныя стремленія и о томъ, какъ выражалъ онъ въ жизни своей взглядъ на характеръ отношеній своихъ къ женщинамъ вообще, не можетъ быть признанъ совершенно не относящимся къ дѣлу. Несомнѣнно, что необходима связь между внутренними свойствами преступленія и свѣдѣніями о личности. Тамъ, гдѣ ея никогда не можетъ быть, свѣдѣнія эти совершенно излишни. Расточительность обвиняемаго, весьма важная, напримѣръ, въ дѣлахъ о банковыхъ хищеніяхъ,—не имѣетъ никакого значенія при богохуленіи, а вспыльчивость, имѣющая серьезный смыслъ при обсужденіи убійства въ раздраженіи, совершенно утрачиваетъ его при обвиненіи въ государственной измѣнѣ. Повидимому, судебный слѣдователь переступилъ въ вызовѣ свидѣтелей для характеристики Назарова за предѣлы необходимости и занесъ въ свои протоколы обстоятельства, не имѣвшія отношенія къ движущимъ мотивамъ преступленія, въ которомъ обвинялся Назаровъ. Можно сожалѣть, если такіе свидѣтели были внесены судебною палатой въ свое опредѣленіе о преданіи суду, какъ подлежащіе вызову къ судебному слѣдствію, но Правительствующій Сенатъ лишенъ возможности судить о томъ, насколько показанія ихъ относились къ дѣлу или наоборотъ. Это не входитъ въ его задачу. Это лежитъ на обязанности обвинительной камеры. Состоя, по словамъ составителей уставовъ, изъ «опытныхъ юристовъ», обвинительная камера судебной палаты, разсматривая сырой матеріалъ предварительнаго слѣдствія и выводя изъ него окончательный выводъ въ видѣ утвержденія обвинительнаго акта или составленія опредѣленія о преданіи суду, должна устранять все, не идущее къ дѣлу и могущее лишь служить къ напрасному опозоренію личности обвиняемаго, безо всякой пользы правосудію. Судебная палата должна стоять на стражѣ частной жизни обвиняемаго, ограждая ее отъ безцѣльныхъ вторженій болѣзненнаго любопытства, чуждаго истинному стремленію разыскать истину. Но если судебная палата признаетъ, по обстоятельствамъ дѣла, необходимымъ вызвать на

судъ присяжныхъ лицъ, допрошенныхъ уже на предварительномъ слѣдствіи, то это ея признаніе есть *окончательное* и никакой провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ не подлежитъ. Правительствующій Сенатъ неоднократно признавалъ полную невозможность входить въ оцѣнку правильности опредѣленій палаты въ этомъ отношеніи. Онъ допускалъ лишь отмѣну преданія суду при нарушеніи, при разсмотрѣніи дѣла въ самой палатѣ, установленныхъ для того формъ и обрядовъ судопроизводства, при нарушеніи предѣловъ вѣдомства, при формальной преждевременности этого преданія и, наконецъ, при отсутствіи въ дѣяніи преданнаго суду признаковъ преступленія. «Вопросы о томъ, достаточно ли изслѣдовано дѣло, говорится въ рѣшеніи по дѣлу Рыбаковской, 1868 г., № 829,—и если достаточно, то не наполнено ли оно излишними подробностями, могутъ подлежать сужденію *только* судебной палаты, опредѣляющей результаты предварительнаго слѣдствія (ст. 534) и окружнаго суда, повѣряющаго это слѣдствіе на судѣ; но кассаціонный департаментъ Сената, не разсматривающій дѣла въ существѣ (учр. суд. уст. ст. 5), *не можетъ входить ни въ какое сужденіе по этому предмету*».

Такимъ образомъ, соблюдая постановленные закономъ и необходимые для *устраненія смѣшенія судебныхъ функцій* предѣлы кассаціоннаго разбирательства, надлежитъ признать, что правильность помѣщенія въ опредѣленіи московской судебной палаты ссылки на свидѣтелей, указываемыхъ кассаторомъ, не подлежитъ провѣркѣ Правительствующаго Сената. Не можетъ затѣмъ быть признанъ нарушеніемъ и допросъ свидѣтелей этихъ на судѣ. Если-бы даже онъ и представлялъ собою нарушеніе, то, для признанія его существеннымъ, слѣдовало бы признать согласно тому, что уже указано выше, что оно *непоправимо* и имѣло притомъ *положительное вліяніе* на рѣшеніе присяжныхъ. Но въ чемъ можетъ состоять непоправимость нарушенія? Очевидно въ томъ, что устранена возможность провѣрки того, что составляетъ предметъ нарушенія. Такимъ образомъ, всѣ нарушенія при осмотрахъ, обыскахъ, освидѣтельствованіяхъ и при составленіи актовъ о нихъ—суть нарушенія непоправимыя, ибо повтореніе этихъ слѣдственныхъ дѣйствій по большей части уже не представляется возможнымъ. Сюда относятся вообще упущенія, коихъ, по условіямъ мѣста и времени, нельзя уже исправить, по крайней мѣрѣ нельзя исправить въ данномъ засѣданіи. Сюда относится, напримѣръ, отсутствіе вещественныхъ доказательствъ, пріобщеніемъ коихъ слѣдователь своевременно не озаботился и т. д. Наоборотъ, поправимо все что производится путемъ допроса;—устранимо все, что можетъ быть противополагаемо фактамъ и фактически опровергаемо. Если только подсудимый имѣлъ возможность взвѣшивать, провѣрять, опровергать и разбирать представляемыя противъ него

доказательства и получилъ возможность выставлять противъ нихъ свои,—его права не нарушены столь существенно, чтобы можно было говорить объ отмѣнѣ приговора. Судъ вообще, а судъ присяжныхъ въ особенности—не мертвый механизмъ, а живой организмъ. Его самодѣятельность должна быть направлена на оцѣнку всего, что предъ нимъ происходитъ — и не *излишнія* показанія противъ подсудимаго предъ нимъ опасны, а показанія, противъ которыхъ не предоставлено подсудимому возможности *защищаться*. Этотъ взглядъ проведенъ съ полною опредѣленностію въ рѣшеніи 1874 г., № 360, въ которомъ Сенатъ призналъ, что допущеніе допроса свидѣтелей объ обстоятельствахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу и даже явно клонящихся къ бездоказательному опороченію подсудимаго, не подлежитъ провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, если только у подсудимаго не была отнята возможность возражать и, слѣдовательно, опровергать все, что онъ считалъ для себя невыгоднымъ и бездоказательнымъ. Былъ ли лишенъ Назаровъ возможности бороться противъ показаній свидѣтелей о личности? Нѣтъ. Во-первыхъ, онъ зналъ объ этихъ свидѣтеляхъ и о сущности ихъ показаній за *полтора года* до судебнаго засѣданія; во-вторыхъ, онъ имѣлъ двухъ защитниковъ, изъ которыхъ одинъ, принесшій настоящую жалобу, стоялъ, какъ видно изъ протокола, бодро и зорко на защитѣ правъ своего кліента и, въ-третьихъ, Назаровъ выставилъ рядъ свидѣтелей въ свою защиту и разъясненіе дѣла. Прошеніемъ отъ 4-го февраля 1884 г. онъ просилъ судъ о вызовѣ 44 свидѣтелей и экспертовъ, изъ которыхъ 29 вызывались въ опроверженіе неблагопріятныхъ отзывовъ о его образѣ жизни; затѣмъ защитникъ его Швенцеровъ просилъ еще о вызовѣ двухъ свидѣтелей и одного эксперта. Опредѣленіемъ отъ 20-го февраля 1886 г. окружный судъ уважилъ это ходатайство почти всецѣло, за исключеніемъ вызова двухъ свидѣтелей, показанія коихъ замѣнялись актомъ осмотра и повѣреннаго гражданскаго истца Плевако, на котораго обвиняемый ссылался, какъ на свидѣтеля о мѣстѣ и времени предполагаемаго преступленія, тогда какъ было несомнѣнно доказано, что Плевако въ это время былъ за предѣлами Россіи. Затѣмъ, имѣло ли то нарушеніе, на которое указываетъ кассаторъ, положительное вліяніе на приговоръ присяжныхъ? Протоколомъ удостовѣрено, что при допросѣ каждаго свидѣтеля предсѣдателемъ были выполняемы ст. 716—718 уст. уг. суд., т. е. сдѣланы также и напоминанія объ отвѣтственности за ложныя показанія. На заключительное слово не было сдѣлано никакихъ возраженій или замѣчаній и слѣдовательно утвержденіе протокола, что оно было изложено съ соблюденіемъ требованій 801—812 ст. уст. уг. суд., должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что значеніе показаній объ образѣ жизни Назарова и ихъ отношеніе къ предмету обвиненія—были

разъяснены предсѣдателемъ. Вопросъ присяжнаго о томъ, раскаивается ли Назаровъ въ карточной игрѣ, не можетъ служить доказательствомъ обнаруженія мнѣнія о винѣ подсудимаго въ преступленіи изнасилованія. Съ гораздо большимъ основаніемъ онъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ желаніе знать,—признаетъ ли обвиняемый приписываемый ему фактъ?

Обращаясь, наконецъ, къ указанію на *неправильное расположеніе матеріала предварительнаго слѣдствія*, выразившееся въ томъ, что обвиняемый былъ привлеченъ лишь послѣ допроса ряда свидѣтелей, я нахожу, что это указаніе не подлежитъ разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ и что, вообще говоря, законъ вовсе не требуетъ немедленнаго привлеченія лица, на котораго пало подозрѣніе, въ качествѣ обвиняемаго, къ слѣдствію. Привлеченіе безъ вполнѣ выясненныхъ основаній крайне нежелательно и должно пагубно отзываться на личности и общественномъ положеніи человѣка, который потомъ можетъ оказаться привлеченнымъ поспѣшно и неосмотрительно. Поэтому въ дѣлахъ, гдѣ нѣтъ прямыхъ доказательствъ, а лишь улики, одна лишь совокупность которыхъ способна вызвать опредѣленное убѣжденіе въ слѣдователѣ,—привлеченіе самою силою вещей отодвигается на конецъ слѣдствія. Обвиняемый при этомъ лишается возможности присутствовать при допросѣ свидѣтелей, вызванныхъ до его привлеченія; но если ему эти показанія предъявлены, если онъ имѣлъ возможность возражать противъ нихъ и противополагать имъ новыхъ свидѣтелей—и если, притомъ, онъ не былъ стѣсненъ въ правѣ жаловаться, то нѣтъ основаній возбуждать вопросъ объ отмѣнѣ состоявшагося впослѣдствіи рѣшенія присяжныхъ. Поправить результаты отсутствія обвиняемаго при допросѣ свидѣтелей,—отсутствія, предвидѣннаго и разрѣшеннаго закономъ, всегда возможно законными способами; но гдѣ найдти способы загладить безслѣдно позоръ привлеченія должностного лица по обвиненію въ изнасилованіи, привлеченнаго слишкомъ поспѣшно и непровѣренно? Въ виду этихъ соображеній и того обстоятельства, что жалобы Назарова на допущеніе при слѣдствіи свидѣтелей о его образѣ жизни были въ разсмотрѣніи судебной палаты, возбуждали въ ней, какъ видно изъ производства, подробныя пренія и разномыслія и, наконецъ, были разрѣшены въ отрицательномъ смыслѣ, а также и того, что этотъ вопросъ возникалъ и при преданіи Назарова суду и снова былъ разрѣшенъ въ смыслѣ признанія этихъ свидѣтелей относящимися къ дѣлу, надлежитъ признать жалобу Назарова на слѣдственныя дѣйствія не подлежащею удовлетворенію.

Переходя затѣмъ къ отдѣлу нарушеній *во время приготовительныхъ къ суду распоряженій*, я не нахожу возможности согласиться съ доводами жалобщика относительно *гражданскаго иска* и вполнѣ раздѣляю соображенія моего предмѣстника Н. А.

Неклюдова, высказанныя въ заключеніи по дѣлу Мироновича по вопросу о томъ, составляетъ ли даже неправильное допущеніе гражданскаго иска существенное нарушеніе. Установляя судебное состязаніе, законъ имѣетъ въ виду двѣ стороны — обвиняющую и защищающую, и задачей ихъ законной борьбы ставитъ изслѣдованіе истины въ уголовномъ дѣлѣ, насколько она доступна силамъ человѣческаго пониманія. Представитель гражданскаго иска въ ближайшихъ цѣляхъ, къ которымъ онъ стремится, въ способахъ ихъ достиженія и въ правахъ, которыми онъ пользуется на судебномъ слѣдствіи (исключая права отвода присяжныхъ засѣдателей), примыкаетъ къ сторонѣ обвиняющей и во всемъ, что̀ касается доказательствъ виновности подсудимаго, сливается съ обвинителемъ. Поэтому онъ — не третья сторона; онъ, когда допущенъ къ осуществленію своихъ правъ, есть нераздѣльная часть одной изъ двухъ дѣйствующихъ на судѣ сторонъ. Количественное неравенство силъ не имѣетъ въ этомъ отношеніи значенія. Оно лишь случайный признакъ. Противъ одного подсудимаго могутъ выступать по два прокурора, — противъ одного прокурора — нѣсколько защитниковъ. Гораздо важнѣе количества представителей сторонъ — ихъ качества. Разсматриваемые съ точки зрѣнія таланта и знанія, нѣсколько заурядныхъ защитниковъ не могутъ составить надлежащаго противовѣса одному талантливому обвинителю, и три-четыре рядовые прокурора не идутъ въ сравненіе съ однимъ богатоодареннымъ защитникомъ, горячимъ словомъ котораго движетъ глубокое внутреннее убѣжденіе. Становиться на почву учета силъ въ этомъ отношеніи — было бы и опасно, и произвольно. Но если нельзя говорить о *качествѣ* представителей сторонъ, то еще менѣе можно говорить объ ихъ *количествѣ*. Поэтому даже и неправильное допущеніе гражданскаго истца въ уголовномъ дѣлѣ не есть поводъ для кассаціи приговора. Не даромъ при составленіи судебныхъ уставовъ, когда была сдѣлана, при обсужденіи ст. 911 уст. угол. суд., попытка исчислить коренные поводы кассаціи, о неправильномъ допущеніи гражданскаго иска не было и помину. Но и кромѣ того, допущеніе отца Черемновой къ предъявленію гражданскаго иска не представляется неправильнымъ и по существу своему. По смыслу ст. 6 уст. угол. суд., всякій потерпѣвшій отъ преступленія, въ случаѣ заявленія иска о вознагражденіи, признается участвующимъ въ дѣлѣ гражданскимъ истцомъ; потерпѣвшее же лицо есть всякое понесшее вредъ или убытки отъ этого преступленія (ст. 302 п. 3). Уже изъ того, что понятію *убытка* противополагается понятіе *вреда*, видно, что вредъ не всегда можетъ быть выраженъ въ видѣ матеріальнаго, непосредственнаго ущерба. Этотъ вредъ можетъ имѣть и личный характеръ. Въ рѣшеніи Правительствующаго Сената по дѣлу Сосунова, 1869 года, № 843, выражено, что такъ какъ при-

чиняемый преступленіемъ вредъ можетъ состоять въ нарушеніи и личныхъ правъ, а къ числу нарушеній послѣдняго рода несомнѣнно принадлежитъ нарушеніе спокойствія домашняго очага, то, напримѣръ, хозяинъ дома, въ которомъ произведено буйство, не можетъ не быть признанъ *лицомъ потерпѣвшимъ*. Очевидно затѣмъ, что такое потерпѣвшее лицо можетъ предъявить искъ и явиться гражданскимъ истцомъ въ уголовномъ дѣлѣ. Едва ли затѣмъ нужно доказывать, что отецъ дочери, надъ которою совершено изнасилованіе, является не менѣе потерпѣвшимъ лицомъ, чѣмъ такой хозяинъ, и что вредъ, ему нанесенный, и глубже, и острѣе, и непоправимѣе.

Обращаясь къ вопросу о неопредѣленіи Черемновымъ цифры отыскиваемаго имъ вознагражденія, я нахожу, что, въ виду зависимости производства о размѣрахъ присуждаемаго вознагражденія отъ обстоятельствъ, признанныхъ присяжными, незаявленіе такой цифры въ первоначальномъ прошеніи о предъявленіи иска не даетъ основанія къ устраненію гражданскаго истца. По существу отношеній Черемнова къ дѣлу нельзя отрицать его права на искъ съ Назарова, во-первыхъ, потому, что потерпѣвшая со времени совершенія надъ нею дѣянія, указаннаго 1525 ст. улож., до своего самоубійства находилась въ болѣзненномъ состояніи и могла требовать помощи отъ отца, у котораго по закону (174 ст. X т. ч. I) она находилась на попеченіи, и который поэтому и въ силу примѣчанія къ ст. 1532 улож. имѣлъ равное съ нею право на принесеніе жалобы — и, вовторыхъ, потому, что изнасилованіе Черемновой, связанное съ ея послѣдующимъ самоубійствомъ, давало отцу, лишившемуся будущей опоры, право иска, въ виду 194 ст. I ч. X т. и 143 уст. о наказ. Но независимо отъ этого, нельзя не признать, что отказъ отцу, въ случаѣ подобномъ настоящему, въ правѣ доказывать фактъ преступленія, хотя бы и въ виду самаго малаго вознагражденія, едва ли соотвѣтствовалъ бы требованіямъ справедливости. Возможно ли устранить отъ участія въ процессѣ человѣка, относительно дочери котораго ставится альтернатива: или продажная женщина и шантажистка, или несчастная жертва грубаго насилія... Честь и доброе имя безвременно сошедшей въ могилу дочери, которая не можетъ сама встать на свою защиту — есть достояніе ея отца и матери, и они должны быть допущены къ охраненію этого достоянія отъ ущерба путемъ живого участія въ дѣлѣ, которое возможно лишь въ роли гражданскаго истца. Я вовсе не желалъ бы чрезмѣрнаго расширенія гражданскаго иска на судѣ уголовномъ, но полагаю, что есть случаи, рѣдкіе и исключительные, въ которыхъ узко формальныя требованія по отношенію къ гражданскому иску не должны быть примѣняемы. Если на ряду съ прокуроромъ по каждому дѣлу о пустой кражѣ допускаютъ гражданскаго истца, имѣющаго право доказывать фактъ

преступленія даже и при отказѣ прокурора отъ обвиненія, то ужели можно безусловно устранить отъ этого потерпѣвшаго, дѣтище котораго, грубо опозоренное, покинуло жизнь въ горькомъ сознаніи невозможности добиться правды и защиты? Правительствующій Сенатъ признавалъ правильнымъ допущеніе гражданскими истцами женъ по дѣламъ о лжесвидѣтеляхъ, выставленныхъ ихъ мужьями по бракоразводному дѣлу. Такъ было по дѣлу Тупицына, 1876 г., № 14, и по дѣлу Залѣвскаго, Хороманскаго и Грохольскаго въ 1874 г. Очевидно, что не о матеріальномъ убыткѣ шло здѣсь дѣло. Онъ слишкомъ отдаленъ, условенъ и неопредѣленъ. Дѣло касалось чести жены, обвиняемой въ прелюбодѣяніи, для которой признаніе факта лжесвидѣтельства было равносильно признанію ея чистоты и вѣрности супружескому долгу. Аналогичное положеніе представляетъ собою дѣло Назарова, и, по мнѣнію моему, судъ исполнилъ свою задачу, признавъ отца Черемновой потерпѣвшимъ и допустивъ его въ качествѣ гражданскаго истца.

Приступая, наконецъ, къ отдѣлу нарушеній, допущенныхъ при *судебномъ разбирательствѣ*, я нахожу, что, въ виду содержанія протокола судебнаго засѣданія, экспертиза профессора Нейдинга могла бы не подлежать вовсе разсмотрѣнію, но такъ какъ никто не отвергаетъ, что письменное изложеніе, представленное Нейдингомъ и приложенное судомъ къ протоколу, соотвѣтствуетъ тому, что онъ говорилъ, то эту экспертизу я готовъ подвергнуть разбору. Экспертъ — судебный врачъ можетъ быть призываемъ для опредѣленія: а) вида и свойства поврежденія и б) значенія и происхожденія поврежденія. Первый вопросъ, сравнительно легкій, можетъ быть разрѣшенъ лицомъ, имѣющимъ лишь профессіональныя познанія, но второй требуетъ глубокихъ научныхъ знаній и многолѣтняго опыта. Въ вопросъ о происхожденіи поврежденій входитъ изслѣдованіе, путемъ провѣрки и сопоставленія, обстоятельствъ, указывающихъ на преступный, или случайный, или добровольный источникъ этого происхожденія. Одна и та же рана — по виду — продолговатая, по свойству — рѣзаная, по значенію — безусловно смертельная, можетъ произойти и отъ собственной неосторожности, и отъ самоубійства, и отъ чужой преступной руки. Экспертиза, которая отвѣтитъ на вопросы о направленіи, глубинѣ и безусловной смертельности раны и оставитъ безъ объясненія вопросъ объ ея происхожденіи, будетъ безплодна. Она не можетъ происходить въ пустомъ пространствѣ, констатируя лишь анатомическія измѣненія въ трупѣ и не освѣщая «здравымъ сужденіемъ, почерпнутымъ изъ опыта и наблюденія», какъ говоритъ 1753 ст. устава суд. медицины, фактовъ, съ которыми находятся въ причинной связи эти измѣненія. По условіямъ, въ которыхъ экспертъ — судебный врачъ даетъ свое показаніе, по принимаемой присягѣ, по праву сторонъ на отводы, и наконецъ, по отсутствію какой либо обяза-

тельности своихъ выводовъ для суда, — экспертъ есть *свидѣтель;* но внутри своего свидѣтельства, въ рамкахъ своего удостовѣренія онъ есть *научный судья,* передающій суду непосредственныя впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ и выводы изъ фактовъ, имъ сопоставленныхъ и научно провѣренныхъ. Поэтому нельзя требовать отъ эксперта, чтобы онъ безусловно не касался обстоятельствъ дѣла, имѣющихъ соотношеніе съ судебно-медицинскими вопросами. Къ такимъ обстоятельствамъ, подлежащимъ научной провѣркѣ на основаніи «здравыхъ разсужденій, почерпнутыхъ изъ наблюденій и опыта», относятся и объясненія участниковъ факта, предполагаемаго преступнымъ, о происхожденіи поврежденій, подлежащихъ судебно-медицинскому изслѣдованію. Иначе, если экспертиза должна была бы ограничиваться лишь анатомическими измѣненіями, зачѣмъ дозволять, какъ это дѣлаетъ судебная практика, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, экспертамъ оставаться въ залѣ засѣданія во все время судебнаго слѣдствія? Противъ увлеченій и односторонностей экспертизы есть гарантія и въ показаніяхъ другихъ экспертовъ, обыкновенно вызываемыхъ въ судъ, и въ обязанностяхъ предсѣдателя, который долженъ регулировать показаніе эксперта и разъяснить присяжнымъ его значеніе и необязательность. Изъ разсмотрѣнія экспертизы профессора Нейдинга видно, что по разрѣшеніи *трехъ вопросовъ,* касающихся судебно-медицинскихъ выводовъ изъ свѣдѣній о состояніи физическаго организма потерпѣвшей Черемновой и опредѣленія времени измѣненій въ этомъ организмѣ, экспертъ Нейдингъ переходитъ къ *четвертому вопросу* о томъ, были ли эти измѣненія вызваны *насиліемъ.* Заявляя, что подъ изнасилованіемъ надлежитъ понимать не одно *насиліе,* но и пользованіе *безпомощностью* и вообще всякое дѣйствіе этой категоріи, совершаемое *противъ воли* потерпѣвшей, экспертъ Нейдингъ доказываетъ, что слѣды сопротивленія насилію встрѣчаются поэтому рѣдко и обыкновенно скоро изчезаютъ, такъ что при осмотрѣ, произведенномъ по настоящему дѣлу чрезъ *три мѣсяца,* такихъ, слѣдовъ быть не могло ни на тѣлѣ, ни въ помѣщеніи, гдѣ произошло происшествіе, ни на одеждѣ участвующихъ, если не считать указанія на разорванную фалду фрака обвиняемаго. Приступая, затѣмъ, къ разрѣшенію вопроса о бытіи въ настоящемъ случаѣ насилія, какъ оно понимается судебною медициной, экспертъ Нейдингъ прибѣгаетъ къ *психологической діагностикѣ,* рекомендуемой, по его удостовѣренію, въ трудныхъ для распознанія случаяхъ преступленія всѣми авторитетами судебной медицины, начиная съ Каспера. Онъ устанавляетъ данныя событія 28 декабря, относительно коихъ *согласны показанія Назарова и Черемновой.* Переходя къ оцѣнкѣ показаній каждаго изъ нихъ въ томъ, въ чемъ они *расходятся* между собою, Нейдингъ находитъ показаніе Назарова неудовлетворитель-

нымъ, а напротивъ, разказъ Черемновой правдоподобнымъ и, по мнѣнію его, искреннимъ въ своей непослѣдовательности. Останавливаясь на ея объясненіи, что она «сама не знаетъ, было ли надъ нею совершено насиліе», Нейдингъ объясняетъ это тѣмъ сначала возбужденнымъ, а затѣмъ разслабленнымъ состояніемъ, переходящимъ въ обморокъ, въ которомъ должна была находиться дѣвушка, поставленная въ положеніе Черемновой, страдавшая и прежде обмороками. Отмѣтивъ, затѣмъ, то обстоятельство, что при выходѣ Черемновой изъ Эрмитажа ее нужно было поддерживать и что она, по отзыву всѣхъ знавшихъ ее, не была дѣвушкой свободнаго обращенія и не производила впечатлѣнія таковой, Нейдингъ относится съ довѣріемъ къ ея разсказу и, установивъ, что по своей обстановкѣ Эрмитажъ являлся удобнымъ для насилія мѣстомъ, онъ разбираетъ судебно-медицинскій вопросъ о *соотношеніи силъ* участниковъ событія 28 декабря и признаетъ, что каждый случай подлежитъ разсмотрѣнію «in concreto». Наконецъ, признавъ, что надъ Черемновою было содѣяно дѣйствіе, предусмотрѣнное 1525 ст. улож., Нейдингъ указываетъ какія вообще послѣдствія для жизни, здравія и душевнаго состоянія потерпѣвшей можетъ имѣть изнасилованіе и находитъ, что оно въ данномъ случаѣ вызвало нравственное разстройство съ меланхолическимъ оттѣнкомъ, непосредственнымъ слѣдствіемъ котораго было самоубійство Черемновой чрезъ четыре мѣсяца.

Такимъ образомъ, профессоръ Нейдингъ въ сущности поставилъ на свое разрѣшеніе главный вопросъ о томъ, овладѣлъ ли Назаровъ Черемновою противъ ея воли, но безъ насилія? Къ постановкѣ такого вопроса онъ былъ управомоченъ, какъ существомъ обвиненія, выраженнаго въ обвинительномъ актѣ и вопросахъ присяжнымъ, такъ и жалобою, которую Черемнова подала прокурору, гдѣ она говоритъ, что вслѣдствіе обморочнаго состоянія не можетъ судить, путемъ ли прямого насилія или пользованія ослабленіемъ ея силъ—оскорбилъ ее Назаровъ. Очевидно, что для разрѣшенія этого вопроса анатомическіе выводы не даютъ никакого матеріала, ибо анатомическія измѣненія *одинаковы* при насиліи и при добромъ согласіи. Поэтому я нахожу, что профессоръ Нейдингъ не вышелъ изъ предѣловъ своей задачи, разрѣшая вопросъ о наличности ослабленія, въ виду коего дѣлается исключеніе изъ общаго правила, которому соотвѣтствуютъ даже разныя народныя пословицы, что преступленіе, предусмотрѣнное 1525 ст., не можетъ быть совершено взрослымъ надъ взрослою, находящеюся въ нормальномъ состояніи. Этотъ упадокъ силъ, это ослабленіе можетъ произойти подъ вліяніемъ психическихъ моментовъ—испуга, гнѣва, отчаянія и т. п. Для опредѣленія такого состоянія Нейдингъ и оцѣниваетъ мѣсто и время событія, предрасположеніе Черемновой къ обморокамъ, объективныя послѣдствія предпола-

гаемаго дѣянія и переходитъ къ оцѣнкѣ общихъ свойствъ личности потерпѣвшей, поскольку ими обусловливается ослабленіе и упадокъ силъ. Несомнѣнно, что эти свойства не могутъ не имѣть значенія для разрѣшенія вопроса объ упадкѣ силъ. Гдѣ дѣло идетъ о дѣвушкѣ порядочной, воспитанной и цѣломудренной — тамъ такой упадокъ силъ отъ испуга, стыда, негодованія и т. п. понятенъ; гдѣ дѣло идетъ объ обычной посѣтительницѣ «отдѣльныхъ кабинетовъ», гдѣ не можетъ быть рѣчи о непорочности — тамъ такой упадокъ силъ едва ли вѣроятенъ и предшествующая ему борьба только увеличиваетъ цѣну послѣдующей безславной побѣды. Поэтому, производя свою «психологическую діагностику», профессоръ Нейдингъ не нарушилъ обязанностей экспертизы. Онъ высказалъ свой выводъ безусловно и категорически. Такая категоричность едва ли желательна въ интересахъ нравственной отвѣтственности эксперта предъ самимъ собою. Житейскимъ и судебнымъ опытомъ рекомендуется большая условность выводовъ, но, съ другой стороны, это дѣло убѣжденія и темперамента свидѣтеля, а обязанность предсѣдателя—указать на необязательность мнѣнія эксперта, надлежащимъ образомъ парализуетъ эту категоричность.

Переходи къ *нарушеніямъ на судѣ*, я полагаю, что допросъ свидѣтелей о томъ, способна ли была Черемнова, по своимъ взглядамъ и образу жизни, торговать собою — не представляется неправильнымъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ, по существу обвиненія, вопросъ ставился о томъ, *кому* вѣрить—обвиняемому или потерпѣвшей; — что разнорѣчіе въ показаніяхъ свидѣтельницы Чиненовой на слѣдствіи и на судѣ не можетъ считаться кассаціоннымъ поводомъ, ибо присяжные слышали и видѣли Чиненову и могли, слѣдовательно, отвергнуть все, что записано въ ея первомъ показаніи; что нарушеніе 471 ст. уст. угол. суд. непрочтеніемъ свидѣтельницѣ ея показанія на предварительномъ слѣдствіи не является кассаціоннымъ нарушеніемъ, ибо свидѣтельница эта была допрошена на судебномъ слѣдствіи; что прочитанное показаніе Оленина не можетъ считаться измышленнымъ или продиктованнымъ слѣдователемъ, ибо оно собственноручно подписано директоромъ Строгановскаго училища живописи и ваянія, бывшимъ 15 лѣтъ предсѣдателемъ мирового съѣзда и не могущимъ, поэтому, быть слѣпымъ и полуграмотнымъ орудіемъ въ рукахъ слѣдователя; что чтеніе протокола осмотра Эрмитажа съ заключающимися въ немъ показаніями Цемирова и Внукова, допрошеннаго въ судѣ, не составляетъ нарушенія, въ виду рѣш. уголов. касс. деп. 1867 г., № 178 и 1869 г., № 849 и того, что объясненія ихъ относились не къ предмету дѣла, а къ особенностямъ мѣста осмотра, — и что, наконецъ, произвольное удостовѣреніе слѣдователя о томъ, что признанная судебно-медицинскимъ осмотромъ борьба само-

убійцы Огонь-Догановскаго со своею жертвою—задушенною имъ проституткою—сопровождалась несомнѣнно крикомъ, всегда могло быть отвергнуто предсѣдателемъ въ случаѣ *просьбы защиты*, съ разъясненіемъ, что это мѣсто протокола, какъ видно изъ подлинныхъ производствъ, составляетъ собственный выводъ слѣдователя, не имѣющій значенія какого либо доказательства.

Обращаясь, наконецъ, къ оскорбительнымъ для Назарова выраженіямъ, помѣщеннымъ въ прочитанныхъ показаніяхъ, я признаю, что требованія 453, 408 и 409 статей о записываніи показаній свидѣтелей ихъ собственными словами, вовсе не вынуждаютъ слѣдователя вносить въ протоколъ приводимыя ими бранныя выраженія, кромѣ случаевъ, когда эти выраженія относятся къ составу изслѣдуемаго преступленія. Во всякомъ случаѣ, на судѣ такія выраженія не должны быть повторяемы. Имѣя право и даже обязанность остановить всякаго свидѣтеля, оскорбительно относящагося къ личности подсудимаго, предсѣдатель тѣмъ самымъ *управомоченъ исключить такія же выраженія и изъ читаемаго показанія*, или предложить суду сдѣлать это особымъ постановленіемъ, тѣмъ болѣе, что, въ виду рѣшеній № 1320, 1871 г. по дѣлу Гофмана и № 137, 1869 г., суду предоставлено право допускать прочтеніе показаній свидѣтелей и сообвиняемыхъ, умершихъ до преданія ихъ суду, *въ отдѣльныхъ частяхъ*, т. е. слѣдовательно съ опредѣленіемъ того, что не подлежитъ прочтенію. Но такъ какъ употребленіе какимъ либо свидѣтелемъ на судѣ грубыхъ выраженій по отношенію къ обвиняемому, не остановленное своевременно предсѣдателемъ, является лишь поводомъ къ возбужденію вопроса объ отвѣтственности предсѣдателя, но никогда не было признаваемо за поводъ къ отмѣнѣ рѣшенія, то и прочтеніе показаній съ такими выраженіями не можетъ влечь за собою кассацію приговора. Правительствующій Сенатъ отмѣнялъ приговоры присяжныхъ вслѣдствіе оскорбительныхъ выходокъ и извращающихъ смыслъ закона толкованій, допускаемыхъ сторонами, но не свидѣтелями, и притомъ выходокъ, оставшихся неисправленными со стороны предсѣдателя, но и это дѣлалось только въ крайнихъ случаяхъ и лишь при несомнѣнности воздѣйствія такихъ выходокъ и толкованій на присяжныхъ. Поэтому допущенное въ данномъ случаѣ нарушеніе не можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ приговора.

Заключая выводомъ объ оставленіи кассаціонной жалобы Назарова безъ послѣдствій, я считаю необходимымъ обратиться къ указаніямъ кассатора на оскорбительныя о Назаровѣ выраженія, помѣщенныя въ постановленіи судебнаго слѣдователя Сахарова, о его привлеченіи. По праву надзора, въ силу 1 п. 249 ст. учр. суд. уст., Правительствующій Сенатъ не можетъ оставить безъ послѣдствій тѣхъ грубыхъ и поносительныхъ выраженій, которыя

позволилъ себѣ употребить слѣдователь Сахаровъ по отношенію къ обвиняемому. Подобный образъ дѣйствій слѣдователя, несмотря на вложенный имъ въ дѣло большой личный трудъ, подрываетъ въ обвиняемомъ довѣріе къ его безпристрастію и вынуждаетъ его прибѣгать въ свою защиту къ средствамъ недостойнымъ. Слѣдователь — судья, и личное раздраженіе противъ обвиняемаго не должно имѣть мѣсто въ его дѣятельности; оно только роняетъ его званіе, нисколько не содѣйствуя цѣлямъ правосудія и даже идя въ разрѣзъ съ ними. Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи общаго собранія по дѣлу Чистякова 1869 г., № 23, призналъ, что употребленіе должностнымъ лицомъ выраженій, хотя бы и не содержащихъ прямого оскорбленія, но нарушающихъ правила пристойности въ бумагѣ, подлежащей разсмотрѣнію присутствія, составляетъ дѣяніе, предусмотрѣнное 2 п. 347 ст. улож. Въ настоящемъ случаѣ постановленіе слѣдователя заключаетъ въ себѣ не только непристойныя, но прямо оскорбительныя выраженія, помѣщенныя въ бумагѣ, подлежавшей разсмотрѣнію присутствія суда и судебной палаты. Поэтому дѣйствія судебнаго слѣдователя Сахарова, какъ предусмотрѣнныя 347 ст. улож. и могущія влечь за собою, на основаніи 3 п. 362 ст. учр. суд. уст. и 2 п. 1080 ст. у. у. с. преданіе его суду, подлежатъ передачѣ на уваженіе соединеннаго присутствія перваго и обоихъ кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: кассаціонную жалобу Назарова, за силою 912 ст. уст. угол. суд., оставить безъ послѣдствій.

VI.

По дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Скопинскомъ городскомъ общественномъ банкѣ.

Директора Скопинскаго городскаго общественнаго банка, ихъ товарищи, кандидаты къ нимъ, бухгалтеры и казначеи—коммерціи совѣтники Рыковъ и Поповъ, коллежскій совѣтникъ Донской, коллежскій секретарь Евтихіевъ, дворянинъ Скрипицынъ, купцы—Иконниковъ, Барабановъ, Рудневъ, Матвѣевъ и Лазаревъ, мѣщане—Швецовъ, Оводовъ, Заикинъ и Шамовъ,—преданные суду по обвиненію въ нарушеніяхъ положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ, растратахъ, подлогахъ и другихъ злоупотребленіяхъ, были осуждены приговоромъ Московской судебной палаты, согласно рѣшенію присяжныхъ засѣдателей.

На этотъ приговоръ всѣми ими, непосредственно и чрезъ защитниковъ, принесены кассаціонныя жалобы, въ которыхъ указывается на 56 поводовъ къ отмѣнѣ рѣшенія и приговора, коими осуждены, по выраженію Рыкова, «и старъ и младъ безъ разбора дѣла».

По дѣлу о злоупотребленіяхъ въ скопинскомъ банкѣ, на разсмотрѣніе Сената поступило четырнадцать кассаціонныхъ жалобъ и частная жалоба осужденнаго Рыкова, связанная по своему содержанію съ опредѣленіемъ границъ, въ которыхъ должны разсматриваться его многочисленныя и разнообразныя замѣчанія по отношенію къ тому, что происходило во время засѣданія въ московской судебной палатѣ. Обращаясь къ этой жалобѣ, необходимо имѣть въ виду, что хотя срокъ обжалованія приговора судебной палаты истекалъ 30-го января, но Рыковъ подалъ кассаціонную жалобу только 5-го февраля, и что московская судебная палата, въ виду важности и сложности дѣла, сочла возможнымъ продлить

первоначально назначенный срокъ и опредѣленіемъ 13-го февраля не признала его пропущеннымъ.

Подавая кассаціонную жалобу, Рыковъ ходатайствовалъ о принятіи и пріобщеніи къ дѣлу также и новыхъ его замѣчаній на протоколъ судебнаго засѣданія, сдѣланныхъ 5-го февраля. Въ этомъ ему отказано палатою опредѣленіемъ 8-го февраля, но въ Сенатъ представлены палатою его замѣчанія, между которыми наиболѣе обширное касается незанесенія въ протоколъ цѣликомъ его послѣдняго слова, безъ указанія, однако, статьи закона, на которой основано такое требованіе. Жалобщикъ видитъ въ отказѣ судебной палаты нарушеніе 842 ст. уст. уг. суд. Но такого нарушенія нѣтъ. По смыслу этой статьи, а также послѣдующихъ 843 и 844 — предъявленіе замѣчаній должно происходить до срока подачи кассаціонной жалобы. Иначе пришлось бы допустить на неопредѣленное время предъявленіе все новыхъ и новыхъ замѣчаній и составленіе по нимъ новыхъ заключеній суда. Это была бы полемика, затягивающая дѣло и, притомъ, совершенно безплодная, ибо разсмотрѣнію Сената, во всякомъ случаѣ, подлежитъ лишь кассаціонная жалоба, опирающаяся на то, о чемъ заявлено до ея подачи. Продливъ Рыкову кассаціонный срокъ, московская палата оказала ему снисхожденіе, дальше котораго идти она уже не имѣла права. Поэтому частная жалоба Рыкова не заслуживаетъ уваженія, и я не стану разбирать всѣхъ его позднѣйшихъ замѣчаній на протоколъ, сдѣланныхъ по истеченіи кассаціоннаго срока.

Переходя къ принесеннымъ кассаціоннымъ жалобамъ и сводя 56 поводовъ, приводимыхъ жалобщиками, къ 21 самостоятельному поводу, я нахожу, что они могутъ быть раздѣлены на *три категоріи*, по свойству указываемыхъ нарушеній.

Первая категорія касается нарушеній порядка преданія суду, *вторая*—дѣйствій суда при веденіи дѣла и *третья*—содержанія состоявшагося о подсудимыхъ приговора.

Жалобы подсудимыхъ, по *первой* категоріи нарушеній, касаются: *во-первыхъ*, извращенія установленнаго закономъ порядка преданія суду, и, *во-вторыхъ*, неправильнаго исполненія своихъ обязанностей обвинительною властью при обсужденіи основаній для преданія суду. Бухгалтеры банка, Швецовъ и Матвѣевъ, находятъ, что постановленіемъ рязанскаго губернскаго особаго по городскимъ дѣламъ присутствія о преданіи ихъ суду за злоупотребленія въ скопинскомъ банкѣ нарушенъ законный порядокъ привлеченія ихъ къ уголовной отвѣтственности, такъ какъ, хотя и обвиняемые въ преступленіяхъ по должности, они, все-таки, должны быть преданы суду въ общемъ порядкѣ, опредѣленіемъ обвинительной камеры, а не постановленіемъ административнаго начальства.—Такой ихъ взглядъ, однако, неправиленъ. Правительствующій Сенатъ еще въ 1869 году, въ рѣшеніи

по дѣлу Вериго, установилъ, что признаніе обвиняемаго отвѣтственнымъ за преступленіе по должности зависитъ не отъ того, служитъ ли онъ въ правительственномъ или общественномъ учрежденіи,— служитъ ли онъ по уставу о службѣ гражданской или по найму, а отъ того—составляетъ ли его дѣяніе нарушеніе обязанностей, на него по службѣ возложенныхъ. Поповъ, Матвѣевъ, и Швецовъ — исполняли въ скопинскомъ банкѣ служебныя обязанности; банкъ, будучи общественнымъ, былъ одною изъ частей городского хозяйства, а лица, служащія въ управленіи этимъ хозяйствомъ, на основаніи ст. 2108, II т. ч. 1, въ случаѣ преступленій по должности, подлежатъ наказаніямъ, установленнымъ для служебныхъ преступленій. Для преданія суду за эти преступленія существуютъ два порядка, несмотря на одинаковую при обоихъ отвѣтственность по улож. о наказ.—Рѣшеніями общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ, по дѣлу Сура (80 года, № 26) и уголовнаго кассаціоннаго департамента, по дѣламъ Струсберга и Степанова (1879 года, № 65), указаны отличительные признаки, обусловливающіе примѣненіе того или другого порядка. Тамъ, гдѣ лицо, караемое за должностное преступленіе, совершаетъ его на службѣ учрежденіямъ, заведеніямъ или собраніямъ частнымъ, преслѣдующимъ частную цѣль, добивающимся частныхъ интересовъ,— тамъ порядокъ преданія суду — общій, чрезъ обвинительную камеру. Таковыми будутъ, по разъясненіямъ Сената, инженеры, служащіе на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ, директоры частныхъ банковъ, церковные старосты, и т. п. Наоборотъ, лица, служащія въ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, преслѣдующихъ общія цѣли общественнаго и государственнаго благосостоянія и благоустройства, подлежатъ преданію суду въ особомъ порядкѣ, спеціально для нихъ установленномъ. Къ такимъ лицамъ практикою Сената отнесены письмоводители становыхъ приставовъ, судебныхъ слѣдователей, мировыхъ судей, вольнонаемные секретари мировыхъ съѣздовъ и лица, служащія вообще въ должностяхъ, подвѣдомственныхъ земскимъ управамъ, причемъ такимъ лицомъ признанъ, въ рѣшеніи по дѣлу Масленко (1874 г.), даже вольнонаемный каптенармусъ земской больницы. Въ виду этого, надлежитъ признать, что и лица, служащія, хотя бы и по найму, въ учрежденіяхъ, подвѣдомыхъ городскимъ думамъ,—подлежатъ не только отвѣтственности, согласно 2108 ст. II т., но и преданію суду, какъ должностныя лица городского общественнаго управленія. А порядокъ преданія суду, опредѣленный въ ст. 2103—2107 того же тома, соблюденъ по настоящему дѣлу вполнѣ и совершенно правильно. Ссылка жалобщиковъ на кассаціонныя рѣшенія и на лишеніе ихъ надлежащихъ гарантій для защиты своихъ правъ и невиновности тѣмъ, что ихъ предало суду особое городское присутствіе, не заслуживаетъ уваженія. Приводимыя ими

кассаціонныя рѣшенія говорятъ не въ пользу, а противъ нихъ. Рѣшеніемъ по дѣлу Ковнера за 1875 годъ устанавливается то, что при отвѣтственности по 1154 ст. улож. нѣтъ различія между главными и второстепенными должностными лицами *частныхъ* банковъ, слѣдовательно, тѣмъ болѣе нѣтъ такого отличія ни въ отвѣтственности, ни въ порядкѣ преслѣдованія между штатными и вольнонаемными служащими *общественныхъ* банковъ. Рѣшеніе по дѣлу Струсберга указываетъ именно на то, что общему порядку преданія суду подвергаются лица, служащія въ частныхъ банкахъ, т. е. такихъ, гдѣ цѣлью учрежденія является частный, а не общественный интересъ.

Жалоба подсудимыхъ на отнятіе у нихъ гарантіи при томъ порядкѣ, въ которомъ они преданы суду, имѣла бы еще какое либо значеніе, если бы они были преданы суду безъ производства слѣдствія, по ст. 1087 уст. уг. суд., и указывали бы, что ихъ объясненія не были подвергнуты начальствомъ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ. Но дѣянія ихъ вызвали предъявленіе громаднаго гражданскаго иска, а этимъ обусловливалось обязательное производство слѣдствія, согласно 1089 ст. уст. уг. суд., и всѣ тѣ объясненія, которыми разъяснялась ихъ невиновность и непричастность къ расхищенію скопинскаго банка, они могли съ полною подробностью и пользуясь всѣми гарантіями судебныхъ уставовъ, представить на предварительномъ слѣдствіи. Поэтому, о нарушеніи ихъ правъ преданіемъ суду не можетъ быть и рѣчи.

Жалобщикъ коммерціи-совѣтникъ Поповъ находитъ, что власть, предающая суду, не исполнила своихъ обязанностей тѣмъ, что допустила въ обвинительномъ актѣ изложеніе обвиненія, вопреки 520 ст. уст. уг. суд., въ такомъ видѣ, что оно является основаннымъ исключительно на предположеніяхъ, а это воспрещено рѣшеніемъ Сената по извѣстному дѣлу Данилова и Леонтьева. Эта жалоба лишена основаній. Страница 51-я обвинительнаго акта, на которую указываетъ Поповъ, содержитъ въ себѣ не предположенія, могущія лишь подтвердиться на судебномъ слѣдствіи, какъ это было по дѣлу Данилова и Леонтьева, а вполнѣ точные и ясные выводы изъ указанныхъ въ томъ же актѣ показаній свидѣтелей и другихъ данныхъ, которымъ, въ обвинительномъ пунктѣ акта, и сдѣлана — не гадательная, а вполнѣ опредѣленная квалификація.

Вторая категорія нарушеній касается неправильнаго веденія дѣла на судѣ. Прежде всего, сюда относятся *нарушенія до судебнаго засѣданія*. Иванъ Рудневъ жалуется на лишеніе возможности выставить въ свое оправданіе свидѣтелей невиновности и на нарушеніе равноправности сторонъ отказомъ въ вызовѣ свидѣтеля Голикова и въ вызовѣ его затѣмъ на допросъ, по требованію прокурора. Но жалуется онъ напрасно. Получивъ обвини-

тельный актъ 15-го іюня и прося о вызовѣ новыхъ свидѣтелей 10-го ноября, онъ не могъ и не долженъ былъ надѣяться, что палата, въ явное нарушеніе 557 ст. уст. угол. суд., допустить вызовъ этихъ свидѣтелей. Нѣтъ и нарушенія равноправности въ томъ, что прокуроръ воспользовался принадлежащимъ ему по 573 ст. устава правомъ вызова свидѣтеля до самаго дня засѣданія. Жалобщикъ не указываетъ, чтобы онъ былъ лишенъ права предлагать Голикову вопросы послѣ допроса его прокуроромъ и даже не говоритъ, что для него почему либо важно было *первому* предложить эти вопросы.

Затѣмъ идутъ указанія на рядъ нарушеній закона относительно *присяжныхъ засѣдателей*. По мнѣнію Рыкова, Попова, Донскаго и Руднева, присяжные засѣдатели рѣшали дѣло въ составѣ, измѣненномъ, вопреки закону, противъ первоначальнаго, вслѣдствіе увольненія засѣдателя Пономарева безъ основательныхъ причинъ, и находились подъ постороннимъ, пагубнымъ для правосудія, вліяніемъ, въ виду безотлучнаго нахожденія при нихъ судебнаго пристава Тинькова, «относительно безпристрастія котораго нѣтъ гарантій», полученія ими враждебныхъ подсудимымъ газетъ и свиданій съ родственниками. Предположенія этого посторонняго вліянія усиливаются въ жалобщикахъ еще и тѣмъ, что предсѣдатель совѣщался съ однимъ изъ присяжныхъ, вопреки прямому запрещенію Сената, въ рѣшеніи по дѣлу Христича, вполголоса, и что присяжные засѣдатели, употребивъ на совѣщаніе и постановленіе отвѣта по каждому вопросу по $^3/_4$ минуты, какъ видно изъ разсчета, опубликованнаго газетою «Новости Дня», обсудили дѣло кое-какъ, на скорую руку и, осуждая «стара и млада», не разсмотрѣли внимательно взведенныхъ на нихъ обвиненій. Но всѣ эти заявленія не заслуживаютъ уваженія. Указаніе на предосудительное вліяніе судебнаго пристава ничѣмъ не подтверждается; въ протоколѣ засѣданія нѣтъ никакого слѣда своевременнаго заявленія о немъ или о томъ, что приставъ Тиньковъ находился при присяжныхъ и во время ихъ *рѣшительнаго* совѣщанія. Нахожденіе судебнаго пристава при присяжныхъ засѣдателяхъ является требованіемъ необходимости. Присяжные должны имѣть при себѣ лицо для сношеній съ судомъ и предсѣдателемъ, по многочисленнымъ практическимъ вопросамъ, вызываемымъ ихъ пребываніемъ въ судѣ. Люди, призванные проводить въ судѣ три недѣли, отрѣшенные отъ внѣшняго міра, не могутъ быть лишены посредника, чрезъ котораго они могутъ заявлять о своихъ нуждахъ, требованіяхъ, тревогахъ или тѣлесныхъ страданіяхъ. Протоколъ умалчиваетъ также о заявленіи — нынѣ запоздаломъ — о проносѣ къ присяжнымъ газетъ, а свиданія, дававшіяся присяжнымъ засѣдателямъ, въ присутствіи судебнаго пристава, съ родственниками, если бы даже и были удостовѣрены своевременно,

то и тогда не представлялись бы нарушеніемъ закона, въ виду рѣшенія Сената по дѣламъ Сулятицкаго и игуменьи Митрофаніи. Разговоръ предсѣдателя «вполголоса» съ однимъ изъ присяжныхъ засѣдателей отмѣченъ въ протоколѣ и въ заключеніяхъ палаты на замѣчанія,—и изъ нихъ видно, что онъ происходилъ громко, при всѣхъ присяжныхъ, въ присутствіи сторонъ, причемъ содержаніе его, вполнѣ относящееся къ дѣлу, указано въ протоколѣ. Рѣшеніемъ же по дѣлу Христича признанъ за существенное нарушеніе разговоръ вполголоса предсѣдателя съ присяжнымъ, когда другіе уже удалились въ совѣщательную комнату. Поэтому, этотъ поводъ кассаціи, какъ вполнѣ неосновательный, падаетъ.

Незаконность состава присяжныхъ засѣдателей была вызвана, по мнѣнію жалобщиковъ, увольненіемъ, по болѣзни, присяжнаго засѣдателя Пономарева, безъ освидѣтельствованія его врачомъ судебныхъ установленій. Здѣсь нѣтъ, однако, никакого упущенія, такъ какъ способъ удостовѣренія въ болѣзни присяжныхъ засѣдателей закономъ не предустановленъ. Люди, которымъ вручается разрѣшеніе вопроса о виновности или невиновности подсудимыхъ, на основаніи внутренняго ихъ убѣжденія, имѣютъ основаніе ожидать со стороны суда довѣрія къ своимъ заявленіямъ, а судъ имѣетъ полное право не выражать посредствомъ медицинскаго освидѣтельствованія сомнѣнія въ готовности присяжнаго засѣдателя исполнять свои подчасъ тяжелыя обязанности, покуда его физическія силы не будутъ потрясены недугомъ. Для замѣны комплектнаго засѣдателя запаснымъ вовсе не нужно заключенія сторонъ, какъ полагаютъ жалобщики, но даже и постановленіе суда, что̀, повидимому, считаетъ необходимымъ палата, представляется излишнимъ. Рѣшеніемъ Сената по дѣлу Философова, въ 1868 году, разъяснено, что замѣна присяжнаго засѣдателя запаснымъ относится къ дискреціонной власти предсѣдателя и дѣлается по его личному распоряженію.

Наконецъ, по послѣднему заявленію о рѣшеніи дѣла присяжными на скорую руку, безъ серьезнаго обсужденія, надо замѣтить, что если и признать, вопреки протоколу, правильной ссылку на періодъ времени совѣщанія присяжныхъ, т. е. признать, что они въ 337 минутъ разрѣшили 407 вопросовъ, то и этотъ фактъ никакихъ элементовъ, разрушающихъ законность приговора, въ себѣ не содержитъ. Присяжные засѣдатели, разсматривавшіе дѣло въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, имѣли, безъ сомнѣнія, и время, и возможность выяснить себѣ въ подробностяхъ, въ чемъ состоитъ существо взводимаго на подсудимыхъ обвиненія. Жалобщики упускаютъ изъ виду то, что предъ присяжными—медленно и послѣдовательно — развертывался сложный процессъ, отрѣзавшій ихъ отъ внѣшняго міра и сосредоточившій на себѣ ихъ вниманіе. Для обсужденія всѣхъ его подробностей—у нихъ было

много времени. Полагать, что присяжные совершенно пассивно сидятъ весь процессъ и, какъ губка, лишь механически впитываютъ въ себя факты, данныя и впечатлѣнія, съ тѣмъ, чтобы только при окончательномъ совѣщаніи, подъ давленіемъ старшины, начать разбираться въ этихъ фактахъ — значитъ не знать или сознательно умалчивать о дѣятельности ихъ на практикѣ и о постановкѣ ихъ роли въ процессѣ, начертанномъ въ судебныхъ уставахъ. Присяжные—не *механизмъ*, нуждающійся въ постороннемъ толчкѣ, а *организмъ*, живой и воспріимчивый, внутренняя работа котораго происходитъ во все время судебнаго слѣдствія,—и лишь итогъ которой подводится въ совѣщательной комнатѣ. Притомъ же, по отношенію къ каждому изъ обвиненныхъ былъ поставленъ рядъ вопросовъ въ однородной редакціи по цѣлымъ отдѣламъ обвиненія, лишь съ замѣною въ каждомъ рядѣ фамиліи обвиняемыхъ. Очевидно, что утвердительный отвѣтъ присяжныхъ засѣдателей на одинъ такой вопросъ изъ ряда однородныхъ вопросовъ, относящихся къ одному лицу, — составляетъ отвѣтъ и на всѣ прочіе вопросы этого рода, не требующій долгихъ совѣщаній.

Второй рядъ нарушеній, относящихся къ этой категоріи, совершенъ, по мнѣнію жалобщиковъ, *предсѣдателемъ* по дѣлу о скопинскомъ банкѣ. Имъ нарушены 612 и 630 ст. уст. уг. суд., обязывающія давать подсудимымъ всѣ средства къ защитѣ и поддерживать на судѣ равноправность сторонъ — тѣмъ, что онъ не удовлетворилъ указаній защитника Рыкова относительно порядка спроса свидѣтелей и прочтенія документовъ, относящихся къ ихъ показаніямъ, а, между тѣмъ, счелъ возможнымъ дать на запросъ прокурора свѣдѣнія о томъ порядкѣ, въ которомъ предполагается вести судебное слѣдствіе. Статьи 611 и 614, предоставляющія предсѣдателю полное право установленія порядка предъявленія доказательствъ по его усмотрѣнію, и ст. 701, дозволяющая ему видоизмѣнять даже предустановленную въ законѣ очередь допроса свидѣтелей, а также записанное въ протоколъ заявленіе предсѣдателя, что все, клонящееся къ выясненію дѣла, будетъ своевременно оглашено, — достаточно доказываютъ неосновательность жалобы Рыкова въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что за исключеніемъ одного случая, о которомъ я буду говорить далѣе, онъ не указываетъ, чтобы обѣщаніе предсѣдателя осталось неисполненнымъ. Затѣмъ, намъ говорятъ, что предсѣдатель оставилъ Рыкова безъ защиты и не далъ ему возможности, вопреки 729 ст. уст. уг. суд., узнать, что происходило въ его отсутствіе на судѣ. Когда 2-го декабря, подсудимый, вслѣдствіе произведенныхъ имъ безпорядковъ, былъ удаленъ, онъ «воспретилъ» своему защитнику, присяжному повѣренному Одарченко, быть своимъ представителемъ, а когда затѣмъ Рыковъ снова явился на скамьѣ подсудимыхъ, то предсѣдатель ограничился лишь объясненіемъ ему,

что «обвинитель поддерживалъ обвиненіе во всемъ его объемѣ», безъ всякихъ дальнѣйшихъ подробностей. Но и эта жалоба лишена основанія. Изъ дѣла видно, что когда Рыковъ былъ уведенъ, предсѣдатель спросилъ присяжн. пов. Одарченко, считаетъ ли онъ возможнымъ продолжать исполненіе своихъ обязанностей, и Одарченко отвѣчалъ, что считаетъ это своимъ нравственнымъ долгомъ, а вечеромъ Рыковымъ подано письменное заявленіе, что онъ разрѣшаетъ присяжн. пов. Одарченко вновь представлять себя на судѣ. Такимъ образомъ, въ дѣятельности присяжн. пов. Одарченко не было момента, когда онъ не былъ бы защитникомъ своего кліента, и Рыковъ не имѣетъ основаній жаловаться на то, что онъ оставался на судѣ безъ законной защиты. Что касается нарушенія 729 ст. уст. уг. суд., заключающагося, будто бы, въ томъ, что предсѣдатель не передалъ Рыкову содержанія обвинительной рѣчи, сказанной въ его отсутствіе, то это указаніе представляется плодомъ непониманія 729 ст. уст. угол. суд., которая, даже и при широкомъ толкованіи ея практикою Правительствующаго Сената, обязываетъ сообщать удаленному и, затѣмъ, возвращенному подсудимому — лишь о *дѣйствіяхъ*, происходившихъ на судѣ въ его отсутствіе и о *сущности* данныхъ свидѣтелями показаній. Если и по отношенію къ этимъ показаніямъ нужна лишь передача сущности, то тѣмъ болѣе представляется невозможнымъ требовать *подробнаго* изложенія доводовъ сторонъ.

Ожидать полнаго изложенія предсѣдателемъ обвинительной рѣчи не только практически невозможно, но и совершенно безполезно. Подсудимый можетъ не ожидать свидѣтельскихъ показаній, — ихъ содержаніе ему можетъ быть совершенно неизвѣстно, онъ не можетъ, не зная ихъ, подготовиться къ опроверженію, къ объясненію. Но имѣя въ рукахъ обвинительный актъ, онъ знаетъ въ существенныхъ чертахъ, *что* будетъ сказано прокуроромъ въ развитіе положеній этого акта, и не долженъ ждать отъ предсѣдателя, что тотъ, теряя время и утомляя присяжныхъ, будетъ ему излагать еще и *какъ* построена рѣчь прокурора.

Третье нарушеніе, указываемое Рыковымъ, состоитъ въ томъ, что предсѣдателемъ не былъ остановленъ представитель гражданскаго истца, присяжный повѣренный Плевако, говорившій, вопреки 742 ст. уст. угол. суд., объ уголовной отвѣтственности подсудимаго, и притомъ въ выраженіяхъ, которыя не могли не произвести пагубнаго вліянія на безпристрастіе присяжныхъ, а предсѣдателемъ въ его заключительномъ словѣ однако не изглажены. Протоколъ судебнаго засѣданія не удостовѣряетъ, однако, чтобы Рыковъ и его защитникъ просили о занесеніи въ протоколъ заявленій Плевако, будто бы рисовавшаго присяжнымъ подсудимаго, какъ кулака и міроѣда, какъ скорпіона, котораго надо раздавить, не становясь на сторону беззаконія и не отпуская его безнаказанно,

и т. д. Объясненія палаты подтверждаютъ, что въ словахъ повѣреннаго гражданскаго истца не было усмотрѣно ничего нарушающаго его обязанности и приличіе судебныхъ преній. Что же касается до общаго замѣчанія, что присяжный повѣренный Плевако касался уголовной отвѣтственности, то подъ нею надо понимать *отвѣтственность по уголовнымъ законамъ*, о которой гражданскому истцу запрещается говорить, какъ о выходящей изъ цѣлей, съ которыми онъ допускается на судъ. Но воспрещеніе указанія на эту отвѣтственность не содержитъ въ себѣ воспрещенія говорить *о виновности*. Отрѣшиться отъ вопроса о виновности гражданскій истецъ можетъ лишь тогда, когда событіе преступленія отдѣляется отъ понятія о винѣ отвѣтчика. Но тамъ, гдѣ событіе и вина сливаются, — гдѣ можетъ предстоять одинъ общій вопросъ о томъ и другомъ, тамъ доказываніе виновности и наличности фактовъ, причинившихъ ущербъ, — сливаются такъ тѣсно, что воспрещеніе истцу говорить о виновности было бы равносильно упраздненію гражданскаго иска.

Дальнѣйшее нарушеніе усматривается Рыковымъ и пятью присоединившимися къ нему жалобщиками — въ неправильностяхъ, допущенныхъ предсѣдателемъ при произнесеніи заключительнаго слова, причемъ онъ, принявъ на себя не принадлежащую ему задачу возражать защитѣ Рыкова, критически разбирая доводы подсудимыхъ и оцѣнивая степень ихъ умственнаго развитія, — изложилъ всѣ свои соображенія въ обвинительно-тенденціонномъ смыслѣ, не упомянувъ о томъ, что всякое сомнѣніе должно толковаться въ пользу подсудимыхъ.

Такая рѣчь предсѣдателя, по увѣренію жалобщиковъ, впрочемъ, была лишь окончательнымъ выраженіемъ обвинительнаго направленія, которымъ были проникнуты многія его заявленія на судѣ, въ родѣ рѣзкихъ вопросовъ подсудимымъ: «гдѣ у васъ была голова?» и требованій говорить громче, ибо «вы вѣдь не такъ разговаривали у себя въ Скопинѣ», и т. п. Ничто изъ этого не занесено, однако, въ протоколъ и не подтверждено судомъ, а потому приписываніе предсѣдателю всѣхъ этихъ, неумѣстныхъ по формѣ и по содержанію выраженій — является совершенно бездоказательнымъ. Подсудимые и ихъ защитники должны знать, что для дѣйствительности ссылки на слово, улетучивающееся безслѣдно, необходимо закрѣпить его на письмѣ. Verba volant — scripta manent — и непользованіе этимъ правомъ закрѣпленія указываетъ на отсутствіе фактическихъ основаній для этого права.

Обращаясь къ заключительному слову предсѣдателя, нужно замѣтить, что всѣ заявленія жалобщиковъ отличаются большою неопредѣленностью. Жалобы на обвинительную тенденцію касаются слишкомъ неуловимаго и не подлежащаго кассаціонной провѣркѣ обстоятельства и самими жалобщиками нигдѣ не указы-

вается, чтобы предсѣдатель, вопреки закону, высказалъ свое личное мнѣніе о винѣ или невиновности того или другого изъ нихъ. Заключительное слово по сложному, продолжительному и имѣющему техническій характеръ процессу, не можетъ быть сведено къ утомительному и безполезному, особливо послѣ горячихъ и талантливыхъ преній сторонъ, механически-безцвѣтному перечисленію всѣхъ представленныхъ доводовъ. По смыслу 801—802 статей уст. угол. суд., предсѣдатель не только можетъ, но и долженъ изложить существенныя обстоятельства дѣла и возстановить тѣ изъ нихъ, которыя неправильно истолкованы сторонами. Поэтому, онъ долженъ и группировать, и классифицировать доказательства, подводить ихъ итоги и давать указанія для оцѣнки силы и значенія каждаго рода доказательствъ — и, притомъ, не *отвлеченныхъ* доказательствъ, а представленныхъ по дѣлу, въ ихъ бытовой и фактической окраскѣ. Онъ не можетъ говорить о винѣ подсудимаго, но онъ имѣетъ право опредѣлять *удѣльный вѣсъ* представленныхъ имъ доказательствъ. Онъ не только водитъ присяжныхъ по лѣсу разнородныхъ насажденій, сдѣланныхъ обвиненіемъ и защитою, но, какъ опытный садоводъ, опредѣляетъ породу и свойства каждаго растенія. Если доказательства, представленныя стороною, слабы, противорѣчивы, разваливаются при первомъ прикосновеніи, при первой попыткѣ ихъ сгруппировать, то это не вина предсѣдателя и не основаніе къ обреченію его на роль простого ихъ перечислителя, роль, безцвѣтность которой усугублялась бы ея безплодностью. Изъ всѣхъ замѣчаній жалобщиковъ только два отличаются нѣкоторою точностью. Зачѣмъ не было сказано о толкованіи сомнѣнія въ пользу подсудимаго? Отвѣтъ простой: затѣмъ, что нѣтъ закона, который обязывалъ бы это дѣлать. Дѣлается это по обычаю, очень почтенному и юридически правильному. Но на непримѣненіе обычая нельзя жаловаться. Можно лишь жалѣть объ этомъ, да и то только тогда, когда обвиненіе основано на уликахъ, гдѣ преступный фактъ и его составныя части вызываютъ сомнѣніе, а не тамъ, гдѣ дѣйствія подсудимыхъ ясны для всѣхъ, и не о сомнѣніи, а лишь объ отвѣтственности идетъ рѣчь. Второе замѣчаніе Рыкова указываетъ на то, что предсѣдатель опровергалъ его указанія, что въ скопинскомъ крушеніи виновны другія мѣста и лица, ибо въ нормальный уставъ городскихъ банковъ 1862 года не были введены гарантіи для вкладчиковъ, что̀ и обусловило возможность злоупотребленій. Опровергая эту теорію, предсѣдатель исполнилъ свою обязанность. Стороны иногда въ своихъ рѣчахъ освѣщаютъ дѣло очень односторонне. То подсудимый берется обвинителемъ безъ всякаго соображенія съ тою обстановкой, въ которой онъ дѣйствовалъ, и изолируется отъ окружавшихъ его обстоятельствъ, то, наоборотъ,— все второстепенное и отдаленное, могущее имѣть зна-

ченіе лишь для смягченія наказанія, выдвигается защитою на первый планъ, искусственно заслоняя главнаго виновника. Настоящими обвиняемыми оказываются—заѣвшая подсудимаго среда, упущенія законодательства, довѣрчивость потерпѣвшихъ, недосмотры органовъ власти и т. д. Самъ подсудимый стоитъ въ тѣни, почти какъ зритель, но не какъ ближайшій виновникъ судимаго дѣянія. Наступаетъ то, что я считаю правильнымъ назвать *извращеніемъ уголовной перспективы*. Но такое извращеніе, выдвигая предъ присяжными впередъ то, чему мѣсто назади, должно быть исправляемо предсѣдателемъ, который долженъ отвести каждому изъ законныхъ ингредіентовъ будущаго приговора подобающее ему мѣсто. Поэтому предсѣдатель суда надъ Рыковымъ поступилъ вполнѣ правильно, возстановивъ надлежащую перспективу и обративъ вниманіе присяжныхъ на то, что *настоящій* обвиняемый по дѣлу о беззастѣнчивомъ расхищеніи трудовыхъ сбереженій, ввѣренныхъ скопинскому банку, не безличный уставъ 1862 года, а живое лицо — коммерціи-совѣтникъ Рыковъ.

Пятое нарушеніе предсѣдателя, по мнѣнію бухгалтера банка Матвѣева, состоитъ въ запрещеніи, вопреки 719 и 722 ст. уст., защитнику его предлагать свидѣтелю Симакову вопросы о томъ, почему, зная о злоупотребленіяхъ въ банкѣ, онъ не донесъ прокурору? т. е. вопросы, клонившіеся къ обвиненію самого Симакова въ преступномъ недонесеніи. Матвѣевъ находитъ, что предсѣдатель, объяснивъ свидѣтелю о правѣ его не отвѣчать, не долженъ былъ останавливать вопроса. Напрасно серьезно разбирать этотъ поводъ: вопросъ, на который свидѣтель не желаетъ и имѣетъ право не отвѣчать — есть вопросъ *излишній*, а предсѣдатель обязанъ устранять все излишнее, особливо когда оно клонится къ поставленію свидѣтеля въ щекотливое положеніе.

Послѣднее изъ нарушеній со стороны предсѣдателя, которое разбираетъ подробно и съ особымъ тщаніемъ Рыковъ, состоитъ въ томъ, что, вопреки ст. 612, 630, 729, 733 и 735 уст. угол. суд., ему было отказано въ дополненіи слѣдствія прочтеніемъ документовъ и ссылками на свидѣтельскія показанія и что онъ былъ не за шумъ и буйство, а за какое-то *нарушеніе порядка* удаленъ изъ залы засѣданія — безъ всякаго законнаго повода. Изъ протокола видно, что 1-го декабря, при окончаніи засѣданія, предсѣдателемъ предложено было сторонамъ дополнить судебное слѣдствіе и такія дополненія были сдѣланы и что, затѣмъ, вновь былъ повторенъ вопросъ о томъ, не желаютъ ли стороны сдѣлать еще дополненія. Заявленія Рыкова о томъ, что слѣдствіе надлежитъ чѣмъ-либо дополнить, не послѣдовало и слѣдствіе было объявлено оконченнымъ.

Въ виду этого—сдѣланное 2-го декабря утромъ, когда должны были начаться пренія, заявленіе Рыкова о производствѣ ряда новыхъ изслѣдованій не могло не быть признано запоздалымъ и не-

своевременнымъ, и предсѣдатель, обязанный заботиться о томъ, чтобы установленный закономъ порядокъ послѣдовательности судебныхъ дѣйствій не нарушался,—имѣлъ право сослаться на то, что судебное слѣдствіе окончено и пригласить Рыкова не нарушать порядка.

Мнѣніе жалобщика, что онъ могъ подлежать удаленію лишь за шумъ и буйство, а не за нарушеніе порядка несвоевременными и настойчивыми заявленіями, вопреки распоряженію предсѣдателя о начатіи преній—не основано на законѣ. По ст. 154 уч. суд. уст., предсѣдатель имѣетъ право остановить, удалить и даже арестовать всякое постороннее лицо, находящееся въ судебномъ засѣданіи, если оно позволило себѣ шумъ, буйство или иное чѣмъ либо нарушеніе порядка. Статья 157 уч. суд. уст. распространяетъ дисциплинарную власть предсѣдателя въ случаяхъ, указанныхъ въ 154 ст. и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, которыя подвергаются замѣчаніямъ, предостереженіямъ и, наконецъ, удаленію изъ засѣданія. Слѣдовательно, участвующія въ дѣлѣ лица вовсе не должны производить непремѣнно буйство или шумъ, чтобы быть удаленными. Достаточно, если они не внемлютъ предостереженію по поводу нарушенія ими порядка, а такъ какъ въ протоколѣ засѣданія именно значится, что Рыковъ произвелъ нарушеніе порядка, то этого вполнѣ достаточно, чтобы не признавать въ распоряженіи предсѣдателя—нарушенія закона. Таковы нарушенія, допущенныя, по мнѣнію жалобщиковъ, предсѣдателемъ. Я ихъ не усматриваю и полагаю, что жалобы на нихъ не заслуживаютъ уваженія.

Третій родъ нарушеній *второй* категоріи обнимаютъ собою нарушенія, произведенныя *судомъ* и выразившіяся, прежде всего, въ нарушеніи ст. 687 уст. угол. суд., въ силу которой протоколы осмотровъ, выемокъ и обысковъ прочитываются въ случаѣ требованія сторонъ, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ протоколъ судебнаго слѣдователя за № 213 объ осмотрѣ документовъ, представленныхъ свидѣтелемъ Масленниковымъ, не былъ прочитанъ, несмотря на просьбу Рыкова, потому, что онъ, какъ выразилась въ своемъ постановленіи палата, «не относится къ дѣлу». Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи 1878 года по дѣлу Ховалкина, призналъ, что отказъ суда въ прочтеніи письменныхъ документовъ и протоколовъ, предусмотрѣнныхъ ст. 687 и 629 ст. уст. угол. суд., долженъ быть подробно мотивированъ. Такая мотивирка представляется необходимою для того, чтобы судить, насколько тотъ или другой документъ, пріобщенный къ дѣлу или упомянутый въ протоколѣ, дѣйствительно не относится къ дѣлу. Но отсутствіе такой мотивировки, по моему мнѣнію, не представляется важнымъ, когда отказъ касается документа, до такой степени чуждаго дѣлу, что сами жалобщики не могутъ указать, ка-

кое отношеніе къ ихъ дѣянію имѣетъ непрочтенный актъ или документъ и какой, въ данномъ случаѣ, ущербъ нанесъ имъ отказъ суда. Въ этомъ случаѣ подробная мотивировка представлялась бы и излишнею, и крайне затруднительною. Можно разбирать недостаточность *положительныхъ* свойствъ документа, но излишне подвергать критикѣ одни лишь его *отрицательныя* свойства. Между тѣмъ, со стороны Рыкова ни въ протоколѣ, ни въ жалобахъ нѣтъ указаній на то, какое же именно отношеніе имѣетъ къ дѣлу протоколъ за № 213, въ которомъ говорится о произведенномъ осмотрѣ увѣдомленія особой канцеляріи по кредитной части объ оставленіи безъ послѣдствій прошенія гражданъ города Скопина, ненадлежаще поданнаго, вопреки 21 ст. пол. о городскихъ банкахъ,—увѣдомленія объ оставленіи прошенія Масленникова безъ движенія за неприложеніемъ гербовой марки и, наконецъ, книги адресовъ, поднесенныхъ скопинскимъ банкомъ Августѣйшимъ Особамъ. Кромѣ того, рѣшеніемъ Сената въ 1878 г. № 34, разъяснено, что недозволеніе прочтенія письменныхъ доказательствъ, пріобщенныхъ къ дѣлу не составляетъ существеннаго нарушенія, если содержаніе ихъ можетъ сдѣлаться извѣстнымъ другимъ путемъ. По данному дѣлу, свидѣтель Масленниковъ, представившій эти документы въ дополненіе своего показанія, былъ допрошенъ на судѣ, слѣдовательно, сторонамъ предоставлялась полная возможность предложить ему вопросы по поводу этихъ документовъ — и путемъ его показанія разъяснить требуемый вопросъ. Поэтому, если и видѣть въ отказѣ въ прочтеніи протокола № 213 нѣкоторое отступленіе отъ точнаго смысла 687 ст. угол. судопр., то оно, во всякомъ случаѣ, не составляетъ существеннаго нарушенія и не можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія присяжныхъ.

Затѣмъ, какъ на нарушеніе 835 и 841 ст. уст. указывается на то, что протоколъ судебнаго засѣданія писался не во время самаго судебнаго засѣданія, а послѣ окончанія его и безъ оговорки нѣкоторыхъ имѣющихся въ немъ поправокъ и приписокъ. Такъ какъ Рыковъ не указываетъ, какія его права нарушены этимъ отсутствіемъ нѣкоторыхъ оговорокъ, и не утверждаетъ, чтобы эти оговорки и помарки не соотвѣтствовали въ дѣйствительности тому, что происходило на судѣ, то это его заявленіе не можетъ быть принято въ уваженіе, равно какъ и лишенное твердой опоры въ законѣ утвержденіе его, что протоколъ долженъ быть не только веденъ, но и составленъ окончательно во время засѣданія, а не по окончаніи такового, при сводѣ всѣхъ сдѣланныхъ секретаремъ отмѣтокъ.

Наконецъ, послѣднее нарушеніе ст. 750 и 752 уст. угол. суд. о постановкѣ вопросовъ подсудимый Швецовъ видитъ въ томъ, что взведенное на него обвиненіе касается вопроса о сдѣлкахъ по покупкамъ и продажамъ процентныхъ бумагъ съ 1872 по 1878

годъ, тогда какъ вопросъ присяжнымъ засѣдателямъ былъ поставленъ относительно 1877 и 1879 годовъ, а также и въ томъ, что онъ преданъ суду за скрѣпленіе подложнаго отчета въ 1875 году, между тѣмъ какъ присяжнымъ засѣдателямъ указывалось, что онъ скрѣпилъ отчетъ за 1875 годъ. Хотя, дѣйствительно, такая постановка вопроса не соотвѣтствуетъ выводу обвинительнаго акта, но такъ какъ палата имѣла право измѣнять редакцію вопросовъ по измѣнившимся на судебномъ слѣдствіи обстоятельствамъ и это кассаціонной провѣркѣ не подлежитъ, и такъ какъ защитникомъ Швецова, присяжнымъ повѣреннымъ Гаркави, ни при постановкѣ этихъ вопросовъ, ни при преніяхъ о наказаніи не было сдѣлано никакихъ возраженій относительно времени приписываемыхъ его кліенту дѣяній, то въ настоящее время указаніе на такое нарушеніе представляется не заслуживающимъ уваженія.

Перехожу къ *третьей категоріи* нарушеній, относящихся до неправильностей состоявшагося о жалобщикахъ приговора. Они распадаются на четыре отдѣла. Къ *первому* относится неправильное примѣненіе законовъ. Швецовъ доказываетъ, что палата за основаніе исчисленія теченія давности по его преступленію, признанному по 362 ст. улож. подлогомъ, приняла уголовное наказаніе согласно 2 ст. 20 статьи, а не исправительное, какъ бы слѣдовало. Но даже если брать за исходную точку наказаніе уголовное, то и тутъ вина его, въ виду даннаго ему снисхожденія, 117 ст. улож. и Всемилостивѣйшаго манифеста 15-го мая 1883 года — погашается восьми-лѣтнею давностью, сокращаемою на треть.

То же доказываетъ и Шамовъ, и оба они, сверхъ того, утверждаютъ, что давность относительно ихъ не была прервана, такъ какъ слѣдствіе лично о каждомъ изъ нихъ начато лишь 20-го мая 1883 года, подача же крестьяниномъ Богатыревымъ 28-го августа 1880 года записки Министру Внутреннихъ Дѣлъ о преслѣдованіи злоупотребленій въ скопинскомъ банкѣ—давности, вопреки взгляду палаты, не прерываетъ.

Эти объясненія, однако, неосновательны. Г. сенаторъ-докладчикъ прочелъ подлинное мѣсто изъ приговора палаты, въ которомъ она подробно и всесторонне обсуждаетъ возбужденный ею самою, а не сторонами, вопросъ о давности. Съ этою частью приговора можно не соглашаться, но только никакъ не съ точки зрѣнія жалобщиковъ. Дѣйствительно, подача Богатыревымъ въ августѣ 1880 года записки Министру Внутреннихъ Дѣлъ не прерывала давности, но давность прервана съ момента передачи Министромъ жалобы Богатырева рязанскому городскому общественному управленію, что произошло въ октябрѣ 1880 года. Съ этого времени о злоупотребленіяхъ въ банкѣ было доведено до свѣдѣ-

нія власти, имѣющей право возбуждать преслѣдованіе и предавать суду, что̀ она затѣмъ въ порядкѣ инстанцій и сдѣлала. Поэтому давность прерывается лишь двумя мѣсяцами позже, чѣмъ полагаетъ палата. То, что въ жалобахъ Богатырева, поданныхъ въ томъ же 1880 году и прокурору рязанскаго суда, не упоминается лично о каждомъ изъ виновныхъ, а указываются лишь злоупотребленія, совершаемыя банкомъ, какъ совокупностью всѣхъ въ немъ служащихъ, не имѣетъ значенія для освобожденія обвиняемыхъ отъ взысканія за истеченіемъ давности. При указаніи на совокупность лицъ, связанныхъ преступными поступками въ одной общей дѣятельности, поименное опредѣленіе каждаго изъ нихъ излишне и только ставило бы, въ ущербъ правосудію, потерпѣвшаго, рѣшившагося пойти на обличеніе зла, въ крайне затруднительное положеніе. Разобрать, кого именно обнимаетъ общее, неразрывное обвиненіе—дѣло слѣдственной власти. Но, кромѣ того, въ этомъ дѣлѣ вообще нѣтъ мѣста примѣненію давности по манифесту 1883 года. Рѣшеніемъ сената 1884 года по дѣлу Борисова категорически установлено, что давность по этому манифесту не примѣняется къ такого рода дѣяніямъ, по которымъ уголовное преслѣдованіе возбуждено до его изданія. Поэтому, правильно толкуя перерывъ давности происшедшимъ въ 1880 году, палата не должна была примѣнять къ жалобщикамъ сокращеній срока таковой по манифесту. Но если это ею сдѣлано, то, во всякомъ случаѣ, не въ ущербъ жалобщикамъ, а слѣдовательно и жалобы ихъ въ этомъ отношеніи уваженія не заслуживаютъ.

Второе нарушеніе при постановленіи приговора заключается, по мнѣнію Попова, Донскаго и Оводова, въ неправильномъ толкованіи дѣяній ихъ, какъ покушенія на мошенничество. Мошенничество немыслимо безъ обмана, безъ ложныхъ увѣреній и введенія въ заблужденіе тѣхъ лицъ, съ которыми обвиняемый вступилъ въ сдѣлку. Но въ дѣяніи ихъ, состоявшемъ, какъ признано присяжными, въ неудавшемся сбытѣ вкладныхъ билетовъ, со знаніемъ, что эти билеты ничѣмъ не обезпечены, никакого обмана и введенія кого либо въ заблужденіе не было. Продажа билетовъ и бумагъ, относительно которыхъ извѣстно, что они ничѣмъ не обезпечены, составляетъ свободную гражданскую сдѣлку, и всякій могъ справиться о цѣнѣ билетовъ на биржѣ. Ссылаясь на рѣшеніе Сената по дѣлу кронштадтскаго банка, палата, по мнѣнію жалобщиковъ, упустила изъ виду, что полученіе вкладного билета безъ взноса денежнаго вклада, но съ замѣной его векселемъ, еще само по себѣ не преступно, и поэтому установленіе присяжными того факта, что по 18 вкладнымъ билетамъ на 108,300 р. с. деньги въ кассу банка внесены не были, еще не обусловливаетъ преступности продажи такихъ вкладныхъ билетовъ, если присяжными не указано, что деньги за билеты не

были замѣнены другою валютою и если ими не признана преступность цѣли, съ которою все это сдѣлано. Всѣ эти доводы не заслуживаютъ уваженія. Выдавая вкладные билеты за дѣйствительно обезпеченные вкладомъ и зная, что у банка нѣтъ болѣе средствъ учинить по нимъ уплату, такъ какъ на дѣлѣ никакого вклада по нимъ сдѣлано не было — сбытчики совершали несомнѣнный обманъ, и увѣреніе ихъ, что билету соотвѣтствуетъ вкладъ — было увѣреніемъ ложнымъ. О постановкѣ вопроса о замѣнѣ денегъ векселями или другою валютою жалобщики не просили, безъ сомнѣнія, потому, что вопросъ такого рода не вытекалъ изъ обстоятельствъ дѣла. Опредѣленіе цѣли, съ которою совершаются мошенничества — излишне. Она ясна сама по себѣ. Есть преступленія, существо которыхъ и наказуемость зависятъ отъ цѣли, съ которою они совершаются. Но есть и такія, которыя содержатъ опредѣленіе цѣли въ самихъ себѣ, гдѣ цѣль столь опредѣленно и неразрывно связана съ преступнымъ дѣйствіемъ, что о ней нечего говорить спеціально. Таковы всѣ похищенія чужого имущества. Поэтому, въ отвѣтѣ присяжныхъ о виновности Попова, Оводова и Донскаго, есть всѣ признаки мошенничества. Но жалобщики говорятъ, что палата во всякомъ случаѣ неправильно усмотрѣла въ ихъ дѣяніи *покушеніе*. Покушеніе, по мнѣнію коммерціи совѣтника Попова, не есть умозрительное понятіе и можетъ быть вполнѣ уяснено лишь при поясненіи статьи 9 улож. о нак. словами общедоступнаго закона, изображеннаго въ статьѣ 415 сельского судебнаго устава для государственныхъ крестьянъ, въ которой говорится, что покушеніемъ признается намѣреніе учинить проступокъ, когда оно обнаруживается дѣйствіемъ, коего послѣдствіемъ было бы совершеніе проступка, если бы оно не было отвращено обстоятельствами или остановлено собственною волею. Подъ такое опредѣленіе покушенія попытка сбыта фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ не подходитъ. Но, не говоря о томъ, что даже и подъ это, несовсѣмъ удачное, опредѣленіе покушенія, дѣяніе, въ коемъ признаны виновными Поповъ и его товарищи, — подходитъ, нельзя не замѣтить, что квалификація дѣяній, подсудныхъ общимъ судамъ, по сельскому судебному уставу, представляетъ нововведеніе, не имѣющее никакихъ основаній. Обращеніе къ этому уставу въ то время, когда и уложеніе уже отживаетъ свой вѣкъ, болѣе чѣмъ странно, особливо, если припомнить, для оцѣнки качества юридическихъ опредѣленій этого устава, что оно именуетъ *воровствомъ-мошенничествомъ*, въ 274 ст., сорваніе у кого либо на базарѣ шапки, вырваніе и открытое похищеніе изъ рукъ вещей и денегъ, спарываніе позумента съ платья и т. п. Коммерціи совѣтникъ Поповъ, желая подчиниться уставу для государственныхъ крестьянъ, усматриваетъ въ своемъ дѣяніи лишь умыселъ или приготовленіе. Но

онъ, вѣроятно, упускаетъ изъ виду, что умысломъ, по тому же сельскому уставу, признается *подговоръ другого къ воровству*, а приготовленіе состоитъ въ пріобрѣтеніи средствъ для совершенія преступленія, причемъ такимъ средствомъ является, въ данномъ случаѣ, фиктивный вкладной билетъ. Этотъ билетъ Поповымъ не пріобрѣтался однако лично, а предлагался, подъ видомъ дѣйствительнаго, для пріобрѣтенія другимъ, и такимъ образомъ приготовленное средство было пущено въ ходъ. Наконецъ, жалобщики указываютъ, что если здѣсь и было покушеніе на мошенничество, то, во всякомъ случаѣ, *остановленное по собственной волѣ*, такъ какъ присяжные признали, что билетовъ они сбыть не успѣли, ибо покупщики отъ пріобрѣтенія отказались. Но за отсутствіемъ согласія со стороны покупщиковъ, они не принимали дальнѣйшихъ мѣръ для сбыта и, возвративъ фиктивные билеты Рыкову, къ другимъ лицамъ съ ними не обращались. Поэтому покушеніе здѣсь остановлено *добровольно*. Съ этимъ взглядомъ согласиться невозможно. Имъ установляется новая теорія, по которой разъ неудавшееся покушеніе—не есть покушеніе, если оно не будетъ *повторено*, — почему достаточно смиренія предъ обстоятельствами, которыя помѣшали осуществиться предположенному злу, чтобы то, что было сдѣлано, какъ бы преступно оно ни было, обратилось въ безразличный и ненаказуемый проступокъ. Такая теорія не нуждается въ опроверженіи.

Третій видъ нарушеній по этой категоріи—неправильное подведеніе дѣяній подсудимыхъ Швецова, Матвѣева, Иконникова, Алексѣя Заикина и Барабанова подъ понятіе *подлога по службѣ*, по ст. 362 улож.

Швецовъ признанъ виновнымъ въ томъ, что, съ цѣлью сохраненія должности и содержанія, проводилъ по книгамъ банка покупки разныхъ процентныхъ бумагъ, зная, что такихъ покупокъ въ дѣйствительности совершаемо не было. Въ этомъ дѣяніи, по его мнѣнію, нѣтъ никакихъ признаковъ подлога и, вообще, какого либо самостоятельнаго преступленія. Состоя бухгалтеромъ банка, онъ дѣйствовалъ согласно постановленію правленія, которымъ было опредѣлено провести по книгамъ фиктивныя сдѣлки. Записи бухгалтера, являясь лишь средствомъ для совершенія преступленія, задуманнаго правленіемъ, сами по себѣ, безъ постановленія правленія, ничего не удостовѣряютъ и ничего не устанавливаютъ. Поэтому, если и возможно обвиненіе его въ чемъ либо, то лишь въ недонесеніи о дѣйствіихъ правленія. Для оцѣнки неправильности этихъ доводовъ Швецова, достаточно, однако, указать, что и постановленія правленія о фиктивныхъ сдѣлкахъ безъ проведенія ихъ бухгалтеромъ по книгамъ—не достигали бы никакой цѣли, почему и необходима была съ его стороны самостоятельная и сознательная преступная дѣятельность. Притомъ,

эти подложныя записи служили не только осуществленіемъ постановленія правленія, но и основаніемъ, матеріаломъ для составленія подложныхъ годовыхъ отчетовъ о дѣйствіяхъ банка, въ чемъ тоже обвиненъ Швецовъ. Поэтому, о *донесеніи*, которое предполагаетъ полнѣйшее неучастіе въ преступленіи, здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Бухгалтеръ Матвѣевъ, преданный суду, по его словамъ, за то, что, зная, что постановленіе правленія относится къ фиктивнымъ сдѣлкамъ—проводилъ ихъ по книгамъ и составлялъ затѣмъ отчеты съ цѣлью преувеличенія въ показаніи прибылей банка,—жалуется, что осужденъ палатою за то, что проводилъ фиктивныя сдѣлки, зная, что ихъ, въ дѣйствительности, совершено не было и дѣлалъ это съ цѣлью сохраненія содержанія и мѣста.—Этимъ извращена, произвольнымъ образомъ, *цѣль* его дѣйствій, упущено, вопреки первоначальному обвиненію, указаніе на постановленіе правленія, и онъ, Матвѣевъ, совершенно обособленъ отъ другихъ подсудимыхъ, обвинявшихся въ томъ же.—Но эти доводы лишены всякаго основанія. Во 1-хъ, Матвѣевъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что въ періодъ съ 1868 по 1876 годъ, съ цѣлью преувеличеннаго показанія прибылей банка, заносилъ въ книги записи о сдѣлкахъ съ подставными лицами, зная, что такихъ сдѣлокъ и прибылей, по нимъ показанныхъ, въ дѣйствительности не было. Ни о какомъ постановленіи правленія здѣсь не упоминается, и палата правильно отказала защитнику Матвѣева, прис. пов. Курилову, во внесеніи въ вопросъ словъ «согласно постановленію банка», какъ не вытекающихъ изъ обвиненія. Во 2-хъ, по проведенію фиктивныхъ сдѣлокъ въ конкретномъ случаѣ—и по дальнѣйшимъ, основаннымъ на внесеніи этихъ сдѣлокъ въ книги—преступленіямъ—Матвѣевъ, по обвинительному акту, признавался дѣйствовавшимъ *изъ личныхъ видовъ*. Поэтому указаніе палатою, въ чемъ именно въ своемъ практическомъ выраженіи состояли эти виды, вполнѣ правильно и никакого произвольнаго измѣненія цѣли преступленія не составляетъ. Въ 3-хъ, указаніе на неправильное обособленіе отъ другихъ подсудимыхъ—невѣрно, ибо по однороднымъ преступленіямъ, на одинаковыхъ съ Матвѣевымъ основаніяхъ, осуждены Швецовъ и Евтихіевъ. Далѣе, Матвѣевъ видитъ нарушеніе 760 ст. уст. угол. суд. въ постановкѣ вопросовъ 395 и 397, въ которыхъ не объяснено, въ чемъ именно состояла имущественная выгода и корыстная цѣль, а эти слова употреблены какъ юридическій терминъ.

По вопросу 395 присяжныхъ спрашивали, виновенъ ли Матвѣевъ въ томъ, что, съ цѣлью доставленія имущественной выгоды Краснопѣвцеву и изъ личныхъ корыстныхъ видовъ, заносилъ въ книги банка подложныя записки о, будто бы, состоявъ-

шейся продажѣ ему билетовъ внутренняго съ выигрышами займа, принадлежавшихъ скопинскому банку и перечисленныхъ въ вопросѣ 367.—А этотъ послѣдній вопросъ говоритъ о составленіи, по приказанію Рыкова, *предъ тиражемъ*, постановленія о продажѣ билетовъ выигрышнаго займа Краснопѣвцеву, не заплатившему за нихъ ни копѣйки. Едва ли нужно поэтому объяснять, *въ чемъ* состояла имущественная выгода для Краснопѣвцева, котораго тиражъ заставалъ владѣльцемъ выигрышныхъ билетовъ, доставшихся ему даромъ. Личные же корыстные виды, состоящіе въ сохраненіи мѣста и содержанія посредствомъ содѣйствія хищническимъ операціямъ Рыкова, достаточно выяснены палатою въ другихъ вопросахъ, поставленныхъ о томъ же Матвѣевѣ, и утвержденіе его, что если была имущественная выгода для Краснопѣвцева отъ записей въ книгахъ, то, очевидно, сдѣлка между нимъ и банкомъ существовала дѣйствительно и запись не можетъ быть вмѣняема въ вину Матвѣеву,—есть не болѣе какъ безплодная игра словъ. Наконецъ, тотъ же Матвѣевъ жалуется на признаніе его виновнымъ въ составленіи отчетовъ, какъ въ подлогѣ по службѣ, тогда какъ по уставу скопинскаго банка—скрѣпа отчетовъ лежитъ на письмоводителѣ, а составленіе ихъ—на правленіи,—онъ же былъ бухгалтеромъ. Но, замѣнивъ собою письмоводителя и скрѣпляя отчеты какъ бухгалтеръ, онъ этимъ, зная о ихъ подложности, лишь придавалъ имъ еще бо́льшую внѣшнюю достовѣрность, какъ лицо наиболѣе компетентное въ веденіи книгъ и выводахъ изъ нихъ. Поэтому, эта его жалоба не заслуживаетъ уваженія, такъ же какъ и ссылка на неправильное примѣненіе наказанія. Признавая его участникомъ преступленія Рыкова и примѣняя къ нему 362 ст. улож., палата вполнѣ правильно назначила наказаніе, согласно 117 ст. улож., одною степенью ниже.

Затѣмъ, и Швецовъ, и Матвѣевъ находятъ, что въ снятіи *вѣрной* копіи съ *подложнаго* документа и въ скрѣпѣ ея нѣтъ преступленія—и что, поэтому, ихъ нельзя обвинять въ подлогѣ за то, что они скрѣпляли вѣрныя копіи съ подложныхъ отчетовъ банка въ думу, для представленія таковыхъ Министру Финансовъ. Подлогъ отчета зависитъ не отъ того, написано ли на немъ слово копія или нѣтъ, а отъ назначенія его, отъ цѣли, съ которою документъ составляется, и отъ сознательнаго изложенія въ немъ ложныхъ данныхъ. Подлинный отчетъ—въ думу и копія—Министру Финансовъ—представляются, по уставу городскихъ общественныхъ банковъ, съ цѣлью предоставить имъ возможность провѣрки и надзора за операціями банка. Ложныя свѣдѣнія, помѣщаемыя въ отчетѣ, и сознательное воспроизведеніе ихъ въ копіи—устраняютъ поводы въ такой провѣркѣ и копія является такимъ же средствомъ для достиженія преступной цѣли, какъ и подлинный отчетъ. Поэтому, всѣ разнообразныя варіаціи жалоб-

щиковъ на тему непреступности сознательной скрѣпы копій съ подложныхъ отчетовъ должны быть оставлены безъ вниманія.

Иначе смотрятъ на ст. 362 три другихъ жалобщика. Они подвергаютъ ее внутреннему анализу. Они признаны виновными въ томъ, что, состоя гласными думы и будучи избраны, по 21 ст. полож. о городск. общ. банк., для повѣрки годового отчета скопинскаго банка,—съ цѣлью личнаго кредита и во избѣжаніе протеста учтенныхъ векселей, своею подписью подъ актомъ ревизіи удостовѣрили, что провѣрка произведена по подлиннымъ книгамъ и документамъ и что отчетъ составленъ правильно и безъ упущеній, тогда какъ на дѣлѣ никакой провѣрки не производили.—Палата видитъ въ этомъ служебный подлогъ. Здѣсь нѣтъ подлога и вообще служебнаго преступленія, говорятъ жалобщики. Сокрытіе истины въ докладахъ, протоколахъ и свидѣтельствахъ и помѣщеніе въ нихъ вымышленныхъ обстоятельствъ и завѣдомо ложныхъ свѣдѣній—подходитъ подъ 362 ст. улож., когда должностнымъ лицомъ включены не ложныя свѣдѣнія о своихъ дѣйствіяхъ, а ложныя свѣдѣнія относительно порученнаго ему дѣла. Еслибы ревизія была произведена и касса найдена пустою, а въ актѣ этого не было удостовѣрено, то это былъ бы подлогъ. Но въ данномъ случаѣ ревизіи вовсе не было произведено, а въ актъ включены свѣдѣнія безъ личнаго удостовѣренія въ ихъ дѣйствительности, т. е. включены ложныя свѣдѣнія не о томъ, что *найдено*, а томъ, что *дѣлали* ревизоры. Такой проступокъ соотвѣтствуетъ не 362, а 417 ст. улож. Кромѣ того, для примѣненія ст. 362 необходимо установить, что достигнута преступная цѣль,—тогда какъ въ вопросѣ, предложенномъ присяжнымъ, говорится лишь о побужденіи къ преступленію. Наконецъ, подсудимые неправильно признаны должностными лицами. По ст. 21 устава городскихъ общественныхъ банковъ, дума избираетъ трехъ опытныхъ гражданъ для производства ревизіи. Они могутъ быть даже и не гласными—и являются лишь *уполномоченными* думы, т. е. повѣренными съ другимъ кругомъ дѣйствій, чѣмъ должностныя лица.

Ни съ однимъ изъ этихъ положеній согласиться нельзя.—Статья 417, на которую указываютъ жалобщики, забывая, что они же признаютъ неправильнымъ придачу ихъ дѣйствіямъ служебнаго характера—говоритъ о должностномъ лицѣ, которое, безъ всякаго намѣренія представитъ въ рапортѣ дѣло въ видѣ неполномъ или невѣрномъ, потому что не удостовѣрилось надлежащимъ образомъ въ истинныхъ обстоятельствахъ. Въ ней имѣется въ виду наказать невниманіе, легкомысліе, небрежность—чуждыя всякаго умысла и преступныхъ цѣлей. Таковыя ли дѣйствія довѣренныхъ города, которые, изъ личной выгоды и страха, поручились письменно за результатъ непроизведенной ими ревизіи? Въ нихъ, въ этихъ дѣйствіяхъ, явно высказывается преступное намѣреніе. Цѣль

помѣщенія въ отчетѣ о ревизіи *вымышленныхъ* обстоятельствъ ясна и, насколько это зависѣло отъ дѣятелей скопинскаго банка, достигнута. Она точно опредѣлена въ вопросѣ—и состоитъ въ сохраненіи за собою личнаго кредита и устраненіи учета своихъ векселей, находившихся въ рукахъ Рыкова. Суду нѣтъ дѣла до того, что̀ *побуждало* жалобщиковъ стремиться къ этой цѣли. Въ эту область внутреннихъ мотивовъ при корыстныхъ преступленіяхъ суду заглядывать не приходится. Если принять теорію жалобщиковъ, то придется признать, что дѣяніе ихъ *ненаказуемо*. Присяжные признали, по ихъ мнѣнію, лишь противозаконное побужденіе. Но такое побужденіе уже измѣняетъ составъ преступленія по 417 ст. ул. и дѣлаетъ эту статью непримѣнимою и, въ то же время, не составляя цѣли—изъемлетъ дѣяніе ихъ изъ дѣйствія ст. 362 улож., а третьей статьи, предусматривающей такія дѣянія—нѣтъ. Поэтому, пусть идутъ безнаказанно люди, признанные виновными въ грубѣйшемъ нарушеніи довѣрія, въ преступномъ устраненіи возможности раскрыть злоупотребленія, въ потворствѣ разграбленію плодовъ труда и лишеній честныхъ людей, повинныхъ лишь въ довѣріи къ честности представителей банка и уполномоченныхъ города! Эти уполномоченные не хотятъ себя считать должностными лицами. Я не стану повторять сдѣланныхъ въ началѣ моего заключенія ссылокъ на рѣшенія Сената по дѣламъ Сура и Вериго и на ст. 2108 II ч. 1 п.,—я напомню лишь, что преслѣдованію по 2103 ст. подвергаются, между прочимъ, члены комиссій, образуемыхъ думою по 2020 ст. того же тома изъ своихъ сочленовъ. Жалобщики—гласные думы, и имъ, согласно 2020 ст., дума поручила произвести ревизію дѣлъ и отчетности скопинскаго банка. По всѣмъ этимъ основаніямъ я признаю жалобы на неправильное примѣненіе 362 ст. улож. не заслуживающими уваженія

Мнѣ остается сказать, наконецъ, о разсѣянныхъ по многимъ жалобамъ заявленіяхъ, что палата, имѣя предъ собою выборъ двухъ наказаній: *уголовнаго и исправительнаго,*—остановилась на уголовномъ и что при наличности обстоятельствъ, смягчающихъ вину подсудимыхъ, не усмотрѣла таковыхъ и назначила наказаніе несоразмѣрно строгое. Избраніе рода наказанія принадлежитъ суду по соображеніи существа дѣла, которое кассаціонной провѣркѣ не подлежитъ,—а жалобы на неусмотрѣніе смягчающихъ обстоятельствъ не заслуживаютъ уваженія потому, что вездѣ, гдѣ присяжными было дано снихожденіе или палатою установлена наличность одного изъ обстоятельствъ, указанныхъ въ 134 ст. улож.,—наказаніе было смягчено. Палата вполнѣ правильно не признала основаніемъ для смягченія наказанія Ильѣ Заикину указаній его на то, что онъ, занимая должность кандидата товарища директора банка и входя въ составъ правленія, былъ «слѣпымъ орудіемъ начальства при

степени умственной неразвитости въ такихъ дѣлахъ, какъ банковое, къ которому былъ приставленъ, оставивъ наканунѣ соху»... и вполнѣ справедливо не нашла въ дѣйствіяхъ Рыкова, при слѣдствіи и на судѣ, «чистосердечнаго раскаянія», къ проявленіямъ котораго едва ли можно отнести настойчивое стремленіе Рыкова свалить всю вину на уставъ 1862 г. и лицъ, его примѣнявшихъ, и жалобу его на предсѣдателя, который помѣшалъ ему въ своей заключительной рѣчи—укрываться въ тѣни этого устава...

Пробѣгая мысленно вновь всѣ приведенные жалобщиками кассаціонные поводы и сводя во-едино всѣ отдѣльные выводы, къ которымъ я пришелъ, я нахожу, что по настоящему дѣлу не представляется никакихъ основаній къ отмѣнѣ—всецѣло или частью—приговора московской судебной палаты и къ разрушенію результата, добытаго тяжелымъ, сложнымъ, внимательнымъ и терпѣливымъ совокупнымъ трудомъ суда и представителей общественной совѣсти.

Поэтому, полагаю: кассаціонныя жалобы всѣхъ подсудимыхъ по дѣлу скопинскаго банка—*оставить безъ послѣдствій*.

Правительствующей Сенатъ, на основаніи 912 ст. уст. уг. суд., постановилъ: жалобы всѣхъ подсудимыхъ оставить безъ послѣдствій.

VII.

По дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ земельномъ банкѣ.

Въ г. Саратовѣ въ октябрѣ 1873 г. открылъ свои дѣйствія, въ силу устава, опредѣлившаго складочный капиталъ въ 1.500.000 р., Саратовско-Симбирскій земельный банкъ, ежегодно показывая значительныя прибыли и продолжая свои операціи повидимому вполнѣ благополучно. По отчету, утвержденному Общимъ собраніемъ 1882 г. прибыль, была опредѣлена въ суммѣ 147.500 руб. Но акціонеръ Немировскій письменно заявилъ прокурору палаты о существованіи въ банкѣ разныхъ злоупотребленій, прося произвести предварительное слѣдствіе, на которомъ, между прочимъ, показалъ, что бывшій бухгалтеръ Трухачевъ, оставляя занимаемую должность еще въ 1880 г., сообщилъ ему о крупныхъ безпорядкахъ въ банкѣ, виновникомъ которыхъ считалъ, главнымъ образомъ, члена правленія Борисова. Предварительное слѣдствіе дало обширный матеріалъ къ обнаруженію разнообразныхъ злоупотребленій по управленію банкомъ, бухгалтеріи, кассѣ, счетоводству и дѣлопроизводству; по образованію складочнаго капитала; по пріобрѣтенію различныхъ акцій на средства банка; по выпуску въ обращеніе закладныхъ листовъ, не обезпеченныхъ никакимъ закономъ; по дѣятельности ревизіонныхъ комиссій и общихъ собраній акціонеровъ; по составленію подложныхъ отчетовъ и балансовъ, присвоенію суммъ банка и по неправильнымъ выдачамъ дивиденда и проч. На основаніи данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, опредѣленіемъ Саратовской судебной палаты преданы были суду, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей: предсѣдатель правленія отставной полковникъ Алфимовъ и члены правленія надворный совѣтникъ Сергѣй Борисовъ и титулярный совѣтникъ Якунинъ по 362, 354, 1198, 1154 и 1155 ст. улож., а Алфимовъ и Борисовъ и по 1666 ст. улож., бывшій бухгалтеръ, отставной артиллеріи поручикъ Трухачевъ по 354, 362 и 1154 ст. улож.; членъ правленія коллежскій секретарь Коваленковъ по 354, 1154 и 1155 ст. улож., бывшій кассиръ банка коллежскій ассесоръ Иловайскій, бывшій бухгалтеръ дворянинъ Марциновскій и завѣдывавшій облигаціоннымъ отдѣломъ коллежскій регистраторъ Исаковъ по 362 и 1154, а Иловайскій по 362 и по 354 ст. улож., и наконецъ члены оцѣночной комиссіи: коллежскій ассесоръ Бокъ и губернскій секретарь Иванъ Борисовъ по 354 и 1155 ст. улож. Тамбовскій окружный судъ разсматривалъ это дѣло съ 4-го іюня 1887 г. по 3-е іюля включительно. Судомъ

было постановлено 72 вопроса на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Вручая вопросный листъ присяжнымъ, предсѣдатель суда произнесъ заключительную рѣчь, часть которой, вслѣдствіе требованія сторонъ, по распоряженію предсѣдателя была занесена въ протоколъ, въ видѣ составленнаго имъ конспекта. При возвращеніи присяжныхъ засѣдателей изъ совѣщательной комнаты, по обозрѣніи отвѣтовъ, судъ предоставилъ предсѣдателю дать надлежащія объясненія присяжнымъ и они возвращены къ новому совѣщанію, а затѣмъ былъ вынесенъ вердиктъ, которымъ обвинены двое изъ десяти подсудимыхъ, Алфимовъ и Трухачевъ, по четыремъ изъ предложенныхъ вопросовъ. Всѣ остальные подсудимые признаны невиновными. На основаніи такого рѣшенія, Тамбовскій окружный судъ приговорилъ Трухачева къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію по 5 ст. 31 ст. улож., а Алфимова въ губернію Архангельскую по 1 ст. 33 ст. улож., постановивъ при этомъ, въ виду особыхъ обстоятельствъ по отношенію къ Алфимову, ходатайствовать о замѣнѣ Алфимову наказанія четырехмѣсячнымъ арестомъ на гауптвахтѣ, безъ ограниченія правъ, возложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ на двухъ осужденныхъ судебныя по дѣлу издержки въ равныхъ частяхъ и съ круговою отвѣтственностью. На этотъ приговоръ товарищъ прокурора судебной палаты Москалевъ принесъ кассаціонный протестъ, а гражданскій истецъ Лопуцкій и повѣренный гражданскаго истца, въ суммѣ до 2,000.000 руб., по уполномочію Государственнаго дворянскаго банка, присяжный повѣренный Плевако, а также и защитники подсудимыхъ Трухачева и Алфимова—принесли кассаціонныя жалобы. Товарищъ прокурора Москалевъ, присяжный повѣренный Плевако и гражданскій истецъ Лопуцкій, каждый въ отдѣльности, объяснили, что въ нарушеніе 808—816 ст. уст. уг. суд., неправильнымъ разъясненіемъ точнаго смысла 362 ст. улож. и возвращеніемъ присяжныхъ засѣдателей ко второму совѣщанію, допущено существенное нарушеніе 362, 1154 и 1155 ст. ул., повлекшее оправдательный приговоръ. Протестъ и жалоба Лопуцкаго далѣе указывали на нарушенія 801—804, 811, 812, 709 и 735 ст. уст. уг. суд. несоотвѣтствіемъ заключительной рѣчи предсѣдателя требованіямъ закона и дозволеніемъ присяжному повѣренному Плевако явиться къ своей рѣчи на судѣ въ роли свидѣтеля. Наконецъ, въ протестѣ и жалобахъ указывалось на нарушенія статей уст. уг. суд: 1) 647 и 1 ч. 650 освобожденіемъ двухъ лицъ отъ обязанности присяжныхъ, 2) 664 и 666 ст. неодновременнымъ приведеніемъ къ присягѣ комплектныхъ и запасныхъ присяжныхъ; 3) 615, 616 и 675 ст. отсутствіемъ надзора за присяжными; 4) ст. 629 уст. уг. суд. прочтеніемъ показанія не явившагося, безъ законной причины, свидѣтеля Гладышева; 5) 611, 630 и 745 ст. допущеніемъ неумѣстныхъ объясненій между предсѣдателемъ и защитникомъ подсудимаго С. Борисова присяжнымъ повѣреннымъ Пржевальскимъ, послѣ сдѣланнаго послѣднему замѣчанія; 6) ст. 629 передачею экспертамъ счета С. Борисова; 7) ст. 802 обнаруженіемъ присяжными своего мнѣнія по дѣлу; 8) ст. 625 и 687 прочтеніемъ частной записки Крубера; 9) ст. 754 неправильною постановкою нѣкоторыхъ вопросовъ; 10) 746, 747 и 761 ст. уст. уг. суд. допущеніемъ заявленія Борисова присяжнымъ о грозящемъ ему наказаніи; 11) 544 ст. уст. уг. суд. неправильнымъ преданіемъ суду Трухачева и 12) 990—993 ст. уст. уг. суд. возложеніемъ на него, совмѣстно съ Алфимовымъ, всѣхъ судебныхъ издержекъ по дѣлу.

Рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей есть выраженное въ особо установленной формѣ убѣжденіе ихъ въ наличности преступнаго факта и въ виновности или невиновности подсудимаго. Это убѣжденіе должно слагаться изъ оцѣнки данныхъ судебнаго слѣдствія, выясненныхъ точно указаннымъ, опредѣленнымъ путемъ, и разработанныхъ взаимнымъ трудомъ сторонъ. Для правильности этой оцѣнки законъ признаетъ необходимымъ преподать присяжнымъ засѣдателямъ чрезъ предсѣдателя общія руководящія начала для сужденія о силѣ доказательствъ, представленныхъ по дѣлу, и о свойствахъ разсматриваемаго преступленія. Тамъ, гдѣ эти начала изложены сообразно съ природою самыхъ доказательствъ, — гдѣ составъ преступленія опредѣленъ согласно съ его свойствами и общественнымъ значеніемъ и гдѣ данныя, съ которыми присяжные были ознакомлены на судѣ, добыты съ соблюденіемъ требуемыхъ закономъ пріемовъ,— тамъ есть основаніе признать, что убѣжденіе присяжныхъ выработалось правильно и что рѣшеніе, въ которомъ оно выразилось—есть *судебное рѣшеніе*. Наоборотъ— тамъ, гдѣ для оцѣнки силы доказательствъ приведены произвольныя соображенія, не имѣющія подъ собою ни юридической, ни житейской почвы, или свойства преступленія истолкованы несогласно съ указаніями положительнаго закона, или же, наконецъ, гдѣ матеріалъ для сужденія присяжныхъ предъявленъ способомъ, идущимъ въ разрѣзъ съ установленными правилами, — тамъ есть *взглядъ* присяжныхъ, *мнѣніе* присяжныхъ, но нѣтъ *рѣшенія* присяжныхъ.

Этими общими началами долженъ, по моему мнѣнію, опредѣляться и порядокъ разсмотрѣнія кассаціонныхъ доводовъ, приводимыхъ по настоящему сложному дѣлу въ прокурорскомъ протестѣ и въ жалобахъ гражданскихъ истцовъ и подсудимаго Трухачева.

Первое основаніе къ отмѣнѣ оправдательнаго приговора о Борисовѣ и Алфимовѣ, одинаково указываемое товарищемъ прокурора, повѣреннымъ Государственнаго дворянскаго банка и поручикомъ Лопуцкимъ, состоитъ въ томъ, что отвѣтъ присяжныхъ на вопросы 11, 55 и 56 о виновности Алфимова и Борисова въ *служебныхъ подлогахъ* былъ признанъ судомъ, безъ уважительныхъ основаній, содержащимъ неразрѣшимое противорѣчіе, выразившееся, будто бы, въ томъ, что ими были поочередно отвергнуты—умыселъ, завѣдомость и цѣль въ дѣйствіяхъ подсудимыхъ. Отвѣтъ о полной невиновности, вынесенный послѣ разъясненій, данныхъ предсѣдателемъ по поводу усмотрѣннаго противорѣчія, представляетъ собою, по мнѣнію жалобщиковъ, вынужденное судомъ уклоненіе присяжныхъ отъ первоначально выраженнаго ими убѣжденія, изложеннаго притомъ въ формѣ, которая давала суду

полное право наложить на подсудимыхъ закономъ установленную кару. Вопросъ о возвращеніи присяжныхъ къ новому совѣщанію, вслѣдствіе обнаруженія въ ихъ приговорѣ неясности, неполноты или противорѣчій, разработанъ практикою Правительствующаго Сената съ большою подробностью и точностью въ рядѣ послѣдовательныхъ рѣшеній. Правительствующій Сенатъ, охраняя всемѣрно прочность и возможную устойчивость отвѣтовъ присяжныхъ засѣдателей, по отношенію къ противорѣчію, могущему содержаться какъ въ отдѣльномъ отвѣтѣ присяжныхъ, такъ и въ отвѣтахъ между собою, — призналъ, что противорѣчіе это должно быть неразрѣшимымъ и очевиднымъ до такой степени, что согласованіе отвѣтовъ невозможно безъ допущенія совершенно произвольнаго толкованія рѣшенія—и что противурѣчіе это отнюдь не можетъ быть предполагаемо (72 г., 112, Артемьева, 69 г., 364, Чернилкина). Поэтому возвращеніе присяжныхъ къ новому совѣщанію признавалось существеннымъ колебаніемъ одного изъ важнѣйшихъ началъ уголовнаго процесса во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда являлась возможность опредѣленно уяснить себѣ выводъ, къ которому пришли присяжные, хотя бы этотъ выводъ и былъ выраженъ съ нѣкоторыми формальными неточностями или въ описательномъ родѣ или, наконецъ, съ прибавкою излишнихъ, не требуемыхъ содержаніемъ вопроса словъ (74 г., 669, Карышева, 77 г., 31, Горбунова, 74 г., 192, Матвѣева, и др.). Отъ суда въ такихъ случаяхъ требуется разрѣшить—понята ли присяжными засѣдателями сущность предложеннаго имъ вопроса и отвѣчаетъ ли ей мысль, положенная въ основаніе отвѣта присяжныхъ? Но, ограждая одновременно рѣшеніе присяжныхъ и отъ произвольныхъ толкованій суда, и отъ не вызваннаго безусловной необходимостью пересмотра его въ новомъ совѣщаніи присяжныхъ, — Правительствующій Сенатъ преподалъ указанія и на тотъ случай, когда таковая безусловная необходимость существуетъ. Такъ, рядомъ кассаціонныхъ рѣшеній, начиная съ 1869 года, установлено, что признаніе подсудимаго виновнымъ и одновременное отвергнутіе всѣхъ признаковъ, придающихъ его дѣйствіямъ преступный смыслъ, — должно быть разсматриваемо какъ неразрѣшимое противорѣчіе. Поэтому, такое противорѣчіе является несомнѣннымъ при утвердительномъ отвѣтѣ на вопросъ о виновности въ преступленіи, содѣянномъ не по неосторожности, и отрицаніи при этомъ умысла въ дѣйствіяхъ подсудимаго (1869 года—576, 1874 года—724, 1875 года—171). Правительствующій Сенатъ категорически выразилъ въ рѣшеніи по дѣлу Ефимова и Сазоновой (1874 года, № 89), что присяжные засѣдатели, въ силу даннаго имъ 812 ст. уст. уг. суд. права, могутъ оговаривать и, слѣдовательно, отрицать въ даваемыхъ ими отвѣтахъ лишь такія обстоятельства, которыя не колеблютъ самыхъ основаній обвиненія; къ такимъ не-

сомнѣнно должна быть отнесена умышленность тамъ, гдѣ предъявлено обвиненіе въ умышленномъ дѣяніи.

Поэтому необходимо разсмотрѣть, было ли въ отвѣтахъ присяжныхъ на 11, 55 и 56 вопросы такое противорѣчіе, которое давало бы право суду возвратить присяжныхъ для новаго совѣщанія и обязывало предсѣдателя преподать имъ новое наставленіе, вытекающее изъ существа возникшаго противорѣчія. Подсудимый *Алфимовъ* былъ преданъ суду, согласно 1154 ст. и 362 ст. улож., за служебный подлогъ по должности предсѣдателя правленія саратовско-симбирскаго банка. На вопросъ о виновности его въ самовольномъ уничтоженіи, по соглашеніи съ другимъ лицомъ, документовъ банка по образованію складочнаго капитала, для сокрытія допущенныхъ при этомъ образованіи злоупотребленій правленія, — присяжные отвѣтили, послѣ перваго совѣщанія, утвердительно, съ прибавкою словъ: *«но безъ злого умысла»*. Выраженіе это, согласно указанію Правительствующаго Сената по дѣлу Пчелина, № 152, 1871 года, и въ виду терминологіи дѣйствующаго уложенія надлежитъ понимать въ смыслѣ отрицанія умышленности въ дѣяніи Алфимова. Неосторожность дѣянія не можетъ быть предполагаема, а потому, отрицая умышленность въ поступкахъ Алфимова, описанныхъ въ 11 вопросѣ, присяжные засѣдатели тѣмъ самымъ отвергли въ его объективно вредномъ дѣяніи то живое движущее начало, которое придаетъ этому дѣянію преступный характеръ, т. е. отвергли участіе сознательной воли. Но отсутствіе этой воли въ дѣйствіяхъ подсудимаго и одновременное признаніе его *виновнымъ* въ этихъ дѣйствіяхъ—является не только правовымъ, но и просто логическимъ противорѣчіемъ. Поэтому, и принимая во вниманіе, что Правительствующимъ Сенатомъ, въ рѣшеніи 1868 года, № 430, по дѣлу Руднева, было признано неразрѣшимымъ противорѣчіемъ признаніе подсудимаго виновнымъ въ совершеніи преступленія по предварительному подговору его другимъ лицомъ, при отрицаніи въ то же время умысла,— тамбовскій окружный судъ не только имѣлъ право, но и былъ обязанъ обратить присяжныхъ, согласно 816 ст. уст. уг. суд., въ ея новой редакціи, къ новому совѣщанію по второму вопросу, такъ какъ присяжные, отвергая злой умыселъ у Алфимова, признали его однако виновнымъ въ уничтоженіи документовъ по взаимному соглашенію съ другимъ лицомъ.

Отвѣчая затѣмъ на вопросъ о виновности того же Алфимова въ помѣщеніи завѣдомо ложныхъ свѣдѣній объ операціяхъ банка въ счетахъ и годовыхъ отчетахъ и въ достиженіи утвержденія этихъ отчетовъ общими собраніями подставныхъ акціонеровъ, послѣдствіемъ чего была неправильная выдача дивиденда по акціямъ не изъ прибылей, а изъ складочнаго капитала,—присяжные засѣдатели признали его виновнымъ, съ прибавленіемъ словъ *«но не*

завѣдомо». Этотъ отвѣтъ, по мнѣнію повѣреннаго дворянскаго банка, содержа въ себѣ отрицаніе виновности Алфимова въ составленіи завѣдомо ложной отчетности, въ то же время признаетъ его виновность въ составленіи ложнаго общаго собранія акціонеровъ, завѣдомость чего предполагается сама собою. Это совершенно вѣрно, но не вѣрно, по моему мнѣнію, то заключеніе, что съ уголовной точки зрѣнія этотъ отвѣтъ присяжныхъ давалъ матеріалъ для карательнаго вывода. Для признанія, что судъ могъ прійти къ такому выводу и слѣдовательно удовлетвориться отвѣтомъ, необходимо найти уголовный законъ, въ который можетъ, такъ сказать, упереться этотъ карательный выводъ. А такого закона нѣтъ. Явленія общественной жизни, дающія матеріалъ, подлежащій занесенію на страницы уголовнаго кодекса, развиваются обыкновенно быстрѣе, чѣмъ видоизмѣняются эти страницы, съ которыми законодатель долженъ обращаться обдуманно, не торопливо и осторожно. Наше уложеніе пополняется или, лучше сказать, пополнялось въ этомъ отношеніи тоже довольно медленно, вызывая нерѣдко упреки въ томъ, что вполнѣ обрисовавшіяся и получившія несомнѣнно вредную окраску новыя явленія нашей экономической или общественной жизни слишкомъ долго ждутъ очереди найти свое карательное опредѣленіе на негостепріимныхъ страницахъ нашего уголовнаго кодекса и что въ немъ нельзя найти подчасъ указаній на возможность покарать злоупотребленіе, свойства котораго для большинства очевидны, а результаты для многихъ чувствительны. Къ такимъ злоупотребленіямъ относятся и фиктивныя общія собранія акціонерныхъ обществъ, постановляющія рѣшенія подавляющимъ большинствомъ голосовъ подставныхъ владѣльцевъ акцій, набираемыхъ изъ артельщиковъ, прислуги, мелкихъ служащихъ въ томъ же обществѣ, родственниковъ и знакомыхъ членовъ правленія или заинтересованныхъ лицъ и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ — изъ спеціально нанятыхъ добровольцевъ. Благодаря такимъ акціонерамъ, прикрываясь флагомъ постановленія общихъ собраній, спокойно и безтрепетно дѣйствуютъ нѣкоторые банковые и желѣзнодорожные дѣльцы, разоряя, по всѣмъ правиламъ двойной и тройной бухгалтеріи, довѣрчивыхъ или задавленныхъ послушнымъ и чуждымъ дѣлу большинствомъ акціонеровъ. Несомнѣнно, однако, что время, когда это злоупотребленіе будетъ предметомъ уголовнаго взысканія—недалеко, ибо лишь необходимость связать такія карательныя постановленія со всею системою подлежащихъ преобразованію законовъ объ акціонерныхъ предпріятіяхъ является причиною того, что они отсутствуютъ въ настоящее время въ уложеніи. Первый опытъ въ этомъ отношеніи уже сдѣланъ въ проектѣ общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, составленномъ комиссіею графа Баранова, въ 89 ст. котораго было предположено подвергать ви-

новныхъ въ фиктивной передачѣ акцій для предоставленія права участія въ общемъ собраніи акціонеровъ, а также подставныхъ акціонеровъ—штрафу отъ 500 до 1.000 руб. и аресту до 3 мѣсяцевъ, а въ случаяхъ фиктивной передачи для рѣшенія, явно убыточнаго для общества или казны,—штрафу до 3 тысячъ руб. и тюрьмѣ до года, съ лишеніемъ права участія въ общихъ собраніяхъ и занятія должностей въ обществѣ. Во всякомъ случаѣ, нынѣ ни въ ст. 1154 до 1157 о нарушеніи постановленій о кредитѣ, ни даже въ ст. 1198 и 1199 улож. о нак., говорящихъ о нарушеніи постановленій о торговыхъ обществахъ, товариществахъ и компаніяхъ—нельзя найти указаній на уголовное наказаніе за составленіе ложныхъ общихъ собраній изъ подставныхъ акціонеровъ. Поэтому, на основаніи правила nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege — приходится, съ великимъ сожалѣніемъ, признать, что такое составленіе нашимъ уголовнымъ закономъ не предусмотрѣно. Такимъ образомъ, для карательнаго вывода, о которомъ говоритъ повѣренный дворянскаго банка, въ отвѣтѣ присяжныхъ нѣтъ матеріала. Нельзя видѣть такой матеріалъ и въ признаніи выдачи дивиденда не изъ дохода, а изъ складочнаго капитала. Такая выдача, крайне пагубная для всякаго кредитнаго установленія, противна указаніямъ § 95 устава земельныхъ банковъ и составляетъ прямое нарушеніе устава, но сама по себѣ особаго уголовнаго наказанія влечь не можетъ, ибо не предусмотрѣна въ указанныхъ выше статьяхъ, говорящихъ о злоупотребленіяхъ по ссудамъ и вкладамъ. Точно также къ ней нельзя примѣнять и понятія о превышеніи власти, даже еслибы, расширяя рамки ст. 1154 улож., говорящей лишь объ опредѣленныхъ случаяхъ, распространять на должностныхъ лицъ частныхъ банковъ ст. 1153, предусматривающую всѣ виды преступленій по должности, указанные въ V раздѣлѣ уложенія, подобно тому какъ это установлено ст. 2108 т. II св. зак. для чиновъ городскихъ общественныхъ банковъ. Поэтому, уголовно наказуемымъ въ дѣяніяхъ Алфимова, описанныхъ въ 55-мъ вопросѣ, является лишь помѣщеніе ложныхъ свѣдѣній въ отчетахъ. Ложное общее собраніе есть одинъ изъ способовъ пользованія этими ложными отчетами, а выдача дивиденда изъ ложно показанной прибыли есть результатъ этого пользованія. Но если въ составленіи ложнаго отчета не участвовала злая воля,—если тотъ, кто его составлялъ, дѣйствовалъ *не завѣдомо*, т. е., не вѣдая, что творитъ, то и результаты и способы пользованія этимъ отчетомъ, не завѣдомо ложнымъ—будучи, быть можетъ, сами по себѣ нарушеніемъ sui generis, не могутъ сливаться въ понятіе объ одномъ общемъ преступленіи. А присяжные именно признали такое отсутствіе завѣдомости въ дѣйствіяхъ Алфимова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, они признали и виновность его въ этихъ дѣйствіяхъ,

слив въ этомъ вопросѣ *вину съ незнаніемъ*, подобно тому, какъ слили въ вопросѣ 11 *вину съ нежеланіемъ*. Такимъ образомъ, отвѣтъ присяжныхъ на вопросъ 55 заключалъ въ себѣ явное внутреннее противорѣчіе, ибо, согласно ему, по редакціи вопроса выходило, что Алфимовъ, съ цѣлью сокрытія *истиннаго* положенія дѣлъ банка—помѣщалъ въ отчетахъ банка *истинныя*, по его мнѣнію, *цифры*, вслѣдствіи чего судъ былъ обязанъ по 55 вопросу обратить присяжныхъ къ новому совѣщанію, такъ какъ онъ не имѣлъ никакого права при категорическомъ и ясномъ выраженіи: «*да, виновенъ*...» постановлять, какъ это рекомендуетъ повѣренный дворянскаго банка, — оправдательный приговоръ, а для приговора обвинительнаго не было почвы ни въ вопросѣ, изъ котораго была изъята завѣдомость, ни, какъ я уже доказывалъ, въ постановленіяхъ матеріальнаго права.

Обращаясь къ вопросу 56 о виновности Борисова въ томъ, что, «состоя въ теченіе семи лѣтъ членомъ правленія саратовско-симбирскаго банка, онъ, съ цѣлью сокрытія истиннаго положенія дѣлъ этого банка и допущенныхъ имъ злоупотребленій, совершилъ то же преступленіе, какъ и Алфимовъ» — присяжные засѣдатели признали его виновнымъ, присовокупивъ къ этому отвѣту слова: «но безъ цѣли». Судъ нашелъ, что такимъ отвѣтомъ возбуждается неразрѣшимое противорѣчіе въ вопросѣ, ибо, какъ выразился предсѣдатель, существеннѣйшимъ признакомъ всякаго преступленія, а слѣдовательно и подлога, описаннаго въ 25 и 56 вопросахъ является «наличность присутствія злого умысла, направленнаго для достиженія преступной цѣли и преслѣдующаго ради тѣхъ или другихъ личныхъ видовъ эту преступную цѣль, а слѣдовательно, завѣдомость, умышленность совершеннаго дѣянія».

По смыслу вопроса, Борисовъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что въ счетахъ прибыли и убытка и въ годовыхъ отчетахъ, имъ подписанныхъ, помѣщалъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія объ операціяхъ банка, показывая неправильно суммы складочнаго и запаснаго капиталовъ, наличныя средства банка и расходы на его управленіе и скрывая понесенные убытки, затѣмъ достигалъ утвержденія означенныхъ отчетовъ общими собраніями изъ подставныхъ акціонеровъ, послѣдствіемъ чего была неправильная выдача дивиденда. По мнѣнію суда, всѣ эти дѣйствія утрачиваютъ признаки преступленія потому, что присяжные отвергли *цѣль* въ дѣйствіяхъ подсудимаго. Хотя по редакціи вопроса, отрицаніе присяжными въ дѣйствіяхъ Борисова «цѣли сокрытія истиннаго положенія дѣлъ банка и его собственныхъ злоупотребленій», и не обозначаетъ еще признанія этихъ дѣйствій совершенно безцѣльными,—но даже, если и обобщать прибавку, сдѣланную присяжными, и распространять ее, по примѣру

суда, на весь вопросъ, то и тогда такое мнѣніе суда не имѣетъ прочности. Ни установленныя уложеніемъ общія начала, въ которыхъ выражается внутренняя сторона преступленія, ни содержаніе ст. 362 ул. не даютъ основанія признавать, что уголовный характеръ служебнаго подлога обусловленъ исключительно личною преступною цѣлью. Нашъ законъ считаетъ существенными свойствами преступленій, совершаемыхъ не по неосторожности—умыселъ и намѣреніе. Уложеніе о наказаніяхъ, какъ явствуетъ изъ сопоставленія и анализа его статей и какъ установлено и Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніяхъ 1870 года, № 303, 1874 года, № 548, и 1875 года, № 273, разумѣетъ подъ *умысломъ знаніе виновнымъ послѣдствій содѣяннаго*. Это знаніе есть характеристическій, отличительный признакъ наличности *умысла*. *Намѣреніе*, по терминологіи и смыслу уложенія, выражаетъ собою желаніе достичь этихъ послѣдствій путемъ соотвѣтствующаго дѣянія. Намѣреніе осуществляется выборомъ средствъ, которыми можно достигнуть этихъ послѣдствій, и расположеніемъ дѣйствій въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, который необходимъ для того, чтобы они привели къ этимъ результатамъ. Поэтому нашъ уголовный законъ (улож. ст. 7—10) считаетъ *признакомъ умысла* изъявленіе какимъ либо дѣйствіемъ *намѣренія* учинить преступленіе; *приготовленіемъ* — пріисканіе и пріобрѣтеніе средствъ для осуществленія *намѣренія; покушеніемъ* — всякое дѣйствіе, которымъ приводится въ исполненіе злое *намѣреніе*, и *совершеніемъ*—тотъ случай, когда послѣдовало *преднамѣренное* зло. Тамъ, гдѣ выборъ средствъ обдуманъ заранѣе, гдѣ планъ постепеннаго предпринятія тѣхъ или другихъ дѣйствій, приводящихъ къ преступному результату, установленъ въ общихъ чертахъ, впередъ, мы имѣемъ дѣло съ предумышленіемъ, которое заключаетъ въ себѣ не только этотъ планъ и этотъ выборъ, но и знаніе, къ чему ихъ осуществленіе приведетъ, то-есть умыселъ. Но намѣреніе не отсутствуетъ, однако, и въ преступленіяхъ непредумышленныхъ; оно только является въ связи съ умысломъ безъ предварительнаго назрѣванія. Поэтому, во всѣхъ преступленіяхъ не неосторожныхъ, намѣреніе и умыселъ немыслимы другъ безъ друга и идутъ въ тѣсной психологической связи, рука объ руку. Въ виду этого, уложеніе признаетъ умыселъ и намѣреніе существенными элементами внутренней стороны преступленій, внѣшняя сторона коихъ состоитъ въ объективномъ вредѣ, связанномъ съ нарушеніемъ предписаній карательнаго закона. При такомъ взглядѣ, примѣнимомъ къ огромному большинству преступныхъ дѣяній, личная цѣль, которую имѣлъ виновный, дѣлается безразличною и не можетъ быть предметомъ обсужденія суда. Важно то, зналъ ли виновный, что дѣйствія, которыя онъ намѣренъ совершить, должны вызвать во внѣшнемъ мірѣ явленія, которыми

характеризуется правонарушеніе, называемое преступленіемъ. Если зналъ, то для чего ему лично были нужны чужая жизнь, чужое имущество, чужая свобода—для суда не имѣетъ значенія. Какъ обстоятельство, опредѣляющее виновность—цѣль, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ—не играетъ никакой роли и можетъ лишь иногда вліять только на мѣру наказанія. Дѣлая *цѣль*, къ которой стремится преступникъ, опредѣляющимъ виновность началомъ, законъ уголовный вступилъ бы въ туманную и безграничную область, исполненную нравственныхъ противорѣчій, обязывая судъ вѣдаться съ такими соображеніями, которыя прямого отношенія къ отправленію правосудія имѣть не могутъ. Личная—иногда затаенная, цѣль виновнаго часто неуловима, не укладывается въ точно намѣченныя рамки и бываетъ подчасъ очень сложна. Нѣсколько преступленій, самыхъ разнородныхъ въ своей совокупности и въ своей послѣдовательности, могутъ имѣть одну цѣль. Иногда цѣль одного преступленія состоитъ лишь въ сокрытіи другого преступленія, имѣющаго свою спеціальную цѣль. Такова, напримѣръ, ближайшая цѣль подлога, предусмотрѣннаго въ 359 ст. ул. и совершаемаго для сокрытія служебной растраты. Есть, наконецъ, случаи, когда нѣтъ никакой возможности выяснить личную цѣль преступника, а преступленіе его между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію по своей, рѣжущей глаза, очевидности. Поэтому не цѣль, которая иногда слишкомъ индивидуальна и зачастую сливается съ мотивомъ, коренящимся въ такихъ тайникахъ души, гдѣ, по мѣткому народному выраженію, царствуютъ потемки, а намѣреніе, отражающее въ себѣ умыселъ, служитъ для опредѣленія виновности. Вотъ отчего законъ упоминаетъ о цѣли, характеризуя ее словами «для» и «изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ» только въ немногихъ, точно опредѣленныхъ случаяхъ, не допускающихъ распространительнаго толкованія. Такъ говорится о корыстныхъ или иныхъ личныхъ видахъ въ статьяхъ уложенія о неприведеніи въ исполненіе указовъ и предписаній (332 ст.), о неправосудіи (366—369), о смягченіи наказанія вопреки судебному приговору при его исполненіи (ст. 457) и о усиленіи наказанія сверхъ мѣры (ст. 458, причемъ къ личнымъ видамъ прибавляется и другая цѣль—«изъ мщенія»), о злоупотребленіяхъ при совершеніи актовъ чиновниками крѣпостныхъ дѣлъ (ст. 461) и маклерами (ст. 1301), о выдачѣ себя (токмо изъ видовъ корысти) за одного изъ Членовъ Царствующаго Дома (ст. 1415), о допущеніи къ городскимъ выборамъ не имѣющихъ на то права (ст. 1434), о вовлеченіи ложными увѣреніями въ убыточную сдѣлку (ст. 1688), о продажѣ повѣреннымъ интересовъ довѣрителя противной сторонѣ (ст. 1710) и т. п.

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ статьѣ 362 улож.

о нак., говорящей о служебномъ подлогѣ, надо признать, что она гораздо лучше той репутаціи, которая создана ей, благодаря ея сложному и разнообразному содержанію. Ближайшій взглядъ на эту статью приводитъ къ убѣжденію, что законъ уголовный выраженъ въ ней съ надлежащею ясностью. Служебный подлогъ, какъ искаженіе истины, исходящее отъ должностного лица и притомъ въ опредѣленной, обусловленной его званіемъ, хотя и весьма разнообразной письменной формѣ, можетъ проявиться *двояко*. Должностное лицо можетъ *создать* въ исходящихъ отъ него, совершенныхъ при его участіи или хранящихся у него актахъ и документахъ — *искаженіе истины*, введя въ нихъ ложь посредствомъ тѣхъ или другихъ соотвѣтствующихъ дѣйствій. Оно можетъ *скрыть въ нихъ истину*, утаивъ правду или сознательно не соблюдая тѣхъ гарантій и условій, при которыхъ эти акты или документы считаются согласными съ дѣйствительностію. Въ первомъ случаѣ должностное лицо предпринимаетъ активныя дѣйствія, чтобы учинить что либо въ ущербъ правдѣ, во второмъ случаѣ оно дѣйствуетъ пассивно — не учиняя того, что́ бы слѣдовало сдѣлать въ интересѣ правды. Въ грамматическомъ отношеніи ст. 362 можетъ быть раздѣлена на нѣсколько частей, но по содержанію своему распадается на двѣ опредѣленныя группы дѣяній. Каждая изъ нихъ имѣетъ въ виду *акты* въ тѣсномъ смыслѣ слова — и *письменные*, имѣющіе служебный характеръ, *документы* въ обширномъ смыслѣ слова. Обѣ группы статьи 362 обнимаютъ собою и тѣ, и другіе. *Первая* изъ нихъ говоритъ о такихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ актамъ и документамъ, которыми въ нихъ сознательно вносится *измышленная ложь*; *вторая* говоритъ о дѣйствіяхъ, которыми въ этихъ актахъ и документахъ *утаивается правда* по отношенію къ ихъ *происхожденію* или *содержанію*. Но внести въ актъ, установляющій извѣстныя юридическія отношенія или удостовѣряющій тѣ или другія служебныя дѣйствія—*вѣдомую* неправду, требующую притомъ иногда цѣлаго ряда приготовленій (напримѣръ, подготовка подставного свидѣтеля) или помѣстить въ документѣ *сознательный* вымыселъ (напримѣръ, при выдачѣ копіи съ несуществующаго акта), очевидно невозможно *безъ намѣренія*. По самому свойству этихъ дѣйствій — намѣреніе лежитъ въ ихъ природѣ. Поэтому, первая часть ст. 362, въ редакціонномъ отношеніи разбитая между началомъ и концомъ статьи, — и не упоминаетъ о намѣреніи или умыслѣ, какъ о существенномъ признакѣ предусмотрѣннаго ею подлога. Намѣреніе здѣсь всегда предполагается, какъ неразрывная, внутренняя принадлежность дѣянія. Оно ясно само по себѣ и не нуждается ни въ какомъ признаніи. Дѣйствительно, этотъ отдѣлъ ст. 362 или, вѣрнѣе говоря, тотъ родъ подлога, описываемаго имъ, который направленъ на внесеніе лжи и вымы-

сла въ акты и документы — имѣетъ въ виду тѣ случаи, когда должностное лицо сознательно учинитъ *фальшивую подпись*, приведетъ *вымышленное* свидѣтельское показаніе, допуститъ *подставныхъ* свидѣтелей, составитъ *заочно* или *заднимъ числомъ* актъ, включитъ въ доклады, протоколы, журналы, гражданскія или торговыя обязательства *вымышленныя* обстоятельства или *завѣдомо ложныя* свѣдѣнія, выдастъ *мнимую* или *невѣрную* копію съ акта, *поддѣлаетъ* актъ или злонамѣренно его *переправитъ* или *подчиститъ*. Такъ какъ дѣйствія эти, всѣ требующія активной заботы объ искаженіи истины, совершаются «при отправленіи службы», исключающемъ въ нихъ характеръ шутки и безвредности, то ихъ, очевидно, нельзя совершать безъ умысла, и, слѣдовательно, дѣйствовать ненамѣренно. Во всѣхъ этихъ случаяхъ должностное лицо не можетъ не сознавать, не понимать послѣдствій своего дѣянія, т. е. дѣйствовать неумышленно, дѣлая то или другое, составляющее одно изъ проявленій этого подлога, не намѣренно. Нельзя допустить, чтобы служащій, не находясь въ состояніи невмѣненія, могъ, отправляя свои обязанности, учинять фальшивую подпись, составлять вымышленное свидѣтельское показаніе или поддѣлывать актъ — не зная, что послѣдствіемъ этого будетъ введеніе въ обманъ тѣхъ, кто приметъ подпись или весь актъ за настоящіе или послушаетъ «свидѣтельство ложно». Правительствующій Сенатъ призналъ въ неоднократныхъ рѣшеніяхъ (напримѣръ 1868 г. № 430, 1870 г. № 826 и 1871 г. № 1716), что есть преступленія, въ которыхъ умыселъ и намѣреніе предполагаются сами собою. Таковы, напримѣръ, побои.— О личной цѣли, выходящей за предѣлы желанія совершить то, естественнымъ результатомъ чего является искаженіе правды,— въ такого рода подлогахъ не можетъ быть и рѣчи. Никакой порядокъ внутренняго управленія, органами котораго являются должностныя лица, не былъ бы мыслимъ, еслибы они, руководясь своими личными цѣлями и подчасъ невѣрно и произвольно оцѣнивая нравственное достоинство этихъ цѣлей, вносили безнаказанно и невозбранно завѣдомую ложь въ тѣ дѣйствія, которыми они, по уполномочію закона и власти, удостовѣряютъ или закрѣпляютъ существованіе извѣстныхъ обстоятельствъ. Употребленныя въ этой части ст. 362 выраженія «завѣдомо ложныя свѣдѣнія» и «злонамѣренная переправка или подчистка», составляя исключеніе изъ указанныхъ въ этой части подлоговъ, при которыхъ вовсе нѣтъ слова «намѣреніе»,—лишь подтверждаютъ, какъ всякое исключеніе, общее положеніе о томъ, что подлоги эти сами въ себѣ уже носятъ несомнѣнное присутствіе намѣренія. Законъ имѣетъ въ виду, что подчистка или переправка могутъ произойти и безъ дурного намѣренія, изъ извѣстнаго каллиграфическаго усердія, и предупреждаетъ отъ смѣшенія такихъ дѣйствій съ под-

логомъ, употребляя слово «злонамѣренно». Точно также законъ признаетъ, что могутъ быть случаи, когда свѣдѣнія, будучи ложными по своему содержанію, не кажутся таковыми тому, кто, будучи самъ введенъ въ обманъ, ихъ помѣщаетъ въ актъ или докладъ. Поэтому для того, чтобы опредѣлить то свойство этихъ свѣдѣній, которое придаетъ ихъ помѣщенію характеръ подлога, онъ и говоритъ о завѣдомости. Такого взгляда на подлоги, упоминаемые въ этой части ст. 362 улож., держался въ своей практикѣ Правительствующій Сенатъ, что выражено съ особою опредѣленностью въ рѣшеніи за 1877 г., № 84, по дѣлу Дмитріева, коимъ признано, что наказуемость этихъ подлоговъ не обусловливается признаніемъ противозаконности намѣренія, а лишь *сознательнымъ* совершеніемъ такихъ подлоговъ, т. е., иными словами, *завѣдомостью* совершаемаго.

Второй родъ подлоговъ по службѣ, предусмотрѣнный второю группою ст. 362 улож., обнимаетъ собою случаи сознательной утайки правды въ актахъ или документахъ, посредствомъ *сокрытія истины* въ докладахъ, отчетахъ, свидѣтельствахъ, и т. п., или посредствомъ совершенія и засвидѣтельствованія актовъ, съ нарушеніемъ тѣхъ *правилъ*, соблюденіе которыхъ, составляя гарантію ихъ дѣйствительности, придаетъ имъ установленную закономъ силу. Самый фактъ сокрытія истины въ документахъ и актахъ однако недостаточенъ для сужденія о виновности. Если нельзя безъ намѣренія и умысла сознательно поддѣлать актъ или допустить подставного свидѣтеля, то весьма возможно, безъ всякаго желанія, не помѣстить истинныя свѣдѣнія въ докладъ или отчетъ, упустивъ ихъ изъ виду, не освѣдомясь о нихъ, довѣрчиво относясь къ сообщенію третьихъ лицъ. Сокрытіе правды въ документахъ оффиціальнаго происхожденія можетъ быть учинено и *незавѣдомо:* фактически виновный въ подлогѣ такого рода можетъ самъ быть жертвою обмана. Здѣсь, по самому свойству служебныхъ обязанностей, предполагающихъ по большей части раздѣленіе труда между нѣсколькими лицами, открывается обширное поле для неосмотрительности, для неосторожной довѣрчивости, для отсутствія достодолжнаго вниманія. Результатомъ этихъ упущеній можетъ быть иногда весьма важное, по своимъ послѣдствіямъ, искаженіе истины сокрытіемъ свѣдѣній, рисующихъ положеніе дѣлъ въ ихъ настоящемъ видѣ. Законъ не можетъ относиться безразлично къ такимъ упущеніямъ должностныхъ лицъ, но было бы несправедливо наказывать за эти упущенія, какъ за служебный подлогъ. Поэтому, требуя въ 362 ст. улож. для *сокрытія истины* въ документахъ, составляющаго *подлогъ*, наличности *намѣренія* утаить правду, — законъ въ такомъ же сокрытіи въ рапортѣ или донесеніи должностного лица истинныхъ данныхъ и существа дѣла, сдѣланномъ безъ *противозаконнаго*

намѣренія, видитъ лишь одну *неосмотрительность*, подлежащую сравнительно легкой карѣ и извиняемую рядомъ обстоятельствъ (ст. 417 улож.). Таковъ первый видъ подлоговъ, предусмотрѣнныхъ этою частью ст. 362-й. Второй видъ состоитъ въ нарушеніи правилъ для совершенія и засвидѣтельствованія актовъ. Эти подлоги требуютъ для своего бытія наличности не только намѣренія, но и личныхъ видовъ, т. е. личной цѣли у виновнаго. Нарушеніе правилъ, о которомъ говорится въ этой части ст. 362 само по себѣ возможно не только по упущенію, но можетъ являться и послѣдствіемъ простого незнанія и непониманія должностнымъ лицомъ своихъ обязанностей, и поэтому подлежитъ преслѣдованію лишь по 410 и 411 ст. улож. о наказ. Но даже и тогда, когда это нарушеніе является результатомъ сознательнаго желанія обойти извѣстную формальность или не потребовать исполненія того или другого, указаннаго правилами условія, законъ не видитъ еще въ дѣйствіяхъ нарушителя—подлога, предоставляя суду, въ каждомъ данномъ случаѣ, усмотрѣть, по обстоятельствамъ дѣла, въ нарушеніяхъ этихъ—превышеніе власти, учиненное въ отмѣну узаконеній и данныхъ должностному лицу наставленій, или служебное нерадѣніе, или наконецъ, особо предусмотрѣнное нарушеніе спеціальныхъ обязанностей. Нарушенія эти принимаютъ свойства подлога лишь тогда, когда въ нихъ выражается уже не только небреженіе въ исполненіи точныхъ предписаній закона, не только самовольная оцѣнка необходимости этихъ предписаній, но и желаніе достичь, посредствомъ ихъ неисполненія, *личныхъ цѣлей*, которыя, какъ признаетъ это законъ, могутъ и не всегда быть корыстными. Поэтому въ этого вида служебныхъ подлогахъ втораго рода, наряду съ намѣреніемъ, какъ выраженіемъ умысла,—требуется и наличность «*корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ*». И здѣсь законъ противупоставляетъ служебную неосмотрительность, влекущую, смотря по обстоятельствамъ, примѣненіе 410, 411 или 417 ст. улож., отъ подлога, совершаемаго съ личными цѣлями. Такъ въ ст. 461, 468 и 1301 уложеніе о наказ., говоря о нотаріусахъ и чиновникахъ крѣпостныхъ дѣлъ, совершившихъ или засвидѣтельствовавшихъ актъ отъ имени лицъ, неимѣющихъ на то права, и о маклерахъ, принявшихъ такой актъ къ явкѣ безъ надлежащаго удостовѣренія въ его подлинности или въ тожествѣ лицъ, его представляющихъ — угрожаетъ имъ, если это сдѣлано по *неосмотрительности*,— удаленіемъ отъ должности, а если будетъ доказано, что ими это учинено съ умысломъ, изъ какихъ либо *противозаконныхъ видовъ*—отвѣтственностью за подлогъ по службѣ, по ст. 362-й. Рядомъ рѣшеній, относящихся до случаевъ нарушенія правилъ, установленныхъ для совершенія и засвидѣтельствованія актовъ, Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что это нарушеніе, для наказуемости по ст. 362-й, должно

быть совершено не по ошибкѣ или недоразумѣнію (1883 года, № 32, по дѣлу Стешенко и Кофудаки), а умышленно, и притомъ изъ корыстныхъ (1877 года, № 84, по дѣлу Дмитріева, и № 95, по дѣлу коммерческаго банка) или иныхъ личныхъ (1870 года, № 487, по дѣлу Преображенскаго и Коссова) видовъ.

Преступное дѣяніе, въ которомъ присяжные засѣдатели признали виновнымъ Сергѣя Борисова, состоящее въ помѣщеніи въ счеты и отчеты банка *завѣдомо ложныхъ* свѣдѣній, въ неправильномъ показываніи состоянія счетовъ, наличныхъ средствъ и расходовъ саратовско-симбирскаго банка и въ сокрытіи понесенныхъ имъ убытковъ—относится къ первому роду подлоговъ, описанныхъ въ ст. 362 улож., который не требуетъ признанія наличности личной цѣли въ дѣйствіяхъ виновнаго, противозаконное намѣреніе котораго неразрывно связано съ его дѣяніемъ. Эта особая личная цѣль, не входящая въ составъ преступленія подлога, состоящаго въ *завѣдомомъ, активномъ искаженіи истины,* могла быть невполнѣ ясна и для самого подсудимаго. Она могла имѣть и твердыя очертанія корыстнаго свойства и неопредѣленные контуры отсрочки, хотя бы на время, разоблаченія прискорбной для акціонеровъ и чувствительной для членовъ правленія истины. Съ точки зрѣнія закона, изображеннаго въ ст. 362, важно лишь признаніе присяжными, что Сергѣй Борисовъ помѣщалъ ложныя свѣдѣнія *завѣдомо,* т. е. при наличности того условія, которое придаетъ такому помѣщенію характеръ подлога. Поэтому я не могу признать, чтобы судъ имѣлъ основаніе, а слѣдовательно и право усмотрѣть въ отвѣтѣ присяжныхъ на вопросъ 56-й неразрѣшимое противорѣчіе—и обратить ихъ къ новому совѣщанію. Предъ судомъ былъ ясный и категорическій отвѣтъ о виновности Борисова въ подлогѣ, съ прибавкою слова «безъ цѣли», не входящаго, въ данномъ случаѣ, въ составъ преступленія. Слѣдовало, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Сената, откинуть эту прибавку—и приложить уголовный законъ къ высказанному присяжными убѣжденію въ виновности подсудимаго. Судъ не имѣлъ, какъ утверждаетъ подсудимый, основанія предполагать, что присяжные отожествляютъ цѣль, о которой они упомянули, съ умысломъ, ибо тѣ же самые присяжные въ отвѣтахъ на вопросы 11, 55 и 56—сами разграничили цѣль отъ умысла и отъ завѣдомости, отвѣтивъ на одинъ—«виновенъ, но безъ злого умысла», на другой—«виновенъ, но незавѣдомо» и на третій—«виновенъ, но безъ цѣли», очевидно не сливая понятій объ умыслѣ и цѣли въ одно, а различая ихъ. Да и самое разъясненіе предсѣдателя, предшествовавшее возвращенію присяжныхъ къ новому совѣщанію, въ которомъ имъ было сказано, что «существеннѣйшимъ признакомъ всякаго преступленія надо признать наличность присутствія злого умысла для совершенія преступнаго дѣянія, направленнаго для достиже-

нія преступной цѣли и преслѣдующаго, ради тѣхъ или другихъ личныхъ видовъ эту цѣль, а слѣдовательно *завѣдомость, умышленность* совершаемаго»,—самое это разъясненіе ставитъ, несмотря на нѣкоторую неопредѣленность выраженій, существеннымъ признакомъ подлога—завѣдомость и умышленность, т. е. тѣ признаки, которые содержатся въ отвѣтѣ присяжныхъ засѣдателей, ибо помѣщеніе завѣдомо ложныхъ свѣдѣній и скрѣпленіе ихъ своею подписью, по смыслу 362 ст. улож., не можетъ не быть умышленнымъ.

На основаніи изложенныхъ мною соображеній, я нахожу, что въ отношеніи къ *первому* отвѣту присяжныхъ засѣдателей на вопросъ 56-й, ст. 816 уст. угол. суд. примѣнена судомъ неправильно и сопровождалась несогласнымъ съ содержаніемъ ст. 362 улож. толкованіемъ. Усматривая въ этомъ *существенное кассаціонное нарушеніе* по настоящему дѣлу, я полагалъ бы оправдательный приговоръ о Борисовѣ, по обвиненію въ подлогѣ, описанномъ въ 56-мъ вопросѣ, и рѣшеніе присяжныхъ—отмѣнить.

Перехожу къ указаніямъ кассаціоннаго протеста на неправильности въ заключительномъ словѣ предсѣдателя. Еслибы врачъ, не имѣющій большой практики и многолѣтняго опыта, заявилъ, что больной умеръ, но безъ прекращенія дыханія, или пересталъ жить, но безъ остановки біенія сердца, то было бы полное основаніе признать, что такому врачу неизвѣстны существенныя условія жизненнаго процесса человѣческаго организма и слѣдовало бы поискать причину этого незнанія въ неудовлетворительныхъ и неясныхъ урокахъ профессора. Такимъ профессоромъ — по отношенію къ пониманію свойствъ и значенія преступленія присяжными—является предсѣдатель. Если отвѣты присяжныхъ на вопросы суда представляютъ внутреннее, неразрѣшимое противорѣчіе, признаваемое судомъ и выразившееся въ непониманіи ими состава обсуждаемаго преступленія, то настоитъ необходимость обратиться къ провѣркѣ правильности указаній, которыя были даны присяжнымъ для уразумѣнія ими, какъ состава преступленія, такъ и своихъ задачъ по отношенію къ отправленію правосудія по данному дѣлу. Эти указанія должны, согласно 801—804 ст. уст. угол. суд., найти себѣ мѣсто въ заключительномъ объясненіи предсѣдателя, которое, по выраженію составителей судебныхъ уставовъ, является *напутствіемъ* присяжнымъ,—напутствіемъ, по своему назначенію, руководительнымъ. Назначеніе этого *руководящаго напутствія* — троякое. Оно должно, во-первыхъ, выяснить присяжнымъ коренные признаки и свойства разсматриваемаго преступленія; во-вторыхъ, напомнить имъ существенныя обстоятельства дѣла, подходящія подъ эти признаки или идущія съ ними въ разрѣзъ, освободивъ при этомъ эти обстоятельства и эти признаки отъ невѣрной окраски и односторонняго освѣщенія, допущенныхъ сторонами и, въ-третьихъ, указать на тѣ общія начала, которыхъ слѣ-

дуетъ держаться присяжнымъ при оцѣнкѣ силы доказательствъ, приведенныхъ къ обвиненію и въ защиту подсудимыхъ. У насъ, по практическимъ условіямъ отправленія уголовнаго правосудія,— это напутствіе имѣетъ важное значеніе. Изложенное обдуманно и цѣлесообразно, оно — выясняя дѣло въ элементарной его простотѣ и удобопонятности — указываетъ присяжнымъ путь сужденія, предостерегая ихъ отъ закоулковъ и переулковъ, уклоняющихъ ихъ отъ истинной цѣли; оно снимаетъ написанныя болѣе или менѣе невѣрно декораціи, загораживающія трезвую правду дѣла; оно приходитъ на помощь лишенному защитника, неумѣлому, подавленному непривычною обстановкою подсудимому и за него указываетъ тѣ обстоятельства, выясненныя судебнымъ слѣдствіемъ, которыя должны быть положены на чашу оправданія. Я говорю «судебнымъ слѣдствіемъ», ибо подъ судебнымъ состязаніемъ, о которомъ упоминается въ ст. 802, разумѣются не только пренія, но и судебное слѣдствіе, согласно разъясненіямъ Правительствующаго Сената по дѣламъ Григорьевой и Филипповой, 1869 года, по дѣламъ Алексѣева и Серафимова, 1870 года, и по дѣлу Панаева, 1874 года. Наконецъ, это руководительное напутствіе, въ дѣлахъ особенно сложныхъ, гдѣ потерпѣвшимъ представляется цѣлое учрежденіе, а виновность подсудимыхъ слагается изъ нарушенія ряда взаимно обусловленныхъ обязанностей, имѣетъ въ высшей степени важную задачу устранить то, что я называю *извращеніемъ уголовной перспективы,* благодаря которому, путемъ искусственныхъ построеній, дѣйствительно виновные отодвигаются постепенно съ перваго плана на такое отдаленіе, что преступныя черты ихъ дѣятельности становятся трудно распознаваемыми. Вотъ почему, при неоднократномъ обсужденіи вопроса о руководительномъ напутствіи предсѣдателя въ нашей наукѣ и литературѣ ни разу не высказывалось мнѣнія о безусловной отмѣнѣ его, подобно тому, какъ это сдѣлано во Франціи, а выражалась, не находившая себѣ, однако, сочувствія, мысль лишь объ ограниченіи случаевъ произнесенія заключительнаго слова желаніемъ самого предсѣдателя или просьбою присяжныхъ. Значенію руководящаго напутствія соотвѣтствуютъ и налагаемыя имъ на предсѣдателя обязанности. Судебные уставы, не преподавъ предсѣдателю никакихъ предустановленныхъ правилъ для оцѣнки силы и значенія доказательствъ, тѣмъ самымъ указали, что эта оцѣнка предоставляется его опыту, знанію и благоусмотрѣнію. Они не создали въ лицѣ говорящаго свое напутствіе предсѣдателя, какъ совершенно ошибочно полагаютъ нѣкоторые, — судью, играющаго обязательно безцвѣтную роль, состоящую въ перефразированіи вопросовъ и въ такомъ изложеніи доводовъ защиты и обвиненія, чтобы, погруженные въ своего рода «судебный щелокъ», они потеряли свой блескъ и свои краски, причемъ главною заботою этого судьи должно быть избѣжаніе обнаруже-

нія *какого-либо* мнѣнія по дѣлу. Напротивъ, судебные уставы, поставивъ слово предсѣдателя предъ самымъ совѣщаніемъ присяжныхъ, придали ему особую нравственную силу. Правильно понимающій свои обязанности предсѣдатель не только можетъ, но въ извѣстныхъ случаяхъ, обусловленныхъ составомъ присяжныхъ, неравенствомъ силъ сторонъ, или способомъ установки на судѣ того или другого доказательства, *обязанъ* высказать присяжнымъ свое мнѣніе объ относительной силѣ каждаго изъ главнѣйшихъ доказательствъ. Если это личное мнѣніе предсѣдателя основано на его житейской и юридической опытности, на вдумчивости въ удѣльный вѣсъ каждаго рода и вида доказательствъ, то оно не только умѣстно въ напутствіи, но и желательно. Правительствующій Сенатъ всегда признавалъ за предсѣдателемъ право входить, въ предѣлахъ данныхъ, представленныхъ судебнымъ слѣдствіемъ, въ оцѣнку мнѣній экспертовъ, а также сущности и значенія свидѣтельскихъ показаній, указывая условія достовѣрности этихъ показаній (1867 г., № 492 и 1872 г., № 350). Несомнѣнно, что такое же право имѣетъ предсѣдатель и относительно такъ называемыхъ мертвыхъ доказательствъ — документовъ, писемъ, дневниковъ и т. п. Напутствуя присяжныхъ, предсѣдатель вышелъ бы изъ своей роли, говоря имъ: «этотъ человѣкъ виновенъ или невиновенъ»,—но онъ имѣетъ право и основаніе сказать имъ: «для сравненія чаши вѣсовъ защиты и обвиненія, вамъ даны гири — доказательства, на которыхъ стороны обозначали, со своей точки зрѣнія, ихъ тяжесть; разсмотримъ каждую гирю и, руководясь опытомъ, знаніемъ и безпристрастіемъ, повѣримъ ея дѣйствительный вѣсъ». Точно также желательно и даже необходимо, чтобы по отношенію къ новымъ, выработаннымъ экономическою и общественною жизнью, явленіямъ, — пресѣдатель указывалъ присяжнымъ не только на свойства и признаки преступнаго дѣянія, но и независимо, конечно, отъ вины или невиновности подсудимаго, — и на общественное значеніе этого дѣянія. Присяжнымъ, живымъ судьямъ, взятымъ изъ различныхъ слоевъ общества, полезно знать — есть ли обсуждаемое ими нарушеніе закона обычное и стародавнее проявленіе преступной воли, издавна нарушающей права *отдѣльной* личности, охраняемыя государствомъ, — или же это нарушеніе слагается изъ дѣйствій, результаты коихъ, напр., при банковыхъ или избирательныхъ преступленіяхъ, при разновидныхъ преступленіяхъ противъ общественнаго кредита и т. п., отражаются прямо и рикошетами на обширныхъ группахъ согражданъ, на учрежденіяхъ, на цѣлыхъ отрасляхъ общественнаго труда. И здѣсь спокойное, продуманное, нравственно отвѣтственное слово предсѣдателя должно поставить задачу присяжныхъ на надлежащую высоту и показать имъ на борьбу съ *какимъ зломъ* выступаетъ, въ ихъ лицѣ, правосудіе.

Таковы требованія, которыя, по моему мнѣнію, можно предъявлять къ руководящему напутствію предсѣдателя. Съ внѣшней стороны, эти требованія были по настоящему дѣлу исполнены. Изъ «общихъ соображеній» предсѣдателя тамбовскаго окружнаго суда, подготовленныхъ имъ въ видѣ «конспекта» и записанныхъ по его порученію въ протоколъ,—усматривается, что онъ задался стремленіемъ упростить дѣло, очистивъ его «отъ загромождавшихъ его осложненій и наслоеній» и устранивъ изъ него то, что, «благодаря тенденціи и формѣ рѣчей защиты и гражданскихъ истцовъ, способно было отвлечь вниманіе присяжныхъ отъ самой сути дѣла». Признавая всю трудность для присяжныхъ «разобраться безошибочно въ хаосѣ цифръ и словъ, распознавъ правду отъ лжи и фразу отъ правдиваго слова», предсѣдатель нашелъ необходимымъ въ общей части своего напутствія разъяснить присяжнымъ ихъ задачу, указавъ и на общественное значеніе взводимаго на подсудимыхъ обвиненія, и на тѣ общія начала, которыми должны они руководствоваться, опредѣляя, въ полной независимости отъ постороннихъ соображеній и давленія общественнаго мнѣнія, вину или невиновность подсудимыхъ. Но, отдавая заслуженную дань уваженія громадному труду, вложенному предсѣдателемъ тамбовскаго окружнаго суда въ это дѣло, приходится, однако, сознаться, что, къ сожалѣнію, правильному и цѣлесообразному внѣшнему составу предсѣдательской рѣчи по дѣлу саратовско-симбирскаго банка не соотвѣтствуетъ ея внутреннее содержаніе. Мы находимъ въ ней рядъ выраженій и соображеній, которыя идутъ въ разрѣзъ съ указанными мною задачами руководящаго напутствія присяжнымъ. На ряду съ желаніемъ упростить дѣло, освободивъ его отъ всего лишняго, эта рѣчь расширяетъ задачу присяжныхъ до крайнихъ предѣловъ и, указавъ имъ, что для того, чтобы судить человѣка «надо его *познать*, оцѣнить его *жизнь*, его *поступки*, разъяснить, *кто онъ*, съ *кѣмъ водится*, что *дѣлаетъ*», рекомендуетъ имъ опираться, между прочимъ, на свою житейскую опытность, которая должна «обогатиться» на судѣ наблюденіемъ за тѣмъ—какъ себя «выказываютъ и проявляютъ», своимъ поведеніемъ во время засѣданія, подсудимые, т. е. рекомендуетъ самый неправильный, случайный и неустойчивый способъ сужденія о человѣкѣ, поставленномъ въ условія для него необычныя, тягостныя и роковыя. Можно смѣло сказать, что законодатель, начертывая 801 ст. уст. уг. суд., *никогда* не предполагалъ возможности *такихъ* общихъ основаній для сужденія о силѣ доказательствъ — и никогда не имѣлъ въ виду, что матеріаломъ для рѣшенія вопроса о виновности можетъ являться, между прочимъ,—молчаніе подсудимаго на судѣ или «лихорадочное на все возраженіе», какъ выражается предсѣдатель по настоящему дѣлу. Постройка уголовнаго приговора на образѣ дѣйствій подсудимаго въ засѣданіи должна быть

предметомъ настойчивыхъ *отрицательныхъ*, а отнюдь не *положительныхъ* указаній предсѣдателя, ибо такая постройка, благопріятствуя ловкому лицемѣру, угрожаетъ жестокою несправедливостью тому, чье волненіе, горячность, отчаяніе или подавленность свидѣтельствуютъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь о томъ, что для него небезразличенъ позоръ осужденія.

Еще большія неправильности допущены и въ оцѣнкѣ *свойства дѣйствія* подсудимыхъ. Согласно обвинительному акту, подсудимые по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ саратовско-симбирскомъ банкѣ были преданы суду по обвиненіямъ, которыя по отношенію ко всѣмъ или къ нѣкоторымъ изъ нихъ сводились къ грубымъ нарушеніямъ ими своихъ служебныхъ обязанностей и данныхъ имъ полномочій, вызвавшихъ убытки для банка,—къ присвоенію себѣ средствъ, принадлежавшихъ банку на сумму свыше 300 рублей,—и къ разнаго рода служебныхъ подлогамъ, т. е. къ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ 1154—1155 и 354, 362, 1198 и 1666 ст. улож. По свойствамъ своимъ и въ виду несомнѣннаго и точнаго различія, существующаго напр., въ составѣ и признакахъ присвоенія и подлога, эти преступленія отнюдь не могутъ быть подводимы подъ одно общее понятіе. Между тѣмъ, предсѣдатель тамбовскаго окружнаго суда не только слилъ всѣ дѣянія, въ коихъ обвинялись подсудимые, воедино, обозначивъ однимъ общимъ названіемъ *хищеній*, но и противупоставилъ имъ всѣмъ дѣянія, охарактеризованныя имъ «увлеченіями, самонадѣянностью и неумѣлостью». Но такъ какъ законъ уголовный не караетъ увлеченій, не исправляетъ неумѣлости и не занимается ослабленіемъ самонадѣянности, то, по смыслу объясненій предсѣдателя, оказывается, что подлоги всѣхъ видовъ, явныя и сознательныя неправильности въ выдачахъ необезпеченныхъ ссудъ, назначеніе несуществующаго дивиденда, утвержденіе завѣдомо чрезмѣрныхъ оцѣнокъ и присвоеніе себѣ банковаго капитала для своихъ личныхъ операцій — суть дѣянія, ненаказуемыя вовсе, если только въ нихъ не усматривается не установленный никакимъ закономъ признакъ *хищенія*. Такой взглядъ, однако, произволенъ и опровергается уже тѣмъ, что я ранѣе говорилъ объ исключительности случаевъ, въ которыхъ наше уложеніе считаетъ нужнымъ упоминать о «корыстныхъ или иныхъ личныхъ видахъ».—Противоположивъ хищеніе дѣяніямъ ненаказуемымъ, предсѣдатель, предупредивъ присяжныхъ, что они могутъ въ разрѣшаемомъ ими дѣлѣ «столкнуться съ весьма рѣзкими проявленіями биржевыхъ и банковыхъ операцій, неестественное развитіе и лихорадочная дѣятельность которыхъ вызвали столько произвола, злоупотребленій и краховъ банковъ»—нашелъ, затѣмъ, нужнымъ напомнить имъ, что возложеніе уголовной кары на людей, которые «увлеклись теченіемъ, направленіемъ времени» и, «не пожелавъ оставаться на скром-

ныхъ ступеняхъ житейской лѣстницы», — пустились въ аферы, въ спекуляціи, въ биржевую игру — было бы равносильно неисполненію присяжными возложенной на нихъ обязанности. Но и по содержанію обвиненія, выведеннаго въ обвинительномъ актѣ и подведеннаго, между прочимъ, подъ 354 ст. улож., и по смыслу самаго заключительнаго слова — подсудимые были преданы суду за аферы, спекуляціи и биржевую игру не на свои, трудомъ пріобрѣтаемыя и, въ стремленіи къ стяжанію, теряемыя деньги, а на деньги банка, т. е. на чужія, присвоенныя себѣ для этой цѣли деньги. Такое присвоеніе носитъ на себѣ всѣ признаки уголовнаго преступленія, хотя бы оно совершалось и въ надеждѣ возвратить современемъ назадъ присвоенныя деньги, когда онѣ сослужатъ свою службу для легкаго прибытка. Подводить его подъ увлеченіе и самонадѣянность — значитъ воскрешать справедливо осужденную въ свое время теорію «самовспомоществованія» изъ дворянской кассы. Поэтому внушеніе предсѣдателя присяжнымъ, что они не исполнятъ своей присяги — «не оправдывать виновнаго и не осуждать невиннаго» — если покараютъ «легкомысленныхъ, распущенныхъ и не понимающихъ своихъ гражданскихъ обязанностей людей, увлекшихся спекуляціею и биржевою игрою», — въ данномъ случаѣ, гдѣ дѣло шло о средствахъ банка, — есть внушеніе, представляющее присяжнымъ ихъ истинную задачу въ невѣрномъ свѣтѣ. — Такая же неправильность въ толкованіи признаковъ преступленія усматривается въ томъ мѣстѣ напутствія предсѣдателя, въ которомъ онъ говоритъ, что люди, занимающіеся ловитвою «въ мутной водѣ», подлежатъ карѣ лишь тогда, когда окажется, что они *хищники*, т. е. когда окажется что они дѣйствовали, прикрываясь искусно составленными балансами, подложными отчетами и подтасованными общими собраніями, — и что *всѣ эти* счеты, рапортички и ордера служили для нихъ *только* орудіемъ для достиженія хищническихъ цѣлей». Иными словами — если все то, что составлено искусно, что подложно и подтасовано, однимъ словомъ — если всѣ эти, *завѣдомо* несогласные съ дѣйствительностью документы, являлись дѣломъ рукъ подсудимыхъ лишь для прикрытія аферъ и спекулятивной биржевой игры на средства банка, — то подсудимые ни въ чемъ не виновны съ точки зрѣнія уголовной, а виновны лишь въ дѣяніяхъ несимпатичныхъ и ненравственныхъ. Но преступнаго подлога, предусмотрѣннаго уложеніемъ, никогда не опредѣляютъ обстоятельствами, для прикрытія коихъ онъ сдѣланъ. Ставъ на эту точку зрѣнія, уголовный законъ потерялся бы въ массѣ непредвидѣнныхъ случаевъ. Оказалось бы, что поддѣлать подпись или истребить отданное на храненіе завѣщаніе — преступно для хищенія, но непреступно для аферы. Не если поддѣлать подпись непреступно для спекуляціи, то почему же оно преступно для удо-

влетворенія малодушнаго тщеславія (1412—1418 ст. улож.)? Строить наказуемость на личной цѣли, а не на объективно-преступномъ фактѣ невозможно безъ внесенія въ отправленіе уголовнаго правосудія величайшей неопредѣленности и произвола. Я уже подробно доказывалъ это при разборѣ ст. 362 ул., и потому не стану вновь къ этому возвращаться. И въ этомъ приглашеніи присяжныхъ признать составленіе подложныхъ документовъ, счетовъ и отчетовъ — не подлежащимъ взысканію только потому, что они составлены людьми, которые, не будучи хищниками, лишь «вслѣдствіе сложившихся, быть можетъ, въ ихъ жизни обстоятельствъ, не захотѣли ограничиться скромною ролью труженика и мирнаго гражданина, но вслѣдствіе ли среды, въ которой вращались, или особеннаго умственнаго развитія и направленія — пожелали плавать шире и глубже» — я вижу неправильное осуществленіе обязанностей предсѣдателя при его руководительствѣ присяжными въ пониманіи ими законныхъ признаковъ преступленія. Наконецъ, въ этихъ толкованіяхъ относительно ненаказуемости подлога, сдѣланнаго аферистами для прикрытія присвоенія, сдѣланнаго спекуляторами — упущенъ пѣлый рядъ нарушеній обязанностей по счетоводству, дѣлопроизводству и выполненію полномочій, и въ этомъ отношеніи присяжные оставлены безъ всякаго разъясненія, тѣмъ болѣе необходимаго, что въ эти нарушенія, какъ видно изъ квалификаціи обвинительнаго акта, — спасительный ингредіентъ биржевой игры уже не входилъ.

Придавая особое значеніе руководящему напутствію, я не могу не придавать значенія существеннаго нарушенія ст. 801 — 804 уст. угол. суд. и тѣмъ толкованіямъ, которыя нашли себѣ мѣсто въ подлежащемъ нашей оцѣнкѣ заключительномъ словѣ предсѣдателя. Вскорѣ за тѣмъ временемъ, когда у насъ въ большомъ числѣ образовались всѣхъ наименованій частные коммерческіе и земельные, а также городскіе банки, начались и такъ называемые «крахи» нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ уголовныхъ процессахъ по этому поводу, идущихъ непрерывно съ 1875 года, стали раздаваться по временамъ соображенія о томъ, что на виновныхъ членовъ правленій и прочихъ должностныхъ лицъ банковъ, повинныхъ въ грубомъ неисполненіи своихъ обязанностей и въ явныхъ злоупотребленіяхъ, не слѣдуетъ смотрѣть ни строго, ни даже серьезно. Указывалось и, быть можетъ, еще будетъ указываться, что люди, получавшіе значительное вознагражденіе и допущенные довѣріемъ акціонеровъ къ распоряженію капиталами общества,— не могли побороть своей лѣни, не могли побѣдить своего незнакомства съ дѣломъ, не могли противустать искушенію—и *увлеклись* или просмотрѣли, въ сладкой и довѣрчивой апатіи, «увлеченія» другихъ. Въ сущности виновными оказывались акціонеры, которые выбирали несвѣдущихъ и слабыхъ людей на сопряжен-

ныя съ соблазномъ должности, забывая пословицу: «не клади плохо—не вводи во грѣхъ», и имъ да еще вкладчикамъ—по заслугамъ предлагалось принять на себя и званіе потерпѣвшихъ, и званіе дѣйствительно виновныхъ. Но такіе взгляды — которыхъ невозможно оправдать, но которые можно объяснить свойственными *сторонѣ* въ процессѣ односторонностью и увлеченіемъ въ исполненіи взятой на себя задачи — встрѣтили, какъ видно изъ большинства приговоровъ присяжныхъ по банковымъ дѣламъ, отпоръ въ ихъ совѣсти и здравомъ смыслѣ. Присяжныхъ необходимо поддерживать на этомъ пути житейской правды, и съ этой точки зрѣнія толкованія объ отсутствіи преступности въ самовольномъ и своекорыстномъ расточеніи капитала, ввѣреннаго банковымъ дѣятелямъ, не должны встрѣчать себѣ мѣста въ руководящемъ напутствіи предсѣдателя. Ужъ если имѣть въ виду «направленіе и теченіе времени», то именно вслѣдствіе нѣкоторыхъ сторонъ этого направленія предсѣдатель имѣлъ бы, по моему мнѣнію, право сказать присяжнымъ: «законъ даетъ чувству состраданія исходъ въ правѣ признанія подсудимыхъ заслуживающими снисхожденія. Законъ говоритъ вамъ: какъ судьи, какъ граждане, назовите зло — зломъ, ложь — ложью и преступленіе — преступленіемъ! Но сказавъ это по совѣсти и предъ лицомъ родины, которая ввѣряетъ вамъ священное дѣло правосудія, поищите, по человѣчеству, — нѣтъ ли обстоятельствъ въ дѣлѣ, въ личности, въ положеніи человѣка, по которымъ къ нему надо отнестись со снисхожденіемъ, и если найдете, то пусть рядомъ съ голосомъ строгой *правды* прозвучатъ и кроткіе звуки *милости!* Вотъ что говоритъ законъ, поддерживать и укрѣплять который вы призваны. Онъ ждетъ отъ васъ суда, а *не благотворительности.* Возлагая на васъ ваши высокія нравственно-отвѣтственныя предъ государствомъ и обществомъ обязанности, законъ не можетъ желать, чтобы, признавъ извѣстное дѣяніе дѣломъ подсудимаго, дѣйствовавшаго сознательно, вы говорили, что онъ, все-таки, не виноватъ тамъ, гдѣ онъ лишь заслуживаетъ, быть можетъ, снисхожденія. Вашъ приговоръ долженъ быть правдивъ, какъ бы тяжело ни было въ иныя минуты сказать слово правды. Въ немъ не должна находить себѣ мѣста та *жестокая чувствительность*, которая, къ сожалѣнію, часто служитъ лишь проявленіемъ разслабленія души. Благодаря ей, этой жестокой чувствительности, у насъ нерѣдко совершенно исчезаютъ изъ виду обвиняемый и дурное дѣло, имъ совершенное, а на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ отвлеченные подсудимые, не подлежащіе карѣ закона, называемые обыкновенно средою, порядкомъ вещей, темпераментомъ, страстью, увлеченіемъ... Не надо забывать, что страсть многое объясняетъ—и ничего не оправдываетъ, что излишнее довѣріе, отсутствіе или слабость надзора не извиняютъ того, кто этимъ пользуется. Увлекаясь чувствитель-

ностью въ отношеніи къ виновному, не надо становиться жестокими къ потерпѣвшему, къ пострадавшему и къ нравственному и матеріальному ущербу, причиненному преступленіемъ, присоединять еще и обидное сознаніе, что это ничего не значитъ, что за это ни кары, ни порицанія не слѣдуетъ, и что законъ, который грозитъ спасительнымъ страхомъ слабому и колеблющемуся, есть мертвая буква, лишенная практическаго значенія». Думаю, что такія указанія болѣе соотвѣтствовали бы задачѣ руководящаго напутствія, чѣмъ противоположеніе «хищенію»—цѣлой гаммы ненаказуемости, состоящей изъ словъ: увлеченіе, легкомысліе, самонадѣянность, среда, сложившіяся обстоятельства, особенное направленіе ума, теченіе времени — и оканчивающейся оправдательнымъ аккордомъ.

Но не одни неправильныя толкованія въ рѣчи предсѣдателя могутъ вызывать неясные и противорѣчивые отвѣты присяжныхъ. На нихъ не могутъ не оказывать вліянія и пренія, и если въ таковыхъ допущены заявленія, затемняющія и безъ нужды усложняющія и путающія дѣло, то эти потемки и эта путаница могутъ отразиться и на обсужденіи присяжными предложенныхъ имъ вопросовъ. И съ этой точки зрѣнія, по дѣлу саратовско-симбирскаго банка, имѣли мѣсто очевидныя неправильности. На нихъ указывается въ кассаціонной жалобѣ гражданскаго истца Лопухаго и въ протестѣ прокурора, который, между прочимъ, жалуется на допущеніе повѣреннаго государственнаго дворянскаго банка свидѣтельствовать въ своей рѣчи предъ присяжными, на основаніи личнаго знакомства съ подсудимымъ Борисовымъ, — о его нравственныхъ достоинствахъ, дѣлающихъ его неспособнымъ на хищеніе, но способнымъ играть на банковскія деньги на биржѣ, быть можетъ, однако, и безъ корыстной цѣли. Судъ обходитъ молчаніемъ замѣчаніе объ этомъ на протоколѣ судебнаго засѣданія, и такъ какъ своевременно товарищемъ прокурора о занесеніи въ протоколъ этого заявленія сдѣлано не было, то въ настоящее время Правительствующій Сенатъ не можетъ входить,—согласно рѣшенію 1885 года, по дѣлу Мироновича, — въ обсужденіе этого нарушенія. Но самое заключительное слово предсѣдателя содержитъ въ себѣ неопровержимое, по источнику своему, доказательство того, что имъ во время преній была дозволена именно та «слишкомъ развязная, самоувѣренная передача и истолкованіе данныхъ дѣла», о которой онъ говоритъ въ своей рѣчи, какъ о могущей «по своей формѣ и тенденціямъ подѣйствовать на воображеніе и чувство присяжныхъ» для отвлеченія ихъ вниманія отъ самой сути дѣла. Нѣкоторые гражданскіе истцы, по удостовѣренію предсѣдателя, явились по дѣлу въ роли защитниковъ и «какихъ-то милователей». Но развѣ не отъ него, въ силу 611, 620, 631 и 742 ст. уст. угол. суд., зависѣло, указавъ такимъ гражданскимъ

истцамъ на то, что они не уполномочены ни закономъ, ни судомъ, ни своими довѣрителями являться защитниками подсудимыхъ и опровергать доводы обвинительной власти—обратить ихъ къ исполненію ихъ прямыхъ обязанностей, на точномъ основаніи ст. 742 уст. угол. суд. Развѣ предсѣдатель можетъ быть пассивнымъ зрителемъ такого несогласнаго съ мыслью закона распредѣленія боевыхъ силъ въ процессѣ?—Развѣ онъ можетъ ограничиваться упоминаніемъ объ этомъ вскользь въ своемъ объясненіи, послѣ того какъ *защитительная* рѣчь гражданскаго *истца* уже произвела свое, своевременно не предотвращенное дѣйствіе? «Вамъ толковали, сказалъ предсѣдатель, обращаясь къ присяжнымъ—о подлежащемъ и сказуемомъ, о Владимірѣ Мономахѣ, о вѣсахъ съ правительственными клеймами; говорили, почему-то, о муравьиныхъ и воробьиныхъ гнѣздахъ, тенденціозно сопоставляли совѣсть и правдивость человѣка съ небольшими денежными средствами съ совѣстью и правдивостью богатаго человѣка, приводили изреченія неизвѣстнаго вамъ какого-то западнаго экономиста и, наконецъ, дошли до того, что увѣряли васъ, что причиною краха банка, главнымъ виновникомъ бѣдствія—не неумѣлость и легкомысліе его заправителей и не ихъ хищничество, но та слѣдственная власть, которая такъ не во время, неумѣлою рукою, прикоснулась къ этому учрежденію, и что обвинительный актъ, утвержденный саратовскою судебною палатою, представляетъ собою юридическій безпорядокъ, какъ бы служившій продолженіемъ бывшихъ безпорядковъ саратовско-симбирскаго банка». Но зачѣмъ же это все было дозволено?—Предсѣдатель, вооруженный, согласно 617, 737 и 745 уст. угол. суд., вполнѣ достаточно для устраненія всякаго празднословія и всего не идущаго къ дѣлу,—не долженъ ограничиваться ролью лѣтописца, который лишь заноситъ на страницы своего заключительнаго слова все лишнее, сказанное на судѣ, а когда оно говорится, то «спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ» въ нарушеніи своихъ обязанностей при судоговореніи. Иначе, дѣйствительно въ преніяхъ могутъ «наконецъ, дойти до того», что ставя, какъ это было въ настоящемъ дѣлѣ, судебной власти въ вину исполненіе ею ея долга, станутъ обвинять ее въ гибели банка и называть актъ преданія суду банковыхъ дѣятелей юридическимъ безпорядкомъ, служащимъ продолженіемъ банковыхъ безпорядковъ, состоявшихъ, согласно этому самому акту, въ подлогахъ, присвоеніяхъ и вопіющей служебной недобросовѣстности. Правительствующій Сенатъ въ рядѣ рѣшеній призналъ, что предсѣдатель обязанъ не допускать въ рѣчахъ выраженій, оскорбительныхъ для отдѣльныхъ лицъ, учрежденій и установленій, какъ могущихъ поселить въ присяжныхъ засѣдателяхъ предубѣжденіе и нарушающихъ то спокойное равновѣсіе духа, которое необходимо для правильнаго отправленія правосу-

дія. Въ послѣдніе годы Правительствующій Сенатъ, исходя изъ этого, настойчиво и въ рядѣ рѣшеній имъ проводимаго взгляда, призналъ (въ 1885 году, по дѣлу Лоцовыхъ) предсѣдателя обязаннымъ остановить, подъ угрозою кассаціи, прокурора и защитника, когда они, вопреки 739 и 745 ст. уст. угол. суд., даютъ неправильныя объясненія значенію дѣйствій судебной власти или поселяютъ въ присяжныхъ предубѣжденіе. Наконецъ, въ 1883 г., въ рѣшеніи по дѣлу кронштадтскаго банка, выраженія защитника о доводахъ обвиненія и обвинительномъ актѣ, не превосходящіе, по своей рѣзкости, то, что̀ удостовѣрено въ заключительномъ словѣ предсѣдателя тамбовскаго окружнаго суда—были признаны неприличными и неумѣстными и долженствовавшими вызвать остановку и замѣчаніе со стороны предсѣдателя—и повлекли за собою, между прочимъ, кассацію приговора. Между тѣмъ, предсѣдателемъ по дѣлу саратовско-симбирскаго банка никакихъ мѣръ, указываемыхъ 611 ст. уст. угол. суд., по отношенію къ приведеннымъ мѣстамъ, предпринято не было, а заявленіе его, сдѣланное защитнику Борисова о тенденціозной оцѣнкѣ имъ дѣйствій судебнаго слѣдователя—относится не къ приведеннымъ мѣстамъ. Допущеніе всѣхъ этихъ выраженій, безъ своевременнаго введенія говорившихъ въ законныя границы и безъ принятія мѣръ къ изглаженію у присяжныхъ впечатлѣній, располагающихъ къ предубѣжденію—представляется несомнѣннымъ нарушеніемъ 611 ст. уст. угол. суд. Обращеніе предсѣдателя къ присяжнымъ съ вопросомъ: «ужели мы, господа присяжные засѣдатели, высидѣли здѣсь около мѣсяца, неустанно работая надъ судебнымъ слѣдствіемъ, для того, чтобы выслушать все это излишнее и ненужное?»—нисколько не устраняетъ этихъ неправильностей и не ослабляетъ ихъ силы. Отъ руководителя судебныхъ преній зависѣло своевременными указаніями устранить все излишнее и ненужное и тѣмъ избавить себя отъ такого вопроса присяжнымъ, который съ неменьшимъ основаніемъ могъ бы быть ему сдѣланъ ими самими.

На основаніи всего изложеннаго, и усматривая въ способѣ, которымъ велось судебное по дѣлу состязаніе, существенное кассаціонное нарушеніе,—нахожу оправдательный приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей о всѣхъ подсудимыхъ подлежащими отмѣнѣ.

Перехожу къ указаніямъ протеста и жалобы на *судопроизводственныя нарушенія* во время судебнаго слѣдствія и при постановкѣ вопросовъ.

Во-первыхъ, товарищъ прокурора судебной палаты указываетъ на нарушеніе 1 п. 650 ст. освобожденіемъ отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, вопреки его заключенію, учителя семинаріи Быстрова, которому надлежало присутствовать при экзаменахъ, и эконома оной Смирнова, на котораго возложены, по

должности, обязанности смотрителя зданія, наблюдающаго за производящимся въ семинаріи ремонтомъ. По отношенію къ Смирнову этого нарушенія не существуетъ, ибо хотя судъ и освободилъ Смирнова, по соображеніямъ, вытекающимъ не изъ закона 28-го апрѣля 1887 г., но, во всякомъ случаѣ, по этому закону, уже воспріявшему дѣйствіе при разсмотрѣніи дѣла саратовско-симбирскаго банка, внесенію въ списки присяжныхъ засѣдателей не подлежатъ экзекуторы и смотрители зданій правительственныхъ установленій, слѣдовательно Смирновъ по званію своему долженъ былъ быть освобожденъ отъ судейскихъ обязанностей. Наоборотъ, освобожденіе Быстрова представляется существеннымъ нарушеніемъ 1 п. 650 ст. уст. угол. суд. Данное здѣсь объясненіе, что Правительствующій Сенатъ всегда признавалъ подобное устраненіе не подлежащимъ обсужденію въ кассаціонномъ порядкѣ — не точно. Рѣшеніе 1874 г., № 438, по дѣлу Полозова, указываетъ, что Сенатъ не входитъ въ разсмотрѣніе правильности основаній къ освобожденію присяжнаго засѣдателя по ст. 82 учр. суд. уст., т. е. въ такихъ случаяхъ, гдѣ освобожденіе основано на физическихъ или формальныхъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ нравственно или практически невозможнымъ исполненіе обязанностей засѣдателя. Что же касается неправильнаго освобожденія по другимъ основаніямъ (ст. 650 уст. угол. суд.), то Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1870 г., за № 967, по дѣлу Васильева, призналъ за сторонами право жалобы на неправильное освобожденіе, если ими было сдѣлано противъ него своевременное возраженіе. Указомъ 1-го департамента Правительствующаго Сената 1873 г., напечатаннымъ въ Собраніи узаконеній за № 51, и общаго собранія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ 1884 г. 16-го апрѣля, а также рѣшеніемъ общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ 1880 г., за № 33, установлены коренныя положенія относительно примѣненія 1 п. 650 ст. уст. угол. суд. Въ силу этихъ положеній, служебныя порученія, которыя освобождаютъ присяжнаго засѣдателя отъ исполненія его обязанностей въ судѣ, во-первыхъ, должны не быть присвоены должности и не входить въ кругъ постоянныхъ обязанностей должностного лица, которыя, даже будучи спѣшными и временными, все-таки не подходятъ подъ указанія ст. 650; во-вторыхъ,—порученія эти должны быть сопряжены съ требованіемъ отлучекъ изъ постояннаго мѣста жительства должностного лица и, наконецъ, въ-третьихъ, быть такого рода, чтобы, по свойству своему, лишать начальство служащаго, въ виду своевременнаго увѣдомленія о внесеніи присяжнаго засѣдателя въ очередный списокъ, возможности просить о переводѣ его изъ одной очереди въ другую. Въ данномъ случаѣ ни перваго, ни второго, ни третьяго условія не было, а потому увольненіе Смирнова не было основано на законѣ, чѣмъ совершено на-

рушеніе 1 п. 650 ст., устранившее, безъ достаточнаго основанія, изъ состава присяжныхъ, подлежавшихъ выбору по жребію, призванное къ тому лицо.

Къ жалобамъ на составъ присяжныхъ засѣдателей по дѣлу относится и указаніе гражданскаго истца Лопуцкаго на то, что присяжный засѣдатель Евстифѣевъ, бывшій старшиною, оказался страдающимъ значительною степенью глухоты, но оно не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ изъ протокола судебнаго засѣданія видно, что при предложеніи вопроса по 82 ст. уч. суд. уст. Евстифѣевъ о своемъ физическомъ недостаткѣ не заявлялъ и принималъ безпрекословное участіе въ разбирательствѣ, и объ этомъ обстоятельствѣ не было сдѣлано своевременно заявленія суду, ибо засѣданіе по настоящему дѣлу было окончено 5-го іюля, а заявленіе о томъ, что Евстифѣевъ страдаетъ глухотою, подано лишь 7-го іюля.

Во-вторыхъ — указывается на неодновременный приводъ къ присягѣ запасныхъ и комплектныхъ присяжныхъ засѣдателей. Въ этомъ—какъ прокуроромъ, такъ и подсудимымъ Трухачевымъ усматривается нарушеніе 664 и 666 ст. уст. уг. суд. Хотя я и раздѣляю вполнѣ соображенія жалобщиковъ, по которымъ они находятъ желательною одновременную присягу очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей, но полагаю, что данный случай не можетъ служить основаніемъ къ отмѣнѣ рѣшенія. Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи 1873 г., за № 598, по дѣлу Хисамутдинова, призналъ, что обязанности присяжныхъ засѣдателей регулируются, главнымъ образомъ, приносимою ими присягою, въ формулѣ которой не упоминается о запасныхъ присяжныхъ. Поэтому, этимъ рѣшеніемъ установлено, что принятіе присяги до вступленія засѣдателя въ комплектъ не можетъ быть допускаемо. Но затѣмъ, при обсужденіи въ 1877 году кассаціонныхъ поводовъ по дѣлу московскаго коммерческаго и ссуднаго банка, Правительствующій Сенатъ призналъ, что одновременное приведеніе къ присягѣ запасныхъ и очередныхъ засѣдателей не составляетъ нарушенія. Такимъ образомъ, Правительствующій Сенатъ предоставилъ суду опредѣлять въ каждомъ данномъ случаѣ, слѣдуетъ ли по обстоятельствамъ дѣла, въ виду предстоящей продолжительности засѣданія, по условіямъ наличности духовныхъ лицъ, приводить очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ одновременно или послѣдовательно, по мѣрѣ вступленія запасныхъ въ комплектъ. Тамъ, гдѣ засѣданіе можетъ продлиться долго, гдѣ можетъ встрѣтиться затрудненіе въ призывѣ духовнаго лица, желательно, чтобъ приводъ къ присягѣ былъ совершаемъ одновременно; тамъ же, гдѣ по дѣлу предстоитъ непродолжительное или краткое засѣданіе, очевидно приводъ запасныхъ присяжныхъ засѣдатей будетъ совершенно излишнимъ и вызоветъ, безъ

нужды, исполненіе ими священнаго обряда, который не долженъ быть употребляемъ всуе. Поэтому, примѣненіе или непримѣненіе одновременнаго привода къ присягѣ есть дѣло практическихъ соображеній суда, и за состоявшимися рѣшеніями Сената, въ качествѣ повода къ отмѣнѣ рѣшенія обсужденію Правительствующаго Сената подлежать не должно, тѣмъ болѣе, что и самъ Сенатъ, въ своей практикѣ по сложнымъ дѣламъ, требующимъ продолжительныхъ засѣданій, допускаетъ отступленіе отъ рѣшенія по дѣлу Хисамутдинова. Такъ, напр., по разбиравшемуся въ теченіе 8 дней въ 1886 г. дѣлу о князѣ Щербатовѣ и др., приводъ запасныхъ и комплектныхъ засѣдателей къ присягѣ былъ произведенъ одновременно. Вслѣдствіе сего о нарушеніи 664 и 666 ст. уст. уг. суд. въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи.

Въ-третьихъ, указывается на нарушеніе правилъ надзора за присяжными засѣдателями, выразившееся въ отдаленныхъ, не обстановленныхъ надлежащимъ надзоромъ, прогулкахъ присяжныхъ, катаньѣ ихъ на лодкахъ, купаньѣ въ общественныхъ купальняхъ и, наконецъ, въ дозволеніи имъ играть въ карты во время отдыха, въ большіе перерывы судебнаго засѣданія. Указанія эти опираются, главнымъ образомъ, на протоколъ судебнаго засѣданія, изъ котораго не видно, какія мѣры были приняты — и своевременно оглашены—относительно огражденія засѣдателей отъ постороннихъ вліяній при этихъ прогулкахъ, купаньѣ и т. п. Нельзя не пожалѣть, что объ этомъ не записано въ протоколѣ, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ образцовомъ засѣданіи по неменѣе продолжительному дѣлу о злоупотребленіяхъ въ таганрогской таможнѣ, гдѣ бывшій старшій предсѣдатель харьковской судебной палаты не только объявлялъ о всѣхъ принимаемыхъ къ огражденію присяжныхъ засѣдателей мѣрахъ, но изложилъ при началѣ засѣданія подробно о всемъ томъ распорядкѣ жизни присяжныхъ въ судѣ, который имъ установленъ, съ мотивами, *почему* и *какъ* должна быть осуществлена та или другая мѣра. Эта неполнота протокола однако не можетъ дать основанія къ усмотрѣнію въ допущеніи прогулокъ и купаній нарушенія надзора, ибо, съ одной стороны, и кассаторы говорятъ лишь о возможности постороннихъ вліяній, не указывая на существованіе таковыхъ въ дѣйствительности, а съ другой—четыре судебныхъ пристава и одинъ помощникъ секретаря, безъ сомнѣнія, знакомые съ 362 и 417 ст. уложенія, о которыхъ столь часто упоминалось въ этомъ процессѣ, категорически удостовѣряютъ въ рапортѣ на имя предсѣдателя, что, за принятыми ими мѣрами, никакое постороннее вліяніе на присяжныхъ не имѣло мѣста. Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1874 года, по дѣлу Энгельгардта, высказалъ, что неисполненіе циркулярнаго указа, послѣдовавшаго въ 1873 году, которымъ рекомендуется не допускать отдаленныхъ прогу-

локъ присяжныхъ засѣдателей внѣ ограды суда, безъ опредѣленнаго указанія кассаторовъ на то, что такая прогулка повлекла за собою какое либо фактическое нарушеніе присяжными засѣдателями обязанности своей не входить ни съ кѣмъ въ сношенія, не можетъ служить основаніемъ къ отмѣнѣ приговора.

Что касается до игры въ карты, производившейся, по удостовѣренію приставовъ, лишь въ теченіе короткаго времени, по окончаніи дневнаго засѣданія, не на деньги, а въ видѣ «самаго невиннаго развлеченія», воспретить которое они, судебные пристава, присяжнымъ, лишеннымъ газетъ и книгъ, не считали себя въ правѣ,—то въ такомъ попустительствѣ съ ихъ стороны занятію, по самому характеру своему идущему въ разрѣзъ съ важностью обязанностей присяжнаго засѣдателя, я усматриваю доказательство недостаточнаго со стороны предсѣдателя разъясненія судебнымъ приставамъ ихъ обязанностей по отношенію къ надзору за присяжными, но существеннаго кассаціоннаго повода въ этомъ, въ высшей степени нежелательномъ явленіи, видѣть однако не нахожу фактическихъ основаній.

Въ-четвертыхъ—Трухачевъ указываетъ на неправильное, вопреки 626 ст. уст. угол. судопр., прочтеніе показанія свидѣтеля Гладышева, признаннаго существеннымъ и неявившагося безъ законнаго основанія, въ виду замѣщенія имъ должности предсѣдателя земской управы. Согласно ряду кассаціонныхъ рѣшеній, прочтеніе показанія существеннаго свидѣтеля, не явившагося безъ указанной въ ст. 626 причины — есть несомнѣнное нарушеніе. Примѣненіе къ неявкѣ Гладышева судомъ 2 п. 388 ст. уст. угол. судопр., т.-е. отождествленіе дѣятельности предсѣдателя земской управы съ наводненіемъ, моровою язвою и нашествіемъ непріятеля—является, вѣроятно, опискою, хотя и 4 п. 650 ст. тоже, даже и примѣнительно, не могъ бы быть приложимъ къ настоящему случаю, ибо относится до присяжныхъ, а не до свидѣтелей—и имѣетъ въ виду такую неявку, которая сопряжена со срочнымъ пользованіемъ своими избирательными правами, а не съ исправленіемъ должности предсѣдателя коллегіальнаго учрежденія. Поэтому допросъ Гладышева представляетъ нарушеніе 626 ст., но однако отнюдь не можетъ служить къ отмѣнѣ рѣшенія о Трухачевѣ, ибо свидѣтель этотъ вызывался не прокуроромъ и не по просьбѣ этого подсудимаго, который слѣдовательно на его неправильный допросъ не имѣетъ права приносить жалобу.

Въ-пятыхъ, товарищъ прокурора видитъ нарушеніе 611 и 630 ст. уст. угол. судопр. въ тѣхъ объясненіяхъ, которыя произошли между предсѣдателемъ суда и защитникомъ Сергѣя Борисова, присяжнымъ повѣреннымъ Пржевальскимъ, въ засѣданіи 10-го іюня, по поводу замѣчанія, сдѣланнаго первымъ послѣднему въ засѣданіи 8-го іюня, послѣдствіемъ чего былъ отказъ Пржe-

вальскаго продолжать защиту. Признавая все несоотвѣтствіе съ правильными взаимыми отношеніями участвующихъ въ процессѣ лицъ—эпизодовъ, подобныхъ вызвавшему настоящія объясненія, я не могу однако усмотрѣть въ нихъ указываемыхъ нарушеній и не считаю ихъ, поэтому, кассаціоннымъ поводомъ. Объясненія, происходившія между названными лицами, представляются крайне нежелательными и по своему происхожденію, и по своему способу, и по возможнымъ ихъ результатамъ. Достоинство званія предсѣдателя суда, его значеніе и права по отношенію къ ходу засѣданія и къ сторонамъ—требуютъ отъ него большой обдуманности, спокойной твердости и сдержанности выраженій. Ему надлежитъ болѣе, чѣмъ кому либо въ засѣданіи, помнить, что «блаженъ, кто словомъ твердо правитъ и держитъ мысль на привязи свою». Въ засѣданіи 10-го іюня, предсѣдатель по настоящему дѣлу, вызвавъ присяжнаго повѣреннаго Пржевальскаго изъ публики и выслушавъ его объясненія о томъ, что онъ «никогда и не думалъ оскорблять слѣдственную власть»—сказалъ Пржевальскому, что въ такомъ случаѣ сожалѣетъ, что сдѣлалъ ему въ засѣданіи 8-го іюня замѣчаніе возвышеннымъ тономъ—и затѣмъ просилъ его, въ интересахъ дѣла, снова занять мѣсто защиты. Такимъ образомъ, предсѣдатель призналъ, что поторопился воспользоваться своею дисциплинарною властью безъ достаточнаго и, во всякомъ случаѣ, безъ вполнѣ выясненнаго къ тому повода. Отдавая полную справедливость прямодушію и чувству истинной судебной порядочности, вызвавшимъ публичное сознаніе въ своей ошибкѣ, безъ соображеній мелочнаго самолюбія, не могу однако не указать, что событіе, подавшее поводъ къ такому признанію, не свидѣтельствуетъ о необходимой въ веденіи процесса спокойной сдержанности распорядителя засѣданія. По способу своему—обращеніе предсѣдателя, по поводу эпизода, случившагося въ судебномъ засѣданіи, съ вопросами къ лицу, находящемуся, въ качествѣ частнаго человѣка, въ публикѣ, безъ знаковъ своего званія—не соотвѣтствуетъ тому положенію, въ которое поставленъ предсѣдатель по отношенію къ публикѣ и можетъ подавать поводъ къ произвольнымъ и превратнымъ толкованіямъ о какихъ либо предварительныхъ переговорахъ, имѣвшихъ мѣсто не на судѣ. Кромѣ того, обращеніе къ лицу, находящемуся въ публикѣ, со словами: «ваше появленіе среди публики, въ залѣ засѣданія, послѣ того какъ вы устранили себя отъ защиты, даетъ мнѣ поводъ предполагать, что вы, въ интересахъ обвиняемаго, оставшагося безъ защиты, желаете дать мнѣ случай и возможность разъяснить тѣ недоразумѣнія, которыя имѣли мѣсто по поводу вашего заявленія о дѣйствіяхъ слѣдственной власти»—представляется едва ли умѣстнымъ въ такой формѣ, ибо предполагаетъ неизбѣжно *утвердительный* отвѣтъ, такъ какъ при отрицательномъ отвѣтѣ положеніе предсѣда-

теля было бы несогласно съ достоинствомъ носимаго имъ званія, а желаніе защитника не покидать подсудимаго и представить разъяснительныя объясненія не можетъ быть предполагаемо, но должно быть выражено прямо, путемъ надлежащаго заявленія предсѣдателю лично или чрезъ судебнаго пристава.

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ поспѣшномъ пользованіи предсѣдателемъ своею дисциплинарною властью—обстоятельство, могущее вредно повліять на присяжныхъ, на чемъ, въ сущности, и построенъ, по этому поводу, протестъ.

Въ-шестыхъ — товарищъ прокурора признаетъ нарушеніемъ ст. 629 ст. угол. суд. передачу экспертомъ разсчета Борисова съ банкомъ, въ качествѣ матеріала для обсужденія вопросовъ сторонъ, вопреки послѣдовавшему за день предъ тѣмъ отказу суду предъявить экспертамъ тотъ же разсчетъ, но только въ другой формѣ, чѣмъ вызваны были вредныя для разъясненія дѣла заявленія защиты и разногласія экспертовъ. Усматривая, однако, изъ занесеннаго въ протоколъ заключенія товарища прокурора и изъ сдѣланныхъ имъ замѣчаній, что возраженіе его противъ принятія *второго* разсчета Борисова сдѣлано *условно*, съ признаніемъ «излишнимъ» предъявлять его экспертамъ, «такъ какъ таковой разсчетъ уже имѣется при дѣлѣ», а «провѣрка вновь представленнаго разсчета едва ли возможна и, во всякомъ случаѣ, займетъ много времени безъ существенной пользы для дѣла»,—я нахожу, что при такомъ характерѣ возраженія, предоставляющемъ окончательное рѣшеніе практической стороны вопроса суду—товарищъ прокурора уже не имѣлъ права жаловаться на нарушеніе 629 ст. уст. угол. суд.

Въ-седьмыхъ—товарищъ прокурора видитъ нарушеніе своихъ правъ и изображенныхъ въ ст. 802 уст. угол. суд. правилъ, въ заявленіи предсѣдателя присяжнымъ, въ засѣданіи 25-го іюня, что счетъ Сергѣя Борисова представляется «краеугольнымъ камнемъ» дѣла. Я не могу съ этимъ согласиться. Счетъ этотъ былъ однимъ изъ доказательствъ, а оцѣнка значенія доказательствъ есть вопросъ существа, не подлежащій кассаціонной провѣркѣ. Кромѣ того, не только дозволительно, но и крайне желательно, чтобы по дѣламъ сложнымъ предсѣдатель обращалъ вниманіе присяжныхъ на необходимость приложить особое раченіе при ознакомленіи съ тѣмъ или другимъ доказательствомъ или съ рядомъ доказательствъ, которыми должна быть выяснена какая либо существенная сторона дѣла. Если, на основ. 3 п. 630 ст. уст. угол. суд., стороны имѣютъ право дѣлать замѣчанія и давать объясненія по каждому дѣйствію, происходящему на судѣ,—то тѣмъ болѣе, согласно 613 ст. уст. угол. суд., предсѣдатель, направляющій ходъ дѣла къ тому порядку, который наиболѣе соотвѣтствуетъ раскрытію истины, долженъ имѣть право указать присяж-

нымъ на важность или значеніе какого либо происходящаго предъ ними дѣйствія для уразумѣнія истины въ дѣлѣ. Предсѣдатель, по моему мнѣнію, въ дѣлахъ сложныхъ и продолжительныхъ, даже обязанъ закрѣплять вниманіе присяжныхъ на томъ, что нужно, по ст. 614 уст. угол. суд., «для обстоятельнаго разсмотрѣнія дѣла»,—и имѣть въ виду то, что у нихъ должно быть предметомъ особо тщательнаго обсужденія въ совѣщательной комнатѣ. Поэтому онъ можетъ и характеризовать доказательства словами, указывающими на ихъ значеніе въ томъ грузѣ данныхъ, которыми снабжаютъ присяжныхъ стороны. Такая живая самодѣятельность предсѣдателя во время слѣдствія подлежитъ не обжалованію, а подражанію, и никакого нарушенія ст. 802 уст. угол. суд. не представляетъ. Указавъ, что въ дѣлѣ, гдѣ идетъ вопросъ объ убійствѣ или самоубійствѣ,—актъ медицинскаго осмотра трупа составляетъ важное доказательство, къ изложенію котораго надо особо прислушаться,—или что въ дѣлѣ о растлѣніи актъ осмотра бѣлья потерпѣвшей представляется въ высокой степени значущимъ,—или что въ дѣлѣ о банковой растратѣ экспертиза и подлежащіе ея провѣркѣ документы суть «краеугольные камни дѣла»,—предсѣдатель вовсе не высказываетъ своего мнѣнія о винѣ или невиновности подсудимыхъ, а лишь, проходя предварительно тотъ путь, по которому снова и окончательно пойдутъ присяжные при совѣщаніи, останавливаетъ ихъ на распутіяхъ и совѣтуетъ запомнить примѣты, чтобы потомъ не сбиться. Онъ этимъ не только не нарушаетъ закона, но и исполняетъ его въ смыслѣ его внутренняго содержанія. Притомъ, по настоящему дѣлу изъ заключенія суда на замѣчанія товарища прокурора видно, что слова предсѣдателя были обращены даже вовсе и не къ присяжнымъ, а къ тѣмъ подсудимымъ и защитникамъ, которые, съ разрѣшенія суда, наканунѣ отсутствовали при заявленіяхъ защитника Борисова о необходимости провѣрки счета, названнаго предсѣдателемъ «краеугольнымъ камнемъ *объясненій* Борисова о его разсчетахъ съ банкомъ».

Въ-восьмыхъ, товарищъ прокурора признаетъ нарушеніемъ ст. 625 и 687 у. у. с. прочтеніе записки Крубера съ описаніемъ Кано-Никольской дачи, въ чрезмѣрной, превышающей во много разъ дѣйствительную стоимость, оцѣнкѣ которой обвинялся, между прочимъ, Сергѣй Борисовъ.—Изъ дѣла видно, что по вопросу объ истребованіи этого описанія изъ дворянскаго земельнаго банка состоялось нѣсколько постановленій суда, изъ которыхъ для насъ важно постановленіе отъ 4-го іюня, коимъ ходатайство защиты объ этомъ истребованіи было по своей *несвоевременности* оставлено безъ послѣдствій. Въ засѣданіи 16-го іюня, на новое ходатайство о томъ же присяжнаго повѣреннаго Винтергальтера, предсѣдатель заявилъ, что, въ видахъ предоставленія подсуди-

мымъ всѣхъ средствъ къ защитѣ, онъ, по собственной иниціативѣ, вошелъ въ переписку съ управляющимъ банкомъ о присылкѣ записки Крубера, каковая и доставлена. Затѣмъ, записка эта была прочитана на судѣ. Такъ какъ ни протестъ товарища прокурора, ни протоколъ, ни заключеніе суда не позволяютъ заключить, чтобы это прочтеніе послѣдовало *безъ постановленія* суда, то въ этомъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи о прочтеніи *вопреки* постановленію 4-го іюля, которое судъ, какъ всякое частное по дѣлу постановленіе, всегда имѣлъ право отмѣнить по измѣнившимся обстоятельствамъ. Поэтому можно говорить лишь о нарушеніи правъ обвиненія прочтеніемъ документа, не подходящаго подъ ст. 687 и замѣняющаго собою, вопреки 625 ст. у. у. с., устное показаніе свидѣтеля. Но въ виду того, что товарищемъ прокурора, какъ усматривается изъ протокола и изъ заключенія суда 4-го и 18-го іюня, было даваемо заключеніе, содержавшее въ существѣ своемъ согласіе на оглашеніе записки Крубера, которое не уничтожалось заявленіемъ о несвоевременности ходатайства объ ея истребованіи и о ея несущественности для дѣла,—нынѣ протестъ противъ оглашенія этой записки уваженъ быть не можетъ. Притомъ, приводимыя въ подкрѣпленіе этого пункта протеста рѣшенія 1878 г., № 47 и 1880 г., № 13, непосредственнаго отношенія къ вопросу не имѣютъ, а характеръ заключенія товарища прокурора дѣлаетъ для него, какъ для стороны, безразличнымъ, по чьему распоряженію состоялось оглашеніе записки Крубера — суда или предсѣдателя. Поэтому я не усматриваю въ данномъ случаѣ нарушенія 625 и 687 ст. у. у. с., хотя не могу не замѣтить, что, по судебнымъ уставамъ, роль собирателя доказательствъ по уголовному дѣлу, т. е. слѣдователя, и роль предсѣдателя суда, разсматривающаго ихъ, строго раздѣлены и предсѣдателю суда не предоставлено, по собственной иниціативѣ, безъ постановленія или уполномочія отъ суда, требовать къ дѣлу какія либо доказательства.

Въ-девятыхъ, товарищъ прокурора, подсудимый Трухачевъ и гражданскій истецъ Лопуцкій указываютъ на нарушеніе ряда статей у. у. суд. производствомъ дѣла въ неправильной и безпорядочной обстановкѣ, отпускомъ свидѣтелей и подсудимыхъ домой и отсутствіемъ во время одного изъ засѣданій, въ теченіе нѣкотораго времени, секретаря и дежурнаго судебнаго пристава. Первое указаніе, однако, опровергается судомъ въ своемъ заключеніи и не было ни разу дѣлаемо во время засѣданія, такъ что надлежитъ признать, что, насколько позволяли условія помѣщенія провинціальнаго суда и наличныя его силы, производство столь сложнаго дѣла, при участіи многихъ лицъ, было ведено съ соблюденіемъ нужнаго порядка и послѣдовательности и съ отсутствіемъ какого либо существеннаго замѣшательства. Второе и третье ука-

занія, будучи заявлены впервые передъ Правительствующимъ Сенатомъ, не могутъ служить къ отмѣнѣ приговора уже потому, что стороны по предмету отпуска обвиняемыхъ и свидѣтелей домой—не возражали, а кратковременное отсутствіе секретаря и судебнаго пристава, ничѣмъ не отразившееся на ходѣ дѣла и на составленіи протокола засѣданія, составляетъ не кассаціонный, а лишь дисциплинарный по отношенію къ этимъ лицамъ вопросъ, не выходящій за предѣлы предоставленной предсѣдателю, по ст. 262 и 267 у. суд. уч., власти.

Въ-десятыхъ, какъ поводъ кассаціи приводится въ протестѣ неправильная постановка вопросовъ 1, 2, 14, 15, 16 и 17. Раздѣляя въ этомъ отношеніи вполнѣ доводы защитника С. Борисова, присяжнаго повѣреннаго Пржевальскаго, о томъ, что никакой неправильности въ постановкѣ этихъ вопросовъ не усматривается, замѣчу только, что выдѣленіе вопросовъ факта, т. е. о событіи преступленія, изъ вопросовъ о виновности, сдѣланное судомъ по требованію гражданскаго истца, согласно рѣшенію Сената по дѣлу Мельницкихъ, 1884 года, для суда было обязательно, и что *предположенія о возможности* противорѣчія въ отвѣтахъ присяжныхъ ни въ какомъ случаѣ поводомъ кассаціи по нарушенію 754 ст. у. у. с. служить не могутъ.

Въ-одиннадцатыхъ—товарищъ прокурора, ссылаясь на то, что С. Борисовъ, вопреки ст. 746, 747 и 761 уст. угол. суд., сказалъ присяжнымъ, что въ случаѣ обвиненія ему «грозитъ Сибирь» — указываетъ на непринятіе предсѣдателемъ мѣръ къ устраненію вреднаго вліянія на присяжныхъ такого заявленія. Согласно приведеннымъ статьямъ, указаніе Борисова на грозящее ему наказаніе составляетъ явное ихъ нарушеніе. Но я позволю себѣ высказать, что такое нарушеніе никогда не можетъ считаться существеннымъ, ибо нѣтъ возможности предусмотрѣть и, слѣдовательно, предупредить этотъ крикъ отчаянія подсудимаго предъ наступленіемъ рокового для него совѣщанія присяжныхъ; всякая же полемика съ подсудимымъ по поводу его заявленія только подчеркиваетъ это заявленіе, равно какъ и обращенный къ присяжнымъ совѣтъ забыть сказанное подсудимымъ. Поводомъ къ предположенію, что такого рода заявленіе вредно повліяло на рѣшеніе присяжныхъ, можно бы считать лишь тотъ случай, еслибы подсудимый ложно заявилъ о грозящемъ ему наказаніи, явно преувеличивая его законные размѣры, напр., сказалъ бы, что ему за преступленіе, влекущее лишь тюремное заключеніе, предстоитъ каторга и т. п., и притомъ такое преувеличеніе осталось бы безъ всякаго опроверженія со стороны предсѣдателя. Въ интересахъ правильнаго отправленія правосудія и избѣжанія многихъ недоразумѣній желательно, чтобы запрещеніе говорить *правду* о наказаніи, грозящемъ подсудимому, не скрывая ея въ недомолв-

кахъ и метафорахъ, скорѣе отжило свой вѣкъ. Правосудіе отъ этого ничего не потеряетъ, а сознательное отношеніе присяжныхъ къ порученному имъ дѣлу только выиграетъ. Поэтому и кассація приговора по такому поводу можетъ быть допускаема лишь при несомнѣнной доказанности зависимости оправдательнаго приговора отъ заявленія о наказаніи. Въ настоящемъ случаѣ такой доказанности нѣтъ и слѣда, а потому и приведенный поводъ падаетъ.

Обращаясь, наконецъ, къ жалобамъ на *преданіе суду* и на *послѣдствія приговора суда*. я нахожу, что подсудимый Трухачевъ неосновательно жалуется на неправильное, будто бы, преданіе его суду, въ нарушеніе 544 ст. уст. угол. судопр., и вполнѣ основательно считаетъ нарушенными 990 — 993 ст. уст. угол. судопр., возложеніемъ на него, совмѣстно съ Алфимовымъ, всѣхъ судебныхъ издержекъ по дѣлу. Внимательное разсмотрѣніе фактическаго содержанія взведеннаго на него по обвинительному акту и признаннаго приговоромъ обвиненія и сопоставленіе его съ постановленіемъ судебнаго слѣдователя о привлеченіи Трухачева, отъ 22-го октября 1882 года, и съ предъявленнымъ къ нему, въ допросныхъ пунктахъ 29-го ноября 1882 года, обвиненіемъ, приводитъ къ выводу, что никакого *новаго* обвиненія противъ Трухачева въ обвинительномъ актѣ выставлено не было и что указанные постановленіе и допросные пункты содержатъ въ себѣ главныя фактическія стороны вмѣненнаго ему въ вину дѣянія. И при предварительномъ слѣдствіи, и на судѣ ему предъявлялось, въ существѣ одно и то же, хотя изложенное въ разной редакціи, обвиненіе въ ложныхъ записяхъ о полученіи слѣдовавшихъ съ него и съ другихъ лицъ банку суммъ и въ ложныхъ отмѣткахъ въ ордерахъ объ удержанныхъ при выдачѣ ссудъ суммахъ. Поэтому 544 ст. уст. угол. суд. здѣсь не нарушена. Что касается до возложенія на Трухачева судебныхъ издержекъ, то Правительствующимъ Сенатомъ, въ рѣшеніяхъ 1872 г., № 305, по дѣлу Вдовенко, 1875 г., №№ 209 и 330, по дѣламъ Щедрина и въ особенности Гордона, и 1877 г., № 95, по дѣлу московскаго коммерческаго банка, установлено, что уплата судебныхъ издержекъ можетъ быть возложена на обвиненнаго лишь для вознагражденія свидѣтелей и экспертовъ, къ нему относившихся, и притомъ по тѣмъ только преступленіямъ, виновность въ коихъ подсудимаго признана, — каковое возложеніе судебныхъ издержекъ, съ вычисленіемъ ихъ долеваго размѣра по отношенію къ каждому подсудимому, должно находить себѣ мѣсто въ приговорѣ, а не въ распорядительномъ постановленіи суда. Поэтому, такъ какъ Трухачевъ не признанъ виновнымъ въ преступленіяхъ, въ которыхъ обвинялись оправданные подсудимые, и далеко не всѣ свидѣтели и эксперты могутъ быть считаемы вызванными для свидѣтельства по его признаннымъ преступленіямъ, то судомъ, возложившимъ

на него съ Алфимовымъ всѣ обширныя по настоящему дѣлу издержки, несомнѣнно нарушены ст. 990 — 993 уст. угол. суд., и приговоръ въ этомъ отношеніи подлежитъ отмѣнѣ.

На основаніи всего изложеннаго мною и въ виду существенныхъ нарушеній, допущенныхъ по дѣлу саратовско-симбирскаго банка при разсмотрѣніи его въ тамбовскомъ окружномъ судѣ, я полагалъ бы:

1. За нарушеніемъ 611, 1 п. 650, 801—804 и 816 ст. уст. угол. суд. и 362, 354 ст. уложен. о наказ., *отмѣнить* оправдательный приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей о подсудимыхъ Алфимовѣ, Сергѣѣ Борисовѣ, Бокѣ, Якушевѣ, Иванѣ Борисовѣ, Коваленковѣ, Трухачевѣ, Иловайскомъ, Марциновскомъ и Исаковѣ.

2. Въ виду отсутствія протеста и за отказомъ подсудимаго Алфимова отъ кассаціонной жалобы — въ разсмотрѣніе правильности обвинительнаго объ Алфимовѣ приговора по 1155 и 354 ст. улож. о наказ. не входить.

3. Отмѣнить, за нарушеніемъ 990 — 993 ст. того же устава, обвинительный приговоръ о Трухачевѣ въ той его части, которая касается судебныхъ издержекъ, обративъ дѣло къ новому судебному въ этомъ отношеніи разсмотрѣнію,—и

4. Передать все дѣло для новаго разсмотрѣнія въ одинъ изъ судовъ Имперіи, сообразно условіямъ наиболѣе удобнаго вызова свидѣтелей и экспертовъ.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ:

1) По протесту товарища прокурора и жалобамъ Лопуцкаго и Плевако оправдательный приговоръ тамбовскаго окружнаго суда по настоящему дѣлу о всѣхъ подсудимыхъ, въ томъ числѣ и объ Алфимовѣ и Трухачевѣ, а также и рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, на которомъ этотъ приговоръ основанъ—отмѣнить, за нарушеніемъ ст. уст. угол. суд. 801—804 и 808 и 816, по прод. 1886 г.; 2) по жалобѣ защитника Трухачева, присяжнаго повѣреннаго Шатова—отмѣнить приговоръ окружнаго суда относительно возложенія на Трухачева судебныхъ издержекъ, за силою 976 ст. уст. угол. суд., а по остальнымъ частямъ жалобу Шатова оставить безъ послѣдствій, на основаніи 912 ст. того же устава; 3) дѣло это, для новаго разсмотрѣнія—передать въ московскій окружный судъ, и 4) жалобу защитника Алфимова, Блюммера, согласно съ ходатайствомъ Алфимова—оставить безъ разсмотрѣнія.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ОБЪЯСНЕНІЙ И ТОЛКОВАНІЙ.

Страницы обозначены крупными цифрами.

Аналогія.—Условія, случаи и основанія ея примѣненія. **642. 643.**

Вопросы.—Вопросы о фактахъ, несомнѣнно вытекающихъ изъ опредѣленнаго, установленнаго закономъ, порядка не должны быть предлагаемы на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. **596.** Присяжныхъ слѣдуетъ спрашивать лишь о фактахъ, наличность коихъ составляетъ преступленіе, опредѣляетъ вмѣненіе или особо вліяетъ на наказаніе. **597.** Постановка вопросовъ въ общихъ выраженіяхъ, могущихъ скрывать въ себѣ обвиненіе не въ томъ преступленіи, о которомъ шла рѣчь на судѣ—есть безусловное нарушеніе правъ обвиняемаго, а по дѣламъ объ оскорбленіяхъ въ печати — и обвинителя. **547.** Ошибка въ указаніи на время совершенія преступленія, не вызвавшая возраженій защиты при постановкѣ вопросовъ, не составляетъ существеннаго нарушенія 750 и 752 ст. У. У. С. **677.** Для признанія отсутствія предварительнаго соглашенія между сбытчиками и поддѣлывателями монеты или ассигнацій — необходима постановка о томъ особаго вопроса. **611.** При постановкѣ вопросовъ о похищеніяхъ, упоминаніе о *цѣли* излишне. **679.** Право суда при постановкѣ вопросовъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ *изъ личныхъ видовъ,* — указывать въ вопросахъ практическое выраженіе этихъ *видовъ*. **681.** Противурѣчіе въ отвѣтахъ на вопросы присяжнымъ. **689. 693.** Оно не можетъ быть предполагаемо. **720.**

Гражданскій истецъ (искъ).—Гражданскій истецъ, какъ потерпѣвшій *матеріальный* ущербъ или *личный* вредъ. **656 — 658.** Представитель гражданскаго иска не особая *сторона* въ дѣлѣ, а нераздѣль-

ная часть обвиняющей стороны **656.** Право гражданскаго истца говорить о *виновности* подсудимаго. **672.** Обязанности гражданскаго истца при судебныхъ преніяхъ. **710.** Неправильное допущеніе гражданскаго иска. **655. 656.** Отсутствіе опредѣленія цѣны иска при его предъявленіи въ порядкѣ уголовнаго суда. **657.** Право родителей изнасилованной являться гражданскими истцами. **657.**

Давность (уголовная).—а) *по дѣламъ объ оскорбленіяхъ въ печати* **545. 562. 567.**—б) *по дѣламъ о таможенныхъ нарушеніяхъ.* **607. 608.** Для исчисленія давности по 920 ст. Устава таможеннаго должно быть принимаемо въ соображеніе *свойство дѣйствій* каждаго изъ участниковъ стачки и *наказаніе* имъ грозящее. **609.** Поэтому давностный срокъ, установленный для чиновниковъ статьею 812 уложенія распространяется и на стакнувшихся съ ними купцовъ (766 ст. улож.). **610. 611.** — в) *по дѣламъ о злоупотребленіяхъ въ городскихъ общественныхъ банкахъ.* Перерывъ теченія давности представленіемъ или передачею свѣдѣній о злоупотребленіяхъ городскому общественному управленію. **677. 678.** Отсутствіе необходимости для перерыва давности поименнаго обозначенія въ жалобѣ каждаго изъ виновныхъ въ одномъ общемъ преступленіи. **678.**

Денежное взысканіе — какъ *наказаніе.* **611. 612.** Отличіе его отъ взысканія ущербовъ и убытковъ. **612.** Обложеніе преступленія денежнымъ взысканіемъ не можетъ быть разсматриваемо какъ источникъ дохода государства, въ видѣ полученія двойного вознагражденія за вредъ и убытки. **612.** Поэтому, взысканіе по 812 ст. улож. есть не вторичное вознагражденіе казны за причиненный ей ущербъ, а *наказаніе* за нарушеніе чиновникомъ своего служебнаго долга. **614.**

Дневникъ — какъ судебное *доказательство.* Обычныя свойства дневниковъ и ихъ характеръ. **364. 513.** Необходимость различія въ оцѣнкѣ *личной* (субъективной) и *фактической* (объективной) стороны дневника. **339.** Доказательная сила дневника. **513.**

Дознаніе.—Цѣль дознанія. Отличіе задачъ дознанія и предварительнаго слѣдствія. **593.** Дознаніе чрезъ окольныхъ людей — см. *повальный обыскъ.*

Доказательства. — Судебныя доказательства и косвенныя улики. **226. 443.** Оцѣнка доказательствъ, дѣлаемая предсѣдателемъ суда, кассаціонной провѣркѣ не подлежитъ. **717.** Право предсѣдателя оцѣнивать значеніе доказательствъ во время судебнаго слѣдствія. **718.** Истребованіе доказательствъ къ дѣлу, находящемуся въ разсмотрѣніи суда, можетъ быть дѣлаемо лишь по постановленію суда. **719.** — См. также *улики.*

Документъ.—Значеніе формы документа. Нарушенія этой формы и дозволительныя ея измѣненія. **633.** Условія отказа въ прочтеніи документовъ, пріобщенныхъ къ дѣлу по 687 ст. У. У. С. — **675.** Отступленія отъ общаго правила о подробной мотивировкѣ постановленія объ отказѣ. **676.** Документы, упоминаемые въ 362 ст. уложенія. **696.**

Дуэль (поединокъ).—Общественное значеніе дуэли. **336.** Послѣдствія отказа отъ дуэли. **341. 342.**

Душевная болѣзнь.—Вліяніе болѣзненнаго душевнаго *удрученія* и *возбужденія* на дѣйствія, подлежащія оцѣнкѣ суда. **529.** Общіе и спеціальные признаки душевной болѣзни. **430.** Значеніе спеціальной совокупности признаковъ. **431.** Душевное настроеніе обвиняемаго—см. *настроеніе.*

Диффамація (опозореніе). — Опредѣленіе. **543. 544.** Отличіе отъ клеветы въ печати. **545. 562.** Невозможность перехода въ обвиненіи отъ клеветы къ диффамаціи и наоборотъ. **546. 564. 569.** Содержаніе обвиненія въ диффамаціи. **568.** Объемъ оправдательныхъ доказательствъ при обвиненіи въ диффамаціи. **563. 570.**

Завѣдомость.—Значеніе отрицанія завѣдомости въ преступномъ дѣяніи. **691. 693.** Завѣдомость какъ опредѣляющее преступность начало при служебныхъ подлогахъ, состоящихъ въ *искаженіи истины.* **698. 700.** Значеніе завѣдомости при подлогахъ чиновниковъ по таможеннымъ нарушеніямъ. **628.**

Заключительное слово предсѣдателя — см. *руководящее напутствіе присяжнымъ.*

Законодательство.—Отношеніе движенія законодательства къ практической жизни. **462. 691.** Развитіе новыхъ явленій въ области преступности и опредѣленіе ихъ въ карательныхъ постановленіяхъ. **639. 642.** Связь законодательства съ судебными приговорами. **493.**

Запальчивость (раздраженіе)— характеристическія свойства. **134. 345. 346.**

Игра запрещенная.—Условія признанія игры запрещенною. **462. 463.** Условія для обвиненія въ открытіи игорнаго дома **464.** Признаки игорнаго дома. **464.** Основанія для уголовнаго преслѣдованія. **469. 470.**

Издержки судебныя.—Основанія ихъ вычисленія для каждаго изъ нѣсколькихъ подсудимыхъ. Обозначеніе судебныхъ издержекъ въ приговорѣ. **721.**

Изнасилованіе.—Судебно-медицинское значеніе этого термина. **659.** Значеніе отсутствія слѣдовъ насилія. **659.** Оцѣнка личности потерпѣвшей, какъ условія упадка силъ подвергшейся нападенію. **661.**

Кассаціонное разбирательство. — Задача кассаціоннаго разбирательства по отношенію къ судопроизводственнымъ нарушеніямъ. **645.** Условія кассаціоннаго разсмотрѣнія нарушеній при предварительномъ слѣдствіи. **646. 647.** Матеріалы, добытые предварительнымъ слѣдствіемъ, ни въ какомъ случаѣ оцѣнкѣ въ кассаціонномъ порядкѣ не подлежатъ. **653.** Опредѣленія обвинительной камеры о вызовѣ свидѣтелей провѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ не подлежатъ. **653.** Условія отмѣны опредѣленій о преданіи суду. **653.** Оцѣнка предсѣдателемъ суда значенія доказательствъ не можетъ быть предметомъ кассаціоннаго разсмотрѣнія. **717.** Условія *несущественности* кассаціонныхъ нарушеній. **646.**

Клевета.—Общее опредѣленіе. **554. 575.** Опредѣленіе германскаго уложенія. **554. 555.** венгерскаго уложенія. **540. 541.** Субъективные и объективные признаки клеветы. **575.** Условія отсутствія *субъективныхъ* признаковъ клеветы. **576.** Опредѣляющій моментъ вмѣненія клеветы—*объективный* ея признакъ. **577. 581.** Безразличіе *цѣли* при отвѣтственности за клевету. **577.** Клеветы *безъ намѣренія* быть не можетъ. **577. 578. 581.** Отличіе сплетни отъ клеветы. **542. 543. 585.** Отграниченіе клеветы отъ шутки, отъ непосредственныхъ личныхъ оскорбленій и отъ неприличныхъ словъ. **582.** Характеристика клеветы. **584. 585.** Условія распространенія клеветы. **583. 584.**

Клевета въ печати.—Отличіе клеветы отъ диффамаціи—матеріальное и процессуальное. **545. 562.** Цѣль законодателя въ установленіи этого различія. **543. 544.** Иностранныя законодательства. **540. 541.** Практическое значеніе обвиненія въ клеветѣ и въ диффамаціи. **544.** Условія признанія виновности при обвиненіи въ клеветѣ. **555.** Существенное требованіе для оправданія—отсутствіе сомнѣнія въ справедливости печатаемаго. **540.** Объемъ оправдательныхъ доказательствъ. **563.** Невозможность для суда и для обвинителя а) перехода въ обвиненіи—отъ клеветы къ диффамаціи и наоборотъ и б) одновременнаго предъявленія или разсмотрѣнія обвиненія въ клеветѣ и въ диффамаціи по однимъ и тѣмъ же даннымъ. **546. 564. 569. 571.** Условія появленія клеветы въ печати. **540.** Привлеченіе редактора повременнаго изданія за клевету въ печати. **552.**

Мошенничество.—Выдача вкладныхъ билетовъ банка за обезпеченные вкладомъ, при знаніи, что никакихъ вкладовъ по нимъ не учинено, соотвѣтствуетъ понятію мошенничества. **679.** Покушеніе на это дѣяніе. **680.**

Наказаніе.—Условія признанія кассаціоннымъ нарушеніемъ упоминанія предъ присяжными засѣдателями объ угрожающемъ подсудимому наказаніи. **720.**

Намѣреніе.—Опредѣленіе. **694.** Отличіе отъ умысла. Связь съ умысломъ. Осуществленіе намѣренія. **694.** Значеніе намѣренія для опредѣленія виновности. **695.** Различіе нарушеній закона по ихъ намѣренности. **578.** Нарушенія, въ коихъ намѣреніе не играетъ роли. **578;** въ коихъ оно опредѣляетъ существо преступленія. **579.** и въ коихъ оно всегда предполагается. **579.** Различіе уложенія и устава о наказаніяхъ по вопросу объ отсутствіи намѣренія. **580.** Безусловная наличность намѣренія въ служебныхъ подлогахъ, состоящихъ въ *искаженіи* истины. **697. 701.** Необходимость намѣренія при служебномъ подлогѣ, состоящемъ въ *сокрытіи* истины. **698.** Недостаточность одной намѣренности при служебныхъ подлогахъ, состоящихъ въ нарушеніи правилъ для совершенія и засвидѣтельствованія актовъ. **699. 700.** Опредѣленіе намѣренія при убійствѣ—см. *убійство.*

Настроеніе душевное.—Отсутствіе правильнаго мѣрила для оцѣнки душевнаго настроенія обвиняемаго послѣ совершенія преступленія. **507.** Отсутствіе доказательной силы въ проявленіяхъ душевнаго настроенія. **507.**

Нарушенія. — Значеніе *непоправимости* нарушенія при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ. **653.**

Нервозность.—Ея свойства и значеніе для оправданія. **128.**

Неявка. — Неявка *присяжныхъ засѣдателей.* **711.** Условія законности неявки по служебному порученію, на основаніи 1 п. 650 ст. У. У. С. **712. 713.** Неявка *свидѣтелей.* **715. 592.** См. также *свидѣтели.*

Обвинитель — см. *Прокуроръ* и *Частный обвинитель.*

Обвиняемый—(подсудимый). Время привлеченія къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. Условія привлеченія въ дѣлахъ съ косвенными уликами. **655.** Необходимость свѣдѣній о личности и образѣ жизни обвиняемаго въ дѣлахъ, гдѣ обвиненіе строится на косвенныхъ уликахъ. **89. 648.** Право предлагать вопросы о личности и образѣ жизни обвиняемаго свидѣтелямъ, независимо отъ дознанія чрезъ окольныхъ людей. **650.** Право подсудимаго и прокурора вызывать такихъ свидѣтелей. **651.** Условіе, при которомъ показанія такихъ свидѣтелей могутъ быть признаны относящимися къ дѣлу. **652.** Поступки обвиняемаго послѣ совершенія преступленія, какъ доказательства—а) сокрытія слѣдовъ преступленія и б) душевнаго состоянія. **506.** Необхо-

димость различія въ отношеніи суда къ оцѣнкѣ того и другого. **506. 507.** Вліяніе развитія и образованія обвиняемаго на способъ провѣрки его доводовъ. **393.** Поведеніе обвиняамаго на судѣ, какъ доказательство. **704.** Негодность такого доказательства. **11. 493. 705.** Отношеніе суда къ способамъ оправданія и защиты обвиняемаго. **528. 529. 531.** См. также *сообвиняемый.*

Обвинительная камера.—Ея обязанности при утвержденіи или составленіи списка вызываемыхъ свидѣтелей. **652.** Случаи отмѣны опредѣленій о преданіи суду. **653.** См. также *преданіе суду.*

Обстановка житейская (бытовая сторона дѣла). Значеніе ея для разрѣшенія вопроса—могло ли быть совершено преступленіе. **46.** Значеніе ея при оцѣнкѣ судебно-медицинскихъ выводовъ. **408. 429.**

Оговоръ — однимъ обвиняемымъ другого. Необходимость крайней осторожности въ довѣріи оговору; условія такого довѣрія. **271. 272.**

Опозоренье въ печати — см. *диффамація.*

Оправданіе. — Значеніе оправдательнаго приговора для судебной власти. **530. 531.**

Отравленіе.— Свойства этого преступленія по отношенію къ потерпѣвшему и къ виновному. **444. 503.** Трудность собранія доказательствъ и обширная область предположеній. **504.** Необходимыя данныя для обвиненія въ отравленіи. **504. 509.**

Отчеты судебные.—Различіе въ правилахъ о печатаніи отчетовъ по дѣламъ о диффамаціи и о клеветѣ въ печати. **545. 563.** Зависимость этого различія отъ первоначально предъявленнаго обвиненія. **565.**

Печать. — Значеніе печатнаго слова. **555. 556.**

Повальный обыскъ (дознаніе чрезъ окольныхъ людей). **454. 648.** Двоякая цѣль установленія дознанія чрезъ окольныхъ людей. **648.** Случаи практической трудности замѣны этого дознанія свидѣтельскими показаніями. **649.** Непримѣнимость дознанія чрезъ окольныхъ людей къ большимъ городамъ. **649.** Замѣна дознанія спросомъ свидѣтелей;— случаи *возможности* этой замѣны; случаи ея *необходимости.* **650.** Различіе показаній свидѣтелей и окольныхъ людей. **652.**

Повѣренные.—Уставъ таможенный, говоря о *хозяинѣ* товара, имѣетъ въ виду не *собственника,* а *распорядителя* товара. Поэтому *повѣренный* собственника можетъ отвѣчать по 766 ст. улож. о нак. **624. 626.** Содержаніе понятія о *хозяинѣ* по таможенному уставу. **625.**

Поддѣлка а) *поддѣлка акцій.* Сложность преступленія. **267.** Необходимыя условія для обвиненія. **268.** б) *поддѣлка кредитныхъ билетовъ.* Свойства этого преступленія. **90. 108.** Отсутствіе наличныхъ потерпѣвшихъ. **91. 112.** Способъ распространенія и его условія. **103. 104.** Неизбѣжность предварительнаго соглашенія между сбытчиками и поддѣлывателями. **611.**

Подлогъ.—Характеристика. **45. 46.** Способъ обсужденія *дѣйствительности* документа—а) возможность по отношеніямъ обвиняемаго и потерпѣвшаго. **51. 52.** б) соотвѣтствующая форма документа. **52** и в) способъ составленія документа. **55.** Распредѣленіе ролей между участниками подлога. **63.**

Подлогъ векселей.—Заявленіе спора о подлогѣ въ судѣ гражданскомъ и преслѣдованіе за подлогъ въ судѣ уголовномъ. **524. 526.** Основанія наказуемости *составленія* подложнаго векселя. **526.**

Подлогъ документовъ по таможеннымъ дѣламъ.—Различіе между обоими видами преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго 813 ст. улож. и подлогомъ по 362 ст. улож. **628.** Основанія сильнѣйшей наказуемости при совершеніи дѣянія, предусмотрѣннаго 362 ст. улож. **629.**

Подлогъ завѣщанія.—Вопросы, возникающіе при обвиненіи въ подлогѣ завѣщанія: а) *подложно ли самое завѣщаніе* (личность завѣщателя, содержаніе завѣщанія, условія его открытія, способъ его храненія, свидѣтели, подпись завѣщателя). **204. 212. 214. 220. 223. 226. 227,** б) *какимъ путемъ оно составлено.* **227** и в) *кто можетъ быть виновенъ въ подлогѣ* (лица, которымъ выгоденъ подлогъ—прямо или косвенно; сокрытіе слѣдовъ подлога, отношенія сообщниковъ). **236. 238. 243. 244.** При подлогѣ завѣщанія—главный вопросъ—о соотвѣтствіи сущности завѣщанія желаніямъ умершаго и о томъ, вытекаетъ ли оно изъ отношеній умершаго къ наслѣднику. **362.**

Подлогъ по службѣ (362 ст. улож. о нак.). Виды служебныхъ подлоговъ, предусмотрѣнныхъ 362 ст. улож. *Искаженіе* истины въ оффиціальныхъ документахъ и *сокрытіе* въ нихъ истины. **696.** Виды искаженія истины. Безусловная наличность намѣренія. **697.** Необходимость признанія намѣренія при сокрытіи истины. **698. 699.** Условія примѣненія 362 ст. улож. къ нарушеніямъ правилъ для совершенія и засвидѣтельствованія актовъ. **699.** Отличіе отъ нерадѣнія и неосмотрительности при письменныхъ служебныхъ сношеніяхъ. **699. 700.** Различіе статей 362 и 417 улож. о нак. **683. 684. 699.** Основанія наказуемости служебнаго подлога. **697.** Отношеніе преступности служебнаго подлога къ обстоятельствамъ, его вызвавшимъ. **706.** Для примѣненія 362 ст. улож. имѣетъ значеніе не форма документа, а его со-

держаніе и назначеніе. **491.** Скрѣпа подлежащей представленію по начальству копіи съ *завѣдомо* подложнаго документа, а также ложныя удостовѣренія о *дѣйствіяхъ* должностного лица, сдѣланныя не по неосмотрительности, соотвѣтствуютъ понятію служебнаго подлога. **682. 683.** Указаніе содержанія *личныхъ видовъ* въ вопросахъ суда по 362 ст. улож. **681.** Виды служебнаго подлога при злоупотребленіяхъ въ банковыхъ учрежденіяхъ. **680. 681 — 684.** Отвѣтственность гласныхъ думы, уполномоченныхъ для производства ревизіи въ городскомъ общественномъ банкѣ,—за служебный подлогъ. **684.** Случаи примѣненія 362 ст. улож. къ частнымъ лицамъ. **640.**

Поединокъ — см. *дуэль.*

Попустительство. — Основанія наказуемости. **246.**

Порядокъ.—Нарушеніе порядка въ судебномъ засѣданіи участвующими въ дѣлѣ лицами. Условія ихъ удаленія изъ засѣданія. **675.**

Потерпѣвшій отъ преступленія.— Опредѣленіе. **646.** Особыя свойства *казны* какъ потерпѣвшаго. **638.** Отсутствіе наличныхъ потерпѣвшихъ по дѣламъ о распространеніи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. **91.** Отсутствіе необходимости поименнаго обозначенія въ жалобѣ потерпѣвшаго каждаго изъ участниковъ банковаго злоупотребленія. **678.** Особенности показаній потерпѣвшаго. **123.** Значеніе способа и формы изложенія показанія потерпѣвшаго. **123. 395. 398.** Способъ возстановленія показаній умершаго потерпѣвшаго. **25.**

Пошлина таможенная.— Пятикратная пошлина по ст. 744, 746 и 766 устава таможеннаго содержитъ въ себѣ не одно вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные казнѣ, но и наказаніе. **601.**

Преданіе суду.—Различіе между *основательностью* данныхъ для преданія суду и *доказательностью* ихъ для осужденія. **588.** Разборъ дѣла по существу тѣмъ же судебнымъ учрежденіемъ, которое предало суду. **588.** Необходимое условіе такого разбора. **589.** Зависимость порядка преданія суду по преступленіямъ должности отъ цѣлей—*общественныхъ* или *частныхъ* — учрежденія, гдѣ служитъ обвиняемый. **666. 667.** Преданіе суду вольнонаемныхъ должностныхъ лицъ учрежденій, подвѣдомыхъ городскимъ думамъ. **666.**

Предварительное слѣдствіе.—Значеніе его въ ходѣ процесса. **647.** Границы и условія разсмотрѣнія слѣдственныхъ дѣйствій въ кассаціонномъ порядкѣ. **646. 647. 653.** Жалобы на пристрастное производство. **646.** Обжалованіе слѣдственныхъ дѣйствій *до* и *послѣ* поступленія дѣла въ судъ. **647.** Значеніе *непоправимости* нарушеній при предварительномъ слѣдствіи. **653.** Изложеніе свидѣтельскихъ показаній. **662.**

Предварительное соглашеніе.—Преступленія, въ коихъ предварительное соглашеніе всегда предполагается и гдѣ отсутствіе его должно быть точно доказано. **610.** Предварительное соглашеніе всегда придаетъ преступленію свойство умышленности. **690.** Особенности преступленій, совершенныхъ по предварительному соглашенію нѣсколькихъ лицъ. **369. 373.**

Предсѣдатель. — Условія правильнаго веденія дѣла съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. **587.** Обязанности предсѣдателя по охраненію порядка и спокойствія въ судебномъ засѣданіи. **675.** Условія пользованія дисциплинарною властью по отношенію къ участвующимъ въ дѣлѣ. **716. 717.** Принятіе мѣръ къ огражденію присяжныхъ засѣдателей отъ посторонняго вліянія. **714 — 715.** Право исключать изъ подлежащихъ прочтенію свидѣтельскихъ показаній бранныя или оскорбительныя для подсудимаго выраженія. **662.** Обязанность предостерегать присяжныхъ засѣдателей отъ неосторожныхъ заключеній о *личности* подсудимаго. **648.** Обязанность сообщать возвращенному въ залу засѣданія подсудимому о дѣйствіяхъ, происходившихъ въ его отсутствіе и лишь о *существѣ* данныхъ въ его отсутствіе показаній; необязательность изложенія содержанія рѣчей сторонъ. **671.** Обязанности предсѣдателя по устраненію *излишнихъ* вопросовъ, клонящихся къ постановкѣ свидѣтелей въ неловкое положеніе. **674.** Право предсѣдателя останавливать во время судебнаго слѣдствія вниманіе присяжныхъ засѣдателей на томъ или другомъ доказательствѣ. **718.** Права и обязанности по отношенію къ судебнымъ преніямъ. **710. 711.** Отсутствіе права требовать, отъ своего лица, доставленія на судъ новыхъ доказательствъ. **719.** См. также—*руководящее напутствіе присяжнымъ* и *судебныя пренія.*

Предположенія — въ дѣлахъ по косвеннымъ уликамъ.—Значеніе предположеній въ дѣлахъ объ отравленіи. **504.** Предположенія заднимъ числомъ. **506.**

Предумышленіе (обдуманное заранѣе намѣреніе и умыселъ). Содержаніе понятія о предумышленіи. **694.**

Преступленіе.—Оцѣнка значенія преступленія—общественнаго и лично для подсудимаго. **488.** Общественный характеръ преступленій противъ учрежденій поземельнаго кредита. **489.**

Приговоръ.—Значеніе правильнаго обвинительнаго приговора. **136.** Значеніе оправдательнаго приговора. **530. 531.**

Приготовленіе — къ убійству. Основанія наказуемости. **295.**

Присвоеніе (и растрата). Нравственное различіе присвоенія и растраты. **483.** Юридическое равнозначіе этихъ преступленій. **484.** Существенные признаки присвоенія. **486.** Значеніе степени оказаннаго довѣрія и отсутствія надлежащаго контроля—при обсужденіи виновности въ растратѣ или присвоеніи. **486.**

Присяжные засѣдатели.—а) Служебное порученіе какъ законная причина неявки присяжнаго засѣдателя. **712. 713.** Приводъ къ присягѣ. **713. 714.** Право присяжныхъ имѣть при себѣ судебнаго пристава до *рѣшительнаго* совѣщанія. **668.** Поведеніе присяжныхъ во время исполненія ими своихъ обязанностей. **714. 715.** — б) Задача суда присяжныхъ при рѣшеніи участи подсудимаго. **246. 247. 708. 709.** Обсужденіе дѣла присяжными. **670.** Раздѣленіе работы *суда* и *присяжныхъ*. **587.** Условія для признанія приговора присяжныхъ *судебнымъ рѣшеніемъ*. **688.** Задача присяжныхъ по отношенію къ нравственной оболочкѣ и бытовой обстановкѣ дѣянія. **527. 528.** Признаніе подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, въ виду права суда ходатайствовать о помилованіи. **386.** Значеніе для присяжныхъ предварительныхъ мѣръ, стѣснительныхъ для подсудимаго. **492. 493.** Различіе *оправданія* и *прощенія*. **492. 708.** Отношеніе присяжныхъ засѣдателей къ задачамъ законодательства—**493**; къ общественному мнѣнію — **246**; къ мнѣнію иностранцевъ. **493. 494.**—в) Вопросы факта, не подлежащіе разрѣшенію присяжныхъ. **596.** Противурѣчія въ отвѣтахъ присяжныхъ. **689. 693. 720.** Внутреннее противурѣчіе въ признаніи присяжными *вины* и *незнанія*, или—*вины* и *нежеланія* въ преступленіяхъ не неосторожныхъ. **693.**

Присяга.—Права суда по отношенію къ одновременному приводу къ присягѣ запасныхъ и комплектныхъ присяжныхъ засѣдателей. **713. 714.**

Прокуроръ.—Обязанности обвинителя. **55. 77. 400.** Роль и задачи обвинителя. **425.** Вызовъ свидѣтелей по 573 ст. уст. угол. суд. **651.** Необходимость заявленія о цѣляхъ вызова на судъ не спрошенныхъ при слѣдствіи свидѣтелей, — въ случаѣ требованія противной стороны. **590.**

Протоколъ. — Протоколъ *судебнаго засѣданія*. Значеніе отсутствія оговорокъ о помаркахъ и припискахъ. **676.** Время и способъ составленія протокола. **676.** Протоколы *объ обыскахъ, осмотрахъ, выемкахъ* и т. д. Условія отказа въ прочтеніи на судѣ. **675.**

Редакторъ.—Редакторъ повременнаго изданія отвѣтственъ не только за диффамацію, но и за клевету въ печати. **553. 556. 557. 559.** Основанія для оправданія редактора по обвиненію въ клеветѣ. **553. 560.**

Условія уголовной отвѣтственности. **561.** Значеніе и условія дѣятельности редактора. **558. 559.** Взаимное отношеніе редактора и автора при клеветѣ въ печати. **559.** Французскій законъ объ отвѣтственности редактора. **559.**

Руководящее напутствіе присяжнымъ (заключительное слово предсѣдателя).—Роль предсѣдателя по отношенію къ руководящему напутствію. **673. 701. 702.** Назначеніе руководящаго напутствія. **791.** Содержаніе его. **673.** Обязанность предсѣдателя — оцѣнивать представленныя по дѣлу доказательства и разъяснять свойство и значеніе подлежащаго обсужденію преступленія **673. 703. 706. 707;** возстановлять *извращенную уголовную перспективу* **674. 702;** предостерегать присяжныхъ отъ неосторожныхъ заключеній о личности подсудимаго **648;** указывать на степень обязательности заключенія экспертовъ **659. 661** и на *доказательную стоимость* ссылокъ сторонъ на непровѣренныя судомъ обстоятельства. **593.** Выясненіе основаній и границъ оправданія. **708. 709.** Опроверженіе несогласныхъ съ закономъ заявленій о грозящемъ подсудимому наказаніи. **720.**

Самоубійство.—Оцѣнка возможности самоубійства. Поводъ, способъ и время выполненія. **15—17. 427.** Особенности самоубійства у женщинъ. **16.** Нѣкоторыя стороны современнаго развитія самоубійствъ. **512.**

Свидѣтели.—Неявка свидѣтеля, живущаго въ другомъ судебномъ округѣ. **592.** Признаніе законности неявки свидѣтеля не имѣетъ связи съ разрѣшеніемъ вопроса о *существенности* его показанія. **591.** Прочтеніе показанія существеннаго свидѣтеля, не явившагося безъ законной причины. **715.** При сліяніи въ одномъ лицѣ свидѣтеля и участвующаго въ дѣлѣ лица, законъ отдаетъ преимущество свидѣтелю, т. е. *матеріалу* для дѣла передъ *участникомъ* дѣла. **594.** *Показанія свидѣтелей.* Значеніе личности свидѣтеля и оцѣнка способа дачи имъ показанія **7. 8.** Оцѣнка содержанія и происхожденія показанія. **8. 9.** Провѣрка правдивости показанія свидѣтеля. **69. 72. 75.** Опасность лжесвидѣтельства. **81.** Показанія заподозрѣнныхъ людей. **98.** Содержаніе показаній свидѣтеля, производившаго дознаніе по дѣлу. **593.** Допросъ свидѣтелей о занятіяхъ, образѣ жизни и связяхъ обвиняемаго. **650.** Свойства показаній такихъ свидѣтелей. Способы устраненія ихъ односторонности. Необходимое условіе ихъ допущенія. **651. 652.** Право свидѣтеля не отвѣчать на вопросы лично—обвинительнаго характера. **674.** Изложеніе свидѣтельскихъ показаній въ протоколахъ. **662.** Право суда исключать, по особому постановленію, изъ подлежащихъ прочтенію показаній свидѣтеля бранныя и оскорбительныя выраженія. **662.** Значеніе невызова подсудимымъ въ судъ нѣкоторыхъ свидѣтелей въ свою пользу. **505.**

Скопчество.—Общая характеристика дѣлъ о скопчествѣ. **140.** Происхожденіе скопчества. **142.** Виды оскопленія и обряды скопчества. **26. 142. 143.** Физическія и моральныя послѣдствія оскопленія. **144. 149.** Склонность скопцовъ къ прозелитизму и способы распространенія скопчества. **145.** Духовные скопцы. **146.** Основанія наказуемости. **147. 148. 158.** Пріемы оправданія у скопцовъ. **150. 151.** Скопческая обстановка. **153. 156.**

Совокупность.—Совокупность *поглощающая* и *слагающая*. При взысканіяхъ за нарушенія уставовъ казенныхъ управленій примѣняется исключительно послѣдняя. **598. 601. 602. 606.** Непримѣнимость совокупности поглощающей къ особымъ взысканіямъ за спеціальныя нарушенія. **605.** Два рода такихъ нарушеній,—ихъ различіе и виды. **605. 606.** Иностранная судебная практика по отношенію къ слагающей совокупности. **607.**

Сознаніе.—Собственное сознаніе какъ доказательство. Значеніе его и виды,—полное, неполное, добровольное, вынужденное обстоятельствами. **162. 300. 482.** Способъ провѣрки правильности сознанія. **163.** Опасность обвиненія на основаніи одного лишь собственнаго сознанія. **482.** Обычный путь собственнаго сознанія при обвиненіяхъ по косвеннымъ уликамъ. **168.** Сознаніе *подозрѣваемаго, обвиняемаго* и *подсудимаго*. **169.** Критическое отношеніе къ объясненію намѣренія при сознаніи, вынужденномъ обстоятельствами. **302.**

Сомнѣніе.—Значеніе сомнѣнія въ виновности. **107. 554.** Выраженіе сомнѣнія въ приговорѣ. **583.** Толкованіе сомнѣнія *въ пользу подсудимаго* основывается на обычаѣ, а не на предписаніи закона. **673.**

Снисхожденіе.—Область *обстоятельствъ дѣла*, на которыхъ можетъ быть основано признаніе подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія. **514.**

Сообвиняемый.—Показаніе сообвиняемаго, данное до впаденія имъ въ разстройство умственныхъ способностей, можетъ быть прочитано на судѣ. **592.**

Судъ.—Судъ—живой организмъ на потребу населенію, а не мертвый механизмъ. **548.** Призваніе уголовнаго суда. **557.** Задачи суда при обсужденіи виновности. **459. 558. 648.** Самодѣятельность суда въ разборѣ доказательствъ. **654.** Раздѣленіе работы между судомъ и присяжными засѣдателями. **587.** Различіе задачъ суда въ обсужденіи доказательствъ при преданіи суду и при окончательномъ сужденіи. **588.** Обязанность суда выражаться точнымъ и опредѣленнымъ языкомъ. **583.** Судъ гражданскій и судъ уголовный. Различіе ихъ по назначенію и по пріемамъ. **524. 525.**

Судебное состязаніе.—Судебное состязаніе обнимаетъ собою не только пренія, но и все судебное слѣдствіе. **702.** Цѣль судебнаго состязанія. **646. 656.** Количественное соотношеніе сторонъ. **656.**

Судебныя пренія.—Право предсѣдателя обращать стороны къ исполненію ихъ прямыхъ обязанностей и устранять въ преніяхъ все излишнее. **710.** Обязанность предсѣдателя *своевременно* остановить объясненіе стороны, направленное къ неправильному истолкованію дѣйствій судебной власти и къ возбужденію въ присяжныхъ предубѣжденія. **711.** См. также—*предсѣдатель.*

Судебная медицина.—Настоящее ея положеніе. Ея задачи. Значеніе судебно-медицинскихъ предположеній. **408.** Обязанности судебнаго врача при изслѣдованіи дѣла. **396.**

Таможенный уставъ.—а) *Таможенный досмотръ.* Порядокъ досмотра. **630. 631.** Значеніе отвѣснаго листка. О подписи на немъ хозяина товара. **631. 632.** Цѣль установленія отвѣснаго листка. **636.** Право управляющаго таможнею установлять необходимыя формальности по отношенію къ таможеннымъ обрядностямъ. **633.** Обязательность этихъ формальностей для частныхъ лицъ. **634.** б) *Нарушенія таможеннаго устава.* Связь преступной дѣятельности товарохозяевъ съ дѣятельностью таможенныхъ чиновниковъ. **638. 640.** Наказаніе товарохозяевъ за соучастіе въ служебныхъ преступленіяхъ таможенныхъ чиновниковъ. **638. 639. 641.** Основанія такой наказуемости. Охраненіе казеннаго интереса. **641.**

Убійство.—а) *Убійство по внезапному умыслу.* Характеръ дѣйствій виновнаго. **304. 305.** б) *Убійство предумышленное.* Понятіе о предумышленіи. **694.** Обстановка дѣйствій виновнаго. **304. 305.** в) *Убійство въ запальчивости и раздраженіи.* Существенныя свойства этого преступленія. **325.** Конструкція обвиненія въ этомъ дѣяніи. **326. 348.** Характеристическія свойства запальчивости. **134.** г) *Убійство въ дракѣ.* Отличіе отъ убійства въ запальчивости и раздраженіи. **347.** д) Лишеніе жизни вслѣдствіе нанесенія *побоевъ съ намѣреніемъ* (ст. 1464 улож. о нак.). Основаніе наказуемости. **402.** Причинная связь побоевъ и смерти. **416.** Условія наличности этой причинной связи. **417.** Значеніе стеченія особыхъ обстоятельствъ, обусловившихъ смерть. **411. 418.** е) *Лишеніе жизни по неосторожности* (ст. 1468 улож. о нак.). Неосторожность дѣятельная и неосторожность бездѣйствія. **458.** Отношеніе свойствъ *орудія* убійства, времени и способа дѣйствія имъ и мѣста поврежденія—къ намѣренію обвиняемаго. **344—346.**

Убѣжденіе.—Убѣжденіе въ виновности. **554.** Способъ его выраженія. **583.**

Увеличивающія вину обстоятельства — 458. 471.

Улики (косвенныя доказательства). Способъ провѣрки и сопоставленія ихъ между собою. 443. 444. Условія связи уликъ между собою. 226. Предположенія и улики. 504. 506.

Уменьшающія вину обстоятельства. — Необходимость отличія уменьшающихъ вину обстоятельствъ отъ основаній къ оправданію. 708. Зависимость отъ болѣе сильныхъ умственно и матеріально лицъ. 246. Тяжкое физическое страданіе. 246. Сильныя нравственныя страданія. 349. Раскаяніе. 129. Стремленіе исправить, по возможности, причиненное зло. 459. Родственныя чувства. 176. Семейная нужда. 386. *Отсутствіе* обстоятельствъ, уменьшающихъ вину. 175. 245. 296. 349. 684. 685.

Умыселъ. — Опредѣленіе. Отличіе отъ намѣренія и связь съ нимъ. 694. Отрицаніе умысла въ дѣяніи подсудимаго равносильно отрицанію *сознательности* его дѣйствій. 690. Умыселъ, какъ существенный признакъ преступленій, совершенныхъ не по неосторожности. 694.

Цѣль преступленія. — Различные виды преступной цѣли и случаи, когда она должна быть принимаема во вниманіе. 695. Различное значеніе цѣли при подлогахъ по службѣ (ст. 362 улож. о нак.). 697. 699. 700. 705. Значеніе цѣли, какъ опредѣляющаго виновность начала. 695. 706. 707. Неразрывная связь ближайшей цѣли съ преступнымъ дѣйствіемъ при похищеніяхъ имущества. 679.

Частное обвиненіе.—Отмѣна или измѣненіе приговора первой инстанціи по дѣламъ въ порядкѣ частнаго обвиненія—могутъ быть совершаемы исключительно въ предѣлахъ предъявленнаго этой инстанціи обвиненія. 546.

Частный обвинитель.—Значеніе жалобы частнаго обвинителя. 567. Частный обвинитель не обязанъ указывать суду первой инстанціи наказаніе, слѣдующее обвиняемому и, въ особенности, мѣру этого наказанія. 547. По дѣламъ объ *оскорбленіяхъ въ печати* частный обвинитель обязанъ квалифицировать дѣяніе своего обидчика. 565. 568. Основаніе этого требованія. 566. 567. Въ дѣлахъ объ оскорбленіяхъ въ печати, частный обвинитель не можетъ обращать къ *подсудимому* обвиненія, которое *не было* послѣднему предъявлено какъ *обвиняемому*. 570.

Экспертиза.—Двоякое значеніе *эксперта:* по формѣ и обстановкѣ показанія—какъ *свидѣтеля,* по содержанію показанія—какъ *научнаго или техническаго судьи.* 658. 659. Экспертиза *бухгалтерская.* Условія ея достовѣрности. 482. 527. Экспертиза *каллиграфическая.* 226.

227. 509. Экспертиза *психіатрическая.* **234.** Экспертиза *судебно-медицинская.* Обязанности судебнаго врача. **396.** Отношеніе суда къ выводамъ и сомнѣніямъ судебнаго врача. **429.** Необходимость провѣрки этихъ выводовъ житейскою обстановкою и другими данными дѣла. **434. 435.** Право эксперта судебнаго врача подвергать научной провѣркѣ объясненія участниковъ преступнаго событія о происхожденіи поврежденій, подлежащихъ судебно-медицинскому изслѣдованію. **659.** *Психологическая діагностика* и ея значеніе. **659. 661.** Форма выводовъ эксперта. **661.** Судебно-медицинскіе вопросы при обсужденіи дѣлъ о побояхъ и поврежденіяхъ, повлекшихъ за собою смерть. Скоротечная бугорчатка легкихъ какъ результатъ малокровія, вызваннаго обильнымъ кровотеченіемъ,—и сильнаго душевнаго потрясенія — при тѣлесныхъ поврежденіяхъ и побояхъ. **411.** Сотрясеніе мозга. **409.** Его признаки и отличіе отъ тифозной горячки. **410.**

СТАТЬИ ЗАКОНА,

НА КОТОРЫЯ СДѢЛАНЫ ССЫЛКИ ВЪ РѢЧАХЪ.

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ.

Учрежденіе судебныхъ установленій.

Статьи.	Страницы.	Статьи.	Страницы.
82	712, 713	249	662
154	675	262	720
157	675	267	720
		362	663

Уставъ уголовнаго судопроизводства.

Статьи.	Страницы.	Статьи.	Страницы.
6	656	353	592
12	615	356	592
273	646	383 прим. 1	602
274	646	388	715
301	547	408	662
302	656	409	662
303	547	449	650
306	547	454	648
307	547	457	649
325	622	458	662
335	622		

Статьи.	Страницы.
462	650
464	650
466	648
471	661
491	646
509	
520	667
	566
526	566
528	588
528^1	
528^2	
534	653
544	721
545	569
546	
547	567
	647
549	647
573	590
	651
600	646
611	670
	709
	711
	715
612	670
613	717
614	670
	718
615	714
616	715
617	710
620	709
625	718
	719
626	715
628	594
629	717

Статьи.	Страницы.
630	593
	670
	715
	718
631	709
634	590
642	591
650 п. 4	715
650 п. 1	711
	712
661	669
662	
664	713
666	
675	714
	715
687	676
	718
694	594
701	670
707 п. 5	650
709	594
716	654
718	
729	670
	671
734	590
737	710
739	711
742	671
	709
745	710
746	720
747	
750	676
752	677
754	720
760	681

Статьи.	Страницы.
801	593, 654, 673, 707
802	593, 673
804	593, 707
801	654
812	654
812	689
816	689, 690, 701
827	596, 597
835	676
841	676
842	665
844	665
889	546
891	547
911	656
974	621
990	721
993	722
1080	663
1087	667
1089	667
1124	598
1126	604
1136	625
1139	625
1148	625
1149	625
1182	589
1184	589
1213[12]	566
1213[15]	545

Уставъ гражданскаго судопроизводства.

Статья 962, 963, 964	Стран. 521
„ 1131, 1132, 1133, 1134, 1135, 1136	„ 588

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями.

Статьи.	Страницы.
9	575, 580, 581
54	605
56	606
57[1]	606
59	606
61	606
136	575, 583
143	657

Уложеніе о наказаніяхъ.

Статьи.	Страницы.
4	580
5	
7	694
8	
9	
10	
12	558
13	609
	610
14	246
15	558
30 п. VII . .	612
59	611
65	613
110	581
112	642
118	638
119	609
125	638
129	458
134	459
151	642
152 п. 8 . .	597
	599
158	545
	607
160	609
263	609
266	
294	636
	637
332	695
347	660
354	706
359	695

Статьи.	Страницы.
	629
	636
	637
	639
	640
	680
	681
362	682
	683
	696
	697
	698
	699
	700
	701
366	695
367	
368	
369	
374	640
	642
382	640
	642
410	699
411	
417	663
	669
457	695
458	
461	699
468	
569	612
707	612
731	612

Статьи.	Страницы.
744	600
746	
756	609
766	600
811	614
812	607
813	613
	627
	628
990	470
1039	543
	544
1040	545
1044	559
1153	692
1154	636
	667
1155	692
1157	692
1198	692
1199	
1301	695
	699
	695

Статьи.	Страницы.
1412	707
1418	
1434	695
1454	304
	305
1455	304
	305
1457	295
1464	418
1465	347
1468	458
1525	657
1532	
1535	542
	546
1665	636
	637
1671	637
1688	695
1690	637
1698	636
1709	526
1710	695

Законы гражданскіе.

(1 ч. X т. С. З.).

Статья	174	Стран.	657
„	194	„	657
„	648	„	611
„	683	„	623
„	684	„	612

Общее губернское учрежденіе.

(Томъ II, ч. 1. Св. Зак.).

Статья	2103	Стран.	684
„	2103		
„	2104		
„	2105	„	666
„	2106		
„	2107		
„	2108	„	666
		„	692
„	2020	„	684

Уставъ таможенный.

(Т. VI. Св. Закон.).

Статьи.	Страницы.
2 прим. п. 5	614
280	639
281	640
283	630, 638
284	639
328	633
329	633
421	616
424	616
443	616
689	604
690	605
743	627
760	606
764	606
770 прим.	616
816	630
817	634
820	635
823	635
920	608
922	614
925	614
940	632
985	619
1330	619
1813	600
1814	603
1816	601, 602

Уставъ сельскій судебный.

(Т. XII. Св. Зак.).

Статья 415 . . . . . Стран. 679
„ 274 . . . . . „ 679

Уставъ судебной медицины.

(Т. XIII. Св. Зак.).

Статья 1744 . . . . . Стран. 396
„ 1745 . . . . . „ 397
„ 1753 . . . . . „ 658
„ 1804 . . . . . „ 396

Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.

(Т. XIV. Св. Зак.).

Статья 444 . . . . . Стран. 462
„ 448 . . . . . „ 464
. . . . . „ 467
„ 512 . . . . . „ 471

Уставъ городскихъ общественныхъ банковъ.

Статья 21 . . . . . Стран. 683

Нормальный уставъ земельныхъ банковъ.

§ 95 . . . . . Стран. 692

Всемилостивѣйшій манифестъ 15 мая 1883 года.

Статья VII. 1. 2. . . . . Стран. 603
. . . . . „ 608
. . . . . „ 678

Германское уголовное уложеніе.

§ 58 . . . . . Стран. 607
§ 186 . . . . . „ 541
. . . . . „ 554
. . . . . „ 581
§ 187 . . . . . „ 554

Венгерское уголовное уложеніе 1878 г.

§ 265 . . . . . Стран. 540

Французскій законъ о свободѣ печати.

(29 іюля 1881 г.).

Гл. V. § 1. Стат. 42 и 43 . . . Стран. 558

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
9	20 сверху	Лукерья	Аграфена
37	7 снизу	но сколько могъ	насколько могъ
273	10 снизу	его взгяду	его взгляду
280	31 сверху	совмѣщющихъ	совмѣщающихъ
—	2 снизу	дозвозяется	дозволяется
434	13 снизу	«имбибаціи»	«имбибиціи»
455	5 сверху	147	174

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Вмѣсто предисловія I

ОБВИНИТЕЛЬНЫЯ РѢЧИ.

I. По дѣлу объ утопленіи крестьянки Емельяновой ея мужемъ 3

II. По дѣлу о расхищеніи имущества умершаго Николая Солодовникова 20

III. По дѣлу о подлогѣ росписки въ 35,000 руб. сер. отъ имени княгини Щербатовой 38

IV. По дѣлу о лжеприсягѣ въ бракоразводномъ дѣлѣ супруговъ З—ныхъ 65

V. По дѣлу о Станиславѣ и Эмилѣ Янсенахъ, обвиняемыхъ во ввозѣ въ Россію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и Герминіи Акаръ, обвиняемой въ сбытѣ и въ обращеніе такихъ билетовъ . . . 82

VI. По дѣлу объ убійствѣ Статскаго Совѣтника Рыжова. 113

VII. По дѣлу объ оскопленіи купеческаго сына Горшкова. 137

VIII. По дѣлу объ убійствѣ Филиппа Штрамъ 159

IX. По дѣлу о подлогѣ завѣщанія отъ имени купца Козьмы Бѣляева 177

X. По дѣлу объ акушерѣ Колосовѣ и дворянинѣ Ярошевичѣ, обвиняемыхъ въ участіи въ поддѣлкѣ акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги, а послѣдній, кромѣ того, въ приготовленіи къ отравленію 248

XI. По дѣлу объ убійствѣ Іеромонаха Иларіона 297

XII. По дѣлу объ убійствѣ Коллежскаго Ассесора Чихачева. 309

стран.

XIII. По дѣлу о подлогѣ завѣщанія гвардіи капитана Сѣдкова 350
XIV. По дѣлу о нанесеніи Губернскимъ Секретаремъ Дорошенко мѣщанину Северину побоевъ, вызвавшихъ смерть послѣдняго 387
XV. По дѣлу объ убійствѣ отставного рядового Бѣлова . 420
XVI. По дѣлу о Коллежскомъ Секретарѣ Андреевѣ, обвиняемомъ въ несоблюденіи правилъ осторожности, причинившемъ смерть крестьянину Липовому . . 445
XVII. По дѣлу объ игорномъ домѣ Штабсъ-Ротмистра Колемина 460

РУКОВОДЯЩІЯ НАПУТСТВІЯ ПРИСЯЖНЫМЪ.

I. По дѣлу Коллежскаго Совѣтника Константина Юханцева, обвиняемаго въ растратѣ суммъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита 475
II. По дѣлу о французской подданной Маргаритѣ Жюжанъ, обвиняемой въ отравленіи 495
III. По дѣлу Гулакъ-Артемовской и Богданова, обвиняемыхъ въ подлогѣ векселей 515

КАССАЦІОННЫЯ ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

I. По дѣлу объ отставномъ подполковникѣ Соболевскомъ, обвиняемомъ въ клеветѣ въ печати 535
II. По дѣлу о редакторѣ газеты «Новое Время» Коллежскомъ Ассесорѣ Федоровѣ, [illegible] ст. улож. . . . . [illegible]
III. По дѣлу купца Адольфа Лав[illegible] клеветѣ . . . . . [illegible]
IV. По дѣлу о злоупотребленіяхъ въ [illegible]
V. По дѣлу бывшаго нотаріуса Назарова, обвиняемаго по 1525 ст. улож. 644
VI. По дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Скопинскомъ городскомъ общественномъ банкѣ 664
VII. По дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ земельномъ банкѣ 686
Алфавитный указатель объясненій и толкованій 723
Указатель статей закона 738